

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

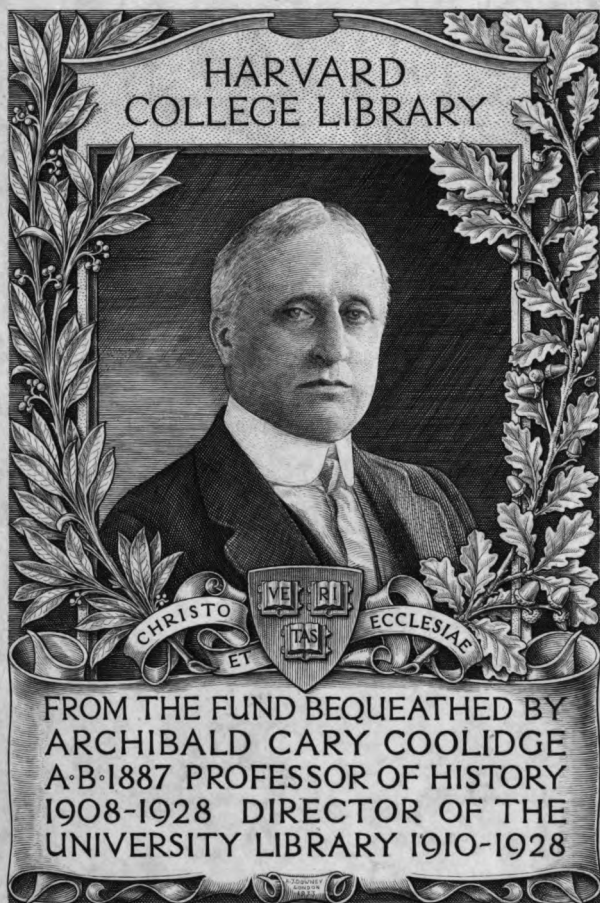
About Google Book Search

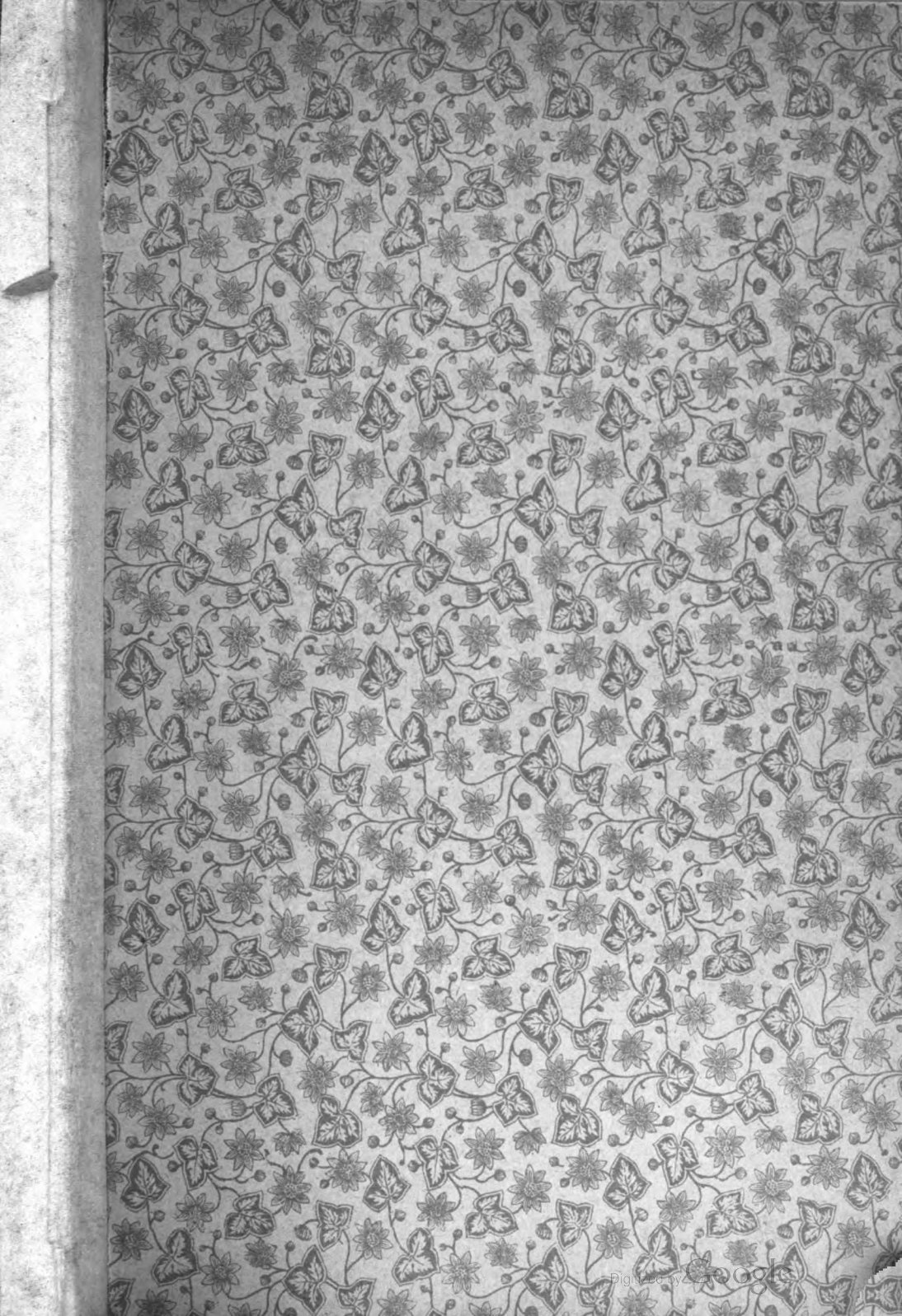
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HX NUCY K

Slav
5522
2. 4

22

Д. И. Эварницкій.

ИСТОРІЯ
ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.
1895.

Российская Империя

✓ Slav 5522.2.4

HARVARD COLLEGE LIBRARY
COOLIDGE FUND

APR 29 1938

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Весь второй томъ Исторіи запорожскихъ козаковъ написанъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: авторъ труда находился вдали отъ столицы больше чѣмъ на пять тысячъ верстъ разстоянія. Живя то въ Ташкентѣ, то въ Самаркандѣ, авторъ испытывалъ нерѣдко такое затрудненіе, о которомъ ученый Европейской Россіи и самаго слабаго представленія не можетъ имѣть: какая-нибудь ничтожнѣйшая справка, стоящая въ столицѣ двадцать минутъ времени, въ Туркестанскомъ краѣ стоитъ два мѣсяца времени. Къ этому надо прибавить полное отсутствіе въ краѣ людей, интересующихся исторіей вообще и исторіей южной Россіи въ частности: ни спросить совѣта, ни подѣлиться мыслями, ни выслушать дѣльнаго замѣчанія—ничего того нельзя было найти ни въ Ташкентѣ, ни въ Самаркандѣ. Оттого написать Исторію запорожскихъ козаковъ въ Туркестанскомъ краѣ было почти такую же задачу, какъ переплыть въ первобытной лодкѣ Каспійское море. Независимо отъ разстоянія, немалую трудность составляла при написаніи Исторіи запорожскихъ козаковъ новизна самаго дѣла: отъ начала запорожскаго козачества до первой половины XVIII столѣтія исторія низовыхъ козаковъ представляла собой настоящую terra incognita или непочатое поле, если не считать отдѣльных, и то весьма немногихъ, статей по отдѣльнымъ, опять-таки весьма немногимъ, вопросамъ. Поэтому возможно, что многіе найдутъ не мало пробѣловъ въ настоящемъ трудѣ автора; но авторъ, свято уважая мнѣніе всякаго человѣка, нисколько не будетъ смущенъ указаніемъ на всѣ недостатки Исторіи. Въ основа-

*

ніе второго тома Исторіи запорожскихъ козаковъ положены главнымъ образомъ подлинныя письма историческихъ лицъ и современные событіямъ акты. Послѣ писемъ и актовъ брались во вниманіе лѣтописцы, малороссійскіе и польскіе, а потомъ изслѣдователи настоящаго и прошлаго столѣтія. Авторъ избѣгалъ давать обобщенія событіямъ и давалъ ихъ лишь въ такой мѣрѣ, сколько позволяли дѣлать то самыя матеріалы. Весь второй томъ заключаетъ въ себѣ пространство времени отъ 1471 года по 1686 годъ и можетъ быть раздѣленъ на три періода: періодъ образованія запорожскаго козачества съ 1471 по 1583; періодъ борьбы противъ Польши за религіозно-національную независимость южной Руси съ 1583 по 1657; періодъ участія въ борьбѣ за религіозно-національную независимость правобережной Украины противъ Польши, Крыма и Турціи съ 1657 по 1686 годъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе козаковъ.—Козаки татарскіе; козаки южнорусскіе; козаки низовые или запорожскіе.—Причины появленія южнорусскаго козачества.—Начало отдѣленія запорожскихъ козаковъ отъ украинскихъ.—Шесть періодовъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ.—Смѣшиваніе запорожскихъ козаковъ съ украинскими въ Москвѣ и строгое различіе ихъ самихъ отъ гетманскихъ козаковъ.—Первые вожди, соединившіе для общей цѣли козаковъ.—Князь Дмитрій Вишневецкій, его походъ на низовье Днѣпра, первая попытка основанія Сичи на островѣ Хортицѣ, служба русскому царю, польскому королю, походъ въ Молдавію и трагическая кончина въ Царьградѣ.

Какъ всѣ основы нашей политической и религіозной жизни коренятся въ колыбели рода человѣческаго, Средней Азіи, такъ и начала козачества надо искать не въ Европѣ, а въ Азіи. Къ этому приводятъ насъ какъ филологическія соображенія, такъ и историческія данныя. Слово «козакъ» или, правильнѣе, «казакъ» — несомнѣнно, восточное слово, подобно словамъ «аксакъ, аракъ, байракъ, бузакъ, бурчакъ, гайдамакъ, инакъ, кабакъ, кишлакъ, кулакъ, кунакъ, сугакъ, табакъ, чу(а)пракъ, чумакъ» и многія другія въ этомъ родѣ слова, имѣющія весьма распространенное во многихъ тюркскихъ словахъ окончаніе «акъ». У туземцевъ Средней Азіи, сартовъ, въ настоящее время въ употребленіи слово «казакы», что значитъ пороховница ¹⁾. Названіе это заимствовано сартами отъ киргизовъ, кочевого и воинственнаго народа Средней Азіи, которые сами себя всегда называли и теперь называютъ не киргизами, а казаками: «кыркызыъ» или «киргизъ» есть только одинъ изъ многочисленныхъ родовъ, на которые дѣлятся «казаки». Многіе изъ называемыхъ нами «киргизами» вовсе даже не знаютъ этого названія и при вопросѣ, кто они, всегда отвѣчаютъ, что они «казаки». «Казакъ» съ гордостью отличаетъ себя отъ сарта, таджика, таранчи,—отъ всѣхъ осѣдлыхъ, невоинственныхъ, облѣнившихся, обнѣжившихся людей.

¹⁾ Наливкинъ, Сартовско-русскій словарь, Казань, 1884, 57.

Сами осѣдлые жители Средней Азіи, произнося слово «казакъ», разумѣютъ подъ нимъ челоуѣка неосѣдлаго, подвижного, всегда готоваго къ войнѣ, склоннаго къ разбоямъ, грабежамъ, захватамъ. Искони вѣковъ «казаки», обитавшіе въ Средней Азіи, называли себя этимъ именемъ (казакъ, кайсакъ); съ этимъ именемъ они извѣстны туземнымъ среднеазіатскимъ историкамъ, каковъ, между прочимъ, кокандскій повѣствователь Ніазъ-Мухаммадъ; съ этимъ же именемъ они уже въ первой половинѣ XVI столѣтія дѣлали приступы къ большимъ и многолюднымъ городамъ Средней Азіи, много разъ побѣждали правителей ихъ ¹⁾ и подъ конецъ уступили только силѣ могущественнаго бухарскаго эмира ²⁾.

Ученые языковѣды въ словѣ «казакъ», или полнѣе «кай-сакъ», видятъ два слова «кай»—легко и «сакъ»—вьюкъ, т.-е. легковьючный. Тѣ же ученые слово «сакъ» видятъ въ имени древнѣйшихъ обитателей Турана (теперешняго Туркестана), сакъвъ, народа арійскаго происхожденія; для туранскихъ арійцевъ названіе «сакъ» было такимъ же нарицательнымъ, какъ въ наше время названіе «чернокожій», «желтокожій». Это же слово «сакъ» и съ тѣмъ же значеніемъ «мѣшокъ» или «походный вьюкъ» сдѣлалось достояніемъ большинства народовъ арійскаго происхожденія, не исключая даже и славянъ, у которыхъ было въ употребленіи слово «сак—ва» въ значеніи вьючной сѣтки. У древнѣйшихъ арійцевъ слово «сакъ» переняли тюрки и образовали изъ него сложное «кай-сакъ», т.-е. легковьючный ³⁾.

Такимъ образомъ и понятіе, и названіе слова «казакъ» впервые встрѣчается въ Средней Азіи, откуда оно, очевидно, перешло и въ европейскую Россію. Перейти же въ Россію оно могло только съ приходомъ въ нее тюрко-татаръ, на что указываетъ и то обстоятельство, что до появленія тюрко-татаръ, на югѣ Руси ни въ одномъ спискѣ русскихъ лѣтописей не встрѣчается слово «казакъ».

Впервые слово «казакъ» дѣлается извѣстнымъ у половцевъ, народовъ тюркскаго происхожденія, съ XI вѣка по Р. X; на языкѣ половцевъ «казакъ» означало «стража, передоваго, ночнаго и дневнаго» ⁴⁾. Въ теченіе XII, XIII и XIV вѣковъ извѣстій о

¹⁾ Левшинъ, Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ, Спб., 1832, II, 47.

²⁾ Эварницкій, Путеводитель по Средней Азіи, Ташкентъ, 1893, 171, 173.

³⁾ Фирсовъ, Новости, 1893, декабрь 24, № 354.

⁴⁾ Голубовскій, Печенѣги, торки и половцы, Кіевъ, 1884, 211.

козакахъ ни въ какихъ источникахъ не имѣется. Зато съ конца XV вѣка барону Герберштейну, прїѣзжавшему на Русь отъ нѣмецкаго императора Максимильяна къ великому князю Василию III, извѣстна была уже цѣлая орда кайсацкая ¹⁾. Съ этого же времени идутъ послѣдовательныя указанія о существованіи козаковъ въ разныхъ мѣстахъ южной Россіи.

Въ 1469 году многочисленное татарское войско, составившееся за Волгой изъ бѣглецовъ, разбойниковъ и изгнанниковъ и назвавшееся козаками, по словамъ польскаго историка Длугоша, прошло отъ Волги за Днѣпръ и опустошило Подолію ²⁾. Въ 1492 году, при томъ же князѣ Иванѣ III и крымскомъ ханѣ Менгли-Гераѣ, стали извѣстны ордынскіе козаки. Въ 1501 году Иванъ III жаловался турецкому султану на азовскихъ козаковъ, отъ которыхъ сильно страдали наши послы и купцы ³⁾. Нѣсколько позже этого сынъ Ивана III, Василій Ивановичъ, требовалъ отъ султана, чтобы онъ запретилъ азовскимъ и бѣлогородскимъ козакамъ подавать помощь Литвѣ, воевавшей съ Москвой; въ то же время, когда русскій посолъ Коробовъ, бывшій въ Азовѣ, потребовалъ себѣ провожатыхъ для проѣзда черезъ степи, то ему отвѣчали, что въ провожатые, за отсутствіемъ азовскихъ козаковъ, ему некого дать ⁴⁾. Въ 1510 году извѣстны были козаки въ Бѣлогородѣ или Аккерманѣ, Перекопѣ и Крыму. Въ Крыму всѣ татары этого времени раздѣлялись на три сословія: угланъ или уланъ ⁵⁾, князей и козаковъ; улане принадлежали къ верхнему сословію; князья—къ среднему, владѣвшему поземельной собственностью, но зато постоянно воевавшему и отъ этого получавшему добычу; козаки—къ низшему сословію ⁶⁾. Крымскій ханъ Менгли-Герай, заключая договоръ съ русскимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, обѣщалъ не дозволять «воевать ни уланамъ, ни князьямъ, ни, козакамъ» ⁷⁾. Въ этомъ же 1510 году великій князь литовскій Сигизмундъ I жаловался крымскому хану на перекопскихъ

¹⁾ Герберштейнъ, Записки о Московіи, Спб., 1866, 139.

²⁾ Мельникъ, Мемуары южной Руси, Кіевъ, 1890, I, 68; прим. 2-е.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1855, V, 117.

⁴⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла турец., № 1, 63, 160, 244.

⁵⁾ Углане—многочисленные потомки царей отъ разныхъ женъ.

⁶⁾ Хартахай, Историч. судьба крым. татаръ, Вѣст. Евр., 1866, VI.

⁷⁾ Зубрицкій, Критико-историческая повѣсть о Червоной Руси, Москва, 1845, 388.

козаковъ, нападавшихъ на литовскія области. Въ 1516 году крымскій ханъ Мухаммадъ-Герай писалъ Сигизмунду I, что происшедшее нападеніе татаръ на Украину сдѣлано было бѣлогородскими козаками ¹⁾. Въ 1550 году литовскій писатель, Михалонъ Литвинъ, между разными татарскими ордами упоминаетъ и о козацкой ордѣ ²⁾. Въ 1561 году перекопскій царь писалъ польскому королю Сигизмунду-Августу о желаніи 24-хъ бѣлогородскихъ татарскихъ козаковъ «оказать службу литовскому государю идти на землю московскую»; приложенныя при письмѣ перекопскаго царя имена бѣлогородскихъ козаковъ всѣ восточнаго происхожденія, каковы: Аглаберды, Али-чембей, Акмалла-ага, Бакай-ага, Бассанъ-али, Джарлы-ага, Чабанъ-ага и другія ³⁾.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о татарскихъ козакахъ находимъ извѣстіе и о южнорусскихъ. По мнѣнію Максимовича, исторически извѣстными становятся на Украинѣ козаки уже съ 1471 года, когда кіевское княжество обращено было въ воеводство ⁴⁾. По извѣстію лѣтописца XVI вѣка, Мартина Бѣльскаго, въ 1489 году, во время преслѣдованія татаръ, ворвавшихся въ Подолію, сыномъ короля Казимира IV, Яномъ Альбрехтомъ, впереди литовскаго войска шли до притока Буга, Саврана, козаки, хорошо знавшіе мѣстность побужья ⁵⁾. По указанію Антоновича, именемъ козаковъ, въ 1491 году, назвались крестьяне въ Червонной Руси, возставшіе на защиту своихъ правъ ⁶⁾. Но документальное свидѣтельство о существованіи украинскихъ козаковъ въ первый разъ встрѣчается въ 1499 году въ уставной грамотѣ великаго князя литовскаго Александра, данной кіевскому войту и мѣщанамъ о воеводскихъ доходахъ: «Которыи козаки зъ верху Днѣпра и съ иныхъ сторонъ ходять водою на низъ, до Черкасъ и далѣй, а што тамъ здобудуть, съ того со всего воеводѣ десятое (десятую долю) мають давати; а коли рыбы привозять зъ верху, або зъ низу, просолныи(ой) и вялыи(ой) до мѣста кіевскаго, тоди маеть осичникъ воеводинъ то осмотрѣти и обмитити (помѣтити) и маеть на городъ взяти отъ бочки рыбъ по шести грошей, а отъ вя-

¹⁾ Szajnocha, Dwa lata dziejow naszych, I, 41.

²⁾ Мельникъ, Мемуары южной Руси, Кіевъ, 1890, 6.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 157.

⁴⁾ Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I, 310.

⁵⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, II, 882.

⁶⁾ Антоновичъ, Лекціи по исторіи мал. козачества, Кіевъ, 1882.

лыхъ рыбъ и свѣжихъ десятое (десятую штуку). А коли привезуть до мѣста кievскаго рыбу свѣжую, осетры, тогда не мають ихъ цѣликомъ продавати, оли-жь (но) мусить осичникъ отъ каждаго осетра по хребтинѣ взяти, а любо (либо) отъ десяти осетровъ десятаго осетра» ¹⁾. Въ 1503 году становятся извѣстными черкасскіе козаки и козаки князь-Димитрія ²⁾. Тѣ и другіе составляли уже иррегулярное войско въ Литвѣ; они организованы были по мысли правительства для защиты границъ Литвы отъ набѣговъ татаръ и состояли въ вѣдѣніи такъ называемыхъ старостъ, т.-е. управителей областей, городовъ и замковъ государства ³⁾. Такіе козаки набирались самими старостами и нерѣдко прозывались именами или фамиліями самихъ же старостъ: козаки князь-Димитрія, козаки князь-Ружинскаго, козаки Мировицкаго ⁴⁾. Въ это же время становятся извѣстными особыя роты или военные отряды въ козачьемъ быту: такъ, подъ 1503 годомъ польскій хронистъ Пясецкій упоминаетъ о Щуровой козачьей ротѣ въ городѣ Черкасахъ ⁵⁾. Въ 1508 году одна часть козаковъ, подъ начальствомъ брацлавскаго и виленскаго старосты, князя Константина Ивановича Острожскаго, разгромила на голову загонъ татаръ, грабившихъ пограничныя области литовской Руси; другая часть козаковъ, подъ начальствомъ «славнаго козака Полюса-русаса», разбила другой загонъ татаръ ⁶⁾. Въ 1512 году козаки, вмѣстѣ съ поляками и украинскими насельниками, участвовали въ погонѣ за татарской ордой, ворвавшейся въ южные предѣлы литовскаго великаго княжества. Начальниками надъ козаками и поляками были князь Константинъ Ивановичъ Острожскій и каменецкій староста Предславъ Ландскоронскій.

Послѣдній извѣстенъ былъ какъ лучшій полководецъ своего времени, много путешествовавшій по разнымъ странамъ Европы и

¹⁾ Акты западной Россіи, томъ I, № 170, II, № 1.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, томъ I, часть III, № 1.

³⁾ Земельная собственность Польши раздѣлялась на два вида: имѣнія наследственныя и имѣнія, отдаваемые во временныя владѣнія; въ числѣ послѣднихъ были староства; староства раздавались королями, въ видѣ награды, разнымъ сановнымъ лицамъ, которыя отъ того назывались старостами. Карновичъ, Замѣчательныя богатства въ Россіи, Спб., 1885, 257.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, I, 219.

⁵⁾ Piasecki, Kronika, Krakow, 1870, 52.

⁶⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, II, 950.

Азіи, изучившій всѣ боевыя приемы лучшихъ европейскихъ и азіатскихъ полководцевъ. Во время столкновенія козаковъ съ татарами первые ударили на враговъ козаки; сами поляки уступили козакамъ право перваго нападенія на татаръ только послѣ настоятельныхъ убѣжденій со стороны Острожскаго, находившаго козаковъ хотя и мало «збройными», но зато считавшаго ихъ въ военномъ дѣлѣ съ мусульманами болѣе, нежели поляки, опытными. Въ 1516 году козаки, подѣ начальствомъ Ландскоронскаго, ходили походомъ подѣ турецкій городъ Бѣлгородъ, захватили тамъ множество лошадей, рогатаго скота и овецъ, но на обратномъ пути были настигнуты татарами и турками у озера Овидова, подѣ Очаковомъ, разбили на голову непріятелей и возвратились домой съ большой татарской и турецкой добычей ¹⁾. Этотъ годъ считается у польскихъ лѣтописцевъ уже годомъ значительнаго развитія южнорусскаго козачества. Въ 1527 году на козаковъ черкасскихъ и каневскихъ жаловался крымскій ханъ Саипъ-Герай королю Сигизмунду I за то, что они, становясь подѣ татарскими улусами, дѣлали нападенія на татаръ: «Приходятъ къ намъ черкасскіе и каневскіе козаки, становятся надѣ улусами нашими на Днѣпрѣ и вредъ наносятъ нашимъ людямъ; я много разъ посылалъ къ вашей милости, чтобъ вы остановили ихъ, но вы ихъ остановить не хотѣли; я шелъ на московскаго князя, 30 человекъ за болѣзнью вернулись отъ моего войска: козаки поранили ихъ и коней отобрали. Хорошо-ли это? Черкасскіе и каневскіе властители пускаютъ козаковъ вмѣстѣ съ козаками непріятеля твоего и моего (т.-е. московскаго князя) козаками путивльскими по Днѣпру подѣ наши улусы, и что только въ нашемъ панствѣ узнаютъ, даютъ вѣсть въ Москву» ²⁾. Въ 1528 году тѣ же козаки, подѣ начальствомъ хмельницкаго старобы Предслава Ландскоронскаго, черкаскаго Евстафія Дашиковича, а также старость винницкаго и брацлавскаго, принимали участіе въ походѣ подѣ турецкій городъ Очаковъ; въ этомъ походѣ козаки три раза разбили татаръ и взяли въ добычу 500 коней и 30.000 головъ скота ³⁾.

Съ этого времени козаки стали пріобрѣтать особенную извѣстность, и этому способствовалъ немало «знаменитый козакъ»

¹⁾ Kronika Bielskiego, II, 963, 991; Самовидецъ, Лѣтопись, 1878, 329.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1855, V, 434, 437.

³⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, II, 1043.

Евстафій или Остапъ Дашковичъ, сперва литовскій воевода, потомъ черкасско-каневскій староста, уроженецъ города Овруча, человекъ православной вѣры. Евстафій Дашковичъ воевалъ сперва противъ турокъ и побывалъ въ плѣну у татаръ (въ 1523 году), служилъ нѣсколько лѣтъ великимъ русскимъ князьямъ, Ивану и Василию, помогая имъ въ войнѣ противъ поляковъ, затѣмъ снова возвратился въ Литву къ Сигизмунду ¹⁾ и получилъ въ управленіе города Черкасы ²⁾ и Каневъ, на правомъ берегу Днѣпра ниже Кіева. Управляя этими городами, онъ привлекъ къ себѣ такое множество козаковъ, что сдѣлалъ оба города надолго ядромъ всего южнорусскаго козачества. Въ 1531 году на городъ Черкасы сдѣлалъ нападеніе крымскій ханъ Саадатъ-Герай; Дашковичъ мужественно оборонялъ черкасскій замокъ отъ татаръ, а потомъ черезъ два года послѣ этого представилъ особый проектъ на сеймѣ въ Піотрковѣ защиты границъ литовскаго княжества противъ татарскихъ вторженій. Въ этомъ проектѣ Дашковичъ высказалъ необходимость построенія по близости къ татарамъ, на одномъ изъ малодоступныхъ острововъ Днѣпра, замка и содержанія въ немъ постоянной стражи изъ козаковъ въ 2.000 человекъ, которая, плавая по рѣкѣ на чайкахъ, препятствовала бы татарамъ переправляться черезъ Днѣпръ. Къ этимъ 2.000 козаковъ Дашковичъ предлагалъ прибавить еще нѣсколько сотъ человекъ, которые бы добывали въ окрестностяхъ необходимые припасы и доставляли ихъ козакамъ на острова. Предложеніе Дашковича всѣмъ участникамъ сейма понравилось, но не было приведено въ исполненіе ³⁾.

Въ 1530 году, при спорѣ каневскихъ мѣщанъ со своимъ старостою Пенькомъ, который «кривды великія и утиски чинилъ и новины вводилъ», а кромѣ того «порогъ ихъ звѣчный мѣщанскій, на имя Звонецъ, на Днѣпрѣ, на себя отнималъ» и половину имущества умершаго или попавшагося въ плѣнъ козака на себя отбиралъ, постановлено было кіевскимъ воеводой Немировичемъ: Звонецкаго

¹⁾ Миллеръ, Истор. сочиненіе о Малой Россіи, Москва, 1847, 3, 4.

²⁾ Городъ Черкасы построенъ при литовскомъ князѣ Витовтѣ (1392—1430) и осажень пятигорскими церкесами, выведенными сюда съ крайняго юго-востока Европы: Антоновичъ, Исторія великаго литовскаго княжества, 62, 63. Городъ Каневъ возникъ около того же времени и населенъ выходцами изъ теперешней полтавской губерніи.

³⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, II, 1055, 1059.

порога старобѣ совсѣмъ не касаться, а изъ имущества козака, если онъ, не имѣя ни жены, ни дѣтей, умереть или попадетъ къ татарамъ, одну половину отдавать на поминъ души тому, кому онъ самъ завѣщаетъ ¹⁾. Въ 1540 году козаки черкасско-каневского старосты, князя Михаила Вишневецкаго, боясь наказанія за своихъ товарищей, ушедшихъ на Москву, оставили замки и засѣли ниже ихъ на рѣкѣ Днѣпрѣ; князь Михаилъ Вишневецкій ходатайствовалъ за нихъ передъ королемъ Сигизмундомъ - Августомъ о высылкѣ имъ охраннаго листа для возвращенія въ замки ²⁾. Въ 1541 году король Сигизмундъ-Августъ писалъ князю Коширскому, справцѣ кievскаго воеводства, что онъ уже много разъ приказывалъ ему и съ лаской, и съ угрозой, удерживать «тамошнихъ» козаковъ отъ того, чтобы они не ходили на татарскіе улусы и не чинили тамъ никакой «шкоды», но князь никогда не дѣйствовалъ сообразно королевскому приказанію, козаковъ отъ «шкоды» не удерживалъ и даже самъ позволялъ имъ чинить то: «И теперъ черезъ нашего посла, пана Горностая, перекопскій царь пишетъ намъ, что наши козаки прошлыми разами, неизвѣстно откуда пришедши на людей его, которые шли воевать Москву, ударили на Каиры ³⁾, 20 человекъ до смерти убили и 250 коней у нихъ взяли, а гонца, который къ намъ посланъ былъ, того на Днѣпрѣ погромили и имущества его себѣ побрали; кромѣ того, тѣхъ людей царя перекопскаго, которые въ полѣ кочуютъ, тѣхъ козаки наши часто бьютъ и имущества ихъ себѣ забираютъ; а котораго гонца своего братъ перекопскаго царя, царь казанскій, къ намъ посылалъ, и того гонца на Днѣпрѣ погромили и статки его себѣ побрали». Для того, чтобы козаки на будущее время, уходя изъ Кіева на низовье Днѣпра за рыбу и бобрами, не позволяли себѣ никакого своевольства и не чинили никакихъ шкодъ подданнымъ царя перекопскаго, король отправилъ въ Кіевъ своего дворянина Стрета Солтовича и приказалъ ему всѣхъ кievскихъ козаковъ списать въ реестръ и реестръ доставить себѣ. Воеводы должны знать, кто изъ козаковъ и сколько ихъ отправляется на низовье Днѣпра, чтобы послѣ возвращенія ихъ назадъ, можно было съ кого спрашивать въ случаѣ ослушанія и неповиновенія королевской волѣ и приказанію. Такого же содержанія

¹⁾ Акты западной Россіи, II, № 195.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 141.

³⁾ Рѣчка дѣваго берега Днѣпра, выше лимана.

посланы были грамоты старостамъ, кievскому Бобоѣдову и черкасскому князю Пронскому ¹⁾).

Въ 1545 году козаки спустились къ турецкому городу Очакову, напали тамъ на турецкихъ пословъ и пограбили ихъ; турецкое правительство заявило объ этомъ жалобу Сигизмунду - Августу, и король долженъ былъ возместить убытки потерпѣвшихъ изъ королевскаго «скарбу» ²⁾. Къ этому же году относятся первыя указанія на существованіе козаковъ, какъ отдѣльнаго сословія отъ другихъ литовско-польскихъ и урскихъ сословій—шляхетскаго, мѣщанскаго и хлопскаго; они живутъ и по городамъ, и по селамъ, занимаются разными промыслами и составляютъ особыя общины для постоянной обороны противъ мусульманъ; такъ это было въ воеводствахъ каневскомъ, брацлавскомъ, черкасскомъ, могилевскомъ и др. ³⁾.

Въ 1546 году путивльскій всевода писалъ въ Москву великому князю Василию III: «Нынѣ, государь, козаковъ въ полѣ много, и черкасцевъ, и кiянъ, и твоихъ государевыхъ, — вышли государь на помощь всѣхъ украинъ» ⁴⁾.

Въ 1547 году козаки, подъ начальствомъ Берната Претвица, старосты барскаго, преслѣдовали до Очакова татаръ, наскочившихъ на польскія владѣнія около Винницы и захватившихъ нѣсколько человѣкъ русскихъ въ плѣнъ. Такъ какъ татары успѣли уже отправить христіанъ въ оковахъ въ городъ Кафу, то козаки со своимъ предводителемъ «знаменито» отомстили татарамъ, захватили полонъ и благополучно вернулись домой ⁵⁾, повторивъ свой походъ противъ татаръ и на слѣдующій 1548 годъ.

Въ 1542 году, при описаніи черкаскаго и каневскаго замковъ между осѣдлыми сословіями, упоминаются и козаки въ смыслѣ временныхъ посѣтителей замковъ: «Окромѣ осилыхъ бояръ и мѣщанъ бываютъ у нихъ (черкасцевъ) прохожіе козаки; сей зимы было ихъ разомъ о полъ-третяста. А кромѣ того бываетъ тамъ (въ Каневѣ) людей прохожихъ, козаковъ несѣлыхъ, а бы-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, I, 109.

²⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, II, 1093.

³⁾ Антоновичъ, Лекціи, Кіевъ, 1882. Акты, II, 3—4.

⁴⁾ Воейковъ, Историческое описаніе земли войска донскаго, Новочеркасскъ, 1889, 4.

⁵⁾ Kronika Marcina Bielskiego, II, 1100; Гвагнинъ въ Собраніи историческомъ Лукомскаго: Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 333.

васть ихъ неравно завжды, але яко которыхъ часовъ» ¹⁾. Въ тѣхъ же описаніяхъ замковъ имѣются указанія и на самыя занятія черкасскихъ и каневскихъ козаковъ: одни изъ нихъ добываютъ въ непріятельской землѣ «бутынки» (добычу) и лучшее изъ своей добычи, плѣнниковъ, коней и другое, даютъ старостамъ по ихъ выборамъ; другіе пребываютъ по лѣвому берегу Днѣпра (теперешней полтавской губерніи) и «живутъ тамъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду, съ пасѣккъ, съ свепетовъ и сытятъ тамъ себѣ медъ яко дома»; третьи, оставаясь въ замкѣ, «ходятъ съ Черкасъ озеръ тыхъ (принадлежавшихъ черкасскому замку) волоčiti, а которые домовъ въ Черкасахъ не мають, тые даютъ старостѣ колядки (передъ-рождественскую подать) по 6 грошей и сѣна косятъ ему по два дни толоками за его стравою (пропитаніемъ) и за медомъ; а которые козаки, не уходячи въ козацтво на поле, а ни рѣкою на низъ, служатъ въ мѣстахъ (замкахъ) боярамъ, або мѣщанамъ, тьи колядки давати, або сѣна косити не повинни». О каневскихъ козакахъ, кромѣ того, говорилось, что, отправляясь на городскіе уходы, добывая тамъ рыбу, бобровъ и медъ и возвращаясь назадъ, они половину обязаны были давати своему старостѣ ²⁾.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ приведенныхъ документальныхъ данныхъ видно, что первоначально на югѣ Россіи явились козаки татарскіе, за татарскими козаками — козаки украинные или южнорусскіе, чисто славянской народности. Въ первое время южнорусскіе козаки представляли собой не больше, какъ пограничную стражу, состоявшую подъ главнымъ вѣдѣніемъ воеводъ и второстепеннымъ — старостъ литовско-русскихъ пограничныхъ замковъ и городовъ. Популярнѣйшимъ изъ старостъ, Лаудскоронскому и въ особенности Дашковичу, сколько извѣстно, выпала первая роль если не организовать козацкое сословіе, какъ утверждаютъ это польскіе писатели Нѣсецкій, Старовольскій, Зиморовичъ и нѣмецкій историкъ Энгель ³⁾, то, по крайней мѣрѣ, сплотить его въ одно цѣлое. При нихъ ядромъ малороссійскаго козачества сдѣлались города Черкасы и Каневъ; а скоро послѣ нихъ козачество, постепенно увеличиваясь въ своей численности, заняло кievскую,

¹⁾ Описанія украинскихъ замковъ: Кіевская старина, 1884, августъ, 588.

²⁾ Описанія украинскихъ замковъ: Кіевская стар., 1884, августъ, 589.

³⁾ Бятышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, I, 99, 101.

черниговскую, полтавскую и южную часть подольской губернии. Однако, рядомъ съ козаками пограничниками и ихъ начальниками старостами изрѣдка дѣйствовали и независимыя «купы» козаковъ подѣ начальствомъ собственныхъ вожаконъ. Своимъ вожакамъ козаки давали названія гетмановъ (отъ нѣмецкаго *hauptmann* — капитанъ) и первоначально придавали этому слову значеніе вообще предводителя, не соединяя съ нимъ представленія ни объ административной, ни о судебной власти, какъ было впоследствии. Цѣлью первыхъ движеній малороссійскихъ козаковъ изъ городовъ въ степи, какъ показываютъ приведенныя свидѣтельства 1489, 1499, 1552 годовъ, были интересы военные и промышленные. Такъ, одни изъ нихъ уже въ это время воевали у Буга съ татарами; другіе, въ качествѣ рыболововъ, звѣролововъ, пасѣчниковъ и мелкихъ торговцевъ, отправлялись къ Днѣпру за разнаго рода добычею.

Такова видимая картина начала и развитія южнорусскаго козачества.

Но за этой видимой картиной скрывается нѣсколько причинъ, благодаря которымъ южнорусское козачество, начавшись небольшими купами, дошло до развитія въ цѣлое сословіе и разлилось по обширной территоріи Малороссіи и потомъ Запорожья.

Въ ряду такихъ причинъ первое мѣсто занимаетъ причина земельная. Дѣйствіе этой причины началось съ переменной земельной отношеній въ южнорусскихъ областяхъ послѣ перехода кievскаго княжества въ 1471 году къ Литвѣ и обращенія его въ воеводство. Литва, присоединивъ къ себѣ русскія области, ввела въ нихъ собственный, феодальный, порядокъ государственнаго строя, и тогда подѣ влияніемъ этого порядка принципъ земельного владѣнія на Украинѣ сталъ складываться совершенно иначе, чѣмъ онъ выражался въ теченіи многихъ вѣковъ дотолѣ. По принципамъ южнорусскаго государственнаго строя земля принадлежала не отдѣльному лицу и не цѣлому сословію, а считалась собственностью общины. По феодальному принципу литовскаго государственнаго строя земля считалась собственностью государя и раздавалась имъ лицамъ высшаго и средняго сословія, отличавшимся на военномъ, административномъ или придворномъ поприщѣ и потому считавшимся правоспособными на пользованіе земельными участками; крестьяне же, какъ низшій классъ населенія, считались неспособными и потому неимѣвшими права лично

на обладаніе земель. Этотъ принципъ примѣненъ былъ и въ отношеніи украинскаго населенія, поступившаго подъ власть литовскаго княжества. Отсюда естественно, что южнорусское населеніе, встрѣтивъ невиданный имъ порядокъ вещей и постепенно обезземелившись, стало бросать центральныя мѣста государства и уходить на окраины его. Пользуясь правомъ перехода съ одного мѣста на другое, оно не встрѣчало никакихъ препятствій при своихъ передвиженіяхъ и даже находило сочувствіе со стороны властныхъ лицъ, такъ какъ, при отсутствіи постоянныхъ войскъ въ литовскомъ государствѣ тогдашняго времени, могло стать оплотомъ на порубежныхъ владѣніяхъ Литвы противъ подвижныхъ, воинственныхъ и жадныхъ къ добычѣ татарскихъ наѣзниковъ. Это и было первой изъ причинъ появленія на Украинѣ южнорусскаго козачества.

Второе мѣсто въ образованіи южнорусскаго козачества занимаетъ экономическая причина. Эта причина стоитъ въ зависимости отъ системы обработки земли въ центральныхъ областяхъ велико-литовскаго княжества до половины XVI столѣтія. До означеннаго времени въ великомъ литовскомъ княжествѣ цѣнными землями считались земли лѣсныя, водныя и болотныя, на которыхъ можно было вести лѣсное хозяйство, добывать рыбу, ловить звѣрей («бобровые гоны»), разводить пчелъ («пчелиные борты»). Земли же съ черноземными залежами считались малоцѣнными; самая обработка земли практиковалась въ весьма малыхъ размѣрахъ, единственно для первыхъ потребностей хозяевъ. Оттого до 1569 года, или до такъ-называемой люблинской уніи, литовскіе помѣщики совсѣмъ отказывались отъ окраинныхъ черноземныхъ земель, и правительство предоставляло ихъ во владѣніе низшему сословію. Но низшее сословіе, получая эти земли въ свои руки, должно было на собственный страхъ и защищать ихъ отъ воинственныхъ сосѣдей: чтобы удержать свое имущество и вмѣстѣ съ тѣмъ защитить семью отъ хищныхъ сосѣдей, поселенцы украинскихъ земель должны были взяться за оружіе и стать на военную ногу, а это и было второю изъ причинъ появленія южнорусскаго козачества.

Третьей причиной появленія южнорусскаго козачества было существованіе въ Бѣлоградѣ, Крыму и Азовѣ татарскихъ козаковъ. Уходя въ степи ради звѣря, дичи, скотоводства и пчеловодства, выплывая въ рѣки и лиманы ради рыбы и соли, южно-

руссы постоянно сталкивались съ татарскими козаками и постепенно усваивали отъ нихъ какъ отдѣльныя слова, такъ и костюмъ, вооруженіе, самые приемы битвы и наименованіе козаковъ. Если заимствованія одного народа у другого происходятъ на почвѣ мирныхъ сношеній, то тѣмъ больше дѣлается заимствованій между народами, поставленными во враждебныя и воинственныя другъ къ другу отношенія: въ этомъ случаѣ, чтобы научиться побѣждать болѣе сильнаго непріятели, нужно изучить всѣ тонкости его боевой тактики и взять въ руки одинаковое съ нимъ оружіе, надо, однимъ словомъ, располагать равномѣрными съ нимъ боевыми средствами. Мирное южнорусское населеніе, силою земельныхъ и экономическихъ обстоятельствъ вытѣсненное изъ центральныхъ областей своего государства въ степныя окраины и ставшее лицомъ къ лицу съ воинственнымъ азіатомъ-наѣздникомъ, волей-неволей усвоило себѣ всѣ боевые приемы и самое наименованіе «козака».

Четвертою причиною появленія южнорусскаго козачества была близость вольныхъ степей. Чтобы вырости, воспитать цѣлое сословіе или общину воиновъ, для этого нуженъ просторъ, нужны вольныя земли, свободная, никѣмъ незанятая территорія или, по крайней мѣрѣ, окраины, пограничныя со степной равниной. Оттого мы и видимъ, что какъ въ самой Азіи, такъ и въ европейской Россіи козачество всегда начиналось на пограничной территоріи государствъ, развивалось и ширилось на открытыхъ степныхъ равнинахъ. Такъ было и въ южной Россіи; сами южнорусскіе козаки, понимая это лучше, чѣмъ кто другой, вложили добытую ими историческую истину въ пословицу «степь та воля—козацка доля», т.-е. воля начинается тамъ, гдѣ начинается вольная степь и внѣ степи нѣтъ ни козака, ни воли.

Наконецъ, въ ряду перечисленныхъ причинъ возникновенія южнорусскаго козачества нельзя умолчать и объ этнографическихъ особенностяхъ южнорусской народности, которой, въ силу самой исторической подготовки, весьма сродна была такая форма общественной жизни, какъ козацкая община. Дѣло въ томъ, что южнорусская народность, воспитанная на вѣчевомъ строѣ, самосудѣ и самоуправленіи, потомъ ставшая въ зависимость отъ литовскаго великаго княжества и не вполне вошедшая въ колею государственныхъ порядковъ его, оттого потянувшаяся на свободныя, никѣмъ незанятая, мѣста, естественно могла стремиться воскресить въ своей памяти «давно померкшіе идеалы» нѣкогда

существовавшихъ въ южной Руси, на началахъ полного самоуправления, общественныхъ порядковъ и также естественно могла стремиться повторить ихъ на новыхъ земляхъ, вдали отъ феодально-аристократическихъ порядковъ Литвы и Польши. И точно, Запорожье, съ его товариществомъ, выборнымъ началомъ старшинъ, войсковыми радами, общимъ скарбомъ, общею для старшинъ и простой массы пищею, отдѣльными куренями—все это тѣ же общинно-вѣчевые порядки древней южнорусской жизни, но только дошедшіе до самаго высшаго предѣла развитія ¹⁾).

Такъ или иначе, но документальныя данныя говорятъ, что первоначально на югѣ теперешней Россіи появилось татарское козачество, за нимъ возникло и образовалось городовое, малороссійское козачество. За городовымъ, малороссійскимъ слѣдовало низовое или запорожское козачество. Отправляясь изъ кievскаго воеводства на низовья Днѣпра за рыбою, бобрами, солью, дикими конями и другою добычею, городовые казаки насиживали тамъ мѣста для низового запорожскаго или вольнаго козачества, неподчинявшагося ни воеводамъ, ни старостамъ, а слушавшася лишь своихъ собственныхъ вожаковъ или атамановъ. Конечно, община низовыхъ козаковъ сложилась не сразу, а постепенно и число ея послѣдовательно увеличивалось различными людьми, недовольными существовавшими въ польско-литовскомъ государствѣ порядками и искавшими выхода изъ своего тяжелаго положенія.

По мѣсту своего жительства, на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, вольное козачество называлось низовымъ или запорожскимъ войскомъ. Съ XV до половины XVI вѣка этимъ именемъ назывались какъ собственно тѣ, которые жили на Низу, за порогами Днѣпра, низовые или запорожскіе казаки; такъ и тѣ, которые жили выше пороговъ, городовые или реестровые и нереестровые казаки; они именовались общимъ именемъ «войска его королевской милости запорожскаго». Съ половины XVI вѣка городовые казаки обособились отъ низовыхъ, но удержали свое названіе «войска запорожскаго», хотя, живя въ городахъ Украйны, не имѣли никакого основанія называться этимъ именемъ; низовые казаки, навсегда отдѣлившись отъ городовыхъ, стали именоваться по праву запорожцами, сичевиками и

¹⁾ Киевская старина, 1884, IX, 587; Антоновичъ, Историческіе дѣятели югозападной Россіи, Кіевъ, 1885, I, 2; Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I, 310.

строго отличали себя отъ городскихъ козаковъ. Въ 1751 году запорожскіе козаки заявили официальную жалобу на то, что городовые козаки и ихъ полковая старшина не по праву «называютъ себя и подписываются войскомъ запорожскимъ»¹⁾. Въ Москвѣ часто смѣшивали собственно запорожскихъ съ городскими украинскими козаками и нерѣдко тѣхъ и другихъ именовали общимъ именемъ «запорожскихъ черкасъ».

Первымъ указаніемъ отдѣленія низовыхъ или запорожскихъ козаковъ отъ украинскихъ или городскихъ нужно считать указаніе 1568 года, когда козаки стали «на Низу, на Днѣпрѣ, въ полѣ и на иныхъ входахъ перемѣшкивать», т.-е. проживать или имѣть осѣдлости²⁾. Но болѣе опредѣленнымъ указаніемъ обособленія низового козачества отъ городского можетъ служить реформа короля Стефана Баторія, послѣдовавшая, приблизительно, около 1583 года³⁾, о раздѣленіи украинскихъ козаковъ на реестровыхъ и нереестровыхъ, когда реестровые объявлены были, такъ сказать, подзаконнымъ козацкимъ сословіемъ, а нереестровые внѣзаконнымъ. Послѣдніе, горя ненавистью къ правительству, устремились за пороги Днѣпра и тамъ установили «свою волю, свою правду, свою силу». Наконецъ, рѣзкое раздѣленіе запорожскихъ козаковъ отъ городскихъ окончательно установилось въ первой половинѣ XVII вѣка.

Начавшись со второй половины XVI столѣтія и просуществовавъ почти до конца XVIII, запорожцы до 1654 года находились въ зависимости отъ Литвы и Польши, а съ этого времени вошли въ зависимость отъ Россіи: на переяславской радѣ они признали власть малороссійскаго гетмана и черезъ него должны были сноситься съ московскимъ царемъ. Однако, зависимость запорожцевъ отъ Литвы и Польши была болѣе номинальною, нежели фактическою. Такъ, хотя по указамъ литовско-польскихъ королей, Сигизмунда-Августа и Стефана Баторія, запорожскіе козаки должны были повиноваться старшинѣ украинскихъ козаковъ, но они не обращали вниманія на эти указы. Поддерживая тѣсную связь съ Украиною, они жили совершенно независимо отъ нея жизнью: «Не отступая повиновеніемъ отъ гетмана по внѣшнему виду, надѣясь на свою отдаленность, запорожцы всегда мало и тогда только,

1) Киевская старина, 1889, мартъ, № 3, 741.

2) Архивъ югозападной Россіи, Киевъ, 1863, т. III, ч. III, 4.

3) Киевская старина, 1884, сентябрь, 45.

когда имъ прибыльно казалось, повелѣніямъ малороссійскаго гетмана повиновались. Даже и тогда, когда гетманы стали именоваться гетманами обѣихъ сторонъ Днѣпра, власть ихъ въ дѣйствительности не простиралась далѣе Кременчуга и Переволочной» ¹⁾).

Въ гораздо большей зависимости очутились запорожскіе козаки отъ Москвы, когда, съ половины XVII столѣтія, перешли въ ея подданство. Правда, въ XVII вѣкѣ эта зависимость выражалась еще въ довольно слабой степени, но зато съ начала XVIII вѣка запорожцы все болѣе и болѣе теряли отличительныя черты своей оригинальной жизни и подъ конецъ историческаго существованія жизнь запорожскихъ козаковъ, если исключить безженность собственно сичевыхъ товарищей, мало чѣмъ отличалась отъ жизни украинскихъ козаковъ.

Несмотря, однако, на все различіе запорожскихъ отъ городскихъ козаковъ, между тѣми и другими въ первое время историческаго существованія была такая тѣсная связь, что отдѣлять исторію однихъ отъ исторіи другихъ въ теченіе XVI и начала XVII вѣка не представляется никакихъ основаній. Только съ половины XVII столѣтія различіе между запорожскими и городскими или гетманскими козаками становится осязательнымъ, а потому съ этого именно времени начинается и собственная, въ строгомъ смыслѣ слова, исторія запорожскихъ козаковъ.

По ходу историческихъ событій и по тѣмъ и другимъ задачамъ, которыя брали на себя запорожцы, вся исторія запорожскихъ козаковъ можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе *шесть періодовъ* времени. Періодъ образованія запорожскаго козачества (1471—1583). Періодъ борьбы противъ Польши за религіозно-національную независимость южной Руси (1583—1657). Періодъ участія въ борьбѣ за религіозно-національную независимость правобережной Украины противъ Польши, Крыма и Турціи (1657—1686). Періодъ борьбы противъ Крыма, Турціи и Россіи за собственное существованіе (1686—1709). Періодъ существованія запорожцевъ за предѣлами Россіи и попытки ихъ къ возвращенію на родныя мѣста (1709—1734). Періодъ борьбы съ русскимъ правительствомъ за самостоятельное существованіе и паденіе Запорожья (1734—1775).

Первые моменты исторической жизни запорожскихъ козаковъ,

¹⁾ Миллеръ, Разсужденіе о запорожцахъ, Москва, 1857, 14, 59.

какъ и всякихъ другихъ народовъ, не оставившихъ по себѣ первоначальныхъ письменныхъ памятниковъ, представляютъ собой загадку неизвѣстности и даютъ обильную пищу для всякихъ предположеній и домысловъ. Кто былъ истиннымъ устройтеlemъ ихъ войска, каковы были въ началѣ ихъ боевыя средства, какъ широко простирался районъ дѣятельности ихъ—на это никакихъ не имѣется данныхъ. Конечно, на первыхъ порахъ въ дѣйстви козаковъ не могло быть правильно сознанный и прямо поставленной задачи, и они въ этотъ періодъ времени должны были дѣйствовать партійно, или, какъ сами говорили, купами. Начало организациі могло быть лишь съ появленіемъ на Низу общаго предводителя козаковъ, впервые соединившаго ихъ въ одно для общей цѣли,—борьбы съ мусульманами, и положившаго начало столицѣ ихъ, называемой Сичею. Первую попытку въ этомъ родѣ сдѣлалъ знаменитый князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій ²⁾).

Князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій, истый козакъ по натурѣ и знаменитый вождь своего времени, былъ потомкомъ волинскихъ князей Гедиминовичей, родился въ православной вѣрѣ, имѣлъ у себя трехъ братьевъ Андрея ¹⁾), Константина и Сигизмунда и состоялъ владѣльцемъ многихъ имѣній въ кременецкомъ повѣтѣ, каковы: Вишневецъ, Подгайцы, Окимны, Куминя, Лотрика и другія. На исторической сценѣ Вишневецкій впервые сталъ извѣстнымъ съ 1550 года, когда назначенъ былъ польскимъ королемъ въ старобы черкаскаго и каневскаго повѣтовъ. Каковъ былъ Вишневецкій какъ управитель повѣтовъ, намъ неизвѣстно; извѣстно лишь то, что въ этомъ званіи онъ оставался всего лишь три года: получивъ отказъ отъ короля Сигизмунда-Августа по поводу просьбы о какомъ-то пожалованіи, Вишневецкій, по старому праву добровольнаго отъѣзда служивыхъ людей отъ короля, ушелъ изъ Польши въ Турцію и поступилъ на службу къ турецкому султану: «А съѣхалъ онъ со всею своею дружиною, то-есть, со всѣмъ тѣмъ козацствомъ или хлопствомъ, которое возлѣ него

¹⁾ Источники: Лѣтопись по Никонову списку, Спб., 1791, 266, 272—275, 293, 298; Kronika Bielskiego, Sanok, 1856, II, 1145—1449; Korona polska Niesieckiego, 1728—1748, IV, 545; Акты южной и западной Россіи, I, II; Горецкій, Мемуары южной Россіи, Кіевъ, 1890, I, 98.

²⁾ Женатаго на княгинѣ Ефиміи Вербицкой и получившаго послѣ смерти Димитрія Вишневецъ и Подгайцы: Акты южной и западной Россіи, I, 246.

пробавлялось», — писалъ о Вишневецкомъ Сигизмундъ - Августъ Радзивиллу Черному 15 июня 1553 года. Вскорѣ, однако, король, обезпокоенный тѣмъ, что турки въ лицѣ Вишневецкаго приобрѣтутъ отличнаго полководца съ переходомъ его въ Турцію, врага польскому престолу, снова привлекъ князя къ себѣ, давъ ему опять тѣ же города Черкасы и Каневъ въ управленіе. Управляя этими городами, князь, хотя и былъ доволенъ на этотъ разъ королемъ, но чувствовалъ недовольство въ самомъ себѣ: душа его жаждала военной славы и ратныхъ подвиговъ. Тогда онъ задался мыслью оградить границы польско-литовскаго государства посредствомъ устройства на островѣ Днѣпра крѣпкаго замка и помѣщенія въ немъ сильнаго гарнизона. Очевидно, Вишневецкій въ этомъ случаѣ хотѣлъ повторить то, что раньше его высказалъ Евстафій Дашковичъ. Свой планъ Вишневецкій хотѣлъ осуществить постепенно и высказалъ его открыто въ 1556 году. Не найдя, однако, себѣ фактическаго сочувствія среди польскихъ властныхъ людей, Вишневецкій снова рѣшилъ покинуть родину и искать счастья за предѣлами отечества.

Въ это самое время онъ узналъ, что московскій царь Иванъ Васильевичъ Грозный, желая предотвратить набѣгъ крымскихъ татаръ на московскія окраины, отправилъ два отряда русскихъ ратниковъ съ путивльскими козаками на Низъ — одинъ подъ начальствомъ Чулкова по Дону, а другой подъ начальствомъ дьяка Ржевскаго по Днѣпру, и приказалъ имъ «добывать языковъ и провѣдывать про крымскаго хана». Вѣсть о походѣ русскихъ противъ крымцевъ пришла какъ нельзя кстати по вкусу черкасско-каневскихъ козаковъ и они, собравшись въ числѣ 300 человекъ, подъ начальствомъ своихъ атамановъ Млинскаго и Михайла Еськовича, иначе называемаго Миской, бросились внизъ по Днѣпру и заодно съ дьякомъ Ржевскимъ и русскимъ войскомъ причинили много бѣдъ туркамъ и татарамъ подъ Исламъ-Керменемъ, Очаковомъ и Воламъ-Керменемъ.

Подвиги козаковъ черкасско-каневскихъ замковъ вызвали на цѣну и самого старосту, князя Димитрія Вишневецкаго, и въ то время, когда Ржевскій послѣ похода отступилъ въ «литовскую», т. е. западную, сторону Днѣпра, Вишневецкій очутился на Днѣпрѣ и расположился на островѣ Хортицѣ, откуда разчитывалъ открыть постоянные набѣги на мусульманъ. Съ этою цѣлью онъ устроилъ здѣсь, въ 1556 году, земляной «городъ» противъ Конскихъ-Водъ,

у Протогчи, послужившій потомъ прототипомъ Сичи запорожскихъ козаковъ.

О своихъ подвигахъ противъ татаръ и турокъ на Днѣпрѣ князь Вишневецкій не замедлилъ извѣстить, черезъ служебника Миску (т.-е. Михайла Еськовича), короля Сигизмунда-Августа, прося у него королевской протекціи. На то донесеніе король отвѣчалъ Вишневецкому грамотой, писанной если не весной, то лѣтомъ 1557 года ¹⁾. Въ этой грамотѣ король отвѣчалъ Вишневецкому, что присланные имъ листы, черезъ служебника Миску, получены во время пути, именно тогда, когда король ѣхалъ съ королевою Екатериною съ варшавскаго сейма въ Вильну и, по распоряженію самого короля, служебникъ тотъ задержанъ былъ съ отвѣтами королевскими на продолжительное время. Распоряженіе же это сдѣлано было на основаніи извѣстія, принесеннаго королевскимъ посломъ, княземъ Андреемъ Одинцевичемъ, о намѣреніяхъ и замыслахъ перекопскаго царя: перекопскій царь, по извѣстію королевскаго посла, о чемъ король узналъ по приѣздѣ въ Вильну, хотѣлъ добывать князя Вишневецкаго въ построенномъ имъ замкѣ; вслѣдствіе этого извѣстія, а также вслѣдствіе суровой зимы и труднаго проѣзда къ Вишневецкому и вслѣдствіе ожиданія проѣзда посланнаго къ Вишневецкому дворянина Василя Шишковича, король и приказалъ задержать отъѣздъ Миски. Кромѣ этого король писалъ Вишневецкому и о томъ, что онъ, сперва по слухамъ, а потомъ отъ присланнаго княземъ хлопца, узналъ о нападеніи на Вишневецкаго перекопскаго царя. Воздавая похвалу Вишневецкому за его службу, стойкость и мужественную оборону людей, при немъ находящихся, король обѣщалъ и на будущее время не забывать его подвиговъ: «А что касается замка, построеннаго тобой, и твоей услуги, оказанной намъ, то такая услуга пріятна намъ, потому что ты устроилъ на насъ, господаря, замокъ на нужномъ мѣстѣ, и именно такой замокъ, гдѣ была бы безопасная осторожность для удержанія лихихъ людей шкодниковъ съ обезпеченіемъ панствъ нашихъ. Но чтобы усилить тотъ замокъ людьми и боевыми средствами, какъ ты писалъ намъ о томъ, то безъ личнаго твоего приѣзда къ намъ, мы теперь не имѣемъ достаточно основательныхъ причинъ исполнить это, хотя выводить тебя изъ замка на это время также не го-

¹⁾ Грамота не датирована мѣсяцемъ.

дится ради извѣстія отъ тебя и изъ другихъ мѣстъ («украинъ») о замыслѣ со стороны великаго московскаго князя соорудить замки при рѣкѣ Дѣпрѣ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ и ты хотѣлъ будовать города, на нашей землѣ, а также и ради зацѣпокъ, на которыя могли бы отважиться, въ твое отсутствіе, козаки и подвергать опасности области нашего государства. Выводить тебя изъ замка не годилось бы еще и для того, чтобы ты, оставаясь въ немъ, могъ большую пользу принести, не допуская козаковъ дѣлать зацѣпокъ чабанамъ и шkodить улусамъ турецкаго царя, взирая на многія причины, на докончаніе и присягу нашу съ турецкимъ цесаремъ и вѣчный миръ съ перекопскимъ царемъ». Въ заключеніе грамоты король извѣщалъ Вишневецкаго объ отпускѣ къ нему какого-то Захарки, о которомъ князь писалъ королю, а также объ отправкѣ къ князю собственнаго королевскаго слуги — дворянина съ отвѣтомъ на всѣ письма и просьбы князя и возвращеніи изъ Польши посла перекопскаго царя вмѣстѣ съ польскимъ посломъ Довгиромъ. Посла, отправленнаго къ Вишневецкому, король приказывалъ людямъ Вишневецкаго встрѣтить у Черкасъ и самому князю, въ виду важности дѣла, съ которымъ посолъ отправленъ, выслушать его съ особеннымъ вниманіемъ ¹⁾).

Нужно думать, что отказъ со стороны короля Сигизмунда-Августа въ помощи людьми и боевыми средствами для защиты устроеннаго княземъ замка послужили причиной того, что Вишневецкій, оставивъ польскаго короля, вошелъ въ сношенія съ русскимъ царемъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1557 года Вишневецкій писалъ царю, что крымскій ханъ Девлетъ-Герай, съ сыномъ и съ многими крымскими людьми, приходилъ къ Хортицкому острову, осаждалъ его двадцать четыре дня, но божимъ милосердіемъ, именемъ и счастіемъ царя, государя и великаго князя, онъ, Вишневецкій, отбился отъ хана и, поразивъ у него много самыхъ лучшихъ людей, заставилъ его отойти отъ Хортицы «съ великимъ соромомъ» и дать возможность князю отнять у крымцевъ нѣкоторыя изъ кочевницъ. Въ заключеніе Вишневецкій увѣрялъ царя, что пока онъ будетъ на Хортицѣ, то крымцамъ ходить войной никуда нельзя.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1557 года Вишневецкій отпра-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 148.

вилъ отъ себя въ Москву козацкаго атамана Еськовича къ царю Ивану Васильевичу бить челомъ о томъ, чтобы царь пожаловалъ князя и принялъ его къ себѣ на службу; Еськовичъ долженъ былъ сказать царю, что князь совсѣмъ отбѣхалъ отъ польскаго короля и поставилъ среди Днѣпра, на Хортицкомъ островѣ, противъ Конскихъ-Водъ, у крымскихъ кочевищъ, городъ.

Царь принялъ Еськовича съ честью и, вручивъ ему «опасную грамоту» и царское жалованье для Вишневецкаго, отправилъ, вмѣстѣ съ Еськовичемъ, боярскихъ дѣтей Андрея Щепотьева да Нечая Ртищева съ наказомъ объявить князю о согласіи царя принять его на службу московскаго государства.

Спустя мѣсяцъ послѣ этого Вишневецкій отправилъ къ царю новыхъ пословъ, Андрея Щепотьева, Нечая Ртищева, князя Семена Жижемскаго да Михаила Еськовича, и черезъ нихъ извѣщалъ царя, что онъ (Вишневецкій) царскій холопъ и даетъ свое слово на томъ, чтобы ѣхать къ государю, но прежде всего считаетъ нужнымъ повоевать татаръ въ Крыму и подъ Исламъ-Керменемъ, а потомъ уже быть въ Москвѣ. И дѣйствительно, относительно своихъ намѣреній противъ татаръ Вишневецкій сдержалъ свое слово: въ декабрѣ мѣсяцѣ названнаго года московскій посолъ, жившій въ Крыму, извѣщалъ царя, что октября перваго дня князь Димитрій Вишневецкій, выплывшій на низовье Днѣпра, взялъ крѣпость Исламъ-Кермень, людей ея побилъ, а пушки взялъ и вывезъ на Днѣпръ, въ свой Хортицкій городъ.

Почти черезъ годъ послѣ этого, а именно въ октябрѣ мѣсяцѣ 1558 года, князь Вишневецкій снова и совершенно неожиданно подвергся второму нападенію со стороны того же крымскаго хана, Девлетъ-Герая. Взявъ съ собой, кромѣ татаръ, много войска турецкаго султана и молдавскаго господаря, ханъ внезапно подступилъ къ Хортицѣ и съ яростью напалъ на Вишневецкаго. Вишневецкій долго отбивался отъ хана, но потомъ, лишившись всякаго пропитанія и потерявъ много людей, а еще больше коней, съѣденныхъ козаками, подъ конецъ оставилъ Хортицу и ушелъ къ Черкасамъ и Каневу, откуда извѣстилъ царя о всемъ происшедшемъ на Хортицѣ и ждалъ отъ него дальнѣйшихъ приказаній. Тогда царь, узнавъ о всемъ случившемся съ Вишневецкимъ, велѣлъ ему сдать Черкасы и Каневъ польскому королю, съ которымъ у русскихъ произошло перемиріе, а самому ѣхать въ Москву. Вишневецкій повиновался волѣ царя и въ ноябрѣ мѣ-

сяцѣ того же года прїѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ получилъ отъ царя жалованье, а также городъ Бѣлѣвъ со всѣми волостями и селами въ вотчину ¹⁾, да въ иныхъ городахъ «подклѣбныя села и великія пожертвованія», и за все это клялся животворящимъ крестомъ служить царю всю жизнь и платить добромъ его государству.

Однако, въ Бѣлѣвѣ Вишневецкому пришлось оставаться долго: дѣло въ томъ, что въ это самое время прїѣхали въ Москву черкесскіе послы съ цѣлью просить московскаго царя оказать помощь черкесамъ въ ихъ войнѣ съ крымцами. Царь, не поладившій передъ этимъ съ крымскимъ ханомъ, рѣшился воспользоваться просьбой черкесовъ въ свою пользу, и въ декабрѣ мѣсяцѣ 1558 года снова отправилъ Вишневецкаго, въ качествѣ начальника надъ 5.000 человекъ ратниковъ, на крымскіе улусы. Вишневецкій двинулся изъ Москвы вмѣстѣ съ кабардинскимъ мурзой Канкыкомъ, собственнымъ братомъ, атаманомъ, сотскими и стрѣльцами. Онъ ѣхалъ судномъ на Астрахань, изъ Астрахани сухопутьемъ къ черкесамъ въ Кабарду; въ Кабардѣ ему велѣно было собрать рать и идти мимо Азова на Днѣпръ, на Днѣпрѣ стоять и наблюдать за крымскимъ ханомъ, «на сколько Богъ поможетъ». Исполняя царское приказаніе, Вишневецкій сперва остановился подъ Перекопомъ и сталъ наблюдать за татарами; но крымскій ханъ, извѣщенный польскимъ королемъ о движеніи Вишневецкаго, забилъ свои улусы ²⁾ за Перекопъ, а самъ ушелъ во внутрь полуострова. Тогда Вишневецкій, не встрѣтивъ подъ Перекопомъ ни одного врага, перешелъ къ Таванской переправѣ на полтретятцать верстъ ниже Исламъ-Керменя; простоявъ напрасно три дня на переправѣ, Вишневецкій отсюда поднялся къ острову Хортицѣ и близъ него соединился съ дьякомъ Ржевскимъ и его ратниками. Встрѣтивъ Ржевскаго выше пороговъ, Вишневецкій велѣлъ ему оставить всѣ кошеи съ запасами на островѣ, отобралъ лучшихъ людей изъ его рати—небольшое число боярскихъ дѣтей, козаковъ да стрѣльцовъ,—остальныхъ отослалъ въ Москву, и потомъ съ отборнымъ войскомъ пошелъ лѣтовать въ Исламъ-Кермень, откуда имѣлъ цѣлью захватить города Перекопъ и Козловъ. Получивъ извѣстіе объ отходѣ хана за Перекопъ, царь Иванъ

¹⁾ Теперешней тульской губерніи, на 125 верстъ ниже Тулы.

²⁾ Слово «улусъ» на татарскомъ языкѣ значитъ народъ, племя.

Васильевичъ отправилъ къ Вишневецкому посла съ жалованьемъ и съ приказаніемъ князю оставить Ширяя-Кобякова, дьяка Ржевскаго и Андрея Щепотьева съ немногими боярскими дѣтьми и стрѣльцами, Данила Чудкова да Юрія Булгакова съ козаками, а самому ѣхать въ Москву. Вишневецкій и на этотъ разъ повиновался волѣ царя, оставилъ Днѣпръ и скоро прибылъ въ Москву, откуда переѣхалъ въ свой городъ Бѣлѣвъ. Зимой этого же года крымскій ханъ, услыхавъ о томъ, что московскій царь оставилъ столицу и уѣхалъ въ Ливонію, быстро собралъ стотысячное войско и бросился по направленію къ Москвѣ; но узнавъ, что самые страшные для него люди, Шереметевъ и Вишневецкій, совсѣмъ не выѣзжали въ Ливонію, также быстро повернулъ назадъ и ушелъ въ Крымъ.

Въ началѣ 1559 года царь снова отправилъ Вишневецкаго противъ татаръ; ему дано было 5.000 человекъ войска, а его товарищу Данилу Адашеву — 8.000. Вишневецкій разбилъ 250 человекъ крымцевъ близъ Азова, а Даниилъ Адашевъ вылилъ въ устьѣ Днѣпра и отсюда бросился въ Крымъ. Разгромивъ Крымъ и освободивъ множество христіанскихъ плѣнниковъ, Адашевъ вновь вернулся къ Днѣпру и поднялся вверхъ по его теченію. Ханъ бросился за нимъ въ догонъ и настигъ у мыса Монастырькѣ, противъ Ненасытецкаго порога, но, боясь сразиться съ нимъ, ушелъ назадъ.

Въ то время, когда Адашевъ и Вишневецкій дѣйствовали противъ татаръ на Днѣпрѣ, въ это самое время, глѣтомъ 1560 года, предводитель бѣлогородскихъ козаковъ Андчакъ ворвался въ кievское воеводство и опустошилъ поселеніе возлѣ бѣлоцерковскаго замка, а потомъ написалъ письмо Сигизмунду-Августу и въ немъ объяснилъ, что сдѣлалъ свое нападеніе въ отместку козакамъ кievскимъ, бѣлоцерковскимъ, брацлавскимъ, винницкимъ, черкасскимъ и каневскимъ, причиняющимъ «великія шкоды» турецкимъ подданнымъ. По этому письму Сигизмундъ-Августъ отправилъ кievскому воеводѣ князю Константину Константиновичу Остржскому и всѣмъ украинскимъ старостамъ приказаніе воспретить козакамъ, въ виду присяги и dokonчанья съ турецкимъ султаномъ и перекопскимъ царемъ, дѣлать нападенія на турецкихъ и татарскихъ подданныхъ и даже не позволять имъ ходить въ поле для сторожи, хотя въ то же время держать ихъ на готовѣ, чтобы имѣть возможность, при набѣгахъ со стороны татаръ на украин-

ныя области, во-время ударить на враговъ и отнять у нихъ добычу и христіанскихъ плѣнниковъ ¹⁾.

Между тѣмъ Вишневецкій, возвратившись въ 1561 году изъ «пятигорской земли» на Днѣпръ и расположившись на урочищѣ Монастырищѣ, въ 30 миляхъ отъ Черкасъ, близъ острова Хортицы, сталъ сноситься съ польскимъ королемъ о томъ, чтобы снова перейти къ нему на службу. Что побудило Вишневецкаго къ этому, неизвѣстно: не понравилось-ли ему обращеніе Грознаго съ боярами въ Москвѣ, или же просто ему не сидѣлось на одномъ мѣстѣ, — источники не говорятъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, находясь въ урочищѣ Монастырищѣ, Вишневецкій отправилъ къ королю Сигизмунду-Августу гонца съ просьбой о томъ, чтобы онъ снова принялъ его къ себѣ и прислалъ бы ему, по обыкновенію, такъ-называемый глейтовый, т.-е. охранный листъ для свободнаго проѣзда изъ Монастырища въ Краковъ. Король охотно изъявилъ согласіе принять Вишневецкаго къ себѣ на службу и прислалъ ему глейтовый листъ сентября 5-го дня, 1561 года: «Памятуя вѣрныя службы предковъ князя Димитрія Ивановича Вишневецкаго, мы пріймаемъ его въ нашу господарскую ласку и позволяемъ ему ѣхать въ государство нашей отчизны и во дворъ нашъ господарскій для службъ нашихъ, не боясь строгости посполитаго права и нашего отъ господаря каранія и неласки нашей за то; можетъ онъ добровольно въ панствахъ нашихъ жить, пользуясь всякими вольностями и свободой, какъ и другіе княжата, панята и обыватели панства нашего» ²⁾. Принимая Вишневецкаго вновь на службу къ себѣ, король мотивировалъ свою милость къ нему тѣмъ, что Димитрій Вишневецкій ходилъ къ московскому царю не для чего иного, какъ для того, чтобы узнать «справы непріятели и тѣмъ принести возможно ббльшую пользу Рѣчи-Посполитой». Въ свою очередь и козаки, бывшіе съ Димитріемъ Вишневецкимъ на Низу, и оставленные имъ послѣ отъѣзда, стали просить короля черезъ черкасско-каневского старосту, Михаила Александровича Вишневецкаго, о дозволеніи имъ возвратиться въ мѣста своей родины и прислать глейтовый листъ.

Отправляя глейтовый листъ князю Димитрію Вишневецкому, король Сигизмундъ-Августъ извѣщалъ о томъ и брата его (нужно

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 152.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 155, 157.

думать, не родного), Михаила Александровича Вишневецкаго. О козакахъ тому же Михаилу Вишневецкому король писалъ: «Листъ для принятія козаковъ въ наше панство мы приказали выдать и велѣли послать его до воеводы кіевскаго; кромѣ того, распорядились написать ему, чтобы его милость съ тобой посовѣтовался, если тѣ козаки придутъ въ наше панство и межъ ними окажутся такіе, которые въ недавнее время Очаковъ разорили («збурыли»), и если приходъ ихъ не принесетъ никакой опасности отъ цесаря турецкаго и царя перекопскаго, то, поразмысливши объ этомъ хорошенько, велите послать имъ тотъ листъ. И если между ними окажутся тѣ, которые Очаковъ разоряли, то ты бы внушилъ имъ, чтобы они, не задерживаясь и не проживая въ тамошнихъ украинскихъ замкахъ, шли бы прямо въ могилевскій замокъ, откуда мы велимъ направить ихъ въ Полоцкъ, а изъ Полоцка въ землю Инфлянтскую (Эстляндію) и прикажемъ дать имъ содержаніе и живность. Посовѣтовавшись и поговоривши съ нимъ объ этомъ, извѣсти насъ о томъ немедленно» ¹⁾.

Куда вернулись козаки, неизвѣстно, но извѣстно то, что они покинули Хортицу и послѣ ихъ ухода «городъ» Вишневецкаго, вѣроятно, былъ разрушенъ татарами, такъ какъ московскій царь, собираясь воевать съ Крымомъ, хотѣлъ строить новое укрѣпленіе «между Хортицей и Черкасами», которое бы замѣнило «городъ» Вишневецкаго ²⁾.

Послѣ этого Димитрій Вишневецкій, вмѣстѣ съ однимъ польскимъ магнатомъ, нѣкіимъ Альбрехтомъ Ласкимъ, пріѣхалъ въ Краковъ, гдѣ былъ встрѣченъ массою народа съ радостными привѣтствіями. Король очень ласково принялъ князя и простилъ ему его вину. Скоро послѣ этого Вишневецкій очень сильно заболѣлъ, вслѣдствіе какой-то отравы, полученной имъ еще въ юношескіе годы. Король, узнавъ объ этомъ и жалѣя князя, велѣлъ своимъ докторамъ осмотрѣть его (opatowac). Доктора оказали помощь больному, и онъ благополучно всталъ съ постели. Такимъ образомъ съ 1563 года Вишневецкій считался снова на службѣ у польскаго короля: Принявъ къ себѣ Вишневецкаго, польскій король, однако, не преминулъ, при случаѣ, освѣдомиться у русскаго царя о причинѣ отъѣзда его изъ Москвы: «Пришелъ онъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 156.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, II, № 134.

какъ собака и потекъ какъ собака; а мнѣ, государю, и землѣ моей убытку никакого не причинилъ»—отвѣтилъ царь Иванъ Васильевичъ королю Сигизмунду-Августу на спросъ о Вишневецкомъ.

Въ это время Вишневецкій сдѣлался настолько дряхлымъ, что едва могъ садиться на коня, но духъ героизма въ немъ все еще не угасалъ. Такъ, находясь въ Краковѣ и сойдясь съ Альбрехтомъ Ласкимъ, владѣвшимъ молдавскою крѣпостью Хотинымъ и мечтавшимъ присоединить всю Молдавію къ Польшѣ, Вишневецкій задумалъ новое дѣло: онъ рѣшился, по совѣту Ласкаго, овладѣть Молдавіей и сдѣлаться ея господаремъ. Обстоятельства ему благоприятствовали. Дѣло въ томъ, что въ Молдавіи въ это самое время боролись за обладаніе престола два претендента: господарь Яковъ Василидъ, иначе Ираклидъ, и бояринъ Томжа, иначе Стефанъ IX. Партія волоховъ, не желавшая избранія Томжи, узнавъ о планахъ Вишневецкаго, отправила къ нему посольство и обѣщала ему господарство, если только онъ, вмѣстѣ съ козаками, принесетъ присягу этой партіи. Князь согласился и въ 1564 году съ 4.000 козаковъ отправился въ Молдавію. Передовой отрядъ его явился въ то время, когда Томжа осаждалъ Василида въ Сучавскомъ дворцѣ; самъ Вишневецкій по случаю болѣзни ѣхалъ сзади на возу. Его отрядъ послѣшно прискакалъ къ дворцу и сталъ требовать молдавской булавы для своего князя. Томжа, по видимому, охотно согласился на это притязаніе и лично пошелъ встрѣчать славнаго героя. Вишневецкій, не подозрѣвая въ этомъ никакого коварства, съ небольшою дружиной двинулся къ Сучавѣ; но тутъ, во время самого пути, видя ничтожность силъ Вишневецкаго, Томжа вдругъ перемѣнилъ свою роль: онъ внезапно бросился на посланныхъ въ помощь князю людей, всѣхъ перебилъ ихъ и готовился схватить въ руки самого Вишневецкаго; но Вишневецкій успѣлъ уйти и спрятаться въ копну сѣна; къ его несчастью, однако, онъ былъ замѣченъ какимъ-то мужикомъ, пріѣхавшимъ за сѣномъ, и выданъ Томжѣ. Тогда Вишневецкаго, вмѣстѣ съ его спутникомъ Пясецкимъ и нѣкоторыми поляками, схватили и отправили въ столицу Молдавіи. Поляки послѣ жестокихъ пытокъ, во время которыхъ самъ Томжа отрѣзалъ имъ носы и уши, отпущены были въ Польшу, а Вишневецкій и Пясецкій тѣмъ же Томжей отправлены были въ Царьградъ къ турецкому султану, Селиму II. Получивъ плѣнниковъ и пылая местию на нихъ за разореніе Крыма и южныхъ городовъ, турки рѣшили

предать ихъ жесточайшей казни: бросить живыми съ высокой башни на одинъ изъ желѣзныхъ крюковъ («такъ»), которые вдѣланы были въ стѣну у морского залива, по дорогѣ отъ Константинополя въ Галату. Брошенный съ башни внизъ Пясецкій скоро скончался, а Вишневецкій, при паденіи съ такой же высоты, зацѣпился ребромъ за желѣзный крюкъ и въ такомъ видѣ висѣлъ нѣсколько времени, оставаясь живымъ, понося имя султана и хуля его мусульманскую вѣру, пока не былъ убитъ турками, не стерпѣвшими его злословій. Народъ сохранилъ въ своей памяти величественный образъ князя и воспѣлъ его трагическую кончину въ готовой уже пѣснѣ о козакѣ Байдѣ ¹⁾. По словамъ пѣсни, Байда такъ былъ славенъ, что самъ султанъ предлагалъ ему собственную дочь въ жены съ условіемъ, чтобы только онъ принялъ вѣру Магомета; но Байда настолько былъ преданъ православнои вѣрѣ, что съ презрѣніемъ отвергъ это предложеніе и сталъ плевать на все, что было дорого какъ простому магометанину, такъ и самому султану, а подъ конецъ ухитрился даже убитъ стрѣлой, поданной ему его слугой, самого султана съ его женой и дочерью. Тогда турки, остервенившись на Вишневецкаго, вынули у него, еще живого, по словамъ польскаго писателя Нѣсецкаго ²⁾, изъ груди сердце, изрѣзали на части и, раздѣливъ между собою, съѣли его въ надеждѣ, такъ сказать, заразиться такимъ же мужествомъ, какимъ отличался во всю жизнь неустрашимый Вишневецкій. Народъ воспѣлъ славнаго героя въ пѣснѣ «Байда-козакъ», дошедшей до нашего времени во многихъ вариантахъ.

«У Царьгради тай на рынѣчку
Тамъ пье Байда медь-горилѣчку,
Ой пье Байда, та не день, не два,
Та не одну нічку, тай не годинѣчку.
Прийшовъ до него салтанъ турецький:
Ой шо-жь бо ты робышь, Байдо молодецький?
Ой ты, Байдо, та славнѣсенький,
Будь же ты лицарь та вирнѣсенький,—
Покійнь, Байдо, та пѣты—гуляты,
Берѣ мою дочкѣ та йды царюваты,

¹⁾ Байда, байдѣкъ на общетюркомъ языкѣ «буйдѣкъ» значитъ холостой, бобыль: Наливкинъ, Русско-сартовскій словарь, Казань, 1884, II, 25.

²⁾ Писатель XVI вѣка, Леонардъ Горецкій о кончинѣ Димитрія Вишневецкаго говорить коротко, что онъ умеръ «мучительною смертью» отъ турокъ: Мемуары южной Россіи, Кіевъ, 1890, I, 98.

Берѣ въ мене та царивнѣчку,
 Будешъ паномъ та на Украинѣчку!
 — Твоя вира проклѣтая,
 Твоя дочкѣ поганая!
 Гей, якъ крыкне салтанъ на гайдѣкы:
 Визьмить того Байду, визьмить ёго въ руки!
 Визьмить Байду кричко изьяжите
 Та на ребрѣ за гакъ дѣбре почепите.
 Высытъ Байда та не день, не два,
 Тай не однѣ ничку, тай не годинѣчку.
 Высытъ Байда про себѣ гадаѣ
 Тай, на свого цѣру зѣрко споглядаѣ
 Тай на свого цѣру, цѣру молодѣго,
 И на свого кѣня, конѣ воронѣго;
 Ой ты-жѣ цѣро, цѣро молодѣнькый,
 Подай минѣ лѣчокъ, та лѣчокъ тугѣнькый,
 Подай минѣ, цѣро, тугый лѣчокъ,
 Подай минѣ стрѣлокъ, стрѣлокъ цѣлый пѣчикъ!
 Ой, бачу-жѣ я, цѣро, та тры голубѣчки,
 Хочу я ихъ вбѣты за-для царскѣй дѣчки.
 Де я вмирю—тамъ я вцѣлю,
 Де-жѣ я вѣжу—тамъ я врѣжу.
 Ой якъ стрѣливъ—тай царѣ вцѣливъ,
 А царыцю та въ потыльцю,
 А ихъ дѣньку—прѣмо въ головѣнку.
 Не вмивъ, царю, та ты Байды вбѣты,
 За це-жѣ тобі, царю, тай у землѣ прѣты,
 Було-бъ тобі, царю, кѣнемъ пидъязжѣты,
 Та було-бъ тобі Байди голову изтѣты,
 Було бѣ Байду въ зѣмлю поховѣты,
 А ёго жѣ хлѣпця собѣ пидмовѣты.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Перемѣшкываніе козаковъ на Низу Днѣпра послѣ князя Дмитрія Вишневецкаго. — Козацкіе предводители: Бирута Мадскій, Карпо, Андрушъ, Лесунъ, Бѣлоусъ и Ляхъ. — Нападенія козаковъ на проѣзжихъ турецко-татарскихъ купцовъ и русско-татарскихъ гонцовъ. — Политическая унія 1569 года Литвы и Польши и положеніе всего козацкаго сословія въ новомъ государствѣ. — Мѣры польско-литовскаго правительства противъ козаковъ и назначеніе надъ ними особаго правительственнаго начальника «старшого», Яна Бадовскаго. — Походы Сверчовскаго въ Молдавію въ помощь господарю Ивонѣ противъ турокъ и дѣйствія низовыхъ козаковъ. — Кошевые атаманы низовыхъ козаковъ Фока Покотило и Самойло Кошка. — Гетманъ Богданъ Ружинскій. — Походы его съ козаками въ крымскія владѣнія и къ берегамъ Малой Азіи; взятіе имъ города Траезонта и гибель при взрывѣ крѣпости Аслама. — Походы Ивана Подковы съ козаками и ихъ предводителемъ въ Молдавію. — Успѣхъ Подковы и гибель его. — Преемникъ Подковы Александръ и дѣйствія низовыхъ козаковъ. — Мѣры Стефана Баторія противъ козаковъ.

Путь, намѣченный княземъ Дмитріемъ Вишневецкимъ, но оставленный имъ вслѣдствіе безсилія своего въ борьбѣ съ татарами, не былъ, однако, забытъ козаками, и въ 1568 году они снова очутились на Низу и съ этихъ поръ стали здѣсь «перемѣшкывать», т.-е. проживать и промышлять тамъ: «Подданнымъ нашимъ, тѣмъ козакамъ, которые, съѣхавъ изъ замковъ и украинскихъ городовъ нашихъ безъ позволенія и вѣдома нашего господарскаго и старостъ нашихъ украинныхъ, на Низу, на Днѣпрѣ, въ полѣ и на иныхъ входахъ перемѣшкываютъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что вы на тѣхъ поименованныхъ мѣстахъ, живя своевольно у разныхъ входовъ, подданнымъ царя турецкаго, чабанамъ ¹⁾ и татарамъ царя перекопскаго, дѣлая набѣги на ихъ улусы и кочевища, большія шкоды и разоренія чините и тѣмъ границы государства нашего отъ непріятели въ опасность приводите» ²⁾).

¹⁾ Чабанъ съ татарскаго на русскій—овечій пастухъ.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, Кіевъ, 1863, т. I, ч. III, 4.

Перемѣшивая въ поляхъ и на Низу Днѣпра, козаки все еще, однако, считаютъ Низъ лишь временнымъ своимъ мѣстопробываніемъ и по истеченіи извѣстнаго срока снова возвращаются въ украинскіе города. Отсюда можно думать, что въ это время на Низу не было еще ни Сичи, ни особаго товарищества, ни отдѣльныхъ старшинъ.

Послѣ смерти князя Дмитрія Вишневецкаго козаки довольствуются тѣмъ, что нападаютъ на проѣзжихъ торговцевъ и разныхъ гонцовъ, грабятъ и разбиваютъ ихъ. Такъ, одна часть козаковъ въ это время дѣйствовала подъ начальствомъ какихъ-то атамановъ Карна, Андруша, Лесуна и Бѣлоуса, ниже города Черкасъ; она нападала тамъ на турецкіе и татарскіе караваны, ходившіе съ товарами въ Москву, а также на крымскихъ гонцовъ, ѣздившихъ отъ хана къ польскому королю, и на украинскихъ солепромышленниковъ, спускавшихся изъ малороссійскихъ городовъ въ турецкій городъ Кочубеевъ, теперешній городъ Одессу. Другая часть козаковъ, подъ предводительствомъ атамана Андрея Ляха, спустилась къ рѣчкѣ Самарѣ, впадающей въ Днѣпръ выше Кодацкаго порога, и тутъ дѣлала нападенія на русскихъ и крымскихъ гонцовъ, а также на турецкихъ и армянскихъ купцовъ, по обыкновенію ѣздившихъ съ послами въ Москву и обратно въ Крымъ. Въ это именно время козаки переняли московскаго гонца Змѣева и какого-то безызвѣстнаго крымскаго посланца съ нѣсколькими купцами, тридцать человѣкъ купцовъ убили, а троимъ за то, что они покупали въ Москвѣ литовскихъ плѣнниковъ, руки отрубили ¹⁾:

Въ это же время, 1568 года, января 18 дня, козаки, по словамъ малороссійскаго лѣтописца, подъ предводительствомъ славнаго наѣздника и сильнаго воина Бирули Мадскаго, впервые сдѣлали сильное нападеніе на московское войско ²⁾. Очевидно, малороссійскій лѣтописецъ разумѣетъ здѣсь дѣйствіе козаковъ во время ливонской войны Польши съ Россіей при царѣ Иванѣ Грозномъ. Но сколько извѣстно изъ другихъ источниковъ, въ самомъ началѣ 1568 года козаки участвовали вмѣстѣ съ поляками и гетманомъ Ходкевичемъ въ осадѣ московской крѣпости Улы.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 30.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, I, 21; Гвагнинъ въ Собраніи историческомъ Лукомскаго: Лѣтопись Самовидца, 1878, 333.

Они наняты были для этой войны самимъ гетманомъ, но, по его же собственнымъ словамъ, дошли только до рва крѣпости и потомъ бѣжали отъ нея. Впрочемъ, также точно вели себя въ это время и сами поляки ¹⁾. О дѣйствіяхъ въ другихъ мѣстахъ козаковъ этого времени ничего неизвѣстно.

Черезъ годъ послѣ этого въ Литвѣ и Польшѣ произошло событіе, которое имѣло огромное значеніе для развитія южнорусскаго козачества вообще и запорожскаго въ частности. Это событіе — такъ-называемая политическая унія, т. е. соединеніе двухъ государствъ въ одно, Литвы и Польши, происшедшее въ 1569 году, при королѣ Сигизмундѣ-Августѣ. По этой уніи къ Польшѣ, вмѣстѣ съ Литвой, была присоединена и Украина на правахъ свободной страны со свободнымъ населеніемъ: «яко вольные до вольныхъ и ровные до ровныхъ люди». Такъ сказано было на бумагѣ, но не такъ вышло на дѣлѣ. Поступая подъ власть Рѣчи-Посполитой, украинское населеніе нашло здѣсь вмѣсто «золотой» свободы «неключимое» рабство. Дѣло касалось прежде всего козацкаго сословія.

Малороссійское козачество оказывалось въ государствѣ Рѣчи-Посполитой совсѣмъ лишнимъ сословіемъ. Дѣло въ томъ, что въ Польшѣ того времени существовало лишь три сословія—шляхетское, мѣщанское и хлопское; первое сословіе было дворянское, второе—промысловое и ремесленное, третье—крѣпостное или хлопское; ни къ одному изъ этихъ сословій нельзя было приравнять козаковъ, такъ какъ дворяне ихъ не приняли, а отъ мѣщанъ и хлоповъ они сами отказались ²⁾. Оставалось козаковъ поставить особо, но такъ какъ определенной организаціи у нихъ не было, и только отправляясь въ походъ, они выбирали себѣ предводителей, возвращаясь же назадъ поступали подъ вѣдѣніе старостъ, то между старостами и козаками происходили постоянныя ссоры и тяжбы: старосты гнали козаковъ подъ свой «регіментъ», козаки жаловались на великія утѣсненія и кривды со стороны старостъ. Тогда правительство сдѣлало первыя попытки упорядочить козацкое сословіе и съ тѣмъ вмѣстѣ прибрать его къ своимъ рукамъ. Съ этою цѣлью объявлено было, черезъ короннаго гетмана Юрія Язловецкаго, о выдачѣ козакамъ жалованья изъ королевскаго скарба и

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, VI, 237.

²⁾ Антоновичъ, Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, XXXIII.

туть же сдѣлана была попытка привлечь козаковъ къ юрисдикціи короннаго гетмана: низовые козаки должны были признать надъ собою власть гетмана и подчиниться суду и управѣ особаго королевскаго чиновника, который долженъ носить названіе козацкаго старшого. Такимъ старшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ судьей былъ впервые объявленъ, въ 1572 году, бѣлоцерковскій шляхтичъ Янъ Бадовскій: «Находя годнымъ на то дѣло,—пишется въ универсалѣ короля Сигизмунда-Августа, іюня 5-го дня, 1572 года,—пана шляхтича Яна Бадовскаго, съ давняго времени служившаго вѣрно и усердно господарю своему (королю), гетманъ коронный Юрій Язловецкій назначилъ его старшимъ и судьей надъ всѣми низовыми козаками съ тѣмъ, чтобы онъ каждому, кто будетъ имѣть дѣло до козаковъ и кто придетъ съ Низу до замковъ и городовъ нашихъ, чинилъ бы надъ нимъ по справедливости»¹⁾.

Козаки ясно видѣли, куда направлены были цѣли правительства Рѣчи-Посполитой, и потому, желая сохранить свою независимость, волей-неволей брались за оружіе и тѣмъ постепенно сплачивались въ сильную и оригинальную общину, мало-по-малу росли въ своемъ развитіи и чрезъ то находили въ самихъ себѣ силы для борьбы внутри и во внѣ государства.

Но люблинская унія коснулась и крестьянскаго населенія южной Руси. Крестьянское населеніе, очутившись во власти Польши, стало испытывать всѣ неудобства примѣненія на немъ новыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ. Чрезъ эти порядки оно лишалось личной свободы въ слѣдствіе широкаго произвола, какимъ пользовалось въ Польшѣ привилегированное сословіе въ ущербъ непривилегированному, и послѣдовательно ограничивалось въ земельныхъ правахъ. Не имѣя средствъ спасти личную свободу и удержать за собой земельныя права, крестьянское населеніе выходило изъ своего положенія и стало стремиться въ ряды козачества, чѣмъ значительно усилило это сословіе.

Понявъ намѣреніе правительства и усилившись крестьянскимъ населеніемъ, козаки уже съ этого времени почувствовали въ себѣ большую силу, и польско-литовскіе короли, ставъ впервые лицомъ къ лицу съ ними, оказались безсильными въ своихъ мѣрахъ для того, чтобы сдѣлать ихъ послушными своей волѣ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ много значило и то обстоятельство, что правитель-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 175.

ство Рѣчи-Посполитой, принявъ козаковъ въ числѣ другихъ сословій Украйны, уже на первыхъ порахъ стало въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ этомъ отношеніи оно поступало смотря по видамъ своей политики и обстоятельствамъ дѣла: видя въ дѣйствіяхъ козаковъ въ одно и то же время и пользу и вредъ для Польши, оно въ первомъ случаѣ давало полную волю имъ, во второмъ случаѣ или старалось отвлечь въ другую сторону, или грозило истребить его въ самомъ основаніи ¹⁾).

Въ этомъ противорѣчии самому себѣ состояла и дальнѣйшая политика польско-литовскаго правительства въ отношеніи козаковъ: когда они были нужны королямъ, то призывались на сцену и поощрялись въ ихъ набѣгахъ на татаръ и турокъ, когда не были нужны, объявлялись врагами отечества и всячески стѣснялись въ ихъ дѣйствіяхъ.

Но эти то поощрительные призывы, то запретительныя постановленія только разжигали страсти козаковъ, увеличивали ихъ численность и заставляли многихъ бѣжать изъ городовъ Украйны на низовья Днѣпра. Сами поляки, часто непризнававшіе королевскаго авторитета и дѣйствовавшіе на собственный страхъ въ дѣлахъ войны и мира съ сосѣдями, также въ значительной мѣрѣ способствовали усиленію козаковъ. Такъ, въ 1574 году, т.-е. черезъ два года послѣ назначенія особаго «старшого» надъ козаками, польскіе шляхтичи, подъ предводительствомъ Сверчовскаго, родомъ поляка изъ мазовецкаго воеводства, ходили походомъ въ Молдавію въ помощь господарю Ивонѣ во время его борьбы съ турками.

По словамъ современника событія, Леонарда Горецкаго, это дѣло произошло слѣдующимъ образомъ.

Въ небольшомъ молдавскомъ государствѣ возгорѣлась борьба между двумя претендентами за обладаніе молдавской короны, молдавскимъ господаремъ Ивоней и братомъ волошскаго господаря Петромъ или Петриллою. Получивъ отказъ отъ польскаго короля Генриха въ вспоможеніи противъ Петра, поддерживаемаго турецкимъ султаномъ Селимомъ, Ивоня обратился къ полякамъ и на его зовъ явился, въ 1574 году, предводитель Сверчовскій, составившій около себя милицію, самопроизвольно собравшуюся въ походъ безъ вѣдома своего правительства и потому именно названную польскими исто-

¹⁾ Киевская старина, 1884, августъ, 601.

риками именемъ «козаковъ». Эти «козаки» всё до единого были поляки и ничего общаго не имѣли съ козаками низовыми или запорожскими, принимавшими лишь косвенное участіе въ дѣйствіяхъ Сверчовскаго и его сподвижниковъ. Вмѣстѣ съ господаремъ Ивонеемъ «козаки» Сверчовскаго были при взятіи крѣпости Браилова, при пораженіи отдѣльнаго отряда турецкаго не доходя Браилова, при взятіи крѣпости Тягина (Бендеръ), при пораженіи турокъ подъ Аккерманомъ, при осадѣ крѣпости Тейницы; участвовали въ рѣшительной битвѣ, іюня 9-го дня, у рѣки Дуная и вмѣстѣ съ Ивонеемъ отступали отъ береговъ ея. Послѣ трагической кончины Ивони польскіе «козаки» частью были перебиты, частью взяты въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Сверчовскій ¹⁾). Собственно низовые козаки во время подвиговъ Сверчовскаго и его товарищей, по указанію Мацѣевскаго, дѣлали то, что разгуливали подъ начальствомъ атамана Фоки Покотила на лодкахъ по Черному морю и тревожили турокъ, не давая имъ возможности всѣми силами ударить на Молдавію ²⁾).

Около этого же времени по Черному морю плавалъ козацкій атаманъ Самойло Кошка ³⁾, называемый иначе Кушкой и Косткой ⁴⁾. Но этотъ Кошка попался въ плѣнъ къ туркамъ и находился на турецкой галерѣ около 25 лѣтъ, какъ полагають до 1599 года ⁵⁾.

Въ это время козаки представляли изъ себя уже довольно значительную силу, страшную татарамъ и туркамъ, жадную къ добычѣ и подвигамъ, жившую большею частью въ низовьяхъ Днѣпра, по его островамъ. Польскій лѣтописецъ XVI вѣка Мартинъ Бѣльскій описываетъ жизнь козаковъ этого времени въ слѣдующихъ подробностяхъ.

«Эти посполитые люди обыкновенно занимаются на Низу Днѣпра ловлею рыбы, которую тамъ же, безъ соли, сушатъ на солнцѣ и тѣмъ питаются въ теченіе лѣта, а на зиму расходятся въ ближайшіе города, какъ-то: Кіевъ, Черкасы и другіе, спрятавши

¹⁾ Мельникъ, Мемуары южной Россіи, Кіевъ, 1890, I, 101—134.

²⁾ Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1837, августъ, 496.

³⁾ Точныхъ указаній о первомъ кошевствѣ Кошки не имѣется.

⁴⁾ Величко, II, 380; Грабянка, 25; Лѣтописи Бѣлозерскаго, 56; Heidenstein, II, 448.

⁵⁾ Историческія пѣсни мал. народа, Кіевъ, 1874, I, 227, 228; По лѣтописи, изданной Бѣлозерскимъ, послѣ Самойла Кошки у козаковъ вождемъ былъ еще Бородавка, стр. 56.

предварительно на какомъ-нибудь днѣпровскомъ островѣ, въ укромномъ мѣстѣ, свои лодки и оставивши тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ на куренѣ, или, какъ они говорятъ, на стрѣльбѣ. Они имѣютъ и свои пушки, частію захваченныя ими въ турецкихъ замкахъ, частію отнятыя у татаръ. Прежде не было такъ много козаковъ, но теперь ихъ набралось до нѣсколько тысячъ человѣкъ; особенно много ихъ увеличилось въ послѣднее время. Они причиняютъ очень часто большую бѣду татарамъ и туркамъ и уже нѣсколько разъ разрушали («burzuli») Очаковъ, Тягинку, Бѣлгородъ и другіе замки, а въ поляхъ не мало брали добычи, такъ что теперь и турки и татары опасаются далеко выгонять овецъ и рогатый скотъ на пастбище, какъ они прежде пасли, также не пасутъ они скота нигдѣ и по той (лѣвой) сторонѣ Днѣпра на разстояніи десяти миль отъ берега. Козаки насъ наибольше ссорятъ съ турками; сами татары говорятъ, что если бы не козаки, то мы могли бы хорошо съ ними жить; но только татарамъ вѣрить не слѣдуетъ: хорошо было бы, чтобы козаки были, но нужно, чтобы они находились подъ начальствомъ и получали жалованье; пусть бы они жили на мысахъ и на днѣпровскихъ островахъ, которыхъ тамъ такъ много и изъ которыхъ нѣкоторые столь неприступны, что если бы тамъ засѣло нѣсколько сотъ человѣкъ, то самое большое войско ничего бы съ ними не сдѣлало. Въ числѣ этихъ острововъ есть островъ, который козаки называютъ островомъ Коханья ¹⁾; лежитъ онъ между порогами, на разстояніи 40 миль отъ Кіева, занимая нѣсколько миль въ длину. Если татары замѣчаютъ, что на этомъ островѣ сторожатъ козаки, то не такъ смѣло переправляются на нашу сторону, потому что съ этого острова можно препятствовать переправѣ татарскаго войска черезъ кременецкій и кучманскій броды ²⁾, которыми оно обыкновенно къ намъ переправляется. Недалеко отъ этого острова есть другой, называемый Хортицей, тотъ самый, на которомъ передъ этимъ Вишневецкій жилъ и татарамъ очень вредилъ, такъ что они не смѣли черезъ то такъ часто къ намъ вторгаться; нѣсколько ниже этого острова въ Днѣпръ впадаетъ рѣка Тысме-

¹⁾ Къ этому названію подходитъ Кухаревъ островъ, который лежитъ между порогами и выше острова Хортицы: Эварницкій, Вольности зап. ков., 72.

²⁾ Кучманъ-шляхъ, шедшій черезъ правые притоки Буга Савранъ, Кодыму и Кучманъ мимо Бара ко Львову: Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, I, 55.

ница, на 44 мили отъ Кіева ¹⁾. Есть и третій такой островъ, который называется Томаковка, на которомъ больше всего проживаютъ («mieszkiwaią») низовые козаки, такъ какъ онъ служитъ для нихъ самымъ крѣпкимъ замкомъ; противъ него впадаютъ въ Днѣпръ двѣ рѣки Тысмень и Фесынъ, вытекающія изъ Чернаго лѣса ²⁾. Есть тамъ не мало и другихъ меньшихъ острововъ, и если бы на нихъ построить замки и осадить населенія, то татары не посмѣли бы такъ часто врываться къ намъ, но мы почему-то нашли лучшимъ защищаться отъ нихъ у Самбора. Водю такъ же имъ (козакамъ) ничего нельзя было бы сдѣлать, потому что съ моря никакія галеры и боты не могутъ пройти въ Днѣпръ по причинѣ пороговъ, которымъ самъ Господь Богъ опредѣлилъ тамъ быть, и если бы не это обстоятельство, то турки давно бы навѣстили этотъ край (nawiedzili); козаки же такъ свыклись съ этою мѣстностью, что проходятъ пороги въ своихъ кожаныхъ лодкахъ, которыя они называютъ чайками и на которыхъ спускаются внизъ и встаскиваютъ противъ теченія на веревкахъ вверхъ. Въ такихъ самыхъ лодкахъ Русь въ прежнее время причиняла вредъ греческому императору, подплывая иногда къ самому Константинополю, какъ о томъ пишетъ греческій историкъ Зонара. Пожалуй, и теперь козаки такъ поступили бы, если бы ихъ было много. Потому-то турки и хотятъ, чтобы этотъ край оставался пустымъ и незаселеннымъ, чрезъ что они могли бы безопасно оставаться въ Царьградѣ. Былъ въ этихъ краяхъ раньше, въ Бѣлоградѣ, большой портъ, изъ котораго до самаго Кипра пшеницу съ Подоліи возили; теперь чрезъ тотъ городъ, сухимъ путемъ на Очаковъ къ Москвѣ ходятъ только караваны. Изъ Бѣлограда пролегаетъ широкая дорога, на которой козаки часто турецкихъ купцовъ разбиваютъ и, если хотятъ добыть языка, то добываютъ его скорѣе всего именно тамъ. Если бы мы захотѣли привести въ порядокъ козаковъ, то это легко можно было бы сдѣлать,—нужно принять ихъ на жалованье и построить города и замки по самому Днѣпру и по его притокамъ, что весьма легко сдѣлать, такъ какъ и дерева, и лѣса на островахъ имѣется весьма достаточно,—было бы лишь къ тому желанію; объ этомъ

¹⁾ Ни въ XVII, ни въ XVIII вѣкѣ не встрѣчается съ такимъ названіемъ рѣчки ниже Хортицы: Эварниціей, Вольности запорожскихъ козаковъ, 122.

²⁾ Этихъ рѣкъ также не имѣется ни на какихъ планахъ ни XVII, ни XVIII вѣка.

очень мудро говорилъ Янъ Орышовскій, который долгое время былъ у козаковъ гетманомъ и очень хорошо изучилъ тѣ мѣста; онъ взялся бы за это дѣло и выполнилъ бы его непременно»¹⁾.

На основаніи высказаннаго желанія Бѣльскимъ о необходимости построения на Низу Днѣпра постоянной крѣпости противъ Татаръ, слѣдуетъ думать, что и въ это время, т.-е. въ 1574 году, все еще не было постоянной Сичи на Днѣпрѣ, и козаки только временно «мѣшкали» на островѣ Томаковѣ, хотя уже и закладывали основаніе для постояннаго существованія своей столицы.

Въ 1575 году козаки предприняли походъ на Крымъ. На этотъ разъ ими предводительствовалъ князь Богданъ Михайловичъ Ружинскій, родомъ изъ Ружина, владимірскаго повѣта, славный потомокъ Гедимина, литовскаго великаго князя²⁾, «мужъ сердца великаго» (*maż serza wielkiego*), какъ называетъ его Папроцкій, популярнѣйшій вождь между козаками, извѣстный у нихъ и у нѣкоторыхъ изъ польскихъ историковъ подъ простымъ прозвищемъ Богданка. «Презрѣлъ онъ богатства и возлюбилъ славу защиты границъ. Оставивъ временныя земныя блага, претерпѣвая голодъ и нужду, стоитъ онъ, какъ мужественный левъ, и жаждетъ лишь кровавой бесѣды съ невѣрными». Такъ характеризуетъ князя Богдана Ружинскаго польскій геральдикъ Папроцкій въ своемъ сочиненіи «*Panosza to iest Wyslawie panow ruskiech*». Князь Богданъ Ружинскій³⁾ сдѣлался извѣстнымъ сперва какъ начальникъ польской козацкой милиціи, охранявшей границы польской республики. Увидѣвъ общность интересовъ какъ пограничныхъ, такъ и низовыхъ козаковъ, Богданъ Ружинскій перешелъ къ низовымъ козакамъ, и тутъ имя его, какъ смѣлаго и мужественнаго вождя, скоро сдѣлалось извѣстнымъ и въ далекой Москвѣ: «Изъ Москвы государь прислалъ на Днѣпръ, къ головѣ, князю Богдану Ружинскому и ко всѣмъ козакамъ днѣпровскимъ съ вели-

¹⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1358—1360; о томъ же Александра Гвагнаина: Собраніе историческое Лукомскаго въ лѣтописи Самовида, Кіевъ 1878, 329—332.

²⁾ Г-нъ Новицкій высказываетъ предположеніе, что Богданко Ружинскій носилъ и другое имя, Михайлы, по отчеству Евстафѣевича; обыкновенно же его называютъ Богданомъ Михайловичемъ: Кіевская старина, 1882, II, 83; Историческія пѣсни малорусскаго народа, I, 166.

³⁾ Князя Ружинскіе: Кіевская старина, 1882, II, апрѣль, 59—84; Bielskiego, Kronika, Sanok, 1856, III, 1367.

кимъ своимъ жалованьемъ и съ приказомъ къ нимъ: если вамъ надобно въ прибавку козаковъ, то я къ вамъ пришлю ихъ, сколько надобно, и селитру пришлю и запасъ всякій, а вы должны идти весною непременно на крымскіе улусы и на Козловъ. Голова и козаки взялись государю крѣпко служить и очень обрадовались государственной милости. Ханъ, услыжавъ эти вѣсти, созвалъ на совѣтъ князей и мурзъ и сталъ говорить: «Если козаки придутъ, то они прежде всего возьмутъ Бѣлградъ да Очаковъ, а мы у нихъ за хребтомъ, но князья и мурзы отвѣчали на это: Если придетъ много людей на судахъ, то города не остановятъ ихъ; вѣдь козакъ—собака: когда на нихъ приходятъ турецкіе стрѣльцы и на корабляхъ, то они и тутъ ихъ побиваютъ и корабли берутъ» ¹⁾).

Богданко воспользовался случаемъ, когда татары, въ октябрѣ мѣсяцѣ, 1575 года, по повелѣнію султана Амурата, мстившаго Польшѣ за помощь Сверчовскаго Ивонѣ, бросились, въ числѣ 11.000 человекъ «на Русь», произвели въ ней страшные пожары, захватили множество христіанъ въ плѣнъ и погнали ихъ на переправу къ Днѣстру ²⁾). Съ отборною дружиною неустрашимыхъ козаковъ Богданко ворвался въ татарскія владѣнія за Перекопъ, опустошилъ страну огнемъ и мечомъ, освободилъ много христіанскихъ плѣнниковъ изъ неволи, а пойманныхъ туземцевъ предалъ лютейшей казни: козаки Богданка мужчинамъ выкалывали глаза, женщинамъ рѣзали груди, дѣтей безжалостно убивали ³⁾). Послѣ похода на Крымъ Богданко съ низовыми козаками пустился въ открытое море и, приставая къ берегамъ Малой Азіи, бралъ турецкіе города и истреблялъ въ нихъ жителей. Такъ, онъ взялъ Трапезонтъ и вырубилъ его населеніе, потомъ овладѣлъ Синопомъ и разрушилъ его до основанія, послѣ чего подходилъ даже къ Константинополю и «взялъ подъ нимъ многія корысти» ⁴⁾). Ровно черезъ сто лѣтъ послѣ этого запорожскіе козаки вспоми-

¹⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, Москва, 1879, VII, 31.

²⁾ Мельникъ, *Мемуары южной Руси*, Кіевъ, 1890, I, 136. По словамъ Бѣльскаго, поводомъ къ походу Богданка на Крымъ было вторженіе татаръ за Днѣпръ и захватъ ими въ мѣстности востѣ Снявы до 50.000 человекъ христіанъ въ плѣнъ: *Kronika, Sanok*, 1856, III, 1366.

³⁾ Мельникъ, *Мемуары южной Руси*, Кіевъ, 1890, I, 136.

⁴⁾ Грабянка, *Лѣтопись*, Кіевъ, 1854, 22. То же говоритъ и Гвагвинъ: *Собраніе историческое Лукомскаго*, 349, 350.

нали о славныхъ походахъ Богданка и грозили повторить снова подобныя походы на Крымъ ¹⁾). Возвратившись съ моря, Богданко въ 1575 году предпринялъ походъ на турецкую крѣпость Асламъ-городъ, построенную турками для прегражденія выхода козакамъ въ устье Днѣпра и въ Черное море, и обрушился на нее съ такой силой, что отъ нея не осталось и слѣдовъ никакихъ, зато тутъ же, во время штурма замка самъ погибъ при взрывѣ крѣпости подкопомъ на воздухъ ²⁾). О причинѣ такого фанатическаго озлобленія Богданка противъ мусульманъ ни польскіе, ни малорусскіе историки не говорятъ,—говорить лишь народная дума о Богданкѣ, указывая на плѣненіе татарами жены и убіеніе матери его:

«Ой Богдане, запорожській гетьмане,
Та чому жъ ты ходышь въ чорнимъ оксамѣти? ³⁾
Гей, булы жъ у мене гости, гости татарове,
Одну ничку ночували;
Стару неньку варубали
А мыленьку собі взяли: ⁴⁾»

Всѣ изложенныя дѣйствія козаковъ произошли въ тотъ періодъ времени польской исторіи, который носитъ названіе «междоцарствія» (1574—1576), когда изъ Польши бѣжалъ Генрихъ Анжуйскій и вмѣсто него потомъ выбранъ былъ король Стефанъ Баторій (1576—1586), даровитый вождь, политикъ и администраторъ своего времени.

Принявъ въ свои руки управленіе Рѣчи-Посполитой, Стефанъ Баторій между другими вопросами внутренней политики встрѣтился и съ вопросомъ о козакахъ. Но при всѣхъ своихъ административныхъ и государственныхъ способностяхъ Баторій не придумалъ въ этомъ вопросѣ ничего новаго противъ своихъ предшественниковъ, и его отношенія къ козакамъ противорѣчатъ одно другому: то онъ грозитъ въ конецъ истребить козаковъ за ихъ

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 380; Грабянка, 21, 260, 349.

²⁾ Niesiecki, Korona polska, 1740, III, 898; Kronica Marcina Bielskiego, Sapon, 1856, III, 1367; Вантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, I, 124.

³⁾ Послѣ набѣга татаръ на Украину въ 1575 году, когда взято было въ плѣнъ 35.000 человѣкъ жителей, послы изъ русскихъ провинцій, по словамъ современнаго историка Оржельскаго, прибыли на сеймъ въ траурной одеждѣ.

⁴⁾ Историческія пѣсни малорусскаго народа, Кіевъ, 1874, I, 163.

набѣги на турецко-татарскія владѣнія, то даетъ имъ полное право на существованіе, отказываясь передъ турками тѣмъ, что козаки не зависятъ отъ его власти и состоятъ изъ сброда людей всевозможныхъ народностей. Очевидно, Баторій дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ и его предшественники, примѣнительно къ общему теченію политическихъ дѣлъ.

Тотъ часъ по вступленіи на польскій престолъ Стефанъ Баторій долженъ былъ вести борьбу съ жителями города Гданска (Данцига), которые не хотѣли признать Баторія своимъ королемъ и желали вмѣсто него видѣть на польскомъ престолѣ австрійскаго императора Максимиляна. Тогда Баторій весной 1577 года открылъ войну съ гданщанами, и противъ нихъ дѣйствовалъ Янъ Зборовскій съ поляками и козаками. Козаки и поляки поразили гданщанъ подъ Тчевомъ ¹⁾, при чемъ 4527 изъ нихъ убили, 1000 человекъ полонили, шесть штукъ знаменъ съ собой взяли и кромя того большую добычу получили ²⁾.

Одобривъ дѣйствія козаковъ подъ Гданскомъ, Стефанъ Баторій совѣмъ иначе отнесся къ нимъ за походъ въ Молдавію. Походъ въ Молдавію козаковъ при Стефанѣ Баторіѣ связанъ былъ съ предпріятіемъ нѣкогого Ивана Подковы. По словамъ польскаго лѣтописца Мартина Бѣльскаго, жившаго въ XVI вѣкѣ, это произошло такимъ образомъ.

Между запорожскими козаками жилъ нѣкто Иванъ Подкова ³⁾, по однимъ двоюродный братъ погибшаго въ борьбѣ съ Петромъ Ивони, по другимъ, простой холопъ ⁴⁾. Узнавъ объ этомъ, волохи, въ концѣ ноября мѣсяца 1577 года, отправили къ Подковѣ, секретно, своихъ посланцевъ, и черезъ нихъ просили его пріѣхать къ нимъ въ качествѣ наслѣднаго владѣтеля Молдавіи и взять въ собственныя руки «батьковщину», доставшуюся ему отъ брата его Ивони. При этомъ волохи, черезъ тѣхъ же посланцевъ, жаловались на своего господаря Петра за его невыносимыя кривды и за тѣсную связь съ турками, къ которымъ онъ питалъ особенное благоволеніе и многихъ изъ нихъ держалъ при своемъ дворѣ.

¹⁾ Шмидтъ пишетъ «Тчевъ»: Исторія польск. народа, Спб. 1866, II 103.

²⁾ Самовидецъ, 1878, 381; Шмидтъ, Исторія польскаго народа, II, 103.

³⁾ Онъ отличался большою силою и ломалъ подковы, за что и былъ прозванъ Подковою.

⁴⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1430; Heidenstein, Dzieje polskie, Спб., 1857, I, 285.

Подкова благодарилъ пословъ за оказанную ему честь, однако согласился на предложеніе не сразу, а попросилъ сперва у нихъ же самихъ совѣта, какимъ бы путемъ ему исполнить ихъ просьбу. Послы возвратились назадъ, и скоро послѣ этого Подковѣ присланы были два письма, со множествомъ печатей знатнѣйшихъ волошскихъ бояръ, одно для передачи кievскому воеводѣ князю Константину Острожскому, а другое для передачи барскому старостѣ. Въ этихъ письмахъ бояре усиленно просили воеводу дать Подковѣ помощь дойти лишь до Днѣпра, а далѣе они будутъ сами ждать его въ извѣстный день со своимъ войскомъ. Взявъ эти письма, Подкова пріѣхалъ съ ними въ городъ Баръ и, вручивъ ихъ старостѣ, вступилъ съ нимъ въ тайную бесѣду. Во время этой бесѣды староста откровенно объявилъ Подковѣ, что онъ радъ былъ бы помочь ему и ничего ему не стоило бы это сдѣлать, но, въ виду существующаго между Польшей и Турціей мира, рѣшиться на это, безъ согласія и приказа короля, не можетъ; зато обѣщаетъ просить о томъ, черезъ письмо, короля, а тѣмъ временемъ совѣтуетъ Подковѣ погостить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ, проживая въ Барѣ, онъ могъ бы выдать себя и тѣмъ поднять тревогу во всей волошской землѣ. Подкова поблагодарилъ за все старосту и уѣхалъ отъ него прочь. Скоро объ этомъ узналъ нѣкто Станиславъ Копыцкій, одинъ изъ пограничныхъ пановъ, который только что вернулся съ поля въ Баръ; онъ явился къ Подковѣ, поздравилъ его съ неожиданнымъ счастьемъ и вызвался помогать ему, по мѣрѣ возможности, въ его дѣлѣ. Подкова усердно благодарилъ Копыцкаго и просилъ его исполнить выраженныя обѣщанія на самомъ дѣлѣ, за что въ свою очередь обѣщалъ щедро наградить его въ томъ случаѣ, если Господь Богъ позволитъ сѣсть ему въ отчизнѣ на престолъ, куда призываютъ его подданные его. Тогда Копыцкій, пользуясь расположеніемъ у козаковъ, съ которыми онъ пробылъ около 20 лѣтъ, отправился къ нимъ со всѣми своими деньгами, собранными имъ на службѣ, и роздалъ ихъ между козаками. Копыцкому во всемъ помогалъ одинъ волошанинъ Чапа, который женился въ брацлавской волости и чрезъ то проживалъ въ ней. Благодаря стараніямъ Копыцкаго и Чапы, возлѣ нихъ собралось 330 человекъ козаковъ, единаго отборнаго народа, надъ которыми гетманомъ былъ нѣкто Шахъ. Явившись къ Подковѣ, козаки ворвались въ волошскую землю; но, услышавъ о томъ, что волош-

скій воевода Петръ выступилъ противъ нихъ съ большою силою и со многими орудіями, какихъ у нихъ самихъ не было, повернули, запашились живностью, назадъ, рѣшивъ попытать счастья въ другой разъ. Тѣмъ временемъ волошскій господарь Петръ, узнавъ о происшедшемъ, послалъ турецкаго чауша къ галицкому каштеляну, возвращавшемуся къ этому времени отъ турецкаго султана, послѣ заключенія мирнаго союза, съ жалобой на то, что, вопреки условіямъ мира и союза, козаки снова опустошаютъ султанскія владѣнія и добиваются посадить на волошскомъ господарствѣ нѣкоего Подкову. Господарь требовалъ отъ галицкаго каштеляна написать польскому королю письмо о томъ, чтобы онъ поскорѣе помѣшалъ этому, изловилъ и наказалъ по закону Подкову, а надъ всѣми козаками учинилъ бы расправу, въ противномъ случаѣ грозилъ гнѣвомъ и немилостью турецкаго султана. Все это каштелянъ галицкій досконально вылилъ королю. Короля это очень обезпокоило, и онъ немедленно послалъ своего коморника съ письмами къ коронному гетману, а также къ нѣкоторымъ русскимъ панамъ, чтобы они постарались поймать Подкову и всѣхъ сообщниковъ его. Послѣ этого гетманъ выслалъ три роты, надъ которыми поставилъ старшимъ своего слугу Боболецкаго. Боболецкій направился въ городъ Немировъ, гдѣ находился раньше того Подкова, и дѣйствительно засталъ его въ Немировѣ. Но Подкова во-время узналъ объ этомъ и выгѣхалъ изъ города, имѣя при себѣ 50 человекъ пѣшихъ козаковъ съ рушницами. Достигши какого-то брода, Подкова сталъ въ водѣ конямъ по брюхо и выставилъ впереди себя стрѣльцовъ. Когда Боболецкій подгѣхалъ къ броду и замѣтилъ, на сколько Подкова выбралъ трудное для стычки мѣсто, то, повернувъ назадъ, поѣхалъ въ Немировъ. Вслѣдъ за нимъ, въ тотъ же Немировъ, поѣхалъ и Подкова— Боболецкій въ замокъ, а Подкова тайно прямо въ городъ. Прибывъ въ Немировъ, Боболецкій потребовалъ у начальника той части города, гдѣ скрылся Подкова, выдачи его, но получилъ отъ начальника города отвѣтъ: «Выдать тебѣ я его не могу, но и не защищаю его; возьми его самъ, если сможешь». Тогда Боболецкій удалился прочь, ничего не сдѣлавъ съ Подковой. Послѣ этого коронный гетманъ донесъ королю, что достигнулъ Подкову въ Немировѣ, но намѣстникъ брацлавскаго воеводы (Янъ Збаражскій) отказался его выдать. Король немедленно послалъ своего коморника къ воеводѣ съ приказаніемъ выдать Подкову. Но пока королев-

скій коморникъ пріѣхалъ въ Немировъ, Подкова уже успѣлъ обратиться и сдѣлать набѣгъ на волошскую землю. На помощь къ нему явился гетманъ Шахъ, который взялъ съ собой 600 человекъ козаковъ, а 400 человекъ оставилъ на Низу; онъ вышелъ на шляхъ, называемый Пробитымъ, и привѣтствовалъ Подкову какъ волошскаго господаря, приказавъ бить передъ нимъ въ кожаные бубны. Козаки провели Подкову до Сорокъ, гдѣ чернь принимала его какъ своего господаря. Между тѣмъ молдавскій господарь Петръ, узнавъ о всемъ случившемся, сталъ готовиться къ бою противъ Подковы, и когда козаки подошли къ Яссамъ, то Петръ выстроилъ значительное войско, поставивъ на переднемъ флангѣ своей рати турокъ, числомъ до 500 человекъ, вооруженныхъ стрѣльбами. Это обстоятельство тотчасъ же замѣтили козаки и выстроились такъ, что вражескіе выстрѣлы не причиняли имъ никакого вреда. Тутъ кто-то пустилъ молву, будто между козаками былъ человекъ, который умѣлъ заговаривать ружейныя пули; въ дѣйствительности же это происходило отъ того, что когда враги подносили къ орудіямъ фитили, то козаки, замѣтивъ дымокъ, тотчасъ же падали на землю и такимъ образомъ дѣлались неуязвимы отъ выстрѣловъ. Турки, полагая, что козаки побиты, ринулись на нихъ цѣлою массой, но тѣ, сорвавшись съ мѣстъ, бросились на нихъ со всею силой и встрѣтили враговъ такимъ сильнымъ огнемъ изъ ружей, отъ котораго у непріятелей тотъ же часъ пало 300 коней, а остальные разбѣжались по сторонамъ. Потерпѣвъ первое пораженіе, господарь Петръ, вмѣсто того, чтобы приказать своимъ людямъ идти въ атаку, велѣлъ имъ отступать и, не возвращаясь въ Яссы, повернулъ къ низовымъ землямъ брата своего, мультанскаго господаря, а оттуда отправилъ пословъ къ турецкому султану съ жалобой на козаковъ, подданныхъ польскаго короля, за то, что они выгнѣснили его изъ его собственныхъ владѣній и передали ихъ другому. На такую жалобу турецкій султанъ отвѣчалъ господарю такъ: «Я считаю тебя моимъ подданнымъ и посадилъ тебя для того, чтобы ты служилъ мнѣ тамъ, гдѣ бы я ни приказалъ, а ты вмѣсто того требуешь отъ меня службы; теперь я приказываю тебѣ выгнать негоднаго человека, и если ты этого не сдѣлаешь, то я сниму тебѣ голову, а вмѣсто тебя посажу другого господаря». Тѣмъ временемъ Шахъ съ козаками благополучно и безъ урона возвелъ Подкову на волошское господарство. Козаки вѣхали въ городъ Яссы наканунѣ праздника

св. Андрея 1577 года, и Подкова тотчасъ же выпустилъ на волю всѣхъ плѣнниковъ, бывшихъ въ городѣ, безъ выкупа. Между ними былъ нѣкто Бокі, шляхтичъ изъ Волини, проданный туркамъ татарами; на гербѣ его значился бѣлый топоръ на красномъ фонѣ, а сверху желтый крестъ. Потомъ Подкова сталъ раздавать важнѣйшія должности своимъ сподвижникамъ: Шаху поручилъ весь волошскій народъ; Чапѣ—маршалство, начальство надъ войсками и управленіе дворомъ, Копыцкому далъ хотинское буркалабство. Послѣ же всего этого онъ отправилъ къ турецкому султану посла за господарскимъ знаменемъ, но посла его перехватили въ дорогѣ и не допустили дойти до султана. Между тѣмъ прежній господарь, Петръ, собралъ большое войско и двинулся къ Яссамъ. Когда козаки прослышали объ этомъ, то посовѣтовали Подковѣ не ожидать непріятеля въ замкѣ, а выступить ему на встрѣчу. Подкова послушался совѣта козаковъ, и когда Петръ былъ недалеко отъ Яссъ, то Подкова, съ козаками и волошскимъ народомъ, выступилъ противъ Петра и выстроилъ впередъ козаковъ, желая, чтобы они первые выступили на бой; но козаки, не довѣряя волохамъ, не согласились на то. Тогда Шахъ поставилъ на сторожѣ нѣсколько человекъ козаковъ, чтобы они сами убѣдились въ безхитростномъ отношеніи къ нимъ волоховъ: онъ велѣлъ погнать впередъ войска стада лошадей и рогатаго скота, желая тѣмъ сбить непріятельскихъ пѣхотинцевъ съ мѣста, а впереди стадъ допустилъ выйти турецкимъ отрядамъ. Все это такъ и случилось, и турки такъ долго гарцовали въ виду войскъ Подковы, что козаки стали терять терпѣнье и начали сами стремиться къ бою. Но Шахъ, желая, чтобы турки еще ближе подѣхали, нѣсколько задержался. Только тогда, когда турки уже были атакованы, Шахъ велѣлъ направить на нихъ ручную стрѣльбу. Результатомъ этой битвы было то, что одна часть войска Петра осталась побитой, а другая обратилась въ тылъ. Козаки, воспользовавшись этимъ, принялись стрѣлять скотъ, выставленный Подковой; скотъ же, повернувъ назадъ, началъ давить оставшееся въ живыхъ войско Петра. Стоявшіе на правой рукѣ Подкова и на лѣвой Шахъ скоро замѣтили это и разомъ ударили на своихъ враговъ: они съ такой силой били и сѣкли растерявшихся непріятелей, что очень большое число ихъ положили на мѣстѣ; самъ господарь едва успѣлъ, съ остатками войска, спастись бѣгствомъ. Несмотря на такой исходъ битвы, Подкова, однако, очень сомнѣ-

вался на счетъ того, сможетъ-ли онъ удержать за собою молдавскія владѣнія, тѣмъ болѣе, что онъ получилъ извѣстія о томъ, что къ Петру шла немалая помощь отъ семиградскаго господаря, брата короля Стефана Баторія, Христофора Баторія, и это дѣлалось по распоряженію самого короля, который былъ большимъ другомъ Петра и желалъ, чтобы за нимъ осталось молдавское господарство. Оттого Подкова выѣхалъ во-время изъ Яссы, захвативъ предварительно въ немъ 14 орудій, самыя цѣнныя вещи и большой запасъ провизіи. Старый хотинскій буркалабъ, котораго Копыцкій выгналъ изъ Хотина и который проживалъ по сю сторону Днѣпра, въ имѣніи Якуба Струся, узнавъ о томъ, что Подкова идетъ изъ Яссы, выѣхалъ тайкомъ изъ своего убѣжища, внезапно схватилъ Копыцкаго и отдалъ его своимъ стражамъ, а потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, поѣхалъ къ своему господарю, но тутъ натолкнулся на козаковъ, которыхъ выславъ Подкова на встрѣчу Копыцкому, чтобы ему было безопаснѣе ѣхать изъ Хотина. Козаки тотчасъ отняли у буркалаба Копыцкаго, самого буркалаба разсѣкли на части, не пощадили никого и изъ людей, бывшихъ съ нимъ. Приближаясь къ Сорокамъ, Подкова раздумывалъ, какъ бы ему направиться на низовье Днѣпра: полемъ ѣхать онъ опасался большихъ снѣговъ, а мимо Немирова боялся гетмана и воеводы брацлавскаго, которые, по приказу короля, усердно старались его поймать. Противъ Подковы вышелъ гетманъ, но видя, что у него очень мало народа, не хотѣлъ на него нападать, рассуждая такъ, что онъ и безъ пролитія крови возьметъ его въ свои руки. Брацлавскій воевода, Янъ Збаражскій, будучи въ Немировѣ, пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ челоуѣкъ козаковъ вмѣстѣ съ ихъ гетманомъ Шахомъ. Тутъ воевода объявилъ имъ о томъ, сколько онъ имѣлъ непріятностей отъ короля, не чувствуя себя ни въ чемъ виноватымъ передъ нимъ, изъ-за Ивана Подковы, котораго козаки вели на молдавское господарство и тѣмъ дали поводъ турецкому султану нарушить миръ. Воевода совѣтовалъ козакамъ посерьезнѣе отнестись къ этому дѣлу и не гнѣвить короля, а Подковѣ рекомендовалъ ѣхать къ королю и оправдать свой поступокъ, завѣряя его, что такого рыцаря, какъ Подкова, король приметъ вполне милостиво. Воевода вызвался даже свести Подкову къ коронному гетману, а гетманъ сведетъ его къ королю. Козаки передали эти слова Подковѣ, и Подкова охотно принялъ предложеніе и отправился съ воеводой къ гетману, подаривъ

первому 12 орудій, второму — 2 орудія. Гетманъ отослалъ Подкову въ Варшаву, но король принялъ его неблагоклонно и велѣлъ посадить въ тюрьму, надѣть на него оковы и приставить сильную стражу. Узнавъ объ этомъ, турецкій султанъ послалъ къ Баторію своего чауша и черезъ него сталъ требовать выдачи ему Подковы; Стефанъ Баторій и хотя не исполнилъ требованія султана, однако, въ угоду ему, велѣлъ Подковѣ отрубить голову, что и было исполнено въ городѣ Львовѣ въ 1578 году. Польскій король дѣлалъ въ это время приготовленія къ войнѣ съ русскимъ царемъ и потому находилъ нужнымъ обезпечить себя со стороны турокъ, для чего и казнилъ Ивана Подкову.

Послѣ казни Подковы казаки, мстя за гибель его, нашли гдѣ-то брата его Александра и съ нимъ снова ударились въ Молдавію и снова выгнали-было Петра изъ княжества. Но на этотъ разъ сами турки разбили козаковъ и многихъ изъ нихъ привели въ Царьградъ, а выставленнаго ими претендента на молдавскій престолъ, Александра, посадили на колъ ¹⁾).

Такая смѣлость со стороны козаковъ объясняется отчасти тѣмъ, что они находили сочувствіе въ своихъ набѣгахъ на турецкія владѣнія со стороны не только простого украинскаго населенія, но даже и знатныхъ польскихъ пановъ. Такъ, пріѣзжавшій въ 1578 году къ польскому королю турецкій чаушъ съ требованіемъ казни Подковы, заявилъ жалобу на брацлавскаго воеводу Яна Збаражскаго и дворянина Филона Кмиту въ томъ, что они содержатъ въ своихъ мѣстностяхъ козаковъ, дѣлаютъ съ ними набѣги на турецкія владѣнія и причиняютъ туркамъ большіе убытки. Такъ какъ по этому поводу предъявлено было отъ Порты новое требованіе, то король Стефанъ Баторій отправилъ особыхъ комиссаровъ съ Яномъ Тарломъ во главѣ къ низовцамъ съ цѣлью изслѣдованія вопроса объ обидахъ, чинимыхъ козаками татарамъ и туркамъ и съ намѣреніемъ усмиренія козаковъ; но посланные комиссары, послѣ долгихъ споровъ съ козаками, слѣдствія произвести не могли и возвратились ни съ чѣмъ къ королю ²⁾).

Король старался снять съ себя всякую вину за дѣйствія козаковъ и, отправляя весной того же 1578 года своего посла Мар-

¹⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1430—1435, 1440.

²⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1440, 1441; Тоже Гвагиннъ въ собраніи Лукомскаго: Самовидецъ, 1878, 357.

тина Броневскаго въ Крымъ, велѣлъ ему относительно козаковъ говорить такъ: «Если козаки нападуть на татарскіе улусы, то это будетъ навѣрное безъ нашего вѣдома: мы ихъ не только не желаемъ содержать, напротивъ того, желали бы истребить, но у насъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ столько военной силы, чтобы совладать съ ними. Для достиженія этой цѣли, ханскій посолъ совѣтовалъ намъ, во-первыхъ, запретить украинскимъ старостамъ давать имъ селитру, порохъ, свинецъ и съѣстные припасы; во-вторыхъ, не позволять козакамъ проживать въ украинскихъ селахъ, городахъ и замкахъ, и, въ-третьихъ, пригласить старшихъ козаковъ на королевскую службу. Попробуемъ, можно-ли ихъ привлечь къ себѣ» ¹⁾.

Не довольствуясь этимъ, Стефанъ Баторій вслѣдъ за отправкой посла въ Крымъ, послалъ универсалъ къ своимъ пограничнымъ старостамъ съ упрекомъ на то, что они дѣйствуютъ заодно съ низовыми козаками, даютъ имъ у себя пристанища и вмѣстѣ съ ними ходятъ въ турецкія владѣнія: «Не впервые уже я убѣждалъ паповъ старость не скрывать у себя низовцевъ и не снабжать ихъ порохомъ, свинцомъ и съѣстными припасами; но они меня не слушались и тѣмъ навлекли со стороны татаръ опустошительный набѣгъ на пограничныя области. Въ послѣднее время ханскій посолъ прямо указывалъ, что предводители низовцевъ, Шахъ и Арковскій, зимовали одинъ въ Немировѣ, а другой въ Кіевѣ, и при этомъ объявилъ, что никакіе подарки не будутъ достаточны для удержанія татаръ отъ набѣговъ, если козаки не перестанутъ беспокоить ихъ владѣній. Въ такомъ положеніи дѣла повелѣли мы Константину Константиновичу князю Острожскому, кіевскому воеводѣ, чтобъ онъ, исполняя свой договоръ съ перекопскимъ царемъ, двинулся къ Днѣпру и прогналъ оттуда разбойниковъ козаковъ, а кто изъ нихъ попадетъ ему въ руки, каралъ бы смертью. Всѣмъ же украинскимъ старостамъ повелѣваемъ содѣйствовать въ этомъ князю Острожскому и также ловить и карать смертью запорожцевъ, когда они разбѣгутся съ низовцевъ Днѣпра» ²⁾. О мѣрахъ, взятыхъ противъ козаковъ, Стефанъ Баторій сообщилъ крымскому хану Махметъ-Герая; но тутъ же заявилъ, что онъ не увѣренъ, чтобы низовцы, по возвращеніи по-

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1874, I, 90.

²⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1874, I, 91.

сланнаго противъ нихъ князя Острожскаго, снова не собрались на Низу, такъ какъ выгнать козаковъ изъ «дикихъ мѣстъ» весьма трудно, тѣмъ болѣе, что имъ покровительствуетъ Москва, въ области которой они нерѣдко и уходятъ, чтобы спастись отъ преслѣдованій поляковъ ¹⁾).

Не смотря на мѣры, взятыя Стефаномъ Баторіемъ, низовцы не переставали чинить походовъ за Перекопъ въ татарскія владѣнія и ходить съ новыми претендентами на престолъ въ Молдавію, какимъ былъ Петръ Лакуста — волошанинъ, называвшій себя сыномъ казеннаго турками Александра. Апрѣля 17 дня, 1579 года, низовцамъ посланъ былъ особый универсалъ. Въ немъ король, называя козаковъ запорожскими молодцами, говорилъ, что такъ какъ они вступили въ королевскую службу, то обязаны вѣрно служить королю и Рѣчи-Посполитой и во всемъ повиноваться черкасскому старостѣ, подъ начальствомъ котораго состоятъ; а между тѣмъ они этого не дѣлаютъ и уже въ третій разъ предпринимаютъ походъ въ Молдавію, чѣмъ нарушаютъ мирный договоръ Рѣчи-Посполитой съ Турціей. Тутъ же король увѣрялъ, что новый претендентъ на молдавскій престолъ, называющій себя сыномъ Александра, есть обманщикъ и самозванецъ; указывалъ имъ вмѣсто Молдавіи на Россію, куда они могли бы ходить безпрепятственно и добывать тамъ больше славы, чѣмъ въ Молдавіи, и въ заключеніе требовалъ полного себѣ повиновенія, въ противномъ случаѣ грозилъ имъ лишеніемъ имущества и жизни ²⁾).

Зная, однако, по опыту, какъ принимались низовыми козаками королевскіе универсалы, Стефанъ Баторій на однѣхъ угрозахъ не остановился: онъ придумалъ средство обезсилить и сократить число низовыхъ козаковъ посредствомъ сформированія въ Рѣчи-Посполитой такъ-называемыхъ выбранцевъ. Выбранцами названа была пѣхота, составленная, по рѣшенію сейма 1578 года, изъ каждаго двадцати лановыхъ людей по одному человѣку. Выборъ производился въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ и селеніи и непремѣнно по добровольному желанію человѣка. Каждый выбранецъ, изъявившій согласіе на королевскую службу, долженъ былъ обмундироваться на собственный счетъ—имѣть извѣст-

¹⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1442.

²⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Слб. 1878: I, 92, 94.

наго цвѣта платье, рупшицу, саблю, топоръ, порохъ, свинецъ, и обязанъ былъ являться въ назначенное мѣсто каждую четверть года къ ротмистру или поручику, зато онъ освобождался отъ всякихъ общественныхъ податей и повинностей въ мирное и въ военное время. Такимъ образомъ, выбранцы не имѣли надобности уходить за пороги, на низовья Днѣпра, въ Великій Лугъ, ради заработка, и тѣмъ увеличивать собой численность низового или вольнаго козачества ¹⁾).

Однако, не смотря на эту мѣру, низовые козаки по прежнему не переставали тревожить татаръ и турокъ своими набѣгами, и въ 1579 году крымскій ханъ, отправляя своего посла къ Стефану Баторію, снова заявлялъ черезъ него жалобу на козаковъ. На эту жалобу король отвѣчалъ тѣмъ, что козаки—люди вольные и потому усмирить и наказать ихъ, какъ людей вольныхъ, и трудно, и непристойно, хотя онъ всячески будетъ стараться объ удержаніи ихъ отъ набѣговъ на татарскія владѣнія ²⁾). Въ оправданіе своихъ словъ, король разослалъ въ январѣ 1580 года изъ города Варшавы универсалы къ урядникамъ и шляхтичамъ кievскаго, подоляскаго, волинскаго и брацлавскаго воеводствъ съ приказаніемъ имъ предотвращать «своевольныхъ» людей отъ вторженія ихъ въ турецкіе предѣлы ³⁾).

Довольно холодный тонъ отвѣта польскаго короля крымскому хану по поводу жалобы послѣдняго на козаковъ объясняется самымъ обстоятельствомъ дѣла въ Польшѣ. Въ это время (начиная съ 1579 года). Польша вела такъ-называемую ливонскую войну съ Москвою и потому очень нуждалась въ козакахъ. Во все время ливонской войны козаки помогали полякамъ, взятіемъ возлѣ Полоцка замковъ Краснаго, Великолуцка, Заволочья, Невеля, Усвята, Туровля и Нисцерда, подъ начальствомъ Франциска Сука, какого-то Микиты и какого-то Бирули; добывали языковъ при походѣ къ Велижу у Двины и особенно отличились у Стародуба, въ концѣ 1580 года. Въ это же время, по словамъ польскаго лѣтописца Бѣльскаго, низовые козаки, со своимъ гетманомъ Яномъ Орышевскимъ, ворвались въ московскія земли и причинили тамъ большія škody:

¹⁾ Кулишъ, Исторія, I, 93; Шмидтъ, Исторія польск. народа, II, 107.

²⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sopot, 1856, III, 1440, 1507; Гвагнинъ въ собраніи историческомъ Лукомскаго, Самовидецъ, 1878, 357.

³⁾ Архивъ югозападной Россіи, Кіевъ, 1863, ч. III, т. I, 12—14.

они сожгли городъ Стародубъ и съ большою добычею вернулись назадъ ¹⁾.

Возвратившись изъ ливонскаго похода, козаки вновь обратили свое вниманіе на Крымъ, гдѣ въ это время, послѣ смерти Девлетъ-Герая, воцарился Магметъ-Герай. Желая предупредить внутренняго междоусобія въ Крыму, Магметъ-Герай обнажилъ мечъ противъ двухъ младшихъ братьевъ своихъ и заставилъ ихъ бѣжать «въ поля». Но въ поляхъ, послѣ долгаго скитанія, царевичи изловлены были козаками и доставлены старостѣ черкасскому, князю Михаилу Вишневецкому ²⁾.

Въ 1582 году крымскій ханъ опять повторилъ свою жалобу на козаковъ ³⁾, хотя жалоба эта вызвана была, по догадкѣ польскаго лѣтописца, главнымъ образомъ тѣмъ, что турецкій султанъ собирався въ это время походомъ на Персію, а потому особенно добивался удаленія козаковъ съ низовьевъ Днѣпра. Стефанъ Баторій снова сослался на то, что козаки люди вольные и усмирить ихъ составляетъ большой трудъ. На это ханскій посолъ сказалъ, что если король не усмирить козаковъ, то перекопскій царь не станетъ держать перемирія съ королемъ и ворвется въ предѣлы Польши. Услышавъ это, Стефанъ Баторій, послѣ отъѣзда посла, двинулъ 22 роты коннаго войска на Подолья для предупрежденія вторженія туда татаръ ⁴⁾.

Но вторженія татары въ Подолію на этотъ разъ не сдѣлали, а козаки въ этомъ же 1582 году напали на возвращавшихся изъ Москвы въ Крымъ ханскихъ пословъ и пограбили ихъ. Тогда ханъ, черезъ своего посла, потребовалъ отъ Стефана Баторія удовлетворенія и объявилъ, что онъ ждетъ отвѣта, сидя на конѣ, и въ случаѣ отказа со стороны короля немедленно вторгнется съ сорока тысячею турокъ въ Польшу. На такую рѣчь король отвѣчалъ, что онъ не отвѣтенъ за козаковъ, такъ какъ между ними столько же татаръ, сколько и другихъ націй людей и что противъ угрозъ хана онъ готовъ выставить собственное войско. И точно, желая предупредить хана, Стефанъ Баторій приказалъ коронному гетману Замойскому собирать войска, и когда гетманъ объявилъ походъ, то къ нему присоединился съ собственными полками и

¹⁾ Kronika Bielskiego, III, 1447, 1449, 1454, 1457, 1460, 1467, 1480.

²⁾ Kronika Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1485.

³⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 152, 155.

⁴⁾ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1507, 1444.

-князь Константинъ Острожскій. Видя такую рѣшимость со стороны польскаго короля, татары не посмѣли сдѣлать нападенія на пограничныя польскія владѣнія, хотя уже было и подошли къ Днѣпру и сдѣлали набѣгъ на Подолію ¹⁾.

Для избѣжанія на будущее время столкновенія съ турками и татарами, король вновь приказалъ пограничнымъ стражамъ не допускать козаковъ къ походамъ противъ мусульманъ, но въ половинѣ этого же 1582 года, послѣ такъ-называемаго запольскаго перемирія, объявлено было объ окончаніи войны Польши съ Россіей, во время которой украинскіе козаки принимали такое дѣятельное участіе, и тогда масса этого, привыкшаго къ войнѣ люда, стала бросать свои пепелища на Украинѣ и уходить на низовья Днѣпра ²⁾. Король, еще не зная замысла козаковъ, особенно расхваливалъ ихъ за подвиги во время польско-русской войны и въ 1583 году рекомендовалъ раднымъ панамъ козаковъ какъ людей, показавшихъ особыя доблести, которымъ и грядущія поколѣнія должны удивляться: «нужно,—говорилъ король,—чтобы на нихъ обращено было особенное вниманіе» ³⁾.

А между тѣмъ козаки, собравшись на низовьяхъ Днѣпра и войдя въ соглашеніе съ пограничною шляхтой, въ томъ же 1583 году бросились въ Молдавію и опустошили ее, а потомъ вторглись въ турецкія владѣнія и тутъ взяли крѣпость Ягорлыкъ и разграбили городъ Тягинъ. Король, узнавъ объ этомъ, приказалъ пограничному войску ловить козаковъ и заключать ихъ въ оковы. Козаки, въ свою очередь, увѣдомясь о королевскомъ приказаніи, взяли свои мѣры: они прошли кіевскимъ воеводствомъ въ предѣлы московскаго государства и спаслись тамъ отъ преслѣдованій, и только часть изъ нихъ была изловлена и поплатилась лишеніемъ свободы, будучи закована въ кайданы ⁴⁾. Послѣ этого Стефанъ Баторій, желая выгородить себя передъ турецкимъ султаномъ за набѣгъ козаковъ, поспѣшилъ извѣстить его, что нападеніе сдѣлано было на турецкіе города людьми своевольными, которые будутъ строго судимы, и взятая ими добыча и отбитыя пушки будутъ возвращены по принадлежности туркамъ. Султанъ былъ

¹⁾ Albetrandy, Panowanie Stephana Batorégo, Warszawa, 1823, 222; Kronika Marcina Bielskiego, III, 1512.

²⁾ Heidenstein, Dzieje polskie, Спб., 1857, II, 361.

³⁾ Albetrandy, Panowanie Stephana Batorégo, Warszawa, 1823, 387.

⁴⁾ Соловьевъ, Исторія Россія, Москва, 1879, VII, 32.

польщенъ такою предупредительностью, хотя потребовалъ жестокаго наказанія виновныхъ въ разореніи Тягиня, а также пригрозилъ королю войной на будущее время за подобныя нападенія со стороны козаковъ ¹⁾.

Повторявшіеся изъ года въ годъ набѣги козаковъ на турецко-татарскія владѣнія и оттого постоянныя угрозы со стороны Турціи и Крыма Польшѣ давно уже заставляли короля Стефана Баторія предпринять рѣшительныя мѣры противъ козаковъ, и если онъ откладывалъ привести козаковъ къ строгой дисциплинѣ, то дѣлалъ въ этомъ случаѣ уступку обстоятельствамъ и нуждамъ республики.

Всѣ малороссійскіе лѣтописцы приписываютъ приведеніе козаковъ «въ лучшей порядокъ» королю Стефану Баторію и относятъ это къ 1576 году ²⁾, тогда какъ польскіе лѣтописцы XVI вѣка или совѣмъ не говорятъ объ этомъ, или же ограничиваются одними только намеками, какъ дѣлаетъ, напримѣръ, въ своей хроникѣ Бѣльскій. Подъ 1578 годомъ онъ сдѣлалъ замѣтку всего лишь въ двѣ строчки, что король Стефанъ Баторій успокоилъ страну отъ турокъ, татаръ и козаковъ, которыхъ нѣсколько подтянулъ, поставивши надъ ними гетманомъ Орышовскаго изъ герба Правдича ³⁾. Такой же неясный намекъ даетъ въ своемъ универсалѣ, апрѣля 17 дня, 1579 года, и самъ король Стефанъ Баторій по поводу нападенія козаковъ на Молдавію съ Петромъ Лакустою: «Такъ какъ вы (козаки) вступили въ нашу службу, то обязаны вѣрно служить намъ и Рѣчи-Посполитой» и проч. ⁴⁾. Оттого современные историки и изслѣдователи Малороссіи ставятъ регуляцію козаковъ, произведенную Стефаномъ Баторіемъ, подъ различными годами, но вѣроятнѣйшею кажется догадка, относящая это дѣло къ 1583 году ⁵⁾. Что козацкой регуляціи не было въ 1576 году, это видно изъ приведенной выше инструкціи, какую давалъ Баторій своему послу Броневскому, ѣхавшему въ Крымъ въ 1578 году: въ ней король велѣлъ сообщить Магметъ-Герая, что онъ,

¹⁾ Kronika Bielskiego, III, 1516; Albetrandy, Panowanie Stephana Batorého, Warszawa, 1823, 237—239.

²⁾ Лѣтопись Грабянки, 1854, 21, 22; Собрание историческое Лукомскаго въ лѣтописи Самовидца, 1878, 349; Сборникъ лѣтописей, Кіевъ, 1888, 3; Ригельманъ, Лѣтопись, I, 25.

³⁾ Kronika Bielskiego, Sanok, 1856, III, 1441.

⁴⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, Спб., 1874, I, 94.

⁵⁾ Кіевская старина, 1884, сентябрь, 45.

по совѣту самого же хана, попытается привести въ порядокъ козаковъ, но что выйдетъ изъ того, самъ не знаетъ. Также есть основаніе думать, что и въ 1581 году такой регуляціи у козаковъ еще не было, потому что пойманныхъ въ это время въ дикихъ поляхъ двухъ крымскихъ царевичей, бѣжавшихъ отъ хана Магметъ-Герая, козаки предали въ руки старосты черкаскаго, князя Михаила Вишневецкаго, тогда какъ, при существованіи отдѣльнаго козацкаго уряда, они должны были бы передать ихъ въ руки собственнаго начальства. Подлинной грамоты о козацкой реформѣ не сохранилось, но она приводится въ универсалѣ гетмана Богдана Хмельницкаго, писанномъ въ 1655 году и самимъ универсаломъ относится къ 1576 году. Сущность же реформы приводится у всѣхъ малороссійскихъ лѣтописцевъ то короче, то сокращеннѣе, но въ общемъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же.

«Въ 1576 году король польскій Стефанъ Баторій, видя у козаковъ большую противъ турокъ и татаръ храбрость и отвагу, привелъ ихъ въ лучшій порядокъ: опредѣлилъ имъ гетмана и старшину, даровалъ знамя, булаву, бунчукъ и печать съ войсковымъ гербомъ, на которой изображенъ рыцарь съ мушкетомъ на правомъ плечѣ, съ лѣвою рукою, упертою въ лѣвый бокъ, съ саблею у того же лѣваго бока и съ рогомъ для ношенія огнестрѣльнаго пороха и съ перекривленнымъ колпакомъ на головѣ; кромѣ того, послѣ гетмана король назначилъ имъ обознаго, двухъ судей, писаря, двухъ асауловъ, войскового хорунжаго и войскового бунчужваго, полковниковъ, полковыхъ старшицъ, сотниковъ и атамановъ; не далъ только король пушекъ козакамъ, потому что козаки, разоряя турецкіе и татарскіе города и крѣпости, сами достали себѣ пушекъ. Устроивши козаковъ, король повелѣлъ имъ быть на стражѣ противъ татаръ во всей готовности около днѣпровскихъ пороговъ; разсуждая же объ ихъ храбрости, онъ съ предсказаніемъ замѣтилъ, что будетъ отъ тѣхъ юнаковъ когда-то Рѣчь-Посполитая вольная. Въ одно время съ этимъ король учредилъ и запорожскимъ козакамъ кошевого атамана и всю ихъ старшину и пожаловалъ, какъ и гетману, войсковые клейноты, только къ печати ихъ передъ рыцаремъ прибавилъ стоящее копье, знаменующее бодрствующаго воина. Кромѣ всего этого, помимо стараго кладового ¹⁾ козацкаго города Чигирина далъ еще низовымъ казакамъ

¹⁾ То-есть, города, въ которомъ складывали артиллерію и продовольствіе.

для пропитанія городъ Терехтемировъ съ уѣздомъ и монастыремъ для пребыванія въ немъ больныхъ и на войнѣ раненыхъ. И всѣмъ козакамъ, какъ городовымъ, такъ и запорожскимъ, назначилъ жалованье по червонцу въ годъ и по кожуху, чѣмъ козаки долгое время были очень довольны» ¹⁾).

Такъ рассказываетъ о козацкой реформѣ, произведенной королемъ Стефаномъ Баторіемъ, одинъ изъ малороссійскихъ лѣтописцевъ. Подробнѣе объ этомъ излагается въ грамотѣ короля Стефана Баторія, помѣченной 1576 годомъ, данной на имя кошевого атамана Павлюка, приведенной потомъ въ универсалѣ гетмана Богдана Хмельницкаго.

«Богданъ Хмельницкій гетманъ обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запорожскихъ. Панамъ, панамъ енеральной старшинѣ, полковникамъ, полковой старшинѣ, сотникамъ, атаманамъ и чернѣ всего воиска украинскаго и всякой кондиціи людемъ такъ же кому бѣ о семъ теперь и впотомніе часы вѣдать надлежало объявляемъ симъ нашимъ увѣрсаломъ, ижъ атаманъ кошовій воиска низового запорожского панъ Демянъ Барабашъ въообщѣ (=обще) зстаршиною воисковою и атаманами курѣнными положили переднами грамоту наилснѣйшаго короля польскаго Стефана Баторія в року 1575 мѣсяца августа 20 дня на прошеніе автѣцессора нашего гетмана Якова Богданка и кошового низового запорожского воиска Павлюка данную, вякой (=въ якой) королевской грамотѣ написано, ижъ его королевская мосьць, видячи козаковъ запорожскихъ до его королевского маестату зичливаю прихильность и рицарскіе отважніе службы, которими завжди (=всегда) великіе бусурманскіе погромляючи сили, гордое ихъ прагнене (=жажду) на кровъ христіянскую до конца затлумили и пащеку ихъ на корону полскую и на народъ благочестивій украинскій рикающую, замкнули и входъ въ Польшу и Украину заступили и всѣ ихъ неищетніе силы и нагліе на народъ христіанскій набѣги грудмы своими сперли; якіе ихъ службы нагорожаючи и дабы имъ воиска запорожскаго козакамъ для зѣмовыхъ станцѣй гдѣ было прихильность (пристанище) мѣти, также отъ непріятеля раненихъ своихъ заховуваты и лѣчиты, въ другихъ долегающихъ (настоятельныхъ) нуждахъ отпочинокъ маты (имѣть) и всякой пожитокъ ку волѣ своей забираты, а чтобъ также и напередъ заохочени были зич-

¹⁾ Лукомскій, Собраніе историческое: Самовидецъ, Кіевъ, 1878, 349.

ливо въ войску служиты и противъ непріятелей отчизни своей охочо и неомилно отпоръ чиниты,—надаеть его королевская моцъ козакамъ низовымъ запорожскимъ векуисте (вѣчно) городъ Терехтемировъ змонастиремъ и перевозомъ, опрочъ (кромѣ) складового старинного ихъ запорожскаго города Чигрина и оттого города Терехтемирова на низъ понадъ Днѣпромъ рѣкою до самого Чигрина и запорожскихъ степовъ, ку землямъ чигринскимъ подойшлихъ, всѣ землѣ и со всѣма на тихъ земляхъ насаженными мѣстечками, селами и футорами, рибными по тому берегу в Днѣпрѣ ловлями и иними угодіи; а вширь от Днѣпра на степъ, якъ тихъ мѣстечокъ, селъ и футоровъ землѣ (=земли) здавна находилысь, и теперъ такъ ся тое в ихъ завѣданьи маеть заховаты: городокъ старѣнній же запорожскій Самаръ сперевозомъ и зземлями вгору Днѣпра по рѣчку Орель, а внизъ до самихъ степовъ нагайскихъ и кримскихъ, а через Днѣпръ и лиманы Днѣпровій и Боговій, якъ из вѣковъ бивало по очаковскіе влуси, и въ гору рѣки Богу по рѣчку Синюху; от самарскихъ же земель черезъ степъ до самой рѣки Дону, где еще за гетмана козацкого Прецлава Ланцкорунского козаки запорожскіе свои зѣмовныки мѣвали (имѣли). И же би тое все непорушно во вѣкы при козакахъ запорожскихъ найдовалось, его королевская моцъ тоєю грамотою своею козакамъ запорожскимъ укрьпилъ и утвердилъ и просилъ онъ панъ кошовій запорожскій Барабашъ совѣтъмъ воискомъ запорожскимъ и нашего на тое гетманского унѣверсалу прекладають жалобу, же чрезмногіе перешедшіе года отвойни статарами, турками, волохами, а на остатокъ и зляхами войско запорожское внѣ вечъ изруйновалось и о такихъ утискахъ всѣ оніе ихъ городки и землѣ зрукъ у ихъ вилуплени що не тулко коней своихъ, но якихъ въ войску служатъ, але и себѣ чимъ прокормить счего не мають; мы теди Богданъ Хмелницкій гетманъ хотя и удалялись оттакого войска запорожского просби, вѣдаючи ихъ и самихъ отстародавнихъ королей полскихъ привилегіями утоцненнихъ и особливіе клѣноти и армату войсковую маючихъ, ноже ми отвсего воиска и народа украинского по'обоймъ сторонамъ Днѣпра далеко разшираючогось намъ врученную моцъ и владзу якъ ввоиску (въ войску), такъ и повсѣхъ городахъ и всѣмъ украинскимъ народамъ диридовать маючи, такъ потой звѣрянной владзи нашої на тую просьбу пана кошового и всего войска запорожского прихияляючись тими всѣми городами, мѣстечками, селами и хуторами и зихъ всякими угодіи якъ отъ наиясвѣйшого

короля полскаго Баторія войску запорожскому надано владѣть и пожитковать стого дозволяемъ и чтобъ тое все непорушно вихъ владзи во вѣки било симъ нашимъ унѣверсаломъ ствержаемъ в року дхмѣ ануарія е; з бѣлой перкви» ¹⁾).

Взятая въ частностяхъ, эта грамота тщательно разобрана была русскимъ исторіографомъ XVIII вѣка Григоріемъ Миллеромъ и оказалась наполненной позднѣйшими вставками и добавленіями, не соответствующими хронологическимъ даннымъ. Такъ, въ ней говорится о томъ, что за козаками оставленъ былъ ихъ старинный городъ Чигиринъ, но изъ документальныхъ данныхъ, а именно изъ грамоты Сигизмунда III черкасскому старостѣ Александру Вишневецкому «объ основаніи на пустомъ урочищѣ, называемомъ Чигринъ», извѣстно, что этотъ городъ основанъ въ 1589 году, спустя три года послѣ смерти короля Стефана Баторія ²⁾. Также несвоевременно было пожалованіе королемъ Стефаномъ Баторіемъ козакамъ и города Самары, такъ какъ этого города въ 1576 году и даже значительно позже этого времени вовсе не было, потому что ѣхавшій въ 1594 году германскій посолъ Эрихъ Ласота по Днѣпру къ запорожцамъ и остановившійся въ устьѣ Самары, ни слова не говоритъ о существованіи въ области этой рѣчки города Самари, хотя обо всѣхъ выдающихся мѣстахъ и урочищахъ на всемъ протяженіи своего пути Ласота рассказываетъ съ особенною подробностію и рѣдкою точностію ³⁾. Академикъ Григорій Миллеръ думаетъ, что городъ Самарь запорожцы получили уже при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ. Кромѣ того, странно допустить существованіе зимовниковъ въ Запорожьѣ при гетманѣ Предславѣ Ландскоронскомъ, — существованіе ихъ возможно было лишь при условіи осѣдлости козаковъ, а во время Предслава Ландскоронскаго о такой осѣдлости не могло быть и рѣчи. Нельзя не обратить вниманія также и на то, что въ этой грамотѣ козаки, жившіе въ малороссійскихъ городахъ, и козаки, жившіе въ низовьяхъ Днѣпра, смѣшиваются въ одно, и центральный городъ первыхъ отдается вмѣстѣ съ тѣмъ и вторымъ, тогда какъ запорожцы не могли доказать своихъ правъ владѣній впо-

¹⁾ Копія универсала хранится въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива главнаго штаба. Дѣла князя Потемкина, опись 194, связка 181, № 1.

²⁾ Миллеръ, Историческія сочиненія, Москва, 1846, 43.

³⁾ Кіевская старина, 1884, сентябрь, X, 43, прим. 2.

слѣдствіи даже на рѣчку Самарь, не говоря уже о земляхъ выше Самары, а тѣмъ болѣе о мѣстечкѣ Терехтемировѣ, находившемся выше Черкасъ и Бѣлой-Церкви и нѣсколько ниже Кіева. Наконецъ, въ грамотѣ Стефана Баторія, какъ передается она въ универсалѣ гетмана Богдана Хмельницкаго, указываютъ и на явное противорѣчіе: грамота то даетъ земли козакамъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ они издавна владѣли ими по Днѣпру, то въ позднѣйшихъ границахъ, когда козаки сосѣднили съ татарскими кочевьями ¹⁾.

Подвергая сомнѣнію въ частностяхъ грамоту Баторія, изслѣдователи, однако, не сомнѣваются о произведенной королемъ реформы козаковъ.

Сущность этой реформы состояла въ томъ, что король ввелъ на Украинѣ такъ-называемый реестровый списокъ и въ этотъ списокъ приказалъ внести лишь 6.000 человекъ козаковъ; за этими шестью тысячами правительство только и признавало право на существованіе козаковъ, какъ свободнаго сословія, а что было сверхъ этихъ шести тысячъ, то отчислялось отъ козацкаго сословія и поступало въ сословіе людей посполитыхъ. Внесенные въ реестръ 6.000 человекъ раздѣлились на шесть полковъ: черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій, чигиринскій и переяславскій; каждый полкъ подраздѣлялся на сотни, сотни—на околицы, околицы—на роты; при полкахъ полагалась земельная съ поселеніями собственность, которая давалась на рангъ или чинъ каждому старшинѣ и оттого носила названіе ранговой земли. Всѣмъ реестровымъ козакамъ опредѣлено было жалованье деньгами и сукнами ²⁾; имъ выданы были особые войсковые клейноты; назначенъ былъ центральный городъ съ монастыремъ, шпиталемъ и смежной землей, Терехтемировъ; разрѣшено было имѣть собственный въ городѣ Батуринѣ судебный трибуналъ; объявленъ былъ вмѣсто старосты и воеводы особый «козацкій старшій», который обязанъ былъ подчиняться польскому коронному гетману и котораго козаки обыкновенно называли гетманомъ; послѣ «старшійго» остальныхъ старшинъ—полковниковъ, судей, асауловъ, писа-

¹⁾ Миллеръ, Историческія сочиненія, 43; Кіевская старина, 1884, X, 44.

²⁾ Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 21, 22; Краткое описаніе Малороссіи въ лѣтописи Самовидца, 214; Лукомскій, 349; Ригельманъ, 25; Piasecki, Kronicas, Ktakow, 1870, 52; Вантышъ-Каменскій, Исторія, I, 124.

рей позволено было козакамъ выбирать самимъ. Реестровые козаки должны были по этой реформѣ содержать особый гарнизонъ въ Терехтемировѣ и кромѣ того караулъ въ 2.000 человекъ за порогами Днѣпра ¹⁾).

Цѣль Баторіевой реформы была двоякая: съ одной стороны король, внося въ реестръ козаковъ, хотѣлъ сдѣлать ихъ послушными своей волѣ и, такъ сказать, обезвредить для государства; а съ другой стороны, давая козакамъ собственную организацію и признавая за ними право на сословное существованіе, король разсчитывалъ воспользоваться ими, какъ боевою и всегда готовою къ походамъ силою противъ вѣчныхъ и страшныхъ непріятелей Рѣчи-Посполитой, татаръ и турокъ. Отсюда едва-ли справедливъ тотъ принятый взглядъ на реформу Баторія въ отношеніи козаковъ, будто бы, признавая права на существованіе 6.000 человекъ козаковъ и выбрасывая за рубежъ остальную массу ихъ, король тѣмъ самымъ хотѣлъ въ будущемъ совсѣмъ уничтожить козачество. Это трудно допустить уже потому, что въ лицѣ козаковъ король Стефанъ Баторій имѣлъ постоянное, а не временное и случайно набранное, войско, которое во всякое время можно было противопоставить мусульманамъ и другимъ врагамъ Рѣчи-Посполитой. Стефанъ Баторій могъ стремиться лишь къ тому, чтобы только обезвредить дѣйствія козаковъ, а не къ тому, чтобы ихъ безслѣдно искоренить.

Для запорожскихъ козаковъ реформа короля Стефана Баторія имѣла то важное и рѣшающее значеніе, что съ нея собственно и начинается отдѣльное существованіе низовыхъ козаковъ: введя реестръ, Стефанъ Баторій положилъ начало для раздѣленія южнорусскихъ козаковъ на городовыхъ или украинскихъ, иначе называемыхъ реестровыми, и низовыхъ или собственно запорожскихъ козаковъ. Только съ этого времени появляются фактическія указанія на существованіе у низовыхъ козаковъ Сичи, въ смыслѣ ядра или столицы низового товарищества, и кошевыхъ атамановъ, въ смыслѣ главныхъ и ни отъ кого независимыхъ начальниковъ надъ низовымъ войскомъ.

Но помимо раздѣленія южнорусскихъ козаковъ на городовыхъ

¹⁾ Въ 1584 году въ лудкомъ замкѣ, въ церкви Іоанна Богослова, сложено было нѣсколько кусковъ сукна, приготовленнаго для козаковъ: Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 14.

и низовыхъ, рѣшительныя мѣры короля Стефана Баторія, принятыя имъ для упорядоченія козацкаго сословія, имѣли, подобно люблинской уніи, еще и то значеніе, что увеличили численность низовыхъ козаковъ и дали имъ возможность дѣйствовать съ этихъ поръ смѣлѣе, чѣмъ дѣйствовали они раньше того времени: многіе изъ украинскихъ козаковъ, недовольные распоряженіями короля и не попавшіе въ королевскій реестръ, бѣжали на низовья Днѣпра и, въ качествѣ ослупниковъ королевской воли, не могли уже возвращаться назадъ въ города Украйны и волеяневолей оставались на Низу. Оставаясь же на Низу, они мало-по-малу складывались въ отдѣльныя и небольшія группы, общины или курени, представлявшія на первыхъ порахъ своего рода землячества: курень батуринскій, т.-е. община земляковъ, вышедшихъ изъ Батурина; курень каневскій, т.-е. община земляковъ, вышедшихъ изъ Канева; то же нужно сказать о куреняхъ крыловскомъ, переяславскомъ, полтавскомъ, уманскомъ, корсунскомъ, калниболотскомъ, стеблівскомъ, донскомъ и другихъ. Изъ мелкихъ группъ или куреней составилаь потомъ большая единица общины, такъ-называемый «вельможный Кошъ славныхъ низовыхъ козаковъ». Этотъ Кошъ составляли люди всевозможныхъ народностей, не исключая даже татаръ и турокъ, но преобладающій элементъ составляли южноруссы изъ ближайшихъ къ запорожскимъ степямъ поддѣпровскихъ городовъ Черкасъ, Канева, Крылова, Кіева и другихъ мѣстъ. Приливъ южноруссовъ въ Запорожье, значительно усилившійся со времени люблинской уніи 1569 года, еще больше того усилился со времени козацкой реформы короля Стефана Баторія.

«Такимъ образомъ, запорожское козачество, по замѣчанію спеціального изслѣдователя вопроса о его происхожденіи, возникло подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ тѣхъ самыхъ факторовъ, которые создавали и украинское козачество и хотя вторичность формации, сопровождавшаяся нѣкоторыми частными условіями, сообщала запорожской общинѣ особый характеръ, но въ общемъ запорожское козачество было продуктомъ тѣхъ же самыхъ первичныхъ причинъ, что и козачество украинское. Привнесенный люблинской уніей въ южнорусскія области новый общественный строй, возвышеніе однихъ классовъ населенія надъ другими, приниженіе и порабощеніе свободнаго населенія степной полосы, заставили это послѣднее искать выхода въ бѣгство; пустыя мѣста за порогами дали приютъ этимъ

бѣглецамъ, а близость татаръ сдѣлала возможнымъ ихъ независимое существованіе здѣсь, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ брать земельные участки, вслѣдствіе опасности отъ татаръ, лицамъ шляхетскаго сословія не было разсчета. Условія мѣста распространенія и сосѣдства татаръ еще частнѣе опредѣляли бытъ запорожскаго козачества. Покидавшихъ населенныя мѣста, главнымъ образомъ, въ степной полосѣ и являющихся въ степи за Синюхой и Орелью въ качествѣ колонизаторовъ приходило сравнительно съ обширностью края немного, а татары были непосредственными сосѣдями. Въ силу приспособленія къ условіямъ мѣста, за порогамъ должно было найти примѣненіе своеобразное полукочевое колонизаторство. Такими именно колонизаторами - полукочевниками мы и видимъ запорожскихъ козаковъ въ первое время существованія запорожской общины. Но самымъ первичнымъ факторомъ въ образованіи запорожскаго козачества было сосѣдство татаръ. Запорожское козачество является преимущественнымъ результатомъ столкновенія двухъ различныхъ племенъ, двухъ несходныхъ культуръ: съ одной стороны племени и культуры славянъ, въ частности южноруссовъ, съ другой — племени и культуры тюркской, въ частности кочевыхъ татарскихъ ордъ. Эти племена, пройдя каждое вдали другъ отъ друга свою историческую судьбу и очутившись теперь сосѣдями, но будучи различны по расѣ, по внутреннему складу, по образу жизни, неминуемо должны были стать во враждебное другъ къ другу отношеніе. Крымскія орды систематически годъ за годомъ производятъ набѣги на южнорусскія земли. Грабежи и опустошенія въ этихъ земляхъ естественно вызываютъ раздраженіе, побуждавшее оплачивать своимъ утѣснителямъ тѣмъ же. Встрѣтились двѣ враждебныя другъ другу силы: народъ славянскаго корня, осѣдлый и прошедшій уже нѣскольکو ступеней культуры, и народъ тюркскаго корня, полукочевой, находящійся на ступени примитивной культуры. Каждая изъ силъ, сильная на свой ладъ, въ борьбѣ другъ съ другомъ пускала въ ходъ тѣ средства, какія были въ ея распоряженіи. Татары ордами набѣгаютъ на южную Русь, — осѣдая Русь выдвигаетъ для борьбы воиновъ-козаковъ; набѣги татаръ продолжаются, и отпоръ, приспособленный къ культурѣ, быту и внутреннимъ распорядкамъ, существующимъ въ данное время въ государствѣ, усложняется: въ южнорусской козачинѣ, въ процессѣ

дальнѣйшаго ея развитія, выдѣляется и складывается въ особый типъ запорожское козачество» ¹⁾).

Находясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ татарами, запорожскіе козаки въ гораздо большей степени сдѣлали отъ нихъ всяческихъ заимствованій, чѣмъ козаки городовые или украинскіе. Такъ, отъ татаръ запорожцы усвоили себѣ подобныя названія, какъ кошъ, атаманъ (правильнѣе одаманъ), асауль, толмачъ, чаушъ, чабанъ, бунчукъ, буздыганъ и др. Вмѣстѣ съ этимъ запорожскіе козаки усвоили себѣ, по примѣру татаръ, бритье головъ, кромѣ чубовъ ²⁾, ношеніе восточныхъ шароваръ, широкихъ цвѣтныхъ поясовъ, сафьяновыхъ съ острыми носками сапогъ, высокихъ острокопечныхъ шапокъ, суконныхъ, восточнаго покроя, кафтановъ; научились готовить себѣ брынзу или овечій сыръ ³⁾, пастрѣму или вяленое мясо, бузѹ или напитокъ изъ кислаго молока и т. п.

Начавши съ роли промышленниковъ, торговцевъ («чумаковъ»), рыболововъ, добычниковъ, низовые козаки постепенно дошли до роли защитниковъ Христовой противъ мусульманства и православной противъ католичества вѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ охранителей противъ турко-татаръ славянской народности. Уже въ 1610 году запорожскіе козаки говорили о себѣ, что они «съ давнихъ часовъ», заставляясь противъ поганскаго народа за православную вѣру, часто теряютъ здоровье и жизнь свою черезъ войну съ татарами и турками, освобождаютъ изъ неволи народъ христіанскій, доставляютъ много турецкихъ и татарскихъ языковъ и плѣнниковъ на пользу короля, Рѣчи-Посполитой, сенаторовъ и пановъ коронныхъ, для похвалы божіей, милости храмовъ господнихъ и размноженія народа христіанскаго, чѣмъ всегда оказывали и оказываютъ услугу отечеству своему «не лютуячи о здоровьѣ и животѣ своемъ» ⁴⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ низовые казаки взяли на себя роль защитниковъ вѣры и отечества, они сдѣлались въ глазахъ своихъ соплеменниковъ рыцарями церкви, правды и чести, стали бессмертными въ глазахъ многихъ поколѣній и съ этимъ именемъ вошли на страницы славянской или вообще міровой исторіи.

¹⁾ Киевская старина, 1884, сентябрь, X, 51—52.

²⁾ Въ Средней Азій, въ Кафиристанѣ мужчины племени сіякъ-пуши и теперь брѣютъ себѣ головы, кромѣ круглаго мѣста, около 3 дюймовъ въ діаметрѣ, на темени, гдѣ предоставляютъ волосамъ расти свободно: Биддельфъ, Народы, населяющіе Гиндукушъ, Асхабадъ, 1886, 170.

³⁾ Брынза—любимое кушанье во всѣхъ городахъ Персіи, смежныхъ съ нашимъ Закаспійскимъ краемъ.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 59.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Родина Самоила Зборовскаго.—Роль Зборовскихъ при избраніи королей Генриха и Баторія на польскій престолъ. — Преступленіе Самоила Зборовскаго, банація и замыслы его о прославленіи своего имени и геройскихъ подвиговъ. — Походъ Зборовскаго по Диѣпру и свиданіе съ козаками. — Планы его о походѣ на Молдавію. — Сношенія съ крымскими послами и мысль о походѣ на Персію вмѣстѣ съ турками и татарами. — Отказъ въ этомъ Зборовскому со стороны низовыхъ козаковъ.—Посольство Зборовскаго къ молдавскому господарю и движеніе его по Диѣпру для промысловъ. — Столкновение съ татарами и турками низовыхъ козаковъ.—Напрасное ожиданіе на Пробигомъ шляху извѣстій отъ молдавскаго господара.—Затруднительное положеніе Зборовскаго въ степи, возвращеніе его на родину и казнь по призыву короля Стефана Баторія.

Но какъ ни старался король Стефанъ Баторіи о томъ, чтобы упорядочить сословіе козаковъ и сдѣлать ихъ послушными своей волѣ, все же онъ остался безсильнымъ въ этомъ отношеніи, и въ 1583 году низовые козаки предприняли большой походъ подъ предводительствомъ родовитаго поляка, Самоила Зборовскаго, въ запрещенную имъ отъ турецкаго султана и польскаго короля страну—Молдавію.

Самоилъ Зборовскій былъ младшимъ изъ шести сыновей краковскаго каштеляна и состоялъ владѣльцемъ города Злочова, львовскаго уѣзда, въ Галиціи. Находясь при дворѣ польскаго короля Генриха, Самоилъ Зборовскій сразился у воротъ краковскаго замка съ Яномъ Тенчинскимъ и въ пылу гнѣва убилъ каштеляна пржемышльскаго Ваповскаго, который защищалъ Тенчинскаго, и потому, опасаясь королевскаго суда, бѣжалъ къ трансильванскому господарю Стефану Баторію. Когда потомъ возникъ вопросъ въ Польшѣ о выборѣ короля послѣ бѣгства изъ Польши Генриха анжуйскаго, то всѣ Зборовскіе стояли за Стефана Баторія и содѣйствовали выбору его въ короли. Сдѣлавшись королемъ Польши, Стефанъ Баторій облегчилъ положеніе Самоила Зборовскаго тѣмъ, что не казнилъ его смертною казнью, какъ того требовалъ законъ польской республики, а объявилъ его лишь банитомъ, но и то безъ

лишенія чести. Тогда Самоилъ Зборовскій, желая заслужить милость короля, сталъ искать случая, чтобы отличиться какимъ-нибудь необыкновеннымъ подвигомъ и вновь приблизиться къ королевскому двору. Обстоятельства дѣлъ въ Польшѣ и въ Россіи того времени вполне благоприятствовали ему. Въ тѣ поры король Стефанъ Баторій велъ войну съ русскимъ царемъ Иваномъ IV на западной границѣ Россіи, и заодно съ Баторіемъ хотѣли дѣйствовать низовые козаки. Не имѣя у себя общаго вождя, а между тѣмъ наслышавшись много о подвигахъ Самоила Зборовскаго и его замыслахъ, низовые козаки отправили къ нему посланцевъ и черезъ нихъ предложили ему званіе своего «гетмана» ¹⁾ и походъ въ юго-восточныя окраины московскихъ владѣній. Самоилъ Зборовскій поблагодарилъ «запорожскихъ молодцовъ» за честь и, возвращая назадъ отъ себя посланцевъ ихъ, отправилъ на низовье Днѣпра подарки и деньги для войска. Отпустивъ козацкихъ посланцевъ, Самоилъ Зборовскій сталъ готовиться къ выходу и пунктомъ своего похода назначилъ городъ Путивль. Вѣсть о предпріятіи Зборовскаго скоро дошла въ Молдавію и въ Крымъ. Не зная истинной цѣли похода Зборовскаго и опасаясь большой бѣды отъ козаковъ, молдавскій господарь и крымскій ханъ Мухаммадъ-Герай поспѣшили прислать къ Зборовскому своихъ гонцовъ съ мирными предложеніями: господарь обѣщалъ ему 500 коней, а ханъ—право на молдавское господарство, если только Зборовскій оставитъ свое предпріятіе безъ исполненія. Но Зборовскій весной 1583 года ²⁾, въ сопровожденіи гайдуковъ, любимаго повара и многихъ любителей военныхъ приключеній, двинулся въ походъ. Дойдя до города Канева, онъ посадилъ свою дружину въ лодки и пустился внизъ по Днѣпру, а лошадей приказалъ вести сухимъ путемъ, вдоль Днѣпра. Ниже Канева Зборовскаго встрѣтили посланцы отъ козаковъ и привѣтствовали его рѣчью. Принявъ посланцевъ, Зборовскій отпустилъ ихъ въ Сичь съ новыми подарками низовому войску. Проѣзжая мимо Черкасъ, козаки получили приглашеніе отъ старобыты черкаскаго замка покинуть Зборовскаго и соединиться съ нимъ, но низовые рыцари нашли такое предложеніе несогласнымъ съ собственною честью и отвѣчали на него полнымъ отка-

¹⁾ Potem był od nizowych kozaków, którzy sie zaporozkiiemi molojcy zowią, deklarowan za hetmana.

²⁾ По Папроцкому Зборовскій вышелъ въ Запорожье въ 1583 году, а по Нѣсецкому въ этотъ годъ онъ окончилъ на Запорожьѣ всѣ свои походы.

зомъ. Спускаясь постепенно внизъ по Днѣпру, Зборовскій дошелъ до устья лѣваго притока Днѣпра, Псла, и тутъ на нѣкоторое время остановился съ намѣреніемъ дожидаться здѣсь пограничнаго старосту, давшего передъ выступленіемъ Зборовскаго въ походъ свое обѣщаніе содѣйствовать ему при вторженіи въ юговосточные предѣлы россійскихъ владѣній. Но не получивъ никакой помощи отъ старосты, Зборовскій оставилъ свои виды на Путивль и рѣшилъ воспользоваться предложеніемъ крымскаго хана идти вмѣстѣ съ козаками на молдавскаго господаря. Тутъ выступили передъ Зборовскимъ низовые козаки и предложили ему ѣхать «по ихъ войска». Тогда Зборовскій, оставивъ устье Псла, дошелъ до устья рѣчки Самары, гдѣ нашелъ 200 человекъ «рѣчныхъ» козаковъ съ ихъ атаманомъ, занимавшихся охотой и рыболовствомъ; эти рѣчные козаки, занимаясь звѣроловствомъ, кожи оставляли въ свою пользу, а мясо отправляли за пороги къ жившимъ тамъ козакамъ-воинамъ. Отъ устья Самары Зборовскій вступилъ въ страшные днѣпровскіе пороги и, пройдя четыре первые изъ нихъ, очутился передъ пятымъ, самымъ грознымъ, Ненасытецкимъ, порогомъ, и тутъ неожиданно для себя и для сопровождавшихъ его нѣсколькихъ сотъ поляковъ встрѣтилъ засаду со стороны низовыхъ козаковъ: пригласивъ Зборовскаго въ качествѣ предводителя, козаки вдругъ впади въ подозрѣніе на счетъ истинныхъ плановъ его и вообразили себѣ, что онъ идетъ въ Запорожье не съ тѣмъ, чтобы заодно съ ними московскіе города воевать, а съ тѣмъ, чтобы самихъ же козаковъ къ рукамъ прибрать. Поцавшись въ такую ловушку, Зборовскій съумѣлъ, однако, тотъ же часъ разсѣять ложныя подозрѣнія козаковъ на счетъ его плановъ и доказалъ, что онъ чуждъ всякихъ, враждебныхъ имъ, замысловъ и совершенно готовъ раздѣлить съ ними всю тяжесть боевой жизни. Козаки поддались убѣжденіямъ Зборовскаго и подъ конецъ дали ему 80 человекъ лодмановъ для проведенія судовъ черезъ остальные пять пороговъ Днѣпра. Но тутъ обнаружилось, что нѣкоторые изъ спутниковъ Зборовскаго, увидѣвшіе во-очію, что значитъ переправа черезъ днѣпровскіе пороги, не рѣшились дальше слѣдовать за своимъ вождемъ и, выйдя на берегъ, сочли за лучшее возвратиться назадъ. Но самъ вождь не испугался пороговъ и, пройдя послѣдніе изъ нихъ, благополучно присталъ къ большому и великолѣпному острову Хортицѣ, на которомъ до его прихода подвизался знаменитый вождь, князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій.

Дойдя до Хортицы, Зборовскій расположился здѣсь для отдыха и тутъ не разъ видѣлъ, какъ выскакивали въ разныхъ мѣстахъ пустынной степи татарскіе разбѣды и зорко слѣдили за козаками и за тѣмъ, чтобы поживиться отъ нихъ какимъ-нибудь козацкимъ добромъ. Послѣ ночлега на Хортицѣ Самоилъ Зборовскій поплылъ далѣе, но тутъ на его отрядъ налетѣли тучи саранчи, и отъ ея смрада стали пухнуть люди, а отъ ея труповъ, поглощаемыхъ вмѣстѣ съ травой лошадьми, пало нѣсколько коней, слѣдовавшихъ по берегу Днѣпра за вождемъ. Спустившись ниже урочища Микитина-Рога, Зборовскій встрѣтилъ депутацію, высланную ему на встрѣчу отъ козаковъ съ привѣтствіемъ и благими пожеланіями во всемъ предпріятіи его. Зборовскій, выслушавъ рѣчь посланцевъ, благодарилъ войско за оказанный ему почетъ и радостныя привѣтствія, послѣ чего, въ сопровожденіи козаковъ, отправился въ то мѣсто, гдѣ они проживали. То урочище называлось Томаковскимъ островомъ, который на столько былъ обширенъ, что на немъ можно было проживать двадцати тысячамъ людей и немалому количеству коней. На томъ островѣ было большое, обильное рыбой, озеро. Лишь только козаки вышли на берегъ, Зборовскій всѣми былъ радостно привѣтствованъ и тутъ же, при ружейной пальбѣ, провозглашенъ гетманомъ. На слѣдующій день, въ присутствіи многочисленнаго собранія козаковъ, на войсковой радѣ, Зборовскій получилъ булаву. Вручая новоизбранному «гетману» булаву, козаки высказали ему, что хотя они очень рады видѣть у себя знатнаго пана начальникомъ своего войска, но выше всего цѣнятъ мужественное сердце и славныя дѣла человека: «много мы слышали о тебѣ отъ сосѣднихъ народовъ и отъ собственныхъ братій,—знаемъ, что Богъ всегда помогалъ тебѣ противъ каждаго твоего непріятеля». Въ отвѣтъ на рѣчь козаковъ «гетманъ» отвѣчалъ имъ, что онъ пріѣхалъ въ Запорожье именно для самого дѣла, а не для того, чтобы стремиться къ достиженію власти надъ такимъ мужественнымъ войскомъ, какимъ прославили себя низовые рыцари, что онъ считаетъ себя лишь самымъ младшимъ членомъ всего козацкаго войска и съ охотой будетъ слѣдовать его благоразумнымъ во всемъ совѣтамъ.

Послѣ объявленія Зборовскаго «гетманомъ» низовые козаки освѣдомились о дальнѣйшихъ его планахъ и получили въ отвѣтъ, что, согласно предложенію крымскаго хана, обѣщавшаго предоста- вить Зборовскому молдавское господарство, онъ имѣетъ цѣлью

снести съ ханомъ и потомъ вести козаковъ на Молдавію. Козаки одобрили планъ Зборовскаго, и тогда рѣшено было отправить посольство къ хану. Отправляя посланцевъ къ хану, Зборовскій просилъ черезъ нихъ назначить ему мѣсто для свиданія и переговоровъ съ представителями отъ хана въ какомъ-нибудь укромномъ урочищѣ. Въ отвѣтъ на эту просьбу указано было мѣсто на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ татарскихъ владѣніяхъ Карай-тебень, въ которомъ обыкновенно происходилъ размѣнъ плѣнныхъ между мусульманами и христіанами и которое потому называлось татарскимъ и козацкимъ форумомъ или рынкомъ.

Въ назначенный день Зборовскій выѣхалъ въ Карай-тебень и тутъ встрѣтилъ ханскихъ посланцевъ съ двѣнадцатью богато убранными конями и съ тремя парчевыми кафтанами, присланными для подарка козацкому гетману. Ханскіе послы надѣли на Зборовскаго богатый кафтанъ, назвали его отъ имени своего повелителя сыномъ хана и обѣщали ему молдавское господарство, прося лишь его о двухъ вещахъ—дождаться на Днѣпрѣ извѣщенія отъ султана и удержать своихъ козаковъ отъ набѣговъ на татарскія селенія.

Уговариваясь съ ханскими послами, Зборовскій высказался передъ ними о томъ, что ему хочется не столько того, чтобы добиться черезъ Мухаммадъ-Герая молдавскаго господарства, сколько того, чтобы получить отъ хана помощь войскомъ и съ нимъ идти къ своему королю Стефану Баторію противъ московскаго царя Ивана. На это Зборовскому отвѣчали, что ханъ съ особенною готовностью исполнилъ бы просьбу козацкаго вождя, но долженъ идти походомъ противъ персовъ по приказанію падишаха. Зборовскій, выслушавъ сообщеніе ханскихъ посланцевъ о предстоящемъ походѣ турокъ и татаръ противъ персовъ и потерявъ надежду быть полезнымъ своему королю, нашелъ нужнымъ, не переговоривши о томъ предварительно съ козаками, предложить свои услуги турецкому султану для похода въ Персію. За услуги султану онъ ничего не просилъ, а требовалъ лишь со стороны крымскаго хана полной неприкосновенности своей личности, для чего просилъ прислать въ условленное мѣсто особаго поручителя («мусталика»), который бы поклялся о томъ, что козацкій вождь во все время своего пребыванія съ татарами не будетъ никакими средствами изведенъ ими. Условившись о мѣстѣ и о времени для свиданія съ ханскимъ поручителемъ, Зборовскій благополучно

отъѣхалъ къ своему войску, которое находилось въ то время на островѣ, называемомъ Чортотмыкъ, и объявилъ рыцарству о томъ, что вмѣсто похода на Молдавію онъ имѣеть повести ихъ на персовъ заодно съ турками и татарами. Услышавъ такое неожиданное и вовсе нежелательное рѣшеніе со стороны Зборовскаго, казаки подняли крикъ и стали доказывать ему, что съ турками и татарами козаку, человѣку православной христіанской вѣры, связываться вовсе не слѣдуетъ, потому что всѣ они—невѣрныя собаки, никогда не держація своего слова, всегда жившія обманомъ и на этотъ разъ думающія лишь объ обманѣ и гибели козаковъ и самого «гетмана».

Только незначительное число козаковъ согласилось слѣдовать за Зборовскимъ въ Персію; масса же, выбравшая себѣ какого-то атамана и доходившая до трехъ тысячъ человѣкъ численности, рѣшительно отказалась идти за нимъ въ Персію и подняла противъ него такую бурю, что Зборовскій потерялся и не зная, какъ ему прекратить смуту между козаками. Какъ истый польскій панъ, привыкшій къ полному самовластию, онъ хотѣлъ было смирить козаковъ страхомъ и послалъ сказать имъ, что, если они немедленно не усмирятся, то онъ съ остальною частью козаковъ, изъявившею свое желаніе идти съ нимъ на персовъ, силою смирить бунтовщиковъ. Вмѣсто отвѣта на это требованіе, казаки собрали раду и на ней рѣшили насыпать песку въ пазуху Зборовскому и бросить его въ Днѣпръ. Видя такой оборотъ дѣла, Зборовскій неожиданно явился въ раду и показалъ передъ козаками полное смиреніе, чѣмъ и успокоилъ бунтовщиковъ; а потомъ, призвавъ къ себѣ козацкаго атамана, заявилъ ему, что онъ никого не принуждаетъ идти походомъ въ Персію и каждому предоставляетъ свободный выборъ или оставаться на Днѣпрѣ, или же слѣдовать за нимъ: «Объ одномъ только прошу тѣхъ, которые останутся,—не нападать въ мое отсутствіе на татаръ, потому что этимъ они обидѣли бы короля и Рѣчь-Посполитую, да и моя голова была бы въ опасности у хана».

Когда казаки успокоились отъ своего волненія, тогда прибыли отъ хана посланцы съ поручителемъ и съ объявленіемъ о томъ, что ханъ съ особенною радостью готовъ принять «гетмана» въ походъ противъ персовъ и черезъ своего поручителя приноситъ присягу въ полной безопасности вождя козаковъ. При поручителѣ было 1.000 человѣкъ конныхъ татаръ, нѣсколько сотенъ знатныхъ мурзъ и еще больше того простого пѣшаго народа.

Прибывъ въ условленное мѣсто, ханскій поручитель отправилъ отъ себя въ запорожскій Кошъ 300 человекъ мурзъ и черезъ нихъ просилъ «гетмана» явиться къ нему для произнесенія передъ нимъ клятвы и для немедленнаго отправленія въ походъ въ Персію.

Тогда между козаками снова поднялись волненія: одни хотѣли идти въ Персію, другіе отказывались отъ ней, совѣтовали и Зборовскому отказаться отъ этого, хотя и заманчиваго, но весьма опаснаго, предпріятія. Но Зборовскій, увлекаемый жаждой видѣть далекую Азію и хотѣвшій на мѣстѣ изучить всѣ приемы военныхъ дѣйствій восточныхъ людей, стоялъ на своемъ и, распорядившись о приготовленіи всего нужнаго къ отъѣзду, приказалъ подать себѣ коня. Когда же конь былъ поданъ, то оказалось, что онъ слишкомъ горячъ, и тогда стали искать другого, болѣе спокойнаго, коня. Въ ожиданіи такого коня, Зборовскій, уже готовый къ походу, съ саблей у пояса и сагайдакомъ черезъ плечо, сталъ прохаживаться между рядами козаковъ. Тутъ къ нему подошелъ его любимый поваръ и сталъ упрашивать его покушать шуки: «Пане мой, вѣрно я тебя уже больше не увижу; есть у меня хорошая шука, — покушай на дорогу». Зборовскій тронуть былъ слезною просьбой своего повара и согласился поѣсть шуки. Во время этой ѣды къ нему подвели спокойнаго коня, и Зборовскій уже хотѣлъ было сѣсть на него, но предъ этимъ обратился къ ожидавшимъ его мурзамъ и потребовалъ, чтобы они поклялись за его безопасность. На это требованіе мурзы отвѣчали, что за нихъ поклянется передъ нимъ ханскій поручитель. Но тутъ къ Зборовскому внезапно подскочили козаки, схватили его на руки и быстро унесли къ берегу Днѣпра. Сѣвъ въ лодки, они съ быстротой молніи отчалили ихъ на средину рѣки и стали стрѣлять по оставшимся на сушѣ мурзамъ. Мурзы немедленно ускакали, а козаки благополучно привезли гетмана до своего войска, гдѣ отъ радости за спасеніе своего вождя, стрѣляли изъ ружей, пѣли пѣсни, играли на кобзяхъ.

Чтобы успокоить своего «гетмана», козаки привели къ нему найденныхъ гдѣ-то христіанскихъ невольниковъ, бѣжавшихъ изъ плѣна, и заставили ихъ рассказать Зборовскому о томъ, будто бы ему готовилась отъ татаръ неволя, а его спутникамъ—жесточайшая изъ казней,—острый колъ. Зборовскій повѣрилъ этому и сталъ стараться всѣми мѣрами о томъ, чтобы разъединить силы татаръ и не допустить ихъ до похода въ Персію. Тогда ханъ, узнавъ объ этомъ, прислалъ къ козацкому вождю третье посольство съ

большими подарками и съ обѣщаніемъ непремѣнно дать ему молдавское господарство, если только онъ не будетъ вредить татарамъ.

Оставшись въ Запорожьѣ, Самоилъ Зборовскій сталъ получать письма изъ Польши отъ своего брата Криштофа, весьма тревожнаго содержанія. Изъ этихъ писемъ Самоилъ Зборовскій узналъ, что, не смотря на помощь, которую Зборовскіе оказали Стефану Баторію при его восшествіи на польскій престолъ, король приблизилъ къ себѣ не Зборовскихъ, а Замойскихъ. Криштофъ Зборовскій въ своихъ письмахъ позорилъ короля, считалъ его недостойнымъ носить высокое королевское званіе и сообщалъ брату о своемъ стараніи составить партію солидарныхъ съ нимъ пановъ съ тѣмъ, чтобы унижить достоинство короля. Самому Самоилу Криштофъ совѣтовалъ держаться съ турками на мирной ногѣ, чтобы не возбудить тѣмъ неудовольствія со стороны пановъ, державшихся партіи Зборовскихъ, внушалъ ему совѣтъ оставить Запорожье и ѣхать, въ виду важности политическихъ дѣлъ, въ Польшу. А низовымъ козакамъ тотъ же Христофоръ Зборовскій писалъ, что братъ его, Самоилъ Зборовскій, не для чего иного и пріѣхалъ къ нимъ, какъ для борьбы съ турками и въ то же время выражалъ надежду на то, что козаки не откажутся содѣйствовать и дому Зборовскихъ въ какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ ихъ въ самой Польшѣ.

Такимъ образомъ Самоилъ Зборовскій, связанный письмами брата о мирныхъ отношеніяхъ къ мусульманамъ, ничего другого не могъ предпринять, какъ только разъѣздъ по низовью Днѣпра и его притокамъ съ исключительною цѣлью степного «полеваяня», т.-е. охоты на звѣрей. Разгуливая по приднѣпровскимъ степямъ, онъ старался приблизиться къ роднымъ мѣстамъ Подоли, но тутъ, отъ свирѣпствовавшей въ то время саранчи, потерялъ много коней и, очутившись подъ конецъ въ очень затруднительномъ положеніи, вспомнилъ о тѣхъ 500 коняхъ, которыхъ предлагалъ ему, передъ выходомъ въ Запорожье, молдавскій господарь. Теперь эти кони были бы, какъ нельзя кстати, годны для Зборовскаго. Козацкій вождь отправилъ отъ себя къ молдавскому государю гонцовъ и черезъ нихъ просилъ господаря выставить черезъ четыре недѣли со дня отправленія гонцовъ на Пробитомъ шляху, возлѣ Буга, 500 обѣщанныхъ коней.

Къ одному затрудненію Зборовскаго скоро прибавилось и другое: козаки, бывшіе въ походѣ Зборовскаго, узнали черезъ бѣ-

жавшихъ къ нимъ христіанскихъ невольниковъ о близости татарскихъ пастбищъ и подвижныхъ кошей ихъ и хотѣли воспользоваться ими. Тщетно Зборовскій убѣждалъ ихъ не дѣлать этого, указывая на существовавшій миръ Турціи съ Польшей: козаки не могли равнодушно видѣть татаръ безъ того, чтобы не пограбить ихъ. Тогда Зборовскій, желая удовлетворить этой потребности козаковъ, роздалъ старшимъ изъ нихъ имѣвшееся съ нимъ добро, оружіе, платье, лошадей и деньги, и козаки успокоились.

Устранивъ столкновеніе козаковъ съ татарами, Зборовскій долженъ былъ заботиться и о предотвращеніи столкновенія ихъ съ турками. Съ послѣдними козаки вошли въ соприкосновеніе по поводу добыванія ими соли у береговъ приморскихъ острововъ, стоявшихъ между лиманомъ Днѣпра и моремъ и охранявшихся турецкими стражниками, плававшими на галерахъ. Имѣя полное изобиліе въ рыбѣ и птицѣ, спутники Зборовскаго особенно нуждались въ соли. Зборовскій не разъ посылалъ ихъ къ устью лимана за солью и всегда давалъ своимъ промышленникамъ особый отрядъ воиновъ для обороны на случай нападенія со стороны турокъ. Во время этихъ плаваній козаки едва не вступили однажды въ бой съ турками и избѣжали этого единственно потому, что не успѣли заманить непріятелей въ тѣсное мѣсто. Тѣмъ временемъ, прождавъ нѣкоторое время возвращенія своихъ гонцовъ, посланныхъ къ молдавскому господарю и не получивъ отъ нихъ никакого извѣстія, а между тѣмъ по прежнему испытывая большую нужду въ лошадяхъ, Зборовскій, наконецъ, рѣшилъ лично отправиться въ Молдавію. Рѣшено было идти сперва днѣпровскимъ, потомъ бугскимъ лиманомъ, далѣе рѣкою Бугомъ и до Пробиатаго шляху. Для облегченія движенія по рѣкѣ, на воду пущены были однѣ лодки съ припасами и рыболовными снарядами, а сами козаки должны были двигаться по берегамъ рѣкы. Уже вскорѣ послѣ выступленія въ походъ Зборовскаго на Низовья Днѣпра, татары получили о томъ подлинную вѣсть и сильно встревожились тѣмъ. Переполохъ между татарами такъ былъ великъ, что сама ханша бѣжала въ черные лѣса. Зборовскій узналъ объ этомъ отъ бѣглецовъ-невольниковъ и успѣшилъ успокоить ханшу черезъ своихъ посланцевъ, объяснивъ цѣль и намѣреніе своего похода. Но татары мало довѣряли Зборовскому и приготовлялись къ самому худшему.

Между тѣмъ козаки, двигаясь по Днѣпру, дошли до турецкой

крѣпости Асламъ-города, подъ стѣнами котораго такъ недавно погибъ знаменитый вождь козацкій Богданко князь Рожинскій. Живо помня подвиги Богданка, козаки сильно хотѣли было ударить на крѣпость, но Зборовскій, хотя и съ большимъ трудомъ, удержалъ ихъ отъ этого намѣренія. Зато при переговорахъ Зборовскаго съ высланными къ нему татарами одинъ изъ козаковъ не воздержался и выстрѣлилъ въ татарина. Зборовскій такъ былъ возмущенъ этимъ, что хотѣлъ было казнить виновнаго, но противъ этого возстало все войско, защищая своего товарища, который дорогъ ему былъ тѣмъ, что считался «характерникомъ», т.-е. человѣкомъ, умѣвшимъ заговаривать вражескія пули и дѣлать ихъ безвредными для себя лично и для всего отряда, гдѣ онъ находился. Долго по этому поводу происходили раздоры между вождемъ и козаками, и примиреніе состоялось съ особенно большимъ трудомъ для Зборовскаго.

Послѣ примиренія Зборовскій и козаки продолжали дальнѣйшій путь. Выйдя въ днѣпровскій лиманъ, Зборовскій отправилъ впередъ одинъ отрядъ отъ себя по рѣкѣ Бугу, къ Пробитому шляху, для отысканія козацкихъ пословъ. Высланный отрядъ встрѣтилъ на своемъ пути 13 человѣкъ турокъ и, взявъ ихъ въ плѣнъ, продолжалъ дальнѣйшій путь, не извѣстивъ о томъ Зборовскаго. А Зборовскій между тѣмъ, запасшись рыбой и дичью на морскихъ островахъ, продолжалъ свой путь все еще по лиману Диѣпра, не вступая въ Бугъ. Не предвидя никакой опасности, Зборовскій поднимался по рѣкѣ вверхъ, какъ вдругъ раннимъ утромъ какого-то дня увидѣлъ передъ собою турецкій флотъ изъ 9 галеръ и множество лодокъ. Не рѣшаясь вступить въ битву, спутники Зборовскаго поспѣшили пристать къ берегу. Турки готовы были погнаться въ слѣдъ за козаками, но вслѣдствіе мели на рѣкѣ не могли этого сдѣлать. Одна изъ галеръ, погнавшаяся за козаками, сѣла на мель и ограничилась тѣмъ, что выстрѣлила изъ пушки въ лодку, гдѣ находился Зборовскій, и пушечнымъ ядромъ убила одного козака. Тогда козаки бросились - было къ этой галерѣ, чтобы взять ее на абордажъ, но къ ней поспѣшили другія суда и турки, стрѣлявшіе изъ нихъ въ козацкія чайки, причинили имъ такой вредъ, что козаки поторопились подойти къ правому берегу рѣки, оставить возлѣ него свои незагнѣливыя лодки и залечь въ ямахъ, вырытыхъ дикими кабанами въ береговыхъ пескахъ. Находя число ямъ недостаточнымъ для всего войска,

козаки немедленно приступили къ рытью новыхъ земляныхъ укрѣпленій. Видя это, турки рѣшили зайти въ тылъ козакамъ и для этого отдѣлили отъ себя двѣ галеры, которыя направились къ правому берегу рѣки на двѣ мили ниже козацкой лѣжки. Козаки, замѣтивъ маневръ своихъ враговъ, поспѣшно захватили со своихъ лодокъ съѣстные припасы и бросились въ степь. Зборовскій, видя это, сталъ останавливать козаковъ и упрекать ихъ въ отсутствіи мужества: «Вамъ-ли такъ поступать, когда всѣ народы увѣрены, что въ мужествѣ никто не сравнится съ вами?»

Между тѣмъ турки уже успѣли выбраться на правый берегъ рѣки и успѣли обойти козаковъ. Но нападеніе ихъ было неудачно и они съ урономъ бросились въ Днѣпръ.

Отбившись отъ турокъ, козаки взяли направленіе вдоль берега днѣпровскаго лимана къ устью Буга и тутъ попали въ перекрестный огонь: съ поля на нихъ напирала татары, съ рѣки преслѣдовали турки. Козаки хотѣли избѣжать, по крайней мѣрѣ, турецкой флотиліи и, въ ночное темное время, рѣшились сдѣлать движеніе назадъ, обойти тылъ турецкаго флота и поспѣшно пробраться впередъ въ рѣку Бугъ. Но этотъ маневръ оказался очень неудачнымъ, и смѣльчаки заплатились собственной свободой вмѣстѣ съ провизіей и лодками. Зборовскому оставалось всего лишь 8 лодокъ, въ которыхъ лежали раненые козаки, да немного съѣстныхъ припасовъ, и съ этими остатками флота онъ добрался до устья Буга. Зато положеніе его здѣсь оказалось болѣе чѣмъ печально: продовольственные припасы всѣ были съѣдены, рыболовные снасти затеряны, а въ окружающей мѣстности, представлявшей собой полную пустыню, ни звѣрей, ни дичи никакой. Единственною отрадой для Зборовскаго было то, что у устья Буга онъ нашелъ свой конный отрядъ, который слѣдовалъ за нимъ по правому берегу Днѣпра. Силы Зборовскаго увеличились до 2.500 человекъ, но зато вопросъ о продовольствіи оставался по прежнему безнадежнымъ; оставалось только съѣсть лошадей, чтобы не умереть отъ голода.

Истребивъ нѣсколько штукъ лошадей, Зборовскій нашелъ за лучшее оставить главную массу своего войска у рѣки Буга, а самому броситься въ степь къ Пробитому шляху и искать тамъ молдавскихъ пословъ. Но вмѣсто пословъ онъ нашелъ здѣсь одни слѣды какой-то стоянки и ни одного степного звѣря, которымъ можно было бы утолить страшное чувство голода. Единственной

пищей для Зборовскаго и его спутниковъ были жолуди, кое-гдѣ попадавшіеся имъ на пути. Послѣ долгихъ скитаній Зборовскій набрелъ на посланный имъ къ молдавскимъ посламъ отрядъ козаковъ на какомъ-то Кривоимъ-шляху и нашелъ его въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ и собственную дружину: отрядъ нигдѣ не видалъ молдавскихъ пословъ, долго скитался по дикимъ степнымъ мѣстамъ, претерпѣлъ большія муки отъ голода и рѣшилъ атаковаться среди степи и ждать прибытія «гетмана». Единственнымъ богатствомъ этого отряда были рыболовные снасти, которыми тотчасъ и завладѣли спутники Зборовскаго. Но едва успѣли голодные козаки нѣсколько подкрѣпитъсь пойманной рыбой, какъ вдругъ разнеслась вѣсть, что гдѣ-то недалеко показался отрядъ молдавской конницы, и Зборовскій немедленно сталъ собираться къ тому, чтобы ударить на молдаванъ и отбить у нихъ съѣстные припасы. Но неудача и здѣсь преслѣдовала козацкаго вождя: молдавскій отрядъ такъ же внезапно исчезъ, какъ и внезапно появился.

Послѣ цѣлаго ряда неудачъ Зборовскому оставалось вернуться къ главной массѣ своего войска, стоявшей у Буга, и тутнѣ оставить все свои замыслы, что и было имъ сдѣлано. Вернувшись къ Бугу, онъ нашелъ своихъ козаковъ въ самомъ печальномъ положеніи: они ѣли оленье копыта, ѣли рога и давнія, валявшіяся по степи, кости дикихъ животныхъ. Тогда Зборовскій довелъ своихъ козаковъ до Саврана и Брацлава, а самъ вернулся на родину. Но на родинѣ козацкаго «гетмана» ждалъ печальный конецъ: агитаціи Зборовскихъ противъ короля и вражда къ нимъ ихъ противниковъ Замоискихъ были причиной того, что Самоилъ Зборовскій былъ схваченъ Яномъ Замоискимъ, и, по волѣ короля, казненъ за замковыми воротами Кракова, мая 26 дня, 1584 года¹⁾.

¹⁾ Paprocki, Panosza rycersztwa polskiego, Krakow, 1584, 103—112; Niesiecki, Korona polska, 1740, IV, 717, 718; Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, Спб., 1874, I, 112—130.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Нападенія козаковъ на крымскія владѣнія. — Жалобы крымскаго хана на козаковъ королю Стефану Баторію. — Посольство, отправленное Баторіемъ къ низовымъ козакамъ дворянина Глубоцкаго и расправа козаковъ съ королевскимъ посланцемъ. — Походъ козаковъ съ атаманомъ Орышовскимъ на крымскіе улусы и мирныя предложенія ихъ хану Исламъ-Герая. — Дѣйствіе преемника Исламъ-Герая. — Взятіе козаками крѣпости Очакова и разграбленіе береговъ Крыма. — Дѣйствіе преемника Исламъ-Герая, Базы-Герая, противъ козаковъ. — Политика московскаго правительства въ отношеніи запорожскихъ козаковъ, разгромъ козаками турецкихъ городовъ Козлова, Аккермана и Азова и погоня турокъ за козаками. — Радость въ Москвѣ по поводу успѣха козаковъ на Черномъ морѣ. — Жалобы султана польскому королю на козаковъ и мѣры короля Сигизмунда III для укрощенія ихъ.

Разставшись съ Самоиломъ Зборовскимъ, низовые козаки все вниманіе свое обратили на турецкія и крымскія владѣнія и съ особенною настойчивостью стали беспокоить ихъ своими нападеніями. Такъ, въ 1584 году они разорили Тягинъ, за что турки ограбили у Адрианополя шталмейстера польскаго короля ¹⁾).

Крымскій ханъ потребовалъ отъ короля Стефана Баторія, чтобы онъ укротилъ низовыхъ козаковъ въ ихъ набѣгахъ на Крымъ. По этому требованію Стефанъ Баторій въ 1585 году послалъ на Низъ своего дворянина Глубоцкаго (иначе Глембоцкаго) уговорить козаковъ не дѣлать нападеній на Крымъ и тѣмъ не быть причиною разрыва мирнаго договора Польши съ Крымомъ. Низовые козаки на это требованіе отвѣчали тѣмъ, что утопили Глубоцкаго въ рѣкѣ Днѣпрѣ ²⁾).

Въ это время, а именно въ концѣ 1585 года, у козаковъ гетманомъ былъ князь Михайло Евстафьевичъ Ружинскій, находившійся вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Кирикомъ Евстафьевичемъ, на Запорожьѣ ³⁾. Виновниками убійства Глубоцкаго оказались 11 че-

¹⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 155, 209.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 280.

³⁾ Князя Ружинскіе: Кіевская старина, 1882, апрѣль, 67.

ловѣкъ низовыхъ козаковъ, которые присланы были, по распоряженію князя Михайла Ружинскаго, въ Кіевъ къ воеводѣ князю Воронинскому для содержанія ихъ подѣ стражей впредѣ до королевскаго надѣ ними суда. Князь Воронинскій, поставленный въ щекотливое положеніе между козаками, съ которыми онѣ, какъ всякій пограничный староста, имѣлъ болѣе пріязненныя, чѣмъ враждебныя отношенія, и своимъ королемъ, которому онѣ обязанъ былъ повиновеніемъ и отъ котораго зависѣло его положеніе, поспѣшилъ отправить присланныхъ козаковъ кіевскому войту и радцамъ. Но войтъ и радцы, находясь въ такомъ же положеніи, какъ и самъ воевода, отказались принять преступниковъ, за неимѣніемъ крѣпкой при городской ратушѣ тюрьмы, и занесли свой протестъ въ житомирскія замковыя книги, такъ какъ сдѣлать запись о томъ въ книги кіевскаго замка имъ не было позволено, какъ не было позволено и посадить преступниковъ подѣ стражу въ замокъ, чѣмъ и воспользовались козаки, бѣжавъ изъ Кіева ¹⁾.

Не обращая вниманія ни на повелѣнія короля, ни на препятствія со стороны гетмана, низовые козаки, съ атаманомъ Яномъ Орышовскимъ, въ 1585 году два раза ходили походомъ на крымскіе улусы, взяли нѣсколько человекъ татаръ и захватили больше 40.000 лошадей и разнаго скота. Однако, побивъ татаръ и пограбивъ ихъ, козаки въ слѣдъ затѣмъ, отъ имени Орышовскаго и всѣхъ другихъ атамановъ, отправили къ хану Исламъ-Герая четырехъ своихъ посланцевъ съ предложеніемъ мира и собственныхъ услугъ: «Прислали насъ (четырехъ козаковъ) атаманы дѣпровскіе, чтобы ты, государь, ихъ пожаловалъ, съ ними помирился и давалъ имъ свое жалованье, атаманы же и всѣ черкасы тебѣ хотятъ служить: куда пошлешь на своего недруга, кромѣ литовскаго короля, и они готовы». На это предложеніе Исламъ-Герай, недавно испытавшій нападеніе низовыхъ козаковъ и, вѣроятно, уже въ то время знавшій истину, что худой миръ лучше доброй ссоры, отвѣчалъ своимъ согласіемъ: «атамановъ и всѣхъ черкасъ радъ жаловать, и какъ они будутъ мнѣ надобны, то я имъ тогда свое жалованье пришлю, и они бы были готовы» ²⁾.

Однако, скоро оказалось, что низовые козаки вмѣсто дружбы мусульманамъ внесли въ ихъ предѣлы снова войну: они взяли го-

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1878, I, 135.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 312.

родъ Очаковъ, на правомъ берегу Днѣпра, потомъ въ 1588 году), собравшись въ числѣ 1.500 человекъ, сѣли въ лодки, вошли днѣпровскимъ лиманомъ въ Черное море и, приставъ къ крымскому берегу, въ такъ-называемую Туптархань, между Перекопомъ и Козловымъ, разграбили тутъ 17 татарскихъ селеній. Нужно думать, что такія смѣлыя дѣйствія козаковъ противъ татаръ вызваны были слухами о намѣреніи Москвы воевать Крымъ и объ отправленіи русскихъ ратныхъ людей на Донъ, на Волгу и на Днѣпръ. Какъ бы то ни было, но вѣсть о погромѣ козаками Крыма дошла до турецкаго султана Амурата, и онъ такъ разгнѣванъ былъ за это на хана Исламъ-Герая, что грозилъ ему, въ случаѣ повторенія новаго набѣга козаковъ, изгнаніемъ изъ Крыма. Исламъ-Герай, ожидая новаго нападенія козаковъ на Крымъ, трепеталъ за свое существованіе, но въ этомъ же году онъ скончался и тѣмъ предупредилъ рѣшеніе падишаха.

Преемникъ Исламъ-Герая, Казы-Герай, выступилъ яримъ противникомъ низовыхъ козаковъ и черезъ нихъ врагомъ Рѣчи-Посполитой, но зато другомъ московскаго царя. Сдѣлавшись каномъ, Казы-Герай снесся съ московскимъ царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ по поводу его намѣреній относительно войны съ крымцами и получилъ отъ него на этотъ счетъ такой отвѣтъ: «Прежде, какъ былъ на крымскомъ юртѣ Исламъ-Герай, то мы послали свою большую рать на Донъ и на Волгу со многими воеводами, а идти имъ было съ царевичемъ Муратъ-Гераемъ на царя Исламъ-Герая за его неправды. Да и на Днѣпръ за пороги къ князю Кирику Ружинскому и къ князю Михайлу Ружинскому, къ атаманамъ и черкасамъ, послали мы голову, Лихарева и Хрущова, и велѣли имъ идти со всѣми черкасами на Крымъ, но когда услышали мы, что ты воцарился, то походъ отложили, и послали къ тебѣ языка-татарина, котораго прислали къ намъ съ Днѣпра головы Лихаревъ и Хрущовъ и князя Ружинскіе»¹⁾.

Но и самъ царь въ это же время имѣлъ причины быть недовольнымъ на запорожскихъ козаковъ. По смерти короля Стефана Баторія козаки, проживавшіе въ Каневѣ, Черкасахъ и Переяславѣ, внезапно явились въ городъ Воронежъ и объявили воронежскому воеводѣ, что они собрались, вмѣстѣ съ донцами, воевать татаръ и потому просятъ дать имъ время отдохнуть и покормиться въ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 313.

Воронежѣ. Воевода, не подозрѣвая никакой хитрости со стороны козаковъ, помѣстилъ ихъ въ острогѣ города и приказалъ выдать кормъ. Но когда настала ночь, козаки неожиданно зажгли городъ и, истребивъ во время пожара много людей, ушли назадъ. Царь обратился съ жалобой на козаковъ кievскому воеводѣ, князю Острожскому, и воевода далъ по этому поводу такой отвѣтъ: «Паны радные писали къ князю Александру Вишневецкому, велѣли ему схватить атамана запорожскаго, Потребацкаго съ товарищами, которые сожгли Воронежъ; паны грозили Вишневецкому, что если онъ не переловитъ козаковъ, то заплатится головой, потому что они ведутъ къ розмирю съ государемъ московскимъ. Вишневецкій Потребацкаго схватилъ и съ нимъ 70 человекъ козаковъ» ¹⁾.

Несмотря на это, Москва все-таки старалась ладить съ запорожскими козаками. Такъ, отправляя въ слѣдъ за этимъ гонца Петра Зиновьева въ Крымъ, правитель московскаго государства Борисъ Годуновъ прежде всего долженъ былъ обезопасить своего гонца отъ низовыхъ козаковъ и потому далъ ему относительно ихъ такой наказъ: «Какъ пойдетъ Петръ съ Ливень ²⁾, и будетъ извѣстie, что пришли на Донецъ съ Двѣпра, изъ Запорожья, черкасы, Матвѣй Ѳеодоровъ съ товарищами, и стоятъ смирно и государевымъ людямъ отъ нихъ нѣтъ никакой обиды, то Петру посылать напередъ отъ себя станицу къ запорожскимъ черкасамъ и велѣтъ про себя сказать, что есть съ нимъ отъ государя ко всѣмъ имъ, козакамъ, грамота и рѣчь, и Матвей бы Ѳеодоровъ и товарищи его съ нимъ, гонцомъ, видѣлись, и черкасамъ своимъ всѣмъ по всему Донцу заказали бы, чтобъ они надъ Петромъ и надъ крымскими гонцами и надъ провожатыми ихъ ничего не сдѣлали, а онъ, Петръ, идетъ въ Крымъ съ крымскими гонцами легкимъ дѣломъ наскоро, и поминковъ (подарковъ) съ нимъ ничего не послано. Да какъ съ нимъ атаманы и молодцы запорожскіе съѣдутся, и Петру отъ государя поклонъ имъ исправить и грамоту отъ государя подать; а говорить имъ отъ государя, чтобъ они его, Петра, и крымскихъ гонцовъ пропустили и провожатыхъ ничѣмъ не тронули, а государево къ нимъ жалованье будетъ сейчасъ же съ государскимъ сыномъ боярскимъ.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 280.

²⁾ Ливны—уѣздный городъ орловской губерніи.

А государь, увидя ихъ передъ собой службу, пришлетъ къ нимъ на Донецъ свое жалованье» ¹⁾).

Запорожскіе черкасы московскимъ и крымскимъ гонцамъ ничего дурного не сдѣлали, зато отъ своихъ видовъ на Крымъ они нисколько не думали отказываться. Въ 1589 году они выбрались въ открытое море и близъ города Козлова взяли одинъ турецкій корабль. Въ слѣдъ затѣмъ 800 человекъ черкасъ, съ атаманомъ Кулагою во главѣ, выйдя въ море на малыхъ стругахъ, ночью ворвались въ городъ Козловъ, забрали лучшіе товары въ лавкахъ, жидовъ и турокъ, бывшихъ въ городѣ, частію побили, частію съ собой забрали, но тутъ же, въ самомъ посадѣ города встрѣтились съ калгой Фети-Гераемъ, учинили жестокой бой съ нимъ, во время котораго заплатились убитымъ атаманомъ Кулагою и тридцатью плѣнными товарищами, послѣ чего ушли прочь изъ города. За ними погнался было самъ ханъ Казы-Герай, но они поспѣшно ушли изъ Козлова и въ слѣдъ затѣмъ сдѣлали набѣгъ на города Аккерманъ (Бѣлый городъ) и Азовъ, гдѣ пожгли посады, взяли въ плѣнъ 300 туземцевъ и избили нѣсколько человекъ, пріѣзжихъ съ товарами бухарцевъ ²⁾).

Вѣсть объ этомъ походѣ козаковъ скоро долетѣла въ самый Константинополь, и султанъ распорядился прислать къ устью Днѣпра три морскихъ судна, по 50 человекъ янычаръ въ каждомъ суднѣ, снабдивъ каждое судно «огненнымъ боемъ» и четырема пушками и обѣщавъ къ тремъ каторгамъ прислать еще пять; начальникамъ судовъ падишахъ приказалъ зорко слѣдить за выходомъ козаковъ устьемъ Днѣпра въ море, а крымскому хану предписалъ идти на польско-литовскія земли для отмщенія полякамъ за набѣги въ Крымъ козаковъ. Вѣроятно, этотъ самый походъ козаковъ въ 1589 году разумѣетъ и историкъ Турціи Гаммеръ, рассказывающій о разореніи козаками городовъ Аккермана, Тягина и Оди, за которые турецкій султанъ заносилъ жалобу на козаковъ польскому королю ³⁾).

Въ Москвѣ къ этимъ вѣстямъ отнеслись съ особенною радостью и втайнѣ старались поощрять низовыхъ козаковъ въ ихъ походахъ противъ татаръ. Такъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1589 года, приказано было Аванасію Зиновьеву, отправленному на рѣчки До-

¹⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, Москва, 1879, VII, 313.

²⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, Москва, 1879, VII, 314.

³⁾ Hammer, *Geschichte des osmanischen Reichs*, Pest, 1827, IV, 155, 209.

непѣ и Осколѣ «для провѣдыванія тамъ о ханѣ», отправить къ запорожскому атаману Матвѣю съ товарищами посланца и черезъ него узнать, оберегаетъ-ли атаманъ станичниковъ, сторожей, пугивльскихъ козаковъ и севрюковъ государевыхъ, стоящихъ по Дону, пропускаетъ-ли крымскихъ гонцовъ, будетъ-ли онъ прямо государю и станетъ-ли защищать государево дѣло. Если провѣдаетъ, что козаки и атаманъ Матвѣй съ товарищами прямы, то Аванасій Зиновьевъ долженъ промышлять надъ крымскими людьми.

Исполняя въ точности данный наказъ, Зиновьевъ отыскалъ козацкаго атамана Матвѣя на рѣчкѣ Долицѣ, увидѣлъ, что онъ служить «прямую» государю службу и передалъ отъ него государю челобитную о пожалованіи козакамъ продовольствія, такъ какъ они, за недостаткомъ пропитанія, ѣли все, что попадалось имъ подъ руку, даже разныя травы. Государь, узнавъ объ этомъ, послалъ козакамъ запасы муки, толокна и 100 рублей денегъ для раздѣла на 620 человекъ товарищей, а кромѣ того особые подарки атаманамъ ¹⁾).

Но то, что было полезно для Москвы, то было очень вредно для Польши. Москва, поощряя низовыхъ козаковъ къ походамъ ихъ на Крымъ, тѣмъ самымъ возбуждала противъ Польши крымскихъ хановъ, которые считали низовыхъ и украинскихъ козаковъ подчиненными польской коронѣ: турецкій султанъ, возмущенный набѣгами козаковъ 1588 года, въ слѣдующемъ году двинулъ къ польскимъ границамъ такія силы, которыя испугали короннаго гетмана Яна Замойскаго и заставили поляковъ взять рѣшительныя мѣры противъ козаковъ на варшавскомъ сеймѣ 1590 года. Чтобы парализовать дѣйствія козаковъ, преемникъ короля Стефана Баторія, Сигизмундъ III, на сеймѣ 1590 года, пришелъ къ такимъ мѣрамъ: 1) Устроить за порогами или изъ самихъ козаковъ, тамъ проживающихъ, или же изъ другихъ какихъ-нибудь людей, войско, послушное правительству. 2) Ограничить число всѣхъ козаковъ реестромъ въ 6.000 человекъ, реестръ отдать на храненіе коронному гетману и ему одному предоставить право наполнять его за убылью козаковъ. 3) Подчинить это войско польскому коронному гетману и гетману же предоставить право на-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, VII, 351. Были-ли низовые козаки въ 1589 году при погромѣ на Волгѣ волжскаго атамана Болдыря съ товарищами—въ точности неизвѣстно, такъ какъ эти козаки названы просто «черкасами» безъ эпитета «запорожскіе» или «низовые». Соловьевъ, VII, 350.

значать старшихъ надъ козаками. 4) Назначить старшинъ и сотниковъ для этого войска изъ людей шляхетскаго сословія, имѣющихъ на Украинѣ недвижимую собственность. 5) Воспретить безъ воли старшаго и утвержденія короннаго гетмана принимать новыхъ лицъ въ списокъ козаковъ. 6) Учредить изъ осѣдлаго шляхетскаго сословія двухъ дозорцевъ для наблюденія за спокойствіемъ и добрымъ поведеніемъ въ отношеніи пановъ и владѣльцевъ сословія козацкаго и хлопскаго. 7) Воспретить строжайше продажу простонародью пороху, свинцу и оружія. 8) Установить въ земскихъ имѣніяхъ особыхъ охранителей, такъ-называемыхъ урядниковъ, а въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ присяжныхъ бурмистровъ, войтовъ и атамановъ, обязанныхъ, подь страхомъ смертной казни, не пропускать никого изъ козаковъ, мѣщанъ и хлоповъ въ поле и низовье Днѣпра, задерживать и карать смертью всѣхъ, кто придетъ съ добычею изъ другихъ мѣстъ. 9) Воспретить козакамъ выходить за границу польскихъ владѣній сухимъ и воднымъ путемъ безъ позволенія короннаго гетмана и нападать на купцовъ и другихъ людей. 10) Заставить присягнуть козаковъ на вѣрность польской республикѣ¹⁾.

Не довольствуясь всѣми этими мѣрами въ отношеніи козаковъ, правительство Рѣчи-Посполитой, въ іюлѣ того же 1590 года, обнародовало универсалъ о вербовкѣ тысячи человекъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей, и о построеніи въ урочищѣ Кременчукѣ или въ другомъ какомъ-либо удобномъ мѣстѣ крѣпкаго замка для помѣщенія въ немъ польскаго гарнизона, съ цѣлю удержанія украинскихъ жителей отъ набѣговъ на мусульманскія земли. Старшимъ надъ этимъ гарнизономъ назначался свѣтынскій староста Николай Язловецкій. Ему именно и выданъ былъ «приповѣдный» королевскій листъ на собраніе гарнизона и на постройку замка, а жителямъ сосѣднихъ коронныхъ имѣній приказывалось доставлять продовольствіе гарнизону²⁾.

Нечего и говорить о томъ, насколько дѣйствительны были эти мѣры въ отношеніи козаковъ; онѣ только разжигали страсти народныя противъ самихъ же поляковъ и заставляли многихъ недовольныхъ искать себѣ пріюта на Запорожьѣ.

¹⁾ Volumena legum, Спб., 1860, II, 310; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 22; Соловьевъ, Исторія Россіи, 1860, X, 67; Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, I, 139.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, т. I, ч. III, 29.

Сами поляки настолько были бессильны, что приказаніе о построеніи крѣпости на Днѣпрѣ для удержанія бѣглецовъ изъ Украйны на Запорожье совѣтъ не было приведено въ исполненіе; а мѣры, выработанныя на сеймѣ противъ козаковъ, исполнялись ими въ самой слабой степени или даже вовсе не исполнялись.

Тѣмъ не менѣе въ слѣдующемъ 1591 году польское правительство, благодаря объявленнымъ сильнымъ мѣрамъ противъ козаковъ, успѣло заключить съ турками и татарами вѣчный миръ въ Константинополѣ ¹⁾.

Но уже вскорѣ послѣ этого мира низовые козаки, съ годами привыкшіе къ военному дѣлу и отъ военного дѣла добывавшіе себѣ пропитаніе, рѣшили нарушить главные пункты сеймоваго рѣшенія—подчиненіе коронному гетману и запрещеніе выхода за границу — и задумали идти походомъ на Молдавію. Они нашли гдѣ-то человѣка, объявившаго себя сыномъ убитаго турками господаря Ивони и рѣшили добыть ему господарскій престолъ. Но польскій король во-время узналъ объ этомъ и поручилъ офиціальному старшему козацкому, Николаю Язловецкому, вступить съ козаками въ переговоры о выдачѣ правительству самозванца. Самозванецъ былъ доставленъ въ Мальборкъ и тамъ заточенъ, а козаки, привезшіе самозванца, щедро были награждены ²⁾.

¹⁾ Въ это же время заключено было одиннадцатилѣтнее перемиріе и съ русскимъ царемъ.

²⁾ Heidenstein, Dzieje polski, Petersburg, 1837, II, 297; Ioachima Bielskiego Dalszy ciąg kroniki polskiej, Warszawa, 1851, 145.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первое возстаніе козаковъ противъ поляковъ подъ начальствомъ Косинскаго. — Боевыя силы козаковъ и главный контингентъ возставшихъ. — Первые извѣстія о жизни и дѣйствіяхъ Криштофа Косинскаго. — Пребываніе его въ Запорожской Сечи, возвращеніе для лѣжки на Украину и движеніе на Волынь и Подолію. — Безсилныя мѣры короля Сигизмунда Ш противъ козаковъ. — Неудачное движеніе противъ козаковъ князя Острожскаго и понесенное пораженіе имъ отъ Косинскаго. — Постановленіе короля и сейма относительно козаковъ. — Дѣйствія противъ козаковъ князей Острожскихъ и князя Александра Вишневецкаго. — Пораженіе Косинскаго подъ Пяткою и принесеніе имъ присяги на вѣрность Рѣчи-Посполитой. — Неисполненіе присяги со стороны Косинскаго и новое движеніе козаковъ противъ поляковъ. — Сборы Косинскаго и козаковъ въ городѣ Черкасахъ и внезапная смерть Косинскаго. — Значеніе перваго движенія козаковъ противъ Польши.

До сихъ поръ мы видѣли низовыхъ козаковъ въ борьбѣ съ Крымомъ и Турціей и съ находившеюся въ зависимости отъ Турціи Молдавией. Теперь, т.-е. съ конца 1691 года, впервые видимъ ихъ въ борьбѣ съ самой Польшей. Принято думать, съ голоса малороссійскихъ лѣтописцевъ, что первое движеніе козаковъ противъ поляковъ вызвано было насиліями со стороны польскаго правительства надъ религіей южноруссовъ и стоитъ въ связи съ введеніемъ на Украинѣ униі. Фактическое изложеніе перваго похода козаковъ противъ поляковъ, самыя дѣйствія и мысли, высказанныя при этомъ ими, совершенно не оправдываютъ укоренившася въ нашихъ понятіяхъ мнѣнія. Первое козацкое движеніе противъ правительства и панства Рѣчи-Посполитой вызвано было ничѣмъ инымъ, какъ бѣдственнымъ, сословнымъ и экономическимъ, положеніемъ южнорусскаго народа вообще, козачества въ особенности, въ какомъ они очутились со времени слянія Украины съ Литвой и Польшей. Пройдя съ огнемъ и мечомъ воыно-подольскія и кіево-бѣлцерковскія области, козаки не обмолвились ни единымъ словомъ жалобы на притѣсненія ихъ православною вѣрой и высказывались только за то, чтобы одобычиться на счетъ богатыхъ людей и ввести козацкій присудъ между незнавшими отъ поль-

скихъ судей правды селянами, мѣщанами и мелкими южнорусскими шляхтичами или дворянами.

Выступая въ походъ, казаки обратили свое вниманіе на имѣніе сосѣднихъ польско-русскихъ пановъ и прежде всего на маестности князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго и маршалка вольнскаго. Почему вниманіе низовыхъ козаковъ прежде всего привлекли владѣнія Острожскаго, источники не говорятъ, хотя и не оставляютъ сомнѣній, что центромъ тяжести козацкаго движенія этого времени были именно вольно-подольскія маестности князя Острожскаго.

Общая численность козаковъ, поднявшихся противъ поляковъ въ это время, простиралась всего лишь до 5.000 человекъ. Главное и дѣйствующее большинство всего этого числа составляли низовые или вольные казаки, что подтверждаютъ и современные акты и лѣтописцы того времени ¹⁾. Но кромѣ низовыхъ козаковъ въ этомъ движеніи принимали участіе и негербованные и бездомные «шляхтичи-выволанцы», полу-паны, полу крестьяне, «рукодайнные» панскіе слуги, называемые въ актахъ здрайцами и збѣгами, осѣдлые хлопы и, наконецъ, панскіе подданные ²⁾. Но всѣ они составляли ничтожное меньшинство противъ собственно низовыхъ козаковъ, но это меньшинство не пользовалось многими благами своего отечества и потому всегда искало добычи въ войнѣ и во внутреннихъ неурядицахъ своей родины.

Во главѣ возставшихъ козаковъ сталъ шляхтичъ православной вѣры Криштофъ Косинскій ³⁾. По мѣсту родины онъ былъ полѣшанинъ, а по званію низовой или запорожскій козакъ. Но какъ и когда онъ сошелъ съ Полѣсья въ Запорожье—на это указаній нѣтъ. Повидимому, это былъ человекъ уже не молодой, весьма незаурядныхъ способностей, весьма популярный между запорожцами. Уже въ 1586 году, мая 22 дня, нѣкто Богданъ Микосинскій писалъ письмо Каспару Подвысоцкому и какому-то владыкѣ Юрію, въ которомъ сообщалъ о новостяхъ сичевыхъ послѣ ихъ

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, т. I, ч. III, 32, 34, 36, 39, 45, 49, 58; Listy Żolkiewskiego 22, 23; Bielskiego Dalszy ciąg kroniki, 151, 178, 188, 189, 190; Heidenstein, 317.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, т. I, ч. III, 58, 55, 57—62.

³⁾ Кудишъ на основаніи имени и происхожденія Косинскаго считаетъ его, если не католикомъ, то лютераниномъ, но малороссійскіе лѣтописцы Грбянка и другіе считаютъ Косинскаго человекомъ православной вѣры.

отъѣзда: съ Низу, отъ Тавани и отъ городковъ прибѣгла сторожа отъ Криштофа, давая знать о выступленіи въ походъ перекопскаго царя со всею силою своею ¹⁾. Нѣсколько позже указаннаго времени имя Косинскаго стало извѣстнымъ и въ Москвѣ. Такъ, въ грамотѣ царя Θεодора Ивановича къ донскимъ козакамъ, марта 30 дня, 1593 года, велѣно было донцамъ промыслять вмѣстѣ съ низовыми козаками и ихъ вождемъ Криштофомъ Косинскимъ, на рѣкѣ Донцѣ, противъ крымскихъ татаръ ²⁾. А въ письмахъ Станислава Жолкевскаго говорится даже, будто Косинскій «поддѣлъ» русскому царю пограничную, болѣе ста миль разстоянія, окраину земли и оттого далъ поводъ царю писаться царемъ запорожскимъ, черкасскимъ и низовскимъ ³⁾.

Изъ всего этого видно, что Косинскій дѣйствительно былъ видной и вліятельной личностью, дававшей тонъ и направленіе самому движенію ⁴⁾.

Состоя въ числѣ низовыхъ козаковъ, Криштофъ Косинскій, по укоренившемся издавна между низовцами обычаю, ушелъ, вслѣдствіе полнаго затишья, на зимнее время изъ Сичи на Украину «на приставство, домованье», чтобы «долежать» тамъ зиму, а съ весной, когда зашумятъ травы въ лугахъ и потекутъ рѣчки въ берегахъ, снова спуститься на Низъ. Вмѣстѣ съ Косинскимъ «долеживали» зиму и много простыхъ козаковъ. Всѣ они находились въ Бѣлоцерковщинѣ. Были-ли у нихъ раньше какіе-нибудь замыслы, когда они находились еще въ Сичи, или же эти замыслы припили въ головы козакамъ уже на «лежахъ», въ точности неизвѣстно, но движеніе началось въ послѣднихъ числахъ декабря 1591 года. Козаки захотѣли посчитаться съ нѣкоторыми пограничными панами и, снявшись съ лѣжъ, прежде всего, въ началѣ января 1592 года, «гвалтовне» напали на домъ бѣлоцерковскаго подстаросты, князя Курцевича-Булыги, мстя ему за какую-то неправду («снять зъ направи чиее»). Наскочивъ на домъ Булыги, козаки проникли въ его «комору», забрали у князя имущество и шкатулку съ деньгами, клейнотами и листами; между послѣдними были такъ-называемыя мамрамы, т.-е. особые для

1) Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 34, прим.

2) Вантышъ-Каменскій, Исторія М. Россіи, Москва, 1842, I прим. 110.

3) Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 27.

4) Николайчикъ: Кіевская старина, 1884, мартъ, 432.

вписыванія панскихъ приказовъ бланки, ввѣренныя Булыгѣ Бѣлоцерковскимъ старостою княземъ Янушемъ Острожскимъ, а также нѣкоторыя жалованныя грамоты и привилегіи, данныя князьямъ Острожскимъ на староства, маестности, грунты ¹⁾.

О первомъ движеніи Косинскаго и козаковъ скоро узналъ король Сигизмундъ III и уже въ половинѣ января того же года снарядилъ особую комиссію и издалъ королевскій листъ съ обращеніемъ къ волынскому населенію сообщать комиссарамъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ своевольныхъ людей и съ приказаніемъ всѣмъ урядамъ карать по закону бунтовщиковъ. Въ своемъ универсалѣ король говорилъ о дошедшихъ до его слуха свѣдѣніяхъ касательно дѣйствій нѣкоторыхъ своевольныхъ людей въ воеводствахъ волинскомъ, кіевскомъ и брацлавскомъ. Не обращая вниманія ни на верховную власть, ни на посполитое право, своевольные люди дѣлаютъ неслыханныя шкоды, большія кривды, убійства и грабительства въ разныхъ мѣстахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ воеводствъ. Поэтому, чтобы предупредить дѣйствія своевольныхъ людей, всѣмъ старостамъ, державцамъ, урядникамъ и посполитымъ воеводства волинскаго предписывалось помогать комиссарамъ въ разслѣдованіи своевольныхъ людей, ловить и представлять ихъ на судъ, а въ случаѣ ухода изъ мѣстечекъ, доставлять комиссарамъ списки ихъ ²⁾.

Во главѣ комиссіи поставленъ былъ офиціальный старшій козацкій, снятынскій староста Николай Язловецкій. Не довольствуясь предписаніемъ короля Сигизмунда жителямъ волинскаго воеводства, самъ Язловецкій отправилъ въ Запорожье воззваніе къ козакамъ съ приказаніемъ оставить «лотра» Косинскаго и повиноваться правительству. Эти приказанія повторены были нѣсколько разъ и въ одномъ изъ нихъ, писанномъ марта 10 дня, Язловецкій грозилъ козакамъ поднять противъ нихъ оружіе и жестоко наказать за всѣ причиняемыя ими бѣдствія населенію волынскому ³⁾.

Но предписанія эти, какъ старшого, такъ и самого короля не имѣли никакого дѣйствія на козаковъ и Косинскаго.

Взявъ Бѣлую-Церковъ, козаки вслѣдъ затѣмъ взяли Кіевъ,

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 31.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 33—35.

³⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 21.

а послѣ Кіева нѣскольکو другихъ городовъ ¹⁾, при чемъ оружіе и порохъ забирали съ собой, жителей или убивали, или заставляли присягать себѣ на послушаніе, замки и мѣста королевскіе и панскіе жгли и опустошали ²⁾.

Запасшись вѣзмъ необходимымъ въ Бѣлой-Церкви, Кіевѣ и другихъ смежныхъ съ ними городкахъ, козаки спустились на Волинь и Подолю и расположились въ имѣніи князя Константина Острожскаго Острополѣ ³⁾. Стоя въ Острополѣ, Косинскій взялъ нѣскольکو другихъ городовъ, принадлежавшихъ князю Острожскому, и подвергъ ихъ опустошенію. Главною заботою Косинскаго было насажденіе вездѣ козацкаго присуда вмѣсто панскаго, т.-е. распространеніе козацкаго суда на шляхту, мѣщанъ и селянъ.

Такъ простоялъ Косинскій все лѣто безбоязненно въ Острополѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ этого года ⁴⁾ противъ него пытался дѣйствовать князь Острожскій, но онъ былъ разбитъ козаками и потерялъ свое войско ⁵⁾.

Послѣ этого Косинскій стоялъ спокойно и всю осень того же года въ томъ же Острополѣ. Само правительство ничего рѣшительнаго не предпринимало противъ него. Только князь Константинъ Острожскій и заботился о мѣрахъ противъ козаковъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, на вальномъ сеймѣ, онъ высказалъ мысль о необходимости починки разрушенныхъ низовыми козаками замковъ въ Кіевѣ и Бѣлой-Церкви. Однако, не смотря на очевидную необходимость этого предложенія, оно не было принято панами и князь потребовалъ себѣ свидѣтельство отъ короля въ томъ, что онъ хотя и состоитъ кіевскимъ воеводой, но не можетъ считаться виновнымъ на тотъ случай, если замки, будучи открытыми, вновь подвергнутся нападенію козаковъ. Свидѣтельство было выдано, за подписью короля Сигизмунда III, октября 15 дня 1592 года ⁶⁾. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до конца всего года, и еще въ половинѣ января слѣдующаго 1593 года обыватели луцкаго и владимірскаго повѣтовъ, съѣхавшіеся было для судебныхъ роковъ, сговорились закрыть засѣданіе судовъ и прекратить судебныя

¹⁾ Костомаровъ, Историческія моногр., 1867, III, 250.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 38—40.

³⁾ Нынѣ мѣстечко Новградъ—волинскаго уѣзда.

⁴⁾ Николаичикъ: Кіевская старина, 1884, мартъ, 435, прим. 2.

⁵⁾ Bielskiego Dalszy ciąg kroniki, Warszawa, 1851, 178.

⁶⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 36.

дѣлопроизводства по причинѣ возстанія козаковъ и разоренія ими шляхетскихъ имѣній ¹⁾. Только 16 января 1593 года король издалъ универсалъ къ шляхтѣ волинскаго, кievскаго и брацлавскаго воеводства, «ознаймаю о великомъ своевольствѣ низовыхъ козаковъ и призывая жителей на посполитое рушеніе противъ нихъ за то, что они по непріятельски имѣнія шляхты разоряютъ, а самихъ шляхтичей и мѣщанъ къ присягѣ на вѣрность себѣ насильно приводятъ» ²⁾.

Нужно думать, что къ этому же времени относится и постановленіе сейма относительно козаковъ, отмѣченное въ собраніи польско-литовскихъ законовъ: «Своеволие козачества, чѣмъ дальше, тѣмъ больше вредитъ Рѣчи-Посполитой; вслѣдствіе этого сеймъ 1593 года постановляетъ назвать козаковъ врагами отечества. Гетману войска нашего поручаемъ тѣхъ своевольниковъ уничтожить. Но для подлиннаго удержанія этого своеволия нужна конституція (постановленіе) 1590 года, по которой нашъ гетманъ и сами обыватели тѣхъ краевъ, откуда выходятъ эти своевольные люди, могутъ брать оружіе и защищаться» ³⁾.

На королевскій универсалъ и постановленіе сейма прежде всего отозвался князь Константинъ Острожскій, маршалокъ волинскій, воевода кievскій и староста володимірсскій. Уже въ концѣ января стало извѣстно, что Острожскій началъ собирать шляхетское ополченіе противъ козаковъ ⁴⁾. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ Константиновъ. Кромѣ Константина Острожскаго, сборомъ ополченія занимались также князь Янушъ Острожскій, дѣйствовавшій возлѣ Тарнополя ⁵⁾, а также сынъ Януша и внукъ Константина. Не довольствуясь мѣстнымъ ополченіемъ, Янушъ Острожскій послалъ за пѣхотой въ Венгрію, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ успѣлъ стянуть значительное число войска подъ свои знамена.

Къ февралю мѣсяцу войска уже успѣли собраться, и начальство надъ ними принялъ Янушъ Острожскій, потому что онъ былъ бодрѣе своего слишкомъ престарѣлаго отца и опытнѣе сво-

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 38—44.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 44—46.

³⁾ *Volumenta legum*, Санктъ-Петербургъ, 1860, II, 364.

⁴⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 47—52.

⁵⁾ Городъ въ теперешней австрійской Галиціи.

его молодого сына. Вмѣстѣ съ Янушемъ Острожскимъ дѣйствовали и князь Александръ Вишневецкій, староста черкасскій.

Косинскій сперва стоялъ въ Острополѣ, при немъ было около 5.000 человекъ войска. Не считая удобнымъ и безопаснымъ для себя Острополь, Косинскій передвинулся къ мѣстечку Пяткѣ ¹⁾, положеніе котораго во многомъ находилъ болѣе выгоднымъ для военныхъ дѣйствій. Острожскій послѣдовалъ за Косинскимъ къ Пяткѣ. Но Косинскій, не желая допустить князя въ самый городъ, вышелъ къ нему на встрѣчу за городъ и здѣсь устроилъ, по козацкому обычаю, въ открытомъ полѣ таборъ изъ возовъ, заключивши свое войско въ средину его. Дойдя до козацкаго табора, войско Острожскаго сперва не рѣшалось напасть на козаковъ и даже склонно было къ бѣгству, но когда Острожскій обратился къ нему съ теплымъ словомъ убѣжденія и показалъ примѣръ собственнаго мужества, то рать его съ отвагой бросилась на Косинскаго, успѣла разорвать козацкіе возы и проникнуть въ центръ табора. Тогда козаки поспѣшили отступить къ городу, но поляки преслѣдовали ихъ до самыхъ воротъ города, нанося имъ раны и поражая на мѣстѣ. Это произошло 2-го числа мѣсяца февраля, когда въ полѣ не успѣлъ еще стаять снѣгъ ²⁾. Неудача козаковъ произошла, главнымъ образомъ, оттого, что они дѣйствовали противъ своихъ враговъ на малорослыхъ коняхъ, тонувшихъ въ таявшемъ снѣгу и замедлявшихъ оттого всѣ дѣйствія своихъ всадниковъ въ противоположность полчанамъ Острожскаго и Вишневецкаго, сидѣвшимъ на рослыхъ лошадяхъ и хорошо справлявшимся съ проталинами въ снѣгу. Подъ конецъ Косинскій потерялъ, по польской народной молвѣ, до 3.000 человекъ войска, 26 пушекъ, почти всѣ хоругви и февраля 10 дня ³⁾ сдался на капитуляцію побѣдителямъ: выѣхавъ изъ замка, козацкій вождь, по словамъ польскаго лѣтописца Іоахима Бѣльскаго, упалъ къ ногамъ Острожскаго съ мольбой о прощеніи, и былъ прощень.

Того же февраля 10 дня Косинскій далъ листъ и принесъ присягу Константину Острожскому о прекращеніи набѣговъ на маентности князя и его друзей, о сложеніи съ себя «гетманскаго» уряда, о выдачѣ польскихъ слугъ и о возвращеніи оружія и имущества, у пановъ взятаго.

¹⁾ Теперь житомирскаго уѣзда волынской губерніи.

²⁾ Listy Żolkiewskiego, 25; Heidenstein, II, 317; Bielski, 188—190.

³⁾ Николайчикъ: Кіевская старина, 1884, мартъ, 438, пр. I.

«Я, Криштофъ Косинскій, на это время гетманъ, и мы сотники, атаманя, все рыцарство войска запорожскаго, сознаемъ въ этомъ листѣ нашемъ, что, несмотря на великія добродѣйства и ласки ясновельможнаго пана Константина княжаты Острожскаго, воеводы кievскаго, маршалка земли волинской, старосты володимірскаго, которыя его милость во все время своей жизни, вслѣдствіе своей милостивой панской власти, оказывалъ всему войску и каждому изъ насъ особо и много добра дѣлалъ; а мы, забывъ обо всемъ томъ, не мало огорченія и убытковъ причинили какъ самому ему и дѣткамъ его, такъ и слугамъ и подданнымъ его милости, и ласку ихъ милости къ себѣ нарушили; а ихъ милость, будучи подъ Пяткомъ, всѣ поступки наши, послѣ униженныхъ и усердныхъ просьбъ нашихъ и послѣ заступничества многихъ знатныхъ людей, по своей милостивой ласкѣ, какъ христіанскіе панове, не желая проливать нашей крови, намъ простите. Поэтому мы, все рыцарство вышеименованнаго войска, обѣщаемъ и присягою своею утверждаемъ: съ этого времени пана Косинскаго за атамана не имѣть и на его мѣсто иного на Украинѣ, въ теченіе четырехъ недѣль поставить, и потомъ находиться въ послушаніи его милости короля, не чиня никакого розмирья съ посторонними сосѣдями павствъ его королевской милости жить за порогами на указанныхъ мѣстахъ, ни лёжъ, ни приставствъ, ни убытковъ, ни кривдъ не имѣть и не чинить въ державахъ и маетностяхъ ихъ милостей князей и ихъ пріятелей, его милости княжати Александра Вишневецкаго, старосты черкаскаго, и иныхъ, находящихся въ это время при ихъ милости; также не подманывать къ себѣ слугъ изъ маетностей и державствъ ихъ милости; бѣглецовъ, измѣнниковъ и слугъ ихъ милости у себя не хоронить и выдавать; оружіе, когда-либо взятое въ замкахъ, городахъ и державахъ ихъ милостей, кромѣ трипольскихъ (т.-е. взятыхъ въ Треполѣ), вернуть; также вернуть хоругви, лошадей, скотъ и движимое имущество, взятыя въ имѣніяхъ княжатъ ихъ милости; кромѣ того отправить отъ себя челядь обоего пола («обое плоти»), имѣющуюся при насъ; вѣчно жить у князей ихъ милостей въ прежней любви, никогда не приставать ни къ одному человѣку противъ ихъ милостей, а напротивъ служить имъ. На всѣ эти вышепрописанныя кондиціи, поданныя намъ отъ ихъ милостей князей, мы, все войско, приносимъ присягу вѣчно, свято и ненарушимо, не подыскивая причинъ къ нарушенію, храпитъ и по нимъ на вѣчныя

времена поступать. А присяга та наша заключается въ слѣдующихъ словахъ: я, Криштофъ Косинскій, мы сотники атаманы, все рыцарство войска запорожскаго, одинъ за другого и каждый изъ насъ за себя присягаемъ Господу Богу въ Тройцѣ Единому, который сотворилъ небо и землю, на томъ, что мы всѣ и каждый въ отдѣльности, имѣемъ и повинны всѣ вышешпоименованныя кондиціи, на этомъ листѣ намъ поданныя имъ милостію князьями Острожскими, въ цѣлости и ненарушимо, не подыскивали никакихъ причинъ къ нарушенію, содержать и сообразно съ ними вѣчно поступать съ ихъ милостями, а не противъ ихъ милостей пановъ, пріятелей, слугъ и подданныхъ ихъ,—въ этомъ помощи намъ, Господи Боже! Если же мы неправильно присягнули, то скарай насъ, Господи Боже, на душахъ и на тѣлахъ нашихъ, въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ! А для лучшей вѣрности и вѣчнаго нашего утвержденія, я, Косинскій, этотъ листъ властною рукою своей подписалъ и печать свою приложилъ; мы всѣ также приказали приложить къ этому листу войсковую печать и которые изъ насъ умѣли, къ нему руки свои подписали; просили тоже сдѣлать и ихъ милостей пановъ вельможныхъ, бывшихъ при этомъ: его милость пана Якуба Претвича изъ Гавронъ, каштеляна галицкаго, старосту теребовльскаго; пана Александра князя Вишневецкаго, старосты черкаскаго, каневскаго, корсунскаго, любецкаго, ловвскаго; пана Яна Гульскаго, войскового требовльскаго, пана Вацлава Боговитина, хорунжаго земли волынской; пана Василя Гулевича, войскового володимірскаго, что ихъ милости, по просьбѣ нашей, сдѣлать изволили и, приложивъ печати свои къ этому нашему листу, изволили подписать руки свои. Дѣялось подъ Пяткомъ року божого 1593, мѣсяца февраля 10 дня. Криштофъ Косинскій рукою своею, Иванъ Кречкевичъ писарь войсковою именовъ всего войска рукою; Якубъ Претвичъ изъ Гаврона своею рукою; Александръ князь Вишневецкій, староста черкасскій; Вацлавъ Боговитинъ, хорунжій волынскій, Василій Гулевичъ войскій володимірскій, Янъ Гульскій войскій требовельскій¹⁾).

Очистивъ волынское воеводство и разставшись со своимъ вождемъ Косинскимъ, казаки частію ушли на Запорожье, частію разошлись по домамъ на Украинѣ, но большая часть ихъ, вопреки условію съ княземъ Острожскимъ, очутилась подъ городомъ

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 53—57.

Кіевомъ и скоро овладѣла имъ, помѣстивши въ немъ свою армату и утвердившись въ мысли навсегда остаться въ немъ. Тогда нѣкоторые изъ волынскихъ пановъ обратились къ кіевскому и волынскому воеводѣ съ просьбой принять противъ козаковъ самыя рѣшительныя мѣры, оповѣстить о томъ всѣхъ пановъ Волыни и такимъ образомъ общими силами прекратить своеволія козацкія. Но эти просьбы оставлены были Константиномъ Острожскимъ безъ вниманія, казавшагося для многихъ весьма загадочнымъ, но объясняемымъ частію рознью, всегда существовавшею между всѣми польскими панами того времени, частію тою связью, которая существовала между многими пограничными старостами и воеводами и визовыми козаками, а частію и тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ паны отвесились къ Янушу Острожскому въ то время, когда онъ, передъ пяткинскимъ дѣломъ, вышелъ на защиту своихъ маестностей и потерпѣлъ пораженіе отъ козаковъ.

Такое равнодушіе со стороны князя Острожскаго къ просьбамъ волынскихъ пановъ какъ нельзя больше пришлось по вкусу бывшаго козацкаго вождя, Криштофа Косинскаго. Стѣсненный безвыходнымъ положеніемъ, онъ далъ клятвенный листъ князьямъ Острожскимъ въ полномъ повиновеніи имъ, но теперь оказалось, что клятва дана имъ вынужденно и что онъ вовсе не думалъ объ исполненіи ея, получивши свободу. Теперь онъ снова выступилъ на сцену; снова вокругъ него стали собираться войска, частію изъ польскихъ бояръ, частію изъ побывавшихъ на Запорожьѣ мѣщанъ, а частію и изъ блукавшихъ по Украинѣ запорожцевъ; вмѣстѣ съ войскомъ у Косинскаго явилась и армата. Сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ приднѣпровскій городъ Черкасы. Косинскій рѣшилъ прежде всего ударить на черкаскаго старосту, князя Александра Вишневецкаго за то, что онъ осмѣлился принимать участіе, вмѣстѣ съ княземъ Острожскимъ, въ дѣлѣ подъ Пяткою. Въ началѣ съ Косинскимъ было, по приблизительному разсчету, отъ трехсотъ пятидесяти до четырехсотъ коней, но потомъ къ нему водою и сухопутьемъ потянулись отовсюду новыя силы, и возстаніе грозило принять широкіе размѣры. Къ счастью поляковъ, случилось обстоятельство, которое сразу разрушило всѣ намѣренія козаковъ,—это убійство Косинскаго. Оно произошло во время пира Косинскаго въ корчмѣ города Черкассы и сдѣлано было служебниками Вишневецкаго, которыхъ Косинскій приглашалъ подъ свой «рейментъ». Во хмелю пировавшіе сперва поссо-

рились, потомъ отъ ссоры перешли къ дракѣ и во время драки какой-то шляхтичъ однимъ ударомъ сразилъ Косинскаго, а товарищи его бросились на козаковъ, бывшихъ съ Косинскимъ, и перебили ихъ. Оставшееся безъ вождя войско Косинскаго ушло за пороги.

Такъ передаютъ о кончинѣ Косинскаго Бѣльскій и Гейденштейнъ. Иначе рассказываетъ объ этомъ самъ Александръ князь Вишневецкій. Въ своемъ письмѣ отъ 23 мая 1593 года къ коронному гетману Яну Замойскому онъ говоритъ, что Косинскій погибъ во время сраженія подъ Черкасами: не смотря на то, что при немъ было 2.000 человекъ козаковъ, онъ былъ разбитъ Вишневецкимъ и палъ на мѣстѣ ¹⁾. Народная молва и украинскіе лѣтописцы придали Косинскому особенный ореолъ мученика и о кончинѣ его рассказывали, будто бы онъ живымъ былъ замурованъ въ каменномъ столбѣ, въ Брестъ-Литовскѣ, и погибъ тамъ лютою смертію. Впрочемъ, такой конецъ приписываетъ Косинскому псевдо-лѣтописецъ Георгій Конискій; большинство же лѣтописцевъ говорятъ о гибели Косинскаго подъ Пяткою, при чемъ одни относятъ годъ смерти его къ 1593, другіе къ 1594 году ¹⁾.

Фактическое и послѣдовательное изложеніе войны Косинскаго и низовыхъ козаковъ съ поляками не даетъ намъ прямыхъ указаній на то, чтобы уяснить себѣ опредѣленно выраженные причины этой войны. О гнетѣ религіозномъ украинскаго народа поляками въ это время еще не можетъ быть рѣчи, такъ какъ этотъ вопросъ, хотя и успѣлъ уже къ тому времени назрѣть, выступилъ со всею силою нѣсколько позже самой смерти Косинскаго. Остается поставить это первое козацкое движеніе противъ польскаго правительства въ зависимость отъ политической уни 1569 года, по которой народно-козацкая Украина, оторвавшись отъ Литвы, вошла въ составъ аристократически-шляхетской польской республики и стала чувствовать себя въ новомъ отечествѣ такъ, какъ чувствуетъ себя пріемышь въ чуждой ему по плоти и вѣрѣ семьѣ. Первыми причинами козацкаго движенія въ областяхъ польской Украины и въ тѣсно связанномъ съ ними Запорожьѣ могли быть постепенный захватъ польскими панами съ

¹⁾ Bielskiego, Dalszy ciąg kroniki polskiej, Warszawa, 1851, 190; Heidenstein, Dzieje polski, II, 318; Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 26.

1569 года земельных угодій на Украинѣ и послѣдовательное стремленіе со стороны пановъ къ закрѣпленію и порабощенію простого украинскаго населенія. Что личное положеніе украинцевъ подъ властью поляковъ дѣйствительно имѣло въ одисываемое время извѣстное значеніе, это видно изъ частыхъ побѣговъ панскихъ подданныхъ на Запорожье, а также и изъ старанія Косинскаго распространить равноправность суда между козаками, шляхтичами и нешляхтичами. Такимъ образомъ, не имѣя фактическихъ указаній на то, чтобы связывать первыя движенія козаковъ противъ поляковъ съ вопросомъ о борьбѣ за вѣру, мы должны отвергнуть свидѣтельства малорусскихъ лѣтописцевъ, утверждающихъ, безъ всякаго на то основанія, будто бы козацкій вождь Криштофъ Косинскій поднялъ свое оружіе противъ поляковъ за вѣру козаковъ, оскорбляемую католиками. О первыхъ козацкихъ войнахъ противъ поляковъ можно сказать то, что причиной ихъ было, согласно выработанной исторіей истинѣ, нарушеніе экономическаго равновѣсія въ государствѣ, или, иначе говоря, всеобщее обѣднѣніе народа въ государствѣ и стремленіе его выйти изъ этого состоянія черезъ борьбу съ другимъ народомъ. Въ государствѣ Рѣчи-Посполитой матеріально лишеннымъ было низшее населеніе Украины, которое и стремилось возстановить экономическое равновѣсіе съ оружіемъ въ рукахъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Идея объ изгнаніи турокъ изъ Европы. — Сношенія австрійскихъ императоровъ съ Москвою по этому поводу черезъ посла Воркочу. — Свѣдѣнія, собранныя Воркочей въ Москвѣ о запорожскихъ козакахъ. — Отправленіе и прїѣздъ въ запорожскую Сичу германскаго посла Эриха Ласоты. — Прїѣздъ папскаго посла патера Комулео. — Предложеніе запорожцамъ отъ императора и папы. — Согласіе и потомъ отказъ запорожцевъ въ участіи войны императора противъ турокъ. — Условія, предъявленныя запорожцами императорскому послу и отправка къ императору собственныхъ посланцевъ. — Уклоненіе со стороны молдавскаго господара отъ союза съ запорожцами, хлопоты по этому поводу и успѣхъ со стороны папскаго посла, патера Комулео.

Едва успѣли запорожскіе козаки покончить съ дѣломъ Косинскаго, какъ у нихъ началось новое и весьма важное дѣло—сношеніе съ австрійскимъ императоромъ. Имя запорожскихъ козаковъ сдѣлалось извѣстнымъ при дворѣ австрійскаго императора черезъ нѣкоего Станислава Хлопицкаго, въ свое время популярнѣйшаго авантюриста, червонорусскаго уроженца, выдававшего себя при императорскомъ дворѣ за козацкаго гетмана. Въ то время австрійскій императоръ очень занятъ былъ вопросомъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы.

Идея объ изгнаніи турокъ изъ Европы занимала умы политиковъ разныхъ странъ этого времени: Испанія, Италія, Германія составили союзъ противъ турокъ, къ которому они нашли нужнымъ привлечь Польшу, Молдавію и даже Россію. Къ этому послѣдовательно стремились Филиппъ II, испанскій король, Григорій XIII, папа римскій, Максимилианъ II и Рудольфъ II, германскіе императоры. Каждый изъ нихъ старался непременно вовлечь въ это дѣло и Россію. Высказана была даже мысль обѣщать московскому царю Крымскій полуостровъ, а потомъ и самую столицу турокъ, Константинополь, лишь бы только царь согласился принять участіе въ составленномъ союзѣ. Но такъ какъ всѣхъ этихъ союзниковъ для осуществленія идеи казалось мало, то нашли

нужнымъ привлечь къ задуманному дѣлу еще запорожскихъ козаковъ, всегдашнихъ враговъ турокъ, какъ и всякихъ другихъ мусульманъ. Особенно энергично хлопотали объ этомъ Рудольфъ II и Григорій XIII, германскій императоръ и римскій папа.

Сношенія Австріи съ Россіей велись черезъ германскаго посла Николая Воркочу, бывшаго при дворѣ царя Ѳедора Ивановича и регента Бориса Ѳедоровича Годунова. Прослышавъ о военныхъ доблестяхъ низовыхъ козаковъ, германскій императоръ Рудольфъ II обратился съ просьбой къ московскому царю дать ему въ распоряженіе козаковъ для вспомошествованія въ предположенной противъ турокъ войнѣ. Московское правительство, не владѣя запорожскими козаками, не могло исполнить просьбы императора, но тѣмъ не менѣе вполне сочувственно отнеслось къ просьбѣ его. Воркочѣ передано было, что запорожскіе козаки очень выносливы въ голодѣ, очень полезны для захватыванія добычи, для опустошенія непріятельской земли и для внезапныхъ набѣговъ на враговъ; но съ другой стороны было сказано, что козаки—народъ неукротимый, жестокій, не имѣющій страха божія и ненадежный; что имъ не слѣдуетъ вѣрять крѣпости, зато можно поручать дальнія экспедиціи въ землѣ непріятельской ¹⁾.

Но германскому императору такой народъ былъ какъ нельзя кстати, и онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, привлечь запорожцевъ къ задуманному имъ дѣлу.

Императоръ отправилъ въ Москву (въ 1594 году) грамоту на имя царя Ѳедора Ивановича и вмѣстѣ волошкаго воеводы Аарона, брацлавскаго воеводы князя Збаражскаго и всѣхъ доблестныхъ рыцарей, жившихъ въ запорожскомъ войскѣ. Грамоту эту привезъ въ Москву шляхтичъ Станиславъ Хлопицкій, предложившій свои услуги Рудольфу II набрать восемь или девять тысячъ козаковъ на службу Австріи. Въ грамотѣ прописана была просьба пропускать Хлопицкаго вездѣ безпрепятственно, а также изложена была и самая программа дѣйствій козаковъ: одна часть ихъ должна была залечь всѣ дороги крымскимъ людямъ и не пустить ихъ для помощи туркамъ, другая должна внести войну въ турецкую землю и опустошать ее. Хлопицкій, прибывъ въ Москву, объявилъ тамъ, что императоръ обращается съ просьбой о запо-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 295; Чтенія общества исторіи и древностей, 1863, II, 269.

рожскихъ козакахъ къ московскому царю именно потому, что считаетъ запорожцевъ царскими слугами, да и сами запорожцы указываютъ на то и безъ воли царской не хотятъ служить императору. Но кромѣ этого тутъ же Хлопицкій сталъ просить и о томъ, чтобы московскій царь къ войску запорожскому прибавилъ и своихъ людей, а также далъ бы козакамъ знамя и помогъ бы имъ казной: «тогда у непріателя креста святаго упадетъ сердце, какъ услышитъ такую силу царскаго величества». Въ Москвѣ къ просьбѣ германскаго императора отнеслись съ подобающимъ вниманіемъ, но самый приемъ просьбы нашли обиднымъ для царскаго величества: Хлопицкому быть у государя непригоже, потому что въ императорской грамотѣ, писанной къ царю, рядомъ съ царемъ поставленъ князь Збаражскій, холопъ литовскаго короля. Но царь, не полагая опалы на Хлопицкаго изъ желанія добра цесарскому величеству, отпускаетъ Хлопицкаго назадъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказываетъ отписать начальнику запорожскихъ козаковъ, Богдану Микошинскому, о томъ, чтобы онъ шелъ на помощь цесарю ¹⁾.

Съ такою же настойчивостью добивался союза съ запорожскими козаками и римскій папа: Съ той и съ другой стороны отправлены были къ запорожцамъ послы: отъ императора—Эрихъ Ласота ²⁾, вмѣстѣ съ Станиславомъ Хлопицкимъ и нѣкимъ Яковомъ Генкелемъ, пользовавшимся репутаціей знатока польско-украинскихъ отношеній; отъ папы—патеръ донъ Алесандро Комулео. «Алесандро Комулео былъ посланъ папою Григоріемъ XIII къ христіанскимъ народамъ Турціи съ апостольскими цѣлями, и при этомъ посѣщеніи, длившемся три года, близко узналъ число христіанъ, какъ латинскихъ, такъ и греческихъ, находящихся въ нѣкоторыхъ областяхъ и царствахъ турецкой земли, узналъ духъ этихъ народовъ, видѣлъ тѣ страны и военные проходы для войскъ и усмотрѣлъ, на сколько легко и какимъ способомъ можно выгнать турокъ изъ Европы, о чемъ съ всею откровенностью и доносилъ кардиналу Джіорджию Романо» ³⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, VII, 295.

²⁾ Ласота (по догадкѣ Кулиша отъ корня «ласый») былъ славянинъ-моравянинъ, родомъ изъ Блашевицъ, понимавшій свободно по-украински, но писавшій по-нѣмецки.

³⁾ «Донесенія патера дона А. Комулео, благочиннаго св. Иеронима римскаго, о турецкихъ дѣлахъ». Эти донесенія, писанныя на итальянскомъ языкѣ,

Побывавъ въ Трансильваніи, Галиціи, Молдавіи и Польшѣ и вездѣ заручившись согласіемъ со стороны правительствъ идти противъ турокъ, патеръ Комулео рѣшилъ, наконецъ, отправиться къ запорожскимъ козакамъ. «Козаки находятся у Большого моря (Чернаго),—говоритъ онъ,—ожидаю случая выйти въ устье Дуная. Число этихъ козаковъ не доходитъ и до 2.000 человекъ. Думаютъ, что они отправились туда по просьбѣ его цесарскаго величества, другіе козаки находятся на татарской границѣ. Для личныхъ переговоровъ съ послѣдними я поѣду въ Каменицу и куда понадобится, 27 апрѣля 1594 года».

Переговоры Комулео съ козаками продолжались около полутора мѣсяца, съ самаго конца апрѣля до половины іюня. Въ то время козаки стояли въ пяти дняхъ пути отъ Каменицы, въ числѣ 2.500 человекъ, вмѣстѣ съ «начальникомъ» Богданомъ Микошинскимъ. Послѣдній письмомъ увѣрялъ папскаго посла, что онъ готовъ со своими козаками послужить папѣ противъ турокъ. Заручившись этимъ письмомъ, Комулео сталъ настаивать, чтобы молдавскій господарь соединился съ козаками противъ общаго врага. Но молдавскій господарь, давшій раньше полное согласіе во всемъ слѣдовать папскому нунцію, теперь отвѣчалъ уклончиво: частію изъ боязни турокъ, съ которыми ему нужно было ладить, чтобы остаться молдавскимъ господаремъ, частію же изъ боязни самихъ козаковъ, которые могли обратить оружіе противъ него же самого.

Между тѣмъ, пока происходили эти совѣщанія дона Александро Комулео съ молдавскимъ княземъ и съ запорожскими козаками, въ самой Сичѣ на островѣ Базавлукѣ находился тогда германскій посолъ Эрихъ Ласота. Какъ добрался въ Сичъ Ласота, что онъ тамъ видѣлъ и къ чему пришелъ въ своихъ переговорахъ, объ этомъ онъ рассказываетъ въ своемъ дневникѣ. Дневникъ этотъ любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ и даетъ точныя свѣдѣнія для топографія края и внутренняго строя низовыхъ козаковъ.

Спустившись ниже Кіева къ устью рѣки Псла, Ласота встрѣтилъ здѣсь московскаго посла Василя Никифоровича, ѣхавшаго также къ запорожцамъ «отъ великаго московскаго князя» съ подарками. Московскій посолъ, свидѣвшись съ Ласотой, объявилъ,

доставлены автору профессоромъ харьковскаго университета, М. С. Дриновымъ. Комулео былъ иллирійскимъ священникомъ; зная по-славянски, онъ могъ объясняться съ козаками безъ переводчика.

что его повелитель склоненъ оказать помощь императорскому величеству и разрѣшаетъ запорожскимъ козакамъ поступить въ распоряженіе императора. Послѣ этихъ переговоровъ оба посла сѣли въ лодки и пустились вмѣстѣ до самаго лагеря запорожцевъ внизъ по Днѣпру. Они минули устья рѣчекъ Ворсклы, Орели, Самары и дошли до знаменитыхъ днѣпровскихъ пороговъ.

«Плаваніе черезъ пороги чрезвычайно опасно, особенно во время низкой воды; люди должны въ опасныхъ мѣстахъ выходить и одни удерживаютъ судно длинными канатами, другіе опускаются въ воду, поднимаютъ судно надъ острыми камнями и осторожно спускаютъ его въ воду. При этомъ тѣ, которые удерживаютъ барку канатами, должны все вниманіе обращать на стоящихъ въ водѣ и только по ихъ командѣ натягивать и отпускать веревку, чтобы судно не натолкнуться на камень, ибо въ такомъ случаѣ оно немедленно гибнетъ. Такихъ мѣстъ двѣнадцать; если же причислить къ нимъ еще одно, Воронову забору, то будетъ тринадцать, на протяженіи семи миль... ¹⁾). Юня 6 дня мы пустились черезъ пороги и до обѣда миновали первые шесть пороговъ; близъ перваго, называемаго Кодакъ, мы вышли на правый берегъ, у втораго, Сурскаго, высадились на островъ, лежащій у праваго берега, при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Суры; у третьяго, Лоханскаго, также сходили на правый берегъ, и четвертый, называемый Стрѣльчимъ, проѣхали ²⁾); у пятаго, называемаго Звонецъ, мы высадились на правый берегъ у подножія высокой скалы. Шестой порогъ, Княгининъ ³⁾, мы оставили вправо, объѣхавши его съ лѣвой стороны и затѣмъ обѣдали ниже на Княгининомъ островѣ. Послѣ обѣда прошли черезъ седьмой порогъ, Ненасытець, близъ котораго должны были сойти на лѣвый татарскій берегъ и долго замедлили, такъ какъ это самый большій и опасный изъ пороговъ. Мѣсто это опасно по причинѣ татаръ, которые чаще всего производятъ здѣсь нападенія; еще около трехъ недѣль передъ тѣмъ татары напали на двѣнадцать городовыхъ козаковъ, которые хотѣли спуститься внизъ, и перебили ихъ. Поэтому мы поставили на горѣ стражу, для наблюденія, которая примѣтила вдали четы-

¹⁾ Въ настоящее время всѣхъ пороговъ считается девять и нѣсколько заборъ; см. Вольности запорожскихъ козаковъ, Д. И. Эварницкаго, Спб., 1890, 33 — 47.

²⁾ Теперь забора Стрѣльчатая или Стрѣльчя.

³⁾ Теперь забора Княгинина или Тягинская.

рехъ татаръ и дала намъ знать; мы тотчасъ отрядили до двадцати человекъ изъ своей свиты въ погоню за ними, сами же со всѣми остальными держались на готовѣ и саѣдили, не понадобится-ли имъ подкрѣпленіе. Но татары, замѣтивъ, что мы сильны и держимся на сторожѣ, не стали ожидать насъ, а скрылись и исчезли. Пройдя этотъ порогъ, мы провели ночь на близъ лежащемъ островкѣ ¹⁾. Юня 7 дня мы прошли восьмой порогъ, Воронову забору; здѣсь одинъ изъ нашихъ байдаковъ, на которомъ находились Андрей Затурскій, Янъ Ганнибалъ и нѣкто Осцикъ, наткнулся на камень и потонулъ; сами они были спасены маленькими лодочками, называемыми здѣсь подъиздками, но всѣ ихъ вещи погибли. (Если считать только двѣнадцать пороговъ, Воронова забора не считается въ ихъ числѣ, а почитается только опаснымъ мѣстомъ). У девятого порога, Воввига, мы сами сошли на берегъ и снесли свои вещи. Потомъ мы прошли десятый порогъ, Будило, а за нимъ пристали къ лѣвому татарскому берегу; тамъ обѣдали. Здѣсь въ настоящее время находится самая обычная и извѣстная изъ татарскихъ переправъ, простирающаяся за островъ Таволжанскій, такъ какъ Днѣпръ течетъ здѣсь однимъ только русломъ и не слишкомъ широкъ. Мы нашли здѣсь много маленькихъ татарскихъ лодочекъ, связанныхъ изъ хвороста и кругомъ обтянутыхъ свѣжею кожею. Близъ этого порога, на правомъ берегу скрывались въ засадѣ до четырехъ сотъ козакъ, которые вытащили свои лодки или челны на землю, а сами лежали въ кустахъ и заросляхъ; они были высланы сюда изъ Сичи, чтобы преградить путь татарамъ, на случай, если бы часть ихъ задумала переправиться сюда, какъ того опасались. Одинадцатый порогъ Таволжанскій ²⁾ мы оставили вправо, обойдя его съ лѣвой стороны, а двѣнадцатый Лишній прошли. У тринадцатаго, именно Вольнаго, мы вышли на татарскій лѣвый берегъ и, причаливая къ землѣ, наткнулись на камень, но къ счастью нашему судно ударилось своимъ хорошо укрѣпленнымъ носомъ. Близъ этого порога впадаетъ въ Днѣпръ рѣчка Вольна; здѣсь оканчиваются пороги въ разстояніи семи миль отъ перваго; отсюда до Кичкаса 1¹/₂ мили. Здѣсь также существуетъ татарская пере-

¹⁾ Нужно думать, на такъ-называемомъ Песчаномъ островѣ, у лѣваго берега Днѣпра.

²⁾ Теперь забора Таволжанская.

права; Днѣпръ въ этомъ мѣстѣ очень узокъ и берега его, особенно лѣвый, весьма возвышенны и скалисты. Отсюда до Хортицы—прекраснаго, гористаго, обширнаго и веселаго острова, имѣющаго около двухъ миль въ длину и дѣлящаго русло Днѣпра на двѣ равныя части, $\frac{1}{2}$ мили. Здѣсь мы провели ночь. На этомъ островѣ козаки держатъ зимою своихъ лошадей. Къ вечеру упомянутые выше 400 козаковъ, которые составляли стражу противъ татаръ у Будилковского порога, присоединились къ намъ и отсюда уже вмѣстѣ со мною отправились въ Сичь. Юня 8 дня дошли до острова возлѣ Бѣлогорья $3\frac{1}{2}$ мили ¹⁾); тамъ обѣдали. Отсюда до другаго острова $5\frac{1}{2}$ миль. Юня 8-го дня прибыли на островъ, называемый Базавлукъ, лежащій при одномъ изъ днѣпровскихъ рукавовъ—Чортомлыкѣ, или, какъ они называютъ, при Чортомлыцкомъ Днѣприщѣ, 2 мили. Здѣсь находилась въ то время козацкая Сичь; они выслали на встрѣчу намъ нѣсколько болѣе знатныхъ лицъ, чтобы привѣтствовать насъ отъ имени всего ихъ товарищества и при нашемъ приближеніи салютовали множествомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Едва мы вышли на берегъ, какъ они тотчасъ же проводили насъ въ коло. Всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 31 мая, ихъ вождь Богданъ Микошинскій отправился въ море на 50 судахъ съ 1.300 человекъ ²⁾); мы просили доложить колу, что мы чрезвычайно обрадованы, найдя все рыцарское товарищество въ добромъ здоровьи. Затѣмъ, такъ какъ вождь былъ въ отсутствіи и не все войско находилось въ сборѣ, то мы не пожелали на этотъ разъ изложить свое порученіе, оставляя это до благополучнаго возвращенія гетмана и всѣхъ остальныхъ. Они охотно согласились на это; затѣмъ мы отправились въ свои шакалы (которые они называютъ кошами), плетенные изъ хворосту и покрытые сверху лошадиными кожами для защиты отъ дождя.

Только 18 юня вождь съ остальнымъ войскомъ, бывшій, какъ упомянуто выше, въ морскомъ походѣ, возвратился въ станъ. Онъ встрѣтилъ татаръ при очаковской переправѣ, имѣлъ съ ними двѣ схватки, одну на водѣ, другую на сушѣ, причемъ козаки взяли

¹⁾ Противъ села Бѣленькаго, екатеринославской губерніи и уѣзда.

²⁾ Микошинскій предпринялъ походъ на турецкія владѣнія по внушенію императора Рудольфа II, который завелъ сношенія съ запорожцами черезъ Станислава Хлопицкаго еще въ началѣ 1594 года.

въ плѣнъ раненаго въ колѣно знатнаго татарина, по имени Белека, изъ числа царскихъ придворныхъ. Но такъ какъ турецкія силы, оберегавшія татаръ отъ опасности, были слишкомъ значительны, именно состояли изъ 8 галеръ, 15 каравель и 150 сандаловъ, то козаки принуждены были отступить и не могли воспрепятствовать переправѣ.

Разспрашивая Белека черезъ переводчика о силахъ и намѣреніяхъ татаръ, я узналъ, что ханъ выступилъ въ походъ съ двумя царевичами и 80.000 человекъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не болѣе 20.000 вооруженныхъ и способныхъ къ войнѣ; и что они должны были, нигдѣ не останавливаясь на долго, прямо идти въ Венгрію. Сверхъ того, я узналъ, что въ Перекопской ордѣ оставалось немного больше 15.000 человекъ и что ханъ ихъ, извѣщенный еще до выступленія о нѣкоторыхъ неудачахъ, которыя турки потерпѣли отъ венгерскаго народа его императорскаго величества, очень неохотно выступаютъ въ походъ.

Іюня 19 дня, по утру, вождь посѣтилъ насъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми старшинами и затѣмъ принималъ у себя. Послѣ обѣда они выслушали московскаго посла, который, вручивъ подарки, открыто изложилъ передъ коломъ то же самое, о чемъ говорилъ со мною раньше въ дорогѣ. Но прежде чѣмъ выслушать его вождь прислалъ къ намъ изъ кода съ просьбою, чтобы аудіенція, данная московскому послу раньше нежели намъ, не послужила поводомъ къ недоразумѣнію, ибо имъ хорошо извѣстно, что его императорское величество стоитъ выше всѣхъ другихъ европейскихъ монарховъ и что поэтому его пословъ слѣдовало бы выслушать первыми. Но такъ какъ они предполагали, даже отчасти убѣдились въ томъ, что москвичъ долженъ былъ высказать соображенія относительно вербовки силъ его императорскимъ величествомъ, то поэтому они сочли умѣстнымъ предварительно выслушать его.

Іюня 20 дня мы имѣли аудіенцію и представили письменно въ колѣ наше порученіе о вербовкѣ войскъ. Послѣ этого козаки, пригласивши насъ выйти изъ круга, прочли публично нашу грамоту и потребовали, чтобы каждый высказалъ о ней свое мнѣніе. Когда же, послѣ двукратнаго воззванія вождя, всѣ продолжали молчать, то присутствующіе раздѣлились, какъ это у нихъ принято при обсужденіи важныхъ дѣлъ, и образовали два кола: одно, состоящее изъ старшинъ, и другое изъ простого народа, называемаго у нихъ чернью. Послѣ долгихъ совѣщаній чернь, лаковецъ, обыч-

ными возгласами выразила свое согласіе вступить на службу его императорскаго величества, въ знакъ чего бросали вверхъ шапки. Послѣ этого толпа бросилась къ другому колу-старшинѣ, угрожая бросить въ воду и утопить каждаго, кто будетъ противъ этого мнѣнія. Поэтому старшины тотчасъ же согласились на все, не смѣя противорѣчить черни, столь сильной и могущественной, когда она приходитъ въ ярость, и только требовали переговоровъ съ нами объ условіяхъ. Избраны были 20 депутатовъ и насъ снова пригласили въ коло.

Тогда эти депутаты, усѣвшись на землѣ посреди большого кола, образовали маленькое коло и послѣ долгихъ совѣщаній пригласили насъ къ себѣ; мы пришли и усѣлись среди нихъ. Тогда они изъявили намъ свою готовность поступить въ службу его императорскаго величества, не щадя своей жизни. Они по существу согласны были двинуться въ Молдавію, переправиться черезъ Дунай и вторгнуться въ Турцію, но для исполненія этого предложенія оказались многія препятствія, которыя удерживали ихъ и заставляли совершенно отказаться: во-первыхъ, они не имѣли достаточнаго количества лошадей ни для самихъ себя, ни подъ орудія, такъ какъ татары во время семи разновременныхъ набѣговъ, предпринятыхъ въ теченіи минувшей зимы, захватили и угнали болѣе двухъ тысячъ лошадей, которыхъ послѣ того не осталось и четырехъ сотъ; во-вторыхъ, они не рѣшаются вступить въ Молдавію въ столь ограниченномъ количествѣ наличнаго войска, именно около 3.000 человекъ, такъ какъ трудно полагаться на господаря, да и сами молдаване отъ природы непостоянный, измѣническій народъ, вѣроломство котораго хорошо извѣстно козакамъ. Въ-третьихъ, что при столь незначительномъ вознагражденіи и при такой неопредѣленности нашихъ предложеній, они не могли вступить съ нами въ договоръ относительно службы, какъ мы того требовали, равно какъ и предпринимать такой дальній походъ. Потому они требовали, чтобы я облегчилъ имъ пути и средства, какъ заpastись лошадьми; они освѣдомлялись, не взялся-ли бы я выхлопотать у брацлавскаго воеводы нѣсколько сотъ лошадей, какъ для нихъ самихъ, такъ и подъ орудія. Притомъ они утверждали, что не имѣютъ обыкновенія поступать на службу и идти въ походъ при неопредѣленности условій, и потому желаютъ, чтобы я заключилъ съ ними договоръ отъ имени его императорскаго величества относительно трехмѣсячнаго

жалованья и продовольствія ихъ самихъ и лошадей: тогда они согласны принять предложеніе и подумаютъ, что дѣлать дальше. На это я отвѣтилъ относительно лошадей, что мнѣ, какъ иностранцу, незнакому съ Польшею, трудно совѣтовать имъ что-нибудь; но я не сомнѣваюсь, что, поднявшись вверхъ по Днѣпру, они могутъ застать лошадей въ своихъ городахъ и селахъ, гдѣ они родились и выросли и гдѣ у каждаго были родные и знакомые; брацлавскій воевода ¹⁾, какъ большой другъ ихъ, также могъ бы снабдить ихъ лошадьми, если бы они того потребовали. Что же касается жалованья, то я не могу входить съ ними въ переговоры, не будучи уполномоченъ на то. Его императорское величество иначе бы распорядился, если бы они раньше заявили эти требованія и, вѣроятно, все дѣло приняло бы другой оборотъ. Что касается молдавскаго господаря, то я увѣренъ, что онъ, при нашемъ прибытіи, объявитъ себя на сторонѣ императора. Поэтому я совѣтовалъ имъ въ виду оказанныхъ его императорскимъ величествомъ милости и довѣрія, выразившихся въ томъ, что, не смотря на дальній и опасный путь, онъ прислалъ имъ въ самый ихъ станъ столько значительныхъ и великолѣпныхъ даровъ и почестей, равныхъ которымъ они никогда не получали отъ другого монарха, съ своей стороны оказать довѣріе его императорскому величеству и, согласно его желанію, подняться вверхъ по Днѣпру на Украину, гдѣ къ нимъ, безъ всякаго сомнѣнія, тотчасъ пристало бы много народа; тогда можно было бы съ значительными силами пройти Валахію до Дуная, настичь татаръ и преградить имъ дальнѣйшій путь. Исполнивши это, они могутъ быть увѣрены въ томъ, что его императорское величество, какъ верховный монархъ, не станетъ поступать вопреки своему достоинству и величію, а, напротивъ, убѣдившись въ ихъ доброй волѣ и преданности и усмотрѣвши начало этого въ ихъ службѣ, — наградитъ ихъ съ такою щедростью, которая можетъ значительно превзойти требуемое ими жалованье, на славу себѣ и къ ихъ вѣщей выгодѣ. На это они снова отвѣчали мнѣ и призывали Бога въ свидѣтели, что всѣ они охотно готовы служить его императорскому величеству, но что существуютъ важныя причины, уже выслушанныя мною, препятствующія имъ на этотъ разъ предпринимать столь отдаленный походъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы его императорское величество

1) Князь Янушъ Збаражскій.

могъ убѣдиться въ ихъ покорнѣйшей преданности, они намѣрены немедленно отправить къ нему своихъ пословъ, уполномоченныхъ заключить съ императоромъ условіе относительно ихъ содержанія, между тѣмъ они обѣщаютъ сами позаботиться о приобрѣтеніи лошадей и не оставаться въ бездѣйствіи, но ради службы императора готовы отправиться въ море и, если погода будетъ благоприятствовать, употребить всѣ усилія къ тому, чтобы напасть на Килию и Бабадагъ, два знаменитые турецкіе города, лежащіе на Дунаѣ выше его устья въ Черное море, или же попытаются разрушить Перекопъ, главный городъ крымскихъ татаръ, отстоящій всего въ 26 миляхъ отъ Сичи по прямому пути, но если ѣхать моремъ, то разстояніе нѣсколько больше. На это я отвѣчалъ, что задуманный ими морской походъ, при другихъ обстоятельствахъ, могъ бы считаться услугою, но такъ какъ онъ не соотвѣтствуетъ планамъ и намѣреніямъ его императорскаго величества, то, по моему мнѣнію, не можетъ считаться за особую заслугу, тѣмъ болѣе, что не преградитъ пути во владѣнія императора татарамъ, которые уже переправились за Днѣпръ и теперь находятся на пути въ Венгрію, и не отвлечетъ части турецкихъ силъ. Между тѣмъ эти два предмета и составляютъ собственно главную цѣль нашего посольства. Итакъ, я по прежнему предложилъ отъ имени его императорскаго величества тотчасъ подняться, двинуться въ Валахію, постараться настигнуть татаръ и преградить имъ путь въ Венгрію; тогда имъ можно будетъ отъ границъ Валахіи снарядить посольство къ императору для переговоровъ относительно ихъ продовольствія. Безъ всякаго сомнѣнія его императорское величество, видя, что они не остаются въ бездѣйствіи, а, напротивъ, служа ему, храбро дѣйствуютъ противъ непріятели, тѣмъ съ большею милостью и благосклонностью отнесется къ ихъ просьбѣ при переговорахъ.

Затѣмъ, когда асаулы (начальники, которыхъ можно приравнять поручикамъ) обошли вокругъ большое коло и все сказанное изложили прочимъ козакамъ, чернь снова отдѣлилась, образовала особое коло и послѣ новыхъ совѣщаній опять выразила согласіе громкими восклицаніями, сопровождавшимися бросаніемъ шапокъ вверхъ. Когда мы вслѣдъ затѣмъ вышли изъ кола, тотчасъ загремѣли войсковые барабаны и трубы, сдѣлано было десять пушечныхъ выстрѣловъ, а ночью пушено еще нѣсколько ракетъ. Но въ тотъ же вечеръ нѣкоторыя безпокойныя головы вмѣстѣ

съ болѣе зажиточными козаками, каковы, напримѣръ, охотники или владѣльцы челновъ, ходили изъ хаты въ хату и смущали простой народъ, указывая на отдаленность и опасности пути, предостерегали, убѣждали пораздумать о томъ, что они намѣрены предпринять, чтобы не раскаяваться впослѣдствіи. Они указывали на незначительность присланной козакамъ суммы, на которую невозможно продовольствовать такое количество людей въ такомъ далекомъ походѣ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ много людей бѣдныхъ; затѣмъ спрашивали, куда они намѣрены употребить эти деньги—на покупку хлѣба или на покупку лошадей, при чемъ ставили на видъ, будто его императорское величество можетъ завлечь ихъ далеко въ глубь страны и затѣмъ, когда минуетъ надобность, оставить ихъ ни при чемъ, особенно если они не имѣютъ никакого опредѣленнаго письменнаго обезпеченія, скрѣпленнаго его печатью. Такими и подобными рѣчами они такъ настроили простой народъ, что тѣ, собравшись снова въ коло на утро слѣдующаго дня, 21 іюня, пришли къ совершенно противуположному заключенію, а именно: что при столь неопредѣленныхъ условіяхъ они никакъ не могутъ и не хотятъ выступать въ походъ, тѣмъ болѣе, что имъ неизвѣстно, дѣйствительно-ли существуютъ обѣщанныя деньги или нѣтъ, и отъ кого онѣ могутъ быть получены, такъ какъ имъ не представлено никакой грамоты отъ его императорскаго величества, равно какъ и письменнаго удостовѣренія въ томъ, что имъ дѣйствительно будутъ уплачены добавочныя суммы и подарки. Наконецъ, они прислали въ наше помѣщеніе нѣсколькихъ козаковъ, чтобы сообщить намъ такое рѣшеніе. На это я отвѣчалъ, что имъ легко было бы убѣдиться въ томъ, что эти деньги присланы дѣйствительно его императорскимъ величествомъ и что я самъ отъ себя не могъ бы предложить имъ такихъ даровъ. Что, наконецъ, было бы безразсудно съ моей стороны обнадеживать ихъ въ полученіи суммы, если бы она дѣйствительно не существовала, и тѣмъ накликалъ бѣду на свою голову. Напротивъ, они могутъ быть увѣрены въ томъ, что получаютъ эти деньги, какъ только согласятся на условія, предложенныя нами отъ имени его императорскаго величества. Наконецъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, я показалъ имъ также свою инструкцію, скрѣпленную императорскою печатью. Когда же эти посланные возвратились въ коло съ моимъ отвѣтомъ, а чернь, не смотря на это, продолжала упорствовать въ своемъ рѣшеніи,

то вождь и нѣкоторые изъ старшинъ, въ особенности Лобода, прежній гетманъ, при которомъ Бѣлгородъ былъ разрушенъ, всѣчески просили и уговаривали ихъ хорошо обдумать, что они дѣлають, и не отвергать милостивыхъ предложеній императора, которыя они должны бы почитать за великое счастье. Въ противномъ случаѣ они рискуютъ, по меньшей мѣрѣ, подвергнуться всеобщему позору и посмѣянію, если откажутся теперь отъ участія въ такомъ похвальномъ предпріятіи, направленномъ противъ закоренѣлаго врага христіанства, и не пожелаютъ выступить въ походъ, не смотря на милостивое предложеніе, сдѣланное имъ столь могущественнымъ монархомъ.

Но когда они и послѣ всѣхъ этихъ доводовъ настаивали на прежнемъ рѣшеніи, то вождь тутъ же среди кола въ гнѣвѣ отказался отъ своего достоинства и сложилъ свою должность, мотивируя отказъ тѣмъ, что онъ не можетъ и не хочетъ оставаться вождемъ людей, которые такъ мало дорожатъ своею славою, честью и добрымъ именемъ. Послѣ этого коло разошлось.

Послѣ обѣда асаулы снова созвали въ коло весь народъ, иныхъ даже загоняли туда кіями. Прежде всего собраніе просило Микошинскаго принять обратно начальство, что онъ и исполнилъ. Затѣмъ слышались разныя странныя рѣчи о Хлопицкомъ; говорили между прочимъ, что онъ своими ложными предложеніями ввелъ въ заблужденіе не только его императорское величество, но и всѣхъ насъ и ихъ самихъ. Иные даже открыто выражали намѣреніе бросить его въ воду, чѣмъ привели его въ большое замѣшательство.

По всему ходу дѣла легко можно понять, какую фальшивую роль игралъ Хлопицкій при дворѣ, а также и то, что онъ, почти по всѣмъ пунктамъ, сообщалъ его императорскому величеству ложныя свѣдѣнія. Ибо, во-первыхъ: онъ выдавалъ себя за козацкаго гетмана, какимъ въ дѣйствительности никогда не былъ и даже не могъ надѣяться на этотъ титулъ, какъ это я понялъ изъ словъ старшины. Во-вторыхъ: онъ вовсе не былъ посланъ запорожскимъ войскомъ къ его императорскому величеству, а только, проживая незадолго передъ тѣмъ въ Кіевѣ въ средѣ козаковъ и толкуя по-своему слова нѣкоторыхъ изъ нихъ о томъ, какимъ бы образомъ заявить о себѣ его императорскому величеству, онъ тотчасъ же подхватилъ эти слова и, безъ вѣдома ихъ, отправился предложить императору ихъ услуги, замѣтивши, что дѣло идетъ къ войнѣ съ турками. Это рассказалъ намъ самъ Микошинскій.

Въ-третьихъ: онъ утверждалъ, что число козаковъ простира-лось отъ 8 до 10 тысячъ, что также невѣрно, ибо, спустившись къ нимъ, я засталъ всего около трехъ тысячъ человекъ. Правда, они могутъ, при желаніи, собрать еще нѣсколько тысячъ войска, если призовутъ къ оружію всѣхъ тѣхъ козаковъ, приписанныхъ къ запорожской общинѣ, которые проживаютъ въ различныхъ го-родахъ и селахъ. Въ-четвертыхъ, онъ утверждалъ, что они удоволь-ствуются дарами его императорскаго величества и тотчасъ по полученіи ихъ готовы будутъ двинуться, куда направить ихъ его императорское величество. что также не оправдалось.

Такъ какъ Хлопицкій, по правдѣ сказать, своимъ самозван-ствомъ самъ подалъ поводъ къ серьезнымъ недоразумѣніямъ, ко-торья можно было бы предотвратить, если бы онъ дѣйствовалъ прямо, то я неоднократно и въ такихъ сильныхъ словахъ выго-варивалъ ему его легкомысленное поведеніе, что совсѣмъ смутилъ его и не разъ заставилъ обливаться слезами и потомъ, высту-павшимъ на лбу, такъ какъ онъ и самъ хорошо сознавалъ, что не правъ и видѣлъ ясно, что его жизнь въ моихъ рукахъ, и если бы я захотѣлъ, ему бы плохо пришлось.

Іюня 23 дня козаки съ утра собрались въ коло и прислали къ намъ въ квартиру нѣсколькихъ депутатовъ, которые убѣждали насъ не думать, будто они не желаютъ поступать въ службу его императорскаго величества, но что главнымъ препятствіемъ къ тому является хорошо извѣстный намъ самимъ недостатокъ ло-шадей; не будь этого обстоятельства, они знали бы, что дѣлать. Въ отвѣтъ на это, я предложилъ составить и передать въ коло тѣ условія, какія могъ бы заключить съ ними, послѣ чего они снова воротились въ собраніе передать товарищамъ мое предло-женіе и затѣмъ разошлись. Между тѣмъ я приказалъ написать свои условія, они съ своей стороны тоже начали писать грамоту съ обозначеніемъ тѣхъ условій, на которыхъ они считаютъ воз-можнымъ на этотъ разъ поступить въ службу его императорскаго величества. А послѣ обѣда, собравшись снова въ коло, они не захотѣли ждать, пока я предъявлю имъ свои пункты, и поспѣ-шили прислать ко мнѣ нѣсколькихъ изъ своей среды со своими письменными условіями, на которыя требовали моего отвѣта; со-держаніе ихъ слѣдующее:

Условія, переданныя полнымъ собраніемъ запорожскаго войска посламъ римскаго императорскаго величества: Во-первыхъ, полу-

чивши прошедшею весною передъ Свѣтлю недѣлею письмо отъ римскаго императорскаго величества, пана нашего милостиваго, присланное сюда за пороги черезъ нашего товарища, пана Станислава Хлопицкаго, мы, узнавъ отъ плѣнныхъ, что въ Бѣлгородѣ собирается пѣшее и конное войско турецкаго султана и что оно должно отсюда направиться въ Венгрію, призвали на помощь всемогущаго Бога и отправились туда же попытать счастья отъ имени его императорскаго величества; прошли всюду съ огнемъ и мечомъ, положили на мѣстѣ до 2.500 вооруженныхъ людей и до 8.000 простого народа.

Во-вторыхъ, когда вышеназванный товарищъ нашъ Хлопичкій передалъ намъ присланныя его императорскимъ величествомъ знамя и трубы, мы съ благодарностью приняли столь важныя клейноты и, получивши точныя свѣдѣнія о томъ, что крымскій ханъ намѣревался со всею своею силою переправиться черезъ Днѣпръ у Очакова, мы направились туда же вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, желая воспрепятствовать ихъ переправѣ. Но, заставши тамъ весьма значительныя турецкія силы, какъ морскія, такъ и сухопутныя, мы боролись съ ними, насколько позволяли наши слабыя силы, дважды атаковали ихъ, вступали въ перестрѣлку и, благодаря Бога, увели одного знатнаго плѣнника.

Въ-третьихъ, мы обязываемся во все продолженіе этой войны съ турками всегда дѣйствовать противъ непріятеля съ присланнымъ отъ императора знаменемъ и трубами, преслѣдовать врага на его землѣ и истреблять его земли огнемъ и мечомъ.

Въ-четвертыхъ, по примѣру нашихъ предковъ—мы сами всегда и во всякое время готовы жертвовать жизнью за христіанскую вѣру; не отказываемся дѣлать это и впредь; но, зная хорошо вѣроломство язычниковъ и молдаванъ, не рѣшаемся отправляться въ походъ подъ такимъ важнымъ клейнодомъ, какъ знамя его императорскаго величества, и въ сопровожденіи вашихъ милостей, такъ какъ намъ хорошо извѣстно, что не мало честныхъ людей и добрыхъ христіанъ было измѣннически предано молдавскимъ господаремъ въ руки язычниковъ. Въ виду всего этого намъ невозможно, за такую плату, предпринимать такой отдаленный походъ при такомъ недостаткѣ лошадей какъ для насъ самихъ, такъ и подъ орудія.

Въ-пятыхъ, мы желали бы послать къ его императорскому величеству посольство, состоящее изъ пана Станислава Хлопицкаго

и двухъ другихъ изъ нашихъ товарищей, съ тѣмъ, чтобы они представили ему отъ нашего имени бѣлгородскаго плѣнника и два янычарскихъ значка, изложили бы всѣ возникшія недоразумѣнія и окончательно условились бы относительно нашего содержанія.

Въ-шестыхъ, между тѣмъ, до возвращенія нашего посольства, мы намѣрены, съ божьей помощью и въ присутствіи вашихъ милостей, вторгнуться въ землю язычниковъ, если возможно будетъ, до самаго Перекопа, или куда направитъ насъ воля Всемогущаго и дозволитъ состояніе погоды, и отъ имени его императорскаго величества истребить все огнемъ и мечомъ.

Въ-седьмыхъ, если необходимость укажетъ, чтобы его императорское величество обратился письменно къ его королевскому величеству и чинамъ Польши и ископоталъ намъ свободный проходъ черезъ ихъ владѣнія, мы надѣемся, что въ этомъ не будетъ отказано его императорскимъ величествомъ.

Въ-восьмыхъ, равнымъ образомъ необходимо будетъ написать къ великому князю московскому съ просьбою прислать сюда отрядъ войска, для того, чтобы мы могли соединенными силами идти на встрѣчу непріятелю до самаго Дуная, или куда укажетъ необходимость, и могли бы помѣряться съ нимъ.

Выслушавъ эти пункты, я опять вышелъ изъ кола, возвратился въ свой шалаши и просидѣлъ въ немъ безвыходно весь этотъ день, но, убѣдившись въ томъ, что они не намѣрены отступать отъ своихъ условій, на слѣдующій день, 24 іюня, послалъ въ коло отвѣтъ на предъявленные мнѣ условія.

Отвѣтъ на предъявленные козаками условія:

«Изъ переданныхъ намъ условій мы поняли, что ваши милости охотно готовы поступить на службу къ его императорскому величеству, но по трѣмъ причинамъ находите невозможнымъ выполнить это такъ, какъ предложено нами, а именно: 1) вслѣдствіе недостатка въ лошадяхъ; 2) вслѣдствіе того, что ваши милости не рѣшаются въ такомъ маломъ количествѣ вступать въ предѣлы Молдавіи, зная предательскій и вѣроломный характеръ этого народа, и 3) что ваши милости не можете предпринять отдаленнаго похода при такомъ маломъ вознагражденіи и неопредѣленныхъ условіяхъ.

Поэтому вы желаете послать господина Хлопицкаго съ двумя изъ своихъ товарищей къ его императорскому величеству, уполномочивъ ихъ заключить съ императоромъ договоръ относительно вашего содержанія. Такъ какъ мы не можемъ дать на это ва-

шимъ милостямъ удовлетворительнаго отвѣта, а между тѣмъ сами видимъ, что иного выхода быть не можетъ, то намъ приходится довольствоваться и этимъ. Но мы желаемъ также, вмѣстѣ съ вашими уполномоченными, послать кого-нибудь изъ среды насъ къ его императорскому величеству и предлагаемъ немного по-временить съ посольствомъ до того времени, пока мы, съ божьею помощью, благополучно возвратимся изъ счастливаго похода на Перекопъ, тогда мы могли бы явиться къ его императорскому величеству съ пріятною вѣстью. Что же касается писемъ къ королю и штатамъ польскимъ, а также къ великому князю московскому, то ваши милости могутъ включить эти пункты въ инструкцію своимъ посламъ для представленія его императорскому величеству, который всемилостивѣйше разрѣшитъ все это въ желательномъ смыслѣ. Наконецъ, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, чтобы ваши милости, по возможности, скорѣе обратились къ великому князю московскому съ просьбою выслать предложенное имъ вспомогательное войско противъ турокъ съ такою послѣдностью, чтобы оно могло прибыть сюда до возвращенія вашего посольства отъ его императорскаго величества.

Причины, по которымъ я не хотѣлъ разрывать сношеній съ козаками, а, напротивъ, считалъ полезнымъ удержать ихъ въ службѣ его императорскаго величества, были слѣдующія:

1) Предполагая, что начатая съ турками война протянется не годъ и не два, я считалъ полезнымъ привлечь на нашу сторону такихъ храбрыхъ и предприимчивыхъ людей, которые съ юныхъ лѣтъ упражняются въ военномъ дѣлѣ и превосходно изучили того врага, съ которымъ почти ежедневно имѣютъ дѣло, т.-е. турокъ и татарь.

2) Содержаніе этого войска обходится значительно дешевле, нежели наемныхъ солдатъ другихъ народностей, такъ какъ ихъ начальники довольствуются общими паями, не требуя большихъ окладовъ (что составляетъ обыкновенно не малую сумму). При томъ же они имѣютъ собственную артиллерію и многіе изъ нихъ умѣютъ обращаться съ орудіями, такъ что при нихъ становится излишнимъ нанимать и содержать особыхъ пушкарей.

3) Такъ какъ великій князь московскій также принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ и черезъ своихъ пословъ приказалъ объявить козакамъ (которыхъ онъ также считаетъ своими подчиненными), что они могутъ вербоваться на службу его императорскаго вели-

чества, то я не рѣшался прервать сношеній съ ними изъ опасенія, чтобы великій князь не обидѣлся и не отказалъ въ присылкѣ обѣщаннаго вспомогательнаго войска, о которомъ говорилъ мнѣ и его посолъ.

4) Я не могъ подыскать другого мѣста, гдѣ съ такимъ удобствомъ могло бы присоединиться къ намъ вспомогательное войско великаго князя, какъ именно здѣсь, откуда оно можетъ быть направлено всюду, куда укажетъ необходимость.

5) Когда я увидѣлъ и даже отчасти не безъ серьезной опасности на опытѣ убѣдился въ томъ, что эти переговоры съ козаками противны планамъ канцлера ¹⁾,—я счелъ тѣмъ болѣе необходимымъ продолжать поддерживать ихъ, чтобы онъ не могъ склонить ихъ на свою сторону и тѣмъ самымъ подкрѣпить и усилить тѣ вредныя интриги, какими онъ занятъ былъ въ то время (чего слѣдовало опасаться).

6) Если бы я даже сразу прекратилъ съ ними переговоры, то все же долженъ былъ бы уплатить имъ деньги сполна, такъ какъ они считали эти деньги заслуженными за два похода, совершенные уже отъ имени его императорскаго величества, а именно: одинъ походъ подъ Бѣлгородъ, который они разрушили, и другой, когда они пытались преградить татагамъ переправу подъ Очаковымъ, хотя и безуспѣшно, по причинѣ значительнаго превосходства турецкихъ силъ.

7) Такъ какъ внутреннія отношенія къ Польшѣ, повидимому, грозили переворотомъ въ непродолжительномъ времени, то я считалъ дѣломъ чрезвычайной важности заручиться дружбою этой общины, которая не только пользуется огромнымъ вліяніемъ на Украинѣ (т.-е. въ Волыни и Подоли), но на которую оглядывается и цѣлая Польша.

Юня 24-го дня я вручилъ имъ 8.000 дукатовъ золотомъ въ открытомъ полѣ, по срединѣ котораго развѣвалось водруженное въ землю знамя его императорскаго величества. Они тотчасъ разостлали на землѣ нѣсколько татарскихъ побеняковъ или плащей, какіе они носятъ обыкновенно, высыпали на нихъ деньги и приказали нѣкоторымъ изъ старшинъ сосчитать ихъ. Послѣ того я снова вышелъ изъ кола и возвратился въ свой шалашъ, но собраніе долго еще не расходилось.

¹⁾ Т.-е. польскаго канцлера Яна Замойскаго.

Въ послѣдующіе дни они очень усердно собирались въ коло и наконецъ пришли къ иному рѣшенію: послать Хлопицкаго не къ его императорскому величеству, а къ великому князю московскому, а на мѣсто его избрали депутатами Саська Федоровича и Ничипора, которые должны были вмѣстѣ со мною отправиться къ его императорскому величеству и условиться съ нимъ относительно вознагражденія за ихъ службу и содержаніе. Между тѣмъ Яковъ Генкель долженъ былъ оставаться среди нихъ для того, чтобы имѣть возможность своевременно доносить его императорскому величеству обо всемъ, что они сдѣлаютъ въ его пользу за это время. Походъ въ Татарію, къ Перекопу, также отлагается до благопріятнаго времени.

Іюля 1-го дня я простился въ полномъ собраніи съ начальникомъ и всѣмъ запорожскимъ рыцарствомъ; они съ своей стороны благодарили меня за понесенные мною труды и одарили кунью шубою и шапкою изъ черныхъ лисицъ; затѣмъ вручили своимъ посланцѣмъ письмо къ императору и полномочія слѣдующаго содержанія:

Письмо отъ войска запорожскаго къ его императорскому величеству.

Божьею милостью августѣйшій и непобѣдимѣйшій христіанскій императоръ, всемилостивѣйшій государь! Всепокорнѣйше и чисто-сердечно передаемъ вашему императорскому величеству, какъ верховному главѣ всѣхъ христіанскихъ королей и князей, самихъ себя и свою всегда вѣрную и всеподданнѣйшую службу. Желаемъ вашему императорскому величеству, пану нашему милостивому, и просимъ у Бога всемогущаго тѣлеснаго здравія и счастливаго царствованія надъ христіанскою странкою и чтобы Всемогущій Богъ унизилъ и повергъ подъ ноги вашего императорскаго величества враговъ святаго креста, турецкихъ бусурманъ и татаръ, также чтобы даровалъ вашему императорскому величеству побѣду, здравіе и всѣ блага, какихъ вы сами желаете. Всего этого желаетъ вашему императорскому величеству все войско запорожское вѣрно и чисто-сердечно.

Посланный къ намъ, запорожскому войску, по волѣ и приказанію вашего императорскаго величества, съ значительными дарами, нашъ товарищъ Хлопицкій, въ настоящее время полковникъ (т.-е. начальникъ надъ 500 козаками), бывшій въ прошедшемъ, 1593 году у вашего императорскаго величества, пана нашего милостиваго, по причинѣ многихъ опасностей и препятствій,

какія онъ претерпѣлъ вмѣстѣ съ послами вашего императорскаго величества: Эрикомъ Ласотою и Яковомъ Генкелемъ, на пути черезъ польскія владѣнія, прибылъ къ намъ только около праздника св. Тройцы. Тѣмъ не менѣе, мы задолго до ихъ прибытія, а именно за три недѣли передъ Пасхою, повинувся всемилостивѣйшему приказанію вашего императорскаго величества, выраженному въ присланной и объявленной намъ здѣсь за порогами копіи съ письма вашего императорскаго величества, не хотѣли медлить, но, слѣдуя примѣру нашихъ предковъ, промышлявшихъ рыцарскимъ обычаемъ и какъ люди, всегда готовые служить вашему императорскому величеству и всему христіанству, по обыкновенію нашему, призвали Бога на помощь и на счастье вашего императорскаго величества пустились въ морской походъ недѣли за двѣ до Пасхи, т.-е. въ опасное время года, рискуя жизнью и здоровьемъ. Узнавши за вѣрное отъ плѣнныхъ татаръ, что въ Бѣлгородѣ собралось много войска, конницы и пѣшихъ янычаръ, откуда, по приказанію ихъ государя, турецкаго султана, должны вторгнуться въ венгерскую землю вашего императорскаго величества, мы успѣли, съ помощью всемилостивѣйшаго Бога, верховнаго Владыки, на счастье вашего императорскаго величества разрушить и опустошить огнемъ и мечомъ пограничный турецкій городъ Бѣлгородъ, при чемъ перебили нѣсколько тысячъ человѣкъ, какъ воиновъ, такъ и простого народа; почему и посылаемъ вашему императорскому величеству одного плѣнника изъ разореннаго города и два янычарскихъ значка.

Затѣмъ, также въ недавнее время, крымскій ханъ, желая вторгнуться во владѣнія вашего императорскаго величества, прибылъ со своимъ войскомъ къ устью Днѣпра и Буга, близъ Очакова, мы, подъ знаменемъ вашего императорскаго величества, пытались отрѣзать ему переправу; но вслѣдствіе значительнаго превосходства его силъ, какъ сухопутныхъ на коняхъ, такъ и морскихъ на галерахъ и корабляхъ, не могли оказать имъ должнаго сопротивленія. Однако, мы два раза вступали съ ними въ стычку и захватили знатнаго плѣнника, котораго также послали бы къ вашему императорскому величеству, если бы онъ не былъ тяжело раненъ. Но Ласота, который самъ бесѣдовалъ съ нимъ и разспрашивалъ о многомъ, донесетъ вашему императорскому величеству обо всемъ, что узналъ отъ него. Свидѣтельствуемъ свою почтительность, какъ низайшіе слуги вашего императорскаго величе-

ства за присланные вашею императорскою милостью цѣнные для насъ, какъ людей рыцарскихъ, подарки: знамя, трубы и паличныя деньги. Дай Богъ, чтобы мы могли съ пользою служить въ настоящемъ морскомъ походѣ, который намъѣреваемся съ божьею помощію предпринять отъ имени вашего императорскаго величества; подробности о немъ благоволите всемилостивѣйше выслушать въ словесномъ донесеніи отъ посланника вашего императорскаго величества Ласоты, равно какъ и отъ нашихъ пословъ, Саська Федоровича и Ничипора (оба сотники нашего войска запорожскаго).

Покорнѣйше просимъ ваше императорское величество, какъ государя христіанскаго, милостиво и съ полнымъ довѣріемъ выслушать этихъ нашихъ пословъ, уполномоченныхъ трактовать о нашемъ дѣлѣ. Полковника же нашего Хлопицкаго мы отправили съ грамотами вашего императорскаго величества и нашею къ великому князю московскому, какъ христіанскому государю и благорасположенному пріятелю вашего императорскаго величества, прося его прислать намъ помощь противъ турокъ, что для него не составитъ затрудненія, въ виду близости его границы, а отсюда его войску легко уже будетъ проникнуть въ Валахію или дальше.

Просимъ также ваше императорское величество обратиться съ грамотою къ его королевскому величеству и къ чинамъ польскаго королевства о томъ, чтобы каждый козакъ, на основаніи охранной ихъ грамоты, могъ свободно и безпрепятственно выступать въ походъ, выходить изъ ихъ страны и возвращаться на родину.

Доводимъ также до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, что количество нашего запорожскаго войска достигаетъ шести тысячъ человекъ старыхъ, отборныхъ козаковъ, не считая хуторянъ, проживающихъ на границахъ. Въ виду отдаленности пути мы присоединили къ упомянутымъ нашимъ посламъ и начальникамъ еще двухъ изъ нашего товарищества. Предлагая еще разъ себя и нашу службу со смиреніемъ милостивому благоволенію вашего императорскаго величества, пребываемъ преданнѣйшими слугами.

Дано въ Базавлукѣ, у днѣпровскаго рукава Чортомлыка, 3 іюля 1594 г.

Полномочія запорожскихъ пословъ.

Я, Богданъ Микошинскій, вожь запорожскій, купно со всѣмъ рыцарствомъ гольнаго войска запорожскаго, симъ удостоверяемъ,

что мы съ вѣдома и согласія нашего рыцарскаго кола отправляемъ къ вашему императорскому величеству, пану нашему милостивому, этихъ нашихъ пословъ, сотниковъ нашего войска: Саська Федоровича и Ничипора, уполномочиваемъ ихъ покончить наше дѣло съ вашимъ императорскимъ величествомъ, нашимъ всемилостивѣйшимъ государемъ, и просимъ всеподданнѣйше довѣрять имъ во всемъ, равно какъ и всему нашему войску, обязываясь этою грамотою и нашимъ рыцарскимъ словомъ въ томъ, что во всемъ удовлетворимся рѣшеніемъ, какое состоится между указанными нашими послами и вашего императорскаго величества и во всемъ безпрекословно подчинимся этому рѣшенію. Въ удостовѣреніе чего и для большей вѣрности выдали мы нашимъ посламъ эту вѣрительную грамоту, скрѣпленную внизу печатью нашего войска и собственноручною подписью нашего войскового писаря, Льва Вороновича. Дано въ Базавлукѣ, при Чортотлыцкомъ рукавѣ Днѣпра, 3 іюля, 1594 года...

Іюля 2 дня, повидавшись предварительно съ московскимъ посольствомъ, я около полудня отплылъ изъ Базавлука на турецкомъ сандалѣ вмѣстѣ съ запорожскими послами: Саськомъ Федоровичемъ и Ничипоромъ и съ двумя сопровождавшими ихъ козаками; въ ту минуту, когда мы отчаливали отъ берега, войско запорожское привѣтствовало насъ звуками войсковыхъ барабановъ и трубъ и пушечными выстрѣлами. Въ тотъ же день мы проѣхали мимо Мамай-Сурки, древняго городища (т.-е. валовъ, окружавшихъ древнее укрѣпленіе), лежащаго на татарской сторонѣ; затѣмъ мимо рѣчки Бѣлозерки, текущей изъ татарской степи и образующей озеро при впаденіи своемъ въ Днѣпръ, при которомъ также находится городище или земляная насыпь, окружавшая въ древности большой городъ. Далѣе мимо Каменнаго-Затона, залива Днѣпра также на татарской сторонѣ съ очень скалистымъ берегомъ, отъ котораго и получилъ свое названіе. Здѣсь татары обыкновенно переправляются черезъ Днѣпръ въ зимнее время, когда рѣка покрыта льдомъ; здѣсь же производится выкупъ плѣнныхъ («одкуп»). Отсюда начинается высокій валъ, который тянется по степи вплоть до Бѣлозерки, а подлѣ него лежитъ большой каменный шаръ, свидѣтельствующій о томъ, что въ древности здѣсь происходило большое сраженіе. Затѣмъ пришли къ Микитину-рогу, который лежалъ налѣво отъ насъ и недалеко отъ туда ночевали на островѣ близъ русскаго берега.

Іюля 3 дня мы прошли мимо Лысой горы по лѣвой русской сторонѣ: ¹⁾ и Товстыхъ-Песковъ ²⁾, большихъ песчаныхъ холмовъ на татарскомъ берегу; затѣмъ, почти тотчасъ миновали устье Конскихъ-Водъ; здѣсь рѣчка Конскія-Воды, текущая изъ татарской степи, окончательно впадаетъ въ Днѣпръ, хотя и передъ тѣмъ, еще выше, она нѣсколько разъ соединяется съ нѣкоторыми озерами и днѣпровскими заливами. отъ которыхъ снова отдѣляется и возвращается въ степь. Затѣмъ миновали три рѣчки, называемыя Томаковками и впадающія въ Днѣпръ съ русской стороны; по имени ихъ названъ и знаменитый островъ. Затѣмъ мимо Конской Промойны, гдѣ рѣчка Конская сливается съ днѣпровскими заливами на татарской сторонѣ; мимо Аталыковой долины ³⁾, находящейся также на татарской сторонѣ и мимо Червонной (Снгвога) горы, лежащей на противоположной русской сторонѣ. Далѣе миновали Семь-Маяковъ (иссѣченные изъ камня изображенія, числомъ болѣе двадцати, стоящія на курганахъ или могилахъ на татарскомъ берегу); затѣмъ прошли мимо двухъ рѣчекъ: Карачокрака и Янчокрака, также впадающихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны, и мимо стоящей напротивъ на русской сторонѣ Бѣлой горы. Далѣе прошли мимо Конскоі-Воды, которая здѣсь еще впервые сливается съ днѣпровскимъ заливомъ и образуетъ островъ, на которомъ находится древнее городище Курцемаль, затѣмъ другой островъ Дубовый—градъ, получившій названіе отъ большого дубоваго лѣса. Затѣмъ прошли черезъ Великую Забору, островъ и скалистое мѣсто на Днѣпрѣ близъ русскаго берега, напоминающее пороги. Немного дальше на другомъ островѣ остановились на ночлегъ (9 миль). 4 іюля миновали двѣ рѣчки, называемыя Московками и впадающія въ Днѣпръ съ татарской стороны; отсюда до острова Хортицы 1 миля; островъ этотъ, лежащій на русской сторонѣ, имѣетъ 2 мили въ длину. Пристали къ берегу пониже острова Малой Хортицы, лежащаго невдалекѣ отъ перваго; здѣсь находится замокъ, построенный Вишневецкимъ лѣтъ 30 назадъ и впоследствии разрушенный турками и татарами. Близъ этого острова впадаютъ въ Днѣпръ съ русской стороны три рѣчки, называемыя

¹⁾ Лыса-гора—урочище праваго берега Днѣпра, выше Микитина-Рога или теперешняго Никополя.

²⁾ Толстые-Пески см. Эварницкаго: Вольности запорожскихъ козаковъ, 98.

³⁾ См. Вольности запорожскихъ козаковъ Эварницкаго, Спб., 1890, 152, 153.

Хортицами, отъ которыхъ и оба острова получили свое имя. Къ вечеру мы переправили вплавь своихъ лошадей съ острова, гдѣ онѣ паслись, на русскую сторону и тамъ провели ночь.

Юля 5 дня мы пустились верхомъ черезъ незаселенныя дикія степи, переѣхали въ бродъ рѣчку Суру, здѣсь обѣдали и кормили лошадей, проѣхавъ около 5 миль; замѣтивъ на одномъ курганѣ или могилѣ маякъ, т.-е. поставленную на немъ каменную статую мужчины, мы подѣхали и осмотрѣли ее. Послѣ обѣда проѣхали около трехъ миль до одной возвышенности и здѣсь ночевали подлѣ кургана.

Юля 6 дня поутру снова переплыли Суру и рѣчку Домоткань и пришли къ другой болотистой рѣчкѣ—всего около 4 миль. Здѣсь кормили лошадей, но передъ тѣмъ, не доходя этой рѣчки, встрѣтили медвѣдя и застрѣлили его. Послѣ обѣда прошли до рѣчки Самоткани¹⁾, переправились черезъ нее (около 2 миль) и здѣсь снова кормили. До этого мѣста степь совершенно обнажена, нигдѣ не видно ни одного дерева, но отсюда уже начинаются заросли, называемыя у нихъ байраками, и самая мѣстность становится нѣсколько гористою. Къ вечеру проѣхали Омельникъ Ворскальскій (около 2 миль) и немного дальше ночевали въ пещерѣ.

7 юля перешли снова черезъ Омельникъ Ворскальскій; въ трехъ миляхъ отъ него остановились кормить лошадей; затѣмъ прошли еще двѣ рѣчки, у послѣдней вторично кормили (около 5 миль). Подъ вечеръ пріѣхали къ горѣ (1 миля)».

Отъ рѣчки Омельника Ласота вступилъ въ предѣлы Украины и Запорожье оставилъ²⁾.

О дальнѣйшихъ результатахъ договоровъ Ласоты съ запорожскими козаками находимъ свѣдѣнія въ донесеніи патера Александра Комулео. Много стоило хлопотъ патеру Комулео разсѣять недовѣріе молдавскаго господаря къ запорожскимъ козакамъ, но онъ подъ конецъ успѣлъ-таки свести ихъ. «Я устроилъ, — говоритъ онъ, — что помянутые козаки подошли къ молдавскимъ границамъ, что они и сдѣлали, ставъ лагеремъ вблизи молдавскаго войска. Молдавскій князь согласился дѣйствовать заодно съ козаками, частію вслѣдствіе убѣжденій и настояній, ко-

¹⁾ Нужно читать наоборотъ: Ласота прежде переправился черезъ Самоткань и потомъ черезъ Домоткань, а не обратно.

²⁾ Мельникъ, Мемуары южной Россіи, Киевъ, I, 1890.

торья я ему дѣлалъ, для чего ѣздилъ нарочно два раза въ Молдавію, частію же изъ страха турокъ и изъ боязни самихъ татаръ, о которыхъ я узналъ, что турки хотѣли съ помощью ихъ отнять у него княжество. Въ силу всего этого онъ собралъ войско въ 21.000 человекъ, вооружилъ его хорошо артиллеріей и вышелъ къ проходу, которымъ татары обыкновенно проходили черезъ Молдавію и Венгрію, рѣшившись смѣло противиться и не пропускать ихъ. Когда я потомъ узналъ, что князь молдавскій отказался соединиться съ козаками, то послалъ убѣдить ихъ не оставаться дольше здѣсь понапрасну, а идти разорять какіе-нибудь ближайшіе турецкіе города, обѣщая при этомъ, что молдавскій князь не будетъ имъ препятствовать въ этомъ... Я тайно предложилъ кое-какіе подарки начальнику козаковъ, обѣщая ему больше современемъ. Послѣдній и ушелъ съ помянутыми козаками. Этотъ разъ я послалъ ему сто флориновъ, какіе со мной были, и обѣщалъ соединить его съ днѣпровскими козаками для хорошей добычи. Начальникъ козаковъ не захотѣлъ ожидать и пошелъ подъ городъ Килію, гдѣ и остановился» ¹⁾. Изъ показаній польскихъ писателей видимъ, что здѣсь разумѣлись походы козаковъ противъ турокъ подъ начальствомъ Лободы и Наливайка.

¹⁾ Донесенія патера дона Александра Комулео, письмо 8.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Введеніе церковной уніи на Украинѣ и наслія по этому поводу со стороны католиковъ надъ православными. — Козацкое возстаніе подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка. — Біографическія данныя о Лободѣ и Наливайкѣ. — Обида отъ Калиновскаго Наливайкѣ-отцу и выступленіе на Украину Наливайка-сына. — Похожденія его на Волины и Бѣлоруссіи. — Выходъ изъ Сичи Лободы. — Гетманъ Саула. — Дѣйствія противъ козаковъ Жолкевскаго. — Схватка козаковъ подъ Бѣлою-Церковью. — Гибель Сасыка, контузія Саулы и выборъ Лободы гетманомъ козаковъ. — Движеніе козаковъ къ Кіеву. — Запорожская флотилія подъ начальствомъ атамана Подвысоцкаго. — Отступленіе козаковъ къ Переяславу и Лубнамъ. — Жестокая битва у Солоницы. — Выдача Наливайка. — Условія, предложенныя козакамъ Жолкевскимъ. — Казнь Наливайка и постановленія польскаго правительства о низовыхъ козакахъ.

Покончивъ съ Косинскимъ и частію истребивъ, частію разогнавъ бывшихъ при немъ козаковъ, польскіе паны, оставивъ на татарскихъ шляхахъ незначительную стражу на случай набѣга татаръ, спокойно и беззаботно разѣхались по домамъ и предались своему обычному времяпровожденію—приятнымъ разговорамъ на сеймахъ. Такимъ положеніемъ дѣлъ тотчасъ же воспользовались татары. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1593 года они внезапно ворвались, въ числѣ 20.000 человекъ, на Волинь, нахватали тамъ множество русскихъ женщинъ и разнаго добра и, быстро поверотивъ, ушли назадъ. Паны, услышавъ о набѣгѣ татаръ, поторопились обвинить въ этомъ козаковъ, говоря, что татаръ ввели на Волинь козаки въ отмщеніе князю Острожскому, побившему ихъ. Но козаки также причастны были къ этому дѣлу, какъ и сами поляки; въ это время они заняты были предложеніемъ императора Рудольфа II и собирались походомъ противъ турокъ. Прежде всехъ поднялся со своими козаками Наливайко.

Северинъ Наливайко ¹⁾ былъ родомъ, по однимъ—изъ города Каменца, по другимъ—изъ города Острога. Въ городѣ Острогѣ у

¹⁾ У Кулиша онъ называется Семеномъ, у Костомарова—Семерый—Наливайко.

Северина Наливайка были два брата, изъ коихъ одинъ по имени Даміанъ, состоялъ придворнымъ священникомъ у князя Константина Острожскаго; была мать, сестра и собственная семья, а ниже города Острога жилъ отецъ, владѣлецъ небольшого участка земли въ Гусятинѣ, возбудившаго большой аппетитъ у мѣстнаго пана Калиновскаго. Желая завладѣть повравившимся участкомъ земли, Калиновскій, не долго думая, потребовалъ его себѣ у Наливайка - отца, и когда старикъ отказалъ ему въ томъ, то Калиновскій напалъ на него и такъ избилъ его, что старикъ не перенесъ побоевъ и умеръ. Сынъ затаилъ месть противъ пана. По словамъ Іоахима Бѣльскаго, Северинъ Наливайко представлялъ изъ себя личность незаурядную. Это былъ красивый, сильный, храбрый мужчина и отличный пушкарь ¹⁾). Отличаясь беззаветною храбростью, Северинъ Наливайко съ юныхъ лѣтъ сталъ заниматься «козацкимъ ремесломъ»: онъ много разъ воевалъ въ разныхъ земляхъ противъ разныхъ народовъ и подъ руководствомъ различныхъ гетмановъ, а подъ конецъ поступилъ на службу къ князю Острожскому и подъ его стягомъ воевалъ противъ козаковъ, предводимыхъ Криштофомъ Косинскимъ.

Но собственно имя Наливайка стало извѣстнымъ со времени заключенія запорожскими козаками договора съ посломъ германскаго императора Рудольфа II, Ласотою, противъ турокъ. Заключивъ договоръ, козаки въ теченіи 1594 и 1595 годовъ предприняли три похода противъ турокъ и ихъ союзниковъ, татаръ и молдавскихъ господарей. Первый такой походъ предпринять былъ Наливайкомъ въ концѣ іюня мѣсяца 1594 года съ цѣлью произвести диверсію въ тылу турецкой арміи. Наливайко составилъ около себя вольницу людей изъ разнаго народа, иногда бѣглецовъ и преступниковъ, и съ ними дѣйствовалъ противъ турокъ и татаръ. Не имѣя ни средствъ, ни союзниковъ, а между тѣмъ, видя наступающую грозу со стороны турокъ, хотѣвшихъ завоевать себѣ Венгрію, германскій императоръ Рудольфъ II еще въ концѣ февраля мѣсяца 1594 года просилъ, черезъ собственнаго посла, правительство Рѣчи-Посполитой о томъ, чтобы оно не пропустило въ Венгрію черезъ свои владѣнія турецкихъ союзниковъ татаръ. Въ то же время прислалъ своего посла къ полякамъ и турецкій султанъ, прося пропустить татаръ въ Венгрію черезъ

¹⁾ Bielskiego, Dalszy ciąg kroniki polskiej, Warszawa, 1851, 275—281.

Украину. Поляки отказали туркамъ. Но, не смотря на этотъ отказъ, татары все-таки собрались походомъ на Венгрію и рѣшили идти черезъ Украину. Узнавъ объ этомъ, Северинъ Наливайко, состоявшій тогда еще на службѣ у князя Константина Острожскаго, съ позволенія своего патрона, отправилъ письмо къ коронному гетману Яну Замоискому и предложилъ ему свои услуги дѣйствовать противъ татаръ и не допустить ихъ до соединенія съ турками. Въ своемъ письмѣ Наливайко писалъ Замоискому, что онъ уже успѣлъ собрать вокругъ себя охотниковъ до войны, но безъ воли гетмана не желаетъ выступать въ походъ, чтобы не дать повода считать своихъ ополченцевъ шайкой разбойниковъ ¹⁾. Что отвѣчалъ на это письмо Янъ Замоискій, неизвѣстно, но въ концѣ іюня Наливайко съ козаками уже вышелъ противъ татаръ. Онъ старался о томъ, чтобы не допустить татаръ въ Венгрію на соединеніе съ турецкимъ султаномъ Амуратомъ, однако не успѣлъ въ этомъ, и татары, обманувъ козаковъ, проскакали въ Венгрію черезъ Покутье. Прибѣжавъ по слѣдамъ татаръ до Тербовля и не видя возможности догнать ихъ, Наливайко возвратился назадъ съ большою добычею.

Возвратившись назадъ, Наливайко нашелъ нужнымъ отправить, черезъ двухъ своихъ посланцевъ, часть захваченной ими добычи въ запорожскую Сичу, желая загладить тѣмъ свою вину передъ низовыми братчиками въ томъ, что онъ во время походовъ Косинскаго сражался противъ запорожцевъ. Посланцы прибыли въ Сичь іюля 1 дня, 1594 года, какъ разъ въ то время, когда тамъ находился посолъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Ласота. Прибывъ въ Сичь, посланцы Наливайка прежде всего испросили прощеніе у запорожскихъ козаковъ отъ имени Наливайка за то, что онъ нѣкогда стоялъ противъ низовыхъ козаковъ; но то произошло потому, что Наливайко служилъ кievскому воеводѣ, противъ котораго враждовали запорожцы, и потому долженъ былъ повиноваться ему. Теперь Наливайко собралъ возлѣ себя отъ 2 до 2¹/₂ тысячъ человекъ козаковъ и съ ними нанесъ поражение татарамъ, настигнувъ ихъ въ Молдавіи и отнявши у нихъ отъ 3 до 4 тысячъ лошадей. Узнавъ, что запорожское войско терпитъ большой недостатокъ въ лошадяхъ, Наливайко шлетъ своихъ посланцевъ въ Сичь и чрезъ нихъ извѣщаетъ, что

¹⁾ Bielsky, 212, 213; Heidenstein, II, 321—322; Listy Żolkiewskiego, 64.

онъ готовъ раздѣлить съ низовыми молодцами свою добычу и подарить имъ 1.500 или 1.600 коней, лишь бы только запорожцы считали его своимъ другомъ. Если же честное низовое рыцарство подозрѣваетъ его во враждебныхъ къ нимъ намѣреніяхъ, то онъ готовъ явиться къ нему лично въ козацкое кѣло, сложить посреди него свою саблю и оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій. А если честное рыцарство найдетъ его оправданія недостаточными, то онъ самъ предложитъ отрубить ему голову собственною саблею. Однакожъ, онъ надѣется, что низовые рыцари удовлетворятся его объясненіями, признаютъ ихъ основательными и навсегда будутъ считать его своимъ другомъ и братомъ, ибо, что касается прошлаго, то Наливайко состоялъ на службѣ у кievскаго воеводы еще раньше, чѣмъ запорожцы вступили въ войну съ Острожскимъ; когда же возникшія между ними недоразумѣнія окончились войной, то уже собственная честь не позволила ему, Наливайку, оставить воеводу, своего господина, котораго хлѣбъ онъ ѣлъ задолго передъ тѣмъ и въ службѣ котораго состоялъ съ давняго времени, почему и принужденъ былъ сражаться за него противъ его враговъ ¹⁾.

Видимо запорожцы вполне удовлетворились такимъ объясненіемъ Наливайка и вмѣстѣ съ нимъ стали дѣйствовать за поляковъ противъ татаръ.

Дѣло было осенью того же 1594 года. Въ Польшѣ стало извѣстно, что татары, послѣ войны въ Венгрии, будутъ возвращаться въ Крымъ и снова могутъ посѣтить Галичъ и Волинь. Тогда противъ татаръ собралось польское ополченіе, числомъ до 15.000 человекъ, подъ начальствомъ Яна Замоискаго и при участіи Зебжидовскаго, Конецпольскаго, Острожскаго, Збаражскаго, Заславскаго, Мнишка, Мелецкаго, Остророга, Липскаго, Горайскаго и другихъ, менѣе знатныхъ пановъ, и стало сторожить у Карпатскихъ горъ и проѣзжихъ шляховъ возвращавшихся назадъ крымцевъ. Но крымцы, заранѣе провѣдавъ объ этомъ, съумѣли обмануть пановъ, прорваться черезъ Волощину и уйти въ Крымъ. Такъ паны ни съ чѣмъ и возвратились по своимъ домамъ ²⁾.

Но особо отъ всѣхъ перечисленныхъ знатныхъ польскихъ пановъ хотѣлъ дѣйствовать снятынскій староста Николай Язловецъ

¹⁾ Дневникъ Ласоты: Мемуары южной Руси, Кіевъ, 1890, I, 183.

²⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, Спб., 1878, II, 90.

кій, тотъ Язловецкій, которому раньше этого времени поручено было строить замокъ въ Кременчугѣ или въ степи для удержа- нія украинскаго населенія отъ бѣгства въ Сичь. Онъ пришелъ къ той мысли, что вмѣсто того, чтобы гоняться за татарами по Волини и Венгрии, резоннѣе всего броситься въ самое гнѣздо ихъ, Крымъ, и захватить его въ свои руки. Съ этою цѣлью Язловец- кій вошелъ въ сношеніе съ Григоріемъ Лободой и Севериномъ Наливайкомъ и, получивъ отъ нихъ согласіе, изготовился къ по- ходу, для чего вошелъ въ долгъ и сдѣлалъ огромныя затраты. Козаки, вмѣстѣ съ Язловецкимъ, уже готовы были отправиться въ Крымъ, но какъ разъ въ это время ихъ привлекъ въ сѣвер- ную Молдавію германскій императоръ Рудольфъ II, которому по- лезнѣе было видѣть запорожцевъ въ Волощинѣ, нежели въ Крыму. Эта неудача такъ подѣйствовала на Язловецкаго, что онъ, отъ понесенія страшныхъ убытковъ и отъ огорченія, быстро захво- ралъ и скончался ¹⁾).

Оставивъ свои виды на Крымъ, козаки съ ихъ предводителями Лободой и Наливайкомъ расположились въ Брацлавщинѣ; но, про- стоявъ нѣкоторое время въ Брацлавщинѣ, запорожцы съ Лобо- дой вернулись въ Запорожье, а Наливайко расположился въ замкѣ Брацлава и выгналъ оттуда старосту Юрія Струся. Въ то время въ Брацлавщинѣ козацкое сословіе на столько усилилось, что вся мѣстная шляхта склонялась передъ козаками и принуждена была даже предоставлять имъ необходимыя продовольствія и деньги для войны или, какъ тогда говорили, давать «стаціи» войску. Брацлавскими козаками дирижировалъ Северинъ Наливайко. Тре- буя войсковыхъ стацій, Наливайко съ козаками сталъ дѣлать наѣзды на шляхту и во время этихъ наѣздовъ жестоко отомстилъ пану Калиновскому, обидчику своего отца. Наливайко чувство- валъ неугасимую ненависть къ Калиновскому и, объясняясь по этому поводу впослѣдствіи съ королемъ Сигизмундомъ III, выска- залъ, что то была самая тяжкая изъ обидъ и самая неправи- мая для него изъ всѣхъ потерь: «Вѣдь отецъ-то у меня былъ одинъ!» Король требовалъ отъ Наливайка, чтобы онъ распустилъ свою ватагу и не дѣлалъ обидъ населенію, но Наливайко не обра- щалъ вниманія на это приказаніе и все больше и больше стяги- валъ къ себѣ охотниковъ до всякаго рода приключеній и войны.

¹⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 91.

Собравъ около себя значительный отрядъ, Наливайко, наконецъ, оставилъ Брацлавъ и со своимъ отрядомъ направился въ Килию. Онъ напалъ на городъ Тягинъ; городъ взялъ и сжегъ его, но крѣпости взять не могъ и покинулъ ее. Отступивъ отъ Тягина, онъ распустилъ своихъ козаковъ загонами по нижнему Бугу и Пруту; тутъ онъ сжегъ болѣе 500 турецкихъ и татарскихъ селеній, захватилъ до 4.000 обоего пола турецкаго и татарскаго ясыря и съ богатой добычей повернулъ назадъ. Но на обратномъ пути онъ наткнулся, при переправѣ черезъ рѣку Днѣстръ, на семитысячный отрядъ войска съ молдавскимъ господаремъ Аарономъ во главѣ и, въ схваткѣ съ нимъ, потерялъ большую часть своей добычи и нѣсколькихъ козаковъ, за что свято поклялся отомстить коварному господарю ¹⁾). И точно, возвратясь въ Брацлавщину, Наливайко вошелъ въ сношенія съ Лободой и запорожцами и, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1594 года, предпринялъ второй походъ противъ турокъ въ Молдавію. У союзниковъ было 12.000 человекъ козаковъ и 40 хоругвей съ двумя пясарскими серебряными орлами на двухъ изъ хоругвей. Предводителемъ войска былъ Лобода, помощникомъ его—Наливайко. Козаки переправились черезъ Днѣстръ подъ Сорокой и направились въ сѣверную Молдавію. Прежде всего они сожгли крѣпость Цоцору; потомъ у Сучавы разбили господара Аарона и заставили его бѣжать въ Волощину, а сами переправились черезъ Прутъ, напали на господарскую столицу Яссы, сожгли и ограбили ее, разорили нѣсколько окрестныхъ селеній и потомъ благополучно вернулись назадъ.

Этотъ походъ имѣлъ большое политическое значеніе въ исторіи западныхъ славянъ того времени: молдавскій господарь Ааронъ послѣ третьяго вторженія козаковъ въ предѣлы его княжества сбросилъ съ себя зависимость турецкаго султана, вошелъ въ сношеніе съ валашскимъ господаремъ Михаиломъ и трансильванскимъ княземъ Сигизмундомъ Баторіемъ и вмѣстѣ съ ними перешелъ на сторону германскаго императора ²⁾).

По письму князя Константина Острожскаго къ князю Криштофу Радзивиллу (отъ 24 декабря 1594 года), Лобода и Наливайко, хозяйничая въ Волощинѣ, большія опустошенія людямъ и маестностямъ причинили, замки и города волошскіе сожгли, а самыя

¹⁾ Заклинскій, Зношеня цѣсаря Рудольфа II зъ козаками. Львовъ, 1882, 23.

²⁾ Заклинскій, Зношеня, 23—25; Bielski, 225; Heidenstein, II, 327.

Яссы, гдѣ молдавскіе господаи обыкновенно резиденцію свою имѣли, въ пепель обратили и послѣ всего этого благополучно назадъ воротились, Наливайко въ Брацлавщину, Лобода къ Бару, а нѣкоторые изъ ихъ сподвижниковъ—на Запорожье, но всѣ имѣя въ виду, послѣ похода въ Волощину, предпринять походъ «на Польшу» ¹⁾).

Возвратившись изъ второго молдавскаго похода, Северинъ Наливайко вновь засѣлъ въ Брацлавѣ, попрежнему объявилъ себя врагомъ шляхты и сталъ собирать съ окрестныхъ дворянъ «стаци». На ту пору въ Брацлавѣ назначены были такъ-называемые судебные «роки», на которые, по обыкновенію, стала собираться мѣстная шляхта для разбора судебныхъ дѣлъ. Зная настроеніе Наливайка, городской писарь Брацлава, Байбузь, поспѣшилъ предупредить дворянъ о грозившей имъ опасности отъ Наливайка, и дворяне поторопились разѣхаться по домамъ. Но отъѣхавъ небольшое разстояніе отъ Брацлава, дворяне услышали, будто бы Наливайко вовсе безсиленъ, потому что во время послѣдняго похода своего въ Молдавію онъ потерялъ много людей убитыми, а по возвращеніи въ Брацлавъ еще болѣе того обезсилилъ, вслѣдствіе отхода отъ него многихъ козаковъ по домамъ. Эти слухи шляхта приняла за дѣйствительность и рѣшила вернуться въ Брацлавъ, чтобы расправиться съ Наливайкомъ и открыть судебные «роки». Отправивъ отъ себя дворянина Цурковскаго къ козакамъ и мѣщанамъ, паны стали возвращаться къ городу. Наливайко задержалъ у себя посланца и, выждавъ время, когда паны подошли къ Брацлаву, быстро вышелъ на нихъ съ козаками и мѣщанами, напалъ на панскую стоянку, побилъ пановъ и слугъ, забралъ у нихъ деньги, имущество, бумаги и послѣ этого вернулся въ городъ. Тогда шляхта обжаловала нападеніе Наливайка передъ королемъ Сигизмундомъ ²⁾, и король универсаломъ, отъ 1-го ноября 1594 года, приказалъ потерпѣвшимъ наказать какъ мѣщанъ города, такъ и въ особенности самого Наливайка ³⁾. Но это приказаніе короля осталось безъ всякихъ послѣдствій, какъ и другія, болѣе раннія его распоряженія относительно козаковъ:

¹⁾ Рукопись импер. публич. библ., польск., F, IV, № 223, л. 66; Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 94.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, I, ч. III, 66—68.

³⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, I, 20—21.

для наказанія Наливайка нужно было войско, а его-то именно и не было въ Польшѣ.

Такимъ образомъ Наливайко свободно оставался въ Брацлавѣ, а близъ него, въ Барѣ, былъ и козацкій «старшій» Лобода. Находясь въ Барѣ, Лобода начальствовалъ, по выраженію Гейденштейна, надъ старыми, чистой породы, низовцами ¹⁾ и вначалѣ старался держать себя на мирной ногѣ съ панами, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ волинскому воеводѣ, князю Константину Острожскому. Съ Острожскимъ онъ имѣлъ письменныя сношенія, увѣдомлялъ его о турецкихъ, татарскихъ и волошскихъ дѣлахъ и увѣрялъ князя въ мирномъ къ нему настроеніи и уваженіи къ его собственности ²⁾. Тѣмъ не менѣе въ половинѣ ноября Лобода и Наливайко сошлись въ Барѣ, имѣя при себѣ 12.000 человекъ войска. Вмѣстѣ съ Лободой въ это время былъ и императорскій агентъ, Станиславъ Хлопицкій. Предводители козаковъ распустили слухъ, что они, собравъ войско, имѣютъ въ виду новый походъ въ Волощину, оттого и сошлись въ городѣ Барѣ. И точно, Лобода и Наливайко засѣли въ замкѣ города и тамъ открыли какія-то совѣщанія, а самый городъ окружили своимъ войскомъ и не позволяли никому ни войти, ни выйти изъ него безъ вѣдома козаковъ. Не довольствуясь этимъ, они отправили часть своего войска въ окрестности Бара съ видимою цѣлью собиранія «стаций» съ населенія въ виду предстоящаго похода въ Волощину. Жители, привыкшіе къ насильственнымъ дѣйствіямъ въ этихъ случаяхъ со стороны козаковъ, стали бросать свои хутора и прятаться съ имуществомъ, семьями и слугами въ уединенныхъ и безопасныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ сосѣднихъ съ Баромъ старостъ поспѣшили извѣстить обо всемъ короннаго гетмана Яна Замойскаго съ цѣлью найти у него помощь противъ козаковъ ³⁾. Самъ воевода волинскій, князь Константинъ Острожскій, чувствуя себя или безсильнымъ въ отношеніи козаковъ, или не желая ссориться съ ними, услыша о приближеніи ихъ къ своимъ маентостямъ, ограничился на этотъ разъ только тѣмъ, что приказалъ одному изъ своихъ слугъ выѣхать въ Межибожье и слѣдить за движеніями козаковъ. Въ своемъ письмѣ къ зятю Криштофу Рад-

¹⁾ Heidenstein, Dzieje polski, II, 363.

²⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 434, 435.

³⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow 1868, 59—60.

зивилу Острожскій высказался такъ, что онъ просить Бога сохранить его отъ набѣговъ со стороны козаковъ и объ удаленіи ихъ, какъ можно подальше, отъ княжескихъ маетностей ¹⁾, но о вооруженномъ сопротивленіи козакамъ ничего не говоритъ. Козаки спокойно просидѣли въ Барѣ до конца 1594 года, не думая ни о какомъ походѣ къ Волощину и въ началѣ слѣдующаго года разошлись частію въ Винницу, частію въ Брацлавъ. Въ это время Григорій Лобода нашелъ себѣ невдалекѣ отъ Бара какую-то дѣвушку, въ шляхетской семьѣ Оборскихъ, и женился на ней: дѣвушка вышла замужъ не по любви, а по принужденію ея воспитателей ²⁾.

Между тѣмъ жалобы пановъ на козацкихъ предводителей достигли и до короля Сигизмунда, и король выслалъ противъ нихъ отрядъ войска въ 2.000 человекъ. Но уже сами папы, какъ напримѣръ, князь Константинъ Острожскій, видѣли въ этомъ лишь однѣ безсильныя потуги со стороны своего правительства въ борьбѣ съ козаками: всѣмъ было извѣстно, что войска польской республики заняты были другимъ дѣломъ, борьбой съ турками и татарами, и потому борьба съ козаками считалась въ это время невозможной. Напротивъ того, обстоятельства дѣлъ заставили поляковъ не только не преслѣдовать козаковъ, а даже просить у нихъ помощи противъ общихъ враговъ, турокъ и татаръ.

И точно, весной 1595 года польское ополченіе, подъ предводительствомъ Яна Замойскаго, Жолкевскаго и Потоцкаго, выступило за границу польскихъ владѣній къ Днѣстру; теперь противъ турокъ были уже, вмѣстѣ съ германскимъ императоромъ, молдаво-волошскіе господа и седмиградскій князь. Затѣвалась большая война, и поляки опасались за собственныя владѣнія. Въ іюлѣ 20 числа польскіе предводители были у Шаргорода; въ августѣ мѣсяцѣ они узнали о переправѣ черезъ Днѣстръ на шляхъ Кучманъ многочисленной татарской орды и, не надѣясь на собственныя силы, нашли нужнымъ просить къ себѣ на помощь и козаковъ. Еще съ ранней весны 1595 года они задабривали всячески Григорія Лободу и старались привлечь его къ своему дѣлу; теперь же, въ виду большой опасности отъ мусульманъ, они прямо отправили къ нему гонца и черезъ гонца просили козацкаго вожда

¹⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 431.

²⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 103.

поспѣшить къ нимъ на подмогу, обѣщая за то испросить козакамъ прощеніе у короля за ихъ противозаконныя дѣйствія въ Брацлавщинѣ. Наливайка поляки совѣмъ обходили въ своихъ просьбахъ. На приглашеніе пановъ козаки сперва отвѣчали полнымъ отказомъ, но потомъ нѣкоторая часть ихъ согласилась принять предложеніе и идти на помощь полякамъ. ♦

Предложеніе поляковъ принялъ именно Григорій Лобода, который вышелъ на помощь къ коронному войску 21 февраля, а 23 числа того же мѣсяца писалъ письмо съ пути къ князю Острожскому съ извѣстіемъ о нанесеніи мусульманскимъ воеводой пораженія крымскому хану ¹⁾. Но, приблизившись къ границамъ Молдавіи, Лобода, вмѣсто помощи полякамъ, сталъ опустошать со своими козаками окрестности Тягина. Замойскій, не видя въ этомъ никакой для себя пользы, приказалъ козакамъ оставить Молдавію, въ противномъ случаѣ грозилъ поступить съ ними, какъ съ непріятелями, и тогда Лобода оставилъ Молдавію и въ январѣ 1596 года вернулся въ городъ Овручъ ²⁾. Поляки, оставленные козаками, отсидѣли въ лагерѣ надъ Прутомъ, на урочищѣ Цоцорѣ и августа 8 дня, 1595 года, заключили миръ съ крымскимъ ханомъ Казы-Гераемъ ³⁾.

Такъ кончился походъ Лободы въ помощь полякамъ. Что касается Наливайка, то онъ сразу отказался отъ содѣйствія полякамъ, потому-ли, что не желалъ вообще подавать помощи своимъ врагамъ, потому ли что поляки обошли его въ своей просьбѣ, или потому, что Наливайко, какъ честолюбивый человекъ, не желалъ играть при Лободѣ второй роли ⁴⁾. Отдѣлившись отъ Лободы, ушедшаго къ коронному войску, Наливайко расположился въ имѣніи князя Константина Острожскаго, Острополѣ. На ту пору князь Острожскій находился въ другомъ своемъ имѣніи Туровѣ, на Полѣсьѣ, и потому о приходѣ Наливайка въ Острополь узналъ черезъ гонца въ началѣ марта 1595 года и извѣстилъ о томъ своего зятя, Криштофа Радзивилла: «Какъ Лобода, желая пріязни со мной, велъ себя спокойно относительно меня и моихъ подданныхъ, такъ этотъ лотръ ⁵⁾ Наливайко, отставши отъ дру-

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 435.

²⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 65.

³⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 104.

⁴⁾ Heidenstein, Dzieje polski, II, 363.

⁵⁾ Лотръ значитъ разбойникъ, грабитель.

гихъ, въ числѣ 1.000 человекъ, гоститъ теперь въ маестности моей Острополѣ и, кажется, что придется мнѣ сторговаться съ нимъ. Другого Косинскаго посылаетъ на меня Господь Богъ» ¹⁾).

Письмо князя Острожскаго писано въ началѣ марта 1595 года, а въ половинѣ августа того же года Наливайко уже оставилъ Острополь и со своимъ отрядомъ отправился черезъ седмиградское княжество въ Венгрію противъ турокъ на помощь германскому эрцгерцогу Максимилянну, начальствовавшему надъ имперской арміей. Въ Венгріи Наливайко оставался до поздней осени, послѣ чего, одобычившись большою добычей и получивши въ даръ отъ эрцгерцога большую войсковую хоругвь, вернулся черезъ Самборъ на родину. О своей иностранной службѣ Наливайко впоследствии сообщилъ королю Сигизмунду III слѣдующее: «Не имѣя дома дѣла, а праздно жить не привыкши, мы, по письму къ намъ христіанскаго цесаря, пустились въ цесарскую землю, гдѣ не за деньги, а по собственной охотѣ рыцарской, прослужили не мало времени; но, узнавъ, что седмиградскій воевода заводитъ свои козни противъ короннаго гетмана, не захотѣли оставаться больше въ той землѣ и не посмотрѣли ни на какіе подарки» ²⁾). Такъ говорилъ самъ о себѣ Наливайко; иностранные же писатели говорятъ, что козаки Наливайка, явившись въ Венгрію для борьбы съ врагами германскаго императора, больше думали о добычѣ, нежели о войнѣ, и потому ушли изъ Венгріи не сами собой, а были выдворены насильно нѣмцами ³⁾).

Возвратившись изъ третьяго турецкаго похода, Наливайко больше не думалъ уже о походахъ за границу. Теперь все его вниманіе обращено было на внутреннія дѣла самой Украины ⁴⁾). На Украинѣ затѣвалось въ это время дѣло, поднявшее потомъ на ноги все козацкое сословіе, послужившее причиной ничѣмъ неугасимой вражды между православными и католиками и приведшее въ концѣ концовъ къ политической гибели государство Рѣчи-Посполитой. Это такъ-называемая религіозная унія, выдуманная папой Климентомъ VIII, введенная на Украинѣ королемъ Сигизмундомъ III и принятая русскими епископами, луцкимъ, Кирилломъ Терлецкимъ,

1) Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 435.

2) Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 81.

3) Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 81.

4) Записки Евлашевскаго, Кіевская старина, 1886, I, 153.

и владиміро-волинскимъ, Ипатіемъ Поцѣмъ, вполсѣдствіи первымъ унитскимъ митрополитомъ.

Собравъ около себя до 2,000 человекъ козаковъ, Наливайко прежде всего ворвался съ ними въ волинскій городъ Луцкъ и съ яростью обрушился на слугъ епископа Терлецкаго, приверженца уни. На встрѣчу Наливайку выѣхали за городъ бискупъ и знатнѣйшіе изъ шляхтичей и старались умиловить его подарками; вмѣстѣ съ бискупомъ и шляхтичами къ ногамъ Наливайка положили нѣсколько тысячъ золотыхъ и купцы. Но при всемъ томъ дѣло не обошлось безъ шкодъ и убытковъ для города: пользуясь открывшеюся на ту пору ярмаркой въ городѣ, Наливайко прошелся по рядамъ караимовскихъ лавокъ и собралъ съ нихъ дань на козаковъ. Таковую же дань онъ взялъ съ костеловъ и шляхтичей, послѣ чего, прогостивъ три дня въ городѣ, отступилъ къ Днѣпру и въ это время написалъ письмо королю Сигизмунду III о томъ, будто бы онъ зашелъ въ Луцкъ съ единственною цѣлью сдѣлать въ немъ военные запасы и потомъ предложить свои услуги коронному гетману, но встрѣтилъ со стороны гетмана и польскихъ пановъ ничѣмъ необъяснимую вражду: «Паны били и мучили хлопятъ, паробковъ и нѣсколькихъ товарищей нашихъ или на приставахъ или на пути къ своимъ родителямъ» ¹⁾. Вражда, однако, пановъ къ Наливайку объясняется тѣмъ погромомъ, какой онъ произвелъ въ городѣ; а насколько великъ былъ тотъ погромъ, это видно изъ королевскаго листа, даннаго на имя луцкаго поборцы Семашка, объ освобожденіи жителей Луцка отъ питейнаго сбора, называемаго «чоповымъ сборомъ» ²⁾.

Передавъ все дѣло нападенія козаковъ на городъ Луцкъ въ самомъ невинномъ видѣ, Наливайко тѣмъ не менѣе не прекратилъ своихъ дальнѣйшихъ походовъ и изъ Волини направился въ Бѣлоруссію, дошелъ до Петриковичъ и обрушился на городъ Слуцкъ, куда прибылъ ноября 6 дня. Слуцкомъ управлялъ въ то время староста виленскій Еронимъ Ходкевичъ. Но онъ вмѣстѣ съ другими панами уѣхалъ въ Келецкъ. Прибывъ въ Слуцкъ, Наливайко послалъ отъ себя съ 500-ми козаками въ Копыль полковника Мартынка; во Мартынку наткнулся на гайдуковъ Ходкевича

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 107.

²⁾ Bielskiego, Dalszy ciąg kroniki polskiej, 253; Heidenstein, II, 363; Архивъ югозападной. Руси, I, ч. 3, 69.

и былъ ими убитъ; козаки его также были большею частію разбиты и сожжены и только весьма немногіе вернулись въ Слудкъ ¹⁾. Тогда Наливайко, взявъ въ Слудкѣ 12 пушекъ, 80 гакивицъ ²⁾, 700 рупницъ и 5.000 литовскихъ копъ съ жителей города, сталъ собираться къ выходу изъ города. Въ это время онъ получилъ извѣстіе о выступленіи противъ него пѣхоты литовскаго гетмана Криштофа Радзивилла и поспѣшилъ своимъ отходомъ изъ Слудка; однако, при самомъ выходѣ, вечеромъ, ноября 27 дня, онъ не успѣлъ избѣжать столкновенія съ литовской пѣхотой и потерялъ нѣсколько десятковъ человѣкъ изъ своей ватаги, но зато успѣлъ уйти отъ рѣшительнаго столкновенія съ Радзивилломъ и обратиться сперва въ Олеговичъ, а потомъ въ городъ Могилевъ. Дойдя до Могилева и встрѣтивъ здѣсь большое сопротивленіе со стороны жителей города, Наливайко, ноября 30 дня ³⁾, взялъ его приступомъ и господствовалъ въ немъ въ теченіи двухъ недѣль. Наѣзжая на дома и шляхетскія маетности, онъ не мало причинилъ škody шляхтѣ, мѣщанамъ и богатымъ панамъ: «Мѣсто славное побожное (т.-е. на рѣкѣ Бугѣ или Богѣ) Могилевъ, дома, крамы, острогъ выжегъ; всѣхъ домовъ до 500, а крамовъ съ великими скарбами до 400; мѣщанъ, бояръ, людейучтивыхъ, мужей, женъ, дѣтей малыхъ побилъ, порубилъ, попоганилъ; съ лавокъ и съ домовъ неисчислимое число скарбовъ побралъ» ⁴⁾; кромѣ того, два костела съ хранившимися въ нихъ бумагами и отъ разныхъ лицъ привиллегіями «сплюндровалъ» ⁵⁾, и въ этомъ погромѣ козаки долго могли бы еще упражняться, если бы къ Могилеву не подошелъ гетманъ Радзивиллъ съ 14.000 литовскихъ и 4.000 татарскихъ войскъ. Тогда козаки заперлись въ городѣ и стали отсиживаться въ немъ. Жители города, желая избавиться отъ козаковъ, зажгли замокъ огнемъ, и тогда Наливайко волей-неволей выпшелъ на пригородную Илинскую гору, укрѣпился здѣсь и обставился пушками, гакивицами и полгаками. Противъ козаковъ расположились литовцы и татары, избравъ себѣ такъ-называемое Буйницкое поле въ имѣніи князя Соломерецкаго. Противники сражались въ теченіи цѣлаго дня, и

¹⁾ Записки Евлашевскаго, Кіев. старина, 1886, I, 153.

²⁾ Гакивиця—длинное вѣйное жѣзное ружье.

³⁾ Въ дневникѣ Евлашевскаго грудня (декабря) 13 дня.

⁴⁾ Кудишъ, Матерьялы для исторіи воссоединенія Руси, Москва, 1877, I, 64, 65.

⁵⁾ Акты южной и западной Россіи, I, 259.

подъ конецъ Наливайко нашегъ за лучшее покинуть Могилевъ и идти дальше. Но, оставивъ свою позицію, онъ наткнулся на панское войско, предводимое паномъ Оникиемъ Униговскимъ. Тогда между поляками и козаками произошла стычка, но въ рѣшительную минуту литовцы не поддержали Униговскаго, и онъ погибъ смертью героя. Послѣ этого въ слѣдъ за козаками отправленъ былъ панъ Буйвидъ съ двумя стами коней виленскаго воеводы и нѣсколькими панскими слугами города. Но панъ Буйвидъ, видя полный порядокъ въ отступавшемъ козацкомъ войскѣ, не отважился напасть на него, и козаки дошли сперва до Рогачева, потомъ «припадали снова за какими-то практиками до Петриковичъ» и наконецъ очутились у Рѣчицы ¹⁾.

Изъ Рѣчицы Наливайко, считавшій себя правымъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, написалъ письмо къ королю Сигизмунду III. Въ этомъ письмѣ онъ предлагалъ свои услуги королю смирить всѣхъ непокорныхъ ему людей, но для этого просилъ короля отвести козакамъ для поселенія пустыни между Бугомъ и Днѣстромъ, на татарскомъ и турецкомъ шляху, между Тягинею и Очаковимъ, на пространствѣ 20 миль отъ Брацлава, гдѣ отъ сотворенія міра никто не обиталъ; позволить самому Наливайкѣ построить особый городъ съ замкомъ, сдѣлать этотъ городъ центромъ всего козачества, выдавать козакамъ «стаціи», поставить надъ ними гетмана ²⁾, а въ Сичи держать лишь помощника гетману. Послѣ всего этого Наливайко обѣщалъ королю держать въ полной покорности всѣхъ «стаціонныхъ» козаковъ; новыхъ лицъ, приходящихъ къ нимъ, или вовсе не принимать, или же возвращать назадъ, обрѣзавъ имъ предварительно носы и уши; всѣмъ баннитамъ безусловно отказывать въ приѣмѣ въ козацкое войско; не требовать «стаціи» съ Украины, а посылать за покупкою муки и боевыхъ снарядовъ только въ города Бѣлоруссіи. Для начала всего этого Наливайко просилъ отъ короля 2.000 человѣкъ людей и, кромѣ того, суковъ и денегъ въ такой мѣрѣ, какъ платится татарамъ или королевскимъ жолнѣрамъ ³⁾.

Не получивъ никакого отвѣта на свое письмо отъ короля, На-

¹⁾ Въ дневникѣ Евлашевскаго о пребываніи Наливайка въ Рѣчицѣ не говорится.

²⁾ Первѣе всего Наливайко хотѣлъ видѣть гетманомъ себя.

³⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 108; Матерьялы, I, 65; Heidenstein, II, 363; Костомаровъ, Монографіи, III, 264.

ливайко оставивъ Рѣчицу, прошелъ черезъ Туровъ и Городню и «удался до Высоцка», въ концѣ января 1596 года прибылъ на Волинь и расположился въ имѣнiяхъ князя Константина Острожскаго ¹⁾. На этотъ разъ Наливайко не встрѣтилъ даже и слабаго сопротивленiя со стороны князя, такъ какъ оба они сошлись на одномъ вопросѣ, протестѣ противъ унии и защитѣ православiя: Дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это самое время приводилась въ исполненiе мысль о введенiи на православной Украинѣ унии, и главные старатели этого дѣла, Ипатiй Поцѣй и Кириллъ Терлецкiй, отправились для этого въ столицу папы, Римъ. Наливайко зналъ объ антипатiи князя Острожскаго къ затѣянному дѣлу и потому развертывалъ свои дѣйствiя, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняясь. Въ это время вмѣстѣ съ Севериномъ Наливайкомъ выступилъ и родной братъ его, священникъ Дамьянъ Наливайко, руководимый тѣмъ же чувствомъ ненависти къ унии, какъ и Северинъ Наливайко. Князь Острожскiй, видѣвшiй всѣ движенiя братьевъ Наливаекъ ²⁾, не принималъ въ нихъ никакого участiя, ни въ томъ, чтобы остановить ихъ, ни въ томъ, чтобы раздуть, въ чемъ онъ и сознавался въ своемъ письмѣ къ зятю Криштофу Радзивиллу ³⁾.

Февраля 14 дня 1596 года Северинъ Наливайко, съ братомъ своимъ Дамьяномъ Наливайкомъ, Флорiаномъ Гедройтомъ и Павломъ Кмитой, пользуясь отъѣздомъ епископа Кирилла Терлецкаго въ Римъ, собралъ возлѣ себя козаковъ и землянъ и съ ними напалъ «непрiязненнымъ обычаемъ» на имѣнiя брата епископа, Яроша Терлецкаго, въ пинскомъ повѣтѣ. Прежде всего Наливайко бросился на собственное имѣнiе Яроша Терлецкаго, Дубую, потомъ на имѣнiе жены его, Отовчичи, и, мстя отцу епископу за то, что онъ до Рима уѣхалъ, захватилъ усадьбы, разорилъ и сплюндровалъ ихъ; урядника, слугъ, челядь поранилъ и побилъ; золото, серебро, бумаги на правъ, привилегiи, важные листы, мамрамы на долги и другiе необходимые документы на маетности и правъ побралъ; коней выѣздовыхъ и всякое добро захватилъ и потомъ, скрываясь по нѣкоторымъ шляхетскимъ до-

¹⁾ Heidenstein, Dzieje polski, Petersbourg, 1857, II, 363; Дневникъ Евлашевскаго, Кiевская старина, 1886, январь, 154.

²⁾ Архивъ югозап. Россiи, I, ч. 3, 76, 99, 135, 137.

³⁾ Кулишъ, Исторiя воссоединенiя Руси, I, 438.

мамъ, уѣхалъ въ Степань, имѣніе князя, пана воеводы кіевскаго Острожскаго ¹⁾).

Послѣ набѣга на имѣнія Яроша Терлецкаго Наливайко сдѣлалъ набѣгъ на Пинскъ, куда епископъ Кириллъ Терлецкій, передъ своимъ отъѣздомъ въ Римъ, отправилъ на храненіе, въ домъ мѣщанина Крупы, богатую ризницу свою съ уборами, богатыми нарядами и епископскими принадлежностями, два большія важности и потребности документа съ подписями и печатами самого владыки и рукоприкладствомъ трехъ свѣтскихъ лицъ, спрятанные въ запечатанный сундукъ и хранившіеся въ ризницѣ. Все это было похищено Наливайкомъ тотчасъ же послѣ отъѣзда епископа въ Римъ ²⁾. Напрасно потомъ епископъ требовалъ, именемъ королевскаго величества, выдачи одного изъ своихъ слугъ, Флоріана Гедройта, принимавшаго участіе въ наѣздахъ Наливайка на Пинскъ и, вѣроятно, выдавашаго секреты епископскаго дома: отправленнаго по этому поводу въ городъ Острогъ епископскаго посланца Олизаровскаго, мѣстный староста, Боровицкій, сперва бросилъ въ тюрьму и подвергъ томленію голода, а потомъ отослалъ въ градскій судъ, въ Кременецъ ³⁾).

Кромѣ Терлецкихъ, отъ козаковъ Наливайка пострадалъ и луцкій староста, Александръ Семашко, сторонникъ уни. Противъ него дѣйствовалъ Дамьянъ Наливайко вмѣстѣ съ Александромъ Гулевичемъ и княземъ Петромъ Вероницкимъ. Союзники напали на имѣнія Семашка Тучинъ и Коростянинъ и произвели въ нихъ страшный разгромъ; они брали деньги, оружіе, платье, лошадей, рогатый скотъ, домашнюю птицу, пьяные напитки, бѣлье, холстъ, рядна, упряжь, кошолки, топоры и т. п., а людямъ владѣльца стрѣлами кололи руки, обрѣзывали уши, мучили, убивали и среди дорогъ бросали, и послѣ всего этого спокойно разѣхались по своимъ мѣстамъ; а когда потерпѣвшіе вздумали-было потомъ требовать часть своего добра отъ Дамьяна Наливайка, то были прогнаны острожскимъ старостою и бѣжали ночью въ свои маестности ⁴⁾).

Такимъ образомъ изъ двухъ извѣстныхъ козацкихъ вождей дѣйствовалъ пока одинъ Наливайко. Но скоро къ Наливайку при-

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, I, ч. III, 77.

²⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 133.

³⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 137.

⁴⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 86—93, 99.

соединился и Григорій Лобода. Лобода послѣ стоянки въ Овручѣ, въ январѣ мѣсяцѣ, 1596 года, спустился въ Сичу. Но услышавъ о томъ, что творилось на Волини и въ Бѣлорусси, козацкій вождь не выдержалъ и, собравъ возлѣ себя низовое товарищество, «выгребся» съ нимъ вверхъ по Днѣпру и занялъ сѣверныя пограничныя волости кievскаго воеводства. Цѣль своего похода онъ объяснялъ, однако, не религіозными побужденіями, а простымъ желаніемъ добыть для своего войска такъ-называемыхъ «стацій» или, какъ онъ самъ выразился въ письмѣ къ коронному гетману Яну Замойскому (отъ 11 января, 1596 года), «хлѣба-соли» на войско: «Ваша милость пишешь къ намъ и приказываешь не входить въ границы великаго княжества литовскаго, къ Мозыру, и товарищей не впускать туда; ты не требуешь отъ насъ услугъ великому княжеству литовскому и всей Рѣчи-Посполитой, указывая на миръ со всѣхъ сторонъ, со всѣми непріятелями короны польской. За это да будетъ хвала Господу Богу за такой миръ люду христіанскому, что онъ смягчилъ сердце каждому непріятелю креста святаго. Но мы, если пришли въ этотъ край, то причина этого для всякаго очевидна: въ это зимнее непогодное время, когда ты никуда насъ не требуешь на службу, Богъ знаетъ, куда намъ направиться; поэтому покорно и униженно просимъ, благоволити не заборонять намъ хлѣба-соли. Что касается того своевольнаго челоуѣка Наливайка, который, забывши почти страхъ божій и пренебрегши всѣмъ на свѣтѣ, собралъ по своему замыслу людей своевольныхъ и чинилъ большіе убытки коронѣ польской, то мы объ немъ никогда не знали и знать не желаемъ»¹⁾.

Какъ добывали козаки себѣ «хлѣбъ-соль», объ этомъ можно судить по прежнимъ приемамъ ихъ, но во всякомъ случаѣ они вели себя сдержаннѣе, чѣмъ ватага Наливайка; только то сбродное сословіе людей, которое всегда въ подобныхъ случаяхъ окружало козаковъ и пользовалось случаемъ поживиться на счетъ нелюбимыхъ ими пановъ или же своихъ собственныхъ собратьевъ, вело себя если не хуже, то ни въ коемъ случаѣ не лучше ватаги Наливайка. Такъ, современные акты даютъ примѣры насилій со стороны пановъ Ганскаго и Слуцкаго и мѣщанина Гуменницкаго, назвавшихся сподвижниками Лободы и причинившихъ много зла подданнымъ пана Семашка, старосты луцкаго, жителямъ Коро-

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 65.

ститина и Хупкова: какъ и ватажане Наливайка, они дѣлали внезапныя наѣзды на обывателей, забирали у нихъ деньги, лошадей, воловъ, коровъ, наносили побои людямъ, насиловали женщинъ («чинили гвалты бѣлымъ головамъ») и дѣлали многія другія безчинства ¹⁾.

Козацкіе предводители, Лобода и Наливайко, дѣйствовали пока независимо одинъ отъ другого и, по объясненію Райнольда Гейденштейна, это происходило вслѣдствіе личнаго нерасположенія Наливайка, человѣка властнаго и честолюбиваго, къ Лободѣ. Отдѣльно отъ Лободы дѣйствовалъ и Матвѣй Саула (иначе Шауля), направившійся съ частью запорожскихъ козаковъ въ Литву и Бѣлоруссію для добыванія тамъ «хлѣба-соли», но онъ предпринялъ походъ съ вѣдома Лободы и имѣлъ цѣлью собрать большія «стациі» для всего запорожскаго войска ²⁾.

Видя, до какой смѣлости дошли козаки и ихъ предводители, польскій король Сигизмундъ нашелъ нужнымъ взять, наконецъ, рѣшительныя противъ нихъ мѣры: онъ отправилъ приказаніе своимъ гетманамъ «рушить противъ нихъ войско и поступать съ ними, какъ съ государственными непріятелями». Въмѣстѣ съ этимъ приказаніемъ король послалъ, въ концѣ января, 1596 года, свой универсалъ волынской шляхтѣ съ извѣщеніемъ объ отправленіи противъ козаковъ короннаго войска и съ приглашеніемъ соединиться съ этимъ войскомъ противъ общихъ враговъ ³⁾.

На ту пору короннымъ гетманомъ былъ Янъ Замоискій, а польнымъ гетманомъ—Станиславъ Жолкевскій, оба люди рѣшительные, оба съ большими военными дарованіями, но оба занятые въ то время окончаніемъ дѣла въ Молдавіи, низверженіемъ съ престола незаконнаго правителя ея Розвана и возведеніемъ на господарскій престолъ Ереміи Могилы. Выѣзжая въ Молдавію, Замоискій пока старался о томъ, чтобы козаки не беспокоили въ его тылу турокъ и потому отдалъ имъ такого рода лаконическое приказаніе: «Приказываю вамъ, козаки, не смѣйте беспокоить Турціи! Я вамъ запрещаю!» ⁴⁾. Уладивъ же дѣла въ Молдавіи и поставивъ господаря ея въ вассальную зависимость отъ Польши, Замоискій вернулся въ Польшу и тутъ отправилъ съ

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 101—105.

²⁾ Heidenstein, Dzieje polski, Petersbourg, 1857, II, 363.

³⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 84—86.

⁴⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 115.

частью короннаго войска противъ козаковъ Станислава Жолкевскаго.

Приказаніе короля и короннаго гетмана Станиславъ Жолкевскій получилъ февраля 28 дня и, понимая всю важность козакаго возстанія для республики Рѣчи-Посполитой и ея шляхетскаго сословія, немедленно двинулся къ Кременцу. Однако, при всей своей энергіи и рѣшительности, Жолкевскій долженъ былъ дѣйствовать противъ врага не столько открытою силою, сколько хитростью и неожиданностью. Дѣло происходило отъ того, что послѣ похода въ Молдавію польскія войска были сильно изнурены и нуждались въ деньгахъ, которыхъ имъ, по обыкновенію, правительство всегда не доплачивало или же затягивало расплату на неопредѣленное время. Чтобы подкрѣпить свое войско и вселить ему бодрость Жолкевскій обращался съ посланіями къ коронному гетману, а также къ кievскому и волынскому воеводамъ, прося у нихъ вспомошествованія деньгами и войсками ¹⁾.

Но на усиленныя просьбы Жолкевскаго гетманъ и воеводы отвѣчали слишкомъ медленно.

А между тѣмъ Наливайко, услышавъ о собиравшейся противъ козаковъ грозы, нашелъ за лучшее передвинуться изъ Волыни въ Брацлавщину и расположиться въ мѣстечкѣ Лабунѣ ²⁾, гдѣ онъ считалъ свое положеніе болѣе надежнымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что здѣсь находилъ и большое къ себѣ со стороны простаго населенія сочувствіе и потому, что отсюда, какъ изъ пограничной области, онъ могъ, въ случаѣ надобности, свободнѣе перескочить въ другое мѣсто. Расположившись въ Лабунѣ, Наливайко безопасно сталъ дожидаться къ себѣ свою ватагу, разѣхавшуюся по дальнимъ окрестностямъ для собиранія добычи и продовольствія.

Развѣдавъ обо всемъ этомъ и сообразивъ, какъ трудно будетъ выкурить Наливайка изъ Брацлавщины, Станиславъ Жолкевскій рѣшилъ, не дожидаясь подкрѣпленія, напасть врасплохъ на Наливайка, захватить его въ руки и тѣмъ затушить возстаніе козаковъ въ самомъ гнѣздѣ. И свой планъ Жолкевскій могъ привести въ исполненіе, если бы въ самомъ войскѣ гетмана не объявился перебѣжчикъ къ козакамъ, панъ Плоскій съ цѣлою

¹⁾ Heidenstein, II, 363—364; Listy Żolkiewskiego, 67, 68.

²⁾ Теперешней волынской губерніи, заславскаго уѣзда.

ротой поляковъ. Не получивъ давно ожидаемаго королевскаго жалованья, Плоскій внезапно покинулъ Жолкевскаго, перешелъ къ Наливайку и предупредилъ его объ опасности ¹⁾). Тогда Наливайко оставилъ Лабунъ и направился въ имѣніе князя Острожскаго Острополь. Во время этого передвиженія въ имѣніи князя Радзивилла, Марцирицахъ, между Лабунемъ и Острополемъ, на двѣ сотни войска Наливайка, предводимыя Дурнымъ и Татаринцемъ, напалъ передовой отрядъ Жолкевскаго и вступилъ съ ними въ ожесточенный бой. Козаки только что выпили у марцирицкаго арендатора цѣлую бочку горилки и потому не совсѣмъ были годны для сраженія, но тѣмъ не менѣе, засѣвъ во дворахъ и катахъ села Марцириць, они оказали такое упорное сопротивленіе польскимъ жолнѣрамъ, что тѣ, не могши одолѣть ихъ оружіемъ, рѣшили за лучшее поджечь огнемъ козаковъ въ ихъ убѣжищахъ и тѣмъ истребить всѣхъ до единаго. Козаки не струсили передъ опасностью и, поражая поляковъ изъ пламени, всѣ, числомъ до 500 человекъ, вмѣстѣ съ двумя своими сотниками погибли въ огнѣ, оставивъ полякамъ въ добычу лишь одни знамена, но ни одного плѣнника изъ своихъ товарищей ²⁾).

Самъ предводитель козацкій, Наливайко, не дойдя до Острополя, остановился въ селѣ Чорнавѣ, имѣя при себѣ вначалѣ, какъ сообщали о томъ князю Острожскому, всего лишь нѣсколько десятковъ козаковъ. Но потомъ онъ успѣлъ стянуть къ себѣ изъ сосѣднихъ селеній всѣ свои отряды и сталъ съ ними въ Чорнавѣ чатами ³⁾). Жолнѣры, въ числѣ трехъ хоругвей, снова незамѣтно подкрались къ козакамъ, но, убивъ у нихъ 30 человекъ въ Чорнавѣ, ничего больше не могли имъ сдѣлать, а только заставили ихъ двинуться къ Острополю. У Наливайка было теперь нѣсколько болѣе тысячи человекъ козаковъ, съ которыми онъ всю ночь уходилъ отъ жолнѣровъ, направляясь черезъ Острополь въ Пиковъ и не останавливаясь нигдѣ ни днемъ, ни ночью. Поляки по пятамъ преслѣдовали козаковъ, но, дойдя до селенія Райкова, у самого Острополя, Жолкевскій принужденъ былъ дать отдыхъ своему истомленному быстрыми переходами войску и переночевать тамъ.

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 67, 68.

²⁾ Bielski, 262; Heidenstein, II, 364, Кулишъ, II, 437.

³⁾ «Чата» или «чатъ» съ тюркскаго на русскій собственно значить перекрестокъ, въ переносномъ смыслѣ развѣдды на перекресткахъ дорогъ.

Захвативъ здѣсь живыми 6 человекъ козаковъ, Жолкевскій пустился по направленію къ Пикову и пришелъ сюда только двумя часами позже, чѣмъ вышелъ изъ Пикова Наливайко. Наливайко взялъ направленіе къ Брацлаву и шелъ, по словамъ самихъ польскихъ писателей, въ большомъ порядкѣ («*sprawa wielka*»), имѣя при себѣ 20 гарматъ, много гакивницъ, еще больше того пороху, ядеръ и пуль и приковавъ къ пушкамъ пушкарей для того, чтобы всегда имѣть ихъ при войскѣ. Въ Пиковѣ Жолкевскій узналъ, что Наливайко прежде, чѣмъ рѣшиться двинуться въ Брацлавъ, отправилъ туда посланца съ просьбой о подкрѣпленіи, и потому польскій вождь рѣшилъ не допустить козаковъ до Брацлава. Оставивъ лишній багажъ, Жолкевскій ускорилъ свою погоню за козаками и настигъ ихъ надъ рѣчкой Ольшанкой. Тутъ произошла незначительная перестрѣлка между жолнѣрами и козаками, но густой лѣсъ и наступившая ночь не дали имъ вступить въ рѣшительное столкновеніе другъ съ другомъ ¹⁾. Отсюда Наливайко, не дождавшись отвѣта изъ Брацлава, оттого впавши въ сомнѣніе относительно вѣрности къ нему жителей этого города нашелъ за лучшее взять направленіе въ дикія поля къ рѣчкѣ Синимъ-Водамъ, впадающей въ рѣку Бугъ. Но Жолкевскій не переставалъ гнаться за Наливайкомъ и преслѣдовалъ его до тѣхъ поръ, пока у польскаго вождя не стало коней. Однако, дойдя до Синихъ-Водъ, Жолкевскій остановился въ «уманскомъ лѣсу» и, боясь безводныхъ, дикихъ и голодныхъ степей, рѣшилъ прекратить свою погоню за козаками. Райнольдъ Гейденштейнъ, рассказывая объ этомъ событіи, говоритъ, что причиною остановки Жолкевскаго былъ недостатокъ у него запасовъ и фургоновъ, а также искалѣченіе, отъ быстрыхъ переходовъ, полковыхъ лошадей и неимѣніе въ дикой степи никакихъ селеній, въ которыхъ можно было бы найти все необходимое для войска ²⁾.

Остановившись у Синихъ-Водъ и видя свою слабость въ сравненіи съ короннымъ и панскимъ войскомъ, Наливайко пришелъ къ мысли примириться съ Жолкевскимъ, испросить прощенія у короля и распустить свое войско. Съ этою цѣлью онъ избралъ

¹⁾ У Бѣльскаго и Гейденштейна, рассказывающихъ объ этомъ событіи, мы находимъ противорѣчивыя показанія: одинъ (262) говоритъ, что между козаками и поляками дошло дѣло до сраженія, другой говоритъ (365), что сраженія, вслѣдствіе наступившей ночи, не было.

²⁾ Heidenstein, *Dzieje polski*, Petersburg, 1857, II, 365.

себѣ посредникомъ брацлавскаго старосту Александра Струся и черезъ него вошелъ въ переговоры съ Жолкевскимъ. На предложеніе Наливайка Жолкевскій отвѣчалъ полнымъ согласіемъ, но съ условіемъ, чтобы онъ распустилъ козаковъ, выдалъ арматы и прислалъ полученную отъ эрцгерцога Максимильяна войсковую хоругвь. Въ этихъ условіяхъ Наливайко усмотрѣлъ неискренность со стороны Жолкевскаго и рѣшилъ продолжать разъ начатое дѣло возстанія козаковъ противъ поляковъ.

Однако, не надѣясь на собственныя силы, къ тому же слыша отовсюду упреки за гибель многихъ людей и потерю пропитанія и коней, опасаясь даже за собственную жизнь, Наливайко рѣшилъ обратиться къ «старшѣму» запорожскихъ козаковъ, Григорію Лободѣ. «Правдоподобнѣе, что такой съ такимъ легче сойдется, чѣмъ отдастся на ласку его королевской милости», выразился по этому поводу Жолкевскій въ своемъ письмѣ къ Замойскому ¹⁾.

Между тѣмъ Лобода, во все время погони Жолкевскаго за Наливайкомъ, сперва стоялъ въ сѣверныхъ окраинахъ кievскаго воеводства, затѣмъ спустился на югъ въ Бѣлую-Церковь, а изъ Бѣлой-Церкви, вслѣдствіе какихъ-то семейныхъ непріятностей, снявшись съ семьями самыхъ надежныхъ козаковъ, бросился къ Бару съ намѣреніемъ наказать за что-то пани Оборскую, названную мать молодой своей жены. Во время этого похода онъ едва не наткнулся у Погребищъ на Станислава Жолкевскаго, но, однако, успѣлъ избѣжать этого и благополучно вернулся въ Бѣлую-Церковь. Въ это время Жолкевскій прислалъ къ нему письмо и въ письмѣ совѣтовалъ оставить свои мятежные замыслы, уйти на Запорожье и не входить ни въ какія сношенія съ Наливайкомъ. О Наливайкѣ онъ отзывался, какъ о человѣкѣ безпорядочномъ, а его дружину именовалъ сбродомъ всякихъ проходимцевъ. Съ письмомъ къ Лободѣ отправленъ былъ какой-то невзрачный козакъ, и запорожская чернь, ожидавшая видѣть въ лицѣ посланца какого-нибудь важнаго шляхтича, заподозрѣла въ присланномъ козакѣ шпиона и чуть-было не убила его. Самъ Лобода, однако, не выказалъ себя такимъ противникомъ примиренія съ поляками и, отпуская отъ себя гетманскаго посланца, подарилъ ему червонный золотый, хотя письмо Жолкевскаго оставилъ безъ всякаго отвѣта ²⁾.

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 71.

²⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 72.

Очевидно, общность интересовъ и обоюдная опасность со стороны польскихъ войскъ заставила Лободу забыть неприязнь къ Наливайку и дѣйствовать заодно съ нимъ противъ поляковъ, а увѣренность въ своемъ превосходствѣ какъ по численности, такъ и по военному опыту передъ польскими хоругвями давали смѣлость вождю козацкому, какъ и самимъ козакамъ, грозить польской столицѣ Кракову и главѣ польской республики, королю.

Добившись отъ Лободы положительнаго отвѣта, Наливайко оставилъ свое убѣжище у Синихъ-Водъ и поднялся къ городу Корсуню. чтобы быть поближе къ Лободѣ. Но, сблизившись другъ съ другомъ, козацкіе предводители оказались безъ артиллеріи, потому что Наливайко потопилъ свою артиллерию въ водѣ, когда уходилъ отъ Жолкевскаго, а Лобода отдалъ свою Матвѣю Саулѣ, когда послѣдній отдѣлился отъ него для похода въ Бѣлоруссію. Вслѣдствіе этого Лобода сталъ ждать съ нетерпѣніемъ Саулу и собирать свѣдѣнія о маршрутѣ его похода. Наконецъ, стало извѣстно, что Саула, оставивъ могилевскій край и заготовивъ въ Пропойскѣ и Быховѣ челны и съѣстные припасы для козаковъ, взялъ направленіе къ Кіеву. Тогда и Лобода двинулся въ Кіевъ ¹⁾. Въ половинѣ марта оба козацкіе вождя сошлись въ Кіевѣ, и тутъ козаки выбрали общимъ начальникомъ или, какъ они называли гетманомъ, Матвѣя Саулу ²⁾. Наливайко пока оставался въ Корсунѣ и занялъ былъ тамъ собираніемъ къ себѣ новыхъ охотниковъ до войны.

Во все это время Жолкевскій стоялъ сперва въ Винницѣ, а потомъ въ Пиковѣ, поджидая тамъ новыхъ хоругвей къ себѣ и занимаясь излѣченіемъ покалѣченныхъ лошадей. Онъ такъ же, какъ и козацкіе предводители, сильно нуждался въ артиллеріи, но въ послѣднемъ, впрочемъ, нашелъ нѣкоторую поддержку отъ князя Кирика Ружинскаго, обѣщавшаго доставить польному гетману полтора десятка орудій съ боевыми снарядами ³⁾. Не имѣя возможности двинуться противъ козаковъ всею массою своего войска, Жолкевскій отправилъ отъ себя отрядъ конницы въ 500 человекъ подъ начальствомъ князя Кирика Ружинскаго, того самаго, который,

¹⁾ Въ дневникѣ Евлашевскаго о Лободѣ сказано, что онъ, «отвративши се (себя) отъ Шацка, шелъ кіевщиною къ Наливайку». Кіевская старина, 1886, январь, 154.

²⁾ Heidenstein, Dzieje polski, II, 365; Listy Żolkiewskiego, 72.

³⁾ Lysti Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 72.

шесть лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ Ружинскимъ, былъ на низовьяхъ Днѣпра и заодно съ козаками дѣйствовалъ противъ крымцевъ. Жолкевскій приказалъ Ружинскому идти въ Паволочъ и дожидаться тамъ главныхъ польскихъ силъ, а подъ рукой провѣдывать о движеніяхъ козаковъ, но держаться возможно осторожнѣе въ отношеніи ихъ, какъ людей, привыкшихъ дѣйствовать хитростью противъ всѣхъ враговъ.

Въ свою очередь и Саула взялъ свои мѣры противъ Ружинскаго: оставаясь самъ въ Кіевѣ, онъ отрядилъ 3.000 человекъ подъ начальствомъ полковника Саська съ цѣлью разорить имѣніи князя возлѣ Бѣлой-Церкви и, если окажется возможнымъ, поймать самого князя возлѣ Паволочи. Выйдя изъ Кіева, полковникъ Сасько добрался до Хвастова и отсюда отправилъ отъ себя развѣдочный отрядъ противъ Ружинскаго. На этотъ отрядъ внезапно напалъ Ружинскій и, захвативъ нѣсколько человекъ изъ него въ плѣнъ возлѣ рѣчки Каменки ¹⁾, около 50 плѣнныхъ казнилъ смертью. Узнавъ о поступкѣ Ружинскаго съ плѣнными козаками, Жолкевскій нашелъ приличнымъ выразить ему по этому поводу свое неудовольствіе, хотя въ то же время находилъ и извиненіе въ такомъ поступкѣ князя: «Я, не считая убитыхъ въ сраженіи, уберечь свои руки отъ ихъ крови; я предпочелъ бы лѣчить зараженные члены, чѣмъ отсѣкать; впрочемъ, не диво и князю Ружинскому: всю эту землю, а его въ особенности, козаки проняли до живого» ²⁾.

Разбивъ передовой отрядъ полковника Саська у Каменки, Ружинскій не захотѣлъ возвращаться въ Паволочъ, а направился въ Бѣлую-Церковь, считая ее удобною въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ «недурную» и даже «неприступную» крѣпость; во-вторыхъ, какъ мѣсто, откуда можно было хорошо оборонять близъ лежащія собственныя имѣнія. Такимъ образомъ марта 28 дня очъ успѣлъ прибыть и расположиться въ городѣ со своимъ отрядомъ. Но въ ту же Бѣлую-Церковь двинулись и всѣ козаки. На этотъ разъ вмѣстѣ съ Лободой и Саулой успѣлъ соединиться, покинувъ городъ Корсунъ, и Северинъ Наливайко.

Желая протянуть время и обмануть враговъ, Матвѣй Саула, марта 27 дня, 1597 года, отправилъ черезъ ксендза къ Жолкевскому и Ружинскому письма и въ письмѣ къ первому выражалъ

¹⁾ Въ нынѣшней кіевской губерніи, васильковского уѣзда.

²⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 74, 75.

свое удивленіе по поводу гнѣва «его милости» на неповинныхъ передъ нимъ людей; а второму напоминалъ его прежнюю совмѣстную съ низовыми козаками службу и просилъ быть посредникомъ въ примиреніи козаковъ съ гетманомъ Жолкевскимъ, за что общалъ вѣрно и постоянно служить польской коронѣ за порогамъ Днѣпра и промышлять надъ исконными врагами святаго креста. Однако, ксендзъ, привезшій письмо Саулы Ружинскому, раскрылъ истинныя намѣренія козаковъ, и потому козаки ничего не выиграли отъ своего замысла.

Быстро подвигаясь отъ Кіева и имѣя подъ своимъ знаменемъ до 8.000 человекъ, козацкіе вожди прибыли къ Бѣлой-Церкви апрѣля 2 дня и, по обыкновенію, расположились вокругъ замка таборомъ. Бѣлая-Церковь, какъ оказалось, дѣйствительно представляла изъ себя «недурную крѣпость, а при хорошемъ гарнизонѣ и неприступную»¹⁾: замокъ стоялъ на горѣ и сильно укрѣпленъ былъ стѣнами и окопами; крѣпость сдѣлана была собственно не противъ козаковъ, а противъ татаръ, которые, по выраженію польскаго писателя Сарницкаго, точно собаки, постоянно заглядывали въ Бѣлую-Церковь, что объяснялось топографическимъ положеніемъ этого города, стоявшаго на Черномъ шляху, по которому татары обыкновенно врывались на Украину за добычею и ясыремъ.

Сойдясь у Бѣлой-Церкви, обѣ стороны не рѣшались на открытый бой и старались извести другъ друга хитростью. Первый началъ Ружинскій: имѣя при себѣ нѣсколько ротъ пана Станиславскаго да нѣсколько человекъ венгерской наемной конницы подъ начальствомъ венгерца Лепшеня, Ружинскій въ одну изъ очень темныхъ ночей сдѣлалъ вылазку изъ города и направился прямо въ козацкій таборъ, оставивъ въ крѣпости лишь однихъ слугъ своихъ да 20 человекъ наемныхъ венгровъ. Въ то же самое время задумали сдѣлать вылазку противъ поляковъ и козаки: оставивъ въ таборѣ Савулу съ нѣсколькимъ количествомъ людей для охраны табора, Наливайко, пользуясь темнотою ночи, обогнулъ вокругъ городъ, пробрался чрезъ заднія ворота во внутрь его, изрубилъ оставшихся тамъ людей и, не встрѣтивъ ни отъ кого, кромѣ венгровъ, сопротивленія, сталъ хватать тамъ всякаго рода добычу, но въ это время услышалъ выстрѣлы въ собствен-

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 69—80.

номъ таборѣ и поторопился покинуть замокъ. А поляки, войдя въ таборъ, начали рубить и гоняться за оставшимися въ немъ козаками. Не ожидая ни откуда нападенія, козаки, оставшіеся въ лагерѣ, сперва перепугались и стали уходить отъ поляковъ, но потомъ опомнились, ударили на нихъ и погнали черезъ весь козацкій лагерь. Какъ разъ въ этотъ самый моментъ возвращался изъ замка Наливайко. Положеніе поляковъ оказалось самымъ безвыходнымъ: въ тылу у нихъ былъ Савула съ оставшимися въ таборѣ козаками, а сзади Наливайко съ возвращавшимися изъ замка. По словамъ польскихъ писателей,—а они въ этомъ отношеніи рѣдко бываютъ безпристрастны,—изъ 500 человекъ польской конницы пало на мѣстѣ 100 человекъ и очень много было ранено, послѣ чего «наши,—говоритъ Іоахимъ Бѣльскій,—видя, что дѣло плохо, убѣжали въ замокъ».

Между тѣмъ, Жолкевскій, стоявшій въ Пиковѣ, уже давно спѣшилъ къ Бѣлой-Церкви. Зная задорливый и безпокойный нравъ Кирика Ружинскаго, онъ боялся, какъ бы князь, вмѣсто простаго наблюденія за движеніями козаковъ, не ввязался въ сраженіе съ ними; поэтому, не дождавшись выздоровленія своихъ лошадей и прихода свѣжаго войска, Жолкевскій поспѣшно оставилъ Пиковъ и направился къ Бѣлой-Церкви. Не дойдя за 4 мили до города, Жолкевскій остановился въ Тришкахъ на ночевку, но, услышавъ здѣсь пушечный гулъ, бросилъ стоянку и поторопился двинуться дальше. Въ это время отъ пойманныхъ козаковъ и отъ высланнаго отъ князя Ружинскаго посланца съ просьбою о помощи Жолкевскій узналъ о всемъ происшедшемъ между козаками и поляками и еще больше того поспѣшилъ своимъ походомъ къ Бѣлой-Церкви. Но его движеніе, вслѣдствіе открытой мѣстности вокругъ Бѣлой-Церкви, не могло остаться тайнымъ для козаковъ, и козацкіе вожди поспѣшно отступили по направленію къ Триполю. Пройдя всего лишь одну милю, они остановились и, по своему обыкновенію, укрѣпились таборомъ: поставивъ въ пять рядовъ скованныя желѣзными цѣпами за колеса повозки, они заключили во внутрь табора войско и размѣстили 24 пушки; всѣ козаки были пѣшіе и только предводители были на лошадяхъ.

Жолкевскій, войдя въ Бѣлую-Церковь, сперва впалъ въ раздумье относительно дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій: въ одно и то же время онъ и хотѣлъ немедленно ударить на козаковъ и нѣсколько поободжать свѣжаго подкрѣпленія, которое послано было къ нему,

по распоряженію короля, изъ Молдавіи подъ начальствомъ Потоцкаго. Но настроеніе жолнѣровъ, давно равшихся въ бой съ козаками, а также выпавшій, не смотря на весеннее время, глубокій снѣгъ и случившійся легкій морозъ, сковавшій не вездѣ проходимые въ этой мѣстности пути сообщенія, заставили Жолкевскаго вступить въ битву съ козаками. Оставивъ городъ рано утромъ, Жолкевскій бросился по слѣдамъ козаковъ и преслѣдовалъ ихъ издали до самаго вечера; узнавъ же отъ перебѣжчиковъ о смутахъ, происшедшихъ между козаками, онъ рѣшился сдѣлать вальное нападеніе на нихъ. Козаки стояли у озера Черный-Камень, гдѣ и приняли битву отъ Жолкевскаго. Главной заботой Жолкевскаго было разставить своихъ жолнѣровъ такъ, чтобы они меньше всего подверглись выстрѣламъ изъ козацкихъ пушекъ и потому могли бы сдѣлать стремительное нападеніе на козацкій таборъ. Подробности этой битвы и самый исходъ ея извѣстны лишь по однимъ польскимъ источникамъ и представляются вполнѣ благопріятными для поляковъ, но результаты битвы заставляютъ думать если не обратное польскимъ показаніямъ, то нѣчто нерѣшительное для обѣихъ сторонъ. Такъ, польскіе жолнѣры, не смотря на весь пылъ, съ которымъ они бросились на козаковъ, не могли разорвать козацкаго табора; а козаки, залегши между возами и мужественно отстрѣливаясь отъ наступавшаго врага, понесли уронъ въ своихъ предводителяхъ: полковникъ Сасько былъ убитъ, Наливайко раненъ, а Саулъ оторвало ядромъ руку. Въ общемъ, по словамъ тѣхъ же польскихъ писателей, козаковъ было убито 2.000 человекъ, а поляковъ только будто 32 или 34 и между ними ротмистръ Янъ Вирникъ. Но тѣ же польскіе писатели не скрываютъ и того, что послѣ сраженія козаки спокойно оставили свой таборъ, пошли дальше къ Днѣпру и безпрепятственно стали переправляться за рѣку, а поляки, переночевавъ на мѣстѣ сраженія, вернулись назадъ къ Бѣлой-Церкви ¹⁾. Изъ всего этого слѣдуетъ лишь то, что козаки далеко не были такъ несчастны въ сраженіи подъ Бѣлой-Церковью, а поляки далеко не были такъ счастливы, какъ сами передаютъ о томъ.

Выбравъ вмѣсто Саулы вождемъ своимъ Лободу ²⁾ и покинувъ

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 89; Heidenstein, II, 370.

²⁾ Жолкевскій называетъ преемникомъ Саулы Наливайка, но г. Николайчикъ основательно доказалъ, что преемникомъ Саулы могъ быть только

свою стоянку у Остраго-Камня, козаки двинулись къ Треполю, переправились съ праваго на лѣвый берегъ рѣки Днѣпра, дошли до города Переяслава и остановились возлѣ него.

Жолкевскій послѣ сраженія у Остраго-Камня отступилъ назадъ, дошелъ до Бѣлой-Церкви и здѣсь на нѣкоторое время задержался. Причиной того было, во-первыхъ то обстоятельство, что онъ хотѣлъ дать отдыхъ своему войску, уставшему отъ длиннаго перехода и жаркой битвы съ козаками; а во-вторыхъ, то, что онъ хотѣлъ дожидаться давно желаннаго подкрѣпленія въ видѣ короннаго войска.

Находясь въ Бѣлой-Церкви, Жолкевскій отправилъ посланцевъ въ запорожскую Сичу съ цѣлью отвлеченія низовыхъ козаковъ отъ совмѣстныхъ дѣйствій ихъ съ товарищами подъ начальствомъ Лободы. На ту пору атаманомъ козаковъ былъ шляхтичъ православной вѣры Каспаръ Подвысоцкій, а всѣхъ товарищей въ Сичу оставалось до 500 человекъ. Посланцы Жолкевскаго должны были всѣми мѣрами стараться о томъ, чтобы не допустить запорожцевъ соединиться съ Лободой и дѣйствовать заодно съ нимъ противъ польскаго правительства. Въ то же время, находясь въ Бѣлой-Церкви, Жолкевскій узналъ о задержкѣ одного козацкаго полка подъ начальствомъ Кремскаго при переправѣ съ праваго берега Днѣпра на лѣвый возлѣ города Канева и немедленно отправилъ отрядъ жолитровъ подъ главнымъ начальствомъ Ходкевича противъ козаковъ. Ходкевичъ вышелъ въ страстную субботу великаго поста въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и, напавъ на козаковъ, ни откуда не ожидавшихъ бѣды въ такой день, многихъ изъ нихъ изрубилъ, многихъ во время переправы черезъ рѣку потопилъ. Сдѣлавъ свое дѣло и забравъ всю заготовленную, но покинутую козаками соль въ городѣ Каневѣ и мѣстечкѣ Терехтемировѣ, Ходкевичъ дальше не преслѣдовалъ козаковъ и вернулся къ Жолкевскому. А козаки, переправившись съ праваго берега на лѣвый, чтобы сдѣлать затрудненіе Жолкевскому, нашли нужнымъ собрать въ одно всѣ лодки и сжечь ихъ огнемъ.

Послѣ этого Жолкевскій, дождавшись въ Бѣлой-Церкви подкрѣпленія, снялся со своей стоянки и двинулся къ Днѣпру. Онъ задался рѣшительною цѣлью добыть главныхъ начальниковъ ко-

Лобода, Кіевская Старина: 1884, VIII, 554, см. также Кулиша. Исторія воссоединенія Руси, II, 128.

зацкихъ и разсѣять все скопище козаковъ. Дойдя до Днѣпра и увидя себя отрѣзаннымъ отъ лѣваго берега, Жолкевскій прежде всего распорядился о томъ, чтобы къ Днѣпру доставили съ Припяти и Тетерева всѣ имѣвшіяся тамъ лодки и байдаки, а потомъ послалъ приказаніе обывателямъ города Кіева заготовить новыя лодки и выгнать въ извѣстное мѣсто старыя для переправы польскаго войска на лѣвый берегъ Днѣпра. Последнее распоряженіе Жолкевскаго скоро стало извѣстно козакамъ, и они поторопились въ Кіевъ, чтобы помѣшать исполненію гетманскаго приказанія: удержать кіевлянъ отъ постройки новыхъ судовъ и предать огню старыя суда, а въ случаѣ сопротивленія со стороны жителей, даже сжечь и самый городъ Кіевъ. О намѣреніи козаковъ въ свою очередь узналъ Жолкевскій и, чтобы разрушить планы ихъ, поспѣшилъ въ Кіевъ. Не доходя Кіева, въ Васильковѣ, къ Жолкевскому присоединился Потоцкій, стоявшій дотолѣ въ Молдавіи съ войскомъ, но посланный королемъ на подмогу польному гетману. Желая, во что бы ни стало, раньше поляковъ придти въ Кіевъ, козаки вошли въ переговоры съ Жолкевскимъ и тѣмъ хотѣли нѣсколько задержать его движеніе. Но Жолкевскій, всегда отличавшійся особенною дальновидностью и подозрѣніемъ, не поддался и на этотъ разъ козакамъ: не останавливаясь въ своемъ движеніи, онъ опередилъ козаковъ на два часа времени и немедленно подошелъ къ Кіеву. Не входя въ самый городъ, гетманъ сталъ въ полумилѣ отъ Кіева, подъ Печерскомъ и, окруживъ городъ пикетами, тотъ же часъ принялся за сооруженіе лодокъ, вездѣ лично наблюдая за работами. Противъ польскихъ жолнѣровъ, черезъ Днѣпръ, расположились козаки со своимъ предводителемъ Григоріемъ Лободой. Но они, не имѣя лодокъ, не могли оказать никакого противодѣйствія Жолкевскому, а ждали лишь съ Низу запорожскихъ козаковъ, которыя, плывя въ човнахъ, могли помѣшать работамъ кіевлянъ и жолнѣровъ польскаго гетмана.

Запорожцы уже давно оповѣщены были о всемъ происходившемъ между жолнѣрами и козаками. Еще въ концѣ великаго поста къ нимъ отправлены были посланцы Жолкевскаго съ увѣщаніемъ не приставать къ козакамъ Лободы; но низовые молодцы въ отвѣтъ на это заковали въ кайданы гетманскихъ посланцевъ, а сами, сѣвъ на сто лодокъ, поднялись отъ Сичи вверхъ по Днѣпру, имѣя своею цѣлью городъ Кіевъ. Рѣка къ тому времени уже была свободна отъ льда, и запорожцы безпрепятственно

поднимались против ея теченія подъ начальствомъ атамана Каспара Подвысоцкаго. Но польскій гетманъ, заранѣе узнавши о движеніи запорожской флотиліи, разставилъ по нагорному берегу Днѣпра пушки и направилъ ихъ отверстіями на рѣку. Не предвидя никакой опасности, запорожцы весело плыли на своихъ чайкахъ при звукахъ сурьмы и боѣ котловъ. Погода, все время благопріятствовавшая имъ, подъ конецъ вдругъ перемѣнилась: подулъ «верховой» вѣтеръ и произвелъ нѣкоторое замѣшательство между козацками чайками. Жолкевскій воспользовался этимъ моментомъ и внезапно отдалъ приказаніе стрѣлять изъ пушекъ по запорожскимъ лодкамъ. Тогда запорожцы, не будучи въ состояніи управлять своей флотиліей при встрѣчномъ вѣтрѣ, лишившись нѣсколькихъ лодокъ и гребцовъ, потеряли надежду соединиться съ козацкимъ лагеремъ и повернули назадъ, при чемъ едва не потеряли своего атамана, въ лодкѣ котораго поляки успѣли сдѣлать нѣсколько пробоинъ.

Все это дѣлалось въ теченіе недѣли Свѣтлаго Воскресенія. Въ субботу этой же недѣли польскіе жолнѣры увидѣли на Днѣпрѣ колоду съ воткнутымъ въ нее листомъ и пригнали ее къ своему берегу. Листъ былъ доставленъ Жолкевскому и оказался письмомъ Лободы, который просилъ польскаго гетмана о помилованіи. Жолкевскій былъ не прочь вступить въ переговоры съ козаками, и на слѣдующій день, въ Фомино воскресенье, въ польскій лагерь явился козацкій сотникъ Козловскій и сталъ просить о помилованіи. Отъ имени козаковъ онъ просилъ прислать въ таборъ уполномоченныхъ для заключенія перемирія, но для этого попросилъ сперва глейтовый (охранный) листъ, а потомъ, когда такой листъ былъ выданъ, потребовалъ отъ гетмана заложниковъ. Но Жолкевскій нашелъ послѣднее требованіе несогласнымъ съ королевскимъ достоинствомъ и извѣстилъ козаковъ, что съ нихъ довольно и глейтоваго листа для безопасности ихъ уполномоченныхъ. Козаки съ этимъ не согласились, однако освѣдомились, на какихъ условіяхъ могъ бы польскій гетманъ даровать имъ миръ. На этотъ запросъ Жолкевскій, посовѣтовавшись съ каменецкимъ старостою Потоцкимъ и нѣкоторыми ротмистрами, черезъ своего посланца отвѣтилъ козакамъ, что миръ можетъ состояться лишь тогда, когда козаки выдадутъ ему Наливайка съ главными виновниками бунта и отдадутъ всю свою артиллерию и всѣ знамена, подаренныя козакамъ иностранными государями. Съ отвѣтомъ

на эти требованія козаки прислали Жолкевскому на слѣдующій день двухъ своихъ асауловъ и чрезъ нихъ просили гетмана положить гнѣвъ на милость, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявляли, что ни людей, ни знаменъ они выдать не согласны.

Видя, что переговоры съ козаками не могутъ привести ни къ чему опредѣленному и рѣшительному, Жолкевскій снова сталъ готовиться на бой съ ними, но прежде всего ему нужно было обезпечить переправу съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра. Для этого, не отпуская еще отъ себя козацкихъ асауловъ, Жолкевскій придумалъ двѣ хитрости. Прежде всего онъ распустилъ слухъ, будто бы отправилъ къ Острополю часть своего войска подъ начальствомъ каменецкаго старосты Потоцкаго для переправы черезъ Днѣпръ и для похода его въ Переяславъ съ цѣлью захватить тамъ женъ, дѣтей и имущества козаковъ. А для того, чтобы увѣрить козаковъ въ дѣйствительности распущеннаго слуха, Жолкевскій приказалъ Потоцкому отойти на нѣсколько миль отъ Кіева и отъ себя послать 24 воза съ 10 лодками для мнимой переправы черезъ Днѣпръ. Не довольствуясь этимъ, Жолкевскій выбралъ изъ своего стана двухъ какихъ-то пахолковъ, внушилъ имъ мысль назваться польскими перебѣжчиками и сообщить козакамъ ложную вѣсть о томъ, будто къ гетману изъ Литвы идетъ на помощь большое войско, а староста Потоцкій переправляется черезъ Днѣпръ подъ Гострымъ, чтобы обойти козаковъ въ тылъ и потомъ двинуться къ Переяславу и напасть тамъ на козацкія семьи и имущества. Для того, чтобы окончательно убѣдить козаковъ въ мнимыхъ извѣстіяхъ, принесенныхъ имъ пахолками, Жолкевскій отправилъ къ козакамъ посланца и черезъ него потребовалъ выдачи перебѣжчиковъ, чтобы казнить ихъ въ своемъ станѣ, въ противномъ случаѣ обѣщалъ задержать у себя присланныхъ козаками асауловъ. Тогда козаки, не желая нарушать своего исконнаго права выдавать изъ своей среды всякаго приходившаго къ нимъ и въ то же время желая спасти двухъ своихъ товарищей, находившихся у Жолкевскаго, въ присутствіи гетманскаго посланца сняли головы несчастнымъ пахолкамъ, а гетману послали упрекъ въ томъ, что онъ наружно затѣваетъ съ козаками переговоры, а въ дѣйствительности строить имъ засады. Пославъ такой отвѣтъ Жолкевскому, козаки тѣмъ не менѣе, боясь засады, очистили лѣвый берегъ Днѣпра и тѣмъ открыли свободное мѣсто для переправы поляковъ, двинувшись «шумно» впередъ

таборомъ. У берега остались только Лобода да Наливайко съ отрядомъ конницы, человекъ въ полтораста. Они имѣли цѣлью еще разъ вступить въ переговоры съ Жолкевскимъ. Сѣвши въ лодку, козацкій предводитель Лобода подплылъ къ правому берегу Днѣпра и сталъ «трактоваться» съ брацлавскимъ старостою Юріемъ Струсемъ. Но трактованіе и на этотъ разъ окончилось ничѣмъ, и Лобода съ Наливайкомъ поспѣшили къ своимъ, а вернувшись къ своимъ, направились съ козаками на Переяславъ.

Послѣ этого Жолкевскій сталъ переправляться за Днѣпръ и въ теченіе двухъ дней, вторника и среды Өминой недѣли, «по милости божіей», успѣлъ перевезти свое войско на «татарскій» берегъ рѣки, «безъ всякой потери», а въ четвергъ той же недѣли уже гнался по слѣдамъ за козаками ¹⁾.

Между тѣмъ козаки, оставивъ лѣвый берегъ Днѣпра, въ одинъ день доскакали до Переяслава, а чтобы имѣть вѣрныя свѣдѣнія о направленіи Жолкевскаго, разставили во многихъ мѣстахъ до роги тайныя и явныя чаты. Но оставленные козаками чаты скоро донесли козацкимъ вождямъ, что поляки перебравшись черезъ Днѣпръ и двигаются къ Переяславу. Козацкіе вожди, получивъ эту вѣсть, не знали, на что рѣшиться, т.-е. оставаться ли имъ въ Переяславѣ или уходить дальше, въ глубь Украйны. Идти въ степь трудно было, потому что нужно было тащить съ собой не только запасы, артиллерію и боевые снаряды, но также женъ, дѣтей и имущество. Остаться въ Переяславѣ было рисковано, потому что въ городѣ нельзя было найти корма для 10.000 лошадей, да и невозможно было защищаться въ немъ вслѣдствіе его обширности, доходившей до мили вокругъ. По этому поводу между козаками поднялся горячій споръ и явились партіи; одни кричали, что надо уходить, другіе доказывали, что надо оставаться, а третьи находили, что надо войти въ мирные переговоры съ поляками. Послѣ долгихъ пререканій и споровъ рѣшили, наконецъ, взять съ собой семьи, захватить часть имущества и бѣжать по направленію къ городу Лубнамъ, тамъ переправиться черезъ рѣчку Сулу по имѣющемуся мосту, уничтожить послѣ себя мостъ и расположиться въ открытой, но мало доступной для поляковъ, степи. Тогда повторилось бы то же самое, что произошло у Синихъ-Водъ.

¹⁾ Belski, Dalszy ciąg kroniki polskiej, 264—266; Heidenstein, II, 371—374.

Рѣшивъ отступленіе, козаки поспѣшили оставить Переяславъ, потому что къ нему быстро подвигался Жолковскій со своимъ войскомъ. Придя къ Лубнамъ, козаки на нѣкоторое время остановились въ замкѣ города и стали ожидать здѣсь извѣстій отъ разставленныхъ на дорогѣ отъ Переяслава къ Лубнамъ чать относительно направленія польскаго войска. Рѣшено было переправиться черезъ Сулу лишь въ томъ случаѣ, когда Жолковскій станетъ приближаться къ самимъ Лубнамъ.

Узнавъ о планѣ козаковъ, Жолковскій рѣшилъ перехитрить ихъ: обойти въ тылъ, задержать у рѣки Сулы и тутъ напасть на нихъ. Съ этою цѣлью онъ отправилъ къ нимъ прежде всего стараго ихъ знакомаго и такъ-называемаго «пріятеля», галицкаго каптеляна Претвича, съ видимою цѣлью вступить съ ними въ мирный договоръ, но съ дѣйствительною цѣлью выиграть время и задержать ихъ у рѣки. Затѣмъ, узнавъ о томъ, что на 20 верстъ ниже Лубенъ, у Горошина, имѣлась переправа черезъ Сулу, весьма удобная по мелководью рѣки и оттого извѣстная съ давнихъ поръ татарамъ, Жолковскій отправилъ къ Горошину отрядъ своего войска подъ начальствомъ Юрія Струся, виѣстѣ съ Кирикомъ Ружинскимъ и Михаиломъ Вишневецкимъ, и приказалъ ему, переправившись черезъ Сулу, обойти козаковъ и, въ случаѣ, если они будутъ еще въ городѣ, стать съ правой стороны рѣки, противъ моста, и задержать ихъ переходъ черезъ мостъ; въ противномъ случаѣ, если козаки успѣютъ перейти мостъ, стать имъ въ тылъ и не пускать отъ рѣки въ степь, но въ томъ и другомъ случаѣ стараться сохранить мостъ черезъ Сулу. Не довольствуясь этимъ, Жолковскій отправилъ и другой отрядъ жолнѣровъ, всего въ 500 человекъ всадниковъ, подъ начальствомъ пана Бѣлецкаго, нѣкогда учившагося въ запорожскомъ войскѣ «рыцарскому порядку и дѣятельности», и приказалъ ему идти прямо къ Лубнамъ и быть наготовѣ, чтобы подать помощь, когда окажется въ томъ надобность, пану Струсю. Самъ гетманъ съ главными силами двигался не торопясь по прямому шляху къ Лубнамъ и въ это время, мая 24 дня, принялъ подъ свои знамена въ городѣ Переяславѣ литовское войско, приведенное къ нему княземъ Богданомъ Огинскимъ.

Во всемъ этомъ виденъ строго обдуманнй и хорошо соображенный съ мѣстностью планъ, и отъ исполненія его зависѣлъ исходъ всего дѣла борьбы съ козаками. Лица, на которыхъ возло-

жено было порученіе Жолкевскимъ осуществить часть этого плана, исполнѣ оправдали довѣріе гетмана.

Каштелянъ Претвичъ, явившись къ козакамъ, сталъ предлагать имъ разныя, одну за другой льготы и держалъ ихъ въ Лубнахъ до тѣхъ поръ, пока не успѣлъ сдѣлать своего дѣла Юрій Струсь. Струсь, снабженный инструкціями Жолкевскаго, двинулся сперва по прямой дорогѣ къ Лубнамъ; но потомъ, пройдя половину пути, круто взялъ направо и, не сообщая никому о своемъ планѣ, взялъ направленіе вдоль праваго берега Сулы и дошелъ до Горошина. Козаки, ожидавшіе поляковъ только по главному къ Лубнамъ шляху, не позаботились разставить свои чаты въ окрестностяхъ Лубенъ и потому совершенно просмотрѣли движеніе Струся къ Горошину. Дойдя до переправы, Струсь перевезъ боевые снаряды на рыбацкихъ лодкахъ и связанныхъ изъ камыша плотахъ, а конницу перевелъ вплавь. Бѣлецкій стоялъ наготовѣ и ждалъ только момента, чтобы оказать помощь Струсю.

Козаки прежде всего замѣтили Бѣлецкаго и вообразивъ, что за нимъ по пятамъ слѣдуютъ главныя силы польскаго войска, прервали сладкіе переговоры съ Претвичемъ, оставили лубенскій замокъ и поспѣшили къ мосту, чтобы перейти Сулу. Видя это, Бѣлецкій бросился было къ козакамъ, но наступившая ночь помѣшала ему сдѣлать нападеніе на нихъ. Когда козаки перешли мостъ раннимъ утромъ слѣдующаго дня и зажгли его огнемъ, Бѣлецкій успѣлъ только потушить огонь и исправить сдѣланную порчу въ немъ. Козаки не препятствовали, да и не могли препятствовать Бѣлецкому въ этомъ, такъ какъ вслѣдъ за нимъ поспѣшно пришелъ къ Лубнамъ и самъ Жолкевскій, и потому козацкіе вожди старались, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы поскорѣе отойти отъ Лубенъ въ степь. Не зная ничего о приготовленной имъ засадѣ въ тылу, козаки замѣтили, однако, позади себя облако пыли, но далеки были отъ мысли предполагать близкое присутствіе поляковъ и постарались объяснить это движеніемъ въ степи татаръ. Только тогда, когда Струсь, занявъ позицію, позади козаковъ, выцалилъ изъ пушки, по предварительному условію съ гетманомъ, козаки поняли, что они очутились въ тискахъ. Они стояли таборомъ за Сулой, въ пяти верстахъ отъ Лубенъ, на урочищѣ Солоницѣ и, увидѣвъ безвыходность своего положенія, сразу не знали, на что имъ рѣшиться—идти-ли дальше въ степь или же остановиться на мѣстѣ; но въ степи войско могло быть

лишено воды, а въ рѣчной низменности, обиловавшей озерами и заточинами, оно было обезпечено водой. Сообразивъ это, козаки стали устраивать таборъ и дѣлать окопы. Прежде всего они сдѣлали кругъ изъ четырехъ рядовъ повозокъ и сковали цѣпями колесо съ колесомъ каждой повозки; внутри, за рядами повозокъ выкопали кругомъ ровъ и вдоль рва насыпали высокій, выше повозокъ, валъ; между рвомъ и валомъ, въ разныхъ мѣстахъ, сдѣлали нѣсколько воротъ, а противъ каждаго изъ воротъ, для прикрытія входа въ таборъ, насыпали по одной горкѣ и на каждой горкѣ поставили пушки; кромѣ того, въ центрѣ табора подѣлали высокіе, выше вала, наполненные землей, срубы и на нихъ помѣстили особыя пушки. Въ общемъ козацкій таборъ одной стороной своей выходилъ въ степь, а другой примыкалъ къ непроходимымъ болотамъ рѣки Сулы.

Пока козаки готовились ко всему этому, польскіе полководцы безпрепятственно сносились между собой, и въ это время Жолкевскій, желая выиграть время, отдалъ приказаніе Струсю, завести мирные переговоры съ козацкимъ предводителемъ, Лободой, лично знакомымъ Струсю. Козаки и на этотъ разъ поддались обману и дали свободно приблизиться къ себѣ полякамъ. Перейдя безпрепятственно лубенскій мостъ, коронное войско, по словамъ Райнольда Гейденштейна, расположилось вокругъ козакаго табора, отрѣзало козаковъ отъ рѣки и отъ пастбищъ и, не смѣшиваясь съ отрядомъ Струся, свободно могло сноситься съ послѣднимъ.

Охвативъ кольцомъ козацкое войско, поляки расположились тремя отрядами въ такомъ порядкѣ: съ одной стороны сталъ Струсъ съ Роживскимъ, Вишневецкимъ, Ходкевичемъ, Фредромъ, Собѣскимъ, Чарниковскимъ, Бекешемъ, Горностаемъ и другими; съ другой стороны расположился Жолкевскій съ Шаснымъ-Гербуртомъ, Ковачевскимъ, Гурскимъ, Сладковскимъ, Тарнавскимъ, венгерцемъ Лепшенемъ, тремя Потоцкими, Зембжидовскимъ, княземъ Порыцкимъ, Давиловичемъ, Гербуртомъ, двумя Пшерембскими, Плесневскимъ, Улясницкимъ и княземъ Огинскимъ; съ третьей стороны протянулась обыкновенная стража, состоявшая преимущественно изъ мелкой, но конной шляхты.

По общему счету всего войска у поляковъ было 3.500 человекъ, тогда какъ у козаковъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, больше 8.000 человекъ. Но эти цифры, какъ и всякія въ подобныхъ слу-

чаяхъ цифровыя показанія, нужно принимать только приблизительно, во-первыхъ, потому, что обо всемъ этомъ событіи рассказываютъ только польскіе писатели, число своихъ всегда уменьшавшіе, а число враговъ всегда прибавлявшіе; во-вторыхъ, потому что относительно польскаго войска счетъ велся только дворянамъ, составлявшимъ такъ-называемыя войсковыя хоругви, но каждый дворянинъ, состоявшій въ хоругви, долженъ былъ нанимать 3 чело-вѣка солдатъ недворянъ, такъ-называемыхъ шеренговыхъ или челядь, входившихъ въ строй хоругви. Относительно же козацкаго войска польскіе писатели могли говорить совсѣмъ гадательно, потому что подсчитать всѣхъ козаковъ совсѣмъ не было возможности полякамъ.

Устроившись таборомъ и заключившись въ него, козаки сразу почувствовали всѣ неудобства своего положенія. Прежде всего они почувствовали недостатокъ въ кормѣ для лошадей: для того, чтобы прокормить массу лошадей, нужны были обширныя пастбища, а эти пастбища закрыты были для козаковъ польскимъ войскомъ. Затѣмъ вскорѣ у козаковъ оказался недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, свѣжей водѣ, и полное отсутствіе соли. Дѣло происходило въ половинѣ мая 1596 года, и погода стояла очень жаркая. Положеніе казалось тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что въ козацкомъ таборѣ вмѣстѣ съ козаками были женщины и дѣти. Изъ всѣхъ бѣдъ самымъ чувствительнымъ было отсутствіе корма для лошадей. Для того, чтобы добыть фуражъ, козакамъ нужно было каждый разъ вступать въ мелкія стычки съ жолитрами и каждый разъ платиться нѣкоторыми изъ своихъ товарищей. Въ этомъ случаѣ козаки прибѣгали къ такъ-называемымъ «герцамъ», для чего высылали самыхъ лихихъ и смѣлыхъ наѣздниковъ въ сторону поляковъ и приказывали имъ «задирать ляховъ». Въ пылу задора ляхи гнались за смѣльчаками къ козацкому табору и тутъ нерѣдко погибали; такъ погибли житомирскій староста Дениско, паны Татицкій, Пенѣвскій, Милковскій и другіе. А тѣмъ временемъ другіе смѣльчаки козацкіе выскакивали въ степь и успѣвали добывать кормъ для лошадей.

Такъ протекло 14 томительныхъ и тяжелыхъ дней для той и другой стороны. Положеніе козаковъ становилось день-ото-дня все тяжелѣе и безвыходнѣе, и нѣкоторые изъ нихъ стали уходить изъ табора и бѣжать, куда глаза глядѣли. Отъ недостатка пищи, воды и корма валились люди и лошади, а отъ дѣйствія страшнѣйшей

жары трупы быстро разлагались и заражали воздухъ. Къ тому же, въ козацкомъ таборѣ поднялись споры и раздоры: ихъ под-держивалъ Жолкевскій, непрерывно сносившійся съ Григоріемъ Лободой, но игнорировавшій Наливайка. Тогда между козаками произошло смятеніе и во время этого смятенія «наливайковцы» убили Лободу, а вмѣсто него выбрали своимъ вождемъ какого-то Кремпскаго.

Выбравъ новаго вождя и на нѣкоторое время успокоившись, козаки подѣлали внутри своего табора такъ-называемыя «долки» и, залегши въ нихъ, мѣтко и безустанно отстрѣливались стъ поляковъ и тѣмъ не допускали непріятеля къ своимъ окопамъ. Оттого положеніе и самихъ поляковъ становилось не менѣ затруднительно, какъ и положеніе козаковъ. Поляки днемъ и ночью должны были стоять на-сторожѣ вслѣдствіе непрерывныхъ вылазокъ со стороны своихъ противниковъ: къ нимъ постоянно врывались смѣлые наѣзтники, которые пренебрегали всякими опасностями и о которыхъ сложилась даже легенда, будто бы они, будучи девять разъ убиты на мѣстѣ, всякій разъ снова оживаютъ и только послѣ десятаго раза умираютъ. Иногда козаки, неожиданно вырвавшись изъ своего табора, бросались среди бѣлаго дня къ польскому стану, хватали изъ него нѣсколькихъ пановъ и тутъ же, на глазахъ поляковъ, однихъ сажали на колъ, другихъ четвертовали. Отъ этого поляки должны были быть постоянно на сторожѣ и не сходить со своихъ коней. Кони ихъ, покрытые страшными ссадинами, или падали отъ изнуренія, или вовсе пропадали. Сами жолнѣры терпѣли недостатокъ въ провизіи, которая привозилась издалека и стоила очень дорого, а еще больше того нуждались въ водѣ: вода хотя и была, но мутная и теплая, свѣжей же и чистой воды вовсе не было. При всемъ превосходствѣ положенія поляковъ надъ козаками все же поляки не могли одолѣть козаковъ: у Жолкевскаго не доставало большихъ полевыхъ пушекъ, чтобы обстрѣливать на далекое разстояніе козацкій таборъ; польскому вождю пришлось послать за такими пушками въ Кіевъ; къ тому же у Жолкевскаго оказалось слишкомъ мало пѣхоты, съ которою можно было бы подступить къ козацкому табору. Въ ожиданіи, пока придутъ изъ Кіева пушки, Жолкевскій отдалъ приказаніе обступитъ кругомъ козацкій таборъ и, чередуясь посмѣнно, строго слѣдить за козаками днемъ и ночью, чтобы не дать уйти имъ въ поле. Въ это время къ Жолкевскому прибылъ подляшскій вое-

вода, князь Заславскій съ 300 всадниковъ. Много разъ Наливайко, дѣйствовавшій отдѣльно отъ Кремпскаго со своимъ полкомъ, пытался прорваться черезъ польскій лагерь, но всякій разъ былъ отбиваемъ жолнѣрами. Наконецъ, пушки были привезены, и юня 4 дня Жолкевскій открылъ пальбу по козацкому лагерю, поставивъ въ дѣло все имѣвшіяся у него въ наличности пушки. Два дня не умолкала пальба со стороны поляковъ. Этотъ рѣшительный приступъ поставилъ козаковъ еще въ болѣе тяжелое положеніе, въ какомъ они были: поляки лишили козаковъ окончательно воды и топлива, и козаки брали воду въ копанкахъ, а пищу варили подѣ фургонами на щепкахъ изъ разбитыхъ возовъ. Не довольствуясь двухъ-дневной пальбой, Жолкевскій назначилъ на 8 юня общій штурмъ на козаковъ и, чтобы имѣть больше пѣхоты, чѣмъ было у него, велѣлъ коннымъ жолнѣрамъ сойти съ лошадей и идти въ дѣло пѣшкомъ. Жолнѣры, давно ждавшіе развязки дѣла, съ охотой гриняли приказаніе своего вождя. Поляки уже готовы были на приступъ и ждали только сигнала, чтобы броситься на козацкій таборъ. Но въ это время между козаками поднялся страшный крикъ. Козаки, узнавъ о готовившемся штурмѣ ихъ табора и чуя неминуемую для себя бѣду, рѣшили просить пощады у Жолкевскаго и согласиться на все предложенныя имъ раньше того условія: выдать главныхъ своихъ вожаковъ, Наливайка, Саулу и Шостака. Но главный изъ нихъ Наливайко, услыжавъ о такомъ рѣшеніи, сталъ отбиваться отъ козаковъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ сторонниковъ. Отъ этой схватки и произошелъ крикъ въ козацкомъ таборѣ. Это было къ вечеру. Поляки, услыжавъ о происшедшемъ смятеніи въ козацкомъ войскѣ, охватили цѣпью козацкій таборъ съ намѣреніемъ ударить на козаковъ. Но козаки заиграли въ боевыя трубы и ударили въ походныя бубны и объявили, что они выдадутъ польскому вождю своихъ начальниковъ. Поляки остановились. Тогда козаки схватили Наливайка въ то время, когда онъ успѣлъ было вскочить въ ровъ съ намѣреніемъ убѣжать, пробившись черезъ польскую цѣпь, и на слѣдующій день, 8 юня, представили его Жолкевскому. Другихъ «зачинщиковъ», Савулу и Шостака съ товарищами, козаки обѣщали представить на слѣдующій день, а вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщали отдать всю свою армату и все хоругви, пожалованныя имъ иностранными государями, а въ замѣнъ всего того просили даровать имъ свободу. Жолкевскій, выслужавъ ко-

запкихъ парламентаровъ, потребовалъ, чтобы прежде всего каждый панъ взялъ изъ среды козаковъ своего подданнаго, котораго онъ опознаетъ, хотя бы этотъ подданный уже пять лѣтъ принадлежалъ къ козацкому сословію. Выслушавъ такое требованіе, козаки отвѣчали, что они на все готовы, но выдавать своихъ товарищей не желаютъ и будутъ обороняться до послѣдней капли крови. «Обороняйтесь», отвѣчалъ Жолкевскій козакамъ, и въ этотъ же моментъ поляки съ оружіемъ въ рукахъ бросились на козацкій таборъ. Козаки не успѣли ни взяться за оружіе, ни построиться въ ряды, и пустились въ разсыпную. Поляки разбили ихъ немилосердно, по словамъ Іоахима Бѣльскаго, и въ короткое время такъ много изсѣкли, что трупы лежали на трупахъ болѣе, чѣмъ на милю разстоянія. Изъ 10.000 человекъ козаковъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми только полторы тысячи, подъ начальствомъ Кремпскаго, успѣли спастись и уйти въ степь. Побѣдителямъ досталось много оружія, 24 пушки, два цесарскихъ императора Рудольфа II знамени, одно эрцгерцога Максимильяна знамя, одна пара цесарскихъ серебряныхъ котловъ, незначительная войсковая казна и такъ-называемое турецкое добро, оцѣненное поляками всего лишь въ 4.000 злотыхъ.

Такъ рассказываетъ о концѣ солоницкаго дѣла польскій историкъ Іоахимъ Бѣльскій. Нѣсколько иначе передаетъ финалъ его секретарь Замойскаго, Райнольдъ Гейденштейнъ. Онъ говоритъ, что многіе изъ поляковъ совѣтовали Жолкевскому, для примѣра и острастки на будущее время, вырѣзать всѣхъ козаковъ до послѣдняго. Но Жолкевскій побоялся довести козаковъ до отчаянія въ видахъ сохраненія собственнаго войска: послѣ долгой осады ихъ оставалось все еще, не считая женъ и дѣтей, около 8.000 человекъ, и Жолкевскій предложилъ имъ слѣдующія условія капитуляціи: 1) Немедленно разойтись по домамъ и никогда безъ королевскаго позволенія не собираться. 2) Выдать всѣхъ зачинщиковъ бунта вмѣстѣ съ хоругвями и другими войсковыми знаками, присланными имъ иноземными монархами, а также отдать пушки, ядра, порохъ и другіе военные снаряды. 3) Вернуть все, что успѣли нагнать себѣ козаки, и отдать свой скарбъ польскому войску. 4) Освободить на волю всѣхъ плѣнниковъ.

Условія эти были немедленно исполнены: козаки выдали своихъ предводителей и разошлись во всѣ стороны, а въ томъ числѣ и

Кремпскій со своими козаками ¹⁾. Полагають, что послѣдній, выйдя изъ табора подъ Солоницей, успѣлъ соединиться съ козацкимъ атаманомъ Подвысоцкимъ и уйти на Низъ въ Сичу ²⁾. И точно, близость Подвысоцкаго и болѣе или менѣе безопасное положеніе его относительно поляковъ совершенно позволяютъ принять это предположеніе. Подвысоцкій во все время солоницкой битвы стоялъ со своими чайками и низовыми козаками на рѣкѣ Днѣпрѣ, противъ устья рѣки Сулы и если не могъ подать помощь своимъ въ критическую минуту, то въ этомъ ему мѣшали польскія чаты, разставленныя вдоль Сулы. Зато козацкій атаманъ, не желая оставаться безъ дѣла, занялся истребленіемъ городовъ и селъ, принадлежавшихъ находившимся подъ Лубнами панамъ. Онъ дѣйствовалъ на Сулѣ до тѣхъ поръ, пока не узналъ о пораженіи козаковъ подъ Солоницей, послѣ чего повернулъ назадъ и поплылъ внизъ. Именно въ это время къ нему и могъ пристать Кремпскій съ 1.500 козаковъ.

Тотъ же Райнольдъ Гейденштейнъ говоритъ, что послѣ пораженія козаковъ подъ Солоницей гетманъ Жолкевскій поручилъ черкасскому подстаростѣ уговорить Каспара Подвысоцкаго приостановить разореніе панскихъ имѣній, и Подвысоцкій немедленно удалился на Низъ.

А Іоахимъ Бѣльскій, рассказывая о козацкомъ вождѣ Кремпскомъ послѣ удаленія его изъ-подъ Солоницы, замѣчаетъ, что, уйдя за пороги, Кремпскій держалъ себя тамъ смирно и никакого «зла» не затѣвалъ.

Спеціальныи изслѣдователь первыхъ козацкихъ движеній въ Рѣчи-Посполитой ³⁾, рассказывая о концѣ солоницкаго дѣла, на основаніи письма Претвича къ Нечковскому, думаетъ, что «никакого опредѣленнаго термина заключенія мира (между козаками и поляками) не было»: козаки просто на время стихли, ожидая, пока дѣло само собой уляжется, а поляки нашли за лучшее не разжигать страстей побѣжденныхъ.

Такъ или иначе, но сила оказалась на этотъ разъ на сторонѣ поляковъ, и Жолкевскій, покинувъ поле битвы, вернулся въ Кіевъ, а оттуда въ городъ Львовъ и тутъ вручилъ коронному гетману,

¹⁾ Heidenstein, Dzieje polski, II, 373—377; Bielski, 275—281.

²⁾ Николайчикъ, Кіевская старина, 1884, апрѣль, 564.

³⁾ Николайчикъ, Кіевская старина, 1884, апрѣль, 564.

Яну Замойскому, всѣ свои военные трофеи и нѣсколькихъ чело-
вѣкъ плѣнныхъ козаковъ съ Наливайкомъ во главѣ. Плѣнниковъ
изъ города Львова отправили, подъ начальствомъ шляхтича По-
ребскаго, въ Варшаву. Въ Варшавѣ поляки шесть чело-
вѣковъ казнили немедленно, а Наливайка держали до тѣхъ поръ, пока
собрался всеобщій сеймъ. Во время сейма ему отрубили голову,
а тѣло четверговали и каждую отсѣченную часть развѣсили по
разнымъ мѣстамъ. Впослѣдствіи между украинцами сложилось
преданіе, попавшее и на страницы малороссійскихъ лѣтописей,
будто бы Наливайко былъ сожженъ живымъ въ мѣдной кобылѣ
или въ мѣдномъ волѣ въ Варшавѣ по приказу самого короля ¹⁾.

Въ борьбѣ Лободы и Наливайка съ поляками гораздо яснѣе
высказались причины вражды козаковъ противъ поляковъ, чѣмъ
въ борьбѣ Косинскаго и низовыхъ козаковъ съ волынскими па-
нами. Что тамъ было однимъ лишь намекомъ, то здѣсь опредѣ-
лялось въ ясно выраженныхъ формы.

Такихъ причинъ было въ это время три: сословная, экономи-
ческая и религіозная ²⁾.

Сословная причина состояла въ томъ, что на Украинѣ, цѣлое
сословіе людей, послѣ политической уніи 1569 года въ Люблинѣ,
совсѣмъ не было признано законами Рѣчи-Посполитой на самостоя-
тельное существованіе: какъ неподходящее ни къ дворянству, ни
къ мѣщанству, ни къ хлопству, козацкое сословіе оказывалось
аномаліей среди существовавшихъ сословій и послѣдовательно при-
водилось къ сокращенію въ его численности. Польское прави-
тельство открыто дѣйствовало противъ козаковъ; но также от-
крыто отстаивало права своего существованія и козацкое со-
словіе. На подмогу козакамъ шло низшее сословіе Украины. По-
слѣднее, находившееся до люблинской уніи въ свободныхъ, по
литовскому статуту, отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ, со второй
половины XVI столѣтія стало терять свою личную свободу и
испытывать тяжкій гнетъ со стороны польскихъ землевладѣль-
цевъ, смотрѣвшихъ на людей простого званія не только какъ на
низшую породу людей, а даже какъ на безсловесный скоть—
«быдло», собачью кровь—«пся кровь». Но тяжелое состояніе низ-

¹⁾ Сборникъ Лѣтописей, Кіевъ, 1888, I; Ригельманъ, Лѣтописное повѣ-
ствованіе, Москва, 1847, I, 29; Самовидецъ, 215, 370.

²⁾ Антоновичъ, Историческіе дѣятели югозападной Россіи, Кіевъ, 1885,
I, 2—3.

шаго сословія на Украинѣ, кромѣ того, зависѣло еще и отъ другихъ причинъ, экономическаго положенія и притѣсненія вѣры православной.

Экономическое положеніе низшаго населенія Украины зависѣло отъ перемѣны, съ половины XVI столѣтія, системы хозяйства во всемъ польско-литовскомъ государствѣ: до половины означеннаго столѣтія въ западно-русскихъ земляхъ, какъ замѣчено было при вопросѣ о происхожденіи козачества, хозяйство лѣсное преобладало надъ земледѣліемъ. Но такая система народно-государственнаго хозяйства возможна была только при незначительности населенія и при небольшихъ народныхъ потребностяхъ. Съ увеличеніемъ населенія и съ постепеннымъ, въ теченіи вѣковъ, истощеніемъ и безъ того скудной въ западно-русскомъ краѣ почвы, явилась потребность въ большихъ участкахъ плодороднаго чернозема. Такой потребности могла удовлетворить только Украина съ ея обширными и богатыми черноземными залежами. И польскіе паны массами потянулись на Украину послѣ присоединенія ея къ польско-литовской республикѣ. Большіе и мелкіе паны постоянно выпрашивали у королей листы на право владѣнія разными маестностями на Украинѣ и шли туда, какъ нѣмецкіе пионеры нашего времени въ новыя и мало обитаемыя земли. Но для того, чтобы удержать въ своихъ рукахъ такія земли, чтобы въ достаточномъ количествѣ обработать и защитить ихъ отъ набѣговъ татаръ, панамъ нужны были рабочія руки. Но паны не имѣли въ тѣ поры понятія о свободныхъ рабочихъ и стали обращать низшее населеніе Украины, а иногда и свободныхъ козаковъ, въ крѣпостное состояніе. Крестьяне же и козаки, не стерпя такого положенія, стали покидать родныя мѣста на Украинѣ и убѣгать на Запорожье, а оттуда, съ оружіемъ въ рукахъ, выходятъ противъ своихъ притѣснителей, пановъ. Такъ, Григорій Лобода и Матвѣй Саула прямо объявляли, что они идутъ въ Бѣлоруссію добывать «хлѣба-соли», а Северинъ Наливайко собиралъ вокругъ себя «панскихъ подданныхъ», добывался вездѣ «стачій», трусилъ панскія «шкатулки» и наравилъ отобрать у пановъ все то, что нажито ими черезъ хлоповъ и придворныхъ слугъ.

Къ двумъ названнымъ причинамъ присоединилась и третья, — обида православію. Трудно сказать, какой изъ двухъ, экономической или религіозной причинъ нужно отдать въ этомъ отношеніи

предпочтеніе: съ одной стороны нельзя не сказать того, что простой народъ беретъ за волю только тогда, когда у него отнимають кусокъ хлѣба изо рта; а съ другой—нельзя умолчать и о томъ, что для украинскаго народа оскорбленіе предковской православной вѣры всегда, по справедливости, считалось самою горькою и самою тяжкою изъ всѣхъ обидъ. А что обида православію имѣлась въ виду при борьбѣ козаковъ, подъ начальствомъ Наливайка, съ поляками, это видно изъ нападеній козацкаго вождя на католическіе костелы, на имѣнія униатскаго епископа Терлецкаго и брата его, на пановъ, сторонниковъ уни. Лучшимъ указателемъ въ этомъ случаѣ могутъ служить наѣзды священника Дамьяна Наливайка, ученаго защитника православія, на имѣнія польскихъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, сторонниковъ уни.

Такъ или иначе, но, усмиривъ козаковъ, польское правительство издало грозное постановленіе для всѣхъ украино-запорожскихъ козаковъ: низовцы объявлялись врагами отечества, достойными смертной казни. Но это постановленіе только озлобляло козаковъ и увеличивало общее число ихъ товариства: «Напрасно повторялось панамъ и дозорцамъ ловить и заковывать гультаевъ, бѣгавшихъ изъ королевскихъ и дѣдичныхъ имѣній, и возвращать ихъ въ мѣста прежняго жительства, гдѣ ихъ могли тотчасъ же казнить жестокою смертью. Пока Запорожье со своими днѣпровскими и приднѣпровскими трупцобами не было во власти пановъ, нельзя было задушить козачества. Бѣжавшій отъ пановъ народъ находилъ себѣ первое пристанище на Низу» ¹⁾).

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1835, I, 53.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Преемникъ Лободы и Кремпскаго—Христофоръ Нечковскій и поведеніе его въ отношеніи поляковъ и низовыхъ козаковъ.—Смѣна Нечковскаго и назначеніе вмѣсто него Тихона Байбузы.—Преданность Байбузы польскому правительству; возстаніе противъ него низовыхъ козаковъ и избраніе ими въ старшого козака Полоуса. — Дѣйствія Полоуса противъ Байбузы и его асаула Семена Скалозуба.—Образованіе въ Запорожьѣ двухъ партій и открытая вражда между ними. — Назначеніе старшимъ Семена Скалозуба и гибель его на морѣ.—Преемникъ Скалозуба Самойло Кошка.—Походы Кошки съ запорожцами въ Молдавію и Ливонію.—Кончина Кошки и преемникъ его Гаврило Крутневичъ.—Преемникъ Крутневича Иванъ Куцковичъ.—Поведеніе козаковъ въ Инфлянтской землѣ, взятіе ими города Витебска и уходъ Куцковича изъ войска. — Одновременныя дѣйствія низовыхъ козаковъ въ Крыму и на Черномъ морѣ въ 1601—1607 году.—Жалобы на козаковъ польскому королю со стороны Турціи.—Столкновеніе запорожцевъ съ татарами у Корсуня и распоряженія гетмана Григорія Изаповича.

Послѣ печальнаго для козаковъ дѣла подъ Солоницей и послѣ ухода Кремпскаго и Подвысоцкаго на Запорожье старшимъ войска запорожскаго признанъ былъ со стороны польскаго правительства, въ томъ же 1596 году, Христофоръ Нечковскій. Нуждаясь въ козакахъ противъ татаръ, польское правительство поручило Нечковскому охрану границъ Рѣчи-Посполитой отъ татарскаго набѣга. Какъ выполнилъ это порученіе Нечковскій, неизвѣстно; также какъ неизвѣстно, какимъ образомъ держалъ себя новый старшой козацкій въ отношеніи поляковъ и козаковъ. Повидимому, онъ былъ скорѣе на сторонѣ козаковъ, чѣмъ поляковъ и, оставаясь признаннымъ со стороны польскаго правительства козацкимъ старшимъ, въ то же время не переставалъ сноситься и показывать свое расположеніе къ низовымъ козакамъ. Такъ, въ этомъ же, 1596 году, каменецкій каштелянъ Якубъ Претвичъ особымъ письмомъ, писаннымъ іюля 10-го дня къ пану Нечковскому и панамъ молодцамъ запорожскимъ, просилъ передать Каспару Подвысоцкому о томъ, чтобы онъ ничего не боялся (за участіе въ походахъ Лободы и Наливайка), такъ какъ Претвичъ пишетъ письмо до гетмановъ короннаго и польнаго и беретъ

Каспара подъ свою охрану и покровительство ¹⁾. Но возможно, что именно это сношеніе съ низовыми козаками и было причиною смѣны Нечковскаго и назначенія, въ 1597 году, въ качествѣ новаго старшого козацкаго, Тихона Байбузы. Байбуза оказался совершенно преданнымъ челоѣкомъ польскому правительству и потому вполне ненавистнымъ козачеству. Недовольные управленіемъ Байбузы, многіе изъ украинскихъ козаковъ ушли на Кошъ и тамъ объявили своимъ старшимъ нѣкоего Полоуса, соратника Наливайка. Обо всемъ этомъ и о послѣдующихъ дѣйствіяхъ Полоуса сообщалъ самъ «старшой съ атаманьей и всѣмъ войскомъ запорожскимъ» коронному гетману Станиславу Жолкевскому. Упомянувъ о томъ, что обязанность войска запорожскаго, находящагося на границѣ съ татарскими кочевьями, стоять на переправахъ Днѣпра, охранять крестъ святой отъ непріятелей, не пропускать въ королевскую землю ни малыхъ, ни большихъ татарскихъ «купъ» и собирать всякія свѣдѣнія о движеніи орды, Байбуза сообщалъ, что мѣсяца ноября, 9 дня, козаки ходили на крымскія поля, подъ самый городъ Перекопъ, на урочище Терень-Оришъ и тамъ, помощію Бога и счастіемъ короля, непріятельскіе отары и улусы погромили и вѣжи разорили. Извѣщая обо всемъ этомъ, Тихонъ Байбуза вмѣстѣ съ этимъ извѣщалъ и о томъ, что произошло въ Запорожьѣ послѣ прихода туда Полоуса и избранія его старшимъ козацкимъ. Забравъ въ свои руки челны, продовольствіе и казну, принадлежавшіе козацкому старшому, Полоусъ сперва ушелъ на море и тамъ взялъ турецкій городокъ, а потомъ, возвратившись съ моря, обратился съ другими козаками, наказанными старшимъ за бунтъ противъ властей, на самого Байбузу и на асаула его Семена Скалозуба. Скалозубъ посланъ былъ со ста двадцатью конными людьми на Низъ, къ Бургуну, для добыванія татарскаго языка. Полоусъ, узнавъ объ этомъ, напалъ ночью на Скалозуба и побилъ его людей, а вмѣстѣ съ ними забралъ и истребилъ посланцевъ Байбузы и стражу, бывшую на переправахъ. Не довольствуясь этимъ, Полоусъ поднялся со своей «купой» вверхъ по Днѣпру и напалъ тамъ на товариство Байбузы, шедшее съ новыми продовольственными запасами и деньгами отъ великаго князя литовскаго и, разгромивъ товариство, хлѣбъ и деньги забралъ себѣ ²⁾.

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 83.

²⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 86—90.

Послѣ этого въ самомъ Запорожьѣ образовалось двѣ партіи: партія мира, которая осталась за порогами, и партія войны. Последняя выбрала себѣ предводителемъ нѣкоего Метлу и вмѣстѣ съ нимъ и его товарищемъ Гедройцемъ отправилась изъ Запорожья въ заселенныя мѣста противъ польскихъ пановъ. Но въ городахъ Метла былъ убитъ, а его соучастникъ, Гедройць, былъ пойманъ живымъ. Партія Метлы, однако, заняла всѣ дороги и стала не пропускать въ Запорожье хлѣбныхъ припасовъ. Зато противная этой партіи, партія мира, стала просить короля дать козакамъ «изъ своего раменья» новаго старшого и настаивала на увозѣ изъ Запорожья арматъ и гаковницъ, которыхъ тамъ было числомъ около ста и присутствіе которыхъ будто бы способствовало своеволію козаковъ, «потому что какъ только та армата за порогами настала, тогда размножилось тамъ всякаго своевольства». Объ этомъ сами козаки донесли князю Кирику Ружинскому, прося у него совѣта, какъ имъ унять своеволіе въ Запорожьѣ, а князь Ружинскій, ноября 3 дня, 1598 года, сообщалъ о томъ каменецкому старостѣ, Якову Потоцкому ¹⁾.

Дѣло это, повидимому, окончилось съ назначеніемъ въ 1599 году новаго старшого, Семена Скалозуба. Но Семень Скалозубъ недолго управлялъ козаками и, воюя на морѣ съ турками, былъ ими разбитъ и потонулъ. Преемникомъ Скалозуба былъ Самойло Кошка, называемый иначе Кушкой или Кишкой и прославленный народною козацкою думой «Самійло Кішка».

О времени жизни Самойла Кошки источники говорятъ весьма различно: одни заставляютъ его умирать въ 1601 году ²⁾, другіе въ 1620 году ³⁾. Нѣтъ сомнѣнія только относительно начала дѣятельности Кошки: онъ становится извѣстнымъ, въ качествѣ старшого запорожскихъ козаковъ, въ 1600 году. Въ этомъ году Кошка принималъ участіе съ козаками, въ походѣ поляковъ, подъ предводительствомъ Замоискаго, въ Молдавію; а въ слѣдующемъ году ходилъ походомъ, по призыву польскаго правительства, въ Ливонію для войны со шведами. Находясь въ походахъ, Самойло Кошка велъ переписку съ короннымъ гетманомъ Польши, и письма

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1886, 86.

²⁾ Боркулабовская лѣтопись: Кулишъ, Матеріалы, Москва, 1877, I, 77.

³⁾ Лѣтопись Самовидца, 216; Грабянка, 260; Величко, IV, 151, 155, 156; Ригельмана, I, 36; Бѣлозерскаго, Кіевъ, 1856, 56, III, 136.

его, въ числѣ шести штукъ, дошли до нашего времени. Первое письмо помѣчено первымъ августа 1600 года за подписью Яна Орышовскаго, «Самуила Кошки старшого и всего войска запорожскаго» изъ Бѣлобережья, на шесть миль ниже Черкасъ. Получивъ приказаніе отъ короннаго гетмана Станислава Жолкевскаго «у Ревучаго на Двѣпрѣ» ¹⁾ выступать въ молдавскій походъ не позже 16 іюля, Орышовскій и Кошка отвѣчали, что за дальностью разстоянія приказаніе гетмана слишкомъ поздно пришло къ нимъ и потому не можетъ бытъ своевременно выполнено. Кромѣ того, и сами козаки опоздали выходомъ: они шли вверхъ по Двѣпру противъ теченія, на встрѣчу противному вѣтру, и должны были едва-ли не черезъ каждый камень каждаго порога тянуть канатами свои челны, ставя отъ того отъ 200 до 300 человекъ у каждаго каната и трудясь такимъ образомъ до кроваваго пота. Тѣмъ не менѣе, Орышовскій и Кошка обѣщали въ первое воскресенье отъ перваго числа августа бытъ въ Каневѣ, откуда по истеченіи недѣли, когда къ нимъ все съѣдутся изъ пограничныхъ городовъ охотники до войны, располагали двинуться черезъ Бѣлую-Церковь и Брацлавъ къ Кременцу, прося короннаго гетмана обождать ихъ прихода, и обязываясь извѣстить его о выходѣ съ мѣста. Тогда коронный гетманъ, сентября 19 дня, того же 1600 года, изъ обоза подъ Сочавой отправилъ козакамъ письмо, въ которомъ извѣщаль «добрыхъ молодцовъ» о томъ, что противъ враговъ королевской милости поднялась вся седмиградская земля и что гетманъ послалъ туда 3.000 человекъ войска и просилъ козаковъ, выбравъ три или двѣ тысячи молодцовъ, возможно скорѣй, пока стоитъ хорошая погода, послать ихъ съ 3.000 польскихъ воиновъ на помощь возставшимъ ²⁾.

Чѣмъ кончился этотъ походъ для козаковъ и Самойла Кошки, неизвѣстно. Но въ 1601 году Кошка былъ въ ливонскомъ походѣ заодно съ поляками. Однако, прежде чѣмъ выступить въ походъ, Самойло Кошка отправилъ, января 22 дня, къ Бѣлой-Церкви пословъ Ивана Радкевича, Ивана Макаровича и асаула Андрея Комыша къ коронному гетману съ письмомъ и, предлагая черезъ нихъ полную готовность свою служить королю и польской республикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, въ виду зимняго времени, а также

¹⁾ Ревучій—Ненасытецкій порогъ на рѣкѣ Двѣпрѣ.

²⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 107, 108.

въ виду того, что козаки и голы и ници, похлопотать передъ королемъ о присылкѣ имъ денежнаго жалованья и суконѣ. Обѣщая вести себя въ коронныхъ земляхъ и прилично, и тихо, Кошка просилъ короля назначить запорожскому войску ежегодное жалованье, какъ было установлено раньше того времени; возвратить имъ городъ Терехтемировъ «сообразно дарованію королевской милости»; возстановить грамоту «славной памяти» короля Стефана Баторія на счетъ козачьихъ выморочныхъ имуществъ, чтобы они не доставались никому, кромѣ козаковъ или тѣхъ, кому умирающіе сами назначаютъ изъ своихъ друзей; не позволять въ козацкихъ судахъ никому, кромѣ козацкаго старшого и королевскаго комиссара, судить козаковъ; запретить королевскимъ чиновникамъ во время прихода войска въ украинскіе города брать взятки съ козаковъ и, наконецъ, совсѣмъ уничтожить такъ-называемую баницю, т.-е. изгнаніе или ссылку изъ государства ¹⁾).

Декабря 1 дня того же 1601 года изъ Новой-мызы Самойло Кошка отправилъ двухъ своихъ посланцевъ, Федора и Ивана Брынзу, съ письмомъ къ гетману Яну Замоискому и съ извѣщеніемъ о томъ, что, согласно приказу гетмана, козаки держатъ усердно сторожу на дорогахъ дерптскихъ, фелинскихъ и пернавскихъ противъ Карловаго войска для наблюденія за движеніями непріятелей, но вмѣстѣ съ тѣмъ терпятъ большую нужду въ краѣ и потому просятъ похлопотать у короля о выдачѣ имъ жалованья, котораго они не получаютъ, прослуживъ нѣсколько недѣль уже сверхъ четверти года, да и къ тому же считаютъ, что вообще положенное козакамъ королевское жалованье слишкомъ недостаточно. Не получивъ по этому письму никакого удовлетворенія, Самойло Кошка черезъ 23 дня послѣ этого изъ той же Новой-мызы доносилъ гетману о томъ, что козаки, терпя большую нужду и не видя себѣ отъ короля помощи, снимаютъ стражу, которую они держали, и собираются уходить на Украину. Вмѣстѣ съ этимъ Кошка сообщалъ о дѣйствіяхъ какого-то шведскаго начальника войска Граффа, который 22 декабря былъ съ четырьмятысячнымъ отрядомъ у Гермеса, поймалъ тамъ нѣсколько человекъ козаковъ и, узнавъ отъ нихъ о томъ, что Карлсонъ ²⁾ уже въ рукахъ козаковъ, повернулъ назадъ отъ Гермеса; за нимъ вышелъ изъ Гермеса, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ человекъ, и весь народъ. Послѣ

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 108—110.

²⁾ Карлсонъ—побочный сынъ шведскаго короля Карла IX.

этого козаки захватили въ свои руки замокъ и теперь предлагаютъ его сдать гетману. Подписываясь подъ этимъ письмомъ, Самойло Кошка сообщалъ, что вмѣстѣ съ «низовымъ рыцарствомъ» при немъ было 15 хоругвей (польскихъ). Однако, начало января 1602 года застало Кошку и козаковъ все въ томъ же ливонскомъ походѣ. Второго января Кошка извѣщалъ гетмана, что тронуться къ мызѣ Рингенъ и расположиться у ней таборомъ, какъ приказывалъ ему гетманъ, онъ не можетъ, такъ какъ всѣ лошади у козаковъ слишкомъ плохи, провизіи, не смотря на всѣ поиски со стороны войска, нигдѣ не оказалось, земля слишкомъ замерзла и строить на ней куреней нельзя; къ тому же, во всемъ краѣ нѣтъ ни одного дерева, да и вообще весь край очень пустынный, и кромѣ двухъ-трехъ хворостяныхъ «халупокъ», въ немъ ничего нѣтъ, а потому и ходить туда козакамъ не для чего. По всему этому Кошка просилъ гетмана дозволить козакамъ или двигаться впередъ, или свернуть въ сторону и расположиться въ хлѣбномъ краю и добывать тамъ пропитаніе себѣ. Января 18 дня, тогоже 1602 года, Самойло Кошка написалъ послѣднее коронному гетману письмо, въ которомъ извѣщалъ, что хотя козакамъ и доставленъ черезъ Даниловича приповѣдныи листъ на полученіе за послѣднюю четверть жалованья, но все-таки этого жалованья нѣтъ, и козаки, терпя большой недостатокъ, больше служить не хотятъ; еще въ прошломъ году, послѣ того, какъ козацкое товариство стало разъѣзжаться, козацкій старшой на радѣ хотѣлъ было остановить это движеніе, но не могъ; теперь же, если бы онъ попытался еще что-нибудь сдѣлать съ этомъ родѣ, то козаки могли бы побить его камнями ¹⁾.

Такимъ образомъ, не получая ни откуда продовольственныхъ запасовъ и видя упадокъ дисциплины между козаками, Самойло Кошка подъ конецъ очутился въ очень затруднительномъ положеніи и не зналъ, на что ему рѣшиться. Правдоподобность безысходнаго положенія козаковъ въ Ливоніи, вслѣдствіе крайняго недостатка въ продовольствіи, подтверждаетъ и секретарь Замоискаго, Райнольдъ Гейденштейнъ ²⁾.

О дальнѣйшей дѣятельности Самойла Кошки извѣстій не имѣется никакихъ. Относительно кончины и мѣста его погребенія

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 114—117.

²⁾ Heidenstein, Dzieje polski, Petersburg, 1856, II, 44².

разсказывається различно: въ Боркулабовской хроникѣ говорится, что Самойло Кошка, отпраившійся съ четырьмя тысячами козакъ въ Швецію, былъ тамъ убитъ въ 1601 году и тамъ же погребенъ ¹⁾. Но этому противорѣчить то обстоятельство, что Самойло Кошка въ 1602 году, января 18 дня, писалъ письмо изъ козацкаго табора въ Ливоніи коронному гетману. Въ приложеніяхъ къ лѣтописи Величка о времени кончины и мѣстѣ погребенія Самойла Кошки разсказывается иначе: Самойло Кошка при коронномъ гетманѣ Жолкевскомъ и во время турецкаго султана Османа-Гордаго, находился, въ 1620 году, въ польско-турецкой войнѣ, при урочищѣ Цоцорѣ; но былъ-ли онъ взятъ въ плѣнъ турками, и если былъ взятъ въ плѣнъ, то выкупленъ-ли на свободу, какъ выкупленъ Богданъ Хмельницкій,—это неизвѣстно; подлинно извѣстно лишь то, что Кошка погребенъ въ украинскомъ городѣ Каневѣ, чему свидѣтельствомъ служить его гробъ, находящійся въ этомъ городѣ ²⁾. Въ другихъ малороссійскихъ лѣтописяхъ о Самойлѣ Кошкѣ передается, что онъ, вмѣстѣ съ короннымъ гетманомъ Жолкевскимъ, участвовалъ въ цоцорской битвѣ поляковъ съ турками и былъ взятъ послѣдними въ плѣнъ ³⁾. Изъ современныхъ же изслѣдователей украинской старины и народныхъ малороссійскихъ произведеній Науменко склоненъ допустить, что плѣненіе турками Кошки—фактъ историческій и онъ могъ совершиться около 1620 года ⁴⁾. Антоновичъ склоненъ вѣрить и вѣрить, что плѣненіе Кошки турками произошло гораздо раньше означеннаго года; что онъ, пробывъ въ полонѣ около 25 лѣтъ, вернулся во время Семена Скалозуба, въ 1599 году, на Украину, а потомъ, совершивъ походы въ Молдавію и Швецію, 1600—1602, въ началѣ 1602 года, во время сраженія со шведами, былъ убитъ и препровожденъ для погребенія въ Кіевъ ⁵⁾.

Такъ или иначе, но въ мартѣ мѣсяцѣ 1602 года Самойла Кошки въ Ливоніи уже не было, и въ это время вмѣсто него писалъ письмо къ коронному гетману Гаврило Крутневичъ. Въ этомъ письмѣ Крутневичъ извинялся передъ гетманомъ за то, что онъ не мо-

¹⁾ Кулишъ, Матеріалы для исторіи воссоединенія Руси, I, 77.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1864, IV, 155, 156; смотри также стр. 151.

³⁾ Краткое описаніе Малороссіи въ Лѣтописи Самовидца, 216; Лѣтописи Бѣловерскаго, Кіевъ, 1856, III, 131; Грабянка, 25, 260.

⁴⁾ Кіевская старина, 1883, июнь, 232: Происхожденіе думы о Кошкѣ.

⁵⁾ Кіевская старина, 1883, май, 143; Историческія пѣсни мал. народа, I, 228.

жетъ, вопреки гетманскому приказанію, рушить съ войскомъ подъ замокъ Фелинъ «сегодняшняго дня (т.-е. марта 24), во вторникъ», какъ вслѣдствіе болѣзни многихъ изъ товарищества и порчи дорогъ, такъ и вслѣдствіе разбѣзда козаковъ за добываніемъ пропитанія, а просить разрѣшенія двинуться въ четвергъ и назначить козакамъ предварительно мѣсто, гдѣ бы они могли стать кошемъ. Подписывая свое имя и фамилію въ письмѣ, Крутневичъ не прибавляетъ къ нимъ, какъ всегда дѣлалъ Самойло Кошка, титула «старшого» (Hawrilo Krutniewicz u wsitko zaporozkie woysko) и потому наводитъ на мысль, что онъ вовсе не носилъ этого званія, а только временно управлялъ козаками ¹⁾).

Въ началѣ декабря того же 1602 года во главѣ козацкаго войска, бывшаго въ Ливоніи, стоялъ уже Иванъ Куцковичъ, «старшой всего рыцарства запорожскаго», называемый иначе Куцкой; при немъ, по сообщенію лѣтописца, было 4.000 человекъ козаковъ. Не получая жалованья и продовольствія отъ польскаго правительства, козаки попрежнему крайне нуждались въ первыхъ предметахъ пропитанія и потому, возвращаясь изъ «Инфлянской земли» и проходя по городамъ и волостямъ Бѣлоруссіи, предавались большимъ грабежамъ и опустошеніямъ. Такъ, они брали «приставство» съ боркулабовской и шупенской волостей—50 копъ грошей, 500 мѣръ жита,—и дѣлали всякія безчинства; а когда къ нимъ пріѣхалъ посланецъ отъ польскаго короля и радныхъ пановъ съ увѣщаніемъ прекратить всякія насилія по селамъ и городамъ, то къ польскому посланцу явился какой-то мѣщанинъ и принесъ на рукахъ шестилѣтнюю полуживую, изнасилованную козаками, дѣвочку ²⁾). Но насколько было правдоподобно обвиненіе козаковъ въ послѣднемъ злодѣяніи, неизвѣстно, потому что остается неизвѣстнымъ то, что отвѣчали на подобное обвиненіе сами козаки. Сами козаки, однако, находили оправданіе своихъ поступковъ въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи своемъ и во враждебномъ настроеніи противъ нихъ мѣстныхъ жителей. Такъ, декабря 4 дня, старшой козацкій Иванъ Куцковичъ писалъ письма къ великому канцлеру литовскому, Льву Сапѣгѣ, и въ немъ винился передъ «милостивымъ господиномъ» за то, что сдѣлано было козаками на витебскомъ трактѣ въ имѣніи Сапѣги, Островнѣ.

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1868, 117.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1888, X, 82.

Проѣзжая по этому тракту, козаки, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ конниковъ, заѣхали въ имѣніе канцлера и, вслѣдствіе необходимости остановиться здѣсь на нѣкоторое время, стали просить у управителя имѣніемъ харчей для себя и для коней: «Хотя и слѣдовало минутъ и сохранить имѣніе вашей милости, какъ лица, которое издавна оказываетъ свое благоволеніе запорожскому войску; однако, насъ принудили такъ поступить господа витебскіе мѣщане, которые, не желая добровольно дать намъ въ своихъ домахъ куска хлѣба, обильно облитого нашею кровію, на смерть убили нѣсколькихъ, отправленныхъ впередъ, товарищей нашихъ и обнаружили недоброжелательство ко всему войску нашему. Но все это мы отдаемъ на судъ Господа Бога и его святой справедливости. Что касается ущерба, причиненнаго имѣнію вашей милости, нашего милостиваго господина, то мы увѣрены, что ваша милость постарается покрыть его вашимъ высокимъ прощеніемъ, зная, что безъ этого не можетъ обойтись никто изъ живущихъ войной» ¹⁾. Еще пространнѣе писалъ о бѣдственномъ положеніи козаковъ въ Бѣлоруссіи тотъ же Куцковичъ въ концѣ декабря (20 числа) коронному гетману Яну Замойскому изъ самого города Витебска. Въ этомъ письмѣ Куцковичъ заявлялъ, что недостатки, нужда и потери козаковъ такъ велики, что они сами зываютъ о себѣ къ коронному гетману, и если рассказывать о нихъ человѣку, не выдавшему положенія козаковъ, то онъ и вѣры тому никакой не дастъ. Прежде всего о сукнахъ и обѣщанномъ жалованьѣ козаки и «знать не знаютъ» и все, что они добыли себѣ саблей до войны, все это съѣла инфлянская земля,—долго будетъ памятна запорожскому войску инфлянская служба! Во время этой службы козаки дошли до того, что потеряли всякую разницу между собой и какими-нибудь латышами, и если король не пожалуетъ ихъ своею милостью, то они явятся къ своему товариществу «въ триумфѣ настоящихъ оборванцевъ». Затѣмъ, не видя нигдѣ сочувствія къ себѣ, козаки встрѣтили въ городахъ Бѣлоруссіи одну лишь вражду и недоброжелательство. Начало этой вражды обнаружилось уже съ тѣхъ поръ, когда запорожское войско оставило инфлянтскую землю и вступило во владѣніе великаго литовскаго канцлера. Въ это время канцлерскіе чиновники, собравшись вмѣстѣ съ хлопами, захватили нѣсколько человѣкъ козаковъ на открытой

¹⁾ Киевская старина, 1883, іюнь, 380.

дорогѣ, шедшихъ позади войска, и однихъ изъ нихъ въ водѣ потопили, другихъ безъ всякаго сожалѣнія убили, а когда объ этомъ доведено было до слуха канцлера, то онъ не обратилъ на это никакого вниманія. Кромѣ этого было не мало и другихъ примѣровъ, когда мѣстное населеніе выказывало вражду къ козакамъ, но особенно это проявили мѣщане города Витебска. Не желая своимъ присутствіемъ опустошать дѣлую мѣстность и имѣя въ виду дать отдыхъ своимъ лошадямъ, козаки вознамѣрились съ частью своего войска войти въ Витебскъ и для этого послали раньше себя къ городу асаула съ нѣсколькими десятками конниковъ для переписи домовъ. Витебскіе мѣщане сперва пообѣщали имъ вполнѣ свободный входъ, но когда передовые козаки вошли въ городъ, то горожане ударили въ набатъ, и, бросивши съ нанихъ со страшнымъ ожесточеніемъ, однихъ потопили въ Двинѣ, другихъ убили на смерть, третьихъ выгнали вонъ изъ города, забравъ себѣ ихъ лошадей и имущество. Козаки, сожалѣя искренне о невинно пролитой крови своихъ товарищей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгая еще большаго кровопролитія, хотѣли презрѣть обиду, дали присягу не мстить за убитыхъ товарищей, но просили жителей, чтобы они допустили войско на нѣкоторое время въ свои дома для отдыха, такъ какъ козаки на то имѣютъ приказъ отъ королевскаго величества. Но мѣщане и послѣ этого, ссылаясь на «какія-то вольности свои», не соглашались впустить козаковъ въ свои дома. Тогда козаки обращались къ нимъ съ увѣщательными письмами, прибѣгали и къ посредству шляхтичей, но мѣщане не сдавались, рѣшивъ расправиться съ козаками войной во что бы то ни стало. Козаки, видя, что они напали на людей, ни Бога не боящихся, ни короля не почитающихъ, рѣшили отразить насиліе насиліемъ и приблизились къ городу. Мѣщане, взявъ съ собой знамя, сдѣлали вылазку изъ города и вступили съ козаками въ бой, но потерпѣли жестокое пораженіе, убивъ лишь нѣсколько сверхъ десятка человекъ изъ козацкаго войска. Во свидѣтельство вѣрности всего разсказаннаго козаки ссылались на показаніе витебскихъ шляхтичей и на собственныя «протестаціи». Въ заключеніе просили короннаго гетмана быть заступникомъ за козаковъ передъ королевскою милостью и прислать войску сукна и жалованье, которое заслужено было ими за три четверти года и котораго они намѣрены были ожидать въ городѣ Могилевѣ¹⁾. Но, должно быть,

¹⁾ Listy Żolkiewskiego, Krakow, 1856, 118—121.

и на этотъ разъ козаки не дождались ни суконъ, ни жалованья отъ короля. По крайней мѣрѣ, въ половинѣ 1603 года Иванъ Куцковичъ, не находя возможнымъ успокоить козаковъ, сдать свое начальство въ городѣ Могилевѣ Ивану Косому, а самъ ушелъ изъ Бѣлоруссiи. Иванъ Косой и привелъ козаковъ назадъ. Возвращаясь на Низъ, козаки вездѣ причиняли большіе убытки городамъ и селамъ, брали много лошадей, женщинъ, дѣвицъ и дѣтей, такъ что на одного козака приходилось отъ 8—12 лошадей, отъ 3—4 женщинъ или дѣвицъ и отъ 3—4 дѣтей,—все они забирались, разумѣется, ради выкупа ихъ потомъ родными ¹⁾).

Въ то время, когда одна часть козаковъ находилась въ Швеци, другая часть ихъ подвизалась на низовьяхъ Днѣпра и, очевидно, съ большимъ успѣхомъ для себя, но съ великимъ ущербомъ для мусульманъ, о чемъ можно думать на основаніи жалобъ со стороны крымцевъ на козаковъ. Такъ, въ 1601 году главный совѣтникъ крымскаго хана, Ахметъ-калга заявлялъ жалобу польскому послу Лаврину Пясочинскому о чинимыхъ запорожцами нападєніяхъ на владѣнія Крыма. Но на жалобу совѣтника польскій посолъ отвѣчалъ тѣмъ, что низовые козаки не находятся въ подданствѣ польскихъ королей и представляютъ изъ себя сбродъ всякихъ народовъ и языковъ, съ которыми ханъ можетъ поступать какъ ему угодно. Въ слѣдующемъ 1602 году низовые козаки, въ числѣ двухъ-тысячнаго коннаго войска, стояли за Брацлавомъ надъ Каменкою и предлагали свои услуги волошскому господарю; но господарь отклонилъ это предложеніе, и послѣ этого, мая 12 дня, низовые козаки, выйдя изъ Днѣпра на Черное море на 30 чайкахъ, по 50 или по 60 человекъ въ каждой чайкѣ, напали близъ Килеи, на турчина Хасанъ-агу, плившаго по морю на галерѣ, и побились съ нимъ. Послѣ этого боя, мая 15 числа, козаки подошли къ Вѣлограду и остановились у Бугаза, тамъ, «гдѣ Днѣстръ впадаетъ въ Черное море съ Овидовымъ озеромъ». Здѣсь они напали на турецкій корабль, плившій изъ Кафы и везшій нѣсколько человекъ грековъ и турокъ, и взяли его съ боя, но турки, бывшіе на немъ, успѣли спастись, а грекамъ козаки даровали жизнь, хотя и ограбили ихъ. Однако, вслѣдствіе неблагоприятнаго вѣтра козаки два дня простояли на мѣстѣ съ большою опасностью отъ турокъ. Но и жители города были въ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россiи, Москва, 1888, X, 83.

опасности отъ козаковъ: они каждую ночь перебирались изъ города въ замокъ и всякій разъ трепетали за свою жизнь. Наконецъ, мая 16 дня, подулъ благопріятный вѣтеръ и козаки, поднявъ паруса, ушли въ Днѣпръ ¹⁾.

Послѣ отхода козаковъ турки и татары потребовали отъ польскаго посла Пясочинскаго, чтобы онъ черезъ своего короля заставилъ козаковъ вернуть взятую ими галеру и захваченный на ней товаръ. На это требованіе Пясочинскій снова отвѣчалъ, что козаки своевольные люди, что они не слушаются воли короля и что самъ посолъ боится ихъ не менѣе, какъ бѣлогородцы.

Не добившись положительнаго отвѣта отъ польскаго посла, Порта рѣшила послать противъ козаковъ войско и истребить ихъ на морѣ. Противъ козаковъ отправлены были изъ Царьграда на четырехъ галерахъ янычары, обязанностью которыхъ было перевозить татаръ изъ Очакова въ Бѣлоградъ для похода въ Венгрію. Но янычары, желая расторгнуться столичными товарами, привезенными на корабляхъ въ Бѣлоградъ, подкупили бѣлогородскаго санджака, чтобы онъ самъ вышелъ въ море и сдѣлалъ видъ, будто гоняется за козаками. Санджакъ исполнилъ просьбу янычаръ и, выйдя въ море въ то время, когда козаки успѣли уже подняться въ устье Днѣпра, простоялъ день и двѣ ночи и возвратился въ городъ, какъ бы не успѣвъ догнать козаковъ ²⁾.

Послѣ этого на польскаго посла посыпались упреки со стороны пословъ крымскаго хана и чиновниковъ санджака. Послу доказывали, что козаки вовсе не сбродъ, что они люди князей Острожскихъ, Збаражскаго и другихъ польскихъ пановъ, подданныхъ короля. Но посолъ отвѣчалъ имъ прежними словами: «Козаки—сборъ всякаго народа, хотя въ ихъ рядахъ есть и бѣглецы изъ польскихъ владѣній. Что же? У васъ, въ самомъ Константинополѣ, при всей вашей бдительности, случаются безпорядки, а на Бѣломъ (Мраморномъ) морѣ Буратъ-райза держалъ разбой и угрожалъ самому государю. Такъ и у насъ козаки городъ и волости разоряли, людей мучили, въ полонъ брали... Да если бы всѣ козаки были изъ польскаго государства, то ихъ можно было бы укротить, а то они собираются отовсюду. Да козаки-жъ и моря не знали, пока ваши же турки райзы не по-

¹⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 173.

²⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 175.

казали себя и не научили их мореплаванію, а потомъ сами заодно васъ воюють. Сами виноваты, что такихъ учителей имъ дали» ¹⁾).

Что дѣлали козаки послѣ этого въ теченіе 1604 и 1605 годовъ, указаній на этотъ счетъ не имѣется, но въ январѣ мѣсяцѣ 1606 года стало извѣстно, что ногайскій салтанъ Бухаръ вторгнулся со своими ордами подъ городъ Корсунь. Тогда гетманъ коронный Станиславъ Жолкевскій извѣстилъ о томъ запорожскихъ козаковъ, и козаки отгѣснили Бухара отъ Корсуни съ большимъ для него урономъ ²⁾. Въ томъ же 1606 году козацкій старшой, Григорій Изаповичъ, называвшій себя «гетманомъ всего рыцарства запорожскаго» («Hetman wszitko ricerstwa zaporozskie»), оповѣщалъ своимъ универсаломъ украинскіе уряды, что въ исходѣ декабря, когда Днѣпръ станетъ на своихъ обыкновенныхъ перевозахъ, крымскій царевичъ, старшій сынъ хана, имѣетъ сдѣлать нападеніе на владѣнія польскаго короля, пана козацкаго; вслѣдствіе этого, «гетманъ, какъ вѣрный слуга его милости короля и Рѣчи-Посполитой», доноситъ украинскимъ урядамъ о басурманскомъ замыслѣ и приглашалъ ихъ къ защитѣ края противъ неприятелей. По просьбѣ Изаповича универсалъ его записанъ былъ въ градскія владимірскія книги ³⁾.

¹⁾ Рукопись имп. публ. библиотеки, польск., f, IV, № 7 1; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 54—56; Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 171—177.

²⁾ Записки гетмана Жолкевскаго, С.-Петербургъ, 1871, 264.

³⁾ Архивъ югозападной Россіи, ч. III, т. I, 152.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Участіе запорожскихъ козаковъ въ предпріятіи Лжедмитрія I. — Неудачная битва Дмитрія и козаковъ у Добрыничъ на рѣчкѣ Сѣвѣ. — Участіе запорожцевъ въ предпріятіи Лжепетра и Лжедмитрія II. — Пораженіе Шуйскаго и Голицына и начальнива нѣмецкаго отряда Ламсдорфа отъ поляковъ и запорожцевъ. — Общая численность запорожскихъ и украинскихъ козаковъ при Тушинѣ. — Дѣйствія козаковъ подъ Устюжною. — Дѣйствія Наливайка во владимірскомъ уѣздѣ. — Движеніе Кернозицкаго съ козаками къ Новгороду, отступленіе къ Старой-Русѣ и Твери. — Дѣйствія Олевченка съ козаками подъ Смоленскомъ. — Участіе козаковъ во взятіи Стародуба, Почена, Чернигова, Новгородъ-Сѣверска, Мосальска и Бѣлой. — Оборона козаками православной вѣры на югѣ; возвращеніе ихъ на сѣверъ и движеніе къ Пронску, Зарайску, въ верхневолжскія и заволжскія мѣста; осада Вологды. — Сидѣніе запорожцевъ въ Кремлѣ. — Сношеніе царя Михаила Феодоровича съ турецкимъ султаномъ по поводу запорожцевъ. — Движеніе въ московскіе предѣлы гетмана Сагайдачнаго и дѣйствія его у Калуги и Бѣлой.

Въ то время, когда запорожскіе козаки возвратились изъ шведскаго похода на Низъ, у нихъ объявился человекъ, который потомъ потрясъ основы всего русскаго государства и едва не сдѣлался причиною подчиненія Россіи польской коронѣ,—это Лжедмитрій I или названный Дмитрій царевичъ. Что названный царевичъ Дмитрій былъ въ Запорожьѣ, на это есть прямыя положительныя указанія; нѣтъ лишь точныхъ указаній на то, въ какомъ именно году онъ былъ тамъ—въ 1601, 1602 или въ 1603 г. ¹⁾ Впрочемъ, разница въ разстояніи времени здѣсь не имѣла никакого значенія,—важно лишь то, что съ появленіемъ Дмитрія наступило на Руси смутное время, а это время всегда желательно было для всего козацкаго сословія, искавшаго вездѣ добычи и военной славы. Въ смутное время русское козачество играло первенствующую роль, и всѣ самозванцы опирались главнымъ образомъ на козаковъ. Оттого во всѣхъ походахъ Дмитрія I и его преемниковъ южнорусскіе козаки принимали также самое живое и самое дѣятельное участіе, при чемъ въ этомъ дѣлѣ главнѣй-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 82, 434—437.

шую роль играли собственно такъ - называемые украинскіе или черкаскіе козаки и второстепенную собственно запорожскіе или низовые козаки.

Назвавшись русскимъ царевичемъ въ Польшѣ и получивъ позволеніе собирать войско для похода на Москву, Лжедмитрій-первый въ 1604 году послалъ своихъ агентовъ къ донскимъ и запорожскимъ козакамъ поднимать ихъ къ себѣ на службу; послѣднимъ Дмитрій отправилъ даже собственное знамя въ знакъ особеннаго къ нимъ вниманія; козаки съ особой охотой откликнулись на такой призывъ. Ихъ привлекли въ данномъ случаѣ жажда богатой добычи, страсть къ далекимъ походамъ, заманчивость самаго предпріятія. Подъ знаменемъ Дмитрія собралось нѣсколько тысячъ поляковъ и двѣ тысячи донскихъ козаковъ, съ которыми онъ и выступилъ въ южныя области московскаго государства. Въ городѣ Сѣвскѣ къ нему подошло 12.000 человекъ малороссійскихъ козаковъ, раздѣлявшихся на конниковъ, 8.000, и пѣхотинцевъ, 4.000, съ арматой изъ 12 исправныхъ пушекъ; между малороссійскими козаками не мало было и собственно запорожскихъ или низовыхъ козаковъ. Дмитрій въ особенности обрадовался, когда къ нему явились козаки запорожскіе («kozasy zarogosey»), какъ потому, что они пришли въ большемъ числѣ, такъ и потому, что они извѣстны были своимъ мужествомъ. Усилившись козаками, Дмитрій далъ сраженіе царскому войску, въ половинѣ января 1605 года, при деревнѣ Добрыничахъ, недалеко отъ Сѣвска, на рѣкѣ Сѣвѣ, но потерпѣлъ тамъ пораженіе ¹⁾.

Въ это время Дмитрій располагалъ войскомъ въ 15 или 20 тысячъ человекъ. Передъ началомъ битвы онъ раздѣлилъ все наличное число своего войска на три части: первую часть составляли поляки и перешедшіе на его сторону русскіе, числомъ 3.000—8.000; вторую козацкая конница, 8.000 человекъ; третью козацкая пѣхота, 4.000 человекъ; послѣдніе имѣли въ своемъ распоряженіи армату и поставлены были въ резервѣ. Противъ Дмитрія дѣйствовали 60.000 русскихъ ратниковъ, высланныхъ царемъ Борисомъ Годуновымъ и состоявшихъ подъ начальствомъ князей Ѳедора Мстиславскаго и Василя Шуйскаго. Битву открылъ самъ Дмитрій. Онъ съ польскою и русскою дружиной бросился на одно

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 96, 97; Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, II, 154.

крыло московскаго войска и, опрокинувъ его, устремился на главную царскую рать, стрѣльцовъ; за нимъ поскакали и мало-россійскіе и запорожскіе козаки. Стрѣльцы выставили впереди себя подвижныя укрѣпленія въ видѣ саней съ сѣномъ и, подпущивъ къ себѣ на извѣстное разстояніе поляковъ и козаковъ, дали сильный залпъ по нимъ. Не ожидая такого залпа, козаки дрогнули и повернули назадъ. За козаками обратились назадъ и поляки. Тогда русскіе бросились въ погоню за бѣглецами, но наткнулись на козацкую пѣхоту съ пушками. Пѣхота стала палить изъ пушекъ по русскимъ ратникамъ, но, подавленная силой, была въ конецъ истреблена ими, зато своимъ дѣйствіемъ дала возможность уйти и спастись отъ русскихъ Дмитрію. Разбитый подъ Добрыничами, самозванецъ бѣжалъ сперва въ городъ Рыльскъ, а оттуда въ городъ Путивль ¹⁾).

Въ дальнѣйшихъ успѣхахъ своихъ походовъ Дмитрій-первый обязанъ былъ главнымъ образомъ донскимъ козакамъ и русскимъ ратнымъ людямъ, ненавидѣвшимъ противника Лжедмитрія, Бориса Годунова, и потому охотно сражавшимся противъ него за самозванца. Какова роль была съ этого времени украинскихъ и запорожскихъ козаковъ, неизвѣстно. Но послѣ гибели Лжедмитрія-перваго запорожскіе козаки все еще оставались въ предѣлахъ московскаго государства и въ 1607 году помогали самозванцу Петру, родомъ донскому козаку, Илейкѣ, изъ Муромъ, назвавшемуся небывалымъ сыномъ царя Ѳедора Ивановича отъ жены его Ирины. Лжепетръ выступилъ еще при жизни Дмитрія-перваго. Называя его своимъ дядею, онъ послалъ къ Дмитрію свою грамоту и получилъ отъ него приглашеніе пріѣхать въ Москву. Принявъ это предложеніе за чистую монету, Лжепетръ двинулся-было съ козаками вверхъ по Волгѣ, но когда поднялся выше Свиязска, то тутъ получилъ извѣстіе о гибели Дмитрія и о воцареніи Василя Шуйскаго. Тогда онъ повернулъ назадъ и скоро очутился на Дону, гдѣ и расположился на зимовку. Въ это время къ Лжепетру прибѣжалъ гонецъ отъ князя Григорія Шаховскаго, поднявшаго возстаніе противъ царя Василя Шуйскаго, и просилъ Петра для совмѣстнаго дѣйствія противъ царскихъ войскъ. Лжепетръ съ охотой принялъ предложеніе Шаховскаго и весной 1607 года двинулся въ Путивль. При немъ были терскіе, донскіе и волжскіе

¹⁾ Иловайскій, Смутное время, Москва, 1894, 30.

козаки, а потомъ пристали и запорожскіе. По дорогѣ Лжепетръ взялъ со своими козаками городъ Цареборисовъ, избилъ нѣсколько воеводъ и дворянъ и потомъ добрался до Путивля. Изъ Путивля, вмѣстѣ съ Григоріемъ Шаховскимъ, Лжепетръ двинулся къ Тулѣ и здѣсь соединился съ другимъ мятежникомъ, холопомъ Иваномъ Болотниковымъ, имѣя намѣреніе идти на Москву. Но въ Тулѣ Лжепетръ, октября 1 дня, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, Болотниковымъ и другими, былъ взятъ и отправленъ въ Москву и тамъ казненъ черезъ повѣшеніе.

Запорожцы, бывшіе при Лжепетрѣ, въ числѣ 3.000 человекъ, перешли потомъ на сторону Лжедмитрія-второго, стоявшаго въ городѣ Орлѣ ¹⁾ и имѣвшаго около себя 4.000 поляковъ съ княземъ Романомъ Ружинскимъ во главѣ ²⁾). Когда самозванецъ второй двинулся изъ Орла, то встрѣтился подъ селомъ Каменкою, между Орломъ и Болховымъ, съ царскою ратью, между которой былъ и наемный нѣмецкій отрядъ. Нѣмцы снеслись съ Ружинскимъ и предложили ему перейти на сторону Лжедмитрія-второго и поляковъ. Ружинскій принялъ это предложеніе съ охотой, но въ рѣшительный моментъ нѣмецкіе начальники сильно перепились и не успѣли склонить всего отряда къ переходу къ Лжедмитрію и Ружинскому. А между тѣмъ поляки вступили въ бой съ русскими и послѣднимъ въ это время оказали большую услугу нѣмцы: когда Ружинскій послѣ боя разбилъ князей Дмитрія Шуйскаго и Василія Голицына и заставилъ ихъ покинуть поле битвы, то нѣмцы прикрыли отступленіе царской рати и тѣмъ заставили думать князя Ружинскаго о неискренности ихъ предложенія о переходѣ къ самозванцу. Разбивъ и разсѣявъ царскую рать вторично, апрѣля 24 дня, 1608 года, Ружинскій приказалъ запорожцамъ изрубить 200 человекъ нѣмцевъ съ ихъ начальникомъ Ламсдорфомъ во главѣ, не смотря на то, что они добровольно пришли къ нему съ изъявленіемъ готовности служить полякамъ ³⁾).

По мѣрѣ успѣха Лжедмитрія-второго противъ Москвы, къ нему все болѣе и болѣе стекалось различнаго рода искателей приключеній и въ числѣ ихъ запорожскихъ козаковъ, такъ что подъ Тушиномъ послѣднихъ считалось уже 13.000 человекъ ³⁾,

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 170, 174.

²⁾ Кіевская старина, 1882, апрѣль, II, 76.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 196.

но, конечно, главную массу составляли здѣсь собственно мало-россійскіе козаки, извѣстные у москвичей подъ именемъ запорожскихъ черкасъ.

Въ началѣ 1608 года козаки, вмѣстѣ съ поляками и тушинцами, бились противъ воеводы Желѣзопольской-Устюжны, Андрея Петровича Ртищева, и Ѳомы Поддипаева и съ ихъ четырьмястами человѣкъ ратниковъ изъ Бѣлаго-озера. Января 5 дня, при деревнѣ Батневкѣ, козави нанесли такое жестокое пораженіе устюженцамъ и бѣлоозерцамъ, что пораженные, по выраженію современника, изсѣчены были подобно травѣ. Спасшись отъ гибели съ небольшимъ числомъ воиновъ, Ртищевъ ушелъ въ Устюжну и, пока поляки и козаки успѣли отлучиться на нѣкоторое время отъ Батневки, воевода постарался укрѣпиться, наковать себѣ пицалей и наготовить боевыхъ запасовъ. Однако, февраля 3 дня, козаки, литовцы, поляки, подъ начальствомъ Козаковского, а вмѣстѣ съ ними нѣмцы и татары, вновь прискакали подъ Устюжну; четыре раза они приступали къ острогу города, но каждый разъ встрѣчали такой сильный отпоръ со стороны горожанъ, что отступали прочь и, наконецъ, послѣ приступа февраля 8 дня совсѣмъ покинули Устюжну, и жители ея воспѣли благодарственный гимнъ Господу Богу за избавленіе отъ нашествія ляховъ, празднуя это событіе и по настоящее время 10 февраля каждого года. Въ это же время во владимірскомъ уѣздѣ дѣйствовалъ какой-то панъ Наливайко съ козаками; онъ свирѣпствовалъ съ неслыханнымъ злодѣянствомъ, истребляя и сажая на колъ дворянъ, боярскихъ дѣтей, простыхъ крестьянъ, позоря женъ, забирая въ плѣнъ дѣтей. Злодѣянія Наливайка привели въ ярость даже самого тушинскаго вора и онъ послалъ приказаніе во Владиміръ казнить Наливайка. Однако, за Наливайка вступился литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга и написалъ къ самозванцу просительное по этому поводу письмо. Самозванецъ, вмѣсто помилованія, обратился къ Сапѣгѣ съ укоромъ, чтобы онъ не выпрашивалъ милости такимъ злодѣямъ, какъ Наливайко, а каралъ бы ихъ смертью. Но приказаніе тушинскаго вора было оставлено безъ исполненія, и козаки Наливайка продолжали попрежнему злодѣйствовать, неизвѣстно только, какіе именно то были козаки, т.-е. были-ли то украинскіе, запорожскіе или какіе-нибудь бродяги, принявшіе имя козаковъ ¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 218, 219, 223.

Въ 1609 году запорожскіе козаки, подъ начальствомъ полковника Кернозицкаго, отправлены были Лжедмитріемъ-вторымъ къ старому Новгороду, съ цѣлью склонить на сторону Дмитрія жителей Новгорода. Въ то время въ Новгородѣ находился племянникъ царя, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, собиравшій ополченіе противъ враговъ царя и ведшій переговоры со шведами о наймѣ ихъ въ военную службу къ московскому царю. Козаки шли, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, изъ Тушина и по дорогѣ къ Новгороду захватили Торжокъ и Тверь. На встрѣчу запорожцамъ вышелъ околичнчій Михаилъ Татищевъ, но онъ былъ обвиненъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Кернозицкимъ и заплатилъ за то жизнью. Тогда Кернозицкій безпрепятственно подступилъ къ Новгороду и расположился у Хутынскаго монастыря. Но тутъ онъ узналъ, что къ князю Михаилу Скопину-Шуйскому подошло значительное подкрѣпленіе и, испугавшись, поспѣшно отступилъ назадъ, послѣ чего дѣйствовалъ противъ русскихъ и шведовъ подъ Старой-Русой и Тверью, но оба раза неудачно.

Въ томъ же году, со второй половины мѣсяца сентября, запорожскіе черкасы, подъ начальствомъ Олевченка, дѣйствовали, въ числѣ около 10.000 человѣкъ ¹⁾, подъ городомъ, Смоленскомъ вмѣстѣ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ III и литовскимъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою. Они собрались сперва въ Каневѣ, Переяславѣ и Черкасахъ и сами предложили свои услуги польскому королю. Подъ Смоленскомъ они заняли позицію около Духовскаго монастыря и расположились тамъ своимъ таборомъ. Впрочемъ, существенной пользы запорожскіе козаки королю на этотъ разъ не оказали, такъ какъ они, не любя подчиняться никакимъ требованіямъ военной дисциплины, то приходили къ городу, то уходили и больше занимались исканіемъ добычи въ селахъ и деревняхъ, чѣмъ продолжительною и скучною осадой города ²⁾. Въ началѣ 1610 года козаки особенно разбойничали въ зубцовскомъ уѣздѣ, въ разстояніи около 300 верстъ отъ Москвы и около 200 отъ Твери ³⁾. Вслѣдъ за тѣмъ запорожскіе черкасы принимали участіе, вмѣстѣ съ поляками и литовцами, во взятіи городовъ сѣверской Украй-

¹⁾ Въ Запискахъ гетмана Жолкевскаго показано 30.000 «запорожскихъ козаковъ»: Спб, 1871, 33.

²⁾ Иловайскаго, Смутное время, Москва, 1894, 144, 148, 149.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, VIII, 235, 237, 239, 240, 242, 255, 272.

ны—Стародуба, Почепа, Чернигова, Новгородъ-Сѣверска, Монастырська и Бѣлой, заставляя жителей присягать польскому королевичу Владиславу. Жители названныхъ городовъ, особенно двухъ первыхъ, оказывали запорожскимъ черкасамъ жестокое сопротивление и, зажигая города, бросали въ пламень свои имущества, а потомъ кидались въ него сами и погибали. Такое отчаяніе мѣстнаго населенія объясняется тою жестокостію, съ какою казаки, не смотря даже на запрещенія короля Сигизмунда III, обращались съ побѣжденными ¹⁾. Различіе въ исторической судьбѣ, различіе въ культурѣ, языкѣ, костюмѣ, общественномъ строѣ, отчасти въ обрядностяхъ вѣры сдѣлали южноруссовъ, въ особенности запорожскихъ козаковъ, во многомъ несхожими съ великороссами. И по внѣшнимъ приѣмамъ, и по внутреннимъ воззрѣніямъ южноруссы скорѣе имѣли сходство съ поляками, чѣмъ съ великороссами. Этимъ-то и можно объяснить ту вражду, которую украинскіе и запорожскіе казаки выказали въ отношеніи великоруссовъ въ смутное время московскаго государства.

Дѣйствуя съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ противъ своихъ же собратьевъ, людей православной вѣры на сѣверѣ Россіи, запорожскіе и украинскіе казаки въ то же время весьма энергично отстаивали православную вѣру на югѣ Россіи противъ открытыхъ враговъ ея, уніатовъ. Такъ, въ 1610 году, козацкій гетманъ Григорій Тискиневичъ особенно усердно поддерживалъ кievское православное духовенство, которое не хотѣло подчиниться уніатскому митрополиту и не дозволяло взять кievскую соборную церковь св. Софіи уніатскому намѣстнику («офиціалу») Антонію Грековичу. Тискиневичъ написалъ письмо, мая 10 дня, находясь за порогами Днѣпра, до пана подвоеводы кievскаго, Холоневскаго, и, выказывая въ этомъ письмѣ горячее желаніе ратовать за православную восточную церковь до конца своей жизни и до готовности сложить свою голову, давалъ позволеніе подвоеводѣ убить «того офиціала Грековича якъ пса, гдѣ колвекъ здыбавши» ²⁾.

Въ 1611 году малороссійскіе, а съ ними, нужно думать, и запорожскіе казаки, снова очутились на сѣверѣ Россіи въ распоряженіи поляковъ. Польскій полководецъ Александръ Гонсѣвскій приказалъ отряду запорожцевъ идти въ рязанскія мѣста для того,

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 276.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, II, 66.

чтобы мѣшать Прокопію Ляпунову, собиравшемуся на подмогу Москвѣ. «Черкасы» нашли себѣ союзника, воеводу Исака Сумбулова, сторонника поляковъ, и двинулись къ городу Пронску. Въ Пронскѣ они застали Прокопія Ляпунова и осадили его. Но на помощь къ Ляпунову подошелъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, и «черкасы» почли за лучшее отступить отъ города. Послѣ этого тѣ же «черкасы» напали на городъ Зарайскъ, гдѣ расположился князь Пожарскій, но тутъ они испытали полную неудачу: Пожарскій вышелъ изъ города и ударилъ на нихъ съ такою силою, что они покинули городъ и бросились бѣжать на Украину ¹⁾.

Однако, это бѣгство «черкасъ» на Украину не было окончательнымъ: въ 1612 году «черкасы» очутились на верхневолжскихъ и даже заволжскихъ мѣстахъ,—въ краснохолмскомъ Антоніевскомъ монастырѣ, въ Пошехоньѣ, въ Угличѣ, въ Твери. Въ это время они сражались съ княземъ Димитріемъ Мамстрюковичемъ Черкасскимъ и выгнаны были имъ изъ Антоніева монастыря (бѣжецкаго уѣзда, тверской губерніи). Съ 22 по 26 августа того же года часть малороссійскихъ «черкасъ» была осаждена, вмѣстѣ съ поляками, литовцами и нѣмцами, въ Кремлѣ и Китай-городѣ, соединенными ополченіями Минина - Сухорукова, князя Пожарскаго и атамановъ русскихъ козаковъ. Сентября 22 дня часть «черкасъ» отбѣлилась отъ польскаго воеводы Хоткевича и бросилась къ городу Вологдѣ. Пользуясь отсутствіемъ отъѣзжихъ карауловъ, бащенныхъ и городскихъ сторожей, стрѣлцкихъ головъ и сотниковъ, нарядныхъ пушкарей и затинщиковъ, черкасы вошли ночью въ городъ и взяли его приступомъ, людей изрубили, церкви ограбили, городъ и посады до основанія выжгли, воеводу князя Долгорукова и дьяка Карташова убили, архіепископа Сильвестра въ полонъ взяли и хотѣли было казнить смертью, но потомъ еле живого отпустили.

Наконецъ, при сдачѣ Кремля Карломъ Хоткевичемъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, Минину, Пожарскому и Трубечкому, въ числѣ поляковъ, литовцевъ и нѣмцевъ были и черкасы, подъ которыми москвичи разумѣли, по обыкновенію, какъ малороссійскихъ, такъ и собственно запорожскихъ козаковъ. Находясь въ Кремлѣ, осажденные терпѣли страшный голодъ и не сдавались. «Тогда отцы

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1883, VIII, 358.

ѣли своихъ дѣтей, одинъ гайдукъ съѣлъ сына, другой — мать, одинъ товарищъ съѣлъ слугу своего, ротмистръ, посаженный судить виновныхъ, убѣждалъ съ судилища, боясь, чтобы обвиненные не съѣли судью» ¹⁾).

Послѣ сдачи поляковъ, литовцевъ, нѣмцевъ и черкасъ на Руси произошло знаменательное событіе, избраніе, февраля 21 дня, 1613 года, царя Михаила Феодоровича Романова, въ слѣдъ за которымъ послѣдовало повсемѣстное очищеніе Россіи отъ иноземцевъ, различныхъ бродячихъ элементовъ и въ томъ числѣ отъ козаковъ.

Въ іюні мѣсяцѣ этого же года отъ новаго царя отправлены были къ турецкому султану Ахмету послы съ извѣстіемъ дружбы Россіи къ Турціи и съ просьбой дѣйствовать заодно съ русскимъ царемъ противъ поляковъ и литовцевъ. На эту просьбу изъ Константинополя отвѣчали, что султанъ согласенъ быть съ великимъ государемъ въ братствѣ и любви и хочетъ стоять на литовскаго короля, для чего отдалъ приказъ крымскому хану идти отъ города Аккермана на Литву; особо прямо изъ столицы султанъ послалъ на Литву десять тысячъ ратныхъ людей съ волохами и молдаванами, а кромѣ того велѣлъ у днѣпровскаго устья поставить два города противъ «днѣпровскихъ черкасъ», чтобы сбить съ Днѣпра всѣхъ козаковъ ²⁾).

Но «черкасы», ничего не зная о сношеніяхъ русскаго царя съ турецкимъ султаномъ, попрежнему продолжали оставаться въ московской Руси и брать города одинъ за другимъ. На этотъ разъ во главѣ ихъ стоялъ знаменитый гетманъ Петро Конашевичъ Сагайдачный ³⁾), впоследствии прославившій себя какъ военными, такъ и гражданскими дѣлами, дѣйствовавшій на Украинѣ за православную вѣру и народность одинаково искусно какъ саблей, такъ и перомъ. Выйдя съ «воинствомъ своимъ» изъ Кіева, онъ прошелъ на Путивль, Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ, Мещовскъ, Серпейскъ, Лихвинъ, Черемышль, Калугу и «много по пути зла сдѣлалъ, проливъ кровь христіанскую». Въ Калугѣ въ то время

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, IX, 77.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, IX, 77.

³⁾ Фамилія Сагайдачнаго восточная: «сагайдакъ» съ тюркскаго на русскій значить дикій козелъ, въ переносномъ значеніи—лукъ, обтянутый кожей дикаго козла; Конашевичъ означаетъ отчество отъ имени Кононъ или Коношъ. Родомъ Сагайдачный изъ с. Вишенька близъ Самбора.

сидѣлъ воевода Артемій Измайловъ, который послалъ извѣстіе въ іюль мѣсяцѣ въ Москву о первомъ приступѣ къ городу Сагайдачнаго и о намѣреніи его вторично идти на Калугу. Въ то же время писалъ въ Москву и Нащокинъ съ извѣстіемъ о томъ, что черкасы имѣютъ намѣреніе идти къ Можайску. Тогда молодой царь, послѣ совѣта съ духовенствомъ и боярами, послалъ противъ Сагайдачнаго князя Дмитрія Мамстрюковича Черкаскаго да Михайла Матвѣевича Бутурлина. Воеводы двинулись по направленію къ Калугѣ, но черкасы и литовцы отступили къ Вязьмѣ и Дорогобужу, а потомъ, покинувъ и эти города, ушли въ Бѣлую. Воеводы пошли по слѣдамъ черкасъ и, подошедши къ Бѣлой, осадили ее. Черкасы и литовцы попытались сдѣлать вылазку, но эта вылазка была неудачна, и въ августѣ мѣсяцѣ они сдались русскимъ воеводамъ. Послѣ этого Сагайдачный со своимъ войскомъ повернулъ назадъ и пошелъ къ Кіеву черезъ курскій уѣздъ и черезъ вершияу рѣки Псла, на Думчій курганъ. Дойдя до города Курска, онъ отправилъ къ гражданамъ его двухъ человекъ съ объявленіемъ, что онъ ни городу, ни уѣзду не причинитъ никакого зла, о чемъ отдалъ приказъ своему воинству ¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, Москва, 1885, IX, 36; *Кіевская старина*, 1886, январь, 201.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Начало дѣятельности гетмана Сагайдачнаго. — Взятіе запорожцами городовъ Кафы, Синопа, окрестностей Константинополя, Трапезонта и Варны. — Походъ запорожскихъ козаковъ подъ Перекопъ и сношеніе ихъ съ Москвой. — Участіе запорожцевъ въ сраженіи подъ Хотиномъ заодно съ поляками противъ турокъ и первенствующая роль въ этомъ гетмана Сагайдачнаго. — Неудачные походы запорожцевъ къ Очакову и въ Черное море въ 1621 году. — Походы запорожцевъ въ Молдавію въ 1622—1623 году, къ берегамъ Босфора, къ городамъ Синопу и Трапезонту. — Страшное пораженіе козаковъ на западномъ берегу Чернаго моря. — Условія, предъявленныя козаками польско-литовскому правительству въ 1625 году. — Появленіе въ Запорожьѣ турецкаго царевича Ахія.

Возвратившись на Украину и въ Запорожье, козаки снова обратились къ своимъ прежнимъ дѣламъ, походамъ на Крымъ и Турцію. Еще въ 1612 году козаки, подѣ начальствомъ Сагайдачнаго, пробрались Днѣпромъ и его широкимъ лиманомъ въ Черное море и причинили тамъ большія разоренія турецкому населенію, послѣ чего взяли намѣреніе идти на Волощину. Польскій король Сигизмундъ III, узнавъ объ этомъ, послалъ въ 1613 году козакамъ универсалъ съ требованіемъ немедленно оставить свои замыслы и не беспокоить своими набѣгами ни турокъ, ни волоховъ: «Услышавъ объ этомъ своевольномъ замыслѣ вашемъ, всѣ коронныя чины и вся Рѣчь-Посполитая, почти въ одинъ голосъ, горячо просили насъ обуздать и покарать это своевольство ваше; а потому, въ случаѣ вашего непослушанія, мы прикажемъ нашимъ старостамъ и всяческимъ властямъ истреблять васъ и карать на имущество, женахъ и дѣтяхъ вашихъ» ¹⁾.

Такія угрозы, однако, нисколько не дѣйствовали на козаковъ: козаки, привыкшіе уже къ своеволю во время походовъ въ московское государство и вмѣстѣ съ тѣмъ приученные къ полной непослѣдовательности своего правительства, то поощрявшаго ихъ, въ случаѣ надобности, то останавливавшаго, въ случаѣ опасности,

¹⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, Спб., 1874, II, 182.

не обращали никакого вниманія на королевскіе универсалы. Въ 1613 году они успѣли два раза сходить въ Черное море и надѣлать много «шкодъ татарамъ, разоривъ нѣсколько городовъ въ Херсонесѣ таврическомъ». Противъ козаковъ выслана была турецкимъ султаномъ немалая водная армата, галеры и чайки, къ очаковскому порту, мимо котораго низовцы неминуемо должны были возвращаться назадъ. Но козаки, пользуясь ночнымъ временемъ, напали на безпечныхъ турокъ въ самомъ портѣ и разгромили ихъ, причемъ взяли не мало турецкихъ чаекъ и шесть большихъ судей, галеръ, а о своей побѣдѣ донесли королю на сеймѣ, черезъ письмо и посольство, и коронному гетману Станиславу Жолкевскому. Не довольствуясь этимъ, козаки, вышедши изъ Запорожя въ немаломъ количествѣ войска, пошли «на власти» и стали причинять «всякое зло» и украинскому населенію. Они двигались къ волошской границѣ, ведя съ собой какого-то самозваннаго господарчика, и уже добрались въ имѣнія князей Збаражскихъ въ Брацлавщинѣ. Обыватели брацлавскаго воеводства обратились съ жалобой на козаковъ къ коронному гетману, чтобы онъ спасалъ ихъ отъ притѣсненій козацкихъ. Тогда гетманъ, желая предупредить опасность, которая угрожала Польшѣ отъ Турціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя намѣреніе подать помощь брацлавскому населенію, предупредилъ козаковъ черезъ ихъ же собственныхъ посланцевъ, и, собравъ роты, вышелъ на Украину. Козаки, узнавъ объ этомъ, повернули къ Днѣпру и, перейдя рѣку, расположились въ Переяславѣ ¹⁾).

Правительство турецкаго султана по поводу походовъ козаковъ обратилось за удовлетвореніемъ къ польскому послу Андрею Горскому, бывшему на ту пору въ Константинополѣ, но Горскій на предложенный ему запросъ отвѣчалъ, что козаки представляютъ изъ себя разбойническое и разноплеменное скопище русиновъ, москвитянъ, волоховъ и поляковъ, привыкшихъ, при случаѣ, безчинствовать и не повиноваться ни королю, ни сейму Рѣчи-Посполитой.

Этотъ и предыдущіе отвѣты польскаго посла султану относительно набѣговъ козаковъ на турецкія земли ясно показываютъ, что въ Польшѣ на ту пору нуждались въ козакахъ и потому пока смотрѣли сквозь пальцы на всѣ дѣйствія ихъ въ Крыму и Турціи.

Въ началѣ весны 1614 года козаки снова предприняли походъ

¹⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, Спб., 1874, II, 183, 184.

въ Черное море, но на этотъ разъ имъ не посчастливилось: на морѣ поднялась буря и разнесла ихъ въ разныя стороны, причеиъ морская волна однихъ изъ нихъ потопила, другихъ выбросила на берегъ, гдѣ они были изловлены и побиты турками ¹⁾. Не смотря на это, въ томъ же году козаки, собравшись въ числѣ до 2.000 человекъ, вновь выплыли въ Черное море; ими руководили бывшіе турецкіе невольники, украинцы - потурнаки, принявшіе исламъ («потурчившіеся») единственно изъ страха смерти, служившіе туркамъ, но потомъ сзумѣвшіе обмануть турокъ и убѣжать на Украину. Они отлично знали всѣ входы въ побережные города Чернаго моря и предложили козакамъ руководить флотиліей. Козаки приняли предложеніе и, выплывши чайками въ Черное море, ударились къ берегамъ Малой Азіи или Анатоли и пристали къ богатой, крѣпкой, людной и цвѣтущей гавани Синопу, славившейся по всему востоку какъ богатствомъ своихъ жителей, такъ и прекраснымъ мѣстопоположеніемъ и чуднымъ климатомъ и прозванной «городомъ любовниковъ». Пользуясь указаніями «потурнаковъ», козаки напали на городъ, разрушили замокъ, перерѣзали гарнизонъ, ограбили арсеналъ, сожгли нѣсколько мечетей, домовъ и стоявшія въ пристани суда, вырѣзали множество мусульманъ, освободили изъ неволи всѣхъ христіанъ и послѣ этого, причинивъ туркамъ, по исчисленію торговыхъ людей, на 40 милліоновъ злотыхъ убытку, послѣшно ушли изъ города. Извѣстіе о взятіи Синопа произвело на турокъ оглушающее впечатлѣніе. Самъ султанъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ такой гнѣвъ, что приказалъ было казнить великаго визиря Насафъ-пашу и только по неотступной просьбѣ жены и дочери паши даровалъ ему на этотъ разъ жизнь, хотя не преминулъ исколотить его буздыганомъ, т. е. большой металлической булавой ²⁾. Но, не довольствуясь этимъ, султанъ послалъ румелійскаго беглербека Ахметъ-пашу преградить козакамъ дорогу и истребить ихъ всѣхъ до единаго, гдѣ только они будутъ отысканы. вмѣстѣ съ этимъ «великій падишахъ» отдалъ приказаніе, для предупрежденія дальнѣйшихъ выходовъ козацкихъ въ Черное море, построить нѣсколько замковъ при впаденіи рѣки Днѣпра въ море, о чемъ и извѣстилъ въ томъ же 1614 году польскаго короля Сигизмунда III, совѣтуя и ему, съ

¹⁾ Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1874, II, 185.

²⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 470.

своей стороны, принять соответствующія противъ козаковъ мѣры ¹⁾. Ахметъ-паша немедленно отправился къ устью Днѣпра и, имѣя при себѣ 4.000 янычаръ со множествомъ другого народа, расположился на урочищѣ Газилеръ-Геремихъ («Переправѣ воиновъ») и сталъ приготовляться къ постройкѣ крѣпостей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ возвращенію козаковъ въ обратный путь отъ Синопа. Находясь нѣсколько времени на Переправѣ воиновъ, Ахметъ-паша потребовалъ у поляковъ съѣстныхъ припасовъ для продовольствія своего войска и необходимыхъ матеріаловъ для сооруженія замковъ. Польское правительство увидѣло въ этомъ стремленіе султана къ разрыву съ Рѣчью-Посполитою и исканіе расширить границы своихъ владѣній, а потому коронный гетманъ Станиславъ Жолкевскій поторопился выдти на южную границу Польши и держался тамъ въ теченіе нѣкотораго времени съ войскомъ ²⁾.

Между тѣмъ козаки, мало заботясь о томъ, что ожидало ихъ у Переправы воиновъ, шли моремъ въ обратный путь, а здѣсь для ихъ встрѣчи привезены были даже пушки изъ Бѣлограда и доставлены къ Очакову. Увидя во-очію грозу, козаки рѣшили пробиться сквозь турецкія галеры и сандалы и уйти вверхъ по Днѣпру. Когда они приблизились къ Переправѣ воиновъ, то на нихъ посыпались пули, ядра и стрѣлы, но они, не теряя мужества и противопоставляя янычарскимъ саблямъ и татарскимъ стрѣламъ собственное оружіе, двигались впередъ. Однако, уступая своимъ противникамъ и по силѣ, и по боевымъ средствамъ, козаки не выдержали натиска и были побѣждены своими противниками: часть изъ нихъ была убита, часть потоплена въ водѣ и только незначительное число, по донесенію Ахметъ-паши своему повелителю, прорвалось впередъ и ушло къ Черкасамъ и Каневу. Такъ рассказываетъ въ одномъ источникѣ объ этомъ дѣлѣ. Другой источникъ передаетъ объ этомъ нѣсколько иначе и приписываетъ поражение козаковъ у Переправы воиновъ великому визирю Насафъ-пашѣ. Чтобы заслужить милость своего повелителя, великій визирь посигѣшилъ послать къ устью Днѣпра Шакшакъ-Ибрагимъ-пашу съ нѣсколькими судами и отборнымъ войскомъ. Ибрагимъ-паша, бросившись въ открытое море, прошелъ незамѣченнымъ по морю и сталъ у днѣпровскаго устья раньше, чѣмъ прибыли туда ко-

¹⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, Спб., 1874, II, 185.

²⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, Спб., 1874, II, 186, 198.

заки. Но козаки, зная всѣ приемы въ этомъ случаѣ турокъ, взяли свои мѣры и, не доходя засады Ибрагимъ-паша, причалили къ берегу, вытащили на сушу свои чайки и понесли ихъ вдоль берега Днѣпра, чтобы потомъ снова спустить въ рѣку выше турецкой засады и продолжать свой путь вверхъ по Днѣпру. Турки, провѣдавъ объ этомъ, бросились на пѣшихъ козаковъ и хотѣли перебить ихъ на мѣстѣ. Но имъ удалось изъ 2.000 человекъ козаковъ убить только 200 да 20 человекъ взять въ плѣнъ; остальные козаки, побросавъ нѣкоторую часть изъ своей добычи въ воду, съ лучшею добычею все-таки успѣли сѣсть въ лодки и уйти отъ турокъ. Зато взятые въ плѣнъ 20 человекъ козаковъ доставлены были Измаилъ-пашой въ Константинополь и тамъ преданы были, въ присутствіи жителей Синопа, пріѣхавшихъ съ извѣстіемъ о разореніи ихъ города козаками, мучительнымъ казнямъ ¹⁾.

Послѣ казни плѣнныхъ турецкое правительство послало извѣстіе Польшѣ, что оно готово отправить войска въ самую землю козаковъ, чтобы разъ навсегда прекратить выходы ихъ на море и набѣги на турецко-татарскія земли. Въ Польшѣ нашли, что это будетъ нарушеніемъ существующаго между турками и поляками мира и отвѣтили въ Константинополь, что противъ козаковъ пойдетъ самъ гетманъ Жолкевскій, турки же могутъ стать у днѣпровскаго лимана и истреблять тѣхъ изъ козаковъ, которые выскочутъ въ море ²⁾.

Но козаки мало обращали вниманія на всѣ угрозы со стороны турокъ и поляковъ и на «прѣвесни» 1615 года снова выплыли на Черное море. На этотъ разъ они вышли на 80 чайкахъ и, отважно пустившись въ открытое море, подошли къ окрестностямъ самой столицы султана, Константинополя, и зажгли двѣ пристани — Мизивну и Архіоки. Султанъ былъ близко возлѣ этихъ мѣстъ на охотѣ и увидѣлъ изъ своего окна дымъ отъ двухъ пылавшихъ пристаней. Оставивъ свою забаву, падишахъ въ гнѣвѣ бѣжалъ въ Царьградъ и приказалъ отправить противъ козаковъ армату. А козаки между тѣмъ безпечно продолжали свои грабежи и подѣ конецъ, задавши «превеликій страхъ и смятеніе султану и всѣмъ цареградскимъ обывателямъ», покинули окрестности Царьграда и, гонимые турец-

¹⁾ Рукопись имп. публ. библ. разнояз. Л. Q. от. IV, 8, л. 132; Кулишъ, Исторія возсоединенія Руси, II, 201; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб. 1884, I, 61.

²⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 61.

кимъ флотомъ, направились къ устью Дуная. У устья Дуная между турецкой эскадрой и козацкой флотиліей произошелъ бой и тутъ верхъ остался на сторонѣ козаковъ: турки потеряли почти всѣ свои суда, изъ коихъ часть попала въ руки козакамъ, часть была пущена ко дну, часть разогнана по морю; самъ начальникъ турецкой эскадры былъ раненъ, попался въ плѣнъ и предлагалъ козакамъ 30.000 выкупу, но не дождался свободы и умеръ въ плѣну. Послѣ всего этого козаки благополучно поднялись въ устье Днѣпра и тутъ, идя вверхъ, сожгли подъ городомъ Очаковомъ отбитыя ими у турокъ галеры. Въ отмщеніе за это, турецкій султанъ, въ августѣ мѣсяцѣ того же года, послалъ «татарскаго царя» съ войскомъ на Волынь и Подолію, опустошившаго и разорившаго тамъ много городовъ и селеній ¹⁾).

Не удовольствовавшись походомъ къ Константинополю, козаки, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, вторглись въ Волощину, и если турки не отомстили Рѣчи-Посполитой за этотъ походъ козаковъ, то тому было двѣ причины: во-первыхъ, война султана съ персидскимъ шахомъ, а во-вторыхъ, извиненіе, посланное польскимъ королемъ молдавскому господарю Томжѣ.

Но все-таки этотъ походъ козаковъ въ Волощину такъ «глубоко запалъ въ душу» султана, что онъ отправилъ противъ нихъ двухъ предводителей—Али-пашу моремъ и Скиндеръ-пашу сухимъ путемъ ²⁾). Козаки, нисколько не испугавшись султана, собрались, въ началѣ 1616 года, въ числѣ 2.000 человекъ и снова вышли, подъ начальствомъ Петра Конашевича Сагайдачнаго, Днѣпромъ противъ турокъ въ море. Напавъ въ лиманѣ днѣпровскомъ на Али-пашу, они разбили его на голову, взяли у него около полутора десятка галеръ и около ста челновъ, а самого его заставили бѣжать. Послѣ этого, очистивъ днѣпровскій лиманъ отъ враговъ, козаки бросились къ побережью Крыма, сожгли городъ Кафу и вывели изъ него на свободу множество христіанскихъ невольниковъ. Отъ Кафы, переплывъ поперекъ Черное море, они взяли направленіе къ берегамъ Малой Азіи и, благодаря сильному вѣтру, дошли до Минеры: отъ Минеры берегомъ добрались до Синопа и Трапезонта и взяли приступомъ оба города, разбили пашу Цикалу, потопили три большихъ судна въ морѣ и, захвативъ нѣсколько

¹⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, Спб., 1874, II, 207.

²⁾ Кулишъ, Исторія воссоединенія Руси, Спб., 1874, II, 208.

турецкихъ судовъ, повернули назадъ. Узнавъ, однако, отъ кошевого атамана Бурдила о томъ, что Ибрагимъ-паша заступилъ имъ путь, козаки взяли направленіе подъ Бифорумъ, прошли въ Азовское море и очутились въ устьѣ Дона, а съ Дона направились пѣшкомъ домой. Между тѣмъ, Ибрагимъ-паша, не успѣвъ преградить путь козакамъ въ море, пробрался въ самыя нѣтри Запорожья, разорилъ тамъ нѣсколько куреней («домкі»), нашелъ двѣ-три пушки да десятка полтора чаекъ и, не встрѣтивъ тамъ никакого сопротивленія, потому что въ Сичѣ оставалось всего лишь нѣсколько сотъ козаковъ, да и то частью разбѣжавшихся въ разныя стороны, частью ушедшихъ раньше того «на влости», ушелъ на рѣчку Конскія-Воды. Въ это время на него наскочилъ возвращавшійся изъ похода Петро Сагайдачный, внезапно напалъ на татаръ, плѣнниковъ освободилъ, всю добычу отнялъ, а самихъ татаръ всѣхъ до одного истребилъ ¹⁾.

Извѣстіе о разореніи Кафы, Синопа и Трапезонта козаками видимо проникло далеко за предѣлы Турціи и стало извѣстно итальянскому священнику Отавіо Сапіенція, писателю первой половины XVII вѣка. По его показанію, козаковъ въ Запорожьѣ набиралось въ то время отъ 30.000 до 40.000 человекъ, они выставляли отъ 200 до 300 чаекъ, смѣло разбѣжали по Черному морю и въ 1616 и 1617 году съ успѣхомъ нападали на города Кафу, Синопъ и Трапезонтъ ²⁾. О взятіи Синопа запорожцами въ 1616 году свидѣтельствуетъ и турецкій путешественникъ XVII вѣка, Эвлія-эфенди, который говоритъ, что козаки взяли этотъ городъ въ одну темную ночь и что по этому случаю великій визирь Насиръ-паша (sic) былъ казненъ за то, что скрылъ этотъ фактъ передъ султаномъ ³⁾.

Послѣ взятія козаками Кафы, Синопа и Трапезонта турецкій султанъ снова послалъ грозную ноту польской республикѣ и ко-

¹⁾ Бятышъ-Каменскій, *Исторія Малой Россіи*, Москва, 1842, I, 163; Кулишъ, *Исторія воссоединенія Руси*, Спб., 1874, II, 208—210. Годъ взятія Кафы козаками у разныхъ изслѣдователей показанъ различно: у Максимовича 1606 (*Собраніе сочиненій*, I, 359); у Антоновича въ одномъ мѣстѣ 1616, въ другомъ и третьемъ 1606 (*Историч. пѣсни мал. народа*, I, 203, *Кіевская старина*, 1882, IV, 139, *Историч. дѣятели юговост. Россіи*, I, 4); у Костомарова 1616 (*В. Хмельницкій*, 4-е изд. I, 64); у Кулиша 1616 (*Исторія воссоединенія Руси*, II, 209). Доводы въ пользу 1616 года см. въ приложеніи настоящаго тома.

²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, *Историч. пѣсни мал. народа*, I, 203.

³⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 172.

закамъ. На этотъ разъ угроза приведена была въ исполненіе, и крымскій ханъ вторгнулся съ многочисленной ордой на Украину, гдѣ произвелъ большое опустошеніе ¹⁾. Тогда польско-литовское правительство рѣшило собрать комиссію и изыскать мѣры для укрощенія козаковъ въ ихъ набѣгахъ на турецко-татарскія владѣнія.

Но пока составилась эта комиссія, козаки вновь собрались въ походъ и рѣшили идти въ Черное море. На этотъ разъ у нихъ былъ гетманомъ Дмитрій Богдановичъ Барабашъ ²⁾. Неизвѣстно, онъ-ли или кто другой руководилъ на этотъ разъ козаками, но только они, выплывъ въ море, добрались до самаго Константинополя и «тутъ замигали своими походными огнями въ окна самаго сераля». Увидя это, султанъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ гнѣва противъ козаковъ и рѣшилъ послать большое войско, подъ начальствомъ Скиндеръ-паши, на Украину съ цѣлью искоренить все козацкое населеніе ея и вмѣсто него посадить мусульманъ. Коронный гетманъ Жолкевскій, неувѣренный въ благоприятномъ исходѣ войны, нашелъ за лучшее заключить миръ съ турецкимъ полководцемъ, и миръ произошелъ въ Бушѣ, сентября 17 дня, 1617 года, по которому поляки обязывались непременно укротить козаковъ въ ихъ набѣгахъ на Крымъ и Турцію и заказать имъ выходъ въ Черное море, въ противномъ случаѣ обѣщали всѣхъ ихъ истребить ³⁾.

Но истребить козаковъ полякамъ не пришлось, такъ какъ въ слѣдъ за бушинскимъ договоромъ козаки съ ихъ энергичнымъ и талантливымъ вождемъ, Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ, понадобились польскому королевичу Владиславу въ борьбѣ съ московскимъ царемъ, и королевичъ открыто обратился съ просьбой о помощи къ козацкому предводителю.

Собравъ 20.000 человекъ малороссійскихъ козаковъ, между которыми, какъ и раньше, не мало было и запорожскихъ козаковъ, гетманъ Петро Конашевичъ Сагайдачный въ началѣ августа 1618 года двинулся въ помощь Владиславу, держа направленіе къ Москвѣ. Но движеніе его было замедлено тѣмъ, что онъ рѣшилъ

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 65.

²⁾ Отъ гетмана Дмитрія Барабаша дошелъ до насъ приказъ переяславской старшинѣ о возвращеніи козаку Колушкевичу отнятой у него козаками Саченками земли.

³⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 66.

по пути взять нѣсколько городовъ и у нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣтилъ большое сопротивленіе. Прежде всего онъ взялъ и разорилъ города Путивль, Ливны и Елецъ, истребивъ въ нихъ много мужчинъ, женщинъ и дѣтей и предавъ огню нѣсколько церквей и монастырей. Въ зависимости отъ Сагайдачнаго дѣйствовалъ Михайло Дорошенко съ товарищами, который взялъ города Лебединъ, Данковъ, Скопинъ и Ряскій, побивъ въ нихъ множество мужчинъ, женщинъ, дѣтей «до сущихъ младенцевъ»; а потомъ, ворвавшись въ рязанскую область, предалъ огню много посадовъ, побилъ нѣсколько священниковъ и приступилъ было къ городу Переяславу, но былъ отбитъ и ушелъ къ Ельцу. Самъ Сагайдачный, взявъ Ливны и Елецъ, направился въ Шацкій и Данковъ и отсюда отправилъ впереди себя полковника Милостиваго съ 1.000 человекъ козаковъ подъ городъ Михайловъ (рязанской губерніи), приказавъ ему ворваться ночью въ городъ и взять его. Полковникъ Милостивый, долго замѣшкавшись вслѣдствіе страшнаго грома и проливнаго дождя, успѣлъ придти къ городу только августа 12 дня, въ тотъ самый день, когда въ городъ Сапожковъ пришло 40 человекъ великорусскихъ ратныхъ людей. Послѣдніе, выйдя изъ Сапожкова города съ нѣсколькими обывателями его, не допустили Милостиваго до Михайлова «и побѣдили множество воюющихъ запорогъ». Послѣ неудачнаго приступа Милостиваго къ Михайлову, къ городу подошелъ самъ Сагайдачный и августа 17 дня осадилъ его со всѣхъ сторонъ, приказавъ стѣны города зажигать горящими ядрами, а въ самый городъ пускать множество стрѣлъ съ огнемъ. Приступъ продолжался въ теченіе двухъ дней и двухъ ночей. Жители долго отбивались отъ козаковъ, но потомъ, изнемогая отъ усталости, помолились Господу Богу и пречистой Богородицѣ и, выйдя съ мощью и храбростью изъ города, съ крикомъ устремились на враговъ. Побивъ множество «запорогъ», они сожгли «всѣ щиты, штурмы и примѣты», заставили Сагайдачнаго отступить на время отъ города и тѣмъ привести его въ страшную ярость. Отступая отъ города, Сагайдачный объявилъ жителямъ его, что на слѣдующій день, утромъ, онъ возьметъ его, какъ птицу и предастъ огню, а всѣмъ жителямъ, отъ мала до велика, прикажетъ отсѣчь руку и ногу и бросить псамъ. Послѣ этого, заставивъ присягнуть всѣхъ козаковъ, не взявши города, не отходить отъ него и, изготовивъ щиты, штурмы и примѣты, Сагайдачный подступилъ вторично, августа 23 дня, къ го-

роду и со всѣхъ сторонъ обложилъ его снарядомъ. Жители города въ страхѣ ходили со всѣмъ клиромъ церковнымъ по городскимъ стѣнамъ съ иконами, молили съ плачемъ Господа Бога, владычицу Богородицу, архистратига Михаила да великаго чудотворца Николая объ избавленіи ихъ отъ страшнаго врага, и Господь Богъ вновь влилъ мужество въ сердца осажденныхъ: сдѣлавъ вылазку изъ города, они вторично ударили на козаковъ и прогнали ихъ отъ города: «И всепугубный врагъ Сагайдачный съ остальными запороги своими отъиде отъ града со страхомъ и скорбію августа въ 27 день, а жители богохранимаго града Михайлова совершаютъ по вся лѣта торжественныя празднества въ тѣ дни, въ первый приступный день, августа въ 17 день, чудо архистратига Михаила, а объ отшествіи отъ града запорогъ августа въ 27 день празднуютъ великому чудотворцу Nikolъ»¹⁾.

Оставивъ городъ Михайловъ, Сагайдачный направился къ Москвѣ, а между тѣмъ царь, услыжавъ о его движеніи, выслалъ сперва противъ него князя Пожарскаго, но когда Пожарскій сильно заболѣлъ, то вмѣсто него назначилъ князя Григорія Волконскаго, которому приказано было стать въ Коломнѣ и не пропускать Сагайдачнаго черезъ рѣку Оку. Однако, Волконскій не смогъ исполнить царскаго приказанія, и сентября 17 дня Сагайдачный уже стоялъ въ Бронницахъ (коломенскаго уѣзда), а сентября 20 дня соединился у Донскаго монастыря съ войскомъ польскаго королевича Владислава. Высланные изъ Москвы воеводы для того, чтобы препятствовать соединенію королевича съ гетманомъ, возвратились назадъ ни съ чѣмъ, потому что, по словамъ лѣтописца, на нихъ напалъ великій ужасъ. Послѣ этого октября 1 дня началась осада Москвы со стороны Владислава и гетмана Сагайдачнаго. Въ это время съ той и другой стороны выказано было много мужества и стойкости, и поэтому объ стороны не разъ открывали мирные переговоры; въ концѣ октября, вслѣдствіе наступившихъ сильныхъ холодовъ, королевичъ снялъ осаду и отступилъ сперва къ Троицко-Сергіевскому монастырю, а потомъ къ селу Рогачеву, въ 12 верстахъ отъ монастыря. Гетманъ же Сагайдачный, покинувъ Москву, направился къ Калугѣ и по дорогѣ взялъ острогъ въ Серпуховѣ, потомъ взялъ острогъ въ самой Калугѣ. Между тѣмъ польскіе депутаты, много

¹⁾ Киевская старина, 1885, № 12, 684—689.

разъ вступавшіе въ мирныя переговоры съ русскими, на этотъ разъ сошлись въ селѣ Деулинѣ, близъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, и снова открыли переговоры. Кромѣ разныхъ другихъ пунктовъ, на чемъ не сходились обѣ стороны, большое затрудненіе представляли запорожскіе козаки: поляки не ручались, чтобы они, послѣ объявленія мирнаго договора, захотѣли оставить московскую землю. Самъ Сагайдачный, узнавъ объ открывшемся трактатѣ между поляками и русскими, послалъ къ Владиславу козака Путивльца и совѣтовалъ королевичу не выходить изъ предѣловъ московскаго царства, но перемиріе состоялось и заключено было на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ ¹⁾. Сагайдачный возвратился изъ московскаго похода въ Кіевъ и принялъ титулъ «гетмана» Украйны, сдѣлавшись управителемъ той части Украйны, которая признала себя козацкой. Съ этихъ поръ разница между запорожскими и городowymi козаками еще рѣзче обозначилась, а вмѣстѣ съ этимъ и исторія тѣхъ и другихъ стала рѣзче отклоняться въ разныя стороны.

Во времени пребыванія Сагайдачнаго въ предѣлахъ московскаго государства, а именно къ 1618 и 1619 году, относится указаніе о лишеніи свободы московскимъ правительствомъ 40 человекъ «выгѣзжихъ запорожскихъ черкасъ» и «запорожскаго атамана» Михайла Скибы. Гдѣ и за что они были взяты, неизвѣстно, но извѣстно лишь то, что они были взяты и поверстаны въ томскіе козаки съ измѣненіемъ ихъ именъ и фамилій малороссійскихъ въ великороссійскія. Такъ, самъ атаманъ Михайло Скиба переименованъ былъ въ Михалку Скибина и далъ Сибири сына Ѳедора Скибина, въ свое время извѣстнаго сибирскаго путешественника ²⁾.

Послѣ деулинскаго перемирія, когда на западной границѣ московскаго государства объявился царевичъ Иванъ Дмитріевичъ, назвавшійся сыномъ Димитрія-перваго, тогда нѣкоторые изъ московскаго народа стали сноситься съ запорожцами. Но польскій

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, IX, 127, 128, 136. Другія обстоятельства жизни и дѣятельности гетмана Сагайдачнаго относятся къ исторіи малороссійскихъ, а не запорожскихъ козаковъ и изложены въ монографіи М. А. Максимовича въ «Собраніи сочиненій».

²⁾ Записки западно-сибир. отд. рус. геогр. общ., кн. XIV, вып. I, Омскъ, 1893, 8, 21.

король, узнавъ объ этомъ, предостерегъ козаковъ, чтобы они не шли ни на какія выдумки и разъѣхались бы съ границъ ¹⁾).

Оставивъ окончательно московскую землю, козаки снова обратили свое вниманіе на Низъ Днѣпра и предприняли рядъ набѣговъ на татарско-турецкія владѣнія и на этотъ разъ совместно дѣйствовали, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ собственно запорожскіе, такъ и украинскіе козаки, а потому извѣстія этого времени, относящіяся къ однимъ, нужно принимать за извѣстія, касающіяся и другихъ. Собравшись въ одно, козаки прежде всего опустошили европейское побережье Турціи на Черномъ морѣ и взяли турецкій городъ Варну, про которую потомъ сложили пѣсню. «Була Варна здѣвна слава, славнѣшъ Варны козаки» ²⁾; потомъ ударились сухопутьемъ подъ Перекопъ и побили тамъ множество татаръ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, 1620 года, въ Москву явился атаманъ низовыхъ козаковъ, въ качествѣ посланца Петра Коначевича Сагайдачнаго, Петро Одинецъ съ товарищами и рассказалъ о всѣхъ подвигахъ козаковъ этого времени, выразивъ полную готовность со стороны гетмана служить московскому царю. «Въ нынѣшнемъ, 1620 году, прислали къ царскому величеству отъ всего войска посланцевъ своихъ Петра Одица съ товарищами и съ грамотой, а въ грамотѣ своей царскому величеству писали и въ рѣчи приказнымъ людямъ посланцы говорили, что гетманъ, атаманы, сотники и все войско, памятуя то, какъ предки ихъ, всѣ запорожскіе гетманы и все войско прежнимъ великимъ государямъ повинность чинили и имъ служили и за свои службы милость и жалованье себѣ имѣли, такъ въ той же повинности и нынѣ царскому величеству хотятъ быть и за порогами будучи службу хотятъ противъ всякихъ непріятелей оказывать; и нынѣ ходили на татарскіе улусы, и многихъ татаръ побили и въ полонъ поимали, а было ихъ съ 5.000 человекъ, было имъ съ крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопа подъ самую стѣною; татаръ было на Перекопѣ съ 7.000 человекъ, а на заставѣ съ 11.000; божіею милостію и государевымъ счастьемъ, татаръ они многихъ побили, народъ христіанскій многій изъ рукъ татарскихъ

¹⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, Москва, 1885, IX, 186, 187.

²⁾ У Антоновича взятіе Варны отнесено къ 1605 году и приписывается гетману Сагайдачному, но Костомаровъ относитъ взятіе Варны къ 1620 году и первое появленіе Сагайдачнаго въ качествѣ козацкаго предводителя ставитъ подъ 1612 годомъ: Богданъ Хмельницкій, I, 68, 59; *Истор. дѣятели*, I, 4.

высвободили; съ этою службою и съ языками татарскими присланы они къ государю: воленъ Богъ да царское величество, какъ ихъ пожалуетъ, а они всёми головами своими хотятъ служить его царскому величеству и его царской милости къ себѣ нынѣ и впередъ искать хотятъ». Думный дьякъ Грамотинъ, похваливши козаковъ за службу, задалъ посланцу ихъ такой вопросъ: «Здѣсь въ російскомъ государствѣ слухъ было пронесся, что польскій Жигимонтъ король учинился съ турскимъ въ миру и въ дружбѣ, а на ихъ вѣру хочеть поступить, такъ они бы объявили, какъ польскій король съ турскимъ, папою и цесаремъ? и на вѣру отъ поляковъ какого посяганья нѣтъ-ли?»—«Посяганья на насъ отъ польскаго короля никакого не бывало; съ турскимъ онъ въ миру, а на море намъ на турецкихъ людей ходить запрещено изъ Запорожья, но изъ малыхъ рѣчекъ ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаемъ, а на Крымъ намъ ходить не заказано. На весну всё мы идемъ въ Запорожье, а царскому величеству всѣ бьемъ челомъ, чтобъ насъ государь пожаловалъ, какъ своихъ холопей».

Отпуская Петра Одинца изъ Москвы, царь послалъ Сагайдачному 300 рублей легкаго жалованья и написалъ ему въ грамотѣ такъ: «Впередъ мы васъ въ нашемъ жалованьи забвенныхъ не учинимъ, смотря по вашей службѣ; а на крымскіе улусы нынѣ васъ не посылаемъ, потому что крымскій царь Джанибекъ-Герай самъ, царевичи, князья и мурзы на наши государства войною не ходятъ и людямъ нашимъ шкодъ никакихъ не чинятъ и наши люди также крымскимъ улусамъ шкодъ не дѣлаютъ» ¹⁾.

Походы козаковъ закончились блестящею побѣдой гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, въ 1620 году, надъ турками подъ Хотиномъ. Для этой рѣшительной войны вышелъ самъ султанъ Османъ съ полумилліонной арміей, готовясь раздавить Польшу и обратить ее въ турецкую провинцію. Поляки полумилліонной арміи турецкой могли противопоставить всего лишь 57.000 человекъ подъ начальствомъ королевича Владислава и короннаго гетмана Хоткевича. Видя страшную грозу, Владиславъ, какъ и во время московскаго похода, лично обратился къ Сагайдачному съ просьбой о помощи. Но гетманъ не сразу исполнилъ просьбу царевича; онъ поставилъ для того слѣдующія условія: во-первыхъ,

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, X, 85; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, III, 215.

чтобы польское правительство официально признало власть козацкого гетмана на Украинѣ; во-вторыхъ, отмѣнило всѣ стѣснительныя распоряженія относительно козачества; въ-третьихъ, уничтожило бы должность козацкого старшого. Королевичъ на все это согласился и выдалъ Сагайдачному козацкого старшого Бородавку ¹⁾). Послѣ этого Сагайдачный собралъ армію въ 40.000 человекъ и двинулся къ Хотину.

Свидѣтель козацкихъ подвиговъ, польскій вождь Яковъ Собѣскій, отецъ Яна Собѣскаго, потомъ польскаго короля, подробно изобразилъ дѣйствія козаковъ этого времени, а также представилъ любопытную характеристику ихъ въ своемъ сочиненіи «Записки о хотинской войнѣ» ²⁾). Впрочемъ, Яковъ Собѣскій склоненъ былъ больше къ козакамъ стараго времени, «когда они съ частою удачею сражались противъ турокъ на поляхъ очаковскихъ и, предпочитая славу богатству, не переставали морскими набѣгами опустошать турецкія владѣнія». Къ козакамъ же болѣе поздняго времени онъ относился не столь сочувственно: «Съ теченіемъ времени уже воинами назывались не изъ храбрости и не по заслугамъ, а по своимъ злодѣяніямъ: умѣренность перешла у нихъ въ грабежь, порядокъ—въ бореніе, покорность—въ своеволие, тогда названіе козака давали всякому земледѣльцу или ремесленнику, бѣглому изъ русскихъ владѣній; эта слабая деревенская толпа не могла уважать старыхъ воиновъ, и происшедшіе оттого зависть и раздоръ возмутили древній составъ козачества». Не слѣдуетъ забывать однако, что это писалъ польскій аристократъ и католикъ, т.-е. ненавистникъ всего того, что носило званіе мужицкаго и православнаго. Какъ мало вяжется характеристика близкихъ ко времени Якова Собѣскаго козаковъ, видно изъ ихъ дѣйствій подъ Хотинымъ: козакамъ всецѣло принадлежитъ успѣхъ этой битвы съ турками и спасеніе черезъ то отъ страшнаго бѣдствія, грозившаго всей Польшѣ. Передъ началомъ битвы запорожскіе козаки заключили свое войско въ обозы, обозы обвели канавами, укрѣпили палями и защитили валами. Турки и татары, приблизившись къ козацкому обозу, осьмага сентября, бросились со всѣмъ пыломъ восточныхъ людей на этотъ обозъ. Козаки допустили ихъ прибли-

¹⁾ Антоновичъ и Бець, Историческіе дѣятели югозап. Россіи, I, 7.

²⁾ Записки эти напечатаны въ 1646 году въ Данцигѣ подъ названіемъ «Commentariorum Chotinensis belli libri tres»; часть ихъ напечатана въ Черниговскихъ губерн. вѣдом., 1849, ноября и декабря.

зяться ко рву, но потомъ, взойдя на валы, дали такой сильный и мѣткій залпъ изъ своихъ мушкетовъ, что непріатели тотъ же часъ бросили свою позицію и отступили назадъ, оставивъ въ самыхъ фоссахъ (ямахъ) 3.000 человѣкъ янычаръ и 300 человѣкъ ипаговъ убитыми ¹⁾. Въ этой войнѣ запорожскіе козаки выступили героями и, забывая различіе между вѣрою и народностью, вездѣ выручали изъ бѣды поляковъ, какъ о томъ пишетъ самъ Яковъ Собѣскій. Но въ этой же войнѣ самъ Сагайдачный получилъ тяжкую рану, отъ которой потомъ черезъ годъ умеръ (апрѣля 10 дня, 1622 года) и былъ погребенъ въ Кіевѣ, въ богоявленской церкви Братскаго монастыря. «Но мѣсто его могилы напрасно искалъ-бы теперь любитель мѣстной старины: при перестройкѣ церкви въ началѣ XVIII столѣтія она пришлась подъ помѣщеніе новой стѣны храма и исчезла отъ взоровъ потомства» ²⁾.

Вмѣсто благодарности, которую козаки по справедливости заслужили за походъ подъ Хотинъ, на хотинскомъ мирѣ Польша обязалась воспретить козакамъ выходъ въ Черное море, за что султанъ обѣщалъ не пускать своихъ татаръ въ польскія украинны.

Но козаки, какъ и прежде, мало обращали вниманія на это запрещеніе.

Одновременно съ дѣйствіями Сагайдачнаго подъ Хотиномъ дѣйствовали на морѣ 10.000 человѣкъ отважныхъ запорожцевъ подъ предводительствомъ молодого Богдана Зиновія Хмельницкаго. Спустившись Днѣпромъ на своихъ «моноксилахъ» въ открытое море, въ августѣ мѣсяцѣ 1621 года, запорожцы разбили 12 турецкихъ галеръ, а остальную турецкую флотилію преслѣдовали до самаго Константинополя, послѣ чего, захвативъ добычу и плѣнниковъ, вернулись назадъ ³⁾.

Въ томъ же 1621 году козаки снова вышли на лиманъ и въ Черное море. Но этотъ походъ былъ самый несчастный для козаковъ: на Днѣпрѣ, въ числѣ восемнадцати чаекъ, они изловлены были намѣстникомъ Очакова, Хусайномъ, а на Черномъ морѣ, въ числѣ 200 человѣкъ, и у города Кафы, въ числѣ 300 человѣкъ, взяты были капитанъ-пашой Халилемъ. Въ это время турецкій султанъ, Османъ II, стоялъ у Исакии, на Дунаѣ, въ

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, I, 38; Дневникъ Титлевокаго, 13, 14.

²⁾ Антоновичъ и Бецъ, Историческіе дѣятели югозап. Россіи, I, 7.

³⁾ Величко, II, 381; Антоновичъ и Бецъ, Историческіе дѣятели, I, 9.

виду похода на Русь. Онъ приказалъ 200 пойманныхъ козаковъ отдать солдатамъ на смерть, и несчастные были преданы лютой смерти: одни раздавлены ногами слоновъ, другіе повѣшены на крюки, а третьи посажены на колъ. Самъ султанъ смотрѣлъ на эти казни и иногда принималъ въ нихъ даже активное участіе: развѣзжая на конѣ возлѣ истязуемыхъ козаковъ, онъ стрѣлялъ въ нихъ изъ лука, не дѣлая почти никакого промаха, потому что былъ искуснымъ стрѣлкомъ своего времени, а головы убитыхъ козаковъ приказывалъ солить и отправлять въ Константинополь ¹⁾.

Не смотря на это, низовые козаки въ 1622 году снова вышли на своихъ «моноксилахъ» въ Черное море, захватили тамъ нѣсколько турецкихъ кораблей, каторгъ и людей и благополучно ушли назадъ ²⁾.

Въ этомъ же году, въ концѣ іюля мѣсяца, по извѣстію московскихъ пословъ Кондырева и Бормосова, ѣхавшихъ черезъ земли донского войска въ Константинополь, запорожскіе козаки, вмѣстѣ съ донскими, въ числѣ 700 человекъ на 25 стругахъ, подъ начальствомъ запорожскаго атамана Шиша, ходили въ открытое море и, не дошедъ до самаго Царьграда на разстояніи полутора дня, повоевали въ царьградскомъ вилаѣтѣ нѣсколько селъ и деревень, а также посѣкли нѣсколько людей, но противъ нихъ вышли изъ Царьграда турки на каторгахъ и побили у козаковъ около 400 человекъ. Вѣроятно, этотъ походъ козаковъ разумѣеть и историкъ турецкой имперіи Гаммеръ, который говоритъ объ особенно радостной встрѣчѣ турецкимъ султаномъ Редшебъ-паши, захватившаго на морѣ 18 чаекъ и 500 человекъ козаковъ, грабившихъ въ теченіе 10 лѣтъ турецкіе берега ³⁾.

Оставивъ Донъ, московскіе послы отправились въ Константинополь. Въ Константинополѣ султанъ Мустафа объявилъ посламъ о перемиріи своемъ съ поляками на тѣхъ условіяхъ, что они будутъ удерживать козаковъ отъ походовъ на море, въ противномъ случаѣ, если хотя одинъ стругъ козацкій покажется въ морѣ, то султанъ начнетъ съ королемъ войну и дастъ о томъ извѣстіе въ Москву. На обратномъ пути послы были задержаны, подъ черкасскимъ

¹⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 526—528.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 381.

³⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 565.

городомъ Темрюкомъ, запорожцами, потребовавшими съ нихъ 2.000 золотыхъ за погромъ донскими козаками близъ Темрюка комяговъ и за плѣненіе сына воеводы таманскаго. Едва откупившись отъ запорожцевъ подарками, послы ушли потомъ изъ Темрюка въ Азовъ ¹⁾).

Въ 1622—1623 году нѣсколько тысячъ человекъ козаковъ вторглись въ Молдаво-Валахію и подвергли ее разоренію, чѣмъ вызвали месть со стороны мурзы Кентемира, опустошившаго нѣсколько польскихъ селеній и взявшаго съ собой множество плѣнниковъ ²⁾). Въ томъ же году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, козаки на ста чайкахъ съ пятьюдесятью воинами и двадцатью гребцами въ каждой выбрались изъ Запорожья и пустились въ Черное море. Въ то время въ крымскомъ городѣ Кафѣ стоялъ турецкій флотъ съ Капуданъ-пашой во главѣ, посланный туда для усмиренія поднятаго ханомъ Мухаммадъ-Гераемъ возстанія въ Крыму противъ турецкаго управленія. Капуданъ - паша хотѣлъ посадить на крымскій престолъ вмѣсто Мухаммадъ-Герая Джанибекъ-Герая; но этому воспротивились Мухаммадъ-Герай и братъ его Шагинъ-Герай. Послѣднимъ оказали помощь запорожскіе козаки; они осадили въ Кафѣ турокъ и принудили ихъ войти въ мирную сдѣлку съ Мухаммадъ-Гераемъ. Сдѣлавъ свое дѣло въ Кафѣ, козаки двинулись дальше по морю и скоро добрались до окрестностей самаго Константинополя. Весь день іюля 21 числа они простояли въ виду столицы султана, наводя страхъ на жителей ея, и повернули назадъ съ тѣмъ, однако, чтобы черезъ нѣсколько дней снова явиться къ стѣнамъ столицы падишаха. На этотъ разъ они сожгли босфорскій маякъ, разорили нѣсколько прибрежныхъ селеній и снова отошли въ открытое море. Спустя два мѣсяца послѣ этого, октября 7 дня, козаки опять явились въ виду Константинополя; они ворвались въ самый Босфоръ, разгромили на берегу его селеніе Еникій и послѣ этого благополучно возвратились домой ³⁾).

Въ 1624 году, іюня 21 дня, низовые козаки снова очутились на Черномъ морѣ. Они выплыли на 150 длинныхъ, быстро несущихся на парусахъ и на веслахъ, чайкахъ, съ десятью веслами на каждомъ боку, по два гребца на весло и, кромѣ того, съ 50

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, 273, 275, 277, 279.

²⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 71.

³⁾ Смирновъ, Крымское ханство, С.-Петербургъ, 1887, 493.

хорошо вооруженныхъ саблями и ружьями воиновъ; чайки эти имѣли одинаково устроенные корму и носъ и переносныя кормила и оттого могли, не поворачиваясь, плыть впередъ и назадъ. Сидя на этихъ чайкахъ, козаки опустошили европейскій берегъ Турціи, сожгли Буюкъ-дере, Зенике и Сдегну. На встрѣчу и для удержанія козаковъ отъ дальнѣйшихъ движеній выскочило изъ гавани Константинополя до 500 большихъ и малыхъ судовъ. Для защиты столицы отъ страшныхъ хищниковъ вѣдѣно было отправить къ слесарямъ Босфора большую желѣзную цѣпь, нѣкогда запиравшую Босфоръ и сохранявшуюся еще со времени взятія у грековъ Константинополя, и ея запереть проливъ отъ одного берега къ другому. Козаки спокойно простояли весь день посреди канала, а съ заходомъ солнца, одобычившись богатою добычей, ушли въ открытое море. Черезъ нѣсколько времени они снова и въ гораздо большемъ числѣ показались у начала Босфора, сожгли морской маякъ и послѣ того съ большой добычей и славой возвратились къ своимъ берегамъ ¹⁾.

Въ 1625 году запорожскіе козаки въ союзѣ съ донскими снова повторили свой походъ. Собравшись въ числѣ 15.000 человекъ, они сѣли на 300 чаекъ, вооружили каждую чайку тремя или четырьмя фальконетами и пустились въ море, по направленію къ городамъ Синопу и Трапезонту. Противъ козаковъ вышелъ на 43 судахъ, турецкій адмиралъ Редшидъ-паша и схватился съ ними на западномъ берегу Чернаго моря, при Карагманѣ. Сраженіе было упорное и чрезвычайно кровопролитное; сперва брали верхъ козаки надъ турками; они съ особеннымъ ожесточеніемъ дѣйствовали возлѣ адмиральской галеры, называемой баштардою; имъ помогали гребцы-невольники тѣмъ, что, бросивъ весла, перестали управлять галерами. Но побѣда все-таки осталась на сторонѣ турокъ, благодаря противному вѣтру, подъ конецъ подувшему въ глаза козакамъ: 270 чаекъ козацкихъ было разбито, 780 человекъ козаковъ попались въ плѣнъ, были скованы желѣзами и посажены на турецкія галеры въ качествѣ вѣчныхъ весельщиковъ.

Нужно думать, что именно къ этому походу запорожскихъ и донскихъ козаковъ къ Синопу и Трапезонту относится показаніе запорожскаго полковника Алексѣя Шафрана. Алексѣй Шафранъ

¹⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, V, 43—45.

былъ семь лѣтъ въ турецкой неволѣ и служилъ у кафинскаго воеводы на каторгѣ (галерѣ); потомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами, освободился изъ неволи и ушелъ на Донъ. На Дону онъ прожилъ 18 лѣтъ, съ другими товарищами, запорожскими козаками, прожившими тамъ по 5 и по 6 лѣтъ; всѣхъ запорожцевъ, по словамъ Шафрана, на Дону около 1.000 человекъ, но зато и донцевъ не мало въ Запорогахъ; козаки постоянно переходятъ другъ къ другу: запорожскіе на Донъ, донскіе на Запорожье и живутъ другъ у друга столько, сколько кому пожелается; у запорожцевъ и донскихъ козаковъ издавна повелось такъ, что и тѣ и другіе сходились вмѣстѣ и жили въ общихъ куреняхъ. Въ нынѣшнемъ лѣтѣ (1625) ходили они, запорожскіе черкасы и донскіе козаки вмѣстѣ заодно, на море; старшиной у нихъ былъ онъ, Алексѣй Шафранъ; вышли же они изъ Дона на море и взяли въ турецкой землѣ городъ Трапезонтъ. Послѣ похода Алексѣй Шафранъ вернулся снова на Донъ и потомъ впоследствии отправился съ Дона въ Кіевъ, но сбился съ пути и попалъ въ городъ Валуйки, а изъ Валукъ отосланъ былъ въ Москву. Въ Москвѣ Алексѣя Шафрана заподозрили въ тайныхъ намѣреніяхъ и указали на то, что городъ Валуйки вовсе не былъ по дорогѣ ему: «съ Дона на Запорожье и изъ Запорожья на Донъ ходятъ степью, избѣгая Донца, на Кармію (Калміусъ) и на Мохъ». Но случившіеся на ту пору въ Москвѣ допцы подтвердили, что дѣйствительно между запорожскими и донскими козаками бываютъ постоянныя сообщенія и ѣздятъ съ Дона на Запорожье черезъ Міюсъ да на Мохъ ¹⁾.

Такъ или иначе, но о дѣйствіяхъ козаковъ на Черномъ морѣ донесено было турецкому султану въ Константинополь, и султанъ немедленно отправилъ въ Краковъ посла съ требованіемъ обязательно укротить козаковъ, въ противномъ случаѣ грозилъ войной Польшѣ ²⁾. Дѣло касалось, разумѣется, одинаково какъ запорожскихъ, такъ и украинскихъ козаковъ.

Но козаки мало обращали вниманія и на самую Польшу. Въ 1625 году они отправили отъ себя къ польскому правительству депутатовъ, черезъ которыхъ, отъ лица всего козацкаго сословія, предъявили ему такія требованія: 1) свободу православной церкви и

¹⁾ Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, I, 290—294.

²⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 73; Водяной, Описаніе Украйны, 64.

православнаго духовенства и уничтоженія уни; 2) спокойное проживание козацкаго сословія въ коронныхъ и дѣдичныхъ имѣніяхъ кievскаго воеводства; 3) козацкій самосудъ и право передачи собственныхъ имуществъ по завѣщанію; 4) свободное хожденіе на рыбныя и звѣриныя промыслы; 5) право вступленія въ службу иностранныхъ государей; 6) прибавку войскового жалованья; 7) исключеніе кievскаго воеводства отъ постоя жолнѣровъ; 8) выдачу привилегіи на кievское братство и юношескія школы; 9) право, въ случаѣ какихъ-либо преступленій, не раздавать имуществъ лицамъ не козацкаго сословія ¹⁾.

Изъ всѣхъ девяти пунктовъ козаки особенно настаивали на первомъ, т.-е. на свободѣ православія и уничтоженіи уни. Какъ твердо они стояли на этомъ, видно изъ того, что когда козаки узнали о дѣйствіяхъ кievскаго войта, Федора Ходыки, запечатавшаго въ это время нѣсколько православныхъ церквей въ Кievѣ, то послѣдно явились въ городъ, убили пана Ходыку, церкви распечатали, а въ Москву отправили посольство съ просьбой о принятіи козаковъ подъ покровительство царскаго величества ²⁾.

Когда происходило это дѣло въ Кievѣ, въ это время къ низовымъ козакамъ явился какой-то царевичъ Александръ Ахія, выдававшій себя за челоуѣка православной вѣры, сына турецкаго султана Магомета и жены его гречанки Елены. Приѣхавъ въ Запорожье въ 1625 году, Ахія рассказывалъ, что онъ вывезенъ изъ Турціи своею матерью и успѣлъ побывать у германскаго императора, герцога флорентійскаго и короля испанскаго, а подъ конецъ приѣхалъ и къ запорожскимъ козакамъ съ цѣлью поднять ихъ противъ турокъ ³⁾.

Почти одновременно съ этимъ прибыло посольство въ Москву отъ шведскаго короля, Густава-Адольфа, съ просьбой, «чтобъ царское величество послалъ къ запорожскимъ козакамъ свое повелѣніе и отвелъ бы ихъ отъ польской короны». На эту просьбу въ Москвѣ отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя, потому что запорожскіе козаки люди польскаго короля, а не московскаго государя, а между королемъ и государемъ заключено перемиріе. Но Густавъ-Адольфъ на этомъ не остановился, и въ 1626 году прислалъ въ

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 74—75.

²⁾ Костомаровъ, I, 76; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, X, 87.

³⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1625 годъ, № 2, св. № 1.

Москву новыхъ пословъ съ просьбой пропустить ихъ въ Бѣлорусію и Запорожье. Король велъ войну противъ Польши и хотѣлъ вовлечь въ это дѣло и Москву, а главнымъ образомъ—запорожскихъ козаковъ. Но въ Москвѣ снова дали отрицательный отвѣтъ все на томъ же основаніи, что «въ перемирныя лѣта сдѣлать этого (пропустить пословъ и встать противъ Польши) нельзя, потому что это будетъ крестному цѣлованію преступленіе и на душу грѣхъ» ¹⁾.

Между тѣмъ въ Запорожьѣ возлѣ находившагося тамъ турецкаго «царевича» Ахіи собрались было козаки съ цѣлью похода на турокъ, но въ это время пришла вѣсть, что противъ самихъ козаковъ выступилъ, держа направленіе къ Кіеву, гетманъ Конецпольскій съ войскомъ. Тогда козаки разошлись изъ Запорожья по литовскимъ городамъ и стали собираться противъ Конецпольскаго, а царевичъ Ахія уѣхалъ сперва въ Кіевъ, потомъ въ Путивль и Мценскъ, а изъ Мценска черезъ Архангельскъ за границу ²⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, IX, 177—179.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, X, 95.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Походъ Конецпольскаго противъ козаковъ и дѣйствія противъ поляковъ гетмана Жмайла. — Куруковское дѣло въ 1626 году. — Выходъ запорожцевъ въ 1629 году къ Константинополю. — Пребываніе гетмана Тараса Трясила въ Запорожьѣ. — Сраженіе Конецпольскаго съ Трясилою подъ Переяславомъ. — Походъ запорожцевъ подъ начальствомъ Сулимы на Черное море. — Миръ Польши съ Турціей въ 1634 году и средства для удержанія козаковъ отъ набѣговъ на мусульманъ. — Построеніе крѣпости Кодака и разрушеніе ея Сулимой. — Походъ запорожцевъ подъ Азовъ. — Дѣйствія Павлюка, Гуни и запорожцевъ противъ поляковъ. — Печальное дѣло козаковъ съ поляками у устья Старицы въ 1633 году. — Неудачный походъ запорожцевъ къ устью Кубани. — Прекращеніе извѣстій о козацкихъ походахъ.

Вмѣсто удовлетворенія на всѣ девять пунктовъ, предъявленныхъ козаками польскому правительству, на нихъ посланъ былъ съ 30.000 войскомъ коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій съ приказаніемъ смирить «бунтовщиковъ» оружіемъ. Очевидно, теперь поляки уже не нуждались въ козакахъ ни для похода въ Россію и Ливонію, ни для войны Польши съ турками и татарами, а потому въ отношеніи «бунтовщиковъ» можно было взять уже другой тонъ и призвать ихъ «къ порядку». На ту пору у козаковъ гетманомъ былъ какой-то Жмайло. Конецпольскій вышелъ въ походъ 5 іюля 1625 года и, {переправившись черезъ Бугъ, прошелъ на Паволочъ и рѣчку Роставицу, гдѣ съ нимъ соединился подкоморій каменецкій Цотоцкій; отъ Роставицы гетманъ взялъ направленіе черезъ рѣчку Каменицу и мимо Бѣлой-Церкви и остановился въ одной милѣ отъ Канева. Въ это время къ коронному гетману явились три посла отъ каневскихъ козаковъ, извѣщая, что «гетманъ» ихъ, Жмайло, находится на Запорожьѣ и проситъ, чтобы поляки не дѣлали на козаковъ нападенія въ городѣ и дали бы имъ безопасно собрать у себя раду. Конецпольскій исполнилъ просьбу козаковъ, но когда открылась рада и поднятъ былъ вопросъ о томъ, какъ принять короннаго гетмана, т.-е. идти-ли къ нему съ повинной или же оставаться на мѣстѣ, то послѣ совѣта отдѣли-

лось 3.000 человекъ козаковъ, которые ушли вонъ изъ города Коронный гетманъ, узнавъ объ этомъ, послалъ за ними погоню 10 хоругвей съ паномъ Одрживольскимъ во главѣ. Одрживольскій догналъ козаковъ надъ рѣчкою Мошною и сдѣлалъ на нихъ нападеніе, во время котораго козаки поймали сына князя Четвертинскаго и держали его потомъ въ теченіе всего похода. Въ помощь Одрживольскому гетманъ отправилъ Юдыцкаго, Коссаковскаго и Бѣлецкаго, но козаки, получивъ въ это время подкрѣпленіе, отступили къ Черкасамъ. Тогда къ Черкасамъ двинулся и самъ Конецпольскій. Тутъ, октября 17 дня, на встрѣчу коронному гетману выѣхалъ козацкій посолъ съ извѣстіемъ о своемъ гетманѣ Жмайлѣ, который уже выбрался съ артиллеріей изъ Запорожья и спѣшилъ къ козакамъ. Октября 19 и 23 дня къ коронному гетману явились новые послы отъ козаковъ съ просьбой, чтобы онъ не наступалъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ изъ Запорожья гетманъ Жмайло. Коронный гетманъ, не слушая козацкихъ пословъ, снялся съ мѣста, прошелъ Крыловъ и, вышедши изъ него, сталъ въ милѣ за городомъ надъ рѣчкою Цыбульникомъ, въ разстояніи одной мили отъ козацкаго табора, откуда можно было хорошо видѣть и весь обозъ, и всю стражу козацкую. Октября 25 дня козаки извѣстили Конецпольскаго о прибытіи изъ Запорожья съ артиллеріей своего гетмана Жмайла, и тогда коронный гетманъ предложилъ козакамъ условія, которыя они должны выполнять на будущее время, если хотятъ заслужить милость и прощеніе короля. Условія эти, изложенныя по пунктамъ, переданы были козакамъ черезъ польскихъ комиссаровъ. Козаки собрали по этому поводу раду и на радѣ нашли условія слишкомъ тяжелыми для себя и потому отправили 13 человекъ депутатовъ къ коронному гетману съ объявленіемъ, что ни одного изъ пунктовъ они исполнить не могутъ. Тогда коронный гетманъ задержалъ у себя козацкихъ пословъ на всю ночь, а на утро, возвращая ихъ въ козацкій таборъ, сказалъ: «Такъ какъ вы покорностію, какъ вѣрные подданные, не хотите заслужить милосердія и благосклонности его королевскаго величества, то мы надѣемся на Бога, что за непослушаніе и своеволіе вы скоро испробуете нашихъ сабель на своихъ шеяхъ, а кровопролитіе, которое произойдетъ, падетъ на ваши души». Вслѣдъ за этимъ Конецпольскій отдалъ приказаніе своимъ войскамъ сняться съ мѣста и идти на козаковъ. Рѣшительная битва между поляками и козаками произошла октября 31

дня у стараго городища, надъ Куруковымъ озеромъ или Медвѣжьими лозами ¹⁾. Козаки были разбиты и просили пощады у короннаго гетмана ²⁾. Ноября 3 дня между поляками и украинскими козаками открылись переговоры, во время которыхъ поляки выставили противъ козаковъ шесть обвинительныхъ пунктовъ, изъ коихъ первые три касались одинаково какъ украинскихъ, такъ и запорожскихъ козаковъ. Эти обвиненія состояли въ слѣдующемъ: 1) козаковъ упрекали въ самовольныхъ выходахъ на Черное море; 2) въ сношеніяхъ съ московскимъ царемъ и крымскимъ ханомъ, съ которымъ они заключили союзъ и помогали людьми; 3) въ приниманіи у себя разныхъ цариковъ, называвшихся то московскими, то волошскими господариками, а также другихъ подозрительныхъ и вредныхъ для польской республики лицъ. На эти три обвинительные пункта козаки отвѣчали такъ: въ море они ходили потому, что нуждались въ деньгахъ, которыхъ имъ не платило правительство, хотя и давало обѣщаніе въ томъ; за тѣмъ же козаки посылали и въ Москву, чтобы получить отъ царя казны; съ крымскимъ ханомъ завязались у нихъ сношенія случайно: козаки были прибиты волной къ берегамъ Крыма, и ханъ принялъ ихъ къ себѣ на службу, а потомъ отправилъ ихъ въ качествѣ посланцевъ на Украину и черезъ нихъ просилъ не дѣлать нападеній на Крымъ, на чемъ и заключилъ условіе съ козаками; что касается разныхъ цариковъ и другихъ лицъ, приходившихъ и приходящихъ на Запорожье, то въ этомъ за козаками полное право, такъ какъ входъ въ Запорожье и выходъ изъ него всегда и всѣмъ былъ и будетъ воленъ. Желая обезсилить козаковъ на будущее время, гетманъ Конецпольскій потребовалъ, чтобы они подписали условіе на законное существованіе всего лишь 6.000 человекъ козаковъ, внесенныхъ въ реестръ, и выдавали бы государственнымъ властямъ преступниковъ. Козаки долго оспаривали эти главныя требованія и успѣли только въ послѣднемъ: коронный гетманъ согласился оставить за козаками право карать преступниковъ черезъ собственныхъ старшихъ. Ноября 5 дня козаки выбрали гетманомъ Михаила Дорошенка, дѣда впослѣдствіи извѣстнаго гетмана Петра Дор-

¹⁾ По опредѣленію св. В. Никифорова это было въ посадѣ Крюковѣ, на правомъ берегу Днѣпра, противъ города Кременчуга: Киевская старина, 1885, апрѣль, 772.

²⁾ Подробности всего куруковского дѣла касаются собственно исторіи родовыхъ, а не запорожскихъ козаковъ.

пенка, а на слѣдующій день, ноября 6 числа, 1625 года, подписали договоръ на урочищѣ Медвѣжьихъ-Лозахъ, при Куруковомъ озерѣ, и въ лицѣ своего гетмана Михайла Дорошенка присягнули на вѣрность польской коронѣ ¹⁾. Но этотъ договоръ, въ цѣломъ его видѣ, не касался запорожцевъ, въ немъ для низовыхъ или запорожскихъ козаковъ важна была лишь одна статья. По куруковскому договору постановлено было по прежнему оставить въ реестрѣ только 6.000 человекъ козаковъ, остальныхъ велѣно было вынести за реестръ и лишить всѣхъ козацкаго званія; такіе люди были названы выписчиками и составили огромное большинство противъ реестровыхъ. Изъ шести тысячъ реестровыхъ одна тысяча козаковъ должна была, по очереди, находиться за порогами Днѣпра и не допускать непріятели къ переправамъ черезъ Днѣпръ и вторженіямъ его въ королевскія земли. Всѣмъ козакамъ безусловно запрещалось дѣлать выходы въ море, производить сухопутныя набѣги на земли мусульманъ и приказывалось сжечь морскія лодки въ присутствіи польскихъ комиссаровъ ²⁾.

Но само собою разумѣется, что подобныя постановленія вели только къ нарушеніямъ ихъ, а для запорожцевъ къ увеличенію численности всего войска ихъ, такъ какъ большинство украинскихъ козаковъ, выписчиковъ, хлынуло изъ Украйны на Сичъ и наполнило собой ряды низовыхъ козаковъ. Вслѣдъ за этимъ, уже тотчасъ послѣ куруковскаго договора 70 запорожскихъ чаекъ снова явились на Черномъ морѣ, но, къ несчастью запорожцевъ, выходъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ неудачныхъ: запорожцы были наполовину изловлены турецкими галерами и вмѣстѣ съ козаками доставлены въ Константинополь. Въ отместку за новый походъ козаковъ нѣсколько десятковъ тысячъ татаръ бросились въ глубину Украйны, но подъ Бѣлоу-Церковью были разбиты и полегли на мѣстѣ. По однимъ указаніямъ, татары были здѣсь одни, безъ хана; по другимъ, вмѣстѣ съ татарами былъ и самъ ханъ, и когда, по требованію польскаго правительства, противъ него вышелъ гетманъ Михайло Дорошенко, то ханъ черезъ своего посланца напомнилъ гетману о заключенномъ между татарами и козаками мирѣ, и Дорошенко повернулъ назадъ, а бывшіе при

¹⁾ Киевская старина, 1889, октябрь, 52—62; Дневникъ комиссіи противъ войска запорожскаго; Костомаровъ, I, 78, 79; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1879, X, 90, 91.

²⁾ Костомаровъ, I, 80, 81; Соловьевъ, Исторія Россіи, X, 93.

немъ запорожцы съ атаманомъ Олиферомъ передались на сторону хана и совмѣстно съ нимъ ходили войной на Польшу ¹⁾). Послѣ этого самъ Дорошенко, по просьбѣ изгнаннаго изъ Крыма Мухаммадъ-Герая, ходилъ съ козаками въ Крымъ противъ соперника Мухаммадова, Джанибекъ-Герая, но въ этой битвѣ потерялъ свою голову, которая воткнута была на стѣнахъ Кафы. Были-ли въ этомъ походѣ собственно запорожскіе или низовые козаки, неизвѣстно, хотя по общимъ соображеніямъ трудно допустить отсутствіе ихъ въ такомъ важномъ и заманчивомъ для нихъ дѣлѣ, какъ походъ во внутрь самого Крыма.

Зато участіе запорожцевъ въ походѣ 1629 года на Константинополь не подлежитъ сомнѣнію. Выплывъ въ это время на 300 лодкахъ въ море, подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго, будущаго гетмана, они добрались до окрестностей Царьграда, мужественно коснулись самыхъ стѣнъ константинопольскихъ, зажгли нѣсколько окрестныхъ съ Константинополемъ селеній и, окуривши ихъ мушкетнымъ дымомъ, задали султану и всѣмъ обывателямъ столицы «превеликій страхъ и смятеніе» ²⁾, а потомъ отъ турецкой столицы ударились на западъ, взяли и разорили гавани въ Килии, Измаилѣ, Бальчикѣ, Варнѣ и Сизеболи. Противъ козаковъ вышелъ на 40 галерахъ Кеенанъ-паша и открылъ ихъ близъ какого-то острова Монастыря, гдѣ козаки стояли со своими чайками и съ добычей; но изъ всѣхъ трехсотъ чаекъ только восемь вступили въ битву съ турками и всѣ, кромѣ одной, были взяты пашой и отправлены въ столицу, зато всѣ остальные избѣжали опасности и благополучно вернулись въ Сичь.

Въ 1630 году, весной, запорожцы вновь выплыли на море; на этотъ разъ противъ нихъ вышелъ главный начальникъ турецкаго флота, Капуданъ-паша; онъ достигъ козаковъ подъ турецкимъ городомъ Очаковымъ и разбилъ ихъ на голову; трофеемъ его побѣды были 55 запорожскихъ чаекъ и 800 человекъ козаковъ, отправленныхъ побѣдителемъ въ Константинополь ³⁾.

Послѣ смерти Михайла Дорошенка на Украинѣ оказалось два

¹⁾ Latopisiec Jerlicza, Warszawa, 1853, I, 35; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 83, 79; Соловьевъ, Исторія Россіи, X, 95.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 380.

³⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, V, 128; то же Histoire de l'empire ottoman, t. X — XI; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 85.

гетмана, Григорій Чорный и Тарасъ Трясило, изъ коихъ первый былъ сторонникомъ поляковъ, а второй — сторонникомъ русскихъ. Избранный гетманомъ еще въ Крыму, Тарасъ Трясило, послѣ катастрофы, случившейся съ Дорошенкомъ, вернулся въ Запорожье и оттуда сталъ разсылать свои универсалы къ украинскимъ козакамъ, призывая ихъ къ себѣ и внушая имъ неповиновеніе Григорію Чорному. Григорій Чорный, въ свою очередь, писалъ универсалы, въ которыхъ внушалъ неповиновеніе Тарасу Трясилу. Просидѣвъ въ Запорожьѣ около полугода, Тарасъ Трясило вышелъ оттуда съ козаками на Украину. Бывшіе при немъ запорожцы распустили молву, будто они идутъ къ Чорному съ покорностію. Чорный повѣрилъ пущенной ими молвѣ, но былъ схваченъ, доставленъ къ Тарасу и изрубленъ по частямъ. Послѣ этого Тарасъ Трясило объявилъ себя гетманомъ Украины и предъявилъ требованія полякамъ—вывести изъ Украины жолѣтровъ, уничтожить куруковскую комиссію, ограничившую численность козакаго сословія, и выдать приверженцевъ Чорнаго.

Противъ Тараса выступилъ коронный гетманъ Конецпольскій, выславшій впереди себя отрядъ подъ начальствомъ короннаго стражника, челоѣка-звѣря и страшнаго развратника, Самоила Лаца, ни Бога не боявшагося, ни людей не стыдившагося, позорившаго женъ, безчестившаго дѣвицъ, немилосердно избивавшаго мужчинъ. Само собою разумѣется, что отъ такого предводителя народъ бѣжалъ въ ужасѣ и искалъ себѣ защиты у гетмана Тараса Трясила. Съ Тарасомъ Трясилой было нѣсколько запорожцевъ, реестровыхъ козаковъ и простыхъ людей, въ общемъ до 700 челоѣкъ; вся надежда Трясила была на запорожцевъ и реестровыхъ. Противники сошлись подъ городомъ Переяславомъ, гдѣ произошла загадочная по своимъ послѣдствіямъ битва ¹⁾ между козаками и поляками, одинаково для той и другой стороны тяжелая: Конецпольскій потерялъ здѣсь множество своихъ воиновъ, Тарасъ Трясило потерялъ много козаковъ и самъ попался въ плѣнъ полякамъ и былъ казненъ ими въ городѣ Варшавѣ. По словамъ путивльца Григорія Гладкаго, переяславское дѣло произошло такъ: «Гетманъ Конецпольскій осадилъ козаковъ въ Переяславѣ; у польскихъ людей съ черкасами въ три недѣли бои были многіе, и на тѣхъ бояхъ черкасы поляковъ побивали, а на

¹⁾ Козаки берутъ верхъ надъ поляками, но во всемъ уступаютъ имъ.

послѣднемъ бою черкасы у гетмана въ обозѣ нарядъ взяли, многихъ поляковъ въ обозѣ побили, перевозки по Днѣпру отняли и паромы по перевозамъ пожгли. Послѣ этого бою гетманъ Конецпольскій съ черкасами помирился, а приходилъ онъ на черкасъ за ихъ непослушаніе, что они самовольствомъ ходятъ подъ турецкіе города и всѣмъ войскомъ убили Гришку Чорнаго, котораго онъ прежде далъ имъ въ гетманы. Помирясь съ черкасами, Конецпольскій выбралъ имъ изъ нихъ же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка» ¹⁾).

Назначенный козакамъ гетманъ Арандаренко пришелся имъ не по нраву, и въ 1631 году они выбрали на его мѣсто Ивана Петрижицкаго-Кулагу и, не обращая вниманія на стѣсненія со стороны правительства Рѣчи-Посполитой, по прежнему громили турецкіе берега Чернаго моря.

Въ 1632 году въ Польшѣ умеръ король Сигизмундъ III и собравшійся по этому поводу сеймъ приступилъ къ избранію новаго короля. Въ это время на вальный сеймъ явились депутаты и отъ козаковъ. Ссылаясь на то, что козаки составляютъ часть польскаго государства, депутаты потребовали отъ имени войска обезпеченія православной вѣры и права голоса на выборъ короля. На это требованіе сенатъ Рѣчи-Посполитой далъ такой отвѣтъ козакамъ, что хотя они дѣйствительно составляютъ часть польскаго государства, но такую, какъ волосы или ногти въ тѣлѣ человѣка: когда волосы или ногти слишкомъ выростутъ, то ихъ стригутъ. Такъ поступаютъ и съ козаками: когда ихъ немного, то они могутъ служить защитою Рѣчи-Посполитой, а когда они размножатся, дѣлаются вредными для Польши. Относительно обезпеченія православной вѣры козацкимъ депутатамъ сказали, что этотъ вопросъ разсмотреть будущій король Польши; а относительно участія въ избраніи короля козакамъ отвѣчали, что на избраніе короля имѣетъ право сенатъ и земское собраніе ²⁾).

Такимъ образомъ козаки возвратились на Украину и на Запорожье ни съ чѣмъ, и безъ ихъ участія избранъ былъ въ короли сынъ Сигизмунда, Владиславъ IV. По восшествіи своемъ на престолъ, Владиславъ IV открылъ войну съ Россіей, и тогда для

¹⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, Москва, 1888, X, 94; Костомаровъ, *Богданъ Хмельницкій*, Спб. 1884, I, 93.

²⁾ Шмидтъ, *Исторія польскаго народа*, Спб., 1866, II, 218.

этой войны ему понадобились козаки, одинаково какъ украинскіе, такъ и низовые запорожскіе. Запорожскими козаками въ это время предводительствовалъ нѣкто Арламъ ¹⁾, называемый у историковъ кошевымъ атаманомъ ²⁾. Запорожцы, не смотря на нанесенную имъ недавно обиду отъ поляковъ на сеймѣ, вышли въ помощь королю подъ начальствомъ атамана Гири Каневца, но въ 1633 году, іюня 17 дня, Каневецъ былъ убитъ въ новгородскомъ уѣздѣ ратными государевыми людьми, предводимыми Наумомъ Пушкинымъ ³⁾.

Зато оставшіеся въ Сичи запорожскіе козаки вознаградили себя тѣмъ, что, собравшись въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ, подъ предводительствомъ Сулимы, вышли въ Черное море, изъ Чернаго проникли въ Азовское, а потомъ снова вернулись въ Черное, произвели погромъ турецкихъ городовъ по берегамъ морей, потомъ дошли до устьевъ Днѣстра и Дуная и тутъ разорили Аккерманъ, Кицію, Измаилъ и нѣсколько селъ и деревень ⁴⁾.

Такъ рассказываетъ объ этомъ малороссійскій лѣтописецъ Ригельманъ. Кошевой Иванъ Сирко въ своемъ письмѣ 1675 года къ крымскому хану и сказатель Стефанъ Лукомскій передаютъ объ этомъ походѣ слѣдующее. Въ 1633 году гетманъ войска низового запорожскаго, Сулима, съвши на нѣсколько монокиловъ, вышелъ изъ Сичи по Днѣпру въ Черное море, изъ Чернаго черезъ Киммерійскій Босфоръ проникъ въ Меотическое озеро или Азовское море и взялъ тамъ крѣпкій городъ Азикъ или Азовъ ⁵⁾. Нужно думать, что лѣтописцы разумѣютъ здѣсь взятіе козаками лишь одного предмѣстья города, но не самой крѣпости.

Пользуясь постоянными набѣгами козаковъ на турецкія владѣнія и желая подать помощь Россіи, искавшей союза съ Турціей противъ Польши, турецкій султанъ двинулъ въ Польшу войско подъ начальствомъ Абасть-паши. Однако, войну эту султанъ скоро окончилъ и окончилъ, главнымъ образомъ, по винѣ Россіи. Россія, испытавъ неудачу въ борьбѣ съ поляками подъ Смоленскомъ, послѣдила заключить съ Рѣчью-Посполитою миръ, подписанный въ мѣстечкѣ Поляновкѣ, въ 1634 году. При заключеніи этого мира поляки, между прочими

1) Вантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, I, 185.

2) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1842, I, 131.

3) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, X, 94—102; XI, 102.

4) Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, I, 41.

5) Велычко, Лѣтопись, Кіевъ, II, 381, IV, 180.

статьями, предъявленными Россіи, потребовали отъ московскаго царя ежегоднаго жалованья запорожскимъ козакамъ «какъ имъ на то грамота дана и на самомъ дѣлѣ въ прошлыхъ годахъ бывало». На это требованіе московскіе послы отвѣчали такъ: «Козакамъ запорожскимъ какое жалованье и за какую службу давалось и какая у нихъ грамота есть,—того не упомнимъ; думаемъ, однако, что то могло быть, когда запорожскіе козаки великимъ государямъ служили, и теперь, если начнутъ служить, то имъ государево жалованье по службѣ будетъ»¹⁾. Но разумѣлись-ли здѣсь въ собственномъ смыслѣ запорожскіе козаки, или же подъ «запорожскими» понимались вообще украинскіе или городовые, опредѣлить нельзя.

Въ слѣдъ за русскимъ царемъ успѣшили заключить миръ съ Польшей и турецкій султанъ. По этому миру турецкій султанъ далъ обѣщаніе удерживать татаръ отъ набѣговъ на Украину, а польскій король обязался изгнать всѣхъ козаковъ съ днѣпровскихъ острововъ, чтобы тѣмъ преградить имъ путь изъ Днѣпра въ Черное море. Но въ это же время, ноября 2 дня, турецкій визирь доносилъ, что днѣпровскіе козаки, въ союзѣ съ донскими, приступали къ Азову, громили его изъ пушекъ, во многихъ мѣстахъ испортили и едва не овладѣли городомъ²⁾.

Послѣ заключенія мира съ турками, польское правительство стало изыскивать мѣры къ тому, чтобы такъ или иначе парализовать дѣйствія козаковъ противъ турокъ и тѣмъ обезопасить свои границы отъ набѣговъ мусульманъ. Оно начало прежде всего съ того, что рѣшило разобщить Запорожье съ населеніемъ Украины. Объявляя на собранномъ сеймѣ о состоявшемся перемиріи Рѣчи-Посполитой съ Турціей, вельможные паны говорили, что, желая, чтобы свѣтъ зналъ, какъ поляки держатъ вѣрность въ отношеніи своихъ враговъ, они принялись за искорененіе козацкаго своеволія и для этого твердо рѣшили сдѣлать слѣдующее: воспретить козакамъ нарушать миръ какъ на водѣ, такъ и на сушѣ, подъ страхомъ лишенія ихъ всѣхъ вольностей и привилегій, данныхъ имъ правительствомъ Рѣчи-Посполитой; не позволять имъ брать ни лѣсныхъ матеріаловъ, ни провизій, ни пороху, ни пуль, ни чего другого, необходимаго для военныхъ экскурсій; вмѣнить въ обязан-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1885, IX, 213; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 117.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, IX, 291.

ность отцамъ не пускать своихъ сыновей («молодежь городовъ нашихъ») въ войско запорожское, а также подвергать наказаніямъ всѣхъ людей шляхетскаго сословія, которые будутъ принимать, какъ раньше то было, участіе въ морскихъ походахъ запорожцевъ или просто помогать имъ и дѣлиться съ ними добычею; кромѣ того, для дѣйствительнаго прекращенія морскихъ экскурсій козацкихъ во владѣнія царя турецкаго и для соблюденія только что заключеннаго мира приказать инженерамъ осмотрѣть мѣста у берега Днѣпра и, гдѣ покажется удобнымъ, для короннаго и польнаго гетмановъ построить замокъ, снабдить его какъ пѣшимъ, такъ и коннымъ гарнизономъ и военною аммуниціей, для чего немедленно ассигновать 100.000 польскихъ злотыхъ ¹⁾).

Для возведенія крѣпости выбрано было мѣсто на правомъ берегу Днѣпра противъ устья рѣчки Самары, острова Князева и перваго порога Кодацкаго; отъ порога крѣпость названа была Кодакомъ. Сооруженіе крѣпости поручено было французскому инженеру Боплану, вызванному, въ качествѣ строителя различныхъ крѣпостей, въ Польшу. Крѣпость заложена была въ присутствіи гетмана Конецпольскаго и представляла собой видъ редута бастионнаго укрѣпленія, мѣрою кругомъ 900 сажень, съ высокими, болѣе 10 сажень высоты, валами и глубокими «обрѣзными, набитыми чеснокомъ», рвами ²⁾. Командиромъ гарнизона въ построенной крѣпости поставленъ былъ французскій полковникъ Моріонъ. Моріонъ оказался такимъ строгимъ начальникомъ, что не только не пускалъ козаковъ на войну, а даже воспрещалъ имъ выплывать въ рѣку для ловли рыбы: онъ держалъ въ крѣпости до 20 человекъ козаковъ, казавшихся ему подозрительными, и вовсе лишилъ ихъ свободы. Однако, строгость эта ни къ чему не повела: въ августѣ мѣсяцѣ 1635 [года] возвращался изъ морскаго похода названный выше Сулима съ козаками и, увидя выросшую крѣпость, не мало дивился тому, а потомъ внезапно бросился на нее, польскій гарнизонъ истребилъ, полковника Моріона зарѣзалъ, а крѣпость раскопалъ. Поднявшись отъ Кодака выше и дойдя до городовъ, Сулима сталъ скликать къ себѣ всѣхъ недовольныхъ польскимъ правительствомъ и готовиться вмѣстѣ съ ними на борьбу съ поля-

¹⁾ Volumena legum, С.-Петербургъ, 1860, III, 403.

²⁾ Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб. 1832, 19; Азты южной и западной Россіи, XI, 14; Эварницкій, Запорожье, Спб. 1888, I, 112.

ками, но скоро был схвачен обманным образом и отправлен въ Варшаву. Въ Варшавѣ въ это время находились турецкій и татарскій послы, которые заявили, что въ текущемъ, 1635 году, козаки уже пять разъ ходили на море, а потому требовали немедленной казни надъ Сулимой и его четырьмя сподвижниками. И Сулима былъ казненъ, по одному указанію, посредствомъ отсѣченія головы, по другому, посредствомъ разсѣченія на четыре части, выставленныя на четырехъ концахъ города ¹⁾.

Послѣ казни Сулимы гетманомъ украинскіхъ козаковъ оказался Василій Томиленко; при немъ волненія между украинскими козаками усилились. Волненія эти шли, главнымъ образомъ, отъ реестровыхъ козаковъ, не получавшихъ жалованья отъ польскаго правительства, настойчиво добивавшихся получить его и потому нѣсколько разъ порывавшихся уйти на Запорожье съ цѣлью предпринять походъ на Черное море. Однако, эти намѣренія не могли состояться до тѣхъ поръ, пока не открылась война у крымскаго хана съ буджацкими татарами и пока во главѣ козаковъ не сталъ нѣкто Карпо Павлюкъ, или Павлюга, иначе Баконъ, Полурусъ и Гудзанъ, по происхожденію турокъ. Возлѣ Павлюка собрались выписчики и запорожцы, съ которыми онъ и отправился (въ началѣ 1637 года) въ помощь крымскому хану Батырь-Герая противъ буджаковъ. Исходъ войны былъ въ пользу хана, благодаря мужеству Павлюка и запорожцевъ, которые «въ маломъ числѣ побѣдили и въ прахъ обратили многочисленнаго непріятеля».

Въ то время, когда одна часть запорожцевъ дѣйствовала, вмѣстѣ съ Павлюкомъ, въ Крыму, другая часть, числомъ до 4.000 человекъ, подъ начальствомъ Михайла Татарина, не вынесши польскихъ притѣсненій, рѣшила искать счастья въ чужихъ странахъ, идти къ персамъ и помогать имъ въ войнѣ противъ турокъ. Двинувшись черезъ крымскія и ногайскія степи по направленію къ Дону, часто сражаясь на пути съ татарами, запорожцы неожиданно встрѣтились съ партией донскихъ козаковъ въ 3.000 человекъ. Донцы, освѣдомившись, куда и зачѣмъ шли запорожскіе козаки, предложили имъ свою дружбу и запасы и объявили, что всего лучше запорожцамъ и донцамъ пойти къ турецкому городу Азову и овладѣть этимъ ключемъ къ Меотическому и Черному

¹⁾ Львовская лѣтопись, Журн. мин. нар. проsv., 1838, апр.; Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 123; Тератургия Кальнофойскаго, Киевъ, 1638, 271.

морямъ; послѣ того можно будетъ взять такую добычу, какой у персіянъ никогда не найти. Запорожцы согласились и рѣшили, вмѣстѣ съ донскими козаками, идти подъ турецкій городъ Азовъ: апрѣля 21 дня, 1637 года, въ среду, на другой день послѣ Свѣтлаго Воскресенія, запорожцы и донцы, въ числѣ 4.400 человекъ, выступили въ походъ, намѣреваясь жить въ Азовѣ, если только московскій царь позволитъ приходить въ Азовъ всякимъ людямъ, охочимъ, вольнымъ, и дастъ возможность привозить козакамъ всякіе запасы. Въ Азовѣ въ то время было отъ 3.000 до 4.000 турецкихъ янычаръ, которые смѣялись надъ предпріятіемъ козаковъ. Но козаки, подойдя къ Азову, тотчасъ врылись въ землю и, работая надъ этимъ день и ночь, несмотря на постоянную стрѣльбу со стороны янычаръ, вошли въ городъ и принудили янычаръ отступить въ замокъ. Испытывая большой страхъ, янычары скоро сдали козакамъ и замокъ, не смотря на то, что козаки имѣли при себѣ всего лишь 4 фальконета, которыми не могли причинить серьезнаго поврежденія замку. Взявъ крѣпость, козаки пограбили городъ и послѣ этого донцы остались въ Азовѣ, а запорожцы съ добычей возвратились въ Сичь ¹⁾).

Между тѣмъ, въ отсутствіе Павлюка на крайнѣ снова началось смятеніе, поднятое козаками по поводу неуплаты имъ польскимъ правительствомъ жалованья, а также вслѣдствіе отказа въ просьбѣ пользоваться изъ казенныхъ заводовъ запасами артиллеріи. Самъ гетманъ козацкій Томиленко былъ на сторонѣ польскаго короля и приковалъ къ пушкѣ какого-то козака Грибовскаго, всѣхъ больше возстававшаго противъ распоряженій польскаго правительства. Но Грибовскій успѣлъ отковаться отъ пушки и бѣжать на Запорожье. На Запорожье въ это время прибылъ изъ похода на Крымъ Павлюкъ. Узнавъ о происшедшемъ на Украинѣ, онъ бросился съ козаками изъ Сичи на Черкасы, захватилъ тамъ орудія и привезъ ихъ въ Сичь на Микитинъ-Рогъ, говоря, что имъ подобаешь быть въ Сичи, а не въ Черкасахъ ²⁾). Козацкій гетманъ Томиленко немедленно донесъ объ этомъ поступкѣ Пав-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, IX, 293; Арцыбашевъ. I, I. прим. 499; Величко, IV, 181. 182.

²⁾ Сичь на Микитинъ-Рогъ возникла, по сказанію Дзѣвовича, въ одно время съ построеніемъ Кодака и основана пѣкнимъ Федоромъ Липчаемъ: Средневскій, Украинская старина, Харьковъ, 1835, 117.

люка коронному гетману Потоцкому и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ козака къ Павлюку съ требованіемъ возвратить взятые имъ орудія и покориться королю. На это требованіе Павлюкъ отвѣчалъ полнымъ отказомъ. Іюня 16 дня Павлюкъ написалъ письмо Томиленку и въ этомъ письмѣ объявилъ, что, какъ мертваго изъ гроба не возвращаютъ, такъ и онъ не возвратитъ взятыхъ имъ орудій въ Черкасахъ. Напротивъ того, онъ считаетъ безчестіемъ держать козацкую армату въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Запорожья, гдѣ предки козаковъ прославились своими подвигами, и потому пригласилъ всѣхъ реестровыхъ забрать орудія и, покинувъ города, идти на Запорожье ¹⁾. Тогда къ Павлюку поваляли на Сичь всѣ недовольные порядками польскаго правительства, а приверженцы польской стороны, реестровые козаки, упрекая своего гетмана Василя Томиленка въ послабленіи своеволю черни, низложили его съ гетманства и вмѣсто него выбрали гетманомъ Савву Кононовича, родомъ великоросса.

Новый гетманъ началъ дѣйствовать въ духѣ польскаго правительства и сталъ уговаривать возставшихъ прекратить волненіе. Узнавъ объ этомъ переворотѣ, Павлюкъ немедленно вышелъ изъ Сичи и, остановившись кошемъ у Крылова, отправилъ отъ себя отрядъ козаковъ въ Переяславъ, гдѣ находился Савва Кононовичъ. Савва Кононовичъ былъ внезапно схваченъ, привезенъ въ Крыловъ и тутъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими старшинами, разстрѣлянъ, а вмѣсто него гетманомъ былъ объявленъ Карпо Павлюкъ.

Выбранный въ гетманы украинскихъ козаковъ, Павлюкъ, октября 11 дня, 1637 г., написалъ универсалъ всему украинскому козачеству, мѣщанству и посольству, призывая всѣхъ противъ «непріятелей народа русскаго христіанскаго и древней греческой вѣры», а самъ, оставивъ вмѣсто себя на Украинѣ Карпа Скидана, ушелъ въ Сичь, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока не возбудилъ неудовольствія со стороны украинцевъ. Находясь въ Сичи, Павлюкъ завелъ сношеніе съ крымскимъ ханомъ, у котораго просилъ помощи противъ поляковъ. Но ханъ не только не далъ помощи Павлюку, а даже извѣстилъ о затѣянномъ имъ дѣлѣ польскаго короля. Тогда Павлюку ничего не оставалось дѣлать, какъ выдти изъ Запорожья на Украину. И онъ вышелъ; при немъ были и запорожскіе ко-

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 132.

заки. Но сколько ихъ было и кто именно изъ запорожцевъ пошелъ съ Павлюкомъ, — источники не говорятъ. Нужно думать, что запорожцы вмѣстѣ съ Павлюкомъ были и подъ Кумейками (декабря 6 дня), и подъ Боровицей (декабря 20 дня), хотя и на этотъ счетъ точныхъ указаній не имѣется. Подъ Боровицей Павлюкъ выданъ былъ козаками полякамъ и въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго, 1658 года, казненъ въ Варшавѣ посредствомъ отсѣченія головы, а вмѣсто него козацкимъ гетманомъ объявленъ былъ Ильяшъ Караимовичъ. Сторонники казненнаго, Скиданъ и Чечуга, успѣли спастись бѣгствомъ въ Запорожье. Украинскіе козаки, вынужденные подписать подъ Боровицею условія, продиктованныя имъ поляками, между прочимъ, обязались, по первому требованію гетмановъ коронныхъ и комиссаровъ, идти походомъ на Низъ, сжечь тамъ всѣ челны и вывести оттуда всю лишнюю чернь, назначенную въ видѣ стражи, для охраны польскихъ предѣловъ противъ татаръ ¹⁾. Это обѣщаніе принято было поляками съ особенною охотой, и когда потомъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, собрался сеймъ въ Варшавѣ, то на немъ относительно Запорожья постановлены были, кромѣ того, слѣдующія мѣры: 1) Правительство Рѣчи-Посполитой, въ виду предупрежденія морскихъ походовъ со стороны запорожцевъ и постояннаго ими возмущенія украинскаго населенія, должно завладѣть всѣмъ Запорожьемъ и поставить тамъ постоянную сторожу. 2) Реестровые козаки, въ числѣ двухъ полковъ, должны стоять на Запорожьѣ и оберегать Низъ отъ чужихъ и своихъ, т.-е. татарамъ не позволять переправляться черезъ Днѣпръ и вторгаться во владѣніе Рѣчи-Посполитой, своевольнымъ людямъ запрещать спускаться изъ городовъ на Низъ, составлять на Низу ополченіе и возвращаться для бунтовъ на Украину: «Назначенные полки съ полковникомъ своимъ должны ходить на Запорожье попеременно для обереганія тѣхъ мѣстъ и для запрещенія татарамъ переходить черезъ Днѣпръ, а также для предостереженія, чтобы своеволие не укrywалось на островахъ и рѣкахъ (Низа) и не предпринимало оттуда никакихъ экскурсій на море, исключая тѣхъ козаковъ, которые будутъ въ полкахъ, ни одинъ козакъ (городовой), безъ паспорта комиссара, не долженъ ходить на Запорожье, и если бы такой былъ пойманъ ко-

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1894. I. 152.

дацкимъ губернаторомъ, то онъ долженъ быть казненъ смертью»¹⁾).

Эти постановленія подписаны были королемъ Владиславомъ IV, тѣмъ самымъ, который, очутившись въ безвыходномъ положеніи въ московскомъ государствѣ, взывалъ о помощи къ козакамъ и былъ ими спасенъ, а потомъ вторично вырученъ былъ изъ бѣды гетманомъ Сагайдачнымъ подъ турецкою крѣпостью Хотиномъ. Впрочемъ, къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ козаковъ побуждали польскаго короля какъ турецкій султанъ, такъ и крымскій ханъ. Султанъ требовалъ непременно свести козаковъ съ днѣпровскихъ острововъ, въ противномъ случаѣ грозилъ въ прахъ обратить провинціи и волости Рѣчи-Посполитой. Крымскій ханъ, извѣщая короля о томъ, что козаки вновь собираются на днѣпровскихъ островахъ съ цѣлью нападенія на татаръ, совѣтовалъ ему, для полного согласія и дружбы съ татарами, истребить всѣхъ своевольниковъ и для этого предлагалъ королю даже собственное войско. Но какъ ни были возмущены поляки своеволиемъ козаковъ, все же не могли рѣшиться на крайнія мѣры противъ нихъ: понимая, что, съ уничтоженіемъ козаковъ, Польша будетъ открыта для нападений со стороны мусульманъ, поляки хотѣли только прибрать къ рукамъ Запорожье и владѣть имъ по собственному усмотрѣнію.

Послѣ окончанія сейма отправлены были въ Запорожье два украинскихъ полка, чигиринскій и бѣлоцерковскій, съ полковникомъ Мелецкимъ, которому приказано было сперва выгнать оттуда всѣхъ украинскихъ бѣглецовъ, а потомъ расположиться до новой смѣны въ козацкихъ вольностяхъ въ качествѣ сторожевыхъ полковъ. Мелецкій прибылъ въ Запорожье въ половинѣ мѣсяца марта 1638 года и, остановившись на границѣ козацкихъ вольностей, послалъ къ запорожцамъ своихъ козаковъ объявить имъ извѣстіе о королевской милости и требованіе сейма о выдачѣ Скидана и Чечуги. Но запорожцы на требованіе польскаго полковника отвѣчали тѣмъ, что заковали присланныхъ къ нимъ посланцевъ и оставили на берегу Днѣпра какое-то «очень неутѣшительнаго содержанія письмо». Мелецкій хотѣлъ-было дѣйствовать противъ запорожцевъ оружіемъ, но, увидя, что это опасно для его жизни, вслѣдствіе побѣга реестровыхъ козаковъ въ Сичь, рѣшилъ покинуть Запорожье и поскорѣе вернуться въ польскія владѣнія Украйны.

¹⁾ Volumena legum, Спб., 1860, III, 440.

Тогда въ Запорожьѣ объявились два сотрудника казеннаго Павлюка, Дмитро Томашевичъ-Гуня и Острианиця или, по козацкому произношенію, Острианиця, родомъ полтавецъ. Первый принялъ на себя званіе козацкаго гетмана въ апрѣлѣ 1638 года и, пылая местию за замученнаго поляками отца, выступилъ яримъ врагомъ Рѣчи-Посполитой. Второй, проявившій свое мужество и распорядительность еще подъ Кумейками, выходя вмѣстѣ съ Гунею противъ поляковъ, рѣшилъ сперва заручиться союзомъ съ крымскими татарами и донскими козаками, для чего и отправилъ къ нимъ посланцевъ изъ Запорожья. Не дождавшись отвѣта, Острианиця оставилъ Запорожье и поднялся съ войскомъ, частію сѣвнымъ въ лодки, частію двинувшимся сухопутьемъ вдоль Днѣпра на Украину. Съ нимъ былъ и Карпо Скиданъ, находившійся все время послѣ боровицкой битвы въ Запорожьѣ. Были-ли въ этомъ войскѣ и запорожцы, и если были, то сколько именно и подъ чьимъ начальствомъ они шли, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, Острианиця отъ Сичи поднялся къ Кременчугу и мая 5 дня былъ у города Голтвы, гдѣ нанесъ большое пораженіе полякамъ и принудилъ ихъ отступить отъ Голтвы съ большими потерями, въ чемъ сознается и польскій хронистъ того времени Симонъ Окольскій. Въ это время Острианиця получилъ извѣстіе, что къ нему подходит нѣсколько полковъ донскихъ козаковъ. Побившись съ поляками подъ Лубнами, Острианиця взялъ путь на Лохвицу и Миргородъ, откуда вернулся къ Лукомлю, на 25 верстъ ниже Лубенъ, а потомъ, покинувъ Лукомль, сталъ на рѣчкѣ Слѣпородѣ, между Яблоновымъ и Лубнами. Простоявъ безъ всякаго дѣйствія нѣсколько времени на Слѣпородѣ, Острианиця, мая 27 дня, опять ушелъ къ Лукомлю, гдѣ пробылъ до 14 іюня. Тутъ онъ узналъ о прибытіи къ гетману Потоцкому князя Іереміи Вишневецкаго и потому отъ Лукомля направился къ Жовнину. Послѣ отступленія отъ Лубенъ Острианиця къ этому городу прибылъ передовой отрядъ донскихъ козаковъ въ 500 человекъ подъ начальствомъ козака Путивльда и его сподручниковъ Мурки и Рѣпки; на этотъ отрядъ донцовъ напали поляки и истребили его, не смотря на добровольную сдачу донцовъ съ условіемъ дарованія имъ жизни. Подъ Жовниномъ Острианиця весь день бился съ поляками, но потомъ, стѣсненный ими, оставилъ козацкій лагерь и тайно бѣжалъ въ московскія земли. Тогда козацкимъ гетманомъ объявленъ былъ Дмитро Томашевичъ-Гуня.

Гуня стоялъ подъ Жовниномъ съ 15 по 20 іюня и выдержалъ здѣсь упорный штурмъ отъ Вишневецкаго, но подъ конецъ оставилъ Жовнинъ и спустился къ устью рѣчки Старицы, впадающей въ Днѣпръ. У устья Старицы Гуня просидѣлъ до 5 августа, то сражаясь съ поляками, то вступая съ ними въ мирные переговоры; августа 5 дня, принявъ въ свой обозъ полковника Филоненка съ подкрѣпленіемъ и продовольствіемъ, а вмѣстѣ съ этимъ выдержавъ жестокой штурмъ отъ поляковъ, Гуня внезапно исчезъ изъ козацкаго лагеря и потомъ очутился въ московской землѣ.

Принимали-ли участіе во всѣхъ этихъ походахъ Гуни запорожскіе козаки, документально неизвѣстно, хотя трудно допустить, чтобы низовые рыцари оставались равнодушными зрителями тамъ, гдѣ дѣло касалось православной вѣры и козацкихъ вольностей.

Результатомъ всѣхъ походовъ Острияници и Гуни было лишеніе украинскихъ козаковъ прежнихъ правъ, какими они пользовались до этого времени, въ особенности права выбора собственныхъ старшинъ, и распоряженіе о назначеніи новыхъ старшинъ шляхетскаго происхожденія. Повелѣніе объ этомъ объявлено было декабря 4 дня, 1638 года, въ урочищѣ Масловомъ-Бродѣ и повело за собой рядъ бѣдствій для всей Украйны.

Для запорожцевъ походы Гуни и Острияници имѣли тѣ послѣдствія, что поляки вновь рѣшили разобщить ихъ съ украинцами посредствомъ сооруженія крѣпости Кодака, на прежнемъ его мѣстѣ, противъ Кодацкаго порога и устья рѣки Самары. Крѣпость по прежнему возводилась инженеромъ Бопланомъ, но на этотъ разъ подъ непосредственнымъ надзоромъ короннаго гетмана Конецпольскаго. Конецпольскій отправился на мѣсто крѣпости съ 4.000 солдатъ и оставался тамъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца 1638 года до окончанія работъ. Когда крѣпость была окончена, то гетманъ, осматривая ее, лукаво спросилъ у бывшаго при немъ чигиринскаго сотника: «Какое вамъ кажется Кодакъ?»—«*Manu facta manu distruo*»—т.-е. «что руками создается, то руками и разрушается»—отвѣтилъ гетману не менѣе лукаво чигиринскій сотникъ Богданъ Хмельницкій¹⁾, и слова его не прошли, какъ увидимъ ниже, даромъ.

Построеніе крѣпости Кодака не удержало запорожскихъ козаковъ отъ привычныхъ походовъ въ турецко-татарскія земли. На этотъ разъ запорожцы вышли въ море въ качествѣ союзниковъ

1) Бопланъ, Описаніе Украйны, Спб., 1832, 21.

донскихъ козаковъ; донскіе же козаки вызваны были къ походу по грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича. Апрѣля 22 дня, 1638 года, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ извѣщалъ донцовъ, что крымцы подъ начальствомъ царевича Сафать-Герая, мстя Москвѣ за Азовское взятъе, приходили на московское государство, ко многимъ городамъ приступали, много селъ и деревень пожгли, много людей побили и въ полонъ побрали. Возвратясь же назадъ изъ набѣга, крымцы вновь собрались въ какой-то походъ, держа это въ большой тайнѣ. Обезпокоенный этимъ, московскій царь наказалъ донцамъ всѣми мѣрами наблюдать за дѣйствіями татаръ, войти въ сношеніе съ запорожскими козаками и пригласить ихъ стать заодно съ донцами противъ крымскихъ и ногайскихъ воинскихъ людей, чтобы въ московскія украины ихъ не пропустить и тѣмъ помощь московскому государству чинить ¹⁾).

Нужно думать, что вслѣдствіе этой грамоты и состоялся походъ донскихъ и запорожскихъ козаковъ въ 1638 году. Они собрались въ числѣ 1.700 человекъ и, сѣвъ на 153 чайки, выплыли въ Черное море. Но этотъ походъ окончился полной неудачей для козаковъ: турецкій султанъ Мурадъ IV послалъ противъ нихъ пашу Капуданъ-Раджаба, который нанесъ имъ рѣшительное пораженіе. Не смотря на это, оправившись отъ пораженія, козаки занялись осадой Багдада, но тутъ снова потерпѣли пораженіе. Противъ нихъ вышелъ самъ кійайя, т. е. начальникъ арсенала, Піале-ага съ намѣстникомъ или беглеръ-бекомъ («князь князей») города Кафы ²⁾, и захватилъ нѣкоторую часть ихъ флота, вмѣстѣ съ атаманомъ, въ свои руки. Другая часть козацкой флотиліи спаслась въ дельту рѣки Кубани, но тутъ у мыса Чука была окружена морскими и сухопутными силами татаръ и турокъ, пришедшими изъ Керчи, Очакова и Крыма, и потеряла 500 человекъ товарищей и 5 чаекъ, послѣ чего поднялась еще выше по рѣчкѣ Кубани, спасаясь отъ мусульманъ. Но мусульмане, сѣвъ на отнятыя у козаковъ лодки, снова бросились въ слѣдъ за ними и спѣпились въ самой рѣчкѣ при Адахунѣ, большую часть изъ нихъ убили, 250 человекъ и 30 чаекъ съ собой взяли и въ Царьградъ отправили. Мусульмане боролись съ козаками въ теченіи

¹⁾ Акты исторіи войска донского, Новочеркасскъ, 1891, 20—24.

²⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VIII, 168, 172; Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, V, 269—270.

семи дней и подъ конецъ успѣли прогнать ихъ отъ города Азова, куда они, вмѣстѣ съ донцами, и простирали свои взоры ¹⁾.

Не довольствуясь такимъ успѣхомъ, султанъ Мурадъ IV отправилъ изъ Константинополя Пиале-агу въ устье днѣпровскаго лимана, къ острову Тендрѣ, гдѣ стояли 10 козацкихъ чаекъ съ турецкой добычей и плѣнными женщинами и дѣтьми. Пиале внезапно напалъ на козацкія чайки, захватилъ ихъ въ свои руки и отправилъ въ столицу, а женщинъ и дѣтей выпустилъ на свободу ²⁾.

Разгромивъ запорожцевъ на морѣ, турки стали претендовать и на обладаніе всѣми вольностями ихъ въ самомъ Запорожьѣ. Такъ, въ 1640 году, февраля 15-го дня, намѣстникъ кievскаго митрополита Петра Могилы, старецъ Игнатій, при распросѣ въ польскомъ приказѣ, въ Москвѣ, показалъ, что въ этомъ году крымскіе и ногайскіе татары, вмѣстѣ съ черкесскими людьми, приходили, въ числѣ 70.000 человекъ, на литовскую землю и взяли въ плѣнъ 200.000 всякаго званія христіанъ, кромѣ побитыхъ людей до смерти, старыхъ, неспособныхъ къ работамъ людей. «А зачалась та татарская война въ Литовской землѣ за то, что гетманъ Конецпольскій поставилъ надъ Днѣпромъ, на первомъ порогѣ его, городокъ Кодакъ, и о томъ турецкій салтанъ присылалъ выговаривать Конецпольскому, чтобъ онъ того городка не ставилъ, потому что-де та земля его, турецкая, а не литовская; и гетманъ-де ему въ томъ отказалъ съ безчестьемъ; и турецкому-де салтану то стало досадно, что его гетманъ обезчестилъ и городокъ поставилъ на границѣ, и за то наслалъ на Литовскую землю татаръ войною тайнымъ обычаемъ» ³⁾.

Въ 1641 году запорожскіе козаки, какъ можно догадываться на основаніи указанія Эвлія-эфенди и постоянной связи Запорожья съ Дономъ, ходили на помощь донцамъ къ городу Азову противъ татаръ и турокъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ Дели-Хусайна-паши. Тѣ и другіе козаки показали здѣсь чудеса храбрости и не смотря на огромныя полчища своихъ противниковъ (отъ 100.000 до 240.000) и на превосходство ихъ положенія, заставили отступить ихъ отъ Азова ⁴⁾.

¹⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VIII, 168, 172; Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, V, 269—270.

²⁾ Hammer, Geschichte des osmanischen Reichs, V, 269—270.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, III, 33.

⁴⁾ Записки общества исторіи и древностей, VIII, 163, 164, 165.

Впрочемъ, видимо, запорожцы послѣ страшнаго разгрома ихъ на Черномъ морѣ и на рѣчкѣ Кубани на время прекратили свои выходы въ Черное море. Но крайней мѣрѣ, о послѣдующихъ предпріятіяхъ ихъ противъ турокъ извѣстій никакихъ не имѣется. Зато съ этого времени слѣды ихъ дѣйствій обнаруживаются въ другомъ мѣстѣ. Такъ, въ 1643 году запорожскіе черкасы напали на рѣчкѣ Торѣ на турецкихъ посланниковъ, шедшихъ изъ Москвы въ Крымъ, и разгромили ихъ; пойманный при этомъ одинъ изъ низовыхъ козаковъ свернулъ вину на какого-то старца Святогорскаго монастыря ¹⁾, который, будто бы, подвелъ къ тому запорожскихъ черкасъ, но московскіе послы, бывшіе въ это время въ Константинополѣ, отрицали это: «Говорилъ онъ (козацъ) про святогорскаго старца, избывая смерти, покрывая свое воровство и желая посорить великихъ государей» ²⁾.

Пассивную роль играли запорожскіе козаки и въ 1644 году во время похода короннаго гетмана Станислава Конецпольскаго противъ татаръ. Этотъ походъ предпринять былъ поляками въ отмщеніе за набѣгъ татаръ въ Заднѣпровье, сдѣланный ими въ 1643 году. Собравъ большое войско, Конецпольскій отправилъ впередъ себя воеводу Станислава Любомирскаго къ мѣстечку Ставищамъ для наблюденія за татарами. Въ свою очередь, Любомирскій, прибывъ въ Ставища, отправилъ отъ себя часть войска подъ начальствомъ князя Іереміи Вишневецкаго къ Днѣпру, въ мѣстечко Мошны, и приказалъ ему строго слѣдить за движеніями непріятелей на обоихъ берегахъ рѣки. Татары шли подъ начальствомъ Тугай-бея, Муртазы-аги и Умаръ-аги, пользовавшихся репутацией въ Крыму самыхъ храбрыхъ и дѣльныхъ воиновъ; послѣдній, кромѣ того, извѣстенъ былъ какъ лучший калаузъ, т.-е. проводникъ войска, отлично знавшій географическое расположеніе польско-украинскихъ областей. Января 3 дня татары заняли переправу черезъ Днѣпръ у Тавани, объявивъ, что они идутъ не съ тѣмъ, чтобы воевать противъ Польши, а съ тѣмъ, чтобы вернуть свои стада, угнанные козаками. Гетманъ узнавалъ о всѣхъ движеніяхъ татаръ отъ бѣглыхъ запорожскихъ плѣнниковъ, а также отъ чигиринскаго полковника, находившагося съ полкомъ въ Запорожьѣ, и отъ пана Забужскаго, отправленнаго туда же для развѣдокъ. Они сообщили

¹⁾ Теперешней харьковской губерніи, явюмскаго уѣзда.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1859, IX, 306.

гетману, что татары, не могли переправиться черезъ Днѣпръ у Тавани, вслѣдствіе обмерзлыхъ береговъ рѣки, безуспѣшно пытались сдѣлать это у Каирской и Носоковской переправы, а потомъ поднялись вверхъ до Кичкаса. Тогда Вишневецкій передвинулся въ Корсунь, а гетманъ изъ Бара спустился къ Ставищамъ. Здѣсь получено было извѣстіе, что орда, выждавъ два дня у Кичкаса, пока не окрѣпъ ледъ, переправилась съ лѣваго берега Днѣпра на правый и двинулась къ Желтымъ-Водамъ, отъ Желтыхъ-Водъ пошла черезъ верховье рѣчки Саксагани, черезъ рѣчки Ингулецъ, Ингуль и Высь. Тогда все польское войско сошлось у Ахматова на рѣчкѣ Тикычѣ и здѣсь, 30 января, 1644 года, произошла битва между поляками и татарами. Битва окончилась для татаръ весьма печально: они были сломлены и бѣжали къ Синимъ-Водамъ, а оттуда частію къ Днѣпру, частію къ Очакову, а частію въ буджацкія степи. Между поляками во время этой битвы находились и козаки, но ихъ было всего лишь 400 человекъ и они поставлены были сзади всего войска ¹⁾).

Оставивъ свои набѣги на Черное море, запорожскіе козаки принуждены были прекратить и свои сношенія съ Украиной: на югѣ ихъ зорко стерегли турки, а на сѣверѣ за ними бдительно слѣдили поляки, засѣвшіе въ крѣпости Кодакъ, а также и въ самой Сичѣ, куда посылалась особая залога, т.-е. гарнизонъ, частію изъ реестровыхъ козаковъ, а частію и изъ поляковъ, находившихся подъ начальствомъ особыхъ офицеровъ. Сдавленные съ обѣихъ сторонъ, запорожцы не теряли, однако, надежды на то, чтобы вновь выскочить въ широкое море и въ угнетаемую панствомъ и унией Украину. Такой случай представился имъ въ 1647 году, когда на историческую сцену Украины выступилъ знаменитый гетманъ, Зиновій Богданъ Хмельницкій.

¹⁾ Дневникъ Освѣцима: Кіевская старина, 1882, январь, 139—146.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Бѣгство Богдана Хмельницкаго въ запорожскую Сичу и пріемъ его козаками. — Посланцы короннаго гетмана Потоцкаго въ Сичу съ приказаніемъ изловить Хмельницкаго. — Отъѣздъ Хмельницкаго въ Крымъ и возвращеніе въ Сичу. — Первая рада въ Запорожьѣ. — Письма Хмельницкаго къ знатымъ польскимъ панамъ. — Пріѣздъ въ Запорожье перекопскаго мурзы Тугай-бея. — Вторая рада въ Запорожьѣ. — Движеніе Хмельницкаго противъ поляковъ къ Желтымъ-Водамъ. — Встрѣча Хмельницкимъ польской рѣчной флотиліи у праваго берега Днѣпра съ цѣлью склонить ее на свою сторону и полный его въ этомъ успѣхъ. — Положеніе лагерей козацкаго и польскаго у Желтыхъ-Водъ. — Полное пораженіе поляковъ у Желтыхъ-Водъ и Князьяго-Байрака. — Движенія запорожцевъ отъ Желтыхъ-Водъ къ Корсуню, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, Бѣлой-Церкви и на Волынь. — Недовольство запорожцевъ Хмельницкимъ. — Сношенія Хмельницкаго съ запорожцами по поводу передачи Малороссіи Москвѣ. — Партія людей, не желавшихъ соединиться съ Москвою и бѣгство ея въ Запорожье. — Присяга запорожцевъ московскому царю. — Неудачные походы запорожцевъ въ Черное море и къ Очакову.

Выступая на историческую сцену Украины, Хмельницкій прежде всего нашелъ пріютъ и помощь въ запорожской Сичи, у низовыхъ козаковъ. Лишенный состоянія, жены, малолѣтняго сына, осмѣянный на сеймѣ, брошенный въ тюрьму и приговоренный къ казни, Хмельницкій, съ сыномъ Тимошеемъ, въ началѣ декабря, 1647 года, бѣжалъ изъ тюрьмы въ Запорожье ¹⁾ и здѣсь, не доѣзжая самой Сичи, бывшей въ ту пору на мысѣ Микитинѣ, расположился на островѣ Буцкѣ или Томаковкѣ, иначе Днѣпровскомъ островѣ, по теперешнему Городищѣ: «Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкѣ, называемомъ Днѣпровскимъ, отъ берега (праваго) двѣ мили, а съ той стороны, отъ Крыму, едва можно достать выстрѣломъ изъ доброй пушки» ²⁾. Но на островѣ Буцкѣ Хмельницкій нашелъ себѣ мало сочувствія, а причиною тому было нѣкоторое обстоятельство, происшедшее нѣсколько раньше этого времени, вдали отъ Сичи, въ самой Украинѣ. Это обстоятельство

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, I, 29; Акты южной и западной Россіи, III, 167.

²⁾ Памятники кіевской комиссіи, т. I, отд. III, 18.

состояло въ томъ, что противъ старшинъ реестрового войска, стоявшихъ за польское правительство и грабившихъ своихъ соотечественниковъ, выступила партія недовольныхъ людей. Во главѣ старшинъ стоялъ тогда Барабашъ, при которомъ, въ званіи реестроваго сотника, состоялъ и Богданъ Хмельницкій. Во главѣ недовольныхъ старшинами былъ Ѳедоръ Линчай. Въ происшедшемъ между обѣими сторонами столкновеніи побѣда осталась на сторонѣ «барабашивцевъ», и «линчайвцы» должны были удалиться на Запорожье, гдѣ они нашли себѣ пріютъ на островѣ Буцкѣ. На этотъ-то островъ Буцкій бѣжалъ и Хмельницкій. Какъ всякаго гонимаго и безпріютнаго, его, разумѣется, приняли «линчайвцы», но Хмельницкій нашелъ болѣе удобнымъ для себя оставить островъ Буцкій и спуститься на самую Сичь на Микитиномъ Рогѣ ¹⁾, стоящую на 18 верстѣ ниже острова.

Узнавъ о бѣгствѣ Хмельницкаго изъ тюрьмы, польскій коронный гетманъ, Потоцкій, немедленно послалъ въ Микитинскую Сичу приказаніе доставить ему бѣглеца обратно. Тогда Хмельницкій оставилъ Сичу и направился на Низъ, къ лиману, за нимъ гналась польская залога, находившаяся въ Сичи и состоявшая изъ 500 козаковъ и 300 поляковъ. Видя за собой погоню, Хмельницкій выслалъ къ преслѣдовавшимъ его козакамъ двухъ своихъ соучастниковъ и черезъ нихъ убѣдилъ козаковъ, что онъ возсталъ противъ поляковъ, а не противъ кровныхъ и единовѣрныхъ товарищей, и намѣренъ защищать благочестивую вѣру, къ чему призываетъ и всѣхъ своихъ соплеменниковъ. Тогда козаки возстали противъ поляковъ и часть изъ нихъ перебили, часть разогнали, послѣ чего сдѣлали все Запорожье свободнымъ отъ лядскаго гнета.

Хмельницкій отъ лимана вернулся въ Сичь и тутъ, въ присутствіи кошевого атамана, старшинъ и бывшихъ на ту пору козаковъ, сказалъ рѣчь, въ которой краснорѣчиво описалъ поруганіе іезуитовъ надъ православною вѣрой и служителями святаго алтаря, глумленіе сейма надъ козацкими правами, насилія со стороны польскихъ войскъ надъ населеніемъ украинскихъ мѣстечекъ и городовъ, вымогательства и мучительства со стороны «проклятаго жидовскаго» рода: «Къ вамъ уношу душу и тѣло,—укройте меня, стараго товарища, защищайте самихъ себя, и вамъ тоже угрожаетъ!»

Тронутые этой рѣчью, козаки отвѣчали Хмельницкому: «Прій-

¹⁾ Будинскій, О Богданѣ Хмельницкомъ, Харьковъ, 1882, 38.

маемо тебя, пане Хмельницкій, хлибомъ-силью и щирымъ сердцемъ!»¹⁾).

Послѣ этого былъ кликнутъ кличъ о сборѣ въ Сичь всѣхъ козаковъ для очень важнаго дѣла. И тогда по этому клику толпа хлынула въ Сичь: «Изъ лѣсовъ и ущелій прибѣгали въ Сичь бѣглые хлопы, которые жили подъ названіемъ лугарей, степовиковъ и гайдамакъ по берегамъ Днѣпра, Буга, Самары, Конки, въ землянкахъ, одѣтые въ звѣриныя кожи, довольные скудною тетерею, но зато вольные, какъ вѣтеръ, по выраженію ихъ пѣсень»²⁾).

Но что именно затѣвалъ Хмельницкій и каковы были его планы, объ этомъ извѣстно было только кошевому атаману, войсковою старшинѣ да немногимъ сообщникамъ Богдана; остальнымъ пока рассказывали, что Хмельницкій и войсковая старшина собрали отовсюду въ Сичь козацкую чернь для того, чтобы выбрать изъ всей среды козацкаго сословія депутатовъ и отправить ихъ съ разными просьбами къ королю. Въ этомъ же духѣ Хмельницкій писалъ письмо изъ Сичи (декабря 27, 28, 30 дня), къ черкасскому полковнику Барабашу, козацкому комиссару Шембергу, гетману Николаю Потоцкому и коронному хорунжему, державцѣ чигиринскому, Конецпольскому. Во всѣхъ этихъ письмахъ Хмельницкій увѣрялъ пановъ въ томъ, что бѣжалъ въ Сичь единственно ради личной безопасности и что намѣреніе его состоитъ въ томъ, чтобы отправить изъ Сичи въ Варшаву депутацію для защиты козаковъ отъ панскихъ насилій³⁾).

На письма Хмельницкаго изъ всѣхъ пановъ отвѣчалъ, но и то лишь послѣ долгаго убѣжденія со стороны нѣкоторыхъ знатныхъ поляковъ, одинъ только Потоцкій. Онъ послалъ въ Запорожье ротмистра польской службы Хмелецкаго и черезъ него убѣждалъ Хмельницкаго оставить мятежные замыслы и вернуться на родину: «Увѣряю васъ честнымъ словомъ, что волосъ не спадетъ съ вашей головы,—говорилъ посланецъ Потоцкаго Хмельницкому,—если вы вернетесь на родину». Но Хмельницкій не повѣрилъ этому «честному слову» и остался въ Сичи, вездѣ распространяя молву, что онъ далекъ отъ всякихъ мятежныхъ замысловъ и проситъ лишь о милостяхъ для украинскаго народа и законныхъ привил-

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, I, 1884, 253.

²⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 254.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, I, 32—43; Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1859, 40; Памятники кіевской комиссіи, I, от. III, 10, 21.

легіяхъ для козаковъ, безъ чего ни за что не выгдетъ изъ Запорожья ¹⁾).

Эти переговоры происходили въ мартѣ мѣсяцѣ, и Хмельницкій въ это время съ козаками находился на островѣ Буцкѣ, о чемъ доносили поляки 2 апрѣля, 1648 года, въ Варшаву ²⁾, а съѣхалъ онъ на островъ, будто бы, для корма лошадей ³⁾. Поляки вполнѣ повѣрили словамъ Хмельницкаго и спокойно возвратились изъ Запорожья.

А между тѣмъ Хмельницкій, обманувъ и успокоивъ поляковъ, внезапно оставилъ Запорожье и ушелъ съ сыномъ Тимошеемъ въ Крымъ за помощью противъ поляковъ. Въ то время ханомъ въ Крыму былъ Исламъ-Герай. Послѣ долгихъ переговоровъ ханъ позволилъ Хмельницкому пригласить въ помощь перекопскаго мурзу, Тугай-бея съ войскомъ. Тугай-бей долго не соглашался на предложеніе Хмельницкаго, но подъ конецъ, соблазненный обѣщаніемъ большой добычи, изъявилъ свое согласіе. Союзники въ половинѣ апрѣля переправились съ лѣваго берега Днѣпра на правый у турецкаго города Кызыкермена ⁴⁾).

Проѣхавъ степь отъ праваго берега Днѣпра, Тугай-бей и Хмельницкій раздѣлились: первый остановился на время у рѣчки Базавлука на Переволочанскомъ шляху, къ западу отъ Сичи, съ цѣлью охраненія западныхъ границъ Запорожья отъ внезапнаго прихода польскихъ войскъ; а второй направился прямо въ Сичь.

Между тѣмъ кошевой атаманъ запорожскихъ козаковъ, совершенно уговору, сдѣланному съ Хмельницкимъ передъ его выѣздомъ въ Крымъ, ожидая съ часу на часъ его поворота въ Запорожье, стянулъ со всѣхъ луговъ, вѣтокъ и рѣчекъ все конное и пѣшее низовое запорожское войско, объявляя всѣмъ о настоящей необходимости прибытія въ Сичь, но не открывая, однако, истинной причины до возвращенія Хмельницкаго въ Сичь: «Хмельницкій очень хитро и предусмотрительно распорядился съ кошевымъ атаманомъ и сичевою куренною атаманнею, такъ что о его замыслахъ и объ отъѣздѣ въ Крымъ не только не могли дознаться черезъ своихъ шпионовъ поляки, но и все войско низовое (кроме

¹⁾ Памятники кievской комиссіи, т. I, от. III, 19.

²⁾ Памятники кievской комиссіи, т. I, от. III, 18.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 44.

⁴⁾ Лѣтопись Грабянки, Кіевъ, 1854, 41.

самой атаманни) ничего не знало до самаго возвращенія Хмельницкаго въ запорожскій Кошъ. А если бы знало о томъ войско, то знали бы и поляки, и тогда они могли бы иную приготовить встрѣчу Хмельницкому, нежели запорожцы» ¹⁾).

Хмельницкій прибылъ въ Сичь апрѣля 18 дня, передъ самымъ заходомъ солнца, имѣя при себѣ четырехъ знатныхъ татаръ, данныхъ ему отъ Тугай-бея. Кошевой атаманъ, со всѣми куренными старшинами и съ пѣшимъ войскомъ, торжественно встрѣтилъ Хмельницкаго и привѣтствовалъ его «радостнымъ сердцемъ»; узнавъ же «о прихильности и ласкѣ» къ Хмельницкому и всему запорожскому войску крымскаго хана и о данной имъ помощи съ мурзой Тугай-беемъ, еще больше того возрадовался. Вечеромъ того же дня, по заходѣ солнца, въ Сичи, сообразно древнему запорожскому обычаю, ударили изъ трехъ самыхъ большихъ пушекъ, чтобы собрать къ слѣдующему дню конное войско, находившееся въ поляхъ и въ лугахъ близъ Сичи. На другой день, апрѣля 19 дня, чуть свѣтъ, выстрѣлы изъ тѣхъ же пушекъ повторились. Когда же насталъ свѣтъ и солнце разлило по всей поднебесной свои «огнезрачные и ясно блистательные» лучи, тогда собралась до Сичи огромная масса запорожскаго низового войска, простиравшаяся на ту пору до тридцати тысячъ слишкомъ человекъ. А когда ударили въ котлы для сбора на раду, то увидѣли, что сичевой майданъ слишкомъ тѣсенъ для такой великой силы войска; тогда кошевой атаманъ, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, вышелъ за сичевую фортецію и расположился на болѣе пространномъ майданѣ ²⁾). Тутъ, когда старшины и все войско размѣстились по своимъ мѣстамъ, козакамъ объявлено было о предпринимаемомъ великомъ дѣлѣ противъ поляковъ за ихъ обиды и притѣсненія, чинимыя козацкому войску и всему украинскому народу; вмѣстѣ съ этимъ объявлено было и то, что предпріятію Хмельницкаго сочувствуетъ крымскій ханъ Исламъ-Герай, приславшій козакамъ знатнаго мурзу, Тугай-бея, съ четырьмя тысячами орды, выразившій полную готовность лично помогать козакамъ противъ поляковъ, но зато оставившій у себя, въ качествѣ заложника, старшаго сына Хмельницкаго, Тимошея. Услыхавъ эти слова, войско отвѣчало: «Слава и честь Хмельниц-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 49.

²⁾ Майданъ съ тюркскаго на русскій значитъ «лужайка, площадь»: Наливкинъ, Русско-сартовскій словарь, Казань, 1884, 83.

кому! Мы, какъ стадо безъ пастуха; пусть Хмельницкій будетъ нашимъ головою, а мы всѣ, сколько насъ тутъ есть, всѣ готовы идти противъ пановъ и помогать Хмельницкому до послѣдней утраты живота нашего!» Эти слова сказаны были «едиными устами и единымъ сердцемъ» всего собравшагося на площади запорожскаго низового войска. Послѣ этой рѣчи тотъ же часъ кошевой атаманъ послалъ въ войсковую скарбницу сичевого писаря съ нѣсколькими куренными атаманами и значными товарищами и велѣлъ посланнымъ вынести оттуда войсковые клейноты, чтобы вручить ихъ на площади Хмельницкому. Посланные вынесли изъ скарбницы ярко-красную, писанную золотомъ, королевскую хоругвь, дарованную запорожцамъ Владиславомъ IV, бунчукъ съ позолоченною на высококомъ древкѣ галкою; серебряную, позлащенную, особенно мастерски сдѣланную и честнымъ каменіемъ украшенную, булаву; печать войсковую серебряную и котлы большіе, новые мѣдные съ довшемъ; сверхъ того, три полевыхъ легкихъ пушки съ достаточнымъ количествомъ къ нимъ пороху и пулъ.

Вручивъ и поставивъ передъ Хмельницкимъ всѣ войсковые клейноты, низовые козаки объявили его гетманомъ, поздравляя въ новомъ званіи и выразили ему полную готовность, всѣ сколько было въ Сичи народа, идти съ нимъ на войну.

Послѣ объявленія Хмельницкаго гетманомъ, одна часть войска тотчасъ же разошлась по куренямъ; другая, съ Хмельницкимъ и кошевымъ, пошла въ церковь, въ которой зазвонили какъ разъ въ то время, когда окончено было все описанное въ радѣ дѣло. Послѣ окончанія литургіи и благодарственнаго молебна, по распоряженію кошевого, на площади ударили въ котлы, отдавая хвалу Богу, вся благая строющему; а потомъ выпалили изъ 50 арматъ; послѣ выстрѣловъ изъ арматъ пала войсковая пѣхота, собравшаяся въ числѣ болѣе 10.000 человѣкъ, стоявшая среди сичевого майдана и вокругъ Сичи; выпаливъ троекратно изъ мушкетовъ и арматъ, пѣхота разошлась по куренямъ для обѣда. Хмельницкій съ куренными атаманами отправился на обѣдъ въ курень кошевого атамана. Отобѣдавъ и немного погулявъ послѣ обѣда (долго не гуляли, потому что всякъ имѣлъ у себя много на мысляхъ), всѣ гости атамана ушли по своимъ куренямъ для отдыха. Немного опочивъ, Хмельницкій и куренные атаманы снова явились къ кошевому атаману и послѣ долгихъ разговоровъ и совѣтовъ пришли къ такому рѣшенію, чтобы съ Хмельницкимъ вырядилось на

Украину не больше осьми или десяти тысячъ человекъ войска, а остальное войско шло бы по своимъ мѣстамъ и промысламъ, но находилось бы въ полной готовности для военной кампаніи, если въ томъ окажется надобность. Послѣ этого совѣщанія кошевой велѣлъ ударить въ котлы и выпалить изъ двухъ большихъ пушекъ для собранія козаковъ въ Сичу. Войско собралось уже передъ вечернимъ пѣніемъ, и тутъ ему объявлено было рѣшеніе кошевого и гетмана. Выслушавъ этотъ «ордиансъ», войско поблагодарило свою старшину и раздѣлилось на двѣ части: одна часть разѣхалась на звѣриные и рыбные промыслы; другая, конные охотники, военные мушкетеры и сагайдакеры¹⁾, слишкомъ на восемь тысячъ человекъ, осталась при Хмельницкомъ.

Въ то время, когда все это происходило въ Сичи, на западной границѣ Запорожья, отъ Чигирина и Переволочной, стоялъ, держа «значную и пыльную сторожу», союзникъ Хмельницкаго, Тугай-бей. Кошевой атаманъ, узнавъ объ этомъ со словъ Хмельницкаго, послалъ Тугай-бею хлѣба, вина, рыбы и мяса, выражая тѣмъ свое расположеніе къ мурзѣ за вниманіе хана, оказанное въ Крыму Хмельницкому.

Стоя въ теченіе трехъ дней на своемъ посту, Тугай-бей поймалъ на сичевомъ шляху около десяти подозрительныхъ человекъ.

Хмельницкій, допросивъ задержанныхъ людей, обнаружилъ, что это были польскіе шпіоны, посланные въ Сичь для наблюденія за дѣйствіями запорожскихъ козаковъ. При допросѣ они объявили, что противъ Хмельницкаго высланы два отряда, одинъ сухопутнымъ, другой водой, по Днѣпру. Тогда Хмельницкій, «не баявчися обширными допросами, чинилъ поспѣхъ своего маршу, а пойманцовъ въ путахъ желѣзныхъ при арматахъ за собою велѣлъ провадити»²⁾.

Узнавъ о планахъ поляковъ и не желая видѣть польскую армию въ Запорожьѣ, Хмельницкій, апрѣля 22 дня, въ субботу, 1648 года, взявъ изъ Сичи арматы и войсковые клейноты, вышелъ на встрѣчу полякамъ. Прежде всего онъ обошелъ Старый-Кодакъ и, не желая оставлять его въ тылу, взялъ крѣпость въ свои руки, послѣ чего, поднявшись выше Кодака, дошелъ до Желтыхъ-Водъ и Княжаго-

1) Сагайдакеръ—стрѣлокъ изъ лука; это названіе усвоено отъ слова «сагайдакъ»—дикий козель, кожею котораго обтягивали колчанъ, гдѣ хранились стрѣлы.

2) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 48—54.

Байрака ¹⁾ и устроилъ здѣсь такъ-называемый **козацкій** таборъ изъ возовъ. Тугай-бей слѣдовалъ позади Хмельницкаго в, по приходѣ къ Желтымъ-Водамъ, сталъ не въ таборѣ, а особо для засады. Хмельницкому извѣстенъ былъ весь планъ военныхъ дѣйствій поляковъ и онъ хотѣлъ воспользоваться имъ въ свою пользу. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, что польскіе гетманы, коронный Николай Потоцкій и польный Мартынъ Калиновскій, собравши большое войско, раздѣлили его на двѣ части и отправили ихъ въ запорожскія вольности. Одна часть этого войска, числомъ отъ 4.000 до 5.000 человекъ, состоявшая изъ украинскихъ реестровыхъ козаковъ и такъ-называемой нѣмецкой пѣхоты ²⁾, подъ начальствомъ Барабаша, должна была двигаться воднымъ путемъ до Кодака, гдѣ находился польскій гарнизонъ; другая часть, по различнымъ счетамъ отъ 1.200 до 20.000 человекъ, состоявшая изъ жолнѣровъ и драгунъ, подъ начальствомъ двадцатилѣтняго сына короннаго гетмана, нѣжинскаго старосты, Стефана Потоцкаго и козацкаго комиссара Шемберга, должна была двигаться отъ Черкасъ сухопутьемъ, также дойти до Кодака и тутъ соединиться съ реестровыми козаками, плывшими по Днѣпру ³⁾. Стефану Потоцкому приказано было «пройти степи и лѣса, разорить и уничтожить до-тла презрѣнное скопище козаковъ и привести зачинщиковъ на праведную казнь: «Иди,—сказалъ старшій Потоцкій своему сыну Стефану,—и пусть исторія напишетъ тебѣ славу» ⁴⁾. Сами гетманы съ коронными войсками обѣщали идти вслѣдъ за Стефаномъ Потоцкимъ.

Хмельницкій зналъ (и, очевидно, изъ вѣрныхъ источниковъ), что по Днѣпру идутъ противъ него не сами поляки, а посланные поляками реестровые козаки, т.е. такіе же православно-русскіе люди, какъ и всѣ украинцы, но только обязанные службой польскому королю. И запорожскій вождь рѣшился подѣйствовать на

¹⁾ Желтыя-Воды и Князіе-Байраки въ теперешнемъ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи. Что подъ Желтыми-Водами разумѣется не балка Днѣпра, а степная рѣчка, это видно изъ письма самого Хмельницкаго къ царю Алексѣю Михайловичу, писаннаго 8 іюня, 1648 года: «Господь Богъ помогъ намъ одолѣти (поляковъ) на Желтой-Водѣ, въ полѣ, посередѣ дороги запорожской»: Акты южной и западной Россіи, III, 207, 216, 281.

²⁾ Нѣмецкая пѣхота и драгуны—тѣ же русскіе, только одѣтые нѣмцами.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, III, 185.

⁴⁾ Лѣтопись Грабянки, Кіевъ, 1854, 42.

ихъ чувства, чтобы оторвать ихъ отъ поляковъ. Оставивъ таборъ, Хмельницкій поспѣшилъ къ правому берегу Днѣпра, къ урочищу Каменному-Затону, куда 3 мая, вечеромъ, прибыли и причалили къ берегу реестровые козаки. Посредствомъ тайныхъ агентовъ Хмельницкій стѣмѣлъ разжечь въ реестровыхъ козакахъ такую ненависть къ полякамъ, что они тотъ же часъ, по прибытіи къ Затону, возмущились противъ яховъ, перебили своихъ начальниковъ, Барабаша, Вадовскаго, Ильяша и другихъ, и трупы ихъ побросали въ Днѣпръ, а мая 4 дня соединились уже съ козаками, стоявшими у табора: они были доставлены къ Желтымъ-Водамъ, по просьбѣ Хмельницкаго, на коняхъ Тугай-бея и въ этотъ же день вошли въ козацкій лагерь, у лѣваго берега Желтыхъ-Водъ.

Рѣчка Желтыя-Воды, притокъ рѣчки Ингульца или Малаго-Ингула ¹⁾, образуетъ въ верховьяхъ своихъ двѣ вѣтки, западную, болѣе значительную, называемую теперь собственно рѣчкою Желтою, и восточную, менѣе значительную, называемую въ настоящее время Очеретнею балкою. Между этими двумя вѣтками образуется родъ полуострова, который въ XVII вѣкѣ покрытъ былъ лѣсомъ, составлявшимъ продолженіе Чуты и Чернаго и называвшимся «соперникомъ съ Чернымъ». Этотъ полуостровъ доступенъ былъ только съ одной, сѣверной, стороны, зато съ трехъ остальныхъ сторонъ, восточной, западной и южной, былъ совершенно недоступенъ. Въ этой-то трущобѣ, у лѣваго берега рѣчки Желтыхъ-Водъ, и засѣли козаки Богдана Хмельницкаго, тотчасъ окопавшись землянымъ четырехугольникомъ и укрѣпившись таборомъ. Хмельницкій хорошо зналъ, что Стефану Потоцкому не миновать Желтыхъ-Водъ. Здѣсь было слишкомъ удобное для военнаго дѣла мѣсто: въ немъ можно было найти среди степной пустыни и воду, и лѣсъ, и подожный кормъ, и прохладу; къ тому же оно лежало на прямомъ трактѣ отъ западной окраины запорожскихъ вольностей въ Сичь и представляло изъ себя возвышенность, господствующую надъ всею окружающею мѣстностью.

И козацкій гетманъ не ошибся: Потоцкій, не подозрѣвая засады, пришелъ прямо къ правому берегу Желтыхъ-Водъ и уже переправился-было съ праваго берега на лѣвый, но тутъ онъ узналъ о грозившей ему опасности отъ козаковъ и поспѣшилъ

¹⁾ Мышецкій, *Исторія о козакахъ*, Одесса, 1852, 7; *Акты южной и западной Россіи*, III, 207, 216, 281.

переправиться обратно съ лѣваго на правый берегъ рѣчки. У праваго берега поляки ошанцевались, т.-е. устроили укрѣпленіе ¹⁾, сбили возы въ четырёхугольникъ, вывели впереди себя на версту кругомъ валъ и поставили пушки. Козаки, съ своей стороны, подвинулись къ Желтымъ-Водамъ; они работали одни безъ своего гетмана, дѣйствовавшаго въ это время у Каменнаго-Затона, куда прибыли реестровые козаки съ своимъ вождемъ Барабашомъ.

Скоро оказалось, что Потоцкій очутился въ положеніи болѣе, чѣмъ критическомъ: впереди стояли козаки, справа шла рѣчка Зеленая, притокъ Ингульца, параллельная Желтымъ-Водамъ, слѣва тянулась балка Княжіе-Байраки, покрытая дремучимъ лѣсомъ, имѣющая до 60 сажень глубины (при устьѣ) прямого отвѣса, замыкающаяся рѣчкою Большимъ-Омельникомъ. Видя такое положеніе, Потоцкій приказалъ какъ можно сильнѣе укрѣпиться. Поляки сдѣлали у лѣваго берега Желтыхъ-Водъ продолговатый кругъ; съ южной стороны этого круга оставили входъ и защитили его шанцами, въ видѣ полукруговъ, внутренней стороной своей обращенныхъ къ полю. Всѣхъ этихъ шанцевъ было сдѣлано 6 главныхъ, по 3 съ каждой стороны въѣзжихъ воротъ; они шли параллельно другъ другу, образуя четыре шеренги укрѣпленій; кромѣ того, было сдѣлано шесть другихъ шанцевъ, обращенныхъ къ укрѣпленіямъ открытыми дугами, образующими какъ бы улицу, идущую отъ поля къ главнымъ окопамъ, по 3 съ каждой стороны, одинъ за другимъ банкетами; одинъ изъ шанцевъ, у котораго, кажется, былъ колодець, замыкалъ, въ концѣ улицы, ворота. Такимъ образомъ все укрѣпленіе польскаго лагеря представляло изъ себя обширное колесо, заключавшее въ себѣ 234 сажени съ юга на сѣверъ и нѣсколько болѣе этого съ востока на западъ ²⁾).

Стратегическое положеніе войска Хмельницкаго казалось выгоднѣе уже потому, что было прикрыто лѣсомъ и давало возможность козакамъ свободно отступать къ своимъ.

Пространство между лагерями противниковъ было не болѣе 2¹/₂ верстъ, такъ что они могли смотрѣть другъ на друга.

Дѣйствія войны начались 4-го мая съ прибытіемъ Хмельниц-

¹⁾ По точному опредѣленію Маріана Дубецкаго, подъ 48°29' сѣверной широты и 51°20' восточной долготы: *Rozprawy i sprawozdania*, Krakow, 1880, tom XII.

²⁾ *Dubecki, Rozprawy i sprawozdania*, Krakow, 1880, tom XII.

каго въ лагерь. Прибывъ въ лагерь, Хмельницкій прежде всего послалъ черезъ болото къ Тугай-бею козака съ просьбой поспѣшить къ нему на помощь. Тугай-бей на просьбу Хмельницкаго отправилъ незначительный отрядъ ногайцевъ въ тылъ полякамъ. Настоящая битва открылась мая 5 дня; она продолжалась нѣсколько дней съ перерывами; подъ конецъ поляки принуждены были отступить отъ Желтыхъ-Водъ на западъ по направленію къ балкѣ Княжимъ-Байракамъ. Но это отступление было роковымъ для нихъ: поляки не подозрѣвали, что въ тылу ихъ стоялъ Тугай-бей съ татарами и что Хмельницкій, предвидя отступление ихъ, послалъ въ балку Княжіе-Байраки отрядъ пѣшихъ козаковъ и приказалъ имъ покопать тамъ рвы и канавы. Это было 8 мая передъ обѣдомъ; поляки, повернувъ отъ Желтыхъ-Водъ, добрались до Княжихъ - Байраковъ. «Вдругъ на горизонтѣ поднялась пыль, потомъ зачернѣла толпа людей и, черезъ нѣсколько времени, воздухъ наполнился дикимъ крикомъ: то былъ Тугай-бей съ татарами. Не уважая договора съ козаками, ногаи бросились на панскій обозъ; стрѣлы тучами полетѣли въ лицо шляхтѣ, пробивали насквозь и калѣчили и людей и лошадей; поляки ускорили походъ, но вошли въ яръ и не могли сдѣлать шага; путь лежалъ черезъ буераки, покрытые мелкимъ лѣсомъ¹⁾; козаки, забѣжавъ впередъ, порыли землю, набросали дерева и каменье, сдѣлали дорогу совсѣмъ непроходимую; свернуть въ сторону было невозможно, кони падали; возы погрузились въ илистой землѣ. Тугай-бей побралъ у поляковъ пушки, и начали татары палить на поляковъ изъ ихъ же собственныхъ орудій. Тогда поляки принялись съ жаромъ копать валъ, побросали ружья, устроились въ четырехугольникъ, начали отбиваться саблями, деревьями, каменьями, но не помогла имъ отчаянная храбрость: татары ударили на нихъ съ четырехъ сторонъ, перевернули ихъ четырехугольникъ и сошлись въ срединѣ обоза съ противоположныхъ концовъ. Потокъ, полумертвый, взятъ былъ въ плѣнъ; за нимъ, кто остался живъ, всѣ положили оружіе. Молодой храбрецъ скончался на другой день среди степи. Шемберга, Сапѣгу, Чарнецкаго Хмельницкій отправилъ въ Чигиринъ, тогда же занятый козаками. «Отце вамъ, панове, за тѣе що не схотили съ козаками - молод-

1) Это нѣсколько неточно: по балкѣ Княжимъ-Байракамъ росъ и теперь растеть крупной породы лѣсъ.

цями у мири житы: лучше вамъ булы жиды-збѣйци, нижъ запорожци-молодци» ¹⁾).

«Летѣть орель по-надъ хуторъ та по вѣтру вѣтця,
Ой тамъ, ой тамъ бѣднѣй ковакъ зъ поляками бѣгця:
Ой гѣди намъ, вражи ляхѣ, рѣску кривцю пѣты,—
Не едѣнъ ляхъ молоденькѣй посыротѣвъ диты» ²⁾).

Исходомъ Желтоводской битвы Хмельницкѣй обязанъ былъ сколько татарамъ, столько же, если не больше того, и запорожскимъ козакамъ, ихъ военнымъ силамъ, ихъ искусству строить земляныя укрѣпленія, ихъ арматамъ, вывезеннымъ изъ Сичи, ихъ мужеству и стойкости. Желтоводская битва, открывшая Хмельницкому дорогу въ глубь Польши, имѣла для малороссійскаго народа почти то же значеніе, что Куликовская для великороссійскаго: здѣсь положенъ былъ конецъ игу Польши надъ Малороссіей, и въ этомъ дѣлѣ главная заслуга принадлежитъ запорожцамъ.

Отъ Желтыхъ-Водъ запорожскіе козаки ходили за Хмельницкимъ къ Корсуню и тутъ участвовали въ нанесеніи пораженія, мая 26 дня, польскимъ войскамъ, предводимымъ Николаемъ Потоцкимъ и Мартиномъ Калиновскимъ. Захвативъ до 80 знатныхъ поляковъ въ плѣнъ, запорожцы съ насмѣшками и упреками спрашивали ихъ, будутъ-ли они снова ходить на Запорожье и будутъ-ли снова добывать его, и видя, какъ они тряслись отъ холода, просили Хмельницкаго выдать «панамъ» по кожуху. Лѣтописецъ Величко, описывая корсунскую битву, особенную дань отдаетъ въ этомъ случаѣ запорожскимъ козакамъ. «Послѣ Желтоводской битвы Хмельницкѣй съ Тугай-беемъ оставался неподвижно три дня, приспособляя свой обозъ для наступающей войны съ коронными гетманами. Онъ приспособилъ водныя арматы для передвиженія ихъ по степи новымъ способомъ въ виду болѣе легкаго и скорого ихъ въ взаимной потребѣ передвиженія: онъ поставилъ каждую армату на два колеса и въ одну лошадь. Такъ онъ установилъ 26 арматъ и арматокъ и къ нимъ приставилъ лучшихъ стрѣльцовъ запорожскихъ, 500 человекъ спѣшивши и 300 человекъ оставивши на коняхъ для всякаго случая. И эти вновь назначенные пушкари также искусно стрѣляли изъ арматъ, какъ и изъ мушкетовъ» ³⁾).

¹⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкѣй, Спб., 1884, I, 283, III, 336; Акты южной и западной Россіи, III, 281.

²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни мал. нар. Кіевъ, 1874.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 65.

За услугу запорожцевъ при Желтыхъ-Водахъ и Корсунѣ гетманъ Хмельницкій отправилъ въ Сичь, при своемъ письмѣ, подарокъ низовымъ козакамъ: за одну хоругвь четыре хорошихъ хоругви, за одинъ бунчукъ два бунчука, за одну булаву двѣ булавы, за одну пару простыхъ котловъ три пары прекрасныхъ котловъ, за три арматы шесть отборныхъ арматъ; кромѣ того, за войсковое благодареніе тысячу битыхъ талеровъ на войско да на божественную церковь и ея служителей триста талеровъ. Отправляя въ Сичь эти подарки, Хмельницкій извѣщалъ кошевого атамана о своихъ побѣдахъ надъ поляками при Желтыхъ-Водахъ и Корсунѣ, благодарилъ низовое войско за помощь и пріязнь, оказанную въ Сичи гетману, извѣщалъ о посылкѣ гостинца 1.000 талеровъ для рыцарства на пиво и клейнотовъ для низового войска, просилъ за успѣхъ войны воздать благодареніе Господу Богу и не оставить своею помощью на будущее время, когда въ Сичу присланъ будетъ ординансъ гетманскій: «А кто зъ насъ есть охотнѣйшій, тотъ и заразъ нехай прибуваетъ къ намъ до компаніи воинской» ¹⁾.

Запорожцы сочувственно отзывались на этотъ призывъ Хмельницкаго, и когда онъ, двинувшись отъ Корсуна, остановился станомъ при Бѣлой-Церкви, то при немъ, по увѣренію лѣтописца, «новоприбывшихъ запорожцевъ» было 2.000 человекъ ²⁾. Запорожцы принимали участіе въ походахъ Хмельницкаго и на Волынь; тогда къ нему, по его зову, устремились дикіе лугари и лѣсные гайдамаки съ береговъ Самары и Ташлыка ³⁾.

Впрочемъ, было время, когда запорожцы не только не откликнулись на призывъ Хмельницкаго, а напротивъ того, сами выступали противъ него. Такъ было въ 1650 году, скоро послѣ зборовскаго договора Хмельницкаго съ поляками, когда вся украинская масса, чаявшая большихъ благъ отъ походовъ Хмельницкаго противъ поляковъ, осталась недовольна какъ договоромъ, такъ и самимъ гетманомъ. Тогда Хмельницкій сдѣлался развѣнчаннымъ кумиромъ въ глазахъ толпы, и тутъ объявился какой-то, неизвѣстный по имени, козакъ, который назвалъ себя гетманомъ Украйны и сталъ собирать подъ свои знамена запорожскихъ козаковъ. Однако, дѣйствія этого «гетмана» были кратковременны:

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 75.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 91.

³⁾ Костомаровъ, В. Хмельницкій, I, 365.

онъ былъ схваченъ Хмельницкимъ и обезглавленъ ¹⁾). Но въ слѣдъ за нимъ явился другой гетманъ, нѣкто Гуцкій, принявшій званіе козацкаго вождя въ самомъ Запорожьѣ и уже успѣвшій было собрать вокругъ себя много недовольныхъ Хмельницкимъ людей. Но и Гуцкій дѣйствовалъ не долго: онъ былъ схваченъ самими козаками и отправленъ въ Чигиринъ.

Въ 1651 году самъ Хмельницкій показывалъ готовность уйти на Запорожье, когда находился въ Паволочѣ и услышалъ, что его союзникъ, крымскій ханъ, Исламъ-Герай, отказался отъ союза съ козаками и подвергнулъ его одного всѣмъ случайностямъ войны съ поляками ²⁾). Впрочемъ, это желаніе осталось только лишь однимъ желаніемъ, и когда Хмельницкій, послѣ бѣлоцерковскаго трактата, также мало удовлетворившаго козаковъ, вновь сталъ собираться, въ 1653 году, походомъ противъ поляковъ, то къ нему прибыло 9.000 человекъ запорожцевъ изъ Сичи, особенно переполненной на ту пору народомъ, ушедшимъ на Низъ, въ числѣ 12.000 человекъ, вслѣдствіе случившагося на Украинѣ голода ³⁾). За годъ передъ этимъ запорожцы оставили свою Сичу на Микитиномъ-Рогѣ и построили Сичу на устьѣ рѣчки Чортомлыка, строителемъ которой былъ кошевой атаманъ Лутай ⁴⁾). Сюда и устремились голодные украинцы.

Въ 1654 году запорожскіе козаки оказали Хмельницкому и всей Малороссіи огромную услугу тѣмъ, что разбили часть татаръ, грабившихъ украинцевъ по разнымъ городамъ и селеніямъ. Дѣло это, по словамъ лѣтописца, произошло послѣ того, когда крымскій ханъ, долго и напрасно ждавшій жванецкаго съ поляками трактата, бросился на Волынь и Полѣсье, разграбилъ тамъ нѣсколько городовъ, селъ и деревень, набралъ много ясырю и ушелъ въ Крымъ. Полный справедливаго негодованія, Хмельницкій узналъ, что послѣ отхода хана въ Крымъ, часть его орды, числомъ 15.000 человекъ, угнавшаяся далеко въ Литву, имѣла возвратиться назадъ мимо Кіева. Тогда Хмельницкій, взявъ съ собой 9.000 человекъ запорожцевъ, еще не отпущенныхъ въ Сичь и стоявшихъ по квартирамъ возлѣ Чигирина, и прибавивъ къ нимъ 300 собственныхъ козаковъ, бросился съ ними къ Бѣлому

¹⁾ Памятники кіевской комиссіи, II, 20.

²⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, II, 394.

³⁾ Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, III, 89.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 13.

городку, что возлѣ Межигорскаго монастыря, и здѣсь, встрѣтившись съ ними въ одномъ мѣстечкѣ, разбилъ на голову всѣхъ татаръ, упустилъ лишь какой-нибудь десятокъ человекъ, принесшихъ о томъ извѣстіе хану. Послѣ этого, одаривъ козаковъ добычею и ясыремъ, Хмельницкій самъ повернулъ въ Чигиринъ, а козаковъ отпустилъ на Кошъ. Съ тѣхъ поръ у Хмельницкаго съ ханомъ произошелъ полный разрывъ вмѣсто прежней дружбы и пріязни ¹⁾).

Сражаясь въ теченіи восьми лѣтъ за свободу и самостоятельность своей отчизны, Хмельницкій подъ конецъ убѣдился, что Малороссіи одной не удержать своей самостоятельности, и потому счелъ за лучшее отдаться «въ протекцію» могущественнаго государя и свое вниманіе остановилъ на русскомъ царѣ, «восточномъ православномъ монархѣ». Рѣшившись на такое важное дѣло, Хмельницкій не хотѣлъ привести его въ исполненіе, не посоветовавшись предварительно съ запорожскими козаками. Съ этою цѣлью, возвращая 9.000 человекъ запорожцевъ въ Сичъ, онъ написалъ письмо (декабря 26 дня, 1654 года) на имя кошевого атамана и всего низового войска и въ немъ просилъ дать ему совѣтъ и выразить по этому поводу свою волю. «На письмо наше, писанное нами еще прошлымъ лѣтомъ къ вашмостемъ, мосцѣ панству, и касавшееся вопроса о протекціи пресвѣтѣйшаго и великодержавнѣйшаго московскаго монарха, мы и по настоящее время не имѣемъ никакого отъ вашмостей, мосце панства вашего, отвѣта. Теперь, отправляя къ вамъ нарочнаго посланца, особенно желаемъ, чтобы вашмосць, мосце панство, хорошенько вдумались въ наше письмо, дали бы на него черезъ нашего посланца окончательный и рѣшительный отвѣтъ и ваше мнѣніе. Такъ какъ мы не безъ воли и совѣта вашего, нашей братіи, подняли и всю тяжесть войны съ поляками, то мы не желаемъ, безъ вашего совѣта и воли, затѣвать такое большое дѣло, какъ вопросъ о протекціи московской. И хотя мы, послѣ совѣта съ старшиной нашей, заявили уже голосъ нашъ его царскому пресвѣтлому величеству и самодержцу всероссійскому, однакоже безъ вашего вѣдома и вашей воли я не окончу этого дѣла. Постарайтесь же вашмосць, мосце панство, безъ дальнѣйшаго откладыванія, окончательный дать намъ на наше обширное письмо отвѣтъ, котораго

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 165.

мы такъ усердно желаемъ». Въ заключеніе письма Хмельницкій извѣщалъ запорожцевъ о посылкѣ имъ гостинца въ 1.000 битыхъ талеровъ и просилъ принять благосклонно его подарокъ.

Получивъ это письмо, запорожцы политично отвѣчали Хмельницкому, что московская протекція дѣло хорошее и весьма желательное, но только, при заключеніи условій съ Москвой, нужно смотрѣть за тѣмъ, чтобы отъ того не вышло чего-нибудь «шкодливаго» для отчизны украинской и чего-нибудь вреднаго правамъ и вольностямъ козацкимъ.

«Ясневельможный мосце пане, Зиновій Хмельницкій, гетмане войска запорожскаго и всей Украйны малороссійской, брате и добродѣю нашъ. На обширное ваше гетманское письмо, писанное къ намъ прошлымъ лѣтомъ, мы не дали вамъ отвѣта до сихъ поръ потому, что ваша гетманская мосць, со всѣмъ козацкимъ войскомъ, оставались все лѣто въ Польшѣ и на Подолѣ подъ Жванцемъ, въ чемъ усердно просимъ извиненія у вашей гетманской мосци. Нынѣ же, отвѣчая на ваше гетманское помянутое письмо, объявляемъ, что мы совершенно поняли его и не только познали, но и ясно своими глазами увидѣли, что теперь намъ съ поляками, какъ съ змѣей, имѣющей отсѣченный хвостъ, отнюдь невозможно сойтись и стать въ прежнюю пріязнь. Поляки, будучи виновниками всему злу и достаточно насмотрѣвшись, сколько въ теченіе шестилѣтнихъ военныхъ дѣйствій, какъ въ ихъ собственной коронѣ, такъ и въ нашей малороссійской Украйнѣ, развѣяно пепла отъ людскихъ поселеній и сколько побито на войнѣ и лежитъ на поляхъ человѣческихъ костей, поляки, не смягчая своего гнѣва на насъ, до сихъ поръ, при вопросѣ объ утвержденіи нашихъ правъ и свободы, не могутъ придти къ прежней пріязни и згодѣ. Потому не совѣтуемъ и вамъ съ этого времени заботиться о пріязни къ полякамъ, а мысль вашу объ отдачѣ всего малороссійскаго народа, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра живущаго, подъ протекцію великодержавнѣйшаго и пресвѣтлѣйшаго монарха россійскаго принимаемъ за достойную вниманія и даемъ вамъ нашъ войсковой совѣтъ, не оставляя этого дѣла, привести его къ концу, къ наилучшей пользѣ нашей малороссійской отчизны и всего запорожскаго войска. И когда будете писать вы пакты, то извольте, ваша гетманская мосць, сами усердно досматривать, чтобы въ нихъ не было чего-нибудь лишняго и отчизнѣ нашей шкодливаго, а предковѣчнымъ правамъ и вольностямъ нашимъ противнаго и

неполезнаго. Мы достовѣрно знаемъ, что великодержавнѣйшій и пресвѣтлѣйшій монархъ, самодержецъ всероссійскій, какъ православыи царь, прійметъ охотно и ласково насъ, яко чадолюбивый отецъ своихъ сыновъ, въ томъ же святомъ православии непоколебимо стоящихъ, подъ свою крѣпкую протекцію, не требуя отъ насъ никакихъ даней и платежей въ свою монаршескую казну, исключая нашей войсковой службы, за что мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, всегда будемъ готовы идти противъ его монаршихъ непріятелей. Еще недавно, прошлымъ Филипповскимъ постомъ, одинъ царскій дворянинъ, Никита Харлампіевъ, проѣзжая изъ московской столицы въ Крымъ для выкупленія изъ бусурманской неволи своихъ кровныхъ и находясь въ запорожской Сичи, купилъ у насъ за 900 золотыхъ трехъ татаръ. Этотъ дворянинъ слыхалъ отъ многихъ князей и бояръ, близкихъ къ царскому величеству, что его царское пресвѣтлое величество всей душой желаетъ имѣть насъ, войско запорожское, со всѣмъ народомъ украинско-малороссійскимъ, въ своемъ союзѣ и въ протекціи монаршей, только не желаетъ о томъ объявлять, чтобы не подать повода полякамъ разорвать существующаго мира. Мы, все войско низовое запорожское, совѣтуемъ твоей ясной гетманской мосцѣ не откладывать того важнаго дѣла, устроить его къ пользѣ всѣхъ насъ и отчины нашей малороссійской и привести къ концу его возможно лучше, сообразно давней пословицѣ—чѣнь мѣндре, а патршъ кѣнца ¹⁾ и остерегаясь того, чтобы поляки, провѣдавъ о томъ, не устроили бы своими хитростями какой-либо препоны. Дякуемъ при семъ усердно твоей ясной гетманской мосцѣ за гостинець, тысячу битыхъ талеровъ, намъ присланныхъ, и общаемся отслужить вамъ за нихъ при первой оказіи. А на этотъ часъ и на всякое время желаемъ вашей гетманской мосцѣ, со всѣмъ войскомъ и Україною, нашею отчиною, многолѣтняго добраго здоровья и счастливаго поваженія. Писанъ въ Сичи запорожской, генваря 3 дня, року 1654» ²⁾.

Послѣ присяги Хмельницкаго и всего украинскаго населенія московскому царю возникъ вопросъ и о присягѣ царю войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ. Но запорожцы отъ присяги почему-то хотѣли уклниться; самъ гетманъ отвѣчалъ по этому поводу въ

¹⁾ То-есть, «дѣлай мудро, но смотри конца».

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 167—170.

Москву (въ мартѣ мѣсяцѣ, 1654 года), что «запорожскіе козаки люди малые, и то изъ войска перемѣнные, и тѣхъ въ дѣло почитать нечего» ¹⁾). Въ это же время, т. е. въ 1654 году, на Украинѣ, послѣ присоединенія Малороссіи къ Великороссіи, возникла сильная партія, нежелавшая стать въ подданство московскаго государя. Изъ замѣчательныхъ лицъ козацкаго сословія къ этой партіи принадлежалъ Иванъ Сирко, впоследствии знаменитый кошевой атаманъ запорожскихъ козаковъ; не желая оставаться на Украинѣ, Сирко скоро покинулъ ее и ушелъ въ Запорожье ²⁾).

Тѣмъ же не менѣе, гетманъ Богданъ Хмельницкій, въ концѣ апрѣля мѣсяца, 1654 года, послалъ въ Сичь списокъ со всѣхъ жалованныхъ украинскому козачеству и малороссійскому народу монаршихъ грамотъ на его древнія права и вольности, дарованныя при великихъ князьяхъ и польскихъ короляхъ. Запорожцы, получивъ письмо гетмана, отвѣчали ему, мая 3 дня, что они очень рады слушать рѣчь «о закрѣпленіи и подтвержденіи превысокимъ монархомъ стародавнихъ правъ и вольностей войска малороссійскаго народа, воздаютъ хвалу и благодарность пресвятой Троицѣ и покланяемому Богу и нижайшее челобитствіе пресвѣтлѣйшему государю», но вмѣстѣ съ тѣмъ просятъ гетмана прислать имъ подлинники пактовъ «для доскональнаго видѣнія» ³⁾).

Въ концѣ концовъ, однако, Москва настояла на томъ, чтобы и запорожцы, не смотря на то, что они «малые люди», присягнули на вѣрность московскому государю ⁴⁾).

Въ наставшую послѣ присоединенія Малороссіи къ Великой Россіи войну русскихъ и козаковъ съ поляками и ихъ союзниками татарами запорожцы вѣрно служили гетману Богдану Хмельницкому и царю Алексѣю Михайловичу. Такъ, въ 1654 году, мая 11 дня, кошевой Пашко писалъ писарю Богдана Хмельницкаго, Ивану Виговскому, что мурза Большого-ногая, Келембетъ съ товарищами и татарами, перевозились ниже Тавани съ черкасской стороны на татарскую и пошли вверхъ по Днѣпру къ Молочнымъ-Водамъ. Юня 11 дня Иванъ Виговскій писалъ тому же кошевому атаману въ Запорожье письмо съ просьбой поймать «добраго» татарина и прислать его въ обозъ, въ мѣстечко Ме-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, X, 442.

²⁾ Historia panowania Jana Kazimierza, Posnan, 1840, I, 182.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1848, I, 183—185.

⁴⁾ Чтенія московскаго общества исторіи и древн., 1848, № 6, 43.

жиричь корсунскаго полка, чтобы узнать отъ него, куда намѣренъ пойти крымскій ханъ и сколько онъ пошлетъ людей польскому королю. Самъ Богданъ Хмельницкій въ тотъ же день писалъ письмо царю Алексѣю Михайловичу съ извѣщеніемъ о томъ, что ногайцы съ очаковцами, перекопцами и бѣлгородцами перешли на правую сторону Днѣпра и хотятъ помогать ляхамъ, набѣгаютъ на украинскіе города, хватаютъ по полямъ людей и что по этому поводу онъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій, послалъ грамоту запорожцамъ бить татаръ, а также узнать отъ крымскихъ языковъ объ истинныхъ намѣреніяхъ хана ¹⁾. Быть можетъ, въ связи съ этимъ приказаніемъ Богдана Хмельницкаго стоитъ извѣстіе турецкаго путешественника Эвлия-эфенди о неудачной попыткѣ запорожскихъ козаковъ взять турецкій городъ Варну, когда они высадились близь этого города, но были разбиты Малекъ-Ахметъ-пашой. Въ 1656 году этотъ же самый Малекъ-Ахметъ выгналъ запорожскихъ козаковъ изъ Очакова, который они пытались захватить въ свои руки ²⁾. Юля 10 дня, 1657 года, Богданъ Хмельницкій извѣщалъ московскаго царя, что въ виду соединенія татаръ съ поляками, на Запорожье посланъ указъ, чтобы запорожцы, взявъ Бога всемогущаго на помощь и послѣ молитвъ пресвятой Богородицѣ, чинили бы промыслъ надъ Крымомъ ³⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, X, 599, 668, 670.

²⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VIII, 172.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 713.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Настроение населенія на Украинѣ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго и откликъ этого настроенія въ Запорожьѣ. — Гетманъ Виговскій и его письмо къ запорожцамъ по поводу избранія въ гетманы. — Дипломатическій отвѣтъ запорожцевъ Виговскому и открытая вражда ихъ къ нему. — Извѣтъ гетмана Виговскаго на запорожцевъ, посланный въ Москву. — Осмотрительное обращеніе Москвы съ запорожцами. — Отправленіе запорожцами посланцевъ въ Москву. — Возвращеніе посланцевъ запорожскихъ въ Сичу и политическое обращеніе козаковъ съ гетманомъ Виговскимъ. — Отправка гетманомъ въ Запорожье одного полка подъ предлогомъ охраны отъ татаръ, въ дѣйствительности же для искорененія между запорожцами всякаго своеволія. — Обвиняя запорожцевъ въ измѣнѣ, гетманъ Виговскій самъ думаетъ объ измѣнѣ русскому царю. — Показанія о томъ козака Зятя въ Москвѣ. — Возвращеніе запорожскихъ посланцевъ изъ Москвы и опасеніе ихъ быть захваченными со стороны Виговскаго. — Вражда между Виговскимъ и полтавскимъ полковникомъ Пушкаремъ и поддержка Пушкяра запорожцами. — Новые враги Виговскаго, Яковъ Барабашъ и другіе. — Открытая измѣна Виговскаго русскому царю и борьба его по этому поводу съ запорожцами.

Богданъ Хмельницкій, умирая, имѣлъ слабость дать гетманскую булаву молодому и совсѣмъ неопытному сыну своему, Юрію Хмельницкому. Но «до булавы, по малороссійской пословицѣ, трѣба головы», а между тѣмъ Юрій, хотя и имѣлъ голову, но голову почти безъ здраваго смысла и совсѣмъ безъ политическихъ соображеній. «Тому гетманшкѣ прилично бы гуси пасть, а не гетмановать», выразился о немъ бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ ¹⁾. И точно, это былъ «отъ природы евнухъ, Юрасъ небожчикъ», нравомъ злой, умомъ ограниченный, тѣломъ слабый юноша. Неудивительно, что, «при его боку», тотъ же часъ послѣ смерти отца, завелись честолюбцы, преслѣдовавшіе свои личные интересы, и неудивительно, что и во всей Малороссіи настали въ это время такіе раздоры, смуты и междоусобія ²⁾, вслѣдствіе которыхъ Украину того времени можно назвать «ярмаркой самолюбій», а властныхъ лицъ ея «самопожирающими драконами». Одинъ полякъ, современникъ событій, назвалъ Украину описываемаго времени «страной страшнаго вавилонскаго столпотворенія» ³⁾. Са-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 13.

²⁾ По выраженію Ригельмана, украинское коловратство: II, 124.

³⁾ Памятники кіевской комиссіи, III, 300, 302.

нимъ народомъ эпоха послѣ Богдана Хмельницкаго мѣтко прозвана «Руиной». Въ исторіи Малороссіи это было переходное время; оно считается самымъ тяжелымъ временемъ на Украинѣ, когда она отъ Польши отстала, а къ Москвѣ еще вполне не пристала. Раздоры шли, однако, не отъ большинства или народной массы, а отъ меньшинства, «властныхъ» или «значныхъ» лицъ и высшихъ духовныхъ особъ Украйны: тогда какъ масса украинская тяготѣла къ Россіи, «значныя» лица и духовныя особы, воспитанныя въ польскомъ духѣ, тянули, за немногими исключеніями, къ польскимъ порядкамъ и польской жизни. Оттого послѣ смерти Богдана Хмельницкаго и многіе изъ гетмановъ, и многіе изъ другихъ властныхъ лицъ Украйны измѣняютъ русскому царю и склоняются къ польскому королю. Такая разница въ склонностяхъ была причиною политическаго раздѣленія Украйны на двѣ половины, западную или тогочную и восточную или сегобочную Украйну съ особыми гетманами въ той и другой: Вигевскимъ, Юріемъ Хмельницкимъ, Тетерею, Дорошенкомъ, Ханенкомъ и Самусемъ въ правобережной Украинѣ, тяготѣвшими къ польской сторонѣ; Сомкомъ, Брюховецкимъ, Многогрѣшнымъ, Самойловичемъ, Мазепой въ лѣвобережной Украинѣ, державшимися русской стороны. Между тѣми и другими шла ожесточенная борьба, въ которой живое участіе принимали и запорожскіе козаки.

Кромѣ названной причины, поднявшей смятеніе въ Малороссіи послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, выступили и другія, вызвавшія междусословную вражду на Украинѣ. Дѣло состояло въ томъ, что въ Малороссіи этого времени открылась вражда съ одной стороны между простымъ населеніемъ и козаками, съ другой—между значными и козацкою чернью. Простое населеніе враждовало съ козаками потому, что, принимая самое дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ Богдана Хмельницкаго съ поляками для достиженія личныхъ и имущественныхъ правъ; оно, по окончаніи войнъ, однако, снова должно было стать въ положеніе земледѣльцевъ и тяглыхъ людей и принуждено было уступить всѣ добытыя Хмельницкимъ права въ пользу однихъ козаковъ, и потому естественно стало питать ко всему украинскому козацкому сословію враждебное чувство. Въ свою очередь, и въ средѣ самихъ козаковъ произошелъ расколъ: изъ козацкаго сословія стали выдѣляться значныя, своего рода козацкое шляхетство или козацкая аристократія, къ которымъ примкнуло высшее украинское духовенство съ богатыми

фамиліями изъ мѣщанскаго сословія, и простые козаки, незначныя, козацкая чернь. На украинскомъ языкѣ того времени первые пріобрѣли названіе «дуковъ», послѣдніе названіе—«голоты». Дуки старались захватить въ свою пользу обширныя и самыя богатые участки земли въ Малороссіи и закрѣпить ихъ за собой и за своимъ потомствомъ, оставляя на долю козацкой черни или самыя худшія земельныя участки или вовсе ничего не оставляя: «Эй вы, дуки-дуки, за вами вси лугы и луки!» «Дуки-богачи, дуки-сребрянники» съ презрѣніемъ стали относиться къ «драной голотѣ», къ «сѣрой голи», и голота платила ожесточенною ненавистью богачамъ.

Такимъ образомъ на Украинѣ послѣ Богдана Хмельницкаго, особенно со времени гетмана, поповскаго сына, Самойловича, въ самомъ населеніи обнаружилась, такъ сказать, двойная вражда: вражда посполитыхъ къ козакамъ и вражда козацкой черни къ старшинѣ. Обиженный народъ и подавленная козацкая чернь безпрестанно старались искать своихъ правъ, но, не находя въ самихъ себѣ достаточно для того силъ, массами бѣжали изъ Украины на Запорожье и, подкрѣпившись тамъ, возвращались въ города. Въ городахъ отдѣльныя личности изъ массы, при помощи запорожцевъ, дѣлали иногда историческія событія и добивались и земельныхъ благъ и высокаго общественнаго положенія, но, въ свою очередь, укрѣпившись и разбогатѣвъ, также выступали притѣснителями простаго населенія и козацкой черни. Сословіе значныхъ въ обществѣ тянуло къ Польшѣ и подражало ея порядкамъ; сословіе посполства и козацкой черни тянуло къ Москвѣ, но, не всегда имѣя политически развитыхъ руководителей или часто вводимая въ заблужденіе тайными сторонниками Польши, выступало иногда и противъ Москвы. Само Запорожье, питая стихійную вражду къ Польшѣ и непримиримую антипатію ко всему панскому, шляхетскому, ко всему, въ ущербъ другимъ, разбогатѣвшему, въ обществѣ стояло на сторонѣ Москвы и всецѣло на сторонѣ простаго народа и козацкой черни. Запорожская масса всегда тянула къ русскому православному царю, и если выступала иногда противъ царя, то это было только тогда, когда чернь видѣла, что на нее накладывали властную руку и хотѣли лишить исконныхъ козацкихъ вольностей. Запорожцы хотѣли видѣть въ русскомъ царѣ только верховнаго покровителя, но не самовластнаго властителя. Оттого въ обществѣ они были за Москву, и только въ исключительныхъ случаяхъ противъ нея.

Москва же, принявъ подъ свою протекцію Украину и Запорожье, не остановилась на одномъ покровительствѣ и скоро выказала стремленіе къ тому, чтобы уничтожить всё свободныя, административно-судебныя учрежденія Украины и независимое отъ московскаго патріарха церковное положеніе ея. Украинцы и запорожцы всѣми мѣрами противились такимъ стремленіямъ московской политики, но, не будучи въ состояніи бороться съ Москвою, стали бросаться въ разныя стороны и искать себѣ помимо Москвы покровительства. Они то вновь вступали въ переговоры съ польскими королями, то простирали свои взоры далеко за предѣлы Польши и Россіи. Такое положеніе между Москвою съ одной стороны и Украиной и Запорожьемъ—съ другой изъ года въ годъ все болѣе и болѣе обострялось, тянулось въ теченіе всего XVII вѣка и перешло въ XVIII, касаясь въ большей степени Украины и въ меньшей Запорожья, и этимъ именно объясняется то обстоятельство, что къ 1708 году Москва вогнала Украину въ союзъ съ однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ Россіи, королемъ шведскимъ Карломъ XII, а Запорожье заставила искать протекціи у турецкаго султана и крымскаго хана, заклятыхъ враговъ всего козацко-украинскаго населенія.

Разница въ настроеніи между простою массою и властнымъ сословіемъ Украины сказалась тотъ же часъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго при его слабоумномъ сынѣ Юріѣ Хмельницкомъ и особенно при Иванѣ Виговскомъ, взятомъ Богданомъ Хмельницкимъ въ плѣнъ при Желтыхъ-Водахъ, служившимъ при немъ въ качествѣ генеральнаго войскового писаря и состоявшимъ, послѣ кончины его, опекуномъ Юрія Хмельницкаго ¹⁾).

Отправивъ Юрія Хмельницкаго для обученія въ кievскую духовную академію и исполняя роль опекуна, а вмѣстѣ съ этимъ неся обязанности гетмана, Виговскій, какъ человекъ хитрый и честолюбивый («образомъ и вещію ляхъ»), наконецъ, перенелъ отъ роли опекуна къ роли фактическаго обладателя гетманской булавы. Въ 1657 году, августа 26 дня ²⁾), на собранной въ Чигиринѣ радѣ, онъ выбранъ былъ, вопреки протесту большинства городского значнаго козачества, гетманомъ Украины. На радѣ отсутствовали многіе изъ полковниковъ, масса простыхъ козаковъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 9.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 11.

и черни, что придавало видъ этой радѣ незаконнаго дѣйствія. Самое мѣсто, гдѣ она произошла, Чигиринъ, считалось также неузаконеннымъ мѣстомъ для избранія гетмана: Богданъ Хмельницкій былъ выбранъ въ Сичи и тамъ должны быть избираемы его преемники ¹⁾). Оттого, какъ бы чувствуя свою виновность передъ Запорожьемъ, новый гетманъ уже черезъ 22 дня послѣ своего избранія отправилъ письмо въ Запорожье, на имя кошевого атамана Павла Гомона, и въ немъ извѣстилъ о своемъ избраніи въ гетманы Украйны. Высказывая сожалѣніе о потерѣ Хмельницкаго и о смутномъ времени, наставшемъ послѣ его смерти, Виговскій сообщалъ, что вся старшина и чернь войска малороссійскаго единодушно избрали его гетманомъ Украйны; но онъ, хотя и принялъ это избраніе, однако, безъ воли и концесса братіи, всего низового запорожскаго войска, на томъ гетманскомъ урядѣ утвердиться не желаетъ. «Такъ какъ вы, войско низовое запорожское, корень и утвержденіе чести и вѣчно памятной славы для всѣхъ городовыхъ украинско-малороссійскихъ войскъ, то пусть первенствуетъ ваша власть и при избраніи и постановленіи гетмана. Вольно вамъ, братіи нашей, отставить меня отъ того уряда и утвердить, по своему усмотрѣнію, другого. И какъ мой предшественникъ, славной памяти, Богданъ Хмельницкій, все чинилъ съ вѣдома и совѣта васъ, нашей братіи, всего войска, низового запорожскаго, такъ и я, если останусь на своемъ урядѣ, тѣмъ же путемъ моего предшественника, не переча чести и силъ вашей, все буду дѣлать согласно волѣ вашей». Въ заключеніе письма Виговскій извѣщалъ запорожцевъ, что онъ посылаетъ имъ 3.000 битыхъ талеровъ,—одну тысячу изъ собственной шкатулки, а двѣ тысячи отъ завѣщанія Хмельницкаго на поминъ души его въ сичевой церкви для «цѣлорочнаго сорокоустаннаго моленія» ²⁾).

Получивъ и выслушавъ на радѣ листъ Виговскаго, запорожцы, уже раньше извѣстившіеся о томъ, что новый гетманъ склоненъ къ полякамъ и свосится съ польскимъ королемъ, отвѣтили ему собственнымъ слѣдующаго содержанія письмомъ:

«Два увѣдомленія, скорбное и радостное, въ письмѣ вашемъ панскомъ, присланномъ до насъ, войска низового запорожскаго, чрезъ нарочныхъ посланцевъ, мы получили. Изъ этихъ увѣдом-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 388.

²⁾ Пелячко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 306—309.

леній первое особенно наполнило наши сердца печалію и отяго- тило насъ, потому что чрезъ неухрадную смерть, опредѣленіемъ Бога вышняго, владѣющаго человѣческою жизнью, мы лишились своего гетмана, добраго вождя и счастливаго отъ непріятелей защитника нашего отечества, пана Богдана Хмельницкаго, кото- рому за многіе въ здѣшней земной жизни подвиги и труды, пусть подастъ Господь Богъ на лонѣ Авраама вѣчное успокоеніе въ райскихъ селеніяхъ,—объ этомъ особенно просимъ. Другое извѣстіе, избраніе на тотъ урядъ гетманскій вашей панской милости, насъ нѣсколько увеселило и печаль нашу уменьшило, потому что осиротѣлая наша отчизна, получивши въ вашемъ лицѣ новаго себѣ господаря, можетъ, за вашимъ предводительствомъ, найти себѣ надежную оборону отъ козней и навѣтовъ непріятельскихъ. Одна- кожъ избраніе то и ваша элекція безъ воли и совѣта нашего, всего войска низового запорожскаго, только одною братіей нашей, панами старшиною генеральною, полковниками и войскомъ украин- скимъ городовымъ, не должна была и назначаться и совершаться; такъ какъ и небожчикъ Богданъ Хмельницкій получилъ начало своего гетманства не въ Чигиринѣ, а въ Кошу нашемъ сѣчевомъ и не отъ городского, а отъ насъ, низового запорожскаго войска, и при нашемъ вспоможеніи, больше же всего при всеильной бо- жественной помощи, одержалъ счастливыя побѣды надъ непріа- телемъ въ первые годы своей войны. Но въ виду того, что ваше избраніе уже совершилось, то и мы для всеобщаго добра нашей отчизны малороссійской, не желаемъ нарушать и разорять онаго избранія, приписывая его премудрому усмотрѣнію божію; помня пословицу: «голосъ народа—голосъ божий», согласуемся съ голо- сомъ и волей народной нашей малороссійской братіи, избравшей и постановившей на то гетманское достоинство васъ пана, вапа- мосць. Мы находимъ въ вашемъ панскомъ письмѣ, къ намъ въ настоящее время писанномъ, такое обѣщаніе и заявленіе, что, оставаясь на томъ гетманствѣ, вы имѣете слѣдовать путемъ ва- шего предшественника, славной памяти, Богдана Хмельницкаго, а намъ, войску запорожскому, оказывать ласку свою и никакихъ новинъ и затѣй безъ воли и рады нашей войсковой, если бы то шло объ общемъ благѣ или несчастіи нашей отчизны, не на- чинать. Если вы, ваша мосць, мосце пане, будете выполнять это настоящимъ дѣломъ, то и отъ насъ, всего войска низового за- порожскаго, будете пользоваться настоящею пріязнью и внима-

ніемъ, и во всѣхъ желаніяхъ своихъ не встрѣтите противныхъ возраженій и войсковыхъ несогласій. Однако, въ вашихъ панскихъ заявленіяхъ и обѣщаніяхъ мы находимъ нѣкоторую странность, что, по кончинѣ небожчика пана Хмельницкаго, писали вы, ваша милость, отъ себя одного (какъ мы изъ несомнѣннаго извѣстія узнали) до найяснѣйшей Яновой Казиміровой, королевѣ польской, ища чрезъ нея ласки и ходатайства у королевскаго величества и желая якобы отторгнуться отъ высокой державы и сильнаго покровительства пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго царя Алексѣя Михайловича, нашего всероссійскаго монарха, и по прежнему отдать до польской короны нашу малороссійскую отчизну, премногою братіи нашей кровью и военнымъ оружіемъ отбившуюся и освободившуюся, за время предводительства покойнаго гетмана нашего, Богдана Хмельницкаго. Если вы такъ именно думаете сдѣлать, то вѣдайте заранѣе, что мы, войско низовое запорожское, въ томъ волѣ вашей не будемъ слѣдовать и званіе измѣнниковъ на славное имя навлекать не желаемъ. Да и сами вы, ваша мосць, мосце пане, извольте разсмотрѣть и хорошенько взвѣсить, подѣ какимъ монархомъ можно надѣяться лучшей для себя жизни, подѣ единовѣрнымъ-ли православнымъ государемъ, царемъ московскимъ, котораго еще ни въ чемъ не оскорбили, или подѣ иновѣрною, находящеюся въ римской отступнической религіи и заблужденіи, польскою короною, нами очень раздраженною и оскорбленною, имѣемъ опредѣлять и записывать свои термини безъ вниманія пришлого благополучія. Товариство наше низовое, охотницкое, бывшее на его монаршей военной службѣ въ Литвѣ и Инфляндіи и оттуда повернувшее до Сичи, хвалится великою ласкою и любовію, выказанною имъ великороссіянами, какой ласки мы и впредь отъ нихъ, а больше всего отъ добродѣтельнаго и благосерднаго отца и добродѣя нашего, его царскаго пресвѣтлаго величества, ожидаемъ и несомнѣнно получить надѣемся, будучи готовы и сами за его превысокую монаршую честь и православное государство противъ всякаго непріятели выступать и нашего здоровья не падить. Если же ваша милость, мосце пане, вы усмотрѣли что-нибудь не полезное со стороны его величества къ себѣ и къ отчизнѣ нашей, то можете, не переставая быть вѣрнымъ, просить и супликовать чрезъ своихъ пословъ о томъ къ его пресвѣтлому величеству со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ, и мы надѣемся, что его цар-

ское пресвѣтлое величество не изволить отказать не только въ великомъ желаніи вашемъ, но и въ самомъ маломъ. А въ замѣнъ этого надо, чтобы и отъ насъ, всего войска запорожскаго, была защита и оборона, крѣпкая и издавна вождедѣльная, для его (царской) богохранимой православной державы отъ враговъ креста господня, татаръ и турокъ. Тогда уже не можетъ тотъ общій христіанскій непріятель своими многочисленными силами, какъ предъ симъ бывало, безопасно въ его царскую державу впадать и своихъ бусурманскихъ хоругвей подъ самую столицю развивать. Все это обсудивши и разсмотрѣвши, извольте, ваша мосце, мосце пане, согласно своему письменному обѣщанію, ходить путемъ Хмельницкаго и не отмѣнять вѣрности къ его царскому пресвѣтлому величеству, а при помощи всеильной божественной, сообщая съ его монаршими силами, становиться противъ своихъ непріятелей поляковъ за древнія ваши вольности, и иго ихъ отъ нашей отчизны малороссійской на вѣки отсѣкать. А если бы иначе было, то подлинно и безъ того уже много пострадавшую отчизну малороссійскую, вслѣдствіе польскихъ нападеній, вы привели бы, ваша милость, мосце пане, до крайней нищеты и разоренія, чего мы вовсе не желаемъ; а желаемъ при семъ вашей вельможности добраго отъ Господа Бога здоровья и счастливаго успѣха въ добрыхъ и отчизнѣ полезныхъ вашихъ замыслахъ. Особенно благодаримъ при этомъ вашу вельможность за денежный гостинецъ, который вы прислали намъ, по вашей ласкѣ, объявляемъ и обязуемся отслужить вамъ за него по нашей возможности. Съ Сѣчи сентября 25, 1625 года. Павелъ Гомонъ, атаманъ кошовый, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариствомъ войска его царскаго пресвѣтлаго величества низового запорожскаго»¹⁾.

Это письмо заключало въ себѣ политическую исповѣдь запорожскихъ козаковъ; они рѣшили точно держаться завѣщанія, оставленнаго имъ Богданомъ Хмельницкимъ: стоять за православнаго царя и православную Русь и сторониться польскаго короля и католической Польши. За православную вѣру и за православнаго царя сражался съ поляками Богданъ Хмельницкій, за это же должны стоять, въ союзѣ съ гетманомъ, запорожцы; за это же они будутъ стоять и послѣ стараго «Хмеля». И дѣйствительно, запорожцы строго держали свое политическое *statum quo* въ теченіи

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 309—312.

многихъ лѣтъ послѣ Богдана Хмельницкаго. Отступленіе дѣлалось лишь временно по внушенію отдѣльныхъ личностей, а не всей массы, и то по весьма уважительнымъ причинамъ, когда сами «московскіе люди» нарушали права малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ.

Но пока эта преданность запорожскихъ козаковъ не была очевидна для московскаго правительства, то новому, послѣ Богдана Хмельницкаго, гетману, Ивану Виговскому, открывалась на первыхъ порахъ полная возможность, маскируя свои истинныя чувства къ Москвѣ, клеветать на запорожскихъ козаковъ передъ царемъ и въ то же время показывать свою пріязнь запорожцамъ. Того требовало само положеніе его: онъ былъ гетманомъ только «на тотъ часъ», и ему нужно было сдѣлаться гетманомъ навсегда. Виговскій приказалъ собраться новой радѣ и назначилъ городъ Корсунъ для того. Рада состоялась сентября 30 дня, 1657 года, при множествѣ малороссійскихъ козаковъ и черни, при послахъ, шведскомъ Юріи Немиричѣ, польскомъ Казиміръ Беневскомъ и московскомъ бояринѣ Артемонѣ Матвѣевѣ, но безъ запорожскихъ козаковъ.

Разыгрывая роль человѣка равнодушнаго къ власти, Виговскій положилъ свою булаву на столъ и сталъ отказываться отъ гетманства, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что будто бы въ присланныхъ пунктахъ гетману царемъ было написано отнять прежнія вольности у козаковъ, а онъ, гетманъ, въ неволѣ быть не хочетъ. Но убѣжденія судьи и полковниковъ заставили Виговскаго вновь взять въ руки булаву и стать на гетманскомъ господствѣ ¹⁾.

Призванный гетманомъ отъ своихъ сторонниковъ старшинъ на радѣ въ Корсунѣ, но не утвержденный еще властью московскаго царя, Виговскій тутъ же узналъ, что московскій царь для обороны Малороссіи отъ татаръ и поляковъ прислалъ войскъ подъ начальствомъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, расположившагося со своимъ полкомъ въ Переяславѣ, и воеводы Льва Ляпунова, пришедшаго въ Пирятинъ; ожидался еще и князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой. Народъ волновался, не зная, зачѣмъ именно пришли царскія войска на Украину. Виговскому этотъ ропотъ народа былъ на руку. Тотчасъ послѣ корсунской рады въ Москву отправились послы Виговскаго, Юрій Миневскій и Ефимъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 35.

Коробка, хлопотать объ утвержденіи царемъ выбраннаго народомъ гетмана. Послы должны были объявить въ Москвѣ о томъ, что поляки склоняютъ Малороссію къ Польпѣ, но что гетманъ не внимаетъ на это и пребудеть вѣрнымъ Москвѣ. Въ то же время гетманъ отправилъ козака Бута къ хану въ Крымъ, изъявляя ему полную дружбу и желаніе войти въ сношеніе съ нимъ. А въ слѣдъ затѣмъ, побывавъ въ Кіевѣ, гетманъ пріѣхалъ въ Переяславъ для свиданія съ главнокомандующимъ московскими войсками Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ и тутъ сталъ распространяться передъ княземъ о внѣшнихъ и внутреннихъ врагахъ, грозившихъ Украинѣ; внѣшними были поляки и татары, внутренними—запорожскіе козаки. Особенно страшными казались ему послѣдніе. «Въ Запорожьѣ теперь у козаковъ великій мятежъ учинился: запорожскіе козаки хотятъ побить старшинъ и поддаться крымскому хану, и онъ, гетманъ Виговскій, за эти смятенія, бунты и измѣну царскому величеству, помня свое крестное цѣлованіе, идетъ на Запорожье, чтобы усмирить козаковъ. Ты, князь Григорій Григорьевичъ, съ государевыми ратными людьми перейди за Днѣпръ и стой противъ ляховъ и татаръ, а я отправляюсь справляться съ бунтовщиками. Намъ извѣстно, что многіе бунтовщики говорятъ, будто мы царскому величеству служимъ невѣрно; и мы живымъ Богомъ обѣщаемся и клянемся небомъ и землею... великому государю вѣрно служить» ¹⁾. Однако, Ромодановскій, безъ воли государя, не рѣшился выйти изъ Переяслава за Днѣпръ. Казалось-ли ему опаснымъ отдѣляться отъ другихъ московскихъ полковъ, или же самая измѣна запорожскихъ козаковъ представлялась князю раздутой, въ точности неизвѣстно.

А запорожскіе козаки, доподлинно довѣдавшись, въ какую сторону направлены всѣ симпатіи Виговскаго, если вѣрить извѣстію гетманскаго сторонника, уманскаго полковника Михайла Ханенка, дѣйствительно нѣчто замыслили противъ Виговскаго: они вопли въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ и, соединясь съ нимъ, задумали идти на гетмана ²⁾.

Узнавъ объ этомъ и прикинувшись вполне вѣрящимъ въ слухъ относительно замысловъ запорожскихъ козаковъ, гетманъ Виговскій написалъ, октября 29 числа, боярину Борису Ивановичу Мо-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 49.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 35.

розову письмо, чтобы онъ сдѣлалъ извѣстнымъ царю о возмутительныхъ дѣйствіяхъ «своевольныхъ» въ войскѣ запорожскомъ людей, не радѣющихъ о вѣрѣ и достоинствѣ его царскаго величества, внушилъ бы царю мысль не вѣрить доносамъ подобныхъ «своевольниковъ» и просилъ бы царя карать ихъ «по своему государскому милосердному разуму» ¹⁾).

Посланный на Украйну, октября 22 дня, для разузнанія о состояніи умовъ въ южной Россіи и въ Запорожьѣ стряпчій Дмитрій Рагозинъ, со словъ подначальныхъ Виговскому лицъ, доставилъ такіа свѣдѣнія въ Москву: «Изъ Запорогъ пошли къ великому государю посланцы безъ гетманскаго вѣдома, а въ Запорогахъ многіе голяки возстали и худые людишки не слушаютъ полковниковъ, сотниковъ и асауловъ, говоря, что они ихъ побьютъ и животы ихъ себѣ поберутъ... Въ Запорогахъ козаки шатаются и бунтуютъ и не слушаютъ начальныхъ людей и безъ гетманскаго вѣдома послали къ великому государю посланцевъ; и гетманъ въ Запороги послалъ, чтобъ къ нему бунтовщиковъ прислали, а будетъ не пришлютъ, то гетманъ велѣлъ собираться полкомъ: хочеть идти на Запороги и вырубить» ²⁾).

Заводчиками всего дѣла противъ Виговскаго въ Запорожьѣ были Яковъ Кляшенко, да Дмитрій Сѣченая-Щека; Кляшенка поймали въ Кременчугѣ, а Сѣченая-Щека былъ присланъ къ гетману съ листомъ отъ запорожцевъ въ Чигиринъ,—обоихъ гетманъ сковалъ и бросилъ въ тюрьму ³⁾). Но кромѣ Кляшенка и Сѣченой-Щеки у гетмана явились и другіе враги: настоящимъ «заводчикомъ» дѣла оказался полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь. Понимая такъ же хорошо Виговскаго, какъ и запорожцы, и находя полное сочувствіе у низовыхъ козаковъ, Пушкарь открыто возсталъ противъ Виговскаго и отправилъ въ Москву четырехъ челоувѣкъ посланцевъ съ доносомъ на гетмана. Онъ доносилъ, что Виговскій невѣренъ московскому царю, что онъ сносится съ польскимъ королевемъ и съ татарскими ордами, хочеть воевать города украинные, а его пособникъ, миргородскій полковникъ Григорій Лѣсницкій, вѣщаетъ смуты, будто царское величество хочеть у козаковъ вольности отнять и въ солдаты ихъ писать ⁴⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 51.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 64, 65.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 67.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 56; XV, 4—6.

Пылая ненавистью къ запорожцамъ и похваляясь идти на нихъ походомъ, Виговскій разослалъ по дорогамъ два полка, прилуцкій и нѣжинскій, и одну хоругвь ляховъ подъ Кременчугъ, Максимовку, Переволочну, Гофу, Оедгривку, Хоролъ и Потокъ, чтобы поймать запорожскихъ посланцевъ, отправленныхъ къ царю, но посланцы успѣли пройти другими путями и доѣхать въ Москву¹⁾.

Желая уничтожить свидѣтельство своихъ зложелателей, гетманъ отправилъ отъ себя пословъ къ царю Юрія Миневскаго да Ефима Коробку. Послы прибыли въ Москву ноября 8 дня. Съ нихъ въ тотъ же день сняли допросъ о цѣли ихъ прїѣзда. Они отвѣчали, что прїѣхали просить царя объ утверженіи гетмана въ его званіи; извѣщали о сношеніяхъ поляковъ съ татарами; о намѣреніи Польши воевать Малороссію; о выступленіи татаръ къ Черному лѣсу; о походѣ малороссійскихъ козаковъ подъ Очаковъ и Перекопъ; о присылкѣ крымскаго хана къ гетману съ просьбой о згодѣ; о перезываніи поляками гетмана на службу Польшѣ; о сношеніяхъ турецкаго султана съ гетманомъ по вопросу недопущенія козаковъ на Черное море и къ его берегамъ съ цѣлью нападенія на города и селенія и, наконецъ, съ объявленіемъ нелицеѣрнаго желанія со стороны гетмана служить московскому царю до кончины живота²⁾.

Юрій Миневскій готовъ былъ уже отѣхать изъ Москвы, какъ вдругъ ноября 16 дня прїѣхалъ отъ гетмана новый посланецъ, Самойло Кочановскій, съ жалобою царю на запорожскихъ козаковъ. Тогда Юрія Миневскаго задержали въ Москвѣ и стали собирать свѣдѣнія отъ обоихъ пословъ о запорожскихъ козакахъ и о причинахъ ихъ возмущенія противъ новоизбраннаго гетмана.

— Случалось-ли имъ, Юрію да Самойлу, говорить о томъ, отъ кого происходитъ бунтъ въ Запорожьѣ и кто тому заводчикъ?

— Бунтуетъ въ Запорожьѣ козакъ Яковъ Барабашенко съ разными своевольниками и гультаями, и хочетъ онъ учинить въ Запорожьѣ такіе же порядки, что и въ войскѣ при гетманѣ.

— Государь, его царское величество, изволить послать свой государевъ указъ къ окольному и воеводѣ, князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, и велить ему отъ себя послать приказъ въ Запорожье съ тѣмъ, чтобы козаки перестали бунтовать и повиновались гетману.

1) Акты южной и западной Россіи, IV, 70; XV, 9, 10.

2) Акты южной и западной Россіи, IV, 51—56.

— Милости царскаго величества гетманъ будетъ радъ, но съ тѣми своевольниками можно бы справиться гетману и самому, но онъ не смѣетъ, потому что не утвержденъ еще его царскимъ величествомъ на гетманствѣ.

— Великій государь, его царское величество, изволилъ дать свою грамоту, жалованную на подтвержденіе гетмана Ивана Виговскаго... и въ войскѣ запорожскомъ шатости никакой ни отъ кого не будетъ, а если кто начнетъ бунтовать, то его можно усмирить. Его царское величество, великій государь, желаетъ знать, когда гетмана Ивана Виговскаго выбирали на гетманство, на первой и второй радѣ, то много-ли было полковниковъ и сотниковъ и простой черни, а также были-ли на тѣхъ радахъ запорожскіе козаки и не было-ли отъ нихъ въ то время какого-нибудь рокоша?

— На первой радѣ въ Чигиринѣ было немного полковниковъ и черни, были и изъ Запорожья козаки на той радѣ, но рокоша никакого не было. А когда была другая рада въ Корсунѣ, то изъ Запорожья на той радѣ козаковъ не было; если бы за ними посылать, то это бы заняло недѣли три или четыре времени, да и посылать за ними не для чего, потому что въ Запорожьѣ живутъ ихъ же братія козаки, которые переходятъ туда изъ городовъ для промысловъ, а иной переходитъ и потому, что здѣсь пропъется да проиграется; жены же ихъ и дѣти всѣ живутъ по городамъ; впрочемъ, запорожцы на вторую раду присылали отъ себя письмо о войсковомъ дѣлѣ.

— Много-ли всѣхъ козаковъ въ Запорожьѣ?

— Въ Запорожьѣ всѣхъ козаковъ немного, и когда былъ самый большой сборъ, именно во время похода подъ Очаковъ, ихъ было въ походѣ и въ Запорожьѣ около 5.000 человекъ, и то все вновь пришедшіе; а теперь многіе изъ нихъ пришли въ города къ женамъ и дѣтямъ.

— Раньше этого времени гетманы живали въ Запорожьѣ или въ городахъ? откуда выбирали гетмановъ? откуда избранъ Богданъ Хмельницкій?

— Раньше этого времени гетманы и все войско больше жили въ Запорожьѣ, потому что въ то время они ходили за добычею на море лодками, да и гетманъ Богданъ Хмельницкій избранъ былъ гетманомъ въ Запорожьѣ, и самъ онъ былъ запорожаниномъ.

— А не думаютъ-ли они, послы, что и впредь запорожцы будутъ бунтовать вслѣдствіе того, что не были при избраніи гетмана на второй радѣ?

— Отъ запорожцевъ они, послы, бунтовъ не ждуть, потому что гетмана избирали всѣмъ войскомъ, но лучше бы сдѣлать такъ, чтобы великій государь, его царское величество, изволилъ послать въ войско, кого онъ найдетъ способнымъ, и собрать полковниковъ, сотниковъ, всю чернь городовую и козаковъ изъ Запорожья и устроить вновь большую раду, и кого на той радѣ, при посланцѣ отъ царскаго величества, всѣмъ войскомъ и народомъ выберутъ гетманомъ, тотъ бы и остался въ этомъ званіи и принесъ бы присягу.

— Гдѣ же быть радѣ?

— Пристойно быть радѣ въ Переяславѣ, потому что то мѣсто людное и всѣмъ къ нему близко.

— А какъ козаки подъ Очаковъ изъ Запорожья ходили, то ходили они по войсковому-ли совѣту?

— Въ то время козаки запорожскіе ходили по войсковому совѣту, потому что въ то время наступали на нихъ крымцы и татары.

Въ одно время съ посланцами Виговскаго оказались въ Москвѣ и посланцы отъ запорожскихъ козаковъ: атаманъ Михайло Ивановъ Стрынджа съ товарищами Иваномъ Степановымъ, Яковомъ да Семеномъ Остафьевыми и двадцатью-тремя простыми козаками; они отправлены были къ государю кошевымъ атаманомъ Яковомъ Барабашомъ изъ Запорожья безъ вѣдома гетмана ¹⁾.

Запорожскіе посланцы явились въ Москву ноября 21 дня съ подробной инструкціей о томъ, что и какъ говорить передъ царемъ и чего домогаться для Украйны и Запорожья. Эта инструкція состояла изъ слѣдующихъ семи пунктовъ:

1. Отдать нижайшій челобитный поклонъ его царскому пресвѣтлому величеству отъ Якова Барабаша, «гетмана кошевого» запорожскаго, и отъ всей запорожской черни.

2. Извѣстить царскому величеству о томъ, что хотя все войско и вся чернь, какъ живущіе въ городахъ, такъ и ко-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 56—58, 64. Костомаровъ считаетъ Стрынджу посланцемъ Пушкиря (Гетманство Выговскаго, Спб. 1862, 29) но самъ царь называетъ Стрынджу «посланцемъ Барабашенковымъ»: Акты, VII, 199.

заки на Запорожѣ, и несутъ большія обиды и притѣсненія отъ гетмана Виговскаго, его полковниковъ и другихъ начальниковъ городовыхъ, однако терпятъ все это до царскаго указа; увидя же великую измѣну отъ старшинъ городовыхъ его царскому величеству, все войско запорожское, ради этихъ прямыхъ причинъ, послѣ рады, отправило изъ Запорожья, съ Коша, своихъ пословъ съ извѣщеніемъ царскому величеству.

3. Извѣстить царскому величеству, что нынѣ вся чернь войска запорожскаго доподлинно узнала о томъ, что еще при жизни гетмана запорожскихъ войскъ Богдана Хмельницкаго, гетманъ, вся старшина, всѣ полковники и вся чернь учинили, неизвѣстно для чего, присягу съ седмиградскимъ княземъ Юріемъ Ракоціемъ, королемъ шведскимъ, воеводами волошскимъ и молдавскимъ; теперь же, для измѣны царскому величеству, вся старшина городова я шлетъ листы крымскому хану и войско запорожское къ тому склоняеть, простая же чернь на то не склоняется и, не желая дѣлать никакой измѣны, бѣжить изъ городовъ отъ старшинъ въ Запорожье и рассказываетъ здѣсь объ измѣнѣ царскому величеству старшинъ городовыхъ; запорожское же войско и вся чернь его, какъ присягали нѣсколько лѣтъ тому назадъ царскому величеству, такъ и теперь вѣрно на вѣчныя времена служатъ и хотятъ служить, Богу и великому государю поклоняются, за своего царя считаютъ, за царя и вѣру правосливленную умирать готовы. Другимъ же королямъ, князьямъ, воеводамъ и крымскому хану войско запорожское присягать не желаетъ и безъ вѣдома царской милости ни посылать листовъ, ни отправлять пословъ къ невѣрнымъ царямъ, согласно своей присягѣ, никогда не будетъ и не желаетъ.

4. Извѣстить царскому величеству, что послѣ смерти гетмана Богдана Хмельницкаго поставляли въ гетманы Ивана Виговскаго полковники и вся старшина городова я, чернь же и все войско запорожское о томъ вовсе ничего не знали и въ радѣ не присутствовали. Обо всемъ этомъ войско, живущее за порогами, хотѣло извѣстить черезъ пословъ царское величество, согласно давнему войсковому обычаю; но старшина городова я, остерегаясь того, сочла это за бунтовство и солгала передъ царскимъ величествомъ, написавъ, будто бы въ послѣдніе годы, со времени присяги всего запорожскаго войска царскому величеству, между войскомъ запорожскимъ никакихъ бунтовъ и ссоръ не бывало, и вся

чернь единогласно питаетъ одну любовь и вѣрно и пріятно служить царской милости. А между тѣмъ гетманъ Иванъ Виговскій съ полковникомъ миргородскимъ Григоріемъ Сахненкомъ ¹⁾ и другими полковниками нынѣ и недавно снова поновили свою присягу седмиградскому князю Ракоцію, шведскому королю и воеводамъ волошскому и молдавскому присягали, неизвѣстно съ вѣдома-ли или безъ вѣдома царскаго величества. Все же войско запорожское Малой Россіи, какъ поддалось, со всѣми землями и городами, подъ высокую и крѣпкую руку царской милости, такъ и нынѣ неотмѣнно и неподвижно при той жалованной грамотѣ пребываетъ, къ измѣнникамъ приставать не хочетъ и во всемъ волѣ царской желаетъ быть послушнымъ, а чтобы государь за донесеніе на войско не опалился, оно слезно бьетъ челомъ великому государю.

5. Извѣстить царскому величеству, что гетманъ, всѣ полковники и вся старшина городовая очень гнѣваются на запорожцевъ за то, что они, выходя изъ Запорожья водою и полемъ подъ татарскіе города, милостію божіею и счастіемъ царскаго величества, большія обиды поганцамъ татарамъ чинятъ, побѣды надъ ними одерживаютъ и полоняниковъ, православныхъ христіанъ, освобождаютъ; старшина городовая этого не любитъ, говоритъ, что, вслѣдствіе дракъ запорожцевъ съ татарами, она не можетъ учинить присяги и помириться съ крымскимъ ханомъ.

6. Извѣстить его милости царю, что крымскій ханъ со всею ордой сидитъ пока дома, но имѣетъ умыселъ пойти зимой на украинные города, чего ему Господь Богъ да не поможетъ.

7. Послѣ всего просить царское величество, отъ имени черни и войска запорожскаго, поскорѣе отпустить пословъ и товарищей назадъ въ Запорожье ²⁾.

Ноября 23 дня запорожскіе послы Михайло Ивановъ Стрынджа съ Иваномъ Степановымъ, Яковомъ Остафьевымъ и Семеномъ Остафьевымъ позваны были дьяками Алмазомъ Ивановымъ и Ефимомъ Юрьевымъ въ посольскій приказъ.

— Съ какими обидами запорожскіе посланцы пришли на гетмана, его полковниковъ и старшину? спросили дьяки пословъ.

— Когда запорожцы находились за польскими королями и когда учинились при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ за москов-

1) Въ другомъ мѣстѣ онъ названъ Григоріемъ Яхненкомъ.

2) Акты южной и западной Россіи, VII, 184, 185.

скимъ государемъ, тогда у нихъ ни вольностей не отнимали, ни налоговъ на нихъ не накладывали, ни промысловъ чинить имъ не забороняли; теперь же, когда выбранъ былъ въ гетманы Иванъ Виговскій, самъ онъ и нѣкоторые, хотя и не всѣ, изъ его друзей и совѣтниковъ, миргородскій полковникъ Григорій Яхненко съ товарищами, стали отнимать у насъ вольности, ловить въ рѣчкахъ рыбу, продавать вино, и все то отдають на ранды (ареды), и всѣ тѣ сборы, какіе собираются въ запорожскомъ войскѣ, всѣ ихъ отбираетъ себѣ гетманъ, ничего не давая войску и объявляя, что всю ту казну онъ употребляетъ на посольскіе расходы, пословъ же и посланниковъ принимаетъ у себя и отпускаетъ безъ указа; при прежнихъ же, польскихъ, короляхъ войско запорожское пословъ иныхъ государствъ безъ королевскаго указа не принимало; также и теперь, когда войско подъ царскою высокою рукою учинилось, принимать пословъ безъ указа и тратить на нихъ казну не годилось бы. И великій государь, его царское величество, пожаловалъ бы войско запорожское, не велѣлъ бы ни гетману, ни полковникамъ ломать у него вольностей и отнимать, чѣмъ кто кормился, промысловъ.

— Великій государь желаетъ, замѣтили посланцамъ, чтобы подданные православные христіане жили между собой въ совѣтѣ и чтобы чрезъ то, глядя на нихъ, христіанскіе народы радовались, а непріатели страшились; а какъ Ивана Виговскаго выбрали въ гетманы, то тогда было двѣ рады, одна въ Субботовѣ, другая въ Корсунѣ, и въ это время присутствовали всѣ полковники.

— Не всѣ полковники и не все войско выбирали Виговскаго на гетманство; выбирали его только ближніе друзья: Григорій Лѣсницкій, иркѣевскій, полтавскій да нѣжинскій полковники. И сначала, какъ только они задумали выбрать гетманомъ Виговскаго, то Григорій Лѣсницкій собралъ войтовъ изъ всѣхъ городовъ своего полка и сталъ обманомъ ихъ спрашивать, хотятъ ли они служить великому государю, на что тѣ отвѣтили, что служить великому государю они рады. Тогда онъ собралъ сотниковъ своего полка и сталъ имъ говорить, чтобы они отъ великаго государя отступили и поддались бы крымскому хану, потому что, будто бы, великій государь хочетъ прислать къ нимъ воеводу, вольности ихъ отнять, въ козаки только 10.000 человекъ написать, а остальныхъ въ солдаты и драгуны отдать. Но и сотники

отвѣтили тоже, что войты, именно, что отъ великаго государя отступить не хотятъ. Тогда Лѣсницкій многихъ изъ нихъ за то побилъ, въ тюрьмы побросалъ и всякіе промыслы, кто чѣмъ кормился, поотнималъ, и нѣкоторые изъ тѣхъ сотниковъ въ ихъ неволи поуходили и въ Запорожьѣ прибѣжали и обо всемъ затѣянномъ Виговскимъ и его полковниками запорожцамъ рассказали. Тогда Виговскій, видя, что сотники и чернь съ его желаніемъ не согласились, имѣя намѣреніе царскому величеству крѣпко служить, учинилъ въ Корсунѣ новую раду и когда на этой радѣ близкіе друзья вновь выбрали его гетманомъ, то онъ написалъ отъ себя листы къ крымскому хану и послалъ ихъ черезъ своихъ посланцевъ, запорожцы же тѣхъ посланцевъ переняли и листы гетмана себѣ взяли; въ то время на Запорожьѣ случились донскіе козаки, и запорожцы имъ про измѣну Виговскаго сообщили и стали спрашивать у нихъ совѣта, какъ поступить съ измѣнниками. Рѣшено было всѣмъ войскомъ послать тѣ листы царскому величеству и ждаты отъ него указа.

— Чѣмъ же поправить все дѣло и устранить всякія ссоры?

— Для этого нужно послать довѣреннаго отъ государя человека и устроить новую раду и на той радѣ выбрать гетмана всѣмъ войскомъ, кого оно излюбитъ, а раду созвать или подъ Лубнами, на урочищѣ Солоницѣ, потому что то мѣсто средина всѣхъ городовъ, или на Запорожьѣ, потому что тамъ прежніе гетманы выбирались и тамъ столица запорожская.

— Запорожьѣ—мѣсто дальнее и отъ непріятелей небезопасное, а потому лучше всего выбрать городъ Кіевъ, потому что тамъ столица Малой Россіи, и мѣсто, гдѣ власть и всякіе урядники имѣются, Лубны—также мѣсто малое и для рады непристойное; да и гетманъ Виговскій, опасаясь ихъ, не поѣдетъ туда.

— Въ Лубнахъ все-таки удобнѣе будетъ для рады, чѣмъ въ Кіевѣ, а если бы Виговскій не захотѣлъ ѣхать въ Лубны, то его можно заставить царскимъ указомъ ѣхать туда. Конечно, Виговскій, въ слѣдствіе своей измѣны, уже давно бы и скарбы всѣ забралъ и самъ бы давно изъ Украйны ушелъ, но его стерегутъ, по совѣту запорожцевъ, козаки да и миргородскаго полковника стерегутъ, потому что вся чернь запорожская и городова одной мысли въ этомъ.

— Послѣ смерти гетмана Богдана Хмельницкаго чернь выказала было желаніе, чтобы на Украйнѣ были царскіе воеводы,

потому что ей при воеводахъ лучше было бы и отъ полковниковъ обидѣ не было бы; не желаетъ-ли народъ, чтобы и теперь въ большихъ городахъ были царскіе воеводы съ правомъ вѣдать всякія городовыя дѣла.

— О воеводахъ чернь и мѣщане давно хотѣли просить государя, но только ихъ къ тому не допускали, ради своихъ корыстей, полковники городовые; и какъ, по милости царскаго величества, даны жалованныя грамоты на прежнія привилегіи кievскимъ и переяславскимъ мѣщанамъ, то они живутъ въ благоденствіи и отъ полковниковъ никакихъ налоговъ не видятъ ¹⁾. А нынѣ на радѣ великій государь приказалъ бы все справы постановить и все, чѣмъ козаки были пожалованы и на какихъ статьяхъ гетманъ и они въ подданствѣ начнутъ быть, все это утвердить; и если послѣ того новоизбранный гетманъ какой проступокъ передъ царскимъ величествомъ учинить, то они о томъ будутъ писать великому государю и за тотъ проступокъ будутъ имѣть право гетмана перемѣнить.

— Вы говорите, что миргородскій полковникъ Лѣсницкій единомышленникъ съ Виговскимъ, а между тѣмъ самъ Виговскій пишетъ на Лѣсницкаго, что черезъ него вся смута происходитъ въ войскѣ и называетъ его своимъ недругомъ, ищущимъ гетманства: еще какъ посылалъ его Богданъ Хмельницкій наказнымъ гетманомъ противъ татаръ и поляковъ, то онъ послѣ смерти Хмельницкаго долгое время не хотѣлъ возвращать ни булавы, ни бунчука.

— То было такъ: когда гетманъ Богданъ Хмельницкій заболѣлъ, то послалъ противъ поляковъ и татаръ своего сына Юрія да Григорія Лѣсницкаго, давъ ему булаву и бунчукъ; когда же войско возвратилось изъ похода и Лѣсницкій услышалъ о близкой

¹⁾ Введеніе въ Малороссію воеводъ было весьма желательнымъ для Москвы еще со времени Богдана Хмельницкаго; ни запорожскіе, ни украинскіе козаки не желали этого, и если въ данномъ случаѣ сичевые посланцы отвѣтили въ желательномъ духѣ для Москвы, то это можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, самимъ положеніемъ посланцевъ; они, во что бы то ни стало, хотѣли свергнуть Виговскаго и потому соглашались на все, что хотѣли въ Москвѣ въ отношеніи Украины; въ самой же инструкціи пословъ, какъ мы видѣли, ни слова не было сказано о воеводахъ. Во-вторыхъ, истиннымъ желаніемъ введенія на Украинѣ воеводъ со стороны простой черни и козацкой голоты, извѣрившихся въ своей старшинѣ и искавшей защиты отъ нея у царскихъ воеводъ.

кончинѣ гетмана, то, проча гетманство другу своему, Виговскому, долго не хотѣлъ отдавать ни булавы, ни бунчука. Гетманъ же Хмельницкій, еще будучи живымъ, узнавъ, что Лѣсницкій прочитъ въ гетманы Виговскаго, велѣлъ Лѣсницкаго привести къ себѣ и хотѣлъ было его казнить; Виговскаго же Хмельницкій велѣлъ оковать по рукамъ и положить лицомъ къ землѣ такъ держалъ его чуть-ли не весь день. Виговскій, лежа на землѣ, все плакалъ и просилъ гетмана простить его, и гетманъ простилъ его. А что теперь Виговскій называетъ Лѣсницкаго своимъ врагомъ, то это одинъ вымыселъ со стороны гетмана, — дѣлаетъ онъ это для того, чтобы войско не знало, что Лѣсницкій его другъ и единомышленникъ; посланцы же хорошо знаютъ Лѣсницкаго, потому что три изъ нихъ, Яковъ Остафьевъ, Семенъ Остафьевъ да писарь, живутъ въ Миргородѣ, близко двора Грицка Лѣсницкаго, и знаютъ его изстари; когда и рада у него была, то и они въ той радѣ присутствовали и слышали всѣ его «смутныя» рѣчи.

Въ заключеніе запорожскіе посланцы били челомъ поскорѣе вернуть ихъ съ царскимъ указомъ на Запорожье, потому что до прїѣзда ихъ туда съ указомъ ни гетмана, ни его универсаловъ никто не будетъ слушать; кромѣ того, посланцы опасались, что, когда съ весной придутъ татары, гетманъ, однихъ изъ запорожцевъ ради тѣхъ татаръ оставитъ на Кошу, а другихъ заберетъ съ собой для рады; а гетманомъ его всѣ не желаютъ видѣть и не вѣрятъ ему, потому что онъ не природный запорожскій козакъ, а польскій ротмистръ, взятъ въ бою (при Желтыхъ-Водахъ) въ числѣ языковъ и сдѣланъ отъ Хмельницкаго писаремъ; уже по самой своей природѣ онъ никакого добра войску не желаетъ; жена у него также шляхтянка большого дома и также ничего добраго не желаетъ войску, больше всего думаетъ о польской сторонѣ и поляковъ считаетъ вѣчными своими прїятелями. Выказавъ все это, запорожскіе посланцы, наконецъ, объявили, что изъ всего посланнаго числа ихъ изъ Сичи, три товарища ихъ съ 34 лошадьми остались въ Курскѣ и били челомъ о кормѣ людямъ и лошадямъ ¹⁾).

Ноября 26 дня тѣ же посланцы запорожскіе, Михайло Ивановъ Стрынджа съ товарищами, подали въ посольскій приказъ семь

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 187—190.

статей и въ нихъ частію повторили то, что написано было въ «инструкціи» отъ Коша, и то, о чемъ они вели разговоры съ царскими дьяками, частію прибавили нѣчто новое; такъ, они просили совѣмъ отозвать изъ Украйны Виговскаго, Лѣсницкаго и Тимоша, намѣстника гадячскаго, и другихъ совѣтниковъ и арендарей; просили прислать въ города украинскіе царскихъ воеводъ и ратныхъ людей и собирать «стаціи» на всѣхъ тѣхъ воеводъ и ратныхъ людей съ городовъ Малой Россіи; брать сборы съ мѣщанъ, купцовъ и арендарей всѣхъ королевскихъ, севаторскихъ и кляшторныхъ городовъ, мѣстъ и арендъ и держать всю казну въ стольномъ городѣ Кіевѣ, а ту казну, которая до тѣхъ поръ собиралась и войску запорожскому не давалась, сыскать по квиткамъ (роспискамъ) и въ жалованье войску за прошлые года роздать; приказать Виговскому свезти всѣ привиллегіи и sprawy, также знамена, булавы, бунчуки, бубны, пушки, арматы, въ тотъ городъ, гдѣ будетъ рада для избранія гетмана, и тоже велѣтъ сдѣлать всѣмъ полковникамъ и другимъ чинамъ, по избраніи же новаго гетмана, во избѣжаніе «замятни», велѣтъ Виговскаго и совѣтниковъ или посадить въ крѣпость или же отослать въ Москву; пожаловать посланцамъ царскую грамоту и отпустить ихъ изъ Москвы на Курскъ, Путивль и на черкасскіе государевы города, откуда ихъ будетъ провожать до Запорожья чернь городова, которая отъ гетмана и его совѣтниковъ терпитъ великія обиды и потому для запорожскихъ посланцевъ poradѣтъ и врагамъ своимъ не выдастъ ¹⁾).

Провѣривъ показанія обѣихъ сторонъ, въ Москвѣ хотя и наши, что Виговскій несовѣмъ чистъ, а Барабашъ невольнѣ несправедливъ къ нему, но все-таки гетманскимъ посланцамъ оказали большее вниманіе, нежели посланцамъ кошевого. Это видно изъ того, что послѣднимъ поднесены были подарки далеко не такой цѣнности, какіе поднесены посланцамъ Виговскаго. Барабашевымъ четверемъ человѣкамъ—по сукну по англійскому по доброму, денегъ по 10 рублей; козакамъ первымъ десяти человѣкамъ по сукну по англійскому, денегъ по четыре рубля; другимъ десяти человѣкамъ—по сукну по доброму, денегъ по три рубля; челядникамъ вполы (въ половину). Тогда какъ старшимъ изъ посланцевъ Виговскаго—по камкѣ, по кармазину, по 40 соболей, въ двадцать пять рублей каждый, по десяти рублей денегъ и т. д. ²⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 191—194.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 59.

Тѣ и другіе посланцы были отпущены изъ Москвы ноября 27 дня.

Одновременно съ отправленіемъ посланцевъ въ Москву кошевой атаманъ Яковъ Барабашъ отправилъ къ гетману Виговскому письмо, въ которомъ старался снять съ себя всякое подозрѣніе во враждебныхъ чувствахъ къ нему и въ замыслахъ идти войной на Украину. Но едва-ли можно ошибиться, если сказать, что это письмо написано съ тѣмъ, чтобы выиграть время, пока дойдутъ въ Москву запорожскіе посланцы и принесутъ оттуда такую или иную вѣсть въ Сичу.

«Милостивый пане и добродію нашъ, гетмане его царскаго величества запорожскій. Мы, атаманы и чернь, выслушавъ вашихъ пословъ и прочитавъ ваши письма при всей радѣ, отпускаемъ ихъ до вашей милости, послѣ которыхъ и сами вышлемъ своихъ пословъ, и объявляемъ вашей панской милости обо всемъ, о чемъ мы писали и въ первомъ письмѣ, а именно, что мы и не отрекаемся отъ христіанства и не начинаемъ никакихъ бунтовъ, кромѣ тѣхъ, которые перешли къ намъ изъ миргородскаго повѣта, но они люди бѣдные, не имѣющие ни самопаловъ, ни одежды, ни борошна, и притомъ они всѣ или на половину прибраны нами къ рукамъ; мы же сами, козаки-зимовчаки, имѣя въ городахъ женъ и дѣтей и маетности, не помышляемъ о такомъ своеволіи, которое стало бы проливать кровь народа христіанскаго. Что касается тѣхъ, о которыхъ ты самъ говорилъ намъ, то мы напишемъ списокъ ихъ; рады ихъ мы не послушали, и они, отправившись въ города, метають ересь промежъ васъ и насъ; мы съ ними никакого общаго умысла не имѣемъ и готовы исполнять всякое приказаніе твое: что ты повелишь, то мы и будемъ дѣлать: либо отъ татаръ обороняться, либо противъ ляховъ идти. На города же идти мы, милостивый пане гетмане, и въ мысляхъ своихъ не имѣли, съ охотой пошли бы противъ непріятелей, ляховъ. Подлинно была бы горшая смута, если бы мы пошли грабить и шарпать города и проливать кровь, какъ дѣлають это вышеописанные... Послы вашей милости скажутъ вамъ, какіе тутъ у насъ замыслы. Объявивъ обо всемъ этомъ, отдаемся въ ласку вашей панской милости. Данъ изъ Запорожья, съ Коша, съ Козулины ¹⁾, гѣта 1657, ноября въ 14 день. Вашей панской ми-

¹⁾ Козулина вѣтка ниже Чортомлыка: Эварницкій, Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 105.

лости низжайшіе подножки Яковъ Барабашъ, атаманъ кошевой, со всѣми атаманами и чернью, обрѣтающеюся въ Запорожьѣ, Пашко Савинъ, Марко Корсунецъ, судьи войсковые» ¹⁾).

Посланный изъ Москвы на Украину, октября 22 дня, стряпчій Димитрій Рагозинъ, съ извѣстіемъ о рожденіи царевны Софіи и съ цѣлью развѣдыванія о дѣлахъ въ Малороссіи, передавалъ потомъ въ Москвѣ, что при немъ пріѣхали изъ Запорогъ къ гетману низовые посланцы, которые были челомъ ему съ тѣмъ, чтобы онъ не ходилъ съ козаками на нихъ и никого не посылалъ въ Запорожье, потому что всѣ бунтовщики, воры и заводчики дѣла уже разбѣжались изъ Сичи; кромѣ того, они просили гетмана пропускать къ нимъ торговыхъ людей съ запасами, на что гетманъ отвѣчалъ, что торговыхъ людей онъ прикажетъ пропускать только тогда, когда они пришлютъ къ нему бунтовщика Барабаша. Тутъ же, въ разговорѣ съ Рагозинымъ, гетманъ выразилъ желаніе, чтобы московскій царь воровъ, запорожскихъ козаковъ, поѣхавшихъ мимо воли гетмана въ Москву, или задержалъ въ Москвѣ, или же прислалъ ихъ къ нему: «А если великій государь отпустить ихъ на Запорожье и не изволитъ удержать или не изволитъ ко мнѣ прислать, то у меня для нихъ поставлены заставы по всѣмъ дорогамъ, чтобы ихъ перенимать; кромѣ того, я къ нимъ не велю торговыхъ людей съ запасами пропускать, и имъ нечего будетъ ѣсть» ²⁾). На вопросъ стряпчаго Рагозина, съ чѣмъ пріѣхалъ къ гетману польскій посолъ Вороничъ, Брюховецкій, сворачивая съ больной головы на здоровую, отвѣчалъ, что когда въ Запорогахъ козаки забунтовали и рѣшили было идти на черкасскіе царскаго величества города, то про гетмана пронеслась вѣсть, будто бы онъ былъ убитъ; тогда отъ польскаго короля присланъ былъ посланникъ безъ листа и съ приказаніемъ провѣдать про гетмана и про запорожскихъ козаковъ ³⁾).

Отправляя назадъ, изъ Малороссіи въ Москву, царскаго гонца Димитрія Рагозина, гетманъ Виговскій относительно запорожцевъ писалъ царю, что ляхи и татары, услышавъ о бунтахъ на Запорожьѣ и вообразивъ, что между Украиной и Запорожьемъ открылась междоусобная брань, задумали было ударить на нихъ, но

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 59.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 68.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 66.

Господь Богъ не посчастлилъ замысламъ враговъ: запорожскіе самовольцы, которые посылали къ царю своихъ посланцевъ, уже разошлись, а остальные прислали гетману извинительный листъ; однако гетманъ, упреждая на будущее время всякое своеволие въ Запорожьѣ, отправилъ туда одинъ полкъ своихъ козаковъ, «чтобъ такой своеволѣ распространиться не дали въ то время, когда онъ, гетманъ, на иныхъ царскаго величества неприятелей пойдетъ»¹⁾. Самъ же Рагозинъ доносилъ царю, что гетманскій полкъ отправленъ въ Запороги подѣ предложомъ береженья отъ татаръ²⁾. Въ слѣдъ за этимъ Виговскій вновь доносилъ царю, что крымскій ханъ, узнавъ о бунтахъ въ Запорожьѣ и о замыслахъ козаковъ поднять междоусобную брань, выслалъ въ бѣлогородскія поля Калгу-салтана и велѣлъ ему въ удобный часъ, когда поднимется на Украинѣ мятежь, сдѣлать нападеніе на запорожское войско и украинскіе города, а пока стоять на ханскихъ кишлахъ³⁾ и ждать татаръ⁴⁾.

Въ дѣйствительности самъ Виговскій, обвиняя запорожцевъ въ измѣнѣ царю, думалъ о переходѣ къ польскому королю и ждалъ только удобнаго случая, чтобы осуществить свою мысль. Ведя себя попрежнему весьма осторожно, онъ дѣйствовалъ черезъ своихъ сторонниковъ, въ особенности миргородскаго полковника Григорія Лѣсницкаго, кото́рые старались отвратить массу украинскаго населенія и простыхъ козаковъ отъ московскаго царя, пугая ихъ извѣстіями о разныхъ мѣрахъ, затѣваемыхъ Москвою, и склоняя къ польскому королю. Въ самомъ концѣ мѣсяца ноября 1657 года у Лѣсницкаго и козаковъ была рада и на радѣ полковникъ читалъ какіе-то пункты, будто бы присланные изъ Москвы: «Приказано отъ царскаго величества быть только десяти тысячамъ козаковъ въ Запорожьѣ, а что сверхъ этого окажутся козаки, тѣмъ быть въ драгунахъ и солдатахъ, а съ рандѣ брать все на великаго государя, да съ насъ же (полковниковъ и другихъ старшинъ) брать со всего десятину... Писалъ къ намъ царское величество и шлетъ ближняго своего боярина Алексѣя Никитича Трубецкого съ ратными людьми и съ воеводами, которымъ приказываетъ быть въ нашихъ городахъ. И хочетъ царское величество у насъ волю

1) Акты южной и западной Россіи, IV, 73, 78.

2) Акты южной и западной Россіи, IV, 67.

3) Кишло съ тюркскаго на русскій значитъ селеніе.

4) Акты южной и западной Россіи, V, 78.

отнять по своему желанію, и хочеть съ насъ всякія подати брать, что получается съ орандъ и съ мельницъ на войско запорожское... И какъ царь да Москва возьмутъ въ свои руки, то ужъ нельзя будетъ намъ ходить въ сапогахъ и въ суконныхъ кафтанахъ, и будутъ насъ загонять въ Сибирь или Москву, царь и поповъ къ намъ своихъ наплеть, а нашихъ туда погонить»¹⁾.

Возбудивъ такимъ образомъ сомнѣніе въ русскомъ царѣ относительно вѣрности ему запорожскихъ козаковъ, Виговскій въ то же время старался возбудить сомнѣніе относительно самого царя и его благихъ видовъ на Украину въ малороссіянахъ. Казалось, онъ руководился правиломъ латинской пословицы «раздѣли и покоряй» и сообразно ей поступалъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но такъ какъ ничего не бываетъ тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ, то и подлинныя планы Виговскаго скоро сдѣлались извѣстны въ Москвѣ. Декабря 5 дня, 1657 года, въ Запорожьѣ былъ донской козакъ, нѣкто Григорій Савельевъ, по прозвищу Зять. Выйдя изъ Запорожья, онъ далъ показаніе воеводѣ Семену Львову да дьяку Григорію Башмакову относительно тайныхъ замысловъ Виговскаго и главныхъ сторонниковъ его. Зять рассказывалъ, что въ прошломъ году приходилъ съ Дона въ Запорожье станичный атаманъ Самариновъ съ 300 козаковъ, въ числѣ коихъ былъ и онъ, Григорій Зять, для похода, вмѣстѣ съ запорожцами, подъ крымскіе улусы съ цѣлью захвата языка. Соединясь съ запорожцами, донцы ходили подъ крымскіе улусы, но, не добывъ тамъ языка, возвратились на Донъ, оставивъ въ Запорожьѣ 20 человекъ козаковъ, между коими былъ и Григорій Зять. Послѣ этого запорожцы съ оставшимися донцами три раза ходили подъ Очаковъ и всякій разъ возвращались безъ всякой добычи. Въ это время Зять узналъ, что низовые казаки переняли тайныя листы гетмана Виговскаго, писанныя имъ къ крымскому хану, вычитали тѣ листы на радѣ и изъ нихъ открыли, что Виговскій задумалъ, вмѣстѣ съ миргородскимъ полковникомъ Григоріемъ Лѣсницкимъ, измѣнить московскому царю, соединиться съ польскимъ и шведскимъ королями и съ крымскимъ ханомъ и воевать государевы города. Вычтя тѣ гетманскія письма на радѣ, запорожцы послали отъ себя посланцевъ Михайла Стрынджу и товарищей съ извѣстіемъ о томъ московскому государю и съ запросомъ къ нему, что онъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 42, 62, 63, 66.

прикажетъ, послѣ всего этого, учинить съ гетманомъ Виговскимъ. Къ сказанному донской козакъ прибавилъ, что, находясь въ Запорогахъ, онъ слышалъ о переправѣ крымскаго хана черезъ Днѣпръ для соединенія съ Виговскимъ и видѣлъ намѣреніе запорожцевъ препятствовать ему, но за великою силою татаръ неосмѣлившись сдѣлать такого нападенія. Сверхъ всего этого, Григорій Зять передалъ и о томъ, что противъ Виговскаго явнымъ противникомъ выступилъ полтавскій полковникъ Мартыняъ Пушкаръ, и что гетманъ Виговскій много разъ призывалъ его къ себѣ въ Чигиринъ, но, не дождавшись добровольнаго прихода его, отдалъ приказаніе насильно захватить своего врага.

Обо всемъ этомъ воевода Львовъ и дьякъ Башмаковъ донесли въ Москву: «Да гетманъ же Виговскій не велитъ пропускать къ запорожскому войску пороху и свинцу и запасовъ, и по всѣмъ городамъ и по рѣкамъ поставилъ крѣпкую сторожу... А какъ ему, гетману, вѣдомо учинилось, что его посланниковъ поймали съ листами, то онъ посылалъ по кипенскаго атамана Любчича и велѣлъ взять его къ себѣ въ Чигиринъ и карать за то, что не поймалъ запорожцевъ, ѣхавшихъ къ государю, и не прислалъ ихъ ему, гетману, въ Чигиринъ. Зато теперь гетманъ приказалъ Любчичу, чтобы онъ тѣхъ запорожскихъ козаковъ, которые будутъ возвращаться назадъ отъ государя, поймалъ и прислалъ къ нему въ Чигиринъ. А крымскій ханъ уже переправился черезъ Днѣпръ съ большимъ войскомъ у Очакова, идетъ къ гетману Виговскому и хочетъ ударить на государевы козацкіе и украинскіе города, вскорѣ по зимнему пути» ¹⁾.

Отправленный въ Москву донской козакъ Григорій Зять, добавилъ къ первому своему показанію еще то, что гетманъ Виговскій, по слухамъ, которые ходятъ среди запорожскихъ козаковъ, находится также и въ сношеніяхъ съ поляками, что съ нимъ заодно миргородскій полковникъ Григорій Лѣсницкій, но что чернь въ городахъ малороссійскихъ стоитъ твердо за московскаго царя, а гетману обѣщаетъ во всемъ вредить: когда будутъ возвращаться отъ царя послы запорожскихъ козакозъ, то люди, которымъ гетманъ приказалъ схватить пословъ, къ гетману ихъ не повезутъ; напротивъ, соединятся съ ними и начнутъ хватать гетманскую старшину, которая въ одной думѣ съ нимъ. Татаръ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 80.

же, которые переправились черезъ Днѣпръ на нашу сторону, запорожцы хотѣли побить, но, видя, что ихъ черезчуръ много, не рѣшились на то. Услыша онъ, Григорій Зять, измѣну гетмана въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣ филипповыхъ заговѣнъ, нарочно пошелъ изъ Запорожья, чтобы донести близкимъ людямъ государя о замыслахъ гетмана ¹⁾.

Какъ и слѣдовало ожидать, гетманъ, узнавъ о доносѣ, сдѣланномъ въ Москвѣ донскимъ козакомъ тотъ же часъ отправилъ отъ себя посланцевъ въ Москву, Никифора Емельянова съ двумя товарищами, пятью козаками и съ однимъ крымскій татаринномъ Урасомъ ²⁾, пойманномъ, будто бы, подъ Уманемъ. Прибывшіе въ Москву гетманскіе посланцы говорили, что теперь гетмана всѣ слушаютъ и всѣ съ нимъ живутъ въ согласіи, что на гетманствѣ онъ останется всего три года до тѣхъ поръ, пока возмужаетъ Юрій Хмельницкій; что, будто бы, гетманъ вовсе не думалъ вступать въ дружбу съ крымскими татарами и даже отразилъ ихъ шеститысячный отрядъ, приходившій подъ Умань предъ заговѣнами на филипповъ постъ; что онъ заставилъ ихъ уйти назадъ и добылъ языка, татарина Ураса Рысаева. Однако, этотъ же самый татаринъ, допрошенный въ приказѣ, показалъ, что шли они, татары, всего лишь шесть человекъ къ царевичу Калгѣ въ Аккерманъ; изъ нихъ двое пошли въ Аккерманъ, а четыре поѣхали къ Черкасамъ, чтобы одобычиться тамъ; въ числѣ первыхъ былъ и Урасъ; на нихъ наскочили козаки, одного убили, а его, Ураса, захватили живымъ въ плѣнъ. А что до ратныхъ крымскихъ людей, то всѣ они находятся пока съ царемъ въ Крыму и выйдутъ на Украину только тогда, когда станутъ рѣки, и то по просьбѣ гетмана, который самъ присылалъ къ крымскому хану пословъ, чтобы быть имъ въ дружбѣ.

Однако, московскій царь и тутъ не повѣрилъ или не хотѣлъ повѣрить справедливымъ вѣстямъ объ истинныхъ симпатіяхъ гетмана къ татарамъ и ляхамъ и о несомнѣнной антипатіи его къ Москвѣ. Царь даже одарилъ гетманскихъ посланцевъ и мирно отпустилъ ихъ назадъ ³⁾.

И такъ, ни запорожцы, ни донцы, ни даже сами татары не успѣли поколебать вѣры царя въ гетмана Виговскаго. Но теперь

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 81.

²⁾ Называемый иначе Ураско, Оразъ Рысаевъ.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 82, 83.

противъ него выступилъ собственный полковникъ Мартынъ Ивановичъ Пушкаръ. Лѣтописцы различно объясняютъ причины вражды Пушкаря къ Виговскому. По однимъ, болѣе близкимъ къ описываемому событію, Пушкаръ ожесточенъ былъ противъ Виговскаго за то, что не былъ приглашенъ въ Переяславъ при окончательномъ избраніи Виговскаго на гетманство ¹⁾. По другимъ, стоящимъ дальше отъ описываемыхъ событій, лѣтописцамъ, за то, что Виговскій вмѣсто того, чтобы «быть только за гетмана», сдѣлался настоящимъ гетманомъ ²⁾. Въ царской грамотѣ говорится на этотъ счетъ, что полковникъ Пушкаръ дѣйствовалъ по наущенію посланцевъ Барабаша, Михайла Стрынджи съ товарищами ³⁾. Такъ или иначе, но Мартынъ Пушкаръ, провѣдавъ, куда протягиваетъ свои руки гетманъ, тотчасъ же рѣшился объявить себя противъ его замысловъ. Гдѣ же долженъ былъ Пушкаръ искать себѣ сочувствія и помощи противъ Виговскаго? Нигдѣ, какъ въ Запорожѣ. И такъ, Пушкаръ снесся съ запорожцами и сталъ просить у нихъ помощи для борьбы, которую онъ имѣлъ открыть съ гетманомъ. Запорожцы дали Пушкарю 600—700 чело-вѣкъ добраго товариства съ Яковомъ Барабашемъ во главѣ и отправили ихъ въ Полтаву. Въ Полтавѣ Пушкаръ присоединилъ къ запорожцамъ свой полкъ и готовился оказать сопротивленіе Виговскому. Послѣдній, видя вооруженіе Пушкаря и неприязнь къ себѣ запорожцевъ, пытался сперва подѣйствовать на Пушкаря путемъ убѣжденія, но, не успѣвъ въ этомъ, отправилъ посланца къ крымскому хану съ просьбой о помощи. Ханъ отвѣчалъ, что онъ все сдѣлаетъ, чего потребуетъ отъ него гетманъ ⁴⁾.

И такъ, затѣвалась борьба Виговскаго и его сподвижниковъ, тайныхъ враговъ Москвы, и Мартына Пушкаря и его союзника Якова Барабаша, явныхъ сторонниковъ Москвы. Сама Москва была на сторонѣ гетмана, во-первыхъ, потому, что она поддерживала принципъ должнаго повиновенія властямъ, а во-вторыхъ, потому, что Виговскаго защищалъ весьма извѣстный и весьма вліятельный въ то время человекъ, нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ.

Въ продолженіи всего этого времени запорожскіе посланцы

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 317.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 2.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 199.

⁴⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 317.

Михайло Стрынджа и товарищи, отправленные въ Москву съ перехваченными листами отъ гетмана къ крымскому хану, все еще не успѣли возвратиться назадъ. Принятые царемъ въ Москвѣ, они выѣхали въ обратный путь только въ половинѣ января 1658 года и везли съ собой царскую грамоту къ войску «для полной рады» ¹⁾. Доѣхавъ до города Путивля, Стрынджа послалъ въ Полтаву къ полковнику Мартыну Пушкарю козака съ просьбой выслать ему въ Путивль, для охраны отъ Виговскаго, нѣсколько десятковъ челоувѣкъ собственныхъ козаковъ и дать извѣстіе въ Сичь, чтобы за порогами Днѣпра товарищи Стрынджи не печалились о немъ, потому что онъ благополучно возвращается назадъ съ данными грамотами и жалованьемъ отъ царя. Пушкарь, получивъ просьбу Стрынджи, далъ извѣстіе о немъ въ Запорожье и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ отъ себя двухъ козаковъ въ Путивль, Данила Герасимова и Ярему Маркова, предупредить Стрынджу о томъ, что Виговскій, жестокой врагъ запорожцевъ, затѣявшій «злую и явственную противъ царскаго величества прехитрость», стережетъ запорожскихъ пословъ въ Константиновѣ и хочетъ поймать ихъ. Пушкарь горячо убѣждалъ Стрынджу не вѣрять никакимъ клеветамъ и обнадешиваніямъ Виговскаго, который, забывъ Бога, правду и крестное царскому величеству цѣлованіе, съ обманомъ живетъ и съ хитростію отъ царя отступаетъ: «Васъ, товарищей моихъ, прилежно прошу и оберегаю пребывать въ береженьѣ отъ Виговскаго, всѣмъ воеводамъ и окольничьимъ объ измѣнѣ его вѣсть чинить, чтобы намъ, христіанамъ, вѣру православную и церкви божіи соблюсти». Предостерегая Стрынджу о коварствѣ Виговскаго, Пушкарь вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ его, что на Запорожьѣ поставлено полтораста товарищей, а въ Великомъ-Лугу, при Паломѣ, занявъ нѣсколько улусовъ, двѣсти челоувѣкъ козаковъ ожидаютъ счастливаго возвращенія своихъ пословъ. Получивъ листъ Пушкаря, Стрынджа передалъ его путивльскому воеводѣ Зюзину и сталъ просить воеводу отпустить его, Михайла Стрынджу, и двухъ черкасъ, отъ Пушкаря присланныхъ, въ Москву. Воевода Зюзинъ отправилъ письмо Пушкаря къ царю, но самого Стрынджу, безъ царскаго указа не рѣшился отпустить въ Москву ²⁾.

1) Акты южной и западной Россіи, XV, 83.

2) Акты южной и западной Россіи, IV, 88, 91; XV, 10.

Письмо Пушкаря къ запорожцамъ написано было января 19 дня, а февралѣ 6 дня Пушкаръ написалъ письмо самому воеводѣ Зюзину. Въ письмѣ Зюзину Пушкаръ прежде всего старался увѣрить воеводу въ измѣнническихъ замыслахъ и недоброжелательствѣ Виговскаго къ московскому царю: гетманъ царскому величеству измѣнилъ и, помирившись съ ляхами и ордой, идетъ на украинные города и хочеть взятъ и огнемъ всю Украину разорить; потомъ Пушкаръ извѣщалъ воеводу, что онъ отправилъ въ Москву своихъ посланцевъ, Петра Яковенка съ товарищами, для выраженія собственной вѣрности царю и готовности служить противъ всѣхъ супостатовъ его; наконецъ, просилъ воеводу снабдить его посланцевъ подводами и продовольствіемъ и поскорѣе отпустить въ Москву, а запорожскихъ посланцевъ, прибывшихъ изъ Москвы въ Путивль, поскорѣе отправить въ Сичь. Воевода Зюзинъ и это письмо Пушкаря отослалъ въ Москву ¹⁾.

Царь, получивъ эти извѣстія отъ Зюзина, попрежнему, не придавъ особенной вѣры словамъ Пушкаря, не позволилъ вернуться Стрынджѣ назадъ, и Стрынджа, пробывъ долгое время въ Путивлѣ, самъ потомъ безъ отпуска въ Запорожье ушелъ ²⁾.

Не вызвавъ должнаго вниманія къ себѣ со стороны московскаго царя, зато, заручившись полнымъ содѣйствіемъ со стороны низовыхъ козаковъ, полковникъ Пушкаръ рѣшилъ выступить противъ Виговскаго съ оружіемъ въ рукахъ: «И тогда воспалися огонь междоусобной козацкой брани на Украинѣ» ³⁾. Въ ту пору, еще отъ времени Богдана Хмельницкаго, на Украинѣ жили особыя наемныя или такъ-называемыя затыжныя войска, состоявшія изъ сербовъ, волоховъ, поляковъ и нѣмцевъ, нанимавшіяся за деньги воевать за кого угодно и противъ кого угодно. Виговскій послалъ противъ Пушкаря двухъ полковниковъ, Ивана Богуна съ козаками да Ивана Сербина съ наемными сербами, всего до 1.500 человекъ.

Однако, этотъ походъ окончился для Виговскаго самымъ неожиданнымъ образомъ. Успѣхъ предпріятія зависѣлъ отъ быстроты дѣйствій гетманскаго войска. Гетманъ же самъ остался въ Чигиринѣ, а Богуну и Сербину приказалъ идти на Полтаву. Но сербскій полкъ, по ошибкѣ, не попалъ въ Полтаву, а пришелъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 93, 94.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 126.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 326.

къ мѣстечку Великимъ-Будищамъ. Пушкарь въ-время узналъ объ этой ошибкѣ своихъ противниковъ, немедленно выслалъ противъ нихъ запорожскаго полковника, Якова Барабаша, съ частью городского и запорожскаго войска, котораго «всего до шести и седмисотъ быти могло» ¹⁾. Яковъ Барабашъ, какъ опытный и бывалый вождь, рѣшился воспользоваться ошибкою противниковъ; онъ немедленно выступилъ со своими козаками изъ Полтавы къ Диканькѣ и тутъ, за долиною Голтвою, противъ байрака Роганькумова, неожиданно напалъ на сербовъ. Сербы, не предвидя опасности, спокойно сидѣли и готовили себѣ обѣдъ. Барабашъ нанесъ имъ рѣшительное пораженіе. Битва произошла января 25 дня ²⁾.

Но сторонниковъ Виговскаго не испугала эта первая неудача, и миргородскій полковникъ Лѣсницкій немедленно разослалъ приказанія въ полки другихъ полковниковъ, чтобы всѣ начальники за одну ночь поспѣшили къ нему съ войскомъ и вмѣстѣ съ нимъ ударили бы на Пушкаря и Барабаша. Тогда, по зову Лѣсницкаго, собрались: нѣжинскій полковникъ Гуляницкій, лубенскій Павелъ Швець, черниговскій Оникій Селичихей, прилуцкій Петро Дорошенко; къ нимъ присоединился и самъ Лѣсницкій съ полкомъ. Пушкарь, слыша о сборахъ своихъ противниковъ, въ свою очередь, старался усилиться войсками: онъ сталъ приглашать къ себѣ всѣхъ охотниковъ до войны; тогда къ нему потянулись винники, броварники, пастухи, наймиты. Пушкарь вооружилъ ихъ чѣмъ попало: рогатинами, косами, кіями, составилъ изъ нихъ особый полкъ такъ-называемыхъ «дейнековъ», присоединилъ къ нимъ собственный полтавскій конный полкъ и затѣмъ отрядъ запорожскихъ козаковъ съ Яковомъ Барабашемъ во главѣ, послѣ чего рѣшился двинуться противъ Гуляницкаго къ Миргороду. Но Гуляницкій уклонился отъ битвы и отступилъ отъ Миргорода къ Лубнамъ, боясь, чтобы собственное его войско не перешло на сторону Пушкаря. Отъ Лубенъ Гуляницкій отступилъ дальше къ Лохвицѣ. Пушкарь всюду слѣдовалъ за Гуляницкимъ, но, не могши ему причинить вреда, повернулъ отъ Лохвицы на Глинское, а оттуда восвоися; на обратномъ пути онъ много принесъ «шкоды» войску Гуляницкаго ³⁾.

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 925.

²⁾ Величко, Лѣтопись, I, 326; Акты южной и западной Россіи, IV, 95.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 329.

Въ это самое время пріѣхалъ изъ Москвы на Украину бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, имѣвшій порученіе отъ царя утвердить на новой радѣ Ивана Виговскаго въ званіи малороссійскаго гетмана. Рада собрана была въ начальныхъ числахъ февраля, въ городѣ Переяславѣ, и на ней Виговскій, выбранный въ третій разъ гетманомъ, утвержденъ былъ со стороны царя. Принимая гетманскую булаву изъ рукъ московскаго посла, гетманъ и вся рада принуждены были согласиться на присылку воеводъ въ украинскіе города.

На радѣ въ Переяславѣ не были ни Яковъ Барабашъ, ни Мартынъ Пушкаръ: во все это время они стояли въ Гадячѣ, не осмѣливаясь напасть на Виговскаго въ Переяславѣ, потому что тамъ былъ посолъ московскаго царя, которому они вѣрно служили. Февраля 18 дня того же 1668 года царскій посолъ уѣхалъ изъ Переяслава, а марта 3 дня запорожскому посланцу Михайлѣ Стрынджѣ, ѣздившему отъ кошевого атамана Якова Барабаша въ Москву, данъ былъ подарокъ три пары соболей въ пять, въ четыре и въ три рубля, чтобы онъ отъ бунтовъ унялся, полковника Пушкаря и другихъ заводчиковъ уговаривалъ и тѣмъ великому государю служилъ. Кромѣ того, данъ былъ подарокъ, соболь въ два рубля, сыну полковника, Андрею Пушкарю, за то, что онъ уговорилъ Мартына Пушкаря пріѣхать въ Лубны и распустить войска. Самъ полковникъ Пушкаръ за то же дѣло получилъ три пары въ пять рублей и одну пару въ четыре рубля ¹⁾). Царь грамотою, писанною апрѣля 6 дня, извѣщалъ малороссійскихъ полковниковъ о томъ, что Мартынъ Пушкаръ билъ челомъ и учинилъ вѣру царскому величеству передъ окольничимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово въ городѣ Лубнахъ, обѣщалъ быть въ послушаніи у великаго государя и бунтовъ никакихъ не вчинать ²⁾).

Такъ, Виговскій, искусно разыгрывая роль преданнѣйшаго московскому царю слуги, утвержденъ былъ на гетманскомъ урядѣ и въ Переяславѣ, а между тѣмъ ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ писалъ своему отцу, Остафію Виговскому, въ городъ Гоголевъ, что, въ виду приглашенія его, съ одной стороны, въ Москву, а съ другой—въ виду сборовъ большой рати въ Польшѣ и Литвѣ, онъ, оглядываясь во всѣ стороны, не знаетъ, на что ему рѣшиться.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 102.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 199.

«Ума не приложу, не вѣдая, въ какую бы мнѣ сторону обернуться; прошу тебя, отецъ мой добродѣй, посовѣтуй мнѣ» ¹⁾).

Тѣмъ временемъ запорожцы, по отъѣздѣ воеводы Хитрово изъ Лубенъ, лишили кошеводства своего прежняго атамана Пашка и выбрали вмѣсто него какого-то Шкурку ²⁾ и на радѣ, собганной марта 20 дня, постановили или идти на Чигиринъ, или же, перебравшись черезъ Самарь, идти къ полковнику Пушкарю и «по травѣ» начинать раду. Въ это-же время малороссійскіе козаки напали на шурина Виговскаго, Ивана Бублевскаго, замучили его «мучительно», тѣло бросили псамъ на свѣденіе и не позволили бывшему при немъ монаху предать прахъ землѣ. Источникомъ всѣхъ бѣдствій гетманъ Виговскій считалъ царскую грамоту, данную запорожскимъ посланцамъ Михайлѣ Стрынджѣ съ товарищами: обращая смыслъ этой грамоты въ свою пользу и выпуская молву о царской милости сдѣлать вольное избраніе на Запорожѣ гетмана, запорожцы тою грамотою такъ взбунтовали украинцевъ, что они, побросавъ женъ, дѣтей и дома, ушли изъ городовъ въ Запорожье для избранія въ гетманы человѣка, который имъ будетъ любъ ³⁾.

Видя надвигавшіяся отовсюду тучи и желая обезопасить собственную личность, гетманъ Иванъ Виговскій отправилъ въ Москву посланцевъ, полковниковъ Григорія Лѣсницкаго, Прокофія Бережецкаго и Ивана Богуна, съ извѣщеніями о дѣлахъ Запорожья и Украйны и различными мѣропріятіями для усмиренія бунтовщиковъ и гультаевъ, заводящихъ смуты. Посланцы прибыли въ Москву апрѣля 20 дня съ инструкціями отъ гетмана и подверглись въ посольскомъ приказѣ троекратному допросу, въ первый разъ отъ дьяка Ефима Юрьева, во второй разъ отъ боярина Василя Борисовича Шереметева, окольникьяго Богдана Матвѣевича Хитрово, дьяковъ Алмаза Иванова и Ефима Юрьева, и въ третій разъ отъ боярина Василя Борисовича Шереметева съ товарищами.

Посланцы прежде всего высказали желаніе гетмана послать въ шесть малороссійскихъ городовъ—Бѣлюк-Церковь, Корсунь, Нѣжинъ, Полтаву, Черниговъ и Миргородъ—царскихъ воеводъ;

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 105.

²⁾ Въ разныхъ актахъ онъ называется то Шекуркой, то Шкуркоѣ.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 218.

для Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго, который допустилъ воеводу лишь въ одинъ городъ Кіевъ, воеводы въ шести новыхъ городахъ были новымъ явленіемъ. Затѣмъ посланцы предложили оставить на Украинѣ только 60.000 человекъ козаковъ, а остальныхъ вынести за реестръ и чрезъ то съ теченіемъ времени привести въ спокойное настроеніе всю Украйну.

— Вы бьете челомъ, чтобъ великій государь изволилъ послать въ войско запорожское комиссаровъ и учинить бы списковое число войска въ 60.000 человекъ; но въ инструкціи, какую вы подали, о томъ не пишутъ ни гетманъ, ни полковники, а потому можно-ли вѣрить, что вы бьете челомъ отъ всего войска?

— Царскому величеству бьемъ челомъ о томъ по приказанію гетмана и всего войска запорожскаго.

— Коли о томъ дѣлѣ приказали вамъ бить челомъ царскому величеству гетманъ и все войско запорожское, то вамъ бы для вѣрности подписаться къ челобитью своими руками.

По этому слову Лѣсницкій приказалъ писарю своему подписаться вмѣсто полковника и его товарищей на челобитномъ листѣ, и допросъ продолжался снова.

— Прежде сего сказывали вы дяку Ефиму Юрьеву, что когда Иванъ Донецъ шелъ на чигиринскій полкъ, то многихъ людей посякъ, порѣзалъ и пограбилъ, а вчера, будучи у боярина царскаго величества, вы про то не сказывали.

— Какъ окольникій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово съ товарищами пошелъ изъ Лубенъ, то послѣ него пошелъ изъ Лубенъ къ себѣ и полковникъ Мартинъ Пушкаръ, а Иванъ Донецъ сталъ собирать гультяевъ въ Лохвицѣ и, собравшись съ ними, пошелъ на чигиринскій полкъ; дорогою гультяи побили много людей и пограбили; въ то же время, слыша объ этомъ походѣ, взбунтовались своевольники въ Миргородѣ и Лохвицѣ и убили двухъ сотниковъ и трехъ челядниковъ Лѣсницкаго. Однако, Ивана Донца съ его гультяями удержалъ Мартынъ Пушкаръ.

— Вчера вы говорили, что полковникъ Пушкаръ уже усмирися, живетъ дома и войско свое распустилъ, а бунты чинить новоизбранный миргородскій полковникъ Степанъ Довгаль.

— Всѣ бунты сперва начались отъ Пушкаря; а нынѣ онъ и самъ тѣмъ бунтамъ не радъ, и радъ бы усмириться, да не можетъ отъ того отстать, потому что его сбиваютъ съ пути Стрынджа

и Донецъ; теперь своевольниковъ еще больше умножилось и, нужно думать, что Пушкарю быть убитымъ отъ нихъ.

— Писалъ къ царскому величеству гетманъ Иванъ Виговскій, что своевольники оставили въ Запорожьѣ прежняго кошевого атамана Пашкѣ и выбрали иного кошевого Шкурку и собираются идти на Чигиринъ и другіе черкасскіе царскаго величества города, а главные бунтовщики Стрынджа и Донецъ пошли въ Запорожье; они стали разсылать свои листы о томъ, будто царское величество позволилъ имъ собрать раду на Солоницѣ, по травѣ, и будто къ нимъ отъ царскаго величества идетъ 40.000 ратныхъ людей на помощь; поѣтому гетманъ просилъ великаго государя послать на Запорожье свою грамоту и добраго дворянина усмирить тѣхъ бунтовщиковъ и своевольниковъ. И великій государь свою грамоту послалъ и въ той грамотѣ написано, какова именно дана была прежняя съ Михайломъ Стрынджею грамота, и тѣмъ словамъ, что вмѣщаетъ Стрынджа, козаки не вѣрили бы и отъ бунтовъ отстали. По приѣздѣ же въ Запороги велѣно было тому дворянину собрать раду, на ней прочесть всѣмъ людямъ царскую грамоту и на радѣ же объявить въ слухъ, что тѣ, кто вмѣщаль въ мѣръ смутныя рѣчи, должны быть, по войсковому праву, наказаны для того, чтобы другимъ поднимать смятеніе и начинать бунты не повадно было.

— За ту премногую милость государя гетманъ и все войско челомъ бьютъ и просятъ, чтобы великій государь приказалъ своему дворянину, который будетъ посланъ на Запорожье, прежнюю свою грамоту, посланную со Стрынджею, отобрать назадъ, потому что чрезъ ту грамоту запорожцы вносятъ вездѣ смуту и рассказываютъ, будто имъ велѣно противниковъ своихъ избивать; дворянина же того надо направить въ Путивль и изъ Путивля въ Чигиринъ, откуда гетманъ направить его прямѣе, дать ему провожатыхъ и подводы; на Полтаву же ему ѣхать будетъ небезопасно отъ бунтовщиковъ... А Пушкарь послалъ въ Запороги своего старшаго сына возбуждать бунтовщиковъ и своевольниковъ на гетмана и на черкасскіе города; въ томъ же бунтовствѣ съ нимъ миргородскій полковникъ Довгаль; всѣ своевольники собираются нынѣ на Запорогахъ ¹⁾.

Въ заключеніе гетманскіе посланцы подали царю въ Москвѣ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 206—215, IV, 107—111.

одиннадцать просительныхъ статей, въ которыхъ повторили то, о чемъ говорили въ посольскомъ приказѣ съ боярами и дьяками¹⁾.

Москва спѣшила воспользоваться предложеніемъ гетмана Виговскаго и послала въ Кіевъ воеводой боярина Василя Борисовича Шереметева для приведенія въ реестръ малороссійскихъ козаковъ

Отъѣзжая изъ Москвы, полковникъ Лѣсницкій просилъ царя, чтобы онъ укротилъ «своимъ высокимъ разсмотрѣніемъ» давнихъ крамольниковъ, Мартына Пушкаря и Якова Барабаша²⁾.

Въ слѣдъ за отъѣздомъ гетманскихъ посланцевъ отправлены были на Украину три царскихъ, одинъ за другимъ, посла: стольники Иванъ Даниловичъ Опухтинъ съ дворяниномъ Никифоромъ Волковымъ, Иванъ Алфимовъ и Петръ Скуратовъ. Стольникъ Опухтинъ, выѣхавъ изъ Москвы, свидѣлся съ Виговскимъ мая 1 дня, 1658 года, и прежде всего долженъ былъ выслушать отъ гетмана жалобу на Пушкаря и Барабаша, разорявшихъ, по его словамъ, вмѣстѣ съ разными гультаями и запорожскими козаками города и села и убивавшихъ людей и грабившихъ ихъ имущество. Пушкаръ, забывъ свое крестное цѣлованіе, призвалъ къ себѣ Барабаша съ запорожцами и вновь сталъ проливать кровь христіанскую; онъ разсылаетъ письма по городамъ, въ нихъ гетмана называетъ ляхомъ, объявляетъ, что царское величество пожаловалъ ему для войны пушки, знамена и 40.000 ратныхъ людей. Гетманъ жаловался на него и царю, посылалъ къ нему и собственныхъ посланцевъ съ приказаніемъ прекратить ссоры, но Пушкаръ не послушалъ гетмана, а его пословъ сталъ бить и въ воду сажать. По всему этому, а не по чему другому, гетманъ призвалъ къ себѣ татарскую орду въ 40.000 человекъ³⁾ съ мурзою Карачъ-беємъ во главѣ, заключилъ съ нею договоръ и договоръ скрѣпилъ шертью на томъ, чтобы стоять противъ Пушкаря и Барабаша и противъ всѣхъ, кто будетъ идти на гетмана войной. Стольникъ Опухтинъ началъ было отговаривать гетмана, чтобы онъ татаръ за Днѣпръ не пускалъ и самъ войною противъ Пушкаря не ходилъ, обо всемъ бы государю черезъ гонцовъ сообщилъ, а самому ему, Опухтину, позволилъ бы по-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 215—217.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 329.

³⁾ Число войска у лѣтописцевъ показано различно: у Величка (I, 330) 10.000; у Самовидца 40.000 (53).

ѣхать къ Пушкарю и уговорить его всякіе бунты прекратить. Но гетманъ ничего этого въ резонъ не принялъ и мая 4 числа, собравшись съ козаками, вышелъ изъ Чигирина противъ своихъ враговъ, покинувъ въ Чигиринѣ самого стольника Опухтина и дворянина Волкова. Дойдя до Днѣпра, гетманъ послалъ Опухтину письмо и въ немъ снова повторилъ свою жалобу на Пушкаря и Барабаша. По его словамъ, Барабашъ, выйдя изъ Запорожья, прошелъ Потокъ, Омельникъ и остановился въ Кременчугѣ, откуда имѣеть идти до Максимовки и потомъ соединиться съ Пушкаремъ и идти опустошать украинные города ¹⁾).

Для того, чтобы усмирить Пушкаря и Барабаша, отправленъ былъ другой посолъ, стольникъ Иванъ Алфимовъ, лично къ Мартыну Пушкарю съ грамотою отъ царя. Выѣхавъ изъ Москвы, онъ прибылъ мая 9 дня въ первый черкасскій городъ Константиновъ. Въ Константиновѣ посолъ узналъ, что Пушкарь вышелъ изъ Полтавы и расположился станомъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Миргорода. Тогда Алфимовъ взялъ провожатыхъ у полковника Степана Довгала и направился въ обозъ Пушкаря. Не доѣзжая обоза, Алфимовъ былъ встрѣченъ полковникомъ Мартыномъ Пушкаремъ и кошевымъ атаманомъ Яковомъ Барабашемъ; при Пушкарѣ было около 2.000 человекъ козаковъ, при Барабашѣ нѣсколько запорожцевъ да 3 небольшихъ, вывезенныхъ изъ Коша, пушекъ; обозъ находился на рѣкѣ Голтвѣ, подъ Краснымъ лугомъ. Въ лагерѣ стольникъ Алфимовъ вручилъ Пушкарю государеву грамоту и, кромѣ того, на словахъ сказалъ ему, чтобы онъ бунты всѣ прекратилъ; новой рады для выбора гетмана отнюдь не заводилъ; съ гетманомъ въ совѣтѣ, любви и послушаніи жилъ; Ивану Донцу, распускающему слухъ о присылкѣ на Украину 40.000 ратныхъ людей, не вѣрилъ; всѣхъ своевольниковъ унималъ и никакого кровопролитія не допускалъ, а чрезъ то, что онъ полковника Богуна съ 500-ми человекъ побилъ, государь, для обереженія самого же Пушкаря въ городъ Полтаву воеводу послать приказалъ. Пушкарь, не признавая себя виновнымъ, отвѣчалъ, что Иванъ Донецъ дѣйствовалъ самъ по своей волѣ, а полковника Богуна и его 500 человекъ хотя онъ и разбилъ, то въ этомъ самъ гетманъ виноватъ: онъ прислалъ Богуна съ 1.500 человекъ сербовъ и тѣ сербы начали православныхъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 233—237.

христіанъ въ полтавскомъ уѣздѣ разорять и въ полонъ ихъ хватать; оттого и побилъ онъ ихъ 500 человекъ, обороняя себя ¹⁾).

Послѣ объясненія съ царскимъ стольникомъ собрана была рада и на ней читана была царская грамота, въ которой сказано было, чтобы полковникъ Пушкарь разъ навсегда оставилъ всякія ссоры и жилъ бы съ гетманомъ въ совѣтѣ, любви и послушаніи, а Якова Барабаша, Михайла Стрынджу и Ивана Донца ни въ чемъ бы не слушалъ, потому что они дѣлаютъ бунты, говоря, будто бы весной имѣетъ быть рада для избранія гетмана. Выслушавъ царскую грамоту, полковникъ Пушкарь отвѣчалъ, что государеву повелѣнію онъ слушаться радъ, но только зачѣмъ же гетманъ Виговскій, перейдя Днѣпръ съ козаками и татарами, расположился въ 20 верстахъ отъ табора Пушкаря и разорять церкви божіи, проливаетъ кровь христіанскую и хватаетъ людей въ полонъ? На это царскій стольникъ возражалъ, что всѣ эти бѣдствія происходятъ отъ самого же Пушкаря и могутъ прекратиться по его же волѣ, если онъ согласится быть въ послушаніи у гетмана.

Когда стольникъ Иванъ Алфимовъ велъ разговоры съ полковникомъ Пушкаремъ, въ это время къ нему подошелъ Яковъ Барабашъ и сталъ спрашивать, нѣтъ-ли у стольника какого-нибудь царскаго приказа и для кошевого. На это стольникъ отвѣчалъ, что, по указу великаго государя къ нему, Барабашу, посланъ особо дворянинъ Никифоръ Волковъ. Но на это Барабашъ возразилъ, что ни Волкова, ни другого кого онъ еще не видалъ. Тогда царскій стольникъ спросилъ Барабаша, зачѣмъ онъ вышелъ изъ Коша съ войскомъ на Украину. На этотъ вопросъ Барабашъ отвѣчалъ, что вышелъ для того, чтобы учинить раду и на ней выбрать гетмана, для чего и царская грамота запорожцамъ дана. Алфимовъ сказалъ Барабашу, что хотя такая грамота и дана запорожскимъ козакамъ, но это сдѣлано было тогда, когда еще не былъ избранъ въ гетманы Иванъ Виговскій; для избранія же гетмана посланъ былъ бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово; при немъ собрана была въ Переяславѣ рада и на этой радѣ полковники, сотники, асаулы, козаки и чернь выбрали гетманомъ Ивана Виговскаго. Теперь же, не смотря на то, онъ, Барабашъ, соединяется съ разными бунтовщиками, думаетъ новаго гетмана, по своей

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 221—224.

волѣ, избрать и съ тѣми же своевольниками вновь христіанскую кровь хочеть проливать. Въ это время къ разговаривавшимъ Алѣимову и Барабашу стали подходить другіе бунтари—миргородскій писарь Сенча, миргородскій козакъ Яковъ Черниговецъ и запорожскій козакъ Михайло Стрынджа съ товарищами; собравъ возлѣ себя множество людей, они подняли большой крикъ, начали бунтовать и сдѣлали войсковую раду своимъ полкомъ ¹⁾).

Это объясненіе стольника Алѣимова съ Пушкаремъ происходило мая 14 дня; въ тотъ же самый день гетманъ отправилъ универсалъ къ запорожцамъ и полтавскому полку о томъ, чтобы они не вѣрили своей старшинѣ и покорились ему, какъ настоящему ихъ вождю, истинно преданному его царскому величеству.

«Иванъ Виговскій гетманъ съ войскомъ его царскаго величества запорожскимъ, старшинѣ и черни, изъ Запорожья вышедшей, также сотникамъ, атаманамъ и всему товариству войска его царскаго величества запорожскаго, особенно находящимся въ полку полтавскомъ, желаемъ добраго здравія отъ Господа Бога. Не знаемъ и до настоящаго времени, чьимъ наученіемъ и по какому поводу, вышедши изъ Запорожья; вы чините на насъ, все войско его царскаго величества, безвинныя похвалки, обѣщая отобрать у насъ пожитки наши и жизнь. Хотя намъ даже уже наскучило слышать отъ частыхъ людей о безвинныхъ убійствахъ, однако, мы были терпѣливы до тѣхъ поръ, пока вы, пришедши къ Кременчугу и ближнимъ къ нему городамъ, также къ Чигирину, не стали грозить намъ совершеннымъ истребленіемъ. Побуждаемые этимъ, мы пошли защищать нашу жизнь, а не проливать христіанскую кровь, какъ увѣряетъ васъ въ томъ ваша старшина, возбуждая противъ насъ, и усмирить и отвратить людей своевольныхъ и распущенныхъ отъ человѣческой крови. Мы имѣли отъ его царскаго величества изыщный указъ, чтобы намъ жить безъ всякой мести, прекративъ ссоры и непріятности. И такъ мы воздержались вслѣдствіе указа его царскаго величества, надѣясь, что и вы будете послушны волѣ его. Однако, ваша старшина и теперъ, добывъ себѣ какія-то особыя грамоты, производить злою ложью возбужденіе въ средѣ своихъ же братій, обходя обманами вашу простоту. Въ этомъ вы можете убѣдиться изъ той грамоты, которая нынѣ вновь прислана къ намъ и ко всей стар-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 223—225.

шинѣ и къ черни запорожской черезъ Никифора Хрисанфовича Волкова, дворянина его царскаго величества; еслибъ послать вамъ списокъ съ этой грамоты, вы бы меньше вѣрили; но лучше было бы, если бы вы сами прислали двухъ разсудительныхъ товарищей, чтобъ имъ прочесть грамоту и чрезъ нихъ прислать списокъ вамъ. Въ той грамотѣ ясно и основательно пишетъ его царское величество, что онъ не даетъ позволенія ни на какія своеволія, но приказываетъ жить всему товариству въ любви и единеніи, подъ нашимъ послушаніемъ. Можете изъ того узнать о нашей правотѣ и истинности, что его царское величество, принявъ милостиво и ласково нашихъ пословъ, Прокопа Бережецкаго и Ивана Богуна, отпустилъ ихъ съ милостію, отправивъ послѣ нихъ съ почестію и Григорія Лѣсницкаго, миргородскаго полковника; а Искру ¹⁾ съ другими, за ихъ плутни и неправду, приказалъ удержатъ въ столицѣ. А если бы вы этому не повѣрили, то можете узнать изъ самаго дѣла, не видя ихъ возврата; его царское величество и къ намъ писалъ, что они не будутъ выпущены до тѣхъ поръ, покуда не будетъ челобитья отъ насъ къ его царскому величеству. А что нѣкоторые изъ вашей старшины болтаютъ, якобы мы наняли орду для пролитія крови христіанской, то того они не въ состояніи доказать... Самъ Барабашъ можетъ быть свидѣтелемъ нашей ласки и разсудительности къ нему,—Барабашъ, который, хотя передъ тѣмъ и много дурного сдѣлалъ намъ, однако, ничѣмъ изъ своей маетности не былъ ограбленъ нами, какъ онъ лжетъ на насъ; напротивъ того, и хлѣбомъ и деньгами былъ вспомоствуемъ отъ насъ, какъ и теперъ, если бы онъ оставилъ тотъ злой умыселъ и возвратился къ намъ, никакого мщенія и вражды отъ насъ не увидѣлъ бы. Пусть ни онъ, ни другіе не прельщаютъ васъ деньгами, приславными его царскимъ величествомъ въ уплату вамъ за четыре года, которыхъ мы у себя не имѣемъ, да и вы не можете надѣяться получить, — спрашивайте ихъ у вашихъ старшинъ, которые за всѣ тѣ годы и по настоящее время держатъ у себя и винныя и табачныя аренды полтавскаго полка, а мы въ тѣхъ пожиткахъ никакой корысти не имѣемъ и возвратитъ ихъ не можемъ. Думайте же да скорѣе присылайте къ намъ товариство, а если этого теперъ не захотите сдѣлать, то послѣ не будетъ времени, потому что война уже начинается» ²⁾.

¹⁾ Посланца полковника Мартына Пушкаря.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 119, 120.

Слыша о приготовленіи гетмана къ войнѣ и о призваніи имъ для того татаръ, московскій царь не могъ уже оставить безъ вниманія этихъ дѣйствій его и послалъ на Украину стольника Петра Скуратова для наблюденія за нимъ. Стольникъ Скуратовъ, явившись къ Виговскому, привезъ съ собою царскую грамоту на имя Пушкаря и вручилъ ее гетману, объявивъ, что подобныя грамоты посланы и къ запорожскимъ козакамъ съ приказаніемъ имъ «всякое возмущеніе прекратить и противъ гетмана рокоша не заводить»¹⁾.

«Ты, гетманъ войска запорожскаго, хочешь, чтобы мы, великій государь, изволили послать на Запорожье на прежнюю нашего царскаго величества грамоту, которая послана была къ Якову Барабашу съ его посланцами, Михайломъ Стрынджею съ товарищами и которою грамотою они надѣлали много безпокойствъ, обращая ея смыслъ предъ простыми людьми въ свою сторону, будто бы ею велѣно было избрать гетмана вольными голосами на Запорожьѣ, а тебя ни въ чемъ не слушать... Ты просишь, чтобы мы новою грамотою посрамили ихъ ложь, и мы, великій государь, по твоему гетманскому челобитью, для успокоенія между вами, нашего царскаго величества подданными православными христіанами, послали на Запорожье къ кошевому и ко всему находящемуся при немъ войску на прежнюю грамоту, какая была послана съ ихъ посланцами, Стрынджею съ товарищами, новую нашего царскаго величества грамоту, съ описаніемъ ихъ проступковъ и съ воспреценіемъ самовольничать, бунтовать, заводить рокошъ и съ приказаніемъ быть у тебя, гетмана, въ послушаніи»²⁾.

Когда Виговскій дочиталъ до конца эту грамоту, то въ раздраженіи замѣтилъ: «Этой грамотой Пушкаря не унять, а взять бы его да голову ему снять или въ войско прислать. Богданъ Матвѣевичъ Хитрово обѣщалъ взять Пушкаря и привести его ко мнѣ, да не только не привелъ, а пуще того ободрилъ,—подарилъ ему соболей и на свободу отпустилъ, а къ Барабашу письмо написалъ, и Барабашъ теперь съ Пушкаремъ. Вы понадавали Пушкарю и Барабашу грамотъ и отъ такихъ грамотъ и бунты пошли... Не впервые къ нему такія грамоты посылають, да онъ, Пушкарь, не слушаетъ того. Нынѣ иду на Пушкаря и смирю его огнемъ и мечомъ, и куда бы онъ ни ушелъ, хотя бы въ государевы города,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 124, 125.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 112, 113.

то я и тамъ буду доставать его; кто за него станетъ, тому и самому будетъ отъ меня» ¹⁾).

Цѣлью Виговскаго было сломить Барабаша и Пушкаря не какъ личныхъ ему враговъ, а какъ лицъ, преданныхъ московскому царю и стоящихъ на пути къ осуществленію завѣтныхъ плановъ его, искусно обойти московскаго царя и перейти на сторону польскаго короля. Но враги Виговскаго ясно понимали планы гетмана и вновь поднялись противъ него. По прежнему объ измѣнѣ гетмана первый заговорилъ Мартынъ Пушкарь; къ нему присоединился вновь назначенный миргородскій полковникъ Степанъ Довгаль. Мая 21 числа отъ имени Мартына Пушкаря, Степана Довгалья и «подданныхъ войска запорожскаго, которые изъ Коша и всей черни дѣпровой», отправлено было царю письмо съ жалобой на гетмана за злыя намѣренія его. Въ своемъ листѣ писавшіе просили царя «уволить» ихъ отъ гетмана и его помощниковъ, потому что, въ противномъ случаѣ, гетманъ и его помощники всѣхъ подданныхъ царскаго величества погубятъ и всѣ животы ихъ пограбятъ, а Малую Россію ни во что обратятъ: «Грамотъ вашего царскаго величества, данныхъ войску черезъ Михайла Стрынджу, гетманъ Виговскій и полковникъ Лѣсницкій ни во что не вѣняють и не почитаютъ, говоря, что изъ грамотъ они признають только тѣ, которыя даны для усмиренія дѣлъ въ Переяславѣ и приняты всѣмъ совѣтомъ и всею старшиною и чернью войска запорожскаго. Войско запорожское, которое зимовало на кошахъ въ послѣднее время, онъ, Иванъ Виговскій, голодомъ морить, изъ городовъ кошей въ Запорожье не пускаетъ. И дѣлаетъ то все онъ для крымскаго хана, чтобъ войско запорожское въ Кошѣ истребить, — то самое войско, котораго въ теченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ не можетъ ни одинъ невѣрный царь изъ Запорожья искоренить. Самъ гетманъ Виговскій, уговоривъ кошевого атамана гетмана Якова Барабаша и заставивъ присягнуть нѣсколько десятковъ кременчугскихъ людей, выманулъ его изъ Коша, увѣривъ черезъ своихъ людей и черезъ свои письма, будто бы ваше царское величество повелѣли запорожскихъ пословъ сослать въ Сибирь и будто бы въ другой разъ (если не теперь) кошевому вовсе не придется увидѣть ихъ. Кромѣ того, гетманъ разставилъ и по городамъ и отъ поля и отъ Запорожья полки, нѣжинскій,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 124, 125.

черниговскій и ирклѣвскій, не говоря черни, для чего именно онъ это дѣлаетъ и называя ихъ караулами; въ дѣйствительности же онъ приказалъ старшинамъ полковъ хватать запорожскихъ козаковъ и которые поймаются изъ нихъ, тѣхъ рубить и разстрѣливать. Когда же вызвалъ изъ Коша обманомъ Барабаша, то полки распустилъ, оставивъ только добрую сторожу для того, чтобы не пустить въ Сичу запорожскихъ пословъ съ данными имъ отъ вашего пресвѣтлаго царскаго величества грамотами. А нынѣ, какъ скоро тѣ послы счастливо, по милости вашего пресвѣтлаго царскаго величества, возвратяся назадъ, раньше себя изъ Путивля списки съ грамотъ на Кошъ, въ Замороги, послали, то тотъ часъ войско запорожское, согласно грамотамъ вашего царскаго величества, даннымъ до суполной рады, изъ Коша вышло подъ начальствомъ холѣпа вашего царскаго величества, старшого отъ войска, Аевона Дядька, и имѣло идти, согласно указу, въ Переяславъ на раду, но до того войско не допустилъ окольныхъ и намѣстникъ Богданъ Матвѣевичъ Хитровъ и возвратилъ его изъ-подъ Лубенъ, однихъ велѣлъ по домамъ распустить, а другихъ на подлинныя мѣста поставить»¹⁾).

Но доносъ противниковъ гетмана не имѣлъ успѣха и на этотъ разъ. Напротивъ того, царь, вѣря въ правоту Виговскаго, приказалъ идти на Украину бѣлгородскому воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому и усмирить Пушкаря и Барабаша. Но самъ гетманъ не дождался Ромодановскаго и рѣшилъ дѣйствовать безъ него.

Такимъ образомъ ни грамоты царя, ни убѣжденія его пословъ не примирили Пушкаря и Барабаша съ Виговскимъ, и если гетманъ рѣшился дѣйствовать противъ своихъ враговъ оружіемъ, то и его враги думали о томъ же.

Іюня 1 дня 1658 года два татарина изъ города Исламъ-Кермена показали въ городѣ Ярославлѣ слѣдующее: отправились они рѣкою Днѣпромъ въ лодкѣ для дровъ, но тутъ были пойманы запорожскими козаками, сидѣвшими въ числѣ около 60 человекъ въ шести стругахъ, и отправлены сперва въ курени козацкіе, изъ куреней—въ черкасскій городъ Буткалы, а изъ города Буткаль—къ полковнику Барабашу въ поле. Полковникъ Барабашъ собрался съ полкомъ своимъ въ походъ въ помощь полковнику Пушкарю

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 83—85, 91—93.

оберегать его отъ гетмана Виговскаго и отъ союзниковъ его татарь. Самъ Пушкаръ стоялъ неподалеку, въ полѣ, отъ Барабаша и ожидалъ на себя гетмана Виговскаго и Карачъ-бея съ татарами, которыхъ было тысячъ съ 15, а козаковъ при гетманѣ тысячъ съ 10. Перешедши Днѣпръ, татары пошли сперва къ Чигирину, а оттуда къ городу Полтавѣ и остановились версты за двѣ или за три отъ города ¹⁾.

Но въ то время, когда пойманные татары давали свои показанія въ Ярославлѣ о замыслахъ гетмана Виговскаго съ татарами и о приготовленіяхъ Барабаша съ Пушкаремъ противъ него, въ это время между противниками произошло рѣшительное столкновение. Виговскій, имѣя съ собой козаковъ, татарь и затыжыхъ нѣмцевъ, подойдя къ Полтавѣ, раздѣлилъ свое войско на три части: татарь оставилъ въ Сокольемъ-Байракѣ, нѣмцевъ—въ долиніи Полуозера, а козаковъ, взявъ съ собой, подступилъ съ ними къ городу Полтавѣ и расположился на полугорѣ, между селеніями Жуками и Рябцами.

Предварительный бой произошелъ мая 18 дня, на Полуозерѣ, вблизи Полтавы, между передовыми людьми гетмана, татарами и Пушкаремъ. Пушкаръ потерялъ два знамени и литавры, зато татары понесли большой уронъ отъ Пушкаря ²⁾. Послѣ этого боя Пушкаръ, однако, сталъ просить прощенія у гетмана, и гетманъ тому обрадовался было. Но въ ночь 30 числа Пушкаръ ворвался въ полкъ гетмана и побилъ тамъ много христіанъ ³⁾. Тогда гетманъ рѣшилъ дать Пушкарю генеральный бой. Этотъ бой произошелъ юня 1 дня, во вторникъ, на Троицу. Пушкаръ, уже давно ожидавшій приближенія Виговскаго, внезапно выскочилъ изъ города Полтавы и ударилъ съ такой силой на гетмана, что выгналъ изъ обоза все его войско. Однако, Виговскій скоро оправился отъ погрома и въ свою очередь выгналъ изъ обоза Пушкаря и уже готовился было идти на Полтаву, но тутъ выскочилъ на помощь Пушкарю ⁴⁾ полковникъ Барабашъ съ запорожцами, и тогда побѣда осталась на сторонѣ Пушкаря. Послѣ этого побѣдители стали

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 97—104.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 127.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 240.

⁴⁾ Въ Актахъ сказано, что Барабашъ стоялъ въ какомъ-то городѣ возлѣ Полтавы (IV, 127), въ лѣтописи Величка—что онъ былъ въ самой Полтавѣ (I, 332).

неумѣренно торжествовать свою побѣду и одни изъ нихъ, взобравшись на «горилъчатые» бочки, не чаяли, по выраженію лѣтописца, конца тамъ своему счастью; другіе, набросившись на оставленную въ обозѣ добычу, предалися дувану. Между тѣмъ Виговскій, выгнанный изъ своего обоза, бросился къ Соколюму-Байраку, захватилъ тамъ орду, усилился козацкимъ и нѣмецкими полками и вновь ударилъ на Пушкаря. Пушкарь выставилъ противъ нѣмцевъ своихъ «дейнековъ» съ кіями, и они съ такою силой ударили на нихъ, что заставили бѣжать въ свою землю. Зато Виговскій не только устоялъ противъ Пушкаря, а даже вновь выбилъ его изъ обоза и разогналъ войско въ разныя стороны. Въ этомъ бою «Яковъ Барабашъ, мало поправавши и проигранную свою битву увидѣвши», успѣшилъ отстать отъ Пушкаря и уйти съ нѣкоторою частью своихъ запорожцевъ въ Сичу¹⁾, не имѣя за собой никакой погони²⁾. Покинутый же товарищемъ Пушкарь, юня 7 дня, былъ убитъ, и голова его была доставлена на копѣ Виговскому³⁾.

Между тѣмъ въ этотъ самый день, юня 7 числа, царскіе «холопи Гришка Долгоруковъ да Тимошка Безоновъ» отписывали въ Москву царю, что, согласно царскому приказанію, они учинили крѣпкій заказъ въ Путивлѣ и во всѣхъ дальнихъ и ближнихъ мѣстахъ ловить и къ нимъ вести Мартына Пушкаря, Якова Барабаша, Степана Довгаля, Ивана Донца, Михайла Стрынджу, Аванасія Дядька и другихъ черкасъ, поименованныхъ въ царскомъ наказѣ⁴⁾. Очевидно, въ Москвѣ въ измѣну Виговскаго не хотѣли вѣрить даже и тогда, когда онъ поднялся на Полтаву и истребилъ полковника Пушкаря.

Покончивъ съ Пушкаремъ и разставившись съ татарами, Виговскій страшно опустошилъ и выжегъ Полтаву и вернулся въ Чигиринъ. Въ это время прибылъ на Украину и Ромодановскій съ великороссійскимъ войскомъ, по приказу царя, въ помощь гетману. Узнавъ объ этомъ и опасаясь быть открытымъ въ своей измѣнѣ царю, Виговскій написалъ письмо въ Москву о томъ, что ему въ великороссійскихъ войскахъ надобности больше нѣтъ и просилъ отозвать ихъ изъ Украины. Въ Москвѣ все еще не были убѣждены

¹⁾ Другая часть ушла въ украинскіе города: Акты, VII, 241.

²⁾ Величко, Лѣтопись, I, 332; Акты, IV, 126, 127.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 272.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 113, 114.

въ измѣнѣ Виговскаго, а потому просьба его была исполнена, и Ромодановскій вернулся въ Бѣлгородъ.

Покончивъ съ однимъ изъ своихъ противниковъ, Пушкаремъ, Виговскій долженъ былъ вѣдаться съ другимъ изъ своихъ закаленныхъ враговъ, Барабашемъ. Яковъ Барабашъ, ушедшій изъ подъ Полтавы въ Сичь, не долго оставался въ Запорожьѣ: собравъ тамъ много людей, онъ, въ концѣ іюля мѣсяца, отправился къ воеводѣ, князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, въ Бѣлгородъ; князь велѣлъ ему распустить людей, а самому быть у него въ полку ¹⁾. Виѣстѣ съ Барабашемъ остались только полковникъ Довгаль и какой-то Лукашъ, оба заклятые враги Виговскаго. Барабашъ написалъ нѣсколько универсаловъ къ украинскому населенію, въ которыхъ предостерегалъ его отъ измѣны Виговскаго русскому царю, приглашалъ держаться стороны воеводы Ромодановскаго и подписался гетманомъ войска запорожскихъ козаковъ. Виговскій, узнавъ обо всемъ этомъ, потребовалъ отъ воеводы, чтобы онъ прислалъ къ нему Барабаша, Лукаша и Довгалья, но князь отказалъ въ томъ гетману, ссылаясь на то, что безъ воли государя онъ сдѣлать этого не можетъ. Тогда гетманъ воспользовался этимъ отказомъ для продолженія враждебныхъ дѣйствій своихъ противъ русскихъ въ Малороссіи. Теперь онъ, побѣдивъ своихъ враговъ, совершенно измѣнилъ въ отношеніи русскихъ свой тонъ. «Видя то, что непріятелей его ему не выдаютъ гетманъ Виговскій положилъ себѣ, будто то дѣлается по указу великаго государя. Кромѣ того, гетману Виговскому стало извѣстно, что князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, придя подъ черкасскій городъ Лубны, провелъ въ своемъ полку и Барабаша. И гетманъ подумалъ, что князь хочетъ учинить Барабаша гетманомъ надъ войскомъ запорожскимъ. Тогда гетманъ, взявъ съ собою полковниковъ чигиринскаго, корсунскаго, и ирклѣвскаго, пошелъ за Днѣпръ, и за Днѣпромъ, собравшись со всеми полковниками заднѣпровскими, пошелъ на воеводу князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго для того, чтобы онъ выдалъ гетману Барабаша и чтобъ великаго государя воеводамъ въ черкасскихъ городахъ не быть; а если Барабаша не выдастъ и въ городахъ воеводы будутъ, то онъ, гетманъ, въ города воеводъ не велитъ пускать и начнетъ биться» ²⁾).

Но князь Ромодановскій и послѣ этого Барабаша не выдалъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 272.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 273.

гетману. Тогда гетманъ обратился съ тѣмъ же къ царю Алексѣю Михайловичу, и царь велѣлъ отправить Барабаша въ Кіевъ къ боярину Василю Борисовичу Шереметеву для отдачи виновнаго на войсковой судъ. Чтобы доставить Барабаша въ цѣлости въ Кіевъ, велѣно было отправить его въ сопровожденіи 210 человекъ боярскихъ дѣтей, драгунъ и козаковъ подъ начальствомъ Якова Левшина, Юрія Полта и Михаила Картавцова, которымъ отданъ былъ приказъ зорко слѣдить за арестантомъ, чтобы онъ какъ-нибудь не убѣжалъ съ пути. Августа 14 дня Левшинъ съ товарищами благополучно выѣхалъ изъ Бѣлгорода и черезъ десять дней былъ у мѣстечка Гоголева, маестности гетманскаго отца, Остапа Виговскаго. Тутъ на Левшина и его охрану выскочили 1.000 человекъ козаковъ подъ начальствомъ гетманскаго брата Яна Виговскаго-Кривого, схватили Барабаша вмѣстѣ съ его охранителями и доставили его гетману. Тогда гетманъ, судья, полковники и вся старшина подвергли разспросамъ и тяжкимъ пыткамъ Барабаша, по чьему приказанію онъ называлъ себя и писался гетманомъ и не было-ли ему о томъ повелѣнія отъ московскаго царя. Барабашъ отвѣчалъ, что повелѣнія такого ему не было, а назывался онъ гетманомъ «самъ собою, желая отвѣдать счастья своего». Подъ пытками Барабашъ показалъ, будто въ Кіевъ его посылали не за тѣмъ, чтобы отдать на войсковой судъ, а за тѣмъ, чтобы вызвать въ Кіевъ самого Виговскаго, «приманить къ своимъ рукамъ и тамъ ухватить его». Это показаніе бывшій тутъ царскій посолъ, Василій Кикинъ, однако отвергнулъ, говоря, что Барабашъ своими словами затѣвалъ лишь одну ссору и хотѣлъ только отъ милости царскаго величества гетмана отлучить. Впрочемъ, и самъ Барабашъ отказался потомъ отъ такого показанія, такъ какъ оно было вынужденно. Въ присутствіи Кикина Барабашъ былъ прикованъ къ пушкѣ «у шатровыхъ полъ» и тутъ гетманъ Виговскій сталъ спрашивать его, что дѣлается въ Бѣлгородѣ, много-ли тамъ при князѣ ратныхъ людей и всѣхъ царскихъ воеводъ, на что Барабашъ отвѣчалъ, что ратныхъ людей при князѣ много, а въ Бѣлгородѣ приготовлено 130 воеводъ, которымъ быть въ городахъ Малой Россіи. На это царскій посолъ Василій Кикинъ снова возразилъ, что въ Бѣлгородѣ ста тридцати воеводъ нѣтъ и не бывало, а прислано всего лишь десять человекъ. Допросъ происходилъ сентября 4 дня, октября 11 дня Барабашъ былъ привезенъ скованнымъ въ Чигиринъ и сидѣлъ тамъ «за при-

ставомъ у капитана» ¹⁾. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна, и въ 1659 году, іюня 4 дня, онъ уже называется «небощикомъ», т.-е. покойнымъ кошевымъ ²⁾.

Послѣ этого гетманъ Виговскій вошелъ въ сношеніе съ польскимъ королемъ Яномъ Казиміромъ и сентября 6 дня того же 1658 года заключилъ съ нимъ договоръ въ Гадячѣ, сдѣлавшійся надолго извѣстнымъ во всей Украинѣ между ея населеніемъ. Условія этого договора состояли изъ слѣдующихъ шести пунктовъ: 1) Всему происшедшему съ обѣихъ сторонъ Днѣпра положить конецъ забвенію. 2) Войску запорожскому состоять изъ 30.000 человекъ и 30.000 наемниковъ. 3) Гетману именоваться русскимъ и первымъ сенаторомъ воеводствъ кіевского, брацлавскаго и черниговскаго, по смерти же его избирать преемника вольными голосами изъ четырехъ человекъ каждаго названнаго воеводства. 4) Кіевскому митрополиту засѣдать въ сенатѣ вмѣстѣ съ польско-литовскимъ духовенствомъ. 5) Гетману предоставить право возводить по сто человекъ изъ каждаго полка въ шляхетское достоинство. 6) Козакамъ быть свободными отъ всѣхъ податей и получать вознагражденіе наравнѣ съ коронными и литовскими войсками ³⁾.

Гадячскія постановленія приобрѣли извѣстность именно потому, что ими польскій король хотѣлъ отторгнуть Малую Россію отъ Москвы и вновь присоединить ее къ Рѣчи-Посполитой; говоря другими словами, гадячскимъ договоромъ король хотѣлъ разрушить то, что сдѣлалъ гетманъ Богданъ Хмельницкій для Украины.

Царь, узнавъ о гадячскомъ договорѣ гетмана съ поляками, больше не сомнѣвался въ невѣрности Виговскаго и сентября 24 числа послалъ свою грамоту, въ которой гетманъ объявлялся клятвopеступникомъ и измѣнникомъ и въ которой весь малороссійскій народъ призывался къ возстанію противъ него. Князю Ромодановскому велѣно было двинуться изъ Бѣлгорода на Украину противъ Виговскаго и его сторонниковъ. Ромодановскій не замедлил явиться на Украину, и все, что было враждебнаго Виговскому, теперь ожило. Теперь поднялись и запорожцы; они прини-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 141, 148, 149, 153, 155, 157, 158, 166, 169, 190; XV, 272, 273, 278, 289, 313; V, 316.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 336.

³⁾ Вантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, II, 31; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 36.

мали участіе въ общемъ возстаніи противъ гетмана, преслѣдовали сторонника Виговскаго, нѣжинскаго полковника Гуляницкаго, были при сожженіи Ромевъ, взятіи Пирятина, Чернухи, Горошина и другихъ городовъ ¹⁾. Но гетманъ мало обращалъ вниманія на грамоты царя и, собравши возлѣ себя нѣсколько тысячъ собственнаго и татарскаго войска, рѣшилъ вырвать изъ рукъ русскаго царя городъ Кіевъ и снова «отобрать его подъ свою и лядскую державу» ²⁾. Октября 29 дня онъ подступилъ къ Кіеву, но былъ отбитъ отъ него воеводой Василіемъ Шереметевымъ и притворно повинился передъ царемъ; однако, русскіе не вѣрили ему и въ послѣднихъ числахъ ноября выбрали на время гетманомъ Ивана Безпалаго ³⁾.

Такую же неудачу потерпѣли въ это время и союзники Виговскаго, татары: противъ нихъ дѣйствовалъ запорожскій полковникъ Сирко: «Полковникъ Сѣрко, собрався съ запорожаны, ходилъ воевать около Бѣлаго города, и ногайскіе улусы, которые кочевали близко Самарника, многихъ повоевалъ и двухъ мурзъ со всѣми людьми и съ имуществомъ взялъ, литовскій ясырь побилъ, оставивъ при себѣ только знатныхъ людей и, повоевавъ улусы, пошелъ было къ Кіеву на помощь къ боярину Василю Борисовичу Шереметеву и воеводамъ. Виговскій же, услыша о томъ, послалъ было для перейма, чтобъ Сѣрка не допустить къ Кіеву, своего полковника Тимоша съ войскомъ, а какъ тотъ Тимошъ прозывается, неизвѣстно, только не Цыцура. Сирко того Тимоша побилъ и ушелъ онъ къ Виговскому самъ-треть; разгромивъ же Тимоша, Сирко пошелъ на Запорожье, и слышно было, что гетманъ съ войскомъ и съ татарами пошелъ за Сѣркомъ на Запорожье, но подлинно-ли гетманъ и татары пошли за Сѣркомъ, неизвѣстно» ⁴⁾.

Но гетманъ за Сиркомъ не пошелъ, и запорожцы, декабря 8 дня того же 1658 года, написали Виговскому, отъ имени копеевого атамана Павла Гомона и всего низового товариства, письмо,

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 9. Ригельманъ говоритъ, что запорожцы и на этотъ разъ дѣйствовали, будто бы, подъ начальствомъ Якова Барабаша. Если это извѣстіе вѣрно, то въ такомъ случаѣ остается неизвѣстнымъ, какъ Барабашъ ушелъ отъ Виговскаго.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 373—377.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 283—287, 296.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 297, № 98.

въ которомъ укоряли его въ измѣнѣ россійскому монарху, въ приклоненіи, подобно псу, возвращающемуся на свою блевотину, на римскія заблужденія, въ убійствѣ правдомовцы, полтавскаго полковника Пушкаря, и въ разореніи огнемъ и мечомъ цвѣтущаго города Полтавы, а въ заключеніе письма, напоминая гетману о праведномъ судѣ божіемъ, совѣтовали ему отстать отъ своего злого дѣла и идти по пути правды и спасенія ¹⁾).

Быть можетъ, запорожцы, кромѣ различія въ политическихъ воззрѣніяхъ съ гетманомъ, чувствовали къ нему особенную ненависть еще и потому, что гетманъ, вошедши въ дружбу съ татарами, по ихъ настоянію, запрещалъ запорожцамъ походы въ татарскіе аулы и на Черное море ²⁾).

Конечно, эти увѣщанія запорожцевъ не могли оказать никакого дѣйствія на Ивана Виговскаго.

Московскій царь Алексѣй Михайловичъ, доподлинно убѣдившись въ измѣнѣ ему Виговскаго, все еще хотѣлъ покончить это дѣло миромъ и снова привлечь на свою сторону гетмана. Съ этою цѣлью, въ началѣ января 1659 года, отправленъ былъ въ Малороссію князь Алексѣй Трубецкой съ тайнымъ наказомъ, въ случаѣ гетманъ и все войско вновь пожелають остаться въ подданствѣ московскаго государя, созвать новую раду въ городѣ Переяславѣ, вычитать на ней вины гетмана, между коими назвать и ту, что онъ самовольно захватилъ «гетмана кошевого» Якова Барабаша, ходилъ войной на полковника Пушкаря и объявить его, если того пожелають казаки, вновь гетманомъ на извѣстныхъ условіяхъ, послѣ принесенія присяги царю, а къ запорожцамъ послать указъ прекратить бунты и повиноваться гетману ³⁾).

Не смотря на это, Виговскій по прежнему былъ противъ царя. Января 13 дня 1659 года онъ собралъ раду въ Чигиринѣ и рѣшилъ противиться московскимъ войскамъ и запорожскимъ козакамъ. Запорожцы отправили отрядъ козаковъ подъ начальствомъ полковника Силки на Украину въ помощь князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому и этотъ отрядъ расположился въ городѣ Зеньковѣ. Съ гетманомъ были казаки, татары и поляки. Отрядивъ часть своихъ войскъ къ Лохвицѣ, подъ начальствомъ Немирача, Вигов-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 353—356.

²⁾ Памятники кievской комиссіи, III, 223.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 307—312.

ский самъ двинулся на Миргородъ, и Миргородъ сдался ему. Отсюда Виговскій пошелъ къ Зенькову, гдѣ засѣли запорожцы, но, не смотря на численное превосходство своихъ войскъ и на авторитетъ своей власти, гетманъ не могъ взять города: запорожцы упорно защищались. Въ теченіи шести недѣль стоялъ Виговскій подъ Зеньковымъ и ничего не могъ сдѣлать со своими противниками. Отражаемый отъ всѣхъ концовъ города, онъ, подъ конецъ, принужденъ былъ отступить отъ Зенькова съ большимъ урономъ и съ нескрываемою ненавистью къ запорожцамъ ¹⁾. Оставивъ Зеньковъ, онъ сжегъ нѣсколько городовъ на Украинѣ и повернулъ къ Чигирину. Однако, уходя къ Чигирину, онъ оставилъ для дѣйствія противъ запорожцевъ чигиринскаго полковника Скоробогатка съ козаками и небольшою частью орды и приказалъ ему строго слѣдить за тѣмъ, чтобы запорожцы не пробрались въ Лохвицу на соединеніе съ московскими войсками, стоявшими тамъ и осаждаемыми Немиричемъ. Скоробогатко, однако, удержать запорожцевъ не сумѣлъ, и запорожцы, какъ прогнали отъ Зенькова Виговскаго, также точно расправились и съ Скоробогаткомъ: они внезапно вышли изъ города, съ силой напали на него, разгромили все его войско, и самого его ранили, послѣ чего благополучно добрались до Лохвицы и соединились съ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Безпалымъ ²⁾.

Не успѣвъ одолѣть запорожцевъ на полѣ брани, Виговскій сталъ послѣ этого писать письма въ самую Сичу къ козакамъ, склоняя ихъ на свою сторону. «Но изъ Запорогъ къ нему козаки не идутъ, потому что къ нимъ пишетъ Юрій Хмельницкій, что-де отецъ его, гетманъ Богданъ Хмельницкій, былъ у великаго государя въ вѣчношъ подданствѣ и потому козаки къ нему, Виговскому, не ходили бы» ³⁾.

Тогда противъ Виговскаго составилось сильное ополченіе изъ великороссіянъ и украинцевъ, подъ начальствомъ князей Григорія Ромодановскаго, Алексѣя Трубецкаго, Семена Пожарскаго и гетмана Ивана Безпалаго. Ополченіе это въ половинѣ апрѣля 1659 года сосредоточено было возлѣ Конотопа, но одна часть его потерпѣла здѣсь большой уронъ отъ Виговскаго и его союзниковъ

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ 1848, I, 365.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 365.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XV, 385.

татаръ и ушла въ городъ Путивль ¹⁾. Во время этой войны союзники Виговскаго, крымскіе татары, побрали многихъ русскихъ и козаковъ въ плѣнъ и поотсылали ихъ для порабощенія въ Крымъ, а иныхъ православныхъ христіанъ и самъ измѣнникъ гетманъ крымскимъ татарамъ въ плѣнъ поотдавалъ ²⁾. Послѣ конотопскаго дѣла Виговскій уже готовился было неумѣренно торжествовать свою побѣду, но въ это время изъ Запорожья вторично вышелъ противъ него знаменитый вожь козаковъ Иванъ Сирко.

¹⁾ Величко, Лѣтописъ, Кіевъ, 1848, I, 373—377.

²⁾ Акты исторіи войска донскаго, Новочеркасскъ, 1891, 60.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Родина, семья и характеристика Сирка. — Дѣйствія Сирка въ пользу русскаго царя, гетмана Виговскаго и татаръ по рѣкѣ Бугу. — Набѣгъ Сирка на городъ Чигиринъ и захватъ имъ скарба Брюховецкаго. — Избраніе гетмана Юрія Хмельницкаго и участіе въ этомъ Сирка. — Дѣйствія запорожцевъ, воеводы Шереметева и гетмана Хмельницкаго противъ татаръ и поляковъ. — Пораженіе Шереметева у Чуднова, измѣна Хмельницкаго у Слободищъ русскому царю и походъ запорожцевъ въ Венгерскую землю. — Наказный гетманъ Сомко и противникъ его полковникъ Золотаренко и кошевой Брюховецкій. — Вѣрность царю со стороны Сирка и походы его по Бугу. — Посольство царя къ запорожскимъ козакамъ и походъ кошевого Брюховецкаго внизъ по Днѣпру противъ татаръ. — Борьба Брюховецкаго и Сомка изъ за обладанія гетманской булавы и обоюдные доносы въ Москву. — Приказъ царя объ избраніи настоящаго гетмана и помѣха въ томъ черезъ враждебныя дѣйствія Хмельницкаго. — Письмо запорожцевъ къ Хмельницкому и удаленіе его въ монастырь. — Правобережный гетманъ Тетеря и посланіе къ нему запорожскихъ козаковъ. — Возобновеніе борьбы Брюховецкаго съ Сомкомъ и занескиванія перваго у запорожцевъ. — Черная или нѣжинская рада 1663 года. — Избраніе Брюховецкаго и казнь Сомка. — Награда запорожскимъ козакамъ.

Иванъ Дмитріевичъ Сирко, называемый у нѣмцевъ Циркомъ, у русскихъ Сѣрккомъ и Сѣрикомъ, представлялъ собою колоссальную личность среди всѣхъ низовыхъ козаковъ и во все время историческаго существованія Запорожья. Онъ былъ родомъ изъ Мереѳы, козацкой слободы слободской Украйны, теперешней харьковской губерніи, въ 24-хъ верстахъ отъ города Харькова ¹⁾. О рожденіи Сирка преданіе говоритъ, что онъ явился на свѣтъ съ зубами, и какъ только баба-повитуха поднесла его къ столу, то онъ тотъ же часъ схватилъ со стола пирогъ съ начинкою и съѣлъ его. Это было знаменіемъ того, что онъ весь вѣкъ свой будетъ грызть враговъ ²⁾. Но въ какомъ году родился Сирко, кто были его родители, сколькихъ лѣтъ онъ выступилъ на историческое поприще—все это остается для насъ совершенно неизвѣстнымъ. Извѣстно лишь то, что на родинѣ, въ слободѣ Мереѳѣ, у Сирка

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 606, 607; XII, 643.

²⁾ Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 76.

были дома, мельница и другое имущество ¹⁾; была жена, по имени Софья, «мучимая вельми отъ бѣса», привозимая своими родителями для исцѣленія въ одинъ изъ кievскихъ печерскихъ монастырей, но получившая его въ Лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ отъ святи-теля патріарха Аванасія «и доселѣ (до 1671 года) пребы-вающая здрава» ²⁾. Извѣстно также, что у Сирка было два зятя, одинъ Иванъ Сербинъ, а другой Иванъ Артемовъ, пер-вый «козакъ сей (лѣвой) стороны Днѣпра», второй—козакъ харь-ковскаго полка, оба жители слободы Мереѣы ³⁾. Извѣстно также, что у Сирка были братъ ⁴⁾ и сынъ ⁵⁾, неизвѣстные по имени. Сколько всѣхъ сыновей было у Сирка,—источники нигдѣ того не указываютъ; только народная дума говоритъ, что у Сирка и его жены Сирчихи было два сына, Петро да Романъ Сирченки. Пер-вый погибшій гдѣ-то за рѣчкой Торомъ, у «трехъ зеленыхъ бай-раковъ», второй—умершій дома на глазахъ матери ⁶⁾. Наконецъ, доподлинно извѣстно, что Сирко былъ человекъ безграмотный и хотя историкъ Малой Россіи Бантышъ-Каменскій приводитъ въ числѣ факсимиле кошевыхъ и факсимиле Сирка, но это одно изъ тѣхъ факсимиле, которое принадлежало писарю войска, а не са-мому Сирку ⁷⁾.

И свои и чужіе, и друзья и недруги—всѣ одинаково отзыва-лись о Сиркѣ, какъ о человекѣ замѣчательныхъ военныхъ даро-ваній. Польскій король Янъ III Собѣскій писалъ о немъ: «Сирко—воинъ славный и въ ратномъ дѣлѣ большой промышленникъ» ⁸⁾. Украинскіе лѣтописцы, Самовидецъ, Грабянка, Величко, назы-ваютъ его сильнымъ, т.-е. великимъ ватагомъ, славнымъ коше-вымъ атаманомъ, а малороссійскіе историки приравниваютъ его къ Чингизхану или Тамерлану. Татары называли Сирка урусь-шайтаномъ, т.-е. русскимъ чортомъ, а татарки-матери пугали его именемъ своихъ дѣтей. Турецкій султанъ, постоянно тревожимый то набѣгами Сирка въ Крымъ или въ ногайскія степи, то выхо-дами въ Черное море, издавалъ, какъ говорятъ, фирманъ молиться

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Спб., XI, 194.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 606.

³⁾ Акты, IX, 606; XI, 363, 562; XIII, 386, 404.

⁴⁾ Jerlicz, Latopisiec, Warszawa, 1853, II, 92.

⁵⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1863, XIII, 275.

⁶⁾ Киевская старина, Киевъ, 1893, XL, 310.

⁷⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 272.

⁸⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 139.

въ мечтахъ о гибели Сирка. Будучи въ душѣ и на дѣлѣ истиннымъ христіаниномъ, Сирко всегда стоялъ и ратовалъ за православную вѣру, за свободу русскаго человѣка; оттого онъ постоянно, съ особеннымъ рвеніемъ, старался объ освобожденіи изъ татарской и турецкой неволи возможно большаго числа христіанъ, безъ различія того, будетъ-ли то великороссъ, малороссъ, полякъ или литовецъ: «Мы слышали въ твоёмъ письмѣ, — писалъ Сирко своему недругу гетману Самойловичу, — неотребуемое увѣщаніе, дабы отъ подданства нашего христіанскаго монарха не отрывались, — но сего отъ насъ никогда не будетъ... Живучи подѣ кочевещъ (мусульманскихъ), мы здѣсь безпрестанно бьемся съ непріятелемъ креста святаго... За вѣру православную заставляясь и славу безсмертную тѣмъ себѣ заробляя, мы перси свои кровью непріятельскою обогреемъ» ¹⁾. Въ другой разъ Сирко писалъ брату Самойловича: «Богъ свидѣтель моей души, что я никогда не ходилъ на Украйну съ тѣмъ, чтобы разорять отчизну мою; не хвалясь, истину говорю, что всѣ мои заботы и старанія направлены на то, чтобы сдѣлать вредъ нашимъ всегдашнимъ непріятелямъ, бусурманамъ, и теперь, на старости лѣтъ, я думаю не объ однихъ воинскихъ подвигахъ, но также и о томъ, чтобы до послѣднихъ дней моихъ стоять противъ тѣхъ же давнихъ непріятелей нашихъ» ²⁾.

Дѣло православной церкви, ея внѣшній строй и внутреннее благочиніе всегда занимали Сирка даже въ самое тревожное для него время; такъ, въ 1676 году, когда онъ занятъ былъ и дѣломъ о «преклоненіи» Дорошенка къ русскому царю, и пререканіями съ гетманомъ Самойловичемъ, и отпиской въ Москву, и походами на Крымъ, и заботами объ огражденіи Сѣчи противъ турокъ, онъ находилъ время писать въ Кіевъ, въ Межигорскую Спасо-Преображенскую обитель, письма, въ которыхъ просилъ игумена монастыря прислать въ сичевую церковь хорошаго и достойнаго уставщика и извѣщаль о посылкѣ части войсковыхъ доходовъ въ святую обитель, гдѣ благочестивые старцы возносили святыя молитвы с запорожцахъ и покоили въ своей «шпитали» раненыхъ козаковъ ³⁾.

Проводя всю свою жизнь на войнѣ, Сирко вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 633, 634; XIII, 438.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 479.

³⁾ Эварницкій, Исторія запорожскихъ козаковъ, Спб., 1892, I, 355.

отличался великодушіемъ и рѣдкимъ безкорыстіемъ, и потому никогда не преслѣдовалъ слабого врага, а послѣ войны никогда не бралъ на себя военной добычи. На войнѣ онъ былъ беззавѣтно храбръ и удивительно изобрѣтателенъ: онъ умѣлъ съ десятками козанонокъ разбивать сотни враговъ, а съ сотнями молодцовъ побѣждать тысячи неприятелей. Имя его, какъ предводителя, окружено было ореоломъ полной непобѣдимости, и потому враги боялись его пуще огня, пуще бури, пуще язвы моровой. Горше всѣхъ доставалось отъ Сирка врагамъ Христовой вѣры: мусульманъ. Сирко ненавидѣлъ всю свою козацкою душою и всѣмъ своимъ «щирымъ» козацкимъ сердцемъ. У запорожцевъ было вѣрованіе, что чѣмъ больше кто убьетъ «бусурменовъ», тѣмъ вѣрнѣе онъ войдетъ въ царствіе божіе; у Сирка эта вѣра сильнѣе, чѣмъ въ другомъ комъ, сказывалась.

И по характеру, и по всѣмъ своимъ дѣйствіямъ, Сирко представлялъ собой типъ истого запорожца. Онъ былъ храбръ, отваженъ, страстенъ, не всегда постояненъ, не всегда вѣренъ своимъ союзникамъ; онъ любилъ по временамъ погулять и сильно подвыпить и во хмелю показать свой козацкій задоръ; онъ склоненъ былъ минутно увлечься новою мыслью, новымъ предпріятіемъ, чтобы потомъ отказаться отъ собственной затѣи и придти къ совершенно противоположному рѣшенію. То онъ былъ на сторонѣ московскаго царя, то на сторонѣ польскаго короля, то онъ поддерживалъ Дорошенка, то становился на сторону его враговъ, Суховія и Хавенка, то выступалъ противъ послѣднихъ двухъ и снова защищалъ Дорошенка, то помогалъ онъ русскому царю противъ турецкаго султана и крымскаго хана, то шелъ противъ царя заодно съ султаномъ и крымскимъ ханомъ. «Нужда законъ зминяе»—часто говорилъ Сирко и, очевидно, дѣйствовалъ сообразно своей любимой пословицѣ.

Само собою разумѣется, что на переходы Сирка отъ русскаго царя къ польскому королю и обратно отъ польскаго короля къ русскому царю нельзя смотрѣть, какъ на измѣну одному и вѣрность другому: Сирко и все запорожское козацество хотя и признавали надъ собой протекцію русскаго царя со времени Богдана Хмельницкаго, но все еще, по старой традиціи, считали себя людьми вольными и ни отъ кого независимыми,—людьми, которые считали за собой право рѣшать вопросы о мирѣ и размирѣ

съ сосѣдними царствами и входить въ сношенія съ близкими и дальними царями и властелинами.

По всему этому Сирко былъ типичнѣйшею личностью, воплотившею въ себѣ характернѣйшія черты и особенности тѣхъ, кто именовалъ себя запорожскими козаками, славными низовыми «лыцарями». Оттого запорожцы и любили Сирка; восемь лѣтъ подъ рядъ они выбирали его своимъ кошевымъ атаманомъ, и хотя очень часто и лишали этого званія его, но потомъ снова обращались къ нему, какъ «притоманныя дѣти къ могучему орлу». Запорожцы говорили, что равнаго Сирку въ цѣломъ мірѣ не было, — самъ Богъ открылъ ему это: «Сирко не только побѣждалъ людей, онъ побѣждалъ нечистыхъ чертей. Рѣчка Чортотмыкъ, гдѣ стояла Сичъ Сирка, оттого и называется такъ, что въ ней былъ убитъ Сиркомъ плескавшійся въ ней чортъ; онъ только млыкнулъ (мелькнулъ) вверхъ ногами, когда Сирко луснулъ его изъ пистоя» ¹⁾.

Сколько извѣстно изъ документальныхъ данныхъ, Сирко впервые выступилъ на историческую сцену сперва въ званіи полковника и кошевого запорожскихъ козаковъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіи 26 лѣтъ, съ 1654 по 1680, фигурировалъ между запорожскими и украинскими козаками, составляя, такъ сказать, главный фокусъ своего времени во всемъ Запорожьѣ и въ цѣлой Украинѣ. Въ качествѣ кошевого и полковника козаковъ Сирко сносился съ русскимъ царемъ, польскимъ королемъ, турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и молдавскимъ господаремъ и нерѣдко завязывалъ въ Сичи такіе узлы событій, которые потомъ приходилось развязывать въ Москвѣ и Варшавѣ, въ Бахчисараѣ и Константинополѣ. Сражаясь то съ татарами и турками, то съ поляками и съ волохами, то съ русскими и украинцами, Сирко за все время своей исторической жизни принималъ участіе въ пятидесяти пяти битвахъ и вездѣ, кромѣ единственнаго случая, выходилъ побѣдителемъ, не считая множества мелкихъ стычекъ и отдѣльныхъ схватокъ съ врагами, занесенныхъ на страницы лѣтописей и не стоившихъ, разумѣется, никакихъ усилій Сирку, для того, чтобы обратить исходъ ихъ въ свою пользу.

¹⁾ Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 76. Въ дѣйствительности въ словѣ «Чортотмыкъ» филологи видятъ киргизское слово «чортанъ» — щука и окончаніе «мыкъ», означающее богатство того, что заключается въ корнѣ слова; отсюда Чортотмыкъ — значить рѣчка, изобилующая щуками.

Вся дѣятельность Сирка совпадала съ самымъ тяжелымъ для Украйны временемъ, когда она, отторгнувшись отъ Польши и не успѣвъ еще слиться съ Россіей, находилась въ «шатаніи», не зная, куда ей «прихилить» свою голову, т.-е. оставаться-ли ей за русскимъ царемъ, сойтись-ли снова съ польскимъ королемъ, или же идти къ турецкому султану, невѣрному царю.

На первыхъ порахъ исторія застаеъ Сирка, какъ мы видѣли, въ 1654 году въ качествѣ противника Москвы. Но съ 1654 года прошло пять лѣтъ, и Сирко стоялъ уже на сторонѣ русскаго царя, противъ гетмана Ивана Виговскаго, сторонника польскаго короля.

Свою службу русскому царю Сирко объявилъ прежде всего тѣмъ, что отбилъ отъ города Кіева, какъ было сказано, сторонника гетмана Виговскаго, полковника Тимоша. Этимъ онъ оказалъ огромную услугу кіевскому воеводѣ, Василю Борисовичу Шереметеву. Но еще большія услуги сталъ оказывать Сирко русскому царю тогда, когда русско-козацкія войска, подъ начальствомъ князя Алексѣя Трубецкаго и наказнаго гетмана Ивана Безпалаго, не устоявъ въ борьбѣ съ Виговскимъ, поляками и ихъ союзниками татарами, съ 19 апрѣля по 27 іюня 1659 года подл. Конопомъ, сдѣлали отступленіе въ Путивль. Желая обезсилить Виговскаго, Трубецкой и Безпалый стали писать Ивану Сирку въ Запорожьѣ, чтобы онъ чинилъ промыслъ ¹⁾ надъ крымскими улусами и тѣмъ отвлекъ татаръ отъ союза съ Виговскимъ и поляками. И Сирко не остался глухъ къ просьбамъ Трубецкаго и Безпалаго. Августа 17 дня гетманъ Иванъ Безпалый, отправляя изъ Путивля своихъ посланцевъ къ царю, велѣлъ имъ сообщить государю, что Иванъ Сирко, выйдя на лодкахъ изъ Запорожья съ большимъ войскомъ, проплылъ вверхъ по Бугу до города Уманя, противъ Уманя выгрёбся на сушу, прибралъ къ себѣ много войска, разгромилъ татарскіе улусы и открылъ войну на Виговскаго, «а нынѣ сталъ на рѣкѣ Бугѣ съ войскомъ, на Андреевскомъ островѣ, и тамъ ожидаетъ милости великаго государя, а надъ неприятелями измѣнниками государевыми промыслъ и нынѣ чинить». Въ награду за подвиги Сирка царь грамотою декабря 14 дня приказалъ кіевскому воеводѣ Василю Борисовичу Шереметеву выдать полковнику Сирку двѣсти золотыхъ да соболей на триста рублей ²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 298.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 301, 316.

Одновременно съ Сиркомъ дѣйствовали противъ татаръ и молодой Юрій Хмельницкій: собравъ отрядъ запорожцевъ, онъ ходилъ подъ Крымъ, разгромилъ тамъ четыре ногайскихъ улуса и, захвативъ нѣсколько плѣнниковъ, возвратился назадъ, грозя хану и гетману вновь пойти на татаръ, если ханъ не отпуститъ изъ Крыма прежняго козацкаго полона ¹⁾.

Сколько времени Сирко и запорожцы оставались на островѣ Андреевскомъ, въ точности неизвѣстно; но въ началѣ октября онъ былъ въ Переяславѣ при избраніи новаго гетмана вмѣсто изгнаннаго Ивана Виговскаго. Въ избраніи новаго гетмана особенно старался свойственникъ умершаго гетмана Богдана Хмельницкаго Якимъ Сомко ²⁾. Въ надеждѣ получить гетманскую булаву въ собственныя руки, Якимъ Сомко усердно хлопоталъ о собраніи черной («черневой») рады, и когда она была собрана у мѣстечка Германовки, то на ней Виговскій объявленъ былъ лишеннымъ гетманскаго уряда, а вмѣсто него выбранъ былъ гетманомъ Украины Юрій Хмельницкій. Юрій Хмельницкій уже давно хлопоталъ о возвращеніи себѣ гетманской булавы и, находясь въ кievской духовной академіи на обученіи, отправилъ отъ себя въ Запорожье бывшаго «подножку» своего отца и собственного слугу Ивана Брюховецкаго съ цѣлью агитировать въ свою пользу низовыхъ козаковъ и черезъ нихъ добиться своихъ правъ. Брюховецкій, явившись въ Сичь, изложилъ жалобу отъ имени Хмельницкаго на гетмана Виговскаго за то, что онъ обманнымъ образомъ отнялъ у Юрія булаву, захватилъ войсковую казну, много сдѣлалъ зла Украинѣ и въ концѣ-концовъ передался Польшѣ. Запорожцы заслушали жалобу Юрія Хмельницкаго и рѣшили поддержать его въ исканіи гетманской булавы. Прежде всего Сирко и запорожцы отправили въ Чигиринъ козаковъ отобрать у Виговскаго булаву, бунчукъ, знамя и другіе войсковыя клейноты, на что Виговскій согласился только съ большимъ трудомъ, да и то часть изъ нихъ увесивъ въ Польшу ³⁾. Затѣмъ запорожцы и Сирко стали хлопотать о томъ, чтобы вмѣсто Виговскаго избрать въ гетманы Юрія Хмельницкаго. Благодаря ихъ стараніямъ, Хмельницкій избранъ былъ на радѣ въ Переяславѣ, октября 9 дня, 1659 года, гетманомъ Украины, въ присут-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 59.

²⁾ Богданъ Хмельницкій впервые былъ женатъ на сестрѣ Сомка, Аннѣ Сомковнѣ.

³⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 60.

стїи князя Алексѣя Трубецкаго, боярина Воржса Шереметева, князя Григорія Ромодановскаго, думныхъ дьяковъ Иллариона Лопухина и Федора Грибоѣдова. На радѣ Юрій Хмельницкій присягнулъ русскому царю, цѣловалъ крестъ и подписался собственной рукой. На томъ же присягнула и подписалась и козацкая старшина, а въ числѣ ея и кальницкій полковникъ Ивашъ Сирко, вмѣсто котораго, за его неграмотностью, «росписался Юрьи (sic) Хмельницкій» ¹⁾.

Тотчасъ послѣ избранія въ гетманы, Юрій Хмельницкій, имѣя подъ рукой 5.000 человекъ запорожцевъ и Ивана Сирка, бросился къ городу Чигирину, столицѣ Виговскаго, и, не заставъ тамъ самаго гетмана, а лишь пѣхотный козацкій полкъ подъ командой Стефана Гуляницкаго, полкъ тотъ сломилъ, полковника убилъ, вошелъ въ Чигиринъ и Субботовъ, забралъ тамъ весь скарбъ гетмана Ивана и его брата Данила Виговскихъ, раньше того ушедшихъ изъ Чигирина въ городъ Хмельникъ брацлавскаго полка, и, оставивъ ни съ чѣмъ жену Ивана Виговскаго, Елену Хмельницкую, ушелъ вонъ отъ Чигирина ²⁾.

Принявъ на себя званіе гетмана, Юрій Хмельницкій долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ принять участіе въ борьбѣ Россіи съ Польшей, за обладаніе Малороссіи, о которой поляки, по выраженію лѣтописца, сожалѣли точно о золотомъ яблокѣ, и хотѣли, во что бы то ни стало, оторвавъ ее отъ московской державы, вновь присоединить къ собственной коронѣ.

Въ это время польскій король Янъ-Казиміръ, успокоивши Польшу оливскимъ миромъ со стороны Швеціи, съ которой онъ передъ тѣмъ велъ упорную войну, и, заручившись союзомъ крымскаго хана, двинулъ огромное войско на Украину. Крымскій же ханъ, желая ослабить силы козаковъ, приказалъ перековскому бею, Карачъ-бею, особо идти противъ запорожцевъ и удерживать ихъ въ Сичи ³⁾. Тогда гетманъ Юрій Хмельницкій, чтобы отвлечь вниманіе Карачъ-бея отъ Сичи, отправилъ своего посланца къ донскимъ козакамъ и черезъ него просилъ донцовъ соединиться съ частью запорожскихъ козаковъ и чинить промыселъ надъ крымскими жѣстами. Донцы извѣщены были о томъ же самомъ особыми гра-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IV, 272; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 51; Величко, Лѣтопись, I, 400.

²⁾ Величко, Лѣтопись, I, 397—399; Самовидецъ, Лѣтопись, 61.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 28—29.

мотами и отъ царя; приказывавшаго имъ ссылаться съ гетманомъ Хмельницкимъ и запорожскимъ кошевымъ Брюховецкимъ, вѣрно служившими царю въ государскихъ дѣлахъ ¹⁾. Въ самую же Сичу гетманъ послалъ черкасскій и каневскій полки въ помощь козакамъ. Но и у самихъ запорожцевъ было на ту пору около 10.000 готовыхъ къ бою козаковъ да съ Сиркомъ охотниковъ около 5.000 человѣкъ. Кромѣ того, особо отъ гетмана, отправилъ въ Сичь, по письму запорожцевъ, двѣ пушки да бочку пороху нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко для промысла надъ крымскими городками, которые поставлены на Днѣпрѣ.

Получивъ запасы, одни изъ козаковъ, подъ начальствомъ Ивана Сирка, передъ пасхой 1660 года ходили изъ Запорожья подъ Очаковъ, вырубали въ немъ посадъ и взяли много людей въ плѣнъ; другіе ходили подъ городъ Осламъ (Арсланъ), крѣпость его взяли, жителей частію изрубили, частію забрали въ плѣнъ и плѣнныхъ продавали потомъ въ Переяславѣ и другихъ украинскихъ городахъ ²⁾.

Самъ Юрій Хмельницкій долженъ былъ дѣйствовать противъ неприятелей московскаго царя на Украинѣ.

Въ концѣ августа мѣсяца того же года на встрѣчу полякамъ и крымцамъ двинулся изъ Кіева на Волынь воевода Борисъ Васильевичъ Шереметевъ съ огромнымъ войскомъ. За Шереметевымъ двигался и Хмельницкій. Но этотъ походъ окончился самымъ неожиданнымъ образомъ: Шереметевъ потерпѣлъ сильное пораженіе у Чуднова, былъ взятъ въ плѣнъ татарами и уведенъ потомъ въ Крымъ, гдѣ томился въ неволѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ; а Хмельницкій, не успѣвшій подать помощи воеводѣ, былъ осажденъ у Слободищъ, и, потерявшисъ отъ страха, отдался королю, изъявивъ согласіе возобновить гадячскій договоръ.

Послѣ разгрома русскихъ у Чуднова ханъ съ главною массою своего войска повернулъ на Крымъ, но нѣсколко десятковъ тысячъ его татаръ, не удовольствовавшихся взятой добычей, безъ вѣдома хана, бросились за Чудновъ и, набравъ тамъ много добычи и невольниковъ, стали возвращаться назадъ. Въ это время на встрѣчу татарамъ двигался, съ кошевымъ атаманомъ Суховіемъ во главѣ, восьми-тысячный отрядъ запорожскихъ козаковъ, также шедшій въ помощь воеводѣ Шереметеву. Встрѣтивъ неожиданно

¹⁾ Акты исторіи войска донскаго, Новочеркасскъ, 1891, 62—70.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 11, 26.

въ полѣ татаръ, запорожцы внезапно ударили на орду, разбили и разогнали ее во всѣ стороны, христіанскихъ невольниковъ освободили, добычу взяли и подували между собой. Узнавъ отъ взятыхъ языковъ о пораженіи Шереметева, запорожцы внезапно измѣнили свой маршрутъ и, вспомнивши о пораженіи въ 1653 году за рѣчкой Телезиной венграми, Тимоея Хмельницкаго, сражавшагося за своего тестя молдавскаго господаря, быстро ударились въ венгерскую землю, разгромили тамъ шесть знатныхъ городовъ, взяли множество всякой добычи и потомъ счастливо возвратились въ Сичь. Одновременно съ походомъ Суховія дѣйствовалъ и Сирко: онъ съ другою частью запорожцевъ ворвался въ Крымъ и опустошилъ его ¹⁾).

Вмѣсто измѣнивашаго русскому царю гетмана Юрія Хмельницкаго явились новые претенденты на гетманскую булаву, переяславскій полковникъ Якимъ Сомко и нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко. Послѣдній, однако, не имѣлъ такихъ шансовъ, какъ первый, состоявшій въ свойствѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ, и потому въ 1660 году на радѣ въ Козельцѣ наказнымъ гетманомъ объявленъ былъ Якимъ Сомко, знатный и богатый козакъ, переяславскій купецъ ²⁾). Но въ слѣдъ за Сомкомъ выступилъ третій искатель гетманства, Иванъ Брюховецкій, тотъ самый, который посланъ былъ Юріемъ Хмельницкимъ въ Запорожье съ жалобой на Виговскаго. Сдѣлавъ свое дѣло, Брюховецкій не вернулся къ Хмельницкому, а остался въ Сичи и, такъ какъ онъ отличался въ высшей степени качествами человѣка вкрадчиваго, хитраго и пронырливаго, то скоро овладѣлъ симпатіями запорожцевъ и сдѣлался въ Сичи кошевымъ атаманомъ. Но атаманская булава не была конечною цѣлью такого честолюбца, какимъ былъ Брюховецкій: ему страстно хотѣлось завладѣть булавою гетмана, и онъ началъ дѣйствовать, но дѣйствовать крайне осторожно и какъ бы вовсе не себѣ въ руку. Въ качествѣ кошевого атамана Брюховецкій ѣздилъ въ Москву скоро послѣ измѣны Юрія Хмельницкаго и тамъ успѣлъ набросать тѣнь подозрѣнія на наказнаго гетмана Якима Сомка, какъ дядю Юрія: «Якимъ Сомко царскому величеству вѣренъли, про то я не знаю, а гетману Юрію Хмельницкому онъ дядя родной; только ему, Сомку, недругъ Иванъ Виговскій, и прежде

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, 12—16.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 398.

онъ отъ Виговскаго отбѣгалъ и жилъ на Дону, а въ войскѣ при немъ жить не смѣлъ» ¹⁾).

Дѣйствуя крайне осторожно, Брюховецкій больше всего подчеркивалъ измѣну Хмельницкаго, что было на устахъ и у запорожскихъ козаковъ и противъ чего особенно возмущался знаменитый вождь Иванъ Сирко. Сирко, лишь только узналъ объ измѣнѣ Хмельницкаго, немедленно прервалъ съ нимъ дружескія сношенія и началъ дѣйствовать во вредъ ему. Апрѣля 30 дня 1661 года посланцы наказнаго гетмана Якима Сомка, выѣхавшіе изъ Переяслава апрѣля 9 дня, сообщали въ Москву, что Сирко находится въ Запорожьѣ, вѣрно служить государю и во всемъ согласенъ съ Якимомъ Сомкомъ и Василиемъ Золотаренкомъ; что онъ посылалъ своихъ посланцевъ къ Юрію Хмельницкому съ листомъ, а въ листу писалъ, что отъ царскаго величества никогда не отступитъ, а Хмельницкій, продержавъ тѣхъ посланцевъ въ тюрьмѣ, отпустилъ ихъ назадъ къ Сирку ²⁾). Мая 15 дня новые посланцы Сомка, выѣхавшіе изъ Переяслава мая 2 дня, сообщали въ Москвѣ, что Иванъ Сирко, вышедъ изъ Сичи, былъ въ Торговицѣ, а потомъ, оставивъ Торговицу, пошелъ для добычи на Бугъ и расположился на Андреевомъ островѣ, «гдѣ стоитъ съ своимъ войскомъ для приходу татарскаго; а Садцкій ³⁾ атаманъ стоитъ въ Запорогахъ, въ Сѣчѣ, съ большимъ запорожскимъ войскомъ, и съ Сѣрикомъ они сходятся для порядку о всякихъ воинскихъ дѣлахъ, но ни къ кому не приклоняются, ни къ государевой сторонѣ, ни къ польскому королю» ⁴⁾).

Въ Москвѣ послѣ страшнаго пораженія боярина Василия Шереметева подъ Чудновымъ, сильно были озабочены борьбой съ поляками и ихъ союзниками, татарами и, желая узнать настроеніе массы на Украинѣ и мысли наказнаго гетмана Якима Сомка, отправили, въ половинѣ августа 1661 года, къ послѣднему изъ приказа тайныхъ дѣлъ подъячаго Юрія Никифорова. Большую надежду Москва возлагала въ этомъ случаѣ на запорожцевъ и двухъ дѣятелей между ними, Ивана Брюховецкаго и Ивана Сирка. Но между Сомкомъ и Брюховецкимъ уже легла черная тѣнь, и Сомко, какъ ни былъ остороженъ Брюховецкій, понялъ тайныя желанія и замыслы его: «О промыслѣ надъ татарами и о задержаніи, чтобъ не пропустить

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 113.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 48.

³⁾ То-есть, Сашко или Садко Туровець.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 57.

ихъ черезъ Запороги для войны въ украинныя и черкасскіе города великаго государя, онъ, наказной гетманъ, станетъ писать Сѣрку, а Брюховецкому о томъ писать не станетъ, потому что лучше о томъ писать къ Сѣрку, а не къ Брюховецкому» ¹⁾). Высказавъ то, что тайлось у него на душѣ, Сомко въ слѣдъ затѣмъ сталъ высказывать и свое мнѣніе о томъ, какъ избѣжать бѣды отъ татаръ: «А хана крымскаго въ Крыму удержать тѣмъ, что на Запорожѣ построить городки и въ нихъ послать великаго государя ратныхъ людей 10.000 да пушки, и Запорожье будетъ крѣпко, а его государевымъ людямъ въ заднѣпровскихъ городахъ быть безопасно» ²⁾).

Каковы бы ни были отношенія между Сомкомъ и Брюховецкимъ, но запорожцы твердо стояли за московскаго царя. Желая показать не только словомъ, но и самимъ дѣломъ усердіе къ Москвѣ, Брюховецкій, въ званіи кошевого гетмана, какъ онъ самъ себя называлъ, спустился внизъ по Днѣпру и дошелъ до козацкаго табора на урочищѣ Кара-Тебенѣ, въ 8 миляхъ отъ Сичи, откуда сентября 14 дня писалъ письмо полковнику Григорію Косагову, начальнику ратныхъ московскихъ людей, присланныхъ на Украину въ помощь запорожскимъ козакамъ противъ татаръ. Въ этомъ письмѣ Брюховецкій, называя Косагова возлюбленнымъ другомъ, себя же подножіемъ престола его царскаго пресвѣтлаго величества, извѣщалъ, что когда онъ прибылъ въ Кара-Тебеню и встрѣтилъ тамъ низовья войска, то они приняли съ благодарностью и царское жалованье и самого кошевого гетмана; вмѣстѣ съ этимъ Брюховецкій извѣщалъ Косагова и о томъ, что къ козакамъ прибыли калмыки, которые сильно беспокоятъ татаръ, а сами татары и турки, въ числѣ 6.000 человекъ, по приказанію Хмельницкаго, явились съ пушками на Тавань и начали строить городъ тамъ. «Торопи, милость твоя, охочишь людей, чтобы они поспѣшали какъ для добычи, такъ и для очищенія прямой государственной земли, а самъ будь остороженъ отъ тамошнихъ жильцовъ, потому что между ними не мало такихъ, которые, находясь между вами, посылаютъ извѣты въ Чигиринъ, о чемъ тебѣ слѣдуетъ знать. Сацко, посланный княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ съ грамотами на Запорожье, сосланъ былъ Хмель-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 93.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 94.

нищимъ къ королю, а теперь, получивши свободу, онъ говоритъ мнѣ, что у васъ часто бываютъ, переодѣвшись въ нищенское платье, съ той стороны Днѣпра лазутчики, и нынѣ, какъ говорятъ, два такихъ находятся на этой сторонѣ, только неизвѣстно въ какомъ городѣ... Писалъ твоя милость ко мнѣ о какихъ-то краденыхъ лошадяхъ, о чемъ я рѣшительно ничего не знаю и что крайне обидно было для меня, такъ какъ ты, не обинуясь, приписываешь то мнѣ, къ чему я никогда не привыкалъ и въ чемъ меня никто, кромѣ врага моего, не укорялъ; однако, для очистки совѣсти, я велѣлъ сдѣлать розыскъ по всему табору, но такихъ лошадей нигдѣ не нашлось. Есть только два пришлыхъ человека литаврщикъ да пушкаръ, но, не имѣя надежныхъ людей, съ которыми можно было бы ихъ къ тебѣ отослать, и опасаясь, чтобы они не убѣжали съ пути, я оставилъ ихъ при себѣ, а надобности въ нихъ нѣтъ, и если Богъ дастъ хорошій случай, не замедлю прислать къ тебѣ. А какъ я словесно просилъ о моихъ Горюшкинскихъ мельницахъ, такъ и теперь черезъ настоящее письмо прошу, будь милостивъ, когда придетъ борошно, отсылай хотя на Кодакъ, потому что, кончая свое, мы имѣемъ въ немъ надобность». Заканчивая свое письмо, Брюховецкій ввернулъ слово противъ Якима Сомка, говоря, что «лукавая его измѣна уже извѣстна на Запорожьѣ и какова его правда въ отношеніи Москвы, то явно всѣмъ»¹⁾.

Говоря объ измѣнѣ Сомка, Брюховецкій въ данномъ случаѣ не имѣлъ на то ровно никакихъ положительныхъ основаній, а лишь высказывалъ свое страстное желаніе занять мѣсто Сомка. Видимо Брюховецкій успѣлъ настроить на враждебный тонъ въ отношеніи Сомка и Ивана Сирка. Такъ, марта около 20 дня 1662 года, Сирко съ Сашкомъ Туровцомъ и полковниками низового войска съ Коша надъ Кисловкою послалъ письмо Сомку въ отвѣтъ на какой-то его листъ и просилъ его прекратить присылку подобныхъ листовъ, которые доставили Сирку много хлопотъ и едва не были причиной казни надъ нимъ со стороны посполства; вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялъ ему, что его измѣна и лукавство стали явны всему войску; укорялъ его въ томъ, что Сомко заодно со своимъ кривоприсяжнымъ сестринцемъ (племянникомъ по сестрѣ) Юриемъ Хмельницкимъ облудно служить Богу и пресвѣтлому царскому величеству; сравнивалъ его съ Виговскимъ, съ которымъ онъ и по-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 96—97.

родился, и его духомъ заразился и, подобно ему, съ чертовскимъ шляхетствомъ лядскимъ повсюду бѣгаетъ, добывая себѣ на сеймѣ и титулы и маестности; поставляяъ ему на видъ незаконность его избранія въ гетманы (не столько отъ войска, сколько отъ кривоприсяжца сестринца своего) и совѣтовалъ ему, помня, какая бываетъ расплата съ такими гетманами, какъ онъ, отказаться отъ своего званія; напоминаетъ ему, какъ онъ нѣкогда на Дону виномъ шинковалъ, а теперь людей въ городахъ хулить и залого на переправахъ разставляетъ для вреда и убытка государствъ: «Пролитіе неповинной крови, въ которой вы по шею бродите, даромъ вамъ не пройдетъ и, когда Господь дастъ возможность войску соединиться, то тогда откроется дума (рада) черныхъ людей»¹⁾.

Въ такомъ же родѣ писалъ о Сомкѣ и Иванъ Брюховецкій изъ того же Коша надъ Кисловкой мстиславскому епископу Меѳодію, блюстителю кievской митрополіи, бывшему нѣжинскому протопопу Максиму Филимонову. Называя Сомка бунтовщикомъ и настоящимъ обманщикомъ, который пуще цыгана морочить людей, Брюховецкій высказывалъ готовность крѣпко держаться его царскаго величества, посылая похвалы по адресу князя Григорія Ромодановскаго, просилъ упомянуть о немъ, когда его «святыня» будетъ писать его царскому величеству, а въ заключеніе сообщалъ объ осадѣ крѣпости Кодака, но не надѣялся, чтобы люди его додержали эту осаду²⁾.

Клевеща и взводя всякія вины на Сомка, Брюховецкій не оставлялъ въ покоѣ и другого претендента на гетманскую булаву, нѣжинскаго полковника Василя Золотаренка. Отправляя другое письмо къ тому же епископу Меѳодію, Брюховецкій распространился и о Васютѣ Золотаренкѣ, который напрасно хочетъ «вылгать булаву у его царскаго величества» и, не имѣя разума, а также завидуя запорожской луговой саламатѣ, хочетъ быть гетманомъ, чѣмъ онъ и подобныя ему только губятъ неповинныя души, пустошатъ землю и обманываютъ его царское величество. «Добро было бы, чтобъ ваша святыня о томъ до его царскаго величества изволилъ написать и меня объ этомъ извѣстить, а я бы войско о томъ оповѣстилъ»³⁾.

Не довольствуясь и этимъ, Брюховецкій, въ качествѣ гетмана

1) Акты южной и западной Россіи, VII, 337.

2) Акты южной и западной Россіи, V, 101.

3) Акты южной и западной Россіи, V, 100.

и кошевого, очевидно, подбилъ и самихъ запорожцевъ написать письмо городской черни и всему войску съ тѣмъ, чтобы они не вѣржи никакимъ измѣнникамъ, не слушали ихъ напрасныхъ «прелестныхъ» листовъ и не принимали бы общаинныхъ ими вольностей, а всего лучше соединились бы заодно съ запорожцами, отъ чего была бы польза обѣимъ сторонамъ; если же не захотятъ соединиться, то будетъ одна гибель для дупгъ ихъ отъ проклятаго шляхетства лядскаго: «Вѣдайте хорошо о томъ, что вамъ, чернякамъ, того шляхетства не надобно, просимъ только вашихъ милостей Бога не гнѣвить и враговъ не тѣшить. Знайте хорошо, ваша милость, что ляхи приходятъ къ намъ не для помощи, а для пагубы; а татары для того, чтобы и остатокъ христіанъ вывести къ себѣ, коимъ, дай Богъ, тѣмъ же хлѣбомъ отплатить. Но и тѣ уже, слыша лихо и пагубу свою, желаютъ мира съ нами, потому что къ намъ приближаются калмыки, астраханцы, башкиры, черкесы и донцы; соединившись съ этими союзниками, мы, дастъ Богъ съ его помощью, учинимъ такой промыселъ, что вынесемъ вонъ тотъ мечъ съ Украйны на ляховъ, которымъ, подобно Содому и Гоморру, уже объявлена судомъ божіимъ пагуба»¹⁾.

Борясь съ нинимымъ врагомъ царя, Якимомъ Сомкомъ, запорожцы боролись и съ дѣйствительнымъ: всю весну 1662 года они простояли кошемъ ниже своей Сичи на вѣткѣ Кисловкѣ, лѣваго притока Бѣлобородчихи, впадающей въ Днѣпръ ниже Скарбной Колотовской²⁾, и въ половинѣ апрѣля того же года отправили черезъ Путивль въ Москву 34 человекъ посланцевъ съ полковникомъ Ѳедоромъ Гавриловымъ во главѣ, съ письмами отъ гетмана кошевого Ивана Брюховецкаго, со взятыми въ плѣнъ тремя татарскими языками и съ нѣсколькими верблюдами³⁾.

Въ Москвѣ очень довольны были поведеніемъ запорожцевъ и не жалѣли подарковъ на раздачу имъ, посылая ихъ какъ на Запорожье за военные подвиги, такъ и на Украйну на имя епископа Меодія для раздачи прїѣзжавшимъ къ нему со всѣхъ сторонъ изъ городовъ и изъ Запорожья отъ наказнаго гетмана, полковниковъ, старшины и козаковъ «для великихъ дѣлъ»⁴⁾.

1) Акты южной и западной Россіи, V, 100—101.

2) Эварницкій, Вольности зап. козаковъ, Спб., 1890, 167.

3) Акты южной и западной Россіи, V, 102.

4) Акты южной и западной Россіи, V, 103.

А дѣла эти точно были велики: шелъ вопросъ о выборѣ на-стоящаго, а не наказнаго гетмана Украйны; явными претендентами по прежнему были Яковъ Сомко и Василій Золотаренко; тайныиъ искателемъ гетманской булавы былъ Иванъ Брюховецкій. Мая 13 дня царь особой грамотой предписалъ воеводѣ и намѣстнику Бѣлгорода, князю Григорію Ромодановскому, идти съ русскими ратными людьми въ черкасскій городъ Переяславъ и тамъ содѣйствовать избранію гетмана; тому же Ромодановскому приказано было пригласить въ Переяславъ на полковую раду епископа Меодія, Якима Сомка, Василя Золотаренка, а кромѣ того отправить нарочныхъ посыльщиковъ въ Запороги къ кошевому гетману Ивану Брюховецкому, къ старшинѣ и ко всему на Кошу войску, чтобы и они были «на ту полную раду для обранья гетманскаго» ¹⁾.

Сомко видѣлъ, какая туча надвигается противъ него и сталъ брать съ своей стороны разныя мѣры. Съ одной стороны онъ написалъ письмо къ царю, доказывая въ немъ свою вѣрную службу къ нему, съ другой стороны соглашался съ проектомъ полтавскаго козака Бувайла, и асаула Якима, предлагавшихъ гетману на радѣ, во время ярмарки, послать ихъ на залогу въ Переволочну, дать въ помощь людямъ, тамъ находящимся, плоты и запретить пропускъ запасовъ на Запорожье, или же совсѣмъ сжечь челвы и плоты, заготовленные у козаковъ по царскому указу ²⁾.

Брюховецкій воспользовался этимъ обстоятельствомъ, написалъ царю, что Сомко измѣнникъ царскому величеству, потому что онъ приказалъ сжечь суда, которыми царь пожаловалъ войско низовое, и уступилъ татарамъ городъ Кодакъ ³⁾.

Опредѣленная царемъ войсковая рада не состоялась, однако, къ означенному времени, чему помѣшали какъ сами полковники и старшина козаковъ украинскихъ, укловявшихся отъ рады, такъ и виновственныя дѣйствія правобережнаго гетмана Юрія Хмельницкаго. Хмельницкій, объявивши себя противникомъ московскаго царя, сосредоточилъ вокругъ себя сильное ополченіе изъ козаковъ, поляковъ и татаръ и сталъ дѣйствовать противъ князя Ромодановскаго и Сомка подъ Переяславомъ, Кременчугомъ, Каневошъ, Бужиномъ и Крыловомъ и успѣлъ нанести нѣсколько поражений ве-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 106.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 110—113.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 131.

ликороссійскимъ ратникамъ и украинскимъ войскамъ. Во время этой войны Хмельницкій лишилъ уряда всѣхъ своихъ прежнихъ полковниковъ, не желавшихъ идти къ польскому королю, и назначилъ новыхъ. Тогда низложенные полковники, чувствуя негодованіе къ Хмельниченку, собрались на тайный совѣтъ и написали пространное письмо въ Сичь. Въ этомъ письмѣ они изложили всѣ планы Хмельницкаго и просили у запорожцевъ совѣта для вспоможенія упадающей отъ суетныхъ честолюбцевъ отчизнѣ. Дѣйствія Хмельницкаго вызвали страшное негодованіе со стороны запорожскихъ козаковъ, и они, собравшись на раду, написали ему, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, отъ имени кошевого атамана Ивана Величка-Босовскаго, письмо, титулуя Хмельниченка вмѣсто «ясновельможнаго» «явнобезбожнымъ» гетманомъ.

«Еще въ прошломъ году намъ, войску низовому запорожскому, стало извѣстно, что ваша мосць, впавши въ канѣкулу («канѣкула» — бѣшенство отъ слова «canis» — собака) и не стараясь отъ него излѣчиться совѣтами доброжелательныхъ пріятелей, глубоко окунулся въ душепагубное озеро грѣховное, когда для гетманской власти съ дядькомъ своимъ, подобнымъ тебѣ властолюбцемъ, поднялъ войну и нещадное нашей братіи кровопролитіе. Мы по настоящее время о томъ молчали, надѣясь, что ты прійдешь въ свой умъ и покаешься во всемъ, что безумно натворилъ. Однако, въ этой надеждѣ мы обманулись и, напротивъ того, теперь получили достовѣрное и несомнѣнное извѣстіе о твоёмъ неизлѣчимомъ бѣшенствѣ, вслѣдствіе котораго не только ты самъ поклонился подъ державу лядскую, отступивши отъ православнаго монарха своего россійскаго, но насильственно стараешься втянуть въ ту же схизматическую область и ярмо отцовъ и всѣхъ братьевъ нашихъ, малороссіянъ; проливши множество крови человѣческой уже въ теченіе сего лѣта, ты готовишься на новое пролитіе крови, не считая тѣхъ, которые, вслѣдствіе твоего безбожнаго почина, не устоявъ въ военной битвѣ московскимъ силамъ и своей козацкой братіи противъ Канева, всебѣдственно должны были погрузиться въ днѣпровскихъ глубинахъ и на вѣки прекратить страданія настоящей жизни. Ты насильно влечешь себя и нашу братію въ ту лядскую душевредную лигу, отъ которой насъ, войско запорожское, и всю обездоленную и злосчастную Украину отецъ твой, добре памятный и мужественный Богданъ Хмельницкій, военнымъ оружіемъ и богатырскимъ сердцемъ отсѣкся и со всею Малою Россіей, милою отчизною на-

шей, вольнымъ, при помощи божіей, учинился. Побуждаемые твоими чрезчуръ несправедливыми затѣями и намѣреніями и наставшими черезъ тебя отчизнѣ нашей украинской разореніями, мы, все низовое войско запорожское, пишемъ тебѣ и предлагаемъ принять для изгѣченія твоей болѣзни лѣкарство, а именно: снова подклониться подъ руку православнаго московскаго монарха, его царскаго пресвѣтлаго величества, Алексѣя Михайловича, ласковаго и милостиваго пана, и испросить у него за вины свои отческаго прощенія, въ чемъ и мы обѣщаемся помочь тебѣ и чрезъ что надѣмся выпросить у его величества все желаемое отчизнѣ нашей, зная его благосердную и отческую къ намъ милость. Перестань склоняться и нашу братію за собой тянуть подъ лядскую руку и съ Сомкомъ, дядькомъ твоимъ, междоусобное кровопролитіе и разореніе въ отчизнѣ нашей производить. А если этихъ трехъ условій, какъ истинное средство для уврачеванія твоего недуга, ты не пожелаешь принять и совѣта нашего не слушаешь, то уже не ожидай отъ насъ никакой пріязни и доброжелательства; напротивъ того, надѣйся отъ насъ кончины живота своего и не спи безопасно въ чигиринскомъ домѣ своемъ, потому что мы уже досыта натерпѣлись жалостнымъ сердцемъ въ теченіе трехъ лѣтъ отъ твоего губительнаго управления. Вѣрь намъ и хорошо знай, что полякъ и чернецъ Казнодея подбили и прельстили тебя не на добро тебѣ, а на гибель, чего они и намъ всѣмъ желаютъ. Если ты слушаешь насъ, какъ и отецъ твой, добрый нашъ вождь, слушалъ и всегда съ нами словесно и письменно совѣщался и никогда, до кончины своей, на радѣ нашей не ссорился, то получишь чрезъ то и временную и вѣчную прибыль. Не забудь къ тому же и того, что мы, войско низовое запорожское, скоро поднимемся на тебя, а вмѣстѣ съ нами встанутъ и всѣ обабочные украинцы, наша братія, и премногіе другіе пожелаютъ отомстить тебѣ за обиды и разоренія. Въ какой часъ и съ какой стороны налетитъ на тебя вихорь и подхватитъ и унесетъ тебя изъ Чигирина, ты и самъ не узнаешь, а поляки и татары далеко будутъ отъ твоей обороны. Ты бы долженъ всегда благодарить Бога и почитать, а не губить и уничтожать нашу братію за то, что тебя, молокососа, признали годнымъ за гетмана, надѣясь видѣть въ тебѣ отческаго добродѣтели и ревности къ отчизнѣ нашей, но твой злой нравъ также далеко отстоитъ отъ нрава отческаго, какъ крымская сторона отъ Чигирина. Мы думаемъ, что ты никогда не удостоишься похвалъ-

ней, подобно отцу, кончины въ отчизнѣ нашей и за свои злодѣянія нигдѣ не найдешь себѣ добраго мѣста и божьяго благословенія. Мы вторично тебѣ, мосцѣ-пану, ассекуруемъ, что орда и поляки не защитятъ тебя отъ насъ и не помогутъ тебѣ больше того, какъ помогли такому же легкомысленнику, какъ и ты, свату твоему, гетману Виговскому. Кровь братіи нашей, чрезъ твое беззаконное и противное Богу междоусобіе, пролитая, какъ кровь Авеля, воіетъ отъ земли къ Богу объ отмщеніи. Того ради никто тебя отъ угрожающей бѣды не защититъ, и мы можемъ среди Чигирина (на что имѣемъ вѣрный способъ) взять тебя и, какъ негодную пьявку съ верши ¹⁾, вонъ выбросить, чего, однако, до времени не хотимъ и не желаемъ исполнить; напротивъ того, желаемъ, чтобы ты, оставивъ твою неутомную и несправедливую злость, склонился бы къ здравому и полезному нашему совѣту. Писанъ на Кошѣ войска низового запорожскаго септемврія 17, року 1662. P. S. Напоминаемъ тебѣ еще и о томъ, что мы и у себя и межъ войскомъ запорожскимъ городовымъ знаемъ добрыхъ молодцовъ, равныхъ по дѣяніямъ войсковымъ покойному отцу твоему; изъ нихъ одного, уже въ началѣ твоего гетманства, сейчасъ же могли бы, оставивши отъ уряду тебя, молокососа, тѣмъ гетманскимъ говоромъ почитать и добраго пріятеля и радѣтеля отчизнѣ своей и намъ, всему войску учинить, если бы мы не смотрѣли на великія и знаменитыя заслуги намъ, войску запорожскому, и всей отчизнѣ нашей малороссійской добраго и радѣтельнаго гетмана нашего, отца твоего. Ради этихъ заслугъ мы и тебя оставляли на томъ несчастномъ для отчизны нашей гетманствѣ: и въ теченіи трехъ лѣтъ, не смотря на бѣдствіе и разореніе отчизны нашей, сносили твое сумазбродство и необузданное своеволіе, рассчитывая и надѣясь, авось ты прійдешь въ умъ и отстанешь отъ всего того, чего нельзя дѣлать не только гетману, но и всякому христіанскому добросовѣстному человѣку. А такъ какъ мы и по настоящее время не дождались отъ тебя того, то говоримъ тебѣ, исправся и, явившись на нашу доброжелательную раду, откинь прочь всѣ свои злыя намѣренія и гетмануй въ нашей отчизнѣ подъ рукою милостиваго пана и добродѣтеля его царскаго величества, православнаго монарха россійскаго, который къ нашей пользѣ не только прикажетъ исправить переяславскія пакты (о чемъ ты тогда въ Переяславѣ упорно мол-

¹⁾ Верша — плетеный изъ хворосту сжарядъ для ловли рыбы.

чалъ, а теперь говорить почалъ), но и все, о чемъ будемъ просить, не откажетъ ни намъ, ни тебѣ благосердно исполнить. Если же ты отъ своего душевреднаго намѣренія отстать не можешь или не захочешь, то, не вводя насъ въ грѣхъ, убирайся заблаговременно изъ Чигирина и, куда хочешь, туда и вѣйся, не забирая съ собой никакихъ людей и клейнотовъ войсковыхъ; въ противномъ случаѣ, если ты возьмешь, то нигдѣ съ ними отъ насъ не спрячешься и безчестное имя навлечешь на себя; и если не выйдешь изъ Чигирина, то мы вскорѣ и сами къ тебѣ придемъ и не только разметаемъ стѣны дома твоего, но и въ тебѣ самомъ, какъ гвалтовникъ и разорительъ отчизны нашей, не оставимъ и души твоей. Тебѣ доброжелательные пріатели Иванъ Величко-Босовскій, атаманъ кошовый, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ низовымъ войска запорожскаго товариствомъ» ¹⁾).

Это угрожающее письмо, по словамъ малороссійскаго лѣтописца, произвело на Юрія Хмельницкаго потрясающее впечатлѣніе, и онъ началъ особенно бояться запорожцевъ: трясся подобно Каину, и куда ни шелъ, озирался во всѣ стороны, въ каждомъ видя запорожца, а подъ конецъ (въ первыхъ числахъ мѣсяца октября, 1662 года) передалъ гетманство зятю своему, Павлу Тетерѣ, самъ же удалился въ Кіевъ и, подъ именемъ Гедеона, принялъ иноческій чинъ ²⁾).

Такимъ образомъ послѣ удаленія Хмельницкаго на Украйнѣ произошло неслыханное до тѣхъ поръ дѣло: явились два гетмана — одинъ по одну сторону Днѣпра, другой по другую, оба претендовавшіе на власть. Первые возстали противъ такого раздвоенія запорожцы: они хотѣли одного гетмана для Украйны и изъ двухъ объявившихся предпочитали Павла Тетерю Якиму Сожку. Ноября 15 дня 1662 года кошевой атаманъ Иванъ Иваненко-Величко и все низовое запорожское товариство отправили письмо къ Павлу Тетерѣ такого содержанія.

«Мосце пане Тетеро, новый гетмане украино-чигиринскій! Мы отчасти обрадовались, услышавши, что вашъ своевольный шуринъ Юрасъ Хмельниченко, немного опомнившись, оставилъ свое гетманство, его душѣ и отчизнѣ нашей малороссійской вредное и прочь

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 31—35.

²⁾ Величко, Лѣтопись, II, 36; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880 XI, 129.

изъ Чигирина уѣхалъ. Но, вотъ когда мы услышали, что на мѣсто Юрася избранъ ты гетманомъ, ваша мосць, мосце пане, и вовсе не ради твоихъ польскихъ дѣйствій и стремленій, всегда даваемыхъ и общаемыхъ нашей легкомысленной и ничего прошлаго не уважающей брати, тогда мы снова впади въ прежнюю скорбь и жалость. Не столько потому, что ты избранъ гетманомъ помимо нашей воли и вѣдома, всего войска низового запорожскаго; легкомысленною нашею братіей, сколько потому, что ты, отвергая отъ себя союзъ православнаго російскаго монарха и свѣтъ святаго и душеспасительнаго благочестія, припрятаешься къ схизматическому ядскому союзу и приклоняешь себя и всю нашу братію, на свою погибель, къ злославной уни. Не желая такого паденія вашего и нашей брати, всѣхъ малороссіянъ, мы, по нашей искренней и должной ревности, усердно совѣтуемъ вашей милости мосце пану, не навлекая на себя гнѣва и неминуемаго суда божія, совершенно отложить союзъ и предлагаемую унию съ поляками, напротивъ того, преклониться и вмѣстѣ съ нами вполне оставаться въ непоколебимомъ и святомъ благочестіи и въ союзѣ съ высокодержавнѣйшимъ православнымъ и милостивымъ московскимъ государемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ. Если ты въ этомъ послушаешь нашей рады и здраваго спасительнаго совѣта, то, во-первыхъ, ты будешь имѣть насъ такими же друзьями и доброхотами во всѣхъ твоихъ желаніяхъ, какими насъ имѣлъ твой предшественникъ и тестъ, добро-памятный нашъ вождь Богданъ Хмельницкій. А если не послушаешь насъ, то мы покажемъ тебѣ иную нашу войсковую пріязнь, такую именно, какою мы недавно отозвались въ нашемъ письмѣ до твоего необузданнаго шурина, Юрася Хмельниченка. Не изволь пренебрегать, ваша мосць, мосце пане, нашимъ усерднымъ войсковымъ совѣтомъ; стократно и усердно совѣтуемъ тебѣ, для временной прибыли и вѣчнаго спасенія, поступить и непремѣнно сдѣлать сообразно нашему совѣту, объ этомъ весьма просимъ и всего добраго, если такъ сдѣлаешь, на многія лѣта будемъ просить вашей мосцѣ, мосце пану. Данъ на Кошу Сѣчи запорожской, ноября 15, року 1662. Вашей мосцѣ, мосцѣ пану желающіе всякаго добра пріятели, Иванъ Иваненко-Величко, атаманъ кошовый, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ низового войска запорожскаго товариствомъ» ¹⁾.

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, стр. II, III.

Павелъ Тетеря, получивши и прочитавши это письмо, остался, однако, непреклоненъ къ совѣтамъ и просьбамъ запорожскихъ козаковъ. Онъ вступилъ въ переписку съ польскимъ королемъ, Яномъ-Казиміромъ, и рѣшительно склонился къ союзу съ поляками. Однако, опасаясь бѣды отъ внезапнаго нападенія на себя запорожцевъ, нашелъ нужнымъ переѣхать на постоянное жительство изъ Чигирина въ Корсунь, подалше отъ запорожскихъ козаковъ ¹⁾).

Но чего запорожцы не добились совѣтомъ и просьбою отъ Павла Тетери, того добились силою отъ наказнаго атамана Якіма Сомка. Успѣхъ борьбы ихъ съ Якимомъ Сомкомъ зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ того, что противъ Сомка выступилъ соперникомъ, искателемъ гетманской булавы, хитрый, пронырливый, ловкій и до крайности льстивый Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. Живя «нѣсколько лѣтъ, въ добромъ захованнѣ и въ ласкѣ всего войска низоваго», Брюховецкій прекрасно воспользовался положеніемъ дѣла на Украинѣ для своихъ видовъ: во время войны Ромодановскаго съ Хмельницкимъ Брюховецкій явился съ запорожскимъ товариществомъ въ городъ Путивль съ предложеніемъ князю своихъ услугъ и въ это время успѣлъ войти въ «знаемость, уподобаніе и ласку» московскаго боярина и свести близкое знакомство съ блюстителемъ митрополичьяго престола, епископомъ Меодіемъ, черезъ которыхъ потомъ успѣлъ расчистить себѣ путь къ гетманству. Изъ Путивля Брюховецкій уѣхалъ на Украину и всю зиму 1662—1663 года провелъ въ Гадячѣ, подготавливая себѣ партію для выбора въ гетманы. Въ декабрѣ мѣсяцѣ царь отправилъ на Украину стольника Лодыжинскаго съ приказаніемъ весной будущаго года непремѣнно созвать раду и на ней выбрать «совершеннаго» вмѣсто наказнаго гетмана. Стольникъ Лодыжинскій, явившись на Украину и имѣя въ виду въ теченіи зимы привести козаковъ въ спокойное настроеніе, приказалъ Брюховецкому оставить Украину и вернуться въ Запорожье, а весной явиться снова на Украину и принять участіе въ избраніи гетмана. Брюховецкій былъ недоволенъ такимъ приказаніемъ и на требованіе Лодыжинскаго отвѣчалъ: «Не дождавшись государева указа и полной рады въ Запороги мнѣ появиться нельзя, свои козаки меня убьютъ тотчасъ, зачѣмъ я столько людей водилъ и, не дождавшись рады, ушелъ. Сомко заказъ дѣлаеть въ городахъ крѣпкій, чтобъ въ Запорожье никто

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, стр. IV.

не ходилъ и запасовъ не пропускалъ, а если надо мною Сомко или козаки что сдѣлають, то Запорожье смятется и въ городахъ будетъ замятня большая. По сношеніямъ съ Сомкомъ, Юраска Хмельницкій многихъ за Днѣпромъ полковниковъ и козаковъ казнилъ, которые великому государю добра хотѣли; а чернь вся и теперь хочетъ поддаться великому государю; когда выберется гетманъ всѣми вольными голосами, пункты закрѣпятся и чернымъ людямъ въ поборахъ легче будетъ, то за Днѣпромъ, смотря на это, черные люди поддадутся великому государю». Не видя достаточныхъ основаній въ отказѣ Брюховецкаго вернуться на Запорожье, посольство потребовало исполненія царскаго повелѣнія, но Брюховецкій вмѣсто того заплакалъ и сказалъ: «Я радъ государю служить и голову за него положить; но выгребся я съ козаками въ судахъ, у козаковъ лошадей нѣтъ, живучи здѣсь многое время пропились всѣ до-нага, зимою идти нельзя, тотчасъ меня убьютъ свои козаки; да и Сомко великому государю невѣренъ, на дорогѣ меня убьетъ, какъ Виговскій Барабаша, и если надо мною что случится, то, говорю тебѣ сущую правду, вся Украина смутится и Запорожье отложится. Если государь весною полной рады учинить не велитъ, то я извѣщаю, что Сомко поддается королю: для этого Юраска Хмельницкій и гетманство сдалъ Павлу Тетерѣ по родству. Чего прежде у насъ никогда не бывало, нынче гетманъ, полковники и начальные люди всѣ города, мѣста и мельницы пустопорожнія разобрали по себѣ, всѣмъ владѣютъ сами своимъ самовольствомъ и черныхъ людей отяготили поборами такъ, что въ Царьградѣ и подъ бусурманами христіанамъ такой тягости нѣтъ. Когда будетъ полная черная рада и пункты всѣ закрѣпятся, то всѣ эти доходы у гетмана, полковниковъ и начальныхъ людей отнимутъ, а станутъ эти доходы собирать въ государеву казну, государевымъ ратнымъ людямъ на жалованье: поэтому-то наказный гетманъ и начальные люди полной черной рады и не хотятъ».

Такъ Брюховецкій и остался на всю зиму на Украинѣ. Января 14 дня 1663 года онъ послалъ царю письмо, въ которомъ писалъ: «Мы, все войско запорожское, съ великою охотою рады бы исполнить указъ твой, но не можемъ, потому что время зимнее; теперь на зиму изъ Запорожья въ города за хлѣбомъ приходятъ, а не изъ городовъ идутъ въ Запорожье; притомъ же путь туда изъ Гадяча дальній, съ полтораста миль; а за порогами никакихъ городовъ нѣтъ, ни сѣютъ, ни орютъ, только отсюда изъ городовъ

хлѣбъ добываютъ, и то развѣ саблю. Умилосердись, государь праведный, не дай погибнуть головамъ нашимъ отъ безбожныхъ измѣнниковъ, изволь вѣсколько полковъ ратныхъ людей къ намъ прислать, а въ городахъ позволь быть до полной рады». Января 14 дня у Брюховецкаго съ запорожцами былъ кругъ и въ кругу козаки кричали, что они наги и безконны и пѣшкомъ имъ въ Запорожье никакъ нельзя идти ¹⁾.

Въ Гадячѣ царскій посолъ видѣлъ и епископа Меводія, который твердо стоялъ за Брюховецкаго. Изъ Гадяча посолъ отправился въ Переяславъ и свидѣлся тамъ съ самимъ Сомкомъ. Сомко, жалуясь на то, что царь не утверждаетъ его настоящимъ гетманомъ, вмѣстѣ съ этимъ жаловался и на Ивана Брюховецкаго за то, что онъ, состоя кошевымъ атаманомъ запорожскихъ козаконъ, почему-то именуется себя гетманомъ. «Зачѣмъ Брюховецкій называется гетманомъ? въ Запорожьѣ бывають только кошевые атаманы; Брюховецкому вѣрить нельзя, потому что онъ полуляхъ; былъ дяхомъ да крестился, а въ войскѣ не служивалъ и козакомъ не былъ, служилъ онъ у Богдана Хмельницкаго и приказано было ему быть во дворѣ, а на войну Богданъ его съ собою никогда не бралъ» ²⁾.

Но Брюховецкому нужды мало было до того, что о немъ говорилъ Сомко и какъ держалъ его Хмельницкій, ему нужны были запорожцы, которые послѣ Богдана Хмельницкаго представляли изъ себя большую силу и стали вершителями великихъ событій и полными хозяевами на Украинѣ, чему способствовали какъ слабость преемниковъ славнаго Богдана, такъ и хаотическое состояніе Малороссіи того времени, въ особенности же бѣдственное положеніе украинскаго населенія, искавшаго защиты у запорожцевъ, какъ у истинныхъ представителей народничества. «Все, что могло, бѣжало отъ тяжелой жизни на Украинѣ въ Запорожье. Община запорожская быстро пополнялась этими бездомными сиротами, приносившими съ собой и свое озлобленіе противъ тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ защитить ихъ противъ смѣнявшихся одинъ за другимъ гетмановъ, противъ козацкой старшины, противъ наиболѣе зажиточнаго и обезпеченнаго городского козачества. Характерно для того времени письмо отъ всего «войска за-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 131—133.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 134.

порожскаго къ черни городской» (1662 г.): въ немъ запорожцы совѣтуютъ «городовой черни и войску» не вѣрять измѣнникамъ, не слушать ихъ прелестныхъ словъ, не принимать ихъ вольностей и не губить своихъ душъ «для проклятого шляхетства лядскаго», прибавляя, что имъ, «чернякамъ, того шляхетства не надобно». Живя на Запорожьѣ, Брюховецкій имѣлъ время присмотрѣться къ тому, что происходило на его глазахъ, и съумѣлъ воспользоваться настроеніемъ народа. Не трудно представить себѣ, что и какъ говорил онъ въ своихъ бесѣдахъ съ запорожцами, если въ самомъ непродолжительномъ времени мы видимъ его уже кошевымъ. Конечно, онъ заявлялъ себя искреннимъ другомъ этой голоты, искреннимъ ненавистникомъ всякой неправды и насилія, искреннимъ ревнителемъ вѣры и свободы, огражденіемъ которыхъ долженъ служить союзъ съ Москвой. Такого именно гетмана хотѣло видѣть Запорожье и выставило Брюховецкаго своимъ кандидатомъ»¹⁾.

Хорошо понимая, какую силу представляли изъ себя запорожцы, Брюховецкій всячески ласкался къ нимъ, постоянно писалъ въ Сичу письма, въ письмахъ высказывалъ запорожцамъ большую покорность, представлялъ имъ, какъ страдаетъ сегобочная Украина безъ настоящаго гетмана, просилъ ихъ рекомендовать его, въ качествѣ кандидата на гетманство, князю Ромодановскому. Запорожцы не замедлили дать о Брюховецкомъ блестящій отзывъ князю Ромодановскому, а князь Ромодановскій—царю Алексѣю Михайловичу. Такимъ образомъ расчеты Брюховецкаго оказались вполне вѣрными.

Но въ то время, когда на лѣвой сторонѣ Днѣпра шелъ вопросъ объ избраніи гетмана, въ это самое время на правой сторонѣ Днѣпра собирались польско-козацкія и татарскія силы, враждебныя Москвѣ. Чтобы ослабить эти силы, посланъ былъ отрядъ московской рати, въ 500 человекъ, въ Запорожье. Апрѣля 9 дня, 1663 года, приказано было стряпчому Григорію Ивановичу Косагову ѣхать съ московскими ратными людьми и донскими козаками въ Запорожье для борьбы съ крымскими и ногайскими татарами. Того требовала первая необходимость въ борьбѣ съ Тетерей и его союзниками, татарами. Объ этомъ послаца была особая грамота и Ивану Брюховецкому; Брюховецкій же долженъ былъ извѣстить о томъ запорожскихъ козаковъ и предписать имъ сообща чинить промыслы надъ татарами²⁾.

¹⁾ Киевская старина, 1885, VIII, 555.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 135.

Запорожцы не замедлили воспользоваться приказомъ царя и отпиской Брюховецкаго. Апрѣля 19 дня 1663 года пришелъ къ запорожцамъ калмыцкій мурза съ тысячею человекъ калмыковъ; соединясь съ калмыками, запорожскіе козаки отправились въ урочище Цыбульникъ, подъ городъ Крыловъ, гдѣ стояли кошемъ ногайскіе и крымскіе татары, призванные гетманомъ Тетерею. Напавъ внезапно на враговъ, козаки истребили ихъ «до ноги», освободили 4.000 человекъ плѣнныхъ христіанъ, нашли въ кошѣ письма, писанныя польскимъ королемъ къ крымскому хану. Въ то время съ запорожцами былъ кошевой атаманъ Сашко Туровець. Для извѣщенія царя о своихъ успѣхахъ надъ его противниками, Туровець въ началѣ іюня мѣсяца отправилъ въ Москву 43 человекъ посланцевъ съ полковникомъ Иваномъ Гладкимъ и войсковымъ писаремъ Григоріемъ Кудлаемъ во главѣ. Посланцы по пути въ городъ Сѣвскѣ имѣли большую непріятность отъ мѣстныхъ крестьянъ: воевода далъ имъ всего лишь 43 подводы, а въ 58 слѣдующихъ имъ подводахъ отказалъ, но позволилъ набрать ихъ по дорогѣ. Отъѣхавъ 80 верстъ отъ города, запорожцы, сообразно дозволенію воеводы, стали требовать себѣ подводъ въ деревнѣ Сергѣевой, комарницкой волости. Но крестьяне стали противиться этому, бить и грабить козаковъ; они забрали у нихъ сѣдла, узды, епанчи, сукна, деньги и причинили убытку на 48 рублей съ полтиною; кромѣ того, одного козака убили мало не до смерти, о чемъ потомъ посланцы и занесли царю челобитную ¹⁾).

Послѣ этой непріятности посланцы доѣхали въ Москву и благодарили царя за присланные имъ порохъ, свинець, пушки, якори, струги, полотно и другія вещи ²⁾). Іюня 14 дня того же года посланцы калмыковъ, бывшіе въ Москвѣ, добавили къ показаннымъ словамъ Туровца еще слѣдующее. Когда калмыки и запорожцы подошли къ урочищу Цыбульнику, то тутъ заключили между собою договоръ: напасть внезапно на татаръ ночью, не бросаться ни на какую добычу, не брать людей, а всѣхъ бить до послѣдняго. Такъ и сдѣлали. Когда взять былъ татарскій обозъ, люди побиты и оставшіеся въ живыхъ взяты въ плѣнъ, то побѣдители всѣхъ плѣнныхъ перебили, оставивъ лишь одного салтана, но и тотъ, проживъ три дня, умеръ отъ ранъ; всѣхъ татаръ было около

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 171.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 171.

10.000 человекъ; въ концѣ-концовъ изъ нихъ не осталось ни одного человека въ живыхъ: калмыки всѣхъ ихъ перебили по предварительному уговору; ушли съ поля битвы и остались въ живыхъ только спрятавшіеся въ болото. Возвратясь въ Запорожье, калмыки и запорожцы хотѣли было идти на татарскіе улусы за Днѣпръ и Бугъ, но крымскіе и ногайскіе татары, услыша объ этомъ, удалились прочь отъ Днѣпра и Буга. Походы калмыковъ и запорожцевъ такъ испугали хана, что онъ отложилъ свой походъ на молдавскую землю и присылалъ въ Запорожье три раза своего толмача, чтобы помириться съ запорожцами, но запорожцы отказали ему на томъ основаніи, что безъ царскаго соизволенія они не могутъ мириться съ ханомъ ¹⁾).

Въ томъ же году и того же іюня 14 дня объ этомъ самомъ дѣлѣ запорожцевъ и калмыковъ съ татарами доносилъ и Иванъ Брюховецкій. По его словамъ, калмыковъ на первый разъ пришло къ запорожцамъ 600 человекъ, а потомъ позже явилось еще нѣсколько сотъ человекъ. Уговорясь между собою, они ходили подъ Чигиринъ и Крыловъ, гдѣ взяли татарскій кошъ. За ними въ слѣдъ ходили измѣнники (козаки Тетери съ татарами), желая отмстить за свое пораженіе. Запорожцы и калмыки, пропустивъ ихъ за собою черезъ переправу на рѣчкѣ Омельничкѣ, вдругъ вскочили на лошадей, внезапно ударили на враговъ и чуть не всѣхъ ихъ поразили, давъ только немногимъ уйти съ мѣста битвы. Послѣ этого наказный кошевой Сашко Туровецъ прислалъ обще (сообща) съ калмыками къ Брюховецкому пословъ, прося позволеніе идти къ царю, въ Москву. «И хотя запорожцы, какъ простые и неученые люди что-нибудь и не слушно въ своемъ письмѣ къ вашему царскому пресвѣтлому величеству положили, однако изволь простить имъ то, ваше парское величество».

Сообщая объ успѣхѣ запорожцевъ и калмыковъ противъ татаръ, Брюховецкій вмѣстѣ съ этимъ сообщалъ царю, что онъ предписалъ Сашку Туровцу жить съ войскомъ стряпчаго Косагова согласно и чинить всякій промыселъ надъ татарами, самъ же лично собирается въ Нѣжинъ на «полную» раду для избранія гетмана ²⁾).

Очевидно, ни Брюховецкому, ни запорожцамъ наказный гетманъ Сомко не приходился по вкусу. Уже тотчасъ послѣ объявленія Сомка гетманомъ, запорожскіе козаки отправили въ Москву

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 172—173.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 170.

къ царю прошеніе съ протестомъ на то, что избраніе гетмана въ Малороссіи произошло незаконно, потому что на радѣ не было представителей отъ Запорожья. Посланцы просили, отъ имени всего товариства, позволенія открыть «зупольную» раду, чтобы на ней могли быть и запорожскіе козаки вмѣстѣ съ малороссійскими и чтобы гетманъ выбранъ былъ общими силами и общимъ совѣтомъ; при этомъ запорожцы осмѣлились указать и на самого кандидата на гетманство, Ивана Брюховецкаго. За него же хлопоталъ у царя и блюститель кіевской митрополіи, епископъ метиславскій и оршанскій, Меѳодій. А что до Сомка, то онъ негоденъ уже потому, что въ сердцѣ его гнѣздится измѣна, и онъ не сегодня, такъ завтра измѣнитъ царю. Въ добавокъ у него самого объявился противникъ, нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, искавшій для себя гетманства. Царь, уже нѣсколько разъ имѣвшій случай испытать вѣрность запорожцевъ, позволилъ собраться «полной» радѣ для избранія общими голосами гетмана. «Запорожцы въ то время великое отъ царя пошанованія имѣли и, что хотѣли, того и добивались» ¹⁾.

Между тѣмъ нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко, дѣйствительно искавшій гетманства, въ свою очередь сталъ заискивать запорожскихъ козаковъ. Онъ сталъ щедро раздавать подарки той запорожской голотѣ, которая пріѣзжала изъ Сичи на Украину погостить къ роднымъ или пображничать съ знакомыми, особенно въ зимнее время. Очевидно, Васюта Золотаренко чужалъ, въ комъ именно состояла сила. Запорожцы брали предлагаемые подарки, обнадеживая его въ полученіи гетманства, но въ дѣйствительности обманывая его «для полученія отъ него себѣ корысти» ²⁾. Въ то же время Золотаренко понималъ, что не слѣдуетъ обходить и князя Ромодановскаго. Чтобы расположить къ себѣ и князя, онъ сталъ посылать къ нему богатые подарки въ Зеньковъ. Но однажды случилось посланцамъ Золотаренка видѣть у князя и запорожцевъ. Запорожцы въ то время были подвыпивши; увидѣвши посланцевъ Золотаренка, они вступили съ ними въ разговоръ и тутъ, въ откровенно-задорной бесѣдѣ, проговорились, что они всю раду городовую выбьютъ и не пощадятъ ни Сомка, ни Золотаренка. Посланцы Золотаренка немедленно вернулись назадъ и сообщили ему, чтобы онъ

¹⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 70.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 56.

не надѣялся ни на запорожцевъ, ни на князя Ромодановскаго. Тогда Васюта счелъ за лучшее сойтись съ Сомкомъ и принять его сторону.

Тѣмъ временемъ настала срокъ для собранія рады. «Заразъ по веснѣ на Украинѣ завелось новое лихо, котораго при старыхъ гетманахъ не бывало, то-есть, черная рада» ¹⁾.

По желанію запорожцевъ и тѣхъ полковъ, которые стояли за Брюховецкаго (лубенскій, нѣжинскій и др.), а также и по указу великаго государя царя Алексѣя Михайловича, рада назначена была въ городѣ Нѣжинѣ, на іюнь мѣсяць, и на ней должны были присутствовать въ качествѣ представителей отъ московскаго правительства князь Данилъ Степановичъ Великій-Гагинъ, стольникъ Кириллъ Хлоповъ, дьякъ Иванъ Ѳоминъ и нѣкоторые другія лица съ 7-ю или 8-ю тысячами московскихъ ратниковъ. Со стороны козацкой старшины тутъ были «гетманъ кошевой» Иванъ Брюховецкій, наказный гетманъ Якимъ Сомко, нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко; кромѣ того, нѣсколько полковниковъ, сотниковъ, простыхъ козаковъ, запорожцевъ и мѣщанъ. Изъ духовныхъ сановныхъ лицъ—епископъ мстиславскій и оршанскій Меоодій, блюститель кievскаго митрополичьяго престола. Въ исторіи Малороссіи эта рада извѣстна подъ именемъ нѣжинской или черной рады, потому что на ней, кромѣ значныхъ козаковъ, допущена была козацкая чернь. Рада была одна изъ самыхъ бурныхъ и привела къ избранію въ гетманы запорожскаго кошевого атамана Ивана Мартыновича Брюховецкаго и къ гибели наказного гетмана Якіма Сомка.

Въ этомъ отношеніи рѣшающую роль играли запорожскіе козаки и отъ нихъ зависѣло быть или не быть одному изъ двухъ претендентовъ на гетманство. Не понимая этого, Сомко не искалъ милости у запорожцевъ, онъ самъ себя объявилъ въ Козельцѣ на радѣ наказнымъ гетманомъ и теперь долженъ былъ поплатиться за то. «То собраніе Сомково ни во что стало, потому что Брюховецкій съ запорожцами пользовался у его царскаго величества большею ласкою и, кромѣ того, за него старался епископъ Меоодій, котораго Брюховецкій расположилъ въ свою пользу разными подарками и общаніями» ²⁾.

¹⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1872, 72.

²⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 73.

Рада назначена была на 17 іюня 1663 года и для предупрежденія могущихъ произойти на ней безпорядковъ приказано было всѣмъ старшинамъ и всѣмъ рядовымъ козакамъ являться на раду безъ оружія. Среди площади поставленъ былъ столъ, у стола для князя кресло, а ниже площади, гдѣ происходила рада, поставлена была царская чернаго цвѣта палатка ¹⁾ и за палаткой помѣщено было вооруженное російское войско. Ударили въ котлы, и козацкія войска стали собираться въ кругъ, но, вопреки приказу князя Гагина, съ пушками и съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Гагинъ вновь напомнилъ о своемъ приказаніи на счетъ оружія, и старшина, снявъ оружіе, отдала его своимъ челядникамъ. Когда козаки собрались въ кругъ, тогда изъ палатки вышелъ князь Гагинъ и сталъ читать «вѣрющую грамоту». Выслушавъ до конца грамоту, гетманы, старшина и всѣ войска ударили челомъ за государево жалованье и милостивое слово. Послѣ этого князь Гагинъ сталъ читать рѣчь, но полковники, сотники, атаманы, асаулы, козаки и чернь стороны Ивана Брюховецкаго, не дослушавъ до конца всей рѣчи, стали провозглашать гетманомъ Ивана Брюховецкаго и, по своему козацкому обычаю, начали подбрасывать вверхъ шапки. Тоже сдѣлали полковники и все войска стороны Якима Сомка. Конница Якима Сомка, съ бунчукомъ, литаврами и многими знаменами, за ней пѣхота того же Сомка съ ружьями, вскочили въ ряды пѣшихъ, и обѣ вмѣстѣ произвели замѣшательство на радѣ. Произошелъ бой, во время котораго князь Гагинъ съ товарищами былъ сбитъ съ мѣста, многіе товарищи переранены, нѣкоторые до смерти побиты; послѣ боя рада была разорвана, и козаки разошлись въ свои обозы. На другой день послѣ всего происшедшаго князь Гагинъ послалъ маіора Непейцына къ Брюховецкому и Сомку съ объявленіемъ, чтобы они вновь явились на раду, а войскамъ своимъ строго приказали въ раду безъ ружей идти, ссоръ не заводить и убійствъ не чинить. Послѣ этого скоро съ маіоромъ Непейцынымъ прибѣжалъ къ государеву шатру Якимъ Сомко съ пятью полковниками и объявилъ, что сотники, атаманы, асаулы и козаки его полковъ и чернь, бывшая при нихъ, отошли въ обозъ къ Брюховецкому и хотѣли побить Сомка съ пятью полковниками до смерти. Князь Гагинъ немедленно распорядился отправить Сомка съ его товарищами въ городъ къ воеводѣ Михайлу Дмитріеву на обереженіе.

¹⁾ Кіевская старина, 1888, май, 134, прим. I.

Въ слѣдъ за этимъ князь Гагинъ послалъ того же маіора Непейцына и къ Брюховецкому съ приглашеніемъ явиться на раду. Брюховецкій явился съ 40.000 своихъ сторонниковъ. Тогда снова прочитана была «вѣрющая грамота», снова сказана была княземъ рѣчь, и послѣ рѣчи открытъ былъ вопросъ объ избраніи гетмана. На этотъ разъ безъ крика и безъ ссоръ вольными голосами всѣхъ присутствующихъ избранъ былъ въ «совершенные» гетманы Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. Въ тотъ же день, т.-е. іюня 18 числа, отслужено было молебное пѣніе въ нѣжинской соборной церкви съ многолѣтіемъ о здравіи государя, а послѣ молебна новый гетманъ принесъ присягу на вѣрность государю и получилъ отъ князя Гагина грамоты на гетманство, на булаву и на гадячское староство ¹⁾. Послѣ этого князь Гагинъ донесъ въ Москву о невѣрности государю Якимъ Сомка, полковниковъ черниговскаго Силича и переяславскаго Щуровскаго. И Сомко, обвиненный въ сношеніи съ Павломъ Тетерею и въ намѣреніи насильно добиться гетманства, отданъ былъ въ руки Ивана Брюховецкаго и казненъ послѣднимъ въ городѣ Борзнѣ, сентября 18 дня вмѣстѣ съ Василиемъ Золотаренкомъ и нѣкоторыми другими ²⁾.

Добившись званія гетмана черезъ запорожцевъ, Брюховецкій тотчасъ послѣ нѣжинской рады сталъ осыпая ихъ разными милостями: «И того жъ дня Брюховецкій понастановлялъ по всѣмъ городамъ своихъ полковниковъ изъ тѣхъ людей, которые вышли съ нимъ изъ Запорожья. При этой перемѣнѣ старшинъ украинская чернь произвела избіеніе между многими значными полковниками, и это убійство продолжалось въ теченіи трехъ дней, но не было принято гетманомъ за серьезное дѣло. Старшина и значные козаки старались скрываться, переодѣваясь вмѣсто кармазиновыхъ кафтановъ въ сермяги» ³⁾.

Оставивъ Нѣжинъ, Брюховецкій распустилъ всѣхъ поставленныхъ имъ полковниковъ, выведенныхъ изъ Запорожья, по главнымъ украинскимъ городамъ, давъ каждому изъ нихъ по сто челоуѣкъ въ собственное распоряженіе, надѣливъ жупанами, подаривъ размѣры съ мельницъ, позволивъ отворять шинки, пить и

¹⁾ Клевская старина, 1888, май, 135—136.

²⁾ Дальнѣйшія подробности о Сомкѣ и Брюховецкомъ относятся къ исторіи украинскихъ козаковъ.

³⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, 78; Акты юж. и зап. Россіи, V, 173.

гулять въ теченіи трехъ дней и идти куда кому захочется. «Тогда много было причинено зла людямъ, особенно значнымъ старшинамъ, потому что между ними (запорожцами Брюховецкаго) были такіе, которые раньше служили у значныхъ пановъ и были наказываемы за свои проступки или же были облаяны своими господарями, какъ это часто бываетъ при дворахъ». Гоненіе на значныхъ продолжалось долго и послѣ того нѣкоторыхъ изъ нихъ поотсылали въ Москву, нѣкоторыхъ поотправляли въ Сибирь, а на нѣкоторыхъ наложили дань давать жупаны на запорожскую пѣхоту ¹⁾).

¹⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 79.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Сборы Брюховецкаго въ походу противъ Тетери и обращеніе къ запорожскимъ козакамъ. — Совѣстные дѣйствія Сирка и Косагова подъ Перекопомъ противъ татаръ. — Замыслы татаръ и Тетери противъ Украйны. — Обращеніе Брюховецкаго за помощью противъ поляковъ къ Сирку и выѣздъ вѣсто Сирка ватаги Чугуя. — Присылка въ Сичь «преlestныхъ» писемъ Тетери и волненіе въ Запорожьѣ. — Отписка о томъ Косагова въ Москву и ободряющая грамота отъ царя Сирку. — Подвигъ Косагова и Сирка въ борьбѣ съ Карачъ-беємъ. — Походъ Сирка за Днѣпръ и за Бугъ. — Переходъ польскаго короля на лѣвую сторону Днѣпра и разгромъ его Брюховецкимъ и Ромодановскимъ подъ Глуховымъ. — Выходъ Косагова и Туровца въ помощь Сирку противъ воеводы Чарнецкаго. — Новыя дѣйствія Косагова и Сирка подъ Корсунемъ и Уманемъ. — Удаленіе Сирка въ Торговицу, походъ его въ Буджакъ, пораженіе подъ Гараджинымъ и возвращеніе въ Сичь. — Пораженіе Косагова отъ поляковъ у Корсуни и жалоба на Брюховецкаго. — Недовольство Сирка на Брюховецкаго и отъѣздъ его въ Бѣлгородъ. — Дѣйствія кошевого Щербины противъ турокъ. — Просьба Брюховецкаго о назначеніи на Украйну и Запорожье московскихъ воеводъ и негодованіе запорожцевъ на гетмана. — Враждебная встрѣча запорожцами Косагова. — Измѣненіе положенія дѣлъ къ лучшему вслѣдствіе появленія на сцену Сирка.

Добившись давно желаннаго гетманства, Брюховецкій прежде всего рѣшилъ идти походомъ на властнаго гетмана Павла Тетерю и наказнаго Петра Дорошенка правой стороны Днѣпра; но скоро узналъ, что противъ него собрался походомъ самъ король Янъ-Казиміръ вмѣстѣ съ Тетерей, Дорошенкомъ, Гуляницкимъ и Чарнецкимъ. Тогда Брюховецкій обратился за помощью къ запорожскимъ козакамъ.

Запорожскіе козаки и ихъ кошевой атаманъ Иванъ Сирко дѣйствовали въ это время противъ крымскихъ татаръ. Заодно съ ними дѣйствовалъ и стряпцій Григорій Косаговъ.

Косаговъ, получивъ, апрѣля 9 дня, 1663 года, царскій указъ для выѣзда на службу съ московскими ратниками въ Запорожье, сильно задержался на Украйнѣ прежде всего вслѣдствіе недостатка въ сѣстныхъ припасахъ. Онъ остановился въ городѣ Ахтыркѣ для закупки хлѣба и отправки его въ Запорожье. Денегъ, данныхъ ему для этого, оказалось слишкомъ мало, а липы (лодки)

для отправки хлѣба стоили слишкомъ дорого; сами же жители Ахтырки отказались доставить хлѣбъ на собственныхъ подводахъ ¹⁾. Независимо отъ этого, Косаговъ встрѣтилъ и другое препятствіе для скорѣйшаго своего прибытія въ Сичь—измѣну русскому царю со стороны жителей крѣпости Переволочны, перешедшихъ на сторону гетмана Павла Тетери. Крѣпость эта стояла при впаденіи рѣчки Ворсклы въ рѣку Днѣпръ и потому пройти мимо нея по Днѣпру на Запорожье съ запасами, судами и ратными людьми не было никакой возможности. Кромѣ Переволочны, измѣнили царю города Кременчугъ и Потокъ, и гетманъ Иванъ Брюховецкій предписывалъ Косагову (іюля 7 дня) идти съ московскими ратными людьми въ Омельникъ и чинить промыслъ надъ измѣнившими царю городами, составлявшими великую помѣху на пути въ Запорожье. Но Косаговъ, не смѣя этого дѣлать безъ царскаго указа, ждалъ на то государева приказанія ²⁾. Когда же царское приказаніе послѣдовало, то Косаговъ вступилъ въ бой съ измѣнниками. Іюля 20 дня онъ подошелъ къ городу Кишенкѣ, у рѣчки Орели, и отсюда отправилъ посланцевъ въ Переволочну къ жителямъ ея съ требованіемъ виниться передъ царемъ и бить ему челомъ. На слѣдующій день послѣ этого къ Косагову явились переволочанскій попъ Павелъ да атаманъ Василиій Алексѣенко съ 16 человекъ товарищей и передъ евангеліемъ поклялись быть въ вѣрности московскому государю. А черезъ три дня послѣ этого изъ-за рѣчки Ворсклы къ Кишенкѣ внезапно прискакали татары и многихъ жителей города, а съ ними и одного караульнаго рейтара, взяли въ полонъ. Косаговъ бросился за татарами въ погоню, нагналъ ихъ въ двухъ верстахъ отъ города и билъ и сбѣжалъ ихъ до самой Орели, на пространствѣ 20 верстъ отъ Кишенки, отнявъ у нихъ весь полонъ, взявъ стада и трехъ человекъ языковъ ³⁾. Побивъ одинъ отрядъ татаръ, Косаговъ побилъ и другой. Другой отрядъ высланъ былъ противъ него наказнымъ гетманомъ правой стороны Петромъ Дорошенкомъ, который сидѣлъ въ Кременчугѣ. Дорошенко послалъ 200 человекъ козаковъ да 100 человекъ татаръ къ городу Кишенкѣ. Но Косаговъ разбилъ и этотъ отрядъ, послѣ чего соединился съ запорожцами и съ калмы-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 137.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 136.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 137.

ками, призванными къ участию въ событіяхъ Украйны Иваномъ Сиркомъ ¹⁾, и совмѣстно съ ними, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отправился за Днѣстръ, гдѣ пожегъ много ханскихъ селеній, много побилъ армянъ и волоховъ и 20 числа того же сентября мѣсяца благополучно возвѣтатился въ запорожскую Сичу на Чортотмыль ²⁾.

Прибывъ въ Сичь, Косаговъ нашелъ здѣсь недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, потому что изъ черкасскихъ городовъ, вслѣдствіе занятія шляховъ татарами и нападенія ихъ на торговыхъ людей, хлѣбныхъ запасовъ никто не везъ. Поэтому Косаговъ отправилъ изъ Сичи въ черкасскіе города до Ахтырки рейтара Онуфрія Сукачева съ товарищами и съ деньгами 230 ефимковъ для закупки тысячи четвертей хлѣбныхъ продовольствій и просилъ государя учинить указъ на доставку ихъ подводами въ Запорожье ³⁾.

Но уже на слѣдующій день, т.-е. сентября 21 дня, послѣ прибытія Косагова изъ-за Днѣстра, пришли въ Сичу запорожскіе козаки и рассказали своему атаману, Ивану Сирку, что они были въ Черномъ морѣ и что ихъ настигли тамъ турецкія галеры; козаки сдѣлились съ галерами, бились съ турками три дня и двѣ ночи, а на третью ночь причалили къ берегу, изрубили топорами свои чайки, а сами бросились отъ моря въ степь и пѣшкомъ добрались до самой Сичи. Выслушавъ это извѣстіе, Сирко собралъ войско и, октября 2 дня, вмѣстѣ съ Косаговымъ, выступилъ изъ Сичи по направленію къ Перекопу, а черезъ девять дней уже очутился у пѣли своего похода. Перешедъ между городомъ Перекопомъ и Чернымъ моремъ перекопскій ровъ и раздѣливъ войско на два отряда, Сирко съ пѣшими козаками и русскими драгунами самъ бросился въ Перекопъ съ крымской стороны, а Косагову велѣлъ остаться у воротъ Перекопа, на русской сторонѣ. Расчетъ Сирка удался если не вполне, то на половину: козаки Сирка дрались мужественно и взяли большой городъ, но ратники Косагова высѣкли только двое воротъ малаго города, но самаго города, гдѣ сидѣли янычары, не сумѣли взять и потеряли у себя девять человекъ убитыми. Тутъ изъ крымскихъ селъ пришли въ Перекопъ до 1.000 человекъ турокъ и татаръ и учинили жестокой бой въ посадѣ города съ козаками и московскими ратными людьми. Тогда козаки

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 86.

²⁾ Акты, V, 137; Соловьевъ, Исторія, Россіи XI, 148.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 138, 163.

и ратники, соединившись вмѣстѣ, зажгли большой городъ, захватили въ плѣнъ нѣсколькихъ человекъ татаръ съ женами и дѣтьми и вышли вонъ изъ города на русскую сторону. За ними бросились бывшіе въ засадѣ татары съ салтаномъ Нуррединоиъ: выскочивъ изъ Перекопа, они шли за козаками пять верстъ съ пушками и бились съ ними до самаго вечера. Но козаки и здѣсь имѣли перевѣсъ надъ татарами, причинивъ имъ большой вредъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. Въ этомъ бою взяты были въ плѣнъ таванскій воевода Умаръ-ага и 27 татаръ. Всѣхъ плѣнниковъ съ ихъ женами и дѣтьми козаки изрубили, а сами потомъ, октября 16 дня, благополучно возвратились въ Сичу. Изъ Сичи посланъ былъ съ извѣстіемъ объ успѣхахъ оружія козаковъ и русскихъ ратниковъ къ царю бывший полковникъ Иванъ Гладкій, Романъ Кнышъ, да прапорщикъ Степанъ Зиборовъ, всѣ три бывшіе участники перекопскаго дѣла ¹⁾. Прибывши въ Москву, они сообщили, что Сирко и Косаговъ шли изъ Запорожья къ Перекопу съ крымской стороны отъ черкаскаго (т.-е. Чернаго) моря, въ теченіи недѣли; въ Перекопѣ они овладѣли землянымъ валомъ да большимъ каменнымъ городомъ, а къ меньшему городку за наступленіемъ дня, не приступали. Дѣйствовали же они одни, безъ калмыковъ, въ Перекопѣ оставались одинъ день, а назадъ шли три дня. Морового повѣтрія въ Перекопѣ при нихъ, послахъ, не было; слышно было, что оно свирѣпствовало тамъ раньше ихъ прихода; въ Запорожьѣ же у козаковъ все благополучно. Если же кошевой Сирко писалъ къ Брюховецкому о моровомъ повѣтріи у татаръ, то, нужно думать, онъ дѣлалъ это просто отъ стыда, потому что, «будучи въ развратѣ (раздорѣ), козаки избили всѣхъ плѣнныхъ татаръ и некого имъ было послать къ гетману за языка». Изложивъ все это, посланцы жаловались на трудность и продолжительность своего пути, во время котораго имъ пришлось пораспродать рухлядь и лошадей и на полученныя деньги покупать себѣ харчи ²⁾.

Въ слѣдъ за этимъ самъ Косаговъ доносилъ царю въ Москву, что октября 28 дня, пришли изъ Крыма въ Сичу черкасскіе полоняники и сообщили кошевому Сирку о намѣреніи крымскаго хана идти на Русь войной. Кромѣ того, со словъ кошевого Сирка,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 138, 139.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 139, 140.

судьи и обознаго запорожскихъ козаковъ, Косаговъ извѣщалъ царя, что Тетеря вмѣстѣ съ поляками хочеть идти на Кодакъ и взять его. Въ Кодакъ на ту пору было всего лишь двадцать человекъ козаковъ, и если Тетеря возьметъ ту крѣпость, то это послужить въ большой вредъ какъ запорожскимъ козакамъ, такъ и россійскому войску. Кодакъ стоитъ на самомъ проходѣ по Днѣпру, и когда имъ завладѣютъ враги, то неоткуда будетъ доставлять запасовъ въ Запорожье. Послать же туда людей изъ Запорожья некого, потому что въ самой Сичи ихъ осталось очень мало,— всѣ они разошлись, вслѣдствіе зимняго времени, въ города по домамъ ¹⁾.

Положеніе дѣлъ еще болѣе усложнялось отъ того, что въ это самое время гетманъ Брюховецкій, видя наступательное движеніе поляковъ на Украину и не надѣясь на свои силы, послалъ въ Сичу къ Сирку съ требованіемъ, чтобы онъ шелъ, сообщая съ калмыками, подъ городъ Чигиринъ правую сторону Днѣпра (2). Но Сирко этого сдѣлать не могъ и вмѣсто него выступилъ, съ нѣсколькими сотнями верховыхъ козаковъ, въ помощь Брюховецкому, запорожскій ватагъ Чугуй ³⁾.

Въ ноябрѣ того же 1663 года Косаговъ доносилъ воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому и черезъ него царю Алексѣю Михайловичу, что ханъ крымскій со своею ордою и салтанъ Нуррединъ уже стоятъ у Перекопа; что татары до Чернаго моря, по рву, сдѣлали каменную стѣну и намѣреваются, соединившись съ польскимъ королемъ, идти на черкасскіе и русскіе города; что ханъ съ ордою, полками и измѣнниками черкасами вмѣстѣ съ тѣмъ пройдетъ и въ Запорожье. Въ Запорожьѣ же совсѣмъ малолюдно: изъ ратныхъ людей, бывшихъ тамъ, осталось только 200 человекъ, остальные всѣ разбѣжались, да столько же запорожскихъ козаковъ, а можетъ быть, и меньше того, остальные всѣ разошлись по городамъ. Въ случаѣ же прихода враговъ запорожской Сичи и русскаго городка удержать будетъ нельзя: оставшіеся запорожцы или уйдутъ въ днѣпровскія займища или сдадутся. Ратные же московскіе люди, покравъ у запорожскихъ козаковъ да у своей же братіи лошадей, ушли изъ Сичи въ Бѣл-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 139.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 191, 192.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 78.

городъ. Бѣжали же они не отъ голода и нужды, а отъ страха, слыша, что поляки, татары и черкасы идутъ на Запорожье. Въ заключеніе Косаговъ просилъ князя Ромодановскаго выслать къ нему въ Сичу всѣхъ бѣглецовъ, чтобъ Запорожье, вслѣдствіе своего малолюдства, не отступило изъ подданства великаго государя и чтобъ не пропали остальные великаго государя ратные люди, казна, порохъ и всякіе запасы ¹⁾). Донося объ этомъ же самомъ царю, Косаговъ писалъ, что князь Григорій Ромодановскій не велѣлъ высылать къ нему бѣглецовъ московской рати и что между запорожскими козаками являются многія «шатости». Тутъ же вмѣстѣ съ этимъ онъ сообщалъ, что ноября 20 числа въ Сичу изъ Крыма пришли новые выходцы-полоняники и рассказывали, что у села Бустурчя у крымскаго хана съ мурзами была рада; послѣ рады ханъ распустилъ орду по домамъ, но на десятый день приказалъ являться къ Перекопу съ запасами и съ лошадьми. Изъ Перекопа онъ намѣревался идти въ заднѣпровскіе города къ полякамъ; сойдясь съ поляками и черкасами, предполагалъ отправиться на черкасскіе города великаго государя. Ханъ уже послалъ пушки съ татарами въ городокъ Асламъ, раньше своего прихода. Заднѣпровскіе черкасы также поднялись заодно съ татарами: вездѣ по запорожской дорогѣ большое воровство, проѣзжихъ людей грабятъ и убиваютъ. Къ этому бѣдствію присоединился еще недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: въ Запорожьѣ осмачка ржаной муки продавалась по 5 рублей, а пшена и вовсе добыть нельзя. Посланные люди въ городъ Ахтырку за покупкой хлѣба не могли его доставить потому, что не на чѣмъ было привезти. Теперь московскіе люди стали бѣжать изъ Запорожья еще и отъ голода ²⁾).

Но все же и при всемъ этомъ положеніе Ивана Сирка и Григорія Косагова въ Сичи не было такъ опасно до тѣхъ поръ, пока Павелъ Тетеря не присылалъ въ Сичь своихъ «прелестныхъ» писемъ къ запорожскимъ козакамъ. Тетеря былъ убѣжденный въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ человекъ: онъ страдалъ душой и сердцемъ за свою родину и искалъ способа поставить ее на путь самостоятельной и независимой жизни. Но его взгляды были полярно противоположны взглядамъ запорожскихъ козаковъ и всей массѣ населенія малороссійскихъ городовъ. Запорожцы видѣли за-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 141.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 142.

логъ для свободы украинскаго народа въ рускомъ православномъ царѣ, гетманъ Тетеря видѣлъ его въ польскомъ католическомъ королѣ. Онъ приводилъ въ своемъ письмѣ къ запорожцамъ историческія традиціи о связи ихъ съ Польшей, ставилъ на видъ ненадежность союза съ Москвой, опасность отъ крымскаго хана и, наконецъ, свою безкорыстную преданность запорожскимъ козакамъ. Уже вскорѣ послѣ возвращенія запорожцевъ изъ-подъ Перекопа Павелъ Тетеря отправилъ въ Запорожье своихъ посланцевъ съ «прелестными» письмами, въ которыхъ старался склонить «молодцовъ» на сторону Польши: «Польскій король Янъ-Казимиръ, желая отобрать у московскаго царя сегобочную Украину и скасовать гетмана Брюховецкаго, рѣшилъ постановить для обѣихъ малороссійскихъ сторонъ одного гетмана Павла Тетерю» ¹⁾.

Одинъ изъ такихъ листовъ, писанный ноября 18 дня, 1663 года, изъ города Кременчуга, доставленъ былъ въ руки Григорія Косагова и списокъ съ него отправленъ въ Москву.

«Пану атаману кошевому и всему старшему и меньшему на Кошѣ товариству со всѣмъ его королевской милости войскомъ запорожскимъ добраго отъ Господа Бога здоровья и счастливаго желаемаго покоя вѣрно и взаимно желаю. Объявляю вамъ, братіи моей, что король, государь нашъ милостивый, не терпя больше ежедневнаго кровопролитія и нашей пагубы и не желая своей землѣ опустошенія, оставивъ свой господарскій престолъ, пришелъ съ короннымъ и чужеземнымъ войскомъ на Задніпрье; онъ желаетъ не мечомъ и войною обратитъ своихъ подданныхъ къ своей власти, но обнадеживаетъ ихъ своею отеческою милостію, онъ не ищетъ никакого отмщенія за наши прошлые грѣхи, общаетъ королевскимъ словомъ приклонитъ подъ свои крылья, вмѣстѣ съ нами, всѣхъ задніпрянъ и даровать имъ равныя вольности, и все, что совершилось въ нынѣшнія смутныя времена, приписываетъ устроенію божію и своимъ грѣхамъ. И вы, братія наши, будучи съ нами одного тѣла, не столько сами по себѣ, сколько отъ безпокойныхъ людей, недавно напившихся крови нашей братіи, и отъ московскихъ прелестей разъединились съ нами. Теперь я, по своей христіанской любви, прошу васъ, какъ милыхъ братьевъ, и братски предостерегаю, чтобы вы прежде времени отозвались надлежащимъ послушаніемъ къ его милости королю, какъ своему дѣдичному государю, подъ

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 79.

властію котораго породились и наши прадѣды, и дѣды, и отцы, и вы сами молодецкія головы, славы и моремъ и полемъ добывали, и нынѣ всѣ вмѣстѣ дышемъ его государскою днѣпровскою водою. Обнадеживаю васъ словомъ христіанскимъ и братскимъ, что король, государь нашъ милостивый, сохранитъ васъ при тѣхъ же вольностяхъ, при которыхъ пребываемъ и мы, и объявитъ вамъ такую же милость, какъ и намъ, забывъ всякое ваше пресгупленіе... Не откладывайте, пропну васъ, этого святого дѣла и не говорите такъ, какъ другіе безразсудные привыкли говорить: «пусть-де царь съ королемъ помирится, а мы, кому достанемся, тому и будемъ кланяться»; а какъ король помирится съ царемъ, то не скажетъ, что вы, братія наша, склонились добровольно, а скажетъ, что по принужденію. А царь не только васъ, но и своего народа не можетъ оборонить. Какъ солнце на небѣ сіяетъ и вода безпреставно въ Днѣпръ течетъ, такъ и мы никогда отъ короля, пана своего, всѣ отпасть не можемъ, только ему, какъ дѣдичному государю, и можемъ служить. А если воспротивимся ему, то смотрите, чтобы не утерять намъ нашей столицы запорожской, гдѣ предки наши добывали славу, ибо крымскій ханъ не спитъ и имѣетъ намѣреніе напасть на насъ... Если же не захочете вы, братія моя, слушать нашего здраваго совѣта, то вольно вамъ, только бѣ послѣ того не жалѣли бы; не думайте, чтобъ я тѣмъ славы себѣ искалъ и желалъ бы долгаго гетманства, я желаю только согласія между вами и войскомъ его королевской милости запорожскимъ. А когда Богъ дастъ общую згуду, то того же дня сложу съ себя предъ вами, добрыми молодцами, гетманское званіе, для меня вовсе нежелаемое, и вы, добрые молодцы, кого захотите, того и выберите»¹⁾.

Отправляя письмо къ кошевому атаману Ивану Сирку и всему низовому запорожскому войску, Павелъ Тетеря вмѣстѣ съ этимъ далъ для лучшей памяти своимъ посланцамъ пять слѣдующихъ «информаций». Во-первыхъ, посланцы прежде всего должны отдать поклонъ и объявить братское желательство пану атаману кошевому и всему находящемуся при Кошѣ старшему и меньшему товариству отъ имени гетмана Павла Тетери и короля Яна-Казимира. Во-вторыхъ, посланцы должны объявить, что король идетъ на Украину не съ войной, а съ милостью, что послѣ взятія чмъ весной Воронкова всѣ ему сдаются, почему онъ надѣется видѣть

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 143—145.

склонною къ себѣ и всю Полтавщину и что только съ упрямыми онъ будетъ воевать и не отступить до тѣхъ поръ, пока не покоритъ всей земли. Въ-третьихъ, посланцы не должны забыть сказать, что хотя, съ одной стороны, есть много добрыхъ молодцовъ, которые долго не разсчитываютъ оставаться подъ Москвой, съ другой—много и такихъ, которые не думаютъ никогда быть подъ королею, однако, нужно спросить ихъ, какъ москаль можетъ владѣть Запорожьемъ, когда онъ шлетъ къ королю посла за посломъ, безъ зазрѣнія прося у него мира? И теперь пришелъ какой-то Поликарповичъ: проситъ короля уступить царю Смоленскъ и предлагаетъ ему за то отъ 4—6 миллионъ, лишь бы только добиться мира и не имѣть стыда отъ своего народа. Конечно, московскій царь давно бы имѣлъ работу съ коронными и татарскими войсками, давно бы и въ Москвѣ увидѣлъ гостей, но онъ заслоняетъ хребетъ свой нашими же бѣдными заднѣпрями, а заднѣпряне и понять не могутъ, что своимъ лихомъ царское лихо избыываютъ. Въ-четвертыхъ, также объявить, именемъ гетмана и короля, что когда король приметъ всѣхъ находящихся отъ старшого до меньшого товариства на Кошѣ, то онъ обнадѣжитъ своею милостію не искать ни на комъ отмщенія. Особо король обнадѣживаетъ пана атамана кошевого Ивана Сирка, что хотя коронное и татарское войско вмѣстѣ съ гетманомъ Павломъ Тетерей и наступитъ на Украину, то все-таки для кошевого найдется удобный способъ проводить его безъ всякаго убытка изъ Полтавы, о чемъ пану кошевому нѣтъ надобности и печалиться. А если бы король и гетманъ пошли войной и Полтава не захотѣла бы добровольно поклониться королю, то и тогда гетманъ съ королею обнадѣживаетъ, что оттуда будетъ выведена жена пана Ивана Сирка. Но болѣе всего нужно хлопотать о томъ, чтобы изъ Запорожья вывели тѣхъ непогребныхъ людей, которыхъ прежде тамъ не бывало и черезъ которыхъ вольность и слава войска запорожскаго убываетъ и умаляется. Въ-пятыхъ, посланные должны поставить на видъ всѣмъ, какъ старшимъ, такъ и меньшимъ товарищамъ, то, что теперь, не ѣздя въ Варшаву, можно добиться у короля того, чего желаетъ получить запорожское войско, потому что король, самъ какъ гость, пришедши на Украину, исполнитъ все просимое, лишь бы только войско поскорѣе совокупилось и пришло бы къ давнему братству. И если войско утерять золотое время, то уже не скоро дождется такого и потомъ не мало будетъ сожалѣть о томъ. За всѣмъ этимъ просить войско дать скорѣйшій

отвѣтъ гетману Тетерѣ, и будетъ-ли то пріятно пану кошевому атаману и всему при Кошѣ товариству, или же будетъ непріятно добрымъ молодцамъ, просить отпустить по волѣ посланцевъ гетмана, потому что пословъ у разумныхъ людей не сѣкутъ и не рубятъ, такъ какъ посолъ подобенъ мѣшку: что въ него положить, то онъ и несетъ, а болѣе всего надо помнить о томъ, что когда бы то ни было, но нужно видѣться обѣимъ другъ съ другомъ сторонамъ¹⁾.

Письмо Тетери, проникнутое убѣжденіемъ спасти погибающую отъ раздоровъ родину и искреннимъ желаніемъ ей всякаго блага, не могло не имѣть своего дѣйствія на запорожцевъ. Григорій Косаговъ, извѣщая о томъ въ Москву, писалъ царю, что когда читали это письмо на радѣ, то половина запорожскихъ козаковъ не хотѣла и слушать его, а половина обрадовалась тому. «И появились шатости въ Запорогахъ великія. Кошевой Иванъ Сирко часть отъ того письма себѣ и мнѣ, твоему холопу, вмѣстѣ съ твоими великаго государя ратными людьми, всего худого. И кошевой бьетъ тебѣ, великому государю, челомъ, чтобъ ты, великій государь, пожаловалъ своею государскою милостью, велѣлъ прислать въ Запорожье ратныхъ людей на помощь, потому что теперь въ Запорожьѣ войска совсѣмъ немного. Теперь изъ запорожскаго войска послали узнать, на основаніи письма Тетери, о сдачѣ козачьихъ городовъ; и если города сдадутся польскому королю, а къ запорожцамъ вскорѣ не придутъ на помощь ратные люди, то они сами сдадутся: великій страхъ у нихъ передъ крымскимъ ханомъ; ханъ же этой зимой непременно собирается съ козаками Тетери на Запорожье, чтобы взять запорожскую Сѣчу. А Сѣча у нихъ на полѣ и крѣпости около ней никакой нѣтъ, козаковъ же и ратныхъ людей въ ней всего около 400 человекъ». При всемъ этомъ кошевой Иванъ Сирко оставался вѣрнымъ царю: онъ велѣлъ задержать посланцевъ Тетери въ Сичи, а письма ихъ отослалъ къ гетману Ивану Брюховецкому²⁾. Но положеніе Сирка и Косагова чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлалось затруднительнѣе. По крайней мѣрѣ, Косаговъ, въ это самое время писавшій письмо своему отцу, увѣдомлялъ его, что онъ переживаетъ самыя трудныя минуты и что, быть можетъ, судьба не позволитъ и свидѣться имъ: «Батюшка государь мой Иванъ Ивановичъ, здравствуй на многія лѣта, а

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 145, 146.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 142.

меня помилуй, дай благословеніе и прости. Чаю, что пришло остатнее (время) ко мнѣ: если черкасскіе города сдадутся, такъ и Запорожье сдастся королю, и мнѣ съ Сиркомъ тутъ мать; теперь бунтуютъ, на насъ совѣтъ совѣщаютъ съ обманомъ и если найдутъ нужнымъ, то могутъ отдать насъ ляхамъ или татарамъ¹⁾.

Декабря 31 дня царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ грамоту въ Запорожье къ Григорію Косагову и въ ней прежде всего приказывалъ ему и кошевому Сирку уговаривать и укрѣплять всякими мѣрами и обнадеживать всякими милостями запорожскихъ козаковъ; затѣмъ извѣщалъ, что ратными люлями наполнить Запорожье онъ уже приказалъ гетману Ивану Брюховецкому, о сыскѣ и высылкѣ бѣглыхъ предписалъ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, а объ отправкѣ хлѣба въ Запорожье послана грамота воеводѣ въ Ахтырку²⁾.

Но пока пришла эта царская грамота къ кошевому Ивану Сирку и стряпчему Григорію Косагову, они уже совершили новый подвигъ во время похода противъ татаръ. Полоняники, вышедшіе изъ Крыма въ Запорожье, принесли вѣсть, что, вслѣдствіе просьбы польскаго короля Яна-Казимира, крымскій ханъ хочетъ идти на соединеніе съ королемъ, чтобы общими силами ударить на Украину. Тогда Сирко съ Косаговымъ и съ калмыцкимъ мурзой Эркетъ-Атуркаемъ, имѣвшимъ подъ рукой 100 человекъ калмыковъ, пошелъ подъ Перекопъ, чтобы помѣшать хану въ его походѣ и добыть языковъ. Союзники добрались въ Куты, на сторонѣ Перекопа, надъ Чернымъ моремъ, разграбили тамъ не мало татарскихъ селеній, захватили нѣсколько человекъ татаръ, отбили около 100 человекъ русскихъ и черкасскихъ плѣнниковъ. Тогда противъ запорожцевъ, калмыковъ и русскихъ ратныхъ людей вышелъ перекопскій ханъ Карачъ-бей и напалъ на нихъ. Союзники отступили отъ него на пространствѣ двухъ миль къ рѣчкѣ Каланчаку. Тутъ кошевой Сирко и стряпчій Косаговъ устроили противъ татаръ изъ коней кошъ и открыли съ непріятелями бой. Не смотря на то, что татаръ было 1.000 человекъ и ими предводительствовалъ знаменитый Карачъ-бей, не смотря на то, что у Сирка и Косагова было всего лишь 90 человекъ запорожцевъ, 60 человекъ калмыковъ да 30 человекъ донцевъ, побѣда все-таки осталась за ко-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 146.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 147.

заками. Убиты были Карачъ-бей, его братъ, племянникъ, писарь, казодаръ и всѣ татары, кромя одного — единственнаго турчина Махмета. Калмыки не позволяли брать живыми татаръ и всѣхъ ихъ старались колоть. Оставшійся въ живыхъ турчинъ сообщалъ Сирку, что польскій король постоянно шлетъ къ крымскому хану посланцевъ и проситъ хана прислать ему орду на помощь; ханъ же отвѣчаетъ ему, что за козаками, калмыками да ратными московскими людьми выйти ему изъ Крыма невозможно, въ дѣйствительности же ханъ былъ испуганъ успѣхомъ запорожскихъ козаковъ подъ Перекопомъ и смертью Карачъ-бея ¹⁾. Вышедшій изъ татарскаго плѣна въ Запорожье князь Василій Борисовичъ Шереметевъ съ рейтаромъ Иваномъ Калугинымъ подтвердилъ, что дѣйствительно ханъ такъ напуганъ запорожцами, что даже отправилъ посланца своего къ польскому королю съ отказомъ ему въ своей помощи. То же сообщали и другіе бѣглецы и пойманные татары.

Царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ о подвигахъ Сирка и Косагова, выразилъ имъ особою грамотою свою милость и обѣщалъ обоимъ большія награды ²⁾.

Обезопасивъ Сичу со стороны нападенія отъ татаръ, Сирко рѣшилъ идти на западъ къ Бугу и Днѣстру для добыванія языковъ. Оставивъ вмѣсто себя въ Сичи наказного кошевого Пилипчату ³⁾ и стряпчача Григорія Косагова, самъ же, взявъ нѣсколько сотъ человекъ запорожцевъ и тридцать человекъ донцевъ, Сирко вышелъ изъ Сичи января 8 дня, 1664 года. Планъ Сирка состоялъ въ томъ, чтобы дѣйствовать въ тылу у поляковъ и разъединить отъ нихъ ихъ сильныхъ союзниковъ татаръ; въ главный же центръ военныхъ дѣйствій, Украину лѣваго берега Днѣпра, въ помощь Брюховецкому, отправленъ былъ запорожскій ватагъ Чугуй ⁴⁾.

Между тѣмъ лѣвобережной Украинѣ и гетману Брюховецкому грозила большая опасность отъ того, что въ нее шелъ самъ король Янъ-Казимиръ съ большимъ войскомъ ⁵⁾ изъ поляковъ, литовцевъ, татаръ и цѣмцевъ. Дойдя до приднѣпровскаго города, переяславскаго полка, Воронкова, король, сталъ переправляться

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 148, 149.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 149.

³⁾ Въ другомъ актѣ онъ называется Пилипкою.

⁴⁾ По однимъ документамъ Чугуй, по другимъ Чугай.

⁵⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 155.

здѣсь съ праваго берега Днѣпра на лѣвый. Тутъ на него напалъ запорожскій ватагъ Чугуй и, причинивъ ему большую «шкоду», отступилъ назадъ, поспѣшивъ къ Брюховецкому ¹⁾. Отъ Воронкова король Янъ-Казиміръ прошелъ на городъ Остеръ, а изъ Остра на Глуховъ. Въ это время гетманъ Брюховецкій, собравъ войска и соединившись съ княземъ Григоріемъ Ромодановскимъ, поспѣшилъ къ Глухову и прибылъ туда января 30 дня. Результатомъ этого движенія было поспѣшное отступление короля отъ Глухова и торжество гетмана: поляки, вмѣстѣ съ королемъ, не стерпѣвши козацкаго штурма, ушли изъ-подъ Глухова въ Новгородъ-Сѣверскъ, подъ которымъ, при селѣ Пироговкѣ, были настигнуты Брюховецкимъ и Ромодановскимъ и побиты ѣми.

Разбивъ короля подъ Новгородъ-Сѣверскомъ, но не причинивъ никакого вреда Павлу Тетерѣ, который опоздалъ своимъ прибытіемъ къ Глухову и тѣмъ избѣжалъ страшнаго погрома, гетманъ Брюховецкій рѣшилъ самъ внести войну своимъ противникамъ и двинулся съ войскомъ къ столицѣ Тетери, городу Чигирину.

Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовалъ въ тылу поляковъ и кошевой Иванъ Сирко. Уже вскорѣ послѣ отхода Сирка изъ Сичи, а именно февраля 20 дня, Косагову и наказному атаману Пилипчатѣ черезъ нѣкоторыхъ выходцевъ изъ брацлавскаго полка и положнянниковъ миргородскаго полка стало извѣстно, что ханъ, устрашенный запорожцами и калмыками, рѣшилъ въ теченіе всей зимы не двигаться никуда изъ Крыма и что вся орда, вышедши изъ Крыма, стоитъ на этой сторонѣ Перекопа и охраняетъ его отъ запорожцевъ и калмыковъ, а гетманъ Тетеря ушелъ съ женой и дѣтьми изъ Чигирина въ Польшу; жители же козацкихъ городовъ Тетерина уряда побили жидовъ, а тарговицкій полковникъ Степанъ Сулимка, по совѣту Сирка, взялъ пушки Тетери изъ Лысянки и пошелъ на ляховъ. Воевода же Григорій Косаговъ все еще пока сидѣлъ въ Запорожьѣ и жаловался на отсутствіе ратниковъ, разбѣжавшихся отъ него по домамъ, и на невозможность черезъ то чинить промысла надъ измѣнниками ²⁾.

Самъ Сирко о результатахъ своего похода за Бугъ и Днѣстръ сообщилъ царю въ слѣдующемъ письмѣ: «Божіею милостію великому государю царю и великому князю Алексію Михайловичу, ва-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 78.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 153, 154.

шему царскому пресвѣтлому величеству низайшій рабъ и вѣрный подданный Иванъ Сирко, атаманъ кошевой, съ войскомъ вашего царскаго величества запорожскимъ до ногъ престола вашего царскаго пресвѣтлаго величества челомъ бьетъ. Исполняя съ войскомъ запорожскимъ службу вашему царскому пресвѣтлому величеству, я, Иванъ Сирко, мѣсяца января 8 числа, изъ славнаго Коша запорожскаго пошелъ за двѣ рѣки, Бугъ и Днѣстръ, гдѣ божіею милостію и предстательствомъ пресвятой Богородицы и вашимъ великаго государя счастьемъ, напавъ на турецкія селенія выше Тягина города, побилъ много бусурманъ и великую добычу взялъ... Оборотясь же изъ подъ турецкаго города Тягина, пошелъ подъ черкасскіе города. Услыша же о моемъ, Ивана Сирка, приходѣ, когда я еще съ войскомъ къ городу и не подошелъ, горожане сами начали сѣчь и рубить жидовъ и поляковъ, а всѣ полки и посполитые, претерпѣвшіе столько бѣдъ, неволю и мученія, начали сдаваться. Черезъ насъ, Ивана Сирка, обращена вновь къ вашему царскому величеству вся Малая Россія, города надъ Бугомъ и за Бугомъ, а именно: брацлавскій и калницікій полки, Могилевъ, Рашковъ, уманскій повѣтъ до самаго Днѣпра и Днѣстра; безвинные люди (этихъ мѣсть) обѣщались своими душами держаться подъ крѣпкою рукою вашего царскаго пресвѣтлаго величества до тѣхъ поръ, пока души ихъ будутъ въ тѣлахъ, и врагамъ креста господня не поддаваться и не служить. И я, Иванъ Сирко, видя, что они приневолены къ подданству поляковъ измѣнникомъ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ и его совѣтниками, за такое ихъ обѣщаніе Богу и вашему царскому величеству, обѣщаю имъ твою великаго государя милость и жалованье. Да будетъ, однако, извѣстно вамъ, великому государю, что для обороны людей, въ особенности же крѣпкихъ городовъ, слѣдуетъ выслать ратныхъ людей въ Брацлавъ, Умань и Калникъ и въ другіе подобные города, чтобы не пришелъ откуда-нибудь непріятель и не завладѣлъ твоими великаго государя городами. Данъ изъ Уманя, 13 марта, 1664 года» ¹⁾.

Въ слѣдъ за Сиркомъ о результатахъ его походовъ сообщилъ царю и Григорій Косаговъ: «Въ нынѣшнемъ, государь, въ 1664 году, февраля въ 3 день ²⁾, кошевой Иванъ Сирко съ запорожскими

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 151, 152.

²⁾ Самъ Сирко писалъ, что онъ вышелъ января 8 числа.

козаками пошелъ къ Днѣстру для добыванія языковъ, а я, холопъ твой, послалъ съ нимъ рейтаръ и донскихъ козаковъ 30 человекъ. И марта, государь, въ 22 день кошевой Иванъ Сирко писалъ къ наказному кошевому Пилипатѣ и ко всему запорожскому войску и ко мнѣ, холопу твоему: его-де Ивановою вѣрною службою заднѣпровскіе города поддались подъ твою великаго государя высокую руку, только-де одинъ городъ Чигиринъ тебѣ великому государю не поддался. И онъ, Иванъ Сирко, пошелъ къ Чигирину и стоитъ въ Смѣлой, въ пяти миляхъ отъ Чигирина, а къ войску запорожскому и ко мнѣ, холопу твоему, пишетъ, чтобы мы всѣ шли къ Чигирину жъ. И по его, государь, Иванову, письму войско запорожское къ нему, Сирку, идетъ, и я, холопъ твой, съ твоими великаго государя ратными людьми пойду къ нему Ивану» ¹⁾.

Дополненіемъ къ этимъ сообщеніямъ Сирка и его сподвижниковъ можетъ служить указаніе польскаго хрониста Ерлича, объясняющаго, почему именно Сирку не сдались ни Бѣлая-Церковь, ни Чигиринъ. Ерличъ рассказываетъ, что въ это время бывший гетманъ Иванъ Виговскій, давно покинувшій Украину и бѣжавшій въ Польшу, но разочаровавшійся въ послѣдней, вошелъ въ сношеніе съ полковникомъ Сулимой ²⁾ и внушилъ ему мысль поднять возстаніе противъ польскихъ старостъ и шляхтичей въ пользу московскаго царя ³⁾. Сулима соединился съ нѣкимъ Варяницею и, надѣясь на помощь Сирка, подошелъ къ Бѣлой-Церкви, февраля 24 дня сдѣлалъ нападеніе на гетмана Тетерю и польскаго полковника Маховскаго, находившихся въ крѣпости, но былъ побитъ и прогнанъ отъ Бѣлой-Церкви: «И такъ, Богъ попустилъ, что измѣнники (пишетъ польскій хронистъ) поторопились, не дождавшись Сирка, который также долженъ былъ подойти (къ Бѣлой-Церкви) съ нѣсколькими тысячами отборныхъ стрѣлковъ и уже подошелъ было къ Уманю и тамъ отдыхалъ, вышедши изъ мѣстечка Торговицы, расположеннаго надъ Бугомъ, сильно укрѣпленнаго валами и хорошо снабженнаго войскомъ и стрѣлбою» ⁴⁾. За это дѣло бывший гетманъ Иванъ Виговскій былъ схваченъ полковникомъ Маховскимъ и, не смотря на то, что состоялъ сена-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 150.

²⁾ Называемаго иначе Судимкой или Судименкомъ.

³⁾ Очевидно, Виговскій, убѣдившись лично въ безсиліи Польши въ борьбѣ съ Москвою, снова хотѣлъ завести сношенія съ московскимъ царемъ.

⁴⁾ *Latopisiec Joachima Jerliesza, Warszawa, 1853, II, 1892.*

торомъ Рѣчи-Посполитой, немедленно (послѣ десятичасового суда) разстрѣляя ихъ. Преемникъ Виговскаго Брюховецкій универсаломъ, марта 23 дня, извѣстилъ о гибели Виговскаго «за вѣру христіанскую» ¹⁾.

Марта 24 дня того же года посланцы Ивана Сирка, прибывшіе къ Григорію Косагову, дали новыя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ кошевого противъ Тетери и его союзниковъ. Они сообщали, что Сирку сдался городъ Смѣлый (Смѣла) и что всѣ города по правую сторону Днѣпра, кромѣ Чигирина и Бѣлой-Церкви, били челомъ государю; что Сирко стережетъ Тетерю у Ольховца ²⁾; что онъ очень нуждается въ помощи и требуетъ къ себѣ Косагова ³⁾.

Косаговъ, получивъ всѣ эти извѣстія, немедленно послалъ къ калмыцкимъ тайшамъ просить у нихъ помощи, потому что самъ попрежнему не имѣлъ рати и терпѣлъ большой недостатокъ въ деньгахъ и съѣстныхъ припасахъ. Только въ концѣ мѣсяца марта онъ двинулся въ помощь Сирку, а послѣ него, вслѣдствіе открывшагося въ Запорожьѣ морового повѣтрія въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, вышелъ на Украину и наказной кошевой атаманъ Сашко Туровець, очевидно смѣнившій собой наказного кошевого Пилипчату ⁴⁾.

Самъ Брюховецкій, спустя нѣсколько времени послѣ глуховскаго дѣла, двинулся изъ Переяслава къ Черкасамъ, откуда имѣлъ пройти къ Чигирину, чтобы добыть тамъ Тетерю съ поляками. Но Тетеря, услыхавъ о движеніи Брюховецкаго, забравъ всѣ войсковыя скарбы и kleйноты, оставленные Богданомъ Хмельницкимъ и его преемниками, а также захвативъ стада и рогатый скотъ, ушелъ съ женой изъ Чигирина въ Брацлавъ и изъ Брацлава въ Польшу, хотя, торопясь отходомъ, оставилъ въ Брацлавѣ все еще очень много денегъ и серебра.

Между тѣмъ Брюховецкій, переправившись черезъ Днѣпръ у Сокирной, подступилъ, тотчасъ послѣ праздника Христова Воскресенія, на проводы, къ Чигирину. Но въ это время Тетеря уже успѣлъ собрать татаръ и призвать съ 2.000-ми человекъ конницы польскаго воеводу Стефана Чарнецкаго. Тогда Брюховецкій, встрѣ-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 157.

²⁾ Ольховець—притокъ Гнилого-Тикича, ниже Лысянки.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 156.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 201.

тивъ сильное сопротивленіе подъ Чигириномъ, повернулъ назадъ, по пути сжегъ Черкасы и направился къ городу Каневу, гдѣ у него былъ гарнизонъ).

Тѣмъ временемъ кошевой Сирко сошелся въ городѣ Крыловѣ съ дружиною Григорія Косагова и другими запорожцами подъ начальствомъ наказного кошевого атамана Сапка Туровца и тутъ узналъ о неудачныхъ дѣйствіяхъ Брюховецкаго противъ чигиринцевъ. Вѣсть эта заставила Сирка и Косагова подняться къ городу Бужину, выше Крылова, но ниже Черкасъ и Канева, гдѣ стоялъ Брюховецкій. Но тутъ на Сирка и Косагова напалъ Стефанъ Чарнецкій и между противниками произошелъ, апрѣля 7 дня, жестокій бой, во время котораго польскій вождь лишился многихъ своихъ воиновъ. Послѣ жаркой схватки съ Чарнецкимъ, Сирко на самый день праздника Пасхи ушелъ изъ Бужина въ степь, а Чарнецкій захватилъ Бужинъ и Субботовъ и сжегъ ихъ; въ послѣднемъ онъ выбросилъ изъ могилъ кости Богдана Хмельницкаго и сына его Тимоша и сжегъ ихъ на площади ²⁾). Тѣмъ временемъ Сирко, оставивъ Бужинъ, поднялся еще выше по правому берегу Днѣпра и успѣлъ безъ вреда для себя войти въ городъ Черкасы. Чарнецкій послѣдовалъ за отступавшими къ Черкасамъ; онъ обложилъ городъ кругомъ и держалъ его въ осадѣ въ теченіе семи дней и ночей, съ 7 по 13 апрѣля, и подъ конецъ долженъ былъ снять осаду и отступить. Сирко мужественно отбивался отъ польскаго полководца, и когда тотъ отступилъ отъ Черкасъ, онъ ушелъ, вмѣстѣ съ Косаговымъ, въ Смѣлу, на лѣвомъ берегу Тясьмина, прямо на югъ отъ рѣки Днѣпра. Въ это время къ Чарнецкому и Тетерѣ подоспѣли два татарскихъ салтана, и тогда союзники бросились къ Смѣлой и стали осаждать тамъ Сирка, но въ долинѣ Капустиной потерпѣли большой уронъ отъ запорожцевъ ³⁾). Въ этой схваткѣ особенно плохо пришлось отъ Сирка татарамъ: они потеряли весь свой скарбъ и побѣжали назадъ въ Крымъ, кто болотами, кто чернями. Разбивъ противниковъ у Капустиной долины, Сирко письмомъ, мая 1 дня, извѣ-

1) Величко, II, 86; Самовидецъ, Кіевъ, 1878, 85.

2) Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 74.

3) Въ имѣніи А. К. Мартоса, Терновкѣ, кіевской губерніи, черкаскаго уѣзда.

стиль о томъ гетмана Брюховецкаго и послалъ ему взятаго языка татарина ¹⁾).

Нужно думать, что къ этому времени относится указаніе польскаго хрониста Ерлича о гибели брата Сирка, неизвѣстнаго по имени; поляки отрѣзали у убитаго голову и, надѣвъ ее на хоругвь козацкую (*opuszche chorągwiach*), передали своему воеводѣ съ другими плѣнниками изъ козаковъ Сирка ²⁾. Оставивъ Смѣлу, Сирко и Косаговъ повернули назадъ къ Каменкѣ. Изъ Каменки Косаговъ перешелъ на лѣвую сторону Днѣпра, гдѣ имѣлъ соединиться съ калмыками и полуполковникомъ Христіаномъ Гоголшихтомъ, ведшимъ изъ Бѣлгорода, по просьбѣ Косагова и по приказу царя, 2.000 человекъ ратныхъ людей на Запорожье. Соединившись съ калмыками и ратными московскими людьми, Сирко и Косаговъ, переправившись съ лѣваго берега Днѣпра на правый, пошли въ Каневъ на помощь гетману Брюховецкому но, не дошедъ до Канева, Косаговъ получилъ, мая 31 дня, подъ Миргородомъ, письмо отъ князя Ромодановскаго, который полуполковнику Гоголшихту въ Каневъ идти не велѣлъ. «А гетманъ стоитъ въ Каневѣ, а войска съ нимъ, государь, немного. А запорожскіе, государь, козаки съ кошевымъ Сашкомъ Туровцомъ и твои великаго государя рускіе люди моего полка съ маіоромъ Михайломъ Свиньинымъ вошли въ Умань въ цѣлости и нынѣ стоятъ въ Уманѣ. А войско запорожское, что при Сашкѣ, и козаки, что при гетманѣ въ заднѣпровскихъ городахъ, и мѣщане и чернь всѣ ожидаютъ ратныхъ русскихъ людей и калмыковъ на помощь; а съ ляхами и съ ордою и съ измѣнникомъ Тетерею и съ его козаками бьются и города укрѣпляютъ, ожидая отъ тебя обороны. И говорятъ козаки и чернь, что если къ нимъ ратныхъ людей не будетъ, то имъ самимъ противъ ляховъ и орды не устоять. И я, холопъ твой, слыша то и желая тебѣ службишку свою показать и заднѣпровскихъ людей утвердить, поѣхалъ было къ воеводѣ въ Бѣлгородъ просить его о томъ, чтобы онъ позволилъ Гоголшихту съ полкомъ къ Днѣпру идти. И юня 2 дня приѣхалъ я въ Ахтырку, но воевода Лука Ляпуновъ выслалъ меня изъ города и на дворѣ стать не позволилъ, указывая на то, будто бы я прибылъ изъ мора; а въ полкахъ за Днѣпромъ и въ запорожскомъ полку, гдѣ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 202, 200.

²⁾ *Latopisiec Joachima Jerlicza*, Warszawa, 1853, II, 92.

я нахожусь съ ратными людьми, божіею милостью, все здорово; а что въ Запорогахъ объявилось моровое повѣтріе, о томъ я къ тебѣ, великому государю, изъ Запорожья писалъ и съ твоими ратными людьми изъ Сѣчи вышелъ въ цѣлости. И того жъ числа поѣхалъ я въ черкасскіе города, а къ окольнічему въ Бѣлгородъ не поѣхалъ, и стану я въ черкасскихъ городахъ дожидаться калмыковъ; и если калмыки вскорѣ не придутъ, то я буду промышлять о томъ, чтобы проѣхать къ Уманю въ полкъ, а въ полку моемъ всего 180 человекъ, да и тѣ бѣдны, наги, босы и пѣши, полные же и конные разбѣжались по домамъ, и я о бѣглыхъ писалъ много разъ къ воеводѣ, но по 3 число не высланъ ни одинъ человекъ; вели, государь, о прибавкѣ ратныхъ людей и о бѣглецахъ учинить указъ». Въ отвѣтъ на это письмо Косаговъ получилъ для раздачи ратнымъ людямъ 786 рублей, 16 алтынъ и 4 деньги, кромѣ того 131 портищъ анбургскихъ, 69 портищъ лѣтчины да 200 портищъ сукна ¹⁾).

Такимъ образомъ положеніе Сирка и Косагова было болѣе чѣмъ затруднительно. Но тѣснѣе всѣхъ приходилось наказному кошевому атаману Сашку Туровцу, сидѣвшему въ городѣ Уманѣ. Ему угрожали Павелъ Тетеря и Стефанъ Чарнецкій. Тетеря, взявъ половину татаръ у Чарнецкаго, пошелъ къ Уманю и Днѣстру, чтобы воспрепятствовать жителямъ уманскаго и брацлавскаго полковъ собрать хлѣбъ въ полѣ за то, что они поддались московскому царю. Въ это же время онъ отправилъ «прелестныя письма» Сашку Туровцу и Остапу Гоголю, брацлавскому полковнику, склоняя ихъ къ польскому королю. На тѣхъ «прелестныхъ» письмахъ изображены были крестъ Спасителя и ликъ пресвятой Богородицы съ младенцемъ въ знакъ того, что всѣмъ, перешедшимъ на сторону короля, не будетъ причинено никакого зла именемъ Христа и Богоматери ²⁾. Но Сашко Туровецъ пребывалъ вѣрнымъ московскому царю, жители Уманя также не измѣнили царю; однако, опасаясь нападенія со стороны поляковъ и татаръ, они съ нетерпѣніемъ ждали къ себѣ калмыковъ и русскихъ ратныхъ людей, безъ помощи которыхъ боялись, что не устоятъ противъ своихъ враговъ. Туровецъ со дня на день ожидалъ къ себѣ польскаго воеводу Чарнецкаго съ его союзниками. Но Чарнецкій пока

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 154, 155, 157.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 199.

занять былъ Каневомъ, гдѣ сидѣлъ гетманъ Брюховецкій. Польскій воевода нѣсколько разъ, съ 22 числа, осаждалъ, вмѣстѣ съ короннымъ хорунжимъ Собѣскимъ, полковникомъ Маховскимъ и гетманомъ Тетерей, городъ Каневъ и нѣсколько разъ отступалъ отъ него и подъ конецъ долженъ былъ совсѣмъ покинуть его. Юня 2 дня, оставивъ подъ Каневомъ небольшое число конныхъ людей, Чарнецкій пошелъ къ Корсуню и отъ Корсуни намѣревался идти къ Лысянкѣ, а Павелъ Тетеря двинулся къ Бѣлой-Церкви. Лысянка привлекала Чарнецкаго потому, что въ ней стояли два полковника гетмана Брюховецкаго, захватившіе здѣсь обозъ племянника Чарнецкаго. Чарнецкій-племянникъ посланъ былъ своимъ дядей съ поляками и татарами на Умань противъ Сашка Туровца и, спѣша исполнить приказаніе дяди, оставилъ свои обозы и войсковыя деньги въ Лысянкѣ, а самъ двинулся къ Уманю. Но тутъ на оставленные поляками запасы и деньги напали полковники гетмана Брюховецкаго, Шульга и Стрѣля, побили поляковъ, забрали обозы и сами застѣли въ Лысянкѣ. Поэтому-то Стефанъ Чарнецкій и взялъ намѣреніе идти къ Лысянкѣ; отъ Лысянки онъ предполагалъ ударить на Сашка Туровца въ Уманѣ ¹⁾. Это было въ самомъ началѣ юня мѣсяца, и чѣмъ кончилось намѣреніе Чарнецкаго, въ точности неизвѣстно, хотя въ отпискѣ московскаго воеводы Ѳедора Протасьева около этого же времени къ царю говорится, что польскіе жолнѣры отказались идти подъ Лысянку, прося у Чарнецкаго прежде всего денежной платы ²⁾. Вѣроятно, ни Лысянка, ни Умань не были взяты Чарнецкимъ; оттого юня 26 дня Павелъ Тетеря послалъ изъ Бѣлой-Церкви въ Умань къ наказному кошевому Сашку Туровцу двухъ козаковъ, Деркача и Ярошенка, съ собственными листами; но Туровець гетманскіе листы взялъ, а козаковъ въ Кіевъ къ гетману Брюховецкому отослалъ. Самъ Чарнецкій въ это же время стоялъ подъ Корсунемъ въ таборѣ ³⁾.

Между тѣмъ, Григорій Косаговъ, вернувшись изъ Бѣлгорода, пришелъ въ Каневъ, гдѣ стоялъ Брюховецкій, и вшелъ тамъ кошевого Сирка; при Сиркѣ были, кромѣ запорожцевъ, и калмыки. Юня 20 числа гетманъ Брюховецкій отправилъ изъ Канева Сирка и Косагова съ козаками, ратными московскими людьми и калмы-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 200.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 206.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 85; V, 204.

ками въ Корсунь для промысла надъ крымскими и ногайскими татарами и поляками. Идя степью, Сирко и Косаговъ неожиданно наткнулись, подъ мѣстечкомъ Городищемъ, въ 25 верстахъ отъ Корсуни, на татаръ, шедшихъ изъ Крыма, по найму, въ помощь воеводѣ Чарнецкому. Счастьемъ и промысломъ Сирка, какъ писалъ въ Москву Косаговъ, эти татары были частію побиты, частію забраны въ плѣнъ, а частію прогнаны назадъ въ Крымъ; одинъ татаринъ, въ качествѣ языка, отправленъ былъ къ гетману, а отъ гетмана—въ Москву. Послѣ этого Сирко взялъ направленіе на Медвѣдовку и черезъ нее прошелъ въ Чигиринъ, гдѣ захватилъ скарбъ Тетери ¹⁾. Взявъ скарбъ Тетери, Сирко и Косаговъ пошли въ Умань для того, чтобы привести къ Брюховецкому поддѣстрянскихъ полковниковъ, уманскаго, брацлавскаго и кальницкаго, объявившихъ себя подданными московскаго царя, и вмѣстѣ съ ними и гетманомъ идти къ Корсуню противъ Чарнецкаго. Ниже Уманя Сирко встрѣтилъ татаръ, шедшихъ на помощь Чарнецкому, побилъ ихъ, сына салтанова взялъ пѣ плѣнъ. Въ Брацлавѣ Сирко взялъ оставленныя Тетерей деньги и серебро и послѣ этого, соединившись съ полковниками, объявившими себя подданными московскаго царя, повернулъ назадъ къ Корсуню, гдѣ стоялъ воевода Чарнецкій со своимъ таборомъ ²⁾.

Стоя на Терехтемировскомъ перевозѣ, Чарнецкій хотѣлъ-было послать на лѣвую сторону Днѣпра половину своего и татарскаго войска, но татары отказали ему въ томъ, потому что на лѣвой сторонѣ Днѣпра, во многихъ городахъ, стояли московскіе воеводы, а также калмыки и козаки съ кошевымъ атаманомъ Сиркомъ. Татары уже раньше того, во время схватокъ Брюховецкаго съ Чарнецкимъ, высказывали желаніе помириться съ гетманомъ. Къ тому же, самого Чарнецкаго польскій король сталъ отзывать въ Литву, но Чарнецкій пока упорствовалъ, говоря, что онъ, не учиня промысла на Украинѣ, не уйдетъ къ королю ³⁾. Тѣмъ не менѣе, послѣ этого Чарнецкій, оставивъ въ Корсунѣ семь хоругвей ⁴⁾ поляковъ и польскихъ татаръ, самъ поднялся поближе къ польскимъ границамъ и расположился сперва въ Бѣлой-Церкви, имѣя при

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 203.

²⁾ Лѣтопись, Самовидца, Кіевъ, 1878, 86.

³⁾ Акты, V, 157, 203; Самовидецъ, 86; Ригельманъ, II, 76.

⁴⁾ Хоругвь—боевая единица, въ родѣ теперешняго батальона.

себѣ одну хоругвь конницы да двѣ тысячи человекъ пѣхоты, а потомъ, вышедъ оттуда вмѣстѣ съ Тетерей, сталъ около Брацлава 1).

Лишившись помощи со стороны крымскихъ татаръ, Чарнецкій изъ Брацлава отправился тайно, съ нѣсколькими всадниками, къ буджацкимъ татарамъ и убѣдилъ ихъ прислать ему 20.000 человекъ войска. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался противникъ Чарнецкаго Сирко: онъ атаковалъ часть отряда Маховскаго и самаго полковника заперъ въ Городищѣ. Но Маховскому во-время подали помощь поляки, возвращавшіеся изъ московскаго похода, и Сирко принужденъ былъ отступить къ Торговицѣ 2).

Царь, узнавъ объ отходѣ Сирка далеко за Днѣпръ, написалъ ему письмо, чтобы онъ соединился съ Брюховецкимъ, стоявшимъ въ Каневѣ, и дѣйствовалъ бы съ нимъ заодно противъ враговъ. Но на это требованіе Сирко отвѣчалъ царю собственнымъ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что онъ готовъ, сколько Богъ всемогущій подастъ ему помощи, радѣть для государя, но къ гетману двинется только тогда, когда отступятъ непріатели, татары и ляхи, ежедневно докучающіе около украинскихъ городовъ.

Въ отсутствіе Сирка приходили «легкимъ дѣломъ небольшіе люди» татаръ. Они переправились черезъ Днѣпръ подъ Бужинымъ, проскакали подъ Лубны и Миргородъ. Брюховецкій, услышавъ о томъ, выслалъ противъ нихъ изъ Канева полковника Ермоленка, и татары побѣжали назадъ. Августа 6 числа они снова перевозились на обратномъ пути у Бужина черезъ Днѣпръ. Въ это время плыли вверхъ по Днѣпру своими судами запорожскіе козаки и, увидя татаръ, сдѣлали съ ними бой, во время боя многихъ побили и потопили, трехъ человекъ взяли въ плѣнъ и отправили ихъ, въ качествѣ языковъ, къ гетману Брюховецкому. Недобитые татары бѣжали къ Павлу Тетерѣ и Стефану Чарнецкому 3).

Между тѣмъ Сирко, оставивъ Торговицу и усилившись калмыками, прошелъ полями, минуя ляховъ, въ Бѣлогородчину на Буджакъ, разгромилъ тамъ нѣсколько татарскихъ селеній и повернулъ назадъ. Но въ это время, подъ Гараджинымъ, на него напалъ полковникъ Маховскій 4) съ татарами, отдѣлившіяся отъ Чарнецкаго, и разбилъ калмыковъ; вмѣстѣ съ калмыками погибло и нѣсколько козаковъ. Самъ Сирко съ остаткомъ войска спасся

1) Акты южной и западной Россіи, V, 201, 206, 207.

2) Шмидтъ, Исторія польскаго народа, Спб., 1866, II, 320.

3) Акты южной и западной Россіи, V, 209, 211, 215.

4) По лѣтописи Вѣлозерскаго Маковзкій, Киевъ, 1856, I, 76.

и ушелъ въ Запорожье и тамъ остался на долгое время ¹⁾. Вѣроятно, въ это именно время къ нему прибылъ, посланный съ Дона, козакъ Максимъ Щербакъ съ листомъ и калмыками, но Сирко не принялъ листа, а послалъ его съ тѣмъ же Щербакомъ и калмыками въ Каневъ къ гетману ²⁾.

Тѣмъ временемъ Григорій Косаговъ, покинутый Сиркомъ, повесъ поражение отъ поляковъ, августа 1 дня, вблизи Корсуня, куда его послалъ гетманъ Брюховецкій, попрежнему стоявшій въ Каневѣ и никуда не двигавшійся. Потерпѣвъ поражение, Григорій Косаговъ занесъ жалобу въ Москву на недостатокъ войска и продовольствія; его жалобу поддержалъ и Сирко. Тогда изъ Москвы сдѣланъ былъ запросъ гетману Брюховецкому о продовольствіи козаковъ и русскихъ ратниковъ. На тотъ запросъ гетманъ Брюховецкій отвѣчалъ, что хлѣбный запасъ онъ аккуратно роздалъ московскимъ ратникамъ и запорожскимъ козакамъ въ Каневѣ, Переяславѣ, Запорожьѣ и Кодакѣ, но что московскіе ратные люди, получивъ хлѣбный запасъ, продали его и сами разбѣжались вонъ отъ службы. Что же касается запорожцевъ, то они должны быть довольны гетманомъ, въ особенности ихъ кошевой атаманъ Иванъ Сирко: «Видитъ Богъ, что онъ отъ меня и отъ войска былъ сытъ; кромѣ другихъ знатныхъ даровъ, я далъ-было ему мельницу и домъ съ засѣвками, также и брату его мельница дана была: не вѣдаю, чего еще отъ меня хотѣлъ; безчестья и обиды отъ меня никакой нѣтъ» ³⁾.

Также печально было положеніе и третьяго союзника Москвы, наказного кошевого атамана Сашка Туровца, все еще стоявшаго въ Умани.

Сентября 2 дня Сашко Туровець отправилъ къ Ивану Брюховецкому посланца Гаркушу и черезъ него сообщилъ гетману, что если онъ не пришлетъ ему въ Умань помощи, то городъ измѣнить царю, потому что въ немъ очень мало осталось запорожскихъ козаковъ. Съ Туровцомъ стоялъ и маіоръ Михайло Свининъ, у котораго было всего лишь 100 человекъ ратниковъ. Но и самъ гетманъ располагалъ такимъ малымъ числомъ войска, что подать помощи Туровцу не могъ ⁴⁾.

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, 86; Акты, V, 217.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 85.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 223—225; Бантышъ-Каменскій, Источники малороссійской исторіи, Москва, 1858, I, 163.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 160.

Въ началѣ сентября мѣсяца стало извѣстно, что Павелъ Тетеря заручился союзникомъ, брацлавскимъ полковникомъ Остапомъ Гоголемъ, вновь передавшимся заднѣпровскому гетману; что Ставища терпѣли осаду отъ Чарнецкаго и татаръ и просили помощи у Сашка Туровца, а Сашко Туровець ждалъ помощи отъ Косагова. Самъ Косаговъ въ это время стоялъ въ Каневѣ и жаловался царю на свое бѣдственное положеніе: онъ писалъ о побѣгахъ отъ него ратныхъ людей, какъ русскихъ, такъ и слободско-украинскихъ ¹⁾; изъ нихъ нѣкоторые, забравъ жалованье и хлѣбъ, бѣжали еще изъ Сичи; другіе уже изъ Канева. Жаловался онъ попрежнему и на недостатокъ продовольственныхъ запасовъ: посланный имъ въ Ахтырку за хлѣбомъ рейтаръ Сукачевъ за одну осмачку муки платилъ 13 алтынъ и 3 деньги, да и то мука та не доставлена въ Запорожье ²⁾. Не смотря на все это, царь, понимая, на сколько опасно положеніе Уманя, приказалъ Григорію Косагову идти въ помощь Туровцу. Косаговъ, октября 21 дня, двинулся къ Уманю, но Чарнецкій и Тетеря, узнавъ о томъ, не допустили его до Уманя, напали на него въ Медвѣдовкѣ и продержали въ осадѣ въ теченіе четырехъ недѣль, дѣлая «жестокіе приступы» къ мѣстечку. Послѣ этого Чарнецкій и Тетеря, видя уронъ въ своихъ людяхъ, отъ Медвѣдовки и Лысянки отступили, а Косаговъ двинулся къ Каневу, но на дорогѣ, декабря 12 дня, подъ Староборьемъ сошелся съ измѣнниками корсунскими черкасами и поляками и побилъ ихъ, послѣ чего пришелъ въ Каневъ; въ Каневѣ онъ сдалъ всѣхъ ратныхъ людей воеводѣ Ѳедору Протасьеву, а самъ уѣхалъ въ Бѣлгородъ ³⁾.

Послѣ отъѣзда Косагова въ Бѣлгородъ положеніе запорожцевъ и ратныхъ московскихъ людей въ Уманѣ стало совсѣмъ безнадежнымъ. Тогда на выручку ихъ гетманъ Брюховецкій послалъ двухъ полковниковъ, Андрея Богомаза и Ивана Чепеля съ двумя пушками и двумя бочками пороху. Богомазъ и Чепель, прибывъ въ Умань, нашли, однако, городъ уже свободнымъ отъ враговъ, такъ какъ послѣдніе, прослышавъ о движеніи козацкаго отряда, посланнаго Брюховецкимъ, бѣжали. Жители Уманя сдали городъ пришедшимъ полковникамъ, и послѣдніе освободили запорожцевъ и московскихъ ратныхъ людей изъ тюрьмы, гдѣ они сидѣли закованные въ канда-

¹⁾ Между послѣдними былъ харьковскій сотникъ Лашенко.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 160, 161, 163, 164.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 165, VI, 170.

лахъ. Освободивъ Умань, Богомазъ и Чепель ушли далѣе противъ поляковъ ¹⁾).

И въ походѣ подъ Умань, и въ дѣлѣ подъ Медвѣдовкой и Староборьемъ Косаговъ дѣйствовалъ одинъ безъ кошевого Сирка. Очевидно, Сирко, вернувшись изъ-подъ Гараджина въ Сичь, все время оставался въ Запорожьѣ: онъ былъ недоволенъ на гетмана Брюховецкаго и по этому самому сидѣлъ въ Сичи. Раздоръ у Сирка съ Брюховецкимъ произошелъ, повидимому, изъ за того, что гетманъ вступилъ въ сношенія съ крымскимъ ханомъ, не предупредивъ о томъ кошевого. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Сирко изъ Запорожья ѣздитъ въ Бѣлгородъ и объявилъ воеводѣ города, князю Борису Рѣпнину-Оболенскому, что передъ его отъѣздомъ изъ Сичи прибыли туда одни, а потомъ и другіе посланцы гетмана Брюховецкаго, ѣхавшіе черезъ Запорожье въ Крымъ съ листами и съ предложеніемъ мира отъ гетмана хану. Запорожцы первыхъ посланцевъ отпустили въ Крымъ, а вторыхъ воротили назадъ къ гетману. Изъ Бѣлгорода Сирко вернулся въ Харьковъ и князь Рѣпнинъ немедленно сообщилъ о томъ царю. Царь особой грамотой велѣлъ Рѣпнину объявить Сирку, что гетманъ сносился съ Крымомъ не безъ повелѣнія государя и приказалъ внушить кошевому, чтобы онъ вернулся въ Запороги и служилъ бы по-прежнему государю, промышляя, сколько Богъ поможетъ, надъ неприятелями, а жену бы свою оставилъ, гдѣ захочетъ, въ одномъ изъ городовъ великаго государя. Рѣпнинъ сообщилъ содержаніе грамоты Сирку и просилъ его пріѣхать вновь въ Бѣлгородъ. Сирко лично къ князю не поѣхалъ, а вмѣсто себя отправилъ ему письмо, въ которомъ писалъ, что изъ Запорожья въ Харьковъ къ нему прибыло сорокъ семь человекъ козаковъ и сообщили ему о грозящей бѣдѣ черкасскимъ городамъ со стороны турокъ и татаръ: въ первыхъ числахъ ноября передъ выѣздомъ посланцевъ изъ Сичи запорожскіе козаки захватили на Днѣпрѣ и взяли въ полонъ нѣсколько человекъ турокъ и волоховъ, выѣхавшихъ изъ города Аслама на четырехъ судахъ, въ каждомъ суднѣ по тридцати человекъ, для добычи на рѣку; тридцать человекъ изъ плѣнныхъ козаки оставили на Запорожьѣ, а трехъ отправили къ гетману Брюховецкому. Въ разпросѣ плѣнные турки показали, что турецкій султанъ помирился на семь лѣтъ съ германскимъ цесаремъ, и бѣло-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 169.

городскіе татары, въ числѣ 5.000 человекъ, пошли въ заднѣпровскіе черкасскіе города. Декабря 10 дня Сирко, наконецъ, пріѣхалъ и самъ въ Бѣлгородъ изъ Харькова. Явившись къ князю Рѣпинну-Оболенскому, онъ объявилъ, что служить великому государю готовъ, но только ѣхать ему безъ государева листа и указа въ Запорожье нельзя; только получивъ государевъ листъ, онъ можетъ вернуться назадъ, да и то тотчасъ нужно объявить о томъ, что ссылка Брюховецкаго съ ханомъ сдѣлана по государеву указу; безъ государева же листа запорожскіе козаки или его убьютъ, или въ Крымъ къ хану отошлютъ; самого гетмана также нужно извѣстить о томъ, что Сирко ѣдетъ въ Запорожье по волѣ царя ¹⁾).

Успокаивая Сирка, царь Алексѣй Михайловичъ вмѣстѣ съ тѣмъ успокаивалъ и гетмана Брюховецкаго: Брюховецкому велѣно было сказать, что его посланцевъ, отправленныхъ черезъ Запорожье въ Крымъ, запорожцы не пропустили по своему невѣдѣнію: «Запорожцы учинили то невѣдѣніемъ, потому что имъ великаго государя указъ невѣдомъ былъ, и онъ бы, гетманъ, того себѣ ни въ какое сомнѣніе не ставилъ» ²⁾).

Не смотря на все убѣжденія со стороны князя Рѣпина-Оболенскаго вернуться въ Сичъ и по прежнему служить царю, Сирко остался непреклоненъ, и если вернулся изъ Бѣлгорода, то вернулся, какъ можно думать, въ Харьковъ, а не въ Запорожье.

Въ Запорожьѣ въ то время былъ кошевымъ атаманомъ Иванъ Щербина. Въ началѣ мѣсяца ноября онъ написалъ письмо Ивану Брюховецкому и отправилъ его къ гетману черезъ товарищей Сушковскаго, Гулака, Мартына и Ромашку. Въ этомъ письмѣ Щербина прежде всего извѣщалъ гетмана о взятіи запорожцами «мечомъ» нѣсколько человекъ ушкалъ и объ отправкѣ двухъ изъ нихъ къ гетману въ качествѣ языковъ; потомъ просилъ гетмана доставить въ Сичъ смолы, желѣза и полотна для сооруженія рѣчныхъ струговъ, для чего у многихъ уже и дерево заготовлено и чего все единомысленно ожидаютъ, чтобы, по истеченіи зимы, принятыя за сооруженіе судовъ; далѣе кошевой просилъ гетмана, въ виду отсутствія въ войсковой казнѣ пороха и въ виду замысловъ непріятеля достать «вѣчную столицу» запорожскую, прислать на зиму въ Сичъ запасъ пороху; кромѣ того, просилъ прислать

1) Акты южной и западной Россіи, V, 216—218.

2) Акты южной и западной Россіи, V, 218.

въ сичевую покровскую церковь тріодъ постную, апостола и кадильницу, потому что церковь сичевая сгорѣла и изъ нея не успѣли ничего выхватить, отчего ни теперь, ни въ предстоящій великій постъ не по чемъ будетъ и службу править; на особомъ листочкѣ Иванъ Щербина, черезъ своего пріятеля и товарища, просилъ еще гетмана, если возможно, привезти «съ той стороны» Днѣпра жену кошевого, за что обѣщалъ отслужить гетману за его милость. Письмо писано ноября 8 дня, 1664 года, съ Коша на Волянкѣ¹⁾.

Гетманъ, получивши письмо кошевого Щербины, немедленно послалъ въ Сичь нѣсколько кусковъ полотна на паруса. Но, къ большому сожалѣнію запорожцевъ, это полотно истреблено было пожаромъ и тогда они отправили посланцевъ черезъ гетмана въ Москву съ просьбой выслать имъ тысячу штукъ полотенеъ и сотню бердышей которые нужны были на морскія суда. Отпуская отъ себя запорожскихъ посланцевъ въ Москву въ половинѣ января 1665 года, гетманъ далъ имъ подробную «информацію», что и какъ говорить передъ царемъ. Въ этой информации было сказано, что низовые козаки готовятъ морскія суда, а подошвы для тѣхъ судовъ приказалъ изготовить самъ гетманъ, что запорожцы не гуляли даромъ, а разбили на водѣ, у урочища Носоковки, нѣсколько турецкихъ судовъ, высланныхъ изъ городка Тавани подъ Сичь, и взяли въ плѣнъ 60 человекъ турокъ, изъ коихъ трехъ отправили изъ Коша въ Каневъ для свидѣтельства вѣрной къ царскому величеству службы. На просьбу запорожцевъ и на представленіе о нихъ со стороны гетмана царь приказалъ полотно послать изъ разряда, если они не посланы въ малороссійскіе города, а бердыши — изъ Москвы, а за подвиги запорожцевъ похвалить ихъ черезъ гетмана²⁾.

Дружелюбныя отношенія запорожскихъ козаковъ къ гетману неожиданно перешли во враждебныя, и въ этомъ случаѣ виновникомъ открывшейся вражды былъ самъ Брюховецкій. Брюховецкій, извѣщая царя о подвигахъ запорожскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ этимъ высказалъ мысль о посылкѣ въ Запорожье, въ видѣ постоянныхъ управителей, московскихъ воеводъ; для опыта, онъ совѣтовалъ прежде всего послать воеводу въ городъ Кодакъ. Эту мѣру, т.-е. назначеніе московскихъ воеводъ, онъ хотѣлъ примѣнить и

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 227.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 237, 240.

во всей Малороссіи съ цѣлью усилить и укрѣпить чрезъ нихъ свою гетманскую власть. Царь вполне одобрилъ эту мѣру, и въ Запорожье отправленъ былъ думный дворянинъ Яковъ Тимоѣевичъ Хитрово ¹⁾).

Извѣстіе объ этомъ встрѣчено было въ Запорожьи съ открытымъ негодованіемъ, и когда туда прибылъ вновь посланный для войны съ татарами и поляками Григорій Косаговъ, то онъ встрѣченъ былъ враждебно низовымъ войскомъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1665 года Косаговъ писалъ письмо изъ Запорожья гетману Брюховецкому и въ немъ представилъ картину хаотическаго состоянія Запорожья и свое отчаянное положеніе среди запорожцевъ. «Уже раньше этого писалъ я къ тебѣ, государю моему, о нестроеніи запорожскомъ, о противности запорожцевъ къ тебѣ и о нелюбви ихъ къ ратнымъ великаго государя людямъ. И нынѣ, государь, все попрежнему; живу я здѣсь, не зная въ качествѣ чего, невольника или подзорца: вѣстей, которыя къ нимъ приходятъ, мнѣ не объявляютъ никакихъ, ни о чемъ со мною о промыслѣ непріятельскомъ не совѣтуются и ходитъ добрымъ людямъ, которые вѣрно служатъ великому государю и хотятъ видѣть твою милость, не позволяютъ. Если не вѣришь мнѣ, то изволь о всемъ томъ разспросить Павла Рябуху и особо говарища его Павляка... Начало, государь, недоброе: первѣе всего запорожцы скинули съ кошевства Шкуру за то, что онъ приходилъ ко мнѣ и къ воеводѣ Якову Тимоѣевичу Хитрово и совѣтовался съ нами о томъ, какъ строить дѣло государя, а также и за то, что калмыкъ не допустилъ громить. А на Шкурино мѣсто заднѣпряне выбрали было злохитраго Ивана Курилова, всѣми единодушно похваляемаго на радѣ за то, что онъ когда-то громилъ казну великаго государя. Но полтавцы и иные тѣхъ городовъ козаки устояли и выбрали... ²⁾ Но ему заказано ко мнѣ ходить и знаться со мной. Другое вотъ что: лаяли Павла Рябуху за то, что онъ казны государевой, посланныхъ въ Крымъ къ хану соборей съ подъячимъ и толмачами, не громилъ: о томъ онъ и самъ скажетъ тебѣ, государю моему, если спросишь его. Третье слѣдующее: послали запорожцы на Кодакъ козаковъ и не велѣли пускать въ него великаго государя московскихъ людей для того, чтобъ заднѣпровскимъ измѣнникамъ,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 239.

²⁾ Вслѣдствіе порчи письма имя кошевого исчезло.

черкасцамъ, крыловцамъ и другимъ, которымъ безъ Днѣпра быть нельзя, дорога была чиста Днѣпромъ. Боясь, государь, чтобы измѣнники не были впущены въ Кодакъ замыслами злохитрыхъ людей. Сами кодачане присылали къ войску съ жалобой на недостатокъ борошна (хлѣба) у нихъ и съ заявленіемъ, что если ты выкажешь имъ гнѣвъ и не пришлешь имъ борошна въ Кодакъ, то они покинутъ его... Марта 1 дня пришелъ въ Сѣчу изъ Перекопа Бутъ, житель Новаго-Константинова, но ко мнѣ его для разузнанія вѣстей не прислали и что онъ говорилъ, мнѣ знать не дали. Но марта 2 дня любовью добрыхъ людей я свидѣлся съ тѣмъ Бутомъ и онъ мнѣ сказалъ, что пять недѣль назадъ орда, въ немаломъ числѣ, пошла на Русь... Илько Волошенинъ, идя изъ полона, видѣлъ ту орду на рѣкѣ Ингульцѣ. Да тотъ же Бутъ говорилъ, что ногай съ улусами выпущенъ изъ Крыма кочевать въ поле и, по однимъ, пошелъ подлѣ Гнилого (Азовскаго) моря, а по другимъ, подлѣ Чернаго на Стрѣлицѣ и весною хотятъ идти на нихъ. И я не знаю, какъ мнѣ быть: слыша ихъ дурныя похвалбы, опасаясь съ ними (запорожцами) идти, людей же ратныхъ при мнѣ немного, въ походъ съ малымъ числомъ идти опасно, въ городкахъ оставить малое число тоже худо. Былъ у меня небольшой умишка, государь, а нынѣ и тотъ пропалъ отъ большихъ и безпорядочныхъ бѣдствій. Умиловившись, государь мой, и хотя письмами прикажи веселить ратныхъ людей московскаго государя, чтобъ они не вопили; и о прибавкѣ ратныхъ людей изволь къ боярину князю Борису Александровичу Рѣпнину въ Бѣлгородъ отписать; къ тому жъ ему и указъ великаго государя посланъ съ приказаніемъ выслать въ Запороги бѣглыхъ людей, и отъ боярина съ тремя посыльщиками послано около трехсотъ человѣкъ ратныхъ людей, но отъ нихъ только одни, писанныя на бумагѣ, имена дошли, а людей Богъ дастъ,—съ дороги, говорятъ, разбѣжались всѣ, а на Запорогахъ большая надобность, государь, въ ратныхъ людяхъ»¹⁾.

И точно, въ Запорожѣ ощущалась большая нужда въ ратныхъ людяхъ: съ одной стороны угрожала большая опасность городу Кодаку, гдѣ сидѣлъ московскій воевода и на который дѣлали нападеніе, грабя рыбныя снасти и тайно въ него входя, черкасцы, отправлявшіеся за добычей на пороги Днѣпра; съ дру-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 261, 262.

гой стороны большая опасность была и самой Украинѣ отъ татаръ, которые, вышедъ изъ своихъ степей, бросились на рѣчку Самарь и хотѣли что-нибудь отхватить отъ городовъ, которые надъ Ворскою рѣкой ¹⁾).

Всему горю могъ бы помочь мужественный и въ военныхъ дѣлахъ опытный Иванъ Сирко, но онъ по прежнему отстранялся отъ дѣлъ и въ концѣ мѣсяца апрѣля, 1665 года, явился къ князю Рѣпнину-Оболенскому съ просьбой о дозволеніи пропустить его зачѣмъ-то въ Москву ²⁾).

На слезную просьбу Косагова царь приказалъ Брюховецкому отдѣлить нѣсколько человекъ ратныхъ людей воеводы Ѳедора Протасьева и послать ихъ съ полковникомъ Силой Петровичемъ въ Запорожье. Но противъ этого взмолился гетманъ Брюховецкій, просившій много разъ помощи себѣ изъ Москвы противъ татаръ и ляховъ ³⁾).

И просьбы Брюховецкаго были небезосновательны: враги московскаго царя поднимались отовсюду, а отражать ихъ некому было. Такъ, въ это время выступилъ на сцену новый протівникъ Москвы, полковникъ Степанъ Опара. Юня 11 дня 1665 года съ двумя полками заднѣпровскихъ козаковъ да съ татарами онъ подступилъ къ Уманю, взялъ его въ свои руки, запугавъ жителей города именемъ татаръ, и всѣхъ бывшихъ въ немъ еще съ прошлаго года ратныхъ московскихъ людей съ маіоромъ Михайломъ Свинынымъ въ плѣнъ побралъ и подъ караулъ отдалъ, а иныхъ и вовсе побилъ ⁴⁾).

Но съ юня же мѣсяца такое положеніе дѣлъ стало измѣняться къ лучшему: въ это время запорожцы и калмыки (послѣдніе въ числѣ 10.000 человекъ) вышли изъ Сичи и ударились подъ Перекопъ и побили тамъ около 10.000 татаръ, послѣ чего собирались идти въ помощь гетману; въ то же время пришелъ царскій приказъ князю Рѣпнину-Оболенскому отпустить изъ Бѣлгорода въ полкъ двумъ тысячамъ пятистамъ человекамъ Григорія Косагова и отвезти въ липахъ въ Запорожье для запаса хлѣбныхъ продовольствій по чети на человекъ ⁵⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 265.

²⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ, 1665, св. 20, № 23.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 274.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 276.

⁵⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 283, 284, 289.

Въ началѣ августа въ Сичи оказался уже и самъ Сирко; при немъ было нѣсколько тысячъ человѣкъ калмыковъ. Гетманъ Брюховецкій, стоявшій въ это время въ Гадячѣ, отправилъ въ Запорожье посланца за калмыками, приглашая ихъ идти къ Гадячу. Калмыки сперва послушались-было гетмана, но потомъ, оставшись недовольными на него, вернулись въ Сичь и отсюда, вмѣстѣ съ Сиркомъ и запорожцами, ходили на татаръ. «А то за-для того гнѣвъ узяли, же (что) гетманъ Бруховецкій самъ зъ ними не пойшолъ на войну»¹⁾.

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 91.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Поѣздка гетмана Брюховецкаго въ Москву и статьи, предложенныя имъ царю для Украины и Запорожья.—Выступление на сцену противниковъ Брюховецкаго Децика и Дорошенка.—Истребленіе Дорошенкомъ гетмана Опары и сношеніе съ запорожскимъ войскомъ.—Походъ запорожцевъ за Куяльникъ.—Возвращеніе Брюховецкаго въ Украину и единодушная ненависть къ нему и ко всей Москвѣ за введеніе на Украинѣ и Запорожьѣ воеводъ.—Ненависть запорожцевъ къ московскимъ ратникамъ, бывшимъ въ Сича, и удаленіе изъ Запорожья Косагова.—Андруговское перемиріе между Польшей и Россіей и положеніе запорожцевъ по этому перемирію.—Усиленіе вражды въ Москвѣ и убіеніе русскаго посла въ Запорожьѣ Лодыженскаго.—Слѣдствіе по этому дѣлу въ Сича и открытіе виновныхъ.—Письмо по этому поводу кошевого атамана Васютенка къ гетману Брюховецкому и просьба его исходатайствовать у царя прощеніе низовому войску—Письмо Брюховецкаго къ царю и мнѣніе его о причинахъ бунта въ Запорожьѣ.—Царская грамота запорожцамъ и отпушеніе имъ ихъ вины.

Въ концѣ 1665 года на Украинѣ произошло небывалое дотогѣ событіе—отъѣздъ гетмана въ Москву. Выѣхавъ изъ Батурина въ началѣ сентября мѣсяца, гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій прибылъ въ Москву сентября 14 дня, получилъ тамъ санъ боярина, женился на княжнѣ Долгорукой и пробылъ до декабря мѣсяца этого же года. Во время пребыванія въ Москвѣ Брюховецкій предложилъ для Украины цѣлый рядъ реформъ, выраженныхъ имъ въ восьми добавочныхъ статьяхъ и утвержденныхъ царемъ. Изъ всѣхъ восьми статей самую важную была первая статья. По этой статьѣ всѣ города лѣвобережной Украины отдавались самимъ гетманомъ во власть московскихъ воеводъ:

«Для усмиренія частой въ малороссійскихъ городахъ шатости, которая за прошлыхъ гетмановъ на Украинѣ бывала и нынѣ часто за непостоянствомъ малороссійскихъ городовъ изрывается, чтобъ Украина съ малороссійскими городами и мѣстами и мѣстечками, и съ слободами, и съ селами, и въ нихъ всякихъ чиновъ жители подъ его царскаго пресвѣтлаго величества и его государскихъ людей благородныхъ государей царевичей и ихъ государскихъ наслѣдниковъ высокодержавною и крѣпкою рукою въ прямомъ и

истинномъ подданствѣ стройно пребываючи и обыкновенную должность съ городовъ и селъ въ государеву казну отдаючи, при крѣпкой и отъ непріятелей невредимой оборонѣ государственной вѣчно пребывала; понеже надлежащее и отъ Бога врученное дѣло городами и землями владѣти и оныя заступати монархомъ, а не гетманомъ. А чтобъ Богу и всему свѣту явно было, что онъ, гетманъ, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и со всѣми малороссійскими городами и съ селами, въ совершенномъ и истинномъ подданствѣ государскомъ нынѣ и впредь вѣчно пребыти хочетъ и что самую истинную монарха своего знати желаетъ, тогда всякіе денежныя и неденежныя поборы отъ мѣщанъ и отъ поселянъ, во всякомъ малороссійскомъ городѣ и селѣ живущихъ, по милосердному государскому разсмотрѣнію, погодно въ казну государеву выбиратьи гетманъ съ войскомъ желаетъ и челомъ бьетъ, при которыхъ поборахъ денежныхъ, гетманъ же съ войскомъ челомъ бьетъ, чтобъ примѣромъ иныхъ начальнѣйшихъ малороссійскихъ городовъ и по меньшимъ всѣмъ городамъ малороссійскимъ кабаки на одну только горѣлку были, которые приходы кабацкіе винные въ государеву казну обрѣтатися имѣютъ; также всякіе размѣры хлѣбные, со всѣхъ мельницъ малороссійскихъ городовъ приходящіе, вкупѣ съ данью медовою, въ волостяхъ малороссійскихъ выбиратися обвыклою и съ доходами отъ купцовъ чужеземныхъ приходящею, не гдѣ индѣ, токмо въ государеву же казну во всѣхъ малороссійскихъ городѣхъ доходить имѣютъ»¹⁾.

Въ Москвѣ давно лелѣяли мысль о введеніи во всѣхъ главныхъ городахъ Украйны воеводъ и потому царь, жалуя и похваляя гетмана и старшину за слѣланное ими предложеніе, указалъ послать въ малороссійскіе города государевыхъ воеводъ²⁾. По договору гетмана Богдана Хмельницкаго въ городѣ Переяславѣ, въ 1654 году, московскій воевода допускался только въ одинъ городъ Кіевъ; по договору Юрія Хмельницкаго въ томъ же Переяславѣ, въ 1659 году, бояре допускались въ города Черниговъ, Нѣжинъ, Переяславъ, Умань и Брацлавъ. Но какъ при Богданѣ Хмельницкомъ, такъ и при его сынѣ московскіе воеводы были только начальниками надъ московскими войсками, находившимися у нихъ подъ рукой, и потому имѣли значеніе лишь воен-

¹⁾ Полное собраніе государственныхъ законовъ, I, 376, 615.

²⁾ Полное собраніе государственныхъ законовъ, I, 376, 615.

ныхъ властей. По статьѣ же Виговскаго дѣло это существенно измѣнялось и съ этого времени московскіе воеводы забрали въ свои руки административное и финансовое управленіе въ назначенныхъ имъ городахъ Украйны. Число воеводскихъ городовъ, а также и число московской рати при городахъ увеличено. Въ этомъ отношеніи гетманъ зашелъ такъ далеко, что даже настоялъ на необходимости послать воеводу съ московскими ратниками и въ вольное Запорожье, въ городъ Кременчугъ, западной границы его владѣній, и въ крѣпость Кодакъ, у перваго порога этого имени:

«Гетманъ же билъ челомъ великому государю, чтобъ въ Кодакъ быть великаго государя ратнымъ людямъ, чтобъ козакамъ въ Кодакъ одежду послать и чтобъ Кременчугъ укрѣпить и людей поставить, потому что Кодакъ на первомъ порогѣ, а Кременчугъ выше Кодака, и на Запороги пройтить будетъ никому не можно, то Запорожье будетъ подъ государскою великою рукою и крѣпко»... Число ратниковъ для Кодака и Кременчуга гетманъ сперва опредѣлилъ по 300 человекъ въ каждый, а потомъ 1.000 человекъ, куда они должны посылаться изъ города Полтавы: «А изъ Полтавы изволилъ бы великій государь посылать въ Запороги своихъ ратныхъ людей по 1.000 человекъ, а послать бы ихъ въ Запороги на весну; а въ Запорогахъ бы быть особому воеводѣ и зимовать въ Запорогахъ; тѣмъ надъ непріателемъ и промыслъ учинить». Изъ другихъ болѣе мелкихъ вопросовъ, касавшихся Запорожья, гетманъ билъ челомъ о стоящихъ на рѣкѣ Ворсклѣ мельницахъ, идущихъ на низовое войско: обращать-ли ихъ и на будущее время на низовое войско и крѣпость Кодакъ или же на что другое ¹⁾).

По новому положенію московскіе воеводы должны были управлять городами, распредѣлять налоги, собирать подати, опредѣлять торговыя пошлины, винныя аренды; въ своемъ распоряженіи они имѣли помощниковъ и особыхъ переписчиковъ; послѣдніе должны были составлять перепись украинскаго населенія и обозначать каждому обывателю долю его повинностей ²⁾).

Изъ остальныхъ семи статей, поданныхъ Брюховецкимъ царю, одна, по порядку четвертая, касалась назначенія митрополита въ Кіевъ. Въ этой статьѣ Брюховецкій билъ челомъ царю на томъ,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 18, 19, 17.

²⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 91.

чтобы государь, въ виду большаго вліянія, которое имѣетъ кievскій митрополитъ на козацкое войско въ Украинѣ, и въ виду па-тости самого войска, прислалъ въ Кіевъ святаго русскаго. На эту статью, впрочемъ, самъ царь отвѣчалъ, что онъ снесетъ съ цареградскимъ патріархомъ, и если патріархъ подастъ свое благосло-веніе о Кіевѣ, то на то будетъ государевъ указъ ¹⁾).

Всѣ статьи, поданныя Брюховецкимъ въ Москвѣ, подписаны были пріѣхавшими съ нимъ старшинами и полковниками, между коими было и три лица отъ запорожскихъ козаковъ. «Великаго государя, его царскаго пресвѣтлаго величества, вѣрнаго низового кошевого запорожскаго войска, вмѣсто Ивана Ляценка, Горбана и Мартына Горба, письма неумѣющихъ, по ихъ прошенію, на сихъ подтвержденныхъ статьяхъ, и ихъ же, товарищъ куренный Захарко Андреевъ руку свою властную приложилъ» ²⁾).

Въ отсутствіи Брюховецкаго, замѣнявшій его обязанности на-казный гетманъ, переяславскій полковникъ Данило Ермоленко, получилъ извѣстіе о затруднительномъ положеніи гетманскихъ козаковъ, отправленныхъ раньше того, въ видѣ залого, въ крѣ-пость Кодакъ. Въ виду предстоящаго зимняго времени и въ виду того, что все войско, находящееся въ крѣпости, и голо, и босо, полковникъ крѣпости Кодака Харько Кривой просилъ наказнаго гетмана прислать ему борошна, шубъ, сапогъ, шапокъ, холста и нѣсколько десятковъ бочекъ пороху, чтобы было достаточно на зимнее время. Ермоленко могъ только выдать борошно и шубы просителю, но объ остальномъ донесъ Брюховецкому и просилъ его сдѣлать скорѣйшее распоряженіе о томъ, чтобы войско не разбѣжалось изъ Кодака ³⁾).

О самихъ запорожцахъ Ермоленко сообщилъ, что они въ со-ставѣ всего войска съ таборомъ, пѣхотою и народомъ, подъ на-чальствомъ Сирка, Косагова и Хитрово, ходили въ поля, на Куяль-ники, за рѣку Бугъ, и оттуда возвратились въ цѣлости, соби-раясь снова идти подъ турецкіе городки. О подвигахъ запорож-цевъ было доложено царю, и въ концѣ октября мѣсяца, 1665 года, въ Запорожье посланъ былъ стряпчій Иванъ Образцовъ съ за-пасами ⁴⁾).

¹⁾ Полное собраніе законовъ, I, 376, 619.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 89.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 29, 32.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 34, 41, 54.

Но вмѣстѣ съ добрыми вѣстями Данило Ермоленко доносилъ Брюховецкому и вѣсти, весьма непріятныя гетману. Такъ, въ это время объявился на Украинѣ бывшій запорожскій козакъ, потомъ овручскій полковникъ Демьянъ Децикъ или Дацко; сперва онъ дѣйствовалъ за Брюховецкаго, сражался противъ Дорошенка, татаръ и поляковъ подъ Бѣлою-Церковью и Мотовиловкой, а потомъ бросилъ свой полкъ подъ Киевомъ, ушелъ къ наказному гетману Данилу Ермоленку въ Переяславъ; послѣ этого онъ объявилъ себя гетманомъ Малороссіи въ противность Брюховецкому и былъ признанъ въ этомъ званіи нѣкоторымъ числомъ малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ ¹⁾).

Но этого было мало: въ то же время получена была отъ Ермоленка и другая вѣсть, о появленіи въ заднѣпровской Украинѣ Петра Дорошенка, бывшаго черкаскаго полковника, занявшаго мѣсто Павла Тетери. Послѣдній, убѣдившись въ томъ, что онъ не сможетъ отстоять ни собственнаго гетманства, ни правобережной Украины, добровольно удалился въ Польшу, захвативъ съ собою свое имущество. Дорошенко выбранъ былъ на гетманство на самый Покровъ пресвятой Богородицы и немедленно сообщилъ о томъ черезъ письмо запорожскимъ козакамъ. Въ письмѣ запорожцамъ Дорошенко просилъ низовыхъ рыцарей объ утвержденіи его на гетманствѣ, о снисхожденіи и пріязни къ нему, какую они оказывали «славяно покойному» Богдану Хмельницкому. На то письмо запорожцы съ атаманомъ Иваномъ Величкомъ-Босовскимъ отвѣчали Дорошенку, что они готовы оказывать ему дружбу и признавать его гетманомъ, но только тогда, когда онъ будетъ избѣгать «душевредной лиги», къ которой стремились три «умомячные» предшественника Дорошенка ²⁾).

Предъявляя свои требованія Дорошенку, запорожскіе казаки вовсе не знали ни его характера, ни его политическихъ идеаловъ, ни его истинныхъ чувствъ къ родинѣ. Дорошенко былъ, безспорно, человекъ выдающихся способностей и горячій патріотъ, чуждый самолюбія и партійныхъ интересовъ. Это единственный, кромѣ Павла Тетери, изъ всѣхъ гетмановъ, который стоялъ выше личныхъ и сословныхъ интересовъ и желалъ служить съ пользой родинѣ, спасти ее отъ внутреннихъ раздоровъ и поставить на путь

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, II, 96; Акты, VI, 25, 36, 47, 86.

²⁾ Вельчко, Лѣтопись, Киевъ 1851, II, 98—100.

политической автономіи. Но онъ искалъ для этого совершенно другихъ средствъ, нежели запорожскіе козаки, и выступилъ съ совершенно новыми мыслями, нежели всѣ его предшественники: объявивъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, Дорошенко рѣшилъ отдать всю Украину подъ власть турецкаго султана и заключилъ съ нимъ по этому поводу формальный договоръ ¹⁾. Онъ видѣлъ, что Польша не дала счастья Украинѣ, но въ то же время онъ предвидѣлъ, что и отъ Москвы Украинѣ не ждать поблажки: онъ полагалъ, что, въ концѣ концовъ, малороссы, имѣющіе одну вѣру и почти одинъ и тотъ же языкъ съ русскими, потеряютъ и тѣнь своей политической независимости и сольются безраздѣльно съ великороссами. Поэтому, если отдаться вмѣсто московскаго царя турецкому султану, то, при разности языка и вѣры, можно рассчитывать, что Украина навсегда сохранитъ свою самостоятельность. Въ этомъ-то Дорошенко и разошелся съ запорожцами, не меньше его любившими свою родину, но видѣвшими залогъ для своей свободы, какъ и вся украинская масса, въ русскомъ царѣ.

Въ отсутствіи Брюховецкаго Дорошенко успѣлъ одолѣть своего противника, назвавшагося гетманомъ правой стороны Днѣпра, Степана Опару. Опара, собравъ около себя партію людей и войско, сталъ дѣйствовать противъ Дорошенка и его союзниковъ, татаръ. Сторонники Опары пытались призвать къ себѣ на помощь реестровыхъ козаковъ, но тѣ отказали имъ и сообщили о томъ крымскому султану, стоявшему въ то время съ ордой подъ Чернымъ лѣсомъ. Султанъ, кромѣ того, перехватилъ письма, которыя писалъ Опара со своими сторонниками Ивану Сирку и брацлавскому полковнику Василю Дрозду, враждебно настроеннымъ противъ Дорошенка и татаръ и державшимся стороны московскаго царя. Въ этихъ письмахъ Опара и его сторонники приглашали Сирка и Дрозда соединиться вмѣстѣ и ударить на татаръ, а послѣ боя идти къ Бѣлой-Церкви и другимъ замкамъ, гдѣ у поляковъ оставлены были однѣ только залогомъ съ нѣмцами и жолнѣрами, и снести и разрушить ихъ. Но крымскій султанъ, перехвативъ письма и не подавая вида о томъ, что онъ узналъ изъ нихъ, написалъ Опарѣ и его сторонникамъ письмо и просилъ ихъ пріѣхать къ нему для совѣта, обороны и цѣлости войсковой. Когда же Опара

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 177.

приѣхалъ со своими сторонниками, то султанъ, показавъ ихъ «измѣнцѣ» (полякамъ и татарамъ), велѣлъ ихъ взять подѣ стражу. Дорошенко выкупилъ Опару у татаръ и отправилъ его, скованнаго за шею и за ноги желѣзными цѣпями, сперва въ Бѣлую Церковь, а оттуда, сентября 28 дня, черезъ Дубно въ Варшаву къ королю, гдѣ онъ и былъ казненъ ¹⁾. Послѣ этого-то вмѣсто казненнаго Опары и выбранъ былъ гетманомъ правой стороны Днѣпра Петро Дорошенко.

Расходясь въ одномя, запорожцы и Дорошенко сходились чувствами въ другомъ, а именно въ искренней ненависти къ Брюховецкому, манившему русскаго царя и жадно простиравшему свои взоры къ польскому королю. Замѣнявшій Брюховецкаго наказный гетманъ Данило Ермоленко, узнавши о сношеніяхъ запорожцевъ съ Дорошенкомя, сообщилъ о томъ Брюховецкому и, получивъ отъ него по этому поводу листъ, отправилъ его вмѣстѣ съ собственнымъ запорожцамъ въ Сичь. Въ собственномъ листѣ онъ убѣждалъ низовыхъ козаковъ не вѣрять еретикамъ и не сдаваться на ихъ прелести ²⁾.

Возвратившись на Украину, гетманъ Брюховецкій былъ встрѣченъ здѣсь единодушною ненавистью со стороны простыхъ козаковъ, украинской массы, всего духовенства, въ частности бывшаго друга, но теперь злѣйшаго врага его, епископа Меодія, и въ особенности запорожскихъ козаковъ. Заодно съ Брюховецкимъ объявлена была вражда и русскимъ.

Февраля 6 дня Григорій Косаговъ извѣщалъ царя, что въ Запорожьѣ жить ратнымъ людямъ небезопасно и что въ самой Сичи оттого осталось всего лишь 500 человекъ за развѣздомъ всѣхъ остальныхъ. Извѣстіе Косагова подтверждалъ кievскій воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Онъ писалъ царю, что запорожцы ратныхъ московскихъ людей не любятъ, говоря, будто, по ихъ милости, войску не стало добычи, и хотятъ мириться съ татарами и съ Дорошенкомя; что всему злу заводчикъ Кирилло Кодацкій и его товарищи, козаки западной стороны Днѣпра, и что кошевой атаманъ Леско Шкура, видя замѣшательство въ Запорожьѣ, хотѣлъ-было сложить съ себя атаманство, но козаки

¹⁾ Latopisiec Joachima Jerlicza, Warszawa, 1853, II, 106; Акты, VI, 30, 31, 35.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 28.

упросили его остаться на кошевствѣ, хотя своихъ замысловъ не покинули: подѣ конецъ они скинули съ кошевства Шкуру за то, что онъ знался съ московскими воеводами Хитрово и Косаговымъ и не позволилъ козакамъ громить калмыковъ, и выбрали въ кошевые Ивана Ждана или Рога.

Рогъ, выбранный въ кошевые и считая виновникомъ всѣхъ бѣдъ въ Запорожьѣ и на Украинѣ гетмана Брюховецкаго, написалъ ему укоризненное и нравоучительное письмо:

«Послышали мы, что Москва будетъ на Кодакъ; но ее тамъ ненадобно. Дурно дѣлаешь, что начинаешь съ нами ссориться; оружіе не поможетъ въ полѣ, если дома не будетъ совѣта. Хотя ты отъ царскаго величества честію пожалованъ, но достоинство получилъ отъ войска запорожскаго, войско же не знаетъ, что такое бояринъ, знаетъ только гетмана. Изволь, вельможность твоя, поступать съ нами по настоящему, какъ прежде бывало, потому что не всегда солнце въ сѣромъ зипунѣ ходить, и не знаешь, что кому злой жребій принесъ; помни древнюю философскую притчу, что счастье на скоромъ колесѣ очень быстро обращается; въ мѣрѣ все привыкло ходить какъ тѣнь за солнцемъ; пока солнце свѣтитъ, до тѣхъ поръ и тѣнь, и какъ найдетъ мрачное облако, такъ и мѣста не узнаешь, гдѣ тѣнь ходила: такъ вельможность твоя умѣй счастье почитать»¹⁾.

Гетманъ Брюховецкій съ его проектомъ введенія бояръ на Запорожьѣ сдѣлалъ прежде всего то, что поставилъ въ двусмысленное и весьма опасное положеніе московскихъ ратниковъ, находившихся въ Сичи. Когда въ Сичи разнеслась вѣсть о назначеніи московскихъ воеводъ въ Кодакъ и Кременчугъ, то запорожцы открыли свободный доступъ къ себѣ сторонникамъ Дорошенка и стали заводить съ Москвой всякіе заводы²⁾. Начальникъ московской рати Григорій Косаговъ, не чая для себя ничего хорошаго отъ козаковъ, ушелъ изъ Запорожья, оставивъ даже тамъ 350 бочекъ хлѣба по двѣ, и больше того чети въ каждой бочкѣ³⁾. Самъ царь, извѣщенный объ этомъ Косаговымъ, ничего ему другаго не велѣлъ дѣлать, какъ только оставить Сичь.

Узнавъ объ отходѣ Косагова изъ Запорожья, гетманъ Брю-

1) Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 190.

2) Грабянка, Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 192, 193.

3) Акты южной и западной Россіи, VI, 159.

ховецкій послалъ спросить о причинѣ этого у кошевого Рога. Рогъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ уклончиво: «Мы и сами надивиться не можемъ, зачѣмъ онъ ушелъ; мы его не выгоняли; мы не измѣнники, какъ онъ насъ описываетъ; не знаемъ, не потому-ли пошелъ, что у насъ куколь ночныхъ нѣтъ, съ которыми, думаю, на Руси уже натѣшился; войско запорожское государевыхъ людей колотъ не думывало, какъ онъ писалъ: а если когда и случалось, что козакъ, напившись, промолвилъ что-нибудь дурное, то быку не загородить рта; пьяный подобенъ воску: что захочетъ, то и слѣпить» ¹⁾).

Самъ гетманъ отнюдь не считалъ себя виновникомъ поднявшихся на Запорожьѣ смуть и объяснялъ это непостоянствомъ и склонностью къ измѣнѣ со стороны низовыхъ козаковъ.

Отправляя съ поручикомъ Огаревымъ въ Москву нѣсколькихъ колодниковъ и въ числѣ ихъ Деркача, Ярошенка и Щербака, Брюховецкій писалъ царю, что запорожскіе низовые козаки, по подлинной вѣсти, дошедшей на Украину, недоброе что-то думаютъ, а потому онъ, гетманъ, старается хватать и отсылать въ Москву всѣхъ подозрительныхъ на Украинѣ лицъ, могущихъ сдѣлать смуту между козаками. Взятые однако, на допросъ въ Москвѣ, козаки Деркачъ и Ярошенко оказались жителями бѣлоцерковскими, посланными еще въ 1664 году Павломъ Тетерей въ Умань къ наказному кошевому Сашку Туровцу съ листами; непринятые Туровцомъ, они отправлены были въ Кіевъ къ гетману Брюховецкому. Въ такомъ же родѣ было дѣло и Щербака: онъ посланъ былъ въ томъ же году съ Дона съ письмомъ и калмыками въ Запорожье къ Сирку, но, не будучи принятъ Сиркомъ, направился въ Каневъ къ гетману ²⁾).

Не довольствуясь этимъ, Брюховецкій, отправляя въ Москву своего посланца, лубенскаго полковника Гамалію, снова повторилъ царю, что запорожцы ненадежны; по извѣстію, присланному гетману стольникомъ Григоріемъ Косаговымъ, они хотятъ измѣнить великому государю и приклониться къ измѣнникамъ черкасамъ и бусурманамъ; что по той вѣсти онъ, гетманъ, наскоро отправилъ своихъ посланцевъ въ Сичь, чтобы собрать тамъ подлинныя данныя о намѣреніяхъ запорожцевъ и уговорить ихъ отъ своего

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XI, 191.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 85.

злого умысла отступить и великому государю вѣрно служить. Срообщая эти вѣсти въ Москву, Брюховецкій съ тѣмъ вмѣстѣ спрашивалъ царя, какъ ему поступить съ хлѣбными запасами, что на Запорожье должны весной идти.

Царь, похваляя гетмана за его усердіе и рекомендуя ему и впредь уговаривать запорожцевъ отъ ихъ замысловъ отстать и великому государю вѣрно служить, вмѣстѣ съ этимъ далъ такой отвѣтъ, что хлѣбные запасы по веснѣ въ Запорожье слѣдуетъ послать ¹).

Одновременно съ листомъ, отправленнымъ царю, гетманъ отправилъ письмо и воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву въ Кіевъ. Воевода Шереметевъ, получивъ вѣсть о намѣреніяхъ запорожцевъ измѣнить Москвѣ, написалъ длинное воззваніе къ низовому войску и малороссійскому народу о сохраненіи вѣрности московскому державному государю. Послѣ обращенія къ украинскому населенію, воевода обращается и къ запорожскимъ козакамъ. Послѣднимъ онъ говоритъ о томъ, что къ нему дошла вѣсть, какъ они, забывъ Бога, православную вѣру и крестное цѣлованіе великому государю, хотятъ отторгнуться отъ православной вѣры, соединиться съ бусурманами, не желаютъ совѣщаться со стольникомъ Григоріемъ Косаговымъ, не пускаютъ къ нему ни съ какими вѣстями выходцевъ и настаиваютъ на выведеніи изъ Кодака ратныхъ людей государевыхъ. Дивясь полученной вѣсти и не вѣря ни во что это, воевода Шереметевъ говоритъ, что онъ привыкъ видѣть запорожцевъ на службѣ у великаго государя и на стражѣ противъ враговъ царя и православной вѣры. А что касается Кодака и находящихся въ немъ московскихъ ратныхъ людей, то вывести ихъ изъ Кодака никакъ нельзя, потому что Кодакъ—крѣпость и защита всему Запорожью, и если вывести изъ него рать, то непріятелямъ будетъ путь чистъ, а запорожцамъ трудность великая. Посланіе оканчивалось обращеніемъ къ старшему и меньшему товариству вѣрно и безперемѣнно служить царскому величеству и всѣхъ подозрительныхъ лицъ, вносящихъ шатость въ войско, хватать и казнить по своимъ правамъ, чтобы отъ такихъ своевольниковъ какого-либо зла не произошло ²).

Листъ воеводы посланъ былъ въ Сичу съ капитаномъ Иваномъ

¹) Акты южной и западной Россіи, VI, 86, 87.

²) Акты южной и западной Россіи, VI, 89—93.

Хвоцинскимъ и въ то время, когда Хвоцинскій былъ въ Сичи, при немъ находились тамъ же посланцы крымскаго хана и гетмана Дорошенка ¹⁾.

Такимъ образомъ на Украинѣ и Запорожьѣ поднимались великія смуты и чрезъ это готовился рядъ бѣдствій для жителей, и причиной этихъ смуть были не запорожцы и не украинцы, а самъ гетманъ Брюховецкій съ его статьей о введеніи въ главныхъ и второстепенныхъ городахъ Украины, а также въ Запорожьѣ московскихъ воеводъ съ правами административно-экономическихъ управителей страны. Въ этомъ винилъ Брюховецкаго и самъ епископъ мстиславскій Мееодій, бывший другъ гетмана, но теперь жестокой врагъ его за статью о просьбѣ назначенія въ Кіевъ на митрополичью кафедру лица изъ московскаго духовенства. Такъ высказался Мееодій въ тайной бесѣдѣ его съ кievскимъ воеводой Петромъ Васильевичемъ Шереметевымъ. Когда Шереметевъ заговорилъ о необходимости послать въ Запорожье къ кошевому и козакамъ листъ и особаго посланца съ цѣлью развѣдки о причинѣ ихъ волненія, то епископъ Мееодій на это замѣтилъ, что это дѣло самое надобное, но только надо въ листѣ къ запорожцамъ спросить, отчего у нихъ чивится шатость и не отъ «бояръ-ли-де отъ кого» ²⁾. Очевидно, подъ словомъ «бояръ» Мееодій разумѣлъ не иного кого, какъ самого Брюховецкаго, до бывшаго себѣ санъ боярина въ бытность въ Москвѣ.

Крайнее недовольство гетманомъ обнаружилось не въ одномъ Запорожьѣ: вмѣстѣ съ этимъ оно обнаружилось и въ городахъ Украины, прежде всего въ Полтавѣ, потомъ Переяславѣ, Миргородѣ и другихъ городовъ: «Въ Запорогахъ и въ Полтавѣ начала быть шатость великая, потому что запорожцы и полтавцы и всѣхъ малороссійскихъ городовъ полковники, старшина, козаки и духовенство боярина-гетмана не любятъ за то, что онъ началъ дѣлать своеправствомъ»... Всѣхъ больше волновались полтавцы: «Запорожцы съ полтавцами живутъ совѣтно, что мужъ съ женой» ³⁾. Такъ заявлялъ объ этомъ тотъ же епископъ Мееодій кievскому воеводѣ Шереметеву. Самъ же гетманъ передавалъ московскому дьяку Фролову, что виновники всему запорожцы, черезъ которыхъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 151.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 96.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 98, 99, 104.

на Украинѣ объявилось много своевольниковъ, охотныхъ къ бунтамъ и шарпанинѣ, лѣнвивыхъ до черныхъ работъ: по замысламъ запорожцевъ своевольники поднимаютъ смуты и объявляютъ вражду къ гетману-боярину; отъ запорожцевъ все зло происходитъ; ими же руководить одна страсть—какъ бы побольше людей разорить и, нашарпавшись чужого добра, всякому бы старшинства настичь; въ Запорожье понашло много козаковъ отъ голода изъ-за Днѣпра, и тамъ теперь бунты всякіе затѣваются; бунтуются и переяславцы, которые хотятъ идти на Запорожье и оттуда на гетмана ударить, и государевыхъ людей, которые въ Переяславѣ живутъ, злодѣями и жидами зовутъ ¹⁾).

Объявляя обо всемъ этомъ въ Москвѣ, дьякъ Фроловъ не скрылъ и того, что гетманъ-бояринъ, недовольный на кievскаго полковника Василя Дворецкаго за согласіе его съ духовенствомъ, протестовавшимъ противъ назначенія въ Кіевъ митрополитомъ изъ московскихъ владыкъ, хотѣлъ послать Дворецкаго въ Запорожье съ видимой цѣлью, чтобы онъ уговорилъ козаковъ прекратить шатости, но съ тайной, чтобы козаки разстрѣляли или убили его въ Сичи ²⁾).

Возникшая вражда между низовымъ войскомъ и гетманомъ-бояриномъ была какъ разъ въ руку врагамъ послѣдняго. Пользуясь всеобщимъ недовольствомъ на Брюховецкаго, гетманъ правой стороны Днѣпра Петро Дорошенко и поляки всѣ силы употребляли на то, чтобы привлечь на свою сторону запорожцевъ и съ ними ударить на Брюховецкаго. Такъ, іюля 15 дня польскій комендантъ Жебровскій писалъ изъ Чигирина въ Бѣлую-Церковь коменданту Яну Стахорскому, что гетманъ Петро Дорошенко «уже началъ гораздо къ доброму съ запорожцами» ³⁾). Письмо это попало въ руки Брюховецкаго и онъ немедленно сообщилъ объ этомъ царю, прося государя поторопить присылку воеводы Сафонова съ ратными людьми въ Запорожье, чего онъ раньше такъ настойчиво добивался, чтобы воевода своимъ скорымъ приходомъ «могъ зайти тѣмъ запорожскихъ козаковъ злымъ замысламъ».

Питая искреннюю вражду къ Брюховецкому, запорожцы, однако, на этотъ разъ на столько владѣли собою, что пока не выказы-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 101, 103, 97, 102,

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 104.

³⁾ Акты, южной и западной Россіи, VI, 118.

вали открыто своихъ чувствъ къ нему. Такъ, когда гетманъ узналъ о смутахъ въ Запорожьѣ и отправилъ туда своихъ посланцевъ съ подарками для войска и съ тайнымъ наказомъ разублажить настроеніе войска, то козаки послали гетману письмо съ увѣреніемъ своей дружбы къ нему и съ приложеніемъ «прелестныхъ» листовъ Дорошенка къ низовому войску. Письма отправлены были гетману особыми посланцами войска, при которыхъ находился и пойманный татарскій языкъ. Гетманъ, получивъ письмо запорожскаго войска, «прелестные» листы Дорошенка и татарскаго языка, послалъ ихъ въ Москву. Посылая же листы Дорошенка и запорожское письмо, Брюховецкій добавилъ отъ себя, что, не смотря на дружелюбный тонъ запорожцевъ, онъ все же мало вѣритъ въ ихъ мирное настроеніе, потому что между ними не мало живетъ козаковъ западной стороны Днѣпра. И это тѣмъ болѣе, что Дорошенковыхъ посланцевъ запорожцы вовсе не послали къ гетману, а отпустили съ листами и съ честью въ Чигиринъ и въ слѣдъ за ними послали и собственныхъ пословъ туда же. Сами посланцы Брюховецкаго, бывши въ Запорожьѣ, слышали тамъ, что козаки нарекаютъ на дворянъ и на полковниковъ и на самого гетмана похвалки дѣлаютъ; что они послали въ Полтавщину 200 человекъ товарищей, чтобы изловить гетмана и причинить ему зло; что эти 200 человекъ находятся въ городѣ Бѣликахъ полтавскаго полка и что гетманъ черезъ то никуда не выходитъ изъ Гадяча, но съ запорожцами старается ладить, почему, согласно царскому указу, отослалъ имъ хлѣбные запасы, пшено и крупу, но все же проситъ царское величество поскорѣе отправить въ Запорожье воеводу Петра Сафонова съ ратными людьми для того, чтобы въ Запорогахъ дурна какого не учинилось.

Помимо этой просьбы, Брюховецкій просилъ также царя прислать на Украину для обороны отъ наступающихъ непріятелей ратныхъ государевыхъ людей и увѣдомлялъ его о томъ, что онъ держитъ при себѣ два полка, не распуская ихъ по домамъ, пѣхотный полкъ Ивана Щербины и конный полкъ Дмитрашки Райча, потому что козаки этихъ полковъ на лѣвомъ боку Днѣпра не имѣютъ своихъ домовъ и потому что чрезъ это можно предупредить всякіе бунты на Запорожьѣ ¹⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 134, 136, 153.

Царь, получивъ всѣ эти вѣсти отъ гетмана, отправилъ, августа 9 дня, изъ Москвы въ Кіевъ жильца Іону Леонтьева для объявленія приговора надъ бунтовщиками города Переяслава, и для разузнавія положенія дѣлъ въ Запорожьѣ. Относительно Запорожья царь далъ послу такую инструкцію: боярину-гетману писать отъ себя въ Запороги къ кошевому атаману Ждану-Рогусь козаками и укрѣплять ихъ всѣми мѣрами, чтобы они ничего дурного не затѣвали, а чинили бы промыселъ надъ непріятелями¹⁾.

Пріѣхавъ, въ самомъ концѣ августа мѣсяца, на Украину, Іона Леонтьевъ свидѣлся съ гетманомъ Брюховецкимъ и между другими статьями данной ему инструкціи коснулся и запорожцевъ. Но, къ удивленію Леонтьева, Брюховецкій отвѣтилъ, что запорожцы вѣрно служатъ великому государю и шатости отъ нихъ онъ никакой не чаеть: въ недавнихъ числахъ они ходили изъ Запорожья на крымскіе улусы и, помощью божіей, а счастьемъ великаго государя, крымскіе улусы удачно повоевали и полона много набрали. Изъ другихъ потомъ свѣдѣній оказалось, что запорожцы ходили къ Очакову и крымскимъ татарамъ къ Стрѣлицѣ, среди самого лѣта, въ іюлѣ мѣсяцѣ; они отбили много коней, рогатаго скота, взяли 1.150 чело-вѣкъ мусульманъ въ плѣнъ и освободили 150 чело-вѣкъ христіанскихъ невольниковъ. Но Іона Леонтьевъ замѣтилъ, что государю стало извѣстно, будто запорожскіе козаки очень «крамоляются» за вновь наложенныя на малороссійскихъ жителей подати и будто бы они посылали пословъ къ полякамъ бить челомъ и просить у нихъ прежнихъ вольностей, и поляки привяли запорожскихъ пословъ и одарили ихъ великими подарками. На это гетманъ Брюховецкій отвѣчалъ, что запорожскимъ козакамъ «крамолиться» за малороссійскія подати никакого нѣтъ основанія, такъ какъ это дѣло вовсе ихъ не касается; да къ тому же новыхъ податей совсѣмъ не наложено на украинцевъ; а посылали-ли запорожцы своихъ пословъ къ полякамъ, того гетманъ не знаетъ, хотя возьметъ немедленно мѣры къ тому, чтобы дознать и сообщить о томъ великому государю²⁾. Отписывая царю черезъ Іону Леонтьева, гетманъ Брюховецкій о причинѣ шатости въ Запорожьѣ говорилъ, что вся бѣда произошла въ то время, когда онъ, гетманъ, находился въ Москвѣ, и вызвана она была воеводой Федоромъ Протасевымъ и другими

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 141.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 144, 145, 150, 151.

начальниками надъ московскими ратными людьми: они допускали неправды, обиды, утѣсненія, насилія и невыносимыя бѣдствія жителямъ, и жители, покидая свои дома, женъ и дѣтей, уходили въ Запорожье и тамъ поднимали смятеніе и бунты. Кромѣ того, причиною бунта въ Запорожьѣ былъ и епископъ мстиславскій Мееодій, который, возвращаясь изъ Москвы, гдѣ былъ у великаго государя (по дѣлу Никона), и ѣдучи черезъ Бѣлгородъ, бросалъ мятежныя слова между людьми. Но теперь, однако, милостію божіею и счастіемъ государя въ Запорожьѣ обстоитъ все тихо и спокойно ¹⁾.

Было-ли это въ самомъ дѣлѣ такъ, или въ такомъ отвѣтѣ со стороны Брюховецкаго крылась какая-нибудь политика въ отношеніи Запорожья, это неизвѣстно. Но извѣстно то, что гетманъ, чувствуя себя не безопаснымъ по приѣздѣ изъ Москвы на Украину, окружилъ свою особу тѣлохранителями изъ сотни московскихъ людей и отряда запорожскихъ козаковъ.

Не смотря на это, тучи, нависшія надъ головой Брюховецкаго, все болѣе и болѣе сгущались, и народное негодованіе противъ гетмана за московскихъ бояръ уже начало выходить изъ предѣловъ; тѣмъ болѣе, что и сами бояре вели себя слишкомъ предосудительно на Украинѣ. Такъ, полтавскій воевода Яковъ Хитрово отнималъ у козаковъ лошадей, выгонялъ ихъ въ шею изъ своего дому, выбивалъ имъ глаза тростью и плевалъ въ нихъ, отнималъ луга и сѣножати, обременялъ заслуженныхъ козаковъ квартирами для своихъ людей, себя величалъ «набольшимъ человѣкомъ», а всѣхъ козаковъ ругалъ «подчортами». У самихъ запорожцевъ воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ велѣлъ отнять мельницы въ разныхъ мѣстахъ полтавскаго полка, не смотря на давно установленный обычай, по которому взимаемые хлѣбныя сборы со всѣхъ козацкихъ и мѣщанскихъ мельницъ въ Полтавѣ и ея уѣздѣ «во всѣ годы» отправлялись на запорожское войско ²⁾. Такія же жалобы раздавались со стороны украинскаго населенія и на другихъ московскихъ воеводъ ³⁾. И въ это самое время росла популярность противника Брюховецкаго, заднѣпровскаго гетмана Петра Дорощенка.

Но все же негодованіе народное сдерживалось въ извѣстныхъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 149.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 132, 181, 193.

³⁾ Величко, Лѣтопись, II, 96; Самовидецъ, 47; Грабянка, 190.

границахъ до тѣхъ поръ, пока не произошло обстоятельство, которое подняло все населеніе козацкое какъ на Украинѣ, такъ и на Запорожѣ на ноги. Это заключеніе, въ январѣ мѣсяцѣ, 1667 года, такъ-называемаго андрусовскаго перемирія между Россіей и Польшей. По этому перемирію лѣвобережная Украина оставалась подъ властью Москвы, правобережная доставалась Польшѣ, за исключеніемъ города Кіева, который переходилъ къ Москвѣ только на два года, а потомъ снова долженъ былъ отойти къ Польшѣ. По соглашенію между русскимъ царемъ и польскимъ королемъ рѣшено было извѣстить турецкаго султана и крымскаго хана о состоявшемся польско-русскомъ перемирії и пригласить ихъ примкнуть къ мирному союзу. Въ пактахъ этого договора было два пункта, которые касались и запорожскихъ козаковъ: въ одномъ изъ нихъ было сказано, что «тамошніе козаки, живущіе по островамъ и сѣдлицамъ и остающіеся въ оборонахъ, должны оставаться въ послушенствѣхъ подъ обороною и подъ высокою рукою обоихъ великихъ государей для услуги противъ наступающихъ бусурманскихъ войскъ». Въ другомъ пунктѣ было сказано, что запорожцы должны помогать русскому и польскому государямъ въ томъ случаѣ, когда крымскій ханъ откажется соблюдать пріязнь къ Россіи и Польшѣ послѣ объявленія ему черезъ особыхъ пословъ о состоявшемся андрусовскомъ перемирії ¹⁾). Козацкіе послы не были приглашены въ Андрусово и только послѣ заключенія перемирія Украина и Запорожье узнали объ этомъ черезъ посланнаго февраля 12 дня къ гетману Брюховецкому стольника Ивана Телепнева.

Вѣсть объ этомъ какъ громомъ поразила всѣхъ на Украинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, безъ воли и безъ объявленія народу Украина раздѣлялась на двѣ части, и въ одной вводились польскіе порядки, въ другой—воеводское управленіе. Безъ согласія и безъ извѣщенія козаковъ Запорожье объявлялось сразу и въ зависимости отъ Польши, и въ подчиненіи Россіи. Конечно, и отъ украинцевъ, и отъ запорожцевъ нельзя было ожидать ничего хорошаго послѣ объявленія объ андрусовскомъ перемирії, и уже самъ гетманъ Брюховецкій заявилъ стольнику Телепневу, что въ Кременчугъ и въ Кодакъ нужно ввести ратныхъ московскихъ людей, лишить запорожцевъ хлѣбныхъ подвозовъ и избавить Запорожье отъ многолюд-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 107, 121, 130.

ства, потому что отъ запорожцевъ нужно ожидать большого возмущенія ¹⁾).

Не довольствуясь этимъ, Брюховецкій отправилъ въ Москву особаго посланца, Александра Селецкого, и черезъ него сообщалъ, что онъ всячески уговаривалъ запорожцевъ, посылая имъ всякіе подарки, къ доброму дѣлу, а главное, къ тому, чтобы жили въ добромъ совѣтѣ и братской любви съ московскими ратными людьми, но только въ этомъ помѣхой служитъ ему епископъ Меѳодій, черезъ котораго и проливается вся невинная кровь христіанская на Украинѣ, и лучше было бы, если бы онъ жилъ гдѣ-нибудь подальше отъ Украины, въ особенности же отъ Запорожья. Епископъ Меѳодій еще въ прошломъ году, когда ѣхалъ изъ Москвы на Украину, наговаривалъ генеральнаго войскового судью Петра Забѣлу, чтобы онъ послалъ въ Запорожье своего сына, конечно, не на добро какое-нибудь, а на то, чтобы тотъ поднялъ бунты и своеволие. Но онъ, гетманъ, понявъ все коварство епископа, сыну Забѣлы въ Запорожье идти запретилъ, говоря, что его отецъ и состарѣлся, а въ Запорожьѣ не бывалъ, и всѣ свои привилегіи добылъ у польскаго короля. Не слушаясь этого, Забѣла-отецъ все-таки хочетъ своего сына въ Запорожье послать, и «на то Забѣлино лукавство гетманъ молитъ скорого великаго государя указа», а въ концѣ просьбы, для лучшей вѣрности, прилагаетъ листъ, какой писалъ Забѣлѣ сынъ, и снова молитъ не позволять епископу видѣться съ запорожцами въ Москвѣ, потому что онъ наговариваетъ ихъ на всякое зло и жалуется имъ, будто бы бояринъ-гетманъ лишаетъ его по прежнему «всякихъ кормовъ» ²⁾).

Но не смотря на всѣ мѣры, принятія гетманомъ, не смотря на всѣ заискиванія его передъ запорожцами, народное движеніе не было остановлено. Оно началось съ запорожцевъ. По условію между московскимъ царемъ и польскимъ королемъ нужно было о состоявшемся польско-русскомъ договорѣ извѣстить турецкаго султана и крымскаго хана. Для этого отправленъ былъ изъ Москвы стольникъ Ефимъ Лодыженскій; его сопровождали подъячій Скворцовъ съ товарищами и солдатами и крымскій гонецъ Магометъ-ага съ 20 татарами. Послы выѣхали изъ Москвы въ концѣ мѣсяца марта, 1667 года, везя съ собою въ Крымъ большую казну, по-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи VI, 174.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 177, 178.

дарки и разныя вещи. Пройдя благополучно города средней и южной Россіи, послы, апрѣля 3 дня, прибыли къ Переволочной и переправились съ лѣваго берега Днѣпра на правый, а 4-го числа, того же мѣсяца, стали на рѣчкѣ Омельникѣ, въ 15 верстахъ отъ Днѣпра. Тутъ къ нимъ пристали около 150 человекъ запорожскихъ козаковъ, зимовавшихъ въ малороссійскихъ городахъ, съ старшиною Гайчукомъ и асауломъ Хвесикомъ, и, переночевавъ, пошли на другой день вмѣстѣ. Пройдя нѣсколько времени степью, запорожскіе козаки вдругъ отдѣлились отъ пословъ, заѣхали впередъ и остановились въ урочищѣ Первой Пришиби, у рѣчки Базавлука; скоро въ это же урочище прибыли и послы. Было около шести часовъ дня. Тутъ козаки внезапно бросились на Магометъ-агу, убили его самого и 13 человекъ его товарищей татаръ, забрали ихъ имущество, лошадей и служилую рухлядь. Спаслись отъ смерти только 7 человекъ служилыхъ Магометъ-аги съ двумя лошадьми, бѣжавъ къ Лодыженскому. Послѣ этого, апрѣля 8 дня, московскій посолъ прибылъ въ Сичь и объявилъ кошевому Ивану Рогу обо всемъ случившемся въ пути; посолъ требовалъ отыскать виновныхъ въ убійствѣ Магометъ-аги, а для себя лично просилъ дать провожатыхъ доѣхать до перваго крымскаго городка Шекерменя. Кошевой отвѣчалъ, что все это случилось безъ его вѣдома и что хотя тридцать человекъ изъ тѣхъ пятисотъ козаковъ и прибыли въ Сичь съ атаманомъ Иваномъ Сохой, но они объявили о своей непричастности къ дѣлу. Послѣ этого апрѣля 10 дня запорожцы собрали раду и на радѣ отобрали у русскаго посла всѣ грамоты, наказъ, казну, подарки и жалованье боярину Василю Борисовичу Шереметеву и посланнику Якову Якушкину, задержавъ все это у себя подъ тѣмъ предлогомъ, что послы не имѣютъ при себѣ ни царскаго указа, ни грамоты малороссійскаго гетмана. Тогда Лодыженскій отправилъ отъ себя въ Москву рейтара Некрасова съ запросомъ, куда ему идти дальше, т.-е. вернуться-ли назадъ или продолжать путь, а самъ остался въ Сичи до царскаго указа.

Царь, получивъ извѣстіе о всемъ происшедшемъ съ Лодыженскимъ, немедленно отправилъ къ Брюховецкому стольника Василя Кикина и черезъ него приказалъ гетману отправить самыхъ вѣрныхъ и досужихъ козаковъ въ Сичь и крѣпко-накрѣпко велѣть кошевому Ждану-Рогу и всему войску, не мѣшкая, сдѣлать подлинный розыскъ прежде всего о томъ, съѣзжались-ли запорожцы съ Дорошенкомъ, присягавшимъ на вѣрность хану, и если съѣз-

жались, то для какихъ именно дѣлъ; а затѣмъ разузнать, не эти-ли самые воровскіе козаки, что съѣзжались съ Дорошенкомъ, или не присланные-ли самимъ Дорошенкомъ козаки и убили крымскаго гонца Магометъ-агу съ товарищами. Изъ убійцъ и заводчиковъ, если они будутъ пойманы, царь приказывалъ болѣе виновныхъ казнить смертью, по своему указу и по стародавнимъ войсковымъ правамъ, а другихъ, менѣе виновныхъ, наказать, кто чего стоитъ, въ присутствіи посла Ефима Лодыженскаго и оставшихся въ живыхъ крымскихъ людей; имущество же татаръ отыскать и возвратить имъ по принадлежности, чтобъ у царя чрезъ то съ крымскимъ ханомъ Адиль-Гераемъ не было ссоры и нелюбья никакого. Самого же посла Ефима Лодыженскаго и подъячаго, отдавъ имъ царскую казну, письма и рухлядь, отпустить съ крымскими людьми и съ провожатыми до перваго крымскаго города Шекерменя, чтобъ дойти имъ въ цѣлости до Крыма ¹⁾).

Гетманъ по царскому указу отправилъ въ Сичь полкового асаула Федора Донца съ товарищемъ и приказалъ ему сдѣлать розыскъ объ убійствѣ крымскаго гонца и сообщить московскому послу волю царя.

Между тѣмъ, въ Сичи передъ этимъ временемъ, а именно мая 12 дня, на радѣ лишили кошеводства атамана Ждана-Рога и вмѣсто него выбрали атаманомъ Остапа Васютенка, называемаго иначе Чемерисомъ, т. е. польскимъ татариниомъ. Во время рады Жданъ-Рогъ объявилъ козакамъ, что надо отыскать убійцъ крымскихъ гонцовъ. Но на это козаки возразили ему, что искать ихъ не для чего, потому что рухлядь мурзы и теперь у него, Ждана-Рога, въ куренѣ, въ доказательство чего тотъ же часъ вынули изъ его куреня мурзины лукъ, сагайдачное лубье и шапку-мисюрку. Жданъ-Рогъ на это отвѣчалъ, что лукъ и мисюрку ему принесли въ подарокъ козаки, не сказавъ того, гдѣ они взяли ихъ ²⁾).

Получивъ отъ царя указъ о продолженіи дальнѣйшаго пути, Лодыженскій истребовалъ у запорожцевъ казну и документы и мая 15 дня, часу въ пятомъ вечера, выѣхалъ изъ Чортотмылицкой Сичи на липахъ, въ сопровожденіи сорока человекъ козаковъ ³⁾ и новаго кошевого атамана, Остапа Васютенка. Посолъ напра-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 178—180.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 184, 199.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 184.

вился отъ Сичи вверхъ Днѣпромъ, предполагая, проплывъ 5 верстъ, высадиться на лѣвый берегъ Днѣпра и идти берегомъ рѣки въ крымскіе городки, а лошадей своихъ отправилъ прапорщикомъ Пилкинымъ съ 30 рейтарами да съ семью козаками особо до Каменскаго перевоза, отстоявшаго на 7 верстъ выше Чортотмыцкой Сичи. Спустя полчаса послѣ того, какъ посолъ вышелъ въ открытый Днѣпръ, 500 человекъ козаковъ разныхъ куреней, сѣвъ въ лодки и забравъ съ собой ружья, также вышли въ слѣдъ за нимъ подъ начальствомъ козака Страха; они заѣхали впередъ Днѣпромъ и стали въ Скарбномъ; когда же посолъ отошелъ версты двѣ отъ Сичи, то козаки внезапно напали на него и принудили пристать со всѣми государевыми людьми и татарами къ берегу рѣки. Вытащивъ изъ судовъ на берегъ самого посла, его товарища подьячаго Скворцова, государевыхъ людей, переводчиковъ, толмачей и семь человекъ татаръ, козаки снимали съ нихъ платье и сорочки и, ставъ противъ нихъ съ пищалями, заставили ихъ побросаться нагими съ кручи въ Днѣпръ. Когда же посолъ и всѣ люди его бросились въ Днѣпръ, то козаки начали по нимъ стрѣлять изъ пищалей, самого посла застрѣлили на водѣ, такъ что онъ тамъ же, въ Днѣпрѣ, и пошелъ ко дну, а подьячій Скворцовъ, переводчикъ Снетинъ, прапорщикъ Переверзевъ, солдаты, люди боярскіе и посольскіе татары поплыли вверхъ за Днѣпръ; но козаки, бросившись за ними въ лодкахъ, стали стрѣлять по нимъ и убили переводчика Светина, пять человекъ солдатъ, четырехъ татаръ и двухъ посольскихъ людей, а у Сидора Скворцова разбили голову, разсѣкши весломъ кожу во многихъ мѣстахъ ея, и, считая его неживымъ, бросили замертво на берегъ рѣки, послѣ чего, забравъ казну и имущество посла, скрылись. Придя въ себя, Скворцовъ съ уцѣлѣвшими прапорщикомъ Переверзевымъ, солдатами, боярскими дѣтьми и однимъ татаринкомъ, которые выплыли на берегъ Днѣпра, пришли наги къ козакамъ въ Сичу и отсюда отпущены были съ рейтарами, стоявшими въ таборѣ, въ Полтаву. Изъ татаръ, кромѣ одного, вернувшася въ Сичь, два успѣли сѣсть на коней и ускакать къ крымскимъ городкамъ. Посланные же рейтары и козаки съ прапорщикомъ Пилкинымъ къ Каменскому перевозу были ограблены и лишены всѣхъ лошадей, но оставлены въ живыхъ. Въ тотъ же день, часа за три до вечера, къ рейтарамъ, стоявшимъ въ таборѣ возлѣ Сичи, пришли войсковою судья и войсковою асауль, объявили имъ съ плачемъ объ убійствѣ Лодыжен-

скаго и высказали опасеніе, чтобы и рейтарамъ не было того же. Послѣ этого, за часъ передъ вечеромъ, вернулись назадъ и тѣ козаки, разныхъ куреней, которые ходили въ слѣдъ за Лодыженскимъ на Днѣпръ. Выслушавъ страшную вѣсть, государевы рейтары снялись съ табора и ночью бѣжали въ степь.

Объ убійствѣ Лодыженскаго прислано было извѣстіе отъ новаго кошевого атамана Остапа Васютенка въ Гадячъ къ гетману Брюховецкому, а оттуда черезъ стольника Кикина стало извѣстно и царю. Царь послалъ новый указъ гетману и приказалъ ему сдѣлать розыскъ о всѣхъ заводчикахъ кроваваго дѣла. Кикинъ, свидѣвшись съ гетманомъ, узналъ отъ него, что виновниками убійства крымскихъ гонцовъ были атаманъ Гайчукъ изъ Лысянки и асаулъ Хвесикъ изъ Чигирина, но по Дорошенкову-ли они наказу дѣйствовали, гетману не было извѣстно, виновникомъ же убійства самаго посла гетманъ считалъ бывшаго кошевого Ждана-Рога, который сдѣлалъ это «для бездѣльной корысти своей и грабежа». вмѣстѣ съ этимъ Кикинъ узналъ отъ гетмана и то, что Дорошенко постоянно ссылается съ запорожцами и съ кошевымъ атаманомъ и склоняетъ ихъ къ союзу съ собой, и гетманъ опасается, какъ бы Дорошенко въ своихъ проискахъ дѣйствительно не имѣлъ успѣха. Но на самомъ дѣлѣ на предложеніе Дорошенка только нѣкоторые изъ запорожскихъ козаковъ изъявляли свое согласіе; другіе же отвѣчали тѣмъ, что отложиться имъ отъ московскаго царя нельзя, хотя всѣ вмѣстѣ говорили, что они пойдутъ выгонять всѣхъ государевыхъ русскихъ людей изъ малороссійскихъ городовъ ¹⁾.

Вѣсть объ убійствѣ царскаго посла скоро раснеслась по всѣмъ окраинамъ Запорожья и отразилась главнымъ образомъ въ пограничныхъ орельскихъ городкахъ, какова была въ особенности Кишенка: въ Кишенку очень много понаѣхало запорожскихъ козаковъ для приѣма хлѣбныхъ запасовъ и къ нимъ бѣжала масса украинскихъ людей; въ Полтавѣ также ожидали запорожцевъ, и потому тамъ происходила большая шатость. Въ Кишенкѣ ходили слухи о томъ, что въ Сичи постановлено было не пропускать никого изъ русскихъ людей, чтобы про Лодыженскаго и про другихъ государевыхъ людей не было никакихъ извѣстій; говорили, что приказано было безъ «памяти» атамана, приѣхавшаго съ гон-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 181, 182, 184, 185, 196, 197.

пами въ Кишенку для борошна, никого у Переволочны, съ лѣваго берега Днѣпра на правый, не пропускать; тѣхъ изъ русскихъ людей, которые были съ Косаговымъ въ полку, страшали, что если они пойдутъ въ Сичь, то будутъ потоплены въ Днѣпрѣ, — на то есть приказъ запорожскаго кошевого атамана ¹⁾.

Для подлиннаго разслѣдованія дѣла объ убійствѣ гетманъ отправилъ на Запорожьѣ войскового асаула Ѳедора Донца да челядника Ясенецкаго.

Асаулъ Ѳедоръ Донецъ прибылъ къ запорожцамъ въ Сичь на самый день Троицы, мая 26 дня, и подалъ имъ гетманскій листъ. Для выслушанія этого листа собрана была рада, и когда на радѣ прочли листъ до конца, то кошевой атаманъ Остапъ Васютенко и козаки, пришедшіе въ Сичь изъ городовъ лѣвой стороны Днѣпра и прожившіе въ ней по пяти, по десяти, и больше того лѣтъ, стали говорить козакамъ, недавно пришедшимъ въ Сичь изъ городовъ правой стороны Днѣпра, что все то зло произошло отъ нихъ и что когда ихъ не было въ Запорожьѣ, то и такого зла не было въ Сичи. На той же радѣ козаки западной стороны Днѣпра показали Донцу письма, захваченныя, будто бы, у Ефима Лодыженскаго, въ которыхъ, будто бы, написано, что московскій царь, польскій король, турецкій султанъ и крымскій ханъ помирились между собой для того, чтобы снести Запорожьѣ, оттого козаки и потопили стольника Лодыженскаго съ татарами. Когда же между козаками правой и лѣвой стороны Днѣпра послѣ словъ кошевого поднялся ожесточенный споръ, то кошевой, опасаясь за жизнь Донца, велѣлъ ему уйти незамѣтно въ атаманскій курень и оттуда никуда не выходить. Въ атаманскомъ же куренѣ кошевой, старшина и козаки, бывшіе на ту пору у кошевого, объявили Донцу, что главнымъ виновникомъ убійства Лодыженскаго былъ козакъ заднѣпровскаго города Калниболота Страхъ, который потомъ былъ пойманъ и прикованъ къ пушкѣ, но успѣлъ бѣжать: напоивъ караульщика и чуть не убивъ его, онъ сломалъ съ цѣпи замокъ и неизвестно куда скрылся изъ Сичи. Случившіеся же тутъ выходцы изъ крымскаго Асламъ-городка объявили кошевому и старшимъ въ присутствіи Донца, что при нихъ пришелъ какой-то, неизвестный по имени, запорожскій козакъ въ Асламъ-городокъ, и когда турки спросили его, зачѣмъ онъ ушелъ изъ Запорожья, то онъ отвѣтилъ, что ушелъ къ нимъ потому, чтобы избѣжать смерти отъ войска

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 197.

за убійство московскаго посла Лодыженскаго. Тогда турки объявили ему, что если онъ потопилъ Лодыженскаго, то съ нимъ вмѣстѣ потопилъ и татаръ, и потому приказали повѣсить его, взявъ у него два «испода» бѣлыхъ да полторы пары соболей. Кошевой и старшина при этомъ извѣстїи объявили, что то навѣрно былъ Страхъ, бѣжавшїй изъ Сичи. Старые же козаки говорили между собой, что они и сами не знаютъ, что имъ дѣлать со своевольниками, которые понашли въ Запорожьѣ и ни въ чемъ не слушаютъ старшинъ. Со слезами на глазахъ они передавали Донцу, что если бы они предвидѣли такое зло, какъ убійство Лодыженскаго, то вовсе не отпустили бы его изъ Сичи или же проводили бы его подъ охраной двухсотъ и больше того человекъ. При немъ же, асаулъ Донцѣ, прибыли въ Сичу 300 человекъ запорожскихъ козаковъ, которые ходили подъ Асламъ-городокъ, громили тамъ татарскіе улусы, побили человекъ около 50 мусульманъ, взяли десять человекъ языковъ и захватили много стадъ коровъ, овецъ, лошадей. Тутъ же Донецъ узналъ, что послѣ Свѣтлаго праздника запорожцы посылали 60 человекъ съ какимъ-то Костею во главѣ къ гетману Дорошенку и 30 человекъ изъ посланныхъ вернулись назадъ, а 30 остались при гетманѣ. Вернувшіеся въ Запорожьѣ посланцы хвалились, что Дорошенко подарилъ имъ кармазиновые кафтаны и потчивалъ ихъ романею и ренскимъ; съ какою же цѣлью они были посланы, Донецъ о томъ не могъ узнать. Кошевой, продолжавъ у себя Донца два дня, отпустилъ его на третїй день и черезъ него отправилъ листъ къ гетману Брюховецкому ¹⁾).

Гетманскїй посолъ Федоръ Донецъ выѣхалъ на четвертый день послѣ Тройцы, а передъ праздникомъ Тройцы, мая 21 дня, кошевой атаманъ, Остапъ Васютенко послалъ гетману Брюховецкому письмо, въ которомъ, упоминая о смерти стольника Лодыженскаго, выставялъ и самыя причины кровавой расправы козаковъ съ царскимъ посломъ. Васютенко началъ съ упрека самому гетману, который, по евангельскому выраженїю, вмѣсто хлѣба сталъ подавать запорожцамъ камень и ожидалъ за то благодарности отъ нихъ. Затѣмъ онъ коснулся того, какъ московскїй государь, его царское пресвѣтлое величество, долго тѣшилъ козаковъ бумажными листами, точно дѣтей яблокомъ, всякими обѣщанїями и приглашалъ ихъ, не склоняясь ни на какія прелести, вѣрно служить ему, а

¹⁾ Акты южной и западной Россїи, VI, 199, 200.

самъ между тѣмъ, заключивъ союзъ съ польскимъ королемъ, съ тѣмъ же самымъ обращается и къ крымскому хану и, въ случаѣ согласія на миръ со стороны хана, обѣщаетъ стѣснить во всемъ запорожскихъ козаковъ и въ этомъ родѣ уже началъ свои дѣйствія. Царь хочетъ лишить запорожцевъ того, за что предки ихъ омывались кровавыми слезами, надъ чѣмъ трудились они кровавыми трудами и что считается у нихъ наидрагоценнѣйшею вещью, милою всѣмъ созданіямъ, рыбамъ, птицамъ и звѣрямъ,—войсковыхъ правъ и вольностей. Но царское величество не въ одномъ Запорожьѣ хочетъ искоренить права и вольности, о томъ же стараются московскіе воеводы и на Украинѣ, дорогой отчизнѣ козацкой, приведенной въ полное разореніе и могущей вызвать сожалѣніе даже у самаго злого звѣря, если бы только тотъ звѣрь имѣлъ человѣческой разумъ. Не отъ чего иного, какъ отъ великихъ обидъ, наносимыхъ въ городахъ на Украинѣ московскими людьми, погибъ и стольникъ царскій, и теперь, если гетманъ не удержитъ ратныхъ людей отъ насилія, то отъ того можетъ возстать еще большій огонь. Сами запорожцы всегда, пока они живы, будутъ стоять за свои права и вольности, а что касается тѣхъ, которые хотятъ лишить козаковъ этого, то какъ слѣпому не убить никого по прицѣлу, такъ и тѣмъ напрасно трудиться и промышлять надъ запорожцами: всѣ монархи пусть помнятъ о томъ, что за запорожцами право начинать, а за Богомъ воля кончать. Заканчивая свое письмо, кошевой атаманъ Васютенко просилъ гетмана жить попрежнему съ запорожцами въ любви и согласіи и вновь напомнилъ ему черезъ козака Киктя о просьбѣ войска прислать въ Сичь обшивъ, желѣза, смолы, пеньки, полотно и колодь для сооруженія лодокъ на рѣкѣ Днѣпрѣ ¹⁾).

По этому письму гетманъ Брюховецкій послалъ отписку царю о подлинномъ убійствѣ стольника Лодыженскаго возлѣ Сичи, а самого кошевого извѣстилъ, что желѣзо, смола, пенька и полотно уже закуплены и посланы будутъ въ Запорожье, когда получится на то царскій указъ; вмѣстѣ съ этимъ гетманъ просилъ кошевого и все войско «быть постоянно въ дружбѣ своей къ великому государю» ²⁾).

Отправивъ такое рѣзкое и рѣшительное письмо Брюховецкому,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 203, 204.

²⁾ Акты южной и западной Россіи VI, 205.

кошевой Остапъ Васютенко какъ бы одумался и уже черезъ семь дней послѣ перваго письма отправилъ гетману другое. Вспоминая о погромѣ крымскаго гонца Магометъ-аги, о разграбленіи его имущества козаками, о приказаніи гетмана черезъ асаула Ѳедора Довца выдать виновныхъ въ убійствѣ и грабежѣ своевольниковъ, кошевой Богомъ свидѣтельствовалъ, что тѣ убійцы, совершивъ свое кровавое дѣло, совсѣмъ скрылись изъ глазъ и, боясь наказанія, гдѣ-то блукають, вовсе не являясь въ Сичь. Впрочемъ, кошевой увѣрялъ гетмана, что самое убійство крымскаго гонца произошло по собственной же винѣ Магометъ-аги: гонецъ имѣлъ неосторожность сказать козакамъ, что царское величество вошелъ въ сношеніе съ крымскимъ ханомъ по тому поводу, чтобъ искоренить всѣхъ запорожцевъ, проживающихъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, и самое мѣсто до основанія разрушить. Раздраженные и запаленные такими словами крымскаго гонца, запорожцы убили гонца съ его товарищами на мѣстѣ, а сами, неизвѣстно куда, улетучились. Припоминая одну пословицу, козаки вмѣстѣ съ ней выражали свое огорченіе по поводу случившагося печальнаго обстоятельства: когда орелъ былъ подстрѣленъ стрѣлой, то, глядя на нее, сказалъ: «не жаль мнѣ ни дерева, ни желѣза, а жаль только моихъ собственныхъ перьевъ». Такъ и у запорожцевъ не болитъ сердце отъ того, когда они несутъ ущербъ на своемъ здоровьѣ отъ бусурманъ и другихъ враждебныхъ имъ непріятелей, какъ отъ того, который, будучи сыномъ одинаковой съ ними восточной церкви и оставаясь другомъ по несчастью, теперь умыслилъ, какъ прекрасный цвѣтокъ, вырвавши изъ огорода, нанести имъ пятно позора. Что до убійства стольника Лодыженскаго, то кошевой и тутъ свидѣтельствовался Богомъ, что оно совершилось безъ его вѣдома и ссылался на оставшихся въ Запорожьѣ московскихъ ратныхъ людей, могущихъ засвидѣтельствовать непричастность кошевого къ «богомерзкому дѣлу». Кошевой и козаки уразумѣли, что они опутаны со всѣхъ сторонъ сѣтями своихъ недоброжелателей и, подобно кораблю, обуреваемому морскими волнами, окружены своими врагами; оттого теперь они даютъ обѣщаніе, въ случаѣ возвращенія къ нимъ царской милости, служить государю, не щадя своей жизни; въ противномъ случаѣ, когда на нихъ не послѣдуетъ царской милости, они будутъ, подобно саламандрѣ, оставаться въ огнѣ: «паукъ сѣти изъ внутренностей своихъ разставляетъ, но въ нихъ только муха попадаетъ, а шершень не боится того». Заканчивая свое письмо,

кошевой Остапъ Васютенко просилъ гетмана донести «горячее» прошеніе великому, милосердому и ласковому государю, чтобы онъ, забывъ свой гнѣвъ на запорожскихъ козаковъ за убійство татарскаго гонца и царскаго стольника, снова явилъ бы свою милость козакамъ, за что козаки обѣщаются какъ самому государю, такъ и наслѣдникамъ его служить мужественно противъ каждаго непріятели, а самихъ преступниковъ, надѣлавшихъ столько бѣдъ всему войску, если только они покажутся въ Кошъ, немедленно казнить ¹⁾).

Возвратившійся изъ Запорожья къ гетману, іюня 2 дня, его посланецъ Ѳеодоръ Донецъ о настроеніи запорожцевъ передавалъ такъ: словесно кошевой, судья и другіе козаки въ разговорахъ съ нимъ, Донцомъ, объявляли, что если государь отпустить имъ вину за смерть гонца и стольника, то они впредь рады будутъ ему служить и всякаго добра желать; если же онъ не отпустить имъ ихъ вины, то у нихъ положено на томъ, чтобы, соединяясь съ Дорошенкомъ и татарами, идти воевать государеву вотчину, украинскіе города. Отъ себя же Донецъ прибавилъ, что въ Запорожьѣ собралось очень много народа, гораздо больше противъ прежнихъ годовъ, и большую половину его составляютъ пришельцы съ полковникомъ Константіемъ правой стороны Днѣпра ²⁾).

Гетманъ Брюховецкій, получивъ и оба письма отъ запорожскихъ козаковъ, и подлинныя свѣдѣнія отъ асаула Ѳеодора Донца, извѣстилъ обо всемъ происшедшемъ въ Сичи московскаго царя въ пространномъ къ нему листѣ. Въ этомъ листѣ онъ выставилъ три причины, вызвавшія, по его мнѣнію, волненія въ Запорожьѣ. Первая причина та, что гетманъ предварилъ злое намѣреніе полковника Константія западной стороны Днѣпра, приходившаго съ бунтовщиками прошлой зимой (1666 года) на малороссійскіе царскаго пресвѣтлаго величества города. Вторая причина — налогъ на мужиковъ разныхъ городовъ, пригородовъ и сель лѣвой стороны Днѣпра установкой на государеву казну дани, — тяглые мужики, недовольные этимъ, бѣжали на Запорожье и подняли тамъ бунтъ. Третья причина — насилія и обиды со стороны воеводы Ѳеодора Протасьева на Украинѣ въ то время, когда гетманъ находился въ Москвѣ, — обиженные воеводой сошли въ Запорожье и, конечно, тамъ не молчатъ, а другіихъ къ бунтамъ возбуждаютъ. Опасаясь,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 187, 188.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 189.

чтобы искра бунта не залетѣла изъ Запорожья на Украину и не разгорѣлась бы въ послѣдней огромнымъ пожаромъ, гетманъ просилъ царское величество прислать ему ратныхъ людей для безопасности, потому что собственнымъ полкамъ онъ не довѣряеть, такъ какъ многіе люди этихъ полковъ могутъ «починиться запорожцамъ» ¹⁾.

Черезъ два дня послѣ того, какъ написано было письмо Брюховецкаго къ царю, въ Москвѣ получено было извѣстіе о томъ, что изъ Запорожья въ Чигиринъ выѣхалъ на 30 коняхъ чигиринскій козакъ Ушулъ до гетмана Дорошенка и, объявивъ ему о сдачѣ всего Запорожья, принесъ на томъ присягу въ Чигиринѣ. Въ то же время отъ Дорошенка пошли въ Запорожье для принятія присяги корсунскій полковникъ Семень Буть да переяславскій полковникъ Василій Сучкаренко съ двумя татарами ²⁾.

Между тѣмъ Брюховецкій, опасаясь и за собственное положеніе и боясь за то, чтобы запорожцы не пристали къ Дорошенку, отпуская отъ себя въ Москву стольника Василія Кикина, просилъ царя, чтобы онъ пожаловалъ запорожцевъ, убившихъ Ефима Лодыженскаго, и велѣлъ бы «отдать» ихъ вины ³⁾.

Въ Москвѣ, конечно, понимали, если не болѣе Брюховецкаго, то не менѣе его, къ чему могло привести броженіе въ Запорожьѣ, и потому посиѣшили «отпустить» вины запорожцевъ, чѣмъ думали вполне успокоить ихъ. Юня 26 дня царь послалъ указъ на имя гетмана Брюховецкаго и, изъясняя въ немъ всѣ поступки запорожцевъ «ослѣпленіемъ и неискusstвостью ума», отпускалъ имъ ихъ вину, а для успокоенія самого гетмана велѣлъ бѣлгородскому воеводѣ князю Юрію Борятинскому послать на Украину ратныхъ людей ⁴⁾.

Итакъ, царь Алексѣй Михайловичъ, вынужденный положеніемъ дѣлъ, долженъ былъ «пробачить» вины запорожцевъ: «А съ того наибольше бунты начали возставати»... «Козаки считали, что имъ, по волѣ своей, все позволяется и что, будто бы, отъ нихъ все зависѣло» ⁵⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 201—203.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 185.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 207.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, VI, 205, 206.

⁵⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, 95; Ригельманъ, Лѣтопись, II, 100.

Отпустивъ вины запорожскихъ козаковъ и тѣмъ на время расположивъ ихъ къ себѣ, царь нашелъ нужнымъ привлечь на свою сторону и гетмана лѣвой стороны Днѣпра, Петра Дорошенка. Съ этою цѣлью къ Дорошенку, въ городъ Чигиринъ, отправлены были дворянинъ Василій Дубенскій и стряпчій Василій Тяпкинь. Посланцамъ велѣно было оторвать гетмана отъ союза съ крымцами и поляками и склонить его на сторону царскаго величества. Посланцы отправились въ путь спустя нѣсколько времени послѣ посылки въ Сичь царской грамоты и скоро прибыли въ Чигиринъ. Но въ Чигиринѣ они не имѣли никакого успѣха, и гетманъ Дорошенко далъ имъ такого рода отвѣтъ, что съ поляками ему дѣла нарушать нельзя, потому что онъ живетъ подъ властью польскаго короля, а съ татарами союза разрывать невозможно, потому что съ ними побратался и всею палатою на совершенную дружбу присягалъ самъ польскій король,—«и такъ нѣсть рабъ болій господина своего». А что до того, чтобы удерживать татаръ отъ набѣговъ на украинскіе лѣваго берега города, то въ томъ виновенъ не онъ, Дорошенко, а запорожскіе козаки и московскіе ратные люди, живущіе въ Сичи: именуясь подданными московскаго царя, они причинили большіе убытки въ государствѣ крымскомъ, и татары хотятъ на заднѣпровскихъ городахъ искать своихъ убытковъ ¹⁾.

Говоря о причиненныхъ запорожскими козаками убыткахъ крымскимъ татарамъ, гетманъ Дорошенко, очевидно, разумѣлъ походъ ихъ въ октябрѣ мѣсяцѣ на крымскіе улусы подъ начальствомъ кошевого атамана Ивана Рога и полковника Ивана Сирка. Кошевой Рогъ съ 2.000 человекъ козаковъ, ворвавшись въ крымскія владѣнія, выжегъ много селъ и деревень, поѣхъ много людей, а мѣстечко Арбаутукъ изгономъ взялъ и всѣхъ безъ остатка въ немъ людей истребилъ. Сирко вышелъ также съ 2.000 человекъ и ударился отъ Кафы на Ширимбеевскіе улусы, много селъ и деревень разорилъ, сына Шерембеева, Атыша, семи лѣтъ и мамку его взялъ въ плѣнъ, а дядьку его изѣхъ въ то время, когда уходилъ отъ хана отводомъ. Всѣхъ плѣнныхъ, женщинъ, дѣвицъ и недоростковъ мужскаго пола, запорожцы захватили до 1.500 человекъ, а полоняниковъ освободили на волю больше 2.000 человекъ ²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, 238, 249.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 1, 2.

Кажется, этотъ же самый походъ Сирка на крымскія владѣнія разумѣютъ и польско-малороссійскіе лѣтописцы, относящіе его также къ октябрю мѣсяцу 1667 года. Дѣло происходило, по ихъ словамъ, такъ. Польскій воевода Маховскій, собравшись охранять заднѣпровскую Украину отъ татаръ и турокъ, вышелъ туда со всѣми своими войсками, и разставилъ ихъ по квартирамъ мѣстнаго населенія. Заднѣпровскому населенію такое дѣйствіе Маховскаго очень не понравилось и оно призвало противъ поляковъ Дорошенка. Дорошенко не замедлилъ выйти противъ Маховскаго и нанести ему два пораженія. Гетману помогали въ этомъ и татары. Польный гетманъ Янъ Собѣскій, узнавъ о пораженіи Маховскаго, вышелъ лично противъ Дорошенка и татаръ. Противники сошлись у Подгайцевъ, и тутъ орда съ Дорошенкою облегла поляковъ со всѣхъ сторонъ, но какъ разъ въ это время пришла вѣсть, что Сирко, выбравшись въ октябрѣ мѣсяцѣ изъ Сичи, напалъ на Крымъ ¹⁾. Тогда татары, по выраженію лѣтописца, точно собаки, съѣвши, объѣдки послѣшно заключили перемиріе съ Яномъ Собѣскимъ и бросились въ Крымъ. Ханъ напалъ на Сирка подъ Перекопомъ и вступилъ съ нимъ въ бой. Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ татаръ, но подъ конецъ запорожцы разбили хана и заставили его бѣжать отъ Перекопа; вмѣстѣ съ нимъ бѣжали въ горы и татары съ женами и дѣтьми. Запорожцы больше недѣли опустошали Крымъ, сожгли въ немъ много селъ и, взявъ большую добычу, благополучно возвратились въ Сичь ²⁾.

Послѣ этого запорожцы написали царю письмо о своемъ удачномъ походѣ на крымскіе юрты и просили государя прислать имъ жалованье. Царь послалъ запорожцамъ и Ивану Сирку черезъ поручика Василия Сухорукаго обнадеживательную грамоту съ просьбой сходиться съ калмыками и московскими войсками для отраженія крымцевъ отъ набѣговъ на Украину ³⁾.

¹⁾ Latopisiec Joachima Jerlicza, Warszawa, 1853, II, 120.

²⁾ Лѣтопись Самовидца, 96; Лѣтопись Грабянки, 193.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1668, янв., № 3, св. 26; Акты, VII, 43.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Возобновленіе неудовольствія украинцевъ и запорожцевъ противъ московскихъ бояръ.— Истребленіе бояръ на Украинѣ и участіе въ томъ запорожцевъ.— Дѣйствія запорожскихъ полковниковъ Сохи и Урбановича противъ бояръ на Украинѣ.— Грамота гетману Брюховецкому съ убѣжденіемъ пребыть вѣрнымъ царю и удерживать отъ своеволія запорожскихъ козаковъ.— Воззваніе Брюховецкаго къ гонцамъ и запорожцамъ.— Царская грамота кошевому атаману Бѣлковскому.— Гибель Брюховецкаго и поведеніе бывшихъ при немъ запорожцевъ.— Пребываніе Сирка въ слободской Украинѣ и удаленіе его оттуда къ гетману Дорошенку.— Походъ Сирка въ Крымъ и его полвиги въ борьбѣ съ татарами.— Выборъ запорожцами Вдовиченка и Суховія въ гетманы и борьба съ Дорошенкомъ.— Помощь оказанная въ рѣшительную минуту Сиркомъ Суховію.— Переѣзна настроенія Сирка въ отношеніи Суховія.— Дружба Сирка съ Дорошенкомъ и нанесеніе пораженія Сиркомъ татарамъ и Суховію у Ольховца.

Извѣщая царя о своемъ успѣхѣ противъ татаръ, запорожцы, однако, не то имѣли въ своемъ умѣ: ихъ тяготила мысль о введеніи на Украинѣ и Запорожьѣ московскихъ воеводъ. Какъ море, взволнованное бурей, стихаетъ не сразу, а долго бросаетъ потомъ воды къ своимъ берегамъ, такъ и войско низовыхъ козаковъ, убивъ царскаго посла, на этомъ одномъ не остановилось, а снова и съ неудержимой силой разразилось противъ нихъ. И какъ ни задабривалъ гетманъ Брюховецкій запорожцевъ, какъ ни свисходилъ къ нимъ «милостивый» царь Алексѣй Михайловичъ, а все-таки народное неудовольствіе на Украинѣ и Запорожьѣ расло, а съ нимъ расло и открытое возмущеніе противъ московскихъ бояръ и воеводъ. Съ начала 1668 года неудовольствія на московскихъ управителей края поднялись почти во всѣхъ украинскихъ городахъ.

Предчувствуя бѣду, московскіе воеводы стали усиливаться ратными людьми и искать защиты у боярина-гетмана Брюховецкаго. Но въ этотъ, самый рѣшительный, моментъ гетманъ-бояринъ вдругъ измѣнилъ царю и объявилъ себя противъ московскихъ воеводъ. Вѣсть объ этомъ поразила всѣхъ москвитянъ и сперва

казалась имъ невѣроятной. Въ дѣйствительности же этого давно уже нужно было ожидать. Дѣло въ томъ, что Брюховецкій уже съ тѣхъ поръ, какъ прочно укрѣпился на гетманствѣ, сталъ ненавистенъ всему украинскому населенію. Причинъ къ такой ненависти было слишкомъ много: Брюховецкій насильно захватилъ въ свои руки булаву, лишилъ званія всѣхъ, бывшихъ до него, войсковыхъ старшинъ, стремился усилить свою власть, вызвалъ на Украину московскихъ бояръ и воеводъ и выказалъ себя большимъ гордецомъ и крестолюбцемъ. Съ каждымъ днемъ онъ терялъ все болѣе и болѣе популярность въ средѣ козаковъ и народа и, видя непрочность своего положенія, старался усилиться московскими ратными людьми. Но это не спасло его отъ бѣды. Когда народныя страсти вышли изъ границъ и поднялся открытый бунтъ, а бояре и воеводы обратились къ нему съ просьбой о защитѣ, то Брюховецкій сперва потерялся и давалъ уклончивые отвѣты москвитянамъ. Но потомъ рѣшился схватиться за самое крайнее средство, а именно стать самому во главѣ народнаго движенія противъ московскихъ управителей, призвать на помощь запорожцевъ и Дорошенка и очистить Украину отъ москалей, приобрести расположеніе со стороны населенія и послѣ всего объединить Украину и стать гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Самъ Дорошенко обѣщалъ ему сдать свое гетманство, которымъ онъ вовсе не дорожилъ, если только Брюховецкій объявитъ войну москалямъ. «Брюховецкій, проживши пять лѣтъ и три мѣсяца на гетманствѣ при вѣрности своему государю, разсмотрѣвши бесполезное себѣ и всему малороссійскому народу принятіе воеводъ съ войсками великороссійскими на Украинѣ и узавши о скрытомъ и явномъ роптаніи за то народа, началъ промышлять объ изгнаніи изъ Малой Россіи воеводъ съ ихъ войсками» ¹⁾. Тогда, уже заручившійся согласіемъ со стороны Дорошенка, Брюховецкій сдѣлалъ попытку войти въ соглашеніе и со своимъ недругомъ, мстиславскимъ епископомъ Меодіемъ. Но Меодій самъ шелъ къ нему на встрѣчу: будучи въ Москвѣ по дѣлу Никона въ теченіи 1666 и въ началѣ 1667 года, епископъ Меодій остался недоволенъ сдѣланнымъ ему въ столицѣ приемомъ, выѣхалъ оттуда съ искреннею ненавистью ко всему московскому и потому поспѣшилъ протянуть руку примиренія гетману Брюховецкому и объя-

¹⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 160.

вить себя горячимъ сторонникомъ его плана. Мееодій совѣтовалъ Брюховецкому прежде всего «уловлять запорожцевъ и ими укрѣпляться», но отнюдь не поддаваться москалямъ, чтобы не испытать той же участи, какую испыталъ Барабашъ, котораго Москва выдала ляхамъ въ подарокъ ¹⁾). Въ январѣ мѣсяцѣ 1668 года, послѣ праздника Богоявленія, въ городѣ Гадячѣ собрана была рада и на ней объявлено было, что запорожцы «переняли» парскіе листы къ крымскому хану, въ которыхъ, будто бы, условлено было, сообщая съ польскимъ королемъ и ханомъ, разорить Украину и старшихъ людей ея въ полонъ побрать; послѣ этого рѣшено было избить московскихъ воеводъ со всѣми ратными людьми въ малороссійскихъ городахъ и отдаться въ подданство турецкаго султана, но съ условіемъ только платить ему дань и пользоваться самостоятельною жизнью, какъ дѣлаетъ волошскій господарь. Въ слѣдъ затѣмъ въ Чигиринѣ была другая рада, и на ней присутствовали посланцы отъ запорожскихъ козаковъ, которые принесли присягу Дорошенку быть у него подъ властью всѣмъ Запорожьемъ ²⁾).

Починъ къ открытому бунту подали запорожцы съ полковникомъ Иваномъ Сохой, явившіеся на Украину въ начальныхъ числахъ января мѣсяца. Въ пригородахъ и мѣстечкахъ миргородскаго полка, гдѣ отданы были ранды на откупъ, запорожцы перебили откупщиковъ, разорили ранды и погребя, пограбили вино и сдѣлали такъ, что тѣ ранды стали пустыми; въ городѣ Ярескахъ и въ мѣстечкѣ Устивицахъ запорожцы подняли бунты, а въ селѣ Матяшевкѣ отрѣзали содержателю ранды, мѣщанину Осташкѣ, бороду по самое мясо и пограбили денежной казны около 300 рублей; послѣ этого многіе мѣщане тѣхъ мѣсть, по повелѣнію полковника Сохи, стали писаться въ козаки и также начали заводить бунты. Тотъ же полковникъ Иванъ Соха схватилъ нѣжинскаго протопопа Симеона за его доносъ объ «измѣнѣ» епископа Мееодія и, отобравъ у него имущество, а самого измучивъ, отдалъ гетману Брюховецкому ³⁾). Въ началѣ февраля пришелъ въ Глуховъ запорожскій полковникъ Урбановичъ съ полутора тысячею конныхъ и пѣхотныхъ козаковъ, отбилъ у воротъ город-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 70—75, 63.

²⁾ Акты, VII, 89, 90, 31; Ригельманъ, Лѣтопись, II, 104.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 15, 16, 96, 89, 90.

ских караульщиковъ и поставилъ собственныхъ караульщиковъ, запорожскихъ козаковъ. Воеводу же Мирона Кологривова, стоявшаго съ государевыми ратными людьми въ маломъ городѣ, глуховчане, пригласивъ къ себѣ стоявшихъ въ уѣздѣ для корма запорожскихъ козаковъ, рѣшили добромъ выдворить изъ города, а въ случаѣ егò сопротивленія, опредѣлили доставать боемъ и приступами. Тѣ же пѣхотные запорожцы, стоявшіе въ глуховскомъ уѣздѣ, напали на какого-то русскаго человѣка Пронку Калину въ Кролевцѣ и, раздѣвъ его до нага, стали обыскивать у него писемъ, поднявъ надъ его головой топоръ: «Буде у тебя писемъ нѣтъ, ты будешь живъ, а буде есть, мы тебѣ голову отсѣчемъ». Послѣ обыска козаки стали допрашивать Калину, не идутъ-ли изъ Москвы ратные люди, и тутъ же Калина узналъ, что запорожцы за тѣмъ на Украину и пришли, чтобы въ малороссійскихъ городахъ воеводу и ратныхъ государевыхъ людей побить ¹⁾.

Само собою разумѣется, что обо всемъ происшедшемъ на Украинѣ немедленно было донесено царю, и царь поспѣшилъ отправить большую грамоту на имя гетмана Брюховецкаго съ приказаніемъ, чтобы онъ сдерживалъ козаковъ въ ихъ своевольствѣ и убѣждалъ ихъ быть вѣрными государю. Относительно Запорожья въ этой грамотѣ сказано было, что туда, по царскому указу, посланъ воевода Яковъ Тимошеевичъ Хитрово и генералъ Филиппъ фонъ-Буковенъ съ начальными людьми и со многими конными и пѣшими ратниками для похода на крымскіе улусы противъ новаго крымскаго хана въ помощь прежнему, если новый ханъ не согласится принять состоявшагося между московскимъ царемъ и польскимъ королемъ мира. А что до жалобы запорожцевъ на то, будто царь только на письмѣ объявляетъ имъ свою милость, въ дѣйствительности же вовсе забываетъ объ нихъ, то запорожцы, коли они пребудутъ въ христіанской твердости, щедро одарены будутъ царскимъ жалованьемъ, и если имъ нужно владѣть какими доходами или мѣстами въ малороссійскихъ городахъ, пусть присылаютъ къ государю своихъ челобитчиковъ, и имъ вскорѣ данъ будетъ царскій милостивый указъ. Но царская грамота не имѣла никакого дѣйствія и февраля 11 дня стало извѣстно объ измѣнѣ гетмана Брюховецкаго русскому царю ²⁾. Брюховецкій отправилъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 27, 28.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 31—34, 41, 42.

воззваніе къ донскимъ козакамъ, пользуясь волненіями, поднявшимися на Дону, и въ этомъ воззваніи писалъ, что Москва, побратавшись съ ляхами, рѣшила всѣхъ живущихъ на Украинѣ православныхъ христіанъ, отъ старшинъ до младенцевъ, истребить мечомъ или въ Сибирь загнать, славное Запорожье и Донъ разорить и въ конецъ истребить, чтобъ тѣ мѣста, гдѣ обрѣтаются славныя войска Запорожья и Дона, въ дикія поля для звѣриныхъ жилищъ обратить, или же иноземцами осадить; Москва хочетъ сперва Украину смирить, а потомъ объ искорененіи Запорожья и Дона промышлять будетъ, чего ей, Боже, не допоможи! ¹⁾.

Въ Москвѣ нашли нужнымъ прежде всего послать запорожцамъ жалованье въ 2.000 рублей и 100 связокъ суконъ нѣмецкихъ разныхъ цвѣтовъ, цѣною на 300 рублей. Царская грамота объ этомъ отправлена марта 8 дня на имя кошевого атамана Ивана Бѣлковскаго. Въ ней говорилось о богоотступномъ и нехристіанскомъ дѣлѣ Брюховецкаго, о его наговорахъ, будто бы русское войско послано въ Запорожье не за тѣмъ, чтобы держать бусурманъ отъ набѣговъ на Украину, а за тѣмъ, чтобы проливать кровь украинскаго населенія; затѣмъ говорилось объ отправкѣ къ запорожцамъ еще въ январѣ мѣсяцѣ поручика Сухорукаго, о проѣздѣ его черезъ Полтаву и безызвѣстномъ исчезновеніи его невѣдомо куда; наконецъ, внушалась мысль впредь промышлять для обороны Украины и приводить отступниковъ отъ царя къ послушанію, за что обѣщалась непремѣнная отъ царя милость ²⁾.

Однако, ни жалованье, ни грамота не произвели своего дѣйствія, и на Украинѣ открылся всеобщій бунтъ: во всѣхъ городахъ и замкахъ стали бить, грабить бояръ и воеводъ и выгонять московскихъ ратныхъ людей. Въ это время запорожскіе козаки, соединившись съ мѣщанами, взяли приступомъ замки сосницкій, новгородскій и стародубовскій и всѣхъ воеводъ, тамъ находившихся, перебили до смерти ³⁾.

Когда обо всемъ этомъ получена была вѣсть въ Москвѣ, то царь приказалъ бѣлгородскому воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому весной этого же года («какъ только под-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 61, 62.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 43—50; IX, 116.

³⁾ Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 98.

ростеть трава») двинуться съ войскомъ на Украину. Ромодановскій, получивъ царскій указъ, пошелъ на Котельву и Опошню гадячскаго полка. Въ это же время гетманъ Брюховецкій, все болѣе и болѣе ожесточаясь въ кровавыхъ расправахъ противъ москвичей и своихъ личныхъ враговъ, дошелъ до того, что даже приказалъ съечь живьемъ за какую-то вину гадяцкую полковницу Острую. Этотъ жестокий поступокъ съ женщиною возмутилъ даже запорожцевъ, и они снеслись съ Дорошенкою. Дорошенко, получивъ вѣсть обо всемъ, происшедшемъ на лѣвобережной Украинѣ, и о движеніи князя Ромодановскаго, призвалъ къ себѣ орду и сталъ готовиться къ отпору противъ русскихъ. Положеніе Брюховецкаго стало весьма критическимъ: народное движеніе, начавшееся противъ московскихъ воеводъ, скоро обратилось противъ самого виновника введенія ихъ на Украинѣ. Мало-по-малу сторонники Брюховецкаго стали бросать его и переходить на сторону Дорошенка, дѣйствовавшаго и болѣе прямо, и болѣе смѣлѣе. При Брюховецкомъ остались только немногіе полковники да отрядъ запорожцевъ подъ начальствомъ полковника Чугуя ¹⁾. Тогда Дорошенко отправилъ письмо къ Брюховецкому съ требованіемъ сдать свое гетманство. Но Брюховецкій, вмѣсто этого, пошелъ на встрѣчу Дорошенку съ войсками и съ татарами. Юня 7 дня 1668 года противники встрѣтились на Сербинскомъ полѣ, близъ Диканьки. Тутъ козаки Брюховецкаго перешли на сторону Дорошенка, и Дорошенко послалъ къ Сербинской могилѣ, гдѣ стоялъ Брюховецкій, брацлавскаго сотника Дрозденка и приказалъ ему взять въ плѣнъ Брюховецкаго. По тому приказанію Дрозденко съ нѣсколькими десятками козаковъ явился къ Брюховецкому и, объявивъ ему приказаніе своего гетмана, взялъ съ кресла подъ руку и повелъ его къ Дорошенку. Но тутъ къ Дрозденку подскочилъ запорожскій полковникъ Иванъ Чугуй, личный другъ Брюховецкаго, всегда, съ самаго начала его гетманства, остававшійся при немъ съ нѣсколькими сотнями низового товарищества, и ударилъ Дрозденка мушкетнымъ дуломъ въ бокъ съ такой силой, что Дрозденко упалъ на землю и выпустилъ изъ рукъ Брюховецкаго. Но на Брюховецкаго набросились его же собственные сотники и простая чернь; они немедленно схватили его и доставили Дорошенку. Приведя къ Дорошенку и вычитавъ ему всѣ его вины,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 92.

сотники и чернь начали терзать Брюховецкаго и такимъ образомъ юня 7 дня, въ понедѣльникъ Петрова поста, въ полдень, убили его передъ глазами Дорошенка. Запорожскій полковникъ Чугуй, возмущенный дикою расправой надъ Брюховецкимъ, жарко сталъ подбивать войско убитаго къ тому, чтобы оно уничтожило Дорошенка, но войско Брюховецкаго не послушало Чугуя, вслѣдствіе чего самъ Чугуй ударилъ на нѣкоторую часть козаковъ и истребилъ ее, хотя и не безъ урона для своихъ запорожцевъ. Но междоусобіе продолжалось недолго, такъ какъ Дорошенко, извиняясь передъ Чугумъ и запорожцами, говорилъ, что онъ не желалъ смерти Брюховецкаго и не отдавалъ приказанія убивать его. Запорожцы, захвативъ съ собою царскую бумагу, данную Брюховецкому, и бунчукъ, возвратились въ Сичу ¹⁾. Самъ же Дорошенко объявилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и, оставивъ на лѣвой сторонѣ наказнымъ гетманомъ черниговскаго полковника Демьяна Многогрѣшнаго, вернулся въ Чигиринъ.

Во всѣхъ описанныхъ дѣйствіяхъ нигдѣ не видно участія знаменитаго вождя запорожскихъ козаковъ, Ивана Сирка. И точно, Сирко послѣ своего возвращенія изъ похода на Крымъ и полученія за то похвальной грамоты отъ царя, оставилъ, по неизвѣстной причинѣ, Сичъ и очутился въ Слободской Украинѣ въ званіи полковника города Зміева и завѣдующаго козаками слободъ Мереевы и Печенѣговъ ²⁾. Состоя полковникомъ Слободской Украины, Сирко лично убѣдился въ несправедливыхъ дѣйствіяхъ московскихъ воеводъ и бояръ на Украинѣ, и потому, снесшись съ Дорошенкомъ, выступилъ на защиту козацкихъ правъ Слободской Украины противъ Москвы. Марта 4 числа 1668 года въ слободѣ Красномъ-Кутѣ и на Торскихъ озерахъ ³⁾ вспыхнулъ бунтъ. Скоро этотъ бунтъ отозвался въ городѣ Зміевѣ: возсталъ зміевскій полковникъ Иванъ Сирко. Марта 11 дня Сирко, вмѣстѣ съ козаками, изъ Зміева бросился къ Харькову, имѣя цѣлью поднять

¹⁾ Грабянка, 198, 199; Самовидецъ, 99, 100—102; Величко, II, 163; Акты южной и западной Россіи, VII, 98.

²⁾ Извѣстіе Орновскаго, будто Сирко въ это время былъ харьковскимъ полковникомъ, невѣрно, такъ какъ должность полковника занималъ въ это время Федоръ Репка: Ornowskie do Boraty wiridarz leg. Theodorowi Zacharzewskiemu, Lawrze, 1705; Филаретъ, Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1857, II, 51.

³⁾ Тамъ, гдѣ теперь городъ Славянскъ, харьковской губерніи.

и харьковцевъ противъ московскихъ бояръ и воеводъ. Въ то время харьковскимъ воеводой былъ Левъ Сытинъ: «Марта 11 пришелъ подъ Харьковъ измѣнникъ Ивашка Сѣрко съ измѣнники черкасы, собрався съ многими людьми, и переходятъ рѣку Уды въ 2 верстахъ отъ Харькова и хотятъ идти подъ Чугуевъ». Но харьковцы отказались дѣйствовать заодно съ Сиркомъ. Тогда Сирко рѣшилъ силой заставить ихъ. Чугуевскій воевода сообщалъ о томъ бѣлгородскому воеводѣ, князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, извѣщая его, будто харьковцы уже измѣнили царю. Но Ромодановскій увѣрилъ чугуевского воеводу, что харьковцы остались вѣрны великому государю и приказывалъ ему, «ссылаясь съ харьковскимъ воеводой Сытинымъ, однолично надъ измѣнниками черкасами промыслеть и поискъ чинить, и полонъ имать, и села и деревни жечь, сколько Богъ милосердый поможетъ». Послѣ этого Сирко принужденъ былъ покинуть Харьковъ. Покидая Харьковъ, онъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, того же года, разорилъ село Боровое, въ маѣ ограбилъ слободы Колонтаевъ и Мартовую ¹⁾, потомъ очутился какимъ-то образомъ подъ городомъ Ахтыркой, гдѣ, вмѣстѣ съ запорожцами, бился противъ царскихъ войскъ, изъподъ Ахтырки вернулся въ Кишенку. Октября 20 дня Сирко уже очутился въ Чигиринѣ, гдѣ, по извѣстію польскаго поручика Бѣлькевича, завезеннаго Дорошенкомъ въ качествѣ плѣнника, ходилъ по городу «своевольно, а не за карауломъ» и, послѣ побѣга Бѣлькевича, оставался въ Чигиринѣ ²⁾. Октября 25 дня Сирко былъ въ Торговицѣ. «А о томъ вельми печаленъ, что отъ царскаго величества отступилъ, а бусурманамъ онъ не присягалъ... Приходилъ же онъ и соединился съ городами, въ которыхъ живутъ козаки, не для чего иного, какъ для того, чтобы воеводы надъ нашими (украинскими) людьми не были, а вмѣсто нихъ, по старому украинскому обычаю, поставлены были полковники, сотники и войты» ³⁾. Нужно думать, что къ этому же времени относится извѣстіе и о томъ, что Сирко, кромѣ Ахтырки, былъ и подъ Полтавой, гдѣ онъ почему-то закопалъ въ землѣ подъ городомъ

¹⁾ Филаретъ, Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1857, II, 52, 53.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 102, 104.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 91, 115.

пушки, которыя потомъ выкопали полтавскіе козаки, ходившіе подъ великаго государя городъ Валки 1).

Сколько времени Сирко оставался въ Торговицѣ,—это неизвѣстно. На основаніи отрывочныхъ данныхъ можно думать, что пребываніе его въ этомъ городѣ было слишкомъ недолго и что отсюда онъ ходилъ на Крымъ воевать татаръ. Ноября 9 дня гетманъ Дорошенко писалъ гадячскому сотнику, что запорожское товариство погромило татарскіе улусы и злымъ татарамъ за зло тѣмъ отплатило; а теперь онъ, гетманъ, услыша о погромѣ со стороны низового войска татаръ и о готовности его биться съ ними, послалъ съ добрымъ вождемъ своимъ, съ паномъ Иваномъ Сиркомъ, нѣсколько тысячъ человекъ съ пушками, чтобъ татарскія земли войско воевало 2). Нужно думать, что объ этомъ самомъ походѣ Сирка на Крымъ рассказывалъ, октября 25 дня, въ Кіевѣ воеводѣ Петру Васильевичу Шереметеву крымскій выходецъ, шляхтичъ Турачъ. По его словамъ, полковникъ царскаго величества Иванъ Сирко, съ запорожцами, калмыками и донскими козаками, три раза ходилъ на Крымъ и въ третьемъ походѣ побилъ около 3.000 татаръ, да около 500 взялъ въ плѣнъ, а послѣ третьяго похода ходилъ четвертымъ на городъ Бахчисарай съ пушками. Нужно думать также, что объ этомъ самомъ походѣ Сирка говорили въ Москвѣ поручикъ Крыжановскій и сотникъ Старой, выѣхавшіе изъ Кіева въ путь ноября 22 дня: «А Сѣрка гетманъ Дорошенко послалъ съ ратными людьми, которые при немъ были, въ Крымъ, для того, чтобы учинить въ Крыму поискъ и замѣшанины» 3).

Но скоро Сирко и запорожцы, оставивъ Крымъ, должны были посѣлится въ Запорожье и на Украйну, куда призывали ихъ неотложныя дѣла. Гетманъ Дорошенко, истребивъ Брюховецкаго и удалившись въ Чигиринъ, не нашелъ тамъ должнаго спокойствія и очутился въ такомъ шаткомъ и тревожномъ положеніи, что долженъ былъ лавировать между Москвой, Турціей, Крымомъ и Польшей и сноситься съ ними, обѣщая каждой изъ нихъ свою вѣрность и ни одной не исполняя своего обѣщанія. Прежде всего Дорошенко нашелъ затрудненіе въ лѣвобережной

1) Акты южной и западной Россіи, VIII, 65.

2) Акты южной и западной Россіи, VII, 111.

3) Акты южной и западной Россіи, VII, 101, 158.

Украинѣ: оставивъ тамъ наказнымъ гетманомъ Демьяна Многогрѣшнаго, Дорошенко не могъ подать ему во-время помощи противъ русскихъ, и Многогрѣшный вошелъ въ сношеніе съ княземъ Григоріемъ Ромодановскимъ, изъявивъ ему свое желаніе перейти къ московскому царю. Тогда Дорошенко снесся, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ турецкимъ султаномъ и выразилъ готовность быть у него въ подчиненіи. Султанъ на это предложеніе потребовалъ, чтобы Дорошенко посадилъ въ Чигиринъ и въ крѣпость Кодакъ по 1.000 человекъ янычаръ. Дорошенко сталъ выговаривать себѣ Чигиринъ и рѣшилъ на томъ, чтобы посадить въ Кодакъ 3.000 янычаръ, но Чигиринъ сдѣлать свободной столицей гетмана. Въ это же время Дорошенку написалъ письмо крымскій ханъ и потребовалъ отъ него, чтобы онъ укротилъ запорожскихъ козаковъ, которые, ходя въ разныхъ числахъ изъ Запорожья на крымскіе улусы, большіе убытки и разоренія татарамъ чинили, и чтобы гетманъ, сдѣлавъ сыскъ, возвратилъ все пограбленное запорожцами. Но Дорошенко, написавъ о томъ запорожцамъ, получилъ отъ нихъ такой отвѣтъ, что они имѣютъ на Кошу своего гетмана и его, Дорошенка, за гетмана не считаютъ ¹⁾.

И точно, въ послѣднихъ числахъ мѣсяца сентября запорожцы объявили гетманомъ Степана Вдовиченка, бывшаго генеральнымъ писаремъ въ Запорожьѣ. Когда Вдовиченка выбирали гетманомъ, въ то время были и крымскаго хана посланцы, и запорожцы учинили передъ тѣми посланцами присягу на томъ, чтобы вольностямъ татарскимъ быть около Запорожья такъ, какъ было при старомъ Хмельницкомъ, а татарамъ прислать за то 80.000 человекъ войска въ помощь запорожцамъ. Новому гетману Вдовиченку поддались города Полтава, Гадячъ, Лубны и другіе, и Дорошенко долженъ былъ послать за Днѣпръ противъ сдавшихся Вдовиченку городовъ своего брата Григорія Дорошенка. Тогда Вдовиченко три раза посылалъ къ Дорошенку листы, въ которыхъ просилъ его придти въ Запорожье на черную раду и ждать тамъ, кого запорожцы выберутъ въ гетманы, а кто окажется выбраннымъ, тому булаву и бунчукъ дадутъ. Дорошенко согласился на это, но предварительно послалъ отъ себя въ Запороги лазутчиковъ; лазутчики же донесли Дорошенку, что въ Запорожьѣ его убьютъ, и тогда онъ засѣлъ въ Чигиринъ и не сталъ никуда выѣзжать отсюда. Послѣ этого

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 154.

Вдовиченко сталъ писать Дорошенку, чтобы онъ не назывался гетманомъ и вернулъ бы булаву и бунчукъ, а запорожцы съ татарами стали воевать города Дорошенка, разорять и жечь села и деревни, людей съчь и въ полонъ брать ¹⁾. Но и этимъ дѣло для Дорошенка не кончилось: въ Запорожѣ явился еще одинъ гетманъ, Петро Суховій. Уже вскорѣ послѣ убійства Брюховецкаго запорожцы, не желая пристать къ Дорошенку, возвратились въ Сичь и отправили отъ себя къ крымскому хану нѣсколько человѣкъ посланцевъ. Ханъ очень обрадовался приходу запорожцевъ, принялъ ихъ съ большою пріязнью и узнавъ, что они разошлись съ Дорошенкомъ, посовѣтовалъ имъ выбрать самостоятельнаго гетмана въ самомъ Запорожѣ. Сперва охотника на то долго не оказывалось, но потомъ на это изъявилъ свое согласіе бывший писарь запорожскаго войска, молодой, двадцати - трехлѣтній, «но досужій и ученый человѣкъ», Петро Суховій или Суховіенко. Суховій сочинилъ себѣ печать, подобную печати крымскаго хана,—лукъ и двѣ стрѣлы,—сталъ именоваться гетманомъ войска запорожскаго и написалъ письмо Дорошенку, называя себя гетманомъ ханова величества приказывая Дорошенку отнюдь не именоваться запорожскимъ гетманомъ. Въ Запорожѣ къ Суховіенку пристала одна партія, въ 6.000 человѣкъ, козаковъ; зато другая партія признала гетманомъ Дорошенка и звала его на лѣвую сторону Днѣпра для черной рады, обѣщаясь стрѣлы Суховія поломать своими мушкетами. Послѣдняя партія запорожцевъ отправила къ Дорошенку 6 человѣкъ посланцевъ съ приглашеніемъ принять гетманство, но Дорошенко отъ рады отказался, а посланцевъ отпустилъ съ честью, одаривъ ихъ шубами, шапками, сафьяновыми сапогами и отправивъ черезъ нихъ въ Запорожье козакамъ подарки, хлѣбные запасы и овощи ²⁾. Но Суховій не остановился на первой попыткѣ сдѣлаться гетманомъ: написавъ письмо хану отъ имени всего войска, онъ вмѣстѣ съ посольствомъ отъ запорожскаго Коша отправился и самъ къ нему въ Крымъ. Ханъ принялъ Суховія очень милостиво, остался очень доволенъ имъ и написалъ письмо въ Запорожье, что раньше того козаки никогда такихъ умныхъ людей не присылали въ Крымъ, а потому просилъ и впредь присылать такихъ «досужихъ», какъ Суховій. Послѣ этого, давъ Суховію

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 102, 103, 141, 142.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 82, 98.

войско, съ Калгой и Нуррединомъ, ханъ приказалъ Дорошенку вмѣстѣ съ Суховіемъ идти противъ князя Григорія Ромодановскаго, выступившаго на Украину для борьбы съ Дорошенкомъ и со всей козацкой старшиной, избившей московскихъ бояръ и воеводъ. Но Дорошенко, видя, что орда больше «прихильна» къ Суховію, нежели къ нему, самъ уклонился отъ похода, а послалъ своего брата, Григорія Дорошенка. Пока Григорій Дорошенко, Суховій, Нуррединъ и Қалга-салтанъ успѣли переправиться черезъ Днѣпръ и войти въ лѣвобережные города, князь Григорій Ромодановскій выслалъ противъ татаръ и козаковъ подѣздъ со своимъ сыномъ Андреемъ. Но возлѣ села Гайворона конотопскаго повѣта татары, октября 10 дня, захватили Андрея Ромодановскаго въ плѣнъ и потомъ утнали его въ Крымъ. Послѣ этого князь Григорій Ромодановскій отступилъ въ Путивль, а Суховій, промѣшкавъ нѣкоторое время возлѣ Роменъ, рѣшилъ переправиться съ татарами изъ лѣвобережной Украины въ правобережную и добывать себѣ тамъ чигиринское гетманство. Не смотря на зимнее время, Филиповъ постъ, Суховій переправился черезъ Днѣпръ и рѣшилъ низложить Дорошенка. Постановлено было союзнымъ козацкимъ войскомъ сперва послать за Дорошенкомъ, потомъ сдѣлать раду и на радѣ постановить запретить запорожскимъ козакамъ впредь дѣлать «тѣсноту» татарамъ; кромѣ того, Суховій особо писалъ Дорошенку о томъ, чтобы онъ явился на раду для того, чтобы запорожцы могли выбрать одного гетмана для обѣихъ сторонъ Днѣпра. Но Дорошенко, считая небезопаснымъ всякій выгѣздъ для себя, снова уклонился отъ этого, объявивъ, что рады бывають для выбора гетмана всегда въ городахъ, а не въ Запорожьѣ. Получивъ такой отвѣтъ татары и запорожцы собрали собственную раду и на ней объявили, гетманомъ Петра Суховія. Послѣ этого Суховій отправилъ своихъ пословъ къ турецкому султану съ просьбой о признаніи его гетманомъ и съ предложеніемъ стоять на тѣхъ статьяхъ, какія съ султаномъ постановилъ Дорошенко. На предложеніе Суховія султанъ отправилъ къ нему собственныхъ пословъ и черезъ нихъ объявилъ ему позволеніе именоваться гетманомъ, а крымскому хану съ ордой приказалъ помогать Суховію, обѣщая прислать весной новое войско, по договору, на крѣпость Кодакъ. Съ этими-то силами Суховій съ Калгой-салтаномъ и съ Нуррединомъ и пошелъ на правый берегъ Днѣпра, подъ города Черкасы, Крыловъ и Чигиринъ. Дорошенко, видя такое дѣло, ничего рѣшительнаго не

могъ предпринять противъ Суховія, кромѣ того, что разослалъ всѣмъ днѣпровскимъ жителямъ приказаніе прятать свои пожитки отъ Суховія и ничего не оставлять ему. Жители въ точности исполнили приказаніе своего гетмана, и Суховій дѣйствительно не нашелъ никакой добычи въ заднѣпровской Украинѣ; татары между тѣмъ требовали отъ него вознагражденія за свой походъ и, не получая его, хотѣли «подуванить» между собой добро Суховія, а его самого, вмѣстѣ съ бывшими при немъ запорожцами, въ полонъ взять. Тогда Суховій, предвидя для себя опасность, черезъ «скороухъ и быстроногихъ пословъ своихъ» далъ о томъ извѣстіе въ Кошъ, гдѣ въ ту пору кошевымъ атаманомъ былъ слабый по характеру Иванъ Бѣлковскій ¹⁾). Кошъ послалъ для выручки Суховія двухъ своихъ полковниковъ, Ивана Сирка и Игната Улановскаго. Полковники прибыли въ тогобочную Украину въ концѣ декабря мѣсяца, «межъ святы Рождества Господня». Узнавъ объ этомъ, Нуррединъ не осмѣлился напасть на Суховія и, опасаясь Сирка и Улановскаго, скоро убрался въ Крымъ, а Суховій, вмѣстѣ со своими избавителями, вернулся въ Сичу ²⁾); гетманъ же Дорошенко извѣстилъ о побѣдѣ надъ Суховіемъ и запорожцами всѣхъ козаковъ и приглашалъ украинцевъ обходиться дружелюбно съ великороссіянами ³⁾).

Послѣ этого гетманъ Петро Дорошенко, видя такое «запорожское Суховію вспоможеніе и ратунокъ, началъ заразъ додумываться, что Суховій вышелъ изъ Сичи съ намѣреніемъ добиться гетманства Брюховецкаго и Дорошенка не самъ, но могъ быть отправленъ отъ всего низового войска; а также соображая, что не могъ онъ самъ пригласить и знатныхъ крымскихъ салтановъ и вызвать къ себѣ въ самую опасную минуту Сирка и Улановскаго, началъ съ того времени питать въ сердцѣ своемъ злобу противъ запорожцевъ и искать повода, чтобы отомстить имъ» ⁴⁾).

Не долго, однако, запорожцы и Сирко стояли за Суховія: будучи еще такъ недавно на его сторонѣ, они выступили теперъ за Дорошенка. Тогда Суховій ушелъ къ татарамъ, съ которыми онъ настолько сошелся, что даже побусурманился и принялъ

¹⁾ Архивъ министерства иностр. дѣлъ, 1868, № 13, св. 26.

²⁾ Самовидецъ, 99—102; Грабянка, 198; Величко, II, 168—170.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 6, 7.

⁴⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1851, II, 178.

имя Шамай или Ашпаты-мурзы; при немъ было всего лишь около 300 человекъ запорожцевъ ¹⁾).

Дорошенко, узнавъ объ этомъ, сталъ сноситься съ татарами съ цѣлью «быть попрежнему въ миру съ ними», но съ непремѣннымъ условіемъ выдачи ему Суховія. Татары отвѣчали Дорошенку готовностью на миръ, но съ условіемъ, что если они выдадутъ ему Суховія, то Дорошенко отдастъ имъ Сирка ²⁾. Конечно, на этомъ миръ состояться не могъ. Самъ Сирко въ это время вновь собирался на татаръ. Января 19-го дня 1669 года кievскій воевода бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ доносилъ въ Москву, что около города Полтавы «стояли на лежбѣ 5.000 человекъ козаковъ разныхъ полковъ, ожидавшіе весны: если Сирко попрежнему пойдетъ на Крымъ, то и они пойдутъ съ нимъ» ³⁾).

Однако, Сирко и на этотъ разъ въ Крымъ не пошелъ: онъ сталъ дѣйствовать заодно съ Дорошенкою противъ татаръ и Суховія въ самой Украинѣ. Въ половинѣ января того же года самъ гетманъ Петръ Дорошенко извѣщалъ своего брата, Андрея Дорошенка, и всѣхъ гадячскихъ обывателей о томъ, что охотный полковникъ Сирко посланъ имъ, съ конными и пѣшими войсками, противъ крымскаго хана Батырчѣй гетмана и Суховія и, божіею помощію, «отважно и мощно» разгромилъ ихъ во многихъ мѣстахъ, въ особенности же сильно побилъ подъ мѣстечкомъ Ольховцемъ; Суховій повесъ здѣсь страшный уронъ; онъ ушелъ съ поля битвы самъ-пять или самъ-пятнадцать; союзники бѣжали сперва о-бокъ съ Капустиной долиной, а потомъ въ городъ Торговицу и оттуда въ Крымъ; побитыхъ татаръ было 4.000 человекъ; при Сиркѣ находился запорожскій полковникъ Улановскій. Послѣ этой битвы всѣ козаки, державшіеся стороны Суховія, перешли на сторону Сирка ⁴⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 151, 157.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 152.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VII, 1, 12, 110, 111, 150, 158.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 34, 60, 62, 113.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Выборъ въ гетманы Многогрѣшнаго и непризнаніе его запорожцами.—Попытка со стороны Турціи выбрать въ гетманы Юрія Хмельницкаго. — Утвержденіе на гетманствѣ Дорошенка и посольство отъ него въ Сячу. — Замыслы Суховія сокрушить Дорошенка.— Многократная борьба Суховія и Сирка съ Дорошенкомъ, мирные договоры ихъ между собой и намѣренія идти въ лѣвобережную Украину.—Увѣщательная грамота запорожцамъ отъ царя. — Новый походъ Суховія къ Чигирину и послѣднее возвращеніе въ Сячь вслѣдствіе нападенія на нее иньчаръ.—Рѣшительныя намѣренія Дорошенка воевать лѣвобережную Украину и объявленіе ему за то вражды запорожцами. — Намѣреніе запорожцевъ склониться московскому государю.—Походъ Сирка подъ Очаковъ.—Затруднительное положеніе Дорошенка и неожиданная помощь со стороны Сирка.

Начало 1669 года ознаменовалось въ исторіи малороссійскихъ козаковъ выборомъ (марта 3-го дня) новаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго. Многогрѣшный сперва отказывался отъ гетманства «якъ старая дивка отъ жениха», но потомъ согласился и отправилъ отъ себя въ Москву пословъ съ поклономъ царю. Запорожскіе козаки, также какъ и большинство малороссійскихъ, не признали гетманомъ Демьяна Многогрѣшнаго, рѣшили собраться на общую раду и выбрать одного, ни отъ кого независимаго, гетмана. Многогрѣшный, сдѣлавшись гетманомъ, хотѣлъ дѣйствовать въ отношеніи Дорошенка мирнымъ путемъ и въ этомъ духѣ написалъ ему письмо, въ которомъ, между прочимъ, просилъ его очистить всѣ города лѣвобережной Украины, такъ какъ лѣвобережная Украина и Запорожье состоятъ въ пѣлости великомъ государѣ, царѣ московскомъ; отъ царя на Запорожье по этому поводу посланы и грамоты и опредѣлена низовому войску плата на прокормленіе ¹⁾).

Но Дорошенко въ это самое время былъ занятъ болѣе существеннымъ для него вопросомъ: онъ хотѣлъ получить утвержденіе на своемъ гетманствѣ отъ турецкаго султана. Султанъ найдя, что гетманъ Дорошенко слишкомъ непостояненъ въ своихъ обѣщаніяхъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 109.

и что онъ уже успѣлъ измѣнить и Москвѣ, и Польшѣ, и Турціи, отправилъ отъ себя пословъ въ малороссійскій городъ Корсунъ и велѣлъ имъ выбрать новаго гетмана для заднѣпровской Украйны. Турецкіе послы явились въ Корсунъ въ первыхъ числахъ мѣсяца марта 1669 года и открыли тамъ раду; рада тянулась въ теченіи десяти дней. Отъ Петра Суховія на эту раду присланъ былъ полковникъ Носъ съ 70-ю козаками сѣчоваго товариства. Черезъ полковника Носа Суховій прислалъ Дорошенку письмо, въ которомъ писалъ, чтобы Дорошенко отнюдь не мирился ни съ турками, ни съ татарами и шелъ бы въ поле на раду, куда прибудетъ и онъ, Суховій, съ запорожцами; въ противномъ случаѣ Суховій грозилъ Дорошенку совсѣмъ выгнать его изъ города Чигирина. Но Дорошенко не обратилъ вниманія на заявленіе Суховія, и рада въ Корсунѣ состоялась. На ней предложенъ былъ турками въ гетманы сперва Юрій Хмельницкій. Но самъ Хмельницкій отвѣчалъ на это отказомъ: онъ объявилъ, что никакого гетманства не желаетъ и если его выберутъ противъ воли, то онъ противъ ратныхъ людей московскаго государя биться не будетъ и на украинскіе города не пойдетъ, потому что на томъ присягалъ великому государю, а сойдетъ въ Запорожье и будетъ воевать противъ татаръ. Послѣ такого заявленія со стороны Хмельницкаго турецкимъ посламъ ничего другого не оставалось, какъ остановиться на прежнемъ гетманѣ, и они волей-неволей выбрали «совершеннымъ» гетманомъ Дорошенка. Въ то время, когда происходила эта рада, запорожцы, въ числѣ семидесяти человѣкъ¹⁾, стояли поодаль отъ города, а потомъ совсѣмъ оставили Корсунъ и вернулись въ Запорожье. Но какимъ-то образомъ, однако, Дорошенку удалось захватить изъ нихъ 40 человѣкъ вмѣстѣ съ полковникомъ Носомъ и оковать ихъ цѣпями. Рада окончилась марта 14 дня, и послѣ этого Дорошенко отправилъ отъ себя около 15 человѣкъ посланцевъ въ Запорожье съ листами, къ Петру Суховію. Суховій четырехъ человѣкъ изъ Дорошенковыхъ посланцевъ отпустилъ назадъ, а одиннадцать человѣкъ оковалъ цѣпями и изъ нихъ однихъ приказалъ повѣсить поперекъ по вербамъ, а другихъ послалъ къ хану. Дорошенко, узнавъ объ этомъ, отпустилъ на волю сорокъ человѣкъ запорожцевъ вмѣстѣ съ полковникомъ Носомъ и позволилъ имъ идти, куда захотятъ; изъ нихъ, выбравъ трехъ

¹⁾ По другимъ указаніямъ на радѣ было 11 человѣкъ запорожцевъ съ гейсковымъ асаудомъ: Акты южной и западной Россіи, VIII, 145.

человѣкъ и давъ имъ по коню, платью и ружью, гетманъ отправилъ съ листами на Запорожье. Но запорожцы и этимъ не смягчились, и на Украинѣ пронесся слухъ, будто они хотятъ выбрать собственнаго гетмана, если не запорожца Савѣчку, то Демьяна Многогрѣшнаго, но только не Дорошенка и даже не Суховія. Тотчасъ послѣ праздника Пасхи, на Өомину недѣлю, вѣкто донской козакъ Обросимъ Телешовъ случайно повстрѣчалъ въ 15 верстахъ отъ Чигирина, подъ Медвѣдовкою, полковника Ивана Сирка, который ѣхалъ самъ-четверть въ Чигиринъ. Въ разговорѣ съ Телешовымъ Сирко высказался противъ татаръ и объявилъ, что онъ всегда былъ братъ православнымъ христіанамъ и сынъ восточной церкви, что великаго государя хлѣба-соли онъ до вѣку не забудетъ и что съ бусурманами онъ братства никогда не будетъ имѣть. Самъ отъ себя Телешовъ передалъ въ Москвѣ, что при немъ Сирко на страстной недѣлѣ великаго поста прислалъ въ Чигиринъ 3 человѣкъ татарскихъ языковъ: онъ громилъ татаръ на Поднѣстріи, гдѣ встрѣтился съ ними въ то время, когда они шли изъ Польши съ полономъ ¹⁾).

Однако, слухи объ объявленіи запорожцами кошевымъ Савѣчки и Многогрѣшнаго не оправдались. Отвращеніе Сирка къ татарамъ также далеко не всѣ раздѣляли. Не раздѣлялъ этого мнѣнія прежде всего Петро Суховій: онъ не только брезгалъ союзомъ съ бусурманами, а напротивъ того, при помощи ихъ хотѣлъ сокрушить Дорошенка. Въ самомъ концѣ апрѣля мѣсяца Суховій изъ Коша на Чортотмыкѣ послалъ письмо переяславскому полковнику Дмитрію Райчу и въ немъ прежде всего извѣщалъ своего пріятеля о томъ, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ запорожцы выбрали его, Суховія, на постоянное гетманство. Затѣмъ сообщалъ, что, послѣ избранія на гетманство, онъ держалъ совѣтъ со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариществомъ войска запорожскаго и рѣшилъ радѣть и промышлять объ успокоеніи отчины и о соединеніи обѣихъ сторонъ Днѣпра подъ единою властію, вслѣдствіе чего приглашалъ Райча не идти къ Дорошенку, а идти къ нему, Суховію. Далѣе Суховій сообщалъ о томъ, что Райча скоро услышитъ о пребываніи его, Суховія, съ запорожцами и съ крымскимъ ханомъ подъ Чигириномъ и что онъ уже разослалъ приказаніе всѣмъ полковникамъ правой и лѣвой стороны Днѣпра собираться на Цыбульникъ. Почти въ такихъ же самыхъ словахъ и о томъ же са-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 137, 138, 145, 161, 187.

момъ писалъ Петро Суховій и къ прилуцкому полковнику Ивану Маценку, сообщая ему о намѣреніи своемъ вскорѣ послѣ святой недѣли идти къ Чигирину и приглашая полковника идти противъ Дорошенка. Объ избраніи Петра Суховія въ гетманы и о его намѣреніи идти подъ Чигиринъ съ запорожцами и ордой тому же Ивану Маценку сообщалъ изъ Коша на Чортотмыкѣ и бывший прилуцкій полковникъ Лазарь Горленко, другъ и кумъ Маценка. Горленко одобрялъ намѣреніе Маценка оставить Дорошенка и «подлежать» къ Многогрѣшному, но совѣтовалъ ему лучше всего «быть двоеличною китайкою ко всякому на время, потому что это лучше будетъ для него ¹⁾».

Намѣреніе свое Суховій дѣйствительно незамедлилъ исполнить: собравъ запорожцевъ и 40.000 татарской орды, онъ «по травѣ», тотчасъ послѣ великодневскаго праздника, вышелъ подъ Черный гѣсъ, расположился въ 30 верстахъ отъ Чигирина и больше трехъ разъ подбѣгалъ съ запорожскими козаками къ Чигирину, Жаботину и другимъ мѣстамъ правой стороны Днѣпра, причиняя жителямъ огромные убытки въ рогатомъ скотѣ и лошадахъ и захватывая много людей въ неволю. Крымскій ханъ и ногайскій мурза отложились отъ турецкаго султана и, вопреки его запрещенію, сдружились съ Суховіемъ и съ запорожскими козаками; ханъ прислалъ всякихъ запасовъ и сукна на кафтаны запорожцамъ. Союзники рѣшили простоять все гѣто возлѣ Чигирина и добывать его. При Суховіи былъ и Иванъ Сирко. Въ это время «стали поглядать на Суховіеву руку» и три полка, полтавскій, миргородскій и лубенскій, и даже склонны были отправить отъ себя посланцевъ въ Запорожье ¹⁾. Мая 10 дня кievскому воеводѣ князю Григорію Козловскому доносили, что Дорошенко назначилъ въ Чигиринѣ новую раду и на той радѣ хочетъ сдать свое гетманство, а крымскіе татары, въ числѣ 20.000 съ запорожцами, стоятъ въ 20 верстахъ отъ Чигирина, на рѣчкѣ Цыбульникѣ, и ожидаютъ хана; когда же ханъ придетъ, то татары и запорожцы будутъ чинить промыселъ надъ Дорошенкою, а гѣтомъ пойдутъ къ Кіеву, и къ другимъ городамъ заднѣпровской Украйны. Въ слѣдъ затѣмъ о намѣреніяхъ запорожцевъ получилъ вѣсть нѣжинскій воевода Иванъ Ржевскій; ему сообщали, что въ Чигиринѣ, въ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 180, 182, 221.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 161, 162, 163, 167, 168.

маломъ городкѣ, засѣлъ какой-то запорожскій полковникъ (нужно думать, Сирко) съ козаками, который не пускалъ къ себѣ Дорошенка, что самъ Дорошенко сидитъ въ большомъ городѣ и находится въ непрерывной тревогѣ отъ татаръ и что Суховій всюду зазывалъ татаръ, чтобы окончательно ударить на Дорошенка. Но въ тотъ же день воевода Ржевскій получилъ и другую вѣсть, что Дорошенко вошелъ въ мировую съ Суховіемъ и Сиркомъ и, соединившись съ ними, задумалъ перейти на лѣвую сторону Днѣпра, чтобы добывать государевы города. Вѣсть эта потомъ подтвердилась, и мая 11 дня въ Кіевѣ стало извѣстно, что Дорошенко и Сирко уже даже послали на переяславскую сторону два козацкихъ гѣхотныхъ полка, чтобы они «заступили» близкіе къ Днѣпру города, Золотоношу и Лубны. Полковники посланныхъ полковъ, Головаченко и Манжосъ, переправились черезъ Днѣпръ подъ Оржищевымъ и ждали, пока Дорошенко и Сирко подымутъ орду и всею силою пойдутъ на поляковъ и на малороссійскіе лѣвой стороны Днѣпра города. Они отправили пословъ къ турецкому султану съ просьбой о принятіи въ подданство Дорошенка, и объявили приказъ всѣмъ козакамъ и крестьянамъ заднѣпровской и кіевской стороны быть наготовѣ. Самъ Суховій въ это время былъ въ Запорогахъ, гдѣ состоялъ кошевымъ атаманомъ козаковъ, и приглашалъ Дорошенка на раду, но Дорошенко попрежнему ему въ томъ отказалъ. Особо отъ Манжоса и Головаченка стояли полковники Иванъ Малютенко въ Воронковѣ и Иванъ Гладкій въ Острѣ съ 700 человекъ запорожцевъ ¹⁾.

Видя приближавшуюся грозу со стороны Дорошенка и Сирка, гетманъ Демьянъ Многогрѣшный послалъ изъ Батурина, мая 10 дня, увѣщательное письмо въ Запорожье на имя кошевого атамана Петра Суховія и всего славнаго рыцарства низового, на Кошу, на лугахъ и на поляхъ обрѣтающагося. Въ этомъ письмѣ Многогрѣшный прежде всего сообщалъ запорожцамъ о томъ, что онъ много разъ писалъ имъ раньше означеннаго времени, но письма эти, вѣроятно, не доходили къ нимъ, въ чемъ онъ видѣлъ дѣйствія козней безбожнаго и нелюбящаго добра, лубенскаго полковника Григорія Гамалии, сторонника Дорошенка. Затѣмъ онъ раскрывалъ всѣ неблаговидные поступки гетмана Петра Дорошенка, которому онъ нѣкогда повиновался, какъ старшему, надѣясь, что

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 208, 188, 165, 189, 223.

онъ будетъ промышлять объ общемъ благѣ и доставить народу миръ и тишину; въ дѣйствительности же Дорошенко, забравъ скарбъ и арматы убитаго Брюховецкаго и переправивши все это за Днѣпръ, покинулъ на произволъ судьбы города лѣвой стороны Днѣпра и его самого, наказнаго гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, объявивъ ему, чтобы онъ, Многогрѣшный, самъ оборонялся отъ московскихъ войскъ. Тогда ему, Многогрѣшному, ничего не оставалось больше дѣлать, какъ «договориться» съ его царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ на тѣхъ статьяхъ, на какихъ договорился славной памяти гетманъ Богданъ Хмельницкій. Заканчивая свое письмо, Многогрѣшный молилъ запорожцевъ оставить хана и склониться къ православному монарху, такъ какъ московскій государь уже даровалъ свободу всѣмъ тѣмъ украинцамъ, которыхъ позасылалъ Брюховецкій въ Москву и въ другіе города, а крымскій ханъ едва-ли и одной души христіанской дастъ свободу ¹⁾.

Вѣроятно, это письмо или вновь не дошло, или слишкомъ поздно въ Сичь пришло; по крайней мѣрѣ, посланцы самого же Демьяна Многогрѣшнаго, бывшіе въ Москвѣ, въ самомъ концѣ мѣсяца мая, рассказывали тамъ, что запорожцы, которые ходили для рыбы, передавали, что имъ нѣтъ ни отъ царскаго величества грамотъ, ни отъ гетмана Многогрѣшнаго письма ²⁾.

Дошло-ли письмо гетмана Многогрѣшнаго до Суховія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ Суховій далекъ былъ отъ мысли держать сторону Москвы. Суховій и крымскій ханъ Адиль-Герай, находясь попережнему въ миру, рѣшили дѣйствовать заодно и постановили на слѣдующемъ между собою договоръ: Адиль-Герай посредствомъ орды и козаковъ освободится отъ турецкаго ига, а Суховій съ запорожцами посредствомъ орды освободится отъ Польши и Москвы; на томъ Суховій и Адиль-Герай написали письмо Дорошенку и приглашали его примкнуть къ нимъ. Но Дорошенко, получивъ объ этомъ извѣстіе, отвергъ предложеніе и написалъ турецкому султану письмо съ жалобой на хана и съ просьбой низвергнуть его съ трона и вмѣсто него назначить другого, согласнаго во всемъ съ Дорошенкомъ челоуѣка. Узнавъ объ этомъ, ханъ Адиль-Герай и Суховій рѣшили идти къ Чигирину и захватить тамъ въ руки Дорошенка со всей его старшиной. Въ свою очередь, Дорошенко, узнавъ о рѣшеніи

¹⁾ Азты южной и западной Россіи, VIII, 176—178.

²⁾ Азты южной и западной Россіи, VIII, 173.

Суховія и Адиль-Герая, поднялся на хитрость: онъ сталъ склонять на свою сторону Суховія и предлагалъ ему собственную дочь въ замужество, желая тѣмъ выиграть время и укрѣпиться турецкими силами ¹⁾.

Благодаря этой уловкѣ, до открытаго дѣйствія между противниками дѣло не дошло, и оба они опять заговорили о новой радѣ и о выборѣ новаго и единого гетмана вмѣсто ихъ обоихъ. Мая 21 дня ѣхавшіе черезъ Кіевъ греческіе купцы показали воеводѣ князю Григорію Козловскому, что во время своего пути они видѣли полковника Ивана Сирка съ 50 конными козаками, со словъ самого Сирка они узнали, что онъ ѣдетъ въ Лодыжинъ за Григоріемъ Дорошенкомъ, гдѣ съ нимъ было 2.000 человекъ козаковъ. Въ Лодыжинѣ же купцы слышали, что у Дорошенка имѣетъ быть скорѣе рада и на той радѣ козаки будутъ выбирать новаго гетмана и съ новымъ гетманомъ пойдутъ на малороссійскіе города московскаго государя.

О Петрѣ Суховѣ князь Козловскій получилъ вѣсть, что онъ стоялъ въ 30 верстахъ отъ города Кодака съ 2.000 козаковъ и съ 10.000 татаръ и изъ мѣста своей стоянки отправилъ 8 человекъ посланцевъ къ Дорошенку, прося его явиться на раду подъ городъ Крыловъ, на урочище Цыбульникъ, для выбора новаго гетмана. Дождавшись Дорошенка и примирившись съ нимъ, Суховій съ татарами и запорожцами также предполагалъ идти на малороссійскіе города ²⁾.

Въ Москвѣ всѣ эти вѣсти пока не были извѣстны, и царь Алексѣй Михайловичъ іюня 11 дня написалъ письмо, на имя кошевого атамана (безъ фамиліи) и всего войска, къ запорожскимъ козакамъ съ увѣщаніемъ не прельщаться никакими прелестями, склонять другихъ къ царскому величеству и быть въ послушаніи у гетмана Демьяна Многогрѣшнаго. Изъ самого письма видно, что царь былъ введенъ въ заблужденіе извѣщеніемъ гетмана Многогрѣшнаго о готовности кошевого атамана и всего низового войска, сообразно прежнему своему обѣщанію, служить вѣрно великому государю, его царскому величеству ³⁾.

Между тѣмъ гетманъ Дорошенко, согласно просьбѣ Суховія,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 230; IX, 162—164.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 212, 214, 250.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 246.

вышелъ, іюня 6 дня, изъ Чигирина съ козаками, и направилъ къ урочищу Цыбульнику, имѣя твердое намѣреніе сдать свое гетманство другому лицу. Услышавъ о движеніи Дорошенка, полковники полтавскій, миргородскій, гадячскій и лубенскій, каждый со своимъ полкомъ, потянули въ Ромны, гдѣ стоялъ высланный раньше того Дорошенкомъ полковникъ Манжосъ. Гетманъ Демьянъ Многогрѣшный, предвидя бѣду, послалъ къ царю листъ съ просьбой о скорѣйшей высылкѣ на Украину московскихъ ратныхъ людей въ виду наступленія ото всюду внутреннихъ и вѣшнихъ враговъ ¹⁾.

Но опасенія Многогрѣшнаго на этотъ разъ были напрасны: Дорошенко, вышедшій изъ Чигирина для рады на урочище Цыбульникъ, потерялъ довѣріе со стороны населенія и долженъ былъ вернуться въ Чигиринъ. Это объясняется выходомъ изъ Запорожья Суховія съ татарскими салтанами и съ Юріемъ Хмельницкимъ, котораго татары хотѣли видѣть единымъ гетманомъ вмѣсто Дорошенка. При Суховіѣ было 200 человѣкъ конныхъ и 300 пѣшихъ запорожцевъ да нѣсколько тысячъ татаръ, съ которыми онъ расположился въ 160 верстахъ отъ Кіева, подъ Тясьминомъ. Суховій и татары потребовали, чтобы Дорошенко шелъ на раду къ рѣкѣ Росавѣ вмѣсто Цыбульника. Дорошенко и на этотъ разъ изъявилъ свое согласіе и двинулся къ назначенному мѣсту; но за ними послѣдовало только три полка — чигиринскій, черкасскій и серденяцкій, остальные полки—уманскій, корецкій, бѣлоперковский, кальницкій, паволочскій и торговицкій—перешли и поддались Суховію. Вѣроятно, это обстоятельство заставило Дорошенка вновь вернуться назадъ въ Чигиринъ и отказаться отъ участія на радѣ. Недовольные этимъ, Суховій и татарскіе салтаны рѣшили идти къ Чигирину и добывать тамъ Дорошенка. Для полнаго успѣха ханъ прислалъ въ Запорожье 1.000 коней, чтобы дать возможность идти въ походъ и тѣмъ козакамъ, которые, за неимѣніемъ лошадей, не могли выбраться изъ Сичи. Но запорожцы взяли изъ присланныхъ тысячи коней только пятьсотъ, на которыхъ и пошли подъ Чигиринъ, а остальныхъ отослали назадъ. Въ началѣ мѣсяца іюня Суховій съ запорожцами и салтаны съ татарами были уже возлѣ Чигирина; они хватали тамъ стада и уже намѣревались сдѣлать общій приступъ на городъ; но въ это время

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 250, 238, 232, 248.

пришло тревожное извѣстіе изъ Сичи, которое заставило Суховіа и запорожцевъ бросить Чигиринъ и съ поспѣшностью возвратиться въ Запорожье. Дѣло состояло въ томъ, что въ отсутствіе Суховіа крымскій ханъ отправилъ на Запорожье 1.000 человекъ татаръ и приказалъ имъ «засѣсть» Сичу и вырубить оставшихся въ ней запорожцевъ. Но коварный замыселъ татаръ не удался имъ: оставшійся въ Сичи бывшій кошевой атаманъ Курило собралъ всѣхъ запорожцевъ, находившихся на липо и бывшихъ въ лугахъ на промыслахъ, и съ ними «отсѣлъ» Сичу, многихъ татаръ побилъ, многихъ потопилъ, многихъ прочь отогналъ; изъ послѣднихъ нѣкоторые побѣжали къ крымскимъ мурзамъ, которые были съ Суховіемъ подъ Чигириномъ, и сообщили имъ обо всемъ случившемся въ Сичи. Суховій, послѣ большой ссоры съ мурзами, оставилъ Чигиринъ и вернулся въ Сичь.

Такъ рассказывали объ этомъ дѣлѣ въ Москвѣ нѣжинскіе обыватели, писарь Филиппъ Константиновъ и бурмистръ Яковъ Ждановъ. Самъ гетманъ Демьянъ Многогрѣшный излагалъ царю въ письмѣ, что на Сичь напали не татары, присланные ханомъ, а янычары, присланные турецкимъ султаномъ, и выбилъ ихъ не кошевой Курило, а самъ Суховій, поспѣшившій вернуться въ Сичь. Послѣ истребленія янычаръ послѣдній остался въ Сичи съ татарами, бывшими при немъ, и больше не помышлялъ пока о походѣ къ Чигирину ¹⁾.

Такъ или иначе, но московскій царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ обо всемъ происшедшемъ на Украинѣ, писалъ Дорошенку, чтобы онъ вывелъ своихъ козаковъ, а съ ними вмѣстѣ и козаковъ Ивана Сирка, изъ городовъ лѣвой стороны Днѣпра въ города правой, такъ какъ по андрусовскому миру, заключенному между Россіей и Польшей, лѣвобережные города Украины отошли отъ Польши къ Россіи, и Дорошенко, какъ гетманъ, объявившій себя на этотъ разъ подданнымъ польскаго короля, оставилъ бы лѣвобережную Украину ²⁾.

Но Дорошенко не послушалъ приказанія московскаго царя, и когда планъ объ избраніи гетманомъ Юрія Хмельницкаго для городовъ обѣихъ сторонъ Днѣпра не состоялся, то Дорошенко рѣшилъ добиться этого для себя лично. На этотъ разъ онъ при-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 263, 270, 260, 250.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, VIII, 271; IX, 242.

влекъ на свою сторону крымскаго хана, получилъ отъ него помощь и послалъ на лѣвую сторону Днѣпра полковника Григорія Гамалію съ козаками и татарами противъ наказнаго гетмана Константина Стрыевского, сторонника Демьяна Многогрѣшнаго. Стрыевскій вышелъ изъ города Роменъ на встрѣчу Гамаліѣ, но былъ разбитъ и навсегда оставилъ поле сраженія, а остатокъ его войска перешелъ къ Дорошенку ¹⁾).

Въ борьбѣ гетмана Демьяна Многогрѣшнаго принимали участіе и запорожскіе козаки выѣстѣ съ Петромъ Суховіємъ. Но на этотъ разъ Суховій потерпѣлъ неудачу и обѣжалъ въ Запорожье ²⁾. На ту пору въ Запорожьѣ былъ кошевымъ атаманомъ Лукашъ Мартыновичъ. Узнавъ о рѣшительныхъ намѣреніяхъ Дорошенка воевать лѣвобережную Украину, Лукашъ Мартыновичъ и все низовое войско написали ему письмо, въ которомъ упрекали его въ томъ, что онъ, будучи сыномъ Украины, не по сыновски, однако, поступаетъ съ ней и, желая достигъ гетманства на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, призвалъ къ себѣ изъ Крыма бусурманъ и проливаетъ съ ними кровь христіанскую, дѣлая то не для общаго блага, а для собственныхъ «властныхъ приватъ». Въ заключеніе письма запорожцы «шильно» просили Дорошенка прекратить дальнѣйшее кровопролитіе и разореніе отчизны и отстать отъ своихъ «широкихъ» замысловъ, при чемъ напоминали ему евангельскій текстъ о чловѣкѣ, весь міръ пріобрѣвшемъ, но забывшемъ о душѣ своей ³⁾. Тонъ этого письма сильно не понравился Дорошенку и онъ не скрывалъ своего нерасположенія ко всему запорожскому войску.

Января 15 дня, 1670 года, запорожскіе козаки отправили семь чловѣкъ посланцевъ къ гетману Демьяну Многогрѣшному и черезъ него стали бить челомъ великому государю, царю московскому, принять ихъ по прежнему въ подданство и гетману въ послушаніе ⁴⁾.

Въ свою очередь и гетманъ Петро Дорошенко отправилъ къ Демьяну Многогрѣшному пословъ и черезъ нихъ просилъ лѣвобережнаго гетмана быть въ единеніи и дружбѣ съ нимъ. Причина этой просьбы объяснялась тѣмъ, что Дорошенку стало извѣстно

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1851, II, 223.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 42, 82.

³⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1851, II, 224—226.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 159.

твердое намѣреніе запорожцевъ, соединившихся съ татарами, идти противъ него войной и разорить его города. Самъ польскій король присылалъ Дорошенку посланцевъ и черезъ нихъ совѣтовалъ гетману быть съ запорожцами въ согласіи: поляки опасались, чтобы черезъ Дорошенка на Польшу не поднялись турки и не причинили бы ей бѣды. Король грозилъ, что если Дорошенко не сладитъ съ запорожцами, то Польша, заодно съ русскими и запорожцами, пойдетъ на него войной и разорить всѣ его города до основанія, чтобы черезъ него впредь не было ссоръ между великими государствами ¹⁾.

Рѣшеніе запорожцевъ воевать противъ Дорошенка было твердое и единодушное: мая 5 дня у нихъ собрана была рада; на этой радѣ, въ присутствіи кошевого атамана Михайла Ханенка, читаны были листы, которые запорожцы имѣли отослать черезъ Суховія въ Крымъ. Въ этихъ листахъ писано было къ хану, чтобы онъ не ходилъ войной противъ польскаго короля, у котораго заключенъ вѣчный миръ съ московскимъ государемъ; въ противномъ случаѣ запорожцы грозили хану обратиться съ просьбой къ царскому величеству о помощи и вмѣстѣ съ русскими стоять головами противъ татаръ. По прочтеніи писемъ, адресованныхъ хану, запорожцы на той же радѣ написали письмо и гетману Дорошенку, въ которомъ совѣтовали ему отъ турецкаго султана отстать, кровопролитіе христіанъ прекратить, съ войскомъ запорожскимъ и съ козаками лѣвой стороны Днѣпра попрежнему въ подданствѣ у великихъ государей, царя московскаго и короля польскаго, быть и за христіанскую вѣру сообща со всѣми твердо противъ наступающихъ на нее враговъ стоять ²⁾.

Послѣ такого рѣшенія тотъ же кошевой атаманъ, Михайло Ханенко, отправилъ въ Москву письмо изъ Коша на Чортотмыкѣ, на имя стольника Артемона Сергѣевича Матвѣева, съ извѣстіемъ о единодушномъ желаніи всѣхъ запорожцевъ идти войной противъ турокъ и съ просьбой къ царю прежде всего принять все низовое войско «подъ крыло высококрѣпкой царской руки», а потомъ выслать въ Сичъ запасы пороху, свинцу и сукна, а также денегъ на постройку судовъ ³⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 185, 186.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 226.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 222.

Обо всемъ происшедшемъ въ Сичи гетманъ Дельянъ Многогрѣшный узналъ отъ своего родного брата Василя и поспѣшилъ сообщить царю о намѣреніи запорожцевъ отправить въ Москву пословъ ¹⁾).

Между тѣмъ запорожцы какъ бы въ доказательство своей готовности служить царю и воевать противъ враговъ православной вѣры, отправили отрядъ молодцовъ на Низъ противъ турецкихъ городковъ, подъ начальствомъ Ивана Сирка. Юня 20 дня Иванъ Сирко ходилъ подъ Очаковъ и, ставши близъ самого города, захватилъ много добычи, скота, взялъ въ полонъ нѣсколько челоуѣкъ турокъ, татаръ, волоховъ, а весь городъ выжегъ. Объ этомъ Сирко самъ доносилъ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, воеводѣ бѣлгородскому, іюля 18 дня, изъ Коша на Чортомлыкѣ, называя себя кошевымъ атаманомъ низового войска и прося донести царскому величеству просьбу запорожцевъ прислать имъ пушекъ лумныхъ (ломовыхъ) и гранатъ съ рацами для «збуренія» турецкихъ и татарскихъ городковъ, чтобы сдѣлать свободнымъ морской путь, и обѣщаясь за то чинить, вмѣстѣ съ поляками, «пилыный» промыселъ своею старостью надъ тѣми городками ²⁾).

Юля 20 дня у запорожскихъ козаковъ былъ кошевымъ атаманомъ уже не Сирко, а Михайло Ханенко. Что произошло между запорожцами и ихъ бывшимъ кошевымъ Иваномъ Сиркомъ, неизвѣстно, но въ этотъ день Михайло Ханенко, въ качествѣ кошевого атамана, написалъ царю Алексѣю Михайловичу листъ и отправилъ его въ Москву черезъ полковника Степана Обиду съ товарищами. Въ своемъ листѣ Ханенко объявлялъ государю, что въ Сичь дошла вѣсть относительно союза московскаго царя съ польскимъ королемъ и что Ханенко и «сѣверный» гетманъ Многогрѣшный, обрадовавшись этой вѣсти, учинили между собою раду и рѣшили ударить челомъ государю съ цѣлью испросить у него милостивое къ себѣ вниманіе и выразить искреннія пожеланія царскому и королевскому величествамъ счастливыхъ успѣховъ въ борьбѣ съ воюющимъ на христіанъ непріателемъ.

Не смотря на полную готовность всего низового войска служить московскому государю, Многогрѣшный, узнавъ объ отправкѣ ими своихъ пословъ, Степана Обиды съ товарищами, написалъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 231.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 242.

письмо стольнику Артемону Сергѣевичу Матвѣеву съ жалобой на запорожцевъ за то, что они не назвали его «гетманомъ» въ своемъ къ нему листѣ, а также и за то, что они, по слухамъ, хотятъ выбрать гетмана въ самомъ Запорожьѣ, такъ какъ выбраннаго въ городахъ не считаютъ настоящимъ гетманомъ; вслѣдствіе этого Многогрѣшный просилъ стольника Матвѣева не вѣрить искренности полковника Обиды и всего низового войска ¹⁾).

Царь на листъ Ханенка отвѣчалъ грамотой, писанной іюля 28 дня. Въ этой грамотѣ сказано было, что запорожцы учинили противность царскому величеству и убили въ Запорогахъ безвиннаго посла, стольника Ефима Лодыженскаго, и другихъ, съ нимъ бывшихъ людей, чѣмъ нарушили свою клятву въ вѣрности передъ святымъ евангеліемъ и забыли государскую милость, но царское величество всѣ вины запорожскихъ козаковъ, какъ учиненныя отъ неразумныхъ и легкомысленныхъ людей, отпускаетъ и на будущее время предаетъ забвенію. Зато приказываетъ козакамъ, чтобы они впредь не называли гетмана Демьяна Многогрѣшнаго «сѣвернымъ» гетманомъ, какъ называли они его въ своемъ письмѣ, а именовали бы гетманомъ запорожскимъ и жили бы съ нимъ въ любви и совѣтѣ. Въ заключеніе царской грамоты было прописано, что царь приказалъ послать въ запорожское войско двѣ пушки, запасы, свинець, порохъ и сукно для войска, кромѣ жалованья полковнику Обидѣ и его товарищамъ ²⁾).

Отправивъ запорожцамъ грамоту, черезъ мѣсяць послѣ этого царь отправилъ на Украину къ гетману Демьяну Многогрѣшному подьячаго Михайла Савина «для дѣлъ великаго государя». Приѣхавшему въ городъ Гадячъ Савину Многогрѣшный сообщилъ свѣжія вѣсти о томъ, что на Дорошенка и его города правой стороны Днѣпра собрался войной крымскій ханъ, а на города лѣвой стороны идетъ Юрій Хмельницкій съ Калгой-Нуррединомъ; что ханъ хочетъ сдѣлать Хмельницкаго гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и что Хмельницкій уже стоитъ у Китай-города, близко Запорогъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра; что сами запорожцы ссылаются съ извѣстнымъ воромъ Стенькой Разинымъ и приглашаютъ его идти безопасно на низовые города, объявляя ему, будто

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 232—235.

²⁾ Вантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1858, I, 232.

гетманъ Многогрѣшный не состоитъ въ подданствѣ у великаго государя и потому не станетъ чинить надъ нимъ промысла ¹⁾).

Въ это же время самому Многогрѣшному изъ вѣрныхъ источниковъ донесли, что подлинно Юрій Хмельницкій, поставленный гетманомъ отъ турецкаго султана, вышелъ на судахъ изъ Царьграда съ 60.000 янычаръ и прибылъ въ городъ Тавань; что къ нему хочетъ идти самъ ханъ «своею собачею особой» и что съ нимъ уже соединились Нуррединъ-калга и много великихъ салтановъ; что ханъ послалъ извѣстiе черезъ пословъ о выходѣ Хмельницкаго и татарскихъ ордъ къ запорожскимъ козакамъ, а запорожскiе козаки отравили отъ себя къ хану собственныхъ пословъ, Василя Завалiя и Ѳедора Хребтака, благодарить хана за извѣстiе и провѣдывать о подлинныхъ вѣстяхъ. Впрочемъ, тѣ же запорожцы, еще за двѣ недѣли до поднятiя съ мѣста орды, у себя на радѣ высказывали злыя мысли противъ Хмельницкаго, говоря, что пусть только выйдетъ Хмельницкій съ ордами, то они дадутъ ему гетманство..., подъ Заборою на Чортомлыкѣ сложенъ весь нарядъ и въ Сичи сдѣланы всѣ приготовления, и все войско негодуетъ на гетмана, чтобы онъ не выходилъ на Русь и сидѣлъ бы на Кошѣ, потому что и безъ него много было такихъ, которые производили бунтъ. Тому же Многогрѣшному извѣстно было и то, что татары рѣшили дѣйствовать въ двухъ пунктахъ, съ одной стороны подъ Чигириномъ, съ другой подъ Полтавой ²⁾).

Тѣснѣе всѣхъ отъ союза запорожцевъ съ татарами пришлось Дорошенку. Кромѣ татаръ, на Дорошенка шли также Михайло Ханенко и Петро Суховiй. Многогрѣшный рассчитывалъ, что Дорошенко будетъ разбитъ его противниками, и потому писалъ въ Москву, чтобы, въ случаѣ его бѣгства въ лѣвобережную Украину, приказано было не принимать его ни въ города, ни въ села. Положенiе Дорошенка было дѣйствительно критическое: онъ не имѣлъ у себя никакихъ союзниковъ, кромѣ бѣлгородскихъ татаръ, повиновавшихся въ то время силистрiйскому пашѣ и не признававшихъ власти ни турецкаго султана, ни крымскаго хана. Союзники стѣснили Дорошенка въ Стеблевѣ, и ему бы пришлось очень плохо, если бы въ самую рѣшительную для него минуту не пришла помощь отъ запорожцевъ. Запорожцы на приглашенiе Юрiя Хмель-

¹⁾ Акты южной и западной Россiи, IX, 262.

²⁾ Акты южной и западной Россiи, IX, 265, 266, 263.

ническаго идти противъ Дорошенка отвѣчали, что они у турскаго султана въ подданствѣ не желаютъ быть, и если Хмельницкому есть какое дѣло, то пусть идетъ въ Запорожье и тамъ козаки учинятъ раду для того ¹⁾. Спасителемъ Дорошенка былъ собственно Иванъ Сирко, который въ-время, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, додалъ помощи Дорошенку, и его враги бѣжали: бѣжала сперва крымская орда, потомъ Ханенко и Суховій, потомъ Хмельницкій ²⁾. По замѣчанію лѣтописца XVIII вѣка, Ригельмана, Сирко питалъ вражду противъ Ханенка и Суховія и, кромѣ того, не зналъ еще доподлинно о переходѣ Дорошенка къ турецкому султану и потому взялъ сторону стѣсненнаго со всѣхъ сторонъ гетмана ³⁾. Но вѣрнѣе будетъ сказать, что это произошло отъ того, что въ правилахъ Сирка всегда было держать сторону угнетеннаго, кто бы онъ и гдѣ бы ни былъ.

Такъ или иначе, но послѣ дѣла въ Стеблевѣ Петро Суховій сдалъ свои притязанія на гетманство Михайлу Ханенку и оба они вернулись въ Сичь. Чувствуя себя безсильнымъ, Ханенко рѣшилъ войти въ сношеніе съ польскимъ королемъ Михаиломъ III и черезъ него утвердиться на гетманствѣ правой стороны Днѣпра. Король принялъ эту просьбу, но съ условіемъ, если Ханенко отдастъ города своего регимента Польшѣ. Ханенко согласился на это, въ чемъ находилъ себѣ сочувствіе и въ простомъ населеніи правобережной Украйны: простолюдины видѣли въ Дорошенкѣ губителя православной вѣры и рѣшили, что лучше имъ стоять подъ польскимъ, все же христіанскимъ, королемъ, нежели подъ турецкимъ, невѣрнымъ, царемъ. Михайло Ханенко велъ переговоры съ польскимъ королемъ черезъ особыхъ пословъ, самаго кошевого атамана Григорія Пелеха, Василя Завалія и другихъ старшинъ ⁴⁾. Для избранія гетмана собраны были въ городѣ Умані представители отъ трехъ, самыхъ западныхъ козацкихъ полковъ, которые и признали Михайла Ханенка въ гетманскомъ званіи правобережной Украйны ⁵⁾. Въ слѣдъ за этимъ Михайлу Ханенку приказано было выслать въ городъ Острогъ комиссаровъ для «уконтентованія войска запорожскихъ козаковъ».

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 285.

²⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 107.

³⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 122.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 259.

⁵⁾ Антоновичъ, Историческіе дѣятели юго-зап. Россіи, I, 96.

Коммиссары отправлены были въ числѣ болѣе пятидесяти чело-
вѣкъ съ войсковымъ судьей Семеномъ Богаченкомъ, и отпу-
щены были назадъ сентября 2 дня. Пять челоуѣкъ изъ этихъ
коммиссаровъ съ Василиемъ Алексѣенкомъ возвращались на-
задъ черезъ города Демьяна Многогрѣшнаго и везли съ собой
какой-то запечатанный отъ короля листъ къ крымскому хану, о
чемъ гетманъ Многогрѣшный немедленно сообщилъ царю ¹⁾.
Изъ остальныхъ коммиссаровъ сорокъ челоуѣкъ вмѣстѣ съ Бога-
ченкомъ, задержавшись на нѣкоторое время въ Острогѣ для
полученія тамъ клейнотовъ войсковыхъ, возвращались въ концѣ
сентября мѣсяца черезъ города Многогрѣшнаго на Низъ со
знаменемъ и съ литаврами для новаго гетмана Ханенка и
съ письмомъ Многогрѣшному отъ польскаго короля. Въ этомъ
письмѣ король упрекалъ лѣвобережнаго гетмана за то, что онъ
задержалъ одного изъ запорожскихъ пословъ, Василя Завалія,
шедшаго вмѣстѣ съ кошевымъ Григоріемъ Пелехомъ въ
посольствѣ къ королю, и отослалъ его въ города московскаго го-
сударства. Король хлопоталъ о томъ, чтобы вернуть Завалія въ
Запорожье и написалъ о томъ московскому царю. Многогрѣшный
обо всемъ этомъ извѣстилъ царя и въ свое оправданіе по поводу
Василя Завалія сообщалъ, что запорожскіе послы, когда еще
ѣхалъ Пелехъ къ королю, сами оставили Завалія въ Батуричѣ
для возвращенія его съ письмомъ, тутъ же написаннымъ, въ Сичу
къ козакамъ, и онъ послѣ ихъ отъѣзда тотъ же часъ возвра-
тился въ Запорожье. Сообщая объ этомъ царю, Многогрѣшный
въ то же время сообщалъ и о томъ, что прибывшіе къ нему послы
Семень Богаченко съ товарищами избрали путь на города лѣ-
ваго берега Днѣпра, избѣгая гетмана Дорошенка; что шесть че-
лоуѣкъ изъ ихъ числа остались еще при королевскомъ величе-
ствѣ на сеймѣ для полученія булавы и также будутъ возвра-
щаться городами лѣвой стороны Днѣпра. По этому поводу Много-
грѣшный задержалъ у себя пословъ Ханенка и спрашивалъ у
царя разрѣшенія на то, можно-ли ему пропускать ихъ черезъ
малороссійскіе города, вотчину царскаго величества. Письмо Много-
грѣшнаго къ царю оканчивалось извѣстіемъ о возвращеніи его
родного брата Василя изъ Запорожья и о поступленіи его
на службу къ бѣлгородскому воеводѣ князю Григорію Ромо-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 268.

дановскому, къ которому гетманъ отправилъ часть своего войска для войны противъ «клятвопреступнаго вора» Стеньки Разина ¹⁾.

Въ слѣдъ за письмомъ къ царю гетманъ послалъ новое письмо къ Артемону Сергѣевичу Матвѣеву, въ которомъ, изъясняя боярину, что, «вслѣдствіе своей рабской готовности во всемъ остерегать пресвѣтлый престолъ царскаго величества, онъ сообщаетъ о проѣздѣ черезъ городъ Батуринъ королевскаго стольника Андрея Жалскаго да трехъ запорожскихъ посланцевъ Ивана Завиша, Стефана Бѣлаго да Василя Завалія съ данными имъ отъ короля знаменемъ, булавой и бунчукомъ для войска запорожскаго» ²⁾.

Вѣроятно, отъ этого же излишняго усердія «къ престолу царскаго величества» гетманъ Многогрѣшный сталъ запрещать свободный отходъ украинскихъ козаковъ на Запорожье, а также и козаковъ запорожскихъ, бывшихъ на Украинѣ и возвращавшихся въ Сичь, нѣкоторыхъ изъ нихъ приказывалъ даже хватать и въ тюрьму бросать. Михайло Ханенко, узнавъ о томъ, писалъ Многогрѣшному, что такого порядка отъ древнихъ лѣтъ на Украинѣ не бывало: прежде не только по одному или по два человекъ, но цѣлыми полками козаки изъ городовъ на Запорожье ходили и ни отъ кого въ томъ запрещенія не имѣли. Ханенко просилъ Многогрѣшнаго черезъ письмо, посланное запорожцемъ Иваномъ Шиломъ, прекратить такое распоряженіе, возвратитъ все добро запорожскимъ товарищамъ, попавшимъ было въ тюрьму въ Миргородѣ и ушедшимъ оттуда на Запорожье, а также выправитъ деньги отъ Петра Суховія, который, никому не сказавшись, хитростію ушелъ отъ запорожскихъ козаковъ и захватилъ съ собой изъ скарба 170 ефимковъ войсковыхъ ³⁾.

Такъ или иначе, но Михайло Ханенко достигъ своей цѣли и объявленъ былъ гетманомъ правобережной Украины въ противность гетману Дорошенку. Въ этомъ онъ обязанъ былъ всецѣло запорожскимъ козакамъ, такъ какъ, сидя въ Запорожьѣ и черезъ запорожскихъ комиссаровъ, онъ велъ всѣ свои переговоры съ польскимъ королемъ. Результаты переговоровъ запорожцевъ съ поляками были апробованы королемъ и подтверждены сеймовою комиссіей декабря 22 дня, 1670 года, и касались не только горо-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 290—293.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 326.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 282—284.

догово, но и низового или запорожскаго войска, «находящагося на Низу, въ Сичѣ».

«Послѣ прїѣзда пословъ урожденнаго Ханенка, гетмана нынѣшняго, отъ насъ (короля Михаила) подтвержденнаго, по его и войска запорожскаго низового челобитью и статей поданныхъ, всѣ ихъ желанія въ Острогѣ мы (король) приняли, удовольствовались, соединили, а всѣ чины Рѣчи-Посполитой на сеймѣ близко прошлымъ конституціею подтвердили, которые договоры не токмо низовымъ, но и городовымъ козакамъ и всѣмъ жителямъ будущимъ, имѣють быти, егда должную добродѣтель, вѣру, желательство и истинное подданство самымъ дѣломъ объявляти и намъ (королю) и Рѣчи-Посполитой додерживати будутъ, какъ въ конституціи, и въ универсалахъ нашихъ помянуто, черезъ пословъ войска запорожскаго низового посланныхъ, пространнѣе есть описаніе»¹⁾.

Все дѣло сдѣлано было въ городѣ Острогѣ сентября 2 дня, но подтверждено комиссіею декабря 22 дня. Въ комиссіи отъ запорожцевъ были: Семень Богаченко, Яковъ Ярошенко, Романъ Малюкъ, Иванъ Полтавецъ, Иванъ Завиша, Степанъ Бѣлый, Василій Алексѣенко съ товарищами, а также войсковою запорожскій писарь, Андрей Тарасенко, подписавшійся собственною рукою отъ имени всего низового его королевскаго величества запорожскаго войска. По универсалу король обѣщаль сохранять древнюю войсковую вольность запорожскихъ козаковъ и вѣру греческой церкви; въ замѣнъ чего требоваль отъ запорожцевъ прекратить всякіе въ Сичи и въ волостяхъ бунты собственными силами, не давать распространяться этому злу и всякаго, кто будетъ противиться такому постановленію, воевать и казнить, какъ непріятели. Самъ Ханенко признанъ гетманомъ на основаніи гадячскихъ (нѣсколько измененныхъ) статей и принесъ на томъ присягу королю и Рѣчи-Посполитой, въ замѣнъ чего получилъ булаву, бунчукъ, печать и камышину²⁾.

Въ острожскомъ договорѣ запорожцевъ съ поляками нигдѣ не видно главнѣйшаго запорожскаго дѣятеля XVII вѣка, Ивана Сирка. Повидимому, все дѣло было сдѣлано заступившимъ мѣсто Сирка Михайломъ Ханенкомъ и главными изъ вожаковъ самого товариства. Острожскій договоръ запорожскихъ козаковъ съ поль-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 350.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 350—357; Вельчко, II, 269—272.

скимъ королемъ не былъ измѣной низового войска русскому царю, такъ какъ, по установленному андрусовскому перемирію Россіи и Польши, Запорожье въ одинаковой мѣрѣ принадлежало какъ Россіи, такъ и Польшѣ. Московскій царь не могъ официально объявить запорожцевъ измѣнниками и имѣлъ право претендовать только на то, что условія острожской комиссіи между козаками и поляками были сдѣланы безъ его вѣдома и безъ присутствія московскихъ полномочныхъ представителей. Но сами запорожцы не считали себя измѣнниками русскому царю и могли въ этомъ случаѣ выставить на видъ то, что они дѣлали благое дѣло, одинаково полезное какъ для Польши, такъ и для Россіи,—взяли на себя задачу успокоить раздираемую смутами Украину и зацѣпить ее отъ злѣйшихъ его враговъ, татаръ и турокъ. Но въ Москвѣ иначе посмотрѣли на дѣло условій, заключенныхъ запорожцами съ польскимъ королемъ, и если не объявили запорожцевъ именованъ измѣнниковъ явно, то признали ихъ таковыми тайно.

О происшедшемъ между польскимъ королемъ и Михаиломъ Ханенкомъ съ запорожцами въ Москвѣ получена была вѣсть, января 27 дня, 1671 года, отъ архимандрита кіево-печерской лавры, Иннокентія Гизеля. Иннокентій Гизель сообщалъ, что Ханенко и запорожцы отдались подъ покровительство польскаго короля съ тѣмъ, чтобы служить одному королевскому величеству и отступить отъ его царскаго пресвѣтлаго величества ¹⁾.

Тѣмъ временемъ гетманъ Петро Дорошенко, узнавъ о договорѣ запорожцевъ съ польскимъ королемъ и имѣя двухъ противниковъ себѣ, одного, Многогрѣшнаго, въ Батуричѣ, а другого, Ханенка, въ Умани, написалъ запорожцамъ, на имя кошевого атамана Лукаша Мартыновича, обширное письмо, въ которомъ, оправдывая себя, говорилъ, что онъ принялъ турецкую протекцію не по легкомыслію своему, а по великой нуждѣ, а именно потому, что вся заднѣпровская Украина, по андрусовскому трактату, очутилась вновь въ рукахъ поляковъ, выторговавшихъ ее себѣ у московскаго царя, подобно тому, какъ торгуютъ безсловеснымъ и ничего несмыслящимъ скотомъ, ввергнувшихъ ее въ первобытное людское иго и выбравшихъ, на погибель Украины, къ двумъ гетманамъ еще и третьяго. Письмо это вызвало у запорожскихъ, козаковъ различныя ощущенія: одни, слушая его, плакали; другіе,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 346.

слушая его, поносили и даяли Дорошенка. Кошевой атаманъ Лукашъ Мартыновичъ хотѣлъ-было отвѣчать на него, но ему не позволила этого сдѣлать запорожская «халастра». Дорошенко же, долго ждавшій отвѣта отъ запорожцевъ и не дождавшись его, увидѣлъ въ этомъ пренебреженіе къ себѣ и снова сталъ питать ненависть къ запорожцамъ ¹⁾.

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 295—302.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Обращеніе польскаго короля къ московскому царю за помощію противъ Дорошенка и отказъ со стороны царя. — Борьба Ханенка, Сирка и польскаго короля съ гетманомъ Дорошенкомъ. — Покореніе запорожцами побугскихъ и подиѣстрианскихъ городовъ—Бершади, Лодыжина и другихъ. — Подвиги Сирка въ борьбѣ съ татарами и захватъ имъ въ плѣнъ ногайскаго мурзы Тенмамбета въ плѣнъ.—Паденіе гетмана Многогрѣшнаго.—Ссылка Ивана Сирка въ Сибирь. — Вторженіе турокъ въ Подолію. — Приготовленіе московскаго царя къ борьбѣ съ турками: усиленіе Сичи и крѣпости Кодака ратниками и возвращеніе изъ Сибири, по ходатайству польскаго короля и по просьбѣ запорожцевъ, Ивана Сирка. — Военные подвиги запорожскихъ козаковъ въ отсутствіе Сирка: походъ ихъ противъ Петра Дорошенка заодно съ Михайломъ Ханенкомъ и захватъ ими ѣхавшихъ въ Крымъ и Турцію посланцевъ Дорошенка. — Прибытіе Сирка въ Сичу и его походы противъ непріятелей. — Моровое повѣтріе въ Сичу.

Объявивъ Михайла Ханенка гетманомъ правобережной Украйны, польское правительство стало собираться къ борьбѣ съ Дорошенкомъ и обратилось по этому поводу за помощію къ московскому царю. Московскій царь, отправляя въ Польшу пословъ, передалъ черезъ нихъ отказъ въ просьбѣ королю и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свое неудовольствіе польскому правительству, вслѣдствіе отправки въ Запорожье посла Андрея Жалскаго съ войсковыми клейнотами и съ запорожцами Завишей, Бѣлымъ и Заваліемъ: царское величество того королевскаго посланнаго велѣлъ возвратити въ Польшу, а запорожскихъ посланцевъ отпустить на Запорожье, потому что королевское величество и Рѣчь-Посполитая поступили не по андрусовскому договору,—въ андрусовскомъ договорѣ сказано, что Запорожье съ тамошними островами и поселеніями должно состоять въ послушаніи обоихъ великихъ государей, а королевское величество, не обославшись съ царскимъ величествомъ, самолично отправилъ посла въ Запорожье ¹⁾).

Несмотря на отказъ со стороны московскаго царя въ вспоможеніи войскомъ противъ гетмана Дорошенка, положеніе послѣдняго все-таки оказалось незавиднымъ, и онъ, предупреждая

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 381, 382.

опасность, вновь заговорилъ о своемъ желаніи поддаться московскому государю и хлопоталъ о томъ, чтобы царь приказалъ гетману Демьяну Многогрѣшному не пропускать изъ Сичи къ польскому королю запорожскихъ пословъ и не давать имъ ни корма, ни питья. Дорошенко доказывалъ, что всѣ ссоры на Украинѣ происходятъ отъ запорожцевъ и всячески старался о томъ, чтобы царь ни въ чемъ не вѣрилъ имъ и написалъ бы свой указъ ко всему украинскому населенію не слушать запорожцевъ ни въ чемъ ¹⁾.

Но въ Москвѣ къ донесенію Дорошенка отнеслись такъ же отрицательно, какъ и къ просьбѣ польскаго короля, и Дорошенко принужденъ былъ бороться со своими противниками собственными средствами и средствами крымскаго хана, съ которымъ онъ вошелъ въ союзъ. Весной 1671 года Дорошенко отправилъ на Украину родного брата своего, Григорія Дорошенка, чѣмъ сталъ «причинять Украинѣ большую шкоду». Эта шкода была такъ велика, что противъ Григорія Дорошенка поднялись польскіе гетманы, коронный Янъ Собѣскій и польный князь Димитрій Вишневецкій. Видя, однако, «великую доuku» отъ татаръ, гетманы отправили на Запорожье пословъ, приглашая черезъ нихъ запорожское войско идти на помощь полякамъ противъ татаръ къ Лодыжину «и ознаймуячи о своемъ приходѣ на Побужье» ²⁾. Собѣскій и Вишневецкій стояли въ это время на Глиняномъ-полѣ, промежъ Бара, Григорій Дорошенко съ 6.000 бѣлгородскихъ татаръ—на границѣ, въ мѣстечкѣ Стѣнѣ, а самъ Петро Дорошенко расположился подъ Бѣлоу-Церковью съ одними козацкими полками, безъ татаръ, но въ ожиданіи къ себѣ крымскаго хана; къ хану онъ послалъ кальницкій полкъ для охраненія татарскихъ улусовъ отъ запорожцевъ. Сами запорожцы, съ Иваномъ Сиркомъ и съ Михайломъ Ханенкомъ, только что вернулись изъ похода подъ турецкіе города Асламъ-городъ и Джанъ-Кермень; послѣдній они взяли приступомъ, и стада, бывшія возлѣ него, захватили съ собой. Когда Сирко вернулся въ Сичу, то козаки приняли его съ большою благодарностью, приказали выдать ему изъ войскового скарба платье и просили, принявъ на себя званіе ватага, готовиться къ походу въ поле. Въ Сичи былъ и Михайло Ханенко. Козаки рѣшили

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 391—397.

²⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 110.

общую радость отправить за калмыками, такъ какъ они разорвали мирныя отношенія съ татарами. Какъ разъ въ это время и прибылъ къ запорожцамъ посолъ отъ поляковъ. Съ посломъ отправлено было нѣсколько человекъ пановъ, но ихъ схватила Дорошенкова сторожа и только одинъ изъ нихъ, съ листами, успѣлъ добѣжать въ Сичу ¹⁾).

Прочитавъ листъ, привезенный польскимъ посломъ, Сирко и Ханенко взяли съ собой 6.000 человекъ самыхъ отборныхъ козаковъ и съ ними двинулись на подмогу польскимъ гетманамъ ²⁾. Къ тому времени Петро Дорошенко оставилъ Бѣлую-Церковь и сошелъ въ Ставица ³⁾, гдѣ и ждалъ къ себѣ двигавшагося изъ Крыма хана съ татарами. Сирко и Ханенко, услышавъ о движеніи татаръ, залегли на переправахъ дороге хану, бились съ нимъ три дня и не мало татарскихъ головъ положили, а послѣ боя помирились съ ханомъ и сдѣлали съ нимъ договоръ идти вмѣстѣ войною на Дорошенка. Въ это же время бѣлогородская орда, бывшая вмѣстѣ съ Дорошенкою, но разбитая польскими гетманами подъ Брацлавомъ, оставила Украину и ушла въ свою землю. То же сдѣлалъ и калыницкій полкъ, который посланъ былъ Дорошенкою въ Крымъ для защиты отъ запорожцевъ: онъ очутился при Михайлѣ Ханенкѣ ⁴⁾. Послѣ этого къ Сирку и Ханенку прибылъ слуга князя Вишневецкаго, Ковалевскій, и Сирко съ Ханенкомъ двинулся въ Бершадь для соединенія съ польскими войсками, а изъ Бершади поднялся до Лодыжина ⁵⁾. Дорошенко пошелъ было въ слѣдъ за Сиркомъ и Ханенкомъ къ Бугу, и былъ уже въ 10 верстахъ отъ нихъ, но за большой водой не могъ переправить ни пѣхоты, ни конницы черезъ рѣку, сколько ни старался о томъ и, потерпѣвъ на извѣстныхъ бродахъ большой уронъ въ людяхъ, повернулъ назадъ въ Чигиринъ «съ оскудѣлымъ и въ запасахъ оголодѣлымъ войскомъ», гдѣ и ждалъ до 29 числа мѣсяца сентября Нуррединъ-салтана съ татарскимъ войскомъ и папу съ бѣлогородской ордой ⁶⁾. Между тѣмъ Сирко и Ханенко, счастливо ушедшіе отъ Дорошенка, прошли

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 415, 419, 448.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 415, 419, 448.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 454.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 445, 446.

⁵⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 448.

⁶⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 454, 451.

въ Лодыжинѣ. Къ приходу Сирка и Ханенка польскіе гетманы успѣли уже побить татаръ подѣ Брацлавомъ и занять его своими войсками. Сдѣлавши раду въ Лодыжинѣ, Сирко и Ханенко пошли подѣ Кальникъ, который не хотѣлъ сдаться польскимъ гетманамъ; у Кальника козаки и жолнѣры простояли двѣ недѣли, занятые добываніемъ его. Не взявъ Кальника, козаки и поляки отступили къ Брацлаву и отсюда въ началѣ октября мѣсяца разослали гарнизоны въ славшіеся польскому королю замки: Могилевъ (на Днѣстрѣ), Немировъ, Лодыжинъ, Стеню, Рашковъ и въ самый Брацлавъ; войскамъ всѣхъ замковъ польскіе гетманы отдали приказаніе повиноваться гетману Ханенку и придали ему въ помощники рейментаря Вѣжипцаго; самъ же Ханенко съ Сиркомъ, козаками и жолнѣрами расположился въ Лодыжинѣ, гдѣ козаковъ запорожскихъ кормили люди, а жолнѣры «читались съ гроша» ¹⁾. Октября 6 дня, польный гетманъ князь Димитрій Вишневецкій стоялъ уже съ польскими войсками подѣ Кальникомъ, откуда собирався перейти въ Бѣлую-Церковь, а коронный гетманъ Янъ Собѣскій—въ Лысянку; при нихъ же были Сирко и Ханенко ²⁾. Въ это же время Дорошенко, собравши возлѣ себя нѣсколько тысячъ татаръ, вышелъ изъ Чигирина и расположился въ Лысянкѣ; при немъ было три татарскихъ салтана да нѣсколько тысячъ (отъ 40 до 60) крымскихъ и бѣлгородскихъ татаръ ³⁾. Октября 20 дня Дорошенко отправилъ подѣ Кальникъ, противъ Ханенка, Сирка и Собѣскаго, подѣздъ изъ выборныхъ козаковъ и татаръ и тутъ между противниками произошелъ бой: коронный гетманъ побилъ на голову козаковъ и татаръ Дорошенка, многихъ изъ татаръ взялъ въ полонъ и отправилъ къ королю въ Краковъ. Съ польскими гетманами было очень много войска, и потому Дорошенку приходилось отъ него очень тѣсно: козаки Дорошенка постоянно перебѣгали отъ него къ Сирку и Ханенку, и Дорошенко готовился отступить въ Корсунь, для чего приказалъ укрѣплять его валами ⁴⁾. Послѣ этого боя запорожцы и поляки оставили Кальникъ и двинулись ближе къ Днѣпру. Октября 24 дня у запорожцевъ и поляковъ въ мѣстечкѣ Ильинцахъ, въ 50 верстахъ отъ Умая, была рада, въ присутствіи польскихъ гетмановъ, и на этой радѣ

¹⁾ Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, III, 112; Акты, IX, 573.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 573.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 572, 580, 582, 585.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 581.

Сирко и Ханенко съ запорожскими козаками присягнули быть въ вѣчномъ подданствѣ у польскаго короля и стоять заодно противъ общихъ непріятелей; въ замѣнъ того польскіе гетманы присягнули Сирку, Ханенку и всѣмъ запорожскимъ козакамъ не отнимать у нихъ стародавнихъ привиллегій и вольностей ¹⁾). Вѣроятно, въ это же время запорожцамъ опредѣлено было «его королевскою милостію» жалованье деньгами и сукнами, а Сирку и Ханенку присланы были золото и шелкъ на одежду ²⁾).

Послѣ рады подъ Ильинцами коронный гетманъ пошелъ подъ Бѣлую-Церковь, польный гетманъ съ Ханенкомъ двинулся къ Ставищамъ, а Сирко пошелъ вмѣстѣ съ поляками и запорожцами, конными и пѣшими, на татаръ, и въ 15 верстахъ отъ Ильинцевъ побилъ ихъ около 2.000 человекъ, а послѣ боя съ татарами спустился въ Рашковъ и оттуда, съ пятью-стами человекъ, пошелъ въ подѣздъ въ Бѣлгородчину. Гетманъ Дорошенко въ свою очередь послалъ подѣздъ изъ татаръ и козаковъ подъ городъ Немировъ, гдѣ находилась королевская казна съ деньгами и сукнами, которая была везена изъ Польши на жалованье козакамъ Михаила Ханенка ³⁾). Подѣздъ осадилъ городъ Немировъ, но чѣмъ кончилась эта осада, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ едва ли чѣмъ-либо рѣшительнымъ, такъ какъ за Немировымъ, въ Пятигорахъ, стояли польскіе гетманы съ войскомъ. Послѣдніе, постоявъ въ Пятигорахъ, спустились къ Днѣстру, и тутъ одинъ изъ нихъ сталъ въ Рашковѣ, другой въ Могилевѣ, а Ханенка поставили въ Лодыжинѣ. При нихъ было очень много войска—козаковъ, поляковъ, наемныхъ нѣмцевъ; они заняли всѣ города отъ Днѣстра до Буга, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подѣлали замки, и расположились въ нихъ на зимнюю стоянку ⁴⁾). Ханенко имѣлъ у себя два полка или 2.000 козаковъ да 1.000 поляковъ; изъ Лодыжина онъ посылалъ на лѣвую сторону Буга, подъ Зиньковцы, гдѣ стояло 30.000 человекъ бѣлгородской и крымской орды и янычаръ, войскового асаула Ивана Шила съ семью-стами человекъ запорожской пѣхоты. Запорожцы, перешедъ Бугъ, нашли въ Подворкахъ 500 человекъ татаръ, и побили ихъ, но въ это

1) Акты южной и западной Россіи, IX, 575, 576.

2) Акты южной и западной Россіи, IX, 548, 585.

3) Акты южной и западной Россіи, IX, 585.

4) Акты южной и западной Россіи, IX, 587, 590.

время на запорожцевъ настигла орда и въ свою очередь разгромила ихъ. Съ Ханенкомъ былъ въ Лодыжинѣ и Сирко, который, впрочемъ, скоро оставилъ Лодыжинъ и спустился въ Чечельникъ. Ноября 7 дня Ханенко принялъ посланные ему отъ польскаго короля клеймоты, бунчукъ и булаву, въ мѣстечкѣ Млинкахъ, въ двухъ миляхъ отъ Кальника ¹⁾. Изъ своихъ стоянокъ Ханенко и Сирко собирались идти въ Крымъ противъ татаръ, чтобы не пропустить ихъ на помощь Дорошенку. Послѣдній по прежнему стоялъ въ Лысянкѣ и взывалъ о помощи къ крымскому хану, но ханъ пока отказывалъ въ помощи своему союзнику, такъ какъ боялся прихода на свои города и улусы Ханенка и Сирка ²⁾. Сирко и Ханенко дѣйствительно, снявшись со своихъ мѣстъ, ударились въ Бѣлогородчину и въ Волошскую землю; тутъ они разгромили три села, изъ коихъ одно называлось Чабурчѣ, и взяли статку 4.000 рублей, но когда повернули назадъ, то на нихъ напалъ салтанъ Нуррединъ съ ордой, янычарами и съ пушками, вышедши въ числѣ 10.000 изъ Очакова. Настигнувъ ихъ въ урочищахъ за Куяльникомъ ³⁾, въ степи, ханъ сталъ по нимъ стрѣлять изъ пушекъ, но пушки эти разорвались, и никакого ущерба запорожцамъ не причинили. Когда же Ханенко и Сирко пришли къ рѣкѣ Бугу, то здѣсь ихъ встрѣтилъ королевскій посолъ съ обѣщаніемъ, что если запорожцы пойдутъ къ польскимъ украиннымъ городамъ, то получатъ отъ короля плату. Сирко и Ханенко, повѣривъ этому, пошли къ польскимъ городамъ, и въ концѣ ноября были уже въ Лодыжинѣ ⁴⁾. Между тѣмъ самъ Нуррединъ-салтанъ поспѣшилъ къ Дорошенку. Прибывъ къ Дорошенку, онъ потребовалъ къ себѣ Магометъ-пашу съ бѣлогородской ордой и съ отрядомъ турецкаго войска въ 2.500 человекъ, стоявшимъ у Каменца-Подольскаго для обереженія отъ поляковъ. Турки и бѣлогородскіе татары, въ числѣ коихъ былъ мурза Тенмамбетъ, пошли на помощь къ Нурредину и встрѣтились съ нимъ близко Уманя ⁵⁾.

Такимъ образомъ Дорошенку, усилившись татарами и турками,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 646, 647.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 587, 590.

³⁾ Рѣчекъ съ названіемъ Куяльникъ три: Верхній, Средній и Нижній; первая двѣ въ анавьевскомъ, послѣдняя въ тираспольскомъ уѣздѣ херсонской губерніи.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 647.

⁵⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 895.

ноября 24 дня, двинулся из Лысянки противъ своихъ враговъ. Дорошенка зазывали къ себѣ сами лодыженцы, обѣщая ему выдать Ханенка съ запорожскими козаками. Услышавъ объ этомъ, польскіе гетманы отправили пословъ къ Дорошенку въ Лысянку съ предложеніемъ помириться, не пустошить земли и быть попрежнему при своихъ вольностяхъ въ подданствѣ у польскаго короля; но Дорошенко и бѣлогородскій паша отказали въ томъ гетманамъ, объявивъ, что они помиряются съ козаками подо Львовомъ, а не въ черкасскихъ городахъ. Гетманъ Дорошенко рассчитывалъ, справясь съ поляками, идти на города лѣвой стороны Днѣпра ¹⁾. Выйдя изъ Лысянки съ пашой и Нуррединомъ, съ козацкими и татарскими войсками, онъ приблизился къ Лодыжину, но здѣсь, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ запорожцевъ и поляковъ всѣми силами, началъ посылать подбѣги. Такое дѣйствіе Дорошенка объяснялось тѣмъ, что онъ не имѣлъ у себя пушекъ, которыми могъ бы обстрѣливать со всѣхъ сторонъ Лодыжинъ. Запорожцы и поляки противъ Дорошенкова войска дѣлали удачныя вылазки, нанося многимъ татарамъ смертельныя раны. Не причинивъ никакого вреда Лодыжину, Дорошенко отошелъ отъ него и взялъ какой-то черкасскій ²⁾ надъ Бугомъ городокъ, побивъ въ немъ много людей и побравъ животину его, но къ самой крѣпости этого городка также не приступалъ. Послѣ этого похода Дорошенко съ козаками и татарами повернулъ назадъ, къ Днѣпру. Тутъ Нуррединъ сталъ въ Корсунѣ, бѣлогородцы и съ ними Тенмамбетъ-мурза — близъ Кіева и Кавева, турецкій паша вернулся въ Бѣлогородъ, а самъ Дорошенко расположился въ Чигиринѣ. Нуррединъ-салтанъ, пробывъ съ Дорошенкомъ четыре мѣсяца, и, отпраздновавъ свой байрамъ, снялся со своимъ войскомъ и пошелъ изъ Корсуна въ Хорошевъ ³⁾.

Въ Москвѣ, по всей видимости, не были довольны дѣйствіями запорожцевъ за союзъ ихъ съ поляками; больше всего, конечно, не могло понравиться царю извѣстіе о присягѣ низового войска на вѣрность польскому королю, и этимъ можно объяснить отправку царской грамоты, декабря 19 дня, гетману Демьяну Многогрішному о непроездѣ торговыхъ людей съ хлѣбными запасами на

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 612.

²⁾ Въ актахъ онъ не названъ по имени.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 624, 895, 894.

Запорожье. Въ этой грамотѣ писалось, что къ царю дошло подлинное извѣстіе о тайномъ проходѣ людей изъ новыхъ слободъ бѣлгородскаго полка и изъ городовъ близъ Тора и изъ самого Тора съ хлѣбными запасами въ Запорожье и въ Сичу, а также о переправахъ изъ городовъ полтавскаго полка украинскихъ козаковъ черезъ рѣки Орель и Самару близъ устья ихъ; не желая, чтобы это повторялось на будущее время, царь послалъ о томъ грамоту бѣлгородскому воеводѣ Григорію Григорьевичу Ромодановскому съ строгимъ наказомъ отиудь никого не пропускать въ Запорожье съ хлѣбными запасами и ни съ чѣмъ другимъ и въ слѣдъ за посланной грамотой къ князю послалъ о томъ же грамоту и гетману ¹⁾.

Прочное положеніе Дорошенка, заручившагося содѣйствіемъ татаръ, и неопредѣленное положеніе польскихъ гетмановъ, въ виду приближавшагося сейма въ Варшавѣ, заставили поляковъ снова войти въ мирные переговоры съ Дорошенкомъ: послѣ праздника Рождества Христова къ Дорошенку отправлены были королевскіе послы «для того, чтобъ Дорошенко былъ въ соединеніи съ королевскимъ величествомъ». Но Дорошенко этимъ посламъ отвѣчалъ, что онъ можетъ помириться съ поляками только тогда, когда они выдадутъ ему Сирка и Ханенка, а не выдадутъ ему Сирка и Ханенка, то онъ съ ними мириться не станетъ и весной будетъ воевать поляковъ съ турками и съ ордами.

А Ханенко въ это время стоялъ въ Лодыжинѣ, имѣя при себѣ 6.000 запорожцевъ, Сирко же пошелъ въ Чечельникъ съ 500 запорожцевъ; оба держались стороны польскаго короля и оба собирались идти на Лысянку и Чигиринъ ²⁾.

Впрочемъ, сами запорожцы уже недовольны были польскимъ правительствомъ, котореѣ обѣщало имъ жалованье, если только они придутъ въ украинные польскіе города, «я хотя запорожцы пришли въ города королевскаго величества, но все-таки платы имъ отъ короля ничего не дано, и какъ будетъ весна, то они отъ Сирка и Ханенка всѣ думаютъ разойтись по городамъ» ³⁾. Извѣрившись въ польское правительство, запорожцы вновь хотѣли стать «подъ высокодержавную и непобѣдимую руку царскаго

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 613—615.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 640, 641, 628, 830.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 647.

пресвѣтлаго величества въ вѣчномъ подданствѣ» и о томъ порѣшили просить ходатайства у гетмана Демьяна Многогрѣшнаго черезъ своихъ пословъ: «И только великому государю, его царскому величеству, запорожцы будутъ годны, то онъ, гетманъ, будетъ призывать, чтобъ они были подъ рукою царскаго величества въ вѣчномъ подданствѣ»¹⁾. Такъ доносилъ въ Москву стрѣлецкій полуголова Александръ Танѣевъ, бывшій у гетмана Многогрѣшнаго февраля 7 дня 1672 года по дѣламъ великаго государя и съ милостивымъ словомъ къ гетману. Очевидно, желая расположить къ себѣ Многогрѣшнаго, запорожскіе послы тутъ же сообщили ему о томъ, что къ Дорошенку уже посылаетъ пословъ съ разными подарками литовскій гетманъ Казиміръ Паць и склоняетъ его къ миру съ поляками, но Дорошенко отказываетъ Пацу и думаетъ идти на города Украйны лѣвой стороны Днѣпра²⁾.

Но Дорошенко на города лѣвой стороны Днѣпра не пошелъ, такъ какъ въ это время онъ лишился главныхъ своихъ союзниковъ, Нуррединъ-салтана и Тенмамбетъ-мурзы. Нуррединъ и Тенмамбетъ, выйдя изъ своихъ зимнихъ стоянокъ, пошли подъ городъ Хорошевъ, а изъ-подъ Хорошева Нуррединъ-салтанъ направился въ Крымъ; а Тенмамбетъ—въ Бѣлогородъ на Днѣпрѣ. Послѣдній, разлучившись съ Нуррединъ-салтаномъ, пройдя нѣкоторое разстояніе, вслѣдствіе того, что у него пристали лошади, долженъ былъ остановиться на рѣкѣ Куяльникѣ, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, близко бѣлогородскаго рубежа. Когда же Тенмамбетъ сталъ кормить лошадей, то тутъ на него наскочилъ Сирко съ запорожцами и, перебивъ нѣсколько человекъ татаръ, трехъ взялъ живыми въ плѣнъ и съ ними самого Тенмамбетъ-мурзу³⁾.

Отходъ Нуррединъ-салтана и плѣненіе Тенмамбетъ-мурзы ничего хорошаго не обѣщали гетману Дорошенку, и потому онъ на время смолкъ, выжидая благоприятныхъ обстоятельствъ.

Въ это время на лѣвой сторонѣ Днѣпра произошло чрезвычайно важное и совсѣмъ неожиданное обстоятельство, а именно лишеніе гетманства (марта 13 дня, 1672 года) и потомъ ссылка въ Сибирь Демьяна Многогрѣшнаго со всей его семьей и съ нѣко-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 639.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 633.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 894, 895.

торыми изъ его «соучастниковъ», въ числѣ коихъ былъ и войсковой генеральный асаулъ, Павелъ Грибовичъ. Противъ Многогрѣшнаго выставлено было 38 обвинительныхъ пунктовъ, изъ коихъ первый состоялъ въ слѣдующемъ: «Безпрестанно онъ списывался и братство и дружбу имѣлъ великую съ Петромъ Дорошенкомъ, и хотѣлъ онъ же поддаться турецкому салтану». Послѣдній пунктъ касался и запорожскихъ козаковъ: «Посланному гетмана Многогрѣшнаго приказано было говорить отъ Петра Дорошенка о запорожцахъ особо: когда мы (гетманы) съ ляхами имѣемъ воинскую забаву, чтобъ онъ (Многогрѣшный) не допускалъ имъ съ Низу въ города выходить, и какъ на сей, такъ и на той сторонѣ Днѣпра возмущенія чинить» ¹⁾. При арестованіи Демьяна Многогрѣшнаго арестовали и его брата Василя; послѣдній успѣлъ было бѣжать въ Кіевъ, гдѣ ректоръ братскаго монастыря предлагалъ ему уйти въ Запорожье и скрыться тамъ, но Василій Многогрѣшный отъ этого отказался, говоря, что когда онъ былъ въ Запорожьѣ, то тамъ ссорился съ козаками ²⁾.

Послѣ отправки гетмана Многогрѣшнаго въ Москву управленіе Украиною вѣрено было тремъ старшинамъ: Петру Забѣлѣ, Ивану Самойловичу и Ивану Домонтовичу. Марта 31 дня эти старшины отправили въ Москву семь просительныхъ статей, и послѣдняя изъ нихъ касалась Запорожья: просить царское величество учинить указъ о томъ, пускать-ли или не пускать людей съ запасами на Запорожье. На эту статью послѣдовалъ отвѣтъ: на Запорожье людей и запасовъ не пропускать, какъ о томъ и раньше приказано было бывшему гетману Демьяну Многогрѣшному, для того, чтобы вмѣстѣ съ людьми, побывавшими въ Запорожьѣ, не проходила на Украину никакая смута ³⁾.

Паденіе и ссылка въ Сибирь гетмана Демьяна Многогрѣшнаго имѣли особенное значеніе для запорожскаго вождя, Ивана Сирка. Само по себѣ это обстоятельство обыкновенное: гетманы постоянно смѣнялись на Украинѣ и многіе изъ нихъ вмѣстѣ съ лишеніемъ гетманскаго достоинства лишались и жизни. Но для Сирка вѣсть о паденіи Многогрѣшнаго особенно запаала въ душу: видя, какія ничтожества брали въ свои руки гетманскую булаву, Сирко рѣшилъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 751, 759.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 797, 798.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 834, 835.

добиться гетманства на Украйнѣ для себя лично. Вѣсть объ этомъ скоро дошла въ Москву и тамъ, зная военныя способности Сирка, его вліяніе на запорожцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ его ненадежный нравъ и стремленіе къ полной независимости, рѣшили всеми мѣрами не допустить его до гетманства. Въ томъ помогли Москкѣ и зложелатели Сирка, правобережный гетманъ Петро Дороненко и новый, замѣнившій Многогрѣшнаго, лѣвобережный гетманъ Иванъ Самойловичъ и ихъ неразборчивые въ средствахъ сторонники, изъ коихъ главный полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко. Противники Сирка знали по опыту, чего можно было ожидать отъ него, когда онъ возьметъ въ свои руки гетманскую булаву, и потому рѣшились на самыя крайнія мѣры, чтобы избавиться отъ опаснаго имъ человѣка. Обстоятельства имъ благопріятствовали. Разгромивъ бѣлгородскую орду и захвативъ съ собою мурзу Тенмамбета, Сирко перешелъ на лѣвую сторону Днѣпра и снесся съ бояриномъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, прося черезъ него государскій милости. Получивъ на «карткѣ государскую милость», Сирко повѣрилъ Ромодановскому и изъ мѣстечка Новаго-Санжара, полтавскаго повѣта, направился вмѣстѣ съ зятемъ своимъ, Иваномъ Сербинымъ, въ городъ Курскъ къ боярину Григорію Ромодановскому, чтобы сдать ему плѣннаго мурзу. Личный врагъ его, полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко, воспользовавшись тѣмъ, что Сирко ѣхалъ частнымъ человѣкомъ, безъ запорожскаго войска, внезапно напалъ на него, схватилъ, оковалъ желѣзами и отвезъ въ Батурино, а мурзу Тенмамбета отправилъ въ Полтаву и засадилъ въ тюрьму. Это произошло 19 апрѣля 1672 года, а 22 апрѣля того же года Иванъ Самойловичъ, Петра Забѣла и Иванъ Домонтовичъ извѣщали царя о поимкѣ Сирка, выставляя тотъ мотивъ, что онъ, разлучившись съ Ханенкомъ, гетманомъ польской стороны, переправился по лѣвую сторону Днѣпра не для чего иного, какъ «для всліянія между народомъ бунта, а также и для того, чтобы склонить полтавскій и гадячскій полки на сторону Ханенка»; въ заключеніе челобитчики просили царя, чтобы онъ указалъ имъ, какъ поступить съ пойманнымъ Сиркомъ. На этотъ листъ царь Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ грамотою на имя Григорія Ромодановскаго о томъ, чтобы онъ немедленно прислалъ Сирка въ Москву, такъ какъ стало извѣстно, «что генеральная старшина и все войско запорожское и чернь того Ивана Сѣрка хотять обратъ гетманомъ». Царское приказаніе было испол-

нено въ точности: Сирко былъ доставленъ въ Москву, а изъ Москвы отправленъ въ Сибирь, въ городъ Тобольскъ. Бѣжавшій изъ Тобольска генеральный асаулъ малороссійскаго войска Павелъ Грибовичъ, сосланный вмѣстѣ съ Демьяномъ Многогрѣшнымъ въ Сибирь, рассказывалъ, что Сирко думалъ о побѣгѣ изъ Сибири, но только этого не случилось ¹⁾. Не случилось же этого потому, что о Сиркѣ давно уже хлопотали, чтобы вернуть его изъ Сибири. Дѣло въ томъ, что въ это время противъ Россіи и Польши поднялись страшные враги,—турецкій султанъ Мухаммадъ IV, а заодно съ нимъ крымскій ханъ Селимъ-Герай и заднѣпровскій гетманъ Дорошенко, однаково страшные какъ для Россіи, такъ и для Польши.

Весной 1672 года турки, въ числѣ 300.000 человекъ, переплы Дунай, вторглись въ Подолю и ринулись на польскій городъ Каменецъ. Въ короткое время городъ былъ взятъ, православныя и католическія церкви его были обращены въ мечети, знатныя женщины забраны въ гаремы, многіе христіанскіе мальчики обрѣзаны и обращены въ мусульманскую вѣру; одинъ обрѣзанный былъ даже въ соборной церкви, въ присутствіи самого султана. Взявъ Каменецъ, турки распространили слухъ, что скоро двинутся на Кіевъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, напуганный этою вѣстью, распорядился послать въ Кіевъ воеводой князя Юрія Петровича Трубецкаго и обѣщалъ, въ случаѣ прихода султана, лично идти защищать Кіевъ. Гроза, однако, на время прекратилась: разоривъ Каменецъ, султанъ пошелъ на зимовку за Дунай, ханъ—въ Крымъ, а Дорошенко—въ Чигиринъ. Но это было лишь временное прекращеніе наступательныхъ дѣйствій со стороны турокъ на Украину. Чувствуя бѣду и зная по опыту, какъ трудно бороться съ турками, Россія и Польша рѣшили въ тяжелую годину подать одна другой руку помощи, чтобы противостать грознымъ врагамъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ дѣлѣ безъ запорожцевъ обойтись ни въ какомъ случаѣ было нельзя. Вспомнивъ о запорожцахъ, вспомнили и о Сиркѣ.

И вотъ въ 1672 году, 5 іюля, прибылъ въ Москву польскій посолъ Христофоръ Ковалевскій; между разными другими вопросами онъ поставилъ и вопросъ о возвращеніи Сирка изъ Сибири «на общую услугу» московскаго царя и польскаго короля: «Тотъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, IX, 850, 851, 892; XI, 361, 336.

Сирко, служа обоимъ великимъ государямъ, непрестанно надъ общимъ непріателемъ, надъ крымскимъ ханомъ, промыслъ чинилъ и взялъ было мурзу, за котораго ему давали выкупа 50 челоуѣкъ ясиря да 3.000 ефимковъ; но по наученью измѣнника Дорошенка того Сирка въ черкасскихъ городахъ ограбили и мурзу отняли; кромѣ того, взяли у него 400 золотыхъ да 7 лошадей и послали его къ царскому величеству, назвавъ его безвинно бунтовщикомъ. А теперь Дорошенко писалъ бѣлгородской ордѣ и татарамъ (крымскимъ), чтобы они шли къ нему безопасно, потому что онъ того Сирка извелъ и помѣшки-де уже отъ него имъ не будетъ». Посолъ настоятельно просилъ царя отпустить Сирка съ нимъ немедленно и немедленно же отправить его подъ Бѣлюю-Церковь для отпора непріателей» ¹⁾).

Хлопотали о возвращеніи Сирка и сами запорожцы: они писали письмо къ гетману Ивану Самойловичу, въ которомъ «всѣ смиренно и покорственно просили его, какъ благодѣтеля своего, донести прошеніе къ его царскому пресвѣтлому величеству, чтобы Сирко, по его челобитью, отпущенъ былъ къ козакамъ для лучшаго промыслу надъ непріателемъ» ²⁾).

Въ слѣдъ за письмомъ Самойловичу запорожцы послали письмо боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву: «Благодѣтелю нашему многомилостивому, объ отчинѣ нашей Малороссіи и объ насъ, войскѣ запорожскомъ, многочестному ходателю и всякихъ щедротъ давцу нижайшее наше поклоненіе посылаемъ и смиренно молимъ: умиласердись яко отецъ надъ чады, чтобы милостивымъ твоимъ ходатайствомъ калмыки и чайки и хлѣбные запасы присланы были къ намъ и полевой нашъ вождь добрый и правитель, бусурманамъ страшный воинъ, Иванъ Сѣрко къ намъ былъ отпущенъ для того, что у насъ второго такого полевого воина и бусурманамъ гонителя нѣтъ; бусурманы, слыша, что въ войскѣ запорожскомъ Ивана Сирка, страшнаго Крыму промышленника и счастливаго побѣдителя, который ихъ всегда поражалъ и побивалъ и христіанъ изъ неволи освобождалъ, нѣтъ, радуются и надъ нами промышляютъ» ³⁾).

Но пока просьбы объ Иванѣ Сиркѣ успѣли дойти въ Москву,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 10—12.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 15, 113.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1672, № 27, св. 38.

въ это время отъ запорожцевъ, въ виду грозившей отъ турокъ войны Россіи и Польшѣ, затребовано было свѣдѣніе о состояніи ихъ крѣпостей, главнымъ образомъ Сичи и Кодака. На запросъ по этому поводу «кошевые посланцы», Евсеѣй Шашоль и товарищи, дали такой отвѣтъ въ приказѣ малороссійскихъ дѣлъ.

Городъ Сича съ ея землянымъ валомъ стоитъ въ устьяхъ Чортомлыка и Прогноя надъ рѣчкою Скарбною; въ вышину валъ ея 6 сажень; съ поля, отъ Сумской стороны и отъ Базавлука, на валу устроены пали и бойницы; съ другой стороны, отъ устья Чортомлыка и отъ рѣчки Скарбной до вала, сдѣланы деревянные, насыпанные землей, коши. Въ томъ городѣ башня, съ поля мѣрою кругомъ 20 сажень, да въ той башнѣ построены бойницы, а передъ тою башнею, за ровомъ, сдѣланъ земляной городокъ, мѣрою кругомъ 100 сажень, съ окнами для пушечной стрѣльбы. Для хода по воду на Чортомлыкъ и на Скарбную сдѣлано восемь фортокъ (пролазовъ) и надъ тѣми фортками устроены бойницы; шириною тѣ фортки—только одному человѣку съ водою пройти. Мѣрою же тотъ городъ Сича, съ поля отъ рѣчки Прогноя до рѣчки Чортомлыка, около ста сажень. Около того города обрѣзанъ ровъ вышиной въ 5 сажень; съ правой стороны города рѣчка Прогной, а съ лѣвой стороны рѣчка Чортомлыкъ, и впадаютъ тѣ рѣчки въ рѣку Скарбную, текущую позади города, подлѣ самаго рва. Мѣрою же весь городъ Сича кругомъ около 900 сажень. Строилъ тотъ городъ Сичу кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ. Въ Сичѣ имѣется пушечнаго наряда: одна пушка мѣдная ломовая и къ ней 100 ядръ, вѣсомъ по восемь гривенокъ ядро; 11 пушекъ полевыхъ и къ нимъ по 100 ядръ, вѣсомъ по четыре, по три и по двѣ гривенки ядро; 2 мѣдныхъ и 3 желѣзныхъ затинныхъ пицалей и къ нимъ по 200 ядеръ свинцовыхъ, вѣсомъ по гривенкѣ и по полугривенкѣ ядро; къ тѣмъ пушкамъ всѣмъ, кромѣ того, дѣлаютъ желѣзныя и свинцовыя ядра. А кузнецовъ въ Сичѣ постоянно живетъ, для войсковыхъ дѣлъ, около ста человѣкъ. Пороху, пушечнаго и ручного, всего съ присланнымъ вмѣстѣ, 350 пудовъ, свинцу 300, фитилю около 30 пудовъ. Хлѣбныхъ запасовъ въ Сичѣ много, и осажденнымъ въ ней людямъ можетъ стать его на семь и на десять лѣтъ. Хлѣбные запасы везутся въ Сичу съ лѣвой стороны Днѣпра черезъ Полтаву и Переволочну. Отъ Полтавы до Переволочны 12 миль, отъ Переволочны водою до Колака 20 миль, отъ Колака

до самой Сичи 24 мили; сухимъ же путемъ, степью, если везти возами, отъ Переволочной до Сичи, 5 дней хода. А непріятельскаго прихода къ городу Сичѣ можно ожидать въ лѣтнее время только съ поля, отъ рѣки Базавлука, съ крымской стороны, а съ трехъ сторонъ, вслѣдствіе рѣкъ, промысла надъ ней никакого чинить нельзя. Въ зимнее время запорожцы на тѣхъ рѣкахъ безпрестанно оказываютъ ледъ и потому въ осадное время Сичу можно защищать нѣсти тысячамъ человекъ; если же прибавить больше людей и дать больше пушекъ, то и непріятелю будетъ страшнѣй. Только черезчуръ большого числа татаръ и турокъ нельзя не допустить до Сичи съ той стороны, съ которой къ ней прилегла степь, потому что въ степи ихъ удержать нельзя.

Городъ Кодакъ съ его землянымъ валомъ стоитъ надъ первымъ порогомъ Кодакомъ по той сторонѣ Днѣпра, гдѣ стоитъ и Кіевъ; строили его, по указу польскаго короля Владислава, вѣмцы лѣтъ 40 или больше того назадъ ¹⁾; бойницы его сдѣланы изъ земли; входъ въ него только съ одной стороны межъ рѣкъ; пали и обломовъ въ немъ нѣтъ; отъ порога кругомъ его вырытъ ровъ обрѣзной и во рву чеснокъ дубовый набить. Мѣрою тотъ городъ Кодакъ кругомъ 900 сажень. Въ немъ имѣются двѣ желѣзныя городовыя пушки да двѣ затинныя пищаля, а сколько къ тѣмъ пищалямъ ядеръ, зелья, фитиля и запасовъ—неизвѣстно, во всякомъ случаѣ скудно. Людей же и хлѣба тамъ только и имѣется, что прислалъ гетманъ Иванъ Самойловичъ, по указу государя. Изъ Кодака, въ виду непріятельскаго прихода, постоянно пишутъ въ Сичу о присылкѣ пушекъ и хлѣба, а изъ Сичи старшина посылаетъ въ Кодакъ по рассмотрѣнію. Городъ Кодакъ построенъ для вольнаго пути и для провоза запасовъ изъ городовъ лѣвой стороны Днѣпра въ Сичу водянымъ путемъ, и если, по указу великаго государя, въ Кодакѣ посадить 1.000 человекъ ратныхъ людей съ пушками и запасами, то изъ того города будетъ великая помощь Сичѣ и всему низовому войску, непріятелю же чрезъ то будетъ страшно, и онъ не посмѣетъ учинить никакой порухи надъ Кодакомъ. На эту сторону Днѣпра, мимо Кодака, турецкія и крымскія войска не ходятъ, а ходятъ изъ Крыма татары по Муравскому

¹⁾ Какъ извѣстно, Кодакъ сооружался французомъ де-Бопланомъ, но для русскаго человека того времени что французъ, что нѣмецъ было одно и то же.

шляху, не переходя Днѣпра, на украинскіе города. Когда Сича и Кодакъ, по указу великаго государя, будутъ наполнены людьми, то запорожцы поставятъ еще сторожи на урочищѣ Кучкасъ (Кичкасъ), и тогда татарамъ никакого прохода не будетъ.

Кромѣ всего этого, для полной безопасности, нужно, чтобы государь пожаловалъ низового атамана и все низовое посольство и велѣлъ бы отпустить на Сичь Ивана Сирка, а на Кодакъ прислать пушекъ, запасовъ и ратныхъ людей, и позволилъ бы городовымъ козакамъ на Запорожьѣ идти. Черезъ все это въ осажденное время будетъ крѣпко и безбоязненно и въ Запорожьѣ никакой порухи не будетъ. А весной изволилъ бы великій государь прислать въ Запорожьѣ чаекъ и калмыковъ въ помощь козакамъ; тогда козаки, соединившись съ допцами, чинили бы промыслъ, сухимъ и водянымъ путемъ, надъ Крымомъ и вѣстали бы сторожи на всѣхъ шляхахъ и перевозахъ противъ татаръ ¹⁾.

Еще раньше того времени, когда «кошевые» послы представляли эти свѣдѣнія о боевыхъ и крѣпостныхъ средствахъ запорожцевъ, въ это самое время бывший сподвижникъ Ивана Сирка, гетманъ «его королевской милости» Михайло Ханенко, выйдя изъ Запорожья и добравшись до города Лодыжина, отправлялъ посланцевъ къ кievскому воеводѣ, князю Григорію Козловскому съ просьбой, чтобы князь написалъ отъ себя письмо къ Ивану Сиркѣ, князю Григорію Ромодановскому и гетману Ивану Самойловичу и исходатайствовалъ бы «у ихъ милостей высокою повагою своею, ради вѣры святой православной, поскорѣе выслать къ городу Чигирину московскія и козацкія войска», потому что самъ король спѣшилъ со своими войсками подъ Каменецъ-Подольскій ²⁾. Не устоявъ въ Лодыжинѣ, Ханенко съ запорожцами оутился потомъ съ королевемъ въ Люблинѣ, а когда король изъ Люблина отправился въ Варшаву, то онъ изъ козаковъ Ханенка взялъ съ собой 50 человекъ, въ числѣ коихъ были Демьянъ Хохленко и Кирилло Тойчасенко. Изъ Варшавы всѣ 50 человекъ запорожцевъ отпущены были къ Ханенку въ Замостье; изъ Замостья Ханенко отправилъ ихъ съ листами въ Запорожьѣ, но на дорогѣ, близъ Кіева, ихъ взяли поляки полковника Пива, лошадей и платье ихъ ограбили, самихъ, истязавъ, хотѣли предать смерти и связали; но козаки,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 12—15.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 16.

подпоивъ стражу, успѣли уйти въ городъ лѣвой стороны Днѣпра¹⁾.

Одновременно съ тѣмъ, когда гетманъ Михайло Ханенко писалъ изъ Лодыжина кievскому воеводѣ, писали царю въ Москву и запорожцы. Черезъ своихъ посланцевъ, Андрея Сахненка съ товарищами, они извѣщали, отъ имени кошевого атамана Евсевія Шашола, іюля 24 дня, что, согласно андрусовскому перемирію, готовы служить обоимъ государямъ, царю московскому и королю польскому, и стоять противъ враговъ-бусурманъ, но только просили для этого денегъ на сооруженіе чаекъ, свинцу, пороху, пушекъ, хлѣбныхъ запасовъ и особаго указа отъ царскаго величества къ донскимъ козакамъ, калмыцкимъ тайшамъ, къ ногайскимъ и черкасскимъ (черкесскимъ) мурзамъ; соединившись съ калмыками, запорожцы обѣщали чинить промыслъ надъ Крымомъ сухимъ путемъ немедленно, а, по сооруженіи лодокъ, обѣщали промышлять воднымъ путемъ съ наступленіемъ весны. Сами калмыки, услышавъ о томъ, что въ Крыму, послѣ отхода хана съ ордами, остались только старыя, малыя да увѣчныя, отправили своихъ посланцевъ къ запорожскимъ козакамъ и черезъ посланцевъ приглашали ихъ сообща идти войной на Крымъ, куда обѣщали придти и ногайцы, бывшіе во враждѣ съ крымцами. Въ слѣдъ за калмыцкими посланцами явились въ Сичь и донскіе казаки съ тѣмъ же предложеніемъ запорожцамъ²⁾.

Царь на просьбу запорожцевъ отвѣчалъ тѣмъ, что приказалъ донцамъ, тайшамъ и улуснымъ людямъ идти въ соединеніе съ кошевымъ атаманомъ; князю Григорію Ромодановскому велѣлъ послать въ Запорожье пушекъ, зелья, свинцу, хлѣба, а для морского похода заготовить къ веснѣ крючковъ на основаніе чаекъ; кромѣ того, позволилъ украинскимъ козакамъ идти на Кошъ для воинскаго промысла надъ непріятелями³⁾. Запорожцы воспользовались приказаніемъ царя и, вмѣстѣ съ калмыками и донцами, посѣтили Крымъ, о чемъ узналъ гетманъ Петро Дорошенко черезъ своего посла, котораго онъ нарочно для этой цѣли посылалъ въ Крымъ: «Пріѣхавъ въ Чигиринъ, онъ сказывалъ, что въ Крыму была война, и онъ пошелъ назадъ»⁴⁾.

1) Акты южной и западной Россіи, XI, 182.

2) Акты южной и западной Россіи, XI, 49.

3) Акты южной и западной Россіи, XI, 29, 30.

4) Акты, XI, 100; Ригельманъ, Лѣтопись, II, 140.

Въ началѣ октября мѣсяца царь извѣщалъ запорожцевъ о взятіи турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и «измѣнникомъ» Дорошенкомъ Каменца-Подольскаго и многихъ другихъ польско-литовскихъ городовъ и спрашивалъ у кошевого Евсевія Шашола, былъ-ли у запорожскихъ козаковъ промыселъ надъ Крымомъ, такъ какъ объ этомъ ничего царю неизвѣстно. Въ то же время царь просилъ прислать немедленно «безъ мотчанія» изъ Сичи въ Москву двухъ или трехъ человѣкъ, хорошо знающихъ сухой путь въ Крымъ и водный въ Черное море въ виду «лучшаго промысла» надъ неприятелями. По этому указу въ Москву посланы были нѣсколько человѣкъ козаковъ, хорошо «вѣдушихъ поле и море» ¹⁾.

Въ половинѣ октября мѣсяца пріѣхалъ изъ Москвы въ Запорожье царскій посолъ подьячій Семень Щоголевъ съ государевой грамотой, пушками и боевыми снарядами, пожалованными царемъ запорожцамъ. Приблизившись къ самой Сичи, Щоголевъ далъ знать о себѣ залпомъ изъ орудій. Запорожцы, предупрежденные о пріѣздѣ царскаго посла, отвѣчали на его залпъ залпами въ Сичи. За городомъ посла встрѣтило сичевое духовенство и знатное товариство. Посла привели прямо на радную площадь или майданъ со всѣми царскими подарками и тутъ объявили ему, что у запорожцевъ состоитъ начальнымъ кошевымъ и гетманомъ полевымъ Никита Вдовиченко и что этотъ кошевой, не дождавшись царскихъ пушекъ, ушелъ подъ Перекопъ противъ крымцевъ, а потому привезенную царскимъ посломъ государеву грамоту козаки прочтутъ только по возвращеніи изъ-подъ Перекопа кошевого и всего войска. Октября 17 дня войско вернулось изъ подъ Перекопа, одно безъ кошевого, а черезъ два дня послѣ этого собралась рада и на ней прежде всего выбрали новаго кошевого атамана Лукьяна Андреева, а послѣ выбора кошевого прочитали грамоты царскую, королевскую и сенаторскую. Послѣ прочтенія грамотъ кошевой Лукьянъ Андреевъ сказалъ товариству такое слово: «Братія, войско запорожское, кошевое, днѣпровое и морское! Слышимъ и глазами видимъ великаго государя премногую милость и жалованье: милостивымъ словомъ изволилъ увеселить, про наше здоровье велѣлъ спрашивать, пушки, ядра, порохъ и свинецъ приказалъ прислать; калмыкамъ, донскимъ козакамъ, изъ городовъ охочимъ людямъ на помощь противъ бусур-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 51—53, 106.

манъ къ намъ на Кошъ позволилъ переходить, также чайками, хлѣбными запасами и жалованьемъ обнадеживаетъ, только бѣ наша правда была». На эти слова кошевого рада отвѣчала: «За премногую царскаго величества милость бьемъ челомъ, а правда наша, конечно, будетъ: полно намъ безъ пристанища волочиться. Служили мы и съ татарами послѣ измѣны Брюховецкаго, и во время Суховіева гетманства; крымскій ханъ со всего Крыма хлѣбные запасы собиралъ и къ намъ на Кошъ присылалъ; да и теперь, если бѣ хотѣли, будетъ присылать, только тотъ его хлѣбъ обращался намъ въ плачь, насъ же за шею водили и какъ овцами торговали, въ неволю отдавали, все добро и клейноты отняли. Пока свѣтъ будетъ и Днѣпръ идти не перестанетъ, съ бусурманами мириться не будемъ». Послѣ этихъ словъ козаковъ заговорилъ снова самъ кошевой: «Съ нынѣшняго времени его царскому и его королевскому величествамъ Богомъ общаемся служить вѣрно и неотступно. Братія, войско запорожское, кошевое, рада полная, такъ-ли моя рѣчь къ престоламъ обоихъ великихъ государей христіанскихъ монарховъ?»—«Такъ, такъ, господине кошевой».—«Воздадимъ же Господу Богу и великому государю нашему свѣту хвалу!» заключилъ кошевой, и по его слову грянули выстрѣлы изъ пушекъ и ружей. Товариство повалило въ церковь и тамъ отпѣло благодарственный молебенъ Богу. Въ это время царскій посолъ узналъ, что до его пріѣзда сичевое духовенство на эктеніяхъ поминало прежде всего короля, а потомъ царя; онъ замѣтилъ духовенству, что надо сперва помянуть царя, а потомъ уже короля, и духовенство не противорѣчило этому.

Послѣ молебна посолъ позвалъ къ себѣ кошевого Андреева со старшими козаками и сталъ ихъ спрашивать, гдѣ находится Вдовиченко и откуда онъ пришелъ въ Запорожье. На это ему отвѣчали: «Пришелъ онъ на Запорожье въ нищемъ образѣ; сказанъ харьковскимъ жителемъ, святъ мужъ и пророкъ, дана ему отъ Бога власть будущее знать; тому годъ седьмой, какъ велѣлъ ему Богъ, дождавшись этого времени, съ войскомъ запорожскимъ разорить Крымъ, а въ Царьградѣ взять золотыя ворота и поставить ихъ въ Кіевѣ на прежнемъ мѣстѣ. Князь Ромодановскій до этого добраго дѣла его не допускалъ и мучилъ, только эти муки не берутъ его. писано, что сынъ вдовицы всѣ земли усмирить. Теперь послалъ его Богъ къ войску запорожскому и въ городахъ

всякому человѣку до сосущаго младенца велѣтъ сказывать, что онъ такой знающій человѣкъ, чтобъ шли съ нимъ разорять Крымъ; какъ придетъ на Крымъ, пять городовъ возьметъ и будетъ въ нихъ зимовать, бусурманы стрѣлять не будутъ, потому что онъ невидимо будетъ подъ города приходить, стѣны будутъ распадаться сами, ворота также отворятся сами, и отъ того прославится онъ, Вдовиченко, по всей землѣ. А напередъ ему надо Перекопъ взять и войско запорожское пожитками наполнить. Услыхавъ такія слова, многіе люди покинули свои дома, хлѣбъ въ поляхъ и пришли за Вдовиченкомъ на Запорожье, собралась большая толпа и войску запорожскому говорила, чтобы идти съ Вдовиченкомъ подъ Перекопъ. Кошевой Евсеѣй Шапола отказывалъ, чтобы дождались пушекъ отъ великаго государя; но городовые люди хотѣли убить Шапола, кричали, что они шли не на ихъ войсковую, но на Вдовиченкову славу, и кошевое войско на эти слова ихъ все склонилось, собрало раду, Шапола отставило, а выбрало Вдовиченка атаманомъ кошевымъ и гетманомъ полевымъ. Когда же собрались въ походъ, то стали спрашивать у Вдовиченка, сколько надо брать пушекъ. На это Вдовиченко отвѣчалъ, что пушекъ брать не надо, потому что и безъ нихъ будетъ хорошо, что онъ слышалъ о посылкѣ къ царю за пушками, но находитъ, что это лишнее, потому что тѣ пушки запорожцамъ не принесутъ проку, и если имъ понадобятся пушки, то казаки могутъ покорить ближайшій и самый богатый бусурманскій городъ и взять въ немъ пушки. Только нѣкоторые знающіе люди не во всемъ повѣрили Вдовиченку и взяли двѣ пушки. Всего пошло подъ Перекопъ тысячъ шесть конныхъ да тысячи три пѣшихъ. Вдовиченко шелъ до самаго Перекопа безъ отдыха, отъ чего у многихъ лошади попадали, и, пришедши къ перекопскому валу, подъ городъ не вошелъ и промысла никакого не чинилъ. Войско, по своему обычаю, засыпало ровъ и половина обоза перебралась за Перекопъ, но перекопскіе жители начали изъ пушекъ и изъ ружей стрѣлять и нашихъ людей бить и топить. Вдовиченко сталъ отъ стрѣльбы прятаться, и войско, видя, что онъ не такой человѣкъ, какъ про себя сказывалъ, отъ Перекопа отступило, дорогою булаву и бунчукъ у него отняло и хотѣло убить его, но онъ скрылся». Потомъ онъ проявился въ Барышевкѣ и сталъ проповѣдывать прежнія рѣчи, но тутъ его схватили и отравили къ

гетману Самойловичу, а отъ гетмана князю Ромодановскому, послѣ чего вскорѣ онъ «згинулъ отъ своихъ же совѣтниковъ» ¹⁾.

О томъ, что дѣлалось въ Запорожьѣ, интересовался знать не одинъ царь; это же весьма занимало и противниковъ Москвы, въ особенности гетмана Петра Дорошенка. Дорошенко приказывалъ своимъ сподручникамъ «отбирать всякую вѣдомость въ Запорожьѣ» ²⁾.

Но Дорошенко напрасно старался собирать свѣдѣнія о запорожцахъ: запорожцы были на сторонѣ московскаго царя и, въ свою очередь слѣдя за всякимъ открытымъ и тайнымъ движеніемъ Дорошенка, сообщали о томъ лѣвобережному гетману Ивану Самойловичу. Такъ, декабря 2 дня, новый кошевой атаманъ низовыхъ козаковъ Лукьянъ Андреевичъ извѣщалъ Самойловича о вѣстяхъ, принесенныхъ въ Сичь козаками Семеномъ Чернымъ да Стефаномъ Чернецомъ, сообщавшими о возвращеніи Дорошенка въ Чигиринъ и его намѣреніи идти на лѣвобережные города и о зимовкѣ турскаго султана на порубежьѣ Волошской земли. вмѣстѣ съ этимъ, кошевой Лукьянъ Андреевичъ писалъ Самойловичу и о попыткѣ Дорошенка склонить запорожцевъ на свою сторону. Въ присланномъ съ этою цѣлью въ Сичу письмѣ Дорошенко старался приписать всю «колотнечу», происходящую на Украинѣ, разнымъ «шатунамъ» и «бѣгунамъ», уходившимъ изъ Украины на Запорожьѣ, и въ особенности Михайлу Ханенку, побывавшему сперва въ Запорогахъ, потомъ «предавшемуся на погубленіе ляхамъ» и въ заключеніе просилъ запорожцевъ отозваться къ нему, Дорошенку, съ «братолюбной милостью» и «пробывать съ нимъ въ соединеніи» ³⁾.

Положеніе дѣлъ становилось день-ото-дня все болѣе и болѣе серьезнымъ. Января 9 дня 1673 года кошевой атаманъ Лукьянъ Андреевичъ писалъ письмо къ гетману Ивану Самойловичу, что запорожскіе товарищи, Евсевій Шаполь, Павелъ Коба и Василій Коробейщенко, захватили гдѣ-то въ низовьѣ Днѣпра татарскихъ языковъ съ листами, шедшихъ къ хану, и отъ нихъ узнали, что крымскій ханъ намѣренъ послать двухъ пашей на Сичу ⁴⁾, а тур-

¹⁾ Акты, XI, 57; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1880, XII, 120.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 57.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 84—88.

⁴⁾ Сичу и городъ Кодакъ гетманъ Дорошенко, будучи въ походѣ подъ Каменецъ-Подольскомъ, обѣщаль отдать хану: Акты южной и западной Россіи, XI, 169.

скій султанъ хочеть выжечь всѣ города на правой и лѣвой сторонѣ Днѣпра и оставить тамъ одни лишь посады, а у жителей отобрать всякое оружіе, чтобы Украина, живя безъ городовъ, давала дань султану, какъ Волошская земля и другія земли. Вслѣдствіе такихъ плановъ крымскаго хана и турецкаго султана запорожцы, какъ старшее, такъ и меньшее товарищество, «прилежно и покорно» просили гетмана прежде всего прислать въ Кодакъ людей и запасовъ, а потомъ, и главнѣйшимъ образомъ, «донести царскому пресвѣтлому величеству свое прошеніе» отпустить для «лучшаго промысла надъ непріятелями» Ивана Сирка. Гетманъ Самойловичъ, получивъ листъ запорожцевъ, поторопился извѣстить о томъ царя. Въ свою очередь, царь, получивъ такое извѣстіе отъ гетмана, приказалъ ему «учинить безъ мотчанія всякое помогательство запорожцамъ»: послать имъ въ Кодакъ и въ Сичу малороссійскихъ съ начальными людьми козаковъ, зелье, свинець, пушки, хлѣбные запасы, пока не успѣли еще придти въ Запорожье турскіе и крымскіе люди. Гетманъ послалъ въ Кодакъ 400 козаковъ и 60 бочекъ муки, а въ Запорожье не сталъ посылать, потому что туда и безъ того шло много людей. Но видимо царь нашелъ слишкомъ недостаточнымъ четырехъ сотъ козаковъ для Кодака, и потому велѣлъ отправить туда еще изъ бѣлгородскаго полка тысячу солдатъ ¹⁾.

Такимъ образомъ царь Алексѣй Михайловичъ, вынужденный и крайними обстоятельствами, и мольбами запорожцевъ, и просьбами польскаго короля, рѣшилъ вернуть Сирку изъ Сибири и отправить его въ Сичу. Даруя свободу Сирку, царь, однако, заставилъ его принести присягу въ царскихъ палатахъ, въ присутствіи патріарха Пителима, всего освященнаго собора, ближнихъ бояръ, Юрія Долгорукова и Артемона Матвѣева, и думныхъ людей, о томъ, чтобы «Сирку служить его царскому величеству вѣрно и ни на какія прелести не склоняться и подущенія никакого не слушать, и словъ непристойныхъ не вмѣщать. Отпускаю тебя,—сказалъ царь Сирку,—по заступленію вѣрнаго нашего подданнаго гетмана Ивана Самойловича, потому что царское слово неперемѣнно, писалъ я и къ запорожцамъ, что отпущу, и отпускаю». Января 12 дня царь Алексѣй Михайловичъ извѣщалъ грамотой кошевого атамана

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 112, 118, 126, 173, 225.

Лукьяна Андреева черезъ запорожскихъ посланцевъ «о скоромъ отпускѣ на Сѣчь Сирка» ¹⁾).

Узнавъ о томъ, что царь Алексѣй Михайловичъ даровалъ свободу Ивану Сирку, польскій король Михаилъ Вишневецкій послалъ царю грамоту, въ которой благодарилъ его за то, что «онъ на королевское прошеніе учинилъ и Сѣрка изъ-за третейскаго суда выпустить повелѣлъ» ²⁾). Однако, ни въ декабрѣ, ни въ январѣ мѣсяцѣ Сирка все еще не было въ Запорожѣ, и причиной тому были козни его зложелателя, гетмана Ивана Самойловича: февраля 15 дня 1673 года Самойловичъ писалъ въ Москву письмо извѣстному и весьма вліятельному въ то время боярину Артемену Сергѣевичу Матвѣеву, котораго «пыльно» просилъ задержать Сирка въ Москвѣ, если онъ будетъ привезенъ туда изъ Сибири, «а для какихъ причинъ, объ этомъ скажетъ очевидецъ Симеонъ протопопа (sic) нѣжинскій, вскорѣ имѣющій прибыть въ Москву» ³⁾). Отправляя въ Москву нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича, Самойловичъ далъ ему цѣлый рядъ писанныхъ инструкцій, и между ними одна касалась построеніи чаекъ для запорожскихъ козаковъ. Самойловичъ находилъ, что строить чайки между Брянскомъ и Трубчевскомъ, какъ повелѣно было царемъ, нѣтъ резона, такъ какъ въ этомъ случаѣ ихъ нельзя будетъ доставить мимо Канева, Черкасъ и Воронова въ Сичь; всего лучше ихъ срубить на рѣчкѣ Ворсклѣ и этою же рѣчкою спустить въ Днѣпръ, а Днѣпромъ спровадить въ самую Сичу ⁴⁾). Въ писанной инструкціи ничего, однако, не говорилось объ Иванѣ Сиркѣ. Марта 19 дня царь извѣщалъ Самойловича о полученіи отъ него черезъ протопопа Симеона Адамовича гетманскаго листа и, не упоминая ни словомъ о Сиркѣ, приказывалъ только рубить лѣсъ, гдѣ лучше и пристойнѣе, «съ великимъ поспѣшеніемъ» и дѣлать изъ него чайки для запорожскихъ козаковъ ⁵⁾).

Нужно думать, что именно въ это время, въ отсутствіе Сирка, произошло событіе, описанное лѣтописцемъ Величкомъ. Въ 1673 году гетманъ тогобочной Украины Михайло Ханенко задумалъ

¹⁾ Архивъ мин. иностранныхъ дѣлъ, 1673, № 3, св. 38; Бантышъ-Каменскій, Источники, I, 248.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 91, 92.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 538; XI, 140.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи XI, 137, 138.

⁵⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 213.

идти походомъ на гетмана Дорошенка съ цѣлью отыскать свою жену, взятую Дорошенкомъ изъ Уманя. Приготовляясь къ походу, Ханенко написалъ письмо въ Сичу, въ которомъ просилъ у запорожцевъ военной помощи и за то обѣщалъ козакамъ достойное вознагражденіе изъ королевской казны. Запорожцы, получивъ то письмо и питая ненависть къ Дорошенку, склонились на просьбу Ханенка и отправили къ нему на помощь войско съ двумя полковниками, Макухою и Суховіемъ, нѣкогда претендовавшимъ на гетманскую булаву. Ханенко, получивъ помощь отъ запорожцевъ и усилившись польскимъ войскомъ, а также собственнаго реймента козаками, двинулся подъ Чигиринъ на Дорошенка. Дорошенко, узнавъ о томъ, съ своей стороны отправилъ посольство къ крымскому хану съ просьбой помочь ему противъ Ханенка. Ханъ немедленно отправилъ нѣсколько десятковъ тысячъ орды на помощь Дорошенку. Но пока прибыла эта помощь, Дорошенко рѣшился самъ испытать счастья въ борьбѣ съ Ханенкомъ. Однако, выйдя изъ Чигирина, Дорошенко долженъ былъ заключиться въ Стеблевѣ и выдерживать здѣсь продолжительную осаду со стороны Ханенка. Выдерживая въ теченіи нѣсколькихъ дней осаду, Дорошенко уже готовъ былъ уступить своему противнику, но въ это время подъ Стеблевъ подошли татары и внезапно ударили на Ханенка и, поддержанные во время вылазкою самого Дорошенка, нанесли Ханенку такое пораженіе, что онъ бѣжалъ въ Сичу; съ нимъ бѣжали Суховій и остатки разбитаго войска запорожскаго ¹⁾.

Въ отсутствіе же Сирка запорожцы изловили посланцевъ Дорошенка, ѣхавшихъ съ письмами къ крымскому хану, великому визирю и бею; посланцевъ тѣхъ отправили къ гетману Самойловичу, а письма послали въ Москву къ царю черезъ козака Стефана Астраханскаго съ товарищами; черезъ послѣдняго запорожцы просили царя прислать имъ въ церковь святой Покровы 12 книгъ Четвериней. Царь на это отвѣчалъ грамотой, писанной мая 30 дня. Похваляя запорожцевъ за ихъ вѣрную службу, онъ жаловалъ имъ 12 мѣсячныхъ миней въ сичевую церковь Покрова пресвятой Богородицы на Чортмлыкѣ, а вмѣстѣ съ этимъ извѣщалъ, что, согласно просьбѣ запорожскихъ посланцевъ Евсевія Шапола съ товарищами, бывшихъ челомъ царю марта 20 числа, онъ посылаетъ, для промысла надъ непріятелями, въ Запорожье и въ крѣпость Кодакъ воеводу князя Сте-

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 339.

пана Степановича Волконскаго и полковника Ягана Купера съ 1.000 солдатами. Что касается морскихъ чаекъ, о чемъ запорожцы также просили царя, то на этотъ счетъ гетманъ Самойловичъ сообщалъ, что однѣ изъ нихъ уже готовы и провезены рѣкою Семью подъ Батуринь, а другія еще додѣлываются, и когда всѣ будутъ готовы, то немедленно будутъ присланы на Запорожье. Извѣщая обо всемъ этомъ, царь Алексѣй Михайловичъ напоминалъ кошевому атаману и всему запорожскому войску объ ихъ обѣщаніи вѣрно служить царскому и королевскому величествамъ и потому высказывалъ надежду, что теперь они, когда къ нимъ посланъ и воевода и ратные люди, будутъ дѣйствовать сообща противъ враговъ Христовой вѣры ¹⁾).

Грамота писалась мая 30 дня, на имя кошевого атамана Лукьяна Андреева, но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ появился на Запорожьѣ уже и знаменитый Сирко.

Юня 26 дня пріѣхали изъ Запорожья въ Гоголевъ торговые люди съ рыбой и рассказывали гоголевскому священнику Исакию, что Иванъ Сирко взялъ взятъемъ и разорилъ крымскій городъ Асламъ и много людей въ полонъ захватилъ, а сдѣлалъ онъ это потому, что въ прежнее время отъ Асламъ-города запорожскимъ козакамъ «тѣснота великая бывала» ²⁾). Въ это время въ Запорожьѣ отъ польскаго короля пріѣзжалъ посолъ Христофоръ Ковалевскій. Пробывъ нѣкоторое время въ Сичи, Ковалевскій хотѣлъ было ѣхать къ донцамъ, чтобы соединить ихъ съ запорожцами для общаго дѣла противъ непріятелей. Съ Ковалевскимъ отпущенъ былъ изъ Сичи знатный козакъ Григорій Пелехъ, и когда они доѣхали до Чигирина, то Ковалевскій, узнавъ объ отправкѣ царемъ московскихъ ратныхъ людей, донцовъ и калмыковъ къ Азову, направился прямо въ Польшу, а Пелехъ пошелъ къ донскому войску и калмыкамъ ³⁾). Въ это же время царь спрашивалъ у Сирка извѣстій о поведеніяхъ запорожцевъ и о промыслахъ надъ татарами и турками. Сирко на этотъ спросъ извѣстилъ царя, черезъ особаго посланца, бывшего кошевого атамана Дениса Кривоноса, о промыслѣ своемъ надъ турскимъ городомъ Очаковымъ и просилъ государя о присылкѣ въ Сичь пушекъ домоныхъ, гранатъ, ракетъ, сипошъ,

1) Акты южной и западной Россіи, XI, 259—261.

2) Акты южной и западной Россіи, XI, 272.

3) Акты южной и западной Россіи, XI, 284.

трубъ и мастера, который умѣлъ бы стрѣлять. На листъ Сирка царь отвѣчалъ милостивой за промыселъ грамотой и извѣщалъ кошевого о посылкѣ въ Сичь всѣхъ просимыхъ боевыхъ запасовъ ¹⁾).

Одновременно съ отправкой пословъ къ московскому царю кошевой Сирко отправилъ пословъ и къ польскому королю съ вѣстями о взятіи Очакова и разореніи его посада, съ татарскими языками и съ просьбой о вспоможеніи запорожцамъ снарядами и челнами, а также съ намѣреніемъ добыть отъ гетмана Ханенка дарованные ему королемъ войсковые клейноты. Король, вмѣсто удовлетворенія просьбы запорожскихъ козаковъ, отвѣтилъ посланцамъ ихъ, чтобы они разглашали вездѣ, на Украинѣ и Запорожьѣ, о походѣ его противъ турокъ и тѣмъ усилили бы всякими охотниками его войска, а королевскій подканцлеръ въ снарядахъ и чайкахъ запорожцамъ совсѣмъ отказалъ, ссылаясь на то, что въ этомъ имъ поможетъ царское величество, а о клейнотахъ сказалъ, что они могутъ ихъ взять у Ханенка и отправить въ Запорожье, оттуда же отослать, куда пожелаютъ. Послы, взявъ отпускъ у короля, явились къ Ханенку и стали домогаться отъ него снарядовъ и клейнотовъ. Но Ханенко на это отвѣчалъ, что свои снаряды и клейноты онъ оставилъ въ мѣстечкѣ Демерѣ, которымъ завѣдуетъ польскій полковникъ Пиво и который никому не отдастъ тѣхъ снарядовъ. Самъ Ханенко стоялъ на одномъ изъ острововъ Днѣпра, противъ Кіева, съ немногими людьми, потому что все его войско разошлось въ города лѣвобережной Украины, и просилъ дозволенія у царя пройти въ Запорожье. Царь по этому поводу снесся съ гетманомъ Самойловичемъ и предоставилъ это дѣло на его усмотрѣніе ²⁾).

Разоривъ Асламъ и Очаковъ, Сирко съ низовья Днѣпра поднялся на Украину и здѣсь сталъ преслѣдовать татаръ, дѣйствовавшихъ противъ русскихъ и поляковъ заодно съ турками, стоявшими у Каменца-Подольскаго: «Татарское войско цынѣ въ сборѣ есть и стоитъ на границѣ за Чигириномъ; а войною тѣхъ татаръ никуда не пропускаетъ Сѣрикъ съ запорожскими козаками». Въ концѣ сентября Сирко извѣщалъ гетмана Самойловича, что онъ былъ съ козаками на Муравскомъ шляху, и, встрѣтивъ тамъ та-

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники малорос. исторіи, Москва, 1858, I, 248; Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 287.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 321, 322, 318, 319.

тарскій загонъ, помощію божьею и счастьемъ его царскаго пресвѣтлаго величества, разгромилъ его, взялъ много языковъ и послѣ этого счастливо возвратился въ Сичь. Въ слѣдъ за этимъ переяславскій полковникъ Дмитрій Райча въ письмѣ къ князю Юрію Трубецкому доноситъ: «Извѣщаю тебя, благодѣтеля моего, что сентября 23 дня, 1673 года козаки моего переяславскаго полка, бывшіе на Запорожьѣ, пріѣхавъ ко мнѣ, сообщали мнѣ, что въ сихъ временахъ многихъ изъ моихъ и другихъ полчанъ, шедшихъ на Запорожье, татарская орда въ 8.000 человекъ разгромила и порубила, а кошевого атамана запорожскаго, Ивана Сирка, обступивъ въ степи, три дня добывала, но, не сдѣлавъ ему никакого вреда, пошла подъ слободскіе города и села его царскаго пресвѣтлаго величества». Октября 9 дня Иванъ Сирко перебрался уже за Бугъ, опустошилъ Бѣлогородчину, сжегъ и разорилъ городъ Тягинъ, а жителей его побилъ, и оттуда собирался идти въ Волошскую землю къ королевскому величеству на помощь ¹⁾. Ноября 12 дня переяславскій полковникъ Дмитрашко Райча доноситъ кievскому воеводѣ князю Юрію Петровичу Трубецкому, что Сирко, сжегши Тягинъ и опустошивши Бѣлогородчину, расположился на Чечельникѣ: «А сказываютъ, что съ нимъ десять тысячъ, всѣ старинные, изъ Ясь въ землю Венгерскую поуходили, и въ Катнарѣ городѣ пусто стало, пѣхоту господаря мутьянскаго, которой было 3.000 человекъ, ожидающую его (Сирка), турки всѣхъ мечу предали» ²⁾.

Ноября 21 дня царь Алексѣй Михайловичъ послалъ Ивану Сирку грамоту съ извѣстіемъ объ отправленіи, по просьбѣ польскаго короля, противъ татаръ и турокъ, князя Григорія Ромодановскаго и гетмана Ивана Самойловича съ войсками; тутъ же царь приказывалъ и кошевому «чинить всякими образами нападеніе на помянутыхъ враговъ» ³⁾.

Въ это время, а именно къ концу ноября мѣсяца, въ Сичи объявился бѣглецъ изъ Сибири, бывший войсковою генеральный асаулъ, Павелъ Грибовичъ; онъ исхлопоталъ у кошевого атамана и всего запорожскаго войска «причинный листъ» къ гетману Ивану Самойловичу съ просьбой «отдать ему его вину» и отправился изъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 312, 313, 316, 324.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 338, 330.

³⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ, 1673, св. 39, № 35.

Сичи въ Батуринь. Такъ писалъ объ этомъ гетманъ Самойловичъ царю, не называя по имени кошевого атамана, и «причинный» листъ данъ былъ Грибовичу если не самимъ Сиркомъ передъ его походомъ подъ Тягинъ, то его наказнымъ кошевымъ. Послѣ отъѣзда Сирка подъ Тягинъ въ Сичи открылось моровое повѣтріе и въ виду этого гетманъ Самойловичъ ни самого Грибовича, ни писемъ, привезенныхъ имъ отъ кошевого атамана, не принялъ ¹⁾. Моровое повѣтріе занесъ въ Сичу какой-то каменецъ-подольскій торговый человѣкъ, пріѣхавшій съ сыномъ и братомъ въ Запорожье съ разными товарами. У него купилъ товару козакъ Пинчукъ и черезъ два или три дня послѣ этого умеръ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ «канархистомъ церкви божіей на Кошу будущей». Потомъ умеръ самъ купецъ съ сыномъ и братомъ и отъ нихъ «уязвились» два куреня, шкуринскій и васюринскій, гдѣ сложены были товары купца. Запорожцы оставили всѣ товары въ тѣхъ двухъ куреняхъ и самыхъ куреней стали стерегуться и обходить ихъ вокругъ ²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 334—336; Собрание государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 292.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 339.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Появленіе въ Сичи царевича Симеона Алексѣевича.—Пріяты его по разсказамъ вождя Міюсскаго. — Пріятіе и допросъ царевича Сиркомъ. — Повѣсть царевича о своемъ уходѣ изъ Москвы. — Отправка царскихъ пословъ Чадуева и Щоголева къ Сирку съ приказаніемъ выдачи самозванца имъ.—Встрѣча запорожцевъ съ царскими послами на Украинѣ и въ самомъ Запорожьѣ и разговоръ о царевичѣ.—Пріябітіе пословъ въ Сичу.—Обьясненіе ихъ съ Сиркомъ въ куренѣ и съ царевичемъ возлѣ посольской избы.—Негодование запорожцевъ противъ пословъ.—Войсковая рада и смертныи приговоръ посламъ.—Успокоительное дѣйствіе Сирка на козаковъ.—Частная бесѣда Сирка съ посланцами и перечисленіе имъ всѣхъ винъ царя въ отношеніи Сирка.—Недовѣріе запорожцевъ къ московскимъ посламъ и отправка въ Москву собственныхъ.—Удержаніе царевича запорожцами въ Сичи.—Возвращеніе пословъ въ Москву и разсказъ ихъ обо всемъ видѣнномъ въ Запорожьѣ.

Въ то время, когда Сирко промышлялъ подѣ Тягиномъ, а въ Запорожьѣ свирѣпствовало моровое повѣтріе, въ это самое время, въ началѣ зимы 1673 года, въ Сичи произошло дѣло, давно неслыханное во всемъ Запорожьѣ: объявился царевичъ Симеонъ, назвавшій себя сыномъ царя Алексѣя Михайловича. Онъ показался сперва на рѣчкѣ Самарѣ, лѣвомъ притокѣ Днѣпра, а оттуда спустился къ Чортотмыку, въ самую Сичь ¹⁾. «Въ тотъ часъ, въ вѣдѣннѣ всѣхъ козаковъ, пріѣхалъ на коняхъ, называясь быти царевичъ, и сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Косаговъ великаго государя съ ратными людьми стоялъ, до приходу Сѣркова. На видъ этотъ человекъ хорошъ и тонокъ, долголицъ, не румянь и не русявъ, нѣсколько смугловатъ, мало разговорчивъ, очень молодъ, всего около 15 лѣтъ, на тѣлѣ имѣетъ какія-то два знамени—орлы да сабли кривыя; одѣтъ въ зеленый, подшитый лисицами, кафтанецъ; съ нимъ прибыло восемь человекъ донцевъ съ вождемъ Иваномъ Міюскимъ, хохлачемъ по рожденію. Міюскій подѣ клятвою сказалъ запорожскому судѣ, будто у называющагося царевичемъ на правомъ плечѣ и на рукѣ есть знамя, похожее на царскій вѣнецъ».

¹⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 325.

Прибывъ въ Сичь, царевичъ ожидалъ прїѣзда Сирка въ теченіи цѣлой недѣли, а по истеченіи недѣли, узнавъ, что Сирко приближается къ Сичѣ, распустилъ знамена и вышелъ къ кошевому на встрѣчу. Сирко принялъ его такъ же, какъ и привялъ другихъ козаковъ. Оставивъ войско за городомъ, Сирко одинъ пошелъ въ Сичь для того, чтобы прочесть письма, присланныя ему гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ и хранившіяся до прїѣзда кошевого въ войсковой скарбницѣ. Выслушавъ письма, Сирко вновь вышелъ за городъ и, ставъ на другомъ мѣстѣ, послалъ за царевичемъ. Когда царевичъ пришелъ, то Сирко сперва пригласилъ его сѣсть между собой и знатнымъ запорожскимъ козакомъ Григоріемъ Пелехомъ, а потомъ спросилъ: «Слышалъ я отъ своего наказнаго, что ты называешься сыномъ какого-то царя; скажи правду, боясь Бога, потому что ты очень молодъ: нашего-ли ты великаго государя и великаго князя Алексѣя Михайловича сынъ или другого какого-нибудь, находящагося подъ высокодержавной рукой его, скажи истинную правду, чтобы мы не были обмануты тобой такъ, какъ иными, бывшими въ войскѣ, плутами». На эти слова Сирка молодой человѣкъ, поднявшись съ мѣста и снявъ шапку, отвѣтилъ какъ бы плача: «Не надѣялся я на то, чтобы ты сталъ стращать меня, хотя и вижу, что оно такъ дѣлается. Богъ мнѣ свидѣтель, я настоящій сынъ вашего великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великой и Малой и Бѣлой Россіи самодержца, а не иного кого». Услышавъ то, Сирко, снявъ шапку и, вмѣстѣ со своими товарищами, поклонился царевичу до земли, а послѣ поклона, также вмѣстѣ съ товарищами, сталъ угощать его питьемъ. Царевичъ не отказывался отъ питья, но все время стоялъ и смотрѣлъ въ землю. Послѣ этого бывший въ Сичи гетманскій посолъ Зубъ спросилъ: «Будешь-ли ты писать своею рукой къ гетману, а главнымъ образомъ къ своему батюшкѣ, къ великому государю, объявишь-ли о себѣ». На это царевичъ отвѣчалъ: «Господину гетману шлю поклонъ изустно, а къ батюшкѣ писать трудно,—опасаюсь, чтобы мое письмо не попало въ руки боярамъ; такого же человѣка, который бы могъ передать мое письмо прямо въ руки государя, мнѣ не отыскать; и ты, кошевой атаманъ, смилуйся надо мной и никому изъ русскихъ людей о томъ не объявляй. Изъ царскаго дома я отлучился потому, что сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь; въ бытность же на острову Степана Разина, я тайно къ нему перешелъ, и до тѣхъ поръ,

пока онъ не былъ взятъ, я при немъ состоялъ, а потомъ съ казаками на Хвалынскомъ морѣ ходилъ и струги гулящимъ нанималъ; послѣ того на Донъ перешелъ, а теперь хочу въ Кіевъ и къ польскому королю ѣхать». Къ этимъ словамъ царевича вождь Иванъ Міусскій добавилъ потомъ Сирку, что дѣйствительно на тѣлѣ царевича имѣются знаки, похожіе на царскій вѣнецъ.

Узнавъ о появленіи въ Запорожѣ царевича Симеона, царь Алексѣй Михайловичъ, при всей своей тревогѣ относительно наступленія турокъ на Украину, немедленно послалъ къ гетману Самойловичу и отъ него къ кошевому Сирку въ Запорожье сотника Василя Чадуева да подьячаго Семена Щоголева и наказалъ имъ, по приѣздѣ къ гетману Самойловичу и кошевому Сирку, говорить такое слово: «Вѣдомо великому государю, по письму гетмана, что на Запорожѣ, въ то время, когда Сирко былъ подъ Тягиномъ, объявился съ Дону воръ ¹⁾ и самозванецъ, 15 лѣтъ, а съ нимъ 8 человекъ донскихъ козаковъ и вождь имъ всѣмъ Ивашка Міуска; и назвался онъ, самозванецъ, сыномъ его царскаго величества, блаженной памяти царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ... И Сирко принялъ его ласково, кланялся и питьемъ потчивалъ. Теперь великій государь приказалъ объявить гетману и кошевому, что благовѣрный государь царевичъ, Симеонъ Алексѣевичъ, родился въ 1665 году, апрѣля 3 дня, а скончался въ 1669 году, іюня 18 дня и погребенъ въ церкви архистратига Михаила при патріархахъ, митрополитахъ и архіепископахъ русскихъ и при папѣ, патріархѣ вселенскомъ и судѣ Паисіѣ александрійскомъ, о чемъ извѣщено было особыми грамотами гетману и кошевому, а со дня рожденія и до дня смерти царевичу было всѣхъ лѣтъ 4, въ нынѣшній же годъ, если бы онъ многолѣтствовалъ, было бы 9, а не 15 лѣтъ». Послѣ изложенія рѣчи Чадуеву и Щоголеву велѣно было просить гетмана, чтобы онъ далъ имъ, Чадуеву и Щоголеву, двухъ или трехъ асауловъ или войсковыхъ товарищей и отправилъ бы въ Запорожье. Приѣхавъ же въ Запорожье говорить кошевому и всему посольству, что принимать имъ вора и самозванца вовсе не годилось бы и что кошевой, памятуя, какое онъ далъ клятвенное обѣщаніе при отпускѣ изъ Москвы, въ присутствіи царя, бояръ и думныхъ людей, долженъ былъ бы вышеупомянутаго вора и об-

¹⁾ Въ древней Руси со словомъ «воръ» соединялось понятіе о бѣглецѣ, бродягѣ, пройдохѣ.

манщика съ его единомышленникомъ Мюскою и товарищами прислать къ великому государю въ Москву. А какъ этого не сдѣлано, то царь требуетъ, чтобы кошевой атаманъ Иванъ Сирко и все посольство поспѣшили отдать всѣхъ тѣхъ воровъ и обманщиковъ Чадуеву, Щоголеву и гетманскимъ посланцамъ, придавъ имъ, сколько нужно, изъ Коша провожатыхъ, а сверхъ всего сообщить имъ, кошевому и посольству, что по ихъ челобитью и по царскому указу, къ нимъ посланы ломовыя пушки, нарядныя ядра, пушечный мастеръ, умѣющій стрѣлять ядрами, сипоши и сукна, какъ въ прошломъ годѣ, а за все это они бы вѣрно царю служили и надъ крымскими людьми всякій промыселъ чинили.

Послы выѣхали изъ Москвы декабря 14 дня, 1673 года, а декабря 21 дня прибыли въ Батуринь и изложили гетману все, что имъ было наказано. Гетманъ, выслушавъ ихъ слово, объявилъ, что ѣхать теперь въ Запорожье нельзя, потому что ему еще неизвѣстно, прекратилось-ли тамъ моровое повѣтріе или нѣтъ. Поэтому гетманъ совѣтовалъ посламъ подождать собственныхъ посланцевъ, которыхъ онъ отправилъ въ Сичь и черезъ которыхъ онъ написалъ кошевому Сирку съ товарищами, чтобы онъ самозванца, прояву, вора и плута прислалъ къ нему, гетману, со своими козаками; но опасается, однако, что запорожцы едва-ли исполнять его приказаніе: они говорятъ, что они войско вольное,—къ нимъ кто хочетъ приходитъ по волѣ и отходитъ также. Принявъ пословъ въ Батуринь, гетманъ ушелъ вмѣстѣ съ ними въ Гадячъ, а изъ Гадяча отъѣхалъ въ мѣстечко Омельникъ на рѣчкѣ Пслаѣ; въ Омельникѣ онъ узналъ отъ запорожца Григорія Пелеха съ товарищами, что Сирко изъ Запорожья вышелъ и отправился на морскіе разливы, а выходя изъ Сичи, онъ отдалъ приказъ, чтобы козаки царевича почитали и всякую честь ему воздавали; отъ того жъ Пелеха гетманъ узналъ, что его посланцы задержаны въ Сичи, а для чего это сдѣлано, неизвѣстно. Изъ Омельника московскіе посланцы, разставшись съ гетманомъ, поѣхали въ мѣстечко Келеберду на лѣвомъ берегу Днѣпра. Въ Келебердѣ они встрѣтились съ запорожскимъ козакомъ Максимомъ Щербакомъ, который, узнавъ, зачѣмъ ѣхали царскіе послы въ Сичу, сталъ имъ говорить такія рѣчи: «Знаете-ли вы Щербака донского, а онъ знаетъ, зачѣмъ вы Василій и Семень посланы въ Запорожье; ѣхать вамъ туда нечего, даромъ пропадете, потому что на Запорожьѣ объявился настоящій царевичъ, и я про то все и знаю и

вѣдаю: тотъ царевичъ дѣда своего по плоти Илью Даниловича Милославскаго ударилъ блюдомъ и отъ того ушелъ и по всей Москвѣ слава носилась, что то была правда, а я въ то время сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Москвѣ, а потомъ, по челобитью Демьяна Многогрѣшнаго, былъ освобожденъ и ушелъ на Донъ, а съ Дона— на Запорожье». На эти слова Максима Щербака Чадуевъ и Щоголевъ отвѣчали, что тотъ царевичъ воръ, плутъ, самозванецъ и обманщикъ. Въ отвѣтъ на это, Щербакъ сказалъ имъ, чтобы они плюнули сами себѣ въ очи и завязали свои рты, потому что за такую рѣчь свою примутъ злую смерть. Изъ Келеберды московскіе послы спустились въ мѣстечко Кишенку при рѣчкѣ Ворсклѣ и тутъ встрѣтились съ гетманскими посланцами и съ запорожскими козаками, сопровождавшими посланцевъ. Гетманскіе посланцы объявили Чадуеву и Щоголеву, что Ивана Сирка дѣйствительно нѣтъ въ Сичи и что онъ находится на морскихъ разливахъ. Что же касается самого войска запорожскаго, то оно, выслушавъ письмо гетмана о самозванцѣ, стало смѣяться надъ гетманомъ и поносить непристойными и грубыми словами московскихъ бояръ, а самозванца, по приказу Сирка, величало царевичемъ, писать гетману вовсе отказалось, а вмѣсто того писалъ къ нему самъ самозванецъ и письмо свое запечаталъ собственною печатью, схожею съ печатью царскаго величества. Печать же ту сдѣлали ему запорожцы изъ скарбничныхъ ефимковъ и вѣситъ она 30 золотниковъ; кромѣ того, запорожцы сдѣлали ему тафтяное съ двуглавымъ орломъ знамя и спили хорошее платье. При отпускѣ гетманскихъ посланцевъ самозванецъ, пришедъ въ раду, всячески безчестилъ гетмана, называя его глупымъ человѣкомъ за то, что онъ именовалъ его воромъ и обманщикомъ, а самимъ посланцамъ сказалъ, что если бы у нихъ не прѣсныя души, то онъ велѣлъ бы повѣсить ихъ; если же гетману надо знать его, то пусть онъ пришлетъ для осмотра его своего обознаго Петра Забѣлу да судьбу Ивана Домонтовича; а въ концѣ всѣхъ рѣчей сказалъ, что бояре именованъ царскаго величества много разъ будутъ за нимъ, царевичемъ, присылать съ грамотами знатныхъ бояръ, но только онъ раньше трехъ лѣтъ никуда не поѣдетъ, а будетъ ходить въ Черное море и въ Крымъ, а кто будетъ присланъ, даромъ не пробудетъ.

Такъ говорили о самозванцѣ посланцы гетмана, а запорожцы, сопровождавшіе ихъ, называли того самозванца истиннымъ царе-

вичемъ и угрожали московскимъ посламъ за него смертью. Съ тѣми-же гетманскими посланцами прибыли изъ Запорожья въ Кишенку челядникъ Василя Многогрѣшнаго Лучка и товарищъ самозванца Мерешка. Лучка сказалъ московскимъ посламъ, чтобы они на Запорожье не ѣздили, потому что козаки встрѣтятъ ихъ выше Сичи въ Кодакѣ и тамъ повѣсятъ, а царевича выдать и не подумаютъ, потому что онъ настоящій царевичъ, и самъ Лучка, долго живя съ нимъ, видѣлъ на тѣлѣ его природные красные знаки: царскій вѣнецъ, двуглавый орелъ и мѣсяцъ со звѣздой. Мерешка же добавилъ къ этому то, что онъ пришелъ съ царевичемъ съ Дона, а почему онъ именуется себя царскимъ сыномъ, того не знаетъ. Въ ту же Кишенку пріѣхалъ и посланецъ Ивана Сирка, Игнатъ Оглобля, направлявшійся изъ Сичи въ Украину къ гетману Самойловичу. Въ разговорѣ съ московскими послами Оглобля сказалъ, что кошевой атаманъ Сирко находится уже въ Сичи, прибылъ онъ съ морскихъ разливовъ въ Сичу на сырной недѣлѣ и за царевича называлъ Василя Чадуева собачьимъ сыномъ и намѣревался бить его.

Узнавъ о настроеніи Сирка и всего товариства, послы взяли для собственной безопасности нѣкоторыя мѣры: они схватили Щербака, Лучку, Мерешку и Оглоблю и отправили ихъ къ гетману, которому наказали держать ихъ до тѣхъ поръ, пока послы вернутся изъ Запорожья на Украину. Въ той же Кишенкѣ послы узнали, что Сирко прислалъ изъ войсковой казначейницы въ мѣстечко Переволочну къ нѣкому Петру Перекресту 40 ефимковъ на покупку самозванцу всякихъ столовыхъ запасовъ. И тотъ Перекрестъ, закупивъ столовые запасы по росписи, отвезъ всѣ въ Запорожье а кошевой съ товарищами все купленное отдалъ самозванцу.

Собравъ всѣ свѣдѣнія и обезопасивъ себя заложниками, московскіе послы написали гетману о томъ, что имъ пора уже ѣхать на Запорожье, для чего просили его прислать имъ посланцевъ и провожатыхъ. По письму пословъ гетманъ отправилъ генеральнаго асаула Черныяченка и позволилъ посламъ взять изъ полтавскаго полка 40 человекъ козаковъ охраны. Тогда послы, снявшись марта 1 дня съ Кишенки, поѣхали въ Запорожье. Дорогою они наѣхали на рѣчкѣ Томаковѣ, въ 10 верстахъ отъ Сичи ¹⁾,

¹⁾ Нужно разумѣть верховье Чортотмыка, гдѣ онъ дѣйствительно подходилъ къ рѣчкѣ Томаковѣ верстъ на 10.

на запорожскихъ козаковъ, бывшихъ кошевыхъ атамановъ Евсевія Шашола и Лукьяна Андреева и другихъ знатныхъ козаковъ, кормившихъ своихъ лошадей, за недостаткомъ травы въ Сичи, возлѣ рѣчки Томаковки; съ ними былъ и вождь царевича Иванъ Мюсскій. Тутъ асаулъ Черняченко сталъ потчивать всѣхъ встрѣтившихся запорожцевъ водкой. Во время угощенія Иванъ Мюсскій признался одному изъ полтавскихъ козаковъ, что запорожцы не выдадутъ самозванца, потому что вѣрятъ въ него, какъ въ истиннаго царевича и что онъ воленъ у нихъ во всемя и собирается побывать въ Крыму. Поговоривъ съ послами, всѣ запорожцы съ Иваномъ Мюсскимъ двинулись для прокормленія лошадей, отъ рѣчки Томаковки въ урочище Тарасовское, къ правому берегу Днѣпра; одинъ только Лукьянъ Андреевъ остался у Томаковки, потому что онъ долженъ былъ переправить пословъ черезъ рѣчку въ собственной лодкѣ, которую онъ привезъ на собственной лошади. Въ то время, когда послы стали перевозиться черезъ рѣку, въ это самое время пріѣхали на перевозъ и запорожскіе козаки, Иваникъ съ товарищами, числомъ 11 человекъ, и стали просить водки. На это Лукьянъ Андреевъ сталъ ихъ спрашивать, зачѣмъ они пріѣхали, и сталъ называть ихъ ворами и разбойниками, два раза уже побившими и разграбившими царскихъ посланниковъ, а теперь, очевидно, имѣвшихъ намѣреніе побить и разграбить и въ третій разъ. Послѣ этого онъ сталъ торопить Чадуева и Щоголева скорѣе переправляться черезъ рѣку и идти дальше къ Сичѣ. Когда послы переправились, то Иваникъ и его товарищи, прибывъ Лукьяна Андреева, оставили Томаковку и поѣхали за другими козаками въ Тарасовское. На прощанье Лукьянъ Андреевъ сказалъ посламъ, что, по пріѣздѣ въ Сичу, самозванецъ будетъ надъ ними озорничать и всячески «оказываться».

Марта 9 дня 1674 года царскіе послы прибыли, наконецъ, въ Сичу. Кошевой атаманъ Иванъ Сирко и все посольство вышли къ нимъ за городъ и посовѣтовали имъ остановиться за Сичею, для чего отвели греческую избу на берегу рѣчки Чортомлыка. А асаулу Черняченку съ провожатыми велѣли войти въ городъ и размѣститься по куренямъ, гдѣ кто пожелаетъ. Въ это же время пріѣхали съ морскихъ разливовъ знатные козаки, Власъ съ товарищами, и привезли съ собой шесть татаръ и нѣсколько татарскихъ писемъ, обшитыхъ тафтой. Марта 10 дня кошевой атаманъ Иванъ Сирко, собравъ къ себѣ въ курень судью, писаря, курен-

ныхъ атамановъ, знатныхъ козаковъ-радцевъ, а вмѣстѣ съ ними и московскихъ пословъ Чадуева и Щоголева, объявилъ, что десятого числа у козаковъ рады не будетъ и потому царской грамоты на этотъ разъ они принять не могутъ; причина жъ тому та, что въ этотъ день будутъ переводиться татарскія письма, а когда письма будутъ переведены, то въ одной радѣ козаки выслушаютъ и письма и царскую грамоту; письма же тѣ посланцы изъ Крыма въ Волошскую землю къ татарскому войску съ нарочными гонцами отправятъ, и если въ тѣхъ письмахъ окажутся какія-нибудь свѣдѣнія о военныхъ замыслахъ турокъ и татаръ, то они всѣ тѣ письма пошлютъ къ царскому величеству. Послѣ этихъ словъ кошевой атаманъ Сирко, куренные атаманы, козаки-радцы спросили у пословъ: «Для какихъ великаго государя дѣлъ они къ намъ приславы, слышали, что за царевичемъ?» — «Не царевичъ онъ, а воръ, плутъ, самозванецъ, явный обманщикъ и богоотступника Стеньки Разина ученикъ», отвѣчали послы. На этотъ отвѣтъ кошевой съ товарищами говорилъ, что онъ самый истинный царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ, желающій съ ними говорить и видѣться. Послы на это возразили, что приславы они отъ великаго государя къ кошевому атаману и ко всему войску не за тѣмъ, чтобы видѣться съ самозванцемъ, а затѣмъ, чтобы взять его съ собой. На что запорожцы, въ свою очередь, отвѣтили, что покажутъ его посламъ на радѣ и что послы, услышавъ его рѣчь и всмотрѣвшись въ его лицо, признаютъ его за истиннаго царевича и поклонятся ему. Послы, услышавъ такія слова, пуще того стали обличать и самозванца, и его вождя, а потомъ, послѣ всего этого, ушли изъ куреня кошевого въ свою избу. Послѣ ухода пословъ кошевой атаманъ Сирко, судья Степанъ Бѣлый, писарь Андрей Яковлевъ и куренные атаманы чуть-ли не весь день пили у самозванца, «и Сирко, упившись, будто спалъ». Часа за два до вечера самозванецъ всталъ, опоясался саблей, и, въ сопровожденіи судьи, писаря, асауловъ и трехсотъ человѣкъ, напившихся пьяными, подошелъ къ избѣ, гдѣ стояли послы, вмѣстѣ съ козаками; тутъ козаки стали требовать Семена Щоголева, чтобы онъ вышелъ изъ избы къ царевичу. Но Семень Щоголевъ не пошелъ, а вмѣсто него вышелъ въ сѣни Василій Чадуевъ и, отворивъ дверь, сталъ говорить: «Кто спрашиваетъ и для какого дѣла Семена Щоголева?» На это самозванецъ отвѣтилъ къ нему: «Поди ко мнѣ». Василій Чадуевъ спросилъ его: «А ты что за человѣкъ?» — «Я

царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ».—«Страшное и великое имя вспоминаешь, такого великаго и преславнаго монарха сыномъ называешься, чего и въ разумъ человѣческой не вмѣстится; царевичи по степямъ и по лугамъ такъ ходить не изволятъ; ты сатанинъ и богоотступника Стеньки Разина ученикъ и сынъ, воръ, плутъ и обманщикъ». Самозванецъ за эти слова Чадуева сталъ называть его съ товарищемъ брюхачемъ и измѣнникомъ и поносить всякими скверными словами, послѣ чего, обратившись къ козакамъ, сказалъ: «Смотрите, наши жъ холопи да намъ же досаждаютъ». А потомъ, выхвативъ саблю и со словами «я тебя устрою», бросился къ дверямъ избы на Чадуева. Чадуевъ, видя то, схватилъ пицаль и рѣшился убить самозванца. Но въ это время писарь Андрей Яковлевъ схватилъ самозванца поперекъ и унесъ его за хлѣбную бочку, а потомъ съ нимъ ушелъ въ городъ. Послѣ ухода самозванца оставшіеся на мѣстѣ козаки забрали полѣнья, стали приступать къ избѣ и разбирать крышу ея, всячески безчестя Чадуева и попрекая его за то, что онъ хотѣлъ государича застрѣлить. Видя бѣду, Чадуевъ, Щоголевъ и стрѣльцы, забравъ пицали, сабли и мушкеты и простаясь между собой, стали ожидать смерти. Но потомъ, посидѣвши нѣсколько времени, достали государеву грамоту и стали говорить козакамъ, чтобъ они оставили ихъ до рады, а на радѣ выслушали бы царскую грамоту, что въ ней отъ великаго государя написано. Козаки успокоились, велѣли судѣ и асаулу поставить возлѣ пословъ караулъ, чтобы они не ушли, потому что москали умѣютъ изъ рукъ уходить, и послѣ того одинъ по одному разошлись. Послѣ ихъ ухода явился полковникъ Алексѣй Бѣлицкій съ козаками и съ мушкетами и сталъ въ сѣняхъ, у самыхъ дверей избы, готовый во всякое время къ бою.

Того же дня, вечеромъ, кошевой атаманъ Сирко присылалъ отъ себя къ посламъ судью, писаря, асаула и куреннаго атамана Ѳедора Серебрянника, которые говорили имъ такія рѣчи: «Худобы, Василій и Семенъ, сдѣлали, что, будучи между войскомъ, хотѣли застрѣлить государича; 12 марта будетъ рада и въ той радѣ будетъ государичъ; что вы хотѣли его застрѣлить, теперь всѣмъ извѣстно, и если онъ надъ вами велитъ войску что-нибудь сдѣлать, то войско что огонь, по макову зерну разорвуть». Чтобы поправить ошибку, козаки совѣтовали посламъ, придя на раду, бить челомъ и кланяться въ землю государичу, чтобы онъ про-

стиль ихъ. «Если бы Семень Щоголевъ,—добавляли козаки,—вышелъ тогда, когда его вызывали, и сталъ бы обличать государича или невѣжливо передъ нимъ говорить, то, конечно, государичъ и за это, и за прежнее обличеніе Семеново, саблю его срубилъ бы. А послѣ того, когда государича хотѣлъ Чадуевъ застрѣлить и когда онъ ушелъ отъ избы въ городъ, тогда, если бы онъ приказалъ пословъ съ ихъ людьми побить и въ Чортомлыкѣ побросать, козаки сдѣлали бы, потому что они государича считаютъ за царевича и вѣрятъ, и слушаютъ его, и что прикажетъ, то и будутъ дѣлать». На это Чадуевъ и Щоголевъ отвѣтили: «Недобрый, небогоугодный и невѣрныхъ слугъ поступокъ, что вы, называясь вѣрными слугами царскаго величества, просите и получаете его милости, а пословъ великаго государя, повѣря какому-то неизвѣстному вору, плуту и обманщику, убиваете и смерти передаете. Мы не на смерть къ вамъ посланы, а на радость и объявленіе прямой царской милости».

Марта 12 дня козаки, собравъ войсковую раду и отобравъ у пословъ ножи, пригласили ихъ съ царскою грамотою на раду, а съ ними вмѣстѣ приказали идти и четыремъ человекамъ караульщикамъ съ мушкетами. Послы, явившись въ раду и изложивъ всю рѣчь, какъ имъ было приказано, вручили кошевому Сирку царскую грамоту. Сирко, выслушавъ царскую грамоту, наказъ и гетманское письмо, обратился съ такою рѣчью къ запорожцамъ: «Братія моя, атаманы молодцы, войско запорожское, низовое, днѣпровое, какъ старый, такъ и молодой! Пржеъ сего въ войскѣ запорожскомъ у васъ, добрыхъ молодцовъ, того не бывало, чтобы кому кого выдавали; не выдадимъ и этого молодчика». На это войско отвѣчало: «Не выдадимъ, господине кошевой!» Сирко снова заговорилъ: «Братія моя милая, какъ одного его выдадимъ, тогда и всѣхъ насъ Москва по одному разволокутъ (sic). А онъ не воръ и не плутъ, прямой царевичъ, и сидитъ, какъ птица въ клѣткѣ, и ни передъ кѣмъ не виновенъ». На эти слова Сирка войско снова отвѣчало: «Пусть они того плута сами посмотрятъ въ очи, тогда узнаютъ, что то за плутъ. Ссылаются они на печать и на письмо, но самъ онъ (царевичъ) говорить, что все то пишутъ сами бояре и присылаютъ безъ царскаго указа и впредь будутъ присылать; пора ихъ либо утопить, либо руки и ноги обрубить». Во время этихъ рѣчей самозванецъ стоялъ въ церкви и смотрѣлъ на раду черезъ окно. Между тѣмъ Сирко, выслушавъ страшное рѣшеніе

рады относительно пословъ, снова заговорилъ: «Поберегите, братіе, меня, потерпите, наконецъ, и ради тѣхъ изъ нашихъ козаковъ, которые находятся у гетмана; помните, что послы, ради своей свободы, отослали ихъ къ гетману,—поэтому подержимъ ихъ живыми или одного изъ нихъ отпустимъ, чтобы какъ-нибудь своихъ освободить; впрочемъ, и то сказать: караулъ надъ ними крѣпкій, не уйдутъ. Братіе, атаманъ, молодцы, войско запорожское! Пошлемъ мы къ Дорошенку, чтобы онъ отдалъ намъ на Кошъ клейноты войсковые да и самъ къ намъ пріѣхалъ; а онъ меня послушаетъ, потому что миѣ кумъ, спасибо ему за то, что онъ по настоящее время не отдалъ тѣхъ войсковыхъ клейнотовъ Ромодановскому. Такая правда у того Ромодановскаго: когда побилъ Юрія Хмельницкаго и войсковые клейноты у него взялъ, то тѣхъ клейнотовъ намъ, войску запорожскому, не отдалъ да и теперь также сдѣлаетъ, если Дорошенко отдастъ ихъ ему». Козаки на слова кошевого отвѣчали: «Пошлемъ, господине кошевой; вели листы къ Дорошенку писать». Послѣ этого Сирко велѣлъ посламъ оставить раду и идти въ греческую избу, за городъ, въ сопровожденіи писаря и караульщиковъ. Но тутъ козаки снова заговорили: они настаивали на томъ, чтобы вывести царевича на раду и показать его посламъ и чтобы послы все по волѣ его учинили, а если не учинятъ, побить ихъ. На это Сирко возразилъ товариству: «Зачѣмъ же государичу по радамъ волочиться? Когда будетъ время, они увидятъ его и безъ рады и сдѣлаютъ все по волѣ его, а пока то время не пришло, отпустите ихъ». Вечеромъ того же дня пришли къ посламъ судья, писарь, асаулъ и самозванецъ; послѣдній былъ очень опечаленъ тѣмъ, что его не звали въ раду и потому хотѣлъ видѣться съ послами; пришедшіе козаки объявили посламъ, что Сирко хочетъ свести ихъ съ царевичемъ въ своемъ куренѣ и заставить говорить съ нимъ. «Присланы мы отъ царскаго величества къ войску запорожскому по него, самозванца, а не бесѣдовать съ нимъ. И если кошевой это сдѣлаетъ и призоветъ насъ къ себѣ, имѣя въ своемъ куренѣ самозванца съ саблею, и самозванецъ тотъ начнетъ озорничать, то какая жъ тутъ правда? Мы какъ прежде, такъ и тогда, какъ будемъ у кошевого въ куренѣ, шею не протянемъ».

Марта 13 дня кошевой атаманъ Сирко, созвавъ къ себѣ въ куренъ куренныхъ атамановъ и знатныхъ козаковъ-радцевъ и пригласивъ туда же царскихъ пословъ съ генеральнымъ асауломъ

Черныченкомъ, обратился съ такою рѣчью къ посламъ: «Много вы, приѣхавъ на Запорожье, поворовали, на великаго человѣка руку поднявъ, государича убить хотѣли, и за это смерти вы достойны. А намъ Богъ послалъ съ неба многоцѣнное жемчужное зерно и самоцвѣтный камень, чего искони вѣковъ у насъ въ Запорожьѣ не бывало. Самъ же рассказываетъ, какимъ образомъ изъ Москвы изгнанъ: былъ онъ однажды въ палатахъ своего дѣда по плоти, Ильи Даниловича Милославскаго; въ то время у Ильи Даниловича бесѣдовалъ о дѣлахъ нѣмецкій посолъ; и той рѣчи царевичъ помѣшалъ, за что Илья Даниловичъ невѣжливо отвелъ его рукою; тогда царевичъ, придя въ царскія палаты, сказалъ государынѣ Марьѣ Ильиничнѣ, что если бы ему, царевичу, дали хоть три дня на царствѣ побыть, то онъ бы всѣхъ нежелательныхъ ему бояръ немедленно перевелъ; а когда царица спросила у него, кого же именно онъ перевелъ бы, то царевичъ отвѣтилъ, что первѣе всѣхъ боярина Илью Даниловича, а за нимъ и другихъ. Тогда государыня бросила въ него ножомъ и тотъ ножъ воткнулся въ ногу царевичу, отъ чего царевичъ занемогъ. Послѣ этого царица велѣла стряпчему Михайлу Савостьянову окормить царевича, но тотъ стряпчій окормилъ вмѣсто царевича какого-то пѣвчаго, и лицомъ и возрастомъ схожаго съ царевичемъ и, снявъ съ него платье, положилъ на столъ, а на мертваго положилъ иное; царевича же хранилъ втайнѣ три дня, потомъ нанялъ двухъ человѣкъ старыхъ нищихъ, одного безрукаго, другого кривого и, давъ имъ 100 червонцевъ, велѣлъ вывезти царевича изъ города въ небольшой телѣжкѣ подъ рогожей; нищіе вывезли и отдали его посадскому мужику, а тотъ мужикъ свезъ царевича къ Архангельской пристани. И царевичъ, проскитавшись тамъ долгое время, пришелъ на Донъ и сталъ плавать со Стенькою Разинымъ по морю, въ качествѣ кашевара, не объявляя о настоящемъ своемъ званіи и называя себя Матюшкою. Только передъ тѣмъ, какъ Стеньку Разина забрали въ Москву, онъ объявилъ ему, подъ присягою, о себѣ, и Стенька зналъ его. Послѣ же Стеньки былъ на Дону какой-то царскій посланецъ съ казной и тотъ посланецъ дарилъ царевича подарками, черезъ него царевичъ написалъ собственноручно письмо о себѣ царю, но того письма бояре до царскаго величества не допустили. А когда время настанетъ, то онъ пошлетъ къ царскому величеству письмо о себѣ съ такимъ человѣкомъ, который самъ донесетъ его до царскаго величества». Въ заклю-

чепіе рѣчи Сирко отъ себя о царевичѣ прибавилъ, что сначала онъ мало ему вѣрилъ, но потомъ, когда въ наставшій постъ царевичъ началъ говѣть, то Сирко велѣлъ священнику на исповѣди подѣ клятвой допросить, вѣрно-ли все то, о чемъ онъ разсказывалъ, и царевичъ подѣ клятвой отвѣтилъ, что все сказанное имъ истинная правда, и послѣ этого приобщился святыхъ таинъ. Оттого теперь, кто что объ немъ ни говори и ни пиши, всѣ вѣрятъ въ его царственное происхожденіе. И Сирко, перекрестясь, говорилъ, что это истинный царевичъ и что ни самъ царевичъ, ни войско не отказываются просить себѣ, что надо по росписи, а именно: на 3.000 съ небольшимъ человекъ по 10 аршинъ на человека въ годъ кармазинныхъ суконъ, кромѣ того денежной, свинцовой и пороховой казны, также ломовыхъ пушекъ, нарядныхъ ядеръ и мастера, который тѣми ядрами умѣлъ бы стрѣлять, сипоши же и чайки у нихъ будутъ. Послѣ Сирка говорилъ самъ самозванецъ; онъ сказалъ, что послы сами хорошо знаютъ, почему ни донскимъ, ни запорожскимъ козакамъ не даютъ ни жалованья, ни пушекъ, ни чаекъ, ни всякихъ воинскихъ запасовъ, — что царское величество къ нимъ милосердъ и много общаетъ, а бояре и малаго не даютъ; а что до присланныхъ царскимъ величествомъ шиптуховыхъ суконъ, то имъ изъ нихъ досталось только по полтора локтя на человека и только тѣ, которые хотѣли купить, тѣ, скупая, сдѣлали себѣ кафтаны, другіе же изъ тѣхъ суконъ сшили себѣ сумки на кремни да пули. На рѣчь кошевого, куренныхъ атамановъ и козаковъ-радцевъ послы отвѣчали, чтобы они, оставивъ всѣ свои слова, отдали бы посламъ самозванца и отправили бы его со ста человекъ козаковъ къ его царскому величеству, за что его царское величество будетъ жаловать ихъ милостивымъ жалованьемъ. А на Кошъ за это присланы будутъ жалованье, сукна, ломовыя пушки, нарядныя ядра, мастеръ, зерье, свинець, сипоши и чайки. «А что тотъ истинный воръ, плутъ, самозванецъ и явный обманщикъ про себя объявлялъ, что онъ у вора, богоотступника и клятвопреступника Стеньки Разина былъ, то тому Стенькѣ, за его воровство, казнь учинена». Кошевой и куренные атаманы на это посламъ сказали: «Если мы и тысячу козаковъ съ нимъ пошлемъ, то на дорогѣ его отымутъ и до царскаго величества не допустятъ, а потому если придутъ за нимъ дворяне или воеводы съ ратными людьми, для взятія государича, то и тогда не дадимъ его. Москва и насъ всѣхъ называетъ ворами и плутами, будто

мы сами не знаемъ, что и откуда кто есть». Самъ кошевой атаманъ Сирко посламъ сказалъ: «Если государь, по приговору бояръ, за то, что мы не отдали царевича, пошлетъ къ гетману Самойловичу, чтобы онъ не велѣлъ пускать къ намъ въ Запорожье хлѣба и всякихъ харчей, какъ Демка Многогрѣшный не пропускалъ, то мы, какъ тогда безъ хлѣба не были, такъ и теперь не будемъ, мы сыщемъ себѣ и другого государя, дадутъ намъ и крымскіе мѣщане хлѣба, и рады намъ будутъ, чтобы только брали, такъ же какъ во время гетманства Суховія давали намъ всякій хлѣбъ изъ Перекопа. А про царевича извѣстно и крымскому хану, который уже присылалъ къ намъ узнать объ немъ, на что мы отвѣтили ему, что такой человекъ у насъ на Кошу дѣйствительно есть. И посланный хана самъ видѣлъ царевича. А къ тому же и турецкій султанъ нѣмѣшней весной непремѣнно хочетъ быть подъ Кіевъ и далѣе; пусть цари между собой перевѣдаются, а мы себѣ мѣсто сыщемъ: кто силенъ, тотъ и государь намъ будетъ. Жаль мнѣ Павла Грибовича: если бы онъ въ настоящее время былъ со мной, то зналъ бы я, какъ въ Сибирь черезъ поле засматривать, узнали бы тогда, каковъ жолнѣръ Сирко». Тотъ же Сирко присланному вмѣстѣ съ послами отъ гетмана Самойловича генеральному асаулу Черняченку сказалъ такое слово: «Какому они мужику гетманство дали,—онъ своихъ разоряетъ, да и разорять-то не умѣетъ: по Днѣпру попласталъ, поволочился и, ничего добраго не сдѣлавъ, назадъ возвратился. Теперь у нихъ четыре гетмана: Самойловичъ, Суховіенко, Ханенко и Дорошенко, а ни отъ кого изъ нихъ ничего добраго нѣтъ: сидятъ дома да за гетманство, за маетности и за мельницы кровь христіанскую проливаютъ; лучше было бы Крымъ разорить да войну унять. А было время, когда войско, во время рады, меня спрашивало и гетманство хотѣло мнѣ дать, но Ромодановскій Самойловича гетманомъ сдѣлалъ,—не по войсковому онъ поступилъ и меня, Сирка, въ пропасть послалъ. Слышно, что многіе города той стороны и Лизогубъ теперь къ вашему гетману перешли, а за то хвала Богу, что Лизогубъ къ гетману подлизался: онъ какъ лизнетъ, то и въ пяткахъ горячо будетъ. А когда бы мнѣ, Сирку, гетманство дали, то я бы не такъ сдѣлалъ. Да и теперь, если бы мнѣ хотя на одинъ годъ гетманство дали или гетманъ поповичъ ¹⁾, московскій обра-

¹⁾ Ивавъ Самойловичъ былъ сынъ священника западной стороны Днѣпра, изъ села Краснаго.

нецъ, далъ мнѣ четыре козацкихъ полка—полтавскій, миргородскій, прилуцкій и лубенскій, то я бы зналъ, что съ ними дѣлать: весь Крымъ разорилъ бы». Въмѣсто Черняченка кошевому отвѣчали послы, что теперь съ бояриномъ и съ гетманомъ ратныхъ людей великаго государя около 40.000 и что Сирко можетъ идти къ нимъ и чинить промыслъ, гдѣ придется. «Теперь не прежнее время, — возразилъ Сирко посламъ: — больше не обмануть меня. Раньше этого мнѣ отписалъ Ромодановскій на карткѣ государскую милость, и я, повѣря ему, поѣхалъ къ нему, а онъ продалъ меня за 2.000 червонныхъ». — «А кто же тѣ червонные за тебя далъ?» спросили послы. — «Царское величество, милосердую обо мнѣ, тѣ червонные Ромодановскому указалъ дать», отвѣчалъ Сирко.

Марта 17 дня, передъ обѣдней, кошевой атаманъ Иванъ Сирко посылалъ священника съ одиннадцатью куренными атаманами осмотрѣть на самозванцѣ природные знаки его. Посланные не нашли на немъ ни подобія царскаго вѣнца, ни двуглаваго орла, ни мѣсяца со звѣздой, какъ показывалъ челядникъ Василя Многогрѣшнаго Лучка, а нашли лишь на груди его, отъ одного до другого плеча, восемь, подобно лишаямъ, бѣлыхъ и широкихъ пятенъ. По поводу этихъ пятенъ самозванецъ сказалъ, будто объ нихъ вѣдаетъ государыня царица да мама Марья, и что теперь кромѣ стряпчаго Севастьянова его никто не узнаетъ, да и онъ, кромѣ Севастьянова, никому не повѣритъ, также, какъ писать только къ царскому величеству будетъ. Съ этихъ поръ и кошевой Сирко, и козаки еще больше увѣровали въ истинное происхождение царевича.

Того же дня кошевой атаманъ Иванъ Сирко, призвавъ къ себѣ царскихъ пословъ, въ присутствіи куренныхъ атамановъ, сказалъ имъ: «Рѣшили мы сообщая отпустить васъ къ царскому величеству, а съ вами отправить своихъ посланцевъ, не вѣря ни тому, что въ грамотѣ къ намъ написано, ни тому, что вы намъ о царевичѣ говорили; въ листѣ своемъ мы отпишемъ всѣ слова царевича, да и онъ самъ отпишетъ его царскому величеству и гетману Самойловичу. Пословъ же своихъ главнымъ образомъ посылаемъ для того, чтобы они, слышавъ изъ самыхъ устъ государскихъ царское слово о царевичѣ, пріѣхавъ на Кошъ, намъ о томъ объявили, и тогда у насъ свой разумъ будетъ».

Марта 18 дня кошевой атаманъ Сирко и все посольство, собравшись на раду, читали свои листы и листъ царевича, написан-

ные къ царскому величеству и къ гетману; московскіе послы не были приглашены на раду. Послѣ чтенія писемъ запорожцы выбрали, въ качествѣ посланцевъ къ царю, Продика Золотаря, Трофима Троцкаго да писаря Перепелицу, а послѣ выбора собственныхъ посланцевъ, козаки призвали царскихъ пословъ въ курень кошевого атамана и тамъ вычитали имъ свои листы; въ тѣхъ листахъ прописано было все то, что царскіе послы слышали о царевичѣ на радѣ; одно только въ листахъ показано было иначе, царевичу написано было 16 лѣтъ, а по осмотру пословъ ему больше 20 лѣтъ. Послѣ этого Чадуевъ, Щоголевъ и Черниченко того же дня были отпущены изъ Сичи.

Отгѣхавъ три версты отъ Сичи, царскіе послы должны были нѣкоторое время ожидать запорожскихъ посланцевъ, задержанныхъ кошевымъ и царевичемъ въ Сичи. Догнавъ царскихъ пословъ, запорожскіе посланцы объявили имъ, что съ ними имѣются только войсковые листы, а листа царевича при нихъ нѣтъ, потому что царевичъ изорвалъ его за то, что кошевой и посольство не позволили ему, царевичу, ни свидѣться съ царскими послами, ни проводить ихъ. Послы не повѣрили тому, чтобы листъ царевича былъ изорванъ; напротивъ того, они убѣдились, что посланцы таятъ его для того, чтобы имъ самимъ, когда они будутъ у государевой руки, подать лично царскому величеству тотъ листъ, иначе бояре того листа царевича до государя не допустятъ. Также сомнѣвались царскіе послы и относительно того, тѣ-ли взяли съ собой запорожскіе посланцы листы, которые читаны были на радѣ, такъ какъ козацкіе посланцы послѣ отгѣзда царскихъ пословъ долго оставались въ Сичи. Тутъ же, догнавъ царскихъ пословъ, запорожскіе посланцы говорили имъ, что когда они выгѣхали изъ Сичи, то царевичу поданы были три осѣдланыхъ лошади съ парой пистолетовъ при каждой, и царевичъ просился провожать Чадуева и Щоголева съ тѣмъ, чтобы побить ихъ, но кошевой Сирко не допустилъ его до того¹⁾. Къ этому запорожскіе посланцы добавили, что когда Чадуевъ и Щоголевъ пріѣхали въ Сичь, то къ царевичу былъ приставленъ крѣпкій караулъ, а до пріѣзда ихъ онъ ѣздилъ по полямъ свободно одинъ.

Оставивъ Сичу, Чадуевъ и Щоголевъ прибыли въ Кобыляки, а изъ Кобылякъ, апрѣля 4 дня, добрались въ городъ Переяславъ,

¹⁾ Это подтвердили потомъ и другіе свидѣтели: Акты, XI, 563.

къ гетману Ивану Самойловичу. Въ этомъ городѣ запорожскіе посланцы остановились кормить лошадей; тутъ къ нимъ пріѣхало изъ Сичи и изъ городовъ еще 34 человекъ козаковъ, которые хотѣли ѣхать къ царю. Въ Переяславѣ гетманъ Иванъ Самойловичъ и бояринъ Григорій Ромодановскій съ товарищами говорили царскимъ посламъ, чтобы они доложили государю, а государь бы указать изволилъ, кого прислать на Украину, чтобы дома и животы Сирковы на великаго государя отписать, а жену его и зятей въ крѣпости держать, потому что Сирковы жена, зятя и дома въ его боярскомъ полку. Зятей его Сирковыхъ бояринъ велѣлъ взять въ Переяславъ къ себѣ, а дома и животы Сирка и зятьевъ его онъ велитъ на государя отписать; но посадить въ крѣпость ни жены, ни зятьевъ безъ указа великаго государя не смѣетъ, чтобы избѣжать клеветы со стороны Сирка, какъ это было въ прошлую измѣну, когда Сирко клепалъ на боярина за многіе животы свои. Также просили гетманъ и бояринъ доложить государю о присылкѣ царскаго указа гетману Самойловичу, чтобы не пропускать никого въ Запорожье ни съ хлѣбомъ, ни съ харчой, ни съ какимъ другимъ дѣломъ изъ всѣхъ городовъ и отъ людей всякихъ чиновъ, чего безъ царскаго указа самъ гетманъ не смѣетъ сдѣлать. Гетманъ хотѣлъ послать съ предупрежденіемъ о томъ хорунжаго своего въ крѣпость Переволочну, гдѣ переѣзжаютъ съ лѣваго берега Днѣпра на правый, т.-е. изъ Украины на Запорожье, до прибытія царскаго указа. А о самозванцѣ онъ думаетъ, что достать его изъ Запорожья никакъ нельзя, потому что запорожцы увѣровали въ него, точно мусульмане въ свсего Магомета. Относительно же тѣхъ козаковъ, которые пристали, не будучи посланы изъ Запорожья, къ царскимъ посламъ, гетманъ сказалъ, что хоть ихъ сто человекъ, то онъ ихъ всѣхъ пропуститъ къ царю; а когда они будутъ въ Москвѣ, то пусть государь изволитъ приказать отпустить изъ нихъ на Запорожье двухъ или трехъ человекъ, а остальныхъ велитъ задержать и на Запорожье въ своей царской грамотѣ отписать: если козаки того самозванца не выдадутъ, то онъ всѣхъ оставленныхъ въ Москвѣ ихъ товарищей предастъ злой смерти.

Отъ гетмана царскіе послы уѣхали апрѣля 6 дня и въ томъ же мѣсяцѣ прибыли въ Москву. Въ Москвѣ они подробно доложили обо всемъ, что видѣли и что слышали на Запорожьѣ и въ заключеніе сказали, что, будучи въ Сичи, они жили «купя свѣтъ»:

старшинѣ и козакамъ, которые къ нимъ приходили и смертью угрожали, давали по одному, по два и по три ефимка; а заняли тѣ ефимки у гетмана Ивана Самойловича, будто бы, на покупку лошадей, по двадцати рублей, и всѣ тѣ деньги роздали, чѣмъ освободились отъ бѣды. А ту пищаль, изъ которой Василій Чадувѣ хотѣлъ застрѣлить самозванца, взялъ себѣ Сирко; цѣною жъ она была восемь рублей ¹⁾).

Оставшись послѣ отбѣзда царскихъ пословъ въ запорожской Сичи, «царевичъ» сталъ просить Сирка, чтобы онъ далъ ему 100 или 200 человекъ козаковъ, съ которыми онъ могъ бы съѣхать на островъ Чортомлыкъ и оттуда написать на Донъ къ простой черни, дабы чернь вырубилла старшину и преклонилась ему, царевичу: «А какъ та чернь приклонится, тогда я, собравши по городамъ людей, могу идти къ Москвѣ». На это Сирко ему сказалъ: «Къ чему тебѣ собирать войско? Если хочешь ѣхать къ Москвѣ, то я отпущу тебя съ провожатыми». — «Нельзя мнѣ ѣхать съ одними провожатыми въ Москву, — бояре убьютъ меня». Послѣ этого разговора Сирко сталъ особенно беречь «царевича», чтобы онъ куда-нибудь не уѣхалъ изъ Сичи ²⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 342—364.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 610.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Посольство Сирка къ Дорошенку и Самойловичу съ предложеніемъ дѣйствовать сообща противъ враговъ христовой вѣры. — Заключение гетманомъ Самойловичемъ посланцевъ Сирка Яремы Квашы и Грицька Оглобли въ тюрьму. — Письма Сирка къ брату гетмана, священнику Тимошею Самойловичу и боярину Григорію Ромодановскому по этому поводу. — Прибытіе запорожскихъ посланцевъ въ Москву по дѣлу о самозванцѣ. — Грамота царя Сирку о выдачѣ самозванца. — Отправка самозванца въ Москву, казнь его и пожалованіе царемъ Сирка. — Дѣло объ Иванѣ Мазепѣ. — Исповѣдь Мазепы въ Москвѣ и показанія его о Сиркѣ и Дорошенкѣ. — Новая гроза для Украйны отъ нашествія турокъ и татаръ. — Движенія Сирка за Бугъ и заднѣпровскую Украйну. — Вторженіе турокъ въ Подолю и взятіе ими Лодыжина и Уманя. — Походы крымскаго хана въ лѣвобережную Украйну. — Возращеніе Сирка въ Сичу.

Отправивъ Василя Чадуева и Семена Щоголева изъ Сичи, кошевой атаманъ Иванъ Сирко, въ слѣдъ за этимъ, отправилъ въ Чигиринъ войскового товарища Стефана Бѣлаго съ 25 товарищами къ гетману Дорошенку. Цѣль этого посольства раскрывается въ письмѣ войскового судьи Стефана Бѣлаго, писанномъ апрѣля 7 дня, 1674 года, изъ города Чигирина на имя знатнаго запорожца Григорія Пелеха съ товарищами, находившагося подъ регементомъ Самойловича. Письмо это передано было посланцемъ Бѣлаго не Пелеху, а городовому козаку Дубягѣ и отъ Дубяги попало въ руки Самойловича. Въ немъ было сказано, что Бѣлый и его товарищи присланы въ Чигиринъ къ Дорошенку по волѣ кошевого атамана Ивана Сирка и войска запорожскаго низового; въ Чигиринѣ они должны были сказать, что кошевой и все войско запорожское на общей радѣ постановили бытъ въ единомыслии и въ братолюбномъ совѣтѣ съ господиномъ гетманомъ Петромъ Дорошенкомъ для того, чтобы и между украинскимъ войскомъ, и между всѣми украинскими городами никакого не было замѣшанья и кроворазлитія. Поэтому, Бѣлый совѣтовалъ Пелеху прекратить загоны подъ городами, оставаться въ полномъ спокойствіи и не препятствовать всѣмъ желающимъ идти въ Чигиринъ къ гетману или къ своимъ родичамъ, чтобы тѣмъ сохранить въ цѣлости весь свой

народъ въ случаѣ прихода общаго непріятели, врага православной вѣры и козацкихъ вольностей. Прочитавъ и «выразумѣвъ» все изложенное въ письмѣ Стефана Бѣлаго, гетманъ Иванъ Самойловичъ немедленно отправилъ это письмо въ Москву. Царь отвѣчалъ гетману грамотой, въ которой писалъ, что о ссылкѣ Сирка съ Дорошенкомъ ему по гетманскому письму теперь все извѣстно; извѣстно также и то, что въ Москву ѣдутъ посланцы Сирка изъ Сичи, а когда они придутъ въ Москву и когда объявятъ о своихъ дѣлахъ въ приказѣ Малой Россіи, тогда обо всемъ томъ царь прикажетъ извѣстить гетмана ¹⁾.

Въ слѣдъ за посланцами, отправленными къ гетману Дорошенку, Сирко отправилъ посланцевъ къ Самойловичу. И здѣсь цѣлью посольства было то, чтобы соединиться всѣми силами и дѣйствовать сообща противъ грозныхъ враговъ. Но гетманъ Самойловичъ, едва успѣли прибыть къ нему посланные изъ Сичи козаки, приказалъ заключить ихъ въ тюрьму и никуда не выпустить, а потомъ, согласно царскому указу, «жестокѣе приказалъ не дерзать никому въ Запороги идти и хлѣбныхъ запасовъ провозать туда» ²⁾. Узнавъ объ этомъ, Сирко написалъ два просительныхъ письма,—одно отъ 23 мая къ священнику Тимоею Самойловичу; другое, отъ 28 мая, къ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, воеводѣ бѣлгородскому. Обоихъ Сирко просилъ подѣйствовать на гетмана, чтобы онъ, давъ свободу запорожскимъ посланцамъ, вернулъ ихъ назадъ въ Сичу ³⁾ и не считалъ бы запорожцевъ своими врагами: «Князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, благодѣтелю, низжайшее поклоненіе препосылаемъ и увѣдомляемъ, что я кошевой и все войско запорожское, по обѣщанію нашему, желаемъ вѣрно служить великому государю, пока свѣтъ будетъ свѣтить. Только сомнѣніе насъ беретъ и помѣхой нашимъ намѣреніямъ служить то, что нашихъ пословъ Ярема Квашу и Грицька Оглоблю уже нѣсколько десятковъ недѣль держатъ въ неволѣ, томятъ въ заключеніи и никакихъ полезныхъ намъ вѣстей о томъ, какъ бы мы могли противостать противъ давняго и общаго нашего непріятели, знать не даютъ, отчего духовный врагъ и

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 429, 443, 446.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 478.

³⁾ Къ Тимоею Самойловичу писалъ мая 23 дня о возвращеніи запорожскихъ пословъ и «даревичъ» Симеонъ Алексѣевичъ: Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, IV, 314.

плевосѣятель, радуясь тому, начинаетъ между нами вражду распространять. Желая предотвратить эту вражду, хотѣли мы къ вашей княжеской милости, ради вѣрности нашей, посланцевъ нашихъ, товарищей войсковыхъ Лукьяна Нужного и Михайла Креху, послать; черезъ этихъ посланцевъ, представивъ вамъ по истинной правдѣ, что служба наша его царскому величеству вѣрна и неотмѣнна, мы имѣли сказать, что чинить промысловъ надъ бусурманами не перестаемъ и много имѣемъ въ настоящее время пойманныхъ языковъ. Но только опасаемся послать ихъ, потому что не въ честь это приходитъ намъ. А что тѣ языки сказали намъ на словахъ, объявляемъ вамъ, что крымскій ханъ съ ордами имѣлъ выйти изъ Крыма съ наступленіемъ настоящаго мѣсяца, при Дорошенкѣ же орды, по словамъ нашихъ пословъ, не больше 1.000 или 1.500. И хотя посылали мы пословъ къ Дорошенку, но дѣлали это не для пагубы народа, а изъ желанія соединить и привести всѣхъ подъ высокодержавную и крѣпкую руку его царскаго пресвѣтлаго величества; что же касается того слуха, будто мы хотѣли мировую устроить съ крымцами, то это чистый вымыселъ. Просимъ вашу княжескую милость всѣмъ тѣмъ словамъ не вѣрить. Извѣщаемъ васъ, что мы, для освобожденія нашихъ христіанскихъ невольниковъ, желаемъ обмѣнъ полоняниковъ сдѣлать. Бью челомъ вашей княжеской милости, моему благодѣтелю, что въ моемъ домѣ имѣется турецкій и татарскій полочъ; позволю мнѣ взять ихъ на откупъ для обмѣна кровныхъ моихъ и изъ неволи тяжелой выволить, также и посланцевъ войсковыхъ, раньше да и теперь посланныхъ, изволь, благодѣтель мой, скорѣе съ подлинными вѣстями, имѣющимися у васъ, отпустить, чтобы мы, не имѣя никакого сомнѣнія, могли стать противъ общаго нашего непріятеля, чего такъ усердно и желаемъ, и хотимъ»¹⁾.

Между тѣмъ, когда происходили эти переговоры съ Дорошенкомъ и Самойловичемъ, и шла жалоба Сирка Ромодановскому на Самойловича, въ Москву прибыли, мая 1 дня, 1674 года, запорожскіе посланцы, Прокофій Семеновъ и его товарищи, числомъ 300 человекъ, по дѣлу о пребываніи въ Сичи «царевича»²⁾. Явившись въ столицу, запорожскіе посланцы подали на имя царя листъ, въ которомъ Сирко со всѣмъ товариществомъ, называя царя божіимъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 480—483.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 659.

помазанникомъ, многомилостивымъ свѣтомъ и войска запорожскаго дыханіемъ, извѣщаль, что въ Сичи объявился какой-то «молодикъ», называющій себя царевичемъ Симеономъ Алексѣвичемъ, который, будто бы, отъ обиды, нанесенной ему матушкой-государыней, бѣжалъ изъ Москвы, долго скитался по Россіи, а подъ конецъ пріѣхалъ въ Запорожье, гдѣ и сохраняется подъ строжайшимъ карауломъ и впредь будетъ сохраняться, до тѣхъ поръ, пока войско не услышитъ царскаго слова, правда-ли то, о чемъ рассказываетъ Симеонъ Алексѣвичъ. Выѣстъ съ письмомъ Сирка посланцы кошевого подали и письмо самого «царевича», въ которомъ онъ, называя себя Симеономъ Алексѣвичемъ, сыномъ царя Алексѣя Михайловича, благочестивымъ царевичемъ, билъ челомъ государю на думныхъ бояръ за то, что они хотѣли его уморить, хотя и не успѣли въ томъ, оттого онъ и теперь, желая идти къ своему батюшкѣ, не идетъ, чтобы на дорогѣ какого зла не было; жаловался онъ и на царскихъ пословъ Василя Чадуева и Семена Щоголева, которые хотѣли его изъ пищали застрѣлить; наконецъ, писалъ онъ царю и о томъ, что войско запорожское ему вѣрно служить и просилъ пожаловать козаковъ тѣмъ, о чемъ они будутъ бить челомъ, для лучшаго ихъ промысла надъ бусурманами, потому что козаки не только въ полѣ побѣждали ихъ, но водою прямо въ землю непріятельскую приходили и тамъ знатныя побѣды одерживали.

На листъ Ивана Сирка царь отвѣчалъ грамотой, въ которой упрекалъ кошевого въ томъ, что онъ презрѣлъ царскую милость и не исполнилъ своего обѣщанія, далъ вору и самозванцу печать и знамя, прежде пріѣзда въ Сичь царскихъ пословъ не извѣстивъ о немъ въ Москву, посылалъ священника и знатныхъ козаковъ разспрашивать вора о его личности, безъ царскаго указа сносился съ Дорошенкомъ, напоминалъ Сирку о годѣ, днѣ смерти и мѣстѣ погребенія царевича Симеона Алексѣвича и въ заключеніе требовалъ, чтобы кошевой, сковавъ самозванца и его вождя Ивана Мюску, прислалъ бы ихъ, за крѣпкимъ карауломъ, въ Москву, въ залогъ чего царь оставлялъ въ Москвѣ посланцевъ кошевого и приказалъ удержать чайки (лодки), пушки, сукна и деньги въ городѣ Сѣвскѣ, до присылки самозванца ¹⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 562; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 312.

Получивъ царскую грамоту, Сирко немедленно извѣстилъ боярина Григорія Григорьевича Ромодановскаго о томъ, что чело-вѣка, называющаго себя сыномъ царя и великаго князя, онъ отправляетъ, скованнаго желѣзами, вмѣстѣ съ его шестью товарищами, въ Москву, а вмѣстѣ съ тѣмъ шлетъ его царскому пресвѣтлому величеству нижайшій листъ. Въ этомъ листѣ написано было слѣдующее: «Человѣка, который именуется вашего величества сыномъ, мы за крѣпкимъ карауломъ держали, честь не ему самому, а вашему царскому пресвѣтлому величеству свѣту, нашему дыханію отдавали, потому что вашимъ прирожденіемъ именуется; теперь, какъ вѣрный слуга, отсылаю его къ вашему величеству, желая свое обѣщаніе исполнить и вѣрно до послѣднихъ дней живота служить; съ Дорошенкомъ ссылаюся я, желая привести его на службу къ вашему царскому величеству; смилуйся, великій государь, пожалуй насъ всякими запасами довольными, какъ на Дону. Мы просили у гетмана Ивана Самойловича перевоза, Переволочной, но онъ не далъ; просили же мы не для собиранія пожитковъ, какъ иные выпрашиваютъ, а на защиту вѣры христіанской. Всѣ поборы, которые съ христіанъ на Украинѣ берутъ, вашему величеству не доносятъ, а намъ и одного перевоза не даютъ».

Привезенный изъ Запорожья въ Москву самозванецъ далъ три показанія и въ первомъ изъ нихъ объявилъ, что всѣхъ больше его принуждалъ принять «страшное» имя царевича кошевой атаманъ Иванъ Сирко, который хотѣлъ, собравшись, идти на московское государство и побить бояръ. Въ остальныхъ двухъ показаніяхъ о Сиркѣ онъ ни слова не сказалъ, а заявилъ, что воровству тому научилъ его Иванъ Мюсскій, родомъ хохлачь. О себѣ же самозванецъ сказалъ, что онъ подданный князя Димитрія Вишневецкаго, сынъ варшавскаго мѣщанина, перешедшаго въ Варшаву изъ Лохвицы ¹⁾; отца его звали Ивановъ Андреевымъ Воробьевымъ, а его самого—Семеномъ Ивановымъ. Концомъ всей исторіи Лжесимеона царевича была казнь его въ Москвѣ, сентября 17 дня, 1674 года, на Красной площади въ присутствіи бояръ и народа.

Какъ понимать поведеніе Сирка въ отношеніи самозванца Лжесимеона? Трудно допустить, чтобы Сирко, человѣкъ опытный, дальновидный и проникательный, вѣрилъ въ подлинность происхожденія лица, называвшаго себя сыномъ царя Алексѣя Михай-

¹⁾ Лохвица—уѣздный городъ полтавской губерніи.

ловича, и въ искренность сплетенной имъ басни о бѣгствѣ изъ Москвы и скитальничествѣ по Россіи. Скорѣе всего надо думать, что Сирко разыгралъ въ этомъ случаѣ роль человѣка, убѣжденнаго въ истинности царственнаго происхожденія Лжесимеона, — такая роль полезна была ему для того, чтобы держать Москву въ своихъ рукахъ и тѣмъ сохранять политическую независимость Запорожья отъ нея; можетъ быть, къ этому присоединилась и месть за ссылку въ Сибирь, въ чемъ Сирко и проговорился во хмелю и о чемъ онъ никогда не могъ забыть до послѣднихъ дней жизни своей. Такъ или иначе, но свою роль Сирко разыгралъ на столько искусно, что заставилъ вѣрить въ царевича и всю массу запорожскаго войска. Вѣра эта сказывалась въ томъ, что всѣ запорожцы, до одинаго, готовы были идти за царевича и въ огонь, и въ воду, ни за что не хотѣли отдать его письма боярамъ, а рѣшили отвезти его прямо къ царю и, наконецъ, нигдѣ, ни въ официальномъ, ни въ частномъ разговорѣ, не называли его ни бѣглецомъ, ни самозванцемъ; даже зложелатели Сирка и тайные сторонники Москвы не высказывали въ этомъ отношеніи своихъ сомнѣній о личности царевича и принятой въ отношеніи его роли Сирка.

Какъ бы то ни было, но Москва и на этотъ разъ должна была «пробачить» вины запорожцевъ, какъ «пробачила» она раньше убійство московскаго посла Лодыженскаго: царь послѣ казни Лжесимеона пожаловалъ кошевому атаману Ивану Дмитріевичу Сирку два сорока соболей, пѣною по 50 рублей каждое сорокъ, да двѣ пары по 7 рублей пара ¹⁾. Сирко, получивъ царскій подарокъ, писалъ царю челобитную съ просьбой дать ему на жительство, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, городокъ Келеберду, у лѣваго берега Днѣпра, близъ Переволочны: «Устарѣлъ я на воинскихъ службахъ, а нигдѣ вольнаго житія съ женой и дѣтьми не имѣю, милости получить ни отъ кого не желаю, только у царскаго величества: пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ бы дать въ полтавскомъ полку подъ Днѣпромъ городокъ Келеберду». Царь внялъ просьбѣ Сирка, даровалъ ему городокъ Келеберду, а всему войску запорожскому перевозъ Переволочну, но въ это дѣло вмѣшался злѣйшій врагъ и зложелатель Сирка, гетманъ Самойловичъ, и Сирко остался безъ Келеберды, а войско—безъ Переволочны.

Въ то время, когда дѣло о Лжесимеонѣ царевичѣ приходило

¹⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 323.

къ концу, въ это самое время ¹⁾ началось дѣло у Сирка съ Мазепой: козаки Алексѣй Борода, Яковъ и Василій Темниченки донесли гетману Ивану Самойловичу, что, выйдя изъ Сичи со своимъ атаманомъ Иваномъ Сиркомъ, июня въ 11 день, для объявленія своей вѣрной къ царскому величеству службы и для получения милости пресвѣтлаго величества, недалеко отъ рѣки, въ степи, возлѣ рѣчки Ингула, захватили въ полонъ Дорошенкова посланца, Ивана Мазепу.

Все это дѣло, насколько можно составить о немъ представленіе по современнымъ актамъ и рассказамъ малороссійскихъ лѣтописцевъ, произошло слѣдующимъ образомъ.

Мая 25 числа, 1674 года, въ городъ Чигиринъ, столицу правобережнаго гетмана Петра Дорошенка, пріѣхалъ, по царскому повелѣнію, отъ бѣлгородскаго воеводы князя Григорія Ромодановскаго стрѣлецкій сотникъ Терпигоревъ, чтобы склонить Дорошенка къ подданству русскому царю и убѣдить его ѣхать въ городъ Переяславъ для присяги на вѣрность великому государю. Принявъ посланца, Дорошенко отказался отъ этого предложенія, говоря, что хотя онъ прежде и хотѣлъ быть въ подданствѣ у царскаго величества, но теперь этого сдѣлать не можетъ, потому что онъ — подданный турецкаго султана. Давъ такой отвѣтъ посланцу, гетманъ Дорошенко съ тѣмъ вмѣстѣ приказалъ брату своему Андрею Дорошенку, взявъ часть козацкихъ полковъ и присоединивъ къ нимъ четыре тысячи находившихся при гетманѣ татаръ, идти къ Черкасамъ и другимъ городамъ противъ московскихъ воеводъ. Андрей Дорошенко не замедлилъ исполнить приказаніе брата. Успѣхъ оружія былъ сперва на сторонѣ Андрея Дорошенка, но потомъ, когда князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ выслали противъ него пять козацкихъ полковъ, Андрей Дорошенко былъ разбитъ (іюня 9-го дня у рѣчки Ташлыка) и раненый ушелъ назадъ. Тогда Петръ Дорошенко, желая возможно скорѣе получить помощь отъ турецкаго султана и крымскаго хана, а также напередъ задобрить ихъ, послалъ имъ въ даръ 15 человекъ, забитыхъ въ колодки, невольниковъ, козаковъ лѣвобережной Украйны ²⁾. Команду

¹⁾ У лѣтописца Величка дѣло о Мазепѣ рассказано подъ 1673 годомъ, II, 341; въ дѣйствительности это было въ 1674 году: Костомаровъ, Русская исторія, Спб., 1876, II, 788; Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1862, XII, 165; Акты юж. и зап. Россіи, XI, 496.

²⁾ Нѣсколько иначе передаетъ объ этомъ Величко: онъ говоритъ, что

надъ колодниками гетманъ вручилъ ротмистру своей народной хоругви, Ивану Мазепѣ, приказавъ ему идти степью подалеже отъ Днѣпра, черезъ Ингуль и Бугъ, до Очакова, а оттуда черезъ Днѣпръ въ Крымъ. Взявъ колодниковъ, кромѣ того 9 человекъ татаръ (вѣроятно, въ качествѣ охранителей), письма гетмана къ хану и визирю, Мазепа направился сообразно указанному маршруту. Но тутъ, на рѣчкѣ Ингуль, на него напалъ запорожскій чамбуль, нѣкоторыхъ татаръ изрубилъ, нѣкоторыхъ заставилъ броситься въ рѣку, колодниковъ освободилъ, самого Мазепу взялъ въ полонъ и доставилъ его своему кошевому Ивану Сирку вмѣстѣ съ листами Дорошенка къ визирю и хану. По этому поводу въ Сичи собралась рада; на радѣ прочитаны были письма Дорошенка; узнавъ изъ этихъ писемъ и изъ словъ невольниковъ, куда и зачѣмъ ѣхалъ Мазепа, запорожцы до того были возмущены, что рѣшили тутъ же растерзать его. Но за Мазепу вступились Сирко и старые козацкіе атаманъ: «Панове братья, просимъ васъ, не убивайте этого человека, можетъ, онъ намъ и отчизнѣ нашей впередъ пригодится!» Запорожцы послушались, и Мазепа былъ спасенъ ¹⁾. Тогда Сирко забилъ Мазепу въ кандалы, а всѣ листы Дорошенка отослалъ «для вѣдома» къ Ивану Самойловичу для передачи ихъ въ Москву.

Бѣлгородскій воевода, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, узнавъ о поимкѣ Мазепы, послалъ къ Сирку гонца съ приказаніемъ выдать ему пойманнаго Мазепу и одного изъ уцѣлѣвшихъ при немъ татаръ. Сирко, получивъ это приказаніе и не желая почему-то тотчасъ отпустить Мазепу, отказалъ въ требованіи воеводѣ. Тогда Ромодановскій отправилъ посланцевъ въ городъ Харьковъ и черезъ нихъ приказалъ взять жену Сирка подъ караулъ, а зятя его, мереевскаго жителя, козака харьковскаго полка, Ивана Артемова, отправить за карауломъ къ себѣ въ полкъ. Когда же зять Сирка прибылъ къ воеводѣ, то воевода отправилъ его къ Ивану Сирку для выдачи ему Мазепы. Сирко

колодники были запорожскіе козаки, захваченные, по приказу Дорошенка, еще раньше его столкновенія съ Самойловичемъ въ разныхъ городахъ правобережной Украины и отправленные въ Чигиринъ; это была месть запорожцамъ за ихъ ненависть къ Дорошенку, какъ подданному султана. Сравни: Величко, II, 341, и Соловьевъ, XII, 165.

¹⁾ Акты, XI, 497, 525, 559; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва, 1828, IV, 315; Величко, Лѣтопись, II, 341.

на этотъ разъ не сталъ перечить воеводѣ и отправилъ пойманнаго Мазепу, поручивъ надсмотрѣ надъ нимъ своему зятю Ивану Артемову и знатному козаку Ивану Носу, къ гетману и воеводѣ, о чемъ извѣстилъ ихъ письмомъ отъ 6 іюля, 1674 года. Въ письмѣ онъ писалъ гетману Самойловичу, что посылаетъ къ нему Мазепу для разспроса его о томъ, что ему приказано было передать отъ Дорошенка турецкому визирю и крымскому хану и вмѣстѣ съ тѣмъ просить, чтобы гетманъ исходатайствовалъ свободу для Мазепы. «Покажи милость свою, какъ отецъ милосердый, чтобы онъ въ неволѣ не былъ и чтобы войско запорожское, даровавшее ему и волю, и жизнь, и здоровье, не стало говорить, что Сирко засылаетъ людей въ неволю». Получивъ Мазепу и снявъ съ него допросъ, гетманъ Самойловичъ отправилъ его въ Москву, повторивъ отъ себя почти буква въ буква слова Сирка о дарованіи Мазепѣ свободы, и съ тѣмъ вмѣстѣ предупредивъ царя, чтобы онъ болѣе довѣрялъ Мазепѣ, нежели Сирку, который сносятся съ Дорошенкомъ и присягаетъ ему присоединиться къ бусурманамъ и идти съ ними на благовѣрнаго царя ¹⁾. Въ дѣйствительности кошевой Иванъ Сирко около этого же времени (іюля 15 дня) стоялъ въ полтретѣ версты отъ уманскаго полковника Яворовскаго, занимавшаго позицію «въ пристойномъ мѣстѣ отъ Дикихъ-полей», во всемъ сходился съ полковникомъ и промышлялъ надъ «неприятелями креста Господня, только что разорившими нѣсколько городовъ уманскаго полка» ²⁾. Непріатели эти, три крымскихъ салтана съ ордой и Дорошенко съ козаками, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣ праздника Пасхи, внезапно явились на Украину и напали на полки уманскій, торговицкій и гадячскій. Гетманъ Самойловичъ послалъ противъ нихъ полковника Дмитрашку Райча съ козаками и великороссійскими ратными людьми. Дмитрашко Райча напалъ на неприятелей на рѣчкѣ Ташлыкѣ и разбилъ ихъ на голову, усыявъ вражескими трупами поле на 20 верстъ пространства ³⁾. Въ это-то время противъ неприятеля дѣйствовалъ и кошевой Сирко.

Отправивъ Мазепу къ Самойловичу, Сирко и запорожцы, по словамъ лѣтописца Величка, написали исполненное жестокихъ укоризнъ письмо гетману Дорошенку ⁴⁾, въ которомъ упрекали его

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 497, 525, 559, 562, 575, 579, 580.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 538.

³⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 143.

⁴⁾ Письмо это помѣчено 1673 годомъ, октября 26 дня; хотя въ подлин-

за то, что онъ началъ ихъ, точно звѣрей степныхъ вылавливать и бестіарски (отъ bestium—звѣрь) снѣдати; называли, за посылку въ подарокъ христіанъ бусурманамъ, іудинымъ товарищемъ, намѣревавшимся козаками, точно живую монетою, у бусурманъ милости снискать, предостерегали о непрочности союза съ бусурманами («разсмотри и уважь о томъ, вихровата гѣлово, Дорошенку!»); предрекали несомнѣнную погибель лично ему, а отчизнѣ запустѣніе, и послѣ всего этого такъ напугали его, что онъ, всегда любя развлекаться охотой, съ тѣхъ поръ сталъ выѣзжать на полеванье не въ ту сторону, что отъ Крыма и Сичи, а въ ту, что лежитъ отъ Чигирина до Крыма и Польши ¹⁾).

Тѣмъ временемъ привезенный въ Москву и поставленный на допросъ, Иванъ Мазепа, августа 5 дня, 1674 года, между другими показаніями далъ такое: передавшаяся на сторону царскаго величества старшина заднѣпровскаго города Лысянки присылала къ гетману Петру Дорошенку козаковъ съ предложеніемъ послѣдовать ихъ примѣру, пріѣхать въ Корсунъ на раду и также передаться русскому царю. На это предложеніе Дорошенко отправилъ Мазепой листъ къ лысянской старшинѣ и къ боярину Григорію Григорьевичу Ромодановскому, а на словахъ велѣлъ Мазепѣ сказать имъ, что если Дорошенка назначать гетманомъ западной стороны Днѣпра, то онъ готовъ будетъ передаться царскому величеству; если же его не назначать гетманомъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, знатные государевы люди присягнутъ ему на томъ, что ничего дурного ему не сдѣлаютъ. Отпуская Мазепу, Дорошенко наказалъ ему, что если рады въ Корсунѣ не будетъ, то ѣхалъ бы онъ въ другой городъ. Когда Мазепа съ этими порученіями Дорошенка пріѣхалъ въ Корсунъ, а изъ Корсуна въ Переяславъ и не засталъ нигдѣ рады, то передалъ листы Дорошенковы войсковой старшинѣ и боярину Ромодановскому. На эти листы Дорошенко получилъ приглашеніе ѣхать въ Переяславъ, не опасаясь никакого зла для своей цѣлости и здоровья. Тогда Дорошенко потребовалъ себѣ въ залогъ какого-нибудь «честнаго» человѣка, въ замѣнъ котораго обѣщалъ прислать собственныхъ заложниковъ. «Честный» человѣкъ былъ посланъ, и

ности его трудно сомнѣваться, потому что оно не противорѣчитъ событію и содержитъ въ себѣ указаніе на другое, раньше посланное въ Сичу, письмо, но дата его сомнительна, потому что Мазепа пойманъ Сваркомъ въ 1674 году, іюня 11 дня.

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 343—346.

Дорошенко созвалъ въ Чигиринѣ раду, на которой спросилъ, посылать-ли ему собственныхъ заложниковъ. Рада отвѣчала согласіемъ, но въ это время пришло извѣстіе о томъ, что изъ Крылова въ Чигиринъ идутъ 23 человекъ, посланные къ Дорошенку кошевымъ Сиркомъ. Тогда заложниковъ задержали для того, чтобы прежде всего узнать, что скажутъ посланцы Сирка. Явившіеся въ Чигиринъ Сирковы посланцы объявили, чтобы Дорошенко не ѣхалъ въ Переяславъ и оставался попрежнему гетманомъ западной стороны Днѣпра, потому что запорожцы хотятъ соединиться съ нимъ и съ крымскимъ ханомъ заодно, какъ было при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, а для скрѣпленія дѣла они уже отправили къ крымскому хану пословъ, чтобы онъ помирилъ Сирка съ Дорошенкомъ и просили Дорошенка пріѣхать въ Сичу. Дорошенко, однако, опасаясь государевыхъ людей, самъ въ Сичу не поѣхалъ, а вмѣсто себя послалъ туда чигиринскаго козака Бережецкаго, послѣ пріѣзда котораго запорожцы послали отъ себя къ Дорошенку знатнаго козака Носа съ просьбой о той же присягѣ; однако, была-ли принесена та присяга, неизвѣстно. Въ заключеніе Мазепа разсказалъ, какъ Дорошенко, заставивъ присягнуть ему на вѣрность, послалъ его съ листами къ турецкому визирю, какъ на дорогѣ онъ пойманъ былъ Сиркомъ, какъ отдался ему безъ всякаго боя, вручилъ ему всѣ листы и пробылъ съ нимъ въ степи около пяти недѣль ¹⁾).

Трудно сказать, на сколько данное Мазепой показаніе было вѣрно: съ одной стороны нельзя не взять во вниманіе того обстоятельства, что Мазепа присланъ былъ въ Москву Самойловичемъ, которому онъ старался всячески угодить и потому его противника, Сирка, всячески очернить; къ тому же, Самойловичъ былъ въ полномъ курсѣ въ Москвѣ, а Сирко въ полномъ подозрѣніи; съ другой стороны, нельзя обойти молчаніемъ и того, что Сирко въ политическихъ вопросахъ своего Запорожья всегда старался держаться полной независимости, принимая то одну, то другую сторону, смотря по тому, что выгоднѣе было для низового войска. Впрочемъ, дальнѣйшія дѣйствія Сирка показали, что онъ, сносясь съ Дорошенкомъ, хотѣлъ, по его собственнымъ словамъ, лишь одного—приклонить Дорошенка на сторону русскаго царя и сообща дѣйствовать противъ татаръ и турокъ; но не успѣвъ въ этомъ,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XI, 556—562.

отсталъ отъ гетмана и изловилъ его посланца, чтобы узнать истинные планы Дорошенка. Быть можетъ, это противорѣчiе въ показанiяхъ Самойловича съ Мазепой съ одной стороны и кошевого Сирка—съ другой можно примирить тѣмъ, что самое сношенiе съ Дорошенкомъ съ цѣлью вступить въ союзъ съ нимъ и съ татарами, велось лично не отъ Сирка, въ чемъ какъ будто и проговаривается Мазепа при допросѣ его въ Москвѣ.

Такъ или иначе, но пока все это происходило, въ это время на Украйну вновь надвинулась мрачная туча: турецкiй султанъ, крымскiй ханъ и Дорошенко, взявшiе въ 1672 году польскiй городъ Каменецъ и на время остановившiеся въ своихъ наступательныхъ дѣйствiяхъ, теперь снова собрались воедино, чтобы идти походомъ въ Малороссiю и, во что бы то ни стало, взять городъ Кiевъ. Теперь Сирко снова дѣлался какъ для царя Алексѣя Михайловича, такъ и для гетмана Ивана Самойловича нужнымъ человѣкомъ. Оттого Самойловичъ зорко слѣдитъ съ этихъ поръ за Сиркомъ и о каждомъ его движенiи доноситъ въ Москву. Такъ, въ грамотѣ, писанной отъ iюля 15 дня, 1674 года, на имя царя Алексѣя Михайловича, Самойловичъ извѣщалъ, что Сирко увѣдомляетъ гетмана о движенiи крымскаго хана подъ городъ Каменецъ, куда приближался также турецкiй султанъ съ визиремъ, и выѣстъ съ тѣмъ, со словъ очевидца, передавалъ царю, что Сирко, перешедши въ началѣ iюля мѣсяца рѣку Бугъ, стоялъ на Чечельникѣ; потомъ оставилъ Чечельникъ и поднялся къ Уманю, гдѣ стоялъ въ Капустяной долинѣ со всѣмъ войскомъ своимъ и хотѣлъ чинить промыселъ надъ бусурманами, поджидая войскъ гетмана Самойловича. Къ собственной грамотѣ Самойловичъ приложилъ письмо Сирка, писанное iюля 6 дня, «съ войскъ надъ Бугомъ изъ подъ Козавчина», гдѣ Сирко сообщалъ Самойловичу, что въ прошлый пятокъ онъ хотѣлъ учинить воинскiй промыселъ около Оргѣва, но потомъ, перешедъ Днѣпръ и узнавъ отъ взятыхъ языковъ о приближенiи крымскаго хана къ Каменцу, а турецкаго султана съ визиремъ къ Цопорѣ, повернулъ назадъ съ добычей къ Уманю, чтобы тамъ соединиться съ уманскимъ и торговецкимъ полками и общими силами ударить на татарскую орду, стоявшую на рѣчкѣ Ташлыкѣ, недалеко отъ Торговицы: «Только изволь, вельможность ваша, поскорѣ прислать ко мнѣ часть войска, находящагося при полковникѣ Дмитрашкѣ, въ особенности же московскихъ донцовъ съ пушками, чтобы тѣ

поганые больше не распространялись въ нашей и безъ того разоренной отчизнѣ и душъ христіанскихъ въ неволю не брали. Самому вамъ, со всею моею любовью и съ полнымъ попеченіемъ о нашей отчизнѣ, совѣтую наступать, какъ можно скорѣе, къ Чигирину, со всѣми силами, потому что Дорошенко тамъ одинъ, безъ непріятельской помощи пребываетъ, какъ о томъ я имѣю подлинныя извѣстія» ¹⁾).

Недолго, однако, пришлось Сирку стоять подъ Уманью: въ августѣ мѣсяцѣ того же 1674 года стало извѣстно, что турки, перешедъ Днѣпръ и вторгнувшись въ Подолію, взяли городъ Лодыжинъ, а изъподъ Лодыжина двинулись на Умань: въ это же время стало извѣстно и то, что крымскій ханъ, со всѣми своими ордами, шелъ на малороссійскіе города лѣвой стороны Днѣпра. Узнавъ о послѣднемъ отъ пойманнаго языка, Сирко оставилъ Капустину долину, близъ Уманя, и поспѣшилъ вернуться въ Сичу, откуда намѣревался идти въ Крымъ на промыселъ: «А чаютъ, что онъ нынѣ въ Крыму». Къ тому времени и крымскій ханъ, оставивъ Украину, октября 8 дня, повернулъ въ Крымъ, а турецкій султанъ, перейдя Днѣпръ, въ началѣ сентября направился въ свою землю ²⁾. Польскій король Янъ Собѣскій рѣшилъ воспользоваться удобнымъ временемъ и приготовиться къ отпору непріятелей; съ этою цѣлью онъ, между прочимъ, нашелъ нужнымъ послать большую денежную сумму кошевому Сирку и всему низовому войску для найма охотниковъ къ войнѣ противъ мусульманъ ³⁾).

1) Акты южной и западной Россіи, XI, 579, 582—586.

2) Акты южной и западной Россіи, XI, 659.

3) Акты южной и западной Россіи, XII, 3, 15.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Характеристика двухъ важныхъ дѣятелей времени—Сирка и Самойловича.—Приходъ короля Яна Собѣскаго въ западную Украину и замѣшательство между старшиной и козацкой массой въ восточной Украинѣ.—Дѣйствія короля и его воеводъ противъ татаръ подъ Жорнищами, Немировымъ, Чигириномъ и Паволочью.—Гибель Нуррединъ-салтана и бѣгство его войска отъ поляковъ. — Доносы Самойловича на Сирка въ Москву. — Оправдательное посольство Сирка къ царю.—Отказъ царя въ просьбахъ Сирка.—Сношенія Сирка съ польскимъ регимантаремъ Мондреевскимъ и королевскимъ посломъ Завишею.—Разсказъ объ этомъ самомъ Сирка и царскаго посла Перхурова.—Походъ Сирка подъ Перекопъ вмѣстѣ съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, стольникомъ Леонтьевымъ, стрѣльцкимъ головой Лукашкинымъ, донскимъ атаманомъ Минаевымъ, киргизскимъ мурзой Мазаномъ. — Разсказъ о томъ же походѣ Сирка въ Крымъ Самойломъ Величкомъ.

Открытое обращеніе Яна Собѣскаго къ Ивану Сирку за помощью для совмѣстной защиты правобережной Украины отъ мусульманъ сразу подняло на ноги противника Сирка, гетмана Самойловича, и заставило его подозрѣвать кошевого атамана въ невѣрности русскому царю. Сирко и Самойловичъ были безспорно самыми сильными людьми своего времени и типичными выразителями воли управляемаго ими народа. Оба они были вѣрными слугами московскаго царя, оба по-своему любили свою родину, оба въ той или другой мѣрѣ ненавидѣли турокъ, татаръ и поляковъ, но оба же они столкнулись на одномъ и томъ же пунктѣ и различно высказались о средствахъ для спасенія родины, и между ними возгорѣлась неугасимая вражда. Самойловичъ былъ человѣкъ властный и честолюбивый: онъ легѣялъ въ душѣ мысль о владычествѣ надъ всей Украиной и Запорожьемъ. Не встрѣчая противорѣчій на пути своихъ стремленій въ лѣвобережной Украинѣ, Самойловичъ, однако, нашелъ большое препятствіе въ видѣ независимой и сильно организованной общины, Запорожья, и его представителя, весьма популярнаго и весьма вліятельнаго кошевого Сирка. Сирко былъ также человѣкъ властный, хотя и менѣе честолюбивый, чѣмъ Самойловичъ; онъ не прочь былъ и отъ того, чтобы

взять въ свои руки гетманскую булаву. Мужественный, неустрашимый, свободолюбивый, страстный, горячій, Сирко не признавалъ притязаній Самойловича и открыто питалъ къ нему чувство вражды и непріязни. Но, кромѣ этого, былъ и другой пунктъ, на которомъ такъ рѣзко расходились кошевой и гетманъ: гетманъ благо для своей родины, а главнымъ образомъ для себя, видѣлъ въ полномъ подчиненіи себя и Украйны Москвѣ; Сирко залогомъ блага для родины считалъ независимость Запорожья отъ украинскаго гетмана и московскаго царя: за царя, за вѣру отцовъ Сирко готовъ былъ сражаться противъ всѣхъ враговъ и во всякое время, но въ то же время онъ мужественно отстаивалъ и самостоятельное положеніе своего низового запорожскаго войска. Но такъ какъ сношенія запорожскаго войска съ Москвой производились черезъ гетмана, то послѣдній нигдѣ не упускалъ случая, чтобы бросить тѣнь подозрѣнія въ невѣрности русскому царю кошевого Сирка. Гетманъ Самойловичъ безпрестанно писалъ доносъ за доносомъ въ Москву на Сирка, указывалъ на невѣрность кошевого царю и собственную преданность русскому престолу. Сирко старался всячески оправдать себя въ глазахъ царя и старался докázatъ, что, сносясь съ польскимъ королемъ, крымскимъ ханомъ, гетманомъ Дорошенкомъ, онъ все же можетъ оставаться и пребывать вѣрнымъ русскому царю.

Но намѣреніе польскаго короля идти въ правобережную Украйну обезпokoило не одного Самойловича: оно взволновало и все населеніе Украйны правой стороны Днѣпра. Видя наступленіе польскихъ войскъ, жители вообразили, что король идетъ съ тѣмъ, чтобы взять у русскаго царя Кіевъ и вмѣстѣ съ Кіевомъ всю восточную Украйну. Всѣ чувствовали какую-то тревогу и ожидали необыкновенныхъ событій. Но событія эти не выходили изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ. Дѣйствіе открыли, прежде всего, татары.

Января 13 дня, 1675 года, кошевой Иванъ Сирко послалъ черезъ запорожцевъ Яковлева и Лохвицкаго письмо Ивану Самойловичу и въ этомъ письмѣ сообщалъ разныя вѣсти гетману: о приготовленіи крымскаго хана къ походу, о намѣреніи Нуррединъ-салтана и Шириμβея идти въ Бѣлогородчину на оборону волинской земли и турецкой границы; о приглашеніи запорожцевъ со стороны калмыковъ воевать Крымъ и о возвращеніи съ Низа запорожскаго товариства и о распущеніи его, вслѣдствіе изнуренія лошадей и недостатка въ пропитаніи, въ города для прокормле-

нія ¹⁾. Не смотря на это, гетманъ Самойловичъ черезъ московскаго подьячаго Михайлова доносилъ царю, что къ нему, гетману, пришла подлинная вѣсть о Сиркѣ, который, будто бы, собирался идти разорять тѣ самые русскіе города, которые разорялъ воръ и боготступникъ Стенька Разинъ, и не исполнилъ своего замысла единственно потому, что въ томъ старшина запорожская помѣшала ему. Теперь же онъ несомнѣнно собирается къ польскому королю и уже писалъ къ нему, какъ король укажетъ идти къ нему, пѣхотою-ли, конницей-ли и съ пушками или безъ пушекъ ²⁾. Клевета на копевого царю, Самойловичъ въ то же время посылалъ самыя дружескія письма Сирку въ Сичу. Такъ, отправляя назадъ запорожскаго козака Лохвицкаго, гетманъ писалъ письмо кошевому и всему низовому товариству и, выражая въ немъ свои прежніе знаки къ нимъ расположенія, совѣтовалъ не довѣрять дружбѣ ляховъ и воевать турокъ и укорялъ Сирка за то, что онъ не помнитъ доброты гетмана и питаетъ къ нему вражду: «Лучше любовь имѣть, нежели питать недружбу: любовь доброе между людьми умножаетъ, а несогласіе все развѣваетъ и ни во что обращаетъ. О Келебердѣ, которую просилъ себѣ господинъ кошевой, пусть не теряетъ надежды: если онъ пожелаетъ жить съ нами въ городахъ, то для него не только это мѣстечко, но и другія найдутся, и такъ какъ въ Келебердѣ нѣтъ еще никакого устройства, то объ ней нечего и убиваться особенно. О Переволочномъ перевозѣ долженъ вамъ сказать, что одну половину его доходовъ будетъ вамъ доставлять полтавскій полковникъ, а другую оставлять на полковыя надобности. Пусть онъ, кошевой Сирко, не претендуетъ на насъ и за то, что мы удержали у себя до царскаго указа королевскихъ пословъ, ѣхавшихъ изъ Сичи, и провежавшихъ тѣхъ пословъ запорожцевъ: живя подъ властью монарха, мы должны дѣлать то, что ему, какъ Богу, угодно. Впрочемъ, пословъ вашихъ мы держимъ не въ заключеніи, а во всякомъ довольствѣ, и для нихъ лично, и для ихъ лошадей даемъ пропитаніе и кормъ. Когда придетъ царскій указъ, то мы готовы отпустить ихъ туда, куда будетъ приказано намъ» ³⁾.

Но задержка Самойловичемъ польскихъ пословъ не могла остановить короля въ предположенномъ имъ походѣ на правобереж-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 22.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 33.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 50.

ную Украину для борьбы съ мусульманами. Король вышелъ съ начала года, въ глубокую и холодную зиму, въ правобережную Украину для борьбы съ гетманомъ Дорошенкомъ и его союзниками татарами, надъ которыми предводителями были Нуррединъ и Хаджигерай. При королѣ были: князь Димитрій Вишневецкій, воевода Станиславъ Яблоновскій, полковникъ Александръ Поляновскій, гетманъ Николай Сѣняевскій, полковникъ Михаилъ Ржевускій и гетманъ литовскій князь Михаилъ Радзивиллъ. Первые три весьма удачно дѣйствовали противъ татаръ и козаковъ подъ Жорнищами и Немировомъ; послѣдніе три—подъ городомъ Чигириномъ и мѣстечкомъ Павлочю. У Павлочи Нуррединъ-салтанъ былъ убитъ, а его четырехъ-тысячное войско бѣжало; самое мѣстечко Павлочъ было осаждено княземъ Радзивилломъ съ трехъ-тысячнымъ отрядомъ войска и послѣ жестокаго приступа отдалось на милость короля. Послѣ взятія Павлочи вождь запорожскихъ козаковъ Иванъ Сирко, прославившійся въ борьбѣ съ татарами, волею польскаго короля, объявленъ былъ главнокомандующимъ («dictator») запорожскаго войска, при чемъ ему посланы были войсковые знаки. Такъ передаетъ объ этомъ событіи лѣтописецъ Янъ Юзефовичъ ¹⁾. По другимъ указаніямъ, при взятіи Павлочи было 800 человекъ какихъ-то козаковъ; изъ нихъ польскій король образовалъ потомъ особый корпусъ, роздалъ имъ жалованье и платье и назначилъ за «гетмана» Ивана Сирка. Но и тутъ все-таки ясныхъ указаній не имѣется на то, чтобы Сирко былъ при осадѣ Павлочи ²⁾. Историкъ польскаго народа Шмидтъ говоритъ, что польскій король Янъ Собѣскій, желая поколебать значеніе Дорошенка, объявилъ «атаманомъ» вмѣсто него Ивана Сирка, и Сирко въ концѣ апрѣля мѣсяца напалъ подъ Злочовымъ на отрядъ союзныхъ Дорошенку татаръ и разбилъ ихъ ³⁾.

Въ началѣ марта черезъ гетмана Самойловича препровождено было, на имя кошевого Сирка, запорожскому войску царское жалованье—500 червонцевъ, 150 половинокъ анбургскаго и польскаго сукна, 50 пудовъ свинцу и 50 пудовъ пороху; а въ началѣ апрѣля того же года гетманъ писалъ жалобу на кошевого Сирка воеводѣ

¹⁾ Сборникъ лѣтописей южной и западной Руси, Кіевъ, 1888, 202.

²⁾ Вантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, II, 143; Миллеръ, Разсужденіе о запорожцахъ, Москва, 1846; О малороссійскомъ народѣ, Москва, 1846.

³⁾ Шмидтъ, Исторія польскаго народа. Спб. 1866, III, 54.

князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, въ которой называлъ Сирка тайнымъ недоброжелателемъ русскаго царя и явнымъ сторонникомъ польскаго короля: «Извѣщаю тебя, благодѣтеля моего, что давній врагъ, Сирко, на сырной недѣлѣ присылалъ къ намъ писаря своего съ нѣкоторыми товарищами войска, подъ предлогомъ требованія запасовъ, а въ дѣйствительности для развѣдки о поведеніи нашихъ полковъ и о мѣстѣ: нахождения польскихъ войскъ. А про то, что всегда говорилъ Сирко, мнѣ самъ писарь, по совѣсти, сказалъ и своею рукой на бумагѣ написалъ, а именно: Сирко служить Москвѣ не помышляетъ и что-де присягалъ онъ въ Москвѣ поневолѣ, а какъ рѣдился за ляхами, такъ и умереть хочеть за ними. А что освободили его изъ Сибири, то онъ о томъ никогс не просилъ, да, кромѣ того, у него съ нѣсколькими людьми была и такая мысль, чтобы самимъ оттуда уйти. А что онъ, помимо гетманскаго вѣдома, выпросилъ себѣ мѣстечко Келеберду, то онъ недаромъ того добивался: еслибъ только онъ могъ туда войти, то у него было бы прямое убѣжище. Было и есть у Сирка намѣреніе заодно дѣйствовать съ ляхами, но только войско съ нимъ въ томъ не соглашается, а что до пущенной имъ молвы о приходѣ въ нашу Украину ляховъ, то это онъ дѣлалъ для того, чтобы склонить на свою сторону полтавскій полкъ. Напоследокъ онъ войску такъ сказалъ: «Хотя-де въ десяти коняхъ поѣду, а буду тамъ». И я, гетманъ, зная непостоянство Сирка, посылалъ нарочныхъ посланцевъ къ запорожскимъ козакамъ. совѣтуя имъ держаться нашего государя и быть со мной въ добромъ совѣтѣ. А онъ, собака, отписалъ мнѣ листъ, какъ къ безумному,—тотъ листъ посылаю твоей милости и прошу о возвратѣ его мнѣ обратно; а что до его угрозъ, то объ нихъ совѣстно и писать твоей милости: грозить поднять орду, произвести бунты и замѣшаніе. И не смотря на все это, вновь посылаетъ къ царскому величеству, чтобы ему дали войска, въ особенности позволили бы набрать калмыковъ и призвать ихъ въ Запорожье. Увидишь, твоя милость, что онъ, взявъ калмыковъ, минетъ Крымъ. Да и самозванца онъ держалъ потому, что, надѣясь на калмыковъ, съ которыми большое знакомство ведетъ, думалъ идти къ Астрахани и къ Сибири. Моя мысль такова, чтобы калмыковъ тѣхъ вручить или кому-нибудь на Дону, или твоей милости, или харьковскому полковнику,—оттуда съ ними надежнѣе будетъ промыслять Крымъ, нежели изъ Запорожья... О всемъ томъ писарь Сирка, рассказавъ мнѣ, про-

силъ меня, чтобы я не ослабилъ его въ этомъ дѣлѣ, за что обѣщался мнѣ и впредь тайно извѣщать обо всемъ¹⁾).

Совсѣмъ иное говорили посланцы Сирка, полковникъ Грицько Минченко и 41 человекъ товарищей, прибывшихъ въ Москву мая 2 дня. Послы передавали, что когда, по выѣздѣ изъ Сичи, они прибыли въ Батуринъ, то гетманъ, осердясь на Сирка за то, что кошевой прежде отправленія своихъ посланцевъ, писалъ ему, гетману, о присылкѣ въ Сичу жалованныхъ на Келеберду и Переволочный перевозъ царскихъ грамотъ и объ отдачѣ запорожцамъ взятыхъ Ханенкомъ арматъ, задержалъ посланцевъ у себя полторы недѣли, не давъ имъ листа къ царю и не пославъ Сирку жалованныхъ грамотъ. Относительно сношеній Польши съ Запорожемъ кошевые посланцы передали то, что польскій король четыре раза присылалъ зимой на Кошъ къ Сирку съ приглашеніемъ идти къ нему въ обозъ, но Сирко всякій разъ отказывалъ королю тѣмъ, что безъ указа царскаго величества идти къ нему не смѣетъ. Этотъ отвѣтъ Сирко давалъ черезъ королевскихъ посланцевъ, но своихъ онъ никогда къ королю не посылалъ; не посылалъ онъ къ королю и тѣхъ двухъ чечельничанъ, которыхъ задержалъ было въ Батуринѣ и которые добровольно пришли съ королевскими послами; не получалъ Сирко и жалованья отъ короля Яна Собѣскаго, только отъ умершаго короля Михаила Вишневецкаго козаки получили 1.000 ефимковъ, а больше того не бывало. Не сносился Сирко и съ Дорошенкомъ, да и Дорошенко къ Сирку никого не присылалъ. Сирко только и сдѣлалъ то, что послѣ Рождества Христова, въ мясоѣдъ, посылалъ съ 300 человекъ пѣхоты и нѣсколькими человекъ конницы, подъ начальствомъ полковниковъ Миска да Волошенка, подъ турецкій городъ Очаковъ, что сидитъ надъ Лиманомъ; тѣ полковники, взявъ стада подъ Очаковомъ, вернулись на Кошъ передъ сырной недѣлею. Да въ Филипповъ постъ приходило къ Сирку калмыковъ 100 человекъ, посланныхъ отъ тѣхъ, которые стояли на Молочныхъ-Водахъ, въ 100 верстахъ отъ Сичи, но Сирко съ ними никуда не ходилъ, во-первыхъ, потому, что лошадей не было, а во-вторыхъ, потому, что послать было некого: войско раздѣлилось пополамъ и стояло врознь. Сирко далъ калмыкамъ хлѣба и соли и отпустилъ ихъ съ Коша. Ко всему этому посланцы прибавили еще то, что когда

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 90; Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1675, св. 41, № 2.

прошлою весной возвращался изъ Украины Калга-салтанъ въ Крымъ, то въ 60 верстахъ ниже Сичи, на Тавани ¹⁾, запорожцы разбили его и большой ясырь и наметъ у него отбили, и тотъ наметъ гетману въ подарокъ отослали. Запорожцы и теперь бы большую помѣху туркамъ чинили, своимъ войскомъ на море безпрестанно ходили бѣ, но у нихъ большихъ челновъ на то нѣтъ; есть суда малыя, въ которыхъ, для собственной нужды, можетъ сѣсть самое большее 10 человѣкъ, но тѣми судами въ море ходить нельзя, держатся же они только для рыбной ловли и для всякаго хорманаго и дровяного припасовъ ²⁾.

Въ слѣдъ за Грицькомъ Минченкомъ посланъ былъ Сиркомъ листъ царю черезъ Грицька Дробиненка, прибывшаго въ Москву мая 3 дня. И тутъ Сирко увѣрялъ царя въ своей преданности къ нему. «Божію милостію, великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу вѣрныя слуги войско запорожское дѣпрское, кошевое, верховое, низовое, будущее на поляхъ, на лугахъ, на полянкахъ и на всѣхъ урочищахъ дѣпрскихъ и полевыхъ и морское, кошевой атаманъ Иванъ Дмитріевичъ Сирко, старшина и чернь, вашему царскому пресвѣтлому величеству многолѣтня и одолѣнія надъ непріятелями и вашимъ царскаго пресвѣтлаго величества наслѣдникамъ отъ всеильнаго Христа Спаса отъ вѣрной службы нашей усердно желаемъ и низайшія наши поклоненія до лица земнаго, падши передъ вашимъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ, сотворяемъ. Въ нынѣшнемъ 1675 году, марта 8 дня, посылаемъ мы изъ Коша нашихъ товарищей Грицька Дробиненка и Оедьку къ вашему царскому пресвѣтлому величеству, объявляя вамъ, что его королевское величество въ третій разъ пишетъ намъ о томъ, чтобы мы шли къ нему на службу и чинили бы общій на бусурманъ промыселъ. Но мы, вѣрно служа вашему величеству, безъ указа вашего величества не идемъ, а будетъ на то указъ, тогда идти готовы. Да чрезъ этихъ же посланцевъ нашихъ бьемъ челомъ вашему величеству прислать намъ въ Запороги 20.000 войска, кромѣ того просимъ послать донскому войску и калмыцкому тайшѣ Аюку указъ о присоединеніи къ намъ для общаго промысла надъ крымскими улусными людьми, а гетмана направить въ Крымъ Муравскими шляхами. И какъ придетъ къ

¹⁾ Въ подлинникѣ стоитъ на «Тавани», но это явная ошибка.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 97—99.

намъ на Кошъ гетманское войско, то мы тотъ же часъ поидемъ единодушно за вѣру православную и за церкви божіи чинить промыселъ на Крымъ и на крымскіе улусы. Имѣемъ подлинную вѣсть, что вся воинская орда пошла на помощь къ турецкому султану, а коль скоро ханъ услышалъ бы о нашемъ выходѣ, то онъ тотъ часъ же покинулъ бы чужую и вернулся въ свою землю. Бьемъ челомъ вашему величеству и о пушкахъ, порохѣ, ядрахъ, о всѣхъ нашихъ прямыхъ клейнотахъ и о войсковыхъ коняхъ, которые забралъ гетманъ Иванъ Самойловичъ у Михаила Ханенка, теперь держитъ у себя и не возвращаетъ ихъ намъ въ Кошъ. Да чтобы ваше царское пресвѣтлое величество пожаловали насъ перевозомъ въ Переволочнѣ, котораго намъ не дали. Просимъ и о морскихъ челнахъ, сколько ихъ есть готовыхъ, чтобы они присланы были намъ въ Переволочну. Смилуйся, великій государь, не презри насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ, своимъ милостивымъ окомъ. При семъ нижайшія услуги наши вашему царскому величеству въ премногую милость отдаемъ. Данъ съ Коша надъ Чортомлыкомъ, въ нынѣшнемъ 1675 году, марта въ 4 день. Вашему царскому пресвѣтлому величеству вѣрные нижайшіе слуги кошевой атаманъ Иванъ Сирко со всѣмъ войскомъ запорожскимъ до лица земного челомъ бьемъ» ¹⁾. Въ маѣ мѣсяцѣ того же года Сирко снова написалъ листъ царю, въ которомъ просилъ великаго государя взять его, Сирка, окруженнаго въ Сичи опасностями, изъ Запорожья и позволить жить, съ женой и дѣтьми», въ прежнемъ дому своемъ, въ Мереѣ» ²⁾.

На этотъ листъ царь, настроенный навѣтами гетмана Самойловича, отвѣчалъ Сирку полнымъ отказомъ по всѣмъ пунктамъ его просьбы: къ польскому королю не ходить, а идти одному съ козаками на море; о клейнотахъ не хлопотать, потому что клейноты тѣ вручены польскимъ королемъ Ханенку, а Ханенко ихъ передалъ Самойловичу; а о Келебердѣ и Переволочанскомъ перевозѣ узнать отъ гетмана, который отвѣтитъ Сирку по своему разсмотрѣнію; ни о царскомъ войскѣ, ни о донскомъ козачествѣ, ни о калмыцкомъ тайшѣ не просить,—калмыцкіе тайши, вмѣстѣ съ черкасскимъ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, ногайскими и едисанскими ордами, особо отъ Сирка, пойдутъ на крымскіе улусы;

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 100—102.

²⁾ Поповъ, Русское посольство въ Польшѣ, Слб., 1854, 215.

а самъ гетманъ, соединясь съ княземъ Григоріемъ Ромодановскимъ, пойдетъ противъ турецкаго султана и крымскаго хана. Наконецъ, тутъ же царь внушалъ Сирку и то, чтобы впредь изъ Запорожья являлось въ Москву не полтораста, не сто и не сорокъ человекъ посланцевъ, а всего лишь десять человекъ, лишніе же будутъ кормиться въ Москвѣ на свой счетъ ¹⁾.

Послѣ этого немудрено, что Сирко не исполнилъ одного изъ приказаній царя,—прекратить сношеніе съ польскимъ королемъ: мая 13 числа, того же года, писалъ Сирку изъ Межибожья коронный региментарь Андрей Мондреевскій письмо, въ которомъ извѣщалъ, что, услышавъ отъ господина Стремежскаго, бывшаго съ Сиркомъ на подъѣздѣ, о походѣ Сирка на оборону вѣры христіанской, на защиту престола королевскаго и на побѣжденіе гордости бусурманской, онъ, Мондреевскій, тотъ же часъ оду-конь извѣстилъ короля о двукратной побѣдѣ Сиркомъ непріятелей и объ освобожденіи имъ многихъ полоняниковъ ²⁾ изъ неволи и въ заключеніе приглашалъ его пріѣхать съ товарищами къ королю, за что обѣщалъ ему самому большую милость и вѣчное воздаяніе отъ короля, а вѣзмъ его товарищамъ «барвы», т.-е. платья богатая, и довольство во всемъ; мѣсто, куда бы Сирко могъ пріѣхать къ нему. Мондреевскій назначалъ городки Баръ и Деразну. Къ этому письму приложено было другое письмо къ тому же Сирку и отъ того же лица. Въ немъ, отъ 5 іюня, региментарь извѣщалъ Сирка, что къ нему отправленъ, на службу, сотникъ и товарищъ Мондреевскаго съ десятью хоругвями, которымъ Сирко можетъ приказать присоединиться къ себѣ у Олатычева и Брагилова. Но такъ какъ эти хоругви представляютъ изъ себя пѣхоту и Сирко оттого не требуетъ сотника къ себѣ, то поэтому Мондреевскій просилъ Сирка, чтобы онъ прислалъ къ нему на подъемъ кошевое войско, потому что враговъ сойдется далеко не столько, какъ предполагалось, а нѣсколько десятковъ тысячъ, да и къ тому же пѣшее войско всегда удобнѣе оставлять при крѣпости, а коннымъ дѣлать нападеніе на непріятеля. А если бы самому Сирку захотѣлось осадить пѣхотой Винницу, хотя бы со стороны Седлица, то тамъ такую всегда можно будетъ приманить, лишь бы о томъ господину Стахорскому, гдѣ бы онъ ни былъ, сказать ³⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 102—104.

²⁾ Гдѣ и когда происходила эта битва—въ письмѣ не сказано.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 105—107.

Въ самомъ концѣ мѣсяца мая гетманъ Самойловичъ извѣстилъ царя, что кошевой Сирко принималъ у себя въ Сичи посла польскаго короля Яна Собѣскаго ротмистра Ивана Завишу и, отпуская его отъ себя, подъ видомъ того, чтобы проводить посла изъ Сичи, взялъ съ собой не малую часть войска и вышелъ въ степь, но тутъ войско, видя, что онъ замыслилъ идти къ королю, остановилось и, выбравъ себѣ другого старшого, вернулось въ Сичь; Сирко же, съ небольшою, но вѣрною ему дружиною и съ польскимъ посломъ, направился къ королю ¹⁾. Однако, это извѣстіе гетмана оказалось не совсѣмъ вѣрнымъ, въ чемъ увѣрили сами запорожцы письмомъ на имя царя. По словамъ запорожцевъ и ихъ наказнаго атамана Ивана Брекала, дѣло происходило такъ: апрѣля 21 дня козаки принимали у себя московскаго посла Василя Перхурова, привезшаго имъ царское жалованье—500 червонцевъ, 150 половинокъ сукна, 50 пудовъ свинцу и пороху и задержали у себя царскаго посла съ 21 апрѣля по 1 іюня; задержали же они посла потому, что поджидали къ себѣ кошевого Ивана Сирка, а почему и какъ Сирко вышелъ изъ Сичи, козаки объясняли такъ: весной на святую четыредесятницу пріѣзжалъ къ нимъ польскій посолъ Иванъ Завиша, приглашая козаковъ на службу къ польскому королю, но войско отъ предложенія отказалось и послало съ тѣмъ посломъ къ королю двухъ своихъ козаковъ; обо всемъ этомъ войско извѣстило и гетмана Самойловича. Дѣло произошло апрѣля 12 дня; въ этотъ же день Сирко, взявъ съ собой часть коннаго войска, пошелъ въ поля за Бугъ для добычи и языка; разгромивъ за Бугомъ орду, Сирко расположился тамъ станомъ съ отрядомъ нѣсколько болѣе двухсотъ человекъ и поджидалъ случая, чтобы вновь напасть на враговъ. Въ это самое время и прибылъ царскій посолъ Василій Перхуровъ; запорожцы, со дня на день поджидая Сирка въ Сичу и не дождавшись его, рѣшили наконецъ не удерживать больше посла въ Запорожьѣ и отправили его отъ себя іюня 1 числа, обѣщаясь извѣстить царя о приходѣ Сирка въ Сичу и о всѣхъ вѣстяхъ, которыя онъ привезетъ съ собой ²⁾. Самъ Сирко, вернувшись въ Сичу, писалъ обо всемъ, что съ нимъ произошло по выходѣ изъ Запорожья на Бугъ, къ боярину князю Ромодановскому слѣдующее письмо: «Апрѣля 12 числа вышелъ я

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 111, 112.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 112—115, 128.

изъ Коша, съ частью конныхъ козаковъ, не для, чего иноогкакъ для того, чтобы чинить промыселъ надъ турками и татарами и узнать обо всѣхъ ихъ замыслахъ. Пробывъ нѣскольکو въ Кугманѣ и въ другихъ обыкновенныхъ мѣстахъ, гдѣ обращаются непріатели, я однимъ погромомъ шестью (sic) орду разгромилъ и 1.000 человекъ христіанскаго ясыря изъ неволи освободилъ, потомъ, узнавъ, что присланный турецкимъ султаномъ Ибрагимъ-паша отъ Днѣстра къ Рашкову перешель, а крымскій ханъ у Чернаго-острова сталъ и оба вмѣстѣ подъ Кіевъ положили идти, я ни мало не медля, на Кошъ повернулъ. Идя полемъ близъ рѣки Великаго Ингула, я наткнулся на крымскую орду и на городчанъ, къ Дорошенку шедшихъ; тутъ, божьею помощію и счастьемъ великаго государя, я ихъ всѣхъ разбилъ и языковъ взялъ; тѣ языки сказали мнѣ, что они шли къ ханову сыну, который стоялъ при Дорошенкѣ съ 500-ми татаръ. Пришедъ же на Кошъ іюня въ 16 день, я обо всемъ твоей княжей милости подробно написалъ. А прежде моего прихода на Кошъ, другимъ днемъ, пришли къ намъ больше двухъ сотъ человекъ калмыковъ и донскихъ козаковъ, имѣя большую охоту съ непріателемъ побиться, а особенно на Крымъ ударить, потому что тамъ теперь, кромѣ одного Калгисалтана въ Перекопѣ, совсѣмъ войска нѣтъ. И если бы твоей милости угодно было съ господиномъ гетманомъ намъ козацкаго войска и ратныхъ людей прислать, то мы могли бы большое замѣшаніе нынѣшнимъ временемъ въ Крыму учинить»¹⁾.

Иначе изложилъ все это дѣло царскій посолъ Василій Перхуровъ, возвратившійся въ Москву іюня 24 дня. Перхуровъ рассказывалъ слѣдующее. Приѣхавъ въ Сичу, онъ кошевого атамана Сирка тамъ не засталъ, потому что апрѣля 10 дня²⁾ кошевой изъ Запорожья ушелъ; ушелъ же онъ вотъ почему: приѣзжалъ къ нему польскій посолъ Иванъ Завиша и обнадежилъ Сирка, что королевское величество пожалуетъ его честью, сдѣлаетъ гетманомъ надъ всѣми гетманами, такъ какъ королевское величество всегда сѣтуетъ, что Сирко, такой славный воинъ, въ ратномъ дѣлѣ большой промышленникъ, много лѣтъ на полѣ подвизавшійся, но и по настоящее время не взысканъ и не пожалованъ честью. Привезъ тотъ посолъ войсковой старшинѣ королевскаго жалованья—

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 132—134.

²⁾ Днемъ выхода Сирко называлъ 12 число, Перхуровъ—10 число.

кошевому 40, судѣ, писарю, асаулу по 10 червонцевъ; козаки, узнавъ о томъ, отняли у старшины тѣ всѣ 70 червонцевъ и положили ихъ въ войсковую скарбницу. Сирко, по прїѣздѣ посла, собиралъ двѣ рады, и на тѣхъ радахъ Завиша говорилъ козакамъ, чтобы они вновь сдѣлались подданными польскаго короля и шли бы къ нему на помощь, обнадеживая ихъ и деньгами, и сукнами, и жалованьемъ. Но войско, выслушавъ это, отвѣтило, что прежде того ходило оно на помощь къ польскимъ королямъ въ штахахъ, а возвращалось отъ него безъ штановъ. Тогда Сирко, выкинувшись изъ рады, пошелъ изъ круга сперва одинъ съ Завишей, а потомъ къ нему пришло въ поле около 300 человекъ козаковъ. Разсердясь на козаковъ, питая надежду на польскаго короля и будучи недоволенъ на гетмана за то, что именно онъ, а не Сирко, получилъ этотъ чинъ, кошевой назначилъ вмѣсто себя наказнаго атамана Ивана Брекала, а самъ ушелъ къ королю. На отходѣ козаки говорили Сирку, чтобы онъ къ польскому королю не ходилъ; если же пойдетъ и станетъ ему служить, то они отыщутъ его жену и будутъ держать ее въ крѣпости, на что Сирко имъ отвѣчалъ, что прежде всего онъ желаетъ сдѣлать угодное королю, а король, пожаловавъ его гетманомъ, прикажетъ и жену его отыскать. По выходѣ изъ Сичи, отъ Сирка отдѣлились около ста человекъ козаковъ съ Власомъ Бородавченкомъ во главѣ, и пошли подъ турецкіе города Кизыкермень и Касминъ. Потомъ Власъ Бородавченко вернулся въ Сичь и привелъ съ собой трехъ человекъ языковъ; тѣ языки сказали, что турецкіе паши стоятъ подъ Рашковомъ и Брацлавомъ, а сколько всего войска, того не знаютъ. Во время пребыванія царскаго посла въ Запорожьѣ, ходилъ изъ Сичи, съ 300 козаковъ, бывший кошевой атаманъ Луцкыкъ, подъ городъ Перекопъ, а обратно изъ Крыма—въ Бѣлогородчану; онъ былъ въ походѣ полъ-третьи недѣли и пришелъ въ Сичу съ большою добычею и ясыремъ, — на каждаго козака по одному ясырю. А раньше прїѣзда въ Сичь посла ходило около 40 человекъ козаковъ подъ турецкіе города на море, и тѣ козаки благополучно вернулись на Сичь, доставъ себѣ по 15 ефимковъ да по два ясыря на человека. За недѣлю передъ самымъ отъѣздомъ царскаго посла изъ Запорожья, 500 человекъ козаковъ ходили подъ Перекопъ съ начальнымъ человекомъ Василюмъ Трофимовымъ, тѣмъ самымъ, который раньше задержанъ былъ въ Москвѣ до привоза туда самозванца; да на море, кромѣ того,

ходило человекъ 300 или больше того. Все запорожцы очень желали, чтобы къ нимъ пришли калмыки, человекъ 300 или 500, тогда бы они немедленно ударили на Крымъ; давно были бы козаки и подъ Перекопомъ, да Сирко своимъ походомъ ихъ оставилъ ¹).

Сводя къ общему все четыре показанія—Самойловича, Сирка, Брекала и Перхурова, —мы видимъ, что запорожцы съ своей стороны утаивали обо всѣхъ своихъ намѣреніяхъ, а Самойловичъ и Перхуровъ съ своей стороны черезчуръ подозрѣвали ихъ въ коварныхъ замыслахъ. Несомнѣнно здѣсь одно, что хотя Сирко и сносился съ польскимъ королемъ, желая черезъ него добиться гетманской булавы, но онъ вовсе не думалъ измѣнять русскому царю, а тѣмъ болѣе мирволить крымскому хану.

И точно, октября 1 дня 1675 года, Сирко доносилъ гетману Самойловичу, что въ Сичу, по царскому указу, присланы были черкасскій князь Каспулатъ Муцаловичъ, стольникъ Иванъ Леонтьевъ, голова стрѣльцовъ Иванъ Лукашкинъ, донской атаманъ Фролъ Минаевъ (съ 200 донцовъ) и калмыцкій начальникъ мурза Мазанъ. Съ ними Сирко, имѣя у себя 1.500 человекъ козаковъ, ходилъ, сентября 17 дня, подъ городъ Перекопъ и, будучи въ Крыму, не смотря на извѣстіе перебѣжчика кумычанина, сообщившаго татарамъ о приходѣ въ Крымъ козаковъ, несмотря на татарскія заставы, заранѣе противъ козаковъ устроенныя, большою непріятельскій отрядъ разбилъ, села огнемъ опустошилъ, большую добычу взялъ, много христіанскихъ дупъ изъ неволи освободилъ и послѣ всего этого въ полной цѣлости и безъ всякаго урона въ Сичъ возвратился ²).

Нужно думать, что этотъ самый походъ Сирка въ Крымъ, такъ счастливо для него окончившійся, разумеетъ и малороссійскій лѣтописецъ Величко. Объ этомъ же походѣ Сирка въ Крымъ говоритъ и лѣтописецъ Ригельманъ. Изъ того обстоятельства, что Ригельманъ, жившій позже Величка, но вовсе не знавшій лѣтописи его, говоритъ о фактѣ, извѣстномъ Величку, слѣдуетъ, что основною разсказа для обоихъ бытописателей послужило какое-то, такъ сказать, бродячее сказаніе. Изъ двухъ лѣтописцевъ, Величка и Ригельмана, у перваго оно длиннѣе, у втораго короче. Ригель-

¹) Акты южной и западной Россіи, XII, 111, 137, 161.

²) Акты южной и западной Россіи, XII, 260.

манъ рассказываетъ о походѣ Сирка въ Крымъ въ нѣсколькихъ строкахъ ¹⁾; Величко—въ большой главѣ. Величко относитъ это событіе къ 1675 году, Ригельманъ къ 1679 году. Изъ двухъ названныхъ лѣтописцевъ нужно отдать предпочтеніе Величку. Дѣло въ томъ, что, по возвращеніи запорожцевъ изъ Крыма въ Сичь, козаки, приписывая вражду татаръ и турокъ къ себѣ наускиванію гетмана Дорошенка, написали ему укорительное письмо. Но писать Дорошенку можно было въ 1675 году, а не въ 1679 году, когда онъ уже давно былъ лишенъ гетманства и находился не на Украинѣ, а на далекомъ сѣверѣ Россіи. Сравнивая показанія современныхъ событію актовъ съ рассказомъ лѣтописи Величка, находимъ, кромѣ краткости первыхъ и полноты второй, нѣкоторую разницу въ частности. Разница эта состоитъ прежде всего въ томъ, что по актамъ Сирко совершилъ походъ не одинъ, а съ союзниками—атаманомъ донскихъ козаковъ, княземъ кавказскихъ черкесовъ, русскими съ отрядомъ стрѣльцовъ, воеводами и калмыцкимъ тайшей съ ордой. Затѣмъ, имѣется разница и въ показаніи времени совершившагося событія: въ актахъ самъ Сирко говоритъ, что походъ въ Крымъ сдѣланъ былъ имъ сентября 17 дня, въ лѣтописи Величка предпринятъ былъ въ начальныхъ числахъ іюля мѣсяца. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить того, что Величко, приводя письмо запорожцевъ, писавшихъ его послѣ возвращенія изъ Крыма въ Сичь, приводитъ дату его 23 числомъ того же сентября мѣсяца. Наконецъ, есть разница и въ показаніи количества запорожцевъ, ходившихъ въ Крымъ и дѣйствовавшихъ въ немъ: въ актахъ показано запорожскаго войска только 1.500 человекъ, у Величка до 20.000 человекъ. Конечно, если взять во вниманіе серьезность самаго предпріятія, то нельзя не согласиться, что такое большое дѣло, какъ походъ во внутрь Крыма, долженъ былъ предпринятъ и съ большими силами. Но въ актахъ, кромѣ числа донцовъ (200 человекъ) не показано ни число стрѣльцовъ, ни число черкесъ, ни количество орды. Если взять произвольныя цифры—калмыковъ не менѣе 6.000, черкесовъ не менѣе 5.000, стрѣльцовъ не менѣе 2.000 человекъ, донцовъ 200 и запорожцевъ 1.500, то тогда полученная цифра 15.200 человекъ можетъ приблизиться къ показаннымъ Величкомъ цифрамъ. Но та-

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1847, II, 167—170.

кой расчетъ будетъ расчетомъ только измышленія, а не дѣйствительности.

Оставляя въ сторонѣ все указанныя частности, событіе это, походъ Сирка въ Крымъ и самый поводъ къ тому, произошло, по словамъ Величка, слѣдующимъ образомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Планъ турецкаго султана Мухаммада IV о разрушеніи Сичи.—Присылка имъ въ Крымъ 15.000 человекъ янычаръ.—Походъ крымскаго хана съ 40.000 татаръ и 15.000 янычаръ въ Сичу, случайный спаситель Сичи Шевчикъ.—Избиеніе тринадцати съ половиною тысячъ янычаръ въ Сичи.—Погоня козаковъ за ханомъ и очищеніе Сичи отъ непріятельскихъ труповъ.—Письмо хана въ Сичь съ просьбой о выкупѣ плѣнныхъ.—Походъ Сярка въ Крымъ, раздѣленіе на двѣ половины войска и страшный погромъ Крыма, возвращеніе назадъ, отдыхъ въ степи и избиеніе 4.000 человекъ христіанъ.—Прибытіе Сярка въ Сичу и отправка листа крымскому хану и смѣхотворнаго письма турецкому султану.

Ненасытившись поглощеніемъ премногаго козацко-русскаго народа, разореніемъ семнадцати городовъ во главѣ съ Лодыжинимъ и Уманью, не удовольствовавшись обращеніемъ ихъ въ пепелъ и сравненіемъ съ землей, турскій султанъ Мухаммадъ IV задумалъ истребить все запорожское войско и разорить самый Кошъ его. На это дѣло онъ прислалъ осенью 1675 года на корабляхъ изъ Константинополя въ Крымъ 15.000 отборныхъ стамбульскихъ янычаръ и велѣлъ крымскому хану съ этими янычарами и со всей крымской ордой, при наступленіи зимы, постараться выбить всѣхъ запорожцевъ до конца, а самую Сичь ихъ разорить до основанія. Ханъ, желая слышать о томъ приказаніе изъ устъ самого султана и его визиря, бѣгалъ налегкѣ тою же осенью въ Стамбулъ и, недолго оставаясь тамъ, повернулъ въ Крымъ; все время послѣ этого онъ совѣтовался со своими крымскими султанами, агами и мурзами и выискивалъ способы, какими можно было бы исполнить свой злой умыселъ надъ войскомъ низовымъ запорожскимъ и его кошемъ. Послѣ совѣта постановлено было привести въ исполненіе злое приказаніе турецкой Порты непремѣнно въ предстоящую зиму, на святкахъ Рождества Господня, когда войско запорожское привыкло гулять и подпивать. И вотъ, какъ скоро тогдашняя зима, «чрезъ майстерство крѣпкихъ морозовъ своихъ», замуровала днѣпровскія глубины и рѣчки полевья твердыми

льдами и придѣла достаточными силѣми, тогда крымскій ханъ тотъ же часъ приказалъ сорока тысячамъ крымской орды быть готовыми для военнаго похода, а пятнадцати тысячамъ янычаръ велѣлъ дать лошадей, не объявляя никому, куда именно онъ поведетъ ихъ въ походъ. Когда кончился филипповъ постъ, тогда самъ ханъ, снявшись изъ Крыма со всѣмъ названнымъ войскомъ своимъ, пошелъ по направленію къ запорожской Сичи, стараясь держаться въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега Днѣпра, чтобы не быть замѣченнымъ запорожцами, зимовавшими по днѣпровскимъ островамъ и вѣткамъ и чтобы все войско запорожское низовое какимъ-нибудь способомъ не узнало о томъ. На третью или четвертую ночь Рождества Христова, въ самую полночь, ханъ, приблизившись къ Сичи, захватилъ сичевую стражу, стоявшую въ верстѣ или въ двухъ верстахъ отъ Сичи на известномъ мѣстѣ, и отъ этой стражи узналъ, что войско пьяное спитъ безопасно по куренямъ и что другой стражи нѣтъ ни около, ни въ самой Сичи; ханъ очень обрадовался этому и сейчасъ же, выбравши самага лучшаго изъ пойманныхъ сторожевыхъ и пообѣщавъ ему свободу и большую награду, приказалъ ему провести пѣхотныхъ янычаръ во внутрь запорожской Сичи чрезъ ту форточку ¹⁾, которая, по показанію самихъ сторожевыхъ, не была заперта на ту пору. Итакъ, отправивши всѣхъ янычаръ въ Сичу съ названнымъ запорожскимъ сторожевымъ, ханъ приказалъ имъ, вошедши въ нее, «учинить належитій военный надъ пьяноспящими запорожцами промыселъ». Самъ же между тѣмъ, объѣхавши съ ордой вокругъ Сичь и густо обступивши ее, стоялъ неподалеку на поготовѣ, чтобы не выпустить и «духа имѣющихъ утекать» запорожцевъ. Но на этотъ разъ надъ турками и татарами сбылась старая пословица: «що человекъ себѣ обѣдуе, тое Богъ ницуе»: надежда хана выгубить все запорожское войско и разорить самый Кошъ не осуществилась. Хотя ханъ и зналъ, что войско запорожское привыкло въ праздничные дни подпивать и безопасно спать, но не припомнилъ того, что множество этого же самага войска имѣло обыкновеніе собираться въ праздникъ Рождества Христова до Сичи со всѣхъ низовыхъ днѣпровскихъ луговъ ²⁾ и что боль-

¹⁾ Фортка — въ смыслѣ калитки, прохода или «пролаза».

²⁾ Въ виду предстоящихъ выборовъ войсковой старшины, происходившихъ у запорожцевъ 1 января каждаго новаго года.

шинство изъ этого войска были трезвые, а не пьяные люди. Но вотъ настала «полуночная часъ». Все войско, неслыша ни о какой тревогѣ и не имѣя вѣсти о намѣреніи бусурманъ, «защипутовавшись» въ куреняхъ, безопасно опочивало; въ это самое время янычары, тихо введенные чрезъ открытую фортку пойманнымъ запорожскимъ сторожевымъ, вошли въ Сичу и наполнили собой всѣ ея улицы и переулки и такъ стѣснились, какъ то бываетъ въ церкви. Однако, имѣя въ рукахъ готовое оружіе, они помрачены были всевидящимъ Богомъ въ ихъ разумѣ: войдя въ Сичу, они и не подумали о томъ, что дальше дѣлать и какимъ способомъ разорить то рыцарское гнѣздо низово-днѣпровскихъ козаковъ, нашихъ мальтійскихъ кавалеровъ, и какъ ихъ всѣхъ выбить до конца; или, быть можетъ, начальники янычаръ, за тѣснотой, не могли сойтись и посовѣтоваться между собой, какъ начать и кончить свой злодѣйскій умыселъ. Такъ или иначе, но, наполнивъ собою всю Сичу, захвативъ всѣ сичевыя арматы, заступивъ всѣ открытыя мѣста, янычары стояли нѣсколько времени въ недоумѣніи и тихомъ молчаніи. Когда же повернуло съ полночи и Богъ Вседержитель благословилъ соблюсти въ цѣлости то православное и преславное низовое запорожское войско, тогда онъ отогналъ сонъ нѣкоему Шевчику, козаку одного куреня; этотъ Шевчикъ, вставши для своего дѣла и отворивши кватерку ¹⁾, началъ сквозь оконную щель присматриваться, рано-ли еще или нѣтъ, и неожиданно увидѣлъ людей, непріятелей-турокъ, всю улицу заполонившихъ собой. Шевчикъ пришелъ въ ужасъ; однако, тотъ же часъ тихо засвѣтилъ нѣсколько свѣчей въ своемъ куренѣ, сообщилъ знаками пятерымъ или шестерымъ товарищамъ своимъ, еще не ложившимся спать, но сидѣвшимъ въ углу куреня, закрывшись тамъ и игравшимъ въ карты. Товарищи, услышавъ слова Шевчика и побросавъ карты, заразъ бросились тихонько ко всѣмъ окнамъ куреня своего и, не отворяя ихъ, стали присматриваться въ оконныя щели, чтобы убѣдиться, правда-ли то, что сказалъ Шевчикъ. Когда же и сами увидѣли, что Сичъ ихъ наполнена непріятелями-турками, то немедленно и возможно тихо побудили всѣхъ товарищей своего куреня, которыхъ было до полутора ста человекъ, и сообщили имъ о грозившей бѣдѣ. Товарищи быстро

¹⁾ «Кватерка» съ польскаго собственно значить «четвертая часть» окна, въ нашемъ смыслѣ «форточка» окна.

повставали, тихо поодѣвались, осторожно забрали въ руки оружіе и потомъ, послѣ совѣта съ куреннымъ атаманомъ, рѣшили устроить слѣдующее: поставить къ каждому окну по нѣсколько человѣкъ лучшихъ стрѣльцовъ, чтобы они безпрестанно стрѣляли, а другіе, чтобы только заряжали ружья и первымъ подавали. Устроивши все это безъ великаго шума и помолившись Богу, козаки сразу поотворяли всѣ окна и оконницы и начали густо и безпрестанно стрѣлять въ самое скопище янычаръ, сильно поражая ихъ. Тогда другіе курени, услышавъ выстрѣлы и увидѣвши непріятеля, тотъ же часъ открыли со всѣхъ сторонъ черезъ окна густой и безпрестанный мушкетный огонь, и какъ бы молніей освѣтили темную ночь въ Сичи, тяжело поражая турокъ, кои отъ одного выстрѣла падали по двое и по трое человѣкъ. Янычары же, не имѣя возможности, вслѣдствіе своей тѣсноты, направлять оружія прямо противъ куренныхъ оконъ, стрѣляли на воздухъ и, «аки козлы между собою мятущися», падали на землю убитыми и утопали въ собственной крови. Когда же толпы янычаръ стали рѣдѣть по улицамъ и переулкамъ, такъ что ихъ едва третья часть осталась въ живыхъ, тогда запорожцы, видя, что, стрѣляя изъ куреней на непріятелей, они стрѣляли другъ противъ друга и наносили себѣ тѣмъ вредъ, крикнули единогласно до ручного бою; и такъ по той командѣ тотчасъ всѣ разомъ, высыпавши изъ куреней, съ мушкетами, луками, копьями, саблями и дрекольемъ, начали доканчивать ручнымъ боемъ еще оставшихся въ живыхъ турокъ, нещадно поражая ихъ. На самомъ разсвѣтѣ дня они покончили съ турками, и всю Сичь и всѣ курени со всѣхъ сторонъ; и всю божественную церковь и всѣ арматы окрасили и осквернили бурсурманскою кровію, а всѣ сичевыя улицы и переулки непріятельскими трупами завалили. Трупы тѣ лежали, облитые ихъ же собственной кровію, склеенные и замороженные сильнымъ морозомъ, бывшимъ въ то время. Какъ велико было ихъ число, видно изъ того, что изъ пятнадцати тысячъ янычаръ едва полторы тысячи ушло изъ Сичи и спасено татарами на лошадяхъ. А между тѣмъ ханъ, стоявшій около Сичи и ожидавшій конца задуманной облавы, увидя несчастный конецъ неудавшагося замысла, взвылъ, какъ волкъ, подобно древнему Мамаю, побѣжденному русскими на Куликовомъ полѣ при рѣкѣ Непрядвѣ, видя, какое великое число отборныхъ стамбульскихъ янычаръ онъ потерялъ и выгубилъ, считывая завоевать запорожскую Сичу. Пораженный, вслѣдствіе

этого несчастья, великимъ страхомъ, онъ бросился отъ Сичи, днемъ и ночью спѣшилъ въ Крымъ, боясь, чтобы раздраженные запорожцы, сѣвши на коней, не догнали и не разгромили его самого.

Скоро послѣ смутной и кровопролитной ночи людскимъ очамъ пришлось увидѣть пасмурный и невеселый день. Въ тотъ день, послѣ войскового совѣта, а болѣе всего послѣ приказа кошевого Сирка, около двухъ тысячъ добраго панцырнаго запорожскаго товариства, сѣвши на коней и объѣхавъ всю Сичу кругомъ, бросились по слѣдамъ хана. Но потомъ, пройдя отъ Сичи миль «о полтретѣ» и убѣдившись, что ханъ отъ боязни дѣйствительно убѣжалъ въ Крымъ, товариство повернуло назадъ къ Сичѣ и пришло назадъ какъ разъ къ концу божественной службы. По окончаніи службы все войско отпѣло общій благодарственный молебенъ пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ и своей всеблагодутробной зашигницѣ, а затѣмъ приступило къ похоронамъ своихъ товарищей, сраженныхъ въ бою; всѣхъ ихъ было убито въ ночной «заверусѣ» пятьдесятъ человекъ, а ранено до осьмидесяти ¹⁾. Убитыхъ товарищей тогда же, прежде похоронъ янычаръ, предали землѣ «честнымъ и знаменитымъ погребеніемъ» и приказали сичевымъ священникамъ служить по нимъ сорокоустъ неотлагаемо и безпрестанно съ приличнымъ за труды вознагражденіемъ, а раненыхъ распорядились отдать на излѣченіе сичевымъ цырульникамъ съ награжденіемъ изъ войскового скарба. Послѣ этого козаки разошлись по своимъ куренямъ и весь тотъ день гуляли въ своихъ куреняхъ, стрѣляли изъ ружей, палили изъ пушекъ, такъ густо окропленныхъ бусурманскою кровію. Трупы смерзшихъ янычаръ пока оставались на улицахъ и переулкахъ и представляли изъ себя настоящіе валы и могилы.

На другой день, какъ только стало свѣтать, тотъ же часъ, по приказу кошевого, ударили въ котлы на раду. Собравшееся на раду войско держало совѣтъ о томъ, какъ поступить съ трупами янычаръ. Одни совѣтовали повыволакивать трупы изъ Сичи и сжечь ихъ по бусурманскому обычаю; другіе находили удобнымъ передать ихъ на снѣденіе звѣрямъ и птицамъ, подальше оттащивъ отъ Сичи; третьи предлагали въ землю позагребать, а четвертые—

¹⁾ Число истребленныхъ въ Сичи янычаръ (13.500 человекъ) и число убитыхъ запорожцевъ (50 человекъ) едва-ли могутъ быть приняты за дѣйствительныя числа.

въ воду повкидать. Изъ этихъ совѣтовъ три не были приняты: первый, если въ землю погребать, то много времени придется употребить, да и никто даромъ работать не станетъ, мерзлой земли копать; другой, если палить, много дровъ пришлось бы истребить; третій, если отдать на снѣденіе звѣрямъ, то звѣри, разстерзавшись, и живому войску могутъ принести шкоду; а на четвертомъ совѣтѣ все войско остановилось: повытащивъ изъ Сичи всѣ трупы убитыхъ янычаръ, отдать ихъ днѣпровскимъ глубинамъ и быстринамъ.

Тотчасъ послѣ этой рады отправлено было нѣсколько сотъ человекъ на Днѣпръ для рубки «полонокъ»; другимъ приказано было раздѣлить смерзшіеся вмѣстѣ трупы и приготовить ихъ для выволакиванія изъ Сичи, а третьимъ велѣно быть готовыми съ конями и арканами. Такъ, около условленнаго часа козаки, работавшіе на Днѣпрѣ, дали знать кошевому и куреннымъ атаманамъ, что они уже приготовили пять или шесть обширныхъ «полонокъ» на Днѣпрѣ. Тогда немедленно приказано было цѣплять арканами окровавленные собственной кровью и смерзшіеся отъ сильныхъ морозовъ трупы янычаръ, привязывать ихъ до кульбачныхъ стремянъ по десять, по двадцать и больше того, «плитами и брилами» прочь изъ Сичи таскать и около «полонокъ» оставлять; а бывшей на Днѣпрѣ пѣхотѣ велѣно тѣ смерзшіеся трупы янычаръ въ «полонки» втаскивать и подъ ледъ пускать. А такъ какъ того дня всѣхъ труповъ выволокти изъ Сичи не могли, то и на другой день до обѣденной поры войско должно было заниматься тѣмъ же.

Изъ добычи отъ убитыхъ янычаръ, кромѣ оружія, осталось запорожцамъ очень мало; ибо на мертвыхъ и смерзшихся трупахъ кафтаны, кунтуши, кожухи, шаровары, шапки, пояса, сапоги были точно вымочены въ бусурманской крови и казались сплошными смерзшимися плитами, такъ что если бы кто захотѣлъ снять съ нихъ что-либо и тѣмъ осквернить руки свои, то развѣ отрубивалъ бы одинъ трупъ отъ другого топоромъ, а дорогое одѣяніе сдиравъ бы шматками; также, если кто хотѣлъ вынуть изъ-подъ труповъ оставшееся оружіе (первое оружіе тотъ же часъ по окончаніе битвы вынуто было изъ-подъ труповъ еще не смерзшихся), то опять-таки долженъ былъ разрубывать трупы, а рога и шабелтасы ¹⁾ просто обрѣзывать около нихъ.

¹⁾ Шабелтасы съ татарскаго «шабултасы» на русскій значить пороховая сумка, носимая при помощи ремня черезъ плечо.

Когда же, наконецъ, всѣ трупы отданы были днѣпровскимъ глубинамъ, тогда все войско, вмѣстѣ собравшись, поочищало и повыскабливало всѣ улицы и переулки въ Сичи и за Сичь все съ снѣгомъ повыметало, также пообтесывало и пообмывало всѣ страшно облитыя кровью стѣны куренныя и арматы сичевыя; а переночевавши и отправивши рано заутреню, за ней божественную службу и за божественной службой молебень отпѣвши и воду освятивши, всѣ сичевые священники со всѣмъ церковнымъ клиромъ пошли по улицамъ, переулкамъ и куренямъ, безпрестанно молитвы читая и святой водой всѣ мѣста кропя. По окончаніи очистительной перемоніи, все войско до самаго вечера весело гуляло и подпивало, простые козаки, собравшись въ куреняхъ, а знатные у кошевого атамана Сирка, но гуляло тихо, безъ арматныхъ и мушкетныхъ громовъ ¹⁾.

На другой день послѣ всего этого запорожцы поднялись рано, вновь собрались на раду, подѣлили по жребію все оружіе, найденное между трупами янычаръ и до времени сложенное въ общую кучу, и затѣмъ рѣшили написать гетману Дорошенку «прикрое и досадительное» письмо, приписывая злодѣйскій умыселъ нападенія татаръ и турокъ на Сичь его злобѣ и коварству. Отправка письма Дорошенку возложена была на кошевого Сирка. Сирко послалъ его чигиринскими чумаками, случившимися на ту пору въ Сичи. Дорошенко, прочитавъ то письмо, страшно разъярился на запорожскихъ козаковъ, но потомъ, одумавшись и успокоившись отъ гнѣва, послалъ имъ съ своей стороны пространное письмо, увѣряя клятвами и присягами, что онъ чистъ въ отношеніяхъ къ нимъ; что онъ даже питаетъ дружбу и особенную пріязнь ко всему запорожскому войску. Запорожцы, получивъ отъ гетмана это письмо, скоро смягчились и въ свою очередь увѣряли, что они, кромѣ пріязни, ничего другого не питаютъ къ гетману.

Послѣ страшной и кровавой битвы, кромѣ тринадцати тысячъ пятисотъ человѣкъ убитыхъ въ Сичи, осталось еще въ плѣну полтора ста человѣкъ янычаръ и четыре аги: они скрылись въ разныхъ мѣстахъ между строениями. Крымскій ханъ, узнавъ объ этомъ, тотъ же часъ написалъ Сирку и всему запорожскому войску письмо, въ которомъ усердно просилъ отпустить невольниковъ въ Крымъ. Сирко и все войско согласились нато. Тогда ханъ прислалъ за

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 358—364.

ними подводы, а вмѣстѣ съ подводами и подарки низовому товариству: двѣнадцать тысячъ киндяковъ и шесть большихъ бутъ добраго крымскаго вина. Запорожцы, принявъ подарокъ, отпустили полтора ста невольниковъ янычаръ, снабдивъ ихъ въ дорогу хлѣбомъ, мясомъ и рыбою, но четырехъ агъ оставили у себя, потому что хотѣли получить за нихъ выкупъ по двѣ тысячи левовъ съ cadaго. Но какъ скоро деньги пришли, тогда и четыре аги, получивъ вспоможеніе на дорогу, были честно отпущены въ Крымъ. Между тѣмъ турецкій султанъ, услышавъ о гибели своихъ янычаръ въ запорожской Сичи, страшно озлился на своего визиря, который посовѣтовалъ ему отправить на запорожцевъ янычаръ. Онъ готовъ былъ предать его смертной казни, но потомъ, однако, даровалъ ему жизнь; зато забралъ все его имущество въ казну, а самого отправилъ въ вѣчную ссылку на островъ Родосъ.

Послѣ этого истребленія янычаръ въ Сичи, турки на все время не осмѣливались предпринимать походовъ противъ запорожскихъ козаковъ съ цѣлью искорененія ихъ войскового Коша. Напротивъ того, нападеніе татаръ и турукъ на Сичь дало поводъ самимъ запорожцамъ вторгнуться въ Крымъ». Того же 1675 года въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца, созвавъ въ Сичь запорожское товариство изъ ближнихъ и дальнихъ полевыхъ вѣтокъ и рѣчекъ, кошевой атаманъ всего низоваго запорожскаго войска, Иванъ Сирко, предложилъ ему на главной радѣ идти на Крымъ и отомстить крымскому хану за прошлосимнее нападеніе, вредъ и безпокойства, причиненные имъ всему низовому войску; а именно за то, что ханъ, пришедъ ночью съ турецкими янычарами и ворвавшись, подобно злодѣю, въ запорожскую Сичь, хотѣлъ разрушить ее до основанія, а все находившееся въ ней низовое войско истребить и въ плѣнъ забрать. На предложеніе Сирка все войско охотно согласилось, прося его вести на такое доброе дѣло. Тогда Сирко распустилъ изъ Сичи все войско по рѣчкамъ и вѣткамъ, приказалъ ему изготовиться въ походъ на Крымъ на три недѣли, запасти харчей и прочими военными принадлежностями, и черезъ двѣ недѣли явиться въ Сичь. Войско, охотно исполнивъ приказаніе кошевого, явилось со всѣмъ необходимымъ въ Сичь. Тогда Сирко, выбравъ лучшихъ изъ козаковъ, числомъ около двадцати тысячъ человекъ и перешедъ Днѣпръ на крымскую сторону, двинулся со всевозможною поспѣшностью въ предстоящій путь. Но, не желая идти прямо къ Перекопу, онъ взялъ налѣво въ степь, остерегаясь

встрѣчи съ блукавшими, ради промысловъ, по степи татарами. Расчетъ его вполне удался: татары дѣйствительно не замѣтили его и не могли дать знать о немъ въ Крымъ. Между тѣмъ Сирко, быстро прошедъ со всѣмъ своимъ войскомъ длинныя степи и переправившись въ крымское царство чрезъ Сивашъ, на мѣстѣ ему хорошо извѣстномъ, оставилъ Перекопъ далеко въ правой рукѣ.

Потомъ, оставивши при себѣ самыхъ лучшихъ молодцовъ, три или четыре тысячи, и расположившись съ ними внутри Крыма надъ Сивашемъ, у названной переправы, Сирко все остальное войско, подъ начальствомъ добрыхъ вождей, знавшихъ хорошо всѣ крымскія мѣста и осѣдлости, отправилъ въ самый Крымъ, приказавши тѣмъ вождямъ весь Крымъ «несчадно струснути» и на пятый день возвратиться къ сивашской переправѣ. Тогда войско, сѣвъ на своихъ «вѣтроногихъ» коней, внезапно ворвалось внутрь крымскихъ селеній и, раздѣлившись, съ общаго совѣта, на нѣскольго частей, засѣяло и наполнило собой весь Крымъ, предавая огню и мечу какъ самый Крымъ, такъ и города его Козловъ, Карасевъ, даже столицу ханскую Бахчисарай и другіе города, причиняя вездѣ страшныя бѣды и разоренія населенію. Ханъ, узнавъ «о такой фуриі несподѣванныхъ и недишкретныхъ гостей», едва успѣлъ выхватиться изъ Бахчисарая со всѣми своими султанами, мурзами и крымскими начальниками и убѣжать въ крымскія горы. Туда же бѣжала къ хану одна часть татаръ, успѣвшая спастись отъ запорожскаго оружія; другая часть ушла въ крѣпкіе города, а третья часть боевымъ оружіемъ положена была на крымскихъ поляхъ и селахъ. Послѣ этого, когда ханъ узналъ отъ пойманныхъ запорожскихъ языковъ, какое то было войско, кто надъ нимъ былъ начальникомъ и главнымъ вождемъ и какимъ трактомъ пришло оно въ крымскую державу; тогда, поднявшись со всѣмъ своимъ крымскимъ войскомъ, котораго пришло къ нему въ горы до пятидесяти тысячъ человѣкъ, устремился къ той самой сивашской переправѣ, чрезъ которую вторглись въ Крымъ запорожскіе козаки; онъ не зналъ, что тамъ стояла другая часть запорожскаго войска. У сивашской переправы ханъ имѣлъ остановиться и ждать возвращенія всего запорожскаго войска, грассовавшаго по Крыму.

И дѣйствительно, ханъ прибылъ со своей ордой какъ разъ въ тотъ самый день, когда и запорожское войско рассчитывало возвратиться изъ Крыма къ Сирку на переправу. Увидя у переправы

запорожское войско подъ начальствомъ Сирка, ханъ вообразилъ, что здѣсь собралось все козацкое войско, приказалъ спѣшиться и готовиться къ бою. А между тѣмъ къ Сирку поворачивало изъ Крыма съ большой добычей и плѣнниками то самое войско, которое тамъ гостило и оставило въ немъ послѣ себя великія руины. Узнавъ отъ пойманнаго татарскаго языка, что ханъ пошелъ къ Сивашу на переправу, войско сейчасъ же свернуло въ сторону, оставило съ отрядомъ часть своей добычи и денегъ, потомъ подняло для обмана татаръ мусульманскія знамена, взятые въ добычу, и поспѣшило вслѣдъ за ханомъ.

Ханъ, видя позади себя съ ордынскими знаменами войско и воображая, что то идутъ къ нему на помощь разогнанные татары, крѣпко и со всею силою ударилъ на Сирка; но, не смогши сломить его, напротивъ того, потерявши въ одинъ разъ до четырехъ тысячъ орды, сдѣлалъ отступленіе. Сирко, увидя позади хана войско и узнавъ, что то было его собственное, сталъ строиться, чтобы вторично схватиться съ ханомъ; ханъ, въ свою очередь, ожидая, что позади его идетъ къ нему на помощь орда, также выстроился противъ Сирка. Но, ударивъ вторично на Сирка, онъ, подобно первому разу, встрѣтилъ такой отпоръ, что съ большимъ для своей орды урономъ ввовъ отступилъ. Тогда Сирко, сѣвши со всѣмъ своимъ войскомъ въ одно мгновеніе на коней, сильно ударилъ на орду и началъ налегать и разить ее. Орда, бывшая съ ханомъ, увидя позади себя не ордынскія, а козацкія войска, сразу потеряла мужество и воинскую доблесть, стремительно рассыпалась по крымскимъ полямъ и прямо попала въ глаза козацкому войску, бывшему позади нея. А козаки, гоняясь по полю за перепуганными татарами, нѣсколько тысячъ изъ нихъ убили, нѣсколько тысячъ забрали въ плѣнъ, за малымъ не поймавъ и самого хана.

Послѣ такой счастливой и блестящей побѣды надъ ханомъ, все козацкое войско, соединившись съ Сиркомъ и забравши свою добычу, оставленную на время въ сторонѣ, пришло къ сивашской переправѣ какъ разъ около полудня. Отдохнувъ здѣсь немного послѣ военныхъ подвиговъ и подкрѣпившись ницею, оно немедленно двинулось изъ Крыма чрезъ Сивашъ на ту сторону, которая идетъ отъ Сиваша до Запорожья. Пройдя Сивашъ передъ заходомъ солнца и уже не слѣдуя тѣмъ трактомъ, которымъ шло изъ Сичи въ Крымъ, войско вдалось отъ переправы на Калан-

чакъ, къ Черной долинь и Кочкарамъ, оставивъ Перекопъ въ лѣвой сторонѣ. Струснувши около Черной долины и Кочкаръ всѣ поля и крымскія скотныя пастбища, захвативши много рогатаго скота и овечьихъ ватагъ вмѣстѣ съ бывшими при нихъ татарами, войско запорожское двинулось вверхъ по Днѣпру, до своей Сичи, имѣя у себя множество добычи и тринадцать тысячъ ясырю—плѣнныхъ татаръ и бывшихъ въ крымской неволѣ христіанъ. Отдалившись со всѣмъ войскомъ и добычею на нѣсколько миль отъ Крыма и остановившись въ удобномъ для полуденнаго попaska мѣстѣ, Сирко однимъ изъ козаковъ приказалъ побольше наварить каши, чтобы ея было достаточно какъ для войска, такъ и для ясыря, а другимъ велѣлъ разлучить на-двое ясырь, христіанъ особо, а бусурманъ особо. Когда это было сдѣлано, тогда Сирко приказалъ всѣхъ бусурманъ повязать, а къ христіанамъ, которыхъ было мужескаго и женскаго пола семь тысячъ, сказалъ такое слово, испытывая ихъ: «Кто хочетъ, идите съ нами на Русь, а кто не хочетъ, возвращайтесь въ Крымъ». Христіане и родившіеся отъ христіанъ въ Крымѣ «тумы», услыша то слово Сирка, раздѣлились на двѣ половины: одни, числомъ три тысячи, нашли за лучшее вернуться въ Крымъ, нежели идти въ христіанскую землю; другіе, числомъ четыре тысячи, пожелали вернуться въ свою землю на Украину. Сирко приказалъ всѣхъ ихъ накормить и потомъ однихъ оставилъ при себѣ, а другихъ отпустилъ въ Крымъ. Отпуская послѣднихъ, спросилъ у нихъ, зачѣмъ они стремятся въ Крымъ; спрошенные отвѣчали, что въ Крымѣ у нихъ есть осѣдлости и господства, и потому тамъ имъ лучше будетъ жить, нежели на Руси, гдѣ они ничего не имѣютъ. Отпуская тѣхъ людей, Сирко не вполне еще вѣрилъ, чтобы они дѣйствительно пошли въ Крымъ, но надѣялся, что они вернуться на Русь, и, поднявшись на бывшую тамъ могилу, смотрѣлъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не стало видно. Когда же убѣдился въ ихъ твердомъ намѣреніи идти въ Крымъ, тогда приказалъ молодымъ козакамъ сѣсть на коней, догнать отпущенныхъ и всѣхъ до единого и безъ всякой пощады выбить и вырубить, имѣя намѣреніе и самъ тотъ же часъ за ними поѣхать и посмотреть, все-ли будетъ исполнено по его приказу. Получивъ отъ Сирка такое приказаніе, козаки, догнавъ названныхъ людей, поступили сообразно приказу, не оставивъ въ живыхъ ни одной души. Немного погодя и самъ Сирко, сѣвъ на коня, поскакалъ туда, гдѣ исполнялось его приказаніе.

Прибѣжавъ на мѣсто и увидѣвъ, что его воля въ точности исполнена, онъ поблагодарилъ трудившихся тамъ козаковъ, а къ мертвымъ трупамъ сказалъ слѣдующія слова: «Простите насъ, братія, а сами спите тутъ до страшнаго суда Господня, вмѣсто того, чтобы размножаться вамъ въ Крыму между бусурманами на наши христіанскія молодецкія головы и на свою вѣчную безъ крещенія погибель». Послѣ этого Сирко вернулся къ войску и двинулся въ путь отъ становища. Приблизившись къ Сичи, онъ подуванилъ все свое войско добычею и добромъ. Прибывши же въ самую Сичь, первымъ дѣломъ со всѣмъ своимъ войскомъ отдалъ хвалу всеильному Богу, своему помощнику, и молебное благодарствіе пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ. Потомъ, приготовивъ на всѣ курени довольное число мяса изъ крымскаго скота и овецъ, которыхъ было захвачено до восемнадцати тысячъ, устроилъ со всѣмъ войскомъ въ Сичи генеральный банкетъ; два дня гуляли Сирко и все войско и тѣшились непрерывными арматными и мушкетными громами. Послѣ этого козаки разошлись въ рѣчки и вѣтки, а выведенные изъ Крыма христіанскіе плѣнники съ новокрещенными въ Сичи бусурманами, которыхъ обоего пола было полторы тысячи, отправлены въ Малую Россію. Изъ бусурманскаго же ясыра одна часть послана въ Москву, другая къ гетману Самойловичу, а третья, числомъ четыре тысячи, оставлена въ Сичи. Послѣднимъ Сирко съ атаманами объявилъ, чтобы каждый изъ нихъ, если желаетъ быть въ Крыму, постарался о скоромъ выкупѣ; если же невольники не будутъ стараться о своемъ выкупѣ, то всѣ они скоро будутъ отосланы въ Москву въ вѣчную неволю. Услыша эти слова Сирка, всѣ татары вздрогнули и сейчасъ же начали торговаться съ Сиркомъ и атаманами и предлагать за себя выкупъ по своему состоянію. Итакъ всѣ, отъ мала до велика, пообѣщавъ за себя выкупъ, написали по-татарски реестръ своихъ именъ и обѣщаннаго выкупа, выпросили у Сирка трехъ татаръ и послали черезъ нихъ тотъ реестръ хану съ горячимъ прошеніемъ поскорѣе собрать выкупъ и прислать его въ Сичу. Черезъ этихъ же татаръ и Сирко со всѣмъ товариствомъ написалъ письмо хану; въ этомъ письмѣ онъ сообщалъ о причинѣ вторженія козаковъ въ Крымъ, происшедшей по винѣ самихъ же татаръ, а не по винѣ запорожскихъ козаковъ, и тутъ же напомнилъ хану о древней доблести и рыцарствѣ войска запорожскаго.

«Ясневельможнѣйшій мосце хане крымскій со многими ордами,

близкій напѣ соеѣде! Не мыслили бы мы, войско низовое запорожское, входить въ войну и непріязнь съ вашею ханскою милостью и со всѣмъ крымскимъ панствомъ, если бы не увидѣли начала ея съ вашей стороны. Ваша ханская милость, послушавъ дурного совѣта сумасборднаго и безумнаго цареградскаго визиря, а по немъ и приказанія найяснѣйшаго и найвельможнѣйшаго султана своего, начали съ нами войну прошлой зимы. Вы приходили къ намъ, низовому запорожскому войску, съ султанскими янычарами и со многими крымскими ордами; подкравшись ночнымъ временемъ къ нашей Сичѣ и снявъ стоявшую за ней нашу стражу, вы отправили въ Сичь пятнадцать тысячъ янычаръ, которымъ приказали (что стыдно было вамъ дѣлать) не «по кавалерству» выбить и истребить всѣхъ насъ молодцовъ, войско запорожское, сонныхъ и нечающихъ никакой бѣды, а кучку нашу сичевую до основанія раскопать и разорить; сами же вы съ ордами стали было около Сичи, чтобы и духа уходившихъ молодцовъ не упустить. Но ваше намѣреніе и замыселъ Христосъ Богъ и премилосерднѣйшій нашъ Спаситель обратилъ на благо, а болѣзнь и бѣдствія наши въ болѣзнь и бѣдствія на головы турецкихъ янычаръ, о чемъ ваша ханская мощь хорошо знаетъ. Не предвидя отъ васъ никакого злого умысла и скрытнаго дѣйствія (ибо вы хотѣли дѣйствовать тайно въ отношеніи тѣхъ людей, которые занимаются рыцарскимъ дѣломъ), мы нигдѣ не ожидали васъ, не брали предосторожности и не были готовы къ тому, чтобы дать вамъ отпоръ. Одинъ Господь Богъ Спаситель сохранилъ и защитилъ насъ отъ вашей напасти и нашего крайняго бѣдствія. И такъ какъ вашъ поступокъ огорчилъ насъ и причинилъ намъ, войску запорожскому, досаду, то мы, по примѣру древнихъ предковъ и братьевъ нашихъ, рѣшили постараться за обиду и огорченіе воздать и отомстить вашей ханской мосці и всему ханству равнымъ за равное, но не тайно, какъ вы поступили, а явно, по-рыцарски. И Богъ сердце вѣдецъ за нашу правду помогъ намъ лучше погостить въ нашемъ крымскомъ панствѣ, нежели вамъ въ нашей сичевой кучкѣ. И если та «гостина» наша въ нашемъ панствѣ показалаеь вамъ «недишкретною», то, быть можетъ, такъ оно и есть, ибо козаки, какъ не одной матери дѣти, такъ и не одного права: одни стрѣляли направо, другіе налѣво, а третьи прямо, но такъ дѣло, что всѣ въ цѣль попадали. Да и «недишкретціи» той мы отъ васъ научились, а не сами выдумали, ибо, не принявши насъ за гостей и

добрыхъ кавалеровъ въ самомъ Крыму, ваша ханская мосць по-слѣшили было со своими сильными ордами до Сивашу, къ той самой переправѣ, чрезъ которую мы вошли въ вапе панство; стоя здѣсь и ожидая нашего возвращенія, вы хотѣли насъ истребить, не пустить черезъ переправу. Но и тутъ опять тоже всемогущій Богъ не допустилъ исполниться вашему намѣренію, а намъ за нашу правду явилъ свою милость и далъ возможность восторжествовать надъ вами. И если мы въ этомъ торжествѣ чѣмъ-нибудь обезпокоили вашу ханскую мосць и вамъ показалось что-нибудь съ нашей стороны «недишкретнымъ», то извини насъ на томъ. ваша ханская мосць; не забывай, однако, что всякая «недишкретція» обыкновенно платится за такую же «недишкретію». Разумѣется, вашей ханской мосцѣ ничего подобнаго и не снилось, чтобы наше низовое запорожское войско, въ такомъ маломъ и ничтожномъ числѣ, осмѣлилось наступать войной на знаменитое и многолюдное крымское панство. Но этого и не могло бы быть (конечно, не вслѣдствіе нашей боязни, а вслѣдствіе сосѣдственной съ Крымомъ пріязни), если бы съ вашей стороны не было подано повода и причинъ для вражды и войны съ нами, запорожскимъ низовымъ войскомъ. Не изволь, ваша ханская мосць, смотрѣть на сраженіе, какъ на пугало, и насъ, войско запорожское ни во что ставить, а впредь на насъ открытой войной наступать; въ противномъ же случаѣ, если будешь наступать иначе, то и мы взаимно, собравшись уже гораздо лучше и въ большей силѣ, явився въ крымское панство не на сивашскую переправу, а прямо въ самый Перекопъ, выломавъ въ немъ и отворивъ для себя ворота, на что имѣемъ всѣ средства, и до тѣхъ поръ изъ него не выйдемъ, пока, при всеильной божьей помощи, не увидимъ конца своего дѣла. Ибо если и прежніе отважные кавалеры и мужественные вожди войска запорожскаго, наши предки и славные антецессоры, издавна моремъ и землею воевали Крымъ и царство турецкое, какъ-то: Самусь Кошка, атаманъ и гетманъ кошевой, воевалъ на Черномъ морѣ; послѣ него 1575 года ¹⁾ Богданко вое-

¹⁾ Большая часть годовъ поставлена приблизительно; въ частности относительно похода Богдана Хмельницкаго Костомаровъ отрицаетъ участіе въ этомъ походѣ Хмельницкаго и относитъ его къ 1622 году; Автоновичъ допускаетъ участіе въ этомъ походѣ Хмельницкаго и относитъ его къ августу 1621 года: Богданъ Хмельницкій, Спб., I, 70; Историческіе дѣятели югозап. Россіи, Кіевъ, 1885, 9.

валъ и разорялъ Крымъ съ козаками; потомъ въ 1616 году ¹⁾ Петро Конашевичъ Сагайдачный, раньше своего гетманства, выплывши съ запорожцами на челнахъ въ вашу Таврику, взявъ въ ней знаменитый и крѣпкій городъ Кафу и счастливо съ большою добычею вернулся въ Сичу; послѣ него въ 1621 году бывший гетманъ Богданъ Хмельницкій, воюя по Черному морю на своихъ моносилахъ, захватилъ много турецкихъ кораблей и каторгъ и благополучно въ Сичь вернулся; потомъ въ 1624 году братія наши запорожцы, съ надежнымъ вождемъ, воюя на челнахъ по Евксинскому морю, мужественно коснулись самыхъ стѣнъ Константинополя и, достаточно окуривши ихъ мушкетнымъ дымомъ, навели превеликій страхъ и смятеніе на султана и на всѣхъ обывателей цареградскихъ и, сжегши нѣкоторыя окрестныя съ Константинополемъ селенія, также счастливо въ Сичь возвратились; въ годъ божіемъ 1633 Сулима, гетманъ войска запорожскаго, пробравшись въ моносилахъ отъ Сичи по Диѣпру въ Черное море и оттуда черезъ Киммерійскій островъ, выплывши въ Меотическое озеро (Азовское море), взявъ прекрѣпкій турецкій городъ Азыкъ (Азовъ); но хвалебнѣе и достаточнѣе изъ всего этого то, что тѣ славно именитые козацкіе и скиеославянскіе вожди наши задавали страхъ не только Царюграду, но и всему царству греческому и первѣйшимъ изъ сосѣдственныхъ народовъ; тутъ они, переплывши Евксинопонтъ, на тысячу миль и больше, кромѣ Константинополя, выстивали и разоряли славные азіатскіе города Синопъ и Трапезонтъ и другіе по тамошнему берегу замки и не только не разъ осмаливали крылья могущественному Бѣлограду, но и Варну, Измаилъ и другія дунайскія крѣпости поразоряли и въ ничто пообращали,—и если этому ваша ханская мосьць не повѣришь, то изволь приказать своимъ писарямъ поискать въ крымскихъ и константинопольскихъ лѣтописныхъ книгахъ, и безъ сомнѣнія отыщешь; больше же всего ссылаемся на греческихъ, римскихъ и польскихъ лѣтописцевъ, въ которыхъ ясно оглашается немерцающая слава козацкая и хвалебныя дѣла воинскія войска запорожскаго. По всему этому намъ, наслѣдникамъ ихъ (тѣхъ героевъ), кто же можетъ

¹⁾ Въ своемъ мѣстѣ было сказано, что взятіе Кафы Сагайдачнымъ Костомаровъ и Кулишъ относятъ къ 1616 году и что послѣдній представлялъ неопровержимыя доказательства въ пользу 1616 года.

запретить идти тѣмъ же славнымъ воинскимъ путемъ нашихъ предковъ? И такъ мы, войско запорожское низовое, не желаемъ воевать и быть въ распрѣ съ вашею милостію и со всѣмъ крымскимъ панствомъ; однако, если снова увидимъ съ вашей стороны поводъ къ войнѣ, то мы взаимно не побоимся напасть на крымское панство. А что до того, что нѣкоторыя ватаги вашихъ и нашихъ охочихъ молодцовъ, гуляя по широкимъ и дикимъ степямъ, будутъ сходиться и вступать между собою въ борьбу, того намъ и вамъ не слѣдуетъ ставить въ причину великой войны. Не будемъ распространяться больше въ нашемъ письмѣ къ вашей ханской мосцѣ; сообщимъ лишь, что вашихъ крымскихъ невольниковъ, начальныхъ и простыхъ, у насъ въ Кошу найдете еще четыре тысячи. Эти невольники сами, написавъ списокъ своихъ именъ и обозначивши за себя выкупъ, выпросили у насъ, войска, трехъ татаръ и посылаютъ чрезъ нихъ свой списокъ въ руки вашей ханской милости. Если ты изволишь, ваша ханская милость, приказать родственникамъ невольниковъ доставить тотъ выкупъ какъ можно скорѣй и прислать его къ намъ въ Кошъ съ особымъ отъ вашей ханской дишкреціи на насъ, войско запорожское, подаркомъ, то мы всѣхъ невольниковъ вашихъ немедленно отпустимъ въ Крымъ. А если же далѣе полутора мѣсяца того выкупа не будетъ, то объявляемъ, что мы отошлемъ всѣхъ невольниковъ до пресвѣтлѣйшаго его царскаго величества, добраго и богатаго государя и добродѣтеля нашего, который несомнѣнно вознаградитъ насъ изъ своей монаршей казны за присылку тѣхъ татаръ. Изложивъ все это, желаемъ вашей ханской мосцѣ добраго здоровья и счастливой жизни. Писанъ въ запорожской Сичи 1675 года, сентября 23 дня. Вашей ясневельможной ханской мосцѣ доброжелательные пріятели Иванъ Сирко, атаманъ кошевый со всѣмъ войска низового запорожскаго товариствомъ».

Однако, ненависть мусульманъ къ запорожскимъ козакамъ и всему христіанскому населенію Украины послѣ этого событія такъ сильно возгорѣлась, что турки рѣшились предпринять походъ на запорожскую Сичу и разорить ее до основанія. Существуетъ преданіе, что прежде чѣмъ отправить войска на запорожскую Сичу, турецкій султанъ Мухаммадъ IV послалъ запорожцамъ письмо съ требованіемъ добровольно покориться ему, какъ непобѣдимому рыцарю; на это письмо запорожцы, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, отвѣтили султану собственнымъ письмомъ, въ которомъ отрицали всякую доблесть

у него и жестоко смѣялись надъ кичливостью «непобѣдимаго рыцаря». У многихъ любителей южно-русской старины и до сихъ поръ хранятся копии этого, можетъ быть, мнимаго, но совершенно согласнаго съ духомъ запорожскихъ козаковъ, письма турецкаго султана и курьезнаго отвѣта на него запорожцевъ.

«Султанъ Махмудъ IV запорожскимъ козакамъ. Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и намѣстникъ божій, владѣлецъ царствъ—македонскаго, вавилонскаго, іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый, неотступный хранитель гроба Иисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ, — повелѣваю вамъ, запорожскіе козаки, сдаться мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія и меня вашими нападеніями не заставляя беспокоить. Султанъ турецкій Махмудъ IV».

«Запорожскіе козаки турецкому султану. Ты—шайтанъ турецкій ¹⁾, проклятого чорта братъ и товаришъ, и самого люцѣперя секретарь! Якій ты въ чорта лыцарь? Чортъ выкидае, а твое войско пожирае. Не будешь ты годенъ сынѣвъ хрестіанскихъ нидъ собою мати ²⁾; твоего войска мы не боимось, землю и водою будемъ бытъца зъ тобою. Вавилонскій ты кухарь, македонскій колесникъ, ерусалимскій броварникъ ³⁾, александрійскій козолупъ, Великаго и Малаго Египта свинарь, армянська свиня, татарскій сагайдакъ ⁴⁾, каменецкій кать ⁵⁾, подолянскій злодіюка, самого гаспида ⁶⁾ внукъ и всего свиту и пидсвиту блазень ⁷⁾, а нашего Бога дурень, свывяча морда, кобыляча с...а, ризницька собака, нехрещеный лобъ, хай бы взявъ тебе чортъ! Оттакъ тоби козаки видказали, плюгавче ⁸⁾! Невгоденъ еси матери вѣрныхъ хрестіанъ! Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ, мисяць у неби, годъ у кнѣзи, а день такій у насъ, якъ и у васъ, поцилуй за те ось—кудѣ насъ!.. Кошовый атаманъ Иванъ Сирко зо всимъ коштомъ запорожскимъ».

¹⁾ Шайтанъ—чортъ; ²⁾ мати—мѣть; ³⁾ броварникъ—пивоваръ; ⁴⁾ сагайдакъ—козелъ; ⁵⁾ намекъ на разореніе султаномъ Каменца-Подольскаго; ⁶⁾ гаспидъ—дьяволъ; ⁷⁾ блазень—глупецъ; ⁸⁾ плюгавецъ—поганецъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Дружба и вражда Самойловича къ Сирку. — Доносы Самойловича на Сирка въ Москву и оправдательное письмо Сирка къ царю. — Сношенія Сирка съ Дорошенкою и старанія его склонить гетмана на сторону Москвы. — Присяга Дорошенка московскому царю. — Присяга запорожцевъ новому царю Федору Алексѣевичу. — Старое дѣло Сирка — просьба о принятіи Дорошенка въ подданство царя. — Стараніе Самойловича о разрывѣ дружбы между Дорошенкою и Сиркомъ. — Недоразумѣніе между запорожцами и Самойловичемъ. — Инструкціи Самойловича для усмиренія Сирка и Дорошенка и для избранія къ рукамъ запорожскихъ козаковъ. — Продолженіе сношеній Сирка съ Дорошенкою. — Упреки Самойловича Сирку по этому поводу. — Доносъ Самойловича на Сирка въ Москву и оправдательное письмо кошевого.

Узнавъ о дѣйствіяхъ Сирка противъ татаръ, гетманъ Самойловичъ сталъ показывать ему видимое расположеніе, для чего прислалъ въ Сичь гостинецъ — хлѣбные запасы, ветчину и вино. Впрочемъ, черезъ 18 лѣтъ послѣ этого запорожцы говорили, что дружеское расположеніе Самойловича къ Сирку вызвано было угрозой со стороны Сирка за отнятыхъ гетманомъ у запорожцевъ плѣнниковъ: «Когда бывший гетманъ Самойловичъ попробовалъ сдѣлать надъ нами такой подкопъ, — писали запорожцы Мазеуъ, — то Сирко написалъ ему, что на него готовится 100.000 сабель, и Самойловичъ, такъ струсилъ, что тотчасъ прислалъ къ намъ и вина, и ветчины, и всякаго запасу»¹⁾. Такъ или иначе, но Сирко отвѣчалъ гетману благодарственнымъ листомъ за полученный гостинецъ, причемъ высказывалъ полную готовность примириться съ гетманомъ и сообща дѣйствовать противъ наступающихъ непріятелей на благо отчизны и вѣрность царю: «Такъ какъ мы нѣкогда передъ образомъ Христа и Богоматери обязались истинное пріятство между собой соблюдать, то я всею душою хочу сдержать свое обѣщаніе, хотя злохитрый врагъ постоянно, съ обѣихъ сторонъ, даетъ поводъ къ разрыву той дружбы и добраго союза межъ нами. Теперь же, когда твоя вельможность прислалъ мнѣ

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 209.

ласковый листъ съ выраженіемъ дружбы своей ко мнѣ, то я готовъ вспомнить обоюдную клятву нашу передъ святымъ образомъ и призвать на помощь всемогущаго Бога, чтобы онъ продолжилъ згodu между нами на благое дѣло отчизны дорогой». Тутъ же Сирко не забылъ попросить гетмана походатайствовать о немъ передъ царемъ, чтобы царь, видя старость кошевого, позволилъ ему въ собственномъ домѣ жить и отъ всякихъ бѣдъ тѣмъ избавиться ¹⁾).

Но дружба гетмана съ кошевымъ оказалась дружбой двухъ котловъ, посаженныхъ въ одинъ мѣшокъ. Не прошло и двухъ недѣль послѣ обмѣна письмами гетмана съ кошевымъ, какъ Самойловичъ, узнавъ о сношеніяхъ Сирка съ Дорошенкомъ, снова началъ строчить доносы на кошевого въ Москву, подозрѣвая его въ коварствѣ и въ невѣрности царю. Но Сирко и на этотъ разъ не думалъ объ измѣнѣ ни гетману, ни царю.

«Гетманъ войска запорожскаго Петръ Дорошенко,—писалъ Сирко царю,—отъ давнихъ лѣтъ имѣя подданственное намѣреніе къ пресвѣтлому престолу вашего царскаго величества, не могъ, за многими нѣкоторыхъ завистныхъ людей препонами, привести его въ совершеніе. Но теперь, желая его совершить, писалъ къ войску низовому, дабы мы для этого добраго дѣла пріѣхали къ нему. Мы, учинивъ раду войсковую общую, рѣшили къ нему идти ²⁾), и какъ скоро подошли къ Чигирину съ войскомъ низовымъ запорожскимъ и частію донскаго ³⁾), то Дорошенко тотчасъ, въ присутствіи чина духовнаго, со всѣмъ старшимъ и меньшимъ товариствомъ и со всѣмъ своимъ войскомъ и посполитыми людьми, передъ святымъ евангеліемъ присягнулъ на вѣчное подданство вашему царскому величеству; а мы присягнули ему, что онъ будетъ принятъ вашимъ царскимъ величествомъ въ отеческую милость, останется въ цѣлости и ненарушенъ въ здоровьѣ, въ чести, въ пожиткахъ, со всѣмъ городомъ, со всѣми товарищами и войскомъ, при милости и при клейнотахъ войсковыхъ, безъ всякой за прошлыя преступленія мести, отъ всѣхъ непріятелей, татаръ, турокъ и ляховъ, будетъ войсками вашего царскаго величества защищенъ,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 258—260, 374, 288.

²⁾ вмѣстѣ съ Фроломъ Минаевымъ, также съ частью калмыковъ: Акты XII, 275.

³⁾ По указанію Величка у Сирка было 1.500 добраго товариства: Лѣтопись, II, 170.

мѣста всё запустѣлыя на той (западной) сторонѣ Днѣпра опять людьми населятся и будутъ они вольностями своими тѣшиться и разживаться, какъ и заднѣпровская (восточная) сторона» ¹⁾.

Лѣтописецъ Величко, рассказывая объ этомъ свиданіи Сирка съ Дорошенкомъ почти буква въ букву съ приведеннымъ письмомъ, прибавляетъ къ нему лишь то, что послѣ присяги Дорошенка, Сирко нѣсколько дней гулялъ въ Чигиринѣ, а при отпускѣ получилъ, вмѣстѣ со всѣмъ значнымъ товариствомъ, большіе подарки; кромѣ того, особо для всего войска—три добрыхъ арматы съ конями и со всѣмъ приборомъ ²⁾.

О томъ же писали самъ Сирко ³⁾, Дорошенко и гоголевскій священникъ Исакій гетману Самойловичу, а переяславскій полковникъ Войца-Сербинъ кievскому воеводѣ Алексѣю Голицыну. Сирко лишь скрылъ то, какъ отнеслось къ нему большинство козаковъ во время пребыванія его въ Чигиринѣ: полтавскій полковникъ Левенець сообщалъ по этому поводу гетману, что запорожскіе козаки, разсердившись на кошевого и войскового товарища Квашу, за какую-то казну, чуть не предали ихъ смерти посреди Чигирина; а гадячскій полковникъ Михайловъ сообщалъ гетману, что Сирко едва не былъ убитъ, уже идя назадъ изъ Чигирина, во-первыхъ, за то, что онъ не захватилъ въ свои руки Дорошенка, когда представился такой удобный случай къ тому; во-вторыхъ, за то, что онъ не всё взялъ съ собой войсковые клейноты и оставилъ много пушекъ за городомъ; въ-третьихъ, за то, что раньше присяги Дорошенка передъ Сиркомъ, не доѣзжая до города, за пять верстъ, гетманъ кланялся Сирку за-урядъ гетманства и булаву ему свою хотѣлъ вручить. Это послѣднее всего больше раздражило козаковъ, и когда Сирко отозвался, что сами же они, позволяя покрыть сырно (т.-е. столъ) знаменами, гетманство ему давали, то козаки ему отвѣчали, что онъ съ гетманомъ что-то губительное выдумалъ для отчины своей. По всему этому Сирко едва успѣлъ «собственнымъ вымысломъ» уйти отъ озлобленныхъ козаковъ; одинъ гадячскій козакъ рассказывалъ, что Сирко, нагнавъ его, самъ лично, о дву-конь, спросилъ, котораго куреня онъ, и узнавъ, что это городской козакъ, побѣждалъ пля-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 444—446.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 370, 371.

³⁾ 12 октября 1675 года: Акты, XII, 273—276, 266, 368.

хоть отъ него. По догадкамъ козака, Сирко спросилъ о куренѣ потому, что запорожцы хотѣли дѣлать полученную ими водку въ Чигиринѣ по куренямъ, а когда окончился тотъ дѣлежъ, то козаки, перепившись, побили старшину ¹⁾).

Оставивъ Чигиринъ и принявъ отъ Дорошенка присягу на подданство русскому царю, кошевой Сирко въ слѣдъ за тѣмъ разослалъ объ этомъ всѣмъ полковникамъ гетмана Самойловича такіе листы: «Объявляю, что гетманъ Петръ Дорошенко отъ турецкаго султана и крымскаго хана отступилъ и подъ высокодержавную руку царскаго величества подклонился; такъ извольте междуособную брань между народомъ христіанскимъ оставить и инымъ указать, которыхъ много, что общему христіанскому дѣлу не рады; ибо всѣ мы одинаго Бога создание, надобно жить, чтобы Богу было годно и людямъ хваально, дабы Богъ обратилъ ярость злую на бусурманъ. Всѣмъ людямъ прикажите, чтобы никто не ходилъ на ту сторону обиды дѣлать».

Узнавъ обо всемъ происшедшемъ въ Чигиринѣ, гетманъ Самойловичъ прежде всего написалъ объ этомъ въ Москву царю Алексѣю Михайловичу, потомъ извѣстилъ «о хитростяхъ и коварствѣ Дорошенка и Сирка» всѣхъ полковниковъ и весь малороссійскій народъ; въ тотъ же день (19 декабря) онъ написалъ и кошевому Сирку. Последнему онъ совѣтовалъ внушить Дорошенку, если онъ искренно желаетъ перейти къ царю, пріѣхать въ Батуринъ со старшиной и тамъ, въ присутствіи гетмана и бояръ, присягу на подданство православному монарху установить. Въ это же самое время Самойловичъ писалъ боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву письмо, въ которомъ называлъ Сирка коварнымъ и хитрымъ человекомъ и совѣтовалъ не во всемъ вѣрить черкесскимъ и калмыцкимъ посланцамъ, ѣхавшимъ изъ Сичи въ Москву съ извѣстіемъ о побѣдѣ козаковъ въ Крыму: «Нынѣ уразумѣлъ я, что Сирко подучилъ ихъ такъ, какъ передъ нами и передъ всѣми нашими въ Батуринѣ явно говорили черкесы и калмыки: «намъ сказываютъ, съ Москвою трудно ходить, потому что русскіе тяжело ходятъ, пусть съ нами одни козацкія войска ходятъ». «Да и въ дѣлѣ съ Дорошенкомъ ни ему, ни Дорошенку вѣрить нельзя: и турки и татары Дорошенка оставили безъ помощи совѣмъ, гетмановать ему не надъ кѣмъ теперь, потому что отъ Днѣпра до Днѣстра и духа чело-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 326, 287—290, 305.

вѣческаго нѣтъ, кормить войско, вслѣдствіе наступленія зимы, нечѣмъ ему, оттого и придумалъ онъ подданство православному царю, чтобы вновь, съ весной, идти противъ насъ. А Сирко и по прошлымъ дѣламъ извѣстенъ намъ: въ прошломъ году, какъ и теперь, онъ помѣшалъ намъ сдѣлать доброе дѣло и черезъ своихъ посланцевъ Бѣлаго и Кривоноса говорилъ Дорошенку такія слова: если будетъ на тебя Москва наступать, тотъ часъ войско запорожское къ тебѣ въ помощь придетъ, а клейнотовъ войсковыхъ отнюдь Москвѣ не отдавать».

Тутъ же, къ случаю, гетманъ, черезъ посланца своего доносилъ въ Москву, что въ Чигиринѣ писали Сирку 100 человекъ запорожскихъ черкасъ, завезенныхъ Ханенкомъ къ польскому королю, вышедшихъ потомъ со знаменемъ и литаврами на лѣвую сторону Днѣпра и поселенныхъ было гетманомъ по разнымъ городамъ. Теперь, послѣ сношенія ихъ съ Сиркомъ, они лишены были своихъ клейнотовъ и разосланы въ дальнія мѣста.

Царь на письмо Самойловича отвѣчалъ грамотой ноября 25 дня на имя гетмана Петра Дорошенка, въ которой приказывалъ ему, если онъ желаетъ поступить въ подданство Москвы, учинить присягу о томъ въ присутствіи боярина Ромодановскаго и гетмана Самойловича; а о клейнотахъ царь написалъ Сирку, чтобы онъ отослалъ ихъ къ гетману въ Батурино. О томъ же извѣщены были гетманъ Самойловичъ и бояринъ Ромодановскій.

Получивъ требованіе отъ гетмана и воеводы о пріѣздѣ къ нимъ для присяги царю и о привозѣ турецкихъ санджаковъ ¹⁾ съ собой, Дорошенко, боясь за безопасность свою, послалъ къ Сирку спросить совѣта его на этотъ счетъ, отдавать-ли ему санджаки за Днѣпръ или нѣтъ ²⁾.

Въ то же время, не чувствуя за собой никакой передъ царемъ вины, гетманъ Дорошенко отправилъ въ Москву собственнаго посланца Ивана Сенкевича съ подробнымъ изъясненіемъ всего происшедшаго между нимъ и Сиркомъ въ Чигиринѣ. Сенкевичъ, прибывъ въ Москву, рассказалъ, что, будучи посланъ отъ Дорошенка, онъ прежде всего явился къ гетману Самойловичу, отъ Самойловича поѣхалъ къ воеводѣ Ромодановскому; выѣхалъ съ 30 запорожскими козаками — Евсеіемъ

¹⁾ Санджакъ съ турецкаго на русскій значить знамя.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 248, 272, 280, 312, 319 — 321, 324, 329, 337, 355.

Шашоломъ съ товарищами, оставленными Сиркомъ въ Чигиринѣ; гетманъ ихъ не принялъ у себя, а воевода, отпустивъ Сенкевича, задержалъ у себя Шашола съ 30 товарищами; на отпускѣ Дорошенко наказалъ посланцу бить челомъ великому государю быти въ вѣчномъ подданствѣ подъ самодержавною рукой у его царскаго пресвѣтлаго величества; а о гетманѣ Самойловичѣ и воеводѣ велѣлъ сказать, что къ нимъ онъ для присяги потому не поѣхалъ, чтобы не случилось того, что случилось съ Брюховецкимъ и Сомкомъ; оттого, имѣя это опасеніе, онъ написалъ въ Запорожьѣ къ кошевому Ивану Сирку, чтобы онъ пріѣхалъ въ Чигиринъ быть свидѣтелемъ присяги Дорошенка на подданство его царскому величеству; по тому зову кошевой атаманъ, взявъ съ собой около 1.500 запорожскихъ козаковъ, донского станичнаго атамана Флора Минаева и 200 человекъ донцевъ, пришелъ и сталъ въ пяти верстахъ, не доходя Чигирина; тогда Дорошенко, съ людьми духовнаго и мірскаго чина и съ малыми дѣтьми, вышелъ Сирку на встрѣчу; не доходя полверсты до города, былъ пропѣтъ молебень за многолѣтнее государское многолѣтіе, послѣ чего Дорошенко, со всей старшиной и посольствомъ, въ присутствіи Сирка, Минаева и всего войска, привелъ присягу предъ святымъ евангеліемъ на вѣрное и вѣчное подданство его царскому величеству, и всѣ клейноты войсковые поручилъ Сирку и войску; послѣ той присяги чинили стрѣльбу изъ пушекъ и изъ мелкихъ ружей почти весь день; пріѣхавъ въ самый городъ, Сирко и Минаевъ обѣдали у Дорошенка; послѣ того прожили они въ Чигиринѣ 13 дней; оставивъ въ Чигиринѣ вышеупомянутыхъ запорожцевъ съ Евсеіемъ Шашоломъ во главѣ, числомъ 30 человекъ, да донскихъ козаковъ 3 человека и взявъ съ собой клейноты—булаву, знамя, 6 пушекъ полковыхъ, да двѣ бочки пороху, ушли въ Запорожьѣ, а объ остальныхъ клейнотахъ сказали ему, чтобы онъ берегъ ихъ до весны и до царскаго указа; да онъ же Сирко велѣлъ ему, Дорошенку, писать себя попрежнему гетманомъ, до царскаго указа ¹⁾).

Само собою разумѣется, что поступокъ Сирка и Дорошенка не могъ понравиться царю, и потому царь на донесеніе Дорошенка и Сирка отвѣчалъ кошевому такъ: «Ты сдѣлалъ это не по нашему указу, не давши знать князю Ромодановскому и гетману

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 372, 305.

Самойловичу: и впредь бы тебѣ и всему войску запорожскому низовому съ Дорошенкомъ не ссылатся и въ дѣла его не вступаться, и тѣмъ съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ не ссориться. Да намъ извѣстно, что ты взялъ у Дорошенка клейноты войсковые гетманскіе, данные нами прежде гетманамъ, булаву, бунчукъ, знамя, и отвезъ ихъ къ себѣ на Запорожье, и теперь эти клейноты у тебя: и ты-бъ сейчасъ же отослалъ ихъ къ князю Ромодановскому и гетману, потому что прежде на Запорожьѣ никогда гетманскихъ клейнотовъ не бывало». Въмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ Дорошенку и Сирку послана была царская грамота для вѣдома и гетману Ивану Самойловичу. По той грамотѣ гетманъ послалъ кошевому письмо, въ которомъ упрекалъ его за то, что онъ писалъ листы свои къ полковникамъ Самойловича объ отпадении Дорошенка отъ турецкаго султана и крымскаго хана, и что онъ съ такимъ, какъ Дорошенко, обманчивымъ человѣкомъ, отдавшимъ столькихъ людей туркамъ и татарамъ изъ своихъ рукъ, въ дружбу вступилъ; а въ заключеніе совѣтовалъ Сирку не приставать къ развращенному Дорошкову расколу, не посылать листовъ къ гетманскимъ полковникамъ и не утверждать Дорошенка на гетманствѣ ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе Сирко и послѣ всего этого не переставалъ просить царя (черезъ посланца своего Максима Щербака) оказать премногую свою милосердную милость гетману Дорошенку, причемъ извѣщалъ государя, что турецкіе санджаки, дарованные Дорошенку султаномъ, Сирко посылаетъ въ Москву. На листъ кошевого царь Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ грамотой Дорошенку, въ которой приказывалъ гетману ѣхать къ Ромодановскому и Самойловичу и въ присутствіи ихъ учинить присягу, а о безопасности его со стороны боярина и гетмана царь приказалъ послать ²⁾ особья грамоты какъ Самойловичу, такъ и самому Дорошенку ³⁾. Въ грамотахъ было сказано, что если Дорошенко окажется по истинѣ вѣрнымъ царю, то о прежнихъ дѣлахъ его будетъ забыто все; а пожелаетъ онъ со всѣми родственниками пріѣхать въ Москву, то получить тамъ премногую милость и жалованье и будетъ отпущенъ, по желанію, въ одинъ изъ малороссійскихъ городовъ.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 393—398.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 398, 401, 464.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 444—446, 462.

Въ то время, когда Сирко такъ усердно хлопоталъ о томъ, чтобы склонить Дорошенка на сторону московскаго царя, въ это самое время польскій король Янъ III Собѣскій хлопоталъ о томъ, чтобы склонить на свою сторону и привести къ подданству королевскаго величества самого Сирка. Съ этою цѣлью къ Сирку посланъ былъ, декабря 23 дня, изъ мѣстечка Жолквы королевскій посолъ Соколовскій ¹⁾).

Между тѣмъ объ отпаденіи Дорошенка отъ турокъ тотъ же часъ узналъ султанъ; узналъ онъ и о томъ, что виною всему тому кошевой Сирко, и потому рѣшилъ обоимъ имъ отомстить: «Увѣдавъ про то, что Дорошенко турецкому султану измѣнилъ, онъ велѣлъ крымскому хану быть готову и идти, какъ снѣгъ сойдетъ и вода вскроется, на Дорошенка и на Сирка. Да турскій же султанъ хочетъ послать нынѣшнею весною на Сѣчу на Сирка, сухимъ и водянымъ путемъ, ратныхъ людей, чтобъ въ Сѣчѣ городъ поставить для того, дабы запорожскіе козаки впредь на море не выходили и имъ, туркамъ, разореніе не чинили» ²⁾).

Но пока турки готовились къ походу противъ Сирка и Дорошенка, въ это время, а именно января 30 дня, 1676 года, въ Москвѣ скончался царь Алексѣй Михайловичъ, и запорожцы должны были присягать новому царю Феодору Алексѣевичу съ его братьями, Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, за что кошевому и всему войску запорожскому обѣщано было держать ихъ на жалованьи, призрѣніи и оборонѣ отъ всѣхъ враговъ и не нарушать правъ на вольности ни въ чемъ. «Великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, его царскаго величества, подданные войска запорожскаго низового, азъ кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко и будучіе при немъ судья, писарь, асаулы, атаманы куренные и всѣ старшіе и меньшіе войска запорожскаго посольство обѣщаемся Господу Богу предъ святымъ евангеліемъ, по непорочной заповѣди Его, якожь въ семь святомъ евангеліи указася, еже ей-ей, на томъ служити великому государю царю и великому князю Феодору Алексѣевичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, и его государскимъ наслѣдникомъ и матери его великой государыни царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ и братьямъ его».

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 420.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 417.

Присягая на вѣрность новому русскому царю, Сирко принесъ ему старое дѣло свое о подданствѣ Дорошенка Москвѣ. Дорошенко все еще оставался въ Чигиринѣ, говоря, что Чигирину, согласно пословицѣ «гдѣ булава — тамъ и голова» — невозможно безъ гетмана быть. Гетманъ Самойловичъ, приписывая всѣ бѣдствія на Украинѣ не кому иному, какъ Дорошенку, по вступленіи на престолъ царя Θεодора Алексѣевича, началъ писать письма въ Москву на своего противника, будто бы онъ орды крымскія и бѣлогородскія въ рейментъ его тогобочный вторгаеть. Узнавъ о томъ, Дорошенко, снимая съ себя всякую вину за бѣдствія на Украинѣ, написалъ (марта 21 дня 1676 года) Сирку и запорожцамъ нисьмо, въ которомъ краснорѣчиво и прочувствованно изобразилъ бѣдствія отчины отъ нашествія мусульманъ на Украину и причиной всѣхъ несчастій выставилъ «Сарданапала» Самойловича, который «гетмановать любитъ, а изъ перинъ делѣкатныхъ, якъ шуръ вылѣзти и взятъся за оружіе до обороны отчины отъ волковъ крымскихъ, не хочетъ». Сирко, получивъ письмо Дорошенка, велѣлъ созвать со всѣхъ луговъ и вѣтокъ днѣпровыхъ низовое запорожское войско, учинить раду войсковую и на ней прочитать гетманскій листъ. Во время чтенія листа «мало не всѣ запорожцы плакали, на несчастье упадлой отчины своей малороссійской тогобочной съ болѣзненными сердцами вздыхали». На скорбный листъ Дорошенка запорожцы отвѣчали своимъ листомъ, въ которомъ совершенно соглашались съ гетманомъ, что Самойловичъ дѣйствительно затѣялъ «душевредное» дѣло и совѣтовали ему защищаться всѣми мѣрами противъ лѣвобережнаго гетмана, обѣщая съ своей стороны помощь въ его борьбѣ¹⁾. Послѣ этого дружественныя отношенія между Сиркомъ и Дорошенкомъ еще болѣе того укрѣпились. Поддерживая во всемъ Дорошенка, Сирко въ концѣ мѣсяца февраля послалъ къ нему двѣнадцать человекъ козаковъ и черезъ нихъ писалъ, чтобы онъ у великаго государя въ вѣчномъ подданствѣ быть, но въ Москву изъ Чигирина безъ войсковой рады не ходилъ, а радѣ подъ Переяславомъ быть, и на ту раду ѣхать какъ Дорошенку, такъ и Самойловичу, о чемъ онъ, Сирко, великому государю имѣеть писать²⁾.

Такъ доносилъ Самойловичу гоголевскій священникъ Исакій,

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 390—396.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 477, 489, 513.

и Самойловичъ платилъ сторицею за то Сирку. Прежде всего онъ отправилъ въ Запорожье къ Ивану Сирку Карпа Надточія съ увѣщательнымъ письмомъ отстать отъ Дорошенка, клейноты возвратить, смуть на Украинѣ не заводить и о выборѣ новаго гетмана не думать. Карпъ Надточій, пріѣхавъ января 12 дня, къ вечеру, въ Сичу, на другой день, когда только стало свѣтать и когда запорожское войско, по обычаю своему, собралось на войсковую раду, явился къ Сирку, еще не выходявшему къ войску, въ его курень, поклонился кошевому и подалъ ему гетманскій листъ. Виѣстѣ съ Надточіемъ вошли въ курень Сирка Луцыкъ и какой-то русскій человѣкъ, по имени Иванъ Ивановичъ, подавшій Сирку грамоту князя Ромодановскаго съ наказомъ ему явиться къ боярину и жить въ своемъ дому въ слободской Украинѣ. Сирко тѣхъ листовъ и грамоты въ куренѣ не принялъ, а взялъ ихъ по выходѣ на площадь къ козакамъ. На радѣ сперва прочтены были грамоты царя, а потомъ — листъ гетмана Ивана Самойловича. Не дослушавъ и половины того гетманскаго листа, войско стало кричать, что арматъ, взятыхъ отъ Дорошенка, оно не выдастъ и что гетману прилично было бы еще нѣсколько новыхъ въ Сичу прислать, а не то, чтобы прежнія отбирать. Послѣ этихъ словъ говорилъ къ козакамъ Надточій: «Не хорошее вы, господа братія, сдѣлали постановленіе на весну раду созывать и новаго гетмана избирать. Вѣдайте, что на то не будетъ воли государя, чтобы вамъ, помимо Ивана Самойловича, кого другого можно было въ гетманы выбрать, потому что вы и безъ того, являясь въ города, большое смятеніе производите». Выслушавъ ту рѣчь Надточія, два козака мышастовскаго куреня поддержали его: «То правду говоритъ Карпъ, потому что, выбравъ гетмана промежь себя, мы, позволяя людямъ, живущимъ въ городахъ, всякія пакости, нестерпимыя обиды и шарпанины, до пушатаго разоренія и опустошенія Украину приведемъ». Когда послѣ такихъ рѣчей рада разошлась, то во всѣхъ куреняхъ атаманы и знатное товариство стали говорить такія рѣчи: «Если гетманъ вздумаетъ задерживать запасы, ватаги и охочее войско, идущее въ Сичь, то мы найдемъ себѣ иноваго царя, который неподалеку отъ насъ, и сдѣлаемъ всю сторону Украины, находящуюся подъ рукою царя, также пустою, какъ гетманъ и бояринъ Дорошенкову сдѣлали». Самъ Сирко въ своемъ куренѣ велъ въ томъ же духѣ рѣчь: «Пусть гетманъ идущихъ на Запорожье ватагъ и охочихъ

войскъ не задерживаетъ, въ противномъ случаѣ мы знаемъ, что намъ предпринять. А что въ грамотѣ царскаго величества повелѣно было мнѣ въ домъ и къ боярину ѣхать, того я ни въ коемъ случаѣ не исполню, ибо знаю, что меня опять хотять уловить и въ соборы запровадить; довольно ужъ и того, что было, — больше не поѣду». И потому, ходя по куренямъ, онъ наговаривалъ войску, чтобъ государю отписало, будто все войско не пожелало къ боярину его отпустить ¹⁾. Въ февралѣ гетманъ Самойловичъ писалъ царю, что готовъ ему, какъ и блаженной памяти отцу его, вѣрно служить и невѣрныхъ бить, но чтобъ только не было препоны въ томъ отъ Дорошенка и Сирка, и чтобъ государь своими государскими грамотами, а бояринъ своими напоминательными листами Сирка и Дорошенка отъ непостоянства удержали, да чтобъ Сирко до боярина, ради совѣта о крымскихъ промыслахъ, изъ Запорожья въ Курскъ пріѣзжалъ, а къ Сирку на Запорожье и запасы и охотныхъ людей пропускать заказалъ, а также своевольные рады въ городахъ созывать и гетмановъ выбирать воспретилъ ²⁾. Тутъ же Самойловичъ извѣщалъ, что на посланный имъ черезъ козака Карпа Надточія къ Сирку листъ, вмѣсто Сирка, отвѣчали куренные запорожскіе атаманы, доказывавшіе ему, что напрасно онъ, гетманъ, ихъ разными способами поносить, такъ какъ они съ тѣмъ Дорошенкомъ часть гордости турку сломили и половину бѣдной отчины изъ рукъ его вырвали, а самъ онъ, гетманъ, имѣя больше, чѣмъ нужно войска, ни Дорошенка въ бѣдѣ не вызволилъ, ни несчастнымъ лодыженцамъ и уманцамъ противъ татаръ и турокъ помощи не оказалъ. Напрасно онъ, гетманъ, также и о клейнотахъ говоритъ, будто имъ не надлежитъ на Кошѣ быть: какъ начало козачества у Днѣпра стало и какъ здѣсь первые гетманы живали, то сюда и клейноты государями даваны, а послѣ ужъ, въ новомъ Запорожьѣ и въ новыя времена, вслѣдствіе неустройства отчины, тѣ клейноты на необыкныя мѣста съ мѣста на мѣсто переноситься стали, такъ же какъ и рады, для которыхъ особое мѣсто, Росава, есть, которыя теперь въ Стародубъ забрели. Напрасно также гетманъ упрекаетъ запорожцевъ и въ самовольномъ поведеніи ихъ: доброе дѣло, никого не спрашивая, нужно дѣлать, да и возможно-ли за много

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 548—550.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 516, 545, 546.

верстѣ постоянно спрашивать гетмана обо всемъ? Также нельзя требовать отъ запорожцевъ отчета въ дѣлахъ ихъ, когда они и славу, и продовольствіе, и кормъ—все привыкли самопалами да саблями себѣ добывать, съ опасностію за свою жизнь работать за всѣхъ, и не будь ихъ вовсе, то давно бы уже среди отчизны козацкой кочевница татарскія завелись. Напрасно, наконецъ, упрекая запорожцевъ въ неповиновеніи волю своей, онъ забываетъ, что самъ не исполняетъ воли царской: государь пожаловалъ запорожцевъ Переволочанскимъ перевозомъ, а гетманъ спряталъ царскую грамоту на то пожалованіе у себя ¹⁾).

Получивъ и прочитавъ письмо, писанное куренными атаманами, гетманъ Самойловичъ отвѣтилъ Сирку оправдательнымъ листомъ отъ взводимыхъ на него обвиненій и, указавъ на вредные поступки Дорошенка, снова напоминалъ кошевому о необходимости быть вѣрнымъ русскому государю и послушнымъ ему, гетману ²⁾, а въ слѣдъ за этимъ отправилъ въ Москву, черезъ своихъ посланцевъ, Леонтія Полуботка и Карпа Надточія, цѣлую инструкцію о томъ, какъ устранить собраніе своевольныхъ радъ, затѣваемыхъ Дорошенкомъ и Сиркомъ, какъ успокоить Украину и прибрать къ рукамъ запорожскихъ козаковъ. Для этого нужно: во-первыхъ, отправить къ Сирку посла ³⁾ и привести кошевого къ присягѣ на вѣрность русскому царю; во-вторыхъ, заказать Сирку, чтобы онъ только въ своемъ урядѣ, въ низовомъ Кошѣ, пребывалъ и свой порядокъ остерегалъ, а на малороссійскіе города не дерзалъ и своихъ запорожцевъ не пускалъ; въ-третьихъ, въ случаѣ непослушанія Сирка, объявить грамотой ему, что гетманъ всѣхъ своевольныхъ, вышедшихъ въ города, запорожскихъ козаковъ будетъ хватать и какъ бѣглецовъ казнить ⁴⁾).

Инструкція гетмана была принята и одобрена царемъ: изъ Москвы посланъ былъ царскій указъ Сирку о томъ, чтобы онъ, помня свою клятву, данную въ Москвѣ, подущеній Дорошенковыхъ не слушалъ и отъ своевольныхъ радъ своевольныхъ людей всякими мѣрами, промысломъ и радѣніемъ своимъ удерживалъ; запорожцамъ ходить въ города не позволялъ, а всячески старался надъ непріятелями промыслъ чинить и вѣрно царскому величеству

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 522—527.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 590.

³⁾ Названъ былъ, въ качествѣ посла, стряпчій Иванъ Протасьевъ.

⁴⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 545—562.

служить, за что царь жаловалъ козакамъ 500 червонцевъ, 150 половинокъ суконъ и 50 пудовъ свинцу, зелья тожь; а на случай своевольства и бунтовъ ихъ въ малороссійскихъ городахъ объявлялъ, что ихъ будутъ бояринъ и гетманъ по войсковымъ правамъ унимать. Въ одинъ и тотъ же день съ такимъ же распоряженіемъ о запорожскихъ козакахъ посланъ былъ указъ и гетману обоихъ сторонъ Днѣпра Ивану Самойловичу ¹⁾.

Но Сирко, ведя переговоры съ Дорошенкомъ, вовсе не имѣлъ, однако, мысли о томъ, чтобы мириться съ мусульманами; напротивъ того: склоняя всѣми силами Дорошенка на сторону московскаго царя, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ не упускалъ случая, чтобы причинить вредъ врагамъ Христа. Тамъ, когда въ началѣ марта 1676 года татары появились въ сосѣдствѣ съ польско-русскими областями (Волыни и Подоліи) и стали разорять тамъ города, села и деревни, хватать жителей и уводить въ плѣнъ, то Сирко три раза разбивалъ татаръ, каждый разъ отнимая у нихъ несчастныхъ плѣнниковъ и возвращая всѣмъ имъ свободу ²⁾.

Такія дѣйствія ни Сирко, ни Дорошенко не считали, однако, поводомъ къ обоюдной враждѣ, и сношенія между ними попрежнему продолжались, о чемъ сторонники Самойловича старались сообщать ему со всею подробностью. Такъ, марта 15 дня, ставискій протопопъ Иванъ Дзенья извѣщалъ гетмана, что Сирко прислалъ въ Чигиринъ къ Дорошенку своихъ посланцевъ, черезъ которыхъ приглашалъ его ѣхать въ Запорожье, а войсковыхъ клейнотовъ гетману Самойловичу не отдавать, потому что Самойловичъ выбранъ гетманомъ на переяславской сторонѣ, гдѣ запорожскихъ старшинъ и старшинъ другихъ козаковъ не было и гдѣ радѣ быть вовсе не подобаешь, а подобаешь ей быть въ урочищѣ Росавѣ. Тѣмъ посланцамъ Дорошенко сказалъ, что не можетъ поѣхать въ Сичь единственно потому, чтобы кто другой не завладелъ городомъ Чигириномъ. О сношеніяхъ Сирка съ Дорошенкомъ доносилъ гетману и переяславскій полковникъ Войца-Сербинъ ³⁾. Самъ Дорошенко, чувствуя за собой силу въ связи съ Сиркомъ, открыто высказывался противъ гетмана. «Пью на томъ, что мнѣ не отдавать булавы Ивану Самойловичу, силою у меня

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 537, 559.

²⁾ Сборникъ лѣтописей южной и западной Руси, Кіевъ, 1888, 204.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 562, 565, 575.

Ивану Самойловичу булавы не взять!» говорилъ онъ на обѣдѣ, въ присутствіи посланца князя Ромодановскаго, Горяинова. «Не выдайте меня, какъ донцы Стеньку Разина выдали; пусть донцы выдаютъ, а вы не выдавайте!» сказалъ Дорошенко сидѣвшимъ тутъ же, за столомъ, посланцамъ Сирка. «Не выдадимъ!» отвѣчали запорожцы.

Для того, чтобы укротить Сирка и расположить его къ Москвѣ, царь нашель нужнымъ смирить прежде всего Дорошенка. Къ Дорошенку посланъ былъ сперва стольникъ Деремонтовъ, а потомъ противъ него пошелъ съ семью полками самъ гетманъ Самойловичъ. Переправившись за Днѣпръ, Самойловичъ отправилъ къ Дорошенку черниговскаго полковника Василя Бурковскаго съ порученіемъ передать ему приказаніе государя сложить съ себя начальство и принести присягу русскому царю. На это приказаніе заднѣпровскій гетманъ отвѣчалъ отказомъ, ссылаясь на то, что онъ не можетъ ничего дѣлать безъ согласія всего запорожскаго низоваго войска. Послѣ этого одинъ изъ полковниковъ Дорошенка, съѣхавшись тайно съ Бурковскимъ, сказалъ ему, чтобы онъ отнюдь не вѣрилъ Дорошенку, потому что онъ сносится съ Крымомъ и съ Запорожьемъ ¹⁾. Обо всемъ этомъ Самойловичъ донесъ особой грамотой царю и спрашивалъ у него совѣта, какъ поступить съ коварнымъ гетманомъ. Вопреки ожиданій гетмана, царь, вѣроятно, не желавшій имѣть дѣла ни съ Крымомъ, ни съ Запорожьемъ, приказалъ дѣйствовать въ отношеніи Дорошенка не оружіемъ, а словомъ: задоровъ съ нимъ не чинить, а всѣми мѣрами къ переходу на царскую сторону склонять. Получивъ такой отвѣтъ, Самойловичъ впалъ въ сильное безпокойство, особенно въ виду слуховъ о новой затѣѣ Дорошенка собрать черную («черневую») раду для выбора гетмана обоихъ сторонъ Днѣпра ²⁾.

Кромѣ Дорошенка, не мало безпокоилъ гетмана и кошевой Сирко: Сирко явно игнорировалъ Самойловича и выказывалъ ему открытую вражду. Для того, чтобы смирить Сирка, Самойловичъ отправилъ къ нему съ увѣщательнымъ листомъ войскового канцеляриста Василя Романовскаго; вмѣстѣ съ Романовскимъ ѣхали въ Сичь стряпчій Иванъ Протасевъ, жилецъ Василий Перхуровъ ³⁾ и слуга Квит-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 596—602, 604.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 602, 610, 622.

³⁾ Московскіе люди везли запорожцамъ жалованье.

ковскій. Романовскій привезъ Сирку увѣщательный листъ не отрываться отъ подданства христіанскаго монарха и не склоняться на сторону турецкаго султана и крымскаго хана. Сирко, принявъ и выслушавъ листъ, сталъ упрекать гетмана за то, что онъ запасовъ въ Запорожьѣ никакихъ не пускаетъ, а запорожская чернь въ это самое время кричала и всякія поносныя слова про гетмана говорила. На другой день (дѣло происходило въ концѣ апрѣля мѣсяца) послѣ этого Сирко, сильно подвыпившій, призвалъ къ себѣ въ курень Василя Романовскаго, схватилъ его за грудь, требовалъ у козаковъ подать ему саблю и въ сильномъ гнѣвѣ говорилъ: «Знаешь-ли ты, что я тебѣ голову могу отсѣчь? Узнаетъ тогда твой гетманъ, какъ я отъ Стародуба зайду и начну оттуда его бить! Хоть я и присягнулъ русскому царю, но только дѣдичнаго государя польскаго не оставлю!» Досталось отъ Сирка и слугѣ гетмана, Квитковскому: этого Сирко за волосы и дралъ и билъ и тутъ же про гетмана поносныя слова говорилъ. Ругая гетмана, Сирко говорилъ: «Какъ гетманъ Иванъ Самойловичъ придетъ къ намъ на Запорожьѣ и войску поклонится, то будетъ гетманомъ, а не придетъ къ намъ Самойловичъ, придетъ Дорошенко къ намъ, и гетманомъ Дорошенко будетъ». Отправляя посланцевъ гетмана изъ Сичи, кошевой Сирко вмѣстѣ съ ними послалъ гетману свой листъ (марта 22 дня), въ которомъ, благодаря царя за присланную съ Перхуровымъ войску казну, посылалъ Самойловичу упрекъ за его «непотребное» увѣщаніе козаковъ отъ христіанскаго монарха отрываться (того и надежды на то никогда не будетъ) и къ невѣрному склоняться, а также за то, что онъ царскихъ указовъ не исполняетъ: царскаго борошна въ Сичь не посылаетъ, ватагамъ съ кормомъ ходить забороняетъ, залого, чтобъ на Кошъ ни одного человѣка не пустить, по крайнимъ дѣлѣпровымъ городамъ учиняетъ; оттого «козаки, нисколько не жмура своихъ очей передъ гетманомъ, а даже, напротивъ того, проглядѣвъ все очи свои, до сихъ поръ не получили отъ него и самой ничтожной милости». О клейнотахъ Сирко въ листѣ писалъ, что гетманъ получить ихъ тогда, когда, сойдясь съ Дорошенко, ради предстоящей съ Крымомъ войны, «случится» съ запорожцами ¹⁾.

Разумѣется, гетманъ обо всемъ происшедшемъ въ Сичи и въ городѣ Чигиринѣ немедленно донесъ въ Москву. Но въ ту же Москву

¹⁾ Акты южной и западной Россіи XII, 632—636.

пошла жалоба и отъ Сирка на гетмана. Сирко жаловался на Самойловича за то, что онъ удержалъ у себя грамоту царя Алексѣя Михайловича на пожалованіе кошевому мѣстечка Келеберды, а запорожскому войску—Переволочанскаго перевоза и въ полтавскомъ полку мельницъ; за то, что онъ велѣлъ выбить запорожское войсковое съ коньми товариство изъ городовъ и запретилъ ватагамъ ходить съ хлѣбными запасами въ Запороги. Царь и на донесеніе гетмана, и на жалобу Сирка отвѣчалъ одною грамотой, мая 14 дня, на имя Самойловича, отославъ вмѣстѣ съ грамотой и самыя листы кошевого съ приказаніемъ объявить Сирку, что всѣ жалобы его на гетмана и впредь будутъ отсылаться гетману же. Тутъ же приказано было объявить Сирку съ войскомъ, что грамоты блаженной памяти царя Алексѣя Михайловича о дачѣ Келеберды и Переволочанскаго перевоза не приведены въ исполненіе потому, что просьба, поданная объ этомъ царю, послана безъ вѣдома гетмана, да и впредь запорожцы не должны ни о чемъ просить царя, не предваривъ о томъ гетмана. Кошевому приказано было для жительства его съ женой, вмѣсто Келеберды, слободу Мереуу предложить, гдѣ онъ «напередъ сего жилъ», а о Келебердѣ ему вовсе забыть: «Мы, великій государь, указали, по прежнему нашего царскаго величества указу, каковъ посланъ тебѣ апрѣля 14 числа (1676), по твоему челобитью, кошевому атаману Ивану Сѣрку и войску низовому запорожскому въ томъ во всемъ отказать, потому изстари никогда того не бывало, чтобъ войско низовое запорожское, для прокормленія, въ городахъ чѣмъ владѣли... Только-бъ ватаги тебѣ, гетману, къ нимъ на Конгъ съ хлѣбными запасами отпускалъ поволить, чтобъ задержаніемъ запасовъ ихъ, запорожцевъ, отъ нашия государскія милости не отлучить» ¹⁾).

Между тѣмъ сношенія Сирка съ Дорошенкомъ не прекращались, о чемъ усердно доносили гетману его сторонники. Такъ, въ самомъ концѣ мѣсяца мая гетманъ извѣщенъ былъ, что Дорошенко прислалъ въ Сичу на волахъ 40 полтей ветчины, 4 бочки вина, 1 возъ табаку, и все то, вмѣстѣ съ волами, отдалъ войску ²⁾. Тутъ же увѣдомленъ былъ гетманъ, что Сирко съ Дорошенкомъ имѣетъ постановить миръ, для чего хочетъ собрать раду въ городѣ Крюковѣ, подъ Крыловомъ. Въ самомъ концѣ іюня гетману

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 641—647.

²⁾ По Самовидцу, живность, горилку, тютюнъ и деньги: Лѣтопись, 128.

доносили, что запорожское войско требовало Дорошенка къ себѣ въ Кошъ съ войсковыми клейнотами, а самъ кошевой Сирко словесно подъ строгимъ секретомъ передавалъ черезъ челоуѣка Дорошенку, чтобы онъ, не смотря на просьбу войска, отнюдь въ Запорожьѣ не шелъ, сидѣлъ бы спокойно въ Чигиринѣ и ни гетману и ни боярину отнюдь, если желаетъ быть живымъ, не сдавался. Въ этомъ, кромѣ Сирка, поддерживалъ Дорошенка и нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ, лишенный многихъ маестностей черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановскимъ, съ согласія гетмана Ивана Самойловича ¹⁾.

Самъ же Сирко, не переставая сноситься съ Дорошенкомъ, попрежнему увѣрялъ, что онъ далекъ отъ всякой мысли вступать въ переговоры съ турками и татарами. Такъ, іюля 14 дня онъ послалъ письмо князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому по поводу выкупа изъ плѣна его сына, Андрея, и сына Скуратова, Александра, и въ этомъ письмѣ говорилось слѣдующее: «Послали мы о выкупѣ или о розмѣнѣ за турковъ, 8 челоуѣкъ, которые взяты были нашимъ товариствомъ и которые хотѣли за себя дать деньгами 5.000 или же вмѣсто денегъ прислать сына твоей князей милости или окольниковича Петра Скуратова; но та ихъ рѣчь не пришла въ совершеніе: тѣ 8 челоуѣкъ турковъ за двѣ тысячи въ odkупъ пошли. Листы отъ твоей князей милости, писанные въ Крымъ къ князю Андрею Григорьевичу и отъ Скуратова къ сыну его Александру, мы добрыми посланцами послали, но на то отвѣта никакого не имѣемъ, и какой будетъ на то отвѣтъ, извѣстить не замедлимъ. А что при нынѣшнемъ выкупѣ, по давнимъ войсковымъ обычаямъ, какъ и на Дону бываетъ, мы вступили въ дружбу съ городчанами и очаковцами до святаго архистратига Михаила, то сдѣлали это для того (а не для иного чего, храни Боже), дабы имѣть вольный для войска проходъ на Низъ за солью и за иными промыслами. А о хановомъ походѣ твоей князей милости чинимъ, что стоитъ онъ со всѣми силами у Каланчака».

Однако, ни князь, ни гетманъ, ни его сторонники не вѣрили такому заявленію Сирка. Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ Самойловичъ получилъ извѣстіе изъ Жовнина, что крымскій ханъ съ сильными ордами стоитъ на рѣчкѣ Ингулѣ, у Бѣлыхъ-Колодезей, и ждетъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 655, 661, 774.

къ себѣ кошевого Сирка съ войскомъ, и коль скоро Сирко придетъ, то союзники двинутся къ Чигирину, а изъ Чигирина Сирко пойдетъ лѣвою стороною Днѣпра, а Дорошенко правою на Украину. Впрочемъ, скоро оказалось, что къ Чигирину, вмѣстѣ съ татарами, пошла только часть запорожцевъ, самъ же Сирко туда не пошелъ и оставался въ Сичи ¹⁾.

Въ это же время на Сирка жаловались во Львовѣ поляки посланцу гетмана Самойловича, Борису Моршевскому. Они говорили, что Сирко, взявъ перемиріе съ крымцами, большое число орды въ Польшу тѣмъ пропустилъ, потому что крымцы, не имѣя опасенія со стороны Сирка, свободно шли изъ Крыма и большія бѣдствія причинили Польшѣ. Но тутъ же гетманскій посланецъ узналъ, что Сирко, неизвѣстно для чего, прислалъ пословъ, 50 человекъ, къ польскому королю; королевское величество пожаловалъ тѣхъ пословъ 20 рублями на человекъ и отослалъ ихъ къ коронному гетману во Львовъ; во Львовѣ имъ дано корму по 6 рублевъ, послѣ чего они, безъ писемъ, безъ подводъ и безъ подорожняго листа, уѣхали назадъ. Тѣ посланцы просили Бориса Моршевскаго и его товарищей взять ихъ съ собой, но послѣдніе отказались отъ нихъ ²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 682, 698, 701, 718.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 829, 832.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Окончательная развязка съ Дорошенкомъ. — Походъ Сирка противъ татаръ. — Первый походъ турокъ подъ Чигиринъ. — Исканіе дружбы у Сирка со стороны царя, султана и хана. — Сношеніе Сирка съ Юріемъ Хмельницкимъ. — Прибытіе въ Сичу царскихъ пословъ Перхурова и Карандѣва. — Переписка Сирка съ Самойловичемъ. — Бѣгство турокъ и татаръ изъ-подъ Чигирина. — Уклоненіе Сирка отъ похода къ Чигирину и укорительное письмо по этому поводу гетмана кошевому. — Пріѣздъ царскаго посла въ Сичу съ разпросомъ о причинахъ уклоненія Сирка отъ похода. — Отвѣтъ на этотъ запросъ Сирка и запорожцевъ. — Возвращеніе посла въ Москву и разсказъ его о замыслахъ и дѣйствіяхъ запорожцевъ.

Тревожное состояніе умовъ въ правобережной Украинѣ и недобрыя вѣсти изъ Константинополя въ Москву относительно видовъ турецкаго султана на Россію, заставили царя снова взяться за Дорошенка и такъ или иначе покончить съ нимъ. Противъ Дорошенка, по царскому указу, двинуты были вторично къ Днѣпру русскія, подъ начальствомъ Ромодановскаго, и козацкія войска, подъ начальствомъ Самойловича. На этотъ разъ дѣло уладилось и очень мирно и очень скоро: Дорошенко, послѣ небольшого колебанія, сдася союзникамъ, сложилъ передъ ними войсковые клейноты и открылъ Чигиринъ для вступленія русскихъ и козацкихъ войскъ. При разпросѣ Дорошенка относительно замысловъ турокъ и татаръ онъ, между другими статьями, показалъ, что турки, собираясь идти на Украину, имѣли намѣреніе построить въ Запорожьѣ свои города: въ Сичѣ на Чортотмыкѣ, у Хортицы, въ узкомъ Днѣпрѣ, и въ Кодакѣ, на правомъ берегу Днѣпра, откуда можно всей Украиной управлять ¹⁾).

Прибравъ къ рукамъ гетмана Дорошенка, московскій царь посѣшилъ извѣстить о томъ польскаго короля, но польскій король не могъ извлечь для себя никакой выгоды отъ этого. Стѣсненный сильно турецко-татарскою арміею въ лагерѣ при Журавнѣ, онъ принужденъ былъ заключить постыдный для Польши миръ,

¹⁾ Акті южной и западной Россіи, XII, 818.

октября 1 дня, 1676 года, по которому области кievская, бѣлоцерковская, павлочская и нѣкоторыя другія оставались за козаками, въ подданствѣ Польши, а чигиринская область и Запорожье поступали подъ турецкое покровительство ¹⁾).

Принимая въ подданство Дорошенка, Москва тѣмъ самымъ выражала свою претензію и на управлявшуюся имъ дотолѣ чигиринскую область, а стало быть, становилась лицомъ къ лицу и съ турками, признанными, послѣ журавнинскаго мира, фактическими обладателями Чигирина. Турки все еще были грозными воителями въ глазахъ Европы того времени и потому для Россіи такой фактъ былъ слишкомъ знаменательнымъ и серьезнымъ фактомъ: Россія до тѣхъ поръ еще ни разу не воевала съ турками. И положеніе ея тѣмъ затруднительнѣе было, что, въ силу политическихъ комбинацій того времени, она оставалась совершенно одинокой среди западно-европейскихъ державъ, и ни Польша, ни Германія, ни другая какая держава не могла или не хотѣла подать ей руку помощи въ предстоявшей борьбѣ съ Турціей. Тѣмъ не менѣе, Дорошенко былъ принятъ въ подданство Москвы и доставленъ гетману Самойловичу.

Смирениемъ Дорошенка и присягой его на вѣрность царю Москва обязана была всецѣло кошевому Сирку. Но является вопросъ, почему Сирко такъ усердно хлопоталъ о томъ, чтобы склонить Дорошенка къ русскому царю? По нѣкоторымъ дѣйствіямъ Сирка и планамъ, которыми онъ занялся къ концу своей жизни, но глубоко тайлъ ихъ въ своей душѣ, можно думать, что въ этомъ случаѣ онъ работалъ если не единственно, то главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы, сдавъ Дорошенка Москвѣ, занять его мѣсто въ правобережной Украинѣ себѣ, потомъ низложить съ гетманскаго уряда Самойловича и сдѣлаться обоестороннимъ гетманомъ. Запорожское войско не только не могло препятствовать въ томъ Сирку, но, ненавидя отъ всей души Самойловича, даже могло поощрять его въ томъ.

Такъ или иначе, но послѣ сдачи Самойловичу Дорошенка Сирко, повидимому, совершенно успокоился, и наказный кошевой атаманъ Василій Крыловскій извѣщалъ Самойловича, что ноября 11 дня, Сирко, выбравшись чинно съ товариствомъ изъ Сичи, сошелся съ товариствомъ, бывшимъ на Низу, и, не переставая въ при-

¹⁾ Вантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, II, 149.

родной къ воинскому дѣлу надъ бусурманами своей охотѣ, а также желая оказать услугу отчизнѣ. всему христіанскому міру и царскому величеству, пошелъ противъ татаръ, возвращающихся изъ Польши въ Крымъ, имѣя намѣреніе татарскимъ войскамъ уронъ учинить и христіанскихъ невольниковъ изъ мучительныхъ рукъ освободить ¹⁾).

Между тѣмъ возникъ вопросъ, куда дѣвать гетмана Дорошенка, т.-е. оставлять-ли его въ Малороссіи, или же отправить въ Москву? Въ началѣ декабря 1676 года гетманъ Самойловичъ по этому поводу писалъ царю, что отсылать Дорошенка въ Москву неудобно именно въ виду непріятности, которая можетъ произойти отъ кошевого Сирка: «Сирко со всею своею старшиной, услыша о томъ, сейчасъ же разславить по всей Украинѣ, межъ войсковыми людьми и посполитымъ народомъ, разные слухи для возвращенія противъ разсказовъ, воды на свое колесо, для поруки вашего царскаго величества и для поношенія моего нерадѣнія: онъ станетъ упрекать меня въ томъ, что я допускаю въ отношеніи Дорошенка безправіе и имѣю намѣреніе заслатъ его въ Сибирь». Царь вполнѣ согласился съ такими доводами гетмана, и потому Дорошенко на время оставленъ былъ въ Малороссіи и только спустя нѣсколько времени послѣ этого отправленъ былъ въ Москву. Но и тутъ гетманъ просилъ царя, чтобы Дорошенко жилъ въ Москвѣ на виду у всѣхъ, «дабы посланцы мои и Сѣрковы, какъ будутъ на Москвѣ, его видѣли и вѣдали, что онъ живетъ при милости царскаго величества». Царь и въ этомъ не отказалъ гетману, и въ слѣдъ за отсылкой Дорошенка въ Москву кошевой получилъ отъ него письмо съ пріятнымъ извѣстіемъ о томъ, что бывшему гетману оказана была въ Москвѣ «великая честь и премногая царская милость». Зато Сирко вѣрно служилъ царю: «Сѣрко нынѣ на Запорожьѣ, изъ Коша подъ турецкіе и крымскіе городки ходилъ и съ татарами перемиріе разорвалъ» ²⁾).

Января 26 дня, 1677 года, царь извѣщалъ грамотой запорожское войско о томъ, что польскіе гетманы рѣшили заключить миръ съ турками и татарами въ то самое время, когда князь Григорій Ромодановскій и гетманъ Иванъ Самойловичъ были за Днѣпромъ «для стращенія изъ-подъ бусурманскаго ига гетмана Доро-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 820.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XII, 823, 834; XIII, 56, 57, 25, 75.

пенка». Заключая миръ съ мусульманами, польскіе гетманы написали письмо къ Ромодановскому и Самойловичу о томъ, будто бы запорожцы, учинивъ, по царскому указу, съ крымскимъ ханомъ перемиріе, нарочно пропустили татаръ въ польскія владѣнія. На этотъ упрекъ князь и гетманъ полякамъ отвѣчали, что запорожцы хана съ ордами не пропускали; напротивъ того, по стародавнему войсковому обычаю своему, промыслъ надъ нимъ чинили и помощь христіанамъ давали. Увѣдомляя обо всемъ этомъ запорожскихъ козаковъ, царь вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлялъ ихъ и о томъ, что поляки, по миру съ бусурманами, уступили туркамъ Украину и Запорожье, предупреждалъ «своею милостивою грамотою остерегаться льстиваго пріятства бусурманскаго», служить вѣрно великому государю, чинить промыслъ надъ непріятелями и подавать вѣсти о всѣхъ его замыслахъ ¹⁾).

Какъ бы въ отвѣтъ на это, кошевой атаманъ Иванъ Сирко въ концѣ марта мѣсяца отправилъ къ гетману Самойловичу войскового асаула Ивана Шила съ турецкимъ языкомъ, захваченнымъ у Кызыкерменя и съ листомъ о разныхъ просьбахъ отъ Коша. Вмѣстѣ съ Шиломъ Сирко послалъ и одного какого-то грека, который, сдѣлавшись бусурманиномъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ служилъ въ Крыму толмачемъ, изъ Крыма пріѣзжалъ на Украину къ Дорошенку, потомъ «призрѣніемъ божіимъ» самъ добровольно перешелъ въ Сичъ и снова обратился въ христіанство. Гетманъ отправилъ къ царю запорожскій листъ, турецкаго языка и гречина-толмача для вѣстей о непріятеляхъ и калмыкахъ, а асаула Шила отпустилъ на Сичъ, просилъ царя сдѣлать тоже и для толмача—отпустить его на Кошъ ²⁾).

Настроеніемъ Сирка и запорожцевъ въ пользу русскаго царя и малороссійскаго гетмана теперь очень дорожили въ Москвѣ. Да и было основаніе дорожить. Это было наканунѣ такъ-называемаго перваго чигиринскаго похода татаръ и турокъ. Татары и турки, давно грозившіе новымъ походомъ на Украину, рѣшили, наконецъ, весной 1677 года привести свое намѣреніе въ исполненіе. Въ Москвѣ рассчитывали, что турки, перейдя границу своихъ владѣній, главное вниманіе свое устрелятъ на старинный и дорогой русскимъ людямъ городъ Кіевъ. Въ Батуриинѣ, напротивъ того,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 15—17.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 94, 95.

гетманъ и его совѣтники полагали, что турки, прежде чѣмъ дойти до Кіева, должны будутъ взять передовое укрѣпленіе Чигиринъ. Чигиринъ, на взглядъ гетмана, былъ ключемъ, открывавшимъ входъ во всю Малороссію, и потому на него-то прежде всего и должно быть обращено вниманіе защитниковъ Украины. Но въ томъ и другомъ случаяхъ какъ для царя, такъ и для гетмана весьма важную поддержку могло оказать Запорожье: запорожцы могли бы или дѣйствовать въ тылу турокъ, или отвлечь вниманіе ихъ союзниковъ, татаръ, нападеніемъ на Крымъ. Отсюда естественны старанія со стороны московскаго правительства привлечь къ такому дѣлу запорожскихъ козаковъ и также естественны старанія царя расположить низовое войско въ свою пользу и мирить его съ гетманомъ малороссійскихъ козаковъ.

Чуя бѣду, русскій царь началъ брать разныя мѣры предосторожности. Прежде всего послана была изъ Москвы извѣстительная грамота Сирку о замыслахъ непріятелей и о чиненіи промысла надъ ними; въ этой же грамотѣ предписано было кошевому, съ полной гарантіей за его безопасность, явиться къ гетману Самойловичу для общаго совѣта въ дѣйствіяхъ противъ непріятелей. Затѣмъ приказано было Петру Дорошенку написать о томъ же письмо кошевому Сирку; велѣно было снова допросить Дорошенка о томъ, какими путями, во сколько времени турки могутъ придти къ Кіеву и гдѣ, намѣреваясь завладѣть Украиной, они хотѣли укрѣпиться городами, на что полученъ былъ прежній отвѣтъ, что для турокъ существуетъ три пути—Каменецъ, Тягинъ и Запорожье, каждый въ пяти или болѣе дней ходьбы и вниманіе ихъ всегда было обращено на островъ Хортицу, урочище Кичкасъ и городъ Кодакъ, отъ Сичи въ 70 верстахъ. «Если, борони Боже, тѣ мѣста непріятели осядутъ, то ужъ ни одинаго въ Запороги козака не пропустятъ, а на нихъ уже нельзя наступать будетъ и водою въ землю ихъ ходить, на море не пропустятъ уже козацкихъ челновъ. Тогда на вѣчно пропадетъ Запорожье». Поэтому, во избѣжаніе того, чтобы непріятель въ Кодацкой крѣпости пристанища не имѣлъ, отдано было приказаніе войскомъ низовымъ ту крѣпость осадить и липы (лодки) туда послать ¹⁾.

Но въ то время, когда царь и гетманъ такъ напряженно простирали свои взоры къ Сирку, въ это самое время на него

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 90, 92, 122, 123, 163, 100.

и турки имѣли виды свои. Султанъ, лишившійся Дорошенка, искалъ новое лицо, чтобы назначить его гетманомъ всей Малороссіи и тѣмъ «создать виѣшній признакъ обладанія страной или выставить знамя», къ которому стекались бы безпріютные сыны раздвоенной Украйны. Вниманіе султана, по указанію совѣта патріарха, было обращено на узника семибашеннаго замка, Юрія Хмельницкаго. Юрій Хмельницкій два раза дотолѣ держалъ въ своихъ рукахъ гетманскую булаву, два раза лишался ея, потомъ постригся въ монахи, былъ архимандритомъ монастыря, находился въ плѣну у поляковъ, отъ поляковъ перешелъ плѣнникомъ къ татарамъ, отъ татаръ поступилъ къ турецкому султану. Находясь въ заключеніи, Хмельницкій сдѣлалъ неудачную попытку къ побѣгу и за то готовился принять смертную казнь, но судьба на этотъ разъ судила ему другое: по волѣ султана къ нему неожиданно явились въ темницу патріархъ Константинополя Пареній и драгоманъ Порты Маврокордаты и объявили ему свободу. Съ Хмельницкаго сняли монашеское платье, надѣли золотой кафтанъ, дали съ конюшни султана лошадей и объявили гетманомъ Малороссіи ¹⁾.

Вѣсть о появленіи Юрія Хмельницкаго поразила всѣхъ украинцевъ своею неожиданностью: всѣ считали его давно погибшимъ, и вдругъ оказалось, что онъ живъ и что онъ пишетъ посланіе къ кошевому атаману запорожскихъ козаковъ, Ивану Сирку: «Апрѣля 5 дня Юрій Хмельницкій, гетманъ, вождь и князь малороссійскаго войска, кошевому атаману Ивану Сирку: Спасителю нашему все возможно—нищаго посадить съ князьями, смиреннаго вознести, сильнаго низложить. Лихіе люди не допустили меня пожить въ милой отчизнѣ; убѣгая отъ нихъ, претерпѣлъ я много бѣдъ, попалъ въ неволю. Но Богъ подвигнулъ сердце найяснѣйшаго цесаря турецкаго: онъ даровалъ мнѣ свободу, удовольилъ меня своею милостію и княземъ малороссійскимъ утвердилъ... Когда я былъ на Запорожѣ, то вы мнѣ обѣщали оказать любовь и желательство и вождемъ меня имѣть хотѣли; исполните теперь ваше обѣщаніе и отправляйте пословъ своихъ въ Кызыкермень для переговоровъ со мной».

Получивъ листъ Хмельницкаго, Сирко отправилъ его гетману и вмѣстѣ съ нимъ приложилъ и собственный листъ: въ послѣднемъ онъ писалъ (апрѣля 22 дня), что прошлой зимой изъ горо-

¹⁾ Поповъ, Турецкая война, Русскій Вѣстникъ, 1857, VIII, 154.

да Кызыкермена посланъ былъ противъ запорожцевъ турецкій подъяздъ, взявшій въ лугу ¹⁾ двухъ запорожскихъ козаковъ и отправившій ихъ въ неволю; оба козака, однако, успѣли вернуться въ Сичь—одинъ «бодрымъ своимъ промысломъ освободился изъ неволи», а другой, будучи въ Бабѣ и свидѣвшись тамъ съ Хмельниченкомъ, черезъ него сдѣлался свободнымъ; этимъ послѣднимъ козакомъ Хмельниченко и прислалъ въ Сичь свой листъ Сирку апрѣля 5 дня. Объявляя объ этомъ гетману Самойловичу, Сирко тутъ же объявлялъ послѣднему и о томъ, что онъ послалъ свой листъ и Юрію Хмельницкому въ Тягинь съ просьбой ходатайствовать передъ турскимъ султаномъ объ освобожденіи козаковъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Лодыжинѣ, изъ турецкой неволи.

Прочитавъ посланіе Юрія Хмельниченка и листъ Ивана Сирка, гетманъ за присылку Хмельниченкова письма благодарилъ кошевого, а за отправку къ нему собственного листа упрекнулъ его, говоря, что ему совсѣмъ не слѣдовало бы сноситься съ Юріемъ, «дабы не дать тѣмъ Хмельниченку къ горѣ возвыситься и паче предъ турками подкрѣпиться». Гетманъ совѣтовалъ кошевому на будущее время отъ сношеній съ Хмельницкимъ себя воздержать, а посланнаго къ нему запорожца, когда онъ въ Сичь повернется, «для выразумѣнія о намѣреніи непріятельскомъ», къ нему, гетману, прислать. Вмѣстѣ съ этимъ Самойловичъ не замедлилъ обо всемъ происшедшемъ въ Сичи извѣстить царя и къ нему же отправить письма Хмельниченка и Сирка ²⁾.

Полученному отъ гетмана извѣстію царь придалъ особенно важное значеніе и немедленно отправилъ къ нему гонца Алексѣя Иванова, съ царскою грамотою для передачи ея Сирку. Черезъ этого гонца царь приказывалъ Самойловичу, выбрать какого-нибудь знатнаго человѣка изъ своихъ старшинъ, возможно скорѣе отправить его къ Сирку и черезъ него наказать кошевому отъ перемирія съ крымцами отстать, размѣновъ плѣнниками не дѣлать, по своему древнему воинскому обыкновенію, надъ Крымомъ и крымскими городками промыселъ чинить.

Гетманъ, выслушавъ приказаніе царя, немедленно отправилъ царскую грамоту Сирку и къ ней приложилъ отъ себя собственный

¹⁾ Нужно разумѣть такъ называемый Великій-Лугъ противъ Чортмлыцкой Сичи.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 105—111, 141.

листь. Въ послѣднемъ гетманъ писалъ, что кошевой, забывъ страхъ божій, милость и жалованье государя, подъ видомъ обмѣна плѣнными, помирился съ ханомъ, вмѣсто того, чтобы въ такое тревожное время воевать съ нимъ: «Тебѣ бѣ кошевому, для сохраненія церквей божіихъ, для милости великаго государя и для цѣлости малороссійскихъ городовъ, то перемирие оставить и розмѣну ту отложить, а промыселъ надъ непріятелями чинить»¹⁾).

Между тѣмъ Юрій Хмельницкій вновь прислалъ Сирку, одно за другимъ, три письма, въ которыхъ онъ, изъявляя готовность просить султана о взятыхъ въ неволю и находящихся въ цареградской башнѣ козакахъ, съ тѣмъ вмѣстѣ приглашалъ кошевого, когда дойдетъ дѣло до войны, со всѣмъ своимъ коннымъ войскомъ, съ частью пѣхоты и съ пушками, къ нему, князю Юрію, Гедвону, Венжику приходите, за что какъ ему самому, такъ и всему войску низовому милость у турецкаго султана обѣщалъ исходатайствовать, вольности войску даровать и со стороны Крыма отъ всѣхъ препонъ устранить: «Какъ отъ источника всякія струи истекаютъ, такъ и отъ васъ, войска запорожскаго низоваго, всякое основаніе исходитъ... И если ваша милость немедленно въ Бендеры пріѣдете, то тамъ, дастъ Господь Богъ, посовѣтовавшись съ вами на счетъ того, какъ поступить, мы благодатно отпустимъ васъ назадъ».

Сирко и эти письма Хмельницкаго отправилъ гетману, а вмѣстѣ съ ними и два собственныхъ послалъ; въ послѣднемъ изъ своихъ писемъ онъ писалъ гетману такъ:

«Извѣстно милости твоей, что мы ни о чемъ другомъ не думаемъ, какъ о воинскомъ промыслѣ, имѣя цѣлью оплаканную отчизну охранить отъ непріятеля креста Господня, котораго ведетъ наслѣдникъ Хмельницкаго. Извѣстно тебѣ также и то, что Хмельницкій прислалъ къ намъ свой листъ; по тому листу мы отправили къ нему самыхъ надежныхъ козаковъ, Трофима Троцкаго, Леонтія Коржа да войскового писаря Петра, и сдѣлали то не для чего иного, какъ для ходатайства черезъ него у турецкаго султана о плѣнныхъ товарищахъ нашихъ, а также и для того, чтобы узнать о всѣхъ замыслахъ и намѣреніяхъ враговъ. И тѣ посланные наши сказывали, что первое намѣреніе непріятелей состоитъ въ томъ, чтобы идти со всѣми силами къ намъ подъ Сичу, а потомъ, раздѣлавшись съ нами, идти подъ Чигиринъ, чего, какъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 185, 186.

говорятъ посланцы, ожидать надо очень скоро, потому что, при отпускѣ посланцевъ, въ тотъ же часъ непріатели пошли отъ моста съ этой стороны Дуная къ Тягину и путь свой имѣютъ держать на урочище Головию, а именно на Андреевскій островъ (въ устьѣ Буга), на рѣчки Ингуль, Ингулецъ, Каменку ¹⁾, а всѣ эти урочища близко насъ находятся. Будучи тамъ, наши посланные слышали, что Хмельницкій сдѣлаеъ княземъ Украйны и княжество его будетъ приурочено къ такимъ же удѣльнымъ, какъ и иныя княжества турецкаго царства. Да тѣмъ же посланнымъ ви-зирь турецкій Ибрагимъ-паша говорилъ, что если мы примемъ Хмельницкаго за отчиннаго господина, то отъ турецкаго войска противъ насъ никакого произысканія и хитрости не будетъ; въ томъ онъ обѣщаль и обнадеживаль насъ, низовое войско, клятвенными словами, говоря, что если онъ обманетъ насъ, то пусть сабля его на шеѣ будетъ его. Объявляя обо всемъ этомъ, мы просимъ вашу милость дать намъ совѣтъ, какъ нынѣ намъ поступить. Раньше этого много разъ мы писали вашей милости просить у его царскаго величества для насъ помощи и необходимыхъ военныхъ припасовъ, но только не могли ни достигнуть къ вамъ, ни умолить васъ. И теперь, не имѣя силы, чтобы сопротивляться такому большому непріятельскому наступленію, поневолѣ должны будемъ повиноваться Хмельницкому. Не изволь удивляться въ томъ намъ: по нынѣшнимъ временамъ мы иначе не можемъ сохранить себя въ цѣлости; не смотри, вапа милость, легко и объ отчизнѣ нашей и объ насъ имѣй радѣніе и совѣтъ».

Гетманъ снова всѣ письма Хмельницкаго и всѣ отвѣты на нихъ Сирка немедленно отослалъ въ Москву ²⁾. «До сего времени,—писалъ Самойловичъ, іюня 2 дня, царю,—никогда ничего добраго отъ кошевого не исходило, такъ и нынѣ дѣется». Отъ самого Сирка гетманъ Самойловичъ потребоваль, чтобы онъ немедленно разорвалъ съ крымскимъ ханомъ перемиріе и прекратилъ бы съ нимъ всякія сношенія. Но Сирка на то гетману отвѣчалъ, что онъ помирился съ ханомъ только до Петрова дня, чтобы, по установившемуся между запорожцами и татарами обычаю, сдѣлать обмѣнъ плѣнными. Извѣщая о томъ царя, Са-

¹⁾ Рѣчка между Бериславомъ и Мѣловымъ, гдѣ была впоследствии Каменская Сичь.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 169, 167, 179, 180, 173; Бантышъ-Каменскій, Источники малороссійской исторіи, Москва, 1858, I, 266.

мойловичъ доносилъ, что Сирко замирился съ ханомъ «чаять навсегда». Отказавъ Самойловичу въ требованіи прекратить сношенія съ ханомъ, Сирко отказалъ ему и на приглашеніе съ его стороны пріѣхать въ Батуринъ для совѣщанія по поводу защиты Украйны отъ мусульманъ; онъ отвѣтилъ Самойловичу тѣмъ, что въ Батуринъ не поѣдетъ изъ опасенія быть захваченнымъ и отосланнымъ «на вѣчное житье» въ Сибирь. Высказавъ свое нерасположеніе къ гетману, Сирко съ тѣмъ вмѣстѣ высказался и противъ самой Москвы. «Великимъ удивленіемъ дивлюсь тому, что не получаю даровъ, какіе присылалъ намъ великій государь царь Алексѣй Михайловичъ. Для чего то дѣло дѣлается, вѣдаешь, ваша милость, пане гетмане! Я здѣсь на славномъ Запорожьѣ много времени не стадо пасу, но, по волѣ божіей и по любви всего войска, есть надѣя войскомъ начальный сего мѣста вожъ; не домашній дѣла дѣлаю, но служа великому государю, для цѣлости отчизны воински тружусь» ¹⁾.

Безпрерывныя сношенія Сирка съ Юріемъ Хмельницкимъ и постоянные доносы на кошевого со стороны гетмана заставили царя Ѳедора Алексѣевича изслѣдовать дѣло Сирка на мѣстѣ, въ самой Сичи. Порученіе по этому дѣлу возложено было на Василія Перхурова, отправленнаго въ Сичь съ царскимъ жалованьемъ и съ тайнымъ наказомъ развѣдки о сношеніяхъ Сирка съ Хмельницкимъ. Посолъ направился сперва въ Батуринъ, изъ Батурина, взявъ охранныхъ козаковъ, двинулся въ Запорожье. Прибывъ въ «городъ», посолъ не засталъ въ немъ Сирка, потому что онъ былъ въ это время въ пасѣкѣ, въ 5 верстахъ отъ Сичи. На другой день, когда Сирко явился въ Сичь, посолъ отправилъ къ нему сопровождавшихъ его козаковъ съ просьбой, чтобы кошевой и все посольство велѣли принять посла съ царской грамотой и съ жалованьемъ «безъ мотчанія». Кошевой Сирко и все бывшее при немъ посольство приказали послу идти къ нимъ въ Сичу на Кошъ съ грамотою и съ жалованьемъ. Когда посолъ пришелъ въ Сичу, то казаки привѣтствовали его ради пріѣзда пальбой изъ пушекъ, мушкетовъ и мелкаго ружья. Черезъ четыре дня послѣ этого (іюня 24 дня) кошевой и все посольство собрали въ Сичи раду и на радѣ кошевой царскую грамоту принялъ, печать на ней цѣловалъ и на голову клалъ, послѣ чего ту грамоту стали чи-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 181—188.

тать козакамъ вслухъ. Выслушавъ царское слово, Сирко билъ государю за его милость челомъ, но козаки стали на радѣ громко кричать, что имъ прислано такъ мало суконъ, что и подѣлиться нечѣмъ; только и достанется имъ, что по одной рукавкѣ на козака; служили они отцу государеву, служатъ и теперь вѣрно царю и надъ бусурманами промыслъ постоянно великій чинять, а жалуютъ ихъ скупо; да и самое жалованье они находятъ слишкомъ ничтожнымъ, хотя все же впредь обѣщаются вѣрно государю служить. Кричали козаки на радѣ также о томъ, что гетманъ отнялъ у нихъ Переволочанскій перевозъ и запретилъ къ нимъ въ войско запасы присылать. Кошевой самъ отъ себя говорилъ, что войско его не слушаетъ, потому что у него ни знамени, ни булавы нѣтъ, а если бы была ему государская милость и присланы были булава и знамя, то и козаки послушны были бы ему.

Высказывая послѣднее желаніе, Сирко, повидимому, высказывалъ давно затаенное желаніе быть гетманомъ заднѣпровской Украйны вмѣсто Дорошенка. Съ видами Сирка согласны были и сами запорожцы, ненавидѣвшіе Самойловича и желавшіе гетманства своему кошевому.

Находясь въ Сичи, посолъ узналъ, что козаки посылали къ Хмельницкому листъ съ просьбой о товарищахъ своихъ, взятыхъ подъ Уманемъ и Лодыжинимъ въ плѣнъ. Отъ самого Сирка посолъ узналъ, что Юраско Хмельницкій ожидаетъ къ себѣ крымскаго хана и турскихъ пословъ, чтобы съ ними идти на Запорожье, Кіевъ и Чигиринъ, и что если то турецкое войско на Кошъ придетъ, то Сирко городъ весь сожжетъ, а самъ съ козаками по островамъ на воду пойдетъ, въ самой же Сичѣ имъ не придется сидѣть, потому что запаса у нихъ тамъ никакого нѣтъ. А съ крымскимъ ханомъ и кызыкерменскимъ беємъ запорожцы перемирие учинили для того, чтобы полоняниковъ возвратить, срокъ же тому перемирію до Петрова или до Ильина дня; теперь къ нимъ турецкіе люди съѣзжаются и повольную торговлю ведутъ. До пріѣзда посла отправлены изъ Запорожья въ турецкій городъ три человекъ аманатчиковъ, для размѣна и выкупа полоняниковъ, а изъ турецкаго города присланъ въ Сичь аманатчикъ, турчанинъ, одинъ человекъ. Къ крымскому хану послали запорожцы пословъ безъ вѣдома Сирка, когда онъ въ пастѣкѣ былъ.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, посолъ, іюня 25 дня, отбылъ изъ Сичи въ Москву ¹⁾).

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 194—197.

Вскорѣ послѣ этого гетманъ снова сообщилъ царю, что онъ много разъ писалъ Сирку, чтобы онъ не мирился съ татарами, а главное, не передавался бы Хмельниченку, однако Сирко дѣлаеть по своему и къ Хмельниченку постоянно посылаетъ своихъ козаковъ ¹⁾.

Въ слѣдъ за отъѣздомъ Перхурова, іюля 5 дня прибылъ въ Батуринъ стольникъ Александръ Карандѣевъ съ жалованьемъ гетману и всей старшинѣ и съ распросными статьями о дѣлахъ въ Малороссіи и въ Запорожѣ. Излагая дѣла государя по наказу гетману, посолъ сказалъ, что, по челобитью гетмана, великій государь велѣлъ послать грамоту къ Ивану Сирку и въ ней приказалъ прежде всего извѣстить кошевого о томъ, что царское величество всю Украину будетъ всѣми своими силами отъ турецкаго султана беречь, затѣмъ о Дорошенкѣ велѣлъ всѣмъ сообщать, что онъ у подлинныхъ дѣлъ его царскаго величества на Москвѣ живетъ. А сказано Сирку о Дорошенкѣ для того, чтобы Сирко, зная о его отъѣздѣ въ Москву, не думалъ, что его взяли въ неволю и чтобы кошевой, отчаявшись, не бросился къ хану, да чтобъ онъ, Сирко, съ гетманомъ любовно и совѣтно жилъ и пріѣхалъ бы къ нему, гетману, въ Батуринъ на нѣкоторое время на совѣтъ, какими средствами непріятелю отпоръ дать, а гетманъ, посовѣтовавшись съ Сиркомъ, снова отпустилъ бы его на Кошъ. И нынѣ стало извѣстно великому государю, что онъ, Сирко, по волѣ государя, пріѣзжалъ къ гетману для свиданія и разговора, какъ наступающему непріятелю отпоръ дать. И хотя онъ, Сирко, любезность гетмана особенно выхвалялъ, но для самого дѣла изъ того свиданія ничего хорошаго не вышло, потому что посланцы, пріѣхавъ къ гетману, сказывали, какъ онъ, Сирко, великаго государя грамоту и листъ его гетманскій принявъ, говорилъ передъ всѣмъ войскомъ вслухъ, что государь и гетманъ только манятъ его своими письмами, надѣяться же на нихъ нельзя, а надо о своей цѣлости промышлять самимъ,—знаютъ запорожцы гетманскую оборону: далась она имъ знать давно. Послѣ этого посолъ сталъ съ гетманомъ говорить о томъ, какъ бы Сирка, ради наступающихъ непріятельскихъ замысловъ, отъ перемирія съ крымскимъ ханомъ отвратить, чтобы тѣмъ перемиріемъ непріятеля креста святаго не порадовать и православному христіанству плѣна и разоренія не причинить. На то гетманъ послу отвѣчалъ, что, когда

¹⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1847, IV, № XIX.

выступить съ полками бояринъ и князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, тогда, сойдясь и посоветовавшись съ нимъ, онъ пошлетъ знатныхъ и опытныхъ людей, которые могли бы то злое намѣреніе Сирка разорвать. Поговоривъ о Сиркѣ, посолъ коснулся крѣпости Кодака; онъ требовалъ, для недопущенія турокъ овладѣть городомъ, осадить его своими людьми, раньше прихода враговъ. Но на то гетманъ царю отвѣчалъ, что тѣмъ городомъ Кодакомъ вѣдаетъ и для обереганія его посылаетъ туда людей кошевой Сирко, и ему, гетману, отъ себя посылать людей въ городъ Кодакъ, когда запорожцы не просятъ его о томъ, нельзя, чтобы черезъ то злобы имъ не учинить. А какъ гетманъ сойдется съ княземъ, то они оба напишутъ Сирку, какъ бы тотъ городъ Кодакъ отъ непріятелей укрѣпить ¹⁾).

Изъ всего разговора съ гетманомъ царскій посолъ вынесъ то, что хотя Сирко и запорожцы и сносились съ Юріемъ Хмельницкимъ, то дѣлали это съ видимою цѣлью освободить черезъ него своихъ плѣнныхъ изъ турецкой неволи товарищей. Самъ гетманъ Самойловичъ подъ конецъ объявилъ гонцу, что Сирко уже далъ свое согласіе дѣйствовать совмѣстно съ великороссійскими и украинскими войсками противъ турокъ; что запорожцы, когда получили въ Сичи пригласительный универсалъ Хмельницкаго, отвѣчали ему тѣмъ, что турки просто хотятъ сдѣлать съ ними то же, что сдѣлали съ Уманемъ, — козаковъ выманить въ поле, а Кошъ разорить и остальныхъ въ плѣнъ побрать. Кромѣ того, еще до приѣзда царскаго гонца Карандѣева Сирко спокойно принялъ извѣстіе о прибытіи въ Кодакъ гетманскаго гарнизона и даже самъ предложилъ гетману усилить его гарнизонъ запорожскимъ войскомъ и обезпечить продовольственными запасами. Такое же предложеніе сдѣлано было гетману, помимо кошевого, и самимъ козацкимъ товариществомъ ²⁾).

Тѣмъ не менѣе, отпустивъ царскаго гонца, гетманъ Самойловичъ попрежнему зорко слѣдилъ за всякимъ движеніемъ Сирка и скоро убѣдился, что Сирко снова вошелъ въ сношенія и съ крымскимъ ханомъ, и съ Юріемъ Хмельницкимъ.

Съ начала іюля гетману доносили, что Сирко съ крымскимъ ханомъ и турецкими городками подлинно въ миру; что кошевой

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 181—188.

²⁾ Поповъ, Турецкая война, Русскій Вѣстникъ, 1857, VIII, 155.

посылагъ отъ себя въ Крымъ двухъ человекъ аманатовъ, но ханъ тѣхъ аманатовъ не принялъ, потому что онъ будетъ съ нимъ и съ войскомъ низовымъ и безъ аманатовъ въ миру, а если Сирко съ ханомъ не захочетъ быть въ миру, то самъ увидитъ, что будетъ отъ хана ему. Съ Юраскомъ Хмельницкимъ Сирко также въ миру. Хмельницкій писалъ кошевому, что если Сирко съ запорожцами не придетъ къ нему, то всѣ силы бусурманскія подлинно обратятся на Сичь, оттого Сирко и помирился съ крымцами и думаетъ «идти къ Юраскѣ въ слученіе». Такое же мирное къ туркамъ настроеніе показывали и сами козаки: такъ, у башни надъ лиманомъ («разливомъ») Днѣпра сидѣли съ турками, живущими тамъ, четыре козака и, по пріятельски бесѣдуя съ ними, увѣряли ихъ въ полной безопасности отъ войска запорожскихъ козаковъ. Впрочемъ, въ то же время гетману передали и о томъ, какъ Сирко отправилъ къ Хмельницкому съ поклономъ своихъ пословъ и какъ Хмельницкій не особенно любезно принялъ ихъ, зато Ибрагимъ-паша выдалъ посланцамъ Сирка по восьми ефимковъ да по кафтану платья и приказалъ передать Сирку, чтобы самъ кошевой, оставаясь пока въ Сичи, выслалъ бы на встрѣчу визирю къ Бугу рѣкѣ 300 лучшихъ козаковъ съ поклономъ отъ себя. «И Сирко перемиріе съ ханомъ учинилъ и далъ въ аманаты двадцать двухъ человекъ; только запорожцы на то не глядѣли, забрали подъ Тягиномъ у пашей со ста и тридцать лошадей» ¹⁾. «Іюля 13 дня пріѣхалъ въ Батуринъ запорожскій козакъ Миско. Тотъ козакъ повернулся изъ Запорогъ и ѣхалъ близко Тягина и своими очами видѣлъ, что на этой сторонѣ Днѣстра стояли многія турецкія силы. А когда пріѣхалъ въ Сичу, то видѣлъ у Сирка турецкихъ и крымскихъ людей и слышалъ, что Сирко дѣйствительно помирился съ ханомъ; но пойдетъ-ли войною или нѣтъ, того не знаетъ» ²⁾.

Собравъ подлинныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Сирка съ крымскимъ ханомъ Селимъ-Гераемъ и съ гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ, гетманъ Самойловичъ написалъ кошевому письмо, въ которомъ, выставляя на видъ святотатственный поступокъ Юрія Хмельницкаго, бывшаго нѣкогда архимандритомъ и служителемъ православной церкви, а теперь союзникомъ турокъ, враговъ Христовой вѣры, съ этимъ вмѣстѣ укорялъ Сирка и запорожцевъ за

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 205, 206, 213—216, 226, 227.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 27.

то, что они, услыша о Хмельниченкѣ, точно вода за вѣтромъ, въ тотъ же часъ пересылаются съ нимъ стали; православнаго царя, вмѣстѣ съ турками, воевать собирались, а самому гетману и украинскимъ козакамъ совѣтъ подавали—ожидая, какой конедѣ всему будетъ, о государскихъ людяхъ не радѣть и не покоряться имъ. Въ замѣнъ всего этого, гетманъ совѣтовалъ запорожцамъ, чтобы они, взявшись вмѣстѣ съ другими за руки, сколько можно, при помощи божіей, наступленіе враговъ отражали. Самому Сирку онъ напоминалъ о клятвѣ, принесенной имъ, послѣ возвращенія изъ Сибири, на вѣрность русскому царю. «Отъ престола царскаго величества не отступать и никакой разности въ запорожскомъ войскѣ не чинить». Въ заключеніе письма гетманъ указывалъ Сирку и на то, что турки на Чигиринѣ и на Кіевѣ, а никакъ не на Сичу имѣютъ свое вниманіе обратить»¹⁾.

Неизвѣстно, это-ли самое письмо или подлинное извѣстіе, полученное въ Сичу объ измѣненіи маршрута непріятелями вмѣсто Запорожья на Украину подѣ Чигиринѣ, подѣйствовало на Сирку, но только въ своемъ союзѣ визирю Ибрагимъ-Шайтану и гетману Юрію Хмельницкому кошевой отказалъ: «Ибрагимъ - Шайтанъ-паша писалъ на Запорожье къ кошевому атаману къ Ивану Сирку, чтобы онъ прислалъ къ Юраску Хмельницкому запорожскихъ козаковъ хотя съ 500 человекъ, но въ томъ ему кошевой атаманъ и все товариство отказали и войска своего съ Запорожья къ нему ничего не прислали». Напротивъ того, кошевой написалъ гетману письмо, въ которомъ обѣщалъ придти къ нему и къ боярину на помощь подѣ Чигиринѣ, на что бояринъ и гетманъ отвѣчали Сирку, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, не мѣшкая, самими ближними мѣстами шелъ къ Чигирину»²⁾.

Это было августа 12 дня, 1677 года, а черезъ пятнадцать дней послѣ этого, августа 27 дня, въ день преподобнаго Пимена, турки и ихъ союзники татары, волохи, мултяне, переправившіеся черезъ Днѣстръ подѣ Тягиномъ и вгоргнувшіеся на Украину, были побиты подѣ Чигириномъ и бѣжали въ западные предѣлы вольностей запорожскихъ козаковъ, за рѣку Большой Ингулъ; и тутъ, не доходя Буга, раздѣлившись на два отряда, крымскій ханъ пошелъ на Кызыкермень, дойдя до котораго «сталъ пере-

1) Акты южной и западной Россіи, XIII, 228, 232.

2) Акты южной и западной Россіи, XIII, 274.

лазить подъ городомъ рѣку вплавь, другъ дружку выпережая»; а Ибрагимъ-паша ударился бѣгомъ къ Бугу и Днѣстру на прежній свой путь, оставивъ за Великимъ-Ингуломъ, на рѣчкѣ Каменкѣ, во ста верстахъ отъ Чигирина, большой обозъ свой изъ 200 возовъ, 600 воловъ, нѣсколькихъ буйволовъ, около 3.000 талеровъ и больше 500 людей, побитыхъ и взятыхъ гетманомъ въ плѣнъ: «А какъ были отъ того погрому они съ 20 верствъ, то въ то время, какъ ихъ добывали, они многое число денегъ въ обозѣ въ землю закопали и на то мѣсто уже назадъ не ворочались» ¹⁾).

Ни въ дѣлѣ подъ Чигириномъ, ни во время бѣгства непріятелей въ запорожскую стень Сирко и запорожцы участія не принимали и враговъ не преслѣдовали. Такъ говорятъ объ этомъ современные акты. Только малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко показываетъ, будто бы въ первомъ чигиринскомъ походѣ запорожцы принимали участіе въ бужинскомъ дѣлѣ: «Въ тотъ часъ, когда Ибрагимъ-паша, оставивъ Чигиринъ, прибылъ къ Бужину, тогда нѣсколько тысячъ московскаго войска, особливо же изъ Низу запорожцевъ отъ Сирка кошевого отправленныхъ, приплыли лодками въ помощь козакамъ (гетмана Самойловича) до шанцевъ, отнятыхъ у турокъ» ²⁾). Но самъ Величко, приступая къ описанію первой осады туркамъ Чигирина, говоритъ, что для этого онъ не имѣлъ подъ руками вѣдомости реестровыхъ козацкихъ записокъ, а черпалъ свои свѣдѣнія изъ панигиричныхъ риємъ Александра Бучинскаго. Ни въ современныхъ событію актахъ, ни въ «Исторіи Россіи» Соловьева мы также не находимъ указанія о томъ, чтобы Сирко и запорожцы принимали участіе въ первомъ чигиринскомъ походѣ ³⁾). Носились слухи, будто Ибрагимъ-паша хотѣлъ сперва ударить на Запорожье и оттуда уже идти на Чигиринъ и будто бы Сирко отвратилъ грозу только тѣмъ, что пообѣщаль великому визирю поддаться Хмельницкому. Послѣ бѣгства турокъ изъ-подъ Чигирина Сирко лишь подробно сообщаетъ гетману Самойловичу въ особомъ письмѣ о раздѣленіи крымскаго хана отъ турецкаго визиря за Ингуломъ-рѣкой и о бѣгствѣ его къ низовью Днѣпра, усердно поздравлялъ его съ счастливою побѣдой надъ врагомъ и вмѣстѣ со своимъ письмомъ отправилъ въ Чигиринъ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 270, 274, 377, 343.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 429, 428.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1863, XIII, 268, 269.

письма нѣсколькихъ невольниковъ христіанъ, присланныхъ изъ Крыма въ Сичь, съ просьбой обмѣна взятыхъ подѣ Чигириномъ мусульманъ на невольниковъ, томившихся въ Крыму у татаръ¹⁾. Приѣхавшему октября 6 дня въ городъ Батуринъ стольнику Василию Михайловичу Тяпкину съ милостивымъ отъ царя Θεодора Алексѣевича словомъ и съ запросомъ, какъ поступить со взятымъ городомъ Чигириномъ, гетманъ о поведеніи Сирка въ прошедшую войну говорилъ, что когда ханъ бѣжалъ изъ-подѣ Чигирина и очутился ниже Сичи, возлѣ Днѣпра, то Сирко и запорожцы съ нимъ на три года перемиріе учинили, оттого Сирковы козаки многихъ татаръ черезъ Днѣпръ на своихъ байдакахъ перевозили; съ тѣмъ вмѣстѣ гетманъ узналъ, что въ это же время ханъ обѣщался Сирку прислать въ Сичу и въ городъ Кодакъ хлѣбныхъ запасовъ и всякаго борошна много, а также самопаловъ, зелья и свинцу козакамъ. И послѣ того, дѣйствительно, съ тѣмъ же обѣщаніемъ вновь къ Сирку своихъ пословъ ханъ присылалъ. А султанъ турецкій 30.000 червонцевъ, для склоненія въ подданство свое Сирка и его козаковъ, въ городъ Кызыкермень, съ моравскимъ беємъ, отправилъ. Тотъ моравскій бей многимъ языкамъ въ школахъ учился и съ кошевымъ Сиркомъ въ полѣ съѣзжался: поставивъ свои полки каждый на особыхъ мѣстахъ, сойдя съ коней и отошедъ далеко отъ нихъ, кошевой Сирко и моравскій бей брали другъ друга за руки и такъ ходили долго между кустовъ; въ это время Сирко принялъ подарки отъ бея и присягнулъ на подданство турецкому султану. Впрочемъ, при кошевомъ Сиркѣ осталось теперь малое число козаковъ — всѣ перешли на зимовье къ гетману за Днѣпръ и всѣ они Сирка и ругаютъ, и проклинаютъ, хотя думаютъ, что подданство его туркамъ и помощь бусурманамъ непрочно и недолга будетъ, потому что лучшіе изъ запорожскихъ козаковъ, старшина и товариство, отъ него отступаютъ, а держатся его лишь гультайство да худые козачишки. Однакожь и этихъ плутовъ нельзя считать за ничто, и Чигиринъ отъ нихъ зимой въ крѣпкой осторожности надо держать, потому что какъ станетъ рѣка Тясминъ, чтобы они тогда въ нижнемъ городѣ, вслѣдствіе худыхъ стѣнъ, какой хитрости не выкинули; особенно опасно это потому, что у нихъ, запорожцевъ въ Чигиринѣ не мало родныхъ и тайныхъ друзей имѣется²⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 274, 370, 377, 343.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 330.

Одновременно съ этимъ показаніемъ о дѣйствіяхъ Сирка гетманъ послалъ въ Кошъ письмо съ выговоромъ кошевому и козакамъ за то, что они сдружились съ бусурманами и помогали имъ на переправахъ во время бѣгства ихъ изъ-подъ Чигирина: «Въ то время, когда вся наша отчизна особенно требовала отъ враговъ обороны и когда мы, о цѣлости ея промышляя, чуть ли не со слезами къ вамъ много разъ писали, чтобы вы помощь намъ во время непріятельскаго наступленія подали, въ это самое время вы, учинивъ противную межъ собою раду, безъ царскаго и нашего вѣдома, съ ханомъ и со всѣмъ Крымомъ примирились. А потомъ, забывъ свою клятву и свое обѣщаніе великому государю и божию помазаннику, свое товариство, Троцкаго и Пиковца, съ листомъ, который и теперь у насъ имѣется, къ Хмельницкому посылали. А теперь, послѣ всего этого, приславъ мнѣ листъ, о запасахъ пишите, на что отвѣчаемъ вамъ, что запасовъ тѣхъ, безъ указа его царскаго пресвѣтлаго величества, посылать къ вамъ не можемъ»¹⁾.

Въ слѣдъ за грамотой гетмана, посланной Сирку и всѣмъ запорожцамъ, пришла грамота царя гетману о Сиркѣ и всѣхъ запорожцахъ. Царь, перечисляя всѣ недобрые поступки Сирка, однако, прощалъ ему все это, потому что за все содѣланное имъ воздастся ему въ день праведнаго суда божія и, не соглашаясь съ представленіемъ гетмана о задержкѣ козакамъ хлѣбнаго и денежнаго жалованья, приказывалъ ему отпустить по прежнему запасы на Запорожье и съ тѣмъ вмѣстѣ извѣщалъ его объ отправкѣ въ Кошъ посла Шестакова, къ Сирку и запорожцамъ, для разспроса о поступкѣ ихъ во время непріятельскаго наступленія²⁾.

Выѣхавъ изъ Москвы декабря 1 дня, подъячій Емельянъ Шестаковъ прибылъ сперва въ Батурино и, взявъ здѣсь въ провожатые Артема Золотаря съ товарищами, отправился въ Сичь, куда прибылъ декабря 11 дня и остановился въ батуринскомъ куренѣ у гречина Павла. Въ тотъ же день онъ объявился въ Сичи, прося кошевого принять его у себя. Кошевой, узнавъ о прибытіи посла, самъ отправился къ нему въ курень и, поблагодаривъ царя за грамоту, объявилъ, что приметъ ее на радѣ, послѣ

¹⁾ Акты, XIII, 344—348; Бантыш-Каменскій, Источники, Москва, 1858, I, 267.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 352—356.

чего оставилъ посла въ куренѣ, а самъ пошелъ въ свой курень. Въ тотъ же день пришелъ изъ Крыма въ Сичь и ханскій асаулъ Тегай или Тягя для окупа плѣнныхъ. Войсковою асаулъ Иванъ Шило распорядился было крымскаго посла поставить въ одномъ куренѣ съ царскимъ посломъ, но русскіе ханскаго посла въ курень ставить съ собой не позволили. На другой день Сирко прислалъ къ послу войскового асаула Ивана Шила съ просьбой идти съ грамотой на раду къ кошевому и всему войску запорожекому. Придя въ раду, посолъ вручилъ грамоту кошевому, а кошевой, судья и все козачество, принимая ту грамоту, приказали положить знамя свое на землѣ на папкахъ; подѣловавъ печать на грамотѣ, Сирко передалъ ее судѣ Кудлаю, а Кудлай приказалъ читать ее войску. Прослушавъ грамоту до конца, войско било челомъ и кланялось государю за его милостивое къ нему слово; а откланявшись государю, стало просить посла говорить о дѣлахъ, ради которыхъ оны прибыли на Сичь. Посолъ отказался сперва тѣмъ, что онъ усталъ отъ пути и потому можетъ только черезъ день говорить свою рѣчь. Но кошевой и судья пригласили посла говорить свою рѣчь въ этотъ же день, потому что собрать козаковъ для другой рады трудно будетъ, такъ какъ многіе козаки разойдутся изъ города по рѣкамъ для рыбныхъ промысловъ. Тогда посолъ началъ свою рѣчь такъ: «Вѣдомо вамъ, что великій государь, жалуетъ васъ атамана и все войско низовое своимъ жалованьемъ, приказалъ вамъ во время непріятельскаго наступленія на Чигиринъ идти со своими ратями противъ непріятеля, а вы не только не пошли подъ Чигиринъ, а даже надъ крымскимъ ханомъ, когда онъ бѣжалъ къ Днѣпру, промысла не чинили. Почему этого вы не сдѣлали?» Кошевой атаманъ, судья и асаулъ, выслушавъ ту рѣчь, отвѣчали: «Подъ Чигиринъ мы не ходили потому, что войска было на Кошѣ мало, да и потому еще не ходили, что турки и татары прежде Чигирина на Сичу приходили думали, а взявъ Сичу, осадить и своими людьми укрѣпить городъ мыслили. Чтобъ упредить этотъ злой замыселъ, мы съ ханомъ помирились, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ намѣреніе продать имъ татарскихъ полоняниковъ, потому что войско наше, не имѣя ни добычи, ни запасовъ, было голодно. Да и потому помирились мы съ ханомъ, чтобы нашимъ промышленникамъ вольно было идти на море и на рѣки для рыбныхъ промысловъ, а также и потому, что много разъ мы къ гетману Ивану Самойловичу писали, чтобъ царское величество прислалъ къ

намъ своихъ ратныхъ людей на оборону, какъ присылалъ царь Алексѣй Михайловичъ, и чтобъ гетманъ самъ пустилъ изъ городовъ козаковъ къ намъ, или полкъ какой и запаса прислалъ; но гетманъ козаковъ не пустилъ и запаса не прислалъ къ намъ, отчего наши козаки должны были только одною рыбою кормиться; а когда мы съ ханомъ заключили перемиріе, тогда за татаръ брали большой окупъ и за солью къ морю свободно ходили; а если бы съ ханомъ не помирились мы, то всѣ съ голоду померли бы. А турецкихъ и крымскихъ людей, бѣжавшихъ изъ-подъ Чигирина, не громили мы потому, что войска въ Сичи мало было: всѣ, надѣясь на миръ съ ханомъ, разошлись по промысламъ, и теперъ войска въ Сичи мало: всѣ по промысламъ. Бьемъ челомъ великому государю, чтобы онъ пожаловалъ насъ, велѣлъ бы прислать къ намъ ратныхъ людей, а гетману приказалъ бы прислать полтавскій полкъ, и мы, по веснѣ, какъ скоро войска и запасы будутъ къ намъ присланы, перемиріе съ ханомъ нарушимъ и пойдѣмъ въ Крымъ войною». Послѣ этого подали кошевому гетманскій листъ, и кошевой велѣлъ вычестъ его, а сказали на него козаки то же, что и на царскій листъ. Въ тотъ же день вечеромъ приходилъ къ царскому послу крымскій посолъ и, пивъ вино, грозился царскому послу, что-де будетъ онъ, москаль. у него въ рукахъ; а гетманскаго посла называлъ братомъ своимъ, считая его запорожцемъ. А какъ тотъ посолъ въ Сичу пріѣхалъ, въ тотъ же день далъ извѣстіе въ городъ свой и о царскомъ послѣ. На третій день послѣ этого кошевой Сирко, призвавъ къ себѣ въ курень гетманскаго посла, наединѣ ему говорилъ, клялся и цѣловалъ крестъ, вынувъ его изъ-за пазухи, что царскому величеству онъ никогда не измѣнялъ, а съ Хмельницкимъ мирился для того, чтобы схватить его и отправить въ Москву, и просилъ посла гетману о томъ передать, чтобъ онъ за измѣнника его не считалъ. Декабря 14 числа всѣ собрались къ церкви, противъ Сиркова куреня; тутъ Сирко вручилъ послу листъ для передачи царю и отпустилъ отъ себя. Декабря 17 дня, Сирко, придя въ курень къ послу, объявилъ ему, чтобы онъ ѣхалъ назадъ лугомъ подлѣ Днѣпра на крѣпость Кодакъ, а на слѣдующій день совѣтовалъ ѣхать на Переволочну, т.-е. тѣмъ же путемъ, какимъ ѣхалъ въ Сичу посолъ, полежъ, для того, чтобы крымскій асаулъ Тегай, бывшій въ Сичи, не далъ знать о немъ въ Асламъ или Кызыкержень городокъ и татары не переняли бы его. Посолъ поѣхалъ степью на Переволочну,

какъ совѣтовалъ ему Сирко; съ нимъ послано было пять человекъ, Романъ Малюкъ и Семень Хорошко съ товарищами, съ листомъ къ гетману ¹⁾. Будучи въ Сичи, посоль узналъ, что отправленные изъ Сичи отъ кошевого къ Хмельниченку Брекало и товарищи возвращены отъ Перекопа беемъ назадъ; имъ бей говорилъ, что если они хотятъ ѣхать къ Хмельницкому, то ихъ отвезутъ туда, куда и его отвезли. Но они, повернувъ отъ Перекопа, въ Сичу пришли вмѣстѣ съ ханскимъ асауломъ. А гетманскій посоль расположилъ къ себѣ казака Васильева и просилъ его доносить обо всѣхъ замыслахъ запорожцевъ, если Артемій Золотарь (имя гетманскаго посланца) пришлетъ къ нему о здоровьѣ его узнать. Послѣ Шестакова бояринъ и гетманъ, для того, чтобы вѣрнѣе отвратить Сирка отъ непріятеля, отправили къ нему зятя, наказавъ послѣднему убѣждать Сирка оставить свое злое дѣло и служить царю по своему обѣщанію ²⁾.

Получивъ и прочитавъ листъ Сирка, гетманъ не повѣрилъ искренности и раскаянію кошевого, о чемъ тотъ же часъ подѣлился своими мыслями и съ царемъ посредствомъ письма ³⁾.

¹⁾ Листы царю и гетману: Акты южной и западной Россіи XIII, 437, 439.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 423—430, 432—434, 386.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 436.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Угроза со стороны турокъ и татаръ московскому царю. — Слухи о сношеніяхъ Сирка съ турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ. — Извѣщеніе отъ Сирка Самойловичу о движеніи враговъ къ Чигирину. — Отправка Сиркомъ къ гетману письма Юрія Хмельницкаго. — Совѣтъ Сирка о разрушеніи Чигирина и просьба о присылкѣ клейнотовъ въ Сичь. — Недовольство гетмана тѣмъ и другимъ и увѣщательное письмо его къ кошевому. — Вѣрность Сирка русскому царю. — Угрозы Сирку со стороны султана. — Неудача русскихъ и малороссійскихъ казаковъ подл Чигириномъ. — Подвигъ Сирка на Днѣпрѣ. — Сношенія его съ ханомъ и походъ его на Кызыквермень и Тавань. — Смерть Сирка. — Преданія и пѣсни о немъ. — Моровая язва въ Запорожьѣ осенью 1680 года. — Прѣздъ черезъ Запорожье московскихъ пословъ Зотова и Тапкана въ Бахчисарай для заключенія мира. — Новый кошевой атаманъ Волошанинъ. — Предестные листы Яна Собѣскаго къ запорожцамъ и увѣщательный универсалъ гетмана къ запорожцамъ по этому поводу. — Смерть Федора Алексѣевича и присяга запорожцевъ Петру. — Объявленіе запорожцамъ условій андрусовскаго перемирія съ поляками.

Насталъ 1678 годъ. Россіи вновь грозила бѣда отъ нашествія турокъ на Украину. Турки и татары снова собрались идти подл Чигиринъ. Ходили слухи, что турецкій султанъ приказалъ идти на войну всѣмъ своимъ подданнымъ отъ 12-ти лѣтъ; что въ одной Волошской и Мутьянской землѣ онъ велѣлъ заготовить 60.000 тесницъ и 60.000 кирокъ, лопать и топоровъ. На этотъ разъ предводителемъ турецкихъ войскъ былъ объявленъ визирь Кара-Мустафа, человекъ испытанный въ ратномъ дѣлѣ. Царь и гетманъ вновь стали готовиться къ отпору и потомъ вновь должны были вѣдаться съ Иваномъ Сиркомъ. А между тѣмъ о Сиркѣ снова стали приходиться недобрія вѣсти. Гетману доносили, что кошевой поддался турскому султану и въ большой дружбѣ съ крымскимъ ханомъ, что онъ сносится съ ними черезъ обоюдныхъ, съ той и другой стороны, пословъ, что онъ пересылаетъ всѣ царскія грамоты и гетманскіе листы къ султану и обнадеживаетъ его отстать отъ подданства русскому царю, такъ какъ ему безъ того сильно далась Сибирь, попасть куда онъ вовсе теперь не желаетъ. Говорили и о томъ, что Сирко сносится съ Хмельниченкомъ че-

резь своего посланца Яненка, а Хмельницкій сносится съ Сиркомъ черезъ Коваленка, подкупая запорожцевъ деньгами и, по султанскому указу, всякими запасами обнадеживая ихъ, «только бѣ словъ своихъ не дерзали перемѣнять, на Крымъ и на иныя города наступати», за что запорожцы и кошевой Сирко съ своей стороны отправили посломъ войскового асаула Шида, «чтобъ салтанъ письмомъ своимъ ихъ подкрѣпилъ и въ походѣ своемъ на Москву заднѣпровскихъ городовъ не занималъ и черными Муравскими шляхами шелъ». Указывали также на то, куда Сирко, для приклоненія подъ бусурмана, выходить имѣлъ, а именно на рѣку Ингуль¹⁾. Наконецъ, сообщали о Сиркѣ и то, что, отправивъ къ Хмельниченку своихъ пословъ, Ивана Яненченка и Семена Гречку, Сирко заключилъ съ нимъ тайный договоръ на томъ, чтобъ вѣру православную не гнать, чтобъ податей и ясырю не давать, чтобъ вольностей и правъ запорожскихъ не нарушать, чтобъ старшинъ войска турецкаго и татаръ въ малороссійскіе города не допускать, и за все это, буде салтанъ на сіи статьи согласится, онъ, Сѣрикъ, его, Юраску, за князя приметъ и всю Украину по обѣ стороны Днѣпра подъ турецкую державу приведетъ. Впрочемъ, болѣе дальновидные люди, тѣ, которые лучше понимали Сирка, доносили гетману, что Сирко этимъ всѣмъ «просто манитъ враговъ, чтобы враги на него самого прежде времени не наступили, Запорожьемъ и Сѣчью не овладѣли и разоренія не учинили; что онъ только времени выжидаетъ, чтобы надъ Крымомъ и надъ крымскими людьми промыслъ чинить; оттого жъ и гетману о всякихъ тамошнихъ (крымскихъ) вѣдомостяхъ въ то же время пишеть»²⁾. И точно, января 26 дня Сирко доносилъ гетману о движеніи татаръ на Чигиринъ; въ замѣвъ чего гетманъ извѣщалъ его о приказаніи царя всѣмъ силамъ идти подъ Чигиринъ, а малымъ войскамъ, по совѣту Сирка, стать у Муравскихъ шляховъ, въ Бѣлгородѣ и на Осколѣ рѣкѣ³⁾. Въ тоже время Сирко писалъ письмо и царю, прося его, черезъ своихъ козаковъ, объ отпускѣ изъ Москвы на Сичь Махмета, мурзы бѣлгородской орды, на освобожденіе изъ Крыма кровныхъ своихъ⁴⁾.

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 595, 602, 448, 455, 458.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 642, 603.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 453, 473, 487.

⁴⁾ То-есть, близкихъ родственниковъ, захваченныхъ раньше того въ неволю.

Не довѣряя ни въ чемъ кошевому, гетманъ особенно былъ возмущенъ, когда ему прислано было письмо Хмельницкаго къ Сирку.

Февраля 7 дня Хмельницкій писалъ Сирку, что, по его просьбѣ, онъ готовъ стараться у султана объ освобожденіи изъ неволи плѣнныхъ козаковъ, зато просилъ кошевого прислать къ нему или товарища своего, или 100 человекъ нарочныхъ пословъ; если же онъ пословъ не пришлетъ, то тѣмъ его, Хмельницкаго, въ большой стыдъ передъ султанскимъ величествомъ приведетъ, который постоянно о нихъ спрашиваетъ, да и своихъ товарищей, находящихся въ неволѣ, погубить всѣхъ. Получивъ это письмо, Сирко отослалъ его, вмѣстѣ съ собственнымъ письмомъ, Самойловичу. Въ собственномъ письмѣ Сирко въ свое оправданіе писалъ, что просилъ Хмельницкаго за прежнихъ своихъ товарищей, взятыхъ у Лодыжина, а къ крымскому хану посылалъ по тѣхъ, которые пойманы у Переволочны. Въ заключеніе письма Сирко говорилъ, что посольства къ Хмельницкому онъ никакого не посылалъ, а только лишь о своихъ товарищахъ просилъ, въ доказательство чего и отвѣтъ Хмельницкаго на свою просьбу приложилъ. Въ слѣдъ за этимъ письмомъ Сирко отправилъ гетману и другое письмо. Въ немъ онъ совѣтовалъ гетману, какъ поступить, на случай прихода враговъ, съ городомъ Чигириномъ. Совѣтъ его состоялъ въ томъ, что вмѣсто того, чтобы разоренный непріятельскимъ мечомъ городъ защищать, было бы удобнѣе Кіевъ, святой городъ, оборонять: «Лучше бы жителей всѣхъ тамошнихъ (Чигиринна) изъ города вывести, а самый замокъ сжечь, потому что поганый на пожарное мѣсто не пойдетъ, да и намъ на двѣ доли войско неудобно раздѣлять»¹⁾.

Получивъ листы кошевого Сирка и приложенное къ нимъ письмо Юрася и усмотрѣвъ въ нихъ «злосливое» противъ христіанъ намѣреніе, гетманъ немедленно отправилъ ихъ въ Москву съ грамотой къ царю, въ которой писалъ: «Не для чего иного совѣтуетъ онъ (Сирко) покинуть Чигиринъ, какъ для того, чтобы, вмѣстѣ съ Хмельниченкомъ, привести злобный замыселъ свой. Пусть только Чигиринъ достанется въ руки имъ, тогда они снова укрѣпятъ его, Хмельниченко сдѣлаетъ въ немъ столицу княжества своего, а Сирко объявитъ главнымъ гетманскаго регимента сво-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 517, 515, 516.

его, потому что уже и теперь Сирко величаетъ Хмельниченка княземъ Малой Россіи, а Хмельниченко Сирка—гетманомъ кошевымъ войска запорожскаго низовыхъ козаковъ ¹⁾). Гетманъ Самойловичъ, какъ и прежде, особенно настаивалъ на защитѣ Чигирина. «Почему,—говорилъ—имъ, запорожцы, не смотря на расположеніе къ Хмельницкому и къ туркамъ, не соединились съ ними явно (во время перваго Чигиринскаго похода) и не помогли имъ въ войнѣ? Потому что запорожцы смотрѣли на Чигиринъ и слѣдили за его судьбой: кто будетъ владѣть Чигириномъ, тому поддадутся запорожцы и вся Малороссія по ту сторону Днѣпра» ²⁾).

Еще болѣе, чѣмъ совѣтъ Сирка о разрушеніи Чигирива, возмутила гетмана просьба кошевого о присылкѣ въ Сичь войсковыхъ знаменъ и о дарованіи кошевому мѣстечка Келеберды, съ чѣмъ онъ обратился къ Самойловичу черезъ своихъ посланцевъ, отправленныхъ въ Батуриинъ, пользуясь, разумѣется, затруднительнымъ положеніемъ гетмана и царя и надѣясь чрезъ то успѣть въ своей просьбѣ. «Къ чему затѣяли они теперь просьбу свою? Никогда того не бывало, да и теперь не годилось имъ о томъ вашего государскаго престола утруждать,—писалъ гетманъ царю Ѳедору Алексѣевичу.—Во всѣ времена, какъ стало войско запорожское подъ вашею православною государскою обороною, одному региментарю гетману давались знамена и булава, за которыя войско запорожское на службу вашу государскую ходить должно; а всякій полковникъ, по христіанскому обыкновенію и по стародавнимъ войсковымъ правамъ, дѣлаетъ самъ себѣ для воинскаго дѣла, какія можетъ, знамена, что и запорожцамъ можно было бы сдѣлать. И если бы у нихъ не оказалось денегъ на то, то и я могъ бы имъ какою вещью помочь, или, сдѣлавъ готовое знамя, на Кошъ послать. И то удивительно, для чего они не искали знаменъ и никуда не посылали по нихъ тогда, когда у нихъ самозванецъ былъ, а сами сдѣлали ихъ для него да и теперь хранятъ у себя. Къ чему же они просятъ именно теперь царскихъ знаменъ? Къ тому, чтобы прибрать побольше малоразсудныхъ и легкомысленныхъ къ себѣ людей и отъ Чигирива ихъ отвлечь. Говорили они и наказывали, чтобы дать имъ полтавскаго полка мѣстечко Келеберду и Переволочанскій перевозъ на Днѣпрѣ. И

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 513.

²⁾ Архивъ министерства иностр. дѣлъ; малор. дѣла, 1677, № 24.

то они новое дѣло вымышляютъ: отъ начала, какъ стало Запорожье и по настоящее время, ни мѣстечкомъ, ни селомъ, ни другимъ меньше того запорожцы на Украинѣ не владѣли и просить о томъ за стыдъ себѣ почитали; также и самъ я размышляю, что того мѣстечка Келеберды отдать имъ непригоже, потому что тогда въ одномъ полку два начальства будетъ, одно давнее, другое новое, отъ чего распри между людьми стануть да къ тому жъ, основавъ тамъ свою власть, запорожцы внушатъ другимъ не повиноваться намъ. Обращаясь къ намъ съ такими неподобными просьбами, они просто возносятся отъ того, что къ нимъ, на Запорожье, отъ васъ, великаго государя, и отъ меня, вашего государскаго подданнаго, частыя въ эту зиму посылки были: они воображаютъ, что безъ нихъ никакое прибыльное дѣло не совершится»¹⁾).

Не менѣе того гетманъ злился на Сирка и за то, что онъ все еще не переставалъ сноситься съ Хмельниченкомъ, принималъ письма изъ Крыма и не прекращалъ вопроса объ обмѣнѣ плѣнными. Марта 2 дня писалъ Сирку изъ Крыма Ширинъ-бей, что хотя ханъ и султанъ съ государства сходятъ, но онъ, бей, готовъ додержать съ Сиркомъ учиненный между крымцами и козаками договоръ, лишь бы только и запорожцы додержали его, о чемъ просилъ извѣстить его, будутъ или нѣтъ козаки крымцамъ вѣрны. Сирко, отсылая гетману письмо бея, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ ему, что бею дано слово быть съ Крымомъ въ миру не для чего иного, какъ для размѣна плѣнныхъ, но и то только до святого Георгія, а послѣ святого Георгія гетману будетъ дана вѣсть, и какъ гетманъ Сирку посовѣтуетъ, такъ онъ съ Крымомъ и поступить²⁾).

Узнавъ доподлинно о всѣхъ сношеніяхъ Сирка съ врагами русскаго царя, Самойловичъ, отправляя въ Сичь царскаго посла съ жалованьемъ войску низовыхъ козаковъ, приказалъ, для разузнанія дѣла, козаку полтавскаго полка, Ивану Красноперченку и товарищамъ его, собрать свѣдѣнія о всѣхъ намѣреніяхъ запорожцевъ. Прибывъ въ Сичь, Красноперченко и товарищи его узнали, что турецкій султанъ имѣетъ идти на Украину, что запорожцы готовы выступить противъ него; что съ крымскимъ ханомъ они будутъ держать перемиріе, ради окупа плѣнныхъ, только до святого Геор-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 505—508.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 560, 532, 537, 538.

гія; что Юрій Хмельницькій присылавъ въ Слѣхъ трехъ козаковъ, чтобы склонить запорожцевъ на свою сторону, но запорожцы въ томъ ему отказали, а во всемъ положились на государскую волю. Самъ Сирко призывалъ Красноперченка въ свой курень одного и спрашивалъ его о своей женѣ, дѣтяхъ и домѣ, потому что онъ, Иванъ Красноперченко, съ его женой «въ прежнія лѣта былъ воспреемникомъ». Призывалъ къ себѣ Сирко и Тишка Ганусенка, котораго гетманъ изъ Батурина къ Сирку посылавъ; тому Сирко, снявъ со стѣны Спасовъ образъ и поцѣловавъ его, говорилъ, что если онъ не вѣренъ царскому величеству и врагъ гетману, то пусть бы тотъ образъ побилъ и душу, и тѣло его ¹⁾).

Собравъ всѣ свѣдѣнія о Сиркѣ и усмотрѣвъ въ нихъ «явныя свидѣтельства» нерасположенія къ царю и вражды къ себѣ, гетманъ все-таки нашелъ нужнымъ ладить съ Сиркомъ, и для того, чтобы отвлечь его отъ злого намѣренія пересылокъ съ турками и Юріемъ Хмельницкимъ, опредѣлилъ послать ему увѣщательное письмо и удовольствоваться разными запасами. Въ письмѣ гетманъ совѣтовалъ кошевому и всѣмъ козакамъ не обольщаться обѣщаніями князя-чернеца о готовности его способствовать освобожденію плѣнныхъ товарищей ихъ; а болѣе всего не надѣяться на бусурманъ, которые и подданнымъ своимъ христіанамъ ни вольностей не даютъ, ни креста святого ставить на храмахъ, ни плѣнія божественнаго въ церквахъ, ни открытыхъ знаменій на себѣ творить не позволяютъ; а во время войны не для сраженій и воинскихъ дѣлъ, а только лишь для сооруженія мостовъ и для починки переправъ употребляютъ,—того же не было бы и запорожскимъ козакамъ. Въ заключеніе письма гетманъ извѣщалъ козаковъ, что онъ велѣлъ изготовить имъ въ Переволочнѣ 200 бочекъ муки, 40 бочекъ пшена, нѣсколько полтей ветчины, за которыми совѣтовалъ имъ, по прежнему обычаю, прислать въ Переволочну нѣсколькихъ товарищей своихъ ²⁾). О посылкѣ своего письма и о всѣхъ намѣреніяхъ Сирка гетманъ донесъ грамотою въ Москву, за что получилъ монаршую благодарность отъ царя ³⁾).

Между тѣмъ турецкій султанъ, не получая опредѣленнаго отвѣта отъ Сирка, рѣшилъ или, по крайней мѣрѣ, велѣлъ рас-

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 546—548.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 528, 549—552.

³⁾ Акты южной и западной Россіи XIII, 550, 566.

пустить слухъ о рѣшеніи своемъ послать часть войска турецкаго, числомъ 40.000 человекъ, на 40 каторгахъ къ Сичѣ и выше ея къ урочищу Кичкасу, чтобы здѣсь свой городъ устроить и отсюда надѣ Чигириномъ промыслеть чинить. Тогда Сирко снова заговорилъ съ крымцами о разбѣгѣ плѣнныхъ, взятыхъ уже не въ Лодыжинѣ, а въ Переволочнѣ, на что отъ крымцевъ новое предложеніе получилъ—быть съ Крымомъ въ миру, за что крымцы обѣщались по самый Кіевъ въ Днѣпрѣ своихъ лошадей не поить. Обо всемъ этомъ Сирко извѣстилъ гетмана своимъ письмомъ (мая 10 дня) и просилъ его прислать къ нимъ съ войскомъ сына своего, Семена Самойловича, для отпора враговъ. На письмо кошевого гетманъ совѣтовалъ запорожцамъ рѣшительно разорвать съ крымцами миръ, потому что они, какъ онъ подлинное извѣстіе имѣеть о томъ, намѣрены какимъ-нибудь способомъ все Запорожье снести. вмѣстѣ съ этимъ гетманъ извѣщалъ Сирка, что къ нему ѣдетъ нарочный царскій гонецъ, стольникъ Василій Перхуровъ, съ увѣщательскою грамотой отъ царя, дабы превратить козаковъ къ истинной царскаго величества вѣрности и къ единомыслию съ гетманомъ ¹⁾.

Царскій гонецъ дѣйствительно прибылъ въ Сичь, и, по обыкновенію, былъ принятъ въ ней съ приличными случаю почестями. Получивъ отъ стольника грамоту, кошевой, старшины и все товариство, трижды поклонились передъ ней въ землю и, испрашивая прощенія въ прежнихъ своихъ винахъ передъ царемъ, поклялись на этотъ разъ соблюдать вѣрность московскому царю, повиноваться малороссійскому гетману, размирился и начать военныя дѣйствія съ непріятелями. Самъ Сирко съ клятвой объявилъ гонцу, что онъ уже сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ къ Свѣтлой недѣлѣ всего войска въ Сичу и о немедленномъ выступленіи въ походъ. Высказывая вѣрность московскому царю и готовность къ войнѣ на непріятелей, Сирко и запорожцы тутъ же замѣтили, что въ Запорожьѣ слишкомъ «малоллюдно и голодно» и настаетъ большая надобность въ запасахъ и войскѣ: «Хотя бы малую часть русскихъ войскъ прислалъ государь для славы имени своего, но съ пушками, которыхъ нѣтъ въ Запорожьѣ, а гетманъ прислалъ бы полтавскій полкъ, тогда вмѣстѣ съ ними мы отправились бы воевать Крымъ». Кроме того, запорожцы по прежнему жаловались на гетмана за то, что онъ не отдаетъ имъ ни Келеберды,

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 590.

ни Переволочны; а кошевой, попережнему, просилъ государя прислать ему бунчукъ и знамя: «Безъ знамени государскаго ходить ему никуда невозможно, потому что слывуть они государскіе подданные». Въ бесѣдѣ съ царскимъ гонцомъ Сирко открылся даже, что ему самъ крымскій ханъ не совѣтовалъ отступать отъ московскаго государя: «Зачѣмъ вы ищите другого государя? Есть у васъ московскій государь, есть и гетманъ; одну сторону Днѣпра опустошили, хотите разорить и другую. Если турки завладѣютъ и этою стороною Днѣпра, то не только вамъ, но и Крыму будетъ плохо,—лучше повиноваться одному гетману, нежели преклоняться предъ многими» ¹⁾). На просьбу Сирка и запорожцевъ отвѣтили тѣмъ, что прислали въ Сичь царское денежное жалованье, пушки, свинецъ и царское знамя, и также полтавскій полкъ козаковъ съ видимою цѣлью помогать запорожцамъ въ борьбѣ противъ непріятелей, но въ дѣйствительности наблюдать за ихъ дѣйствіями.

Съ этихъ поръ Сирко всѣ свои сношенія съ непріятелями рѣшительно разорвалъ. Юня 10 дня гетманъ Самойловичъ писалъ литовскому гетману Пацу, что кошевой Сирко и все войско низовое должную къ монарху христіанскому вѣру свою додерживаютъ и къ регименту гетманскому непремѣнную склонность сохраняютъ, о чемъ черезъ своихъ посланныхъ по должности своей вѣдомость чинятъ. И точно. Оставивъ въ Сичи наказного атамана Шиша, Сирко съ товариствомъ спустился на Низовье Днѣпра и сталъ поджидать тамъ непріятелей. Юля 12 дня надъ днѣпровскимъ лиманомъ, противъ урочища Краснякова, въ устьѣ рѣчки Корабельной, кошевой разбилъ нѣсколько ²⁾ турецкихъ каторгъ и корабельныхъ, съ хлѣбомъ и запасами, судовъ, которыя шли подъ начальствомъ каторжнаго паша къ Очакову и Кызыкерменю, откуда паша имѣлъ направить запасы сухимъ путемъ къ басурманскимъ войскамъ. Сирко сдѣлалъ это тотчасъ по пріѣздѣ ³⁾ въ Сичь царскаго гонца Василя Перхурова, передъ которымъ онъ хотѣлъ показать свою преданность царю; изъ всѣхъ турецкихъ судовъ, по словамъ самого Сирка, спаслось только одно съ царусами и съ нѣсколькими людьми, о чемъ кошевой извѣщалъ гетмана черезъ козака Игната Уфедя, пославъ черезъ него

¹⁾ Архивъ мин. инстр. дѣлъ, малор. дѣла, 1678, № 2.

²⁾ У Величка означено 40 судовъ: Лѣтопись, 429—464.

³⁾ Это былъ второй пріѣздъ стольника Василя Перхурова.

турскаго языка, а также семь пушекъ и двадцать знаменъ. Оставивъ кошъ съ ясыремъ въ Кардашинѣ надъ Днѣпромъ, Сирко, желая опередить турокъ, шедшихъ изъ-подъ Чигирина, двинулся къ Бугу, къ заставѣ и турецкому мосту; мостъ тотъ сжегъ, заставу разгромилъ, много усталыхъ, голодныхъ и раненыхъ мусульманъ истребилъ, а христіанскихъ плѣнниковъ изъ неволи вызволилъ, и всѣмъ этимъ многихъ татаръ заставилъ вернуться изъ похода въ Крымъ ¹⁾.

Однако, геройскій поступокъ Сирка не спасъ Украины отъ бѣды: въ то время, когда Сирко громилъ татаръ на Днѣпрѣ, въ это самое время (августа 11 дня) русскіе ратники и украинскіе козаки понесли пораженіе и отступили отъ Чигирина. Паденіе Чигирина произвело сильное впечатлѣніе на украинцевъ и потому немудрено, что современники стали винить въ этомъ князя Григорія Ромодановскаго и гетмана Ивана Самойловича. Лѣтописецъ Самоилъ Величко объясняетъ, не утверждая, однако, положительно, неудачу русскихъ и украинцевъ подъ Чигириномъ во время второго чигиринскаго похода турокъ бездѣятельностью гетмана Самойловича и князя Ромодановскаго: Ромодановскій боялся нападать на турокъ, будто бы, потому, что въ ихъ рукахъ находился его сынъ, князь Андрей Ромодановскій, взятый въ плѣнъ десять лѣтъ тому назадъ. Турецкій визирь угрожалъ князю, что если онъ осмѣлится помѣшкать ему взять городъ Чигиринъ, то получитъ въ подарокъ облупленную и набитую соломой кожу съ головы плѣннаго сына его. Самойловичъ же, «знююхавшись съ княземъ и слѣдуя его волѣ», вовсе не сочувствовалъ рвенію козаковъ къ войнѣ съ турками и проигралъ успѣхъ войны. Но едва-ли этому обвиненію Величка можно придавать серьезное значеніе: ни предшествующее, ни дальнѣйшее поведеніе князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго не даютъ никакого основанія заподозрѣвать его вѣрность русскому престолу; тѣмъ болѣе, что сынъ его находился въ рукахъ татаръ, въ Бахчисараѣ, а не въ рукахъ великаго визиря. Самый же неуспѣхъ русскихъ и украинцевъ подъ Чигириномъ объясняется неумѣньемъ и медлительностью со стороны князя и гетмана, а не измѣною ихъ и какою-то непонятною злобою къ

¹⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 666, 694, 697; Величко относитъ разореніе и сожженіе Сиркомъ моста на Бугѣ къ первому чигиринскому походу (II, 452), но изъ современныхъ событію актовъ видно, что это было во второмъ чигиринскомъ походѣ.

Чигирину. Такъ же нужно смотрѣть и на укоръ кошевого Сирка по адресу гетмана Самойловича. Сирко, подъ вліаніемъ страсти и гнѣва, возмущенный вѣстью о паденіи Чигирина, написалъ Самойловичу слѣдующее, исполненное жестокихъ и большаго частью незаслуженныхъ укоризнъ и насмѣшекъ, письмо:

«Вельможный мосце пане гетмане тогочный украинскій малороссійскій, Іоанне Самойловичъ. Послѣ кончины славно памятнаго, добраго нашего гетмана, Богдана Хмельницкаго, по истинѣ дорогаго отчизнѣ своей малороссійской сына, когда стали являться частые и непостоянные гетманы, и когда, черезъ дѣйствія враждебныхъ сосѣднихъ монарховъ (что ясно изъ андрусовскихъ постановленій 1667 года), единая Малая Россія, наша бѣдная отчизна, раздѣлилась пополамъ, сперва на два гетманства, начавъ отъ полтавскаго Пушкаря и переяславскаго Сомка, потомъ черезъ Ханенка уманскаго, на три гетманства, и, вслѣдствіе постоянныхъ междоусобій, достаточно обагрилась кровію нашей братіи; тогда мы, войско низовое запорожское, тотъ же часъ перспективою нашего ума здалека усмотрѣли и поняли наступавшій упадокъ и всеконечное запустѣніе отчизны нашей малороссійской. Въ дѣйствительности оно такъ и сталося съ вашей гетманской антецесоровъ, тогочныхъ гетмановъ, ласки. Смотри издалека окомъ нашего разума на этотъ приближавшійся упадокъ отчизны, мы нигдѣ не могли безъ сердечнаго сожалѣнія вкусить хлѣба и отпочить спокойно послѣ трудовъ дневныхъ, потому что насъ постоянно беспокоило и одолѣвало то, что, вслѣдствіе войны и непріязни обостороннихъ Днѣпра гетмановъ, приходилось намъ полными слезъ глазами смотрѣть на пустую и мертвую Малую Россію, матку нашу, и вмѣсто богатыхъ жилищъ отцовъ и праотцевъ нашихъ видѣть жилища дикихъ звѣрей. Желая предупредить это по мѣрѣ силъ нашихъ, мы письмами нашими и усовѣщевали и убѣждали сегобочныхъ гетмановъ, чтобы они, для общаго отеческаго добра, отринули всѣ циркумстаціи войнъ и непріязни и оставались бы въ пріязни и згодѣ съ сегобочными гетманами, антецесорами вашими и отнюдь не склонялись бы на обманчивыя польскія приманки и общанія. Однако, всѣ наши доводы мало имѣли дѣйствія, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше между гетманами обѣихъ сторонъ вражда и злоба возростала и чрезъ ихъ междоусобныя войны нашу братію искореняла. И хотя всѣ тѣ прошлые гетманы наружно показывали себя усердными устроителями и опекунами отчизны нашей,

однако каждый изъ нихъ скрытно и безъ всякой совѣсти, съ немалымъ ущербомъ для отчины и съ погубленіемъ подчиненнаго ему христіанскаго народа, ради исполненія своего властолюбія и ненасытныхъ афектовъ (желаній), больше старался забрать воды на свои лотаки (мельничныя колеса) и затѣмъ до тѣхъ поръ сушилъ свою голову такимъ неспасительнымъ ремесломъ, пока, вмѣстѣ съ урядомъ своимъ, вовсе не терялъ ее, съ немалымъ для отчины бѣдствіемъ. Послѣ всего этого, не удивляйся, ваша вельможность, войску запорожскому, если намъ пришлось, послѣ случившагося збуренія турчиномъ Чигирина, Канева и всѣхъ остальныхъ сегобочныхъ городовъ и селъ украинскихъ малороссійскихъ, и тебя записать въ реестръ прошлыхъ, не особенно усердныхъ къ отчинѣ нашей, гетмановъ; ибо, зная, какое вниманіе и готовность къ оборонѣ отъ турокъ оказалъ ты на слезныя суплѣкаціи (просьбы) лодыжинцамъ, уманцамъ и жителямъ другихъ городовъ и повѣтовъ, не иначе можемъ и разумѣть о вась, мосце пане, какъ сказали выше. И точно, вмѣсто военнаго похода и обѣщанія обороны лодыжинцамъ и уманцамъ ты, счастливо назадъ отъ Лысянки повернувши и предоставивши дѣло однимъ братьямъ нашимъ, добрымъ и отважнымъ рыцарямъ, за здравіе отчины и Лодыжина свой животъ тамъ утратившимъ, ты вмѣсто ширости своей дырку Мурашкою заткнулъ ¹⁾, а самъ, яко журавель на купинѣ стоящій, издалека черезъ Днѣпръ смотрѣлъ до Лодыжина и Уманя, что тамъ будетъ твориться, обгородившись хорошо наметными стѣнами, для защиты своего здоровья, чтобы оттуда не залетѣла по вѣтру пуля какаѣ и твоему здоровью, въ роскошныхъ перинахъ, какъ павѣ въ краснопестромъ перѣ, не причинила ущерба. О нещирости же вашей къ Чигирину мы уже и не пишемъ вамъ, когда не только мы, войско низовое запорожское, но и весь великороссійскій и малороссійскій свѣтъ ясно то видѣть можетъ, что онъ, съ прочими городами и украинскими селами, погибъ черезъ вашу съ княземъ Ромодановскимъ нещирость и незичлиность и окончилъ дни свои полнымъ запустѣніемъ съ премногимъ пролитіемъ христіанской крови и съ погубленіемъ истой братіи нашей, ибо какаѣ могла быть къ Чигирину пріязнь ваша,

¹⁾ Намекъ на охотничкаго полковника Мурашку, котораго гетманъ вмѣсто себя къ Лодыжану послалъ и который страшною смертію отъ турокъ погибъ. Величко, Лѣтопись, II, 353.

когда у васъ издавна сильная злоба къ нему была? И если прежде вы, ваша мосць, не стыдились на Дорошенка и на Чигиринъ со своимъ и съ московскимъ войскомъ приходить и открыто воевать его, то какъ могли вы устыдиться, чтобы не оборовять и препятствовать паденію его? Объясни же теперь, пане гетмане Самойловичъ, что доказалъ ты, какую услугу Богу и отчизнѣ сдѣлалъ: Дорошенка въ непрестанную неволю заслалъ, Чигиринъ со всею сегобочною Украиною потерялъ, многому множеству крови христіанской напрасно пролиться допустилъ и послѣ такого мнимаго благополучія обѣихъ сторонъ гетманомъ титуловаться сталъ. Что же тебѣ отъ той запустѣлой сегобочной стороны? Разсмотри, какого ты чаешь отъ нея пожитка и обогащенія. Намъ кажется, что лучше было бы вамъ двоимъ быть на обѣхъ сторонахъ гетманами и жить, какъ братьямъ, въ любви и единомысліи, чрезъ что вы были бы и непріятелямъ страшны, и въ корыстяхъ своихъ Рѣчи Посполитой украинской всегда умножались бы. Теперь же ты настоящій погубитель Чигирина и остатка сегобочной Украины, потому что если бы ты не добывалъ и не взялъ его, вмѣстѣ съ Дорошенкомъ, подъ свою власть, то и турчинъ не приходилъ бы добывать его. А впослѣдствіи, черезъ разумныя медіанусы, могла бы и вся сегобочная Украина отъ турецкой власти, безъ всякаго кровопролитія, подъ высокую руку православнаго монарха съ Дорошенкомъ приклониться и тебя какъ единаго пастыря знать; но ты такъ ожесточился на Дорошенка и на всю сегобочную Украину, что и мало не хотѣлъ обождать до такого счастливаго времени. А нынѣ дождался крайняго упадка и запустѣнія отчизны нашей и уже теперь гимны, сложенные Дорошенку, тебѣ суть приличны, потому что за тебя, гетмана Самойленка, вконецъ опустѣла сегобочная Украина, за что дашь отвѣтъ передъ Богомъ всевидящимъ. Твоему разуму показался лучшимъ одинъ человекъ, сынъ князя Ромодановскаго, нежели тысячи братіи нашей, христіанъ православныхъ, великороссійскихъ и малороссійскихъ, оставленныхъ, безъ должной помощи твоей, на убіеніе бусурманамъ въ Чигиринѣ, Каневѣ и другихъ мѣстахъ. Кто тутъ слѣпотѣ твоего ума не удивится? Кто, разсмотрѣвши такое жестокосердіе твое, можетъ съ пріязнью и зичливостью приклониться къ тебѣ? И если кровь одного праведнаго Авеля вопіяла отъ земли до Бога объ отмщеніи Каину, то, какъ ты думаешь, не будетъ-ли пролитая по твоей причинѣ кровь премногихъ христіанъ скаржитися на тебя и про-

силь справедливости у Господа Создателя, Судии праведнаго? Знай хорошо, что вскорѣ постигнетъ тебя то, о чемъ и не мыслишь, и ты кровію своею и чадъ своихъ заплотишь кровь братіи нашей; за погубленіе многой братіи нашей неожиданное на домъ твой найдетъ губительство. Богатства твои, которыя ты уже собралъ и думаешь еще собрать, въ день гнѣва божія не помогутъ тебѣ, ибо одна правда избавляетъ мужа отъ смерти. Они перейдутъ въ руки не трудившихся, и ты останешься сирымъ и бѣднымъ, и какъ по твоей винѣ отчизна наша сегобочная малороссійская запустѣла, такъ и домъ твой возносящійся запустѣетъ и въ жилищахъ твоихъ живущаго не будетъ; ею бо мѣрою мѣрилъ еси, тоею возмѣрится, по неложному глаголу евангельскому. Излагая все это вслѣдствіе сердечнаго сожалѣнія о постигшихъ бѣдствіяхъ и крайнемъ упадкѣ отчизны нашей малороссійской, сегобочной Украйны, мы вмѣсто благополучія поздравляемъ тебя, желая, чтобы ты чрезъ тотъ упадокъ очнулся и, остерегаясь своего паденія, искалъ бы милости божіей для вѣчнаго живота и благополучія, невозбранно подаваемой всѣмъ просящимъ и ищущимъ ее, усердно прося которой и для себя, остаемся вашей вельможности зичливые пріятели и братія, Иванъ Сѣрко, атаманъ кошовій зо всѣмъ товариствомъ войска низоваго запорожскаго. Зъ Сичи запорожской, септемврія 25, року 1678» ¹⁾).

Отступивъ отъ Чигирива и переправившись черезъ Днѣпръ, Кара-Мустафа отдалъ приказаніе, въ виду того, чтобы прекратить запорожцамъ выходъ въ Черное море, вновь возвести на устьѣ Днѣпра три крѣпости: на правомъ берегу Днѣпра—Кызыкермень, на островѣ среди Днѣпра, противъ Кызыкерменя, Таванъ и на лѣвой или крымской сторонѣ, при самомъ берегу рѣки, Арсланъ или Асланъ. Между этими городами велѣно было протянуть желѣзныя цѣпи черезъ Днѣпръ и его лѣвыя рукава для того, чтобы загородить путь козакамъ къ морю и соляннѣмъ ямамъ; къ цѣпямъ прикрѣпить маленькіе колокольчики, чтобы слышать, когда запорожцы будутъ своими лодками въ цѣпи ударять. Возведеніе этихъ крѣпостей поручено было главному надзирателю всѣхъ строеній, Мимай-агѣ; защита же работниковъ поручена была Капланъ-папѣ съ шестью янычарскими полками. Но едва строители начали возведеніе крѣпостей, какъ на нихъ напалъ Иванъ

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 467.

Сирко съ 15.000 человекъ запорожцевъ. Сперва онъ побилъ татаръ, забравъ у нихъ скотъ и лошадей; потомъ напалъ на турокъ-работниковъ и янычаръ-охранителей, работниковъ изрубилъ, а янычаръ разогналъ. Дѣятельную помощь въ этомъ случаѣ оказала Сирку царскій стольникъ Василій Перхуровъ съ московскими ратными людьми ¹⁾).

Осенью того же года Сирко черезъ своихъ пословъ Прокопа Голоту и Андрея, калмиболотскаго куреня козака, извѣщалъ гетмана, что крымскій ханъ прислалъ къ кошевому посла съ просьбой заключить на три мѣсяца для окупа плѣнныхъ съ нимъ миръ, а главнымъ образомъ, для отысканія знатнаго аги Мустафы. По той просьбѣ Сирко отправилъ къ хану своего толмача, черезъ котораго узналъ, что ханъ, по приказу султана, имѣетъ въ заднѣпровскую Украину, для соединенія съ Хмельниченкоу, выходить и тамъ промыслъ свой чинить; теперь же кошевой предлагаетъ гетману въ замѣнъ знатнаго аги взять изъ плѣна боярскаго сына Андрея Ромодановскаго или же вмѣсто него потребовать 40.000 ефимковъ съ татаръ за выкупъ Мустафы-аги. На письмо Сирка гетманъ отвѣчалъ листомъ, что, видя искреннее желаніе къ православному монарху и доброе расположеніе къ нему, региментарю своему, онъ донесъ пресвѣтлому монаршему престолу о службѣ и благихъ дѣлахъ Сирка, а на счетъ знатнаго турчина, взятаго въ плѣнъ, совѣтовалъ ему за малый окупъ его не изыбывать; если же его почему-либо въ Сичи неудобно держать, то лучше было бы къ нему, гетману, прислать. Подавая попрежнему добрый совѣтъ Сирку отнюдь ни туркамъ, ни Хмельниченку не довѣрять, гетманъ съ тѣмъ вмѣстѣ писалъ ему, что, не смотря на запрещеніе царя больше 10 человекъ запорожскихъ посланцевъ посылать въ Москву, гетманъ на этотъ разъ позволилъ идти, по прошенію Сирка, 50-ти козакамъ, «дабы великій государь, взирая на ваши труды, въ вашемъ челобитѣи явилъ вамъ милость свою». Въ слѣдъ за отбытіемъ запорожскихъ пословъ въ Москву, къ гетману пришло извѣстіе отъ Сирка, что крымскій ханъ «подъ государскіе города» войной идетъ ²⁾).

Въ 1679 году, въ воздаяніе подвиговъ прошедшаго года, царь

¹⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 170; Б.-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, II, 162; Самовидецъ, Лѣтопись, Кіевъ, 1878, 148.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, XIII, 700—703, 748; VIII, 34.

Федоръ Алексѣевичъ послалъ въ Сичь козакамъ милостивое жалованье: 2 пушки, 200 ядеръ, 50 пудовъ пороху, 50 пудовъ свинцу, 500 червонцевъ, 170 половинокъ сукна; кромѣ того, особо кошевому Сирку: двѣ пары соболей добрыхъ, два сорока соболей, два бархата червчатыхъ, два сукна—одно малиноваго, другое червчатого цвѣта по пяти аршинъ длины, атласа гладкаго и камки по 10 аршинъ длины ¹⁾.

Въ этомъ же году разнеслась вѣсть о томъ, что султанъ, желая отмстить запорожцамъ и Сирку за разореніе турецкихъ крѣпостей при устьѣ Днѣпра, а также за истребленіе 13.500 чело-вѣкъ янычаръ въ 1674 году въ самой Сичи, рѣшилъ уничтожить гнѣздо козаковъ, Сичу, и для этого послалъ пашу Кара-Мухаммада съ войскомъ вверхъ по Днѣпру ²⁾. Сирко, узнавъ о приближеніи къ Чортомлыку Кара-Мухаммадъ-паши и не надѣясь на силы козаковъ, перенесся изъ Сичи на урочище Лободиху, между острововъ. Турки приблизились къ Сичѣ всего лишь на одинъ переходъ ³⁾. Въ это время царь Федоръ Алексѣевичъ, узнавъ объ опасности, угрожавшей Сирку и козакамъ, отправилъ, для обезпеченія южныхъ границъ, большую конную и пѣшую рать, подъ начальствомъ Якова Корецкаго, на Запорожье въ помощь Сирку, чтобы кошевой соединенными силами могъ туркамъ и татарамъ «противиться». Но врагъ, провѣдавъ о томъ, «ужаснулся и аки нѣкая змія, устрешенная, спряталъ свою гордую главу» ⁴⁾. Въ этомъ же году разнеслась было вѣсть о томъ, будто Сирко убилъ измѣнника русскому царю Юрія Хмельниченка, но то оказалось одною лишь молвой ⁵⁾. Напротивъ того, самого Сирка въ это время покушался зарѣзать какой-то татарскій мурза, но кошевого предупредилъ одинъ запорожскій козакъ, и раздраженный Сирко убилъ мурзу ⁶⁾.

Гетманъ Иванъ Самойловичъ, узнавъ объ опасности, угрожавшей Сичѣ отъ турокъ, написалъ Сирку письмо съ готовностью помогать ему противъ враговъ; на то письмо кошевой и козаки

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1679, № 4; Б.-Каменскій, Исторія Малой Россіи, II, прим. стр. 29.

²⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 170.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, V, 155.

⁴⁾ Лѣтописецъ Леонтія Боболинскаго, Кіевъ, 1854, 315.

⁵⁾ Ригельманъ, Лѣтопись, Москва, 1847, II, 171.

⁶⁾ Вантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, II, 168.

отвѣчали ему своимъ листомъ. Они благодарили гетмана за высказанное сочувствіе, но отклонили предложеніе его о помощи имъ: «Если вы, ваша вельможность, станете беспокоить вашу гетманскую особу съ такою пріязнью и усердіемъ, какую выказали у Лодыжина, Уманя, Чигирина, Канева и другихъ украинскихъ сегобочныхъ городовъ и повѣтовъ, то лучше вамъ оставаться въ собственномъ домѣ и не смотрѣть на наше паденіе сблизка, какъ смотрѣли вы безпечально на паденіе Чигирина; а мы поручаемъ себя всемогущей божіей защитѣ и сами будемъ, при всесильной помощи божіей, промышлять о своей цѣлости, въ случаѣ прихода непріятелей»¹⁾.

Это было писано апрѣля 6 дня, а мая 29 дня коломацкій сотникъ Остафій Подерня въ своемъ листѣ къ ахтырскому полковнику Федору Сагуну писалъ, что въ этотъ день ѣхали черезъ Коломакъ²⁾ орельскіе да сѣрковскіе козаки и сказывали ему, Остафію: «Посыланы-де изъ Запорожья, изъ Сѣчи, отъ кошевого атамана Ивана Сѣрка во всѣ города листы о томъ, что бусурмане хотѣли учинить съ нимъ миръ и не учинили»³⁾.

Спустя два мѣсяца послѣ этого извѣстія Сирка уже не стало въ живыхъ.

«Того жъ лѣта, августа перваго числа, представился отъ жизни сей, черезъ нѣкоторое время послѣ болѣзни, въ Грушевкѣ, въ пасѣкѣ своей, славный кошевой атаманъ, Иванъ Сѣрко. Препровожденный водою до запорожской Сичи, онъ погребенъ былъ честно всѣмъ войскомъ низовымъ запорожскимъ въ полѣ, за Сичею, противъ московскаго окопа, гдѣ погребалось и другое запорожское товариство. Хоронили его знаменито августа 2 дня со мноюю арматною и мушкетною стрѣльбою и съ великою отъ всего низового войска жалостью, какъ прилично оказывать то такому справному и счастливому вождю, который съ молодыхъ лѣтъ и до старости своей, пробавляясь военными промыслами, не только удачно Крымъ воевалъ и пожегъ въ немъ многіе города и не только въ дикихъ поляхъ, по разнымъ мѣстамъ, татарскіе загоны громилъ и христіанскихъ полоняниковъ отбивалъ, но, выплывая въ Черное море лодками, въ разныхъ мѣстахъ не малая шкоды и разоренія бусурманамъ чинилъ, а по самому морю корабли и каторги, плывшіе изъ Константинополя въ Крымъ, Азовъ и другія

1) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 489—493.

2) Коломакъ—слобода харьковской губ., валковскаго уѣзда.

3) Филаретъ, Историко-стат. опис. харьков. еп., Москва, 1857, II, 263.

мѣста, разбивалъ и съ великою добычею счастливо съ запорожскимъ войскомъ до Коша возвращался. Все войско его любило и за отца своего почитало. Похоронивши же его, какъ выше сказано, съ жалостію великою, знатную надъ нимъ насыпали могилу и на ней каменный крестъ поставили съ надлежащимъ именемъ и надписомъ его дѣяній»¹⁾).

Гетманъ узналъ о смерти Сирка изъ письма къ нему новаго кошевого атамана Ивана Стягайла, который, извѣщая Самойловича о кончинѣ Сирка, съ тѣмъ вмѣстѣ сообщалъ, что войско запорожское, гуляя на Азовскомъ морѣ, разгромило турецкій корабль на немъ, девять человѣкъ турокъ взяло въ плѣнъ, а остальную, большую, часть потопило въ морѣ.

«Если жизнь людей находится въ рукахъ Бога, то по волѣ его терминъ смерти беретъ всякаго человѣка со свѣта; такимъ способомъ августа перваго числа, пришедшій смертельный часъ взялъ отъ животнаго мѣшканія, наполнивъ насъ жалостію, и пана Ивана Сирка; тѣло его несчастнаго послѣ его страданій, мы похоронили, по обычаю христіанскому и набожному обряду церковному, въ полѣ, при Кошѣ, августа 2 дня. А сами, оставаясь въ неотмѣнной и вѣрной службѣ нашему государю, его царскому пресвѣтлому величеству, готовимся все войско собрать на Кошъ для приведенія въ надлежащій порядокъ Запорожья, чтобы быть всегда готовыми на всякую царю услугу. При этомъ извѣщаемъ вельможность твою, что послѣ смерти небожчика (Сирка) наше запорожское товариство, будучи на Азовскомъ морѣ, августа 8 дня, турецкій корабль громило: большую часть людей его побилло, а девять человѣкъ неприятелей до Коша привело; послѣдніе намъ объявили, что ни отъ татаръ, ни отъ турокъ никакой войны на нашего государя и на Украину не будетъ, потому что (мусульмане) завелись войной съ французскимъ королевствомъ. Для того всѣ турецкія каторги (морскія суда) изъ Чернаго моря и отъ Константинополя пошли въ Бѣлое (Мраморное) море; только и осталось четыре каторги, которыя пошли, да и то ненадолго, съ казной въ Азовское море. Оттого же ни на Дунаѣ, ни на Днѣстрѣ, нигдѣ нѣтъ турецкихъ войскъ; только въ Крыму носятся вѣсти, будто орда весной двинется на Украину. Узнали мы и о томъ, что царское пресвѣтлое величество съ найяснѣйшимъ королемъ польскимъ хотя и братски живутъ,

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 497—498.

но не смакуютъ и на ляховъ ропщутъ. Что до того, что мы не посылаемъ нашихъ посланцевъ до великаго нашего государя, то это происходитъ отъ того, что наше товариство ни съ поля, ни съ воды до сихъ поръ не явилось къ намъ, а если, дастъ Богъ, съ ихъ приходомъ, мы получимъ какую-нибудь вѣсть о непріятеляхъ, то въ тотъ же часъ пошлемъ сказать о томъ царскому пресвѣтлому величеству. А такъ какъ твоя вельможность обѣщала намъ испросить ласку у великаго государя, то просимъ уторовать (проторить) напередъ для этого дорогу. Съ этими прописанными вѣстями посылаемъ до твоей вельможности нашихъ товарищей Кузьму съ Семеномъ Ганженкомъ и при нихъ одного изъ взятыхъ невольниковъ, волошина, который все также хорошо знаетъ, какъ и тѣ турки, и также, какъ они, расскажетъ; мы сами сперва его допросили, а потомъ то же самое отъ другихъ слышали. Прося взаимно извѣстить насъ о движеніи войскъ его царскаго пресвѣтлаго величества съ войскомъ твоей вельможности и возможно скорѣй возвратитъ намъ назадъ нашего посланца, желаемъ твоей вельможности отъ Господа Бога имѣть многолѣтнее здоровье и счастье въ помыслахъ, а себѣ ласки твоей до насъ. Вельможности твоей зичливые пріатели и нижайшіе слуги Иванъ Стягаило, атаманъ кошовій войска его царскаго пресвѣтлаго величества, запорожскаго низового, со всѣмъ товариствомъ. Въ Коша, августа 10, року 1680» 1).

Въ Москвѣ о смерти Сирка узнали въ сентябрѣ того же года по приѣздѣ запорожскихъ пословъ, полковника Щербины и бывшаго писаря Быховца. Въ тайномъ разпросѣ писарь Быховецъ 2) о послѣднихъ годахъ жизни Сирка сказалъ слѣдующее:

«Когда Сирко былъ кошевымъ, то отъ него никакого добра великому государю не было; а говорить ему явно никто о томъ не смѣлъ, потому что всѣ его, или вслѣдствіе поущенія божія, или вслѣдствіе хитрости какой, чрезмѣрно боялись, и что онъ было задумаетъ, то и сдѣлаетъ, а еслибъ кто не захотѣлъ его слушаться, того тотъ часъ бы убили, потому что въ кругу у насъ всякому вольность, и если бы на кого Сирко что-нибудь затѣялъ, то безъ всякаго розыска тутъ же и смерть тому была. Сирко не хотѣлъ добра великому государю, во-первыхъ, за то, что былъ въ ссылкѣ въ Сибири; во-вторыхъ, за гетмана, отъ котораго Сирку, его женѣ и дѣтямъ тѣснота и обида великая была и который отнялъ

1) Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 498.

2) Иначе называется Быховецкимъ и Быхоцкимъ.

у Запорожья маетности и промыслы и не присылалъ запасовъ. Были къ Сирку посылки отъ польскаго короля, чтобъ онъ ему служилъ, и кошевой началъ думать, какъ бы въ Украинѣ сдѣлать кровопролитіе. Послышавъ объ этомъ намѣреніи, король прислалъ къ нему изъ Бѣлой-Церкви попа; Сирко черезъ этого попа обнадежился, послалъ къ королю сына своего и съ нимъ сотню козаковъ, отзываясь съ вѣрною службою и съ такимъ замысломъ, чтобъ король навелъ хана съ ордою на слободскіе украинскіе города, а свои войска послалъ по Задесенью; Сирко же въ это время подъ королевскимъ знаменемъ пойдетъ также къ слободскимъ городамъ, и когда малороссійскіе жители увидятъ на себя такую тѣсноту, а про Сирка услышатъ, что онъ служитъ королю, то начнутъ бунтъ, убьютъ гетмана, а Сирка провозгласятъ гетманомъ, обнадеживаясь на то, что онъ черезъ польскаго короля отъ турокъ и татаръ дастъ имъ покой. Сила божія не допустила этого намѣренія до совершенія, мы съ судьей Яковомъ Константиновымъ поработали тутъ Богу и послужили вѣрно великому государю, до злого намѣренія Сирка не допустили, не дали ему съ Крымомъ договориться, чтобъ быть подъ обороною турецкаго султана. Съ этихъ поръ Сирко пришелъ въ отчаяніе, что не могъ исполнить своего намѣренія и началъ хворать; заболѣлъ у него лѣвый бокъ, отчего сталъ чрезмѣрно худъ. Во время болѣзни войскомъ не занимался, а постоянно жилъ въ пасѣкѣ своей, которая отъ Сѣчи въ десяти верстахъ въ днѣпровыхъ заливахъ со всякими крѣпостями. Войско стало негодовать, но онъ говорилъ козакамъ: «Слушайте меня, я человекъ старый и воинскій, знаю, что въ какое время дѣлать, и такъ вы добрыхъ молодцовъ растеряли, что безъ моего совѣта посылали ихъ въ степь». Король присылалъ къ нему волоха, именемъ Апостольца, который всякими тайными разговорами приводилъ его къ исполненію вышеобъявленныхъ злыхъ дѣлъ; мы съ судьей узнали объ этомъ отъ Апостольца, который началъ намъ говорить, чтобъ мы слушались стараго воина Сирка, что намъ прикажетъ исполняли бы. Мы спрашивали у Сирка, зачѣмъ пріѣхалъ Апостолецъ, но онъ намъ не объявилъ, только вычиталъ свои и войсковыя обиды. Незадолго передъ смертью Сирко велѣлъ себѣ сдѣлать гробъ и въ немъ ложился, говорилъ, что прежняго здоровья себѣ не чаеть, и августа 1 дня умеръ въ своей пасѣкѣ скоропостижно» ¹⁾).

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XIII, 274.

Произнесенный надъ свѣжей могилой Сирка судъ, сдѣланный самымъ вліятельнымъ въ Запорожьѣ лицомъ и, повидимому, очень близкимъ къ кошевому человѣкомъ, можетъ служить исходною точкою для оцѣнки всей дѣятельности знаменитаго кошевого низовыхъ козаковъ. Прежде всего нужно замѣтить то, что Сирко былъ человѣкъ безусловно честный, не запятнавшій себя ни корыстолюбіемъ, ни алчностью, ни продажностью; что онъ былъ человѣкъ простой и доступный въ обхожденіи, чуждый всякаго чванства и надменности, каковыми всѣми качествами представлялъ изъ себя полную противоположность своему противнику, гетману Самойловичу ¹⁾. Затѣмъ, нужно сказать и то, что Сирко былъ истинный патріотъ, безпредѣльно и свято любившій свою родину, подъ которой онъ разумѣлъ не только Запорожье, но и всю вообще Малороссію, не исключая слободской Украйны: за родину онъ всю жизнь, не покладая своихъ рукъ, сражался; ради нея онъ личными интересами пренебрегалъ, ни отдыха, ни покоя не зналъ, всякія опасности на войнѣ ни во что ставилъ; ради нея же, а не ради личныхъ выгодъ и капризовъ, переходилъ отъ одного государя къ другому, отъ русскаго царя къ польскому королю, отъ польскаго короля — къ турецкому султану или крымскому хану. Любя свою родину, не щадя за нее ни силъ, ни здоровья, Сирко хотѣлъ видѣть ее свободной и ни отъ кого независимой. Въ этомъ отношеніи для Сирка былъ всякъ врагъ, кто только стремился наложить свою руку на вольности низовыхъ козаковъ. Конечно, изъ всѣхъ сосѣднихъ запорожцамъ державцевъ симпатіи Сирка всегда направлены были къ русскому царю, православному и соплеменному государю, и если Сирко говорилъ и клялся, что онъ вѣрно служить московскому царю, то это въ сущности и было такъ. Но, служа царю и симпатизируя ему, Сирко все же не хотѣлъ поступиться передъ нимъ ни личной свободой, ни политической независимостью всего Запорожья. Однако, не будучи въ состояніи идти въ этомъ отношеніи прямымъ путемъ, Сирко принужденъ былъ избирать пути окольные и нерѣдко метаться изъ стороны въ сто-

¹⁾ Самойловичъ въ особенности былъ жаденъ къ деньгамъ и, по выраженію малороссійскаго лѣтописца, собиралъ свои скарбы всякими способами; послѣ его паденія у него нашлось множество золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, четвертинъ, братинъ, блюды, кружки, поясовъ, жемчуга, драгоценныхъ перстней и тому подобныхъ вещей: Карновичъ, Замѣчательныя богатства въ Россіи, Спб., 1885, 228.

рону, хвататься то за одно, то за другое средство, простирать свои взоры то къ одному, то къ другому изъ сосѣднихъ государей, чтобы только заручиться помощью одного противъ другого и тѣмъ спасти «дорогую матку» Сичу и сохранить свою свободу и независимость, которая, по словамъ самихъ запорожцевъ, казалась имъ милѣе всего на цѣломъ свѣтѣ и была столь же имъ необходима, какъ птицѣ необходимъ воздухъ, а рыбѣ необходима вода. Сирко, какъ самый дальновидный изъ своихъ современниковъ челоуѣкъ и какъ челоуѣкъ, взлелѣянный на свободѣ, любившій свободу выше собственной жизни, политическимъ идеаломъ своимъ считалъ полную независимость и полную неприкосновенность Запорожья, и въ этомъ смыслѣ дѣйствовалъ всю свою жизнь. Онъ махалъ своей саблей на всѣ на четыре стороны, какъ сказочный богатырь, защищая рыцарскую честь, православную вѣру и полную независимость, дѣйствуя противъ всѣхъ, кто выступалъ врагомъ свободы, и за всѣхъ, кто стремился къ ней. Оттого мы и видимъ Сирка почти одновременно сражающимся и противъ короля, и за короля, дѣйствующимъ и въ пользу царю, и во вредъ его, воюющимъ и противъ мусульманъ, и иногда, заодно съ мусульманами. Въ этомъ нѣтъ ни вѣрности кому бы то ни было, ни измѣны, а есть только страстное желаніе сохранить политическую независимость украинскаго и запорожскаго народа. Исходя изъ этой точки зрѣнія, едва-ли можно заподозрить показанія войскового писаря Быховца относительно замысловъ Сирка въ послѣдніе годы его жизни: Сирко дѣйствительно могъ придти къ мысли объ отторженіи Украины отъ Москвы съ цѣлью обезпеченія малороссійскаго и запорожскаго края въ отношеніи его политической независимости. Повидимому, онъ ясно прозрѣвалъ въ то, къ чему должна привести протекція Москвы надъ Запорожьемъ, и бросался изъ стороны въ сторону съ тѣмъ, чтобы навсегда обезпечить независимость Запорожья. Сирко не жилъ минутою дня и потому, не всегда понимаемый молодымъ поколѣніемъ, говорилъ: «Слушайте меня, дѣтки, я старый челоуѣкъ и знаю, что дѣлать». Однако, большинству современниковъ мысли Сирка были чужды: масса запорожской черни и козачества или вовсе не задавалась вопросами о далекомъ будущемъ, или же, если и задавалась вопросами, то не шла дальше того, чтобы получить отъ Москвы побольше подарковъ и выразить свою независимость отъ нея криками по адресу Москвы на радѣ или ограбленіями и погромомъ московскихъ пословъ и тор-

говыхъ людей въ степи. Оттого уже тотчасъ послѣ смерти Сирка главные его сподвижники и вся масса войска отнеслись, повидимому, совершенно равнодушно къ его завѣтнымъ мыслямъ и тайнымъ замысламъ.

Личность Сирка, какъ воина и какъ непобѣдимаго героя, производила большое впечатлѣніе на современниковъ и на послѣдующее поколѣніе, какъ запорожскихъ, такъ и малороссійскихъ козаковъ. Говорили, что равнаго Сирку не было, не будетъ и никогда не можетъ быть: на то есть заклітіе отъ самого Сирка: «Хто ляже рядомъ зо мною, то ще братъ, а хто выше мене — той проклять». Говорили, будто запорожцы, послѣ смерти своего славнаго и непобѣдимаго вождя, отправляясь въ какой бы ни было походъ, брали съ собой и гробъ Сирка, и такимъ образомъ пять лѣтъ подъ рядъ возили его тѣло и по водѣ, и по сушѣ, твердо вѣруя, что Сирко и послѣ смерти своей страшнѣе врагамъ козацкимъ и что съ нимъ, даже мертвымъ, можно побѣждать бусурманъ¹⁾. Говорятъ еще и теперь, что послѣ смерти Сирка козаки отрѣзали правую руку его, и съ ней вездѣ ходили на войну, а въ случаѣ бѣды выставляли ее впередъ, говоря: «Стой, душа и рука Сирка съ нами!» И по тому слову враги, какъ зайцы, бѣжали отъ козаковъ. Только потомъ, когда ужъ и самая Сичь была снесена, и все Запорожье уничтожено, козаки схоронили въ могилѣ руку Сирка, но не схоронили они съ ней души его: онъ вовсе не умеръ, онъ живъ до сихъ поръ, онъ и теперь воюетъ гдѣ-то съ врагами Христовой вѣры и козацкой вольности²⁾.

Могила Сирка, по-теперешнему, находится въ деревнѣ Капуливкѣ, екатеринославской губерніи и уѣзда, раскинувшейся при устьѣ рѣчки Чортомлыка, гдѣ нѣкогда была Чортомлыцкая Сича, въ которой подвизался Сирко. Она находится въ огородѣ крестьянина Николая Алексѣевича Мазая и представляетъ собой небольшой земляной холмъ, обсаженный кругомъ кудрявыми шелковицами да высокими тополями и увѣнчанный небольшой поднятой вверхъ, въ два безъ полутора вершка аршина, высоты каменной, на подставкѣ, плитой, на которой сдѣланы съ обѣихъ сторонъ начертанія. На восточной сторонѣ этой плиты высѣчено распятіе Христа съ обычными при немъ буквами І, Н, Ц, Н; ІС, ХР, ІІІ, КЛ,

¹⁾ Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, II.

²⁾ Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 76.

К, П, Т, Р, М, Л, Р, Б; на западной сторонѣ, въ самомъ верху, высѣченъ небольшой четырехконечный крестъ и ниже креста помѣщена слѣдующая надпись:

РѢ АХП МАА Д ПРЕСТАЗИЕМ РАБЪ БО
 ИОАНЬ СЪРЬКО ЗМИТРОВИ АПМАНЬ КОШО-
 ВИЙ ВОСКА ЗАПОРОЖКОГО ЗА ЕГО Ц П В ФЕДО-
 РА АЛЕЗЪВИЧА ПАММТ ПРАВЕДНАГО СОПОХВАЛАМИ

Въ переводѣ: на современную транскрипцію это значитъ: Року божого 1680 мая 4 преставися рабъ божъ Иоанъ Сѣрько Дмитрови атаманъ кошовый воска запорожского за его ц. п. в. (царскаго пресвѣтлаго величества) Феодора Алексѣевича. Памят праведнаго со похвалами.

Сравнивая показаніе этой надписи съ показаніемъ современниковъ Сирка, кошевого Стягайла и писаря Быховца, а также съ показаніемъ лѣтописца Величка, мы видимъ, разницу въ мѣсяцѣ и днѣ смерти Ивана Сирка: надпись гласитъ, что онъ умеръ мая 4 числа; современники и лѣтописецъ свидѣтельствуютъ, что онъ скончался августа перваго дня. Чему въ данномъ случаѣ отдать предпочтеніе? Основательнѣе будетъ отдать предпочтеніе свидѣтельствамъ современника и лѣтописца на томъ основаніи, что едва-ли памятникъ, стоящій теперь на могилѣ Сирка, тотъ самый, который поставленъ былъ ему тотъ же часъ послѣ смерти его. Дѣло въ томъ, что черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Сирка, когда запорожцы, отложившись отъ русскаго царя, перешли на сторону шведскаго короля и когда русскій царь восторжествовалъ надъ всѣми врагами своими, а въ числѣ ихъ и надъ войскомъ запорожскихъ козаковъ, то онъ приказалъ всю Сичь, прославленную именемъ Сирка, до основанія раскопать и всѣ могилы ея съ землею сравнять. Русскія войска, посланныя въ Чортommyцкую Сичь и встрѣтившія здѣсь упорное сопротивление со стороны козаковъ, до того въ своемъ ожесточеніи дошли, что, по свидѣтельству современниковъ, раскапывали могилы мертвецовъ и выбрасывали трупы погребенныхъ въ нихъ козаковъ. Поэтому, трудно допустить, чтобы въ это время уцѣлѣлъ памятникъ Сирка; напротивъ того, нужно думать, что онъ одинъ изъ первыхъ былъ разбитъ и брошенъ на землю. Потомъ, когда запорожцы вновь

возвратились на свое гнѣздо, они могли соорудить Сирку новый памятникъ и тутъ, дѣлая по памяти надпись на немъ, допустили некоторую неточность въ показаніи мѣсяца и дня смерти Сирка.

Со смертью Сирка слава низовыхъ козаковъ надолго померкла, и запорожцы уже не играли никогда такой выдающейся роли въ исторіи южной Россіи, какою они играли при своемъ знаменитомъ кошевомъ. Въ Сичи выступили другіе вожакі, менѣе сильные и менѣе предприимчивые, чѣмъ Сирко. Зато на Украинѣ и въ Москвѣ, послѣ Самойловича, царя Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича, напротивъ того, явились выдающіеся дѣятели, каковы: гетманъ Иванъ Мазепа и въ особенности царь Петръ Алексѣевичъ. Мазепу запорожцы ставили на ряду съ Хмельницкимъ и сложили на этотъ счетъ поговорку: «Отъ Богдана до Ивана не было гетьмана». Оттого всѣ попытки запорожцевъ, послѣ смерти Сирка, составить себѣ независимое положеніе и играть прежнюю роль оканчивались однѣми неудачами. Запорожье попрежнему «шаталось» между Россіей и Польшей съ одной стороны и Крымомъ и Турціей съ другой, ища вездѣ точку опоры для своей политической независимости. Разница была лишь въ томъ, что въ прежнее время запорожцевъ боялись и заискивали вездѣ, теперь же ихъ только терпѣли и пользовались ими лишь въ крайней необходимости.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, послѣ смерти Сирка, прибылъ въ Сичу съ царскимъ жалованьемъ запорожскому войску посолъ Бердяевъ и, вышедъ въ раду, говорилъ козакамъ, чтобы они не думали дѣлать того, о чемъ замышляютъ Сирко, и присягнули бы на вѣрность русскому царю. Запорожцы, принявъ жалованье, въ присягѣ послу отказали: «Для чего намъ присягать? Мы великому государю не измѣняли и измѣнять не хотимъ, а суконъ приславо намъ мало, подѣлиться нечѣмъ, не будетъ на человѣка и по поларшину: на Донѣ великій государь посылаетъ денегъ, суконъ и хлѣбныхъ запасовъ много; мы противъ донскихъ козаковъ оскорблены». Присутствовавшій на войсковой радѣ посланецъ гетмана Ивана Самойловича, Соломаха, слыша тѣ рѣчи запорожцевъ, замѣтилъ: «Гетманъ обѣщается присылать вамъ хлѣбные запасы, пошлите только ему сказать, сколько вамъ въ годъ надобно, и денегъ будетъ присылать, изъ тѣхъ, что собираются съ арендъ».

Послѣ этого сталъ говорить самъ кошевой атаманъ Иванъ Стягаило: «Хотите-ли вы или не хотите великому государю при-

сягу дать, а я отъ себя дамъ, потому у бывшаго кошевого атамана Ивана Сирка съ гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ была недружба и непослушаніе, и войску было худо, государева жалованья и отъ гетмана хлѣбныхъ запасовъ не приходило много хлѣтъ». «Есть за что присягать! Къ вамъ, старшимъ, прислано государево жалованье большое; вы и въ Москву посылали бить челомъ себѣ о жалованьи, а чтобъ войску было жалованье, о томъ челомъ не били». Не смотря на такое заявленіе кошевой Стягаило все-таки выказывалъ готовность на присягу царю и направился было для этого въ сичевую церковь, но козаки заступили ему дорогу и не пустили. Всѣхъ больше шумѣли и протестовалъ войсковой писарь Петро Гукъ, не получившій изъ Москвы никакихъ подарковъ. Но это произошло вслѣдствіе простаго недоразумѣнія: въ Москвѣ не знали, что Быховецъ былъ старымъ писаремъ и вмѣсто него давно уже выбранъ былъ Петро Гукъ, оттого послѣдняго и не включили въ реестръ лицъ, которымъ опредѣлены были подарки. Черезъ ночь настроеніе Гука измѣнилось, и на радѣ, происшедшей слѣдующимъ днемъ, послѣ заутрени, онъ сталъ убѣждать козаковъ присягнуть на вѣрность русскому царю, и козаки послушались писаря и поцѣловали крестъ въ сичевой церкви. По возвращеніи царскаго посла въ Москву въ Сичь отправлено было еще 50 половинокъ суконъ для войска и особое жалованье для Гука ¹⁾.

Осень 1680 года, послѣ смерти Сирка, ознаменовалась въ Запорожьѣ моровымъ повѣтріемъ: «значне пограссовавъ въ турецкомъ городѣ Кызыкерменѣ, оно оттуда распространилось по всему Запорожью и тутъ великую шкоду учинило» ²⁾.

Осенью этого же 1680 года черезъ Запорожье ѣхалъ въ Крымъ стольникъ Василій Михайловичъ Тяпкинъ и дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ для заключенія бахчисарайскаго мира съ турками и татарами; этотъ миръ былъ слѣдствіемъ походовъ турокъ къ Чигирину. Проѣздъ черезъ Запорожье и пребываніе въ Сичи послы описали въ своемъ статейномъ спискѣ, составленномъ ими въ Царевѣ-Борисовѣ городкѣ и пропущенномъ «черезъ огонь» ³⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XIII, 274—276.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 500.

³⁾ Правильнѣе черезъ окурку или черезъ дымъ для избѣжанія занесенія чумной заразы во внутрь Россіи.

Выѣхавъ изъ Москвы въ августѣ мѣсяцѣ, октября 8 дня они были у сѣверныхъ границъ запорожскихъ вольностей и прошли отъ рѣки Берестовки Муравскимъ шлякомъ черезъ Берестовую, Малую-Орель, Орельскія озера, Большую-Орель, Терновку, Малую-Самарь, Большую-Самарь и вершину Конскихъ-Водъ. У Конскихъ-Водъ послы видѣли запорожскій обозъ изъ восьми рядовъ, ѣхавшій изъ Сичи къ рѣкѣ Тору или Дону, вѣроятно, за солью или за рыбою; а кромѣ того, замѣтили каменное, давнихъ временъ, развалившееся бусурманское строеніе и отъ крымскихъ гонцовъ слышали, что у Конскихъ-Водъ нѣкогда было жилище крымскихъ татаръ, при Мамаѣ ханѣ. Отъ Конскихъ-Водъ послы вступили въ предѣлы татаръ и октября 19 дня прибыли въ Перекопъ.

Въ обратный путь послы повернули уже въ 1681 году; марта 21 дня они пришли въ Запорожье и, не дошедъ верстъ десять до Сичи, остановились на Базавлукѣ рѣкѣ. На Базавлукѣ рѣкѣ: пословъ встрѣтили съ радостью запорожскіе козаки и перевезли ихъ въ липахъ ¹⁾ съ праваго берега рѣки на лѣвый, «на свою сторону». Тутъ послы простились съ провожавшими ихъ двумястами кызыкерменскими татарами подъ начальствомъ родного брата кызыкерменскаго бая, Михаила Муравскаго, а сами отъ Базавлука рѣки пошли къ Сичѣ и, не дошедъ верстъ пять до нея, ночевали въ степи благополучно; съ ними на томъ мѣстѣ ночевалъ и запорожскій войсковой асаулъ съ небольшимъ числомъ козаковъ, который встрѣтилъ пословъ и принялъ ихъ по приказу кошевого атамана Ивана Стягайла. Марта 22 дня, передъ обѣдомъ, послы пришли къ Сичѣ и, ставъ подъ городомъ въ дугахъ, обослались съ кошевымъ атаманомъ и поѣхали къ божьей церкви вознести Господу молитвы. Когда послы приблизились къ городскимъ воротамъ, тутъ ихъ встрѣтилъ кошевой атаманъ Иванъ Стягайло съ козаками и, принявъ ихъ съ радостью, любовью и честью, пошелъ съ ними въ городъ, прямо къ церкви. Пришедъ къ церкви Покрова пресвятыя Богородицы, всѣ помолились и за государево многолѣтнее здравіе молебень отпѣли. Послѣ молебнаго пѣнія кошевой атаманъ взялъ пословъ къ себѣ въ курень къ обѣду и во время обѣда спрашивалъ ихъ о мирномъ постановленіи. Послы объявили ему по достоинству то, что надлежало, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибавили, чтобы онъ вѣрно служилъ царскому величеству

¹⁾ Липа—лодка, меньше по размѣрамъ дуба.

и находящемуся въ Запорогахъ царскому войску, да чтобы онъ накру́пко приказалъ, дабы со времени приѣзда и послѣ отъѣзда пословъ изъ Сичи, запорожцы ни съ турками, ни съ татарами пограничными никакихъ задоровъ и зацѣпокъ воинскихъ не чинили и въ мирѣ и тишинѣ пребывали. На эти слова кошевой атаманъ отвѣчалъ посламъ, что онъ и самъ лично, и все его войско вѣрно служатъ его царскому величеству и впредь вѣрно служить и во всемъ повиноваться царскимъ указамъ и повелѣніямъ гетмана будутъ; а услышавъ о мирномъ постановленіи между государствами, онъ, кошевой, отдалъ крѣпкое приказаніе о томъ, чтобы козаки задоровъ и зацѣпокъ съ турскими и крымскими людьми не чинили и въ мирѣ пребывали. А о томъ мирномъ постановленіи онъ, атаманъ, и все войско благодарятъ Господа Бога и очень радуются. Послѣ обѣда и разговора кошевой отпустилъ пословъ въ станъ съ честію. Марта 23 дня, простившись съ кошевымъ и со всею старшиною, послы отправились отъ Сичи въ путь степью по направленію къ Переволочной и черезъ три дня послѣ этого переездили черезъ Днѣпръ на московскую сторону ¹⁾.

Условія бахчисарайскаго мира, состоявшія изъ семи пунктовъ, четырьмя пунктами касались и Запорожья: 1) Перемирію быть на 20 лѣтъ; рубежомъ быть рѣкѣ Днѣпру. 2) Въ перемирныя 20 лѣтъ отъ рѣки Буга до рѣки Днѣпра султанову и ханову величествамъ вновь городовъ своихъ не ставить и старыхъ козацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ не починивать; со стороны царскаго величества перебѣжчиковъ не принимать, никакого поселенія на упомянутыхъ козацкихъ земляхъ не заводить, оставить ихъ впустѣ. 3) Крымскимъ, очаковскимъ и бѣлгородскимъ татарамъ вольно по обѣ стороны Днѣпра, на степяхъ, около рѣчекъ, кочевать, для конскихъ кормовъ и звѣриныхъ промысловъ ѣздить; а со стороны царскаго величества низовымъ и городовымъ козакамъ войска запорожскаго, промышленнымъ людямъ, плавать Днѣпромъ для рыбной ловли, и по всѣмъ степнымъ рѣчкамъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, для рыбы и бранья соли и для звѣринаго промысла ѣздить вольно до Чернаго моря. 4) Запорожскимъ козакамъ оставаться въ сторонѣ царскаго величества, султану и хану до нихъ дѣла не имѣть, подъ свою державу ихъ не перезывать ²⁾.

¹⁾ Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, от. II и III, 572, 646.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1887, XIII, 270; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II и III, 653.

Ханъ принялъ всѣ статьи, предложенныя русскими послами, и от-
правилъ ихъ въ Константинополь, для подписи, султану Махмуду IV.
Султанъ, однако, не принялъ всѣхъ условій мира цѣликомъ.—
онъ пропустилъ статья о свободномъ плаваніи козаковъ по Днѣпру
и объ отдачѣ русскому царю Запорожья. Послы не хотѣли при-
нять султанской шерти въ такомъ видѣ и взяли грамоту только
«поневоля» на усмотрѣніе царскаго величества. Царское величе-
ство также «поневоля» долженъ былъ принять грамоту султана.
Но само собою разумѣется, что Запорожье какъ было, такъ и
осталось въ фактической зависимости отъ самого себя и въ номи-
нальной отъ турецкаго султана. Условія о двадцатипятилѣтнемъ
перемиріи Россіи съ Крымомъ объявлены были запорожцамъ цар-
скою грамотой на имя кошевого атамана Ивана Стягайла, въ
1681 году, іюля 1 дня ¹⁾).

На запорожскихъ козаковъ условія бахчисарайскаго мира про-
извели весьма тяжелое впечатлѣніе, и они вскорѣ отправили, помимо
воли малороссійскаго гетмана, письмо къ крымскому хану съ прось-
бой о дозволеніи козакамъ свободного добыванія соли у низовья
Днѣпра. На это письмо ханъ Муратъ-Герай отвѣчалъ, на имя
кошевого Ивана Стягайла, собственнымъ письмомъ:

«Во Исусовѣхъ христіанскомъ законѣ атаману кошевому здравье
и вѣдомо чинимъ, что посланные ваши у насъ, у нашего величе-
ства, были и отъ вашего лица намъ ханову величеству били че-
ломъ и очи наши видѣли и о чемъ намъ словесно говорили и
письмо подали и то письмо переведено и любительное ваше слово
намъ въ дружбѣ и въ пріятствѣ пріятно и въ крѣпости добро и
для соли подъ Кизыкеремень ѣздили бѣ, а которые посланники
ихъ были въ Крыму и о томъ сними договорились и отпущены
они къ вамъ, а какъ дастъ Богъ отъ вашей стороны въ нашу сто-
рону съ нашими посланники своихъ посланниковъ пришлете и миръ
намъ съ вами совершенно учинитца по вашему прошенію и въ то
время мы о соли у турецкаго салтана просить и писать будемъ,
а естли кому нужна соль и они бѣ для того пріѣзжали въ Пе-
рекопъ и въ какову цѣну мы покупаемъ, и козаки также бѣ по-
купали, а посланнымъ вашимъ на отпускъ наше жалованье было.
Муратъ Гирей ханъ» ²⁾).

¹⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1681, связ. 56, № 14.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. дѣла, 1681, связ. 56, № 14.

Лѣтомъ того же 1681 года нѣкоторая часть запорожскихъ козаковъ, подъ предводительствомъ Петра Суховія, ходила въ тогочиную Украйну, подъ городъ Корсунь. Суховій хотѣлъ повторить роль Дорошенка, т.-е. сдѣлаться гетманомъ западной Украйны и отдаться подъ протекцію Турціи. Но противъ него выступилъ гетманъ Иванъ Самойловичъ, и Суховій, не вступая въ битву съ нимъ, повернулъ назадъ до Сичи ¹⁾).

Вскорѣ послѣ этого запорожцы смѣнили своего кошевого атамана Ивана Стягайла на Трофима Константинова Волошанина и въ концѣ іюля мѣсяца написали гетману два просительныхъ письма объ исходатайствованіи у крымскаго хана позволенія свободно ходить на Низъ за солью, рыбой и звѣремъ и у московскаго царя о пожалованіи на все войско запорожское суконъ и денежнаго жалованья. Письмо это было таково.

«Ясновелможній мосцѣвій пане гетмане, напишъ ласкавій мосцѣвій пане и добродѣю. Любо тежъ не безъ уприкреня жесмо съ Коша послали товариство свое съ писмомъ нашимъ до хана его мосцѣ безъ вѣдомости и волѣ велможности вашей, добродѣя нашего, але мусѣлисмо то учинить не з волѣ старшого нашего, але з ради нашеѣ посполитой всего войска запорожского, добываючись у хана его мосцѣ, жебы намъ войску запорозскому позволилъ ити на Низъ посколь (по соль), овожь ханъ отказалъ посланцомъ нашимъ устне, же я ²⁾ до того жадной рѣчи не маю позволяти вамъ войску запорожскому ити на Низъ посколь, бо гдижъ цесарь нашъ турскій поставилъ тутъ замки у Днѣпрѣ, же бы жаденъ духъ з межи войска запорозкого не прошолъ на Низъ, же южъ монархове, мовить, ограничена промежку собою постановили по городки на чужомъ грунтѣ, жебы войско запорожское жадного лову собѣ не мало нижше городковъ на Низу и на поляхъ, такъ тежъ и в рѣкахъ полювихъ и во всѣхъ урочищахъ днѣпровихъ, а велможность ваша, яко рементаръ нашъ презъ посланого своего Игната Порпуру увѣдомилисте насъ писанямъ своѣмъ всему войску запорожскому о святомъ покою межъ монархами такъ его царского пресвѣтлого величества монархи нашего православногo яко тежъ и межи салтаномъ турскимъ и ханомъ крымскимъ же намъ войску запорозскому низовому и городовому увесь Днѣпръ отъ верху и з рѣками полювими обварочано (дозволено) и волность

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Киевъ, 1851, II, 510.

²⁾ Это говоритъ крымскій ханъ.

всякую на рѣбахъ, на солѣ и на звѣру добуватися на всякихъ добичахъ волно; теди ми войско запорозское тѣшилисьмося с того презъ усе лѣто, а теперешнего часу до пожитку и дѣя добичи жадного (никакого) дѣла не маемъ, же (что) бей кезакерменскій жадного товариша нашего не пускаетъ на Низъ не тилко дѣя добичи, але и которій товаришъ с писмомъ нашимъ войсковимъ идетъ на Низъ по zostаліе своѣ рупески; то и тихъ не пропуцаетъ, же гди есмо zostавали з оними непріятелми креста святаго вороговъ не въ миру, то намъ войску запорозкому волность всякая била на полахъ и в рѣкахъ полювихъ и во всѣхъ урочицахъ днѣпровихъ, а теперешнего часу за онимъ примирьемъ власне, якъ у заточеніѣ войско запорозкое zostаетъ, презъ уселѣ (прежде всего) то, же не комунному (конному), не пѣшому товариству нѣкуди ходу не маетъ, чекаючи вѣдомости отъ велможности вашей и жадаючи поради и якую будемъ мѣть, то сѣ будемъ крипко и держатися, прето велможность ваша яко реементара покорне просимо: рачъ и до его царского пресвѣтлого величества писати о томъ, жеби намъ войску запорозкому била волность у Днѣпрѣ на всякіе добичи, яко за иншихъ алтицесаровъ велможности вашоѣ волность вшелякая була намъ войску запорозкому у Днѣпрѣ, такъ не вонпимъ изъ стараня велможности вашей рейментарской тое все намъ у монархи нашего справити, можемъ бо ми (мы) за тое при совѣтѣ велможности вашей и пресвѣтлому монаршому его троновѣ служити обѣцуюемъ и за достоинство его не щадно помирати готови будемъ, пріяючи в себе велможности вашей. Велможности вашей всѣхъ добръ пріязливій и унѣжаній слуга. Трохимъ Костянтіевъ Волошинъ атаманъ кошевой войска его царского пресвѣтлого величества запорозкого низового с товариствомъ. С Коша іюля 29 дня 1681 року.

Сими жъ посланцами нашими Климомъ Кислицею атаманомъ куреня незамаювского и Сергіемъ куреня ирклѣвского и листъ ханскій, а другій везиря ханского по-турецку писаній посылаемъ до велможности вашей, а велможность ваша переписавши с турецкого на руское и намъ симъ же товариствомъ пришлете, жеби и ми знали, що у вонихъ листахъ ханъ пишетъ и устне Сергій велможности вашей сповѣсть, що отъ хана чувъ, бо онъ же Сергій и до хана ходивъ отъ войска»¹⁾.

¹⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ; малорос. подлин. акты, 1681 годъ, св. 5, № 404.

«Ясневозможный милостивый господине гетмане, нашъ зѣло милостивый господине и благодѣтелю.

Поклонъ нашъ нижайшій и всецѣлую нашу повожность и желательство милости и возможности вашей благодѣтеля нашего вручивъ, всякихъ благъ временныхъ и вѣчныхъ отъ Вседержителя Христа Бога нашего при непоручимомъ добромъ здравіи и щасливомъ в долгой вѣкъ владѣніи вси купно вашей возможности благодѣтелю нашему многомилостивому повожно и усердно желаемъ, а при семъ покорномъ писмѣ нашемъ черезъ посланное товариство наше посылаемъ к возможности вашей Клима Кислицу куреня незамаевского да Сергѣя с товариществомъ, изволь ваша милость, яко региментарь нашъ къ его царскому пресвѣтлому величеству за насъ войско запорожское прошеніе свое внести, чтобъ онъ великій государь нашъ помазанникъ божій в милость свою отеческую причель насъ с нашими ему, великому государю нашему, службами, какъ и сперва не лишая насъ милостивого своего обыклого на Запорожьѣ жалованья сукнами и денежною казною, зельемъ и свинцомъ, а особливо возможности вашей бьемъ челомъ: не забывая насъ запасомъ, желѣзомъ и смолою да и неводъ на осень изволте прислать. Хотя и досажаемъ нашимъ частымъ писмомъ и докучаемъ в надобьяхъ нашихъ, изволь нашей скудости помочь (помощь) учинить и паки просимъ возможности вашей, изволь заступитъ къ его царскому пресвѣтлому величеству. При семъ милости твоей себя вручаемъ. Данъ с Коша іюля въ 29 день. Возможности вашей всего добра желательный пріятель и слуга Трофимъ Костянтиновичъ, атаманъ кошевой войска его царского пресвѣтлого величества запорожского низового с товариществомъ»¹⁾.

Получивъ эти письма отъ запорожскихъ козаковъ, гетманъ Иванъ Самойловичъ отправилъ ихъ въ Москву и отъ себя написалъ царю Ѳеодору Алексѣевичу слѣдующаго содержания листъ:

«Божією милостію великому государю царю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичу и дѣдичу и наслѣднику и государю и обладателю вашему царскому пресвѣтлому величеству.

Иванъ Самойловичъ гетманъ войска вашего царского пресвѣтлого величества запорожского упадъ ницъ до лица земнаго предъ

¹⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ; подлинныя акты, 1681, св. 5, № 404.

наяснѣйшимъ вашимъ монаршескимъ престоломъ у стоны ногъ, смиренно челомъ бью. Хотя ужъ надокучилъ есмь вашему царскому пресвѣтлому величеству, частократно пишучи к вамъ великому государю о запорожцахъ и о ихъ волностяхъ въ добычахъ разныхъ, на Низу Днѣпра будучихъ, однакъ когда они запорожцы безпрестанно мнѣ о томъ докучаютъ прошеніемъ своимъ, тогда имѣю всякаго часу к прошенію ихъ приклоняся, бити челомъ за нихъ наяснѣйшему вашему монаршескому престолу и нынѣ не хотѣлъ было есмь утруждати пресвѣтлого вашего государского престола, положився ужъ совершенно на радѣтельное ваше монаршеское попеченіе, которое вы, великій государь, помазаникъ Божій, имѣете, творя нынѣ с турскимъ салтаномъ и с крымскимъ ханомъ пожелаемый всѣмъ намъ вѣрнымъ подданнымъ своимъ миръ чрезъ своихъ государскихъ пословъ, такъ о распространеніи преславныя своя монаршескіе російскаго царствія державы какъ и о насъ войскѣ запорожскомъ городовомъ, а особо и о тѣхъ помянутыхъ волностяхъ запорожскихъ, чтобъ имъ волно было проходить ис Сѣчи внизъ Днѣпра межъ городками для добычи соли и для рыбной ловли и для всякаго в полевыхъ рѣчкахъ звѣря, которымъ вашимъ царского пресвѣтлого величества радѣніемъ хотя и ихъ запорожцовъ по указу вашему монаршескому обнадеживалъ есмь многократно, чтобъ возвращенія пословъ вашихъ государскихъ, к турскому салтану посланныхъ с помышленнымъ всѣмъ намъ желаемая надежды совершенствомъ ожидая в обычныхъ своихъ работахъ о помянутой добычѣ в Днѣпрѣ и в днѣпровыхъ рѣчкахъ, ниже городковъ обрѣтающихся, терпѣли бы; однако, когда они знатно для скудости своего нужного надобья не терпя моему обнадеживанью до возврату пословъ вашихъ государскихъ дерзнули писать мимо мою вѣдомость к хану довѣдываясь, поволить-ли тамъ на Низу добыватца на вся потребности ихъ или нѣ, какъ мнѣ о томъ вѣдомо учинили чрезъ особой свой листъ, которой листъ ко мнѣ принесли товариство ихъ нарочно присланные, которыхъ они отъ себя и в Крымъ посылали, и я увѣдавъ изъ листа ихъ ко мнѣ писанного, что не имѣютъ волного проходу Днѣпромъ внизъ для прибрѣтенія соли и иныхъ нужныхъ потребъ своихъ; а опасая чтобъ чрезъ то зло какое межъ ими не занеслось, покорно даю сіе вашему царскому пресвѣтлому величеству на высокое монаршеское разсужденіе, чтобъ вы, великій государь, изволили послать свой государской указъ.

послу своему государскому, к турецкому салтану посланному, будемочно гдѣ его вблизи догнать с тѣмъ вашимъ государскимъ указомъ, чтобъ онъ туды прїѣхавъ, крѣпко домогался, с кѣмъ належать будетъ, дабы тѣ помянутые низового запорожского войска внизу обрѣтающіяся волности, именно в шертной турецкого солтана грамотѣ были описаны, чтобъ волный и безопасный былъ Днѣпромъ межъ городками для всякой ихъ добычи имъ путь, понеже в Крыму ихъ какъ належало при постановленіи мирныхъ договоровъ не утвердили, есть-ли бы тамъ у салтана в шертной грамотѣ особою статьею то не могло быть изображено, тогда никаковы (никаковой) они запорожцы ис тѣхъ мирныхъ договоровъ не имѣли бы прибыли, какъ и нынѣ совершенно не имѣютъ, понеже толко татаровя вездѣ по степямъ около рѣчекъ с скотинами своими безопасно, какъ слышу, кочуютъ, а запорожцамъ ни мало внизъ Днѣпра нигдѣ отъ городковъ не волю проѣзжатца. И для того пристойно бы тому вашему монаршескому послу вашъ государской наскоро послать указъ и паки покорное мое подданское ко пресвѣтлѣйшему вашему царского величества престолу посылаю совѣщаніе два листа отъ запорожцовъ, подъ именемъ новообранного атамана кошевого пѣкакого Трофима Волошенина, писанные вмѣстѣ с листами ханскимъ и везирскимъ к кошевому по-турски писанными для достовѣрныя о всемъ вѣдомости при семъ моемъ листѣ к вашему царскому пресвѣтлому величеству в приказъ Малыя Росіи посылаю чрезъ почту. Вручаю себя милосердой вашей монаршеской милости. Изъ Батурина августа въ 12 день 1681-го.

А чтобъ они запорожцы впредь не смѣли, какъ нынѣ, к хану в Крымъ и никуды в иную сторону мимо мою вѣдомость посылать, но чтобъ во всемъ надежны были на милость вашу государскую и радѣтельное монаршеское попеченіе, о томъ какъ словесно пословъ ихъ, у меня будучихъ увѣщевалъ, такъ и чрезъ листъ всѣхъ ихъ запорожцовъ на Кошѣ будучихъ увещевать не забывая, которого листа моего списокъ для прочитанія к вамъ великому государю в приказъ Малыя Росіи при семъ моемъ листѣ посылаю. Вашего царского пресвѣтлого величества вѣрный подданный и слуга нижайшій Иванъ Самойловичъ гетманъ войска вашего царского пресвѣтлого величества запорожского» ¹⁾).

¹⁾ Архивъ министерства ин. дѣлъ; малорос. дѣла, 1681 года, св. 56, № 14.

Отправивъ письмо къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, гетманъ Самойловичъ вмѣстѣ съ этимъ послалъ письмо съ упрекомъ за своеволие—смѣну стараго кошевого и сношеніе съ крымскимъ ханомъ—и запорожскимъ козакамъ.

«Мои милостивые пріятели, господине атамане кошевой и все старшее и меньшее войска его царского пресвѣтлого величества запорожского низового товарищество.

Имѣеть то быть в великомъ подивленіи намъ, что вы войско низовое, послушавъ нездравого совѣта нѣкакова (нѣкоого) нежела- тельного Богу и православному царю, а сверхъ того и самѣмъ вамъ чело-вѣка, дерзнули мимо воли монарха своего и мимо вѣдомость нашу посылать пословъ своихъ къ хану крымскому; могъ всякъ изъ васъ доброй молодець то разсудить, что гдѣ государь и монархъ дѣла свои себѣ подобные с монархомъ договариваетца (—еть), тамъ слугамъ вдаватца непристойно, почто было вамъ сверхъ изящныхъ монарха своего о перемирьѣ содѣвающихся договоровъ касатися с своими по-солствами постороннему государю; отзывалися есте к намъ чрезъ мно-гократные свои листы, что досадно вамъ всему войску запорожскому, что бей казыкерменской не пуцаеть товарищество внизъ Днѣпра для добычи и просили есте нашей региментарской къ себѣ помочи, а самимъ мимо нашего совѣта не довелоса чинить никакихъ са-мохотныхъ посолствъ и для чего не додержали есте того слова; мы писали к вамъ многократно, что о волностяхъ вашихъ войска низового, которые к вамъ належатъ, радѣемъ крѣпко. Богъ то ви-дять, что докучилъ есмь уже монарху своему, его царскому пресвѣт-лому величеству, челобитьемъ, чтобъ монаршескимъ преизяществомъ своимъ в преизящныхъ своихъ с салтаномъ турскимъ о перемирьѣ и договорѣхъ опасъ (сохранилъ) и утвердилъ тѣ волности наши, хотя бы то и с проторми быть имѣло, будетъ совершенно по прошенію нашему. Вѣдаете бо сами, что та сторона Днѣпра вымысломъ нѣ-которыхъ людей совершенно турскому (султану) отдана и отъ ля-ховъ бутто записью записана, чему оперетца трудно, а однакожъ православный нашъ монархъ ревнително о цѣлости народа хри-стіанского радѣя, какъ Запорожье, такъ и Кіевъ столной мало-россійской городъ с уѣздными городками в перемирномъ поста-новленіи подъ свою высокодержавную руку, а что внизъ Днѣпра и в полевыхъ рѣчкахъ войсковые волности тѣхъ не трудно мо-нарху опасти, но вамъ всему войску хотя то досадно, подождать было надобно самого совершенства радѣнія монаршеского, о чемъ

мы regimentарскимъ желаніемъ нашимъ какъ вседушно радѣемъ и радѣти будемъ, чѣмъ обнадежилъ есмь васъ совершенно. Листъ ханской, к вамъ писаной, с турецкого писма на руское велѣли есмь перевести, которой переводъ по желанію вашему посылалъ к вамъ, вы разумѣете ис того переводу, какъ постерегаеть ханъ своего дѣла, чтобъ ничего противно вами салтана турецкого не учинить, а что в томъ листу благодарить васъ и за то, что с поволною услугою своего к нему отзывались, тогда знатно отсега, что отзывались есте к нему какъ к свойственному государю с послушаніемъ, чего чинить не годитца. Не можетъ быть и то намъ пріятно, что ваша милость бывшаго атамана своего кошевого Ивана Стягайла сложили с чину безъ нашего regimentарского вѣдома, достоинъ онъ былъ войсковою милости, понеже бывъ на томъ урядѣ, какъ обѣщаль монарху своему и мнѣ regimentарю желателство, такъ постоянно слово свое исполнялъ и во всемъ поступалъ изрядно и только почалъ было привыкать в порядокъ войсковыхъ дѣлъ, и вы тотчасъ безразсудно, не давъ ему в томъ урядѣ утвердитца, иново чловѣка вновь на тотъ урядъ посадили есте, которому надобно еще опознаватца с урядомъ,—и то вамъ предлагаемъ, что о частыхъ старшины перемѣнахъ не можетъ быть порядокъ совершенный; къ его царскому пресвѣтлому величеству о монаршескомъ его жалованьѣ, вамъ надобномъ, прошеніе наше обѣщаемъ донести, а что отъ нашего лица regimentарского по слову нашему вамъ надлежитъ, все вскорѣ—запасъ, неводъ, желѣзо и смола и сыними надобными вещми будетъ к вамъ прислано, понеже то все до посылки вашей изготовлено было. Понеже изъ царствующаго града Москвы в турецкую землю в одинъ мѣсяцъ не можно посолства отправить, надобно на то много времени и для того терпѣливо подождать было милости божіи, а понеже не потерпѣли есте и толь скоро за неразсуднымъ совѣтомъ посылали есте к хану, то не можетъ быть вамъ с похваленіемъ у православнаго нашего монарха и какъ не годилось было тово вамъ дѣлать, такъ постерегитесь в своей повинности, чтобъ есте были вѣрны монарху своему его царскому пресвѣтлому величеству и желателны и не дерзали мимо воли его и мимо вѣдомость нашу regimentарскую всчинать, что естли инако что будете творить, то прогнѣваете милость монаршескую, а при немилости и жить будетъ немочно. Разсудите, что ханъ крым-

ской отказалъ на ваше посолство, что безъ воли салтана турецкого не хотѣлъ вамъ поволить волной внизъ Днѣпра дороги, самъ онъ ханъ будучи великимъ паномъ и монархомъ, однакожь почитаетъ и боитца болши себя и мимо воли его ничего дѣлать не хочетъ, а вы будучи монарха своего подданными, какъ дерзаете договоры свои заводить с ханомъ безъ позволенія монаршеского. Вѣдайте, ваша милость, что вы сами своимъ радѣньемъ ничего не здѣлаете, покамѣстъ монархъ нашъ радѣнья своего не приложитъ. Видите, что шутками ханъ отбылъ вашихъ посланныхъ, а то для того, что вы сами отъ себя, а не отъ монарха посолство чинили, а такъ самохотныхъ поступковъ, которые чрезъ легкомысленные совѣты межъ вами вносятца, перестанте и будете в доброй надеждѣ и в милости монаршеской его царского пресвѣтлого величества, который отеческою своею добротою васъ пѣстуя, по Бозѣ обрадуетъ достаточно опасеніемъ (сохраненіемъ) лежащихъ волностей»¹⁾.

Отвѣтъ на письмо гетмана Самойловича и на просьбу запорожскихъ козаковъ послѣдовалъ изъ Москвы августа 29 дня. Царь вполне снисходилъ къ просьбѣ запорожцевъ и приказалъ своимъ посланцамъ, ѣхавшимъ въ Крымъ «промышлять и радѣть» о пользѣ низовыхъ козаковъ, но зато требовалъ отъ нихъ не сноситься ни съ какими государями помимо вѣдома малороссійскаго гетмана. «А что к намъ великому государю к нашему царскому величеству ты жъ нашего царского величества подданной в листу своемъ писалъ о волностяхъ войска низового запорожского и о томъ по нашей государской милости тебѣ нашего царского величества подданному вѣдомо по нашимъ государскимъ грамотамъ, каковы к тебѣ посланы с подъячимъ с Тимошеемъ Протопоповымъ и чрезъ почту, что нашимъ царского величества посломъ, посланнымъ к салтану турецкому о тѣхъ дѣлѣхъ наказано и в нашей царского величества грамотѣ писано, велѣно имъ о томъ промышлять всякими мѣры, а нынѣ к тѣмъ же нашимъ царского величества посломъ наша государская грамота о томъ в дорогу послана жъ и велѣно потому о томъ радѣть и промышлять с великимъ радѣтельнымъ промысломъ»²⁾ наше государскіе что пристойно смотря по тамошнему войску низовомъ за помощію божіею учинить, чтобъ

¹⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1861, св. 56, № 14.

²⁾ Вслѣдствіе порчи документа исчезла строчка.

кошевой атаманъ и все будущее при немъ посполство о томъ нашемъ государскомъ милостивомъ к нимъ призрѣньѣ вѣдали и на нашу великого государя нашего царского величества милость были надежны и о настоящихъ своихъ дѣлѣхъ к тебѣ нашего царского величества подданному писали, а к хану впредь не обослався с тобою нашего царского величества подданнымъ ни о чемъ не писали и никуда в иную сторону не посылали, а отъ насъ великого государя нашего царского величества к нему кошевому атаману и ко всему низовому войску запорожскому нашу царского величества грамоту послать указали, а какова наша царского величества грамота к кошевому атаману и ко всему посполству послана и с той нашей великого государя нашего царского величества грамоты посланъ для вѣдома къ тебѣ нашего царского величества подданному списокъ с сего жъ вашего царского величества грамотою, а ту нашу царского величества грамоту тебѣ нашего царского величества подданному войска запорожского обоихъ сторона Днѣпра гетману Ивану Самойловичю послати бѣ отъ себя на Кошъ с кѣмъ пригоже по своему разсмотрѣнью, буде пристойно, а въ которое время прежняго кошевого атамана Ивана Стягайла пережѣнили и за какіе причины,—о томъ бы развѣдавъ к намъ великому государю к нашему царскому величеству писалъ ты нашего царского величества подданной подлинно»¹⁾.

Въ это же время смута, произведенная въ Москвѣ раскольниками во время управленія государствомъ царевной Софіей, отозвалась на Украинѣ и Запорожьѣ, впрочемъ, въ обоихъ подъ влияніемъ близкихъ козакамъ сосѣдей, поляковъ: поляки все еще никакъ не могли помириться съ мыслью о потерѣ Малороссіи и при всякомъ благопріятномъ случаѣ простирали свои руки на Украину. Воспользовавшись смутой въ Москвѣ, польскій король Янъ III Собѣскій приказалъ отправить на Украину и Запорожье «прелестные листы», чтобы оторвать Малороссію отъ Россіи. Эти листы вручены были монахамъ Θεодосію Храпкевичу и Іонѣ Зарудному; имъ дана была особая инструкція, съ чего начать, какъ дѣйствовать, что обѣщать и чего избѣгать. Самая инструкція состояла изъ шестнадцати пунктовъ и два изъ нихъ касались Запорожья: въ одномъ пунктѣ сказано было, что Запорожье, черезъ уступку Украины по Днѣпръ туркамъ, заперто и чрезъ то должно погиб-

¹⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ; малор. дѣла, св. 56, № 14.

нуть, а вмѣстѣ съ нимъ должно погибнуть и самое имя козаковъ. Въ другомъ пунктѣ инструкціи приказано было внушать украинскому войску быть заодно съ Запорожьемъ, чтобы выбиться изъ неволи негоднаго и невоинственнаго человѣка (гетмана Самойловича) и тянуть къ польскому королю, который и любить, и почитаетъ съ младенчества украинскій народъ ¹⁾.

Поводъ и средства, которыми старался привлечь на свою сторону запорожскихъ козаковъ польскій король, раскрываетъ подъ 1682 годомъ малороссійскій лѣтописецъ Величко. Онъ говоритъ, что Янъ Собѣскій воспользовался просьбой германскаго императора, ведшаго войну съ турками, и сталъ засылать скрытнымъ способомъ листы и универсалы на Украину и Запорожье, приглашая козаковъ на службу съ платой по 12 талеровъ въ мѣсяцъ на человѣка: «Позасылавши свои листы и универсалы для запорожской Сѣчи, посланцы короля перебавляютъ и захватываютъ людей нашихъ и войско низовое на житье въ тогочную пустую Украину, а особливо на затыги военные, обѣщая обманчивыя великія свои респекты и давнія вольности, въ особенности же поступаютъ великую плату товариству затыжному» ²⁾.

Само собою разумѣется, что о сношеніяхъ польскаго короля съ украинскими и запорожскими козаками гетману Самойловичу донесено было немедленно, а гетманъ, въ свою очередь, поторопился сообщить о томъ въ Москву ³⁾. Московское правительство, узнавъ объ этомъ, поспѣшило прислать приказаніе гетману воздерживать ненадежныхъ и легкомысленныхъ людей отъ «лядскихъ прелестей». Вслѣдствіе этого приказанія гетманъ написалъ къ украинскимъ козакамъ нѣсколько универсаловъ, въ которыхъ внушалъ имъ отстать «отъ шкодливыхъ, на Запорожьѣ возросшихъ, лядскихъ прелестей и отводить отъ того же малоумныхъ и легкомысленныхъ людей, чтобы сохранить, помощію всеильнаго Бога, цѣлость Украины» ⁴⁾.

Въ слѣдъ за этимъ послана была (апрѣля 30 дня) въ Сичь, на имя кошевого атамана Трофима Волошанина, царская грамота съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ, послѣ смерти

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, Москва, 1864, XIV, 5.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 524.

³⁾ Архивъ мин. иностранныхъ дѣлъ, 1682, св. 59, № 40.

⁴⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 526.

Федора Алексѣевича, Петра Алексѣевича и объ учиненіи кошевымъ атаманомъ со всѣмъ войскомъ, въ присутствіи стряпчачаго Бартенева, на вѣчное и вѣрное подданство новому государю присяги. Гетманъ Самойловичъ, пересылая эту грамоту, съ своей стороны предписывалъ запорожцамъ отстать отъ всякихъ сношеній съ Крымомъ и быть вѣрными Россіи. Запорожцы, учинивъ присягу, отправили отъ себя въ Москву куренного атамана Паска Васильева и товарищей съ поздравительной грамотой къ государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ по поводу принятія ими російскаго престола ²⁾).

Въ концѣ іюня мѣсяца того же года запорожцы послали посольство съ письмомъ къ царю изъ 38 человекъ, во главѣ съ Степаномъ Бѣлымъ и Яковомъ Проскурою, которое прибыло въ Москву іюля 3 дня.

Въ своемъ письмѣ запорожцы прежде всего сообщали царямъ и великимъ государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ объ учиненной ими, въ присутствіи царскаго стольника Александра Протасьева, присягѣ на вѣрное и вѣчное подданство Москвѣ и объ обѣщаніи не ссылаться, безъ воли государей, съ сосѣдними государями, немедленно сообщать въ Москву о всякомъ приѣздѣ въ Сичь пословъ польскаго короля и крымскаго хана. Въ слѣдъ затѣмъ козаки извѣщали царей «о снятіи кошевого атаманства», во время самой присяги, съ Трофима Волопанова и «объ избраніи всѣмъ низовымъ войскомъ запорожскимъ» Василія Алексѣенка кошевымъ атаманомъ. Далѣе запорожцы просили царское величество пожаловать ихъ жалованьемъ, сукнами, порохомъ, свинцомъ, хлѣбными запасами и дозволить войску вольную добычу звѣря, рыбы и соли въ низовьяхъ Днѣпра и въ полевыхъ рѣчкахъ, какъ было раньше того при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, но потомъ не стало того со времени царя Федора Алексѣевича, когда Москва заключила съ Турціей и Крымомъ мирный договоръ и когда чрезъ то кызыкерменскій бей воспретилъ запорожцамъ проходъ на Низъ Днѣпра.

Цари, по ходатайству и по челобитью гетмана Ивана Самойловича, листъ запорожцевъ приняли, всѣмъ посланцамъ ихъ «государскіе очи милостиво видѣть повелѣли», войско низовое за учиненную имъ присягу милостиво похвалили, но зато внушали ему

¹⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Москва, 1828, IV, 449.

никакихъ противныхъ поступковъ не чинить, никакимъ «плевосѣя-
 тельнымъ» рѣчамъ и письмамъ не вѣрять, ни на какія «прелести»
 и тайныя и явныя присылки не склоняться, съ гетманомъ Ива-
 номъ Самойловичемъ быть въ соединеніи и должномъ послушаніи.
 За все то царское величество, пресвѣтлѣйшіе цари и великіе го-
 судари, обѣщали держать запорожское войско въ своемъ «при-
 зрѣніи и отъ непріятелей въ оборонѣ» и извѣщали объ отправкѣ
 къ нему на Кошъ еще 13 числа іюня мѣсяца, со стольникомъ
 Гавриломъ Суворовымъ, денегъ, суконъ, зелья и свинцу. «А по-
 сланцевъ вашихъ было къ намъ въ приѣздѣ 38 человекъ, а 10 че-
 ловѣкъ оставлено въ Батуриѣ, и тебѣ бы нашего царскаго ве-
 личества подданному кошевому атаману Василю Алексенку послан-
 цовъ своихъ къ нашему царскому величеству впредь присылать
 по прежнему обыкновенію по 10 человекъ, а больше того указан-
 наго числа не присылать. А что казыкерменскій бей внизъ тур-
 скихъ городковъ чинить вамъ въ добычахъ вашихъ сухимъ и
 водянымъ путемъ помѣшки и заказъ, и мы великіе государи, наше
 царское величество, писали о томъ къ салтану турецкому, чтобъ
 онъ хану крымскому и бею казыкерменскому приказалъ и указъ
 свой книмъ послалъ, чтобъ они по мирнымъ договорамъ жили
 свами всовѣтѣ и волностей вашихъ и добычъ водянымъ и сухимъ
 путемъ не отгымали и заказу вамъ втомъ не чинили, а знамени
 и пушекъ спосланцы вашими на Кошъ вамъ нынѣ не посылаю
 для того, чтобъ присылкою того знамени и пушекъ мирнымъ до-
 говорамъ, каковы у насъ вашихъ государей у нашего царскаго
 величества ссалтаномъ турецкимъ исханомъ крымскимъ учинены,
 какой противности не учинить, а учиненъ вамъ о томъ нашъ ве-
 ликихъ государей указъ впредь будетъ. А что у тебя кошевого
 атамана и у всего войска низового объявитца нынѣ и впредь
 какихъ вѣдомостей, и вамъ бы писать о томъ нашего царскаго
 величества кподданному гетману Ивану Самойловичю и ссылатись
 снимъ и совѣтовати о важныхъ дѣлахъ почаству, а вышепомяну-
 тые ваши посланцы, которые были на Москвѣ и наши государ-
 скіе очи видѣли и которые оставлены были въ Батуриѣ, нашимъ
 государскимъ жалованьемъ пожалованы и на Кошъ отпущены»¹⁾.

Отправивъ грамоту запорожскимъ козакамъ, цари въ слѣдъ за-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; сношенія съ Малороссіей; грамоты, 1682 года, іюля 15 дня, св. 2, № 21.

тѣмъ велѣли отправить гетману копію съ грамоты о мирномъ договорѣ Россіи съ Турціей. Гетманъ Иванъ Самойловичъ, извѣщая царей Іоанна и Петра Алексѣевичей о полученіи имъ копіи съ монаршей грамоты, «дерзновенно» доносилъ своимъ листомъ (іюля 20 дня), что ему кажется «досадительной и вредительной» та изъ статей, которая касается Запорожья: «Не выговорено, чтобы войско запорожское, сообразно своимъ древнимъ вольностямъ, имѣло право ходить по рѣкѣ Днѣпру, внизъ, и по полевымъ рѣчкамъ для рыбной и звѣриной ловли и для добыванія соли, что султанъ турецкій запрещаетъ, а визирь говоритъ, будто бывшіе въ Крыму отъ пресвѣтлаго монаршаго престола послы, чиня съ ханомъ мирные договоры, относительно Запорожья не договаривались, и въ записи своей, на мирные договоры учиненной, между иными статьями написали не рядомъ, а на концѣ, послѣ всего дѣла, чего они, султанъ и визирь, во вниманіе не принимаютъ». Но кромѣ этой статьи «досадительными статьями» казались гетману и нѣкоторыя другія, какъ-то: объ обязательствѣ русскаго царя не строить и не подчинять на той (лѣвой) сторонѣ Днѣпра городовъ и крѣпостей; о дозволеніи туркамъ заводить между Бугомъ и Днѣпромъ «людскія и владѣльческія селенія» и о безпрепятственномъ переходѣ людямъ съ русскаго на крымскій берегъ Днѣпра ²⁾).

Ноября 10 дня кошевой атаманъ Григорій Ивановичъ Еремѣевъ извѣщалъ гетмана Ивана Самойловича о приходѣ къ казакамъ и поселеніи на Запорожьѣ четырехъ человекъ волоховъ съ ихъ имуществомъ, пришедшихъ «съ межи бусурмановъ» въ Запорожье.

Въ отвѣтъ на это извѣщеніе гетманъ Самойловичъ отправилъ въ Сичь, декабря 1 дня, 1682 года, съ цѣлью, такъ или иначе, добыть у запорожцевъ «польскую инструкцію». Въ этомъ письмѣ Самойловичъ прежде всего упрекалъ запорожцевъ въ томъ, что они, не смотря на много разъ высказанныя имъ просьбы, не присылаютъ ему «прелестной инструкціи», которая доставлена имъ черезъ Ворону изъ Польши; затѣмъ поставлялъ имъ на видъ то, что раньше этого, за жизни Ивана Сирка, всѣ, самыя секретнѣйшія, письма, отовсюду шедшія на Кошъ, никогда не скрывались передъ гетманомъ; далѣе доказывалъ, что между «одностайнымъ запорожскимъ войскомъ» нужно и въ городахъ и на Низу всегда

²⁾ Бантышъ-Каменскій, Источники, Москва, 1858, I, 279—282.

имѣть единомысліе, ничего ни передъ гетманомъ, ни передъ государемъ не таить; наконецъ, напоминалъ о присягѣ, данной войскомъ, вѣрно, до кончины своей, служить всероссійскимъ великимъ государямъ и ничего предъ нимъ не утаивать, да и можно ли что скрывать передъ государемъ? Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ монархомъ поступковъ не утаиваютъ. «И такъ, именемъ Бога убѣждаемъ васъ поступать разумно и вѣрить, чтобъ вамъ, добрымъ молодцамъ, и на будущее время было хорошо; не нарушайте вашей прежней вѣрности и не теряйте тѣмъ издавна, отъ предковъ, добытой вами и славы, и чести... Да о чемъ сами-то поляки хлопчутъ, искушая васъ своими письмами? Конечно, о томъ, чтобы мы заколотились между собой, а они, глядя на наше паденіе, радовались бы тому и тѣшились. Сами вы, добрые молодцы, старые товарищи, знаете польскую ласку и расположеніе, какъ, еще въ недавнее время, поляки всякими способами губили и истребляли нашу братію, козаковъ на Украинѣ, и какъ теперь въ ихъ польской державѣ православная вѣра наша, за которую отъ вѣка запорожское войско убивается, унижена». Заканчивая свое письмо, гетманъ Самойловичъ извѣщалъ запорожцевъ о томъ, что къ нему прибылъ изъ Сичи посланецъ Опанасъ Губа съ товарищами, привезшій съ собой бѣжавшихъ изъ бусурманской земли волоховъ, но не привезшій лядской инструкціи, которую гетманъ такъ хотѣлъ получить отъ запорожцевъ: хотя всѣ волохи въ своихъ поступкахъ люди непостоянные и ожидать отъ нихъ никакого проку нельзя, однако, такъ какъ они «заневоленные» христіане и бѣгутъ до христіанской вѣры, то гетманъ долженъ оказывать имъ должное вниманіе. Напоминая запорожцамъ снова о присылкѣ польской инструкціи, гетманъ сообщалъ, что ему прислано отъ царскаго величества 50 половинокъ сукна, и воленъ онъ, гетманъ, отправить или не отправить то сукно запорожскому войску, и когда войско пришлетъ значного козака съ польской инструкціей, то тогда получить и царскій подарокъ ¹⁾.

На всѣ изложенныя гетманомъ требованія кошевой Григорій Ивановичъ отвѣчалъ ему тѣмъ, что прислать листы и инструкціи онъ, безъ согласія всего войска, не можетъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ гетманъ сталъ получать извѣстіе за извѣстіемъ о грабежахъ и разбояхъ, чинимыхъ толпами своевольныхъ

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. подд. дѣла, 1882, св. 5, № 426.

запорожцевъ надъ проѣзжавшими черезъ ихъ степи купцами, о чемъ доносили ему переволочанскій дозорца Ивановичъ и полтавскій полковникъ Павелъ Семеновъ. Такъ, въ это время запорожскіе козаки Иваника и Лихопой, проживавшіе «по ласкѣ» самого гетмана Самойловича, въ зимнее время «на станціи» въ полтавскомъ полку, услыжавъ о проходящихъ изъ Сичи на Украину богатыхъ купцахъ, 3 татаръ и 2 армянъ, прибрали къ себѣ ватагу изъ своевольныхъ козаковъ всякой «збродни» на 20-ти коняхъ¹⁾ и сдѣлали «засѣжку» на купцовъ въ 20 миляхъ отъ Сичи, въ урочищѣ Ковтобахъ. Когда купцы поровнялись съ мѣстомъ засады Иваники и Лихопоя, то послѣдніе объявили имъ, что кошевой атаманъ требуетъ ихъ возвращенія назадъ, въ Сичу. И когда купцы отошли нѣсколько назадъ, то ватага бросилась на нихъ, взяла у нихъ 3 арбы съ добромъ, а ихъ самихъ побила и потопила въ Ковтобахъ. Другіе изъ такихъ же своевольниковъ, пѣшіе, дѣлали нападенія на людей, проѣзжавшихъ по трактовымъ шляхамъ и однажды наскочили на одного украинскаго торговца, родомъ изъ Кобелякъ, ѣхавшаго изъ Сичи съ рыбой. Они забрали у него рыбу и ковшъ, а когда онъ, заплакавъ отъ горя, сталъ ихъ корить и грозить имъ казнью, то они отвѣчали, что казни никакой не боятся и пошли себѣ прочь отъ шляху. Изъ такихъ «збродниковъ», кромѣ названныхъ, извѣстны были еще Гусачокъ и Куличокъ. Послѣдняго еще раньше того времени поймалъ, съ двумя конями, на Украинѣ полтавскій полковникъ, коней у него отобралъ, а самого его велѣлъ было послать въ Батурино, но онъ, имѣя другихъ «зайвыхъ» коней, ушелъ въ Сичу къ запорожцамъ, а запорожцы, какъ бы ничего не зная о дѣйствіяхъ Куличка, стали писать письма къ полтавскому полковнику съ требованіемъ вернуть взятыхъ имъ коней¹⁾.

Отказывая гетману въ присылкѣ польскихъ писемъ, запорожцы въ то же время не переставали просить царей о собственномъ жалованьи: въ концѣ іюля мѣсяца 1683 года изъ Запорожья въ Москву отправлены были съ этою цѣлью кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Ивановичемъ посланцы Трофимъ Волошанинъ и Юрій Андреевичъ съ товарищами; кромѣ жалованья, посланцы просили и о томъ, чтобы цари отправили требовательную грамоту турецкому султану о дозволеніи запорожцамъ свободно ходить въ турец-

¹⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. подл. дѣла, 1883, св. 5, №№ 432, 433.

кіе и татарскіе городки для добычи рыбы и соли. На эту просьбу изъ Москвы отвѣтили запорожцамъ грамотой, августа 7 дня, въ которой обѣщалось исполнить просьбу козаковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалось, чтобы козаки непременно прислали «преlestную инструкцію польскаго короля»¹⁾.

Но запорожцы попрежнему оставались непреклонны: января 31 дня, 1684 года, гетманъ жаловался на ихъ непостоянство, а марта 11 дня онъ извѣщалъ государей Іоанна и Петра о разбитіи запорожцами татарскаго гонца: «Ханъ жалуется на разбойниковъ запорожцевъ, что они его ханскаго гонца, отъ салтана турскаго возвращающагося, разбили и животы при немъ будущіе разграбили и самого его въ полонъ взяли». Ханъ просилъ наказать «разбойниковъ запорожцевъ» и возвратитъ пограбленное ими добро, въ противномъ случаѣ грозилъ набѣгомъ на Украину²⁾. Великимъ постомъ того же года гетманъ имѣлъ новую непріятность отъ запорожцевъ: въ это время онъ отправилъ за рѣку Самару, лѣвый притокъ Днѣпра, нѣскольکو сотъ человекъ великороссійскихъ ратниковъ и гадяческаго полка козаковъ съ приказаніемъ выжечь, въ виду безопасности отъ татаръ, всю степь по лѣвую сторону рѣки. На посланныхъ гетманомъ людей наткнулся запорожскій разъѣздъ и сильно напугалъ ихъ. Тогда гетманъ, узнавъ о происшедшемъ, послалъ къ запорожцамъ черезъ гадяческаго полковника Вечорку свой листъ. Запорожцы, прочитавъ тотъ листъ и узнавъ въ то же время о царскомъ указѣ, касавшемся построения вдоль Днѣпра отъ Самары крѣпостей, пришли къ заключенію о томъ, что русскіе имѣютъ намѣреніе отгѣснить низовое войско отъ Днѣпра и его луговъ и написали гетману просительное письмо, въ которомъ объясняли столкновеніе своихъ конныхъ разъѣздныхъ съ людьми гетмана простымъ недоразумѣніемъ, царское приказаніе о построении самарскихъ крѣпостей нарушеніемъ старо-козацкихъ правъ и привилегій и въ заключеніе письма просили гетмана забыть всю прежнюю вражду и ненависть къ нимъ и не допустить до паденія Украину и Запорожье³⁾. Просьба запорожцевъ оставлена была, однако, безъ послѣдствій, и вражда ихъ черезъ то на гетмана усилилась.

Тѣмъ временемъ въ западной Европѣ произошло важное со-

¹⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1683, св. 60, № 13, 15.

²⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1684, св. 64, № 18.

³⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ, 1684, подлин. № 444; Величко, II, 539.

бытіе—пораженіе, въ 1683 году, подъ стѣнами австрійской столицы Вѣны огромной турецкой арміи отъ соединенныхъ силъ германскаго императора Леопольда и польскаго короля Яна Собѣскаго. Но турки, несмотря на свою неудачу, готовились къ новой борьбѣ съ Польшей и Австріей. Тогда императоръ и король начали искать себѣ союзниковъ для борьбы съ турками и между другими обратились къ московскому правительству. Москва, потерпѣвшая передъ тѣмъ неудачу въ борьбѣ съ турками подъ городомъ Чигириномъ, естественно не могла отнестись къ такому предложенію равнодушно. Къ тому же, оказывая помощь Польшѣ, она могла продлить время андрусовскаго перемирія съ правительствомъ Рѣчи-Посполитой и поставить вопросъ о томъ, чтобы навсегда удержать за собой священный для всей Россіи городъ Кіевъ, уступленный русскимъ пока лишь на извѣстное время. Сообразивъ это обстоятельство, московскіе правители изъявили свое согласіе на священный противъ турокъ союзъ, но потребовали отъ польскаго короля уступки въ пользу Россіи Кіева. Въ январѣ мѣсяцѣ 1684 года начались по этому поводу переговоры; но уполномоченные съ той и съ другой стороны 39 разъ сѣзжались по этому случаю и не пришли ни къ какому соглашенію: поляки не хотѣли уступить Москвѣ Кіева, русскіе не хотѣли подать Польшѣ помощи.

Тогда польскій король рѣшилъ привлечь къ себѣ, помимо воли московскихъ правителей, запорожскихъ козаковъ. Мая 5 дня Янъ Собѣскій послалъ къ кошевому атаману Григорію Ивановичу Еремѣеву и всему низовому войску письмо съ извѣстіемъ объ отправленіи на Кошъ черезъ двухъ комиссаровъ Порадовскаго и Мандреновскаго съ товарищами 1.000 червонцевъ и другихъ подарковъ съ убѣжденіемъ склониться на сторону Польши противъ турокъ и татаръ и съ просьбой проводить польскихъ пословъ къ калмыкамъ ¹⁾. Прибывъ въ Сичу и сдѣлавъ здѣсь свое дѣло, комиссары отъ себя и отъ кошевого атамана Григорія Еремѣева ²⁾ отправили посланцевъ запорожца Грипка къ донскимъ козакамъ и калмыкамъ, приглашая ихъ къ себѣ на помощь. По этой присылкѣ донское войско отписало польскому королю, что время для

¹⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1684, св. 64, № 20, 22; подл. № 454.

²⁾ Октября 28 дня онъ называется уже «бывшимъ» кошевымъ атаманомъ.

похода (весна и лѣто) истекло, а кошевому Григорію Еремѣеву отвѣтило, что оно во всемъ съ нимъ будетъ совѣтъ держать и списываться. Тѣмъ не менѣе, на просьбу комиссаровъ и кошевого поднялось 200 человекъ донцовъ и 70 человекъ калмыковъ; они вышли въ Запорожье, къ рѣчкѣ Солоной и отсюда, вмѣстѣ съ польскими комиссарами и кошевымъ Григоріемъ Еремѣевымъ, пошли въ Польшу. Московское правительство, узнавъ объ этомъ, отправило къ донскому войску грамоту съ крѣпкимъ приказомъ, чтобы впредь никто не дерзалъ такого своевольства чинить и тѣмъ государскаго гнѣва и опалы не наводить, а запорожскаго посланца Грипка съ письмомъ кошевого Еремѣева въ Москву прислать ¹⁾. Кошевой нашелъ полезнымъ для войска извѣстить объ этомъ гетмана черезъ особаго посланца, куренного атамана Софрона, а гетманъ нашелъ необходимымъ донести объ этомъ въ Москву, причемъ отъ себя присовокупилъ, что онъ еще зимой задержалъ у себя пришедшихъ въ Батурино, съ Иваномъ Стягайломъ, нѣсколько человекъ запорожцевъ и замѣнилъ соболя сукномъ при выдачѣ войску низовому жалованья.

Между тѣмъ польскій король Янъ Собѣскій, такъ настойчиво добивавшійся союза съ Москвой и не успѣвшій въ томъ, снова возобновилъ переговоры о томъ съ московскимъ правительствомъ. Къ тому принуждала его неудача въ борьбѣ съ турками, въ 1684 году, подъ Каменцомъ. Для того, чтобы «удержать правую руку султана», нужно было направить противъ турокъ малороссійскаго гетмана съ козаками. Московское правительство снова выразило свое согласіе на союзъ съ Польшей, но съ тѣмъ же условіемъ закрѣпленія за собой Кіева. По этому поводу спрошено было мнѣніе у гетмана Ивана Самойловича. Самойловичъ представилъ въ Москву, января 12 дня, 1685 года, черель находившагося тамъ своего посланца Василя Кочубея, обширную «инструкцію» вмѣсто отвѣта на предложенный ему вопросъ. Въ этой «инструкціи» онъ коснулся и Запорожья: «Горше всего свѣдаетъ насъ жалость, что польская сторона природною лукавою хитростію своею на Андрусовской комиссіи доступна такихъ рѣчей, которыя какъ взглядомъ Кіева, такъ и взглядомъ Запорожья нынѣ великихъ государей нашихъ сторонѣ съ шкодою остаются... И тако то лукавою хитростію своею тая людская сторона въ договорахъ пе-

¹⁾ Акты исторіи войска донскаго, Новочеркасскъ, 1891, I, 129, 132, 341.

ремирныхъ вымогши тое, абы Запорожье какъ до ихъ великихъ государей належить, такъ и имъ належало, теперь съ той причины беретъ себѣ способъ вдиратися во всю Малую Россію и своими прелестями тое еще разъ запорожцамъ въ свѣжую приводитъ память, будто сей край дѣдичный правомъ Польшѣ принадлежить и будто когда отданный въ то время въ польскую область быти маеть, а не только запорожцамъ то прикладываютъ, но и городовымъ осѣдлымъ людямъ малороссійскимъ въ прелестныхъ своихъ проповѣдяхъ недавно передъ симъ прекладали». Гетманъ настаивалъ Кіевъ, во что бы то ни стало, отобрать отъ Польши: какъ отстоялъ его «божіея премудрости вразумленіемъ великій государь царь Алексѣй Михайловичъ, такъ и наслѣдники его державы должны содержать вѣчно за собой тотъ городъ. Кромѣ того, подобаеть имъ, великимъ государямъ, и отъ Запорожья, для лучшаго державы ихъ монаршей охраненія власть ядскую отставити» ¹⁾). Помимо этого, гетманъ высказалъ въ своей «инструкціи» и многія другія свои соображенія, но они касались исключительно Украйны, а не Запорожья.

Въ теченіе всего этого времени военныя дѣйствія поляковъ съ турками и татарами не прекращались. Въ 1685 году въ Молдавіи дѣйствовалъ коронный гетманъ Яблоновскій; но поляки и на этотъ разъ не были счастливы въ борьбѣ съ турками, а потому вопросъ о союзѣ съ Москвою снова былъ поднятъ. На этотъ разъ коронный гетманъ хотѣлъ привлечь, по крайней мѣрѣ, на свою сторону Запорожье, но ни московскому правительству, ни украинскому гетману это не понравилось.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года гетманъ Самойловичъ, занося жалобу царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ на польскаго короннаго гетмана Яблоновскаго за то, что онъ называетъ его гетманомъ только заднѣпровскимъ, а не гетманомъ обѣихъ сторонъ, вмѣстѣ съ этимъ извѣщалъ о военныхъ дѣйствіяхъ польскихъ войскъ противъ татаръ и турокъ, выражалъ свое негодованіе на поляковъ за то, что «они радѣютъ о заключеніи съ невѣрными мира, а подданныхъ царскаго величества, московскихъ государей, къ войнѣ прелестію своею поощряютъ, чтобъ чрезъ такія причины турецкая и татарская сторона противъ великихъ государей стороны взяла ожесточеніе».

¹⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ; подлин. мал. акты, 1685, св. 5, № 458.

Излагая о такихъ намѣреніяхъ поляковъ и о могущемъ чрезъ то произойти вредѣ для Россіи, гетманъ Самойловичъ коснулся и запорожскихъ козаковъ. «Да и запорожцы какъ неправдивы суть, такъ и лживы показались, что чрезъ своихъ посланныхъ Аванася Губу съ товарищи писали ко мнѣ да и послѣ также отозвались, будто они по истинѣ вамъ великимъ государемъ радѣютъ и мнѣ гетману повиноваться будутъ и никуда на сторону листовъ своихъ не посылаютъ и ничего безъ моего гетманскаго совѣту починати не будутъ; а нынѣ ложь ихъ явно учинилась, понеже донскіе в своемъ прежде реченномъ листѣ к нимъ запорожцомъ то изобразили, что они к нимъ о полскою посылкѣ посланника нарочного отъ себя на Донъ присылали и имѣеть то у нихъ запорожцовъ быти, что тою же полскою прелестью надуты будучи, хотѣли бѣ также, какъ и донскіе противъ турецкой и татарской стороны принять воинской промыслъ о чемъ и снова ихъ склонные проникаютъ, толко будучи предъ нашими очима в частныхъ и безпрестанныхъ увѣщавіяхъ не могутъ имѣти на то способу, для которыхъ мѣрь хотя они запорожцы недостойны были премилосердой милости вашей монаршеской и нашего гетманскаго спомогателства, однако когда вы, великіе государи, для славы преславнаго имени своего изволили ихъ обослати своимъ монаршескимъ жалованьемъ, тогда примѣряясь к вашей монаршеской вашего царского пресвѣтлаго величества волѣ и нѣколько еще имѣяй надежды, что когда ни есть за приводомъ желательныхъ молотцовъ, межъ ими будущихъ в вѣрности своей к вамъ, великимъ государемъ, постоянствовати будутъ, послалъ имъ на Запорожье при вашемъ монаршескомъ жалованьѣ 2.000 золотыхъ и 10 куфъ вина, а в присылкѣ того запаса имъ подводами отговорился, было имъ совершенно для того, что пополитымъ людямъ есть великая обида в тѣхъ подводехъ, однако потомъ когда Трофимъ Волошанинъ, атаманъ бывшей кошевой, с товариществомъ нѣскольکو на десять в Кіевѣ по обѣщанію на поклоненіе святымъ мѣстамъ, заѣхали ко мнѣ въ Батурино, отдавъ мнѣ гетману честь и имянуясь быти вѣрными вашими великихъ государей работниками, просили крѣпко всему войску вспоможенія запаса, и я на то ихъ желательныхъ людей прошеніе, хотя и тѣхъ, которые в злобѣ суть, хлѣбомъ к вѣрности вамъ великимъ государемъ привлечь, велѣлъ имъ отвезть запаса 1.000 бочекъ, с которыми запасомъ тотчасъ по отпускѣ преждереченныхъ запорожцовъ послалъ сотника батуринаского Ерему Андрѣева, чрезъ ко-

того какъ отъ себя листъ на Запорожье к войску с обличеніемъ атамана запорожскаго не порядку писалъ, того списокъ к вамъ великимъ государемъ посылаю тутъ же, тутъ же посылаю в приказъ Малыя Росіи 2 листа изъ Переволочни, отъ дозорцовъ нашихъ перевознаго ко мнѣ присланные, в которыхъ изображено, что запорожцы и кромѣ полскихъ безпрестанныхъ прелестей имѣютъ нынѣ побужденіе отъ донскихъ козаковъ, которые ихъ запорожцовъ на то дѣло приводятъ, чтобъ с татарами воевали, по которымъ мѣрамъ они запорожцы склонны к войнѣ, гдѣ и во время приему милостиваго вашего монаршескаго жалованья, нѣкоторые блеяли на радѣ доведетца де имъ с татары розмиритца, а иные и спосреди ихъ обрѣтаютца такіе промышленники в поляхъ, что татаромъ вредятъ и людей нашихъ за пристойными промыслами ходячихъ грабятъ и показуетца отъ нихъ не удержимое зло, для которыхъ своихъ недобротвореній недостойны были милости вашей монаршеской, которая имъ всегда отъ монаршескихъ вашихъ щедротъ не престанно изливаецца, в которой злобѣ, понеже и запорожцомъ и донскимъ козакомъ полская прелестъ есть предводитель, и я на полскую обманчивую лукавность негодую прозирая мысленнымъ разсужденіемъ, что они поляки не токмо чрезъ то войну турецкую на преславное ваше російское государство обратить хотятъ, но и сами нѣчто злое доказать помышляя, желаютъ, чтобъ имя ихъ межъ запорожцы и межъ донскими было и далѣ памятно и чтобъ во время злаго ихъ намѣренія и они на помощное ихъ зло были подняты, для чего и х калмыкамъ прелестъ свою посылаютъ и вездѣ денежные дачи бросаютъ, какъ слышимъ, что и на Донъ начальнымъ войсковымъ Олору Минаеву тѣжъ денежные подарки к нему посланы, того для какъ принуждаетъ меня моя вѣрность о всемъ вамъ великимъ государемъ доносить, такъ я о тѣхъ непріятельскихъ вражихъ намѣреніяхъ покорно вамъ, великимъ государемъ, доношу особою вѣрности моею должностію, а для того при запасѣ по всему войску низовому вмѣстѣ, а не к атаману кошевому отъ себя листъ писалъ, чтобъ все войско видѣли ево неправые поступки, на который листъ мой о приемѣ запасу и о немъ атаманѣ какъ ко мнѣ отпишутъ, о томъ вамъ, великимъ государемъ, я вѣрный подданный учиню извѣстно и о томъ покорно тутъ доношу вамъ великимъ государемъ, былъ у меня Петръ Мурзенко, донскихъ козаковъ нѣсколько человекъ, которые ходили молитися по обѣ-

щанію своему въ Кіевъ и я имѣя усердную ревность о превысокой вашей великихъ государей чести, которую не точію намъ вѣрнымъ вашимъ царского пресвѣтлого величества подданнымъ, но и всѣмъ окрестнымъ народомъ чтити достоитъ и видя, что донскіе не хранятъ той таковымъ своимъ ослушаніемъ указу вашего монаршеского, зачиная войну мимо вашей монаршеской воли, разсудилъ пристойно быти послать мнѣ к донскимъ козакамъ листъ, предлагая имъ пріятелски, чтобъ они ваше царского пресвѣтлого величества повелѣніе соблюдали и прелесныхъ полскихъ подсылокъ не слушали и войны мимо вашей великихъ государей воли не вчинали, понеже всякое дѣло ихъ, безъ вашего великихъ государей указу начинающееся, не можетъ имѣти прибыльного конца и того моего листа, писанного к донскимъ списокъ при семъ листѣ в Малоросійской приказъ посылаю и естли то угодно вамъ, великимъ государемъ, прошу о томъ милостивого извѣщенія; естли было неудобно, то я болши к нимъ донскимъ писать не буду, однако вѣрностію моею предлагаю, дабы вашимъ царского пресвѣтлого величества указомъ запретительнымъ донскіе в тѣхъ своихъ самовольныхъ начинаніяхъ воздержаны были, гонца ханского вышеименованого задержалъ есмь при себѣ не малое время для того, чтобъ онъ за скорымъ отпускомъ в проѣздѣхъ не пропасть, того для за возвращеніемъ изъ царствующаго града Кутлуши-мурзы, гонца ханского, у васъ великихъ государей бывшаго и ево с нимъ мурзою отпустилъ, а каковъ листъ чрезъ него писалъ к хану, списокъ тутъ же в приказъ Малыя Росіи посылаю и сей мой листъ чрезъ нарочного моего гонца товарища сотни батуринской Дмитрея Нестеренка, который при посланныхъ вашихъ великихъ государей на Запорожье былъ, к вамъ великимъ государемъ посылая, отдаю себя премилосердой вашей монаршеской благостыни. Изъ Батурина сентября въ 28 день 1685 году. Вашего царского пресвѣтлого в-ва вѣрный подданный и низжайшій слуга Иванъ Самойловичъ, гетманъ войска вашего царского пресвѣтлого величества запорожского» ¹⁾.

О намѣреніяхъ запорожскихъ козаковъ кромѣ гетмана Самойловича знали и сами татары: такъ, октября 26 дня кызыкерменскій бей, Велей, черезъ посланцевъ, отправленныхъ отъ намѣстниковъ крымскаго хана и перекопскаго бея въ Сичь, писалъ ко-

¹⁾ Архивъ минист. ин. дѣлъ; малор. дѣла, 1685, св. 67, № 18.

закамъ письмо, въ которомъ высказывался, что, въ виду установавившагося между Портой и Россіей святого мира, запорожцы обязаны непремѣнно прекратить свои набѣги на селенія и города мусульманъ; а между тѣмъ они вовсе и не думаютъ о томъ, безпрестанно дѣлаютъ škody кызыкерменскимъ и крымскимъ жителямъ, захватываютъ по десяти и даже по пятидесяти лошадей у татаръ, наносятъ имъ большіе убытки и нарушаютъ общій покой. Въ заключеніе письма бей требовалъ отъ кошевого атамана дать ему надлежащій отвѣтъ черезъ крымскихъ посланныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послать своего войскового асаула на Низъ Днѣпра, чтобы согнать оттуда всѣхъ вольныхъ козаковъ въ Сичь, запретить имъ впредь дѣлать всякія škody мусульманамъ и, въ виду избѣжанія непріязни между Россіей и Портой, навсегда усмирить своевольниковъ. На это письмо запорожцы отвѣчали листомъ, что «незначительная» та рѣчь, чтобы ради гульгяевъ и своевольниковъ выгонять съ Низу Днѣпра и его вѣтокъ добрыхъ молодцовъ и что естественнѣе будетъ самимъ татарамъ остерегаться и ловить своевольниковъ и поступать съ ними по своему усмотрѣнію ¹⁾).

Въ слѣдующемъ 1686 году запорожцы снова вошли въ пререканія съ гетманомъ Самойловичемъ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Вскорѣ послѣ праздника Рождества Христова гетманъ получилъ извѣстіе о томъ, что жители орельскихъ городовъ ²⁾ разбили гдѣ-то въ полѣ крымскаго посла и съ нимъ вмѣстѣ, «замордовали» московскаго гонца. Вмѣстѣ съ этимъ пошла «суспѣція и ураза», что въ этомъ дѣлѣ принимали участіе и запорожцы. Тогда гетманъ послалъ универсалъ орельскимъ жителямъ, а въ слѣдъ затѣмъ черезъ особаго посланца отправилъ «вельми доткливое» письмо и къ запорожскимъ козакамъ, въ которомъ укорялъ ихъ въ совершенномъ ими злодѣяніи. На то письмо запорожцы отвѣчали гетману собственнымъ письмомъ, въ которомъ энергично отстаивали свою непричастность къ позорному дѣлу, рѣзко выражали свое негодованіе за безчестіе, возводимое гетманомъ на низовое товариство, и тутъ же припоминали ему всю неблагоприятность его стремленія оттѣснить козаковъ отъ рѣчки Самары, днѣпровскихъ луговъ и вѣтокъ.

«Послѣ разрушенія Чигирина ваша мосць, мосце пане, писали

¹⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 552.

²⁾ Орель—лѣвый притокъ Днѣпра, выше Самары.

къ намъ и обѣщали всѣми силами вашего реймента усердно защищать насъ отъ непріятельскаго бусурманскаго нападенія. А теперъ оказывается иначе, не защищать, а разорять наше низовое войско, ваша мосць, выискиваете способы: чтобы вытѣснить насъ изъ луговъ и вѣтокъ днѣпровскихъ, вѣчныхъ нашихъ жилищъ, вы посовѣтовались съ московскими боярами, а больше всего со своимъ сватомъ Шереметевымъ ¹⁾, и рѣшили построить города ниже Самары по-надъ Днѣпромъ, чего мы никогда отъ васъ не ожидали... Изволь, ваша милость, впредь съ ними (донсчиками) жить и насъ, войска запорожскаго, ни въ чемъ не трогать и не досаждать; мы тоже съ своей стороны не станемъ докучать вашей рейментарской милости, сообразно пословицѣ: святой Бернардине, мы тебѣ не молимся, ты насъ не милуй» ²⁾).

Въ это время у запорожскихъ козаковъ кошевымъ атаманомъ былъ Григорій Сагайдачный. Задумавъ походъ противъ турскихъ и крымскихъ людей, Сагайдачный написалъ о томъ письмо къ донскимъ козакамъ и просилъ у нихъ содѣйствія. Но донцы, получивъ письмо Сагайдачнаго, отослали его въ Москву, и изъ Москвы отправленъ былъ указъ гетману Самойловичу о томъ, чтобы ни жители малороссійскихъ городовъ, ни запорожскіе козаки отнюдь не чинили бы ни съ турками, ни съ татарами никакихъ задоровъ и держались бы съ ними на мирной ногѣ ³⁾).

Въ 1686 году, по истеченіи тридцатилѣтняго андрусовскаго перемирія, между Россіей и Польшей заключенъ былъ, апрѣля 21 дня, вѣчный миръ. Мая 1 дня отправленъ былъ изъ Москвы въ Сичъ съ извѣстіемъ объ этомъ подъячій Ѳедотъ Роговъ; онъ привезъ царскую грамоту на имя кошевого атамана Ѳедора Иванова, въ которой говорилось о мирѣ русскихъ съ поляками, о бытіи Кіева и Запорожья со всѣми черкасскими городами во вѣки неподвижномъ подданствѣ у Россіи и о походѣ ихъ на татаръ и турокъ ⁴⁾).

Вѣсть о заключеніи Польши съ Россіей вѣчнаго мира дошла немедленно и въ Крымъ и была очень непріятна крымскому хану. Въ борьбѣ съ польскимъ королемъ ханъ разсчитывалъ на помощь

¹⁾ Самойловичъ выдалъ свою дочь за сына Петра Шереметева, Ѳедора Петровича.

²⁾ Величко, Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 557, 558.

³⁾ Акты исторіи войска донскаго, Новочеркасскъ, 1891, I, 140.

⁴⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1686, св. 69, № 18.

со стороны запорожскихъ козаковъ, но теперь запорожцы не могли уже дѣйствовать вопреки воли московскихъ правителей.

Юня 1 дня, 1686 года, въ Москву прибыли отъ кошевого атамана Ѳедора Иваника¹⁾ и всего низового войска посланцы Трофимъ Волошанинъ да куренной атаманъ Василиій Кузьминъ съ 50 козаками съ просьбой о жалованьѣ и съ разными вѣстями о намѣреніяхъ крымцевъ. Явившись въ приказъ Малой Россіи, запорожскіе посланцы дали слѣдующее показаніе:

«Къ великимъ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Иоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцамъ, послали ихъ кошевой атаманъ и все войско запорожское бить челомъ за ихъ царскаго величества милости; ханъ крымскій, по ихъ царскаго величества указу и по грамотѣ, какова послана была къ хану крымскому о ихъ обидахъ, позволилъ имъ, войску запорожскому, быть въ промыслахъ для звѣриной и рыбной ловли безъ всякаго налога и безъ десятины: а о соляныхъ промыслахъ, чтобъ соль имъ брать безпощинно, писалъ онъ, ханъ, къ турецкому салтану. Да и о томъ послали ихъ кошевой атаманъ и все войско бить челомъ великимъ государямъ, ихъ царскому величеству, чтобы великіе государи пожаловали ихъ, велѣли къ нимъ послать на Кошъ своего великихъ государей жалованья по прежнему ихъ государскому указу. А съ грамотою великихъ государей ихъ царскаго величества къ крымскому хану посылали атаманъ кошевой и все войско запорожское Трофима Волошанина да Василя Кузьмина съ товарищами. А какъ они были въ Крыму, то ханскій визирь, призвавъ ихъ къ себѣ, говорилъ имъ, не будетъ-ли отъ нихъ помощи противъ польскаго короля: въ прежнее время отъ нихъ, безъ вѣдома царскаго величества, запорожскіе козаки, собравшись до 500, 600 и даже до 1.000 человекъ и назначивши себѣ полковника, ходили съ ними, крымцами, на войну вмѣстѣ. Они же, Трофимъ съ товарищами, на то визирю сказали, что хотя раньше того такъ и водилось, но нынѣ безъ воли и указа царскаго величества дѣлать они того не будутъ. Въ то время ханъ крымскій, Нуррединъ и Калга салтаны были въ Крыму и турецкій салтанъ прислалъ въ Крымъ своего каймакана съ жалованьемъ и съ приказаніемъ, чтобы ханъ и салтаны, собравшись со всѣми крымскими силами, немедленно

¹⁾ Въ однихъ актахъ онъ назывался Иваникомъ, въ другихъ Иванисомъ.

шли на войну, потому что польскій король, собравшись со своими силами, хочетъ идти подъ Каменецъ-Подольскій».

Вѣсти, привезенныя запорожскими посланцами въ Москву, очень понравились московскимъ правителямъ, и запорожскому войску съ его старшинами назначено было жалованье: кошевому атаману Ѳедору Ивануку — двѣ пары соболей, по семи рублей пара, 2 сорока соболей, по пятидесяти рублей каждое сорокъ; судѣ, асаулу и писарю по парѣ соболей въ семь рублей пара да по сороку соболей, въ пятьдесятъ рублей каждое сорокъ. Кромѣ того, тому жъ кошевому атаману на шапки два вершка бархатныхъ, камки куэтеру да атласу гладкаго по 10 аршинъ, 2 портица сукна кармазину, по 5 аршинъ портище; судѣ, асаулу, писарю по вершку бархатному, по 5 аршинъ сукна кармазину да по атласу по 10 аршинъ атласъ челоуку; всему войску да кошевому атаману—150 половинокъ суконъ анбургскихъ, 50 суконъ половинокъ шиштуховыхъ, которыя велѣно было дослать къ 150 половинкамъ, посланнымъ въ прошломъ году изъ приказа Малой Россіи. Для отправки царскихъ подарковъ на Сичь назначенъ былъ стольникъ Левъ Мионовъ Поскочинъ. Не забыты были также и посланцы запорожскіе, прибывшіе въ Москву: имъ велѣно было выдать, сверхъ поденнаго корму и приказной дичи, рыбы соленой бѣлужины и осетрины, хлѣба, калачей, крупъ, соли, перцу, чесноку и луку на 4 рубля, питья съ отдаточнаго двора—вина 10 ведеръ, меду столько же, пива 30 ведеръ; кромѣ того, особое «царское милостивое жалованье» ¹⁾.

Посланцы запорожскихъ козаковъ отпущены были изъ Москвы іюня 18 дня и вмѣстѣ съ ними въ тотъ же день послана была царская милостивая грамота кошевому атаману «Ѳедору Ивановичу» и всему бывшему при немъ посольству ²⁾.

¹⁾ Архивъ мин. иностр. дѣлъ; малор. дѣла, 1686, св. 69, № 19.

²⁾ Архивъ мин. ин. дѣлъ; малор. подл. акты, 1686, св. 2, № 23.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Вопросъ о взятіи козаками города Кафы.

Вопросъ о взятіи козаками города Феодосіи безусловно разрѣшается въ томъ смыслѣ, что событіе это совершилось не въ 1606-мъ, а въ 1616-мъ году. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, безъ всякаго колебанія, всѣ достовѣрные источники той эпохи.

I) *Реляція* современника событія, Станислава Жолкевскаго, короннаго гетмана польскаго, составленная имъ въ 1618 году. Эта реляція напечатана подъ такимъ заглавіемъ: «*Relacia jmei pana Stanislawa Żolkiewskiego woiew. Kiiowsk. Kanс. i Het. Koron. w Warszawie na Seymie walnym w roku Bozym 1618*, въ сборникѣ Niemcewicza: *Zbiór pamiętników historycznych o dawnéj polsce z rękopismów, tudzweż dziel...* Tom VI, Lwow, 1833, 8°. Здѣсь, на стран. 93—107, излагаются въ послѣдовательномъ порядкѣ дѣйствія козаконъ въ 1614, 1615 и 1617 годахъ. На страницѣ 98 говорится: «*Szedł Ali Basza na początku roku 1616 Kozacy, go porazili w Limienin, Kilkana s'ete galer wzięli i do sta czolnów, uciekł sam Ali Basza, spalili Kaphę (Kaffe) i powojowali brzegi...*». Та же реляція перепечатана подъ заглавіемъ *Mowa w Warszawie na sejmie walnym roku 1618 miana, w której z daje sprawę z swoich czynności*, въ сборникѣ: «*Pisma Stanisława Żolkiewskiego*». Lwow. 1861, 8°.

Выписанной изъ предыдущаго сборника цитатѣ здѣсь соотвѣтствуетъ страница 304-я.

II) На тотъ же 1616 годъ указываетъ, по сообщенію Штентмана, рукопись Неаполитанской національной бібліотеки: *Ms. I, J.—Nuevo Tratado de Turquia con una Description del sitio, y ciudad de Constantinopla etc. Compuestas por D. Otavio Sapientia clergo etc. Dedicando a la Magstad del Rey catolico don Felipe IV. Anno 1622, capitulo XXI V, De las Roxos rassallos de Polonia y su valor*. (Смотри «Историческія пѣсни малорусскаго народа», съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, томъ I, Кіевъ, 1874, страница 203).

III) Тоже подтверждаетъ *рукописный сборникъ* Императорской Публичной Библіотеки, въ отдѣлѣ *польскихъ рукописей, f. № 33*. (Смотри историческую монографію Н. И. Костомарова: «*Богданъ Хмельницкій*», томъ I, изданіе 4-е, Спб., 1884 г., страница 64-я).

IV) Въ печатной брошюрѣ «*Върши на жалосный погребъ Зайного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного. Заложонный прѣзь умока Косіана Саковича. Кіевъ, 1622, 4°*», имѣется виньетка, изображающая взятіе Сагайдачнымъ

Кафы. Съ лѣвой стороны виньетки напечатано «*Кафу воєвалъ*», а съ правой— «*року ꙗ̄ѣѣі*» (1616 годъ).

Въ посмертномъ изданіи *Собранія сочиненій М. А. Максимовича, томъ I, отдѣлъ историческій*, Кіевъ, 1876 года, на страницѣ 359, говорится, что въ 1869 году М. А. Максимовичъ сообщилъ въ рукописной замѣткѣ, что «на томъ экземплярѣ книги «Вѣршѣ», которымъ онъ первоначально пользовался, въ цифрѣ, означающей годъ 1616, знакъ 1̄ былъ приписанъ впоследствии другимъ почеркомъ и черниломъ; потому онъ находилъ нужнымъ выставить годъ взятія Кафы 1606, а не 1616», что и исполнено редакторами «Собранія сочиненій» М. А. Максимовича.

Въ виду такого противорѣчія въ показаніяхъ современныхъ источниковъ, авторъ настоящаго труда обратился къ И. Г. Безгину и просилъ его проверить подлинный экземпляръ книги «Вѣршѣ», хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. И. Г. Безгинъ, рассмотрѣвъ 24 марта, 1894 года, этотъ экземпляръ, совместно съ директоромъ Императорской Библіотеки А. Ф. Бычковымъ, какъ онъ лично, такъ и г-нъ директоръ пришли къ выводу, что цифра 1̄, вѣроятно, въ виду неясности оттиска, подправлена въ двухъ мѣстахъ чернилами или краскою, но не сплошь. И если смотрѣть на свѣтъ, то ясно можно различить типографскій оттискъ цифры 1̄.

Этимъ опровергается предположеніе (о поддѣлкѣ цифры), высказанное покойнымъ М. А. Максимовичемъ.

Одинъ изъ редакторовъ его посмертныхъ сочиненій, профессоръ В. Б. Антоновичъ, повторяетъ ту же ошибку въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: въ рецензіи на повѣсть Д. Л. Мордовцева: «Сагайдачный» («Кіевская Старина», 1882, № 10), ссылаясь здѣсь на Максимовича; а затѣмъ въ биографіи Сагайдачнаго, напечатанной въ сборникѣ «Историческіе дѣятели юго-западной Россіи», выпускъ I, Кіевъ, 1885. Но сборникъ этотъ имѣетъ характеръ не научный, а популярный, и ссылки на источники въ немъ совершенно отсутствуютъ.

V) Тотъ же профессоръ Антоновичъ въ сборникѣ «*Историческія тѣсни малорусскаго народа*», томъ I, Кіевъ, 1874 года, на страницѣ 203, совершенно опредѣленно говоритъ, что взятіе и сожженіе козаками Кафы состоялось въ 1616 году, что «походъ Сагайдачнаго прежде относили къ 1616 г., а впоследствии Максимовичъ (подразумѣвая здѣсь рукописную замѣтку послѣдняго въ 1869 г.), какъ теперь оказывается, *нестыжно* отнесъ къ 1606 году».

VI) Того же мнѣнія, что Кафа взята въ 1616 году, придерживается и П. А. Кулишъ въ своей «*Исторіи возсоединенія Руси*», томъ II, Спб., 1874, страница 208—209.

VII) *Н. И. Костомаровъ*, въ 3-мъ изданіи своей исторической монографіи «*Богданъ Хмельницкій*» (т. I, стр. LV) высказывался, что «по *всѣмъ соображеніямъ*» разореніе Кафы козаками можно отнести къ 1613 году, но мотивы этихъ соображеній оказались недостаточно вѣскими, и потому въ 4-мъ изданіи этой монографіи (томъ I, Спб. 1884 г.) на страницѣ 64, уже совершенно опредѣленно, съ указаніемъ источниковъ, говорится о сожженіи Кафы козаками Сагайдачнаго въ 1616 году.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Глава первая. Происхождение козаковъ.—Козаки татарскіе; козаки южнорусскіе; козаки низовые или запорожскіе.—Причины появленія южнорусскаго козачества.—Начало отдѣленія запорожскихъ козаковъ отъ украинскихъ.—Шесть періодовъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ.—Смѣшиваніе запорожскихъ козаковъ съ украинскими въ Москвѣ и строгое различіе ихъ самихъ отъ гетманскихъ козаковъ.—Первые вожди, соединившіе для общей цѣли козаковъ.—Князь Димитрій Вишневецкій, его походъ на низовье Днѣпра, первая попытка основанія Сичи на островѣ Хортицѣ, служба русскому царю, польскому королю, походъ въ Молдавію и трагическая кончина въ Царьградѣ

5—32

Глава вторая. Перемѣшкованіе козаковъ на Низу Днѣпра послѣ князя Димитрія Вишневецкаго.—Козацкіе предводители: Бирута Мадскій, Карпо, Андрушъ, Лесунъ, Бѣлоусъ и Ляхъ.—Нападенія козаковъ на проѣзжихъ турецко-татарскихъ купцовъ и русско-татарскихъ гонцовъ.—Политическая унія 1569 года Литвы и Польши и положеніе всего козацкаго сословія въ новомъ государствѣ.—Мѣры польско-литовскаго правительства противъ козаковъ и назначеніе надъ ними особаго правительственнаго начальника «старшого», Яна Бадовскаго.—Походы Сверчовскаго въ Молдавію въ помощь господарю Ивонѣ противъ турокъ и дѣйствія низовыхъ козаковъ.—Кошевые атаманы низовыхъ козаковъ Фока Покотило и Самойло Кошка.—Гетманъ Богданъ Ружинскій.—Походы его съ козаками въ крымскія владѣнія и къ берегамъ Малой Азіи; взятіе имъ города Трапезонта и гибель при взрывѣ крѣпости Аслама.—Походы Ивана Подковы съ козаками и ихъ предводителемъ въ Молдавію.—Успѣхъ Подковы и гибель его.—Преемникъ Подковы Александръ и дѣйствія низовыхъ козаковъ.—Мѣры Стефана Баторія противъ козаковъ.....

33—65

Глава третья. Родина Самоила Зборовскаго.—Роль Зборовскихъ при избраніи королей Генриха и Баторія на польскій престолъ.—Преступленіе Самоила Зборовскаго, баначія и замыслы его о про-

славленіи своего имени и геройскихъ подвиговъ.—Походъ Зборовскаго по Днѣпру и свиданіе съ козаками.—Планы его о походѣ на Молдавію.—Сношенія съ крымскими послами и мысль о походѣ на Персію вмѣстѣ съ турками и татарами.—Отказъ въ этомъ Зборовскому со стороны низовыхъ козаковъ.—Посольство Зборовскаго къ молдавскому господарю и движеніе его по Днѣпру для промысловъ.— Столкновеніе съ татарами и турками низовыхъ козаковъ.—Напрасное ожиданіе на Пробитомъ шляху извѣстій отъ молдавскаго господаря.— Затруднительное положеніе Зборовскаго въ степи, возвращеніе его на родину и казнь по приказу короля Стефана Баторія.....

66—77

Глава четвертая. Нападенія козаковъ на крымскія владѣнія.— Жалобы крымскаго хана на козаковъ королю Стефану Баторію.— Посольство, отправленное Баторіемъ къ низовымъ козакамъ дворянина Глубоцкаго и расправа козаковъ съ королевскимъ посланцемъ.— Походъ козаковъ съ атаманомъ Орышовскимъ на крымскіе улусы и мирныя предложенія ихъ хану Исламъ-Гераяю.—Дѣйствіе преемника Исламъ-Герая.—Взятіе козаками крѣпости Очакова и разграбленіе береговъ Крыма.—Дѣйствіе преемника Исламъ-Герая, Казы-Герая, противъ козаковъ.—Политика московскаго правительства въ отношеніи запорожскихъ козаковъ, разгромъ козаками турецкихъ городовъ Козлова, Аккермана и Азова и погоня турокъ за козаками.— Радость въ Москвѣ по поводу успѣха козаковъ на Черномъ морѣ.— Жалобы султана польскому королю на козаковъ и мѣры короля Сигизмунда III для укрощенія ихъ.....

78—85

Глава пятая. Первое возстаніе козаковъ противъ поляковъ подъ начальствомъ Косинскаго.—Боевыя силы козаковъ и главный контингентъ возставшихъ.—Первыя извѣстія о жизни и дѣйствіяхъ Криштофа Косинскаго.—Пребываніе его въ Запорожской Сичи, возвращеніе для лѣжки на Украину и движеніе на Волюны и Подолію.—Безсильныя мѣры короля Сигизмунда III противъ козаковъ.—Неудачное движеніе противъ козаковъ князя Острожскаго и понесенное пораженіе имъ отъ Косинскаго.—Постановленіе короля и сейма относительно козаковъ.—Дѣйствія противъ козаковъ князей Острожскихъ и князя Александра Вишневецкаго.—Пораженіе Косинскаго подъ Пяткою и принесеніе имъ присяги на вѣрность Рѣчи-Исполитой.—Неисполненіе присяги со стороны Косинскаго и новое движеніе козаковъ противъ поляковъ.—Сборы Косинскаго и козаковъ въ городѣ Черкасахъ и внезапная смерть Косинскаго.—Значеніе перваго движенія козаковъ противъ Польши.....

86—97

Глава шестая. Идея объ изгнаніи турокъ изъ Европы.—Сношенія австрійскихъ императоровъ съ Москвой по этому поводу черезъ посла Воркочу.—Свѣдѣнія, собранныя Воркочей въ Москвѣ о запорожскихъ козакахъ.—Отправленіе и пріѣздъ въ Запорожскую Сичу германскаго посла Эриха Ласоты.—Пріѣздъ папскаго посла патера

Комулео.—Предложеніе запорожцамъ отъ императора и папы.—Согласіе и потомъ отказъ запорожцамъ въ участіи войны императора противъ турокъ.—Условія, предъявленныя запорожцами императорскому послу и отправка къ императору собственныхъ посланцевъ.—Уклоненіе со стороны молдавскаго господаря отъ союза съ запорожцами, хлопоты по этому поводу и успѣхъ со стороны папскаго посла, патера Комулео

98—122

Глава седьмая. Введеніе церковной уніи на Украинѣ и насилія по этому поводу со стороны католиковъ надъ православными.—Козацкое возстаніе подъ предводительствомъ Лободы и Наливайка.—Біографическія данныя о Лободѣ и Наливайкѣ.—Обида отъ Калиновскаго Наливайкѣ-отцу и выступленіе на Украину Наливайка-сына.—Прожденія его на Волыни и Бѣлоруссіи.—Выходъ изъ Сичи Лободы.—Гетманъ Саула.—Дѣйствія противъ козаковъ Жолкевскаго.—Схватка козаковъ подъ Бѣлю-Церковью.—Гибель Саська, контузія Саулы и выборъ Лободы гетманомъ козаковъ.—Движеніе козаковъ къ Кіеву.—Запорожская флотилія подъ начальствомъ атамана Подвысоцкаго.—Отступленіе козаковъ къ Переяславу и Лубнамъ.—Жестокая битва у Солоницы.—Выдача Наливайка.—Условія, предложенныя козакамъ Жолкевскимъ.—Казнь Наливайка и постановленія польскаго правительства о низовыхъ козакахъ.....

123—165

Глава восьмая. Преемникъ Лободы и Кремпскаго,—Христофоръ Печковскій и поведеніе его въ отношеніи поляковъ и низовыхъ козаковъ.—Смѣна Печковскаго и назначеніе вмѣсто него Тихона Байбузы.—Преданность Байбузы польскому правительству; возстаніе противъ него низовыхъ козаковъ и избраніе ими въ старшого козака Полоуса.—Дѣйствія Полоуса противъ Байбузы и его асаула Семена Скалозуба.—Образованіе въ Запорожьѣ двухъ партій и открытая вражда между ними.—Назначеніе старшимъ Семена Скалозуба и гибель его на морѣ.—Преемникъ Скалозуба Самойло Кошка.—Походы Кошки съ запорожцами въ Молдавію и Ливонію.—Кончина Кошки и преемникъ его Гаврило Крутневичъ.—Преемникъ Крутневича Иванъ Кудковичъ.—Поведеніе козаковъ въ Инфлянтской землѣ, взятіе ими города Витебска и уходъ Кудковича изъ войска.—Одновременныя дѣйствія низовыхъ козаковъ въ Крыму и на Черномъ морѣ въ 1601—1607 году.—Жалобы на козаковъ польскому королю со стороны Турци.—Столкновеніе запорожцевъ съ татарами у Корсуна и распряженія гетмана Григорія Изаповича.....

166—178

Глава девятая. Участіе запорожскихъ козаковъ въ предпріятіи Лжедмитрія I.—Неудачная битва Дмитрія и козаковъ у Добрынчъ на рѣчкѣ Сѣвѣ.—Участіе запорожцевъ въ предпріятіи Лжепетра и Лжедмитрія II.—Пораженіе Шуйскаго и Голицына и начальника нѣмецкаго отряда Ламсдорфа отъ поляковъ и запорожцевъ.—Общая численность запорожскихъ и украинскихъ козаковъ при Тушинѣ.—

Дѣйствія козаковъ подъ Устюжною.—Дѣйствія Наливайка во владимірскомъ уѣздѣ.—Движеніе Кернозицкаго съ козаками къ Новгороду, отступленіе къ Старой-Русѣ и Твери.—Дѣйствія Олевченка съ козаками подъ Смоленскомъ.—Участіе козаковъ во взятіи Стародуба, Почепа, Чернигова, Новгородъ-Сѣверска, Мосальска и Бѣлой.—Оборона козаками православной вѣры на югѣ; возвращеніе ихъ на сѣверъ и движеніе къ Пронску, Зарайску, въ верхневоложскія заволжскія мѣста; осада Вологды.—Сидѣніе запорожцевъ въ Кремлѣ.—Сношеніе царя Михаила Ѳеодоровича съ турецкимъ султаномъ по поводу запорожцевъ.—Движеніе въ московскіе предѣлы гетмана Сагайдачнаго и дѣйствія его у Калуги и Бѣлой 179—188

Глава десятая. Начало дѣятельности гетмана Сагайдачнаго.—Взятіе запорожцами городовъ Кафы, Синопа, окрестностей Константинополя, Трапезонта и Варны.—Походъ запорожскихъ козаковъ подъ Перекопъ и сношеніе ихъ съ Москвою.—Участіе запорожцевъ въ сраженіи подъ Хотиномъ заодно съ поляками противъ турокъ и первенствующая роль въ этомъ гетмана Сагайдачнаго.—Неудачные походы запорожцевъ къ Очакову и въ Черное море въ 1621 году.—Походы запорожцевъ въ Молдавію въ 1622—1623 году, къ берегамъ Восточнаго Босфора, къ городамъ Синопу и Трапезонту.—Страшное пораженіе козаковъ на западномъ берегу Чернаго моря.—Условія, предъявленныя козаками польско-литовскому правительству въ 1625 году.—Появленіе въ Запорожьѣ турецкаго царевича Ахін 189—209

Глава одиннадцатая. Походъ Конецпольскаго противъ козаковъ и дѣйствія противъ поляковъ гетмана Жмайля.—Куруковское дѣло въ 1626 году.—Выходъ запорожцевъ въ 1629 году къ Константинополю.—Пребываніе гетмана Тараса Трясила въ Запорожьѣ.—Сраженіе Конецпольскаго съ Трясилою подъ Переяславомъ.—Походъ запорожцевъ подъ начальствомъ Сулимы на Черное море.—Миръ Польши съ Турціей въ 1634 году и средства для удержанія козаковъ отъ набѣговъ на мусульманъ.—Построеніе крѣпости Кодака и разрушеніе ея Сулимою.—Походъ запорожцевъ подъ Азовъ.—Дѣйствія Павлюка, Гуни и запорожцевъ противъ поляковъ.—Печальное дѣло козаковъ съ поляками у устья Старицы въ 1638 году.—Неудачный походъ запорожцевъ къ устью Кубани.—Прекращеніе извѣстій о козацкихъ походахъ 210—230

Глава двѣнадцатая. Бѣгство Богдана Хмельницкаго въ запорожскую Сичу и пріемъ его козаками.—Посланціи короннаго гетмана Потоцкаго въ Сичу съ приказаніемъ изловить Хмельницкаго.—Отъѣздъ Хмельницкаго въ Крымъ и возвращеніе въ Сичу.—Первая рада въ Запорожьѣ.—Письма Хмельницкаго къ знатнымъ польскимъ панамъ.—Пріѣздъ въ Запорожьѣ перекопскаго мурзы Тугай-бея.—Вторая рада въ Запорожьѣ.—Движеніе Хмельницкаго противъ поляковъ къ Желтымъ-Водамъ.—Встрѣча Хмельницкимъ польской рѣвной

флотилия у праваго берега Днѣпра съ цѣлью склонить ее на свою сторону и полный его въ этомъ успѣхъ.—Положеніе лагерей козакаго и польскаго у Желтыхъ-Водъ.—Полное пораженіе поляковъ у Желтыхъ-Водъ и Княжяго-Байрака.—Движенія запорожцевъ отъ Желтыхъ-Водъ къ Корсуню, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, Бѣлой-Церкви и на Волянъ.—Недовольство запорожцевъ Хмельницкимъ.—Сношенія Хмельницкаго съ запорожцами по поводу передачи Малороссіи Москвѣ.—Партія людей, не желавшихъ соединиться съ Москвою и бѣгство ея въ Запорожье.—Присяга запорожцевъ московскому царю.— Неудачные походы запорожцевъ въ Черное море и къ Очакову... 231—249

Глава тринадцатая. Настроеніе населенія на Украинѣ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго и откликъ этого настроенія въ Запорожьѣ.— Гетманъ Виговскій и его письмо къ запорожцамъ по поводу избранія въ гетманы.—Дипломатическій отвѣтъ запорожцевъ Виговскому и открытая вражда ихъ къ нему.—Извѣтъ гетмана Виговскаго на запорожцевъ, посланный въ Москву.— Осмотрительное обращеніе Москвы съ запорожцами.—Отправленіе запорожцами посланцевъ въ Москву.—Возвращеніе посланцевъ запорожскихъ въ Сичу и политичное обращеніе козаковъ съ гетманомъ Виговскимъ.—Отправка гетманомъ въ Запорожье одного полка подъ предлогомъ охраны отъ татаръ, въ дѣйствительности же для искорененія между запорожцами всякаго своеволя.—Обвиняя запорожцевъ въ измѣнѣ, гетманъ Виговскій самъ думаетъ объ измѣнѣ русскому царю.—Показанія о томъ козака Зятя въ Москвѣ.—Возвращеніе запорожскихъ посланцевъ изъ Москвы и опасеніе ихъ быть захваченными со стороны Виговскаго.—Вражда между Виговскимъ и полтавскимъ полковникомъ Пушкаремъ и поддержка Пушкаря запорожцами.—Новые враги Виговскаго, Яковъ Барабашъ и другіе.—Открытая измѣна Виговскаго русскому царю и борьба его по этому поводу съ запорожцами. 250—301

Глава четырнадцатая. Родина, семья и характеристика Сирка.— Дѣйствія Сирка въ пользу русскаго царя, гетмана Виговскаго и татаръ по рѣкѣ Бугу.—Набѣгъ Сирка на городъ Чигиринъ и захватъ имъ скарба Брюховецкаго.—Избраніе гетмана Юрія Хмельницкаго и участіе въ этомъ Сирка.—Дѣйствія запорожцевъ, воеводы Шереметева и гетмана Хмельницкаго противъ татаръ и поляковъ.—Пораженіе Шереметева у Чуднова, измѣна Хмельницкаго у Слободишъ русскому царю и походъ запорожцевъ въ Венгерскую землю.—Наказный гетманъ Сомко и противникъ его полковникъ Золотаренко и кошевой Брюховецкій.—Вѣрность царю со стороны Сирка и походы его по Бугу.—Посольство царя къ запорожскимъ козакамъ и походъ кошевого Брюховецкаго внизъ по Днѣпру противъ татаръ.—Борьба Брюховецкаго и Сомка изъ за обладанія гетманской булавы и обоюдные доносы въ Москву.—Приказъ царя объ избраніи настоящаго гетмана и помѣха въ томъ черезъ враждебныя дѣйствія Хмельницкаго.—Письмо запорожцевъ къ Хмельницкому и удаленіе его въ мо-

настырь.—Правобережный гетманъ Тетеря и посланіе къ нему запорожскихъ козаковъ.—Возобновленіе борьбы Брюховецкаго съ Сомкомъ и заискиванія перваго у запорожцевъ.—Черная или нѣжинская рада 1663 года.—Избраніе Брюховецкаго и казнь Сомка.—Награда запорожскимъ козакамъ..... 302—333

Глава пятнадцатая. Сборы Брюховецкаго къ походу противъ Тетери и обращеніе къ запорожскимъ козакамъ.—Совмѣстныя дѣйствія Сирка и Косагова подъ Перекопомъ противъ татаръ.—Замыслы татаръ и Тетери противъ Украины.—Обращеніе Брюховецкаго за помощью противъ поляковъ къ Сирку и выѣздъ вмѣсто Сирка ватаги Чугуя.—Присылка въ Сичь «прелестныхъ» писемъ Тетери и волненіе въ Запорожьѣ.—Отписка о томъ Косагова въ Москву и ободряющая грамота отъ царя Сирку.—Подвигъ Косагова и Сирка въ борьбѣ съ Карачъ-беємъ.—Походъ Сирка за Днѣпръ и за Бугъ.—Переходъ польскаго короля на лѣвую сторону Днѣпра и разгромъ его Брюховецкимъ и Ромодановскимъ подъ Глуховымъ.—Выходъ Косагова и Туровца въ помощь Сирку противъ воеводы Чарнецкаго.—Новыя дѣйствія Косагова и Сирка подъ Корсунемъ и Уманемъ.—Удаленіе Сирка въ Торговицу, походъ его въ Буджакъ, пораженіе подъ Гараджинымъ и возвращеніе въ Сичь.—Пораженіе Косагова отъ поляковъ у Корсуни и жалоба на Брюховецкаго.—Недовольство Сирка на Брюховецкаго и отъѣздъ его въ Бѣлгородъ.—Дѣйствія кошевого Щербины противъ турокъ.—Просьба Брюховецкаго о назначеніи на Украину и Запорожье московскихъ воеводъ и негодованіе запорожцевъ на гетмана.—Враждебная встрѣча запорожцами Косагова.—Измѣненіе положенія дѣлъ къ лучшему вслѣдствіе появленія на сцену Сирка 334—364

Глава шестнадцатая. Поѣздка гетмана Брюховецкаго въ Москву и статьи, предложенныя имъ царю для Украины и Запорожья.—Выступленіе на сцену противниковъ Брюховецкаго Децика и Дорошенка.—Истребленіе Дорошенкомъ гетмана Опары и сношеніе съ запорожскимъ войскомъ.—Походъ запорожцевъ за Куяльникъ.—Возвращеніе Брюховецкаго въ Украину и единодушная ненависть къ нему и ко всей Москвѣ за введеніе на Украинѣ и Запорожьѣ воеводъ.—Ненависть запорожцевъ къ московскимъ ратникамъ, бывшимъ въ Сичи, и удаленіе изъ Запорожья Косагова.—Андрусовское перемиріе между Польшею и Россіей и положеніе запорожцевъ по этому перемирію.—Усиленіе вражды въ Москвѣ и убіеніе русскаго посла въ Запорожьѣ Лодыженскаго.—Слѣдствіе по этому дѣлу въ Сичи и открытіе виновныхъ.—Письмо по этому поводу кошевого атамана Васютенка къ гетману Брюховецкому и просьба его исходатайствовать у царя прощеніе низовому войску.—Письмо Брюховецкаго къ царю и мнѣніе его о причинахъ бунта въ Запорожьѣ.—Царская грамота запорожцамъ и отпущеніе имъ ихъ вины..... 365—393

Глава семнадцатая. Возобновленіе неудовольствія украинцевъ и запорожцевъ противъ московскихъ бояръ.—Истребленіе бояръ на Украинѣ и участіе въ томъ запорожцевъ.—Дѣйствія запорожскихъ полковниковъ Сохи и Урбановича противъ бояръ на Украинѣ.—Грамота гетману Брюховецкому съ убѣжденіемъ пребыть вѣрнымъ царю и удерживать отъ своеволія запорожскихъ козаковъ.—Воззваніе Брюховецкаго къ донцамъ и запорожцамъ.—Царская грамота кошевому атаману Бѣлковскому.—Гибель Брюховецкаго и поведеніе бывшихъ при немъ запорожцевъ.—Пребываніе Сирка въ слободской Украинѣ и удаленіе его оттуда къ гетману Дорошенку.—Походъ Сирка въ Крымъ и его подвиги въ борьбѣ съ татарами.—Выборъ запорожцами Вдовиченка и Суховія въ гетманы и борьба съ Дорошенкомъ.—Помощь, оказанная въ рѣшительную минуту Сиркомъ Суховію.—Пере мѣна настроенія Сирка въ отношеніи Суховія.—Дружба Сирка съ Дорошенкомъ и нанесеніе пораженія Сиркомъ татарамъ и Суховію у Ольховца 394—407

Глава восемнадцатая. Выборъ въ гетманы Многогрѣшнаго и не признаніе его запорожцами.—Попытка со стороны Турціи выбрать въ гетманы Юрія Хмельницкаго.—Утвержденіе на гетманствѣ Дорошенка и посольство отъ него въ Сичу.—Замыслы Суховія сокрушить Дорошенка.—Многочисленная борьба Суховія и Сирка съ Дорошенкомъ, мирные договоры ихъ между собой и намѣренія идти въ лѣвобережную Украину.—Увѣщательная грамота запорожцамъ отъ царя.—Новый походъ Суховія къ Чигирину и послѣднее возвращеніе въ Сичь вслѣдствіе нападенія на нее янычаръ.—Рѣшительныя намѣренія Дорошенка воевать лѣвобережную Украину и объявленіе ему за то вражды запорожцами.—Намѣреніе запорожцевъ склониться московскому государю.—Походъ Сирка подъ Очаковъ.—Затруднительное положеніе Дорошенка и неожиданная помощь со стороны Сирка ... 408—427

Глава девятнадцатая. Обращеніе польскаго короля къ московскому царю за помощью противъ Дорошенка и отказъ со стороны царя.—Борьба Ханенка, Сирка и польскаго короля съ гетманомъ Дорошенкомъ.—Покореніе запорожцами побугскихъ и поддѣстрынскихъ городовъ—Бершади, Лодыжина и другихъ.—Подвиги Сирка въ борьбѣ съ татарами и захватъ имъ въ плѣнъ ногайскаго мурзы Тенмамбета.—Паденіе гетмана Многогрѣшнаго.—Ссылка Ивана Сирка въ Сибирь.—Вторженіе турокъ въ Подолію.—Приготовленіе московскаго царя къ борьбѣ съ турками: усиленіе Сичи и крѣпости Колака ратниками и возвращеніе изъ Сибири, по ходатайству польскаго короля и по просьбѣ запорожцевъ, Ивана Сирка.—Военные подвиги запорожскихъ козаковъ въ отсутствіе Сирка: походъ ихъ противъ Петра Дорошенка заодно съ Михайломъ Ханенкомъ и захватъ ими ѣхавшихъ въ Крымъ и Турцію посланцевъ Дорошенка.—Прибытіе Сирка въ Сичу и его походы противъ непріятелей.—Моровое по вѣтріе въ Сичи 428—455

Глава двадцатая. Появленіе въ Сичи царевича Симеона Алексѣевича.—Примѣты его по разсказамъ вождя Міюскаго.—Принятіе и допросъ царевича Сиркомъ.—Повѣсть царевича о своемъ уходѣ изъ Москвы.—Отправка царскихъ пословъ Чадуева и Щоголева къ Сирку съ приказаніемъ выдачи самозванца имъ.—Встрѣча запорожцевъ съ царскими послами на Украинѣ и въ самомъ Запорожьѣ и разговоръ о царевичѣ.—Прибытіе пословъ въ Сичу.—Объясненіе ихъ съ Сиркомъ въ куренѣ и съ царевичемъ возлѣ посольской избы.—Негодование запорожцевъ противъ пословъ.—Войсковая рада и смертный приговоръ посламъ.—Успокоительное дѣйствіе Сирка на козаковъ.—Частная бесѣда Сирка съ посланцами и перечисленіе имъ всѣхъ винъ царя въ отношеніи Сирка.—Недовѣріе запорожцевъ къ московскимъ посламъ и отправка въ Москву собственныхъ.—Удержаніе царевича запорожцами въ Сичи.—Возвращеніе пословъ въ Москву и разсказъ ихъ обо всемъ видѣнномъ въ Запорожьѣ 456—473

Глава двадцать первая. Посольство Сирка къ Дорошенку и Самойловичу съ предложеніемъ дѣйствовать сообща противъ враговъ христовой вѣры.—Заключеніе гетманомъ Самойловичемъ посланцевъ Сирка Яремы Кваши и Грицька Оглобли въ тюрьму.—Письма Сирка къ брату гетмана, священнику Тимоею Самойловичу и боярину Григорію Ромодановскому по этому поводу.—Прибытіе запорожскихъ посланцевъ въ Москву по дѣлу о самозванцѣ.—Грамота царя Сирку о выдачѣ самозванца.—Отправка самозванца въ Москву, казнь его и пожалованіе царемъ Сирка.—Дѣло объ Иванѣ Мазепѣ.—Исповѣдь Мазепы въ Москвѣ и показанія его о Сиркѣ и Дорошенкѣ.—Новая гроза для Украины отъ нашествія турокъ и татаръ—Движенія Сирка за Бугъ и заднѣпровскую Украину.—Вторженіе турокъ въ Подолію и взятіе ими Лодыжина и Уманя.—Походы крымскаго хана въ лѣвобережную Украину.—Возвращеніе Сирка въ Сичу 474—486

Глава двадцать вторая. Характеристика двухъ важныхъ дѣятелей времени—Сирка и Самойловича.—Приходъ короля Яна Собѣскаго въ западную Украину и замѣшательство между старшиной и козацкой массой въ восточной Украинѣ.—Дѣйствія короля и его воеводъ противъ татаръ подъ Жорнищами, Немировымъ, Чигириномъ и Паволочью.—Гибель Нуррединъ-салтана и бѣгство его войска отъ поляковъ.—Доносы Самойловича на Сирка въ Москву.—Оправдательное посольство Сирка къ царю.—Отказъ царя въ просьбахъ Сирка.—Сношенія Сирка съ польскимъ регимантаремъ Миндреевскимъ и королевскимъ посломъ Завишею.—Разсказъ объ этомъ самого Сирка и царскаго посла Перхурова.—Походъ Сирка подъ Черекопъ вмѣстѣ съ княземъ Каспулатомъ Муцаловичемъ, стольникомъ Леонтьевымъ, стрѣleckимъ головой Лукашкинымъ, донскимъ атаманомъ Минаевымъ, киргизскимъ мурзой Мазаномъ.—Разсказъ о томъ же походѣ Сирка въ Крымъ Самойломъ Величкомъ 487—501

Глава двадцать третья. Планъ турецкаго султана Мухаммада IV о разрушеніи Сичи.—Присылка имъ въ Крымъ 15.000 человекъ янычаръ.—Походъ крымскаго хана въ 40.000 татаръ и 15.000 янычаръ въ Сичу, случайный спаситель Сичи Шевчикъ.—Избѣженіе тринадцати съ половиной тысячъ янычаръ въ Сичи.—Погоня козаковъ за ханомъ и очищеніе Сичи отъ непріятельскихъ труповъ.—Письмо хана въ Сичь съ просьбой о выкупѣ плѣнныхъ.—Походъ Сирка въ Крымъ, раздѣленіе на двѣ половины войска и страшный погромъ Крыма, возвращеніе назадъ, отдыхъ въ степи и избѣженіе 4.000 человекъ христіанъ.—Прибытіе Сирка въ Сичу и отправка листа крымскому хану и смѣхотворнаго письма турецкому султану..... 502—518

Глава двадцать четвертая. Дружба и вражда Самойловича къ Сирку.—Доносы Самойловича на Сирка въ Москву и оправдательное письмо Сирка къ царю.—Сношенія Сирка съ Дорошенкомъ и старанія его склонить гетмана на сторону Москвы.—Присяга Дорошенка московскому царю.—Присяга запорожцевъ новому царю Оедору Алексѣевичу.—Старое дѣло Сирка—просьба о принятіи Дорошенка въ подданство царя. Страніе Самойловича о разрывѣ дружбы между Дорошенкомъ и Сиркомъ.—Недоразумѣніе между запорожцами и Самойловичемъ.—Инструкція Самойловича для усмиренія Сирка и Дорошенка и для прибрания къ рукамъ запорожскихъ козаковъ.—Продолженіе сношеній Сирка съ Дорошенкомъ.—Упреки Самойловича Сирку по этому поводу.—Доносъ Самойловича на Сирка въ Москву и оправдательное письмо кошевого 519—536

Глава двадцать пятая. Окончательная развязка съ Дорошенкомъ.—Походъ Сирка противъ татаръ.—Первый походъ турокъ подъ Чигиринъ.—Исканіе дружбы у Сирка со стороны царя, султана и хана.—Сношеніе Сирка съ Юріемъ Хмельницкимъ.—Прибытіе въ Сичу царскихъ пословъ Перхурова и Карандѣва.—Переписка Сирка съ Самойловичемъ.—Бѣгство турокъ и татаръ изъ-подъ Чигирина.—Уклоненіе Сирка отъ похода къ Чигирину и укорительное письмо по этому поводу гетмана кошевому.—Приѣздъ царскаго посла въ Сичу съ распросомъ о причинахъ уклоненія Сирка отъ похода.—Отвѣтъ на этотъ запросъ Сирка и запорожцевъ.—Возвращеніе посла въ Москву и рассказъ его о замыслахъ и дѣйствіяхъ запорожцевъ 537—557

Глава двадцать шестая. Угроза со стороны турокъ и татаръ московскому царю.—Слухи о сношеніяхъ Сирка съ турецкимъ султаномъ, крымскимъ ханомъ и гетманомъ Юріемъ Хмельницкимъ.—Извѣщеніе отъ Сирка Самойловичу о движеніи враговъ къ Чигирину.—Отправка Сиркомъ къ гетману письма Юрія Хмельницкаго.—Совѣтъ Сирка о разрушеніи Чигирина и просьба о присылкѣ ключей въ Сичь.—Недовольство гетмана тѣмъ и другимъ и увѣщательное письмо его къ кошевому.—Вѣрность Сирка русскому царю.—Угрозы Сирку со стороны султана.—Неудача русскихъ и малорос-

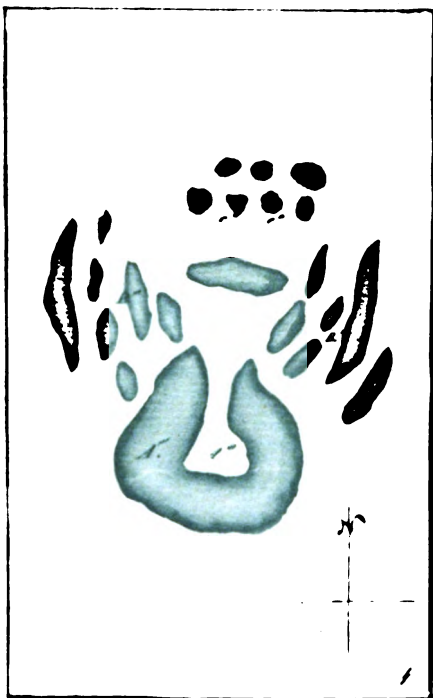
сїйскихъ козаковъ подъ Чигириномъ.—Подвигъ Сирки на Днѣпрѣ.—
 Сношенія его съ ханомъ и походъ его на Кызыкермень и Тавань.—
 Смерть Сирка.—Преданія и пѣсни о немъ.—Моровая язва въ Запо-
 рожьѣ осенью 1680 года.—Проѣздъ черезъ Запорожье московскихъ
 пословъ Зотова и Тяпкина въ Бахчисарай для заключенія мира.—
 Новый кошевой атаманъ Волошанинъ.—Прелестные листы Яна Со-
 бѣскаго къ запорожцамъ и увѣщательный универсалъ гетмана къ
 запорожцамъ по этому поводу.—Смерть Ѳедора Алексѣевича и при-
 сяга запорожцевъ Петру.—Объявленіе запорожцамъ условій андру-
 совскаго перемирія съ поляками 558—611

Приложеніе. Вопросъ о взятіи козаками города Кафы 613—614

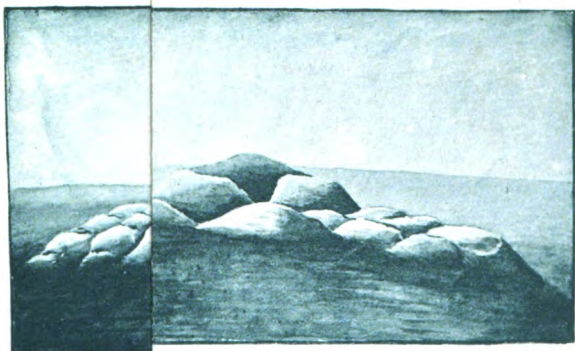
Ъскаго лагеря.

Земляное укрѣпл
Нико

Земляное укрѣплєніє близъ сельца
Камчатки.

ѣй видъ, укрѣплєнія № 2-ой.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

day is incurred the specified

tly.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

34/505
CANCELLED
MAR 30 1985

WIDENER BOOK DUE
FEB 89 1982
7237
CANCELLED
NOV 15 1985
1606326

BOOK DUE
CANCELLED
TR 448

WIDENER BOOK DUE
NOV 7 1989
791622
CANCELLED
JUL 1 8 1989
STALL STUDY
WIDENER BOOK DUE
FEB 17 1989
2932419

BOOK DUE - W
CANCELLED

